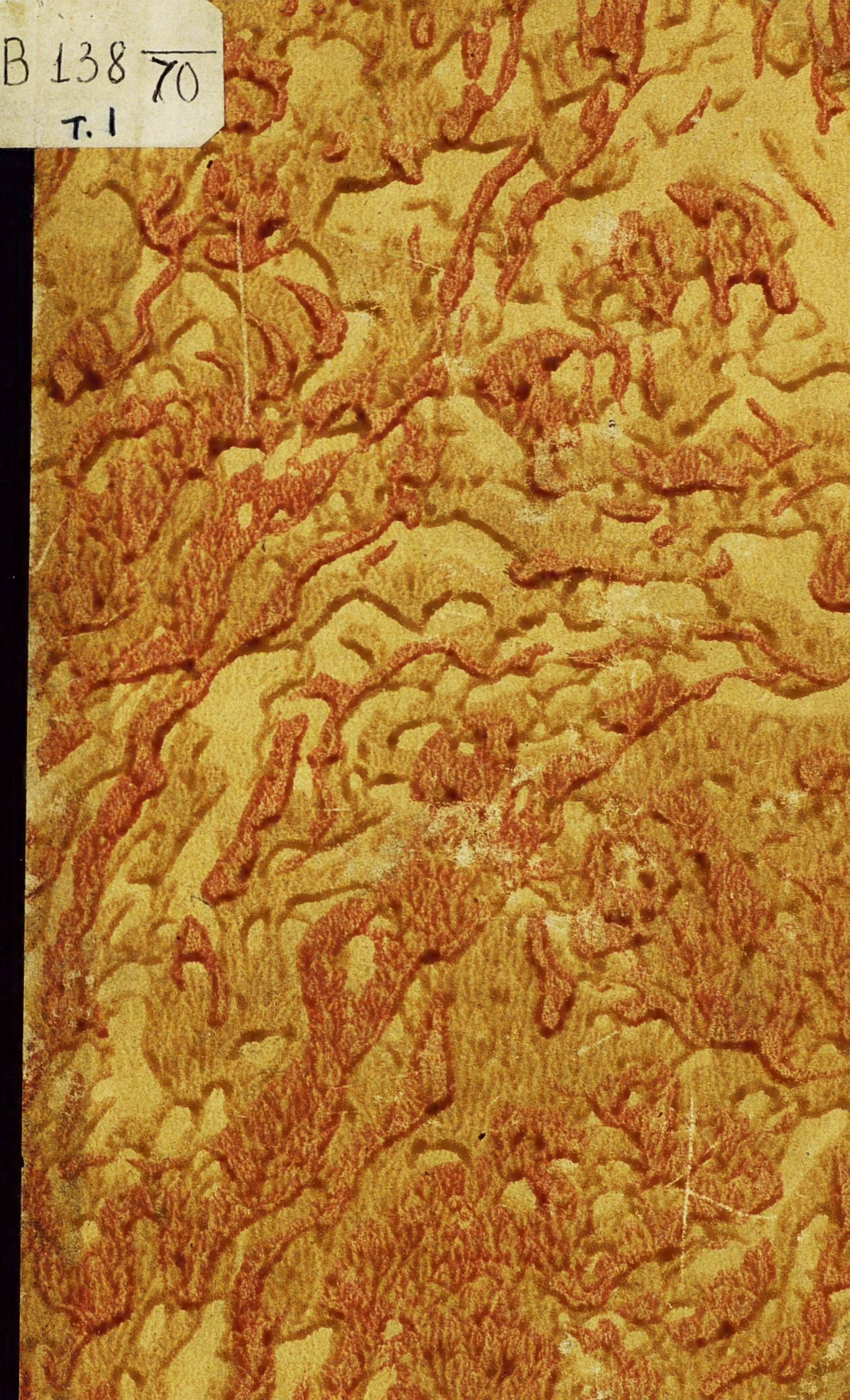

B 138 70
T. I

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ ВЪ РОССІИ

ВЪ ОСОБЕННОСТИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

ИСТОРІЯ

ОБРАЗОВАНІЯ РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА СРАВНИТЕЛЬНО СЪ АНАЛОГИЧНЫМИ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИМИ УЧРЕЖДЕНІЯМИ.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея

В. Г. ЩЕГЛОВА.

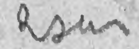
Томъ первый.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литографія М. Х. Фалькъ, Духовская ул., соб. домъ.

1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

памяти графа М. М. Сперанскаго

въ воспоминаніе пятидесятилѣтія со дня его смерти

(1839—1889 г.).

«Великія государства движутся установленіями, лица перемѣняются и умираютъ, а духъ установленій живетъ и въ теченіе многихъ столѣтій охраняетъ ихъ основанія».

(„Записка о необходимости учрежденія государственнаго совѣта“ графа Сперанскаго).

«Въ государствѣ все зависитъ отъ учрежденій законовъ, ибо и управленіе есть послѣдствіе оныхъ».

(„Разсужденіе объ учрежденіи высшихъ правительственныхъ мѣстъ въ Россіи“ Балугьянскаго).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

II

Глава первая.

Общественное и политическое устройство въ удѣльно-вѣчевой и московскій періодъ русской исторіи.—Древне-русскій политическій бытъ до и послѣ призванія Рюрика. Отношенія дружины къ князю и земщинѣ и политическія права дружины въ кіевской Руси, ростовскомъ княженіи и остальныхъ русскихъ княжествахъ (286—308 с.). Положеніе бояръ въ московскомъ государствѣ (309—315 с.). Участіе московскихъ бояръ въ объединеніи удѣльно-вѣчевой Руси подъ властью московскаго государя и отношенія бояръ къ великимъ князьямъ московскимъ (315—325 с.). Политическая сила бояръ при великихъ князьяхъ Димитріи Ивановичѣ Донскомъ (325—329 с.), Василіи Димитріевичѣ и Василіѣ Васильевичѣ Темномъ (329—336 с.). Политическія права бояръ во вторую половину удѣльнаго періода и первую—исторіи московскаго государства, причины быстраго развитія власти московскихъ государей и ослабленія политическаго значенія бояръ (336—350 с.). Аристократическій характеръ удѣльно-вѣчеваго періода русской исторіи. Составъ и компетентность боярской думы въ кіевской Руси и московскомъ государствѣ до великаго князя Ивана Васильевича III (351—362 с.). Аристократическія начала политическаго быта древняго Новгорода, Пскова, галицкаго и литовскаго княжества (362—387 с.). Паденіе политическаго значенія московскихъ бояръ со времени Іоанна Васильевича III, борьба Іоанна Грознаго съ боярами изъ за политическаго преобладанія въ странѣ и побѣда его надъ ними; вліяніе бояръ на управленіе въ концѣ московскаго періода. Постепенное исчезновеніе политическихъ правъ московскихъ бояръ, присвояемыхъ московскими царями—Іоанномъ Васильевичемъ III и Василіемъ Ивановичемъ (387—409 с.). Боярское правленіе въ эпоху малолѣтства Грознаго и отно-

шенія его къ боярамъ. Политическій характеръ переписки Грознаго съ княземъ Курбскимъ и средства борьбы Іоанна IV съ боярствомъ (клятвенныя записи, опричнина и др.)—410—434 с. Положеніе бояръ въ московскомъ государствѣ при Ѳеодорѣ Ивановичѣ, Борисѣ Годуновѣ, Лжедимитріи, Василіѣ Ивановичѣ Шуйскомъ и въ эпоху междуцарствія (434—460 с.). Вліяніе бояръ на избраніе Михаила Ѳеодоровича на русскій престолъ, степень ихъ участія въ управленіи государствомъ при этомъ царѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ (460—474 с.). Переходный характеръ второй половины исторіи московскаго государства XV—XVII в. (474—477 с.). Составъ и компетентность боярской думы въ это время и отношеніе ея къ приказамъ (477—492 с.).

Глава вторая.

Высшее сословіе въ русскомъ обществѣ XVIII ст. и организація центральнаго управленія отъ Петра I до Александра I.—Формулированіе принципа самодержавной и неограниченной власти русскаго монарха въ XVIII ст. (при императорѣ Петрѣ I и Екатеринѣ II); окончательное образованіе изъ московскихъ бояръ служилаго сословія, дворянства. Характеръ попытокъ русскаго дворянства въ XVIII в. упрочить за собой политическую самостоятельность въ государствѣ и причины неудачи осуществленія властолюбивыхъ плановъ русской аристократіи (492—500 с.). Организація дворянскаго сословія отъ Петра I до Александра I (500—509 с.). Общія черты историческаго образованія русскаго высшаго управленія въ XVIII в. и причины безпрерывной смѣны однихъ высшихъ учрежденій другими (509—515 с.). Отношеніе Петра I къ боярамъ и боярской думѣ; образованіе ближней канцеляріи, сената и коллегій. Составъ сената, его правительственныя функціи и отношеніе сената

къ мѣстнымъ учрежденіямъ при Петрѣ I (516—527 с.). Аристократическія партіи при воцареніи Екатерины I, учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и отношеніе его къ сенату и коллегіямъ. Компетентность В. Т. Совѣта при Екатеринѣ I (528—548 с.). Роль русской знати при возшествіи на престолъ Петра II и въ теченіе его царствованія. Отношеніе В. Т. Совѣта къ сенату, синоду, коллегіямъ и частному кабинету императора Петра II. Права В. Т. Совѣта въ сферѣ законодательства, администраціи и суда (548—572 с.). Характеръ событій 1730 г. и участіе въ нихъ высшаго и средняго дворянства („верховниковъ" и шляхетства); внутренняя связь властолюбивой попытки русской аристократіи въ это время съ аналогичными планами московскаго боярства XVII ст. (573—586 с.). Ходъ событій 1730 г., роль въ нихъ старо-русской, аристократической партіи, шляхетства, высшаго духовенства и знатныхъ иноземцевъ. Возстановленіе самодержавія при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ (587—607 с.). Положеніе при ней русскаго дворянства, уничтоженіе В. Т. Совѣта и возстановленіе правительствующаго сената. Реформы въ организаціи сената и его права въ управленіи въ началѣ царствованія Анны Ивановны (608—613 с.). Учрежденіе Кабинета и его сходство и различіе отъ В. Т. Совѣта. Отношеніе кабинета къ сенату и коллегіямъ. „Генеральныя собранія" сената съ кабинетомъ и увеличеніе правительственнаго значенія сената въ концѣ царствованія Анны Ивановны. Кругъ вѣдомства Кабинета при этой императрицѣ (614—625 с.). Кабинетъ при императорѣ Иванѣ Антоновичѣ; сходство и различіе Кабинета при этомъ государѣ отъ В. Т. Совѣта и Кабинета при Аннѣ Ивановнѣ. Права сената при Иванѣ Антоновичѣ (625—632 с.). Уничтоженіе Кабинета при Елизаветѣ Петровнѣ, возстановленіе правительствующаго сената и учрежденіе Конференціи. Особенное развитіе правительственныхъ правъ сената при Елизаветѣ

Петровнѣ и причины этого факта Усиленіе значенія въ управленіи Конференціи во вторую половину царствованія Елизаветы Петровны, организація Конференціи, ея права и отношенія къ сенату, синоду и прочимъ административнымъ учрежденіямъ (633—647 с.). Образованіе совѣта при Петрѣ Ш (647—652 с). Общій характеръ реформъ въ русскомъ управленіи императрицы Екатерины II. Проэктъ графа Н. И. Панина объ образованіи аристократическаго государственнаго совѣта въ Россіи; возраженія противъ проэкта друзей и политическихъ противниковъ Панина и причины, помѣшавшія его осуществленію (652—666 с.). Заботы Екатерины II объ образованіи государственнаго совѣта въ Россіи, какъ монархическаго, законосовѣщательнаго учрежденія. Учрежденіе „Совѣта при Высочайшемъ дворѣ" и наказъ ему. Составъ совѣта и общія черты его дѣятельности при Екатеринѣ II (666—676 с.). Реформа сената и проэкты о новомъ его преобразованіи вмѣстѣ съ учрежденіемъ губерній (676—683 с.) Реформы Екатерины II въ администраціи (права генералъ-прокурора и другихъ лицъ въ управленіи). Общій результатъ преобразовательной дѣятельности императрицы Екатерины II (683—687 с.). Планъ государственныхъ реформъ императора Павла I и его дѣятельность по дальнѣйшему преобразованію высшихъ русскихъ учрежденій. Составъ „Высочайшаго совѣта" и законодательный характеръ его дѣятельности. Права генералъ-прокурора при Павлѣ Петровичѣ и учрежденіе при немъ первыхъ министерствъ. Характеръ дѣятельности сената и общій итогъ преобразованій въ высшемъ управленіи Павла I (687—701 стр).

Глава третья.

Первая эпоха реформъ въ управленіи императора Александра Перваго.—Состояніе русскаго общества при возше-

ствіи на престолъ Александра I. Планъ его воспитанія составленный Екатериной II; вліяніе Лагарпа на воспитаніе и политическіе взгляды Александра Павловича. Его положеніе при дворѣ бабки и отца (702—713 с.). Главныя черты характера Александра Павловича и основныя его политическія стремленія. Отношеніе государя къ дворянству (713—726 с.). Партіи при дворѣ во время возшествія на престолъ Александра Павловича: партія консервативная и молодыхъ реформаторовъ. „Comite du salut public“. Характеристика политическихъ взглядовъ членовъ неофиціальнаго комитета и вліяніе ихъ и консервативной партіи на реформы первой половины царствованія Александра Павловича (726—732 с.). Преобразованіе совѣта—учрежденіе Непремѣннаго Совѣта и наказъ ему. Сравненіе непремѣннаго совѣта съ совѣтомъ при Екатеринѣ II и Павлѣ I. Общія черты дѣятельности непремѣннаго совѣта (733—740 с.). Причины паденія правительственнаго значенія непремѣннаго совѣта. Заботы неоффиціальнаго комитета объ устраненіи недостатковъ въ его организаціи. Реформа сената въ 1802 г. Мнѣнія о преобразованіи сената членовъ консервативной партіи: графа Завадовскаго, Державина и графа А. Р. Воронцова (740—750 с.) Работы неоффиціальнаго комитета и непремѣннаго совѣта надъ реформой сената (750—776 с.). Указъ о правахъ и обязанностяхъ сената и его оцѣнка; послѣдующія измѣненія въ организаціи сената и его дѣятельность въ первую эпоху царствованія Александра I (776—784 с.). Труды неоффиціальнаго комитета надъ образованіемъ министерствъ въ Россіи. Учрежденіе министерствъ въ 1802 г. и его оцѣнка. Измѣненія въ устройствѣ министерствъ въ 1803 г. Отношеніе министерствъ къ сенату и комитету министровъ. Общій результатъ преобразованій въ высшемъ управленіи въ первую половину царствованія Александра I (784—815 с.).

Глава четвертая.

Вторая эпоха административныхъ реформъ Александра Перваго.—Участіе Сперанскаго въ преобразованіяхъ этого періода преобразовательной дѣятельности Александра Павловича. „Проэктъ учрежденія губернскихъ мѣстъ" Сперанскаго и его оцѣнка (815—824 с.). Вліяніе на политическія воззрѣнія императора Александра и Сперанскаго Наполеона I и французскихъ государственныхъ учрежденій (824—826 с.). Общія черты „Проэкта уложенія государственныхъ законовъ" Сперанскаго и изложеніе содержанія этого проэкта (826—853 с.). Оцѣнка „Проэкта" Сперанскаго (853—860 с.). „Записка о необходимости учрежденія государственнаго совѣта" Сперанскаго (860—863 с.). Колебанія Александра Павловича относительно осуществленія плана Сперанскаго (863—867 с.). „Замѣчанія графа Кочубея на проэктъ образованія государственнаго совѣта Сперанскаго" (867—868 с.). Первое засѣданіе государственнаго совѣта, содержаніе манифеста объ его учрежденіи и „Образованія государственнаго совѣта" (869 - 879 с.). Измѣненія въ его организаціи послѣ образованія совѣта въ 1810 г. и до конца царствованія Александра I. Недостатки въ устройствѣ государственнаго совѣта по его „Образованію"; общія черты дѣятельности государственнаго совѣта во вторую половину царствованія Александра I (886—892 с.). Преобразованіе министерствъ въ 1811 г.,—Общее ихъ учрежденіе (892—900 с.). Реформа сената по проэкту Сперанскаго и положеніе его въ управленіи послѣ реформъ 1810—1811 г.г. (900—903 с.). Отношеніе министерствъ къ сенату и государственному совѣту; оцѣнка общаго учрежденія министерствъ (904—911 с.). Значеніе въ высшемъ управленіи комитета министровъ во вторую половину царствованія Александра Павловича и его организація въ это время (911—917 с.).

Взаимныя отношенія между высшими учрежденіями во вторую эпоху преобразованій императора Александра I: государственнымъ совѣтомъ, сенатомъ, комитетомъ министровъ и министерствами (917—925 с.). Общій взглядъ на состояніе высшаго управленія въ концѣ царствованія Александра I и положеніе въ немъ государственнаго совѣта (926—928 с.).

Заключеніе.

Взглядъ Карамзина на преобразованіе государственнаго совѣта въ 1810 году и его оцѣнка (929—937 с.). Сравненіе русскихъ совѣщательныхъ учрежденій съ аналогичными политическими институтами древняго и новаго времени: черты сходства и различія въ совѣщательныхъ учрежденіяхъ древнихъ и новыхъ народовъ, особенно же германскихъ и славянскихъ (937—966 с.). Сравненіе непремѣннаго совѣта съ англійскимъ тайнымъ совѣтомъ XVIII в. и государственнаго совѣта съ французскимъ государственнымъ совѣтомъ временъ консульства и первой имперіи (966—971 с.). Сравненіе „Образованія совѣта 1810 г.“ съ „Проэктомъ уложенія государственныхъ законовъ“ Сперанскаго (972—976 с.). Общее значеніе преобразованія государственнаго совѣта въ 1810 г. и національная черта его устройства (976—980 с.).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Царствованіе Александра Перваго (1801—1825) представляетъ собою одну изъ замѣчательныхъ эпохъ въ русской исторіи. Въ эту пору становится особенно замѣтною та тѣсная связь русскаго общества съ западно-европейскимъ, начало которой относится обыкновенно ко времени Петра Перваго. Вліяніе европейскихъ идей и учрежденій, послужившихъ образцами для общественныхъ преобразованій при Петрѣ Великомъ, не прекращалось въ Россіи въ теченіе всего XVIII вѣка и во второй его половинѣ выразилось въ широкой и плодотворной, просвѣтительной дѣятельности Императрицы Екатерины II-й, замѣчательными памятниками которой остались для послѣдующихъ поколѣній знаменитый „Наказъ коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія“, акты о созваніи и дѣятельности этой коммиссіи (1767 г.), учрежденіе о губерніяхъ, жалованныя грамоты дворянству и городамъ и акты дѣятельности Совѣта, образованнаго въ 1768 г.. Екатерина II поддерживала постоянныя сношенія съ Западной Европой, состояла въ перепискѣ съ энциклопедистами и извѣстными учеными (Дидро, Вольтеромъ, Гриммомъ и др.) и рѣшилась воспитать въ духѣ европейскихъ идей и своего любимаго внука и предполагаемаго наслѣдника престола, Александра Павловича. Французскія идеи вмѣстѣ съ обычаями стали проникать при Екатеринѣ II и въ высшій классъ русскаго общества, въ средѣ котораго появляются теперь сочиненія энциклопедистовъ и развиваются, до сихъ поръ неслыханныя, отвлеченныя понятія франкъ-масоновъ о высшихъ цѣляхъ жиз-

ни человѣка и о необходимости совершенствованія общества. Въ концѣ царствованія Екатерины II доходятъ (Радищевъ, Новиковъ) при помощи этихъ новыхъ для того времени взглядовъ до сознанія нѣкоторыхъ недостатковъ тогдашняго общественнаго устройства. При Александрѣ Первомъ этотъ интересъ лучшихъ русскихъ людей къ судьбѣ своего отечества, ихъ искреннее желаніе отыскать причины многочисленныхъ общественныхъ золъ и средства къ ихъ устраненію усиливаются еще болѣе, благодаря развитію образованности въ высшихъ слояхъ русскаго общества, гдѣ общеевропейское, умственное и политическое, движеніе XVIII вѣка оставило замѣтные слѣды. Благороднѣйшимъ представителемъ этого движенія въ Россіи былъ самъ Императоръ Александръ Павловичъ, воспитанный республиканцемъ Лагарпомъ и немедленно по вступленіи на престолъ приступившій къ реформамъ русскаго соціальнаго строя въ духѣ новыхъ политическихъ идей, раздѣлявшихся и ближайшими сотрудниками государя. Извѣстно, что многое изъ широкихъ, преобразовательныхъ плановъ Александра Перваго и, горячо ему сочувствовавшихъ, „членовъ неоффиціальнаго комитета", а впослѣдствіи и графа Сперанскаго, осталось невыполненнымъ по многимъ причинамъ. Но мысль о необходимости коренныхъ реформъ въ жизни русскаго общества продолжала жить въ Александрѣ I-мъ до конца его жизни, не смотря на рѣзкое измѣненіе въ характерѣ государя, замѣтное его охлажденіе къ идеямъ своей юности и разнообразныя, неблагопріятныя для ихъ осуществленія, внѣшнія обстоятельства. Не исчезли при Александрѣ слѣды преобразовательнаго направленія и въ русской жизни, гдѣ уже совершенныя государемъ реформы въ центральномъ управленіи нашли рѣзкаго и безпощаднаго критика въ лицѣ Карамзина. Вопреки ожиданіямъ русскаго исторіографа и сторонниковъ его воззрѣній, видѣвшихъ въ новыхъ учрежденіяхъ Государственнаго Совѣта и мини-

стерствъ лишь сколки съ иностранныхъ, французскихъ образцовъ, эти учрежденія привились къ русской администраціи и сдѣлались въ ней фундаментомъ всего послѣдующаго развитія центральнаго управленія. Поэтому правъ былъ Сперанскій, когда онъ писалъ изъ Перми Александру, что „ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ, какъ общее учрежденіе министерствъ“ [1]). То, что Сперанскій говоритъ здѣсь о министерствахъ, до извѣстной степени относится и къ Государственному Совѣту при Александрѣ I-мъ, который также стоитъ съ тѣхъ поръ во главѣ высшаго управленія въ Россіи непоколебимо въ существеннѣйшихъ основаніяхъ его „образованія“.

Важное соціально-политическое и административное значеніе въ русской исторіи эпохи Александра I-го давно уже сознано нашимъ обществомъ и интересъ къ ней особенно возросъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлались доступными русскимъ ученымъ многочисленные и разнообразные матеріалы, хранящіеся въ столичныхъ архивахъ и библіотекахъ, публичныхъ и частныхъ. Многіе изъ архивныхъ актовъ XVIII и XIX вѣка напечатаны и продолжаютъ печататься еще и теперь въ спеціальныхъ историческихъ журналахъ и сборникахъ: „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества“ (70 т. съ 1868 по 1890 г.), „Русской Старинѣ“ (68 т., изд. съ 1870 г.), „Русскомъ Архивѣ“ (съ 1863 г., 81 т.), „Осьмнадцатомъ и девятнадцатомъ вѣкѣ“ Бартенева (1868—72, 6 т.), „Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“ (1846—89), „Архивѣ князя Воронцова“ (съ 1870, 36 т.), „Архивѣ Министерства Юстиціи“ (съ 1869 г., 6 т.), „Древней и Новой Россіи“ (1875—80 г., 18 т.), Историческомъ и Русскомъ Вѣстникахъ и Вѣстникѣ Европы. Сырой, необработанный матеріалъ по исторіи управле-

1) Богдановичъ: „Исторія царствованія Александра Перваго“, т. V, приложеніе, 50 стр.

нія въ александровскую эпоху находится, кромѣ 1-го Полн. Собранія Законовъ (XXVI—XL т.т.), еще въ извѣстномъ спеціалистамъ „Архивѣ Государственнаго Совѣта“, изданномъ *Н. В. Калачовымъ* (4 т.); 2-й томъ этого „Архива“, невошедшій въ изданіе Калачева, появился также недавно (въ 1888 году), а приготовленіе къ печати V тома этого драгоцѣннаго архивнаго сборника, на сколько намъ извѣстно, быстро подвигается впередъ. Къ числу такихъ-же сборниковъ относятся: „Журналы Комитета Министровъ въ царствованіе Александра I-го“ (1802—1810), изданные статсъ-секретаремъ *Куломзинымъ*, „Письма графа Сперанскаго“—академикомъ *Бычковымъ*, многочисленные историческіе матеріалы XVIII—XIX в. и, между прочимъ, „Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта“, помѣщенные академикомъ *Дубровинымъ* въ Сборникѣ Русскаго Историческаго общества (въ 4-хъ его томахъ). „Сборникъ историческихъ памятниковъ и документовъ, относящихся къ XVIII и XIX вѣкамъ въ русской исторіи“ *Михайлова* и мн. др. Что-же касается литературныхъ трудовъ по исторіи Россіи въ XVIII и началѣ XIX столѣтія, то сюда относится цѣлый рядъ сочиненій, болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ: *Богдановича:* „Исторія царствованія Александра I-го“ (6 т.), *Корфа:* „Жизнь графа Сперанскаго“, *Пыпина:* „Общественное движеніе при Александрѣ I-мъ“, *Галактіонова:* „Императоръ Александръ I-й и его царствованіе“, *Надлера:* „Императоръ Александръ I-й и идея священнаго союза“ (4 ч.), *Ковалевскаго*: „Графъ Блудовъ и его время“, *Иконникова*: „Графъ Мордвиновъ“ и *Сухомлинова:* „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“ (статья о Лагарпѣ). Эпоха Александра I-го сдѣлалась предметомъ даже спеціальныхъ сочиненій и мемуаровъ въ иностранной литературѣ: Storch'a: „Russland unter Alexander dem Ersten“ (6 т.), Schnitzler'a „Histoire intime de la Russie“, N. Tourgueneff: „La Russie et les Russes“ (2 т.), Memoires

prince A. Czartorysky (2 т.), Mazade: „Alexandre et le prince Czartorysky“, Masson: „Memoires secretes de la Russie“ (3 ч.). Crusenstolpe: „Der russischer Hof von Peter I bis auf Nicolaus I“ (6 ч.). Этотъ списокъ мемуаровъ значительно увеличивается мемуарами Шуазель-Гуфье и записками иностранцевъ, въ которыхъ такъ или иначе описываются лица, учрежденія и событія XVIII вѣка, имѣющія извѣстное отношеніе къ эпохѣ Александра I-го: „Memoires de Comte de Segur (3 т.), Записки герцога де *Лиріи*, леди *Рондо*, *Кастера*, *Сабатье-де-Кабръ*. Необходимо упомянуть также о запискахъ *Дашковой*, *Мертваго*, *Манштейна*, *Грибовскаго*, *Миниха*, *Храповицкаго*, *Державина*, *Дмитріева*, *Вигеля*, *Н. Греча* и знаменитой „Запискѣ о древней и новой Россіи“ *Карамзина*. Наконецъ, періодъ русской исторіи отъ Петра I-го и до Николая I-го нашелъ солидную обработку въ многочисленныхъ и обширныхъ трудахъ русскихъ историковъ: *С. М. Соловьева*, *Бестужева-Рюмина*, *Костомарова*, *Устрялова* и историковъ-юристовъ: *Неволина*, *Бѣляева*, *Ѳ. Дмитріева*, *Андреевскаго*, *Загоскина*, *Петровскаго*, *Градовскаго*, *В. М. Сергѣевича*, *Романовичъ-Словатинскаго* и *Владимірскаго-Буданова*.

Какъ ни великъ и обширенъ, повидимому, весь этотъ матеріалъ, архивный и литературный, все таки, однимъ только его изученіемъ нельзя было ограничиться при изслѣдованіи вопроса о Государственномъ Совѣтѣ при Александрѣ I-мъ. Прежде чѣмъ приняться за эту трудную, но при современной полнотѣ матеріаловъ возможную работу по исторіи образованія главнѣйшаго и высшаго учрежденія въ русскомъ центральномъ управленіи, мы рѣшились обратиться къ изученію тѣхъ актовъ въ Архивѣ Государственнаго Совѣта, которые не вошли въ сборникъ Калачева, бумагъ графа Сперанскаго въ И. П. Библіотекѣ и дѣлъ Комитета 6 декабря 1826 года, хранящихся въ Государственной Канцеляріи. Наши

ожиданія найти во всѣхъ этихъ собраніяхъ сырыхъ, необработанныхъ документовъ нужный для труда архивный матеріалъ оправдались вполнѣ. Особенно важными для исторіи высшаго управленія Россіи вообще, а также и исторіи образованія въ ней Государственнаго Совѣта при Александрѣ I-мъ оказались дѣла Комитета 6 дек., гдѣ находятся, нигдѣ еще ненапечатанныя, бумаги извѣстныхъ дѣятелей всего александровскаго царствованія, разнообразные проэкты, мнѣнія и записки графа Сперанскаго („Обозрѣніе гражданскихъ установленій“), Балугьянскаго, графа Кочубея, графа Дибича, сенатора П. Сумарокова и др. Въ Архивѣ Государственнаго Совѣта мы познакомились съ замѣчательной запиской графа Сперанскаго „О необходимости учрежденія Государственнаго Совѣта“ [1]), которая вмѣстѣ съ другими архивными дѣлами Общаго Собранія Государственнаго Совѣта и Комитета Предсѣдателей его Департаментовъ представляетъ собою драгоцѣнный, непосредственный источникъ для исторіи образованія Государственнаго Совѣта при Александрѣ I-мъ. Въ отдѣленіи рукописей И. П. Библіотеки намъ были доступны также бумаги графа Сперанскаго и въ числѣ ихъ оригиналъ извѣстнаго его „Государственнаго Уложенія“, отрывки изъ котораго были напечатаны въ сочиненіяхъ Н. Тургенева, Пыпина и статьѣ В. И. Сергѣевича [2]). Наконецъ, нѣкоторые документы по исторіи Государственнаго Совѣта были найдены нами и въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (въ Москвѣ).

Весь этотъ обильный и разнообразный, имѣющійся у насъ

---

1) Эту записку, въ виду ея особенной важности для нашего изслѣдованія, мы помѣщаемъ въ полномъ видѣ въ прибавленіи къ нашей книгѣ; добавленіемъ къ запискѣ Сперанскаго служатъ любопытныя замѣчанія графа Кочубея на его проэктъ объ образованіи Государственнаго Совѣта (1809 г.), также прилагаемыя нами.

2) „Право и государство въ исторіи“ (Сборникъ государственныхъ знаній, 7 т.).

подъ руками, матеріалъ для труда о Государственномъ Совѣтѣ при Александрѣ I-мъ мы должны были обработать научнымъ образомъ для того, чтобы дать полное и обстоятельное изслѣдованіе всего вопроса [1]). Для достиженія этой цѣли намъ предстояло обратиться къ одному изъ методовъ, существующихъ въ современной исторіи права: историческому или сравнительно-историческому. При пользованіи первымъ методомъ наша задача значительно упрощалась, сводилась къ изученію Государственнаго Совѣта, догматическому изложенію его образованія только въ послѣднюю, заключительную фазу его историческаго развитія при Александрѣ I-мъ или, въ крайнемъ случаѣ, къ изслѣдованію всего процесса этого развитія. Сравнительно-историческій методъ, напротивъ, обязывалъ насъ ввести въ свою работу исторію учрежденій у другихъ народовъ, которыя аналогичны русскому Государственному Совѣту. Мы предпочли слѣдовать этому послѣднему методу, хотя и болѣе трудному, но за то въ тоже время и болѣе плодотворному по своимъ результатамъ. Послѣдующее изложеніе главныхъ основаній обоихъ методовъ, а также и ихъ сравнительныхъ достоинствъ покажетъ, почему мы избрали въ своемъ сочиненіи не просто историческую, а сравнительно-историческую методу.

Историческій методъ изученія исторіи права обязанъ своимъ возникновеніемъ исторической школѣ права, основателемъ которой былъ знаменитый *Савиньи*. Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Vom Beruf unserer Zeit fur Gesetzgebung und Rechtswissenschaft“ (1814 г.) Савиньи высказалъ взглядъ на право, какъ на необходимый результатъ общаго народнаго убѣж-

1) Въ русской литературѣ есть только одно спеціальное сочиненіе: „Исторія образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи“ Даневскаго (1859 г.), въ которомъ авторъ даетъ краткую, оффиціальную исторію высшихъ учрежденій съ древнѣйшихъ временъ до Александра I-го и—Государственнаго Совѣта при немъ и Николаѣ I-мъ. Трудъ Даневскаго—сухой перечень матеріаловъ, приводимыхъ въ хронологическомъ порядкѣ.

денія. Право свойственно народу также, какъ его языкъ, нравы и политическія учрежденія. Оно возникаетъ въ народѣ независимо отъ произвола законодателя въ силу закона внутренней необходимости, изъ дѣйствующихъ въ тиши народныхъ силъ. Между сущностью и характеромъ народа и правомъ существуетъ внутренняя, органическая связь, которая сохраняется между ними въ теченіе всей исторіи народа. Право образуется вмѣстѣ съ народомъ, переходитъ тѣже ступени, которыя переживаетъ и народъ, и погибаетъ вмѣстѣ съ утратой національныхъ особенностей (8—12 стр.). Такимъ образомъ, Савиньи признаетъ только то право, которое существуетъ у того или другаго народа, какъ продуктъ его національнаго развитія, и высказываетъ непоколебимую увѣренность въ непроизвольномъ, безсознательномъ возникновеніи права изъ невѣдомой глубины народнаго духа, исключающемъ всякую возможность дѣятельности законодателя и заимствованій извнѣ. Процессъ развитія права совершается, по мысли Савиньи, въ связи съ извѣстными историческими условіями народной жизни, но въ числѣ этихъ условій не должно быть никакихъ чужихъ примѣсей, никакихъ учрежденій, заимствованныхъ у другихъ народовъ. Историческій методъ въ такомъ видѣ исключалъ всякую возможность сравненія между юридическими и политическими учрежденіями у различныхъ народовъ, не давалъ изслѣдователю никакого масштаба для оцѣнки относительныхъ достоинствъ и недостатковъ права у даннаго народа [1]). При его помощи можно разъяснить только право у извѣстнаго народа изъ историческихъ, положительныхъ его источниковъ, юридическихъ памятниковъ, изучить національное право въ зависимости отъ совокупности всѣхъ историческихъ условій общественной жизни, состоянія общества въ различныя эпохи его развитія, но

1) Сергѣевичъ: „Задача и метода государственныхъ наукъ“ (1871 г., Москва), стр. 51—52, 158 и 208.

совершенно невозможно дойти до раскрытія общихъ законовъ въ развитіи всего права [1]) и отдѣльныхъ юридическихъ и политическихъ учрежденій.

Съ точки зрѣнія историческаго метода и, притомъ, въ самой узкой, односторонней его формѣ исторія образованія Государственнаго Совѣта начинается у покойнаго профессора Градовскаго только съ 1810 года. Градовскій рѣшительно отказывается признать какую-либо генетическую связь александровскаго совѣта съ, предшествовавшими ему, совѣтами разныхъ наименованій [2]). Государственный Совѣтъ александровской эпохи есть, говоритъ онъ, по мысли основателя законодательное учрежденіе, между тѣмъ какъ всѣ другіе совѣты были установленіями, неопредѣленными по своей организаціи и кругу вѣдомства [3]): они были вызваны случайными обстоятельствами, олигархическими стремленіями старыхъ боярскихъ родовъ или-же личными выгодами иноземцевъ [4]), и были предназначены, главнымъ образомъ, для вопросовъ внѣшней политики и особенныхъ дѣлъ [5]). Но указаніе на неопредѣленность функцій совѣтовъ до Александра I-го не оправдываетъ отрицанія всякой генетической ихъ связи съ александровскимъ Государственнымъ Совѣтомъ: смѣшеніе разнообразныхъ функцій власти въ одномъ или нѣсколькихъ учрежденіяхъ—характерная черта всего управленія въ примитивную и долго и въ историческую эпоху жизни каждаго государства и точное раздѣленіе функцій власти между различными учрежденіями—слѣдствіе долгаго процесса историческаго развитія управленія и, кромѣ того, зависитъ много отъ своеобразныхъ условій народной жизни. Даже

---

1) Сергѣевичъ: „Задача и метода государственныхъ наукъ“, 208 стр.

2—3) Градовскій: „Начала русскаго государственнаго права“. С.-Петерб., 1876, 70—75 стр.

4) Онъ-же: „Высшая администрація России XVIII ст.“. С.-Петербургъ, 1866, 138—9, 153, 262 и 270 стр.

5) Онъ-же: „Начала русскаго государственнаго права“, т. 2, ibid.

александровскій Государственный Совѣтъ не выражалъ вполнѣ первоначальную мысль его основателя (графа Сперанскаго) и очень скоро сдѣлался, по словамъ Градовскаго-же, высшимъ учрежденіемъ, гдѣ на ряду съ законодательными вопросами разсматривались важнѣйшія административныя мѣры, а потомъ и судебныя дѣла [1]). Что касается олигархическихъ стремленій боярскихъ родовъ, то они возникли и развились, по словамъ Градовскаго, въ самой русской жизни [2]), и неразрывная связь ихъ съ исторіей совѣтовъ до Александра I-го имѣетъ глубокое соціально-политическое значеніе, объясняетъ многое въ исторіи развитія всего русскаго высшаго управленія. Употребленіемъ того-же узкаго историческаго метода, въ силу котораго Градовскій отрицаетъ внутреннюю, органическую связь учрежденій, различныхъ по имени, но сходныхъ по своимъ функціямъ, объясняется и противорѣчіе въ его взглядахъ на общее политическое значеніе Государственнаго Совѣта, который въ исторіи, говоритъ онъ, неразлученъ съ королевской прерогативой и въ тоже время является самымъ измѣнчивымъ изъ всѣхъ западно-европейскихъ установленій, отличается разнообразіемъ функцій и самостоятельнаго значенія у европейскихъ народовъ [3]). Впрочемъ, оба послѣднія воззрѣнія на Государственный Совѣтъ встрѣчаются не у одного Градовскаго, но и у многихъ французскихъ ученыхъ, разсматривающихъ это учрежденіе лишь съ точки зрѣнія монархическаго его характера [4]), и Л. ф. Штейна, который также находитъ, что Государственный Совѣтъ среди другихъ политическихъ учрежденій носитъ особенно измѣнчивый и непостоянный характеръ [5]). Но

1—2) Градовскій: „Высшая администрація Россіи XVIII ст.“, 138—9, 153, 262 и 270 стр.

3) Онъ-же: „Начала русскаго государственнаго права“, т. 2, 58 стр.

4) См., напр., Regnault: „Histoire du Conseil d'Etat“, Paris, 1853, 3 p. et suiv., Vidaillan: „Histoire des conseils du roi“, Paris, 1856, I p., introd. и др.

5) L. v. Stein: „Die Vollzieende Gewalt“, 179 s.

Штейнъ изучаетъ исторію Государственнаго Совѣта въ европейскихъ государствахъ съ болѣе широкой точки зрѣнія, различаетъ нѣсколько эпохъ въ процессѣ его образованія, хотя и не обозначаетъ существенные признаки каждой изъ нихъ. Такъ въ первую сословную эпоху общественной западно-европейской жизни Государственный Совѣтъ имѣлъ въ управленіи, по словамъ Штейна, туже чисто личную, монархическую форму, какъ и въ послѣдующую пору, когда монархическая власть смѣнила господство феодальныхъ сеньоровъ въ государствѣ. Наконецъ, тотъ-же смѣшанный и второстепенный характеръ только совѣщательнаго учрежденія при короляхъ Государственный Совѣтъ занимаетъ, по Штейну, и въ различныхъ европейскихъ государствахъ, начиная съ XVIII столѣтія и до сего времени. Такой странный взглядъ Штейна на одинаковую роль Государственнаго Совѣта въ управленіи при разныхъ формахъ соціальной организаціи получился у него оттого, что Штейнъ видитъ въ Государственномъ Совѣтѣ только органъ, имѣющій своей задачей помогать конституціонному монарху въ отправленіи функцій его власти, какъ главы государства, законодательства и управленія [1]). Это положеніе въ центральномъ управленіи Государственный Совѣтъ можетъ занять лишь при отдѣленіи законодательной функціи отъ исполнительной, изъ которыхъ первая сосредоточивается въ народномъ представительствѣ, а вторая въ министерствѣ. Недостаточность разграниченія законодательства и исполнительной власти въ новѣйшихъ европейскихъ государствахъ и служитъ, по мнѣнію Штейна, причиной неопредѣленнаго положенія въ нихъ Государственнаго Совѣта [2]). Но конституціонное государство появилось въ Европѣ сравнительно недавно, въ Англіи въ началѣ XVIII ст., а въ континентальныхъ европейскихъ государствахъ въ кон-

---

1—2) Stein, ibid., 179—180 и 185 s.

цѣ XVIII в. и даже началѣ XIX-го. Между тѣмъ, Государственный Совѣтъ существовалъ и, притомъ, нерѣдко съ самостоятельнымъ, политическимъ, опредѣленнымъ характеромъ во всѣхъ западно-европейскихъ средневѣковыхъ государствахъ, а аналогичныя съ нимъ учрежденія были извѣстны еще ранѣе, въ древнемъ мірѣ. Во взглядахъ Штейна на образованіе Государственнаго Совѣта вѣрны лишь его указаніе на нѣсколько эпохъ въ процессѣ развитія этого учрежденія и косвенный намекъ на связь различныхъ стадій этого развитія съ отношеніемъ между сословіями и монархическою властью. Эта бытовая сторона въ исторіи образованія Государственнаго Совѣта, изслѣдованіе которой только въ состояніи пролить свѣтъ на видную соціально-политическую и административную роль этого учрежденія при разныхъ формахъ политическаго быта, ускользнула отъ вниманія Штейна, употребляющаго въ своихъ многочисленныхъ трудахъ по вопросамъ государственнаго права и соціально-экомическимъ „соединенную методу“,—отвлеченные пріемы философіи Гегеля вмѣстѣ съ наблюденіемъ историческихъ фактовъ [1]). Вліяніе вполнѣ отвлеченной, философской методы и историческаго способа изученія права выражается въ сочиненіяхъ почти всѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ (Варнкбнига, Шеффнера, Вайца, Эйхгорна и др.) [2]). И только въ послѣднее время замѣчаются у нѣкоторыхъ изъ нихъ попытки приложенія къ исторіи права сравнительно-историческаго метода, который признанъ въ французской, англійской и русской юридической литературѣ бузусловно необходимымъ методомъ изслѣдованія всѣхъ вопросовъ соціальнаго и историко-юридическаго характера.

Во *Франціи*, гдѣ впервые появилось (у Конта) ученіе о положительномъ методѣ изученія соціальныхъ явленій, сравнительное изученіе права у различныхъ народовъ было по-

1—2) Сергѣевичъ: „Задача и метода государственныхъ наукъ“, 51—52, 109—122 и 181 стр.

ставлено прочно еще въ началѣ XIX столѣтія, когда въ Collège de France была учреждена кафедра сравнительной исторіи законодательства, которую и занялъ извѣстный историкъ-юристъ *Пасторе*. Вскорѣ послѣ этого образовалось Société de legislation comparée съ своимъ Bulletin'омъ и Revue de legislation comparée. Сравнительная метода прилагается теперь къ изслѣдованію исторіи права всѣми извѣстнѣйшими французскими учеными. Знаменитый *Фюстель-де-Куланжъ*, примѣняющій ее при изученіи классическаго соціально-политическаго быта („La Cite antique") и древнихъ политическихъ институтовъ Франціи, замѣчаетъ, что „если разсматриваютъ два народа въ одну и ту-же эпоху, то бываютъ поражены различіемъ между ними. Кажется, что каждый изъ нихъ имѣетъ свой собственный геній, спеціальныя учрежденія, особенную человѣческую природу. Но для того, чтобы судить о томъ, на сколько эти народы сходны между собою или же различаются другъ отъ друга, нужно наблюдать ихъ въ одинаковые періоды ихъ развитія. Сходства между одними и тѣми-же учрежденіями сравниваемыхъ народовъ и, переживаемыми ими, измѣненіями въ политическомъ ихъ бытѣ не уничтожаются оттого, что развитіе одного изъ нихъ идетъ быстрѣе, нежели другаго" [1]). Извѣстное сочиненіе *Глассона*: „Histoire du droit et des institutions de l'Angleterre comparès au droit et aux institutions de la France" (6 t.) содержитъ въ себѣ параллельное изложеніе исторіи юридическихъ и политическихъ институтовъ Англіи и Франціи, сравненіе ихъ въ одинаковыя ступени соціально-политическаго развитія обѣихъ странъ. Сравнительная-же метода примѣняется къ изученію исторіи семейнаго права у древнихъ Римлянъ *Лакомбомъ* („La famielie dans la societe romaine", Paris, 1889.),—права собственности во всѣ эпохи ея раз-

1) Fustel de Coulange: „Histoire des institutions politiques de l'ancienne France", Paris, 1875, 1 t., 301 p.

витія въ человѣчествѣ *Летурно* („L'evolution de la propriété“, Paris, 1889),—институтовъ административнаго права Block'омъ (Dictionnaire de admin. francaise) и др.

Въ *Англіи* сравнительная метода была примѣнена впервые Тэйлоромъ, Лэббокомъ, Спенсеромъ и др учеными къ изученію примитивныхъ учрежденій. „Изслѣдованіе исторіи и принциповъ права и сравненіе законовъ различныхъ обществъ входитъ, по словамъ *Мэна*, въ кругъ обязанностей профессора законовѣдѣнія въ англійскихъ университетахъ“ [1]). Самъ Мэнъ слѣдуетъ въ своихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ по исторіи права (семьи, собственности, государства) у нѣкоторыхъ арійскихъ народовъ [2])—индійцевъ, римлянъ и англичанъ также сравнительно-историческому методу. „Слово „сравнительный“ по отношенію къ законовѣдѣнію необходимо употреблять, говоритъ Мэнъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, въ томъ смыслѣ, какъ въ выраженіяхъ „сравнительная филологія и—миѳологія“. Параллельныя явленія въ правѣ разсматриваются съ цѣлью доказать, если возможно, что нѣкоторыя изъ нихъ относятся другъ къ другу въ порядкѣ исторической преемственности. Сравнительный методъ, который уже принесъ такіе изумительные результаты, не отличается въ нѣкоторыхъ своихъ приложеніяхъ отъ историческаго метода. Мы беремъ извѣстное число современныхъ фактовъ, идей и обычаевъ и заключаемъ о прошлой ихъ формѣ не только по историческимъ воспоминаніямъ, но и по тѣмъ образцамъ ея, которые не совсѣмъ вымерли и еще встрѣчаются на свѣтѣ“ [3]). Мэнъ думаетъ, что результаты, получаемые путемъ приложенія сравнительнаго метода къ изученію права, не могутъ быть поставлены наравнѣ съ данными, до-

---

1—3) Мэнъ: „Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ“, С.-Петербургъ, 1874, 1—3 стр.

2) „Древнее право“, „Древнѣйшая Исторія Учрежденій“, „Древній законъ и обычай“ и др.

бываемыми сравнительной филологіей: „явленія человѣческаго общества, законы и правовыя идеи, мнѣнія и обычаи болѣе подчинены личному произволу, подвержены преобразованіямъ и шире затрогиваются внѣшними обстоятельствами, чѣмъ языкъ“ [1]). Этотъ послѣдній взглядъ Мэна на большую достовѣрность лингвистическихъ выводовъ сравнительно съ данными исторіи права, добываемыми при помощи сравнительной методы, совпадаетъ съ подобнымъ же воззрѣніемъ другаго извѣстнаго англійскаго историка-юриста, *Фримана*. Свои взгляды на сравнительный методъ, его сущность, задачу и способы приложенія его къ изученію всѣхъ соціальныхъ, особенно-же политическихъ учрежденій Фриманъ изложилъ въ сочиненіи „Сравнительная политика“, сдѣлавшемся до извѣстной степени основаніемъ современнаго ученія о методѣ и исторіи права. Методологическія воззрѣнія Фримана раздѣляются въ существенномъ нѣмецкими историками права (напр., Бернхёфтомъ, Колеромъ, Постомъ и др.) и, отчасти, русскими учеными, профессорами Сергѣевичемъ, Ковалевскимъ и Коркуновымъ. Послѣдніе, впрочемъ, не принимаютъ на вѣру всѣхъ мнѣній Фримана, подвергаютъ ихъ обстоятельной критикѣ и вносятъ въ его ученіе о методѣ существенныя поправки.

Фриманъ видитъ въ установленіи сравнительнаго метода изученія исторіи великую заслугу XIX вѣка. „Примѣненіе этого метода открыло, говоритъ онъ, его сторонникамъ новый міръ, но міръ не изолированный и замкнутый въ самомъ себѣ, а такой, въ которомъ эпохи, языки и народности, разсматривавшіяся до сихъ поръ совершенно отдѣльно, находятъ каждая свое мѣсто въ опредѣленномъ соотношеніи ко всѣмъ другимъ, какъ членамъ общаго первоначальнаго братства. Сравнительное изученіе устранило разъединеніе между срод-

---

1) Мэнъ: „Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ“, 1—4 стр.

ными народностями и языками, различіе между „древней“ и „новой исторіей“, „мертвыми“ и „живыми“ языками. Никакой языкъ, никакой періодъ исторіи не можетъ быть вполнѣ понятъ, изученіе ни одного изъ нихъ не можетъ представить полнаго интереса и дать всѣхъ возможныхъ результатовъ, если ихъ разсматривать совершенно отдѣльно, не обращая вниманія на ихъ отношенія къ другимъ языкамъ, другимъ періодамъ исторіи, которыя вмѣстѣ съ ними образуютъ великое цѣлое человѣческой или, по крайней мѣрѣ, арійской и европейской исторіи. Исторія арійскихъ народовъ Европы, древнихъ и новыхъ, исторія ихъ языковъ, ихъ учрежденій и ихъ отношеній между собою образуетъ одинъ длинный рядъ причинъ и слѣдствій, изъ которыхъ ни одна часть не можетъ быть должнымъ образомъ понята, если ее разсматривать, какъ нѣчто, совершенно отдѣльное и чуждое другимъ частямъ“ [1]). Такая обширная сфера изслѣдованія требуетъ, конечно, отъ современнаго ученаго, употребляющаго сравнительный методъ при своихъ работахъ, всестороннихъ и глубокихъ знаній, которыя доступны лишь немногимъ. Но это не значитъ, что „доктрина о сравнительномъ методѣ безплодна“, неприложима къ практикѣ. „Никто не можетъ изучить исторію всѣхъ временъ и странъ по первымъ источникамъ, но изслѣдователь можетъ имѣть свою спеціальность, выбрать извѣстныя эпохи и страны для спеціальнаго и подробнаго изученія. Тотъ-же, кто является полнымъ знатокомъ періодовъ, составляющихъ его спеціальность, легко схватываетъ главныя черты и истинное значеніе и другихъ періодовъ, которыми онъ занимался лишь, какъ второстепеннымъ предметомъ и по второстепеннымъ же источникамъ“ [2]).

Разсматривая тѣ отрасли знанія, къ которымъ примѣ-

1—2) Фриманъ: „Сравнительная политика“, С.-Петербургъ, 1880, переводъ Коркунова, 1 и 197—201 стр.

няется теперь сравнительная метода: сравнительную филологію,—миѳологію и обществовѣдѣніе, Фриманъ находитъ, что эта метода даетъ безусловно вѣрные выводы въ первой наукѣ, приводитъ къ нимъ же и въ сравнительной миѳологіи, но уже съ помощью данныхъ сравнительной филологіи и, наконецъ, обѣ эти науки обезпечиваютъ такую же безошибочность выводовъ при сравнительномъ изслѣдованіи обычаевъ, обрядовъ, общественныхъ учрежденій и слѣдовъ стараго соціальнаго быта,—переживаній [1]) Фриманъ изучаетъ посредствомъ сравнительнаго метода не всѣ соціальныя явленія, а, что имѣетъ для насъ особенный интересъ, только политическія учрежденія, которыя и составляютъ у него предметъ „Сравнительной Политики",—„сравнительнаго изученія государственныхъ учрежденій и формъ правленія". Въ эту науку входитъ у Фримана „указаніе и сопоставленіе множества аналогій, замѣчаемыхъ между государственными учрежденіями значительно отдаленныхъ другъ отъ друга эпохъ и странъ". Фриманъ находитъ значительнымъ и разительнымъ „замѣчаемое между ними сходство въ ихъ формахъ правленія, политическомъ расчлененіи и распредѣленіи власти между различными сословіями и должностями". Но не однѣ только черты сходства въ политическихъ учрежденіяхъ у различныхъ народовъ составляютъ предметъ сравнительной политики: „проводя какую-нибудь аналогію или параллель, слѣдуетъ также внимательно останавливаться на чертахъ различія, которыя часто даютъ лучшее доказательство внутренняго сходства въ учрежденіяхъ". Такимъ образомъ, главной задачей сравнительнаго государствовѣдѣнія является отысканіе „сходствъ, существующихъ между государственными учрежденіями отдаленныхъ эпохъ и странъ, и классифицированіе предмета изученія сообразно вѣроятнымъ при-

1) Фриманъ, ibidem. 1—16 стр.

чинамъ такого сходства“ [1]). Фриманъ думаетъ, что причиной сходства въ политическихъ учрежденіяхъ у различныхъ народовъ можетъ быть, прежде всего, прямая передача ихъ изъ одной страны въ другую, которая совершается или путемъ перенесенія учрежденій, или же заимствованія, безсознательнаго или же сознательнаго (подражанія). Затѣмъ сходства въ политическихъ учрежденіяхъ могутъ быть объясняемы еще дѣйствіемъ общихъ причинъ, которыя ведутъ всегда къ одинаковымъ результатамъ, какъ бы ни было велико различіе времени и мѣста. Одни и тѣже условія общественной жизни, однѣ и тѣже потребности производятъ одинаковыя средства для ихъ удовлетворенія, создаютъ одинаковыя политическія учрежденія въ странѣ. Наконецъ, третій и послѣдній разрядъ аналогій въ политическихъ учрежденіяхъ у различныхъ народовъ Фриманъ объясняетъ общностью ихъ происхожденія. Эту послѣднюю причину сходствъ въ политическихъ учрежденіяхъ можно констатировать лишь въ томъ случаѣ, когда различные народы, которымъ принадлежатъ изслѣдуемыя учрежденія, отдѣлились другъ отъ друга уже въ историческое время, и когда на ряду съ сходствами въ политическихъ ихъ учрежденіяхъ замѣчаются аналогіи и въ ихъ языкѣ и миѳахъ. При наличности всѣхъ этихъ сходствъ у нѣсколькихъ народовъ возможно утверждать, что такіе народы составляли когда-то одну націю, что въ доисторическое время они уже имѣли извѣстныя политическія учрежденія, общіе принципы и преданія политической жизни, которые они сохранили послѣ своего разъединенія въ видѣ переживаній. Въ эту позднѣйшую пору самостоятельной, исторической жизни политическіе принципы и преданія, общіе всей семьѣ народовъ, развились у каждаго изъ нихъ въ опредѣленныя политиче-

1) Фриманъ, ibidem.

скія формы, представляющія собою своеобразныя особенности, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличающіяся чертами сходства, въ которыхъ можно признать ихъ общее происхожденіе [1]).

Въ послѣднихъ главахъ своего сочиненія Фриманъ занимается изученіемъ сходствъ третьей группы въ политическихъ учрежденіяхъ нѣкоторыхъ арійскихъ народностей, древнихъ грековъ, римлянъ и германцевъ,—„трехъ главныхъ народностей, которыя издавна занимали, по словамъ Фримана, первенствующее мѣсто среди человѣчества, были во всемъ первыми и исторія которыхъ составляетъ исторію человѣчества“ [2]). Разсматривая древнія политическія учрежденія грековъ, римлянъ и германцевъ, Фриманъ находитъ у всѣхъ этихъ народовъ тѣ три основные элемента политическаго быта, которые существуютъ повсюду на примитивной ступени соціальнаго развитія народовъ и которые даютъ ключъ къ изслѣдованію политической ихъ организаціи. „Мы видимъ, говоритъ онъ, у древнихъ арійскихъ народностей зачатки монархіи, аристократіи и демократіи: *единаго главу* государства, управляющаго при содѣйствіи *совѣта старѣйшинъ* и преставляющаго всѣ особенно важныя дѣла на окончательное утвержденіе общаго *народнаго собранія*“ [3]). Такимъ образомъ Фриманъ ограничиваетъ, подобно Мэну, сферу своего сравнительнаго изученія политическихъ учрежденій однѣми арійскими народностями, хотя въ тоже время онъ и замѣчаетъ, что „мы находимъ также поразительныя сходства и въ политическихъ учрежденіяхъ народовъ неарійскаго происхожденія“ [4]). Фриманъ затрудняется въ рѣшеніи вопроса о томъ, чему можно приписать сходства въ политическихъ учрежденіяхъ арійскихъ и неарійскихъ народностей, происходитъ ли они отъ дѣйствія одинаковыхъ причинъ, которыя приводятъ и къ одинаковымъ послѣдствіямъ, или же эти сходства

1, 2, 3 и 4) Фриманъ, ibidem, 16—23, 33—35, 37—43 стр,

составляютъ общее наслѣдіе всего человѣческаго рода? Также осторожно поступаетъ Фриманъ и при изученіи и объясненіи сходствъ политическихъ учрежденій у арійскихъ народностей единствомъ ихъ происхожденія: „только такое, общее имъ, политическое учрежденіе можно считать, говоритъ Фриманъ, унаслѣдованнымъ ими изъ общаго источника, какое имѣетъ и одно общее названіе". Но одинъ фактъ отсутствія сходства въ названіяхъ сходныхъ учрежденій не составляетъ еще, по его мнѣнію, доказательства въ пользу отсутствія сходства между учрежденіями въ силу ихъ общаго происхожденія Это сходство въ такомъ случаѣ можно вывести изъ общей природы ихъ политическихъ учрежденій, также какъ изъ языка, миѳологіи и ихъ обычаевъ [1]).

Взгляды Фримана на сравнительный методъ изслѣдованія политическихъ учрежденій раздѣляются нѣмецкимъ историкомъ права, *Бернхöфтомъ*, который также допускаетъ три причины аналогій въ юридическихъ учрежденіяхъ индоевропейскихъ народовъ и ставитъ на первомъ планѣ общность ихъ происхожденія, какъ главную, хотя и не единственную, причину сходныхъ въ нихъ чертъ. Бернхöфтъ допускаетъ, что извѣстную часть этихъ сходствъ можно объяснить рецепціей права однимъ народомъ у другаго и повторяемостью однѣхъ и тѣхъ-же ступеней развитія и потребностей у различныхъ европейскихъ народностей, которыя вызывали у нихъ одни и тѣже юридическія и политическія учрежденія. Послѣднею цѣлью сравнительной науки права является у Бернхöфта отысканіе общихъ законовъ развитія права и примѣненіе ихъ къ изученію исторіи отдѣльныхъ народовъ [2]). Съ точки зрѣнія такъ понимаемаго сравнительнаго метода Бернхöфтъ отыскиваетъ „Общія основанія правоваго развитія у индо-гер-

1) Фриманъ, ibidem, 37—43 стр.

2) Bernhöft: „Ueber Zweck und Mittel der vergleichenden Rechtswissenschaft" (Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft 1 B., 4—38 s.).

манскихъ народовъ", изслѣдуетъ у нихъ всѣ части права, гражданскаго и публичнаго, пользуясь, между прочимъ, данными сравнительной филологіи и миѳологіи [1]).

Профессоръ *В. И. Сергѣевичъ*, указывая на то, что въ современной исторіи права „сравненія сдѣлались даже какъ бы обязанностью всякаго изслѣдователя, отступленіе отъ которой навлекаетъ на него упрекъ въ отсталости" [2]), останавливается исключительно на взглядахъ Фримана на сравнительную методу и подвергаетъ ихъ обстоятельной критикѣ. По мнѣнію Сергѣевича нѣтъ никакой существенной разницы между явленіями первой и третьей категоріи у Фримана, то есть, между сходствами въ политическихъ учрежденіяхъ, объясняемыхъ имъ изъ передачи учрежденій однимъ народомъ другому и единства ихъ происхожденія: „если филологія констатировала, что греки, римляне и германцы одного происхожденія, отсюда слѣдуетъ, что, отдѣляясь изъ общаго имъ корня, они унесли съ собой не только общій языкъ и вѣрованія, но и тѣ общественныя и семейныя учрежденія, которыя имъ были свойственны" [3]). Слѣдовательно, профессоръ Сергѣевичъ отрицаетъ возможность объясненія какихъ-либо сходствъ въ политическихъ учрежденіяхъ индо-европейскихъ народовъ общностью ихъ происхожденія, подводитъ эти сходства подъ прямую передачу учрежденій. Но это отрицаніе не такъ рѣшительно, какъ кажется. Въ общихъ учрежденіяхъ древнихъ грековъ, римлянъ и германцевъ могутъ быть открыты, продолжаетъ Сергѣевичъ, слѣды древняго, доевропейскаго быта, но въ нихъ еще должны быть и новыя особенности, явившіяся результатомъ дальнѣйшаго развитія первоначальныхъ общественныхъ учрежденій. Общіе остатки древняго общественнаго быта можно объяснить, слѣдуя Фри-

---

1) Bernhöft: „Ueber die Grundlage der Rechtsentwicklung bei den indogermanischen Völkern" (Zeitschrift fur vergleich. Rechtswissenschaft, II B).

2—3) Сергѣевичъ: „Государство и право въ исторіи", 42—46 стр.

ману, общимъ наслѣдствомъ; новыя-же сходныя черты въ соціальныхъ учрежденіяхъ индо-европейскихъ народовъ можно отнести на счетъ вліянія новой обстановки, другихъ условій общественной жизни, иначе говоря, дѣйствія общихъ причинъ, приведшихъ къ сходнымъ результатамъ [1]). Сергѣевичъ думаетъ, что только сравнительная филологія въ состояніи рѣшать вопросы о племенномъ родствѣ народовъ и ихъ общемъ, доисторическомъ наслѣдствѣ, и что поэтому лишь тѣ изъ сходныхъ общественныхъ учрежденій у индо-европейскихъ народовъ можно считать остатками доевропейской старины, которыя имѣютъ одни и тѣже названія, общія всѣмъ родственнымъ народамъ. Профессоръ Сергѣевичъ подмѣчаетъ и противорѣчіе, вкравшееся во взгляды Фримана, который допускаетъ, что сходныя черты въ политическихъ учрежденіяхъ древнихъ грековъ, римлянъ и германцевъ встрѣчаются и у другихъ народовъ неарійскаго происхожденія и составляютъ, быть можетъ, общее наслѣдіе всего человѣческаго рода: „слѣдовательно, замѣчаетъ Сергѣевичъ, эти сходства могутъ возникнуть и помимо единства происхожденія, просто въ силу дѣйствія одинакихъ причинъ, ведущихъ и къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Общія съ греками, римлянами и германцами черты политическаго быта въ томъ видѣ, какъ ихъ обобщаетъ Фриманъ, можно найти даже у негровъ“ [2]).

Итакъ, профессоръ Сергѣевичъ не придаетъ особенно важнаго и самостоятельнаго значенія единству происхожденія, какъ главной и исключительной причинѣ сходныхъ чертъ въ общественныхъ учрежденіяхъ у различныхъ народовъ, и принимаетъ только двѣ причины, замѣчаемыхъ въ нихъ, сходствъ: 1) передачу учрежденій отъ одного народа другому въ разнообразныхъ ея формахъ и 2) дѣйствіе общихъ причинъ. Для того, чтобы открыть сходства перваго рода, нужно спеціальное историческое изслѣдованіе о взаимныхъ

1 – 2) Сергѣевичъ: ibidem, 46 – 47.

отношеніяхъ и вліяніи другъ на друга народовъ, въ учрежденіяхъ которыхъ есть такія сходства. Если же такое изслѣдованіе невозможно, то необходимо приписывать находимыя сходства дѣйствію общихъ причинъ. Сергѣевичъ придаетъ особенное значеніе этой послѣдней причинѣ сходствъ въ общественныхъ учрежденіяхъ. „Ничто такъ не приводитъ къ убѣжденію въ существованіи общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ, какъ наблюденіе сходныхъ явленій у народовъ, которые развивались безъ малѣйшаго вліянія другъ на друга. Въ виду такихъ сходствъ съ необходимостью возникаетъ мысль о томъ, что ходъ исторіи не есть дѣло человѣческаго каприза, а условливается потребностями человѣческой природы, которая вездѣ едина и вездѣ, при другихъ равныхъ, приводитъ къ одинакимъ послѣдствіямъ“ [1]). Не можетъ быть случайно учрежденіе, которое встрѣчается у народовъ самаго разнообразнаго происхожденія. Профессоръ Сергѣевичъ настаиваетъ на расширеніи области сравненій, отъ которой зависитъ и большая степень достовѣрности выводовъ. „Сравненія не должны ограничиваться, говоритъ онъ, только одними родственными племенами (одними славянскими, германскими и т. д.): сравнительная метода указываетъ на сходства въ духѣ права, которыя могутъ идти рука объ руку съ значительнымъ различіемъ догмы и совершеннымъ отсутствіемъ источниковъ права. Но сравнительная метода можетъ пролить свѣтъ только на существующіе факты, а не открыть новые въ системѣ историческаго права, можетъ лишь обнаружить, что учрежденіе, получившее у одного народа полное свое развитіе, встрѣчается у другаго только въ зародышномъ состояніи. Сравнительная же метода можетъ привести къ открытію переживаній, тѣхъ обломковъ нѣкогда господствовавшихъ институтовъ, которые сохранились среди,

---

1) Сергѣевичъ, ibidem.

вытѣснившихъ ихъ, новыхъ общественныхъ учрежденій" [1]).

Сравненія должны направляться, по мнѣнію Сергѣевича, на сходныя черты въ однородныхъ институтахъ у различныхъ народовъ. Изъ различій же могутъ быть наблюдаемы только тѣ, которыя представляютъ собою „частныя несходства явленій, вообще сходныхъ". Подъ этими частными несходствами, „раскрывающими разнообразныя модификаціи, которымъ можетъ подвергаться человѣческая природа подъ вліяніемъ различія условій", почтенный профессоръ, можно думать, разумѣетъ національныя различія, на необходимость изслѣдованія которыхъ въ исторіи права онъ затѣмъ указываетъ. Національныя различія въ правѣ должны быть объясняемы, по мнѣнію Сергѣевича, изъ различія историческихъ условій общественной жизни того или другаго народа. Каждое національное право не исключительно въ своихъ особенностяхъ, которыя могутъ встрѣтиться и у другихъ народовъ: цѣли человѣческаго общежитія вездѣ одинаковы. Также и внѣшнія условія, въ которыхъ эти цѣли приходятъ къ своему осуществленію, представляютъ нерѣдко много общаго. Вслѣдствіе этого у различныхъ народовъ встрѣчаются однѣ и тѣже характеристическія черты быта [2]). Признавая національность въ правѣ, Сергѣевичъ не противъ и заимствованій въ правѣ: „заимствованія болѣе совершенныхъ формъ быта и права, если существо жизненныхъ отношеній допускаетъ ихъ примѣненіе, также полезно, какъ и заимствованіе полезныхъ ремеслъ, искусствъ, наукъ и изобрѣтеній". Возможность взаимныхъ вліяній и заимствованій другъ отъ друга, которыя при постоянномъ общеніи выводятъ народы изъ ихъ естественной замкнутости и односторонности, обусловливаетъ собою бо́льшее и скорѣйшее развитіе цивилизаціи у каждаго изъ нихъ. Конечно, заимствованія измѣняютъ до извѣстной степени исторически сложившійся народ-

1—2) Сергѣевичъ: ibidem, 48—49 и 51 стр.

ный быть, внося въ него новыя черты, но въ тоже время эти послѣднія сами видоизмѣняются подъ дѣйствіемъ народности. Вообще свободное усвоеніе чужаго въ силу убѣжденія въ его превосходствѣ не отрицаетъ національности; оно только обогащаетъ его нерѣдко тѣмъ, зародыши чего были и у ней самой. При оцѣнкѣ же заимствованій, какъ и вообще хода историческаго развитія, нужно прилагать мѣрку соотвѣтствія этихъ заимствованій съ требованіями человѣческой природы [1]).

Вопросъ о сравнительно-историческомъ изученіи права нашелъ дальнѣйшую обработку въ сочиненіи профессора *Ковалевскаго*: „Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія исторіи права" (Москва. 1880 г.), гдѣ авторъ, прежде всего, вооружается противъ простаго сравненія законодательствъ народовъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ развитія. Такія сравненія Ковалевскій находитъ совершенно безполезными потому, что „изъ факта случайнаго сходства или не менѣе возможнаго различія нельзя выводить ровно никакихъ научныхъ заключеній"; кромѣ того, подобныя сравненія и „опасны, такъ какъ принимая свое произвольное заключеніе за научный выводъ, легко временно навязать странѣ чуждые ея исторіи учрежденія и нравы" [2]). Примѣненіе къ исторіи права простаго сравненія или, какъ называетъ его Ковалевскій, „сопоставительнаго метода" можетъ привести, по его словамъ, къ той же непоправимой ошибкѣ, въ которую впалъ знаменитый Монтескье въ своемъ „De l'Esprit des loix", гдѣ авторъ постоянно сравниваетъ между собою такія разнородныя во всѣхъ отношеніяхъ страны, какъ Китай и Англія, Персія и Франція и проч.. Ковалевскій признаетъ научными только такія сравненія, которыя дѣлаются современными учеными по отношенію къ

1) Сергѣевичъ, ibidem, 51—55 стр.
2) Ковалевскій, назв. сочиненіе, 8 стр.

учрежденіямъ народовъ одной расы или же тѣхъ изъ нихъ, которые находятся на одинаковыхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Къ первой категоріи ученыхъ Ковалевскій относитъ Фримана и Сергѣевича [1]), ко второй—всѣхъ остальныхъ англійскихъ и нѣмецкихъ историковъ права. Ковалевскій подвергаетъ подробному разбору методологическія воззрѣнія Фримана прежде, чѣмъ высказать свой собственный взглядъ на „историко-сравнительный" методъ изученія общественныхъ явленій.

По мнѣнію Ковалевскаго, невозможно согласиться съ Фриманомъ, что сравнительная грамматика въ состояніи открыть предъ нами картину до европейскаго общественнаго быта арійцевъ, такъ какъ здѣсь она имѣетъ дѣло съ болѣе отвлеченными нравственными понятіями, нежели понятія, относящіяся къ матеріальному быту арійскихъ народовъ Эти послѣднія вполнѣ доступны изслѣдованію ихъ сравнительной филологіей. Невозможно утверждать также, продолжаетъ Ковалевскій, чтобы общественныя учрежденія арійскихъ народовъ были вынесены ими изъ первоначальнаго мѣста своего поселенія въ Азіи въ неприкосновенной чистотѣ, разъ фактъ этнографическаго смѣшенія народностей въ теченіи ихъ исторической жизни не подлежитъ никакому сомнѣнію. Первоначальныя учрежденія арійскихъ народностей могли даже исчезнуть совершенно подъ вліяніемъ измѣнившейся среды, въ которой они жили въ Европѣ [2]). Сходствамъ въ общественныхъ учрежденіяхъ у арійскихъ народностей, объясняемымъ Фриманомъ единствомъ ихъ происхожденія, Ковалевскій противопоставляетъ сходства „однохарактерныхъ съ арій-

---

1) Ковалевскій едва-ли правъ, поступая такъ: какъ мы видѣли, проф. Сергѣевичъ принимаетъ *двѣ* причины сходствъ въ общественныхъ учрежденіяхъ сравниваемыхъ народовъ и отводитъ незначительное мѣсто для сравненій сходныхъ чертъ въ учрежденіяхъ, которыя могутъ быть объясняемы единствомъ происхожденія народовъ.

2) Ковалевскій, ibidem, 13–16 стр.

скими учрежденій у совершенно разноплеменныхъ съ ними народностей", которыя вытекаютъ изъ прохожденія ими одинаковыхъ стадій развитія. Такъ умѣренный образъ правленія, въ которомъ соединяются три элемента главныхъ формъ политическаго быта, не составляетъ общее достояніе лишь одной арійской семьи народовъ, какъ это утверждаетъ Фриманъ, а „встрѣчается въ томъ-же зародышномъ видѣ, что и у первобытныхъ аріевъ, у любого народа, живущаго родовымъ или общиннымъ бытомъ, хотя въ тоже время и неимѣющаго общаго съ арійцами происхожденія" [1]). Такимъ образомъ, заключаетъ Ковалевскій, причины сходствъ между учрежденіями разныхъ временъ, странъ и народовъ лежатъ или въ фактѣ прямого заимствованія или въ одинаковости общественныхъ условій. Источникъ этой послѣдней кроется, очевидно, „въ прохожденіи различными народами одинаковыхъ стадій общественнаго развитія,—обстоятельство, благодаря которому при несходствѣ въ цѣломъ рядѣ, исторіей опредѣляемыхъ, явленій два или болѣе сравниваемыхъ народа могутъ имѣть общія имъ формы быта нерѣдко на разстояніи тысячелѣтій и при полной разобщенности". Отсюда видно, что задача сравнительнаго метода сводится къ тому, чтобы, выдѣливши въ особую группу сходные у разныхъ народовъ на одинаковыхъ ступеняхъ ихъ развитія обычаи и учрежденія, дать тѣмъ самымъ матеріалъ для построенія исторіи прогрессивнаго развитія формъ общежитія и ихъ внѣшняго выраженія—права. Изучая въ историческомъ развитіи разнообразные институты у разноплеменныхъ народностей, историкъ-юристъ отмѣчаетъ тѣ изъ нихъ, которые своимъ существованіемъ свидѣтельствуютъ о господствѣ у разныхъ народовъ въ разныя времена однохарактерныхъ формъ общежитія. Въ тоже время онъ пытается выяснить причины по-

1) Ковалевскій, ibidem, 18 стр.

степенной замѣны однѣхъ формъ человѣческаго общежитія и однѣхъ нормъ права другими и возстановляетъ ходъ преемственнаго развитія обоихъ. Въ такомъ отыскиваніи сходныхъ чертъ общественныхъ учрежденій, изслѣдованіи и констатированіи одинаковыхъ стадій развитія у разноплеменныхъ народностей и ихъ постепенной и единообразной смѣны и заключается, по мнѣнію Ковалевскаго, задача дѣятельности современныхъ историковъ права. Ковалевскій думаетъ, что они должны сначала найти общій всѣмъ народамъ и потому нормальный ходъ ихъ общественнаго развитія и только потомъ приступить и къ выдѣленію чертъ различія между ними и объясненію причинъ отклоненія въ соціальной жизни того или другаго народа отъ этого нормальнаго хода ихъ развитія: черты различія въ общественныхъ учрежденіяхъ народностей нельзя отмѣтить и выяснить раньше предварительнаго разрѣшенія вопроса о нормальномъ ходѣ развитія у всѣхъ народовъ земли [1]).

Ограничивая такъ задачу сравнительнаго изученія права, Ковалевскій оговаривается, что такое его ограниченіе временное, что впослѣдствіи возможно приступить и къ изслѣдованію чертъ различія въ общественныхъ учрежденіяхъ и, притомъ, при помощи все того же сравнительнаго метода, какъ необходимаго пріема изученія исторіи права у каждаго народа [2]). Этотъ методъ открываетъ путь къ научному объясненію причинъ возникновенія того или другаго учрежденія въ исторіи изучаемаго права. Путемъ сравненія учрежденій у народовъ, стоящихъ на одной и той-же ступени развитія, историкъ-юристъ доходитъ до отысканія общихъ міровыхъ причинъ развитія тѣхъ или другихъ юридическихъ отношеній. Источникъ происхожденія для большинства явленій изучаемаго имъ права за исключеніемъ немногихъ нормъ, заим-

---

1 - 2) **Ковалевскій**, ibidem, 20—21.

ствованныхъ у другихъ народовъ, такой изслѣдователь открываетъ въ вполнѣ реальномъ фактѣ постепеннаго осложненія исконной борьбы за существованіе прогрессивнымъ дифференцированіемъ общественныхъ группъ, выдѣленіемъ изъ родоваго и общиннаго союзовъ особаго религіознаго, военно-служилаго и ремесленно-торговаго классовъ, постепеннымъ развѣтвленіемъ правительственныхъ функцій и созданіемъ особыхъ органовъ для каждой изъ нихъ въ лицѣ народныхъ старѣйшинъ, *совѣтовъ* и собраній съ подчиненными имъ инстанціями. Наконецъ, въ тѣхъ юридическихъ явленіяхъ, которыя не входятъ въ двѣ первыя категоріи общественныхъ явленій, изучаемыхъ историкомъ-юристомъ, онъ долженъ видѣть „дѣйствительныя особенности правоваго развитія изучаемаго народа, источникъ которыхъ лежитъ частью въ, привитыхъ ему исторіей, психическихъ свойствахъ, частью же въ физическихъ условіямъ занимаемой ими страны" [1]).

Употребляемый въ такомъ видѣ сравнительный методъ можетъ привести къ научному объясненію ранѣе найденныхъ фактовъ въ исторіи права того или другаго народа, но онъ не можетъ открыть въ ней чего-либо новаго. Открытіе новыхъ фактовъ историко-юридическаго характера становится возможнымъ при помощи особыхъ спеціальныхъ пріемовъ въ изученіи исторіи права. Сюда относится констатированіе фактовъ *переживанія*,—обломковъ юридическаго прошлаго, которыхъ особенно много въ странѣ, гдѣ населеніе проводитъ уединенную жизнь [2]). Выводы, получаемые изученіемъ переживаній тогда только могутъ имѣть какое-либо научное значеніе, когда они оказываются въ строгомъ соотвѣтствіи съ данными исторіи права изучаемаго народа. Другой пріемъ, также приводящій къ открытію новыхъ фактовъ въ исторіи права, состоитъ въ изученіи всей суммы юридическихъ

1—2) Ковалевскій, ibidem, 25—27 и 32 - 35 стр.

отношеній народа въ извѣстный періодъ его развитія: это изученіе можетъ привести къ заключенію въ частности и объ одновременномъ характерѣ неупомянутаго въ памятникахъ института. Этотъ пріемъ обусловливается тѣсною и взаимною связью всѣхъ юридическихъ институтовъ у каждаго народа. Но и выводы, основанные на этомъ пріемѣ, могутъ считаться безспорными лишь въ томъ случаѣ, если они не будутъ противорѣчить всей суммѣ юридическихъ нормъ извѣстнаго народа въ данную эпоху его общественной жизни [1]), а также и даннымъ сравнительнаго языкознанія. Эта послѣдняя наука указываетъ на происхожденіе большинства словъ изъ повседневнаго быта отъ однихъ и тѣхъ же корней въ любомъ изъ арійскихъ языковъ и тѣмъ даетъ мѣрило древности понятій, выражаемыхъ этими словами. Сравнительное языкознаніе можетъ дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, принадлежатъ или нѣтъ термины, доселѣ служащіе для обозначенія семьи и ея составныхъ элементовъ, общины, отдѣльныхъ органовъ управленія, *королевскаго совѣта* и народнаго собранія и т. п., къ числу тѣхъ, происхожденіе которыхъ можетъ быть отнесено къ незапамятной древности [2]). На ряду съ филологичеккими данными изслѣдователь особенно древняго періода правоваго развитія долженъ быть знакомъ и съ миѳологическими сказаніями. „Народъ всегда рисуетъ бытъ своихъ боговъ чертами собственнаго быта и миѳологическія сказанія принадлежатъ вмѣстѣ съ языкомъ къ числу древнѣйшихъ достояній народа“ [3]). Ковалевскій предостерегаетъ изслѣдователей отъ излишней довѣрчивости при пользованіи миѳами у извѣстнаго народа арійской расы, такъ какъ многіе изъ нихъ чуждаго происхожденія, занесены къ арійцамъ съ Востока и содержатъ въ себѣ бытовыя особенности, свойственныя народамъ неарійской расы. Поэтому миѳо-

1, 2 и 3) Ковалевскій, ibidem, 25—27, 32—35, 38, 40 стр.

логическія сказанія арійскихъ народностей должны быть провѣряемы другими научными данными объ ихъ общественномъ бытѣ [1]).

Примѣненіе въ исторіи права всѣхъ этихъ научныхъ пріемовъ, указываемыхъ Кавалевскимъ, можетъ привести къ истинно научнымъ выводамъ только при томъ условіи, если при одновременномъ обращеніи къ возможно большему числу пріемовъ и провѣрки выводовъ одного результатами другаго окажется полное совпаденіе или, по крайней мѣрѣ, отсутствіе противорѣчій въ полученныхъ такимъ образомъ данныхъ [2]). Но всѣ вообще пріемы сравнительно-историческаго изученія права представляются только подспорьемъ къ научному изученію самыхъ памятниковъ законодательства и юридической практики, которое заключаетъ въ себѣ большія трудности и, между прочимъ, состоитъ въ тщательной критикѣ какъ самого текста памятниковъ, такъ и заключающагося въ текстѣ содержанія [3]).

Резюмируя все сказанное объ „историко-сравнительномъ" методѣ права, Ковалевскій замѣчаетъ, что этотъ методъ можетъ быть употребляемъ, или какъ средство къ построенію естественной исторіи человѣческихъ обществъ, или-же какъ одинъ изъ пріемовъ изученія исторіи того или другаго права. Въ первомъ видѣ онъ долженъ быть примѣняемъ одновременно къ изученію самыхъ разнообразныхъ сторонъ общежитія, во второмъ сравнительный методъ приводитъ къ объясненію факта происхожденія тѣхъ или другихъ явленій юридическаго быта. Отъ сравнительнаго метода въ этомъ смыслѣ рѣзко отличаются тѣ различные научные пріемы, кот

1) Ковалевскій упоминаетъ еще о народныхъ сказкахъ, пѣсняхъ, былинахъ, пословицахъ и поговоркахъ, археологическихъ раскопкахъ, въ которыхъ можно найти много характерныхъ чертъ древняго быта—семейной, экономической, моральной, эстетической, но всего менѣе—политической жизни народа.

2—3) Ковалевскій, ibidem, 40, 51 и 60 стр.

торые при одновременномъ ихъ примѣненіи и взаимной провѣркѣ обогащаютъ исторію права новыми фактами, какъ дополненіями къ матеріалу, заключающемуся въ прямыхъ источникахъ права, памятникахъ законодательства и юридической практики. Научное же изученіе этихъ послѣднихъ возможно опять подъ условіемъ примѣненія къ нимъ извѣстныхъ научныхъ пріемовъ [1]).

Профессоръ *Коркуновъ*, разсматривая вопросъ о сравнительномъ изученіи права, замѣчаетъ, что непосредственнымъ поводомъ къ правильной постановкѣ и рѣшенію этого вопроса послужили современные успѣхи исторіи культуры въ трудахъ Тэйлора, Лэббока, Моргана и др., которые основываются на сравнительномъ изученіи народнаго быта. Связь же между культурой и правомъ такая тѣсная, что мысль о примѣнимости къ изученію права такихъ же пріемовъ, что и къ изученію культуры, представляется сама собою. Коркуновъ готовъ примкнуть ко взгляду Фримана относительно возможности объяснять сходныя черты въ общественныхъ учрежденіяхъ арійскихъ народностей общностью ихъ происхожденія, а не одной только передачей учрежденій отъ одного народа къ другому и дѣйствіемъ одинакихъ условій общественнаго быта. „Отрицать самостоятельную основу сходствъ перваго рода, можно лишь, говоритъ Коркуновъ, отвергая вмѣстѣ съ тѣмъ возможность иного пути унаслѣдованія учрежденій родоначальника-народа, какъ только путемъ сознательнаго, произвольнаго подражанія“. Данныя современной психологіи говорятъ, напротивъ, въ пользу возможности несознательнаго, непроизвольнаго воспроизведенія учрежденій первоначальной родины въ силу факта психической наслѣдственности, достаточно установленнаго изслѣдованіями Гальтона и Рибо [2]). Этотъ-то законъ психической

---

1) Ковалевскій, ibidem, 69—71 стр.

2) Коркуновъ: „Лекціи по Энциклопедіи Права“ (Спб., 1883 г.), книга III, стр. 26—28.

наслѣдственности и можетъ служить изслѣдователю достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы признать за общностью происхожденія одинаковое значеніе причины сходствъ въ общественныхъ учрежденіяхъ на ряду съ сознательнымъ подражаніемъ и дѣйствіемъ общихъ причинъ. Коркуновъ разширяетъ сферу примѣненія сравнительнаго изученія права, когда онъ утверждаетъ, вопреки мнѣнію Ковалевскаго, что при помощи данныхъ сравнительнаго языкознанія также возможно дойти до открытія новыхъ фактовъ въ области древняго права народовъ, какъ и ихъ матеріальнаго быта, хотя сдѣлать это въ сферѣ юридическихъ явленій и гораздо труднѣе, чѣмъ въ явленіяхъ матеріальной культуры народа [1]). Профессоръ Коркуновъ затрогиваетъ еще и тотъ вопросъ, должно-ли всякое сравненіе непремѣнно быть только историческимъ, то есть, сравненіемъ соотвѣтственныхъ историческихъ стадій въ развитіи права у различныхъ народовъ? Коркуновъ высказывается за возможно широкое распространеніе сравненій и на доисторическую эпоху общественной жизни. Нельзя отнимать у простаго сравненія, говоритъ онъ, всякое научное значеніе и относиться къ нему такъ презрительно, какъ это дѣлаетъ Ковалевскій, назвавшій такой родъ изученія права „сопоставительнымъ методомъ“. Изъ того, что оно непригодно для изученія исторіи права, гдѣ безполезно сравненіе всевозможныхъ юридическихъ институтовъ, еще не слѣдуетъ, что оно вовсе не можетъ быть примѣнимо къ изученію права въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ идетъ рѣчь не о какомъ-либо генезисѣ или выясненіи законовъ развитія. Свою мысль о возможности пользоваться съ научными цѣлями простымъ сравненіемъ въ наукѣ исторіи права Коркуновъ иллюстрируетъ указаніемъ на цѣлый рядъ случаевъ изъ области физическихъ явленій, при изслѣдованіи

---

1) Коркуновъ, ibidem, 29—30 стр.

которыхъ (въ астраноміи, физикѣ, химіи, біологіи) сопоставительный методъ употребляется съ большимъ успѣхомъ. Тотъ же методъ примѣняется, замѣчаетъ Коркуновъ, и въ самой наукѣ исторіи права нѣмецкимъ ученымъ, *А. Постомъ*[1]), который дѣйствительно работаетъ уже давно надъ изслѣдованіемъ вопросовъ объ образованіи права въ примитивную эпоху жизни общества. Позволяемъ себѣ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній о методологическихъ воззрѣніяхъ Поста, которыми мы и закончимъ изложеніе современнаго ученія о сравнительно-историческомъ методѣ.

При изслѣдованіи права Постъ ставитъ себѣ задачей изученіе „фактовъ этнической жизни независимо отъ ихъ исторической связи между собою". Въ противоположность историческому методу, изслѣдующему явленія общественной жизни у отдѣльныхъ народовъ съ точки зрѣнія ихъ развитія, „сравнительно-этнологическій" методъ Поста употребляется имъ для классификаціи и отысканія причинъ однородныхъ и сходныхъ этническихъ явленій, гдѣ бы и когда бы они не оказались существующими. Основаніемъ такого явнаго игнорированія національности въ образованіи права является у Поста тотъ фактъ, что у всѣхъ племенъ и народовъ находятся одни и тѣже этническія явленія: размноженіе, питаніе и взаимныя сношенія. Обычаи, воззрѣнія и учрежденія, вытекающіе отсюда, и составляютъ предметъ сравнительно-этнологическаго изслѣдованія, которое ведется такимъ образомъ на базисѣ повсюду и однообразно дѣйствующей человѣческой природы. Для Поста все равно, къ какому столѣтію или десятилѣтію принадлежитъ тотъ или другой, наблюдаемые имъ, обычай или учрежденіе: „хронологія имѣетъ значеніе, говоритъ Постъ, только для развитія въ отдѣльной этнической области, но не для всей области народной жиз-

---

1) Коркуновъ, ibidem.

ни, въ которой всѣ ступени развитія лежатъ около другъ друга" [1]). Сравнительный методъ обращаетъ вниманіе на тѣ юридическія учрежденія въ соціальной жизни, которыя не составляютъ отличительныхъ особенностей опредѣленныхъ народовъ, а повторяются повсюду на землѣ и проходятъ извѣстныя, опредѣленныя ступени развитія. Сравнительно-этнологическій методъ восполняетъ въ этомъ случаѣ историческое изученіе права, при которомъ выясняется причинная связь юридическихъ воззрѣній, обычаевъ и учрежденій тамъ, гдѣ сохранились изъ различныхъ эпохъ народнаго развитія преданія и, соотвѣтствующіе имъ, правовые взгляды и институты; гдѣ же этихъ преданій еще нѣтъ, какъ напр., у народовъ, еще неимѣющихъ исторіи, тамъ историческій методъ безсиленъ. Въ этихъ случаяхъ можетъ помочь только сравнительный методъ, который оказывается здѣсь незамѣнимымъ [2]).

Въ такомъ видѣ представляется въ современной историко-юридической литературѣ вопросъ о сравнительно-историческомъ методѣ. Мы видѣли, на сколько взгляды о сущности этого метода и способѣ примѣненія его къ изученію исторіи права разнообразны, что, повидимому, если не подрываетъ окончательно практическое значеніе ученія о сравнительной методѣ, то во всякомъ случаѣ затрудняетъ приложеніе ея въ изслѣдованіяхъ по исторіи права. Въ дѣйствительности, однако, это различіе въ воззрѣніяхъ разныхъ ученыхъ на сравнительно-историческій методъ не такъ велико, взгляды ихъ не на столько разнорѣчивы и непримиримы другъ съ другомъ, чтобы дѣлали невозможнымъ употребленіе этого несомнѣнно научнаго и плодотворнаго по

---

1) A. Post: „Bausteine für eine allgemeine Rechtswissenschaft auf vergleichend-ethnologischer Basis", Oldenburg, 1880, 12—18 s.

2) Derselber: „Einleitung in das Studium der ethnologischen Jurisprudenz", 1886, 24—27 s.

своимъ результатамъ способа изученія юридическихъ и политическихъ учрежденій въ современной исторіи права. Не смотря на тѣ контраверзы, которыя ведутъ между собою ученые о задачѣ и границахъ примѣненія сравнительно-историческаго метода, въ ихъ взглядахъ на него есть и много общаго, опредѣленнаго, пригоднаго для практическихъ цѣлей, изученія политическихъ, юридическихъ и вообще соціальныхъ институтовъ. Такъ всѣ, названные нами, ученые согласны въ безусловной необходимости приложенія сравнительно-историческаго метода къ изученію соціальныхъ и историко-юридическихъ учрежденій. Всѣ они также думаютъ, что непосредственной цѣлью такого изученія должны быть сходныя черты въ общественныхъ учрежденіяхъ, корень которыхъ лежитъ въ нѣсколькихъ причинахъ: по мнѣнію Сергѣевича и Ковалевскаго въ заимствованіяхъ (сознательныхъ) однимъ народомъ учрежденій у другаго и въ дѣйствіи общихъ причинъ на общественный бытъ народа, по взгляду Коркунова, кромѣ того, еще и въ единствѣ происхожденія различныхъ народовъ, а по воззрѣніямъ Фримана и Бернхöфта преимущественно въ этомъ послѣднемъ. Слѣдовательно, оставляя въ сторонѣ общность происхожденія, какъ сомнительную и спорную причину сходствъ въ общественныхъ учрежденіяхъ, мы имѣемъ на лицо двѣ остальныхъ причины сходствъ—заимствованіе и дѣйствіе общихъ причинъ, въ отысканіи которыхъ всѣ вышеназванные ученые признаютъ цѣль сравнительнаго изученія общественныхъ учрежденій. Кромѣ сходныхъ чертъ, Фриманъ, Сергѣевичъ и, отчасти, Ковалевскій считаютъ необходимымъ отмѣчать и черты различія, національныя особенности въ соціальномъ и правовомъ развитіи народовъ. Ковалевскій только отлагаетъ констатированіе чертъ различія на будущее время, утверждая, что въ настоящее время задача историка-юриста состоитъ лишь въ открытіи общаго всѣмъ народамъ, нормальнаго хода ихъ об-

щественнаго развитія. Что сравнительно-историческое изученіе права можетъ привести къ открытію общихъ законовъ въ развитіи юридическихъ учрежденій, одинаковыхъ стадій этого развитія, общихъ всѣмъ народамъ, это утверждаютъ, кромѣ Ковалевскаго, также Сергѣевичъ и Бернхöфтъ. Общее между взглядами почти всѣхъ ученыхъ, исключая Фримана, Мэна и Поста, заключается еще и въ томъ, что всѣ они допускаютъ возможно широкое распространеніе сравнительной методы на всѣ племена и народы земли во всѣ періоды ихъ общественной жизни, а также и примитивную, доисторическую ея эпоху. Мэнъ и Фриманъ высказываются рѣшительно въ пользу изученія историческихъ стадій развитія общественныхъ учрежденій и, притомъ, у нѣкоторыхъ народовъ лишь индо-европейской расы. Постъ предпочитаетъ историческому изученію права сравнительное его изслѣдованіе у всѣхъ народовъ земли, не обращая вниманія на различіе между первобытною и историческою жизнью народовъ и разнообразіе историческихъ періодовъ ихъ общественнаго развитія.

Но, помимо всѣхъ, указанныхъ нами, сходныхъ чертъ въ методологическихъ воззрѣніяхъ современныхъ историковъ права, между ихъ взглядами можно найти, хотя и косвенно, еще одну общую черту, которая сближаетъ ихъ и тѣмъ расширяетъ сферу приложенія сравнительной методы и обусловливаетъ большую вѣрность заключеній при ея примѣненіи. Мы имѣемъ въ виду при этомъ единство происхожденія, относительно котораго ведутся такіе большіе споры между различными учеными. На самомъ дѣлѣ большинство изъ нихъ признаетъ за этой причиной сходствъ въ учрежденіяхъ извѣстное значеніе при сравнительномъ изученіи общественныхъ учрежденій. Не говоря уже о Фриманѣ, Бернхöфтѣ и профессорѣ Коркуновѣ, который даже подыскиваетъ научное основаніе взгляду Фримана, тотъ же взглядъ на общ-

ность происхожденія, какъ самостоятельную причину сходствъ въ соціальныхъ институтахъ, раздѣляютъ и профессора Сергѣевичъ и Ковалевскій. Первый, какъ мы видѣли, прямо выдѣляетъ этого рода сходства въ особую группу явленій, которыя изслѣдуются сравнительной филологіей. Но этотъ взглядъ Сергѣевича получаетъ болѣе рельефную и законченную форму, когда онъ указываетъ на необходимость изученія національныхъ различій въ правовыхъ институтахъ у различныхъ народовъ, которую допускаетъ до извѣстной степени и Кавалевскій: считая обязательнымъ примѣненіе сравнительной методы къ національнымъ чертамъ различія учрежденій у разныхъ народовъ, оба почтенныхъ профессора тѣмъ самымъ признаютъ и важное вліяніе на образованіе общественныхъ учрежденій непроизвольнаго подражанія въ силу закона психической наслѣдственности. Дѣло въ томъ, что національность, возникающая изъ самыхъ разнообразныхъ условій общественной жизни народа, изъ ихъ взаимодѣйствія съ природой человѣка, представляетъ собою совокупность извѣстныхъ своеобразныхъ особенностей во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ [1]): этими особенными въ нихъ чертами и отличается обыкновенно соціальный строй одного народа отъ общественнаго быта другаго. Національныя различія, въ началѣ слабыя и едва замѣтныя, становятся опредѣленнѣе и рѣзче съ каждою послѣдующею ступенью развитія цивилизаціи общества, такъ что всѣ соціальныя учрежденія получаютъ, наконецъ, типическій характеръ. Такъ, напр., появились національные институты у различныхъ германскихъ, романскихъ и славянскихъ народовъ. Каждый народъ сохраняетъ свои особенности въ воззрѣніяхъ, обычаяхъ и учрежденіяхъ въ теченіе всей своей исторіи, въ которой онѣ передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе во всей ихъ цѣлости, что, однако, не исключаетъ необходимыхъ заимство-

1) Сергѣевичъ: „Право и государство въ исторіи“, 50—54 стр.

ваній у другихъ народовъ, которыя „не уничтожаютъ народности, но сами, въ свою очередь, подвергаются ея вліянію“ [1]). Такъ образуется въ народной жизни безпрерывная передача, преемственность всей культуры народа, которая немыслима безъ невольнаго, безсознательнаго подражанія одними поколѣніями другимъ, имъ предшествующимъ, наслѣдственности психическихъ и физическихъ свойствъ, обычаевъ, нравовъ, воззрѣній и учрежденій, доказываемой современной наукой (опытной психологіей) [2]) и всей продолжительной исторіей всѣхъ европейскихъ народовъ. Путемъ безсознательнаго, механическаго подражанія, привычки, возникаетъ и развивается, между прочимъ, въ первобытномъ обществѣ обычное право, которымъ регулируются всѣ отношенія между членами общества, пока въ немъ не появится болѣе или менѣе организованная государственная власть съ своими законодательными нормами [3]).

Неразрывная связь между понятіемъ національности и закономъ психической наслѣдственности заставляетъ насъ признать извѣстную солидарность съ Фриманомъ Сергѣевича и Ковалевскаго во взглядѣ на общность происхожденія, какъ самостоятельную причину сходствъ въ общественныхъ учрежденіяхъ. Конечно, нельзя согласиться съ Фриманомъ, что единство происхожденія есть главнѣйшая, если только не исключительная причина сходствъ въ соціальныхъ учрежденіяхъ. Самъ Фриманъ допускаетъ возможность дѣйствія и другихъ двухъ причинъ появленія этихъ сходствъ—передачи учрежденій и дѣйствія одинаковыхъ условій—и даже—существованія у другихъ народовъ однородныхъ съ арійскими учрежденій, которыя не могли сохранить, по справедливому

---

1) Сергѣевичъ, ibidem.

2) Представителями опытной (англійской) психологіи являются такіе извѣстные ученые, какъ Дарвинъ, Спенсеръ, Бэнъ, Дальтонъ и др.

3) Сергѣевичъ: „Опыты изслѣдованія обычнаго права“. Наблюдатель. 1882. 1 кн., 86 стр. и слѣд.

замѣчанію Сергѣевича и Ковалеввскаго, свою первоначальную этнографическую чистоту въ послѣдующую самостоятельную жизнь арійцевъ въ мѣстахъ ихъ европейской осѣдлости при безпрерывныхъ столкновеніяхъ и смѣшеніи въ эпоху великаго переселенія народовъ и долго послѣ нея. Въ виду этихъ соображеній сходствамъ первой группы приходится отвести второстепенное мѣсто среди остальныхъ отыскиваемыхъ причинъ сходствъ въ общественныхъ учрежденіяхъ, объяснять единствомъ происхожденія лишь тѣ древнія и сходныя между собою учрежденія, которыя носятъ одни и тѣже названія: такимъ путемъ, указаннымъ Сергѣевичемъ, будетъ найденъ твердый и опредѣленный масштабъ для выдѣленія сходныхъ чертъ этого рода изъ всѣхъ остальныхъ сходствъ въ учрежденіяхъ. Сравнительная трудность изученія общественныхъ институтовъ не должна служить препятствіемъ при этомъ примѣненіи къ ихъ изслѣдованію филологическаго пріема. Другія причины сходствъ въ учрежденіяхъ, указываемыя историками права,— передача учрежденій и дѣйствіе одинаковыхъ условій общественной жизни имѣютъ, по сравненію съ единствомъ происхожденія, болѣе точный и опредѣленный характеръ. Изслѣдовывать и отыскивать ихъ не такъ уже трудно и вполнѣ возможно, если только обратить вниманіе на взаимныя отношенія между народами, у которыхъ находятся на лицо сходныя учрежденія и изучить всю сумму историческихъ условій общественной ихъ жизни, слѣдствіемъ которыхъ являются эти учрежденія. По этому всѣ историки права принимаютъ безъ всякихъ колебаній передачу учрежденій и дѣйствіе общихъ условій, какъ вѣроятныя причины сходствъ при сравнительно-историческомъ изученіи права. Что же касается чертъ различія, которыя встрѣчаются въ учрежденіяхъ любого народа, уже вышедшаго изъ примитивной эпохи своей общественной жисни, то объясненія ихъ, понятно, нужно искать въ особенныхъ обстоятельствахъ всей истори-

ческой жизни различныхъ народовъ, откуда и вытекаетъ своеобразность ихъ общественныхъ учрежденій.

Область сравненій не должна ограничиваться только историческими стадіями общественнаго развитія различныхъ народовъ. Историкъ-юристъ не въ правѣ игнорировать примитивную эпоху общественной жизни, гдѣ впервые возникаютъ тѣ воззрѣнія, обычаи и учрежденія, которые впослѣдствіи, въ историческую пору народной жизни вырабатываются въ рядъ опредѣленныхъ соціальныхъ институтовъ. При изученіи примитивныхъ учрежденій вполнѣ примѣнимо простое сравненіе ихъ между собою у всѣхъ первобытныхъ обществъ, которыя еще не знаютъ исторіи, не начали жить исторической жизнью. При изслѣдованіи первобытнаго общества, которое начинаетъ только что складываться, не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо открытіи законовъ развитія, предполагающемъ длинный рядъ вѣковъ исторической жизни народовъ. Всѣ учрежденія примитивныхъ народностей (семейныя, имущественныя, политическія и др.) легко поддаются сравненію, такъ какъ всѣ они поразительно сходны между собою вслѣдствіе простоты, немногочисленности и однообразія элементарныхъ потребностей первобытнаго человѣка. Примитивныя учрежденія, принадлежащія обществамъ одинаковой, первоначальной ступени развитія, допускаютъ, слѣдовательно, лишь сравненіе сходныхъ чертъ въ нихъ, такъ какъ національныя ихъ особенности здѣсь отсутствуютъ. На необходимости приложенія сравнительной методы въ указанномъ нами видѣ настаиваетъ профессоръ Коркуновъ, который, какъ мы видѣли, категорически высказывается за распространеніе сравненій и на доисторическую эпоху общественной жизни: при ея изученіи не можетъ быть, по его словамъ, и рѣчи о выясненіи законовъ развитія. Во всѣхъ многочисленныхъ работахъ А. Поста, которыя имѣетъ въ виду въ этомъ случаѣ Коркуновъ, употребляется авторомъ именно это простое срав-

неніе всѣхъ однородныхъ первобытныхъ учрежденій и ихъ переживаній у различныхъ историческихъ народностей и преимущественно въ первую стадію ихъ исторической жизни, тѣсно соприкасающуюся съ примитивной эпохой [1]) Всякій, кто внимательно прочтетъ сочиненія Поста по первобытному праву, убѣдится въ нашихъ словахъ объ ихъ содержаніи, а также и въ томъ, что его „сравнительно-этнологическій методъ" не болѣе, какъ простое сравненіе, исключающее всякую мысль о преднамѣренномъ со стороны Поста игнорированіи „исторической связи" общественныхъ явленій и учрежденій. Въ области исторической жизни народа при изученіи исторіи его учрежденій простое сравненіе не можетъ привести къ прочнымъ и несомнѣннымъ научнымъ выводамъ: историческія соціальныя явленія отличаются большою сложностью или многопричинностью, разнообразіемъ [2]) и измѣнчивостью вслѣдствіе того факта, что въ образованіи общественнаго устройства на высшихъ историческихъ ступеняхъ развитія цивилизаціи принимаетъ широкое участіе человѣческая личность во взаимодѣйствіи съ разнаго рода историческими условіями общественной жизни [3]). На разныхъ ступеняхъ соціальнаго развитія соотношеніе этихъ двухъ постоянныхъ факторовъ въ цивилизаціи общества бываетъ различно, что и выражается въ типическихъ особенностяхъ каждой ея эпохи. Извѣстное число и родъ потребностей человѣческой личности вызываютъ въ общественной жизни и соотвѣтствующія средства для ихъ удовлетворенія,—тѣ или другія общественныя учрежденія. Поэтому, зная состояніе общества въ данный періодъ его исторической жизни, мы можемъ составить опредѣленное понятіе объ особенностяхъ и степе-

1) См., напр., Post'a: Bausteine etc., Einleitung etc., „Africanische Jurisprudenz", „Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts" (1890) и др.

2) Д. С. Милль: „Логика", II т., 451—458 стр и сл.

3) Карѣевъ: „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи", Спб., 1890 г., 603 стр. и сл.

ни развитія соціальныхъ институтовъ изслѣдуемаго періода. Отсюда видно, что при изученіи всѣхъ общественныхъ учрежденій необходимо сравнивать между собою тѣ изъ нихъ, которыя находятся на однѣхъ и тѣхъ же ступеняхъ развитія у различныхъ народовъ: однѣ и тѣже потребности общества порождаютъ и одинаковыя, однородныя его учрежденія. Поэтому Ковалевскій совершенно правъ, отбрасывая, какъ безполезный и ненаучный, „сопоставительный методъ“, при которомъ сравниваются между собою народы и ихъ учрежденія на различныхъ ступеняхъ ихъ развитія. Примѣръ Монтескьё, который употреблялъ такія сопоставленія разнородныхъ по степени цивилизаціи государствъ, долженъ служить предостереженіемъ каждому изслѣдователю исторіи общественныхъ учрежденій. Монтескье не могъ дойти до правильнаго понятія закона общественной жизни, предполагающаго наблюденіе надъ однородными соціальными явленіями, и внесъ въ общественную науку фаталистическое міровоззрѣніе, отрицаніе прогресса въ развитіи общественныхъ учрежденій [1]).

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что сравнивать между собою нужно только однородные соціальные институты, которые находятся на однѣхъ и тѣхъ же ступеняхъ общественной жизни у различныхъ народовъ, обитающихъ въ разныхъ частяхъ земнаго шара и независимо другъ отъ друга. Сравненія подобнаго рода даютъ возможность наблюдателю открыть *общія черты* учрежденій при самыхъ разнообразныхъ, національныхъ ихъ особенностяхъ. Но одно такое сравненіе единовременныхъ состояній общественной жизни можетъ повести къ ошибочнымъ заключеніямъ относительно неразрывной связи учрежденій съ тѣми или другими условіями соціальной жизни. Изслѣдователь можетъ въ этомъ

---

1) См. ниже.

случаѣ приписать однѣмъ особенностямъ климата, почвы, географическаго расположенія страны, религіи и т. д. причину той или другой организаціи общественныхъ учрежденій, которая на самомъ дѣлѣ заключается въ своеобразныхъ особенностяхъ историческаго возраста изучаемыхъ націй [1]). Въ эту методологическую ошибку впалъ и Монтескье, который не только сравнивалъ между собою разнообразныя по своему развитію соціальныя учрежденія, но еще и бралъ ихъ въ одинъ только моментъ этого развитія, обращая исключительное вниманіе на тѣсную связь политическихъ институтовъ, которыми онъ преимущественно занимался въ „De l'Esprit des loix“, съ климатомъ, почвой, религіей, торговлей, промышленностью и другими условіями общественной жизни. Монтескье ставилъ эти послѣднія въ постоянное и неизмѣнное соотношеніе съ основными политическими формами общественнаго быта и ихъ принципами, считалъ невозможнымъ существованіе различныхъ политическихъ типовъ внѣ этихъ условій и тѣмъ навлекъ на себя справедливый упрекъ въ отсталости, отрицаніи прогресса въ общественной жизни. Но въ тоже самое время Монтескье констатировалъ неоспоримую зависимость образованія политическихъ учрежденій отъ даннаго состоянія общества. Историкъ права долженъ остановиться на всемъ строѣ соціальной жизни у каждаго изъ сравниваемыхъ народовъ для того, чтобы уяснить себѣ общія черты юридическихъ и политическихъ учрежденій; но, чтобы понять и причины особенностей замѣчаемыхъ въ нихъ видоизмѣненій, онъ долженъ прибѣгнуть еще къ сравненіямъ послѣдовательныхъ стадій развитія общественныхъ учрежденій у каждаго изъ народовъ, составляющихъ объектъ изученія. Такимъ образомъ, „необходимо соединять статическое разсмотрѣніе соціальныхъ явленій

---

1) Сергѣевичъ: „Задача и метода государственныхъ наукъ“, 207 стр.

съ динамическимъ и брать во вниманіе не только единовременныя состоянія каждаго изъ различныхъ общественныхъ элементовъ, но и прогрессивныя ихъ измѣненія" [1]).

Слѣдовательно, сравнительно-историческій методъ состоитъ въ наблюденіи послѣдовательныхъ измѣненій въ одинаковыхъ общественныхъ формахъ и учрежденіяхъ у различныхъ народовъ [2]). Посредствомъ этого метода возможно раскрыть законы, управляющіе соціальными явленіями. Такими законами, открытіе которыхъ принадлежитъ Огюсту Конту [3]), а разъясненіе ихъ важнаго значенія въ общественной наукѣ—Д. С. Миллю, являются законъ сосуществованія или солидарности общественныхъ явленій и законъ ихъ послѣдовательности. Сущность перваго соціальнаго закона состоитъ въ постоянномъ вліяніи и взаимодѣйствіи всѣхъ соціальныхъ явленій, результатомъ котораго бываетъ извѣстная гармонія между ними (consensus). Въ силу этого закона всѣ общественныя учрежденія даннаго періода соціальной жизни отличаются однородностью, проникнуты однимъ и тѣмъ же общимъ духомъ, который въ равной мѣрѣ замѣтенъ во всѣхъ сторонахъ общественной жизни, отражается на нравахъ, понятіяхъ также, какъ юридическихъ и политическихъ институтахъ. Знакомый съ закономъ солидарности соціальныхъ явленій, историкъ-юристъ направляетъ свои усилія къ тому, чтобы подмѣтить посредствомъ сравненій извѣстныя *единообразія* въ соціальныхъ учрежденіяхъ изучаемыхъ народовъ, какъ результатъ такой гармоніи всѣхъ явленій ихъ обще-

---

1) Милль, ibidem, II, 507 стр.

2) Обозначеніе этого метода профессоромъ Ковалевскимъ „историко-сравнительнымъ" не измѣняетъ его сущности: оно имѣетъ цѣлью, какъ намъ кажется, только выставить особенную важность историческаго элемента при сравненіяхъ общественныхъ учрежденій, хотя примитивные институты допускаютъ только простое сравненіе, а не историческое.

3) Auguste Comte: „Cours de philosophie positive" (Paris, 1869), IV t., XLVIII, L и LI leçons.

ственной жизни, которая обусловливаетъ собою существованіе юридическихъ и политическихъ учрежденій, согласныхъ съ духомъ всего остальнаго соціальнаго быта. Изслѣдователь, открывая солидарность всѣхъ общественныхъ явленій въ данный періодъ исторіи общества, поневолѣ относится къ этому факту совершенно объективно, сознавая неизбѣжность такого взаимодѣйствія соціальныхъ феноменовъ, зависящаго отъ ихъ природы. Порядокъ изученія отдѣльныхъ общественныхъ учрежденій, напр. политическихъ, направляется поэтому въ ту сторону, чтобы открыть неразрывную связь ихъ съ народною моралью, религіей, экономической жизнью и другими сторонами общественнаго быта [1]) Законъ послѣдовательности соціальныхъ явленій вытекаетъ изъ необходимой и независящей отъ воли человѣка связи настоящаго состоянія общества съ прошедшимъ, пережитымъ имъ, бытомъ, изъ котораго и могутъ быть только объяснены всѣ послѣдующія, постепенныя въ немъ измѣненія. Послѣдовательныя видоизмѣненія соціальныхъ учрежденій понимаются въ смыслѣ постояннаго ихъ развитія, прогресса. Слово „прогрессъ" не означаетъ непремѣнно улучшеніе и стремленіе къ совершенствованію [2]), а лишь *различіе* между учрежденіями въ двѣ разныя, стоящія около другъ друга или даже отдаленныя, эпохи общественной жизни. Причемъ, это различіе тѣмъ больше, чѣмъ дальше онѣ отстоятъ другъ отъ друга. Но характеръ этихъ различій, все-таки, таковъ, что „за временными исключеніями общее стремленіе есть и будетъ стремленіе къ лучшему и счастливому состоянію" [3]). Обобщенія соціальныхъ явленій, достигаемыя сравнительно-исторической методой, имѣютъ характеръ эмпирическихъ законовъ, которыми можно объяснить только тѣ, однородныя и послѣдовательныя, соціальныя явленія, относительно которыхъ сдѣланы наблюденія [4]).

1, 2, 3 и 4) Милль, ibidem, II т., 491—497, ср. Сергѣевича: „Задача и метода государственныхъ наукъ", 185, 188 и 209 стр.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что задача сравнительно-историческаго метода въ изученіи общественныхъ учрежденій опредѣляется законами соціальныхъ явленій и состоитъ поэтому въ подмѣтѣ въ нихъ единообразій сосуществованія и послѣдовательности и обобщеній этихъ единообразій, иначе говоря, наблюденіи сходныхъ чертъ въ общественныхъ учрежденіяхъ на *разныхъ* ступеняхъ соціальнаго развитія различныхъ народовъ. Но разсматривая историческій ходъ развитія учрежденій у каждаго изъ нихъ, мы неизбѣжно наталкиваемся на черты различія между ними, на тѣ типическія особенности въ соціальныхъ институтахъ, которыя свойственны всякому народу и проявляются въ теченіе всей его исторіи, независимо отъ того, совершается или нѣтъ въ ней неуклонно и послѣдовательно развитіе всего общественнаго быта или его части къ лучшему. На національныя различія въ юридическихъ учрежденіяхъ, вытекающія изъ своеобразнаго у каждаго народа образованія права, обратила впервые вниманіе, какъ извѣстно, историческая школа права, которой принадлежитъ заслуга формулированія закона національности права. „Законы національнаго характера составляютъ, замѣчаетъ и послѣдователь О. Конта, Д. С. Милль, важный классъ соціологическихъ законовъ. Мнѣнія, чувства и привычки народа, хотя составляютъ результатъ общественнаго состоянія, которое имъ предшествуетъ, суть, однако, большею частью причины общественнаго состоянія, которое за ними слѣдуетъ; они представляютъ силу, которою образуются обычаи и законы, послѣдніе чрезъ прямое вліяніе общественнаго мнѣнія на управляющія власти, или чрезъ дѣйствіе, обнаруживаемое состояніемъ народнаго мнѣнія и чувства въ опредѣленіи формы правленія и въ образованіи характера правителей“ [1]).

1) Д. С. Милль, ibidem, 483—484 стр.

Само собою понятно, что то значеніе, какое сравнительно-историческая метода имѣетъ по отношенію къ изученію всѣхъ общественныхъ учрежденій, она сохраняетъ и при изслѣдованіи каждаго ихъ рода, а также и политическихъ учрежденій. Также и здѣсь историкъ-юристъ долженъ подмѣчать сходныя черты изучаемыхъ учрежденій у различныхъ народовъ на одинаковыхъ ступеняхъ ихъ развитія и въ тоже время останавливаться на различіяхъ политическихъ учрежденій, на сколько они вытекаютъ изъ ихъ прогресса въ смыслѣ улучшенія и національныхъ особенностей, выработавшихся въ процессѣ послѣдовательнаго развитія политическихъ учрежденій у каждаго народа. Но прежде, чѣмъ приступить къ изученію различій между ними, изслѣдователь долженъ имѣть дѣло съ примитивной эпохой въ общественной жизни изучаемыхъ народовъ, въ которой находятся основанія и первоначальная форма политическаго учрежденія, какъ источникъ если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, многихъ послѣдующихъ, историческихъ въ немъ видоизмѣненій. Сравненія между примитивными политическими учрежденіями у разныхъ народовъ возможны потому, что всѣ вообще первобытные юридическіе институты однообразны, поразительно сходны между собою вслѣдствіе одинаковости, простоты и немногочисленности первоначальныхъ потребностей у всѣхъ народовъ. Образцомъ такого, давно уже пережитаго европейскими народами, политическаго быта служатъ современныя первобытныя общества, дикія племена разныхъ частей свѣта: въ политическихъ учрежденіяхъ этихъ обществъ можно видѣть какъ бы воспроизведеніе, переживаніе своего рода, сохранившіяся черты изъ доисторической эпохи общественной жизни европейскихъ народовъ. Въ сферу изслѣдованія должны входить далѣе примитивныя историческія и политическія учрежденія не однѣхъ только родственныхъ народностей, но и всѣхъ тѣхъ обществъ, въ которыхъ находятся сходныя съ

изучаемыми политическія учрежденія. „Сравнительный методъ, говоритъ профессоръ Карѣевъ, не стѣсняется ни временемъ, ни пространствомъ, что, конечно, не мѣшаетъ ему примѣняться къ фактамъ, относящимся къ опредѣленнымъ мѣстамъ и эпохамъ" [1]). Само собою разумѣется, что при спеціальномъ изученіи всѣхъ политическихъ учрежденій или какого-либо одного изъ нихъ преслѣдуются тѣже общія цѣли, какъ и при сравнительно-историческомъ изслѣдованіи всѣхъ общественныхъ институтовъ, и употребляются одни и тѣже научные пріемы. Изслѣдователь обязанъ уяснить необходимую внутреннюю связь возникновенія и развитія даннаго политическаго учрежденія со всѣми, или, по крайней мѣрѣ, тѣми общественными условіями, отъ которыхъ зависитъ непосредственно появленіе и все дальнѣйшее образованіе учрежденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ историкъ-юристъ долженъ констатировать солидарность, гармонію политическаго учрежденія съ общественнымъ состояніемъ первоначальнаго и послѣдующаго періодовъ общественнаго развитія у всѣхъ изучаемыхъ народовъ или у одного того, который составляетъ центръ всего труда. Въ тоже время вниманіе ученаго наблюдателя должно быть обращено на причины тѣхъ прогрессивныхъ видоизмѣненій, которыя совершаются въ исторіи образованія изучаемаго учрежденія. Наконецъ, нельзя упускать изъ виду и національныхъ особенностей въ развитіи политическаго учрежденія у различныхъ народовъ, особенно же у того изъ нихъ, чье учрежденіе служитъ непосредственнымъ предметомъ научнаго изслѣдованія. Рѣшеніе вопроса о томъ, чему нужно приписать общія, сходныя черты учрежденія, замѣчаемыя у всѣхъ народовъ,—единству-ли ихъ происхожденія, передачѣ учрежденій или же дѣйствію общихъ причинъ,—зависитъ отъ всесторонняго и глубокаго изученія народной жизни въ раз-

1) Карѣевъ: „Введеніе въ курсъ исторіи древняго Востока", С.-Петерб., 1887 г., 18 стр.

ныя эпохи ея развитія у различныхъ націй, а также и полноты матеріала для такого обширнаго изслѣдованія извѣстнаго политическаго института. Мы уже знаемъ, что первая изъ указанныхъ причинъ наблюдаемыхъ сходствъ въ учрежденіяхъ—общность происхожденія различныхъ народовъ можетъ быть найдена посредствомъ филологическаго пріема, который примѣняется къ изученію первоначальной формы учрежденія въ древнѣйшую эпоху общественной жизни Пріемъ миѳологическій и изученіе фактовъ переживанія являются уже болѣе сомнительными научными пріемами, приложеніе которыхъ къ изученію первой группы сходствъ въ политическихъ учрежденіяхъ требуетъ отъ изслѣдователя большой осторожности. Миѳы различныхъ народовъ не всегда принадлежатъ только имъ однимъ и часто заимствуются однимъ народомъ у другаго; кромѣ того, различные миѳы могутъ быть поняты и истолкованы совершенно произвольно. Для того же, чтобы отдѣлить въ новыхъ формахъ политическихъ учрежденій, что осталось отъ прежней, пережитой обществомъ, фазы ихъ развитія, необходимо основательнѣйшее знакомство со всей исторіей общественнаго быта извѣстнаго народа. Оставляя въ сторонѣ спорный вопросъ о томъ, возможно-ли посредствомъ всѣхъ этихъ трехъ пріемовъ изученія исторіи права открыть новые въ ней факты, мы позволимъ себѣ замѣтить, что всѣ они не представляютъ собою чего-либо особеннаго, отличнаго отъ сравнительно-историческаго метода, какъ это утверждаетъ профессоръ Ковалевскій. Данныя сравнительнаго языкознанія и миѳологіи служатъ изслѣдователю древняго политическаго быта для *сравнительнаго же* изученія природы и происхожденія даннаго политическаго института и сужденія о сравнительной его старинѣ [1]). Съ той же сравнительно-исторической точки зрѣнія разсматриваются и фак-

1) Фриманъ, назв. сочиненіе, 4 и 9 стр.

ты переживанія политическихъ учрежденій у различныхъ народовъ, изъ которыхъ одинъ или нѣсколько народовъ могутъ заимствовать у другихъ пережитыя уже ими учрежденія. Что же касается того, извѣстныя сходныя политическія учрежденія заимствованы или же возникли у даннаго народа въ силу дѣйствія общихъ причинъ, то этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только тщательнымъ изученіемъ общественнаго и политическаго быта различныхъ народовъ, обладающихъ сходными учрежденіями, соотношеній между этими послѣдними и общественными классами, взаимнаго вліянія и историческаго процесса раздѣленія функцій власти между различными ея органами и созданія спеціальныхъ органовъ для каждой изъ нихъ [1]).

Послѣ всего сказаннаго нами здѣсь о сущности, значеніи и способахъ примѣненія сравнительно-исторической методы въ исторіи права едва ли нужно доказывать ея несомнѣнныя преимущества предъ чисто историческимъ методомъ. Достоинства сравнительно-историческаго метода такъ велики, что въ настоящее время ни одинъ авторъ сочиненія по исторіи права не можетъ обойтись безъ него, не рискуя навлечь на себя упрекъ въ отсталости, если только онъ прямо не ограничитъ сферу своего изслѣдованія однимъ положительнымъ правомъ даннаго народа. Конечно, и при работѣ надъ вопросомъ объ образованіи Государственнаго Совѣта при Александрѣ I-мъ можно было вести все дѣло изслѣдованія, доступнаго намъ, матеріала, архивнаго и литературнаго, при помощи одного историческаго метода. Но даже, слѣдуя этому узкому, одностороннему методу, мы должны были бы прослѣдить весь историческій процессъ образованія въ Россіи учрежденій, аналогичныхъ александровскому Государственному Совѣту. Нельзя же было ограничиться лишь одной

---

1) См. Ковалевскій, назв. соч., 25—26 стр.

эпохой Александра I-го, вырвать его Государственный Совѣтъ изъ исторіи высшаго управленія въ Россіи и игнорировать массу неоспоримыхъ фактовъ, доказывающихъ постепенное развитіе функцій этого учрежденія въ управленіи и въ связи съ различными условіями исторической жизни русскаго общества. Если-бы мы рѣшились, все-таки, держаться въ узкихъ рамкахъ историческаго метода, то и тогда мы не могли-бы миновать того, чтобы не сравнивать Государственный Совѣтъ Александра I-го съ аналогичными французскими и англійскими учрежденіями, по образцу которыхъ онъ будто-бы былъ созданъ въ Россіи, по словамъ противниковъ реформъ Александра I-го и графа Сперанскаго и въ числѣ ихъ знаменитаго Карамзина [1]). Чтобы рѣшить въ высшей степени важный вопросъ о томъ, былъ-ли Александровскій Совѣтъ 1801 г., особенно же 1810 г., лишь буквальнымъ сколкомъ съ Тайнаго англійскаго Совѣта XVIII вѣка и Государственнаго Совѣта временъ первой имперіи во Франціи, или же, напротивъ, это учрежденіе было продуктомъ предварительнаго историческаго процесса развитія высшаго управленія въ Россіи, а можетъ быть результатомъ обѣихъ этихъ причинъ, мы должны были обратиться какъ къ прошлой исторіи высшаго управленія Россіи, такъ и исторіи Государственнаго Совѣта во Франціи и Англіи. Отъ такого же необходимаго, вытекающаго изъ самой задачи труда, пользованія въ немъ сравнительно-историческимъ методомъ было недалеко и до болѣе широкаго его примѣненія къ исторіи другихъ иноземныхъ учрежденій, аналогичныхъ русскому Государственному Совѣту. Такое расширеніе употребленія сравнительной методы могло привести насъ къ обобщеніямъ, полезнымъ и для исторіи образованія этого послѣдняго. Предпосылая исторіи образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи до Александра I-го и особенно

---

1) Карамзинъ: „Записка о древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ“.

при немъ очеркъ совѣщательныхъ учрежденій [1]) на Западѣ Европы, мы исходили изъ той мысли, что „въ исторіи государственныхъ учрежденій должна быть воспроизведена картина постояннаго взаимодѣйствія между государствомъ и обществомъ, конституціей и администраціей страны, что въ ней изслѣдователь имѣетъ дѣло съ происхожденіемъ и развитіемъ государственнаго организма“ [2]) и что, слѣдовательно, исторія каждаго политическаго учрежденія неразрывно связана со всей предъидущей жизнью общества, взаимнымъ въ ней отношеніемъ между общественными классами и государственною властью. Желаніе обосновать научнымъ образомъ нашу попытку прослѣдить историческій процессъ образованія въ высшемъ управленіи Россіи совѣщательныхъ учрежденій до Александра I-го и связать генетически съ ними и съ исторіей общественныхъ (высшихъ) классовъ Государственный Совѣтъ при этомъ государѣ заставили насъ обратиться къ изученію съ помощью сравнительно-историческаго метода исторіи совѣщательныхъ учрежденій и на всемъ Западѣ Европы. Послѣ краткаго очерка совѣщательныхъ учрежденій въ древности, особенно въ Греціи и Римѣ, мы подробно останавливаемся, главнымъ образомъ, на исторіи Государственныхъ Совѣтовъ во Франціи и Англіи, которые могутъ служить въ нѣкоторомъ отношеніи образцами для характеристики исторіи развитія совѣщательныхъ учрежденій у романскихъ и германскихъ народностей. Изъ остальныхъ европейскихъ государствъ мы обращаемъ вниманіе на Швецію, откуда Петръ I-й заимствовалъ свой Сенатъ, а при Екатеринѣ II-й графъ Н. Панинъ взялъ свой проэктъ Государственнаго Со-

---

1) Мы употребляемъ терминъ „совѣщательный“, неисчерпывающій всего политическаго значенія въ исторіи совѣтовъ разныхъ наименованій, за неимѣніемъ лучшаго и по примѣру Г. Спенсера. См. его: „Развитіе политическихъ учрежденій“, V, VII и VIII главы.

2) Гнейстъ: „Исторія государственныхъ учрежденій Англіи“, пер. Венгерова, предисловіе, V—VI с.

вѣта, Пруссію и Австрію, гдѣ исторія Государственнаго Совѣта отличается исключительно монархическимъ характеромъ, и Венгрію и Венецію, въ которыхъ, наоборотъ, совѣщательныя учрежденія были орудіемъ могущественной власти аристократіи [1]). Заключеніемъ историческаго очерка западно-европейскихъ совѣтовъ служитъ краткое обозрѣніе ихъ въ исторіи славянскихъ государствъ: Чехіи или Богеміи, Сербіи, Болгаріи, Польшы съ Литвой и у балтійскихъ славянъ.

Въ исторіи всѣхъ совѣщательныхъ учрежденій древности и новыхъ европейскихъ государствъ, за исключеніемъ Франціи и Англіи, мы ограничиваемся главными ея моментами, тѣми фактическими данными, которыя указываютъ на связь исторіи и политическаго значенія совѣтовъ разныхъ названій съ политическою ролью, положеніемъ въ обществѣ высшихъ его классовъ и отношеніемъ къ нимъ монархической власти. Мы пытаемся намѣтить главныя фазы въ исторіи образованіи совѣщательныхъ учрежденій на Западѣ, которыя повторяются и въ исторіи ихъ образованія въ Россіи, оканчивая эпохой Александра I-го, найти тѣ общія сходныя черты названныхъ учрежденій, которыя одинаково встрѣчаются и въ древности, и въ новое время и которыя позволяютъ поставить рядомъ совѣщательныя учрежденія различныхъ временъ и странъ, сходныя по своимъ функціямъ и соціально-политическому значенію, хотя и различныя по своимъ названіямъ, внѣшнимъ формамъ и національнымъ особенностямъ. Мы не имѣемъ намѣренія исчерпать и изслѣдовать подробно и вполнѣ основательнымъ образомъ исторію совѣщательныхъ учрежденій въ древнемъ и новомъ мірѣ. Подобная обширная и труднѣйшая работа потребовала бы слишкомъ много силъ и времени и отвлекла бы насъ далеко

---

1) Примѣчаніе. Относительно исторіи совѣтовъ въ остальныхъ западно-европейскихъ государствахъ (Даніи, Нидерландахъ и др.) мы ограничиваемся краткими замѣчаніями въ самомъ текстѣ или же въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

отъ главной цѣли нашего труда—представить исторію, изучить процессъ образованія совѣщательныхъ учрежденій въ Россіи, важнѣйшимъ и заключительнымъ моментомъ котораго является организація Государственнаго Совѣта при Александрѣ I-мъ. Поэтому послѣ болѣе или менѣе подробнаго изслѣдованія соціально-политическаго значенія совѣщательныхъ учрежденій на Западѣ Европы, въ удѣльный и московскій періоды русской исторіи и отъ Петра I-го до Александра I-го мы останавливаемся преимущественно на Государственномъ Совѣтѣ въ царствованіе Александра I-го. По отношенію къ этому центральному пункту нашей работы вся исторія совѣщательныхъ учрежденій не только на Западѣ Европы, но и у насъ въ Россіи—до Александра I-го имѣетъ въ нашей работѣ значеніе вступительнаго очерка, безъ котораго, однако, не можетъ быть понята и исторія совѣта при Александрѣ I-мъ. Весь планъ нашего изслѣдованія состоитъ въ слѣдующемъ. Послѣ введенія, въ которомъ заключается исторія иноземныхъ совѣщательныхъ учрежденій, въ первой главѣ сочиненія мы стараемся изслѣдовать возникновеніе и взаимныя отношенія монархической власти и высшаго сословія въ древней, московской Руси: отъ характера этихъ отношеній зависитъ политическая роль совѣщательныхъ учрежденій въ удѣльно-вѣчевую эпоху, московскомъ и императорскомъ періодѣ русской исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы пытаемся указать здѣсь и въ послѣдующихъ главахъ на отдѣленіе высшаго управленія отъ мѣстнаго, образованіе перваго, раздѣленіе главныхъ функцій власти и взаимныя отношенія между учрежденіями различныхъ названій московскаго (боярской думой и приказами) и императорскаго періода (совѣтами, кабинетами, сенатомъ и др.). При изученіи образованія совѣта при Александрѣ I мы также останавливаемся на характеристикѣ общественнаго состоянія этой эпохи, личности государя и его ближайшихъ сотрудниковъ по преобразованію всего русскаго управленія, учрежденіи Непремѣннаго Совѣта и его

отношеніи къ вновь возникшимъ въ тоже время министерствамъ, комитету министровъ и къ сенату. Еще подробнѣе мы изслѣдуемъ образованіе Государственнаго Совѣта въ 1810—1825 г.: здѣсь мы предварительно приводимъ главныя основанія „Государственнаго Уложенія“ графа Сперанскаго, съ точки зрѣнія котораго можетъ быть только сдѣлана вѣрная оцѣнка „Образованія“ Совѣта въ 1810 году. Затѣмъ идетъ изложеніе самого учрежденія совѣта и разсмотрѣніе отношеній послѣдняго къ комитету министровъ, сенату и министерствамъ. Заключительной главой, гдѣ русскій Государственный Совѣтъ сравнивается съ аналогичными западно-европейскими учрежденіями, древняго и особенно новаго времени, заканчивается первый томъ нашего труда, выпускаемый нынѣ въ свѣтъ [1]).

Мы изложили подробно планъ нашей работы съ тою цѣлью, чтобы показать, какое мѣсто въ ней занимаетъ исторія иноземныхъ совѣщательныхъ учрежденій, которой отведено во всемъ сочиненіи (въ двухъ томахъ) не болѣе, если только не менѣе 4-й части всего содержанія. Мы не скрываемъ отъ себя всѣхъ трудностей при осуществленіи задуманнаго нами плана работы. Широта задачи, обширность матеріала и новизна въ примѣненіи мало разработаннаго сравнительнаго метода могутъ вовлечь насъ въ ошибки, естественныя въ подобномъ изслѣдованіи. Но мы принимаемся за свой трудъ съ глубокимъ убѣжденіемъ въ необходимости слѣдовать при своей работѣ сравнительно-историческому методу, главныя основанія котораго нами только что изложены. За употребленіе этого метода

1) Примѣчаніе. Значительная часть матеріала для 2-го тома, въ который должно войти обозрѣніе дѣятельности государственнаго совѣта при Екатеринѣ II, Павлѣ I и особенно Александрѣ I-мъ, авторъ имѣетъ уже подъ руками и въ настоящее время. Сюда относится, кромѣ Архива Государственнаго Совѣта Калачева и 1-го Полнаго Собранія Законовъ, еще упомянутые выше (IV—V стр.) акты, хранящіеся въ Архивѣ Государственнаго Совѣта, въ которыхъ, между прочимъ, находится драгоцѣнный матеріалъ для исторіи сената при Екатеринѣ II-й и Александрѣ I-мъ. Съ появленіемъ V тома Архива Государственнаго Совѣта закончится и собираніе авторомъ матеріала для 2-го тома.

во всѣхъ историко-юридическихъ работахъ раздаются и авторитетные голоса нашихъ извѣстныхъ историковъ-юристовъ. Нѣкоторые изъ нихъ высказываются прямо за изученіе всѣхъ высшихъ учрежденій русскаго государства съ значеніемъ совѣта въ генетической ихъ связи другъ съ другомъ, исторіей древне-русскаго боярскаго сословія и новаго дворянскаго въ Россіи послѣ Петра I-го и аналогичными учрежденіями у другихъ народностей. Мы уже знакомы съ методологическими воззрѣніями профессора Сергѣевича, который въ своихъ „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права" (1883 г.) указываетъ, между прочимъ, на неразрывную связь Боярской Думы съ Сенатомъ, Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и Государственнымъ Совѣтомъ Александра I-го (792—3 стр.). Профессоръ Романовичъ-Славатинскій замѣчаетъ, что въ исторіи права „сравнительный элементъ особенно важенъ потому, что своими сравненіями и противоположеніями онъ даетъ возможность выяснить осебенныя національныя черты изучаемаго института" [1]). Профессоръ Владимірскій-Будановъ, разсматривая высшія учрежденія Россіи, начиная съ Княжеской Думы и оканчивая Государственнымъ Совѣтомъ Александра I-го, замѣчаетъ, что въ Россіи „была постоянно сознаваема потребность высшихъ государственыхъ установленій, которой прежде удовлетворяла Дума, но для которой вовсе не былъ созданъ Сенатъ" [2]). Владимірскій-Будановъ указываетъ, между прочимъ, на генетическую связь между Княжеской Думой и Радой или Сенатомъ Великаго Князя Литовскаго, съ одной стороны, и Московской Думой— съ другой и видитъ во всѣхъ этихъ институтахъ „проявленіе того общаго типа учрежденій, который во всѣхъ госу-

1) Романовичъ-Славатинскій: „Система русскаго государственнаго права", 1886 г., часть I, предисловіе, III стр.

2) Владимірскій-Будановъ: „Обзоръ Исторіи Русскаго Права", 2 изд., 1888 г., стр. 234.

дарствахъ классической и новой Европы носитъ названіе *сената* или *совѣта*“ [1]). Тотъ же ученый признаетъ, что „исторія учрежденій должна идти рука объ руку съ исторіей классовъ и сословій“ [2]). Образцами такихъ изслѣдованій въ русской историко-юридической литературѣ служатъ труды профессора Градовскаго по исторіи мѣстнаго управленія, профессора Дитятина по исторіи городскаго управленія и—Ключевскаго о Боярской Думѣ. Сочиненіе же профессора Латкина о Земскихъ Соборахъ прямо основано на сравнительно-историческомъ методѣ, сравненіи русскихъ соборовъ съ аналогичными учрежденіями Запада.

Сообразно высказаннымъ нами задачамъ изслѣдованія, мы ограничиваемся употребленіемъ тѣхъ научныхъ пріемовъ сравнительной методы, которые подходятъ къ цѣли труда, гдѣ долженъ быть рѣшенъ вопросъ, національное или заимствованное учрежденіе Государственный Совѣтъ Александра I-го. Такъ какъ намъ при сравненіяхъ придется имѣть дѣло поэтому съ вопросомъ о передачѣ учрежденій и дѣйствіи одинаковыхъ условій, то филологическій и миѳологическій пріемъ и другіе способы открытія единства происхожденія, какъ причину сходствъ учрежденій, мы оставляемъ въ сторонѣ. Мы пользуемся данными сравнительной филологіи только при началѣ изученія древнѣйшихъ совѣщательныхъ учрежденій всѣхъ арійскихъ народностей. Миѳологическій же пріемъ мы примѣняемъ лишь, въ видѣ опыта, при изслѣдованіи совѣтовъ въ гомерической Греціи.

Мы уже указали выше (II—III стр.) на матеріалы для нашего сочиненія, архивные и литературные. Къ нимъ мы должны прибавить Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей и различные историческіе памятники (соч. Котошихина, Крижа-

---

1—2) В.-Буданова рецензія на сочиненія о Боярской Думѣ профессоровъ Загоскина и Ключевскаго въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“, 8 томъ, 124 и 108 стр.

нича, Сказанія князя Курбскаго и мн. другіе). Всѣ другія сочиненія по исторіи русскаго права и многочисленныя иностранныя изслѣдованія историко-юридическаго характера будутъ указаны нами въ своемъ мѣстѣ.

Въ заключеніе считаю своею пріятною обязанностью выразить глубочайшую благодарность: Его Высокопревосходительству, Г. Государственному Секретарю, Александру Александровичу *Половцеву* за благосклонное позволеніе мнѣ заниматься дѣлами въ Архивѣ Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи, Его Высокопревосходительству, Члену Государственнаго Совѣта и Директору Императорской Публичной Библіотеки, Аѳанасію Феодоровичу *Бычкову* за его помощь при моихъ занятіяхъ въ отдѣленіи рукописей И. П. Библіотеки, профессору С.-Петербургскаго университета, Василію Ивановичу *Сергѣевичу*, обязательно снабдившему меня одной изъ редакцій „Плана“ графа Сперанскаго, Димитрію Александровичу *Философову*, значительно облегчившему мои занятія дѣлами Комитета 6-го декабря 1826 года, и Директору Демидовскаго Юридическаго Лицея, Сергѣю Михайловичу *Шпилевскому* за его литературныя указанія для моей работы.

В. Щегловъ.

Ярославль.
Январь 1891 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Аристотель въ своей „Политикѣ“ видитъ причину разнообразія политическихъ формъ въ различіи соціальныхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ государство, и разсматриваетъ основныя формы политическаго быта—монархію, аристократію и демократію въ связи съ участіемъ въ управленіи государствомъ одного лица, меньшинства или всѣхъ гражданъ [1]). Соединеніе всѣхъ трехъ элементовъ политическаго быта, хотя и съ нѣкоторымъ преобладаніемъ одного изъ нихъ надъ двумя остальными, Аристотель отмѣчаетъ въ современныхъ ему законодательствахъ Спарты, Крита и Карфагена [2]). Независимо отъ формы политическаго устройства въ каждомъ государствѣ обсужденіе государственныхъ вопросовъ и рѣшеніе спорныхъ дѣлъ принадлежитъ, по замѣчанію Аристотеля, особому сословію гражданъ, членамъ *совѣта*, который составляетъ одинъ изъ необходимыхъ элементовъ всякаго государства [3]). Въ тоже время каждая форма политическаго быта имѣетъ свои особенные институты. Такъ институтъ *совѣтниковъ* (πρόβουλοι) свойственъ аристократіи или, по терминологіи Аристотеля, олигархіи, какъ такой формѣ государства, въ управленіи дѣлами котораго участвуютъ „не просто наилучшіе люди, а въ какомъ-либо смыслѣ хорошіе, или богатые или же знатные въ силу рожденія, но не личнаго только достоинства, какъ основнаго элемента аристократіи“ [4]). Съ такой именно точки на олигархію, какъ не-

1—4) Аристотель: „Политика“ (переводъ Скворцова), стр.: 252, 136 и сл., 158—170, 258—271, 96—111; 122—194—6, 139, 255—267.

каженіе истинной аристократіи. Аристотель разсматриваетъ политическое устройство Лакедемона или Спарты. Такъ онъ не одобряетъ организацію спартанскаго *совѣта* или *сената*, —герусіи, члены которой „въ продолженіе всей своей жизни остаются властелинами въ обсужденіи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ“ [1]). Аристотель осуждаетъ также и Критянъ за то, что они предоставили геронтамъ, членамъ βουλή (совѣта), пожизненность и безотвѣтственность власти [2]). Наконецъ, олигархическій характеръ государственнаго устройства Карфагена Аристотель открываетъ въ томъ, что „пентархи, власть которыхъ простирается на многія и очень важныя дѣла, избираютъ не только сами себя, но и *совѣтъ ста*,—эту величайшую власть въ государствѣ“ [3]). Такимъ образомъ, Аристотель находитъ, что учрежденіе совѣта или сената неразлучно съ аристократической формой политическаго быта, въ которой онъ состоитъ изъ членовъ высшаго класса общества и пользуется высшею властью въ государствѣ, какъ это было и на самомъ дѣлѣ въ наблюдаемыхъ Аристотелемъ греческихъ государствахъ.

Къ такому же въ сущности взгляду на сенатъ, какъ учрежденіе преимущественно аристократическое, приходитъ и *Монтескье*, который думаетъ, что для сохраненія аристократическаго политическаго принципа (умѣренности) только сенатъ, какъ учрежденіе, долженъ пользоваться привиллегіями; сенаторы же должны довольствоваться простымъ уваженіемъ [4]). По мнѣнію Монтескье, дворянство—необходимая, составная часть монархическаго государства, которое безъ него превращается въ деспотію: „point de monarque, point de noblesse; point de noblesse, point de monarque“, говоритъ Монтескье [5]). Дворянство играетъ въ монархіи роль посредствующаго органа вла-

---

1—3) Аристотель, ibidem, стр.: 98, 105, 109—110.
4—5) Montesquieu: „De l'Esprit des loix“, t. I, 25, 91, 30 p.

сти при примѣненіи основныхъ законовъ государства [1]). Но признавая такое, повидимому, важное политическое значеніе за дворянскимъ сословіемъ въ монархическомъ государствѣ Монтескье не рѣшается сдѣлать изъ него „охранителя законовъ", довѣрить ему „объявленіе о законахъ, когда они созданы монархомъ и напоминаніе о нихъ, когда законы забыты". Монтескье укоряетъ даже дворянство въ невѣжествѣ, невниманіи и презрѣніи къ государственнымъ дѣламъ [2]). Не пользуется авторитетомъ въ глазахъ Монтескье и совѣтъ государя, который „выполняетъ волю монарха, но не въ состояніи охранять фундаментальные законы страны. Совѣтъ монарха не есть постоянное учрежденіе; онъ состоитъ изъ небольшаго числа лицъ, не обладаетъ въ достаточной степени довѣріемъ народа и, слѣдовательно, не можетъ помочь монарху въ трудныя времена и заставить народъ повиноваться ему" [3]).

Сравнивая взгляды Аристотеля и Монтескье, мы замѣчаемъ сходство ихъ въ томъ, что оба эти знаменитыхъ писателя древняго и новаго времени смотрятъ на сенатъ, какъ на чисто аристократическое и потому самостоятельное политическое учрежденіе. Различіе между ними заключается въ томъ, что Монтескье отличаетъ отъ аристократіи, какъ высшей политической силы въ аристократическихъ государствахъ, дворянство, какъ необходимый, умѣряющій элементъ монархіи, гдѣ все рѣшается волею монарха. Органомъ его воли является совѣтъ государя, который, какъ случайное учрежденіе, отличается отъ сената—института прочнаго и постояннаго, обладающаго политическими правами. Члены дворянскаго сословія не имѣютъ самостоятельнаго значенія въ совѣтѣ, хотя въ тоже время они и должны слѣдить за примѣненіемъ основныхъ законовъ въ монархическомъ государ-

1—3) Montesquieu, ibidem, 33—34 p.

ствѣ. Это противорѣчіе въ воззрѣніяхъ Монтескье, какъ и явное недовѣріе къ административнымъ способностямъ дворянства объясняются политическими его стремленіями, которыми проникнуто все его знаменитое сочиненіе: „De l'Esprit des loix“. Извѣстно, что Монтескье желалъ найти гарантіи политической свободы [1]) для своего отечества (Франціи) въ англійскихъ конституціонныхъ учрежденіяхъ [2]). Монтескье предлагалъ для достиженія этой цѣли перенести ихъ на континентъ Европы, гдѣ они должны были замѣнить господствующую въ XVIII столѣтіи неограниченную монархію, блестящимъ представителемъ которой во Франціи долго былъ Людовикъ XIV, оставившій абсолютную королевскую власть и своимъ преемникамъ. Французское дворянство, давно уже потерявшее всякое политическое значеніе, обратилось въ то время изъ должностнаго класса въ придворную свиту короля, жило и искало только его милостей, занималось дворцовыми интригами и не имѣло ни охоты, ни способностей къ занятіямъ государственными дѣлами [3]). Яркій контрастъ дворянству Франціи представляла англійская аристократія XVIII ст., пользовавшаяся всѣми правами власти и „охраняющая“ основные законы страны [4]). Монтескье считалъ правленіе этой аристократіи образцовой, хотя въ XVIII вѣкѣ ея дѣятельность и отличалась въ сущности эгоистическимъ характеромъ [5]). Называя совѣтъ случайнымъ учрежденіемъ, зависящимъ только отъ воли короля, Монтескье имѣлъ въ виду также неограниченную абсолютную власть французскихъ королей, которые распоряжались произвольно во всѣхъ отрасляхъ управленія. Но на самомъ дѣлѣ французскій Государственный Совѣтъ во 2-й половинѣ XVIII столѣтія имѣлъ опредѣленную организацію, былъ постояннымъ

1—2) Montesqueiu: ibidem, XII livr., II chap. и XI livr., VI chap.

3) Ch. Louandre: „La noblesse française sous l'ancienne monarchie“ Paris, 1880, 227 p. et suiv., Montesquieu, ibidem, I t., 266—7 p.

4—5) Гнейстъ, назв. соч., 794 и сл., 805—14 и 841—43 стр.

учрежденіемъ, въ которомъ произведены были важнѣйшія реформы въ администраціи королевства [1]).

Воззрѣнія Аристотеля и Монтескье на сенатъ, какъ аристократическое учрежденіе par excellence въ государствахъ, гдѣ высшій классъ общества, аристократія обладаетъ политическими правами, и взглядъ Монтескье на незначительную политическую роль дворянства и совѣтъ государя въ неограниченныхъ монархіяхъ соединены въ одно цѣлое у *Герберта Спенсера*. Подобно Аристотелю, Спенсеръ устанавливаетъ путемъ сравнительнаго изслѣдованія примитивныхъ учрежденій у различныхъ народовъ тѣсную связь между тремя основными формами политическаго быта общества — монархіей, аристократіей и демократіей и составомъ общества, различными общественными классами, участвующими во власти. Констатируя наличность въ каждомъ первобытномъ обществѣ абрисовъ тройственнаго политическаго дѣленія, на которые указываетъ, какъ мы видѣли, и Фриманъ относительно арійскихъ народовъ [2]), Спенсеръ находитъ зародыши демократіи въ народной массѣ, обыкновенно одобряющей или порицающей рѣшенія меньшинства—аристократіи и монарха—одного лица, выдающагося изъ среды остальныхъ какими-либо качествами,—опытнаго воина, стараго охотника и пр. [3]). Измѣненіе взаимныхъ отношеній между этими тремя составными элементами первоначальнаго политическаго быта происходитъ вслѣдствіе вліянія на него разнообразныхъ условій послѣдующей исторической жизни общества [4]), но всегда и вездѣ указанная связь между тремя политическими формами и, соотвѣтствующимъ каждой изъ нихъ, политическимъ преобладаніемъ всего народа, высшаго его клас-

---

1) См. ниже.

2) См. выше. Тройственность политическаго дѣленія свойственна, какъ увидимъ, первобытной эпохѣ общественной жизни всѣхъ народовъ.

3 - 4) Г. Спенсеръ: „Развитіе политическихъ учрежденій“, Спб., 1882, стр.: 91—92, 97—8, VI—IX гл.

са и одного лица остается одна и таже [1]). При „сложномъ политическомъ главенствѣ“, — соединеніи власти всего народа съ властью руководящаго меньшинства это послѣднее имѣетъ рѣшающій голосъ въ *совѣтѣ* или *сенатѣ*. Совѣтъ или сенатъ, какъ выраженіе власти выдающагося меньшинства въ государствахъ съ аристократическимъ характеромъ, явленіе общее какъ примитивнымъ ступенямъ общественной жизни, такъ и всему послѣдующему, историческому періоду его жизни [2]). Совершенно въ другомъ положеніи оказываются аристократическіе классы общества въ монархическихъ государствахъ. Совѣщательныя учрежденія здѣсь ничто иное, какъ военные совѣты, которые образовались въ виду, сильно чувствуемой въ первобытныхъ обществахъ, нужды въ обезпеченіи общей безопасности [3]). Совѣтъ вождей состоялъ сначала изъ способныхъ и опытныхъ воиновъ, которые затѣмъ стали отличаться отъ остальныхъ обширными поземельными владѣніями и, слѣдовательно, большимъ могуществомъ. Такъ организованный военный совѣтъ переходитъ со временемъ въ постоянный совѣщательный органъ, въ которомъ король, въ качествѣ правителя, первенствуетъ при обсужденіи общественныхъ дѣлъ въ широкомъ смыслѣ [4]). Въ совѣтахъ участвуютъ обыкновенно и представители духовенства, которое имѣло сначала большое вліяніе на всѣ общественныя дѣла [5]). Члены совѣта иногда пріобрѣтаютъ исключительное, независимое положеніе, благодаря своему богатству, полученному въ войнахъ, и тогда между ними и королемъ начинается борьба изъ за власти. Рѣшающимъ въ пользу короля моментомъ въ этой борьбѣ является вѣра въ божественное происхожденіе монархической власти и законъ наслѣдственнаго преемства престола. При отсутствіи этихъ двухъ условій аристократія беретъ перевѣсъ надъ монархической властью [6]).

1—6) Спенсеръ, ididem, стр.: 97—98, 157 и сл., 171—72, 184, 195, 201, 204, 208—210.

Въ первомъ случаѣ члены совѣта становятся простыми совѣтниками, назначаемыми королемъ, во второмъ монархическое государство превращается въ аристократическое, склоняется къ олигархіи [1]).

Спенсеръ, слѣдовательно, утверждаетъ, что всегда въ аристократическихъ государствахъ власть высшаго класса общества выражается въ сенатѣ, который иногда называется совѣтомъ. Послѣднее названіе, напротивъ, употребляется обыкновенно для обозначенія высшаго учрежденія въ монархическихъ государствахъ, гдѣ совѣтъ занимаетъ второстепенное мѣсто около короля, которому подчиняется и вся знать, богатая поземельными владѣніями. Спенсеръ указываетъ и на первоначальную причину появленія совѣтовъ въ монархіяхъ, какъ и характеръ и исходъ борьбы между королевской властью и аристократическимъ элементомъ примитивнаго общества, которые отражаются и на послѣдующей организаціи совѣщательныхъ учрежденій.

Сличая изложенные взгляды всѣхъ трехъ знаменитыхъ ученыхъ: Аристотеля, Монтескье и Спенсера, мы можемъ вывести изъ нихъ нѣсколько положеній, которыя послужатъ намъ научной гипотезой, исходной точкой нашего послѣдующаго изслѣдованія исторіи совѣщательныхъ учрежденій въ древности и новое время. Эти положенія слѣдующія:

I. Совѣщательныя учрежденія имѣютъ значеніе самостоятельныхъ политическихъ институтовъ тамъ, гдѣ власть принадлежитъ высшему классу общества—аристократіи [2]).

II. Напротивъ, *совѣты* находятся въ полной зависимости отъ главы государства въ неограниченныхъ монархіяхъ, гдѣ высшій классъ

---

1) Спенсеръ, ibidem, стр. 212—213.
2) Ср. Фриманъ, назв. соч., VI гл., 160 стр.

общества—дворянство не имѣетъ политическихъ правъ.

III. Первоначальные совѣты въ монархическихъ государствахъ—*военные совѣты*.

IV. Борьба изъ за власти между монархическимъ и аристократическимъ элементомъ общества и исходъ борьбы въ пользу того или другаго отражаются на измѣненіи *организаціи совѣтовъ*, которые становятся или просто совѣщательными учрежденіями при монархѣ, или же получаютъ значеніе органа власти аристократіи.

V. Совѣщательныя учрежденія въ аристократическихъ государствахъ называются преимущественно *сенатами*, а иногда и *совѣтами*, въ монархіяхъ же—это послѣднее названіе болѣе употребительно, лучше соотвѣтствуетъ ихъ положенію въ управленіи.

Что касается причинъ, при которыхъ происходятъ измѣненія въ первоначальныхъ отношеніяхъ между монархическимъ и аристократическимъ элементами и, сообразной съ этими измѣненіями, политической роли совѣтовъ, то, очевидно, эти причины не исчерпываются тѣми, которыя указаны Спенсеромъ. Все въ данномъ случаѣ зависитъ отъ тѣхъ особенныхъ условій исторической жизни народа, при которыхъ совершаются въ ней движенія въ пользу того или другаго элемента.

Посмотримъ теперь, какъ оправдываются на дѣлѣ, выставленные нами, тезисы, насколько соотвѣтствуетъ дѣйствительная народная жизнь въ различныя эпохи ея развитія выводамъ виднѣйшихъ, всемірныхъ представителей науки о государствѣ.

Этнографическія данныя, сообщаемыя Вайтцемъ, Герлан-

домъ, Постомъ, Спенсеромъ, Липпертомъ и др. учеными относительно примитивнаго политическаго устройства различныхъ дикихъ племенъ во всѣхъ частяхъ свѣта, позволяютъ намъ утверждать, что уже въ эту первобытную эпоху начинаетъ возникать въ политическомъ быту рядъ явленій, отмѣченныхъ сравнительнымъ государствовѣдѣніемъ, какъ сходныя между собою. Такъ въ однихъ примитивныхъ обществахъ, гдѣ родовые старѣйшины достигли до выдающагося положенія въ обществѣ въ силу своего богатства, совпадающаго съ жречествомъ, и личныхъ качествъ высшимъ органомъ ихъ власти является сенатъ или совѣтъ, рѣшенія котораго обязательны для всѣхъ членовъ рода [1]). Въ обществахъ съ демократическимъ характеромъ правленія этотъ совѣтъ только особая правительственная коммиссія народнаго собранія для управленія важнѣйшими дѣлами [2]). Въ первобытныхъ же обществахъ съ монархическимъ типомъ политическаго быта монархъ бываетъ окруженъ совѣтомъ, значеніе котораго зависитъ отъ того, до какой степени развита монархическая власть въ такомъ обществѣ и какое положеніе занимаетъ въ немъ высшій его классъ. При незначительномъ развитіи этой власти аристократическій совѣтъ монарха пользуется большими политическими правами; въ противномъ случаѣ при наличности въ обществѣ дворянства онъ становится послушнымъ орудіемъ въ рукахъ монарха [3]). Наконецъ, въ примитивныхъ обществахъ съ преобладающимъ въ нихъ съ самаго начала монархическимъ элементомъ совѣты состоятъ изъ вождей, у которыхъ

---

1) Lippert: „Die Geschichte d. Menschheit", II, 566 s., Post., Bausteine etc., 73, 136, 213 s., „Africanische Jurisprudenz" (1887), I, 167—9 s., Waitz: „Anthropologie der Naturvölker" (1859—65 и 1872), I, 514, II, 140, 142, 468, IV, 278, и VI (Waitz—Gerland), 165—170 s., Спенсеръ: „Развитіе политическихъ учрежденій", 158 с. 2) Post, Bausteine etc., 135 и 213 s. 3) Waitz, I, 127, II, 145, 151, 159, 419, 468, IV, 71—74, 262, V, 189 и 151, VI, 186—194 и 202 s., Post: „African. Jurisprudenz", I, 220—8, Спенсеръ: „Основанія соціологіи", II, 585 с.

„глава государства ищетъ поддержки, а иногда въ важныхъ дѣлахъ и раздѣляетъ съ ними отвѣтственность“ [1]).

ВОСТОКЪ.

Сравнительно-историческое изученіе цивилизаціи *восточныхъ народовъ* даетъ мало данныхъ для исторіи совѣщательныхъ учрежденій, въ особенности для изслѣдованія строго аристократической ихъ формы. На Востокѣ сливались въ одно цѣлое всѣ элементы общественной жизни, все окрашивалось въ одинъ религіозный оттѣнокъ. Религія поглощала науку, искусство, право, государство, господствовала исключительно во всей общественной жизни [2]). Изъ среды общества выдѣлялось только одно сословіе жрецовъ, которые въ качествѣ представителей божества пользовались неслыханными послѣ того въ исторіи привиллегіями въ явный ущербъ всему остальному населенію. Но надъ жрецами, въ свою очередь, стояла абсолютная, деспотическая власть восточныхъ царей, произволъ которыхъ давалъ себя чувствовать во всей общественной жизни ощутительнымъ образомъ [3]). Сильно развитая, централизованная монархическая власть въ восточныхъ государствахъ была результатомъ безпрерывныхъ, ожесточенныхъ и разрушительныхъ войнъ, которыя характеризуютъ всю жизнь восточныхъ обществъ. „Международная исторія Востока есть, говоритъ Карѣевъ, исторія разрушенія городовъ, разрушенія странъ, истребленія, порабощенія, увода въ плѣнъ цѣлыхъ населеній“ [4]). Централизація власти, необходимая въ войнѣ, оставалась у восточныхъ правительствъ и въ мирныя времена, когда посредствомъ ея сдерживались въ еди-

1) Waitz, II, 145, Спенсеръ: „Развитіе полит. учрежденій“, 194 с., „Основанія соціологіи“, ibidem, Post, Bausteine, II, 140—142. 2) Блюнчли: „О правѣ на Востокѣ„ (двѣ лекціи во II т. „Юридич. Записокъ“ Рѣдкина. 3) Петровъ: „Лекціи по всемірной исторіи“ (1888—1890 г), т. I, 31 стр. 4) Карѣевъ: „Введеніе въ курсъ исторіи древняго Востока“, Спб., 1887 г., 28—31 стр.

неніи разнообразныя мелкія соціальныя группы: у полуцивилизованныхъ народовъ вождь побѣдитель и деспотическій король есть одно и тоже [1]). Царь на Востокѣ былъ верховнымъ жрецомъ, предъ которымъ преклонялось часто и духовенство наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ, массою безправныхъ и послушныхъ рабовъ царскаго произвола [2]). Такъ теократическій политическій деспотизмъ восточныхъ монарховъ дополнялся соціальнымъ порабощеніемъ массъ, обусловливающимся чрезвычайно слабымъ развитіемъ въ обществѣ идеи человѣческой личности [3]). Изъ среды культурнаго меньшинства въ восточномъ обществѣ, гдѣ господствовали религія и грубые, матеріальные интересы толпы, царь призывалъ себѣ на помощь при управленіи государствомъ лишь представителей жреческаго и иногда военнаго сословія. „Аристократія военная и гражданская исчезаютъ на Востокѣ, уничтоженныя или совершенно ослабленныя гнетомъ царской власти и жреческаго сословія“. Абсолютная власть восточнаго монарха ограничивается въ нѣкоторой степени только привиллегіями касты жрецовъ [4]). Ослабленіе или отсутствіе въ силу какихъ-либо причинъ религіознаго элемента или уменьшеніе власти восточныхъ царей влекли за собою и возникновеніе извѣстной самостоятельности высшаго класса общества, которая выражалась въ его участіи въ управленіи въ формѣ совѣта, какъ первенствующаго политическаго учрежденія.

Въ представителѣ хамитической расы, древнемъ *Египтѣ*, бывшемъ типомъ восточнаго теократическаго деспотизма, царь (фараонъ) имѣлъ абсолютную власть, произволъ которой ограничивался моральнымъ могуществомъ въ обществѣ богатыхъ и образованныхъ сословій, жреческаго и сословія воиновъ, члены которыхъ составляли при царѣ *совѣтъ*, не-

---

1—2) Спенсеръ: „Основанія соціологіи“, II т., 612, 613—16 стр. 3) Карѣевъ, ibidem. 4) Мэнъ: „Древнее право“, Спб., 1873, 9 стр.

имѣвшій большаго политическаго значенія [1]). Напротивъ, у другаго восточнаго народа семитической расы, ***Финикіянъ***, главными занятіями котораго были торговля и мореплаваніе, препятствовавшія развитію теократическаго деспотизма царей и касты жрецовъ, политическое устройство имѣло своеобразный типъ, отличный отъ другихъ восточныхъ государствъ [2]). Въ началѣ исторической жизни финикійскаго народа въ управленіи городами, которые составляли одинъ политическій союзъ, принимали дѣятельное участіе родовые старѣйшины. Они составляли въ каждомъ изъ финикійскихъ городовъ (Сидонѣ, Тирѣ и др.) ***сенаты*** или ***совѣты***, рѣшающіе самостоятельно всѣ политическія дѣла. Такъ въ Сидонѣ въ IV ст. до Р. Хр. сенатъ состоялъ изъ 500—600 такихъ старѣйшинъ. Во главѣ всѣхъ финикійскихъ городовъ стояли король и сенатъ или совѣтъ старѣйшинъ (герусія), мѣста которыхъ потомъ заступили представители торговой аристократіи, еще сильнѣе ограничившіе власть короля [3]). Важнѣйшей финикійской колоніей былъ *Карфагенъ*, основанный на сѣверо-западномъ берегу Африки за 880 лѣтъ до Р. Хр. богатыми и знатными фамиліями, выселившимися изъ Тира. Все управленіе принадлежало въ Карфагенѣ сначала совѣту изъ двухъ царей и 28 старѣйшинъ, ежегодно назначаемыхъ гражданами. Но совѣтъ геронтовъ недолго сохранилъ за собою всю полноту правительственной власти. Развитіе торговли Карфагена вызвало увеличеніе числа богатыхъ фамилій, скоро потребовавшихъ участія въ управленіи. Такъ возникъ второй сенатъ изъ 104 членовъ, который завѣдывалъ внутренними дѣлами государства въ то время,

---

1) L. v. Ranke: „Weltgeschichte“, I Theil (1881), 1 Abth., 40—41 s., Duncker: „Geschichte des Alterthums“, I B. (1855, Berlin), s. 89 und folg., Петровъ, назв. соч., I, 40—41 стр., Зайцевъ: „Древняя исторія Востока“ (Спб., 1879), 147 стр 2) Ranke, ibidem, 82 s. 3) Duncker, ibidem, 136, Петровъ, назв. соч., I, 68 стр.

какъ первому совѣту остались одни только внѣшнія дѣла. Во главѣ совѣта геронтовъ стоялъ одинъ изъ царей (rex sagatus); во главѣ же совѣта 104 стоялъ другой царь (rex togatus) [1]). Аристотель, который, какъ мы видѣли, считаетъ политическое устройство Карфагена олигархическимъ, одобряетъ организацію царской власти въ Карфагенѣ, гдѣ „царское достоинство не принадлежитъ одному и тому же роду, и цари назначаются изъ лучшаго рода скорѣе по выбору, чѣмъ по возрасту“ [2]). Ежегодное назначеніе карфагенскихъ царей изъ различныхъ родовъ указываетъ на господство въ общественной и политической жизни Карфагена богатыхъ фамилій, аристократіи; совѣтъ же 104 былъ твердой опорой власти карфагенской олигархіи [3]). Онъ состоялъ изъ пожизненныхъ членовъ и имѣлъ право привлекать къ отвѣтственности наравнѣ съ полководцами и судьями и членовъ герусіи и даже наказывать ихъ смертью [4]). Моммзенъ, сравнивая совѣтъ 104 съ современнымъ ему римскимъ сенатомъ, называетъ ихъ оба аристократическими полицейскими учрежденіями. Различіе между ними онъ видитъ въ томъ, что римскій сенатъ представлялъ всю націю, между тѣмъ какъ сенатъ карфагенскій основывался на подозрительномъ контролѣ одного правительственнаго учрежденія надъ другимъ и представлялъ исключительно интересы знатныхъ фамилій [5]) Кромѣ двухъ сенатовъ, въ Карфагенѣ существовалъ еще, стоявшій надъ ними, также аристократическій совѣтъ десяти (decem principes), обладавшій высшимъ управленіемъ страны [6]).

Обращаемся къ *народамъ арійской расы*, съ которыми состоятъ въ племенномъ родствѣ и нѣкоторые восточные народы (индусы, персы и др.).

---

1) Аристотель: „Политика“, 107—108 стр., Mommsen: „Römische Geschichte“, 5 Antlage (1868, Berlin), I t., 2 Abtheil. 500—501 s. 2) Аристотель, ibidem. 3) Mommsen, ibidem. 4) Mommsen, 502 s. 5) Mommsen, ibidem, 506—7 s. 6) G. Bloch: „Les origines du senat romain“, Paris, 1883, 5 и 201 p.

Мы уже знакомы со взглядомъ Фримана, что арійцы обладали съ перваго же момента своей общественной жизни всѣми тремя первичными элементами политическаго быта, что всѣми дѣлами управленія у нихъ завѣдывали короли съ совѣтами и народными собраніями [1]). Но извѣстно также, что зачатки всѣхъ трехъ формъ политическаго быта существуютъ у каждаго народа въ первобытную эпоху его жизни. Отсюда мы въ правѣ заключить, что совѣщательныя учрежденія свойственны всѣмъ арійскимъ народностямъ въ первоначальный періодъ ихъ общественной жизни, хотя они и не составляютъ исключительнаго ихъ достоянія. „Въ первобытномъ состояніи народовъ арійской расы можно подмѣтить, говоритъ Мэнъ, существованіе сельскаго *совѣта*, иногда обязаннаго отвѣтственностью предъ *всею группою поселянъ*, или непризнающаго такой отвѣтственности, иногда ослабляемаго властью *наслѣдственнаго начальника*, но никогда неутрачивающаго вполнѣ своего значенія. Изъ этого зародыша развились всѣ знаменитые законодательные органы въ мірѣ— аѳинская экклесія, римская комиція, сенатъ и императорская власть, также какъ и англійскій парламентъ“ [2]). „Согласно съ древнимъ обычаемъ, существовавшимъ у различныхъ индогерманскихъ народовъ, короли, замѣчаетъ Бернхёфтъ, рѣшали дѣла, особенно судебныя, вмѣстѣ съ совѣтниками“ [3]). Этими совѣтниками были главы семей и родовъ въ то время когда арійцы стали жить послѣ матріархальнаго быта въ патріархальномъ. Древніе арійцы селились небольшими деревнями, заключавшими въ себѣ роды (viç), во главѣ которыхъ стояли старѣйшины (viçpati) [4]). Сила кров-

1) Фриманъ: „Сравн. политика“ и „Очеркъ развитія англійской конституціи“ (Москва, 1880), 10—20 стр. 2) Мэнъ: „Древнѣйшая исторія учрежденій“, Спб. 1876, 308 стр. 3) Bernhöft: „Über die Grundlagen d. Rechtsentwicklung bei d. indogerman. Völkern“, 305—308 s. 4) Pictet: „Des origines Indo-evropéennes“, Paris, 1887, III t., 77—82 p., В. Миллеръ: „Очерки арійской миѳологіи въ связи съ древнѣйшей культурой“, Москва, 1876 г., 42, 55—6 стр., Шра-

ныхъ узъ и общеніе интересовъ вызывали необходимость собранія главнѣйшихъ членовъ клановъ, родоначальниковъ, ихъ *совѣта* (sabhâ) [1]. Предсѣдатель такого собранія (sabhâpati), окруженный родовыми старѣйшинами, управлялъ всѣми дѣлами общины [2]). Изъ среды тѣхъ же старѣйшинъ избирался и общій распорядитель дѣлами общины, царь [3]). Примитивный совѣтъ старѣйшинъ у индо-европейскихъ народовъ былъ родоначальникомъ позднѣйшихъ аналогичныхъ учрежденій—аѳинскаго βουλή, спартанской γερουσία и римскаго senatus. Всѣ эти учрежденія классическихъ народовъ имѣютъ общее происхожденіе, хотя ихъ названіе могло произойти, по замѣчанію Фримана, и отъ дѣйствія одинаковыхъ причинъ, именно того обстоятельства, что „въ древнемъ быту общества возрастъ уже предполагаетъ власть и наоборотъ“ [4]).

У древнихъ *индусовъ* во главѣ общества стояли двѣ касты—жрецы (брамины) и воины (кшатріи); изъ среды послѣднихъ происходили индійскіе цари, управлявшіе народомъ при помощи касты воиновъ и браминовъ [5]). Въ примитивную эпоху Ведъ цари были главами небольшихъ общинъ, но уже тогда власть ихъ оспаривалась воинственной, родовой аристократіей, которой удалось во многихъ мѣстахъ страны пріобрѣсти вліяніе на управленіе, „образовать *совѣты* племенныхъ царей въ мирное время и ихъ необходимую свиту при веденіи войнъ“ [6]). Въ историческій періодъ индійской общественной жизни, когда въ ней образовались вполнѣ касты, аристократія сохранила свою власть только у нѣкоторыхъ племенъ [7]); во главѣ государства стояли цари съ неограниченною деспотическою властью. Только одни брамины сохранили за собою право подавать царю совѣты въ дѣлахъ уп-

---

деръ: „Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія“, Спб., 1886 г., 419 с., Bernhöft, ibidem, 270 s. 1 и 2) Pictet, Миллеръ, Шрадеръ и Bernhöft, ibidem 3) В. Миллеръ, 46—47 стр. 4) Фриманъ, „Политика“, 47 стр. 5) В. Миллеръ, 50 стр. 6—7) Duncker, II, 19 и 130 s.

равленія [1]). По древнѣйшимъ индійскимъ кодексамъ (Апастамбѣ) „царь долженъ былъ совѣтоваться съ своимъ домашнимъ жрецомъ при опредѣленіи наказаній“. По позднѣйшимъ (Ману) онъ долженъ наблюдать за сохраненіемъ кастоваго общественнаго устройства, выгоднаго однимъ браминамъ. По „Ману“ царь судитъ и управляетъ, „поддерживаемый руководительствомъ добрыхъ совѣтниковъ—браминовъ [2]).

У другаго восточнаго народа арійской расы—древнихъ *персовъ* цари въ началѣ были первыми между родовитыми вельможами [3]), но затѣмъ вслѣдствіе постоянныхъ войнъ царская власть сдѣлалась неограниченною. Впрочемъ, цари сохранили, по словамъ Геродота, древній обычай совѣтываться съ знатнѣйшими изъ персовъ [4]). Такъ Дарій Гистаспъ имѣлъ около себя родъ Государственнаго Совѣта, составленнаго изъ министровъ и придворныхъ, послушныхъ его волѣ [5]). Геродотъ же разсказываетъ, что Ксерксъ созвалъ предъ походомъ на Элладу, „достойнѣйшихъ персовъ въ чрезвычайное собраніе, чтобы выслушать ихъ мнѣніе и въ присутствіи всѣхъ ихъ высказать собственныя желанія“ [6]).

ГРЕЦІЯ.

Въ гомерическую эпоху общественной жизни древней *Греціи* мы встрѣчаемся съ совѣщательными учрежденіями, неимѣющими самостоятельнаго политическаго учрежденія при царяхъ—преемникахъ божественной власти Зевса. Во многихъ мѣстахъ „Иліады“ и „Одиссеи“ Гомера упоминается о совѣтахъ, собираемыхъ по разнымъ случаямъ разными гре-

---

1) Duncker, ibidem, 114 s., Bernhöft, ibidem, 306 s., 2) Мэнъ: „Древній законъ и обычай“, Москва, 1884, 29—30 с. 3) Петровъ, I, 88 с., 4 и 6) Геродотъ: „Исторія въ девяти книгахъ“, Москва, 1885 и 1885 г. (перев. Мищенка), I т., 278 и II т. 132 стр. 5) Зайцевъ, ibidem, 265 стр.

ческими царями, напр., Ахиллесомъ [1]) и Агамемнономъ, „составившимъ мудрый совѣтъ (βουλή) съ велеумными старѣйшинами [2]), вождями [3]) и ахейскими вельможами [4]). Сами боги у Гомера совѣщаются на Олимпѣ объ участи Трои, причемъ, воля Зевса рѣшаетъ все дѣло [5]). Совѣтомъ же боговъ начинается первая и пятая пѣсни „Одиссеи“ [6]). Сынъ Одиссея, Телемакъ созываетъ въ отсутствіи отца „на сонмище лѣповласыхъ ахеянъ, старцевъ“ (γέροντες) [7]). Въ странѣ Феаковъ, куда былъ выброшенъ моремъ Одиссей, царствовалъ Алкиной, который имѣлъ обычай совѣщаться съ первыми вельможами страны (βουλὰς βουλεύειν) [8]).

Свѣдѣнія, сообщаемыя Гомеромъ о характерѣ совѣтовъ при греческихъ царяхъ въ доисторическую эпоху (XI—X в. до Р. Хр.), согласны съ дѣйствительнымъ ихъ значеніемъ въ это время въ Греціи: власть царей имѣла здѣсь въ это время безусловный, неограниченный характеръ. Цари были въ одно и тоже время верховными жрецами, судьями, управителями и военачальниками [9]). Царь стоялъ во главѣ всего общества, изъ высшихъ классовъ котораго, благородныхъ родовъ онъ избиралъ себѣ сподвижниковъ въ войнѣ и помощниковъ въ управленіи [10]). Родовые старѣйшины, геронты (старики) образовали при царѣ *совѣтъ* въ мирное и военное время, члены котораго не обладали правами самостоятельной законодательной власти [11]). Но зародыши развитія аристократіи и ея правъ лежали уже въ самыхъ основаніяхъ перво-

1—5) Гомеръ: „Иліада“, Спб., 1823—25 г., пер. Мартынова, I т., 1 пѣснь, 11 стр. XIX п., 11 с. и сл., 2 п., 109 с., 2 т., IX п., 107 с. и сл., X п., 185 с. и сл., и 1 т., IV п., 244 с. и сл. 6—8) „Одиссея“, Спб., 1826—28 г., 1 т., I п., 7 с. и 5 п., 246 с., 2 п., 57 с. и сл., II т., VI п., 301 с. и VII п., 45—47; ср. Фримача: „Политика“, 131—132 с. 9) Ф. Куланжъ: „Древнее общество“, Спб., 1867, пер. Бабкина, 252—60 и сл. 10) Петровъ, н. с., I т., 107 с. 11) Curtius: „Griechische Geschichte“, Berlin, 1884, I, 123—133 s., Weber: „Allgemeine Weltgeschichte“, Leipzig, 1859, II t. 139 s., Ranke, I, 1, 163 s., Duncker, III, 437 и Зайцевъ: „Древняя исторія Запада“, Спб., 1882, 43 стр.

начальной общественной жизни древнихъ грековъ и ея последующаго, историческаго развитія. У древнихъ грековъ, какъ и—римлянъ издавна существовали роды (γένοι, gentes), организація которыхъ была чисто аристократическая, основана на кровныхъ узахъ и первобытной религіи (культѣ предковъ)[1]. Возникновеніе городской жизни и превращеніе городовъ въ государства также должны были повлечь за собою паденіе монархіи и образованіе политической власти аристократіи: простая, патріархальная жизнь царя, управшаго на глазахъ всего народа и въ границахъ небольшаго пространства и несложныхъ городскихъ интересовъ, отнимала у власти царя ея религіозное обаяніе и увеличивала, наоборотъ, вліяніе въ обществѣ главъ отдѣльныхъ родовъ, особенно отличавшихся военными заслугами при переселеніяхъ и борьбѣ съ аборигенами странъ, захваченныхъ греками[2]. Была еще одна причина исчезновенія монархической власти въ древней Греціи. „По мѣрѣ того, какъ слабѣло понятіе о монархѣ въ смыслѣ священнаго лица и въ ряду наслѣдственныхъ государей стали встрѣчаться ничтожныя личности, царская власть, говоритъ Мэнъ, стала приходить въ упадокъ и была захвачена аристократіей, *совѣтомъ* старѣйшинъ, къ которымъ перешло право хранить законъ, слѣдить за его примѣненіемъ и отправлять юрисдикцію“[3]. Исторія застаетъ во всей Греціи, за исключеніемъ Спарты и Аргоса, аристократическую форму правленія, которая всюду вытѣснила монархію[4]. Послѣ побѣды надъ монархіей греческая аристократія закрѣпила свою власть особенной организаціей всѣхъ аристократическихъ родовъ, которая возникла почти одновременно въ Спартѣ, Аѳинахъ и другихъ мѣстахъ[5]. Не послѣдней причиной продолжительнаго и прочнаго господства

1) Ф. Куланжъ, ibidem, 141 с. и сл. 2) Фриманъ, ibidem, 99 и 145 с., 3) Мэнъ: „Древнее право“, 8—10 с., 4) Weber, II, 191 s., Зайцевъ, 44 стр. 5) Duncker, III, 585.

аристократіи въ древней Греціи было и то обстоятельство, что она дѣйствительно состояла изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ людей. Недаромъ Аристотель предпочиталъ такую аристократію другимъ формамъ политическаго быта и видѣлъ ея существенное свойство въ распредѣленіи государственныхъ должностей на основаніи только личнаго достоинства, а не рожденія, воспитанія или особенно богатства [1]). Власть меньшинства, основанную на этомъ послѣднемъ базисѣ, Аристотель называетъ олигархіей [2]). Такихъ олигархій было немало въ древне-греческихъ государствахъ, на что указываетъ, между прочимъ, институтъ тирановъ, которые должны были защищать интересы безправнаго большинства противъ произвола и насилій, угнетающаго его, меньшинства [3]). Не смотря на это, политическія привиллегіи греческой аристократіи, какъ впослѣдствіи и римской, были основаны на выдающихся военныхъ доблестяхъ и высокихъ качествахъ ума и характера. Въ одно и тоже время она соединяла въ себѣ преимущества жреческаго сословія, рыцарскаго званія, возвышенныхъ нравственныхъ качествъ, благороднаго настроенія и дѣятельности [4]).

Аристократическія начала развились особенно въ дорійскомъ племени, представительницей котораго въ древней Греціи была *Спарта*. Въ до историческую эпоху политическое ея устройство состояло изъ наслѣдственныхъ царей, которые управляли при помощи *совѣта 28 старыхъ*. Съ членами этого совѣта цари совѣщались во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, но они не были связаны мнѣніемъ совѣта, какъ и народнаго собранія (воиновъ) [5]). Только впослѣдствіи цари стали зависимыми отъ герусіи, членами которой въ Спартѣ были на самомъ дѣлѣ старѣйшіе по возрасту: только 60-ти-лѣтній

1 и 2) Аристотель, 165, 265 и 139 с. 3) Аристотель, 165 и 271, Ranke, I, 1, 190—191, Зайцевъ, 95 с. 4) Duncker, III, 586—589 с. 5) Janet: „Les Institutions sociales à Sparte“, Paris. 1880, 18—20 p.

спартанецъ могъ быть выбранъ въ сенатъ [1]). Рядомъ съ герусіей, какъ тѣснымъ аристократическимъ совѣтомъ, стояло собраніе аристократическаго демоса, которому принадлежалъ рѣшающій голосъ въ дѣлахъ, между тѣмъ какъ инициатива законовъ исходила отъ царя и сената [2]). Царская власть въ Спартѣ принадлежала двумъ царямъ, происходящимъ изъ двухъ линій потомства Геракла [3]). Оба царя участвовали въ совѣщаніяхъ герусій, а въ ихъ отсутствіе права царской власти предоставлялись членамъ сената — родственникамъ царя [4]). Самое раздѣленіе власти между двумя царями имѣло своею цѣлью обезпечить полное господство аристократіи въ Спартѣ [5]), гдѣ думали, что „благосостояніе государства условливается взаимною враждою царей“ [6]). Уничтожить эту вражду, уравновѣсить власть и положить конецъ борьбѣ между царской властью и аристократіей — спартіатами, которые обладали огромными поземельными богатствами и политическими правами въ ущербъ остальному населенію, было задачей соціальной реформы *Ликурга* (IX в. до Р. Хр.), который началъ ее съ раздѣленія каждой изъ трехъ древнѣйшихъ трибъ Спарты на 30 объ, по десяти въ каждой. Главы всѣхъ объ составили совѣтъ старыхъ (герусію), который теперь сдѣлался постояннымъ учрежденіемъ. Президентами и руководителями герусіи стали цари, какъ представители двухъ царскихъ объ. Въ сущности вся власть принадлежала герусіи, то есть, аристократіи, которая самостоятельно рѣшала всѣ вопросы внутренней и внѣшней политики [7]). Геронты оставались пожизненными и безотвѣтственными членами сената, были „безсмѣнными властелинами въ обсужденіи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ“ [8]). Сила аристократіи въ государствѣ должна была увеличиваться еще

1) Зайцевъ, 80 с. 2) Ranke, I, 1, 179 s. 3 и 6) Аристотель, 90 с., прим.. и 99 с. 4) Геродотъ. II, 87 с. 5) Curtius, I, 173 s. 7) Curtius, I, 173—4, Duncker, III, 360—66 s. 8) Аристотель, 98 с., Петровъ, I, 127 с.

оттого, что Ликургъ установилъ, такъ называемыя, сисситіи (общіе столы), въ которыхъ обязаны были участвовать всѣ спартіаты, но могли являться только богатые [1]). Введенная въ Спартѣ тѣмъ же Ликургомъ безпримѣрная въ исторіи педагогическая и общественная дисциплина имѣла своею непосредственною цѣлью подготовку молодыхъ людей къ веденію войны и завоеваніямъ [2]), но также помогала и упроченію господства аристократіи. Исключительно аристократическій характеръ спартанскаго государства, какой она приняла послѣ реформы Ликурга, повидимому, долженъ былъ смягчиться введеннымъ во время Мессинскихъ войнъ (430—410 до Р. Хр.) эфоратомъ, который Аристотель считаетъ демократическимъ учрежденіемъ [3]). Но эфоры выходили изъ среды тѣхъ же спартіатовъ, аристократическаго демоса и въ одно и тоже время сдерживали злоупотребленія со стороны царей и представителей знатныхъ родовъ, опасныхъ для аристократіи [4]). Эфоры могли подтверждать или отбрасывать рѣшенія царя или герусіи, имѣли рѣшительное вліяніе на сношенія Спарты съ другими государствами и со временемъ пріобрѣли такую силу, что получили право судить и отправлять подъ стражу самихъ царей [5]). Эфорамъ была передана исполнительная власть, отнятая у царей. Въ числѣ пяти эфоры смѣнялись ежегодно и представляли могущественную власть въ государствѣ, подобную совѣту десяти въ средневѣковой Венеціи [6]). Такимъ образомъ, эфоратъ былъ только коммиссіей изъ среды самой аристократіи, которая ревниво наблюдала за сохраненіемъ всѣхъ политическихъ правъ въ рукахъ спартіатовъ [7]): эфоровъ выбирали богатые члены правящаго сословія, партія, пользовавшаяся въ данный мо-

---

1) Аристотель, 99—100 с. 2) Аристотель, 100-101 с, Ianet, 36 p., Спенсеръ: „Развитіе полит. учрежденій“, 168 с., Петровъ, I, 128 и Зайцевъ, 79—81 с. 3) Аристотель, 96 с, Ianet 34 и 120—121 p. 4) Ranke, ibidem, 179 s., Duncker, IV, 365 s. 5) Duncker, ibidem, 370 s., Петровъ, I, 127 с. 6) Зайцевъ, 90—91 с. 7) Duncker, 372 s.

ментъ наибольшимъ политическимъ вліяніемъ [1]), такъ что эфоратъ не измѣнилъ существующаго аристократическаго характера политическаго устройства Спарты. Съ его введеніемъ не была уничтожена и герусія, политическое право которой было ограничено эфорами въ интересахъ правящаго же аристократическаго сословія—спартіатовъ.

Съ государственнымъ устройствомъ древней Спарты была сходна аристократическая конституція *Крита*, которая по преданію послужила даже образцомъ Ликургу при его реформахъ спартанскихъ учрежденій. Въ Критѣ, также какъ и Лакедемонѣ, центръ политической власти лежалъ въ герусіи, называвшейся *совѣтомъ* (βουλή). Геронты избирались въ Критѣ не изъ числа всѣхъ граждань, какъ въ Спартѣ, а только изъ космовъ—критскихъ эфоровъ. Эти же послѣдніе, въ свою очередь, были членами нѣкоторыхъ родовъ, такъ что критскій сенатъ имѣлъ еще болѣе аристократическій характеръ, нежели спартанская герусія. Также, какъ и въ Спартѣ, геронты въ Критѣ имѣли пожизненную власть и были неотвѣтственны за свои дѣйствія. Институтъ царской власти скоро исчезъ въ Критѣ; онъ былъ замѣненъ космами, которые могли сами отказываться отъ власти. Иногда же ихъ низвергали „могущественные граждане, нежелающіе подвергнуться какому-либо наказанію или же стремящіеся къ тому, чтобы самимъ захватить власть въ свои руки“ [2]). Такъ геронты оставались въ Критѣ полными и безконтрольными распорядителями судьбы всего населенія.

Не одни только политическія учрежденія дорійскихъ племенъ отличались въ древней Греціи аристократическимъ характеромъ. Также и іоническимъ племенамъ было не чуждо господство аристократіи въ общественной жизни и политическомъ ихъ быту. Такъ въ одной изъ іоническихъ колоній

---

1) Curtius, Ш В., 126 s. 2) Аристотель, 101—106 с.

въ Малой Азіи. *Эфесъ* поземельная аристократія въ своей борьбѣ съ народомъ взяла надъ нимъ верхъ и сдѣлала свой *совѣтъ* (герусію) главнѣйшимъ политическимъ учрежденіемъ страны. Правительственный совѣтъ, состоявшій изъ 1000 человѣкъ изъ среды аристократіи, имѣлъ въ своихъ рукахъ законодательство, управленіе и судъ [1]). Центромъ поселеній іоническихъ племенъ въ Греціи была Аттика, гдѣ образовалось много независимыхъ общинъ. Населеніе этихъ общинъ раздѣлялось на три сословія: евпатридовъ, геомеровъ и деміурговъ. Евпатриды были родовой аристократіей, благороднымъ, привиллегированнымъ сословіемъ, которое господствовало въ общинахъ, составляло около короля *сенатъ* [2]) и высшее судебное учрежденіе—ареопагъ, гдѣ ихъ дѣятельность освящалась религіозной санкціей [3]). Власть евпатридовъ, проявлявшаяся въ границахъ отдѣльныхъ общинъ, должна была увеличиться послѣ того, какъ 12 изъ нихъ, болѣе значительныхъ по объему и населенію, составили одинъ политическій союзъ, главнымъ городомъ котораго сдѣлались *Аѳины*. Теперь евпатриды стали стремиться къ исключительному политическому господству надъ всей страной и уничтоженію монархической власти, съ представителями которой они должны были въ началѣ основанія союза совѣщаться о государственныхъ дѣлахъ. [4]). Послѣ смерти Кодра царская власть была замѣнена институтомъ архонтовъ, которые избирались изъ рода Кодра евпатридами сначала пожизненно, а потомъ и на короткіе сроки и съ правомъ доступа въ это званіе членамъ всѣхъ благородныхъ родовъ [5]). Но даже и та сравнительно небольшая доля власти, которою обладали архонты, ограничивалась тѣмъ, что каждый изъ трехъ первыхъ архонтовъ избиралъ въ помощь себѣ при управленіи двухъ совѣтниковъ, которыхъ онъ могъ мѣнять по своей

1) Duncker, IV, 99—100 s. 2) Weber, II, 114 s., Зайцевъ, 113 с. 3) Ranke, ibidem. 184 s, 4) Curtius, I. 289 s 5) Weber, II, 219 s , Петровъ, 130 с.

волѣ [1]). Для еще большаго усиленія своей власти евпатриды ввели новое военное дѣленіе на навкратіи, во главѣ которыхъ стали пританы изъ евпатридовъ [2]). Всѣ пританы вмѣстѣ съ архонтами и главами (королями) четырехъ аристократическихъ корпорацій (филъ) составляли *совѣтъ*, въ которомъ въ важныхъ случаяхъ участвовали всѣ 360 главъ аристократическихъ родовъ [3]), входившихъ въ составъ 4 филъ или 12 фратрій [4]). Предсѣдательствующій въ совѣтѣ, архонтъ (эпонимъ) былъ уже не король, а только президентъ аристократическаго совѣта, какъ верховнаго, законодательнаго учрежденія страны [5]). При рѣшеніи судебныхъ дѣлъ въ совѣтѣ были предсѣдателями архонты—темостеты [6]). Благородные роды властвовали надъ остальнымъ низшимъ населеніемъ страны, которое издавна видѣло въ нихъ своихъ покровителей и защитниковъ (патроновъ), природное правительство [7]). Однако, эти патріархальныя отношенія между евпатридами и демосомъ не могли долго продолжаться при захватѣ первыми поземельныхъ владѣній въ странѣ, страшномъ обѣдненіи сельскихъ жителей, обратившихся въ крѣпостныхъ евпатридовъ (тетовъ), отказахъ въ правосудіи и чрезмѣрныхъ притѣсненіяхъ со стороны аристократіи. Демосъ потребовалъ у правительства писанныхъ законовъ, которые и были изданы архонтомъ *Дракономъ* (въ концѣ VIII ст. до Р. Хр.). Но Драконъ въ своихъ тесмахъ, въ которыхъ были преданы письменности положенія обычнаго права, только укрѣпилъ исключительное господство въ Аѳинахъ аристократическаго сословія, возвелъ въ общій и непреложный законъ всѣ ея необычайныя имущественныя и процессуальныя права, освятилъ всѣ ея насилія и злоупотребленія [8]). Положе-

1) Bernböft: „Uber die Grundlagen d. Rechtsentwicklung bei d. indogerm. Völkern“, 37 s. 2) Curtius, I, 293 s, Duncker, III, 525 s. 3) Duncker, 518 s. 4) Weber, II, 215 s. 5) Duncker, 523 s., Зайцевъ, 113 с. 6—7) Duncker, 524 s. 6 и 516 s. 8) Weber, ibidem, 221—222 s, Duncker, IV, 152—6 s., Петровъ 130 с., Зайцевъ, 114 с.

ніе массы низшихъ слоевъ аѳинскаго населенія ухудшилось, угнетеніе его олигархами и ихъ власть увеличились еще болѣе послѣ попытки одного изъ знатнѣйшихъ евпатридовъ, Килона, захватить въ свои руки власть [1]). Вспыхнувшее вслѣдъ затѣмъ народное возстаніе, грозившее политическимъ правамъ евпатридовъ, могло быть прекращено только реформами *Солона*, который съумѣлъ ими смягчить суровость управленія евпатридовъ [2]) и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить ихъ власть и ввести демократическій элементъ въ аѳинскую конституцію [3]).

Въ основаніе своихъ общественныхъ и политическихъ преобразованій Солонъ положилъ не прежній, родовой, а новый, тимократическій принципъ, раздѣливши все населеніе на четыре класса сообразно ихъ имуществу. Количествомъ имущества опредѣлялся доступъ ко всѣмъ высшимъ должностямъ: только три первыхъ класса платили прямыя подати и лишь изъ нихъ избирались лица, замѣщавшія высшія государственныя должности [4]). Благодаря тому обстоятельству, что ежегодные доходы съ поземельныхъ владѣній были масштабомъ способности къ отправленію должностей, евпатриды—крупные поземельные собственники въ странѣ—остались фактически попрежнему привиллегированнымъ и господствующимъ классомъ общества [5]). Преобладающее положеніе евпатридовъ въ государствѣ было обезпечено имъ Солономъ въ организаціи *совѣта* 400 (βουλή), который былъ введенъ Солономъ вмѣсто, уничтоженныхъ имъ, прежняго великаго совѣта изъ всѣхъ родовыхъ старѣйшинъ и малаго—изъ пританов и архонта [6]). Въ совѣтѣ 400, состоявшемъ изъ богатыхъ и знатныхъ гражданъ, сосредоточивались законодательная власть и все управленіе. Безъ его предварительнаго согласія не могъ быть выполненъ ни одинъ законъ.

———

1) Ranke, ibidem, 185, Duncker, 156 s. 2) Фримант: „Политика", 184 с. 3) Ranke, 191—193 и Weber, II, 228 s. 4) Ranke, 190 s., Duncker, 192—3 s., Weber, 228 s. 5) Аристотель, 113 с., Weber, 229 s. 6) Duncker, 196 s.

Поэтому очередные пританы, избиравшіеся евпатридами, предлагали отъ имени совѣта народному собранію для санкціи, выработанные совѣтомъ, законопроэкты, и руководили всѣми преніями въ народныхъ собраніяхъ [1]). Совѣтъ 400 рѣдко собирался въ полномъ своемъ составѣ и текущими дѣлами обыкновенно завѣдывала его коммиссія изъ 100 членовъ, избиравшихся по очереди изъ каждой филы, слѣдовательно, представлявшая собою, малый совѣтъ [2]). Евпатриды сохранили свое вліяніе и въ третьемъ совѣтѣ—ареопагѣ, въ организаціи котораго Солономъ Аристотель видитъ олигархическій элементъ въ его конституціи [3]). Членами ареопага могли быть только, избиравшіеся изъ гражданъ перваго класса, архонты, которые безпорочно закончили свою годичную дѣятельность въ должности [4]). Ареопагъ былъ облеченъ чрезвычайными полномочіями, ставившими его выше всѣхъ учрежденій въ государствѣ. Онъ обладалъ высшею религіозною властью, наблюдалъ за нравами, народными обычаями и воспитаніемъ, могъ привлекать къ отвѣтственности государственныхъ сановниковъ и отмѣнять рѣшенія народныхъ собраній. Причемъ, всѣ рѣшенія ареопага были безконтрольны и безапелляціонны [5]). Всѣ эти аристократическія начала конституціи Солона пустили такіе глубокіе корни въ Аѳинахъ, что надолго затормозили развитіе въ государствѣ демократическаго элемента. Поэтому, не смотря на расширеніе Клисфеномъ права демоса на участіе въ законодательствѣ, управленіи и судѣ, аѳинская знать, и даже родовитая, продолжала пользоваться извѣстнымъ значеніемъ въ аѳинскомъ сенатѣ [6]). И послѣ реформъ Клисфена архонты избирались изъ членовъ высшаго класса, которыми наполнялся ареопагъ [7]). Высшія государственныя должности занимались также знат-

1) Weber, 230 s, Dnncker, IV, 197—8 s., Петровъ, 133 с. 2) Петровъ, ibidem. 3) Аристотель, 112 с. 4) Duncker, 193—4 и 213 s., 5) Ranke. 192 s., Weber, 232—33 s. Duncker, 214—218 s., Петровъ, ibidem. 6) Петровъ, 135 с. 7) Зайцевъ, 146—7 и 298 с.

ными людьми [1]). Периклъ отмѣнилъ право ареопага кассировать народныя рѣшенія и тѣмъ уничтожилъ послѣдній оплотъ власти аристократіи въ Аѳинахъ [2]), что не помѣшало, однако, племяннику Перикла, Алкивіаду предпринять съ знатными гражданами Аѳинъ попытку (въ 411 г. до Р. Хр.) возстановить въ нихъ олигархію, которая, впрочемъ, не долго здѣсь существовала [3]).

РИМЪ.

Исторія *Рима* имѣетъ много общаго съ исторіей древней Греціи въ первоначальныхъ основаніяхъ своего общественнаго и политическаго устройства. Главнымъ фундаментомъ римскаго civitas, какъ и греческаго государства, была семья, въ которой „родилось все право“ древнихъ римлянъ [4]). Древне-римская семья была патріархальною, составляла прочно организованную соціальную группу съ опредѣленнымъ устройствомъ, своимъ главой и управленіемъ [5]). Власть главы семьи надъ ея членами была вполнѣ неограниченною, могущественной; его слово было для всѣхъ нихъ закономъ [6]): названіе pater было однозначущимъ съ словами rex, βασιλεύς, заключало въ себѣ не понятіе только родителя, а смыслъ могущественной власти, величаваго достоинства. Каждая семья имѣетъ своимъ начальникомъ какъ бы царя въ государствѣ; у нея есть свои законы, свое правосудіе, свой организованный строй [7]). Тѣмъ же характеромъ устройства отличались, образовавшіеся изъ семей, роды (gentes) и формы дальнѣйшаго развитія этихъ послѣднихъ—куріи и трибы. Такимъ образомъ, прежде образованія государст-

---

1) Зайцевъ, ibidem. 2) Ranke, 271—72 s., Петровъ, 136 с. 3) Ѳукидидъ: „Исторія пелопонезской войны въ восьми книгахъ“, Москва, 1887 г., переводъ Мищенка, VIII кн., 47—97 с., Зайцевъ, 408—619 с. 4—5) Ф. Куланжъ: „Древнее общество“, 117 и 121 с. 6) Мэнъ: „Древнее право“, 97—99 с., Куланжъ, 124—30 с. 7) Куланжъ, 123 и 161 с.

ва у римлянъ возникло „большое подчиненіе въ предѣлахъ каждаго семейства“ и дальнѣйшихъ, болѣе сложныхъ его формахъ [1]). Каждая курія и триба управлялась вождемъ, совѣтомъ старѣйшинъ и народнымъ собраніемъ [2]). Всѣ эти три элемента примитивнаго политическаго быта существуютъ у римлянъ въ первоначальную, доисторическую эпоху общественной жизни отдѣльныхъ ея (трехъ) трибъ [3]). Но они же продолжаютъ оставаться въ Римѣ, въ отличіе отъ Греціи, и послѣ того, какъ изъ этихъ трибъ образовалось государство, а также и въ теченіе почти всей послѣдующей исторіи Рима. „Въ Римѣ, говоритъ Фриманъ, сохраняются въ теченіе всей его исторіи всѣ три власти, три первоначальныхъ элемента управленія: царская власть (въ видѣ сильной исполнительной власти консуловъ, трибуновъ, цензоровъ и другихъ магистратовъ), господство аристократіи (въ сенатѣ) и народа, который боролся не противъ уменьшенія власти сената и не желалъ его совершеннаго уничтоженія. Цѣлью народныхъ движеній было превращеніе сената въ учрежденіе, доступное всѣмъ гражданамъ“ [4]). Въ этомъ существованіи въ Римѣ всѣхъ трехъ политическихъ элементовъ, которое неоспоримо, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ первымъ двумъ періодамъ его политической исторіи: царскому и республиканскому, можно видѣть одну изъ причинъ того замѣчательнаго и своеобразнаго факта, что при всемъ несомнѣнно аристократическомъ характерѣ римской республики [5]) государственная власть въ ней распредѣлялась дѣйствительно между сенатомъ—органомъ могущественной римской аристократіи, народнымъ собраніемъ и раз-

---

1) Спенсеръ: „Развитіе политическихъ учрежденій“, 170—171 с. 2) Мэнъ, ibidem, 101 с., Куланжъ, 183—84 с. 3) Mommsen: „Römische Geschichte“, I, 26 s. 4) Фриманъ, 50—51 и 105 с. 5) Karlowa: „Römische Rechtsgeschichte“, Leipzig, 1885, I B., 373 s., Madwig: „Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staat“, Leipzig, 1881, I B., 216 s, Coulanges: „Institutions politiques de l'ancienne France“, 231, 241 p. et suiv., Montesquieu, Livr. II, Chap. III, 26—27 p. и Livr. V, Ch. VII, 12 p.

личными органами сильной исполнительной власти (консулами, трибунами и др.).

Въ царскій періодъ римской исторіи около царя стоялъ *сенатъ*, состоявшій изъ patres—главъ патриціанскихъ родовъ. Первенствующее значеніе patres или patricii въ римскомъ обществѣ обезпечивало имъ участіе въ публичныхъ дѣлахъ въ теченіе всей царской эпохи римской исторіи [1]). Это видно изъ самого названія римскаго senatus, членами котораго были только родовые старѣйшины (seniores),—patres, такъ что названія сенаторовъ и patres остались синонимами даже въ позднѣйшую, императорскую эпоху римской исторіи [2]). Только патриціи въ царскую эпоху пользовались, какъ первые граждане Рима, вполнѣ всѣми политическими правами [3]). Самый составъ сената увеличивался сообразно увеличенію числа патриціанскихъ родовъ. Такъ сначала, когда Римъ состоялъ изъ одной трибы (Ramnetes), въ сенатѣ было 100 членовъ, сообразно числу патриціанскихъ родовъ въ трибѣ; затѣмъ послѣ присоединенія трибы Тиціевъ число сенаторовъ увеличилось до 200 и, наконецъ, оно дошло до 300 послѣ сліянія третьей и послѣдней трибы (Luceres) съ двумя первыми [4]). Число сенаторовъ не увеличилось съ присоединеніемъ при Тарквиніи Древнемъ къ сенату, такъ называемыхъ, patres minorum gentium, которые были главами патриціанскихъ семей въ сосѣднихъ съ Римомъ латинской, сабинской и этрусской общинахъ, вошедшихъ въ составъ Рима [5]). Patres minorum gentium не были плебейскаго происхожденія:

---

1) Madwig, 73 s. 2) Willems: „Le senat de la respubiique romaine", Paris, 1878 и 1883, I t , 2 и 26 p., Виллемсъ: „Римское государственное право", Кіевъ, 1888—90 г., переводъ Бодянскаго, 1 вып., 26 с., Karlowa, I, 43 s., Mommsen. I, 77s., Bloch: „Les origines du senat romaine", 105--106 и 109 p , Lippert, II t,, 569 s., Madwig, 74 s., Спенсеръ, 171 с. 3) Виллемсъ, I вып., 15 с , Фриманъ, 164 с. 4) Willems, I, 22 p., Bloch, 43 и 55 p., Madwig, I, 75—76 s. 5) Karlowa, 65 s., Willems, I t., 22—23 p , Madwig, 76—77 s., Filon: „Histoire du senat romaine", Paris, 1850, 6—11 p.

плебеи сдѣлались членами сената во время республики вмѣстѣ съ допущеніемъ ихъ (въ V ст. до Р. Хр.) къ высшимъ, курульнымъ магистратурамъ [1]). Patres minorum gentium пополняли только вакантныя мѣста въ сенатѣ вслѣдствіе смерти и вообще уменьшенія числа первоначальныхъ сенаторовъ,— patres majorum gentium; поэтому первые скоро были поглощены послѣдними [2]). Выдающееся положеніе въ самомъ сенатѣ занимали главы 10 первоначальныхъ курій первой трибы Ramnes (decem principes), изъ которой сначала состоялъ только сенатъ: изъ среды этихъ представителей древнѣйшихъ родовъ избирался interrex [3]). Реформа царя Сервія Туллія увеличила и безъ того могущественную политическую роль патриціевъ въ царскую эпоху. Родовой принципъ, на которомъ были основаны до С. Туллія всѣ римскія общественныя учрежденія, былъ замѣненъ теперь, какъ въ Аѳинахъ при Солонѣ, тимократическимъ началомъ. Все населеніе Рима было раздѣлено С. Тулліемъ на 5 классовъ такимъ образомъ, что въ первый классъ взошли граждане съ наибольшимъ имуществомъ (цензомъ), ко второму были причислены обладающіе извѣстною, меньшею долею имущества и т. д. Каждый классъ раздѣлялся на центуріи, поставлявшія извѣстное количество войска и служившія для раскладки взносовъ въ пользу государства. Каждая центурія имѣла одинъ голосъ въ comitia centuriata. Такъ какъ къ первому классу были отнесены С. Тулліемъ граждане съ значительною поземельною собственностью, которая находилась въ рукахъ аристократіи [4]), то понятно, что съ реформой С. Туллія она получила большое вліяніе въ государствѣ. Это ея политическое вліяніе обезпечивалось еще и первенствомъ аристократіи въ comitia centuriata, потому что въ первомъ классѣ

1) Willems, ibid., 50 и 63 p. 2) Bloch, 210, 246—254 p. 3) Willems, I t., 23 p., Bloch, 198—206 и 238 p. 4) Madwig, I B., 82 и 89 s., Coulanges, ibid., 260 p., Виллемсъ, I вып., 66 с.

находилось большее количество центурій сравнительно съ остальными классами граждань [1]). Необходимо еще замѣтить, что сверхъ и выше всѣхъ центурій, входящихъ въ 5 классовъ, С. Туллій учредилъ еще 12 всадническихъ центурій, которыя вмѣстѣ съ 6 патриціанскими центуріями Тарквинія Приска заключали въ себѣ уважаемыхъ и богатыхъ гражданъ [2]). Эти 18 центурій составлялись изъ сенаторовъ безъ различія ихъ возраста. Такимъ образомъ, военная служба вмѣстѣ съ податною тяжестью была возложена С. Тулліемъ на богатыхъ и знатныхъ патриціевъ, которые были вознаграждены за это политическимъ вліяніемъ въ общественной жизни, преобладаніемъ въ сенатѣ [3]).

Впрочемъ, реформа С Туллія открывала доступъ въ ряды аристократіи и плебеямъ, но только богатымъ [4]), такъ что политическія права аристократіи не только оттого не уменьшались, но еще болѣе увеличивались съ расширеніемъ ея состава, что, впрочемъ, произошло уже въ позднѣйшую, республиканскую эпоху римской исторіи. Въ царскій же ея періодъ первое мѣсто въ обществѣ и государствѣ принадлежало патриціямъ, какъ свободнымъ и полноправнымъ гражданамъ, обладающимъ огромными богатствами и окруженными массою, зависимыхъ отъ нихъ, кліентовъ [5]). Выраженіемъ первенствующей политической роли патриціевъ въ государствѣ былъ *сенатъ*, какъ постоянная и необходимая часть римскаго государственнаго организма, самостоятельное политическое учрежденіе, независящее отъ воли царя [6]). Права этого совѣта сначала родовыхъ старѣйшинъ, а потомъ богатыхъ и знатныхъ гражданъ основываются на томъ воззрѣніи, что власть надъ общиной принадлежитъ всѣмъ ея старѣйшинамъ, такъ что каждый членъ сената по праву есть

1) Madwig, 114 s., Виллемсъ, 66 с. 2) Naudet: „De la noblesse chez les Romains“, Paris, 1863, 33 p., Karlowa, 76 s., Madwig, 110—111 и 124 s., Bloch, 83 p. 3) Фриманъ, 47 с. 4) Naudet, 19 p. 5) Madwig, 79 s. 6) Willems, I t., 25 p., Karlowa, 41 s., Mommsen, 77—79 s., Madwig, 78 s

также одинъ изъ „королей общины“. Поэтому римскій сенатъ представлялся грекамъ собраніемъ „королей“. Если умиралъ царь, не назначивъ себѣ преемника, члены совѣта заступаютъ его мѣсто и пользуются правами королевской власти [1]). Сенаторы назначали interrex'а, который былъ избираемъ ими изъ своей же среды [2]). Древній римскій царь избирался народомъ (въ куріатскихъ комиціяхъ), пользовался пожизненно и безотвѣтственно административною и исключительною властью [3]), имѣвшею неограниченный, божественный характеръ въ глазахъ всѣхъ гражданъ [4]). Rex былъ princeps'омъ сената и ему принадлежало lectio senatus,— избраніе царемъ членовъ сената изъ составленныхъ имъ сенаторскихъ списковъ. Отсюда патриціи, внесенные въ эти списки, назывались patres coscripti [5]). Сенатъ былъ въ одно и тоже время законодательнымъ учрежденіемъ и царскимъ совѣтомъ [6]). Какъ законодателю, сенату принадлежало право санкціи народныхъ постановленій—patrum auctoritas, которою онъ обладалъ въ теченіе царской эпохи и въ первые два вѣка и республиканской [7]). Санкціи сената обязательно подвергались всѣ законы, одобряемые народомъ въ куріатскихъ и центуріатскихъ комиціяхъ, и выборы магистратовъ, произведенные въ этихъ послѣднихъ [8]). Сенатъ охранялъ существующую аристократическую конституцію какъ противъ царя, такъ и народа; ему принадлежало рѣшительное veto во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ (при измѣненіи существующаго соціальнаго устройства, принятіи новыхъ гражданъ, объявленіи войны и др.) [9]) Само собою понятно, что сенатъ не допускалъ

---

1) Mommsen, 79—80 s. 2) Willems, II t., 12 и 30 p. 3) Виллемсъ, I вып., 16, 44—47 с. 4) Ф. Куланжъ: „Древняя община“, 252—260 с. 5) Willems, I, 37 p. и „Римское государ. право“, I вып., 206—207 с., Bloch, 206—207 p. Доказательства этого взгляда, противорѣчащаго традиціоннымъ возрѣніямъ на формулу „patres conscripti“, см. ниже, 6) Willems, II, 58 p. и „Римское государств. право“ I вып., 15 с. 7) Willems, II, 38—57, Karlowa, 46 s. 8) Willems, II t, 61—63 p., Filon, 12 p. 9) Mommsen, I, 80—81 s.

какого-либо нападенія на политическія права патриціевъ [1]). Patrum auctoritas сената была въ рукахъ патриціата противовѣсомъ вліянію плебеевъ въ комиціяхъ (куріатскихъ и центуріатскихъ) и обезпечивала ему рѣшительное преобладаніе въ общественной и политической жизни римлянъ въ царскую эпоху ихъ исторіи [2]). Сущность дѣла не измѣнялась оттого, что patrum auctoritas слѣдовала за народными рѣшеніями: сенатъ могъ одобрить или кассировать вотированный законъ и, чтобы избѣжать такого результата санкціи его сенатомъ, царь, а позднѣе магистраты, предлагавшіе законъ народному собранію, должны были предварительно подвергать проэктъ закона разсмотрѣнію сената. Такъ сенатъ былъ дѣйствительнымъ центромъ законодательной власти [3]), которая подкрѣплялась еще тѣмъ, что въ царскую эпоху и законодательная дѣятельность центуріатскихъ комицій, замѣнившихъ съ С. Туллія comitia curiata, совпадала съ патриціанской политикой [4]).

Сенатъ, слѣдовательно, былъ въ это время высшимъ и могущественнымъ учрежденіемъ въ государствѣ, пожизненными членами котораго были представители родовой и поземельной аристократіи [5]). Сенатъ являлся органомъ сильной политической ея власти, предъ которою склонялись остальные два политическихъ фактора римской общественной жизни—народъ и царь. Неограниченная въ принципѣ, власть послѣдняго выражалась въ совѣщательной функціи сената, которая блѣднѣла предъ законодательными его правами и поддерживалась, главнымъ образомъ, аналогичнымъ древнѣйшимъ римскимъ обычаемъ совѣтываться во всѣхъ важнѣйшихъ случахъ семейной и общественной жизни съ извѣстными, компетентными въ дѣлѣ лицами [6]). Можно думать, что самый этотъ обы-

1) Karlowa, 46—47. 2) Willems, II t., 58—59 p., Madwig, 88 s., Karlowa, ibidem, 3—4) Willems, II t, 61 p. и 68 p. 5) Спенсеръ: „Развитіе политич. учрежденій", 172 с. 6) Mommsen: „Römisches Staatsrecht", Leipzig, 1876, I B., 293 s., Willems, II t., 121 p.

чай имѣлъ нѣкоторую внутреннюю связь съ исконнымъ и продолжительнымъ господствомъ въ Римѣ аристократіи. Еще о Ромулѣ Діонисій Галикарнасскій разсказываетъ, что онъ возбудилъ ненависть патриціевъ тѣмъ, что осудилъ на смерть одного изъ знатныхъ преступниковъ, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись. Титъ Ливій также порицаетъ Тарквинія Приска за то, что онъ не спрашивалъ ни у кого совѣта при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ [1]). Въ силу традиціоннаго и обязательнаго для царя обычая совѣщаться объ административныхъ дѣлахъ съ патриціями сенатъ выступалъ въ роли только совѣщательнаго учрежденія при царѣ, который созывалъ его по мѣрѣ надобности и могъ слѣдовать или же отвергать совѣты сенаторовъ относительно тѣхъ или другихъ мѣръ въ управленіи [2]). Въ дѣйствительности, однако, мнѣнія сената оказывались во многихъ случаяхъ обязательными для короля, такъ какъ сенатъ имѣлъ право кассировать предложенія, внесенныя королемъ въ народныя собранія [3]). Сенатъ подавалъ царю совѣты по всѣмъ важнымъ дѣламъ,—религіознымъ, финансовымъ и иностраннымъ вопросамъ [4]), рѣшеніе которыхъ, такимъ образомъ, зависѣло въ сущности отъ сената же. Изъ этого права сената выражать свои мнѣнія царю въ административныхъ дѣлахъ вытекла вся полнота его власти въ позднѣйшую, республиканскую эпоху [5]).

Царская власть была уничтожена въ Римѣ въ 509 г. до Р. Хр., послѣ того, какъ послѣдній ея представитель, Тарквиній Гордый управлялъ самовластно безъ помощи патриціевъ и притѣснялъ народъ [6]). Сущность этого переворота состояла въ томъ, что административныя права царской власти и исполнительная власть царей были переданы двумъ консу-

1) Bernhöft, ibidem, 307 s. 2) Mommsen: „Romische Geschichte", I B., I Abth. 82 s., Петровъ, 204 с. 3) Mommsen, ibidem, 81 s. 4) Willems, II t., 124 p., Filon, 13—15 p. 5) Mommsen, 82 s. 6) Ranke, II, 1, 35 s., Mommsen, 240 s., M. de la Croix: „Constitutions des principaux états de l'Europe", Paris, 1793, I t., 3 p.

ламъ, ежегодно избираемымъ въ центуріатскихъ комиціяхъ изъ патриціевъ [1]); должность консуловъ принадлежала къ патриціанскимъ магистратурамъ, которымъ однимъ принадлежало jus auspiciorum [2]). Удвоеніе числа высшихъ представителей исполнительной власти и краткій годичный срокъ ихъ пребыванія въ должности обезпечили власть родовой аристократіи; консулы сдерживали другъ друга въ злоупотребленіяхъ властью и, кромѣ того, оба они могли быть по окончаніи срока своей службы привлечены къ отвѣтственности предъ народомъ за свои дѣйствія [3]). Отдѣльные консулы не были въ состояніи сопротивляться замкнутой фалангѣ патриціевъ, твердо отстаивавшихъ свои интересы [4]). Патриціи удерживали власть въ своихъ рукахъ еще и тѣмъ, что только изъ ихъ среды избирались interrex и диктаторы [5]). Низверженіе монархіи уменьшило права куріатскихъ комицій и, наоборотъ, расширило политическое значеніе комицій центуріатскихъ, въ которыхъ патриціи обладали большинствомъ голосовъ, какъ богатые поземельные владѣтели, имѣющіе въ comitia centuriata большее количество центурій [6]). Въ этихъ комиціяхъ разсматривались законопроэкты и уголовныя дѣла и избирались высшіе магистраты (консулы, преторы и цензоры) и, притомъ, преимущественно изъ кандидатовъ, представляемыхъ сенатомъ [7]). Въ рукахъ патриціевъ была магистратура и жреческая должность rex sacrificulus'а, замѣнившаго царя при исполненіи религіозныхъ церемоній, которыми сопровождались многіе акты дѣятельности органовъ публичной власти [8]). Наконецъ, и сенатъ остался исключительно патриціанскимъ корпусомъ въ теченіе всего перваго вѣка республики. Его политическое значеніе даже увеличилось

---

1) Karlowa, 861 s., Виллэмсъ: „Римское госуд. право“, I к., 282 с. 2) Виллемсъ, ibidem, 262—263 с. 3) Karlowa, 86 s., Петровъ, 211 с. 4) Mommsen, 264 s., Karlowa, 97 s. 5) Karlowa, 91 s. 6) Mommsen, 258 и 267 s., Weber, III B., 71 s. 7) Madwig, 226—228 s., Weber, 72 s. 8) Willems, I t., 42—43 p.

вслѣдствіе того, что онъ былъ постояннымъ учрежденіемъ, состоящимъ изъ опытныхъ въ управленіи лицъ, между тѣмъ какъ консулы, смѣняемые ежегодно, не могли имѣть прочнаго вліянія на управленіе [1]). Въ продолженіе вѣковой борьбы между патриціями и плебеями (въ первомъ вѣкѣ республики) сенатъ всегда являлся органомъ патриціата, никогда не игралъ роли примирителя между партіями, что было бы неизбѣжно, если бы въ немъ были представители обѣихъ враждебныхъ политическихъ партій [2]).

Весь этотъ рядъ историческихъ данныхъ даетъ намъ право заключить, что уничтоженіе царской власти въ Римѣ не только не повело къ уменьшенію политическихъ правъ патриціата, но даже увеличило ихъ еще болѣе, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ. Самое изгнаніе римскихъ царей было дѣломъ патриціата, который не могъ допустить систематическаго разрушенія царями своего могущества. Плебеи ничего не выиграли отъ перемѣны формы правленія [3]). Даже плебейскіе трибуны, обязанные покровительствовать плебею противъ imperium патриціанскихъ консуловъ, не имѣли сначала доступа въ сенатъ, оставшійся исключительно патриціанскимъ до 400 г. до Р. Хр., когда впервые упоминается у Т. Ливія о первомъ сенаторѣ изъ плебеевъ [4]). Сенаторы же, избранные первыми консулами, Брутомъ и Валеріемъ, были не плебеи [5]), а младшіе члены всадническихъ центурій; эти juniores, также патриціи, должны были пополнить въ сенатѣ ряды стараго патриціата, начинающаго въ то время вымирать [6]). Все-таки, децемвиры (451—449 до Р. Хр.) были изъ патриціевъ, задумавшихъ воспользоваться децемвиратомъ для

1) Karlowa, 88 s. 2—3) Willems, 43—44 p. 4) Виллемсъ, I в., 206 с., Filon, 19 p. 5) Karlowa (90 s.), Mommsen (259 s.), Madwig (125 s.) и др. романисты думаютъ, что плебеи (conscripti) были допущены въ сенатъ при этихъ консулахъ, мнѣніе, опровергаемое рядомъ, приводимымъ здѣсь нами, данныхъ о патриціанскомъ характерѣ переворота 509 г. 6) Willems, I t., 48 p., Filon, 10, Bloch, ibidem.

уничтоженія консулата и трибуната, учрежденнаго въ 494 г. до Р. Хр. Попытка эта окончилась, однако, низверженіемъ децемвировъ и возстановленіемъ консульства и института народныхъ трибуновъ, которые получили съ этого времени право останавливать рѣшенія сената [1]). Но плебеи были допущены въ сенатъ только послѣ учрежденія военнаго трибуната въ 444 г. до Р. Хр., фактически съ 400 г., когда въ должность трибуновъ были избраны плебеи, сдѣлавшіеся въ силу этого факта членами сената [2]): осуществленіе курульныхъ магистратуръ (диктатуры, консульства, трибуната и др.) вело за собою право засѣдать въ сенатѣ и оставаться въ немъ и послѣ окончанія срока должности [3]). Но плебеи—трибуны, хотя и боролись съ патриціями за права плебса, въ тоже время не переставали поддерживать новую аристократію республиканской эпохи и сами обыкновенно принадлежали къ знати [4]).

На исторіи сената въ республиканскую эпоху, измѣненіяхъ его состава отражаются различные фазисы борьбы между патриціями и плебеями. Но сенатъ остается аристократическимъ почти до конца республики вслѣдствіе того, что въ обществѣ преобладаетъ высшій классъ, аристократія [5]). Эта послѣдняя постепенно теряетъ характеръ древняго родоваго, замкнутаго сословія (патриціата), допускаетъ въ свои ряды виднѣйшихъ и богатѣйшихъ представителей плебейской аристократіи [6]). Законныя политическія привиллегіи старинной знати не были уничтожены въ Римѣ, потому что послѣ того, какъ исчезли исключительныя привиллегіи стараго патриціата, въ Римѣ образовалась новая, служебная знать, которая смотрѣла на занятіе высшихъ государственыхъ должностей, какъ на свое неотъемлемое право [7]). Пожизненный

1) Karlowa, 103, Виллемсъ, I в., 299 с., Виллемсъ, I, 298—299 с., Петровъ, 214—215 с. 2—3) Willems: „Le Senat de le republique romaine“ I t., 60 и 49 p. 4) Coulanges, I t, 234 p. 5) См. ниже. 6) Петровъ, 213—217 с. 7) Фриманъ: „Сравнительная политика“, 165—167 с.

санъ сенатора для каждаго плебея, назначаемаго въ курульную должность, какъ и самое отправленіе обязанностей курульныхъ магистратовъ, сообщали блескъ всей плебейской фамиліи, которая дѣлалась благородною (nobilis), если ея члены послѣдовательно занимали такія высокія должности въ республикѣ. Этотъ новый классъ получилъ привиллегированное положеніе въ обществѣ, равное съ прежнею, родовитою знатью, послѣ допущенія плебса къ консульству (по Lex Licinia въ 367 г. до Р. Хр.) и другимъ высшимъ должностямъ республики (въ исходѣ IV ст. до Р. Хр.), полной политической равноправности плебса съ патриціями [1]). Вслѣдствіе тѣсной связи между членами, возникшаго вновь, общественнаго класса, взаимной помощи ихъ другъ другу, его богатства и обычнаго уваженія римскаго народа къ своей аристократіи рядъ такихъ благородныхъ фамилій образовалъ въ республикѣ благородное сословіе (Nobilitas, Optimates), обладающее важными политическими и многими почетными правами [2]). Nobiles слились съ патриціями (312—216 г. до Р. Хр.) въ нѣдрахъ самого сената [3]), гдѣ они заняли мѣста выше простыхъ сенаторовъ [4]). Ниже ordo senatorius, наслѣдственнаго и богатаго класса гражданъ, изъ котораго избирались высшіе магистраты, стоялъ ordo equester,—члены 18 всадническихъ центурій, изъ среды которыхъ во всю республиканскую эпоху избирались сенаторы для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ въ сенатѣ [5]). Ordo equester замыкалось аристократическое сословіе республики, обладавшее большими богатствами in agris publicis [6]). Въ образовавшейся такъ денежной и чиновничьей, патриціанско-плебейской аристократіи исчезли скоро всякіе поводы къ враждѣ, какъ только

---

1) Mommsen, I, 1, 308 s., Madwig, 185 p., Виллемсъ, I, 131—132 с. 2) Madwig, 186—187 s., Виллемсъ, I, 132—133 с. 3) Willems, I t, 129 и 282 p., Mommsen, 793—796 s., 4) Coulanges, 232 p. 5) Naudet, 41 p. et suiv., Willems, I t., 194—195 p. 6) Coulanges, 260—261 p.

произошло примиреніе сословій въ римской республикѣ (въ концѣ IV вѣка до Р. Хр. по законамъ Лицинія, Огульнія и Публилія) и интересы патриціевъ и плебеевъ сдѣлались общими. Новый привиллегированный классъ, служебная знать, возвысился теперь надъ массою народа, обладая политическими правами прежней родовой знати [1]). Сообразно такому выдающемуся значенію аристократіи въ періодъ республики сенатъ отличался преобладающимъ аристократическимъ характеромъ [2]). При всемъ своемъ, повидимому, скромномъ положеніи только вспомогательной корпораціи при магистратахъ (consilium publicum) сенатъ фактически занималъ высшее мѣсто въ управленіи республики, такъ что отъ него зависѣли и сами магистраты [3]). Раздѣленіе исполнительной власти между многими магистратами и краткій (годичный) срокъ отправленія ими своихъ должностныхъ обязанностей въ связи съ отвѣтственностью ихъ предъ народомъ должны были уменьшать политическое значеніе магистратуры и увеличивать, наоборотъ, роль въ управленіи сената, какъ постояннаго и многочисленнаго учрежденія, состоящаго изъ богатыхъ, вліятельныхъ въ обществѣ и заслуженныхъ лицъ, пожизненно отправляющихъ свою должность [4]). Большое значеніе въ государствѣ сената увеличивалось еще и тѣмъ, что онъ контролировалъ все управленіе и сохранялъ въ немъ единство [5]). Въ аристократическомъ составѣ сената въ эпоху римской республики можно видѣть причину необыкновеннаго дѣйствительнаго его политическаго значенія въ это время [6]) хотя de jure, онъ былъ только „совѣщательнымъ учрежденіемъ“ [7]). Отъ V до II в. до Р. Хр. вліяніе сената на государствен-

---

1) Karlowa, 341 s. 2) Karlowa, 373 s., Петровъ, 232—233 с. 3) Willems, II t., 226 p. et suiv., Karlowa, 373 s., Виллемсъ, I в., 234 с. 4) Madwig, 280—282 s., Willems, I t., 184—200 p., Filon, 32, 36 и 38 p. 5) Karlowa, 373 c. 6) Willems, II t, 237 p., Karlowa, ibidem, Weber, III, 69 s., Виллемсъ, I в., 234 с. 7) Виллемсъ, I в., 233 с.

ныя дѣла увеличивалось постепенно и съ начала II вѣка и до реформъ Гракховъ (133 г. до Р. Хр.), въ наиболѣе блестящій періодъ римской республики, когда Римъ сдѣлался всемірнымъ государствомъ, а nobilitas властвовала надъ всѣмъ управленіемъ [1]), сенатъ сталъ центромъ политическаго вліянія знати и всего государственнаго управленія. Сенату при республикѣ принадлежали обширныя права какъ относительно законодательства, такъ и управленія и даже суда [2]). Попрежнему сенатъ назначалъ изъ своей среды interrex'а [3]) и—диктатора, должность котораго возникла только при республикѣ [4]) и служила въ рукахъ аристократіи средствомъ противъ демократіи [5]). Участіе сената въ законодательствѣ выражалось въ patrum auctoritas, которая до начала IV ст. до Р. Хр. была санкціей законовъ, вотированныхъ въ куріатскихъ, центуріатскихъ и трибутскихъ комиціяхъ, плебисцитовъ и выборовъ магистратовъ въ послѣднихъ, а въ 359 г. по lex Publicia и въ 292 г. по lex Maenia сдѣлалась предварительною по отношенію къ законамъ и выборамъ [6]). Но эта реформа, имѣвшая, повидимому, демократическій характеръ, была въ сущности полезна для расширенія политическаго вліянія сената, который теперь разсматривалъ предварительно всѣ законодательные проэкты и листы кандидатовъ въ магистраты, такъ что безъ согласія сената не могъ быть предложенъ консуломъ или трибуномъ народу въ комиціяхъ ни одинъ законъ и не могъ быть избранъ въ центуріатскихъ комиціяхъ ни одинъ магистратъ [7]). Lex Hortensia (286 г. до Р. Хр.) уничтожилъ patrum auctoritas для плебисцитовъ и трибутскихъ законовъ, но оставилъ ее для куріатскихъ и центуріатскихъ законовъ и выборовъ въ центуріатскихъ комиціяхъ, хотя по

---

1) Willems, I t, 303, 307 p. 2) Mommsen, I, 320 s. 3) Willems, II, 20 p. et suiv. 4) Mommsen, I, 1, 320 s., Willems 239 p. et suiv, Виллемсъ, I вып., 289 с. 5) Зайцевъ, 566 с. 6) Willems, II, 69—72, 83 и 85 p. 7) Madwig, 296—297 s., Mommsen, 320 s., Willems, 73—74 p.

общему правилу и послѣ этого времени законопроэкты до предложенія народу были вносимы ихъ авторами въ сенатъ [1]). Въ послѣдніе три вѣка республики patrum auctoritas сливается съ senatusconsultum, предшествующимъ выборамъ магистратовъ и изданію законовъ [2]). Юридическое освобожденіе плебисцитовъ и трибутскихъ законовъ изъ подъ дѣйствія предварительной patrum auctoritas сената открыло въ римскомъ управленіи широкую дорогу дуализму, который былъ погубенъ для римской республи: плебисциты сдѣлались въ рукахъ трибуновъ могущественнымъ оружіемъ противъ традиціонныхъ правъ сената, вопреки волѣ котораго они нерѣдко (въ II в. до Р. Хр.) управляли римскимъ государствомъ [3]). Впрочемъ, сенатъ имѣлъ въ рукахъ цѣлый рядъ средствъ для устраненія законопроэктовъ, внесенныхъ въ народное собраніе безъ его предварительнаго согласія [4]). Въ особенныхъ случаяхъ, напримѣръ при угрожающихъ государству опасностяхъ, сенату принадлежала экстраординарная власть, неограниченная никакими законами [5]). Сенатъ имѣлъ также право кассировать въ извѣстныхъ случаяхъ законы, отрѣшать гражданъ отъ обязательнаго повиновенія имъ, ограничивать дѣятельность магистратовъ или даже совсѣмъ прекращать ее [6]).

Сенатъ не былъ въ послѣдніе три вѣка республики de jure законодательнымъ учрежденіемъ: senatusconsult'ы не имѣли силы законовъ, были только мнѣніями сената, исполненіе которыхъ зависѣло отъ imperium et potestas магистратовъ [7]). За то высшіе магистраты не могли управлять государствомъ безъ содѣйствія сената: mos majorum предписывалъ имъ совѣщаться съ сенатомъ во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ и собразоваться съ мнѣніемъ сената въ своей административной дѣятельности (въ религіозныхъ

1—2) Willems, 92 p. et suiv., Виллемсъ, I в., 198—201 с. 3) Willems, II, 103 p. 4) Mommsen, ibidem. 5) Madwig, 301 s. 6) Karlowa, 377 s., Madwig, 303—304 s., Willems, II, 116—117 p. 7) Willems. 114—115 p.

дѣлахъ, финансовыхъ, публичныхъ работахъ, юстиціи, внутреннихъ дѣлахъ, иностранныхъ, военныхъ, дѣлахъ колоній и провинцій)[1]. Обширность и полнота административной власти вознаграждали сенатъ за потерю его непосредственнаго вліянія на законодательство: сенатъ былъ при республикѣ дѣйствительнымъ центромъ всего управленія, между тѣмъ какъ высшіе магистраты (консулы, диктаторы, префекты и др.) обыкновенно довольствовались почетнымъ мѣстомъ президента въ сенатѣ (princips'a) и на самомъ дѣлѣ были только его коммиссарами, органами сената въ исполненіи senatusconsult'овъ[2]). Вліяніе сената простиралось на дѣятельность магистратовъ даже и тогда, когда они дѣйствовали въ провинціяхъ, повидимому, совершенно самостоятельно. Сенатъ обыкновенно отправлялъ своихъ членовъ для наблюденія за дѣятельностью полководцевъ, которые обязаны были слѣдовать мнѣнію сенатскихъ депутатовъ. Провинціальные магистраты также должны были въ важныхъ случаяхъ приглашать для совѣщаній всѣхъ лицъ сенатскаго званія, находящихся въ провинціяхъ[3]). Сенатъ оставался даже до II в. до Х. Хр. цитаделью аристократическихъ фамилій (оптиматовъ), которыя раздѣлили между собою важнѣйшія должности въ государствѣ, пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ для ослабленія правъ народнаго собранія и стремились къ тому, чтобы овладѣть всею властью и сдѣлать изъ римскаго государства настоящую олигархію[4]). Такъ послѣ длиннаго ряда ожесточенныхъ столкновеній между аристократіей и народомъ во 2-й половинѣ II вѣка (при народныхъ трибунахъ: Гракхахъ и Сатурнинѣ) въ диктаторство Суллы аристократическая партія взяла верхъ надъ демократическими элементами обще-

---

1) Willems, „Senat de la republique romaine“, II, livr. III, 121—712 p., Madwig, 286—296 s., Mommsen, 321 s., Karlowa, 373—377 s., Filon, 25—27 p. 2) Mommsen: „Romische Geschichte“ I, 1, 321 s. 3) Mommseu: Romische Staatsrecht“, I B., 298 и 301 s. 4) Filon, 42—43 p., Петровъ, I, 234 с.

ства. Сулла, желая обезпечить перевѣсъ въ управленіи оптиматамъ, возстановилъ patrum auctoritas сената, уничтоженную lex Hortensia [1]). Торжество аристократической партіи было упрочено Суллой изданіемъ корнеліевыхъ законовъ, (88 г. до Р. Хр.), по которымъ въ сенатѣ были сосредоточены все законодательство, администрація, судопроизводство и военная власть [2]). Но уже въ 70 г. до Р. Хр. плебисциты и законы трибутскихъ комицій по lex Licinia Pompeia опять стали предлагаться и вотироваться въ народныхъ собраніяхъ безъ согласія и даже вопреки мнѣнію сената [3]). Вмѣстѣ съ упадкомъ общественнаго и политическаго вліянія аристократіи послѣ смерти Суллы въ римской республикѣ начинаетъ увеличиваться политическая власть отдѣльныхъ полководцевъ, которая при Юліи Цезарѣ достигаетъ такого преобладающаго значенія, что предъ нимъ должны были преклониться весь народъ, магистраты и сенатъ съ составляющими его аристократами. Цезарь сдѣлался всемогущимъ въ государствѣ и низвелъ сенатъ на степень простого совѣта, покорнаго велѣніямъ своего повелителя, которому самъ же уничтоженный сенатъ поднесъ послѣ побѣды надъ республиканцами титулъ неотвѣтственнаго и пожизненнаго диктатора [4]). Старая, олигаргическая партія пала на поляхъ Фарсальскихъ (48 г. до Р. Хр.) и ея побѣдитель, Цезарь основалъ вмѣсто нея новое, чисто монархическое дворянство, вполнѣ зависѣвшее отъ демократическаго монарха и политически совершенно ничтожное [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Цезарь ввелъ въ сенатъ массу лицъ военнаго сословія и чрезмѣрно увеличилъ число сенаторовъ (до 900) [6]). Изъ прежняго аристократическаго учрежденія, бывшаго представителемъ интересовъ знати, сенатъ

---

1) Ranke, II, 2, 104—10[illegible], 132 s. und folg., Willems, II, 104—105 p. 2) Madwig, 218 s., Mommsen: „Romische Geschichte“, II, 352—354 и 362 s., Filon, 47—48 p., Петровъ, I, 240 с. 3) Willems, Madwig, ibidem. 4) Willems, II, 721—739 p., Filon, 52 p., Ranke, ibidem, 313—314 s, Петровъ, 249—250 с. 5) Mommsen, III B., 486—487 s. 6) Filon, 53 p., Mommsen. 488 s.

сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Цезаря, превратился въ чисто совѣщательное при немъ учрежденіе, похожее по формѣ на царскій совѣтъ старой монархіи, но только необладающее законодательными правами сената при древне-римскихъ царяхъ [1]). Однако, аристократическія традиціи были еще слишкомъ живы въ римскомъ народѣ, привыкшемъ издавна видѣть въ сенатѣ органъ аристократіи и всесильнаго распорядителя судьбою Рима. Цезарь не рѣшился уничтожить совсѣмъ старую аристократію и даже самъ создалъ нѣсколько новыхъ патриціанскихъ фамилій [2]). Диктаторъ не отнялъ у сената и всѣхъ его привиллегій; такъ онъ оставилъ ему право суда надъ сенаторами и членами всадническаго сословія [3]). Но эти мѣры не могли возвратить прежняго политическаго авторитета ни римской аристократіи, ни ея органу—сенату, трепетавшихъ за свою участь предъ могущественнымъ Цезаремъ. Сенатъ остался такимъ же безсильнымъ учрежденіемъ и въ періодъ втораго тріумвирата, и только во время отсутствія изъ Рима Антонія и борьбы его съ Октавіаномъ сенатъ на короткое время занялъ прежнее, первенствующее мѣсто въ управленіи [4]).

Побѣда Октавія надъ Антоніемъ (при Акціумѣ въ 32 г. до Р. Хр.) положила начало новой эпохѣ въ исторіи римскаго государства—***римской имперіи***. Первые три вѣка ея (до конца III ст. послѣ Р. Хр.) извѣстны подъ именемъ принципата, характерною чертою котораго было видимое внѣшнее сохраненіе политическихъ учрежденій республики при вполнѣ абсолютной власти princeps'овъ сената, отъ Августа и до Діоклетіана (284 г. по Р. Хр.) [5]). Во главѣ общества вмѣсто вымирающаго нобилитета за время принципата и въ продолженіе всего остальнаго періода имперіи стояло сена-

---

1) Mommsen, ibidem. 2) Mömmsen, ibidem, Filon, ibidem. 3) Filon, ibidem. 4) Willems, II, 743—745, 751—757 и 765 p. 5) Madwig, 526—528 s., Karlowa, 822 s, Петровъ 257 с.

торское сословіе, возникшее легально при Августѣ; изъ этого сословія преимущественно выходили члены сената [1]) Вторую ступень соціальной лѣстницы занимало сословіе всадниковъ, принадлежавшее также къ аристократіи [2]). Члены этого сословія были избранною частью гражданъ, богатые люди, надѣленные политическими правами. Сословіе всадниковъ при имперіи составляло родъ рыцарской знати, аристократической по своимъ наслѣдственнымъ привиллегіямъ [3]). Рангъ и титулы сенаторскаго и всадническаго сословія передавались по наслѣдству; ихъ права сообщались даже семьямъ обоихъ сословій. Princeps или императоръ назначалъ высшихъ магистратовъ и въ числѣ ихъ членовъ сената изъ среды названныхъ высшихъ классовъ, въ семьяхъ которыхъ магистратуры были почти наслѣдственны. Управленіе провинціями имперіи и арміей было также сохранено за знатью,— сенаторами и всадниками [4]). Члены сенаторскаго сословія имѣли сенаторскій рангъ, не состоя членами сената, и въ IV в. по Р. Хр., когда всадническое сословіе почти исчезло, остался только одинъ родъ знати—сенаторское сословіе, которое было до конца имперіи представителемъ крупнаго поземельнаго владѣнія въ странѣ. Эта поземельная аристократія не была равнодушна къ политическимъ дѣламъ, отъ которыхъ она и не была удаляема римскими императорами, управлявшими государствомъ при ея посредствѣ [5]). Но политическія права этой аристократіи императорской эпохи римской исторіи рѣзко отличались отъ ея независимаго и самостоятельнаго положенія въ римскомъ республиканскомъ обществѣ. Признаніе за нею извѣстной доли участія въ управленіи всецѣло зависитъ теперь отъ милости и усмотрѣнія сначала принцепса, а потомъ императора. При всемъ ка-

---

1—2) Виллемсъ, II в., 455—458 и 448 с. 3) Naudet, 65—95 p., Виллемсъ, II в., 447—462 с. 4) Coulanges, ibidem, 238—241 и 270 p. 5) Karlowa, 525 s., Coulanges, 245—246, 260 и 271 p.

жущемся сохраненіи республиканскихъ учрежденій во время принципата, когда видимымъ источникомъ власти были народъ и сенатъ, поручавшіе высшее управленіе государствомъ уважаемому и богатому гражданину—принцепсу, въ государствѣ фактически господствовала только воля этого послѣдняго и оно было чисто монархическимъ [1]). Исходной точкой развитія власти принцепса и императора былъ все тотъ же исконный принципъ римскаго публичнаго права, по которому авторитетъ главы государства былъ делегаціей абсолютной власти римскаго народа и государства. Этотъ принципъ проявлялся одинаково во всѣ періоды римской исторіи: въ царскій, республиканскій и императорскій; различіе было только въ формѣ его выраженія, въ томъ, что въ царскую эпоху исполнительная власть принадлежала царю, при республикѣ—многочисленнымъ магистратамъ, а при имперіи—одному лицу [2]). Но римская имперія развивается еще изъ фактическаго состоянія, изъ чувствуемой всѣмъ обществомъ необходимости крѣпкой, центральной исполнительной власти и, благодаря своему военному характеру, превращается въ абсолютную монархію уже во время принципата. Такъ называемый lex de imperio (при Веспасіанѣ) надѣляетъ принцепса исключительными правами въ сферѣ военной, административной и судебной власти [3]), но не вручаетъ ему прямо власть законодательную [4]), которая во время принципата была отнята у комицій и передана сенату [5]). Послѣдній становится, повидимому, главнымъ, центральнымъ учрежденіемъ въ имперіи. При Августѣ и Тиберіи сенатъ дѣлается „законодательной палатой римской имперіи". Senatusconsult'ы получаютъ силу закона и имѣютъ отношеніе ко всѣмъ отраслямъ управленія, центральнаго и провинціальнаго. Сенатъ обладаетъ

1) Madwig, 527—530 s. 2) Coulanges, 66—75 p. 3) Karlowa, 496—500 s., Ranke, III, 1, 240—241 s. 4) Coulanges, 73—78 p., Filon, 80 p. 5) Виллемсъ, II в., 515 с.

правомъ отмѣнять прежніе законы и становится также высшимъ избирательнымъ собраніемъ [1]); ему жалуются разныя другія привиллегіи и иммунитеты. Тиберій даетъ сенату послѣ уничтоженія избирательныхъ комицій право назначать магистратовъ [2]). Въ сенатѣ разсматриваются всѣ дѣла, публичныя и частныя [3]).

Такимъ образомъ, въ теченіе всего перваго вѣка принципата и въ началѣ втораго сенатъ обладалъ всѣми правами власти и былъ необходимымъ ближайшимъ помощникомъ princeps'а въ управленіи государствомъ [4]). Такое вліятельное и почетное положеніе сената обращало на себя вниманіе многихъ римскихъ и новѣйшихъ писателей, въ глазахъ которыхъ онъ былъ „публичнымъ совѣтомъ имперіи". Такъ по словамъ Тацита, „сенаторы и всадники послѣ убійства Гальбы и во время усобицы между Оттономъ и Вителліемъ были не чужды участія въ государственныхъ дѣлахъ" [5]). Юрисконсульты не перестаютъ разсматривать сенатъ, какъ истинный источникъ законодательства [6]). Сами принцепсы относились къ сенату съ полнымъ уваженіемъ, присутствовали часто при его засѣданіяхъ въ качествѣ простыхъ членовъ и выдавали свою власть за порученіе отъ сената [7]). Августъ дѣлалъ все въ государствѣ именемъ сената и народа и называлъ себя только princeps'омъ сената [8]). При Тиберіи центръ управленія лежитъ въ сенатѣ, который имѣлъ при немъ право облекать въ легальную форму волю princeps'а. При Веспасіанѣ, не смотря на lex de imperio, сенатъ былъ признанъ, какъ самостоятельная сила въ управленіи. Нерва и Тацитъ были избраны сенатомъ въ принцепсы. Цезарь Пробъ называетъ сенатъ „господиномъ міра" и признаетъ за нимъ высшій по-

---

1) Karlowa, 518 s., Виллемсъ, II, 525—526 с. 2) Тацитъ: „Лѣтопись" (II т. сочиненій Тацита, пер. Модестова, Спб., 1887 г.), I кн. гл., 15. 3) Filon, 61—67 р. 4) Madwig, 561 s. 5) Тацитъ: „Исторіи" (I т. сочиненій), I кн., 50 гл. 6) Coulanges, 241 р. 7) Filon, 64 р. 8) Петровъ, 255 с.

литическій авторитетъ. Антонинъ вышелъ изъ среды самого сената и относился къ сенаторамъ, какъ и его предшественники, Траянъ и Гадріанъ, съ необычайнымъ уваженіемъ [1]). Но при всѣхъ этихъ знакахъ высокаго политическаго значенія сената во время принципата всѣ его права имѣли измѣнчивый, случайный характеръ, зависѣли отъ благосклонности къ нему принцепсовъ, или точнѣе, отъ лицемѣрной ихъ политики, желанія прикрыть республиканскими формами свои властолюбивыя стремленія къ неограниченной власти [2]). Съ этою цѣлью принцепсы выдавали сенатъ за представителя народа и надѣляли его разными функціями власти, которая въ сущности принадлежала имъ самимъ [3]). Фактически сенатъ былъ только органомъ воли принцепса и составлялся изъ лицъ, ему угодныхъ. Между компетенціей сената и принцепса не было проведено никакихъ границъ и предложенія принцепсовъ въ сенатѣ (orationes) не встрѣчали здѣсь никакого противодѣйствія. На ряду съ senatusconsult'ами съ законодательной силой получаютъ скоро важное значеніе эдикты, а потомъ constitutiones principum, которые съ средины II ст. оттѣсняютъ на задній планъ законодательныя рѣшенія сената. Принцепсы постоянно вмѣшиваются въ судебную дѣятельность сената [4]), не говоря уже объ административной его власти, которая цѣликомъ перешла къ принцепсу [5]). Необходимо еще замѣтить, что видимая полнота власти сената въ эпоху принципата не вяжется совершенно съ тѣмъ постояннымъ страхомъ, унизительнымъ раболѣпствомъ и лестью, какую сенатъ выказывалъ при всякомъ удобномъ случаѣ предъ принцепсами (Тиберіемъ, Нерономъ и др.) [6]).

---

1) Ranke, II, 1, стр.: 65, 241, 274, 289, 297, 299, 459 и 462, Filon, 65—85 и 98—99 p. 2) Петровъ, 254—260 с. 3) Karlowa, 491—494 и 518 s. 4) Madwig, 561 s., Виллемсъ, II в., 526 с. 5) Виллемсъ, 530, 653—656 с. 6) Тацитъ: „Лѣтопись“, I кн., 2, 7, 11 и 14 гл., III кн., 17—18 гл., 41, 51 и 65 гл., IV кн., 72 гл., XIV кн., 12 гл., XV кн., 23 гл.; „Исторіи“, I кн., 45 гл., III кн., 37 гл.

Многіе принцепсы (Неронъ, Домиціанъ и др.) не считаютъ нужнымъ скрывать, что они ставятъ свою волю выше сената, или же относились къ нему прямо съ ненавистью, презрѣніемъ и поступали въ разныхъ дѣлахъ, какъ было имъ угодно [1]). По мѣрѣ увеличенія власти принцепсовъ шло ослабленіе и власти сената, пока наконецъ въ концѣ IV в. онъ не потерялъ всякое значеніе въ общемъ управленіи государствомъ и сдѣлался муниципальнымъ учрежденіемъ города Рима [2]).

Паденіе политическаго значенія сената, какъ аристократическаго института, находившееся въ связи съ постепеннымъ усиленіемъ монархической власти въ римскомъ государствѣ, шло рука объ руку съ возвышеніемъ въ немъ совѣта принцепса (consilium principis), который появился въ первый же моментъ образованія принципата, при Августѣ [3]). Принцепсы воспользовались для учрежденія такого совѣта, какъ необходимаго органа для осуществленія ихъ воли, традиціоннымъ римскимъ обычаемъ магистратовъ спрашивать въ важныхъ дѣлахъ мнѣнія у компетентныхъ совѣтниковъ [4]). Consilium principis начинаетъ пріобрѣтать большую важность въ управленіи вмѣстѣ съ развитіемъ власти принцепсовъ, и изъ учрежденія, въ которомъ разсматривались сначала одни частныя дѣла, становится потомъ мѣстомъ, гдѣ разрѣшаются и различные трудные вопросы о примѣненіи и толкованіи законовъ. Какъ интерпретаторъ законовъ и высшій регуляторъ правильнаго хода судопроизводства, совѣтъ принцепса занимаетъ самостоятельное мѣсто около сената, возвышается потомъ надъ нимъ и замѣняетъ сенатъ вполнѣ въ тотъ моментъ, когда принципатъ превращается формаль-

---

1) Ranke, 259, 373, 346, Coulanges, 242 p. 2) Willems, Senat, II, 688 p., Madwig, 574 s., Filon, 103—104 p. 3) Cuq: „Le conseil des empereurs d'Auguste á Dioclétien", Parls, 1884, 311 p., Karlowa, 546 s., Madwig, 571 s, Filon, 60 p. 4) Mommsen: „Romische Staatsrecht", II, 2, 948, Cuq, 315, Karlowa, ibidem.

но въ имперію и императоръ дѣлается единственнымъ источникомъ всякой справедливости и законодательства (въ концѣ IV в., при Константинѣ Великомъ). Принцепсы, а потомъ императоры предпочитали совѣтъ, составленный изъ лицъ, имъ преданныхъ, сенату—собранію людей, болѣе или менѣе самостоятельныхъ и независимыхъ отъ нихъ, и явно стремились къ тому, чтобы замѣнить сенатъ своимъ совѣтомъ, къ которому должны были перейти все вліяніе и права сената [1]). Но это намѣреніе принцепсовъ не могло осуществиться сразу, а только постепенно, вмѣстѣ съ упроченіемъ правъ монархической власти въ римскомъ государствѣ. Consilium principis получилъ опредѣленную организацію при *Гадріанѣ* (117—138 по Р. Хр.), когда управленіе всемірнымъ римскимъ государствомъ сдѣлало необходимымъ созданіе массы чиновниковъ и въ лицѣ императора сконцентрировалась вся судебная власть [2]). Августъ же управлялъ съ помощью сената, который по его желанію выбиралъ на полгода пять членовъ изъ своей среды, обязанныхъ вмѣстѣ съ нѣкоторымъ числомъ магистратовъ состоять при принцепсѣ для доставленія его законодательныхъ предложеній сенату [3]). Роль въ управленіи послѣдняго уменьшилась значительно вслѣдствіе учрежденія такой постоянной коммиссіи, въ которой каждый законопроэктъ былъ тщательно обрабатываемъ и уже принятъ наиболѣе вліятельными членами сената, входящими въ составъ коммиссіи [4]). Въ послѣдніе годы правленія Августа были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ составѣ и функціяхъ совѣта. Въ него вошли, кромѣ его сына, внуковъ, консуловъ, 20 членовъ сената, назначенныхъ на годъ по жребію, и граждане, опредѣляемые въ совѣтъ принцепсомъ. Рѣшенія этого, по выраженію Моммзена, „тѣснаго совѣта“ [5]) имѣли силу

---

1) Cuq, 314—316 p. 2) Karlowa, 546 s., Filon, 83 p., Mommsen, 949 s., Cuq, 317 p., Ranke, III, 1, 289 s. 3) Mommsen, 865 s., Filon, 61 p. 4) Cuq, 3 8 p., Karlowa, 523 s. 5) Mommsen, ibidem.

рѣшеній цѣлаго сената [1]) и были для него обязательны [2]). Cons. principis сдѣлался, такимъ образомъ, постояннымъ учрежденіемъ при Августѣ, который „началъ стягивать къ себѣ права сената, правительственныхъ лицъ, и законы, не встрѣчая ни въ комъ себѣ противодѣйствія" [3]). Тиберій организовалъ постоянный совѣтъ, въ который были призваны, кромѣ его друзей, 20 высокопоставленныхъ лицъ изъ сословія сенаторовъ и всадниковъ [4]). При Калигулѣ cons. principis не существовалъ, вслѣдствіе чего сенатъ пріобрѣлъ большое вліяніе на управленіе, хотя его положеніе и было неопредѣленно и шатко при этомъ „капризномъ и жестокомъ" принцепсѣ [5]). Cons. principis былъ снова возстановленъ при Клавдіи и по предложеніямъ совѣта были вотированы въ сенатѣ нѣкоторые едикты и senatusconsult'ы. Душою совѣта при Неронѣ былъ философъ Сенека, и изъ совѣта исходила въ это время иниціатива всякихъ правительственныхъ мѣръ [6]). Домиціанъ, составляя совѣтъ изъ большаго числа сенаторовъ и высшихъ магистратовъ изъ сословія всадниковъ, желалъ найти въ немъ опору противъ вліянія сената, который скоро сталъ только дрожать и безмолствовать предъ своенравнымъ повелителемъ. При Траянѣ cons. principis пріобрѣлъ такую важность, какой онъ не имѣлъ еще до сихъ поръ: считалось за особенную честь быть его членомъ. Рѣшеніями совѣта руководствовались въ своей дѣятельности магистраты; совѣтъ былъ особенно занятъ важными въ то время дѣлами о преслѣдованіи и объ осужденіи христіанъ [7]).

Такимъ образомъ, отъ Августа и до Гадріана въ римской имперіи существовало болѣе или менѣе постоянное совѣщательное учрежденіе при принцепсахъ съ извѣстными функціями; такой „тѣсный совѣтъ" ихъ былъ отличенъ отъ случайнаго

---

1) Madwig, 570—571 s. 2) Cuq, 319 p. 3) Тацитъ: „Лѣтопись", I кн., 2 гл. 4) Mommsen, 866 s., Madwig, ibidem, 5) Cuq, 320, Filon, 69, 6—7) Cuq, 320—326 p.

собранія фаворитовъ принцепсовъ по отдѣльнымъ случаямъ [1]). Со времени Гадріана въ основаніи cons. principis были положены опредѣленныя начала организаціи, которыя развиваются впослѣдствіи. Гадріанъ, проводившій большую часть своего времени въ путешествіяхъ по римскимъ провинціямъ, бралъ съ собою обыкновенно нѣкоторое число сенаторовъ, которые и были его ближайшими совѣтниками въ дѣлахъ управленія. При Гадріанѣ же въ совѣтъ былъ введенъ новый элементъ,— ученые юристы, которые дѣлались ординарными членами совѣта послѣ предварительнаго одобренія ихъ сенатомъ. Группируя въ своемъ совѣтѣ знаменитыхъ юрисконсультовъ своего времени, Гадріанъ тѣмъ самымъ обезпечивалъ cons. principis, какъ органу монархической власти принцепса, высшую рѣшающую роль въ спорныхъ судебныхъ дѣлахъ и въ однообразномъ способѣ примѣненія законовъ во всей имперіи [2]). Въ cons. principis Гадріана входили почти всѣ дѣла управленія. Сенатъ собирался при немъ для выбора магистратовъ или въ экстраординарныхъ случаяхъ. Сенатъ, между прочимъ, одобрилъ при Гадріанѣ edictum perpetuum, выработанный въ cons. principis его членами,—извѣстными юрисконсультами— Сальвіемъ Юліаномъ и Сервіемъ Корниліемъ [3]). Этотъ эдиктъ, установившій однообразный и неизмѣнный порядокъ судопроизводства для дѣятельности городскаго претора, ограничилъ его права и расширилъ сферу вліянія совѣта на законодательство имперіи [4]). Антонинъ Благочестивый не рѣшалъ ни одного дѣла безъ предварительнаго совѣщанія съ членами cons. principis, который продолжаетъ оставаться центромъ всего управленія и при Маркѣ Авреліѣ [5]). При Септиміѣ Северѣ принципатъ превращается въ абсолютное и военное управленіе государствомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ политическій авторитетъ сенаторскаго сословія и его органа—

---

1) Mommsen, ibidem, 866 s. 2—3) Cuq, 328—341 p. 4) Cuq, ibidem, Filon, ibidem. 5) Cuq, 339 p. et suiv., Filon, 86 p.

сената падаетъ окончательно. Вмѣсто него во главѣ управленія стоитъ cons. principis, который при Северѣ завѣдуетъ всѣми дѣлами управленія. Члены его—знаменитые юрисконсульты Паппиніанъ, Ульпіанъ и др.—избираются императоромъ внѣ сената и пользуются привиллегіями, которыхъ не имѣютъ члены сената. Orationes principis въ сенатѣ получаютъ теперь характеръ предписаній и повелѣній принцепса [1]). Царствованіе Септимія Севера представляетъ блестящую эпоху въ исторіи совѣта, издавшаго, между прочимъ, правила для дѣятельности чиновниковъ въ имперіи. Александръ Северъ расширилъ составъ совѣта, который дѣлается при немъ совѣтомъ всей имперіи. Въ совѣтѣ засѣдаютъ 70 членовъ, въ числѣ которыхъ 20 юрисконсультовъ [2]). Совѣтъ рѣшалъ почти всѣ дѣла по управленію государствомъ [3]). Каждый изъ его членовъ долженъ былъ напередъ мотивировать свое мнѣніе [4]).

Помимо указанныхъ измѣненій въ организаціи и компетенціи consilium principis при различныхъ принцепсахъ, въ немъ постепенно сложились опредѣленныя, типическія черты устройства за время отъ Гадріана (117—138 г.) и до Діоклетіана (284—304 г.). Совѣтъ принцепса состоялъ за это время изъ постоянныхъ членовъ—юрисконсультовъ, которые занимались одними дѣлами совѣта, и временныхъ членовъ, засѣдающихъ въ немъ въ силу своей должности или по какимъ-либо другимъ основаніямъ. Такое различіе между членами совѣта установилось не ранѣе конца II в. по Р. Хр. Изъ постоянныхъ членовъ совѣта высшій ихъ классъ—consiliarii Augusti были назначаемы на неопредѣленное время, получали со времени Септимія Севера опредѣленное содержаніе и были въ числѣ придворныхъ чиновъ принцепса Временными членами совѣта были высшія должностныя лица въ

1) Cuq, 344—345 p., Filon, 89—91 p., Петровъ, 265 с. 2) Cuq, 346 p., Mommsen, 866 s. 3) Filon, 95 p. 4) Ranke, 388 s.

государствѣ (оба префекта, консулы, преторы), присутствующія ex officio въ совѣтѣ, ближайшіе родственники принцепса, сенаторы высшихъ ранговъ и придворные чины изъ сословія всадниковъ, которые иногда играли важную роль въ совѣтѣ (напр., при Септиміи Северѣ)[1]). Предварительная подготовка дѣлъ для рѣшенія совѣта и сообщеніе послѣднихъ заинтересованнымъ сторонамъ лежали на обязанности секретарей (principales officiorum), которые назначались сначала изъ рабовъ или отпущенныхъ на волю, а потомъ (съ Гадріана) изъ римскихъ всадниковъ и, наконецъ, изъ гражданскихъ чиновниковъ[2]). Каждое отдѣленіе канцеляріи совѣта, на которыя она была раздѣлена, занималось только извѣстными дѣлами, судебными и административными, откуда объясняются и ихъ различныя названія[3]) Засѣданія совѣта происходили сначала публично, а потомъ въ особой залѣ дворца принцепса. Избранные члены совѣта сопровождали его въ путешествіяхъ[4]). Былъ установленъ опредѣленный порядокъ доклада дѣлъ въ совѣтѣ и рѣшенія ихъ здѣсь въ присутствіи принцепса или же однимъ имъ по докладу одного изъ секретарей. Иниціатива и рѣшающій голосъ въ дѣлахъ всякаго рода, предлагаемыхъ принцепсомъ на разсмотрѣніе совѣта, принадлежали только ему одному. Cons. principis приготовлялъ законопроэкты, которые принцепсъ или его представитель (Quaestor) въ силу jus relationis принцепса вносили въ сенатъ для аппробаціи. Эти предложенія принцепса сенату (orationes) обыкновенно предрѣшали содержаніе, основанныхъ на нихъ, senatusconsult'овъ и со II в. совершенно ихъ замѣнили[5]). Въ *рескриптахъ*, приготовляе-

---

1) Cuq, 347—360 p., Mommsen, 949—950 s., Karlowa, 546 s, Madwig, 572 s., Виллемсъ, II в., 548 с. 2) Cuq, 361—362 p. 3) Примѣчаніе. Четыре изъ нихъ (a libellis, a studiis, a cognitionibus et ab epistolis) были назначены для административныхъ дѣлъ; два отдѣленія (a rationibus et a memoria) для судебныхъ. 4) Cuq, 402—407 p., Madwig, 571, Mommsen, ibidem. 5) Cuq, 424 p., Madwig, 563 s., Виллемсъ, II, 526 с.

мыхъ совѣтомъ, опредѣлялись принцепсомъ правила интерпретаціи и приложенія законовъ. Совѣтъ занимался разсмотрѣніемъ только наиболѣе важныхъ и трудныхъ для разрѣшенія административныхъ вопросовъ. Начиная съ Гадріана, рескрипты касались самыхъ разнообразныхъ интересовъ и предметовъ управленія (правъ семейственныхъ, имущественныхъ, наслѣдственныхъ и процессуальныхъ) и, между прочимъ, имѣли своей цѣлью распространить дѣйствіе римскаго права во всѣхъ провинціяхъ [1]).

Декреты—третій видъ актовъ дѣятельности cons. principis—относились къ судебнымъ дѣламъ, преимущественно уголовнымъ, для которыхъ совѣтъ былъ обыкновенно апелляціонной инстанціей; но иногда онъ разрѣшалъ ихъ и въ первой инстанціи. Декреты, какъ и рескрипты, часто имѣли силу закона въ отношеніи ко всѣмъ аналогичнымъ случаямъ. Наконецъ, совѣтъ приготовлялъ *эдикты*—правила относительно дѣятельности провинціальныхъ магистратовъ и другихъ чиновниковъ и всеобщія распоряженія по разнымъ отраслямъ управленія [2]). Эдикты, декреты и рескрипты входили въ понятіе constitutio principis (права его толковать законы) [3]).

Со времени Діоклетіана и особенно Константина Великаго (IV в.), когда окончательно образовалась неограниченная монархическая власть римскаго императора, почти исчезаетъ участіе сената въ общемъ управленіи государствомъ и consilium principis, принявшій теперь новое названіе—consistorium principis, sacrum consistorium сталъ вполнѣ совѣщательнымъ учрежденіемъ при императорѣ, высшимъ политическимъ институтомъ. Совѣтъ замѣнилъ теперь совершенно сенатъ, который превратился въ муниципальное учрежденіе города Рима, сохранивши только на нѣкоторое время значеніе высшаго судебнаго учрежденія имперіи [4]). Въ числѣ

1) Cuq, 427—440 p. 2) Cuq, 441—456 p. 3) Виллемсъ, II, 492—493 стр. 4) Петровъ, 284 с.

постоянныхъ членовъ государственнаго совѣта первое мѣсто занимаютъ illustres et spectabiles—высшіе чиновники имперіи и двора [1]). Кромѣ ординарныхъ совѣтниковъ, были еще экстраординарные. Вслѣдствіе увеличенія дѣлъ канцелярія совѣта была разширена при Діоклетіанѣ; начальники ея отдѣленій (magistri scriniorum) были назначаемы императоромъ и подчинены vicarius a consiliis sacris. Эта послѣдняя должность была создана Діоклетіаномъ съ цѣлью ослабить власть praefectus praetorio, бывшаго опаснымъ соперникомъ императорской власти, и возвысить значеніе придворныхъ должностей на счетъ публичныхъ [2]). Кругъ полномочій совѣта не былъ опредѣленъ точно: онъ долженъ былъ подавать мнѣнія по всѣмъ вопросамъ, которые угодно было императору предложить на его обсужденіе. Государственный совѣтъ принималъ участіе въ законодательной власти, равно какъ и въ административной и судебной. Въ sacrum consistorium происходили совѣщанія о вновь издаваемыхъ законахъ, которые изготовлялись въ императорскомъ кабинетѣ и редактировались въ канцеляріи совѣта. Consistorium principis помогалъ императору въ отправленіи суда и особенно въ дѣлахъ общаго управленія государствомъ. Каждое общее положеніе, высказываемое здѣсь императоромъ, получало силу закона. Императоръ руководилъ преніями въ совѣтѣ и ему же принадлежалъ рѣшающій голосъ во всѣхъ дѣлахъ [3]).

Германскія племена.

Первоначальное политическое устройство *древнихъ германцевъ*, основавшихъ новыя государства на развалинахъ римской имперіи, заключало въ себѣ въ эпоху Тацита (1 в. по

---

1) Filon, 101 p. 2) Cuq, 462, 470, 503 p., Karlowa, 475, 477, 848—849 s., Виллемсъ, II в., 670 с. 3) Cuq, 490—502 p., Karlowa, 848—850 s., Filon, 100—101 p., Madwig, 573—574 и 589 s., Виллемсъ, II в., 656, 667, 670—672 s., Петровъ, 274 с.

Р. Хр.) тѣже три основныхъ элемента политическаго быта, какіе находятся у всѣхъ народовъ на примитивной ступени ихъ соціальнаго быта. „Германцы, говоритъ Тицитъ, выбираютъ своихъ царей по *благородству происхожденія*, предводителей по храбрости. И цари не имѣютъ неограниченной или произвольной власти, и предводители у нихъ больше по примѣру, по уваженію, которымъ они пользуются, чѣмъ по власти [1]). О дѣлахъ меньшей важности имѣютъ совѣщанія князья; они предварительно обсуждаютъ и всѣ важныя дѣла, которыя рѣшаются въ народныхъ собраніяхъ. Здѣсь выслушивается царь или князь въ мѣру своихъ лѣтъ, своего благородства, военной славы и краснорѣчія, причемъ, больше имѣетъ значенія сила убѣжденія, чѣмъ право приказанія“ [2]). Въ народныхъ собраніяхъ выбираются князья, которые чинятъ судъ по округамъ и деревнямъ. При каждомъ изъ нихъ находится по сту засѣдателей отъ народа для совѣта и для приданія законной силы приговору [3]). Особенная знатность рода или большія заслуги отцевъ сообщаютъ достоинство вождя даже очень молодымъ людямъ, которые поступаютъ въ свиту другихъ вождей болѣе зрѣлаго возраста и уже давно испытанныхъ. Къ такимъ вождямъ посылаются посольства, имъ приносятся подарки и часто одна слава ихъ рѣшаетъ войну. Свита придаетъ вождямъ важность и могущество, „почетъ въ мирное время и охрану на войнѣ“. Поэтому и вожди соревнуютъ о томъ, чтобы имѣть наиболѣе многочисленную и храбрую свиту, которая имѣетъ свои степени по рѣшенію того, при комъ она состоитъ. Во главѣ всего народа стоятъ знатные (nobiles) [4]).

Изъ этихъ словъ Тацита о составѣ древне-германскаго соціально-политическаго быта видно, что высшій классъ народа составляли знатные роды, которые отличались отъ ос-

---

1—4) Тацитъ: „Германія“ (1 т. соч.), главы: 7, 11, 12, 13 и 25.

тальной массы населенія благородствомъ происхожденія, богатствомъ и выдающимися личными качествами. Изъ среды этой родовитой и почетной аристократіи—адалинговъ избирались князья (principes)—главы округовъ и деревень (pagi et vici), а также у нѣкоторыхъ племенъ [1]) и короли (конунги), власть которыхъ не была неограниченной, также какъ и власть principes. Отправленіе обязанностей этими послѣдними происходило при помощи *совѣта ста* (centini), состоящаго изъ главъ отдѣльныхъ семей, которые ограничивали власть principes. Король не могъ дѣйствовать безъ народнаго собранія, рѣшенія котораго подготовлялись принцепсами, и имѣлъ значеніе представителя племеннаго единства, цѣлой общины. Королевская власть ограничивалась до извѣстной степени могущественными вождями (duces), избиравшимися изъ среды princeps'овъ и окруженными большой свитой, и жреческимъ сословіемъ, которое обладало правомъ наказанія и распоряжалось ауспиціями, необходимыми во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ [2]). Наконецъ, въ народныхъ собраніяхъ мнѣніе царя имѣло только нравственный авторитетъ. Народъ также не разсуждалъ въ собраніяхъ и только отвергалъ или принималъ предложенія короля или князей [3]). Слѣдовательно, аристократія у древнихъ германцевъ пользовалась de facto значительными политическими преимуществами, передававшимися по наслѣдству и выражавшимися въ составленіи совѣта при главахъ округовъ и деревень и ихъ преобладающемъ вліяніи на рѣшеніе дѣлъ въ народныхъ собраніяхъ [4]). Эти

1—3) Тацитъ, ibidem, 42 и 43 гл., 7 и 11 гл., „Лѣтопись", XI кн., 16—17 гл. 4) Maurer: „Ueber das Wesen des ältesten Adels der deutschen Stämme", München, 1846, 6—18 s., Waitz: „Deutsche Verfassungsgeschichte", Kiel, 1865, I B., 171, 191, 194, 204, 208—210, 212, 219—223, 240 u. folg., Savigny: „Beitrag zur Rechtsgeschichte d. Adels in neueren Europa" (Vermischte Schriften, 4 B., Berlin, 1850), 6—8 s., Coulanges, 291—300 p., Фриманъ: „Политика", 106—108 с., Lippert, ibidem, 566 s., Bernhöft, Uber Grundlage etc., 308 s.

привиллегіи германскихъ адалинговъ не сообщали, однако, имъ характеръ вполнѣ замкнутаго сословія, изолированнаго отъ остальной массы „свободнорожденныхъ“ германцевъ [1]); онѣ не отнимали у первобытнаго германскаго государства основнаго, демократическаго характера, который составлялъ его главную черту [2]). Въ эпоху переселенія народовъ и вскорѣ послѣ нея (IV—V ст. по Р. Хр.) мы находимъ у различныхъ германскихъ племенъ подъ различными названіями одно и тоже аристократическое сословіе, пользовавшееся нѣкоторыми почетными преимуществами предъ остальными сословіями (высшимъ вергельдомъ и др.) [3]). Благородные роды находятся и у такихъ германскихъ племенъ, которые не имѣли королевской власти, бывшей уже во времена Тацита исключеніемъ [4]). Гдѣ же она снова возникаетъ въ эту эпоху завоеваній германскими племенами обширныхъ земель, тамъ короли происходятъ изъ аристократическихъ родовъ [5]). Развитіе королевской власти вело здѣсь за собою, прежде всего, устраненіе народа отъ участія въ управленіи, въ которомъ затѣмъ прекращалась и самостоятельная роль аристократіи, лишенной королемъ политическихъ ея правъ [6]). Теперь только служба королю, интересамъ его власти могла обезпечить членамъ старой, родовой аристократіи нѣкоторыя отличія, которыя, однако, раздѣляютъ съ ними и лица другихъ сословій, также вступающихъ въ службу къ королю [7]). Короли вознаграждали заслуги новаго, служилаго, монархическаго дворянства пожалованіемъ поземельными участками и должно-

---

1) Maurer, ibidem, Петровъ, 270 с. Schaeffner: „Geschichte d. Rechtsverfassung Frankreichs“, Berlin, 1845, 2 B., I Abth., 214—215 s., 2) Waitz, I, 202 s., Coulanges, 2-9 p., Maurer, 17 s., Schaeffner, 141 s., Н. Нелидовъ: „Обзоръ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ, относящихся къ древне-германскому государственному устройству“, Казань, 1868, 50 с. 3) Maurer, 22—198 s., Savigny, 22—46 s., Waitz, II B., 292 s., Schaeffner, 215—216 s. 4) Maurer, 198—200 s., Waitz, I B., 282 s. und folg., Фриманъ, ibidem, 5 и 7) Maurer, 201—205 и 209 s., 6) Waitz, I B., 307—308, II B., 280 s.

стями. Зерномъ этого дворянства была свита, дружина германскихъ королей (antrustiones), съ которой они дѣлили всѣ свои труды, опасности и славу и которая состояла изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, въ томъ числѣ и членовъ старыхъ аристократическихъ родовъ [1]). Свита короля выдѣлялась изъ среды народа вслѣдствіе своего близкаго, служебнаго отношенія къ королю, который обезпечивалъ ея членамъ за это защиту ихъ личности и имущества, матеріальное благосостояніе и вліяніе на жизнь государства. Дружинники были естественными *совѣтниками* короля, пользующимися его особеннымъ довѣріемъ и полнымъ уваженіемъ въ народѣ [2]). Изъ богатыхъ, знатныхъ и вліятельныхъ дружинниковъ германскихъ королей образовалась впослѣдствіи, благодаря своеобразнымъ условіямъ соціальной жизни германскихъ племенъ послѣ завоеванія ими римской имперіи, могущественная феодальная аристократія въ различныхъ западно-европейскихъ государствахъ [3]), а также и во *Франціи*, извѣстной до заселенія ея германцами подъ именемъ Галліи.

ФРАНЦІЯ.

Все первоначальное населеніе *Галліи* распадалось на два привиллегированныхъ сословія, свѣтскую и духовную аристократію,—всадниковъ и друидовъ—и остальную массу простаго народа, неимѣющую никакихъ политическихъ правъ и лишь незначительныя гражданскія. Въ рукахъ свѣтской знати кельтовъ сосредоточивалась и сохранялась навсегда вся поземельная собственность, переходъ части которой къ новымъ владѣтелямъ былъ почти невозможенъ. Все кресть-

---

1) Maurer, 76—88 s., Waitz, I B., 369—370 s., II B., 263 s, und folg., Savigny, 49—51 s., Coulanges, 511—512 p., Фриманъ, 168 с. 2) Maurer, 214—216 s., Петровъ: „Лекціи по всемірной исторіи“, средніе вѣка, т. II, 29 с. 3) Savigny, 53 s., Фриманъ, 169 с.

янское беземельное населеніе страны находилось поэтому въ полнѣйшей зависимости отъ богатой и могущественной, поземельной, свѣтской аристократіи, главнымъ занятіемъ которой была война. Изъ среды ея выдѣлялись сильные представители отдѣльныхъ фамилій, окруженные собственной свитой. Жреческое сословіе—друиды—было издавно прочно организовано въ Галліи и подчинено одному лицу. Въ древнѣйшее время ея исторіи друиды господствовали надъ всей страной безраздѣльно: тогда имъ повиновались и короли, и всадники, и весь народъ. Но и послѣ того, какъ исчезло у кельтовъ это неограниченное могущество друидовъ, послѣдніе сохранили за собою много разныхъ привиллегій. Такъ они были освобождены отъ уплаты податей, избирали магистратовъ, имѣли судебную власть, были посредниками въ международныхъ отношеніяхъ и обладали страшнымъ для всѣхъ правомъ отлученія отъ религіознаго общенія всякаго, кто только не желалъ подчиняться ихъ предписаніямъ. Свѣтская знать и друиды вмѣстѣ властвовали надъ Галліей, распадавшейся на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ. Въ каждомъ изъ нихъ они составляли высшее правительственное учрежденіе—*сенатъ*, рѣшенія котораго въ дѣлахъ войны и мира исполнялись особымъ лицомъ, избираемымъ сенатомъ и имѣвшимъ почти королевскія полномочія (фергобретомъ). При началѣ войны всѣ члены благородныхъ родовъ собирались въ особый совѣтъ, на которомъ должны были присутствовать подъ страхомъ смертной казни за неявку всѣ способные носить оружіе. Такимъ образомъ, политическое устройство Галліи въ эпоху Цезаря (I в. до Р. Хр.) было аристократическимъ, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ Галліи отдѣльнымъ родовымъ старѣйшинамъ и сильнѣйшимъ предводителямъ (principes) удалось основать монархіи [1]).

1) Schaeffner, I B., 1 Abth., 2—9 s., Warnkönig: „Französische Staatsgeschichte", Basel, 1846, I B., 37—41 s., Coulanges, 4—13 и 21 p., Louandre, 7—8 p.

Послѣ завоеванія Галліи римлянами въ ней, какъ и другихъ римскихъ провинціяхъ, образовалось, сходное съ римской знатью, сословіе сенаторовъ и всадниковъ, въ которое вошли всѣ аристократическія фамиліи Галліи [1]). Эта новая аристократія приняла главное участіе въ управленіи галльскими городами, представлявшими собой маленькія республики, которыя были подчинены власти римскихъ императоровъ. Управленіе каждымъ городомъ сосредоточивалось въ куріи или *сенатѣ*, членами котораго были представители древней кельтической знати, обладавшіе крупною поземельною собственностью [2]). Сенатъ имѣлъ административную и судебную власть и нѣкоторую часть и законодательной, самъ обнародывалъ свои рѣшенія и декреты. Сенатъ былъ независимымъ отъ римскаго центральнаго правительства политическимъ институтомъ, въ который обязательно вступали всѣ наиболѣе богатые члены аристократическихъ фамилій. Рѣшенія сената выполнялись его предсѣдателями (duumviri) [3]).

Послѣ завоеванія Галліи германскими племенами, сначала Вестготами и Бургундами, а потомъ Франками [4]) при первой династіи Меровинговъ и первыхъ Каролингахъ власть короля была неограниченной [5]), пока продолжались завоеванія, при которыхъ требовалось безусловное подчиненіе вождю всего войска. Скорому образованію аристократическаго класса во Франціи V—VIII в. препятствовала разнородность элементовъ, изъ которыхъ состоялъ высшій классъ общества,— стараго-римской знати и новаго-германской [6]). Первый шагъ къ ихъ сліянію былъ сдѣланъ тѣмъ, что знатные римляне (convivae regis) были уравнены въ вергельдѣ съ знатными

---

1) Coulanges, 244—245, 252—253 p., 2) Schaeffner, ibidem, 25 s., Waitz, II B, 291 s., Coulanges, 132 p. 3) Coulanges, 125—129 p., Schaeffner, ibid., 25—38, Warnkönig, I, 50—51 s., Dufau, I t., 16 p., Гизо: „Исторія цивилизаціи во Франціи, 1877—1881, I т., 37—40 с. 4) Петровъ, II, 21 с. 5) Warnkönig, 122—123 и 131—132 s. 6) Louandre, 9 p.

германцами (antrustiones) [1]). Антрустіоны занимали у франковъ такое же положеніе, какое выпадало на долю высшихъ чиновниковъ двора (графовъ, бароновъ и др.), также служившихъ королю и обязанныхъ ему особенною вѣрностью, какъ и антрустіоны. Члены высшаго класса носятъ у франковъ различныя названія, которыя указываютъ на разныя степени ихъ знатности. Такъ лица, занимавшія высшее мѣсто въ управленіи, назывались primi, priores, majores, potentes; majores natu отличались родовитостью своего происхожденія, seniores были полководцы и вообще знатные люди, leudes—люди, служившіе при дворѣ или въ войскѣ и получавшіе отъ короля за свою службу вмѣсто жалованья поземельные участки. Къ знати же причислялись придворные и государственные чины (герцоги, графы, domestici и др.) и высшіе члены духовенства. Наконецъ, въ ряды франкской аристократіи входятъ всѣ крупные поземельные собственники страны, особенно же тѣ изъ нихъ, которые имѣли въ числѣ своихъ предковъ кого-либо изъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ. Сохранился также въ Галліи послѣ покоренія ея германцами и титулъ римскаго сенатора, которымъ многіе владѣли въ VI столѣтіи по праву рожденія [2]). Высшій классъ франкскаго общества, состоявшій изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, не имѣлъ притязаній быть родовой аристократіей, которая исчезла у германцевъ въ тревожную эпоху бурныхъ завоеваній ими разныхъ частей римской имперіи (I—III в. по Р. Хр.). Преданія о политическомъ значеніи этой аристократіи, были, однако, такъ еще живы въ народѣ, что всѣ памятники времени Меровинговъ (напр. сочиненія Григ. Турскаго) полны свѣдѣніями о благородныхъ, происходящихъ отъ знат-

---

1) Maurer, 75—76 s., Savigny, 28 s. 2) Warnkönig, 131 s., Waitz, II, 273—288, Maurer, 92—93 s., Louandre, 15—20 p., Coulanges, 514, 517—519 p., Savigny, 34—35 s., Schaeffner. 220—221 s., Петровъ, II т., 29 стр.

ныхъ и уважаемыхъ предковъ [1]). Изъ среды такихъ благородныхъ родовъ избирались самою же знатью многіе франкскіе короли [2]). Впрочемъ, въ франкскомъ обществѣ были на лицо элементы полнаго образованія аристократическаго сословія, пользовавшагося при Меровингахъ извѣстными привиллегіями скорѣе въ силу своего политическаго положенія, быть можетъ, преданія, нежели по праву [3]). Такими элементами были: возрастающее богатство отдѣльныхъ фамилій въ средѣ франковъ, служебныя отношенія къ королю дружинниковъ, вліяніе на важныя государственныя дѣла лицъ, занимающихъ высшія должности, свѣтскія и духовныя, въ государствѣ, развивающееся въ обществѣ уваженіе къ отдѣльнымъ благороднымъ фамиліямъ, естественный переходъ должностныхъ функцій отъ отцовъ къ сыновьямъ, охотно поощряемый королями, и, наконецъ, покровительство и защита, какую оказывали бѣднымъ людямъ богатыя и сильныя фамиліи [4]). Постепенному усиленію политическаго вліянія аристократіи содѣйствовала слабость королевской власти при послѣднихъ, ничтожныхъ Меровингахъ и Каролингахъ [5]) и безпрерывное развитіе феодализма въ франкской монархіи, который сложился здѣсь окончательно къ концу IX вѣка. Уже при первыхъ Меровингахъ новая служебная аристократія начинаетъ заявлять о своемъ правѣ на участіе въ управленіи государствомъ какъ при дворѣ королей, такъ и въ общихъ собраніяхъ всѣхъ франковъ. Лица, занимающія высшія должности при дворѣ и въ государствѣ,—герцоги, графы и вообще optimates считаютъ своимъ правомъ подавать свои мнѣнія королю въ дѣлахъ управленія и образуютъ *совѣтъ* короля [6]); нѣкоторые изъ его членовъ прямо называются его

---

1) Coulanges, 513—514 p. и 519—520 s., Waitz, II, 297 s. 2) Maurer, 93—100, M. Cohen de Vinkenhoff: „Histoire de l'origine et les institutions de la noblesse de France", Paris, 1856, 17 p. 3) Waitz, 295—299, Warnkönig, ibidem, 4) Waitz, 300 s., Coulanges, 520 p. 5) Cohen de Winkenhoff, 16 p. 6) Waitz, II, 429—431 s., Н. Нелидовъ: „Юридическія и политическія основанія государственной службы", Ярославль, 1874, 162—163 с.

совѣтниками [1]). Король не рѣшаетъ ни одного дѣла, не жалуетъ никакихъ привиллегій, не издаетъ ни одного правительственнаго акта безъ дѣятельнаго участія этихъ своихъ совѣтниковъ—оптиматовъ (герцоговъ, графовъ, бароновъ, епископовъ) и разныхъ придворныхъ чиновъ, референдаріевъ и др. [2]). Большой государственный совѣтъ соприкасается съ народными собраніями франковъ [3]). Необходимо замѣтить, что народныя собранія древнихъ германцевъ сохранились у Вестготовъ и Бургундовъ послѣ завоеванія ими Галліи, но они не имѣли у нихъ никакого политическаго значенія. Законодательная власть принадлежала у нихъ королю и его *совѣту*, въ которомъ optimates играли незначительную роль [4]). Также и у Франковъ, вытѣснившихъ изъ Галліи Вестготовъ и и Бургундовъ послѣ кратковременнаго ихъ здѣсь владычества, удержались первоначальныя народныя собранія, извѣстныя подъ именемъ мартовскихъ полей; на нихъ обязаны были являться всѣ германцы—воины, разсѣянные по всей странѣ: франкская знать состояла сначала преимущественно изъ воиновъ [5]). На мартовскихъ собраніяхъ короли производили смотръ своему войску. Здѣсь же происходили совѣщанія о будущихъ походахъ, взаимныхъ сношеніяхъ франковъ съ сосѣдними государствами, новыхъ законахъ и другихъ дѣлахъ управленія [6]). Народъ на мартовскихъ собраніяхъ не пользовался никакими самостоятельными, политическими правами, а выполнялъ только, налагаемыя королемъ, обязанности [7]). Впрочемъ, въ упадкѣ народныхъ собраній съ преобладающимъ демократическимъ характеромъ были виноваты,

1) Waitz, 432 s. 2) Vidaillan: „Histoire des conseils du roi“, Paris, 1856, I t., 1—16 p., Dufau, I t., 20 p. 3) Waitz, II B., 651 s. 4) Schaeffner, I Abth., 142—143 s., Schmidt: „Geschichte von Frankreichs“, Hamburg, 1835, I B., 86 s. 5) Etienne Pasquier: „Les recherches de la France“, Paris, MDCXXXXIII, 754 p. 6) Warnkönig, 146 s., Dufau, I, 33 p., Louandre, 23 p., Огюстенъ Тьерри: „Разсказы о временахъ Меровинговъ“, Спб., 1864, 25—117 с. 7) Waitz, II, 530 s.

отчасти, и сами германцы, которыхъ еще Тацитъ укорялъ въ томъ, что „они не собирались въ одно время и постоянно запаздывали“ являться въ народныя собранія [1]). Теперь же франки, если бы и хотѣли, то, все-таки, не могли бы являться всѣ въ мартовскія собранія вслѣдствіе того, что они все болѣе и болѣе разселялись по странѣ и находились между собой въ безпрерывныхъ раздорахъ [2]). Къ тому же въ военныхъ собраніяхъ меровингской эпохи должны были принимать особенное участіе только тѣ изъ нихъ, которые обладали достаточными средствами для своего вооруженія и содержанія въ непріятельской странѣ въ случаѣ войны. Отсюда же вытекало естественное вліяніе въ этихъ собраніяхъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, которые принадлежали къ высшему классу населенія [3]).

Такимъ образомъ, мартовскія собранія франковъ не были съ самого начала возникновенія ихъ государства въ Галліи истинными народными собраніями. Въ нихъ всѣ дѣла рѣшались сначала франкскими королями, имѣвшими на первыхъ порахъ сильное вліяніе на управленіе [4]), а потомъ они превратились въ аристократическія собранія, *совѣты* знати, вліятельныхъ членовъ аристократіи [5]) (placita, concilia, synodus, Reichstagen). Король совѣщался на нихъ съ свѣтскою и духовною знатью о всѣхъ важныхъ дѣлахъ управленія, причемъ оптиматы получаютъ рѣшительный голосъ и пользуются всякимъ случаемъ, чтобы обезпечить свои интересы, хотя бы и во вредъ королевской власти [6]). Сами Меровинги,

---

1) Тацитъ: „Германія“, II гл. 2) Schaeffner, 144 s., Waitz, 538 s, Schmidt, 80 s 3) Schaeffner, 144—145 s, Waitz, 526 s., Тьери, 25 с. 4) Waitz, II, 649—652 s. 5) Schaeffner, 145 s., Waitz, 502 и 542 s., Warnkönig, 147 s., Schmidt, 83 s., Cohen de Vinkenhoff, 7—9 p, Louandre, 24 p., Dufau, I, 34 p., Фриманъ: „Политика“, 143 с., Glasson: „Histoire du droit et des institutions politiques, civiles et juridiaeres de l'Angleterre“, Paris, 1882—1883, I t., 76 p. 6) Waitz, 503, 543 и 690—691 s., Schaeffner, Dufau, Louandre, ibidem, Петровъ, 22 с.

преслѣдуя въ управленіи лишь свои частно-владѣльческіе интересы [1]), вступали съ этою цѣлью въ разныя сдѣлки съ знатью, которая съумѣла соблюсти свои выгоды при такихъ добровольныхъ уступкахъ власти со стороны высшихъ ея представителей въ странѣ. Короли раздавали своимъ приближеннымъ разнаго рода подарки, особенно же земли, которыхъ было такъ много въ распоряженіи франкскихъ вождей при завоеваніи Галліи. Герцоги, графы, епископы и др. знатныя лица получали отъ королей вмѣстѣ съ землями право иммунитета,—независимаго отъ короля, самостоятельнаго суда надъ населеніемъ пожалованныхъ имъ земель [2]) Такъ Меровинги подготовляли себѣ совершенную зависимость отъ аристократіи, которая дала почувствовать свою силу первымъ же Меровингамъ. Такъ Хильдерикъ (459 г.) былъ свергнутъ знатью съ престола за то, что онъ оскорбилъ нѣсколько лицъ изъ ея среды [3]). Знать Нейстріи и Австразіи,—этнографическаго и политическаго дѣленія Галліи V—VIII в., принимала самое дѣятельное участіе въ раздорахъ между знаменитой Фредегондой, женой Гильперика, короля Нейстріи, и ея соперницей, Брунегильдой, женой Зигберта, короля Австразіи [4]). Такъ „важнѣйшіе вожди и богатые владѣльцы" участвовали въ *совѣтѣ* (Mallberg), гдѣ Орлеанскій король, Гонтранъ разбиралъ дѣло своего брата—Гильперика, обвиняемаго Зигбертомъ отъ имени Брунегильды въ умышленномъ убійствѣ ея сестры, Галесвинты [5]). Судъ изъ народныхъ же старѣйшинъ разбиралъ и мирилъ самого Гонтрана съ Гильперикомъ [6]). Послѣ вѣроломнаго убіенія Зигберта собраніе австразійскихъ поземельныхъ владѣтелей и воиновъ провозгласило королемъ Австразіи малолѣтняго сына Зигберта, Гильдеберта II, причемъ совѣтъ изъ вельможъ и епископовъ принялъ правленіе

1) Waitz, 671—677 s., 2) Waitz, 674—676 s., Louandre, 21 p. 3) Cohen de Vinkenhoff, 22—23 p. 4) Waitz, 680—681 s. 5—6) Тьери, 25—28 и 198 с.

государствомъ отъ его имени [1]) и удержалъ его за собою, не смотря на протестъ со стороны Брунегильды [2]). Послѣ смерти Гильперика знать Нейстріи и Австразіи, заключившая между собою союзъ, получила право назначать королей по своему усмотрѣнію [3]). Въ VI—VII столѣтіяхъ политическая сила франкской знати увеличилась параллельно съ упадкомъ значенія народныхъ собраній еще вслѣдствіе того, что къ свѣтской аристократіи присоединились на соборахъ члены высшаго духовенства Франціи. На этихъ соборахъ, гдѣ свѣтскіе вельможи (majores) и высшее духовенство отдѣляются отъ остальной массы свободныхъ франковъ (minores), аристократія присвоиваетъ себѣ мало помалу рѣшеніе всѣхъ публичныхъ дѣлъ. Соборы знати образуютъ при особѣ короля родъ королевскаго *совѣта* [4]). На одномъ изъ подобныхъ собраній представителей свѣтской и духовной знати въ Парижѣ (въ 615 г.) король Клотаръ II особымъ актомъ обезпечилъ независимость и самостоятельность всей франкской аристократіи и расширилъ значительно имущественныя и политическія ея права [5]). Съ этого времени нѣкоторыя аристократическія фамиліи становятся болѣе могущественными, такъ какъ за ними были укрѣплены ихъ обширныя поземельныя владѣнія и высшія государственныя должности, занимаемыя отдѣльными ихъ членами. Аристократія получаетъ неоспоримое право рѣшать въ своихъ *совѣтахъ* важнѣйшія государственныя дѣла, между тѣмъ какъ королевская власть Меровинговъ падаетъ все ниже и ниже. Сынъ Клотара II, Дагобертъ былъ послѣднимъ изъ Меровинговъ, управлявшимъ нѣсколько лѣтъ съ достаточной силой и энергіей, но и онъ былъ въ зависимости отъ аристократіи, для которой онъ создалъ нѣсколько новыхъ должностей въ управленіи и не могъ править го-

1) Cohen de Vinkenhoff, 34 p., Тьери, 56 с. 2) Тьери, 84—85 с. 3) Waitz, II, 121—125 s., Cohen de Vinkenhoft, 35—36 p. 4) Cohen de Vinkenhoff, 31—32 p. 5) Waitz, 543, 684—690 s., Cohen de Vinkenhoff, 42 p.

сударствомъ безъ ея помощи [1]). Со времени Дагоберта собранія всѣхъ вельможъ королевства дѣлаются все чаще, замѣняютъ собой мартовскія народныя и церковныя собранія и принимаютъ форму придворныхъ совѣтовъ, въ которыхъ воля знати рѣшаетъ всѣ дѣла управленія [2]). Теперь во главѣ всего управленія и аристократіи становится майордомъ, бывшій сначала однимъ изъ первыхъ domestic'овъ короля Кловиса, учредившаго должность майордома, быть можетъ, по примѣру византійскихъ императоровъ [3]). Майордомы управляли сначала дворцомъ, контролировали употребленіе королевскихъ доходовъ и раздавали королевскіе подарки,—поземельныя владѣнія членамъ аристократіи; вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства майордомъ пріобрѣлъ сильное вліяніе на положеніе аристократіи въ странѣ. Поэтому-то она постаралась добыть отъ королей согласіе на ея участіе въ назначеніи майордомовъ, изъ которыхъ аристократія желала сдѣлать защитниковъ своихъ интересовъ [4]). Такъ майордомъ сталъ представителемъ при дворѣ короля и безъ того могущественной аристократіи [5]). Особенная близость майордомовъ къ королевскому двору, а нѣкоторыхъ изъ нихъ и къ королевамъ (Брунегильдѣ и Фредегондѣ), господство частно-владѣльческихъ взглядовъ въ меровингскую эпоху франкской монархіи, энергическія стремленія къ независимости отъ королевской власти франкской аристократіи, находившей опору своимъ притязаніямъ въ развивающемся феодализмѣ и въ слабыхъ и неспособныхъ къ управленію Меровингахъ, и неоднократная опека майордомовъ надъ малолѣтними королями [6]), —всѣ эти обстоятельства возвысили майордомовъ на степень не только главныхъ королевскихъ совѣтниковъ [7]), но и пол-

---

1) Waitz, 691 s., Cohen de Vinkenhoff., 44 p. 2) Waitz, 545—546 s. 3) E. Pasquier, 102 p., Vidaillan, I t., 3 p. 4) Waitz, 416—426 s. 5) Waitz, 692 s., Гизо, ibidem, II т., 65 с. 6) Waitz, 2?2 s., Louandre, 20 p., Cohen de Vinkenhoff, 41 p. et suiv. 7) Vidaillan, I, 8 p., Schmidt, I, 84 s., Waitz, 421 s.

ныхъ распорядителей судьбой всего государства и самой аристократіи [1]). Майордомъ теперь рѣшаетъ отъ имени короля всѣ важныя государственныя дѣла, раздаетъ должности, оказываетъ знатнымъ всякаго рода милости, однимъ словомъ, управляетъ всѣмъ государствомъ въ то время, какъ Меровинги, лишенные всякаго значенія въ государствѣ, „пребываютъ погруженными въ одни удовольствія" [2]). Цѣлый рядъ австразійскихъ майордомовъ (Пипинъ Старшій и—Геристальскій, Карлъ Мартеллъ и Пипинъ Короткій), бывшихъ въ одно и тоже время крупными землевладѣльцами, верховными вождями войска и неограниченными распорядителями королевской власти въ домѣ Меровинговъ, совершенно ослабили и, наконецъ, уничтожили эту власть франкскихъ королей первой династіи [3]). Пипинъ Короткій собираетъ (въ 752 г) свѣтскихъ вельможъ и высшее духовенство, представляетъ имъ доказательства бездѣятельности и ничтожества послѣдняго Меровинга, Хильдерига III, и тутъ же напоминаетъ и о заслугахъ своего дома, который теперь возводится въ его лицѣ знатью на престолъ франкскаго королевства [4]).

Возвышеніе Пипина Короткаго въ короли франковъ не встрѣтило никакихъ препятствій со стороны аристократіи, такъ какъ аристократическій режимъ при всемъ своемъ преобладаніи во всей общественной жизни франковъ еще не имѣлъ въ это время (VIII ст.) необходимой устойчивости и правильности своей организаціи [5]). Аристократія видѣла въ переходѣ королевской власти къ Пипину даже свое торжество надъ Меровингами [6]). Пипинъ началъ свое царствованіе тѣмъ, что отнялъ у майрдома всѣ необычайныя его права, вредныя для новой династіи, и низвелъ его на прежнюю степень на-

1) Cohen de Vinkenhoff, 47—55 p. 2) Pasquier, 103 p, Schaeffner, 160 s., Waitz, 693—694 s., Dufau, I, 35—36 p. Cohen, 47 et suiv. 3) Vidaillan, 9 p., Cohen, 49—56 p., Гизо, II, 65 c. 4) Cohen, 57 p. 5) Гизо, I, 61 c. 6) Cohen, 63 p., Louandre, 25, 27 p.

чальника королевскаго дворца [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая ослабить силу могущественной франкской аристократіи, Пипинъ надѣлилъ духовенство богатствомъ и разными привиллегіями. Высшіе члены духовенства вытѣснили оптиматовъ изъ собраній знати—рейхстаговъ, изчезнувшихъ было при Карлѣ Мартеллѣ и возстановленныхъ снова Пипиномъ [2]). Преемникомъ Пипина былъ его сынъ, знаменитый *Карлъ Великій*, который стремился ввести въ управленіе франкской имперіи извѣстный порядокъ и обосновать его на идеѣ всемогущества верховной власти и государственнаго единства [3]). Аристократія должна была признать все величіе этой геніальной попытки Карла въ эпоху всеобщей дезорганизаціи въ Западной Европѣ (въ VIII в.), особенно при видѣ неутомимой и безпрерывной дѣятельности самого императора. Обезсиленная до нѣкоторой степени при предшественникахъ Карла, свѣтская знать собирается по его призыву около императора для участія въ управленіи государствомъ, въ изданіи капитулярій, входитъ въ *совѣтъ* при королѣ [4]). За это Карлъ возвратилъ свѣтской аристократіи ея прежнія политическія права, уменьшивши въ тоже время привиллегіи высшаго духовенства [5]). Отъ времени Карла Великаго сохранилось письмо Реймскаго Архіепископа, Гинкмара, который воспроизводитъ въ немъ описаніе управленія имперіей Карла Великаго, составленное аббатомъ Адальбертомъ, дядей и однимъ изъ первыхъ совѣтниковъ Карла. Согласно этому описанію, при немъ существовало различіе между дворцовой администраціей и управленіемъ всего государства. Высшіе изъ дворцовыхъ чиновниковъ и представители свѣтской и духовной аристократіи составляли при императорѣ его *совѣтъ*

---

1) Jean du Tillet: „Recueil des rois de France, leur couronne et maison“, Paris, MDLXXXVI, 266 p. 2) Vidaillan, 18 p., Cohen, 58—63 p., Schaeffner, 145 c., Louandre, 24 p. 3) Петровъ, 27 с. 4) Vidaillan, 21 p. 5) Schaeffner, 145—146 s., Cohen, 64—67 p., Louandre, ibidem.

(consilium, senatus). Одна часть совѣтниковъ жила при дворѣ постоянно; другая призывалась для рѣшенія особенно важныхъ дѣлъ. Отъ всѣхъ совѣтниковъ требовались особенно высокія нравственныя качества: набожность, преданность императору и обществу, благо которыхъ они должны были ставить выше своего собственнаго, мудрость и др. [1]). Управленіе всѣмъ государствомъ сосредоточивалось въ общихъ собраніяхъ знатныхъ лицъ имперіи, духовныхъ и свѣтскихъ (majores, seniores), и всѣхъ мелкихъ поземельныхъ владѣльцевъ, свободныхъ франковъ (minores, populus). Впрочемъ, такой многочисленный составъ имѣли только майскія собранія, на которыхъ происходили совѣщанія о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ на текущій годъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Въ разрѣшеніи дѣлъ на этихъ собраніяхъ участвовали лишь знатныя лица обоихъ сословій,—герцоги, графы, епископы и др. Остальная масса присутствующихъ (minores) только выслушивала рѣшенія вельможъ [2]). Второе общее собраніе, происходившее обыкновененно осенью, носило еще болѣе замкнутый, аристократическій характеръ. Оно составлялось изъ избранныхъ лицъ, уважаемыхъ членовъ всей знати, которые разсматривали здѣсь важнѣйшія дѣла и приготовляли предварительныя рѣшенія для майскихъ собраній, до наступленія которыхъ они обыкновенно сохранялись въ тайнѣ [3]). Такимъ образомъ, Карлъ Великій, соблюдая старый германскій обычай, по которому дѣла о народныхъ интересахъ рѣшались не волею отдѣльныхъ лицъ, а народными же собраніями [4]), созывалъ, однако, въ эти собранія (весеннія и осеннія) и предоставлялъ въ нихъ перевѣсъ свѣтской и духовной аристократіи. Самъ

---

1) Waitz, III B., 412, 418, 441—145 s., Vidaillan, 26—27 p., Aucoc: „Le Conseil d'Etat", Paris, 1876, 26—27 p.; Regnault: „Histoire de Conseil d'Etat", 8—9 p., Нелидовъ, ibidem, 178—179 c. 2) Vidaillan, 27, 46—47 p, Cohen, 7—10 p., Warnkönig, 147—148 s., Waitz, III, 464 s., Гизо, II, 83—86 c. 3) Waitz, 464—465 s., 485 u. folg., Schaeffner, 146 s., Dufau, 39—40 p., Glasson, I, 77 p., Warnkönig и Vidaillan, ibidem. 4) Waitz, III, 499—500 s.

Карлъ былъ „центромъ и душой этихъ собраній“ [1]), но аристократическій составъ совѣтовъ, важность ихъ функцій и опредѣленные сроки созванія знати въ эти совѣты—все это показываетъ, что Карлъ уважалъ аристократію, какъ могущественную силу въ государствѣ, признавая ея права на законодательство и администрацію страны [2]). Члены большихъ собраній были majores—герцоги, графы и вся высшая знать; minores были мелкіе поземельные владѣльцы и королевскіе чиновники, но не простой народъ [3]). Чтобы сдержать въ границахъ закона дѣятельность знати, Карлъ ввелъ институтъ missi dominici и—rachimburg'овъ [4]). Посмертныя распоряженія Карла относительно престолонаслѣдія и частнаго имущества императора были сдѣланы имъ въ присутствіи графовъ, епископовъ и др. лицъ, причемъ, этотъ актъ долженъ былъ имѣть силу и для неприсутствовавшихъ въ собраніи постоянныхъ членовъ совѣта императора [5]).

При слабыхъ преемникахъ Карла Великаго (768—814) сила аристократіи растетъ по мѣрѣ того, какъ развивается въ германскихъ племенахъ феодализмъ. Основанія феодализма были положены еще при Меровингахъ, когда происходили завоеванія германскими племенами разныхъ частей римской имперіи. Германскія вожди были окружены приэтомъ свитой, (antrustiones, leudes, fideles), члены которой составляли ихъ войско и совѣтъ. Вожди, а впослѣдствіи короли раздавали отдѣльные поземельные участки (бенефиціи) членамъ своей дружины въ видѣ вознагражденія за ихъ службу [6]). Въ тоже время нужда въ защитѣ, которая представлялась первою необходимостью въ эту пору неопредѣленности и неустойчивости

---

1) Гизо, II, 86 с., Waitz, 491, 504 s. 2) Chéruel: „Histoire de l'administration monarchique en France“, Paris, 1855, preface, XLШ p. 3) Pico: „Histoire des états gênêraux“, Paris, 1872, I t., introd., 11 p. 4) Montesquieu: „De l'esprit des loix“, XXXI livr., chap. XVIII. 5) Vidaillan, 24 p., Cohen, 67—68 p., 6) Montesquieu, Livr., XXX, chap. XXV, Schaeffner, 174—176 s., Осокинъ: „Исторія среднихъ вѣковъ“, Казань, 1888, I т., 177 с.

всего общественнаго порядка, заставляла отдѣльныхъ свободныхъ лицъ прибѣгать къ королю, который обезпечивалъ имъ свой mundium или commendatio, связанное съ бенефиціями [1]). Изъ такихъ отношеній вождя, а потомъ короля къ членамъ его свиты развились вассальныя отношенія владѣтелей, пожалованныхъ вождемъ или королемъ, поземельныхъ участковъ къ нему, какъ верховному ихъ собственнику—сюзерену [2]). Вассалы были обязаны, кромѣ вѣрности своему сюзерену, защищать его отъ враговъ и нести въ его пользу извѣстныя повинности. Скоро, однако, сюзеренъ сталъ жаловать своимъ вассаламъ вмѣстѣ съ поземельными участками право иммунитета—судебную и вообще верховную власть надъ населеніемъ пожалованныхъ земель [3]). Число королевскихъ вассаловъ увеличивается вслѣдствіе появившагося среди аллодіальныхъ владѣльцевъ обычая превращать свои поземельные участки въ зависимыя отъ короля ленныя владѣнія: этотъ обычай возникъ изъ того, что аллодіальные собственники видѣли всѣ выгоды вассальныхъ отношеній къ королю, обезпечивающихъ вассаламъ политическую самостоятельность, защиту ихъ личности и собственности отъ насилій, обычныхъ въ феодальную эпоху [4]). Съ другой стороны, каждый изъ крупныхъ феодальныхъ владѣльцевъ сталъ раздавать, по примѣру короля, отдѣльные участки своихъ земель въ пользованіе свободнымъ людямъ, охотно поступавшимъ къ нимъ на службу, и принимать подъ свою защиту аллодіальныхъ собственниковъ. Съ теченіемъ времени инфеодація распространилась

---

1) Waitz, IV B., 199—200, 213, 216—217 s., Осокинъ, I, 181—182 с. 2) Примѣчаніе. На образованіе европейскаго феодализма произвели извѣстное вліяніе какъ аналогичные римскіе юридическіе институты (колонатъ, эмфитевзисъ и ager limitaneus), такъ и сильное развитіе идеи о свободѣ личности у древнихъ германцевъ (Schaeffner, I, 156—170 s.; см. Виноградова: „Происхожденіе феодализма у Лонгобардовъ", Ж. М. Н. П., 1880 г.). 3) Waitz, IV, 243 s., Schaeffner, 185 s., Петровъ, II, 30 с. 4) Осокинъ, 180—181 с.

на самыя функціи государственной власти: раздачѣ въ временное пользованіе подверглись различныя государственныя должности, на которыя короли смотрѣли также съ частновладѣльческой точки зрѣнія и поэтому отдавали ихъ въ ленъ или даже прямо продавали ихъ, какъ предметъ собственности, что особенно было развито во Франціи [1]). Владѣніе поземельными участками, бывшее сначала временнымъ, превращалось потомъ въ пожизненное и, наконецъ, дѣлалось наслѣдственнымъ въ фамиліи феодальнаго владѣльца [2]). Такъ образовалась во Франціи и во всѣхъ средневѣковыхъ государствахъ Западной Европы феодальная система землевладѣнія, которая послужила основаніемъ продолжительнаго политическаго въ нихъ могущества феодальной аристократіи. Въ пору сильнѣйшаго развитія во Франціи феодализма (въ X—XII ст.) вся страна распалась на массу мелкихъ, независимыхъ другъ отъ друга государствъ, во главѣ которыхъ стояли феодальные сеньоры различныхъ названій и должностныхъ ранговъ, но съ одинаковыми правами верховной власти (суверенитета) [3]). Каждый сеньоръ имѣлъ свой дворъ съ болѣе или менѣе многочисленнымъ штатомъ придворныхъ чиновъ разныхъ наименованій. Высшіе придворные чиновники вмѣстѣ съ высшими вассалами сеньора составляли его *совѣтъ*, который завѣдывалъ администраціей и судомъ во всемъ поземельномъ владѣніи сеньора и для его вассаловъ былъ судомъ пэровъ [4]). Такъ при дворѣ французскаго короля существовалъ до образованія самостоятельности и независимости королевской власти отъ феодаловъ королевскій *совѣтъ* (curia regis, cours plèniers, parliamentum, magnum consilium), въ которомъ король совѣщался о дѣлахъ всего королевства съ духовными и свѣтскими феодалами [5]). На

1) Schaeffner, II, 321—324 s., Chéruel, ibidem. 2) Schaeffner, 180 s., Cohen, 69 и 76 p., Lauandre, 26—27 p., Осокинъ, 179 с. 3) Schaeffner, II B., 169 s., Warnkönig, 240 s. 4) Schaeffner, II, 185—186 s. 5) Warnkönig, I, 209 s.

исторіи этого французскаго королевскаго совѣта отъ времени Карла Великаго и до побѣды королевской власти надъ феодалами при Филиппѣ IV Красивомъ отражается взаимное отношеніе политическихъ правъ феодальной аристократіи и короля, преобладаніе первой надъ послѣднимъ, которое уменьшается вмѣстѣ съ усиленіемъ королевской власти на счетъ феодальныхъ сеньоровъ.

Сынъ Карла Великаго, *Людовикъ Благочестивый* (814—840 г.) не рѣшался предпринимать ничего важнаго безъ согласія вельможъ, составлявшихъ при немъ постоянный *совѣтъ* [1]): власть знати имѣла въ его глазахъ такой же священный характеръ, какъ и его собственная, королевская власть [2]). Людовикъ былъ низведенъ съ престола аристократіей, избравшей на его мѣсто сына Людовика, Лотара [3]). Вліяніе знати на государственныя дѣла увеличивается еще болѣе при Карлѣ Лысомъ (875—877), при которомъ Франція (Нейстрія) становится самостоятельнымъ государствомъ (по Верденскому договору въ 843 г.). При немъ окончательно была установлена наслѣдственность феодальныхъ леновъ [4]). Законы при Карлѣ появлялись съ согласія знати и нерѣдко составлялись въ собраніи епископовъ и нѣсколькихъ вельможъ въ отсутствіе короля [5]). Карлъ былъ на столько безсиленъ, что обращался къ самимъ сеньорамъ съ просьбою подавить возникшіе въ ихъ земляхъ безпорядки [6]). Права на корону Франціи сына Карла, *Людовика Косноязычнаго* (877—879) были признаны въ общемъ собраніи феодальныхъ сеньоровъ и ихъ вассаловъ только послѣ того, какъ они убѣдились въ полномъ его ничтожествѣ. Многіе изъ могущественныхъ феодаловъ объявили себя совершенно независимыми отъ короля. Аристократія идетъ еще дальше, начинаетъ сама распоряжаться трономъ фран-

---

1) Vidaillan, I, 33 p. 2) Waitz, III, 202 и 499 s., Cohen, 72 p. 3) Schaeffner, I, 87 s., Cohen, ibidem. 4) Vidaillan, 41 p., Cohen, 76 p., Гизо, II, 152—153 c. 5) Vidaillan, 36—37 p. 6) Гизо, III, 74 c.

цузскихъ королей [1]), объявляя узурпаторами тѣхъ изъ нихъ, которые вступали на престолъ безъ выбора и одобренія ихъ всей знатью [2]). *Карлъ Простой* (898—922) былъ подъ полной опекой одного изъ своихъ незнатныхъ совѣтниковъ, Гаганона, ненавидимаго аристократіей, которая возмутилась противъ короля и погубила его [3]). Людовикъ Заморскій съ своими сыновьями, Лотаромъ и Людовикомъ V Ничтожнымъ и внукомъ, Карломъ IV, были послѣдними Каролингами, находившимися вполнѣ въ рукахъ аристократіи, которая избрала (въ 987 г.) королемъ Франціи сына графа Гуго Великаго, сильнѣйшаго сеньора въ странѣ, *Гуго Капета*, основателя третьей королевской династіи во Франціи,—Капетинговъ [4]). Избирая Гуго Капета королемъ Франціи, аристократія надѣялась, что онъ лучше другихъ сильнѣйшихъ сеньоровъ охранитъ ея интересы [5]). Въ эту пору политическое могущество французской аристократіи достигло апогея своего развитія [6]) Въ рукахъ феодальныхъ сеньоровъ, разрушившихъ и замѣнившихъ собою имперію Карла Великаго [7]), было все управленіе государствомъ. Центромъ ея политическаго вліянія былъ королевскій *совѣтъ*, съ которымъ скоро слились и общія (майскія) собранія знати: здѣсь собирались для совѣщаній и рѣшенія дѣлъ управленія всѣ могущественные свѣтскіе вассалы короля, также какъ и разные чины королевскаго двора [8]). Такъ уже въ пору сильнѣйшаго вліянія въ государствѣ феодальной аристократіи въ ея средѣ появилось служилое дворянство, зависѣвшее отъ короля. Въ средніе вѣка во Франціи было, слѣдовательно, два вида знати. Первою была феодальная, родовая знать (noblesse naissance, feodale), обладавшая всѣми правами суверенитета (напр. правомъ чеканить монету, вести частныя

---

1) Louandre, 27 p. 2) Cohen, 77—79 p. 3) Vidaillan, 43 p., Cohen, 95 p. 4) Schaeffner, I, 91 s., Vidaillan, 54 p., Cohen, 98—101 p. 5) Louandre, 28 p. 6) Schaeffner, I, 88 s, Cohen, 101 p., Гизо, III, 74—76 с. 7) Гизо, II, 162—163 с. 8) Du Tillet, 255—256 p., Vidaillan, 81—82 p., Cohen, 97 p.

войны между собою и друг.), массою сеньоральныхъ правъ, связанныхъ съ владѣніемъ феодальными поземельными участками и, кромѣ того, личными привиллегіями, принадлежащими вообще всей знати (фискальными, юридическими и военными)[1]. Другой родъ знати,—монархическое дворянство (noblesse par lettres, noblesse de robe)—образовался королевскимъ пожалованіемъ и давалъ его членамъ нѣкоторыя сословныя права[2]). Сюда принадлежали цѣлый чиновничій персоналъ дворцовыхъ и государственныхъ сановниковъ и въ числѣ ихъ члены королевскаго совѣта[3]). Въ рядахъ этого чиновнаго дворянства Капетинги нашли усердныхъ помощниковъ въ своей борьбѣ съ могущественными феодалами, начатой уже первыми королями третьей династіи. Изъ числа высшихъ свѣтскихъ коронныхъ чиновъ Капетинги стали назначать первыхъ членовъ королевскаго совѣта: пэры Франціи, свѣтскіе и духовные, и непосредственные вассалы королевскихъ доменовъ заняли въ совѣтѣ второе мѣсто рядомъ съ клерками, какъ только Капетинги почувствовали свою силу въ государствѣ. Самыя мѣста членовъ въ совѣтѣ сдѣлались послѣ того временными, замѣщаемыми по волѣ короля[4]). Прежде, однако, чѣмъ Капетинги стали самостоятельно распоряжаться въ своемъ совѣтѣ и государствѣ, они должны были выдержать продолжительную и упорную борьбу съ феодалами всѣхъ степеней, особенно же высшими изъ нихъ, къ которымъ перешла цѣликомъ при послѣднихъ Каролингахъ вся центральная власть[5]).

При первыхъ Капетингахъ монархическая власть была еще слаба[6]); знать обладаетъ вполнѣ всѣми правами власти: она издаетъ законы, управляетъ всѣмъ и судитъ[7]). Гуго

---

1) Cohen, 29 p. et suiv., Louandre, 57, 81 p. et suiv. 2) Schaeffner, II, 350—352 p. 3) Louandre, 34 p. 4) Dareste de la Chavanne: „Histoire de l'administration en France", Paris, 1848, I t, 62—63 p. 5) Vidaillan, 55 p, Гизо, III, 206—207 с. 6) Glasson, II, 153 p. и III, 72 p. 7) Louandre, 280 p.

Капетъ не могъ и мечтать о томъ, чтобы ослабить эту могущественную силу аристократіи въ государствѣ. Поэтому онъ поспѣшилъ объявить себя королемъ, заручившись согласіемъ сосѣднихъ съ его владѣніями сѣверныхъ феодальныхъ сеньоровъ Франціи и не дожидаясь того, пока его избраніе будетъ одобрено южными, болѣе сильными феодалами, поддерживавшими его соперника [1]). Феодальные сеньоры, впрочемъ, и не тревожились тѣмъ, что Г. Капетъ завладѣлъ французской короной: титулъ короля не доставилъ ему никакой дѣйствительной власти. Предки новаго короля никогда не были королями или императорами и самъ Г. Капетъ вышелъ изъ рядовъ тѣхъ же феодальныхъ сеньоровъ [2]), хотя и былъ сильнѣйшимъ между ними. Чтобы пріобрѣсти себѣ нѣкоторое вліяніе среди феодаловъ, Г. Капетъ вступилъ въ союзъ съ духовенствомъ, которое поспѣшило распространить ту мысль, что Капетъ былъ преемникомъ власти Каролинговъ [3]). Г. Капетъ съумѣлъ извлечь для себя нѣкоторую пользу изъ самого факта чрезмѣрной раздробленности и многочисленности феодальныхъ владѣній въ странѣ: онъ назначилъ въ число членовъ своего совѣта сеньоровъ своего домена и своихъ придворныхъ, между тѣмъ какъ другіе сильнѣйшіе сеньоры пребывали въ своихъ владѣніяхъ и поэтому теряли вліяніе на управленіе королевскими землями [4]). При преемникахъ Гуго Капета: Робертѣ, Генрихѣ I и Филиппѣ I королевскій совѣтъ состоялъ изъ сильнѣйшихъ феодаловъ, прелатовъ, а также изъ придворныхъ чиновъ [5]), которые замѣняютъ здѣсь иногда важныхъ сеньоровъ. Всѣ эти короли ничего не сдѣлали для увеличенія своей власти и ослабленія феодализма, который усилился даже еще болѣе при *Филиппѣ* [6]). Первые Капетинги добились только верховной власти

---

1) Schaeffner, II, 4—5 s., Cohen, 110 p., 2) Гизо, III, 208 с. 3) Гизо, ibidem, 209—210 с. 4) Vidaillan, 57 p. 5) Aucoc, 27 p. 6) Vidaillan, 57—59 p., Cohen, 111—113 p.

въ границахъ своей территоріи; по отношенію же къ сеньорамъ они были не только не сильнѣе, но иногда слабѣе ихъ и должны были признавать въ нихъ самостоятельныхъ государей [1]). Всѣ они были только по имени наслѣдниками престола Карла Великаго и не могли сдѣлаться дѣйствительными королями всей Франціи [2]). Съ начала XII вѣка, времени ***Людовика Толстаго***, сына Филиппа I, начинается новая эпоха медленнаго, постепеннаго усиленія королевской власти Капенинговъ. По словамъ аббата Сугерія, знаменитаго совѣтника и біографа Людовика, послѣдній „при всякомъ удобномъ случаѣ старался съ мужественнымъ постоянствомъ слѣдить за государственнымъ управленіемъ, усмирять непокорныхъ и подчинять себѣ всевозможными средствами всѣ замки, прославившіеся угнетеніемъ“ [3]). Людовикъ признаетъ и уважаетъ независимость феодальныхъ господъ, не рѣшаетъ безъ нихъ ни одного административнаго дѣла [4]), но въ тоже время онъ ставитъ свою власть выше ихъ власти, предоставляетъ себѣ право заботиться о возстановленіи порядка и справедливости и защитѣ слабыхъ противъ сильныхъ. Онъ первый изъ Капетинговъ протестуетъ противъ абсолютистическихъ стремленій феодаловъ, заставляетъ ихъ признать его верховную власть и начинаетъ изъ за этого войну съ однимъ изъ феодаловъ, неявившимся въ совѣтъ короля по его приглашенію. Въ усмиреніи непокорнаго феодала королю помогаютъ крестьяне церковныхъ доменовъ, вооруженные духовенствомъ [5]). Къ неожиданной помощи королю противъ феодаловъ со стороны народа и церкви присоединились еще крестовые походы, подѣйствовавшіе разрушительно на феодализмъ. Многіе сеньоры, нуждаясь въ деньгахъ на дорогу, продавали свои земли крестьянамъ и, не имѣя средствъ воз-

---

1) Schaeffner, II, 6 s. 2—3) Гизо, III, 214 и 217 с. 4) Regnault, 104 p. 5) Vidaillan, 60—63 s., Louandre, 28 p., Гизо, III, 217—220 с.

вратиться во Францію, поселялись навсегда въ Палестинѣ. Нѣкоторые изъ феодаловъ брали необходимыя для далекаго похода деньги у аббатовъ или лицъ низшаго сословія подъ залогъ своихъ леновъ. Кредиторы сеньоровъ, пользуясь неопредѣленностью срока заклада ихъ земель, присвоивали сеньоральныя земли себѣ въ полную собственность и дѣлались полезными королю въ борьбѣ его съ феодалами. Сами короли—Людовикъ Толстый и Филиппъ Августъ—спѣшили также воспользоваться отсутствіемъ феодаловъ и гибелью многихъ изъ нихъ въ крестовыхъ походахъ, чтобы подъ разными предлогами объявить ихъ домены королевскими [1]). Людовикъ не дозволялъ дальнѣйшаго дробленія своихъ поземельныхъ владѣній, заставляя своихъ вассаловъ признавать его верховную власть [2]) и защищая ихъ отъ оскорбленій сеньоровъ [3]). При сынѣ Людовика Толстаго, *Людовикѣ Юномъ*,— „одномъ изъ самыхъ слабыхъ и безпорядочныхъ государей Франціи, чуждыхъ идеѣ общаго блага“ [4])—развитіе королевской власти во Франціи на нѣкоторое время пріостановилось [5]). Всѣми публичными дѣлами завѣдывало при немъ собраніе епископовъ и сеньоровъ [6]). Филиппъ Августъ (1180—1223) стремился сдѣлать королевское правительство центромъ власти въ отношеніи къ крупнымъ баронамъ [7]). Въ этомъ случаѣ большую помощь оказала Филиппу его побѣда надъ англійскимъ королемъ, Іоанномъ Безземельнымъ, который былъ вассаломъ короля Франціи: по приговору суда пэровъ Франціи, осудившаго его на смерть, всѣ французскія владѣнія І. Безземельнаго были конфискованы въ пользу его сюзерена, —французскаго короля. Тріумфъ Филиппа надъ англійскимъ королемъ доставилъ ему рѣшительный перевѣсъ надъ другими сильными французскими феодалами, которые теперь должны

---

1) Vidaillan, 60 p., Cohen, 117—126 p., Louandre, 169 p. 2) Louandre, 281 p. 3) Cohen, 170 p. 4) Гизо, III, 220 c. 5) Vidaillan, 54 p. 6) Regnault. 105 p. 7) Гизо, ibidem, 237 c.

были признать свою зависимость отъ короны [1]). Со времени Филиппа судъ 12 королевскихъ пэровъ сталъ служить цѣлямъ централизаціонной политики французскихъ королей [2]), между тѣмъ какъ до него онъ былъ полезенъ лишь феодальнымъ землевладѣльцамъ.

Относительно времени образованія суда пэровъ, игравшаго такую важную роль въ процессѣ развитія политической силы сначала феодаловъ, а потомъ королевской власти во Франціи, существуютъ самыя разнообразныя мнѣнія въ французской литературѣ. Долгое время господствовалъ въ ней взглядъ, что уже Карлъ Великій имѣлъ 12 пэровъ. Но Tillet справедливо замѣчаетъ по поводу этого мнѣнія, что пэрія, предполагающая наслѣдственность леновъ, не могла возникнуть при Карлѣ Великомъ, когда лены еще не были наслѣдственными [3]). Самъ Tillet приписываетъ образованіе пэріи Людовику Юному, который создалъ 12 пэровъ для своего коронованія [4]). Pasquier, напротивъ, утверждаетъ, что институтъ 12 пэровъ появился еще при Гуго Капетѣ [5]). Но если бы принять эти воззрѣнія, то тогда пришлось бы, по словамъ Schaeffner'а, допустить, что при Г. Капетѣ были вассалами короны многіе могущественные феодалы Франціи (герцогъ Бургундскій, Нормандскій, графъ Фландрскій и др.), которые сдѣлались пэрами французской монархіи гораздо позже. Кромѣ того, со взглядомъ Pasquier нельзя примирить того факта, что членами королевскаго суда пэровъ являлись далеко не сильные духовные вассалы, которые никогда не были вассалами французской короны, а только герцогства Франціи [6]). Тѣже самыя возраженія могутъ быть приведены и противъ мнѣнія Cohen'а, что наслѣдственная пэрія была создана Карломъ Простымъ въ 900 г. [7]),—эпоху еще болѣе

1) Vidaillan, 69 p., Cohen, 183—184 p. 2) Cheruel: I, 11—12 p. 3—4) Tillet, 252—253 p. 5) Pasquier, 95 p. 6) Schaeffner, II, 2 Abth., 342—343 s., cp. Vidaillan, I, 68 p. 7) Cohen, 88—89 p.

раннюю, нежели время возшествія на французскій престолъ Гуго Капета и Людовика Юнаго. Тотъ же Cohen замѣчаетъ, хотя и вопреки себѣ, что пэрія такого же древняго происхожденія, какъ и монархія [1]). На самомъ дѣлѣ право каждаго сеньора быть судимымъ равными ему въ феодальной іерархіи должностными лицами можетъ быть поставлено въ связь съ древнѣйшимъ германскимъ юридическимъ воззрѣніемъ, что каждый германецъ долженъ быть судимъ по закону своего племени [2]). Это воззрѣніе нашло полное примѣненіе при возникновеніи феодализма, однимъ изъ основныхъ принциповъ котораго было, съ одной стороны, рѣзкое различіе между сословіями и феодалами разныхъ ступеней феодальной іерархіи и, съ другой, совершенное равенство всѣхъ феодаловъ каждой изъ этихъ ступеней (герцоговъ, графовъ, бароновъ и т. д.). Такъ въ каждой сеньоріи возникъ судъ сеньора надъ каждымъ преступнымъ его вассаломъ въ присутствіи этихъ послѣднихъ, какъ ему равныхъ [3]). Институтъ пэровъ получилъ въ наслѣдственности леновъ твердую опору для дальнѣйшаго своего развитія, окончательнымъ результатомъ котораго было признаніе достоинства пэра за всѣми даже незначительными феодальными землевладѣльцами [4]). Пэры должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы король не лишалъ произвольно чести, свободы и жизни кого-либо изъ членовъ аристократіи. Йхъ привиллегіей было право быть судимыми только равными себѣ въ случаяхъ неповиновенія королю или подозрѣніи въ недобросовѣстности [5]). Такимъ образомъ, институтъ пэровъ освящалъ образовавшуюся постепенно сложную и многочисленную іерархію феодаловъ и закрѣплялъ за ними всѣ права власти, превративши короля только въ наминальнаго главу всего феодальнаго государства [6]). При Капетингахъ пэрами были вассалы первой сеньоріи во Фран-

1) Cohen, ibidem. 2) Dufau, I, 51 p. 3) Cheruel, I, 11 p., Vidaillan, ibid., Cohen, 89 p., Louandre, 110 p. 4) Cohen, ibidem, 5—6) Cohen, 89—92 p.

ціи,—королевской (герцогства Иль-де-Франсъ). Пэры короля, знатнѣйшіе феодальные сеньоры избирали его очень долго при Каролингахъ и сначала и при Капетингахъ. Король не могъ ничего сдѣлать въ государствѣ безъ совѣта и содѣйствія знатнѣйшихъ пэровъ [1]). Съ увеличеніемъ королевскаго могущества должно было падать политическое значеніе сильнѣйшихъ феодаловъ, которые переходили въ число вассаловъ короля, сравнивались съ простыми баронами—вассалами королевскаго домена [2]). Изъ главныхъ бароновъ королевскаго домена и высшихъ дворцовыхъ чиновниковъ былъ составленъ Ф. Августомъ судъ 12 пэровъ Франціи, который долженъ былъ судить Іоанна Безземельнаго [3]). Cour des pairs по идеѣ его организаціи былъ строго отличенъ отъ королевскаго совѣта (curia regis), съ которымъ онъ, однако, слился впослѣдствіи (при Людовикѣ IX) въ одно учрежденіе—парламентъ [4]). Еще въ началѣ XII столѣтія (при Людовикѣ Толстомъ) королевскій совѣтъ нерѣдко разбиралъ взаимныя жалобы вассаловъ разныхъ сеньоровъ; но въ то время совѣтъ не имѣлъ еще опредѣленнаго состава и компетенціи [5]). При Филиппѣ Августѣ, при которомъ королевская власть пріобрѣла извѣстную силу, curia regis наполняется вассалами короля, придворными чиновниками и юристами, проповѣдывавшими римскую идею о всемогуществѣ монархической власти [6]). Должность королевскаго совѣтника дѣлается теперь высокой и значительной во всемъ государствѣ [7]). Въ совѣтъ короля вносятся дѣла, подлежащія суду пэровъ, не смотря на ихъ энергичные протесты, оказывавшіеся безплодными при постепенно возрастающей силѣ Ф. Августа. Королевскій совѣтъ становится высшимъ судебнымъ и административнымъ учрежденіемъ и ко-

---

1) Dareste, I, 90 p., Cheruel, I, introd, LII—LIV p., Cohen, 89 p., Louandre, 112 p. 2) Dufau, 54—55 p, Dareste, ibidem. 3) Schaeffner, II, 344 s., Dareste, 89 p., Vidaillan, Louandre, ibidem. 4—5) Schaeffner, 345 und 383—384 s. 6) Vidaillan, 69—70 p., Schaeffner, 389 s., 7) Regnault, 10 p.

роль издаетъ въ немъ рядъ замѣчательныхъ ордонансовъ [1]). Ф. Августъ пытался освободить королевскую власть отъ тормозившаго ея дальнѣйшее развитіе вліянія духовенства, отнять у феодаловъ значительныя, занимаемыя ими, должности въ государствѣ [2]), отдѣлить королевскую власть отъ феодальной и возвысить её на счетъ послѣдней [3]).

Людовикъ IX Святой (1226 — 1270) держался, повидимому, того взгляда, что ни одинъ французскій король не можетъ пренебрегать совѣтомъ вельможъ [4]), которые дѣйствительно помогали ему въ рѣшеніи многихъ правительственныхъ дѣлъ [5]) и, между прочимъ, не позволили ему возвратить англійской коронѣ земель во Франціи, конфискованныхъ Ф. Августомъ [6]). Но на самомъ дѣлѣ Людовикъ продолжалъ неуклонно дѣло постепеннаго разрушенія власти феодаловъ и заставилъ ихъ признать полную независимость отъ нихъ королевской власти [7]). Дѣятельными помощниками Людовику въ этомъ случаѣ были юрисконсульты, стремившіеся распространить дѣйствіе королевской власти на цѣлый рядъ судебныхъ казусовъ, рѣшавшихся до сихъ поръ феодалами (cas rojaux) [8]). Послѣдовательно проведенная идея королевскаго мира повела къ совершенному уничтоженію суверенной юрисдикціи сеньоровъ,—одного изъ существенныхъ фундаментовъ феодализма [9]). Людовикъ создалъ аналогичный учрежденію missi dominici Карла Великаго особый институтъ слѣдователей (enquesteurs), обязанностью которыхъ было выслушивать жалобы на графовъ, виконтовъ и другихъ феодальныхъ судей королевства и лишать ихъ должности при явно несправедливомъ рѣшеніи дѣлъ [10]). Enquesteurs были членами королевскаго совѣта [11]). Вмѣстѣ

---

1) Cheruel, II, 20—21 p., Vidaillan, 66 p. 2) Dareste, I, 61 p. 3) Гизо, III, 236—241 с., Louandre, 281 p. 4) Cohen, 189 p. 5) Гизо, 252 с. 6) Regnault, 107—108 p. 7) Cheruel, I, 24 p., Cohen, 188 p., 8) Vidaillan, 74 - 75 p., Dufau, I, 55 p., Louandre, 281 p. 9) Schaeffner, II, 266 s. 10) Pradier-Fodére: „Precis de droit administratif“, Paris, 1872, 474 p., Marie Haas: „Administration de la France“, Paris, 1861, II, 357 p. 11) Vidaillan, I, 83 p.

съ судебною властью короля возрастала и его законодательная власть [1]). При Людовикѣ IX было присоединено къ коронѣ значительное число леновъ какъ имъ самимъ, такъ и въ малолѣтство Людовика его матерью, Бланкой Кастильской, пользовавшейся всякимъ случаемъ для усиленія королевскаго авторитета [2]). Органомъ этого послѣдняго былъ королевскій совѣтъ, который теперь съ увеличеніемъ количества дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію королевской власти, начинаетъ раздѣляться на нѣсколько учрежденій, завѣдующихъ отдѣльными частями управленія. Та часть совѣта, которая занималась судебными дѣлами, сохраняетъ долго названіе curia regis и парламента. Затѣмъ изъ curia regis выдѣляется счетная палата, какъ высшее финансовое учрежденіе и собственно государственный совѣтъ [3]). Различіе между всѣми этими частями совѣта было, однако, очень неопредѣленно, такъ какъ члены различныхъ отдѣленій безразлично присутствовали въ каждомъ изъ нихъ и компетенція ихъ устанавливается только впослѣдствіи [4]). Въ эпоху Людовика IX преобладаетъ названіе королевскаго совѣта парламентомъ [5]), который дѣлается при немъ центромъ монархической администраціи по всѣмъ ея отраслямъ. Сборники его постановленій (Olim) дѣлаются основаніемъ для дѣятельности королевскихъ чиновниковъ въ провинціяхъ [6]). Знатные вассалы и епископы рѣдко присутствовали въ совѣтѣ Людовика IX, между тѣмъ какъ легисты становятся постоянными его членами [7]). Юристы, участіе которыхъ въ рѣшеніяхъ совѣта и развитіи королевской власти дѣлается замѣтнымъ со времени Филиппа Августа и Людовика IX, вышли изъ среды буржуазіи, которая развилась къ этому времени на столько,

---

1) Гизо, III, 260—262 с. 2) Cheruel, I, 23—24 p., Cohen, 185—188 p., Marie-Haas, ibidem, Гизо, 249—250 с. 3) Schaeffner, II, 384 s. 4) Schaeffner, ibidem. 5) Vidaillan. 74 p., Schaeffner, ibidem, 6) Cheruel, I, 26—27 p. Vidaillan, 75—80 p. 7) Vidaillan, 84 p.

что стала обращать на себя вниманіе королей. Депутаты городовъ начинаютъ при Людовикѣ IX присутствовать даже въ совѣтѣ [1]). ***Филиппъ III*** (1270—1285), сынъ Людовика IX, продолжалъ работу своего отца: королевская власть не только сохранила свою силу, но и пріобрѣла еще большее политическое значеніе. Король въ своемъ совѣтѣ разрѣшаетъ политическія, финансовыя, судебныя и административныя дѣла всего королевства, въ которомъ феодальные суды падаютъ все болѣе и болѣе [2]). Наконецъ, ***Филиппъ IV Красивый*** (1285—1314) сообщаетъ королевской власти неограниченный, деспотическій характеръ. Король примѣняетъ на дѣлѣ тѣ идеи римскаго права о величіи и всемогуществѣ императорской власти, которыя ревностно проводятся легистами въ парламентѣ и королевскими чиновниками во всѣхъ провинціяхъ [3]). Филиппъ IV отнимаетъ у феодаловъ право чеканить монету, облагаетъ ихъ принудительнымъ налогомъ и позволяетъ держать гарнизоны только въ пограничныхъ земляхъ [4]). Къ королю же переходитъ и вся законодательная власть феодаловъ [5]). Большинство указовъ, которыми король властно регламентируетъ до мельчайшихъ подробностей всю жизнь гражданъ [6]), исходятъ отъ одного короля, который не считаетъ нужнымъ спрашивать совѣта и согласія бароновъ и другихъ крупныхъ ленныхъ землевладѣльцевъ. Филиппъ IV дѣйствуетъ совершенно независимо отъ феодальной аристократіи, совѣщается только съ лицами, имъ самимъ избранными въ его королевскій ***совѣтъ*** [7]). Сильное развитіе централизаціи при Филиппѣ IV повело къ непомѣрному увеличенію количества дѣлъ, которыми долженъ былъ заниматься королевскій совѣтъ. Вслѣдствіе этого при

---

1) Pico: „Hist. des états généraux“, I t, introd., 16—19 p. 2) Vidaillan, 85—88 p., Cohen, 199 p. 3) Schaeffner, II, 270 s., Гизо, III, 270 с. 4) Dufau, I, 56—57 p., Louandre, 282 p. 5) Schaeffner, ibidem. 6) Гизо, 272—277 и 281 с. 7) Гизо, 278 с.

Филиппѣ IV была произведена въ образованіи совѣта коренная реформа, начало которой положено было, впрочемъ, еще Людовикомъ IX [1]). Филиппъ раздѣлилъ ордонансомъ 1302 г. совѣтъ на три части: большой или тѣсный совѣтъ (Grand, etroit conseil), парламентъ и счетную палату. Большой совѣтъ былъ составленъ изъ обыкновенныхъ членовъ совѣта и дополненъ, назначенными королемъ, знатными лицами, наиболѣе выдающимися своими заслугами государству. Большой совѣтъ былъ назначенъ для составленія законовъ и рѣшенія важнѣйшихъ политическихъ дѣлъ, финансовыхъ и административныхъ [2]). Большой же совѣтъ разсматривалъ и судебныя дѣла, которыя не могъ разрѣшить парламентъ или которыми почему-либо интересовался самъ король [3]). Тѣмъ же королевскимъ ордонансомъ 1302 г. (article 7) было признано за всѣми подданными короля право жаловаться королевскому совѣту въ случаѣ неправильнаго рѣшенія парламента [4]). Парламентъ, составленный изъ бароновъ и въ особенности же легистовъ, которымъ было наиболѣе доступно знаніе римскаго и обычнаго французскаго права, назначался спеціально для рѣшенія однихъ только судебныхъ дѣлъ [5]). Засѣданія парламента происходили въ опредѣленные сроки въ Парижѣ. Парламентъ имѣлъ три отдѣленія (enquêtes, requêtes et grand chambre); къ его составу принадлежали бывшіе феодальные суды въ Нормандіи, Шампаньи и Тулузѣ [6]). Когда въ парламентѣ засѣдали пэры, онъ превращался въ судъ пэровъ [7]). Такимъ образомъ, въ началѣ XIV столѣтія французскій (парижскій) парламентъ получаетъ характеръ преимущественно высшаго судебнаго учрежденія въ противоположность госу-

---

1) Aucoc, 28 p. 2) Tillet, 307—308 p., Vidaillan, 93—99 p, Cheruel, I, 53 p, Dareste de la Chavanne I, 61 p., Warnkönig, I, 395 и 396 s. 3) Warnkönig, ibidem. 4) Laferrière: „Cours de droit public et administratif“, Paris, 1854, 178 p.. Pradier-Foedére, 474 p. 5) Tillet, 308 p. 6) Vidaillan, 100—102 p., Cheruel, 53—54 p., Cohen, 216—217 p. 7) Dufau, 59 p,

дарственному совѣту, какъ институту съ преобладающимъ политическимъ и административнымъ значеніемъ. При Филиппѣ IV компетенція обоихъ учрежденій не была точно опредѣлена и каждое изъ нихъ стремилось взять верхъ надъ своимъ соперникомъ въ управленіи [1]). Въ счетной палатѣ централизовалось управленіе финансами королевства [2]). При разсмотрѣніи законодательныхъ реформъ и рѣшеніи важнѣйшихъ частныхъ дѣлъ члены парламента и счетной палаты призывались для совѣщанія въ большой совѣтъ короля, причемъ говорилось, что король засѣдаетъ въ полномъ или общемъ совѣтѣ [3]).

Государственный совѣтъ, осуществлявшій идею верховной королевской власти и ея могущества, предъ которымъ безмолвно склонялись всѣ феодальные сеньоры, сдѣлалъ очень многое для достиженія этой цѣли энергической дѣятельности Филиппа IV. Послѣдній стремился къ полной и окончательной побѣдѣ королевской власти надъ феодализмомъ и властолюбивыми притязаніями папства, и въ этомъ торжествѣ надъ соперниками должно было помочь Филиппу третье сословіе, все важное соціальное значеніе котораго было признано уже предшественниками Филиппа IV, Филиппомъ Августомъ и Людовикомъ IX. Со времени Филиппа IV третье сословіе (tiers état) начинаетъ принимать участіе въ политической жизни Франціи [4]), оказывать сильное вліяніе на организацію государственнаго совѣта, его роль въ управленіи, и играетъ роль посредника въ взаимныхъ отношеніяхъ между монархической властью и аристократіей. Политическое значеніе этой послѣдней съуживается постепенно по мѣрѣ развитія сословныхъ собраній во Франціи (États Généraux), въ которыхъ знать занимаетъ первое мѣсто, какъ высшее сословіе въ государствѣ. Политическіе ея идеалы оказываются

1) Schaeffner, II, 325 s. 2) Chéruel, 55 p., Vidaillan, 103 p. 3) Aucoc, 29 p., Vidaillan, ibidem, 4) Vidaillan, 106 p.

слишкомъ узкими, ограниченными, эгоистичными. Свѣтская аристократія готова защищать независимость короля и Франціи противъ властолюбивыхъ притязаній папы Бонифація VIII и враговъ отечества. Во всемъ остальномъ она рѣдко согласна съ другими сословіями, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда затрогиваются ея привиллегіи. Каждый разъ, какъ собирались Êtat Gênêraux, депутаты аристократіи заботились только о томъ, чтобы во что бы то ни стало отстаивать исключительные интересы знати, хотя бы и во вредъ остальному обществу [1]). Признавая политическія права за третьимъ сословіемъ, короли думали найти въ немъ опору для усиленія своего политическаго авторитета и противодѣйствія эгоистическимъ стремленіямъ аристократіи [2]). Филиппъ IV созывалъ депутатовъ третьяго сословія вмѣстѣ съ баронами и сановниками королевства лишь въ особенно важныхъ случаяхъ, когда ему нужна была поддержка его подданныхъ въ борьбѣ съ Бонифаціемъ VIII (1302 г.) и при рѣшеніи процесса о Тампліерахъ (1308 г.), финансовая помощь для похода во Фландрію (1314) и—при обсужденіи другихъ важнѣйшихъ административныхъ мѣръ [3]). Въ первомъ же собраніи Генеральныхъ Штатовъ (1302 г.) при Филиппѣ IV была провозглашена имъ полная самостоятельность и независимость королевской власти [4]), противъ которой напрасно борется послѣ Филиппа феодальная аристократія, воспользовавшаяся для преслѣдованія своихъ личныхъ цѣлей слабостью преемниковъ Филиппа и внутренними междоусобіями при короляхъ Іоаннѣ и Карлѣ VI и VII. Тотчасъ послѣ смерти Филиппа IV при его сынѣ, *Людовикѣ X Упрямомъ* (1314—1316) и *Филиппѣ V Долгомъ* (1316—1322) началась реакція противъ деспотизма королевской власти, которая должна была сдѣлать нѣ-

---

1) Louandre, 265 et 267 p. 2) Cohen, 206 p. 3) Pico, I t., 21—31 p., Cohen, 203—201 et 216 p., Dufau, (0 p , Гизо, III, 273—2?0 стр. 4) Pico, 22 p.

которыя уступки въ пользу феодальной аристократіи [1]). Король, однако, пользуется всѣми правами власти при содѣйствіи своего совѣта [2]): со времени Филиппа IV французскіе короли вполнѣ сознавали всю необходимость „имѣть около себя такой совѣтъ, при посредствѣ котораго они могли бы управлять королевствомъ для его пользы“ [3]). Совѣтъ этотъ состоялъ изъ членовъ парламента, принцевъ крови, знатныхъ сеньоровъ, высшихъ членовъ духовенства, выдающихся въ управленіи лицъ и депутатовъ третьяго сословія [4]). Функціи совѣтника, имѣвшія характеръ временнаго порученія, были совмѣстимы со всякою другою публичною должностью [5]), хотя Филиппъ Валуа и предпринялъ извѣстныя мѣры для того, чтобы сдѣлать постоянными нѣкоторыя въ немъ должности (maîtres des requêtês) [6]). Совѣтъ долженъ былъ собираться въ опредѣленные сроки и разсматривать „состояніе королевскаго дома и казначейства, чтобы исправлять то, что нужно“ [7]). Кромѣ высшей администраціи, совѣту поручаются спорныя судебныя дѣла и въ немъ устанавливается порядокъ дѣлопроизводства [8]). При Филиппѣ Долгомъ возникаетъ, развившееся впослѣдствіи, различіе между тѣснымъ, обыкновеннымъ совѣтомъ, где разбирались незначительныя текущія дѣла, и большимъ совѣтомъ, вѣдающимъ болѣе важные административные, судебные и финансовые, вопросы [9]). Тотъ же король опредѣлилъ до извѣстной степени компетентность и порядокъ дѣлъ въ парламентѣ и счетной палатѣ [10]). Организованный въ такомъ видѣ, королевскій совѣтъ продолжаетъ функціонировать при *Карлѣ IV Красивомъ* (1322—1328), при которомъ феодалы не стави-

---

1) Cohen, 220—222 p., Гизо, III, 287—292 с. 2) Vidaillan, 109--114 p. 3) Pasquier, 77 p. 4) Vidaillan, 117 p., Pasquier, ibidem, Dareste, 66 p., Regnault, 13--14 p., Warnkönig, 396 s., Pradier-Foedéré, 474—475 p. 5) Dareste, 65 p. 6) Regnault, 15 p. 7) Tillet, 307 p., Vidaillan, 118 p. 8) Chéruel, 69 p., Tillet, ibidem, 9) Vidaillan, 119 и 123 p., Regnault, 154 p. 10) Vidaillan, 120—121 p.

ли препятствій королевской администраціи и суду. Различіе между обыкновеннымъ и большимъ совѣтомъ, сохранившееся при Карлѣ IV [1]), остается и при *Филиппѣ VI* (1328—1350), при которомъ обыкновенный совѣтъ называется еще секретнымъ совѣтомъ [2]) и завѣдуетъ финансами королевства [3]). Въ большомъ совѣтѣ былъ изданъ, между прочимъ, Филиппомъ VI ордонансъ (въ 1330 г.), которымъ дозволялось многимъ феодаламъ вести попрежнему частныя войны между собою,— фактъ, указывающій на то, что феодализмъ въ эту эпоху развитія королевской власти былъ еще силенъ. При Филиппѣ же VI встрѣчаются случаи, когда совѣтъ засѣдаетъ, какъ судъ пэровъ [4]). Знать при немъ требовала даже полнаго возстановленія своихъ феодальныхъ привиллегій, съ чѣмъ также успѣшно боролся королевскій совѣтъ [5]). Совѣтъ разсматриваетъ всѣ дѣла управленія; рядомъ съ нимъ дѣйствуютъ, опредѣленно организованные совѣтомъ, счетная палата и парламентъ, въ которомъ увеличивается значеніе легистовъ [6]). Парламентъ долженъ былъ, между прочимъ, вести спеціальный и точный регистръ всѣхъ королевскихъ ордонансовъ, издаваемыхъ въ государственномъ совѣтѣ [7]). Такъ было положено начало тому знаменитому праву внесенія въ регистры парламента всѣхъ королевскихъ указовъ (droit de enregistrement), изъ котораго произошла политическая самостоятельность французскихъ парламентовъ и борьба ихъ за нее съ королевскимъ совѣтомъ и авторитетомъ.

Такимъ образомъ, въ XIV столѣтіи, когда королевская власть значительно развилась во Франціи, королевскій совѣтъ сталъ прочно организованнымъ институтомъ съ опредѣленнымъ составомъ и функціями [8]). Государственный Со-

---

1) Vidaillan, 124—125 p. 2) Vidaillan, 129 и 141 p. 3) Noel Valois: „Le conseil du roi aux XIV, XV et XVI siècles“, Paris, 1888, 7 p. 4 и 7) Vidaillan, 135 p. 5) Chéruel, 67 p. 6) Vidaillan, 141 p., Chéruel, 69 p. 8) Aucoc, 34—35 p.

вѣтъ обладалъ высшею властью въ управленіи, подавалъ мнѣнія по различнымъ административнымъ вопросамъ, принималъ тѣ или другія рѣшенія; но ни его совѣты, ни предлагаемыя имъ мѣры не были обязательны для короля, властъ котораго была безгранична въ эту эпоху [1]). Члены совѣта часто сопровождали короля въ его путешествіяхъ по странѣ, что сильно вредило правильному теченію дѣлъ, особенно же судебныхъ. Отчасти поэтому возрастаетъ значеніе парламента, засѣданія котораго дѣлаются постоянными въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ (Парижѣ) [2]). Роль совѣта, и безъ того значительная, увеличивается еще болѣе въ случаѣ отсутствія короля изъ государства, его болѣзни или плѣна: въ такихъ особенныхъ случаяхъ совѣтъ получалъ рѣшительное вліяніе на всѣ дѣла управленія и пріобрѣталъ въ немъ необыкновенную важность [3]). Положеніе совѣта въ управленіи придавало ему такую чрезвычайную силу, что États Généraux пытаются, начиная съ царствованія короля *Іоанна* (1350—1364), нѣсколько разъ измѣнить его составъ и ввести въ совѣтъ депутатовъ отъ буржуазіи [4]). Такъ Генеральные Штаты, созванные Іоанномъ въ 1355 году при началѣ войны съ Англіей, предложили королю въ числѣ необходимыхъ реформъ въ управленіи удалить изъ совѣта „злыхъ совѣтниковъ и избрать мудрыхъ изъ среды высшаго духовенства, благородныхъ и буржуазіи“. Составленный такъ совѣтъ долженъ былъ стать во главѣ управленія и сдѣлаться центромъ и рычагомъ всѣхъ въ немъ реформъ и, прежде всего, преобразовать счетную палату и парламентъ [5]). Ордонансомъ 1355 г., изданнымъ въ совѣтѣ, былъ опредѣленъ цѣлый рядъ мѣръ преимущественно финансоваго характера, которыя были необходимы при тогдашнихъ критическихъ обстоятельствахъ. Разстройство и безпорядки въ финансовомъ управле-

1) N. Valois, 3 p., Vidaillan, 143 p. 2) Pico, I t., 103 p., N. Valois, ibid 3) Valois, ibidem, 4) Aucoc, 36 p. 5) Pico, I, 92—99 p, N. Valois, 16—22 p.

нія страны были такъ велики, что совѣтъ самъ предложилъ ввести необходимый контроль за употребленіемъ суммъ, вотированныхъ Генеральными Штатами [1]). Король въ совѣтѣ пожаловалъ разныя привиллегіи городамъ, ассигновавшимъ въ провинціальныхъ штатахъ большія суммы для веденія войны [2]).

Въ бурное время плѣна Іоанна и регентства его сына, Карла V, État Génèraux, во главѣ которыхъ стали энергичные представители буржуазіи, Стефанъ Марсель и Робертъ Кокъ, предприняли полную реформу всѣхъ административныхъ учрежденій, а также и государственнаго совѣта, причемъ королевская власть должна была согласиться на всѣ предлагаемыя Штатами мѣры [3]). Штаты, однако, не думали уничтожить совершенно совѣтъ, необходимость котораго въ управленіи, какъ и королевской власти во Франціи, была сознаваема здѣсь даже въ эту пору внутреннихъ раздоровъ, господства третьяго сословія въ государствѣ и временнаго ослабленія королевской власти [4]). Штаты ограничились только избраніемъ въ совѣтъ извѣстнаго числа депутатовъ отъ третьяго сословія [5]). Реформа коснулась болѣе измѣненій въ составѣ совѣта, а не самого учрежденія королевскаго совѣта [6]), который сохраняетъ свой обычный монархическій характеръ, принимаетъ самое дѣятельное участіе въ отысканіи необходимыхъ средствъ для окончанія войны, а послѣ нея—въ принятіи мѣръ къ умиротворенію страны, развитію благосостоянія населенія и увеличенію королевскаго авторитета [7]). Даже въ слабое царствованіе Іоанна совѣтъ былъ во главѣ управленія страной: ордонансами 1355 и 1359 гг. было опредѣлено, что только совѣтъ имѣетъ право издавать всякія постановленія и правила и раздавать привиллегіи, и что рѣше-

---

1 и 2) Vidaillan, 148 p., 143—147 p. 3) N. Valois, 61—66 p, Chéruel, I 73—74 p., Vidaillan, 152—156 p. 4) Vidaillan, 160 p., Chérnel, ibidem 5 и 6) Valois, 47—49 и 17 p. 7) Vidaillan, 152—172 p.

нія совѣта имѣютъ силу закона во всѣхъ провинціяхъ государства[1]). При королѣ же Іоаннѣ была разграничена сфера дѣятельности совѣта и парламента и было запрещено членамъ послѣдняго присутствовать въ совѣтѣ, въ которомъ были сосредоточены одни лишь административныя дѣла[2]). Карлъ V (1364—1380) составлялъ совѣтъ и созывалъ его членовъ въ засѣданія по своему произволу[3]); въ совѣтѣ при немъ епископы преобладали надъ графами и баронами, такъ какъ они были болѣе свѣдующими людьми въ администраціи и судѣ[4]).

Въ продолжительное царствованіе *Карла VI* (1380—1422) королевская власть и вся Франція пережили самую тяжелую пору своей исторіи. Въ малолѣтство короля государствомъ управлялъ совѣтъ, составленный изъ принцевъ крови, изъ которыхъ каждый добивался первенства въ управленіи[5]). Тяжелая болѣзнь (съумашествіе) Карла VI была причиной того факта, что въ управленіи господствовали попеременно различныя политическія партіи, сдѣлавшія совѣтъ ареной своей борьбы и пораженія. Побѣда одной изъ нихъ надъ остальными вела къ наполненію совѣта сторонниками господствующей партіи, пораженіе которой было сигналомъ и замѣны ея въ совѣтѣ приверженцами противной партіи—побѣдительницы[6]). Такъ сначала управляла Франціей партія принца Бургонскаго (1411—12), причемъ членами совѣта были свѣтскіе сеньоры; затѣмъ (1413—18) власть переходитъ къ партіи герцога Орлеанскаго (арманьяковъ) и въ совѣтѣ берутъ верхъ прелаты[7]). Авторитетъ королевской власти ослаблялся все болѣе и болѣе по мѣрѣ увеличенія внутреннихъ раздоровъ въ странѣ, пока, наконецъ, Франціей не

1) Laferriere, I, 479—480 p., Pradier-Foedéré, 475 p. 2) Regnault, 110 p. 3) N. Valois, 73 p. 4) Regnault, 17 p. 5) Valois, 79—92 p, Vidaillan, 177—179 p. 6) Pasquier, 78 p., Valois, 122-123 p. 7) Vidaillan, 191 и 204 p., Valois, 130—131 p.

завладѣлъ англійскій король, Генрихъ V, и королевская власть очутилась въ такомъ же положеніи, въ какомъ она была въ первое время существованія монархіи во Франціи [1]). Но въ тоже самое время, когда во Франціи установился „родъ мятежной олигархіи“ [2]), совѣтъ не только не потерялъ своего прежняго высокаго значенія въ управленіи государствомъ, но сдѣлался даже единственнымъ центральнымъ политическимъ учрежденіемъ, такъ что попасть въ число его членовъ стало высшею честолюбивой цѣлью представителей всѣхъ политическихъ партій. Вслѣдствіе этого число членовъ совѣта сдѣлалось такъ велико, что Карлъ VI въ одинъ изъ свѣтлыхъ промежутковъ своей болѣзни рѣшился ограничить его составъ нѣкоторыми принцами крови (дядями короля), высшими сановниками въ государствѣ (канцлеромъ и констаблемъ), 15 простыми членами, нѣсколькими maîtres des requêtes и клерками [3]). Это и было сдѣлано ордонансомъ 1413 г. (ord. cobochienne), увеличившимъ, кромѣ того, централизацію во всемъ управленіи [4]) Не смотря, впрочемъ, на борьбу и раздоры различныхъ политическихъ партій при Карлѣ VI, овладѣвавшихъ совѣтомъ попеременно, въ немъ самомъ всегда былъ въ это критическое время политической жизни Франціи элементъ до извѣстной степени неизмѣнный и устойчивый,—люди, которыхъ не коснулись мѣры, принимаемыя для очищенія состава совѣта отъ всякаго рода „интригановъ, паразитовъ и креатуръ различныхъ политическихъ партій“ [5]). Это были лица, пріобрѣтшія большую опытность въ управленіи государствомъ и способныя сообщить единство всей администраціи и уваженіе къ ея традиціямъ,—высшіе сановники, назначенные въ совѣтъ Карломъ VI еще въ на-

---

1) Vidaillan, 214—221 p. 2) Valois, 105 p. 3) Pico, I, 271—272 p., Regnault, 17—18, 46 p., Aucoc, 37—38 p. 4) Dareste, I, 66 p., Chéruel 89 p., Vidaillan, 205 p. 5) Valois, 103 p., Regnault, ibidem.

чалѣ своего царствованія, когда онъ былъ вполнѣ здоровъ [1]). При всѣхъ волненіяхъ въ странѣ въ организаціи совѣта были произведены нѣкоторыя измѣненія Карломъ VI, при которомъ большой совѣтъ стоитъ выше совѣта тѣснаго или секретнаго и парламента. „И если прежде употребляли выраженіе, что король засѣдаетъ въ парламентѣ, когда онъ въ торжественные дни созывалъ принцевъ и прелатовъ для рѣшенія какихъ-либо спорныхъ случаевъ, то теперь стали говорить, что король засѣдаетъ въ большомъ совѣтѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему угодно“ [2]). Отношенія между совѣтомъ и парламентомъ, однако, не были еще точно опредѣлены въ это время и часто члены совѣта являются въ парламентъ для того, чтобы узнать мнѣніе опытныхъ юристовъ при рѣшеніи тѣхъ или другихъ спорныхъ дѣлъ. Самъ совѣтъ вмѣшивается также въ судебную сферу вѣдомства парламента, который, въ свою очередь, заявляетъ претензіи на рѣшеніе административныхъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію совѣта [3]). Карлъ VI ограничилъ число членовъ совѣта, которые могутъ засѣдать въ парламентѣ съ правомъ совѣщательнаго голоса, принцами крови и прелатами Франціи [4]). Совѣтъ при Карлѣ VI обнаруживалъ большую дѣятельность въ разрѣшеніи массы различныхъ вопросовъ по юстиціи, финансамъ, администраціи и особенно церковнымъ дѣламъ [5]).

При *Карлѣ VII* (1422—1461) королевская власть, пережившая критическій моментъ своей исторіи, снова пріобрѣтаетъ утраченныя было ею обширныя права въ управленіи [6]). Феодальные сеньоры, пользовавшіеся внутренними безпорядками въ странѣ для увеличенія своихъ политическихъ правъ и сеньоральныхъ привиллегій, должны были признать теперь

---

1) Valois, 99—103, 105, 137—138 p. 2) Pasquier, 77 p. 3) Schaeffner, II, 325 s. 4) Tillet, 301 p. 5—6) Vidaillan, назв. соч., I t., 182 p. et suiv., 230, 245—247 p.

суверенитетъ короля [1]). Послѣдняя опора феодализма — судъ пэровъ преклонился предъ верховною властью короля [2]). Совѣтъ Карла VII состоялъ изъ тѣхъ принцевъ крови, которые пользовались довѣріемъ короля, и большаго числа простыхъ сеньоровъ, епископовъ и даже незнатныхъ лицъ, опытныхъ въ рѣшеніи всякаго рода административныхъ дѣлъ [3]). Совѣтъ предпринялъ цѣлый рядъ реформъ и, между прочимъ, строго ограничилъ компетентность счетной палаты и парламента, который былъ подчиненъ совѣту и въ его организаціи произведены многія улучшенія въ интересахъ правосудія [4]). Въ большомъ совѣтѣ издана была при Карлѣ VII знаменитая прагматическая санкція, которою были признаны независимость галликанской церкви отъ папскаго престола и подчиненіе ея королю [5]). *Людовикъ XI* (1461—1483) продолжалъ вести борьбу съ феодалами, которые организовали „лигу общественнаго благосостоянія“ (въ 1464—65 г.) съ тою цѣлью, чтобы подчинить себѣ короля, отнять у него въ свою пользу власть [6]). Феодализмъ былъ еще силенъ во Франціи въ XV вѣкѣ: Людовикъ долженъ былъ согласиться на то, чтобы надѣлить членовъ лиги — феодаловъ — многими важными правами и увеличить ихъ феодальныя поземельныя владѣнія [7]). Герцогъ Бургундскій, — одинъ изъ сильнѣйшихъ феодаловъ, приписываетъ Людовику собственныя условія мира, унизительныя для королевской власти [8]). Но и самъ Людовикъ не пренебрегалъ никакими средствами для того, чтобы унизить знать: онъ старался быть справедливымъ и милостивымъ, но при случаѣ употреблялъ силу и хитрость и пользовался взаимной враждой феодаловъ [9]). Борьба Людовика съ феодализмомъ заканчивается полной его побѣдой надъ

1) Chéruel, 95 p., Louandre, 282 p., Vidaillan, 235 p. 2, 4, 6—9) Vidaillan, ibidem, 261, 260, 250—254, 275, 278, 290, 282, 294, 283—285, 274 и 293 p. 3) Valois, 144—160 p., Chéruel, 109 p. 5) Chéruel, 104—105 p., Vidaillan, ibid.

противниками [1]), въ которой значительную долю успѣха доставилъ королю его совѣтъ, помогавшій всѣми мѣрами усиленію королевской власти на счетъ феодаловъ [2]). При Людовикѣ XI увеличивается контингентъ новаго монархическаго дворянства, создаваемаго королевскими указами [3]). Людовикъ поставилъ парижскій парламентъ выше провинціальныхъ парламентовъ, сдѣлалъ несмѣняемыми его членовъ, передалъ ему всѣ дѣла суда пэровъ, но въ тоже время потребовалъ, чтобы рѣшенія парламента были согласны съ его волей [4]). Централизація всего управленія въ совѣтѣ вызвала при Людовикѣ XI раздѣленіе его на три секціи: первая занималась политическими и высшими административными дѣлами, вторая спорными финансовыми, третья же только судебными. Въ особенныхъ случаяхъ всѣ секціи совѣта собирались въ одно собраніе, куда приглашались иногда и всѣ члены парламента [5]). При Людовикѣ почти исчезаетъ различіе между большимъ и обыкновеннымъ или тѣснымъ совѣтомъ; въ послѣднемъ рѣшаются болѣе важныя дѣла, чѣмъ въ первомъ. Иногда же обсужденіе и разрѣшеніе важнѣйшихъ административныхъ вопросовъ поручается королемъ отдѣльнымъ членамъ совѣта, назначаемымъ ad hoc королемъ [6]). Самъ Людовикъ XI такъ высоко ставилъ совѣтъ въ управленіи государствомъ, что, умирая, завѣщалъ своему сыну, Карлу VIII, управлять Франціей съ помощью совѣта изъ принцевъ крови, значительныхъ сеньоровъ, бароновъ, рыцарей, мудрыхъ и благородныхъ лицъ, отличающихся преданностью престолу [7]).

Царствованіе *Карла VIII* (1483—1498) открывается новой феодальной реакціей противъ королевской власти.

---

1) Chéruel, 112—114 p., Vidaillan, 296—297, 303, 305, 316—317 p. 2) Vidaillan, ibidem, 291—292 p. 3) Dareste, I, 96—97, 100, et suiv. 4) Chéruel, 116—117 p., Vidaillan, 272, 286 p. 5) Dareste, 66 p. 6 и 7) Vidaillan, 267—300, 317 p. et suiv.

Герцоги Орлеанскій и Бурбонскій, пользуясь малолѣтствомъ короля, пытаются захватить въ свои руки все управленіе государствомъ. Съ этою цѣлью они наполнили совѣтъ своими креатурами и потребовали отъ него немедленнаго созванія Генеральныхъ Штатовъ, которые и собрались въ Турѣ (въ 1483 г.) [1]). Многочисленная въ нихъ партія сторонниковъ принцевъ настаивала на томъ, чтобы въ теченіе малолѣтства короля управленіе государствомъ было ввѣрено принцамъ, какъ легитимнымъ опекунамъ короля. Но противъ такого предложенія возсталъ одинъ изъ депутатовъ, сенешаль Бургундіи, Филиппъ По, краснорѣчиво доказавшій собранію, что сами Штаты имѣютъ право распоряжаться назначеніемъ опекуновъ и образованіемъ совѣта [2]). Тогда принцы предложили Штатамъ составить совѣтъ изъ людей честныхъ и опытныхъ, которые могли бы принести пользу своею дѣятельностью всему народу [3]). Штаты обратили вниманіе еще на тотъ существенный недостатокъ королевскаго совѣта, который заключался въ присвоеніи имъ себѣ исключительной юрисдикціи по дѣламъ, касающимся интересовъ казны. Совѣтъ не былъ лишенъ правъ этой юрисдикціи, ставящей его выше парламента: Штаты только потребовали, чтобы во главѣ совѣта стоялъ канцлеръ, было опредѣлено число членовъ совѣта изъ опытныхъ юристовъ и извѣстная часть ихъ состояла изъ представителей отдѣльныхъ провинцій Франціи [4]). Совѣтъ долженъ былъ вѣдать политическія дѣла, юстицію, коммерцію и заботиться обо всемъ внутреннемъ благосостояніи государства [5]). Но вопреки желаніямъ Штатовъ, совѣтъ былъ оставленъ въ прежнемъ преимущественно аристократическомъ составѣ [6]) и управленіе имъ было поручено Штатами королевскимъ принцамъ, которые могли дополнять со-

1) Vidaillan, 331—332 p. 2) Pico, I t, 410—413 p., Vidaillan, 343 p. 3) Vidaillan, 336 p. 4) Pasquier, 78 p., Pico, I, 452—453 p. 5) Regnault, 19 p. 6) N. Valois, 162—163, 417 (примѣч.).

вѣтъ по своему усмотрѣнію: въ него вошли только десять депутатовъ, избранныхъ Штатами [1]). Генеральные Штаты признали за королемъ абсолютную власть и предоставили опеку надъ малолѣтнимъ королемъ энергичной его сестрѣ, регентшѣ, Аннѣ Божо, правившей Франціей и совѣтомъ въ строго монархическомъ духѣ [2]). Изъ совѣта исчезаютъ постепенно, не смотря на протесты предъ парламентомъ, герцоги Орлеанскій и Алансонскій и графъ Ангулемскій съ своими сторонниками и онъ наполняется юристами и финансистами изъ среды третьяго сословія, преданными королевской власти [3]). При дѣятельной помощи совѣта регентша вела постоянную и ожесточенную борьбу съ феодалами и съумѣла присоединить къ коронѣ нѣсколько крупныхъ феодальныхъ леновъ (Провансъ, Бретань) [4]).

При *Карлѣ VIII* была произведена крупная реформа въ организаціи совѣта, которая была вызвана увеличеніемъ числа провинціальныхъ парламентовъ и чрезмѣрнымъ расширеніемъ судебныхъ функцій большаго совѣта, присвоившаго себѣ право обсуждать судебныя дѣла, уже рѣшенныя парламентомъ и перенесенныя сторонами въ совѣтъ (evocations) [5]). Чтобы установить правильность въ ходѣ судопроизводства, большой совѣтъ образованъ, какъ высшій суверенный судъ, стоящій рядомъ съ парламентомъ, какъ высшимъ учрежденіемъ по обыкновеннымъ судебнымъ дѣламъ. Большой совѣтъ былъ составленъ подъ предсѣдательствомъ короля или въ его отсутствіе канцлера изъ 17 членовъ, изъ которыхъ сначала функціонировала въ теченіе трехъ мѣсяцевъ одна половина, а потомъ и другая, призываемая канцлеромъ на такое же время. Члены совѣта, отправляющіе свои въ немъ обязанности, были постоянною частью совѣта,

---

1) Pico, 418 и 421 p., Vidaillan, 346 p. 2) Chéruel, 126—127 p. 3) Valois, 166—174 p., Pico, 420—421 p. 4) Vidaillan, 364—374 p. 5) Schaeffner, II, 325 s., Chéruel, 129 p.

ординарными его членами (conseillers ordinaires), между тѣмъ какъ тѣ изъ нихъ, которые въ данный триместръ не участвовали въ его засѣданіяхъ, разсматривались, какъ временные члены совѣта (conseillers extraordinaires). Большой совѣтъ обладалъ спеціальной и исключительной юрисдикціей, разрѣшалъ всѣ споры о церковныхъ бенефиціяхъ, покрывавшихъ тогда большую часть Франціи, устанавливалъ правила судопроизводства и вѣдалъ вообще всякаго рода спорныя судебныя дѣла. Въ государственномъ совѣтѣ сосредоточивалось все законодательство и все высшее управленіе страны [1]). Образованіе совѣта при Карлѣ VIII дѣлается основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ въ немъ измѣненій при преемникахъ Карла. При этомъ государѣ произошло образованіе придворной знати (noblesse de cour), указывавшее на торжество монархическаго начала во Франціи. Послѣ неудавшихся домогательствъ феодаловъ предъ Генеральными Штатами 1783 г., требованій отъ нихъ разнаго рода исключительныхъ привиллегій феодалы поневолѣ становятся подъ защиту королевской власти, вступаютъ въ придворную свиту короля, превращаются въ военное и придворное дворянство [2]). Постепенный упадокъ политическаго значенія феодальной аристократіи, терявшей свои лены въ борьбѣ съ королевской властью и въ ея пользу, соприкосновеніе съ блестящей цивилизаціей южныхъ европейскихъ странъ, знакомой феодаламъ еще со времени крестовыхъ походовъ, принудили ихъ оставить свои замки, переселиться въ Парижъ, поступить въ личную службу къ королю и членамъ его семьи и ожидать отъ нихъ всякихъ милостей [3]). Феодаламъ, ряды которыхъ пополняются теперь новымъ, создаваемымъ королемъ, дворянствомъ, остаются только нѣкоторыя почетныя привиллегіи, жалуемыя имъ ко-

---

1) Pasquier, 79 p., Pico, I, 453 p., Aucoc, 36—37 p., Laferrière, I, 180 p., Chéruel, 129 p., Vidaillan, 379—383 p., Schaeffner, 326 s., Warnkönig, 517 s. 2) Pico, I, 517—521, 522—527 p. 3) Chéruel, 130 p., Louandre, 227—228 p.

ролемъ взамѣнъ отнятыхъ у нихъ политическихъ правъ. Владѣющіе такими исключительными привиллегіями, дворяне упорно отстаиваютъ ихъ, замыкаются въ изолированный отъ всего народа общественный классъ, члены котораго смотрятъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ на всю остальную массу населенія, хотя въ тоже время сами и не пренебрегаютъ никакими средствами для того, чтобы заслужить расположеніе и милости у короля [1]).

При *Людовикѣ XII* (1498—1515) организація Государственнаго Совѣта, данная ему Карломъ VIII, была только дополнена такимъ образомъ, что число совѣтниковъ было увеличено до 20, причемъ сохранено различіе между ординарными и экстраординарными членами совѣта. Въ большомъ совѣтѣ, поставленномъ ниже парламента [2]), не могъ засѣдать ни одинъ членъ Государственнаго Совѣта, и первому были присвоены тотъ же авторитетъ и прерогативы, какъ и другимъ суверенным судамъ [3]). Такое смѣшеніе судебной власти большаго совѣта съ аналогичными функціями другихъ суверенныхъ судовъ и особенно парламента ослабляло значеніе совѣта въ управленіи и увеличивало и безъ того сильную власть парламента, упорно отстаивавшаго присвоенное имъ себѣ окончательно въ XV столѣтіи право вмѣшиваться во все управленіе государствомъ. Подъ предлогомъ заботы о благѣ общества парламентъ сталъ требовать въ это время, чтобы всѣ законы и административныя распоряженія были доводимы до его свѣдѣнія, вносились въ его регистры прежде ихъ исполненія [4]). Король и его совѣтъ отказывали въ этой, ничѣмъ неоправдываемой, привиллегіи. Отсюда—цѣлый рядъ столкновеній между ними и парламен-

---

1) Dareste, I, 101—102 p., Louandre, 230 p. et suiv., 283 p. 2) Schaeffner, 415 s. 3) Pasquier, 79 p., Chéruel. 136 p., Vidaillan, 388 p. 4) Schaeffner, 401—402 s.

тами, тормозившихъ все управленіе и сильно подрывавшихъ авторитетъ королевской власти во Франціи.

Людовикъ XII не дѣлаетъ различія между большимъ совѣтомъ и собственно Государственнымъ Совѣтомъ, какъ это видно изъ того, что многія административныя дѣла разсматривались въ большомъ совѣтѣ [1]). Но Государственный Совѣтъ стоитъ при немъ во главѣ всего управленія и юстиціи и распоряжается всѣми суверенными судами и самимъ парламентомъ, который видитъ себя вынужденнымъ повиноваться совѣту, не смотря на свое сопротивленіе [2]). При *Франциск̆ѣ I* (1515—1547) королевская власть во Франціи дѣлается абсолютною въ полномъ смыслѣ этого слова; отъ нея зависятъ духовенство, дворянство и всѣ должностныя лица, судьбой которыхъ король распоряжается совершенно безконтрольно. „Tel est notre plaisir"—такова обыкновенная заключительная формула ордонансовъ Франциска I [3]). Государственными дѣлами при немъ начинаютъ завѣдывать государственные секретари, подѣлившіе между собою для управленія всю Францію и Европу [4]). При Францискѣ большой совѣтъ былъ соединенъ съ парламентомъ и Государственнымъ Совѣтомъ; этому новому высшему учрежденію должны были подчиняться всѣ суверенные суды. Отсюда произошло сильное скопленіе въ совѣтѣ судебныхъ дѣлъ и страшный безпорядокъ во всемъ управленіи [5]). „Тѣ члены совѣта, которые были знакомы съ финансами государства, не знали часто юстиціи, вслѣдствіе чего уменьшался въ совѣтѣ королевскій авторитетъ" [6]). Впрочемъ, изъ этого единаго совѣта выдѣляется Францискомъ его частный, тѣсный совѣтъ, который постоянно окружаетъ особу короля во дворцѣ и созывается имъ для рѣшенія различныхъ дѣлъ" [7]). *Генрихъ II*

---

1 и 2) Vidaillan, 391—407, 403 p. 3) Warnkönig, I, 510 s. 4) Chéruel, I, 146—147 p. 5) Pasquier, 79 p., Dareste, 66 p., Schaeffner, 326 s. 6) Tillet, 10—311 p. 7) Pasquier, 80 p., cp. Vidaillan, 429—430 p.

(1547—1549) при своемъ возшествіи на престолъ рѣшился немедленно преобразовать совѣтъ, устранить смѣшеніе въ немъ дѣлъ и уменьшить большое количество членовъ, изъ которыхъ „лица, отличающіяся наибольшимъ авторитетомъ, брали перевѣсъ надъ остальными при рѣшеніи дѣлъ“ [1]). Для избѣжанія этихъ неудобствъ совѣтъ долженъ былъ собираться два раза въ день: утромъ для обсужденія политическихъ дѣлъ и финансовыхъ вопросовъ и вечеромъ для выслушиванія донесеній государственныхъ секретарей. Многочисленный составъ совѣта мѣнялся, смотря по роду дѣлъ, которыя подлежали его рѣшенію [2]). Члены частнаго совѣта засѣдали въ парламентахъ и большомъ совѣтѣ [3]), полномочія котораго были сильно расширены Генрихомъ; maîtres des rêquêtes докладывали въ немъ по всѣмъ отраслямъ администраціи [4]), такъ что смѣшеніе функцій обоихъ совѣтовъ было полное. *Франциескъ II* (1559—1560) исключилъ изъ вѣдомства частнаго совѣта, гдѣ членами при немъ были принцы и знатные сеньоры, всѣ процессы и учредилъ conseillers des affairs для общаго управленія государствомъ [5]).

Въ малолѣтство *Карла IX* (1560—1574) феодальная аристократія сдѣлала новую и также безплодную попытку захватить власть въ свои руки: неоднократныя ея пораженія королевскою властью въ союзѣ съ третьимъ сословіемъ еще не обезоружили феодаловъ, которые, повидимому, не могли освоиться вполнѣ съ своимъ почетнымъ, но зависимымъ отъ короля положеніемъ въ государствѣ [6]). Властолюбивыя притязанія сеньоровъ встрѣтили и на этотъ разъ сильное противодѣйствіе со стороны представителей третьяго сословія въ États Gênêraux (1560), настаивавшихъ на непосредственномъ подчиненіи вассаловъ сеньоровъ королевской власти

1) Aucoc, 38 p. 2) Chéruel, I, 176 p., Aucoc, 39, 45 p., Dareste, 66—67 p., Warnkönig, 517 p., Vidaillan, II, 6 p. 3—4) Vidaillan, 28—29, 20—21 p. 5) Pasquier, 80 p. 6) Pico, II t., 261 p., Warnkönig, I, 553 s.

и энергично возставшихъ противъ исключительныхъ привилегій знати [1]). Въ собраніи Штатовъ (1561) было избрано въ совѣтъ извѣстное число лицъ отъ третьяго сословія [2]). Но совѣтъ остался въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ еще въ 1560 г. регентшей, Екатериной Медичи: въ немъ засѣдали принцы крови, кардиналы, высшіе сановники государства и прежніе члены совѣта [3]). Е. Медичи властно распоряжалась всѣмъ государствомъ и пользовалась помощью совѣта въ своемъ преслѣдованіи гугенотовъ [4]). Частный совѣтъ занимался общими государственными и частными дѣлами [5]). Число судебныхъ дѣлъ въ большомъ совѣтѣ сдѣлалось въ это время такъ велико, что депутаты третьяго сословія просили (въ 1560 г.) уничтожить исключительную юрисдикцію этого высшаго суда, какъ и другихъ суверенныхъ судовъ, и передать ихъ функцію обыкновеннымъ судамъ. Поэтому орлеанскій ордонансъ, редактированный знаменитымъ канцлеромъ Опиталемъ, ограничиваетъ юрисдикцію большаго совѣта тѣми дѣлами, которыя были ему указаны при первоначальномъ образованіи [6]). Е. Медичи управляла государствомъ и совѣтомъ и послѣ того, какъ Карлъ IX достигъ совершеннолѣтія [7]). Карлъ ограничилъ число членовъ частнаго совѣта 20-ю [8]), но число ихъ увеличилось скоро непомѣрно, благодаря тому, что назначеніе въ частный совѣтъ короля считалось особеннымъ отличіемъ [9]). Главную роль въ этомъ совѣтѣ играли conseillers des affaires [10]). Частный совѣтъ, однако, только выслушивалъ предложенія о разныхъ вопросахъ управленія, разсуждалъ о нихъ, но самъ не дѣлалъ самостоятельныхъ рѣшеній, не имѣлъ права толковать законы, а только напоминалъ о необходимости ихъ уваженія и исполненія [11]). Частный совѣтъ коро-

1—2) Pico, 262—276 p., Vidaillan, 64—65 p. 3) Pico, 72 p., Vidaillan, 56, 67 p. 4) Valois, 183—184 p., Vidaillan, II, 74 p. 5) Vidaillan, 56 p. 6) Vidaillan, II, 61 p. 7) Valois, 212 p. 8) Aucoc, 40 p. 9) Pasquier, 80 p. 10—11) Valois, 178, 199—200, 208 p.

ля ничего не выигрывалъ и оттого, что его члены имѣли совѣщательный голосъ въ парижскомъ парламентѣ [1]), который постоянно относился враждебно къ совѣту и старался всѣми мѣрами парализовать его дѣятельность [2]).

Частный совѣтъ короля *Генриха III* (1575—1589) отличается отъ Государственнаго Совѣта [3]), который вѣдаетъ финансовое и провинціальное управленіе [4]), между тѣмъ какъ частный совѣтъ занимается дѣлами юстиціи, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя принадлежатъ обыкновеннымъ судамъ [5]). Это опредѣленіе правъ различныхъ секцій совѣта оставляетъ въ сторонѣ однородную съ дѣятельностью частнаго совѣта функцію большаго совѣта. Слабость правительства, многочисленность состава всего совѣта и участіе его въ религіозныхъ волненіяхъ послужили причиной безпорядковъ и разстройства въ дѣятельности совѣта [6]). Въ числѣ его членовъ мы замѣчаемъ небольшое количество феодальныхъ сеньоровъ, которые окружали постоянно короля и надѣялись при безпрерывныхъ внутреннихъ раздорахъ снова вернуть потерянные феодальные лены и свою независимость отъ короны [7]). Интересы государства были такъ далеки отъ французскаго дворянства XVI столѣтія, что при *Генрихѣ IV* (1589—1610) извѣстный его министръ, Сюлли предложилъ назначить въ государственный совѣтъ нѣсколько человѣкъ изъ военной знати для того, чтобы развить въ ней наклонность къ занятіямъ публичными дѣлами [8]), тяжесть которыхъ дворянство желало свалить на буржуазію, оставляя за собой только высшія, почетныя и болѣе выгодныя мѣста въ управленіи [9]). Генрихъ отклонилъ предложеніе Сюлли, опасаясь „амбиціонныхъ происковъ и интригъ людей, виновныхъ въ

---

1) Pasquier, ibidem, Vidaillan, 62—63, 69 p. 2) Vidaillan, ibidem. 3) Valois 213 p., Chéruel, I, 226 p., Pasquier, ibidem. 4) Aucoc, 45 p. 5) Vidaillan, 85 p. 6) Valois, 214—218 p., Aucoc, 40 p., Chéruel, II, appendice, 348, 354 p. 7) Pico, III, 41—49 p. 8) Aucoc, 41 p. 9) Louandre, 269 p.

гражданскихъ смутахъ и лишенныхъ духа независимости, подчиненныхъ королевской власти" [1]). При Генрихѣ IV появляются рядомъ съ Государственнымъ Совѣтомъ новыя отдѣленія королевскаго совѣта: финансовый совѣтъ и отчетный совѣтъ, возникшіе по предложенію Генеральныхъ Штатовъ въ 1596 г., которые желали ввести контроль въ расходованіи государственныхъ доходовъ [2]). Вновь образованный также частный совѣтъ (conseil des parties) долженъ былъ разсматривать сомнительныя дѣла другихъ совѣтовъ [3]). Наконецъ, промышленный совѣтъ имѣлъ своей задачей развитіе въ странѣ промышленности [4]). Такое разнообразіе секцій совѣта при Генрихѣ IV указываетъ на сильное развитіе въ ту пору во Франціи дѣятельности королевской власти, давшей народу могущественное, умѣренное и счастливое управленіе [5]). Впрочемъ, Генрихъ предпочиталъ управлять государствомъ не столько съ помощью учрежденій, сколько отдѣльныхъ лицъ,— совѣтниковъ, опытныхъ въ управленіи и судѣ. Изъ числа этихъ королевскихъ совѣтниковъ выдавался административный и финансовый геній—Сюлли, руководившій всѣми дѣлами въ королевскомъ совѣтѣ—органѣ королевской власти [6]) и всемъ управленіи [7]).

Королевская власть во Франціи достигаетъ еще большей степени могущества и силы при *Людовикѣ XIII* (1610—1643), благодаря особенно тому обстоятельству, что во главѣ управленія при этомъ монархѣ стоитъ знаменитый кардиналъ *Ришелье.* Чтобы достигнуть подчиненія всего государства королевскому авторитету, Ришелье ввелъ въ управленіе административную централизацію и сдѣлалъ изъ Государственнаго Совѣта разсадникъ чиновниковъ, способныхъ

1) Pico, III, 320 p., Dareste, I, 67—68 p., Aucoc, ibidem. 2) Pico, III, 292 p., Vidaillan, II, 113 p. 3) Vidaillan, 114 p., Aucoc, 46—49 p. 4) Regnault, 112 p., Chéruel, I, 250 p. 5) Pico, 338 p., Vidaillan, 114—117 p. 6) Stein: „Vollzieende Gewalt", 189 s. 7) Chéruel, 348, 354 p., Valois, 224 p., Vidaillan, 118, 122 p.

скоро и безпрекословно выполнять въ провинціяхъ волю неограниченнаго монарха [1]). На пути къ этой цѣли Ришелье пришлось столкнуться съ традиціонными и властолюбивыми стремленіями французской аристократіи, которая не замедлила, по своему обычаю, воспользоваться малолѣтствомъ короля для того, что бызаявить о своемъ намѣреніи преобразовать государственное управленіе и королевскій совѣтъ въ своихъ интересахъ [2]). Выражая высокомѣрно свое полное презрѣніе къ буржуазіи, знать называетъ себя „правой рукой королевской юстиціи, поддержкой короны и непобѣдимой государственной силой“ [3]) и, ссылаясь на свою родовую честь, предъявляетъ королю на Генеральныхъ Штатахъ 1614 года и собраніи нотаблей въ 1627 году цѣлый рядъ требованій и жалобъ на свое унизительное положеніе въ государствѣ. Депутаты дворянства рисуютъ мрачными красками картину паденія всего сословія, его обѣднѣнія и систематическаго устраненія изъ администраціи, суда, финансоваго управленія и королевскаго совѣта. Дворянство хочетъ сохранить за собою монополію въ военной службѣ, занять всѣ придворныя должности, высшія и низшія, мѣста посланниковъ при иностранныхъ дворахъ и даже низшіе административные посты въ провинціяхъ. Оно требуетъ, чтобы однимъ дворянамъ было предоставлено право наполнить флотъ и финансовое вѣдомство. Дворяне желаютъ получить сразу всѣ титулы, должности и исключительно съ цѣлью обогащенія всего сословія и обезпеченія его привиллегированнаго положенія въ обществѣ: дворянство настаиваетъ на томъ, чтобы третьему сословію было запрещено пріобрѣтать дворянскія земли и чтобы были организованы учебныя заведенія, доступныя только лицамъ дворянскаго сословія [4]). Знать добивается настойчиво права быть одной около короля, подавать ему совѣты въ

1) Pico, IV, 164 p., Vidaillan, 145 p. et suiv., Chéruel, I, 286 p. 2) Vidaillan, 134—135 p. 3) Louandre, 269—270 p., 4) Pico, IV, 150—152 p.

дѣлахъ управленія, служить и защищать его. Она открито стремится къ тому, чтобы получить монополію на всѣ государственныя должности и лишить третье сословіе того вліянія на управленіе, которое принадлежало ему въ эту эпоху [1]). До самаго конца XVIII вѣка французское дворянство упорно стоитъ за сохраненіе своихъ феодальныхъ привиллегій и уклоняется отъ всякой общественной службы въ провинціяхъ, неприносящей большаго дохода [2]).

Противъ этихъ исключительныхъ, сословныхъ притязаній французскаго дворянства, которое готово было снова въ 1614 году вступить изъ за нихъ и изъ за своей политической независимости въ борьбу съ королевскою властью, Ришелье предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣвшихъ своею цѣлью поставить знатнѣйшихъ сеньоровъ въ невозможность вредить королевской власти и заставить ихъ подчиниться ея приказаніямъ въ интересахъ общаго блага. Съ этою цѣлью были немедленно подавлены вспыхнувшія было возстанія феодаловъ, запрещены дуэли между ними, разрушены многіе феодальные замки и вмѣсто губернаторовъ въ провинціяхъ, избираемыхъ среди высшаго дворянства, были назначены королевскіе интенданты, неуклонно и послѣдовательно проводившіе всюду централистическую политику Ришелье [3]). Такъ развитіе королевской власти во Франціи идетъ рука объ руку съ паденіемъ феодальныхъ институтовъ, политическихъ правъ знатныхъ сеньоровъ [4]), которые дѣлаются простыми куртизанами [5]) и теряютъ всякое вліяніе въ управленіи и королевскомъ совѣтѣ, ставшемъ послушнымъ орудіемъ монархическаго абсолютизма французскихъ королей. Поэтому организація совѣта составляла предметъ особенной заботливости Ришелье. Въ 1615 году появился регламентъ о но-

1) Pico, 276, 447—448 p. 2) Тэнъ: „Происхожденіе современной Франціи“, 27 и 43 стр. 3) Pico, IV, 161—163 p., Louandre, 225 p. 4) Pico, ibidem, 274 p. 5) Vidaillan, II, 145 p.

вой организаціи королевскаго совѣта [1]), за изданіемъ котораго вскорѣ (въ 1617 г.) послѣдовало собраніе нотаблей, гдѣ вопросъ объ устройствѣ совѣта обсуждался долго и обстоятельно. Министры Людовика XIII и нотабли рѣшительно отказались составить королевскій совѣтъ изъ однихъ принцевъ и высшихъ сановниковъ государства, не желая допускать господства аристократіи въ управленіи, опасность котораго была не разъ уже испытана во Франціи въ переходныя, критическія минуты политической ея исторіи. Нотабли указывали на необходимость избирать членовъ совѣта изъ различныхъ сословій и высшихъ должностныхъ лицъ государства, обсуждали правила внутренняго хода дѣлъ въ совѣтѣ и точнаго разграниченія его компетентности отъ круга дѣлъ парламента и другихъ суверенныхъ судовъ и, наконецъ, опредѣлили число секцій совѣта [2]).

Результатомъ работъ собранія нотаблей надъ организаціей совѣта и королевскихъ ордонансовъ 1627 и 1630 г.г., дополняющихъ регламентъ 1615 г., было образованіе совѣта, какъ центральнаго института въ управленіи, обладающаго извѣстными опредѣленными правами въ отличіе отъ парламента и другихъ высшихъ учрежденій въ государствѣ. До сихъ поръ совѣтъ былъ составленъ изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ: постоянныхъ членовъ совѣта и случайныхъ—принцевъ, членовъ парламента, епископовъ, посланниковъ, причемъ часто случайные члены занимали мѣсто въ совѣтѣ выше постоянныхъ его членовъ. Теперь всѣ члены совѣта были раздѣлены на три класса: ординарныхъ, засѣдавшихъ въ совѣтѣ круглый годъ, и семестральныхъ, одна часть которыхъ пребывала въ совѣтѣ полгода, а другая являлась туда только на четыре мѣсяца. Въ совѣтѣ же присутствуютъ maitres de rêquêtes съ совѣщательнымъ правомъ

---

1) Aucoc, 50 p. 2) Pico, III, 422—427 p.

голоса о тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ они докладываютъ. Дѣла, подлежавшія обсужденію совѣта, распредѣлялись между нѣсколькими его секціями, засѣдавшими въ опредѣленные дни недѣли. Первая секція называлась собственно государственнымъ совѣтомъ (conseil d'Etat), который занимался финансовыми вопросами и спеціально налогами. Другое отдѣленіе совѣта (conseil des finances) обсуждало также финансовыя дѣла, но только спорныя. Совѣтъ депешъ или дѣлъ (conseil dépêches ou des affaires) имѣлъ съ 1622 года два отдѣленія, въ которыхъ докладывались донесенія губернаторовъ провинцій и другихъ представителей центральной административной власти о дѣлахъ внутренней и внѣшней политики. Частный совѣтъ (conseil privè et des parties) разсматривалъ жалобы на рѣшенія суверенныхъ судовъ (evocations), разрѣшалъ дѣла о столкновеніяхъ между парламентами и устанавливалъ процессуальныя правила. Частный совѣтъ, въ свою очередь раздѣлялся на два отдѣленія: conseil de grande direction et petite direction. Въ первое вносились для рѣшенія спорныя финансовыя дѣла, во второмъ же разсматривались вопросы финансовой администраціи. Кромѣ всѣхъ этихъ совѣтовъ, былъ еще пятый—секретный совѣтъ или кабинетъ (conseil secret ou de cabinet), составленный изъ знатнѣйшихъ лицъ въ государствѣ для занятій особенно важными дѣлами. Наконецъ, необходимо еще упомянуть о коммерческомъ совѣтѣ и военномъ совѣтѣ; послѣдній состоялъ изъ принцевъ, маршаловъ и другихъ высшихъ военныхъ должностныхъ лицъ и завѣдывалъ военными дѣлами и высшимъ надзоромъ надъ состояніемъ финансовъ [1]). Рядомъ со всѣми этими совѣтами продолжалъ существовать и большой совѣтъ съ своей исключительной юрисдикціей, обширными правами относительно разрѣшенія многочисленныхъ спорныхъ случа-

1) Regnault, 157 p., Chéruel, I, 288—290 p., Aucoc, 50—52 p , Vidaillan, 126, 139 p., Pico, ibidem

евъ въ сферѣ суда и управленія [1]). Компетенція большаго и частнаго совѣта и порядокъ разрѣшенія дѣлъ въ нихъ были одинаковы [2]). Большая запутанность замѣчается также въ распредѣленіи дѣлъ и между остальными совѣтами. Такъ вообще финансовыми дѣлами занимались Государственный Совѣтъ, финансовый, частный и военный совѣты; спорные финансовые вопросы разрѣшались финансовымъ и частнымъ совѣтомъ. Сфера же вѣдомства секретнаго совѣта была совершенно неопредѣленна. Смѣшеніе функцій въ совѣтахъ и другихъ высшихъ учрежденіяхъ увеличивалось еще вслѣдствіе настойчивыхъ претензій парижскаго парламента „распоряжаться государственнымъ управленіемъ, требовать отчетовъ отъ административныхъ учрежденій и препятствовать исполненію королевскихъ ордонансовъ“ [3]). Такое хаотическое состояніе высшей администраціи при Людовикѣ XIII, сліяніе функцій, административныхъ и судебныхъ, въ разныхъ секціяхъ совѣта и парламентѣ вполнѣ опровергаютъ мнѣніе Regnault, что при этомъ монархѣ во Франціи было точно установлено въ высшемъ управленіи раздѣленіе между управленіемъ и судомъ [4]). Вѣрнѣе сказать, что въ это время были намѣчены и до нѣкоторой степени опредѣлены главныя отрасли управленія, которыми завѣдывалъ совѣтъ въ одной или нѣсколькихъ изъ своихъ секцій. Въ совѣтѣ Людовика XIII легисты и вообще свѣтскія лица преобладали надъ представителями дворянства и духовенства, къ которымъ королевская власть при явной ихъ оппозиціи ея развитію естественно не могла оказывать большаго довѣрія [5]).

Въ лицѣ *Людовика XIV* (1643—1715) королевская власть окончательно побѣдила всякое сопротивленіе ея могуществу въ государствѣ со стороны феодальной аристо-

---

1) Schaeffner, II, 416 s., Vidaillan, 125, 139 p. 2) Schaeffner, 328 s. 3) Vidaillan, II, 156—157 p. 4) Regnault, 110 p. 5) Aucoc, 41 p.

кратіи. Послѣдняя еще разъ попыталась въ малолѣтство короля возвратить себѣ самостоятельную роль въ управленіи. Но Фронда, — „этотъ послѣдній вздохъ феодальной оппозиціи королевской власти“ [1]) — пала, побѣжденная кардиналомъ Мазарини [2]), а вслѣдъ за этимъ произошло и полное подчиненіе аристократіи неограниченной власти Людовика XIV. Теперь во Франціи осталась одна только придворная знать, чуждая всякихъ политическихъ стремленій, и занятая лишь придворными интригами и безпрерывной борьбой изъ за королевскихъ милостей [3]). Главу Фронды, принца Конде съ его партизанами поддерживали парламенты, которые стремились сдѣлаться учрежденіями, независимыми отъ королевской власти и подчинить ея дѣятельность своему контролю. Во время регентства Анны Австрійской и Мазарини парижскій парламентъ соединился съ большимъ совѣтомъ и податной палатой и всѣ эти учрежденія заявили свое право преобразовать все управленіе государствомъ и упорно настаивали на немъ при всемъ сопротивленіи королевскаго совѣта и Мазарини [4]). Взошедши на престолъ, Людовикъ заставилъ парижскій парламентъ признать королевскій авторитетъ: парламентъ долженъ былъ самъ въ королевскомъ засѣданіи (lit de justice) внести въ свои регистры королевскій ордонансъ, запрещавшій ему „принимать участіе въ общихъ дѣлахъ государства, финансовомъ управленіи и предпринимать что-либо противъ тѣхъ, кому довѣрена королемъ вся администрація государствомъ“ [5]). При Людовикѣ XIV совѣтъ получилъ окончательную организацію, основаніемъ которой послужило его устройство при Людовикѣ XIII. Людовикъ XIV провозглашаетъ высшій авторитетъ въ управленіи королевскаго совѣта, который получаетъ право верховнаго надзора

---

1) Chéruel, II t., 21 p. 2) Vidaillan, II, 181 p., Chéruel, 41 p. 3) Louandre, 225—226, 236 p. 4) Vidaillan, 168—173 p., Chéruel, ibidem. 5) Vidaillan, 178 p.

надъ ходомъ всей администраціи и суда въ королевствѣ [1]). Ордонансами 1644, 1656 и особенно 1673 годовъ были опредѣлены точно и подробно составъ государственнаго совѣта, его компетентность и весь ходъ въ немъ дѣлъ. Совѣтъ состоитъ изъ министровъ, высшихъ государственныхъ сановниковъ, ординарныхъ членовъ, семестровыхъ государственныхъ секретарей, интендантовъ и докладчиковъ (maîtres des rêquêtes) и не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла другихъ высшихъ административныхъ учрежденій (1 и 76 article ordon. 1673 г.) [2]). Людовикъ XIV систематически устранялъ отъ управленія и участія въ совѣтѣ родовитую знать, съ которой онъ „не желалъ раздѣлять власть и возбуждать въ ней напрасныя надежды на самостоятельную роль въ государствѣ" [3]). Въ числѣ членовъ Государственнаго Совѣта были при Людовикѣ три министра и между ними знаменитый Кольберъ. Государственный Совѣтъ, называемый также совѣтомъ для иностранныхъ дѣлъ и высшимъ совѣтомъ, завѣдывалъ военными дѣлами, иностранной политикой и разрѣшеніемъ столкновеній между главными администраторами. Рядомъ съ Государственнымъ Совѣтомъ существовали: совѣтъ депешъ, въ которомъ разбирались финансовыя дѣла и вообще дѣла внутренняго управленія, финансовый совѣтъ въ двухъ отдѣленіяхъ, которому было поручено управленіе королевскими доменами, частный совѣтъ, разсматривавшій многочисленныя спорныя судебныя дѣла въ апелляціонной и кассаціонной инстанціи, коммерческій совѣтъ, военный и большой совѣтъ съ его прежней исключительной юрисдикціей. При Людовикѣ же XIV возникли: совѣтъ для управленія флотомъ (conseil de marine), суверенный совѣтъ въ Эльзасѣ, присоединенномъ къ Франціи по Вестфальскому

---

1) Vidaillan, 184, 189 p., Chéruel, I, 349, II, 119 p., Laferrière, 181—182 p. 2) Vidaillan, 194—205 p., Warnkönig, I, 519 s. 3) Chéruel, II, 117—118 p.

миру, совѣтъ для обсужденія дѣлъ о морскихъ призахъ (conseil des prises), совѣтъ по религіознымъ дѣламъ (conseil de conscience)[1]. Изъ всѣхъ этихъ совѣтовъ, въ которыхъ, очевидно, сосредоточивались главныя функціи управленія, особенно важнымъ значеніемъ пользовался Государственный Совѣтъ, представлявшій собою высшее административное учрежденіе въ государствѣ. Частный совѣтъ былъ центромъ внутренняго управленія; въ немъ собирались члены всѣхъ секцій совѣта, и положеніе ихъ здѣсь опредѣляло всѣ взаимныя отношенія членовъ совѣта, ихъ рангъ и роль каждаго изъ нихъ въ отдѣльныхъ секціяхъ совѣта[2]. Выдающееся значеніе частнаго совѣта среди другихъ совѣтовъ было результатомъ сильнѣйшаго развитія въ странѣ центральной администраціи, которая присвоила себѣ право подчинять своему контролю дѣятельность всѣхъ обыкновенныхъ и высшихъ суверенныхъ судовъ (ordon. 1661 г.) и разрѣшать всѣ столкновенія между правами государства и частныхъ лицъ[3]. Поэтому частный совѣтъ разбиралъ въ послѣдней инстанціи всѣ спорныя дѣла, относящіяся „къ охраненію законовъ, исполненію ордонансовъ и судебному порядку, установленному королемъ“[4]. Такимъ образомъ „частный совѣтъ, контролируемый единственно несмѣняемыми и склонными къ произволу парламентами, вѣрно отражалъ въ своихъ рѣшеніяхъ абсолютизмъ королевской власти“[5]. Министры сами рѣшали въ совѣтѣ монарха спорныя дѣла съ неизбѣжнымъ пристрастіемъ, противорѣчащимъ хладнокровію, необходимому для судьи[6]. Въ частномъ совѣтѣ судъ соединялся съ законодательствомъ и управленіемъ[7].

---

1) Regnault, 157—160 p., Aucoc, 52-58 p., Dareste, I, 68—69 p, Chéruel, I, 319, II, 50 p., Vidaillan, 180—181, 189, 223—224, 229—230, 237—238 p., Schaeffner, II, 326—328 s. 2) Aucoc, 57 p., Dareste, Schaeffner, ibidem. 3) Stein: „Vollz. Gewalt“, 190 s. 4) Aucoc, 57—58 p. 5) Regnault, 112-113 p. 6—7) Montesquieu: „De l'Esprit des loix“, livr. VI, chap. VI et livr. XI, chap. VI.

Не смотря на большое количество и разнообразіе совѣтовъ при Людовикѣ XIV, въ нихъ не вошли нѣкоторыя отрасли управленія и текущія дѣла, которыя поручались отдѣльнымъ государственнымъ секретарямъ, бывшимъ въ тоже время и членами различныхъ секцій совѣта. Maîtres des rêquêtes участвовали также во всѣхъ отдѣленіяхъ совѣта и парламентѣ [1]). Они были непосредственными агентами королевской власти и входили во всѣ детали управленія [2]). Секціи совѣта не имѣли характера совѣтовъ при отдѣльныхъ министрахъ, которые сами были только ихъ членами: въ отдѣленіяхъ совѣта редактировались законодательные акты, разрѣшались вопросы высшей администраціи и административной юрисдикціи для всего королевства [3]). Въ продолжительное царствованіе Людовика XIV королевскій совѣтъ, вліяніе котораго на управленіе становится особенно замѣтнымъ еще со времени Генриха IV, проявилъ необыкновенную дѣятельность во всѣхъ сферахъ управленія. Такъ при прямомъ содѣйствіи совѣта былъ преобразованъ судебный процессъ (1667 г.), издано нѣсколько кодексовъ: уголовный (1669—70), коммерческій (1673) и морской (1681 г.) и были произведены многочисленныя экономическія и соціальныя реформы. Совѣтъ упорядочилъ финансовую часть въ управленіи, заботился о развитіи земледѣлія и промышленности и наблюдалъ надъ дѣятельностью интендантовъ, въ рукахъ которыхъ находилось все провинціальное управленіе. Наконецъ, совѣтъ же разсматривалъ конфликты между парламентомъ и секціями совѣта: conseil des dêpêches и conseil des finances по административнымъ и финансовымъ дѣламъ и разрѣшалъ всѣ столкновенія между органами судебной и административной власти и отдѣльными лицами и администраціей [4]).

---

1) Schaeffner, II, 329 s., Warnkönig, 521—523 s. 2) Chéruel, II, 121 p. 3) Aucoc, 56 p. 4) Vidaillan, II, 178 p. et suiv., 188 p. et suiv., 206, 213, 223, 235—240 p., Aucoc, 80—84 p.

Всѣ эти обширныя и разнообразныя функціи управленія распредѣлялись по разнымъ секціямъ совѣта безъ всякой почти системы, такъ что въ этомъ отношеніи совѣтъ Людовика XIV мало отличается отъ совѣта Людовика XIII. Однѣ и тѣже задачи управленія разрѣшались въ различныхъ отдѣленіяхъ совѣта. Финансами занимался conseil des dépêches и conseil des finances; внутреннимъ управленіемъ—conseil d'Etat и опять conseil des dépêches. Военныя дѣла входили и въ военный совѣтъ, и въ Государственный. Административная же юрисдикція составляла предметъ вѣдомства даже трехъ отдѣленій совѣта: Государственнаго, частнаго и большаго совѣта. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить однородныя отрасли управленія въ одной секціи совѣта, часто онѣ поручались въ завѣдываніе нѣсколькимъ отдѣльнымъ совѣтамъ. Такъ развитіе торговли относилось къ компетенціи коммерческаго совѣта, морскія дѣла—призоваго совѣта, религіозныя—conseil de conscience. И надъ всѣми этими многочисленными совѣтами, ничѣмъ между собою несвязанными, стоялъ фактически частный совѣтъ, компетентность котораго была гораздо незначительнѣе, нежели сфера вѣдомства собственнаго Государственнаго Совѣта (conseil d'État), гдѣ обсуждались важнѣйшія государственныя дѣла.

При *Людовикѣ XV* (1715—1774) и *Людовикѣ XVI* (1774—1791) организація совѣта сохранилась почти въ томъ же видѣ, какъ и при ихъ предшественникахъ. Въ послѣднія два царствованія XVIII вѣка были сдѣланы лишь нѣкоторыя дополненія въ совѣтѣ Людовика XIV. Такъ при регентѣ, герцогѣ Филиппѣ Орлеанскомъ было организовано (въ 1715 г.) вмѣсто Государственнаго Совѣта два новыхъ: совѣтъ для внутреннихъ дѣлъ королевства и—для иностранныхъ сношеній государства. Всѣ остальныя секціи совѣта остались въ прежнемъ числѣ и видѣ. Но регентъ не замедлилъ убѣдиться въ неудобствахъ для государственнаго управ-

ленія отъ такого большаго числа совѣтовъ, которые „болѣе разсуждали, чѣмъ рѣшали, постоянно ссорились между собою и стремились только къ тому, чтобы вытѣснить другъ друга изъ управленія, а не идти согласно по направленію къ одной и той же цѣли" [1]). Поэтому были уничтожены финансовый, морской и коммерческій совѣты и вмѣсто нихъ учреждены совѣщательныя коммиссіи при совѣтѣ. Особенно былъ важенъ для упорядоченія дѣлъ административной юрисдикціи въ совѣтахъ: государственномъ, большомъ и частномъ регламентъ 1738 г. о порядкѣ дѣлопроизводства въ спорныхъ судебныхъ дѣлахъ. Этимъ регламентомъ дѣятельности совѣта въ этой области управленія былъ приданъ характеръ правильности и законности [2]). Составъ большаго совѣта былъ увеличенъ, опредѣлены точно его права и его юрисдикція сдѣлалась даровою. При столкновеніи правительства съ парижскимъ парламентомъ, когда послѣдній пріостановилъ свои засѣданія, большой совѣтъ былъ превращенъ (въ 1771 г.) въ парламентъ [3]). Вскорѣ, однако, большой совѣтъ былъ возстановленъ въ прежнемъ его видѣ и остался съ своимъ прежнимъ значеніемъ до конца царствованія Людовика XVI. Въ 1787 году былъ снова образованъ conseil royal des finances et du commerce, составленный изъ высшихъ сановниковъ государства. Наконецъ, въ 1789 году слились въ одно учрежденіе Государственнаго Совѣта главныя его секціи: conseil d'État, conseil des dêpêches et conseil des finances et du commerce. Въ компетентность такъ образованнаго совѣта вошли: назначенія на всѣ государственныя должности, магистратура, иностранныя дѣла, война, флотъ, финансы и управленіе королевскимъ дворцомъ [4]).

Такимъ образомъ, наканунѣ революціи и, послѣдовав-

1) Vidaillan, 272 p. 2) Stein, ibidem, Vidaillan, 288—289 p., Regnault, 160 p. 3) Vidaillan, 321, 328 p. 4) Aucoc, 85—86 p., Vidaillan, 338, 366, 382—383 p.

шаго за нею, паденія королевской власти во Франціи во главѣ всего управленія страной стоялъ, какъ высшій и непосредственный органъ этой власти, Государственный Совѣтъ, раздѣленный на пять секцій: иностранныхъ дѣлъ, депешъ, финансовъ, коммерціи и частный совѣтъ съ большимъ числомъ всякаго рода коммиссій при отдѣльныхъ секціяхъ, ординарныхъ и экстраординарныхъ. Совѣтъ обладалъ высшими правами власти: правомъ законодательства, управленія и суда [1]). Государственный Совѣтъ отражалъ на себѣ то полное смѣшеніе, которое господствовало во всей французской администраціи предъ 1789 годомъ. Онъ принималъ участіе во всѣхъ отрасляхъ администраціи, центральной и мѣстной, и въ сферѣ юстиціи конкуррировалъ съ большимъ совѣтомъ, податной счетной палатой и особенно парламентами, которые обезсиливали совѣтъ своей постоянной и систематической оппозиціей противъ всѣхъ актовъ его дѣятельности [2]). „Государственный Совѣтъ былъ вмѣстѣ: верховный судъ, высшій административный трибуналъ, правительственный совѣтъ, проэктирующій и обсуждающій большую часть законовъ, назначающій и распредѣляющій налоги и, наконецъ, высшій административный совѣтъ, устанавливающій общія правила для руководства въ дѣятельности агентовъ правительства“ [3]). Власть и высшее, руководящее значеніе совѣта въ центральномъ управленіи постепенно падаетъ вмѣстѣ съ ослабленіемъ королевской власти. Законы 1789 г. (15—20 октября) и 1790 г. (6—11 сентября) отнимаютъ у королевскаго совѣта право издавать самостоятельныя рѣшенія и подчиняютъ его административную юрисдикцію рѣшенію директоровъ департаментовъ. Въ 1890 году (27 ноября—1 дек.)

---

1) Aucoc, 80—84 p., Ducrocq: „Cours de droit administratif“, Paris, 1874, I t., 46 p., Laferrière, 181—182 p., Vidaillan, 397 p. 2) Vivien: „Etudes administratives“, Paris, 1852, I t., 89—90 p. 3) Токвиль: „Старый порядокъ и революція“, Спб., 1861, 35 стр.

былъ уничтоженъ частный совѣтъ и дѣла его были переданы кассаціонному трибуналу. Наконецъ, по закону 1791 г. (27 апрѣля) Государственный Совѣтъ былъ слитъ съ совѣтомъ министровъ, въ которомъ король былъ предсѣдателемъ. Этотъ новый совѣтъ долженъ былъ разсматривать иностранныя и военныя дѣла, устранять затрудненія въ исполненіи рѣшеній административныхъ учрежденій, разсуждать о способахъ уничтоженія неправильныхъ ихъ актовъ и разрѣшать вопросы о компетентности министерствъ и департаментовъ. Совѣтъ министровъ могъ давать свое согласіе или отказывать въ немъ по отношенію къ декретамъ законодательнаго корпуса. Государственные секретари и maîtres de rêquêtes были уничтожены въ совѣтѣ [1]). При директоріи совѣтъ министровъ совершенно исчезаетъ, такъ какъ по 151 статьѣ конституціи 1795 г. „министры не составляютъ совѣта" [2]).

Основаніемъ конституціи 13 дек. 1799 года (22 фримера VIII г. республики) былъ проэктъ, составленный знаменитымъ аббатомъ Сіесомъ. Исходя изъ того принципа, что „власть идетъ сверху, а довѣріе снизу", Сіесъ думалъ организовать всѣ правительственныя учрежденія и должности посредствомъ сложной системы выборовъ (сначала по спискамъ общиннымъ, потомъ департаментскимъ и, наконецъ, національнымъ спискамъ выборныхъ). Центральная власть должна была раздѣляться между законодательнымъ корпусомъ, трибунатомъ и государственнымъ совѣтомъ. Послѣдній былъ поставленъ возлѣ правительства для составленія законовъ, проэкты которыхъ онъ представлялъ законодательному корпусу и посредствомъ трехъ своихъ членовъ защищалъ ихъ предъ трибунатомъ, если послѣдній отвергалъ новый законъ. Кромѣ того, государственный совѣтъ

---

1) Aucoc, 87 -88 p., Regnault, 113 p., Blanche-Ymbert: „Dictionnaire général d'administration", Paris, 1884, 597 p., Maurice Block: „Dictionnaire de l'administration française", Paris, 1877, 584 p., 2) Dufau, I, 162 p.

долженъ былъ пополнять законы инструкціями и правилами, необходимыми для ихъ исполненія. Законодательный корпусъ имѣлъ право только принимать или отвергать законопроэкты, предложенные государственнымъ совѣтомъ. Выше всѣхъ этихъ учрежденій стоялъ сенатъ, который былъ уполномоченъ уничтожать всякій законъ, который казался ему противнымъ конституціи. Сенатъ имѣлъ еще право избирать членовъ всѣхъ законодательныхъ собраній и своихъ собственныхъ изъ народныхъ списковъ выборныхъ и могъ еще „поглощать" (absorber) всякаго избирателя и гражданина, вреднаго республикѣ,—избирать его въ сенаторы. Главою исполнительной власти являлся „Великій Избиратель", котораго самого избиралъ сенатъ. Великій Избиратель долженъ былъ представлять государство въ внѣшнихъ сношеніяхъ и подписывать международные трактаты. Его именемъ совершается правосудіе въ странѣ, обнародуются законы и приводятся въ исполненіе административныя распоряженія. Великій Избиратель назначаетъ двухъ высшихъ послѣ себя агентовъ исполнительной власти: консула мира и—войны, которые, въ свою очередь, назначаютъ министровъ. Эти послѣдніе, наконецъ, избираютъ изъ выборныхъ списковъ другія власти и съ ихъ помощью ведутъ всѣ государственныя дѣла [1]).

Сійесъ желалъ соединить въ конституціи всѣ главные элементы политическаго быта, всѣ три главныя формы правленія (монархію, аристократію и демократію) и въ тоже время уничтожить возможность злоупотребленій властью цѣлымъ рядомъ предосторожностей. Съ этою цѣлью Сійесъ передалъ все государственное управленіе цѣлой группѣ учрежденій, представлявшихъ собою страшно сложный механизмъ, въ которомъ народъ превращался въ безсвязную толпу ав-

---

1) А. Тьеръ: „Исторія консульства и имперіи во Франціи", Спб, переводъ Конк. 1840, 1-я кн., 51—59 стр, Weber, XIV В., 82--83 s.

томатовъ, а сами правительственныя учрежденія не имѣли никакой власти. Каждая изъ главныхъ ея функцій была раздѣлена между нѣсколькими учрежденіями, изъ которыхъ одни мѣшали другимъ въ проявленіи всякой самостоятельности. Такъ составленіе законовъ было довѣрено государственному совѣту, трибунату и законодательному корпусу. Но первый только предлагалъ законы, второй лишь обсуждалъ ихъ, а третій молчаливо рѣшалъ, принять законопроэктъ или отвергнуть его. Самъ сенатъ не принималъ никакого участія въ законодательствѣ, ограничиваясь только уничтоженіемъ законовъ, противныхъ конституціи. Но въ тоже время сенатъ назначалъ главу исполнительной власти и, въ случаѣ нужды, „поглощалъ“ его. Исполнительная власть, въ свою очередь, ослаблялась раздѣленіемъ ея между Великимъ Избирателемъ, консулами, министрами и другими должностными лицами. Великій Избиратель былъ избирательнымъ королемъ, окруженнымъ внѣшнимъ и пышнымъ блескомъ высшаго представителя власти въ странѣ, но лишеннымъ дѣйствительнаго вліянія на управленіе. Въ этой системѣ зависящихъ и взаимно ограничивающихъ другъ друга учрежденій сенатъ долженъ былъ получить рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми другими учрежденіями при первомъ же опытѣ осуществленія законопроэкта. Сенатъ сталъ бы по своему произволу назначать Великаго Избирателя и членовъ всѣхъ высшихъ государственныхъ учрежденій, „поглощая“ ихъ въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія его власти. Въ концѣ концовъ сенатъ превратился бы въ родъ венеціанской аристократіи, которая и послужила Сійесу при составленіи его конституціоннаго проэкта [1]).

Конституція Сійеса, на которой видны слѣды несомнѣн-

---

1) Тьеръ, ibidem, 62—63 с. Мы изложили подробно законопроэктъ Сійеса потому, что взгляды Сійеса отразились на „Государственномъ Уложеніи“ графа Сперанскаго, съ которымъ намъ придется имѣть дѣло впослѣдствіи.

наго вліянія на автора теоріи раздѣленія властей Монтескье и англійской конституціи, была принята въ особой законодательной коммиссіи въ томъ, что касается составленія разнаго рода списковъ чиновниковъ и раздѣленія законодательной власти между тремя учрежденіями: государственнымъ совѣтомъ, трибунатомъ и законодательнымъ корпусомъ. Существенныя измѣненія въ законопроэктѣ Сійеса были сдѣланы въ организаціи исполнительной власти,—правъ сената и совѣта. Вмѣсто Великаго Избирателя, котораго генералъ Бонапарте назвалъ „безкровною тѣнью короля-тунеядца", исполнительная власть была вручена тремъ консуламъ, изъ которыхъ первый (Наполеонъ) былъ надѣленъ важнѣйшими правами власти и, между прочимъ, правомъ назначать и отрѣшать отъ должности членовъ государственнаго совѣта, который сдѣлался частью исполнительной власти (41 ст. конституціи 1799 г.)[1]). Сенатъ могъ избирать своихъ членовъ только изъ числа трехъ кандидатовъ, предложенныхъ консуломъ, законодательнымъ корпусомъ и трибунатомъ (16 ст.). Сенатъ могъ уничтожать всѣ акты, противные конституціи, хотя и предложенные ему трибунатомъ и администраціей (21 ст.)[2]). По 52 ст. конституціи „Государственный Совѣтъ былъ обязанъ составлять проэкты законовъ и регламентовъ публичной администраціи и разрѣшать въ ней затрудненія". 53 статья опредѣляетъ, что три члена совѣта должны защищать предъ законодательнымъ корпусомъ отъ имени правительства проэкты законовъ. 75 статья предоставила государственному совѣту право рѣшать вопросы о возбужденіи отвѣтственности предъ обыкновенными судами всѣхъ агентовъ управленія, начиная съ министровъ[3]). 4 нивоза VIII года республики государственный совѣтъ былъ раздѣленъ на пять секцій: законодательства, гражданскаго и

1, 2 и 3) Dufau, I, 190, 188, 191 и 191 p.

уголовнаго, войны, флота и внутреннихъ дѣлъ. Въ каждой изъ этихъ секцій составлялись проэкты законовъ и регламенты, относящіеся къ ихъ компетенціи. Послѣ ихъ составленія въ отдѣленіяхъ совѣта всѣ его члены собирались для окончательнаго редактированія законопроэктовъ и регламентовъ въ одно общее собраніе, въ которомъ предсѣдательствовалъ первый консулъ. Совѣтъ былъ составленъ консульскимъ распоряженіемъ 5—6 нивоза VIII года изъ 30—40 членовъ и ему было предписано представлять и защищать проэкты законовъ, кромѣ законодательнаго корпуса, еще и предъ трибунатомъ. Государственный Совѣтъ обязанъ былъ разъяснять смыслъ законовъ, если законопроэктъ былъ возвращенъ ему обратно консулами, и разрѣшать споры между администраціей и судами, а также всѣ вопросы административной юстиціи, разсмотрѣнные предварительно министрами. 7 фруктидора VIII г. члены совѣта были раздѣлены на двѣ категоріи: ординарныхъ и экстраординарныхъ членовъ. Званіе экстраординарнаго государственнаго совѣтника было только титуломъ, который не обязывалъ его участвовать въ обсужденіи дѣлъ въ совѣтѣ. Между ординарными его членами было нѣсколько лицъ, занимавшихъ высокіе посты въ управленіи, въ разныхъ спеціальныхъ его отрасляхъ, на которыя было обращено особенное вниманіе правительства (въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія, государственномъ казначействѣ и др.). Такіе члены совѣта не участвовали въ работахъ секцій совѣта; нѣкоторые же изъ нихъ не были причислены ни къ одной изъ его секцій. Senatusconsult'омъ 18 фруктидора X года (1802 г.) было дано министрамъ, обладавшимъ совѣщательнымъ голосомъ въ совѣтѣ, право вотированія при рѣшеніи дѣлъ въ совѣтѣ. Въ томъ же году компетенція совѣта по закону 18 жерминаля была расширена тѣмъ, что ему было поручено разбирать жалобы о злоупотребленіяхъ въ сферѣ церковнаго управленія. Органи-

ческимъ senatusconsult'омъ того же года (18 термидора) было увеличено число государственныхъ секретарей и членовъ совѣта. 19 жерминаля XI года республики (1803 г.) къ ординарнымъ членамъ совѣта были присоединены въ качествѣ ихъ помощниковъ аудиторы, которые должны были служить связью между министрами и членами совѣта и пріучаться въ немъ къ веденію важнѣйшихъ дѣлъ [1]).

Такимъ образомъ, во время консульства во Франціи Государственный Совѣтъ представлялъ собою высшее правительственное учрежденіе въ государствѣ, причисленное къ исполнительной власти и надѣленное обширными правами въ области собственно администраціи и ея отношенія къ суду и гражданамъ и въ сферѣ законодательства. На Государственномъ Совѣтѣ лежала обязанность иниціативы и редакціи законовъ, представленіе и защита ихъ предъ законодательнымъ корпусомъ и трибунатомъ, интерпретація прежнихъ законовъ, получающая силу новыхъ законовъ послѣ ея утвержденія главой государства, и обсужденіе важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ внутренняго и внѣшняго управленія [2]). Такъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ эпоху консульства были разрѣшены многіе вопросы по церковному и финансовому управленію, публичному воспитанію и разсмотрѣны проэкты разныхъ трактатовъ съ различными иностранными государствами [3]). Члены совѣта пользовались высшимъ вліяніемъ въ управленіи по сравненію съ сенаторами. Государственный Совѣтъ стоялъ надъ отдѣльными министрами, которые должны были подчиняться его постановленіямъ въ силу рѣшенія большинства членовъ совѣта [4]). Значеніе Государственнаго Совѣта въ управленіи государствомъ уве-

---

1) Aucoc, 89—93 p., Regnault, 56—60 p., Laferrière, 182—183 p., Dufau, 205, 67 и 69 p., Stein, 191 s., Тьеръ, 2-я кн., 87 с. 2) Regnault, 118 p., Aucoc, 90 p., Тьеръ, 2-я кн., 88 с. 3) Regnault, 114—121 p. 4) Laferrière, 184 p., Pradier-Foedéré, 476 p.

личилось еще болѣе, когда въ 1804 году была возстановлена во Франціи монархическая власть,—появилась первая имперія съ Наполеономъ I во главѣ. Въ силу органическаго senatusconsult'a 28 флореаля XII г. (18 мая 1804 г.), довѣрившаго управленіе республикой императору французовъ, Наполеону Бонапарте, Государственный Совѣтъ былъ раздѣленъ на шесть секцій: законодательную секцію, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, войны, флота и коммерціи. Совѣтъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ императора изъ важнѣйшихъ сановниковъ государства: великаго избирателя, архиканцлера имперіи, государственнаго архиканцлера, архиказначея, коннетабля, великаго адмирала и ординарныхъ и экстраординарныхъ членовъ совѣта. Каждый изъ высшихъ сановниковъ—членовъ совѣта—имѣетъ свои особенныя обязанности. Такъ великій избиратель долженъ былъ присутствовать при присягѣ и аудіенціяхъ у императора членовъ всѣхъ высшихъ правительственныхъ учрежденій, предсѣдательствуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ сенатѣ и проч. Архиканцлеръ имперіи и архиказначей предсѣдательствуютъ въ соединенныхъ секціяхъ Государственнаго Совѣта, смотря по роду дѣлъ и проч.[1]). Членъ совѣта, имя котораго было вносимо въ списки ординарныхъ членовъ совѣта въ продолженіи пяти лѣтъ, дѣлался пожизненнымъ его членомъ. Если кого-либо изъ членовъ совѣта, ординарныхъ или экстраординарныхъ, не окажется на листѣ членовъ Государственнаго Совѣта, то такой членъ считается отставнымъ, но сохраняетъ за собою $^1/_3$ содержанія, присвоеннаго членамъ совѣта. Титулъ и права членовъ Государственнаго Совѣта могутъ быть отняты только по рѣшенію высшаго имперскаго суда, приговорившаго виновнаго къ тѣлесному или по-

---

1) Senatusconsulte organique 28 floreal an 12, articles: 76, 36, 37, 39, 40, 42, 75, 77 и 95 (Dufau, I, 214—224 p.).

зорному наказанію (77 art.). При разсмотрѣніи проэктовъ закона или регламентовъ публичной администраціи обязательно присутствіе $^2/_3$ ординарныхъ членовъ совѣта. Въ обыкновенныхъ же его засѣданіяхъ должно быть не менѣе 25 членовъ (75 art.). Въ 1804 году былъ организованъ высшій судебный трибуналъ, въ которомъ участвовали 6 президентовъ секцій совѣта и 14 его членовъ; въ компетентность этого суда входило принятіе мѣръ для охраненія безопасности личности императора и всѣхъ гражданъ въ государствѣ, разсмотрѣніе произвольныхъ актовъ дѣятельности министровъ и ихъ агентовъ и обсужденіе дѣлъ о преступленіяхъ членовъ императорской фамиліи и высшихъ государственныхъ сановниковъ [1]).

Декретомъ 11 іюня 1806 года Государственному Совѣту были поручены дѣла высшей административной полиціи; въ совѣтѣ въ присутствіи императора долженъ былъ быть изслѣдуемъ образъ дѣйствій органовъ власти. Государственный Совѣтъ могъ призвать обвиняемаго въ свое засѣданіе, разспросить его и назначить, въ случаѣ виновности, съ одобренія императора то или другое дисциплинарное наказаніе или даже исключить его изъ государственной службы. Въ совѣтѣ былъ снова возстановленъ институтъ maîtres de rêquêtes, функція которыхъ была совмѣстна съ обязанностями по другимъ должностямъ, имъ довѣреннымъ (4, 10 art.). Maîtres des rêquêtes обладали правомъ доклада въ совѣтѣ по дѣламъ административной юстиціи (32 art.). Шесть maîtres des rêquêtes съ такимъ же числомъ аудиторовъ составляли при совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи коммиссію, которая должна была приготовлять донесенія совѣту обо всѣхъ дѣлахъ административной юстиціи Государственный Совѣтъ постановляетъ свои рѣшенія по этимъ дѣламъ по докладу

---

1) Dufau, I t., 210, 214—216, 222—224 p

министра или просьбѣ заинтересованныхъ сторонъ (24 и 25 art.). Аудиторы могли присутствовать въ засѣданіяхъ совѣта не ранѣе двухъ лѣтъ со времени своего назначенія и послѣ того, какъ они доказали свою ревность къ службѣ (12 art.). По декрету 15 апр. 1806 года аудиторы имѣли право принимать въ императорскомъ дворцѣ прошенія на имя императора, которому они докладывали объ ихъ содержаніи на другой день. Но эта прерогатива аудиторовъ была скоро уничтожена вслѣдствіе развившихся злоупотребленій. Для пріема просьбъ 20 сент. 1806 года была учреждена при совѣтѣ коммиссія прошеній, составленная изъ двухъ членовъ совѣта, 4-хъ maitres des rêquêtes и 2-хъ аудиторовъ. Эта коммиссія выслушивала просителей въ Тюльери и послѣ окончанія своего засѣданія во дворцѣ возвращалась въ Государственный Совѣтъ, гдѣ и приступала къ разсмотрѣнію поданныхъ прошеній. Императорскимъ регламентомъ 11 сент. 1808 года совѣтъ былъ поставленъ рядомъ съ сенатомъ и впереди, осужденнаго на молчаніе, безгласнаго законодательнаго корпуса [1]). Скоро, однако, Государственный Совѣтъ занялъ первое мѣсто и предъ трибунатомъ и сдѣлался центромъ законодательной власти, регуляторомъ всей дѣйствующей администраціи, верховнымъ судьею въ дѣлахъ административной юстиціи и контролеромъ и цензоромъ поведенія всѣхъ должностныхъ лицъ. Однимъ словомъ, Государственный Совѣтъ въ эпоху консульства и особенно первой имперіи соединялъ въ себѣ всѣ обширныя права прежняго королевскаго совѣта (Conseil d'État et Grand Conseil), исключая судебныхъ его функцій, переданныхъ высшему кассаціонному суду [2]). Отъ Государственнаго совѣта были отняты также первымъ консуломъ дѣла о сношеніяхъ съ

---

1) Laferriérre, 183 p., Regnault, 61—65 p., Aucoc, 93 p., Blanche-Ymbert, 598 p. 2) Regnault, 65—67 p., Bluntschli: „Allgemeine Staatsrecht", IV Auflage, II B., 167 s., примѣч.

иностранными государствами, которыя въ виду необходимости сохраненія государственной тайны были довѣрены имъ частному совѣту [1]). Членами этого совѣта при имперіи были высшіе сановники государства, которые засѣдали и въ Государственномъ Совѣтѣ [2]).

Государственный Совѣтъ былъ составленъ изъ лицъ, избранныхъ первымъ консуломъ Бонапарте, а потомъ императоромъ Наполеономъ изъ числа выдающихся юристовъ и знаменитыхъ политическихъ дѣятелей, гражданскихъ и военныхъ (Portalis, Cambacérès, Tronchet, Henrion de Pensey, de Gerando, Bernadotte и мног. др.) [3]). Въ совѣтѣ отражались всѣ оттѣнки общественнаго мнѣнія эпохи. По словамъ Тьера, первый консулъ „любилъ вызывать пренія въ государственномъ совѣтѣ и былъ здѣсь оригиналенъ, краснорѣчивъ, допускалъ въ совѣтѣ такую форму обсужденія и разъясненія дѣлъ, что онъ въ этомъ видѣ являлся лучшимъ изъ учрежденій для образованнаго самодержавія, желающаго достигнуть истины“ [4]). Сдѣлавшись императоромъ, Наполеонъ постоянно оказывалъ полное довѣріе Государственному Совѣту, который рѣшалъ по порученію императора самыя трудныя и щекотливыя дѣла. Наполеонъ любилъ подчинять контролю совѣта дѣйствія своихъ министровъ и въ такомъ надзорѣ совѣта надъ ними видѣлъ надежную гарантію противъ всякихъ ихъ злоупотребленій [5]). Императоръ обращался къ совѣту во всѣхъ важныхъ дѣлахъ; Государственный Совѣтъ обсуждалъ мысли и планы Наполеона; исполненіе ихъ лежало на обязанности его министровъ. „Сосредоточивая въ себѣ всѣ функціи управленія, Государственный Совѣтъ, по словамъ Las Gases'a, являлся естественнымъ мѣстомъ защиты для интересовъ и лицъ, оскорбленныхъ высшими долж-

---

1) Regnault, 161 p. 2) 36 art. senatusconsult'a 1804 г. 3) Aucoc, 96—97 p. 4) Тьеръ, 14 кн., 166 с. 5) Blanche-Ymbert, ibidem.

ностными авторитетами. И кто присутствовалъ при его засѣданіяхъ, тотъ знаетъ, съ какимъ рвеніемъ совѣтъ отстаивалъ интересы гражданъ" [1]). Въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждались и рѣшались всѣ реформы въ общественномъ быту Франціи, которыя были предприняты и совершены Наполеономъ I во время консульства и имперіи. При дѣятельномъ участіи совѣта былъ изданъ цѣлый рядъ новыхъ кодексовъ: гражданскій, процессуальный, коммерческій, уголовный, появились законы о публичныхъ работахъ, университетахъ и редактированы регламенты публичной администраціи. Совѣтъ контролировалъ все мѣстное управленіе, всѣ акты департаментскихъ и муниципальныхъ должностныхъ лицъ. Важное политическое значеніе Государственнаго Совѣта времени первой имперіи прекрасно характеризовано Кормененомъ, бывшимъ аудиторомъ въ совѣтѣ послѣ 1810 года. „Государственный Совѣтъ былъ, по его словамъ, тогда настоящимъ правительственнымъ центромъ, единымъ словомъ Франціи, свѣточемъ законовъ и душой императора. Его аудиторы подъ именемъ интендантовъ держали въ строгомъ подчиненіи покоренныя страны. Его государственные министры въ качествѣ президентовъ секцій совѣта контролировали дѣятельность всѣхъ министровъ съ портфелями. Ординарные члены совѣта, какъ ораторы отъ правительства, защищали законопроэкты предъ трибунатомъ, сенатомъ и законодательнымъ корпусомъ. Экстраординарные совѣтники управляли, какъ главные директоры, таможнями, доменами, путями сообщенія, лѣсами, финансами, собирали подати въ провинціяхъ Иллиріи, Голландіи, Испаніи, диктовали французскіе законы въ Туринѣ, Римѣ, Неаполѣ, Амстердамѣ, Миланѣ, Флоренціи и другихъ странахъ" [2]). „Государственный Совѣтъ временъ первой имперіи, говоритъ одинъ изъ

---

1) Bluntschli, ibidem. 2) Aucoc, 95—96 p.

новѣйшихъ французскихъ ученыхъ, Вивьенъ, былъ высшимъ авторитетомъ въ государствѣ; ему не нужно было бороться ни съ властолюбивыми парламентами, ни съ провинціями съ ихъ исключительными привиллегіями. Политическія собранія безмолствуютъ при имперіи; правительство не знаетъ никакихъ препятствій своимъ планамъ и вся нація подчинена одному человѣку,—блестящему полководцу, способному законодателю и талантливому администратору и политику. Наполеонъ I былъ абсолютнымъ повелителемъ Франціи, а Государственный Совѣтъ—полезнымъ его помощникомъ и сотрудникомъ, разсадникомъ высшихъ администраторовъ, мастерской декретовъ императора и арсеналомъ его административной диктатуры" [1]). Съ паденіемъ первой имперіи Государственный Совѣтъ лишается своихъ политическихъ правъ и значенія. Онъ перестаетъ издавать декреты и даетъ тольки одни мнѣнія [2]).

АНГЛІЯ.

Англо-саксы, завоевавшіе Британію въ V—VI ст., перенесли туда съ континента основанія своего демократическаго, соціальнаго и политическаго, быта, три основныхъ элемента политическаго устройства и дѣленіе на благородныхъ или свободныхъ людей, зависимыхъ отъ нихъ и рабовъ [3]). Свободные дѣлились на ярловъ и керловъ [4]), причемъ первые получали втрое большій вергельдъ сравнительно съ по-

1) Vivien: „Etudes administratives", 92 p. 2) Regnault, 123—126 p., Aucoc, 94 p., Ducrocq, 46—47 p., Stein, 191 s. Дальнѣйшая конституціонная исторія государственнаго совѣта во Франціи выходитъ изъ рамокъ нашего изслѣдованія, гдѣ рѣчь идетъ только о совѣщательныхъ учрежденіяхъ, аналогичныхъ русскимъ. 3) Glasson: „Histoire du droit et des institutions de l'Angleterre", Paris, 1882, I t., 40—41 p., Фриманъ: „Очеркъ развитія англійской конституціи съ древнѣйшихъ временъ", Москва, 1880, переводъ М. Ковалевскаго, 16—20 с., Градовскій: „Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ", Спб., 1886, I т., 37—39 с. 4) Glasson, I, 57 p.

слѣдними [1]). Уже одинъ этотъ высшій размѣръ виры ярловъ показываетъ, что они составляли у англо-саксовъ высшій классъ: вся примитивная правовая система не только у германцевъ, но и у славянскихъ племенъ основывается на покровительствѣ личности посредствомъ денежныхъ штрафовъ, налагаемыхъ за причиненный вредъ [2]). Ярлы англо-саксовъ, какъ и датчанъ, селившихся среди нихъ, были родовой аристократіей, предшествовавшей образованію служилаго дворянства (gesidhas и thengas) при возникновеніи института королевской власти у англо-саксовъ. Ярлы составили благородные роды, члены которыхъ получали въ обладаніе отъ короля подъ обѣщаніемъ вѣрности ему значительные участки земли [3]). Между старѣйшими ярлами короли избирали намѣстниковъ отдѣльныхъ провинцій (графствъ), которые назывались эальдорменами или графами [4]). Титулъ эальдорменовъ носили съ незапамятныхъ временъ первые вожди англо-саксовъ, поселившихся въ Британіи [5]). Изъ среды этихъ эальдорменовъ вышли впослѣдствіи короли англо-саксовъ, которые первоначально жили въ демократическомъ быту, управлялись старѣйшинами [6]) подобно своимъ континентальнымъ соплеменникамъ: Саксамъ, Фризамъ и Тюрингамъ [7]). Но еще прежде образованія королевской власти у англо-саксовъ стало возникать среди нихъ служебное дворянство. Германскіе вожди большихъ и малыхъ отрядовъ, завоевавшихъ Германію, распредѣляли, достававшіеся имъ, крупные поземельные участки между своими дружинниками подъ условіемъ выполненія ими въ отношеніи къ новымъ поземельнымъ собственникамъ извѣстныхъ личныхъ повинностей. Та-

---

1) Maurer: „Uber d. Wesen d. ältesten Adels d. deutschen Stämme“, 127 s. 2) Гнейстъ: „Исторія государственныхъ учрежденій Англіи“, 10 с. 3) Maurer, 184—187 s., Ковалевскій: „Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ“, Москва, 1880, 253 с. 4) Glasson, 57—58 p., Фриманъ: „Сравн. политика“, 113 с. 5) Градовскій, 51 с. 6) Фриманъ, ibidem, 108 с., Ковалевскій, ibidem, 249—250 с. 7) Фриманъ, 27 и 31 с., Maurer, 188—189 s.

кимъ путемъ возникъ классъ вассаловъ—*гезитъ*, который составилъ при вождяхъ, а потомъ короляхъ особенно почетную свиту; въ службу къ нимъ, тѣсно связанную съ управленіемъ, начинаютъ охотно поступать потомъ и крупные землевладѣльцы съ своими сыновьями [1]). Въ средѣ гезита выдѣляются по своей особенной близости къ королю *таны*—собственники крупныхъ рыцарскихъ поземельныхъ участковъ. Къ танамъ причисляются всѣ высшіе государственные сановники, епископы, эальдормены, судьи и т. п. Впослѣдствіи достоинство тана получалось не одною только службою королю, но, главнымъ образомъ, обусловливалось опредѣленнымъ, большимъ количествомъ поземельнаго владѣнія [2]). Таны, какъ привиллегированное, высшее сословіе общества въ англо-саксонскую эпоху, заняли первое мѣсто въ гезитѣ короля. Древніе ярлы переходятъ теперь въ первые ряды тановъ, однимъ изъ почетныхъ правъ которыхъ былъ высшій вергельдъ. Таны и ярлы получаютъ отъ короля въ ленъ значительные участки земли и первые изъ нихъ пріобрѣтаютъ съ теченіемъ времени высшую степень власти въ своихъ помѣстьяхъ и въ управленіи государствомъ [3]). Имъ принадлежитъ военная власть, которая опирается на дружины тановъ. Большіе суды графствъ, бывшіе сначала народными собраніями (scirgemote) дѣлаются потомъ собраніями крупныхъ землевладѣльцевъ, изъ которыхъ образуется сословіе опытныхъ судей—*витановъ* [4]). Высшій разрядъ тановъ составляли королевскіе таны, которые занимали важнѣйшія должности при дворѣ и въ центральномъ управленіи королевствомъ [5]), состоявшемъ изъ двухъ или трехъ графствъ.

---

1) Гнейстъ, ibidem, 3 с., Maurer, 141, 143 s. 2) Ковалевскій, 255 с. 3) Maurer, 151—152, 154—159, 161, 177—184 s, Фриманъ, 160—161 и 167 с. 4) Стебсъ: „Очеркъ конституціоной исторіи англійской націи до временъ Эдуарда I“, переводъ Ковалевскаго, 160 с., Dufau, I, 299 р., Градовскій, 44 и 47 с. 5) Гнейстъ, 80—81 с., Градовскій, 43 с.

Во главѣ управленія каждаго изъ семи королевствъ, образовавшихся у англо-саксовъ, стояли король и *витенагемотъ*, сохранившійся во всѣхъ семи королевствахъ въ періодъ гептархіи. Только когда всѣ они были соединены въ одно политическое цѣлое при королѣ Вессекса, Эгбертѣ (800—836), витенагемотъ сдѣлался общимъ собраніемъ всей страны англосаксовъ [1]).

Къ участію въ витенагемотѣ на первыхъ порахъ поселенія англо-саксовъ въ Британіи допускались, по мнѣнію Фримана, всѣ свободные люди, хотя обыкновенно ихъ посѣщали вожди, графы, епископы, чиновники королевскаго двора и наиболѣе богатые и вліятельные таны [2]). Болѣе, однако, достовѣрнымъ является взглядъ Гнейста, что народныя собранія у англо-саксовъ могли быть еще на континентѣ, когда происходили многочисленныя соглашенія между отдѣльными племенами относительно общихъ боевыхъ плановъ и походовъ. При поселеніи англо-саксовъ въ Британіи развитію такихъ республиканскихъ собраній препятствовали территоріальныя условія и сравнительно быстрое образованіе власти отдѣльныхъ вождей, сдѣлавшихся наслѣдственными герцогами, которые подчинились сначала сильнѣйшимъ изъ своей среды королямъ, а потомъ вмѣстѣ съ послѣдними одному королю всѣхъ англо-саксовъ [3]). Случаи народныхъ собраній у нихъ очень рѣдки и въ введеніи къ законодательнымъ кодексамъ саксонскихъ королей говорится обыкновенно, что они составлены въ собраніяхъ знатныхъ лицъ [4]). Всенародныя собранія прекращаются совершенно съ соединеніемъ отдѣльныхъ племенъ въ королевства, съ усиленіемъ политическаго значенія представителей крупнаго землевладѣнія въ странѣ и возникновеніемъ наслѣдственной королевской вла-

1) Стебсъ, 161 с., Glasson, 42 p., Гнейстъ, 36 с. 2) Фриманъ: „Политика“, 150—151 с., „Очеркъ развитія англійской контитуціи“, 53—54 с. 3) Гнейстъ, ibidem, 84 с., примѣчаніе. 4) Glasson, I t., 44 p., примѣчаніе.

сти. Народныя собранія превращаются теперь въ *большой королевскій совѣтъ* (magnum consilium, curia magna, mychel gemot,—synoth), собраніе оптиматовъ съ королемъ во главѣ, витенагемотъ (Witenagemôte). Членами этого аристократическаго собранія „мудрыхъ" были прелаты, эальдормены и особенно знатнѣйшіе королевскіе таны, облеченные различными государственными должностями (ministri). Рѣшительный перевѣсъ надъ остальными членами витенагемота получаютъ со временемъ великіе таны, въ ряды которыхъ переходятъ и прелаты съ обращеніемъ датчанъ въ христіанство. Витенагемоты сильно ограничиваютъ королевскую власть, заставляютъ королей англо-саксовъ поступать по своей волѣ. Въ витенагемотѣ сосредоточивалось все высшее управленіе страной: онъ отмѣнялъ старые законы и вмѣстѣ съ королемъ разсматривалъ проэкты новыхъ законовъ, редактировалъ и издавалъ ихъ, отправлялъ высшую судебную власть, обсуждалъ церковныя дѣла и принималъ важнѣйшія мѣры по управленію. Витенагемотъ же замѣщалъ значительныя должности въ королевствѣ, налагалъ подати, рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ, избиралъ королей (напр., Великаго Канута) и даже низлагалъ ихъ (напр., сына Канута, Гардиканута) [1]).

Съ завоеваніемъ Англіи Норманнами (въ XI ст.) измѣнились въ ней какъ основанія общественнаго устройства, такъ и политическая роль аристократіи и ея органа въ управленіи,—витенагемота. *Вильгельмъ Завоеватель* (1066—1087) засталъ въ Англіи феодализмъ, грозившій ослабить или даже совершенно уничтожить монархическую власть въ странѣ. Вильгельмъ видѣлъ уже въ своемъ отечествѣ—Нормандіи всѣ печальныя послѣдствія чрезмѣрнаго усиленія фео-

1) Glasson, I, 41—48, 53—54 p., Dufau, I, 298—299 p., Гнейстъ, 10—11, 50, 60, 84—89 и 92 с., Стебсъ, 162—165 с., Градовскій, 52—53 и 56 с., Фриманъ: „Политика", 157 с., Ковалевскій, 258 с., Фишель: „Государственный строй Англія", Спб., 1862, 358 с., Александренко: „Англійскій тайный совѣтъ и его исторія", Спб., 1888, т. I, 1-я ч., 17—18 и 40 с.

даловъ на счетъ власти сюзерена и потому объявилъ себя верховнымъ собственникомъ всей земли и роздалъ отъ себя поземельные участки церкви и дружинникамъ, наравнѣ съ которыми поступили въ число королевскихъ вассаловъ и туземные феодалы—англо-саксы. Всѣ феодалы сдѣлались, такимъ образомъ, непосредственными вассалами самого короля, которому они приносили присягу въ вѣрности и въ пользу котораго отбывали цѣлый рядъ повинностей. Поземельные участки, розданные Вильгельмомъ въ временное, условное владѣніе своимъ вассаламъ не были велики и находились въ разныхъ графствахъ. Число коронныхъ вассаловъ (tenentes in capite), занимавшихъ первое мѣсто въ нарочно составленной для распредѣленія поземельныхъ участковъ книгѣ государственныхъ земель (Domesdaybook), простирается при Вильгельмѣ до 600: изъ нихъ 40 лицъ получили обширныя помѣстья, разсѣянныя только въ различныхъ мѣстахъ королевства. Эти крупные феодалы образовали разрядъ „великихъ бароновъ" (barones majores). Четыреста слѣдующихъ за ними „меньшихъ бароновъ" (barones minores) были награждены менѣе значительными рыцарскими ленами. Остальные коронные вассалы были изъ среды духовенства. Главною обязанностью всѣхъ вассаловъ короля было поставлять по требованію короля тяжело вооруженныхъ воиновъ. Чтобы обезпечить себѣ высшую верховную власть въ странѣ и избѣжать возобновленія борьбы между королевской властью и представителемъ норманскихъ феодальныхъ родовъ, помогавшихъ Вильгельму при завоеваніи Британіи, онъ уничтожилъ большія графства Канута и поставилъ ихъ управленіе также въ прямую отъ себя зависимость [1]).

Благодаря такой, вновь введенной въ Англіи Вильгель-

---

1) Гнейстъ, 103—111 и 118 с., Glasson, II т., 145—150 p., Dufau, I, 305 p., Стебсъ, 167—169 с., Александренко, 5—6 с., Градовскій, 64—69 с., Ковалевскій, 265—267 с.

момъ, феодальной организаціи государства, прямо разсчитанной на полное подчиненіе всѣхъ феодаловъ власти короля—Завоевателя, послѣдній явился могущественнымъ государемъ, который пользовался всѣми средствами для добыванія въ свою пользу доходовъ, получавшихся при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ (напр., при первоначальномъ вступленіи кого-либо во владѣніе леномъ, переходѣ его отъ одного владѣльца къ другому и пр.). Королю принадлежала верховная военная власть надъ всѣми вассалами и свободными людьми, отправленіе правосудія во всей странѣ и обширная полицейская власть. Король самъ издаетъ законы, которые имѣютъ видъ личныхъ распоряженій. Особенно велики были права первыхъ норманскихъ королей по отношенію къ увеличенію королевскихъ имуществъ и умноженію королевскихъ доходовъ, ради которыхъ было предпринято Вильгельмомъ завоеваніе Британіи. Наконецъ, одинъ король имѣлъ право назначать прелатовъ и утверждать соборныя постановленія. Такимъ образомъ, всѣ функціи управленія соединяются въ одномъ общемъ центрѣ,—особѣ короля, неограниченная власть котораго сильно поддерживается глубокой рознью, съ одной стороны, между норманскими и саксонскими феодальными владѣльцами и, съ другой, между высшими и низшими классами общества. При такомъ абсолютномъ режимѣ немыслимо было ожидать, чтобы народъ или хоть высшій его классъ могли имѣть какое-либо самостоятельное значеніе въ управленіи. Положимъ, Вильгельмъ долженъ былъ допустить нѣкоторое участіе въ немъ могущественныхъ норманскихъ бароновъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Англію; изъ среды этой независимой до извѣстной степени аристократіи онъ долженъ былъ избирать своихъ министровъ. Но обстоятельства благопріятствовали Вильгельму даже и въ этомъ случаѣ: раздоры между представителями норманской аристократіи, сократившіе число ея чле-

новъ, дали возможность Вильгельму оставить въ своихъ рукахъ большое число леновъ [1]).

Центральное управленіе государствомъ совершалось при Вильгельмѣ и его преемникахъ посредствомъ высшихъ должностныхъ лицъ, которымъ король поручалъ тѣ или другія изъ функцій управленія: юстиціарія или великаго судьи всей Англіи, канцлера, казначея, великаго маршала, великаго коннетабля, майордома и камерарія. Всѣ эти лица входятъ въ составъ *королевскаго совѣта*, aula vel curia regis. Curia regis замѣняетъ витенагемотъ, который продолжаетъ существовать при Вильгельмѣ, но лишь номинально, „представляя мудрость націи, въ дѣйствительности же не выражая ни ея воли, ни могущества“ [2]). Названіе curia regis прилагалось въ II—XIII ст. къ различнымъ учрежденіямъ. Подъ curia regis разумѣлись, прежде всего, періодическіе торжественные съѣзды знати при дворѣ, происходящіе въ извѣстное, опредѣленное время (большіе праздники) и носившіе техническое названіе curia de more [3]). На этихъ придворныхъ съѣздахъ король спрашивалъ у собравшихся оптиматовъ ихъ совѣта по поводу особенно важныхъ своихъ распоряженій, который нисколько его не связывалъ. Государственные чины этой эпохи господства неограниченной власти короля въ управленіи имѣли только совѣщательный голосъ въ придворномъ совѣтѣ короля съ такимъ случайнымъ и неопредѣленнымъ составомъ. Они не обладаютъ ни иниціативой законовъ, ни самостоятельнымъ участіемъ въ ихъ образованіи. Формула, которою тогда сопровождалось изданіе законовъ: „consilio et consensu baronum“, не выражаетъ самого факта необходимаго совѣщанія норманскихъ королей

---

1) Glasson, II, 153 p., Гнейстъ, 221—222 с., Dufau, I, 304—305 р., Александренко, 2—3, 6—7 с., Градовскій, 67—72 с., Ковалевскій, 268—269 с. 2) Гнейстъ, 229 с., Александренко, 6 с. 3) Glasson, II, 156 s., Gneist: „Das heutige englische Verfassungs—und Verwaltungsrecht“, Berlin, 1857, I Theil, 52 s.,

съ баронами и испрашиванія ихъ согласія на изданіе законовъ; она долго (до Генриха II) употребляется лишь по традиціи [1]). Собранія королевскихъ вассаловъ при дворѣ по поводу какихъ-либо особенныхъ случаевъ и обсужденія законодательныхъ и финансовыхъ вопросовъ назывались еще magnum consilium, commune consilium [2]), но подъ ними нельзя понимать постоянныхъ и твердо установленныхъ политическихъ учрежденій [3]), которыя были невозможны при исключительно личномъ правленіи первыхъ норманскихъ королей [4]). Curia regis въ смыслѣ верховнаго суда королевства не заключала въ себѣ всѣхъ коронныхъ вассаловъ; въ ней не было даже крупнѣйшихъ между ними. Сами бароны не высказывали особеннаго расположенія къ занятію судебными дѣлами и знатнѣйшіе изъ нихъ постепенно отстраняются отъ участія въ рѣшеніи юридическихъ казусовъ. Curia regis, какъ высшій судъ, не состояла и изъ важнѣйшихъ должностныхъ лицъ королевства, которыя появились въ Англіи не въ одно и тоже время, завѣдывали разнородными правительственными функціями, были часто смѣняемы и не пріобрѣли прочнаго вліянія на управленіе государствомъ, сосредоточенное въ рукахъ самого короля [5]). Члены судебной куріи, называемые юстиціаріями, назначались королемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изъ числа вассаловъ и опытныхъ юристовъ. Королевская курія въ такомъ видѣ завѣдуетъ не одними судебными дѣлами; она также разсматриваетъ, регистрируетъ и скрѣпляетъ издаваемые королемъ законы и хартіи [6]). Какъ спеціальное отдѣленіе королевской куріи, существовала при норманскихъ короляхъ палата казначейства (scaccarium, exchequer), организованная Виль-

1) Glasson, II, 157 s., Стебсъ, 228 с., Гнейстъ, 226—227 с., Градовскій, 74 с. 2) Cox: „Die Staatseinrichtungen Englands". Übersetz v. Kühne, Berlin, 1867, 198 s., Стебсъ, 207 с. 3) Фриманъ, Очеркъ etc., 55 с. 4) Гнейстъ, 244 с. 5) Фишель, 359 с. 6) Стебсъ, 174 с.

гельмомъ по образцу подобнаго нормандскаго учрежденія. Казначейство имѣло при Вильгельмѣ наиболѣе опредѣленную организацію и порядокъ дѣлопроизводства по сравненію съ остальными правительственными учрежденіями. Причина этого факта заключается въ томъ, что финансы составляютъ въ это время центръ тяжести всего управленія. Палата казначейства, членами которой (баронами) были высшіе должностныя лица королевства и вассалы короля, завѣдывала преимущественно финансами государства [1]). Наконецъ, curia regis была еще *обыкновеннымъ совѣтомъ* короля (consilium ordinarium), который состоялъ изъ высшихъ должностныхъ лицъ королевства и изъ духовныхъ и свѣтскихъ вассаловъ короля, входившихъ въ тѣсный кружокъ его приближенныхъ и избираемыхъ королемъ по своей волѣ. Подобно другимъ секціямъ curia regis, обыкновенный совѣтъ короля не имѣлъ опредѣленной и прочной организаціи, что уже видно изъ указаннаго служебнаго его состава: въ совѣтѣ были членами тѣже, случайно назначаемыя королемъ, высшія должностныя лица, которыя участвовали въ казначействѣ и судебной куріи [2]).

Королевскій совѣтъ сохранилъ туже неопредѣленную и измѣнчивую организацію и при первыхъ преемникахъ Вильгельма. Такъ при *Генрихѣ I* (1100—1135), слѣдовавшемъ централизаціонной его политикѣ, государствомъ управлялъ самъ король съ своими временно назначаемыми совѣтниками. Тоже явленіе мы наблюдаемъ и при *Генрихѣ II Плантагенетѣ* (1154—1189), хотя при немъ старая безформенная курія вмѣстѣ съ казначействомъ начинаетъ превращаться въ болѣе постоянное учрежденіе. Одно изъ отдѣленій куріи получаетъ при Генрихѣ названіе суда королевской скамьи [3]).

---

1) Гнейстъ, 289 и сл., Gneist: „Englische Verfassungs—und Verwaltungsrecht“, 53 s. 2) Cox, ibidem, Glasson, III, 120 p., Гнейстъ, 235—243 с. 3) Гнейстъ, 250—256 с., Стебсъ, 181 и 185 с., Александренко, 12—13 с.

Генрихъ II ставилъ задачею своей дѣятельности, между прочимъ, образованіе центральнаго правительства. Король приглашаетъ въ опредѣленные промежутки времени для рѣшенія разнообразныхъ дѣлъ крупныхъ прелатовъ, barones majores et barones secundae dignitatis [1]). Совѣтъ и согласіе членовъ этого magnum consilium считается теперь уже болѣе необходимымъ. Его вѣдѣнію подлежатъ дѣла всякаго рода (военныя, политическія, церковныя, законодательныя, судебныя и фискальныя). Причемъ magnum consilium не составлялъ еще постояннаго королевскаго совѣта, согласіе котораго было бы *безусловно* нужнымъ и обязательнымъ для короля. Но уже въ самомъ фактѣ появленія при Генрихѣ II magnum consilium изъ королевскихъ вассаловъ, замѣнившаго собою прежнія, совершенно безформенныя и безпорядочныя ихъ собранія, сказалась сила господствовавшаго класса въ обществѣ, которая давала себя знать особенно при слабомъ *Стефанѣ II* (1135—1154) и самомъ Генрихѣ II [2]). Необходимость „совѣта и согласія“ королевскихъ вассаловъ для дѣйствительности королевскихъ уставовъ обнаружилась при немъ въ то время, когда борьба Генриха II съ церковью въ лицѣ знаменитаго ея представителя, примаса королевства, Ѳомы Бекета заставила короля обратиться къ прелатамъ и баронамъ съ просьбой о признаніи его верховныхъ правъ въ сферѣ церковнаго управленія. Собраніе въ Кларендонѣ (1164 г.) всѣхъ безъ исключенія знатныхъ вассаловъ и прелатовъ отмѣнило судебныя привиллегіи духовенства и провозгласило высшій судебный авторитетъ короля въ церковныхъ дѣлахъ [3]). Суприматія короля въ отношеніи къ церкви, однако, ограничивается при королѣ *Іоаннѣ Безземельномъ* (1199—1216), признавшемъ себя вассаломъ

---

1) Гнейстъ, 258 с. 2) Стебсъ, 178—183 и 228 с., Александренко, 9—14 с. Градовскій, 76—84 с. 3) Гнейстъ, 257—258 с., Градовскій 84—86 с.

папы, въ поддержкѣ котораго король сильно нуждался въ своей борьбѣ съ феодалами[1]). При томъ же королѣ Іоаннѣ произошло событіе, важное для всего дальнѣйшаго развитія англійской конституціи. Борьба между баронами и произволомъ королевской власти, продолжавшаяся всѣ полтораста лѣтъ, начиная со времени Вильгельма Завоевателя и до царствованія Іоанна, при этомъ послѣднемъ королѣ приняла оборотъ, благопріятный интересамъ аристократіи. Чрезмѣрный произволъ Іоанна, которымъ отличались все его управленіе государствомъ и отношенія къ знати и народу, признаніе королемъ ленной зависимости Англіи отъ папской власти, потеря Іоанномъ въ борьбѣ съ Филиппомъ Августомъ всѣхъ французскихъ владѣній англійской короны— все это возбудило противъ короля не одну только аристократію, свѣтскую и духовную, но и все населеніе городовъ. Общая опасность соединила и безъ того слившуюся въ одно цѣлое норманскую и саксонскую аристократію, высшихъ представителей церкви и городовъ въ одинъ національный союзъ, который вступилъ съ королемъ въ борьбу и заставилъ его подписать (15 іюня 1215 г.) знаменитую хартію вольностей—magna charta libertatum[2]). Не смотря на неоднократныя нарушенія magna charta преемниками Іоанна, она сдѣлалась главной основой англійскаго государственнаго устройства и всего его дальнѣйшаго развитія. Въ ней заключается цѣлый рядъ существенныхъ ограниченій различныхъ правъ короля (ленныхъ, судебныхъ, финансовыхъ и полицейскихъ). Вновь пріобрѣтенныя англійскимъ народомъ политическія права, пожалованныя Іоанномъ всѣмъ свободнымъ людямъ, должны были оказаться вслѣдствіе сословнаго строя тогдашняго англійскаго общества и преобладанія въ немъ аристократіи полезными только этой послѣдней. Поэто-

1) Градовскій, 93 с., 2) Гнейстъ, 262—266 с., Glasson, III, 50, 74 и 85 p., Градовскій, 92—95 с.

му magna charta опредѣляетъ, главнымъ образомъ, отношенія феодаловъ къ королевской власти, размѣръ верховныхъ правъ короля и аристократіи. Въ числѣ правъ, гарантированныхъ magna charta королевскимъ вассаламъ, важнѣйшимъ было обезпеченіе личной ихъ свободы отъ произвольнаго примѣненія карательной власти короля и различныхъ должностныхъ лицъ. Magna charta было также установлено существенное ограниченіе произвольной финансовой власти короля, сдѣлавшееся потомъ общимъ принципомъ англійскаго государственнаго права, что всякіе денежные сборы (scutagia) и чрезвычайныя пособія (auxilia) королю могутъ быть налагаемы на королевскихъ вассаловъ только въ извѣстныхъ случаяхъ и съ ихъ согласія. Чтобы получить это согласіе, король долженъ былъ созывать высшихъ вассаловъ (majores barones) и высшее духовенство королевскими письмами (writs), а прочихъ вассаловъ—указами въ общій совѣтъ (commune consilium). Въ commune consilium преобладали, однако, majores barones, которые одни съ эпохи magna charta стали считаться пэрами въ силу именныхъ королевскихъ ихъ приглашеній въ совѣтъ [1]). Обезпеченіемъ постановленій magna charta являлся постоянный комитетъ изъ представителей аристократіи (25 бароновъ), который обладалъ законно установленнымъ правомъ сопротивленія всякому нарушенію королемъ тѣхъ или другихъ статей хартіи [2]). Magna charta создала или точнѣе санкціонировала, сложившееся въ обществѣ, привиллегированное положеніе въ государствѣ большихъ и малыхъ бароновъ, различіе между которыми давно уже укоренилось въ народѣ [3]). Тѣ и другіе не получили наслѣдственнаго права самостоятельнаго участія въ управленіи государ-

1 и 2) Gneist: „Adel und Ritterschaft in England“, Berlin, 1853, 71 s. Glasson, 55—56 и 129 p., Гнейстъ, 268—275 с., Стебсъ, 197—198 с., Dufau, I, 308—309 p., Градовскій, 95—97 и 99 с., Ковалевскій, 260 с. 3) Gneist: „Engl. Verf. und Verwaltungsrecht“, 81—82 s.

ствомъ, въ commune consilium (14 ст. magna charta): королевскія имянныя приглашенія къ majores barones и приказы къ шерифамъ и бальи о созваніи minores barones были направляемы постоянно къ однимъ и тѣмъ же представителямъ аристократическихъ фамилій, которые сохраняли это право за собой и своими дѣтьми [1]).

Такимъ образомъ, со времени появленія magna charta англійская аристократія получила преобладающее значеніе въ государствѣ. Обстоятельства благопріятствовали увеличенію ея власти и въ послѣдующее, продолжительное царствованіе *Генриха III* (1216—1272). При этомъ королѣ произошли три замѣчательныхъ событія политической исторіи Англіи: образованіе постояннаго королевскаго совѣта,—большаго совѣта и палаты общинъ. Въ первые 16 лѣтъ правленія Генриха III государственная власть была въ рукахъ аристократіи: регента—графа Пемброка, епископа Винчестерскаго, Петра-де-Роша, прочихъ епископовъ Англіи, бароновъ и высшихъ должностныхъ лицъ [2]). Въ малолѣтство короля созывались не разъ регентомъ собранія прелатовъ и знатныхъ бароновъ (commune consilium), но не въ силу 14 статьи magna charta, а по личнымъ соображеніямъ регента и прелатовъ и исключительно съ финансовыми цѣлями [3]). Сила знати въ это время была такъ велика, что magnum consilium, опасаясь злоупотребленій со стороны канцлера, ближайшаго совѣтника короля, постановилъ въ третій годъ правленія Генриха III, чтобы никакая хартія или королевскій патентъ не скрѣплялись большой печатью впредь до совершеннолѣтія короля [4]). Вся двадцатилѣтняя эпоха *личнаго правленія* Генриха III (1232—1252 г.) наполнена без-

1) Gneist, Adel etc., 22—23 и 69 s , Glasson, III, 93 p. 2) Гнейстъ, 281 с., Александренко, 42—43 с., Градовскій, 247 с. 3) Александренко, I т., 36 с. 4) Glasson, III, 120 p., Cox, 199 s., Гнейстъ, 285 с , Александренко, 44—52 стр.

прерывными смутами и раздорами, съ одной стороны, между королемъ съ его приближенными-иностранцами и баронами и прелатами, съ другой. По настоянію представителей англійской знати Генрихъ долженъ былъ удалить отъ себя своихъ новыхъ друзей и управлять государствомъ при помощи королевскаго совѣта, мѣста въ которомъ были заняты лицами, угодными знати. Королевскій совѣтъ, имѣвшій большое значеніе еще въ малолѣтство Генриха, получаетъ теперь болѣе правильную организацію. Онъ отдѣляется отъ куріи и большаго совѣта, контролю котораго онъ былъ подчиненъ. Въ королевскомъ совѣтѣ засѣдаютъ consiliarii, magnates de consilio; членами его были лица, занимающія высшія государственныя должности (канцлеръ, великій юстиціарій, казначей), епископы, бароны казначейства, судьи и прочіе совѣтники, призванные въ совѣтъ королемъ. Совѣтъ, называвшійся благороднымъ, мудрымъ и секретнымъ королевскимъ совѣтомъ, дѣлается истиннымъ центромъ государственнаго управленія. Его компетенція заключаетъ въ себѣ законодательную власть короля; совѣтъ завѣдуетъ всей администраціей королевства и его отношеніями къ иностраннымъ государствамъ. Вообще кругъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію и рѣшенію совѣта, не былъ ограниченъ какими-либо нормами и ему были подчинены самыя разнообразныя дѣла. Совѣтъ, напр., завѣдывалъ частнымъ хозяйствомъ короля, принималъ участіе въ личной жизни королевской семьи, разсматривалъ вопросы о войнѣ и мирѣ, заключалъ международные трактаты, заботился о мѣрахъ къ защитѣ государства, о правильномъ отбываніи вассалами ихъ повинностей предъ королемъ, разбиралъ петиціи и жалобы на злоупотребленія чиновниковъ, разныя судебныя дѣла и проч.. Самостоятельность королевскаго совѣта не уничтожалась тѣмъ вліяніемъ, которое имѣла на все управленіе аристократія: королевская власть въ эту пору отличалась еще абсолютистическимъ характеромъ, такъ что въ управ-

леніи государствомъ все исходило отъ короля и его совѣтниковъ. Ограниченія правъ королевской власти magna charta существовали болѣе въ теоріи и не перешли еще въ практику, дѣйствительное управленіе. Къ тому же при всѣхъ обширныхъ правахъ barones majores изъ нихъ не образуется замкнутыхъ аристократическихъ родовъ вслѣдствіе, прочно сохранившагося отъ времени В. Завоевателя, основнаго принципа англійскихъ феодальныхъ отношеній, въ силу котораго король оставался единственнымъ сюзереномъ всѣхъ феодаловъ. Продолжавшееся примѣненіе этого принципа при Генрихѣ III не допускало развитія судебныхъ и полицейскихъ правъ феодаловъ и ихъ исключительной подсудности и военной службы. Необходимо еще замѣтить, что политическія права знати не находились со времени Генриха I въ рукахъ представителей однѣхъ и тѣхъ же аристократическихъ фамилій. Одни королевскія приглашенія крупныхъ бароновъ въ commune consilium еще не создаютъ наслѣдственныхъ династическихъ родовъ. Король могъ сдѣлать своимъ непосредственнымъ вассаломъ и большимъ барономъ каждаго свободнаго человѣка, пожаловавши ему въ ленъ крупный поземельный участокъ, и призывать его къ управленію государствомъ наравнѣ съ остальными barones majores [1]). Сами бароны стремились не къ образованію независимыхъ мѣстныхъ владѣній, а къ участію въ королевскомъ совѣтѣ [2]) и къ контролю надъ его дѣятельностью, который они совершали не разъ при Генрихѣ III въ качествѣ членовъ большаго совѣта [3]). Генрихъ III долженъ былъ часто созывать commune consilium, въ который входили прелаты, бароны и должностныя лица. Commune consilium сливается постепенно съ magnum consilium magna charta и получаетъ названіе парламента [4]). Послѣдній имѣлъ право отказать королю въ нужныхъ

1) Gneist, Adel etc., 22—23 s., Гнейстъ, Исторія etc., 290, 296—297 с. 2) Гнейстъ, ibidem. 3) Cox, 200 s. 4) Стебсъ, 222—223 с.

ему денежныхъ субсидіяхъ, какъ онъ это и сдѣлалъ, напр., при предложенной королемъ экспедиціи (въ 1242 г.) противъ Людовика IX, французскаго короля [1]). Когда эта экспедиція, предпринятая Генрихомъ на свой страхъ и отвѣтственность, не удалась и король созвалъ большой совѣтъ, присутствовавшіе въ немъ, бароны, графы и прелаты упрекнули короля въ безразсудной тратѣ субсидій, вотируемыхъ ими, обвинили королевскій совѣтъ въ нарушеніи справедливости и потребовали отъ Генриха назначенія въ совѣтъ канцлера, главнаго юстиціарія и казначея и составленія новой хартіи, подтверждавшей привиллегіи бароновъ. Въ этомъ же засѣданіи большаго совѣта предполагалось организовать постоянный надзоръ за дѣятельностью короля и его совѣта посредствомъ избранныхъ знатью четырехъ довѣренныхъ магнатовъ, которые должны были сдѣлаться членами королевскаго совѣта и участвовать въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ [2]). Желанія и предположенія аристократіи были осуществлены и въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ не много позже, въ такъ называемомъ „бѣшеномъ парламентѣ" въ Оксфордѣ (1258 г.), куда бароны явились вооруженными. Въ петиціи, поданной королю прелатами и баронами, указывалось на многочисленныя злоупотребленія въ управленіи, допущенныя королевской властью. Для ихъ устраненія и необходимыхъ преобразованій въ конституціи королевства былъ избранъ комитетъ изъ 24 лицъ (12 бароновъ и 12 королевскихъ совѣтниковъ), который выработалъ Оксфордскія провизіи (условія), принятыя королемъ. Въ силу этихъ провизій король долженъ былъ управлять посредствомъ постояннаго совѣта, созываемаго три раза въ годъ и состоящаго изъ 15 лицъ, которыя избирались комитетомъ въ средѣ знати чрезвычайно сложнымъ порядкомъ, обезпечивающимъ уча-

1) Александренко, 53 с., Градовскій, 106 с. 2) Александренко, 54 с.

стіе въ управленіи какъ крупнымъ, такъ и мелкимъ королевскимъ вассаламъ. Въ зависимость отъ этого совѣта стали высшіе государственные сановники: великій юстиціарій, канцлеръ и казначей, назначаемые на годъ и отвѣтственные за свою дѣятельность предъ королемъ и совѣтомъ. Въ рукахъ самого совѣта сосредоточилась вся правительственная власть и королю оставалась одна только ея тѣнь. Если бы этотъ олигархическій совѣтъ, управлявшій государствомъ въ теченіе пяти лѣтъ, остался навсегда во главѣ администраціи, то Англію должна была ожидать или судьба аристократической Венеціи, исключительное господство замкнутаго аристократическаго сословія, или же развитіе сильнѣйшаго абсолютизма королевской власти, предъ которой склонились бы всѣ сословія. Отъ той и другой опасности въ будущемъ Англія была спасена своей послѣдующей политической исторіей, особенно же дѣятельностью Симона Монтфортскаго, герцога Лейчестерскаго. Олигархическая форма новаго правительства была не популярна въ странѣ съ самого начала ея появленія и самъ Генрихъ употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы освободиться отъ принятой имъ на себя обязанности подчиняться Оксфордскимъ провизіямъ. Борьба между королемъ и баронами, начатая изъ за ихъ сохраненія, окончилась пораженіемъ короля. Во главѣ правительства становится, какъ протекторъ государства, Симонъ Монтфортскій, который призываетъ (1265 г.) въ большой совѣтъ или парламентъ, кромѣ прелатовъ и большихъ и малыхъ бароновъ, извѣстное число представителей отъ рыцарства и городовъ и, такимъ образомъ, кладетъ начало въ англійскомъ парламентѣ палатѣ общинъ [1]).

Весь послѣдующій, продолжительный періодъ англійской исторіи отъ Генриха III и до *Тюдоровъ* (1272—1485) наполненъ, съ одной стороны, безпрерывной борьбой различныхъ

1) Гнейстъ, 285—286 с., Фришель, Очеркъ etc., 61, 76—77 с., Dufau, I, 309—310 р., Александренко, 51—57 с., Градовскій, 110—115 с.

династій изъ за права обладанія королевскимъ престоломъ (Плантагенетовъ, Ланкастерской и Іоркской династіи) и королевской властью съ аристократіей изъ за политическаго преобладанія въ странѣ, съ другой. Не смотря на это, въ тоже время складывается почти въ полномъ видѣ весь общественный и политическій строй Англіи на началахъ, намѣченныхъ исторіей въ предшествующую эпоху, особенно же при Генрихѣ III. Особенно важны въ этомъ отношеніи царствованія Эдуарда I и III, когда въ государствѣ упрочивается монархическій принципъ, какъ одно изъ коренныхъ основаній англійской конституціи, образуется правильная администрація въ странѣ, части ея, центральная и мѣстная, связываются между собою въ одно цѣлое и заканчивается организація центральнаго управленія, разграничиваются права короны и государственныхъ чиновъ, кругъ дѣятельности государственнаго совѣта и собранія магнатовъ [1]). Въ это время создается такъ называемая королевская прерогатива [2]), хотя нѣсколько королей изъ династіи Плантагенетовъ и Іоркской были лишены аристократіей престола и даже жизни (Эдуардъ II, Ричардъ II, Генрихъ VI, Эдуардъ V и Ричардъ III). Королевскаи прерогатива не была уменьшена и ограничена особенно выдающейся политическою ролью бароновъ при нѣкоторыхъ малолѣтнихъ и слабыхъ короляхъ (Эдуардѣ II, Ричардѣ II, Генрихѣ IV и VI), когда всѣмъ государствомъ управляла аристократія, нетерявшая ни одного случая для обезпеченія себѣ власти въ государствѣ и исключенія отъ пользованія ею короля и общинъ [3]). Королевская прерогатива, наконецъ, не погибла и въ смутный періодъ англійской исторіи, при взаимной борьбѣ Ланкастерской и Іоркской династій, закончившейся крушеніемъ обѣихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическимъ упадкомъ феодальной

1) Гнейстъ, 464—465 и 470—471 с., Стебсъ, 234 с., Александренко, 69 с., Градовскій, 124, 129, 131 и 135 с. 2) См. ниже. 3) Гнейстъ 467—477 с., Александренко, 65—68 с., Градовскій, 127, 136 с.

аристократіи и высшаго духовенства, съ которыми была связана судьба обѣихъ династій [1]). Изъ междоусобной войны (1445—1475) Алой (Ланкастерской линіи) и Бѣлой (Іоркской) Розъ, въ которой, впрочемъ, каждая изъ сторонъ боролась не противъ королевской власти, а изъ за обладанія ею [2]), королевская прерогатива вышла еще болѣе окрѣпшей [3]). Подъ королевской прерогативой разумѣлись всѣ права, вытекавшія изъ королевскаго суверенитета, а также и тѣ, которыя принадлежатъ исключительно королю и которыми онъ пользуется по своему усмотрѣнію. Король въ средневѣковой Англіи былъ вполнѣ главой государства, обладалъ всѣми высшими правами власти (военной, судебной, полицейской и финансовой). Различныя функціи королевской власти основываются на тѣхъ же началахъ, которыя послужили базисомъ политической жизни Англіи въ норманскую ея эпоху. Попрежнему король—верховный сюзеренъ всѣхъ феодаловъ, которые несутъ въ пользу государства извѣстныя повинности и признаютъ высшую военную и полицейскую власть короля, которой они были лишены [4]). Король считается верховнымъ собственникомъ, такъ какъ и на самомъ дѣлѣ онъ долго былъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ странѣ. Положимъ, многіе короли изъ Ланкастерской династіи, подобно своимъ предшественникамъ, раздававшимъ щедро доменныя земли вліятельнымъ лицамъ, не могли обойтись безъ помощи не только сословій, но и отдѣльныхъ частныхъ лицъ, но грандіозныя конфискаціи королей Іоркской династіи снова дали имъ возможность сосредоточить въ рукахъ казны значительную часть поземельной собственности [5]), хотя въ этомъ отношеніи съ королями конкуррировала знать—высшее дворянство и духовенство. Королю, какъ представителю и источнику верховной власти въ обществѣ, принадлежала законодательная, админи-

1) Градовскій, 147—150 с. 2) Гнейстъ, 479 с. 3) Александренко, 175 с. 4) Gneist, Adel etc., 38 s. 5) Ковалевскій, 26 и сл., 141—161 с.

стративная и судебная власть. Непостоянство и измѣнчивость партійныхъ стремленій при постоянной борьбѣ магнатовъ изъ за власти въ теченіе среднихъ вѣковъ и ихъ произволъ по отношенію къ общинамъ заставляли послѣднія прибѣгать къ королю, какъ представителю высшей и безпристрастной власти, что укрѣпляло въ обществѣ сознаніе о верховенствѣ королевской власти въ государствѣ [1]). Въ средніе вѣка уже появилось поэтому въ Англіи (у знаменитаго юриста XV ст., Джона Фортескью) представленіе о королевской власти, какъ національномъ учрежденіи, права котораго опредѣляются законами, устанавливаемыми съ согласія всего народа и ради общаго блага [2]). Нельзя, конечно, отвергать, что политическія привиллегіи аристократіи ограничиваютъ до извѣстной степени участіе короля въ управленіи, но онѣ въ тоже время гарантируютъ самостоятельность верховной законодательной и административной власти, осуществляющейся съ ихъ „совѣта и согласія". Другія права аристократіи: семейныя, имущественныя и наслѣдственныя, были общими съ правами всѣхъ остальныхъ англійскихъ гражданъ [3]), по отношенію къ которымъ англійская аристократія никогда не представляла совершенно замкнутаго сословія. Исторія средневѣковой аристократіи въ Англіи отличается отъ-континентальной, западно-европейской аристократіи тою особенностью, что ея политическія права не принадлежали только ей одной и составъ ея пополнялся непрерывно изъ среды народа. Англійскіе короли крѣпко держали въ своихъ рукахъ право призванія къ участію въ управленіи государствомъ своихъ королевскихъ вассаловъ, всегда сами пользовались правомъ ихъ приглашенія въ парламентъ, съ которымъ связывалось и право пэріи [4]).

Образованіе наслѣдственнаго пэрства относится ко времени, когда на королевскомъ престолѣ Англіи появляется

1) Glasson, IV t., 64, 77—84 p., Гнейстъ, 514—522 с., Градовскій, 241 с. 2) Glasson, ibidem, 64 p. et suiv. 3) Гнейстъ, 518 с. 4) Gneist, Adel etc., 71 s.

Ланкастерская династія въ лицѣ *Генриха IV* (1399—1413), хотя институтъ пэріи, какъ и другія англійскія учрежденія, развился еще ранѣе изъ общественныхъ и историческихъ условій средневѣковой англійской жизни. То особенное положеніе, которое магнаты занимали въ королевскихъ совѣтахъ и въ мѣстномъ управленіи, гдѣ они, благодаря частно-гражданской системѣ майората, играли выдающуюся роль, должно было рано или поздно привести королей къ признанію за магнатами и ихъ старшими сыновьями права быть призванными къ управленію посредствомъ королевскихъ приглашеній (writs) въ парламенты. Поэтому уже при *Эдуардѣ III* (1327—1377) такіе магнаты формально признаются какъ pares regni, чѣмъ устанавливается юридическое различіе между ними и остальными, болѣе мелкими королевскими вассалами. Ланкастерская династія рѣшилась для упроченія своей власти опереться на эту вновь образовавшуюся корпорацію пэровъ, которые въ совѣтѣ прелатовъ и бароновъ пріобрѣтаютъ большое вліяніе на все управленіе. Въ тоже время первоначальная связь между владѣніемъ бароніей и пэрствомъ, бывшая необходимымъ условіемъ полученія званія пэра, постепенно ослабѣваетъ, въ особенности же послѣ перваго пожалованія *Ричардомъ II* (1377—1399) королевскимъ патентомъ наслѣдственнаго званія и правъ баронства помимо владѣнія королевскимъ леномъ. При преемникахъ Генриха IV пэрія обособляется въ наслѣдственное сословіе [1]). Междоусобныя войны уменьшили число лордовъ, но не ослабили ихъ политическихъ правъ. Въ XV столѣтіи кругъ пэровъ становится ограниченнымъ и въ большомъ совѣтѣ,—этомъ органѣ аристократіи власть знати дѣлается больше и исключительнѣе. Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ числа свѣтскихъ аристократическихъ родовъ въ ихъ рукахъ

---

1) Gneist, Adel etc., 71—72 s., Гнейстъ, Очеркъ etc., 391—394 с.

сосредоточиваются обширныя поземельныя владѣнія, между тѣмъ какъ высшее духовенство оказывается обладателемъ громадныхъ движимыхъ имуществъ [1]). Свѣтской аристократіи присвоены были также высшія государственныя должности, которыя приносили владѣющимъ ими аристократическимъ фамиліямъ огромные доходы [2]). Рядомъ съ исчезновеніемъ феодальной аристократіи идетъ процессъ постепеннаго пополненія ея рядовъ изъ среды заслуженныхъ чиновниковъ и разбогатѣвшихъ горожанъ, на которыхъ „переносились королемъ старинные титулы вымершихъ аристократическихъ родовъ, а за титулами послѣдовали и поземельныя пожалованія“ [3]). Послѣ войнъ Алой и Бѣлой Розы связи, соединяющія знать и среднiй классъ англійскаго общества, становятся особенно тѣсными и многочисленными [4]) и поддерживаются единодушіемъ при рѣшеніи общихъ дѣлъ въ парламентѣ. Замѣчательное единогласіе въ требованіяхъ общинъ и лордовъ, проявляющееся въ средневѣковыхъ парламентахъ Англіи [5]), вытекало, между прочимъ, изъ солидарности имущественныхъ интересовъ помѣщиковъ и поселенныхъ на ихъ земляхъ, разнаго рода владѣльцевъ, свободныхъ и крѣпостныхъ. Всякое отягощеніе помѣщичьихъ земель налогами со стороны королевской власти невольно отражалось и на возвышеніи разнообразныхъ обложеній помѣщиками владѣльцевъ ихъ поземельныхъ участковъ, что и заставляло обѣ стороны стойко и энергично отстаивать въ парламентахъ общія ихъ вольности и права [6]). Аристократію и остальныя сословія средневѣковой Англіи связывалъ, наконецъ, въ одно цѣлое тотъ, выработавшійся также истори-

---

1) Ковалевскій, 144 с. и слѣд. 2) Александренко, 176—186 с., Ковалевскій, 1-я гл. соч. „Общественный бытъ Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ“ и 186—187 с. 3) Ковалевскій, ibidem, 39—40, 185—186 с., ср. Градовскій, 157 с. 4) Glasson, IV, 87 p. 5) Фриманъ, „Очеркъ развитія англійской конституціи“, 89 с. 6) Ковалевскій, ibidem, 95 с.

чески, принципъ англійскаго публичнаго права, въ силу котораго обладаніе землей, пожалованной королемъ, соединялось неразрывно съ отправленіемъ извѣстныхъ обязанностей въ пользу государства [1]).

Такимъ образомъ, средневѣковая англійская аристократія, лишенная всякой замкнутости, не была дворянствомъ въ континентальномъ смыслѣ, не обладала исключительными привиллегіями, политическими или соціальными [2]). Право вступать въ ряды высшаго сословія (высшее духовенство и свѣтскую аристократію) было предоставлено всѣмъ людямъ достаточныхъ классовъ, которые могли подниматься на высшія ступени церковной іерархіи, занимать высокія и почетныя должности въ управленіи и достигать даже до званія пэра [3]). Англійское дворянство никогда не было привиллегированнымъ сословіемъ въ общепринятомъ смыслѣ: съ древнѣйшихъ временъ оно не знало ни свободы отъ уплаты податей, ни исключительной судебной подсудности, не имѣло особеннаго сословнаго управленія и поэтому не встрѣчало оппозиціи своимъ политическимъ притязаніямъ со стороны остальныхъ классовъ населенія, которые, напротивъ, дѣйствовали наравнѣ съ ней въ дѣлѣ ограниченія королевскаго и чиновничьяго произвола [4]). Англійская аристократія отстаивала гражданскую и политическую свободу всѣхъ гражданъ противъ злоупотребленій королевской власти при *Эдуардѣ II* (1307—1327), когда ею былъ организованъ учредительный комитетъ или совѣтъ изъ „распорядительныхъ лордовъ", издавшій нѣсколько уставовъ (ординансовъ) касательно важнѣйшихъ предметовъ управленія, особенно финансоваго. Такой же контролирующій управленіе характеръ имѣлъ, учрежденный при неспособномъ *Ричардѣ II* (1377—1399),

---

1) Ковалевскій, ibidem, 34 и 38 с. 2) Фриманъ: „Политика", 172—173 с., Очеркъ etc., 88 с. 3) Гнейстъ: „Исторія госуд. учрежденій Англіи", 512—513 с. 4) Ковалевскій, 240—244 и 352 с.

избранный баронами, постоянный совѣтъ изъ „апелляціонныхъ лордовъ“ [1]). Сама королевская власть, съ своей стороны, принимала всѣ мѣры къ тому, чтобы помѣшать возникновенію аристократіи, независимой отъ нея и обладающей исключительными политическими правами. Такъ феодальные господа должны были испрашивать королевское дозволеніе на устройство замковъ; всѣ замки, возведенные безъ разрѣшенія короля, еще со времени Генриха II предписано было разрушить. Королевская же власть ставила извѣстныя границы образованію широкаго кліенства, которое начало развиваться изъ обычая магнатовъ окружать себя въ своихъ владѣніяхъ массою всякаго рода лицъ, искавшихъ у нихъ покровительства и защиты своихъ правъ. Магнаты жаловали такимъ людямъ особаго рода одежду съ гербами своего рода,—ливрею. Короли, начиная съ Ричарда II, издаютъ цѣлый рядъ распоряженій, ограничивающихъ это право магнатовъ раздавать свои ливреи. Еще большее значеніе для уменьшенія политической самостоятельности аристократіи и увеличенія королевской власти имѣлъ статутъ *Эдуарда I* (1272—1307), который извѣстенъ подъ именемъ „Quia emptores“ (1290 г.). Этимъ статутомъ запрещалась всякаго рода субъинфеодація и возстановлялся принципъ полной зависимости всѣхъ даже и второстепенныхъ вассаловъ отъ короля. Наконецъ, организаціей со времени Ричарда II мироваго института въ мѣстномъ управленіи, основывающейся на взглядѣ на короля, какъ на высшаго охранителя мира и источникъ правосудія въ странѣ, уничтожается возможность обширнаго развитія патримоніальной или вотчинной юрисдикціи феодальныхъ владѣльцевъ и наслѣдственности должностей въ мѣстномъ управленіи, гдѣ и безъ того онѣ были въ рукахъ дворянства. Отсутствіе у него сословныхъ правъ и политиче-

1) Гнейстъ, 467 и 471 с., Градовскій, 127 и 136 с.

ской независимости отъ королевской власти вознаграждается съ избыткомъ богатствомъ политическихъ правъ, которыми обладаетъ вся англійская аристократія, какъ высшій ея слой (свѣтскіе бароны и высшее духовенство) такъ и низшій—рыцари. Послѣдніе представляли собой классъ владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстій, который образовался изъ младшихъ членовъ высшаго дворянства, мелкихъ коронныхъ вассаловъ, слившихся съ подвассалами, и наиболѣе крупныхъ изъ вольныхъ землевладѣльцевъ. Королевская власть принимаетъ тѣже мѣры и по отношенію къ низшему дворянству, какими обусловливалось отсутствіе замкнутости въ высшемъ слоѣ знати. Она допускала отчуждаемость и дробимость рыцарскихъ ленныхъ поземельныхъ участковъ и дозволяла вступать въ ряды рыцарей всѣмъ свободнымъ достаточнымъ людямъ. Преимуществомъ рыцарей было ихъ исключительное право быть избираемыми въ представители графствъ и—нѣкоторыя другія почетныя отличія [1]).

Такова была въ общихъ чертахъ соціальная и политическая роль англійской аристократіи въ разсматриваемое нами время. Можно утверждать положительно, что она стояла въ эту, по выраженію Гнейста, „эпоху государственныхъ чиновъ и организующихъ законовъ“ [2]) во главѣ всего общества, гдѣ она достигла того полнаго обладанія политическаго правами, неисключающаго отъ участія въ нихъ и остального общества, которое характеризуетъ англійскую конституцію въ противоположность западно-европейскимъ, континентальнымъ. Политическому преобладанію свѣтской аристократіи помогали различныя обстоятельства: сліяніе съ ней духовенства, высшаго и низшаго, усиливающее независимость всего сословія, отсутствіе въ средневѣковой Англіи самостоятельнаго городскаго сословія до конца XV столѣтія и экономиче-

---

1) Гнейстъ, 326, 485—496 с., Ковалевскій. 267—270 с., Градовскій, 153—158 с. 2) Гнейстъ, 305 с.

ское подчиненіе дворянству сельскаго населенія [1]). При всемъ своемъ привиллегированномъ положеніи въ обществѣ англійская аристократія умѣренно пользовалась своею властью, заботилась и объ общемъ благѣ народа. Конечно, ея дѣятельность не всегда отличалась національнымъ характеромъ: въ средневѣковой исторіи англійскаго дворянства были и такіе моменты, когда она добивалась исключительнаго первенства въ центральномъ и мѣстномъ управленіи. Свѣтскіе магнаты старались подражать въ своихъ владѣніяхъ королямъ, гдѣ они имѣли свой чиновничій персоналъ и *совѣты*, съ которыми лорды совѣщались о дѣлахъ своихъ помѣстій и которые принимали даже участіе въ общегосударственномъ управленіи сообразно съ политическимъ значеніемъ своего лорда. Въ XV вѣкѣ многіе лорды узурпировали нѣкоторыя права въ мѣстномъ управленіи въ ущербъ королевской власти [2]). Но всѣ подобныя проявленія сословнаго духа въ англійской знати парализовались общей политикой королей. Нужно замѣтить, что политическое преобладаніе англійской аристократіи надъ другими сословіями далось ей недаромъ; ей приходилось вести продолжительную и упорную борьбу изъ за власти съ разными королевскими династіями. Эта борьба постепенно превращается, по выраженію Гнейста, въ „борьбу между королевскимъ совѣтомъ, какъ органомъ королевской власти, и парламентомъ, или точнѣе, большимъ совѣтомъ, въ которомъ въ средніе вѣка сосредоточивалось все политическое вліяніе аристократіи“ [3]). Сообразно, до извѣстной степени одинаковому, во многихъ отношеніяхъ независимому положенію въ средневѣковомъ англійскомъ обществѣ обоихъ политическихъ элементовъ — монархическаго и аристократическаго и участіе ихъ въ общегосударственномъ управленіи представляется необходимо совмѣстнымъ и также самостоя-

1) Ковалевскій, 350-454 с. 2) Александренко, 187—189 с. 3) Гнейстъ, 383 с.

тельнымъ. Поэтому права, взаимныя отношенія и роль въ управленіи обоихъ совѣтовъ—королевскаго и большаго совѣта отличаются въ средневѣковой Англіи такими же въ высшей степени своеобразными, оригинальными чертами, какъ и все ея соціальное и политическое устройство.

Мы видѣли, что еще при Генрихѣ II явилась нужда въ постоянномъ учрежденіи, которое могло бы быть помощникомъ королю въ управленіи. Мы знаемъ также, что при Генрихѣ III возникъ совѣтъ регентства въ видѣ коллегіальнаго учрежденія съ высшею правительственною властью. Этотъ совѣтъ обратился потомъ въ постоянный королевскій совѣтъ. *Личное* управленіе Генриха вызвало стремленіе парламента подчинить этотъ совѣтъ своему вліянію и контролю. Эдуардъ I призналъ за совѣтомъ значеніе постояннаго учрежденія, необходимаго для укрѣпленія королевской власти, такъ что съ этого времени королевскій совѣтъ называется постояннымъ государственнымъ совѣтомъ (Continual, Permanent Council). Королевскій совѣтъ сдѣлался постояннымъ институтомъ при Эдуардѣ вслѣдствіе того, что въ его царствованіе образовался окончательно англійскій парламентъ въ цѣломъ своемъ видѣ,—собранія прелатовъ и бароновъ и палаты общинъ съ извѣстнымъ кругомъ дѣлъ, подлежащихъ его разрѣшенію; государственный совѣтъ сдѣлался поэтому мѣстомъ, гдѣ разсматривались всѣ дѣла, оставшіяся въ непосредственномъ вѣдѣніи короля. Совѣтъ состоитъ изъ высшихъ и второстепенныхъ должностныхъ лицъ, призываемыхъ въ него королемъ: лорда канцлера, казначея, коннетабля, хранителя личной печати короля, гофмейстера и архіепископа Кентерберійскаго. Послѣ того, какъ парламенты пріобрѣли большое значеніе въ управленіи, они стали оказывать извѣстное вліяніе и на составъ совѣта. При короляхъ Ланкастерской династіи большинство совѣта составляютъ лорды, духовные и свѣтскіе; съ ними постоянно засѣдаютъ въ совѣтѣ и высшія

должностныя лица въ государствѣ, подлежащія отвѣтственности предъ парламентомъ [1]). Компетенція королевскаго совѣта простирается на всѣ отрасли управленія; онъ является органомъ власти короля, который осуществляетъ при его помощи свое право суверенитета. Сфера дѣятельности государственнаго совѣта точно не опредѣлена, измѣняется въ каждый отдѣльный моментъ исторіи сообразно съ положеніемъ королевской власти въ государствѣ и ея отношеніемъ къ парламенту или большому совѣту, часть котораго онъ составляетъ. Вслѣдствіе постояннаго соперничества аристократіи съ короной въ пользованіи правами власти трудно отдѣлить функціи короля въ совѣтѣ отъ степени участія короля въ дѣятельности парламента [2]). Пока королевская прерогатива не была ограничена возраставшимъ могуществомъ парламента, въ государственномъ совѣтѣ сосредоточивались, какъ въ современномъ совѣтѣ министровъ, всѣ функціи управленія. Государственному совѣту принадлежала главная въ немъ роль, хотя король, по словамъ Фортескью и „не могъ измѣнить по своей волѣ законовъ страны безъ согласія своихъ подданныхъ“, то есть, парламента. Совѣтъ издавалъ распоряженія, которыя тогда еще мало отличались отъ законовъ и касались всѣхъ частей управленія. Совѣту принадлежало руководство всѣмъ ходомъ администраціи. Онъ составлялъ государственный бюджетъ, расходовалъ государственные доходы, завѣдывалъ военными дѣлами, рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ, сношеніяхъ съ иностранными государствами, промышленности и торговлѣ въ странѣ и предпринималъ различныя мѣры въ важнѣйшихъ случаяхъ. При совѣтѣ состояли разнаго рода коммиссіи и делегаціи, учрежденныя для разрѣшенія различныхъ вопросовъ техническаго свойства (напр., апелляціонный ко-

1) Гнейстъ, 361—363 и 465 с., Glasson, IV, 74 p., Фишель, 139—140 с., Александренко, 242—244 с., Градовскій, 248—249 с. 2) Александренко, 64, 193 с.

митетъ казначейства). При помощи этихъ коммиссій совѣтъ разсматривалъ петиціи частныхъ лицъ, корпорацій и графствъ, въ которыхъ содержались жалобы на злоупотребленія должностныхъ лицъ, просьбы о помилованіи и проч.. Государственный совѣтъ имѣлъ право судить нарушителей мира и привлекать къ отвѣтственности всѣхъ тѣхъ, кто мѣшалъ правильному теченію правосудія въ странѣ. Совѣтъ обладалъ чрезвычайной юрисдикціей въ ущербъ постояннымъ судамъ и самому правосудію. Поэтому въ разсматриваемую эпоху встрѣчается масса петицій общинъ объ ограниченіи судебныхъ правъ государственнаго совѣта и судебныхъ учрежденій, съ нимъ связанныхъ: суда канцлера, который былъ государственнымъ секретаремъ въ совѣтѣ, суда коннетабля, маршала, сенешаля и др.. Со времени Ричарда II устанавливаются разряды петицій и порядокъ ихъ разсмотрѣнія королемъ въ его совѣтѣ, а въ важнѣйшихъ случаяхъ и въ парламентѣ. При Генрихѣ VI былъ изданъ регламентъ, въ силу котораго совѣтъ за нѣкоторыми исключеніями не долженъ былъ вмѣшиваться въ дѣла, которыя могутъ быть рѣшены на основаніи общихъ законовъ: предметы особенной важности совѣтъ могъ только обсуждать, но не имѣлъ права постановлять окончательнаго рѣшенія безъ мнѣнія короля. Въ совѣтѣ разбирались сначала дѣла общегосударственной важности, а потомъ текущія. Установленъ былъ подробный порядокъ подачи мнѣній, рѣшенія дѣлъ, ихъ протоколированія, отчетности, при посредствѣ которыхъ парламентъ, контролировалъ дѣятельность совѣта: со времени Эдуарда I была признана необходимость и важность того начала, чтобы королевскіе совѣтники дѣйствовали подъ контролемъ парламента. Государственный совѣтъ въ такомъ видѣ составлялъ дѣйствительный центръ управленія и дѣйствовалъ независимо отъ парламента, который въ средніе вѣка складывается въ учрежденіе, ограничивающее королевскую власть

во многихъ отношеніяхъ и соперничающее въ управленіи съ государственнымъ совѣтомъ [1]).

Со времени Эдуарда I къ государственному совѣту присоединяются періодическія собранія нотаблей, которыя вмѣстѣ съ королевскимъ совѣтомъ образуютъ magnum consilium, отдѣлившійся впослѣдствіи (при Эдуардѣ III) въ качествѣ верхней палаты отъ палаты общинъ. Большой совѣтъ дѣлается органическою, составною частью государственнаго управленія, обезпечиваетъ правильное и постоянное въ немъ участіе высшему слою аристократіи страны. Въ большомъ совѣтѣ примѣняется къ управленію королевская власть при обязательномъ содѣйствіи магнатовъ. Въ него приглашались королемъ духовные и свѣтскіе коронные вассалы, архіепископъ, епископы, аббаты, свѣтскіе лорды (графы, бароны) и члены королевскаго совѣта на основаніи занимаемыхъ ими должностей. Члены постояннаго, королевскаго совѣта имѣли сначала въ большомъ совѣтѣ право голоса, равное съ остальными членами большаго совѣта, но съ образованіемъ института пэріи заняли въ большомъ совѣтѣ низшее положеніе по сравненію съ его коренными членами—пэрами. Только въ разрѣшеніи вопросовъ, касающихся утвержденія налоговъ и юрисдикціи пэровъ, всѣ пэры, а въ томъ числѣ и тѣ изъ нихъ, которые были членами королевскаго совѣта, были равны между собою. Во всѣхъ остальныхъ вопросахъ предметы совѣщаній большаго совѣта подготовлялись предварительно въ постоянномъ совѣтѣ. Регулярныя засѣданія послѣдняго только прерывались періодическими собраніями государственныхъ чиновъ, которые имѣли вліяніе на составъ постояннаго совѣта, въ особенности въ малолѣтство короля. При короляхъ же Ланкастерской династіи члены большаго

1) Гнейстъ, 358—360, 364—371 с., Cox, 202—208, 433 s., Glasson, III t., 122—123 p., IV, 73—76 p., Фишель, 140—141 с., Александренко, 65, 90—98, 193—240, 243—248 с., Градовскій, 249—253 с., Ковалевскій, 395—396 с.

совѣта нерѣдко сами вступали въ число ближайшихъ совѣтниковъ короля, постояннаго его совѣта. Компетенція большаго совѣта является не вполнѣ еще опредѣленною, но въ нее входятъ всѣ отрасли управленія; подобно королевскому совѣту, большой совѣтъ былъ высшимъ законодательнымъ, административнымъ и судебнымъ учрежденіемъ. „Совѣтъ и согласіе“ собранія бароновъ и прелатовъ сдѣлались постепенно необходимыми для изданія всѣхъ законовъ. При Эдуардѣ I вводится совѣщаніе съ великимъ совѣтомъ по всѣмъ законодательнымъ мѣрамъ въ области частнаго, уголовнаго и процессуальнаго права. При Эдуардѣ II было постановлено, что „всѣ предметы, касающіеся состоянія короля и его наслѣдниковъ, равно королевства и народа, должны быть, согласно обычаю, обсуждаемы, опредѣляемы и установляемы въ парламентѣ короля съ согласія прелатовъ, графовъ, бароновъ и общинъ королевства. Съ Эдуарда III королевскія повелѣнія не могли имѣть силы законовъ, если ими отмѣняются законы, изданные въ полномъ составѣ парламента. Это названіе обозначаетъ теперь высшее законодательное учрежденіе страны, какимъ становится великій совѣтъ. Къ концу періода онъ получаетъ преобладаніе надъ постояннымъ государственнымъ совѣтомъ во всѣхъ отрасляхъ управленія, такъ что послѣдній обращается только въ комитетъ большаго совѣта. Великій совѣтъ, какъ высшее совѣщательное учрежденіе, обсуждаетъ всѣ важнѣйшія мѣры по государственному управленію и участвуетъ, подобно постоянному совѣту, въ обсужденіи петицій и во всѣхъ дѣлахъ текущаго управленія. Великій совѣтъ назначаетъ чрезвычайныя субсидіи королю (auxilia) и разрѣшаетъ налоги (scutagia). Наконецъ, со времени Эдуарда I онъ выступаетъ въ качествѣ высшаго судебнаго учрежденія. Въ этомъ отношеніи великому совѣту принадлежало разсмотрѣніе жалобъ на неправильныя рѣшенія общегосударственныхъ, центральныхъ

судовъ. При разборѣ жалобъ на членовъ самого совѣта онъ дѣйствовалъ, какъ судъ пэровъ. Большой же совѣтъ имѣлъ право обвиненія высшихъ королевскихъ сановниковъ въ случаѣ злоупотребленія ими своею властью. Судебная дѣятельность большаго совѣта расширялась по мѣрѣ развитія его власти въ другихъ отношеніяхъ, такъ что въ концѣ XV столѣтія великій совѣтъ сталъ верховнымъ судомъ королевства точно также, какъ онъ въ тоже время сдѣлался высшимъ законодательнымъ и административнымъ учрежденіемъ. Въ постоянномъ совѣтѣ издавались теперь одни лишь королевскія распоряженія. Такимъ образомъ, въ большомъ совѣтѣ сосредоточилось все центральное управленіе сообразно политическому преобладанію аристократіи надъ королевскою властью и остальными сословіями. Это ея преобладаніе поддерживалось самой палатой общинъ, гдѣ засѣдали члены низшаго дворянства,—рыцари и кандитаты высшаго дворянства, отъ котораго населеніе городовъ и селъ находилось въ полнѣйшей экономической зависимости [1]).

При *Тюдорахъ* (1485—1603) происходитъ значительное измѣненіе въ положеніи монархической власти въ обществѣ и положеніи сословій, особенно же аристократіи, что немедленно отражается на компетенціи королевскаго совѣта и парламента и взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. Династія Тюдоровъ вступила на королевскій престолъ въ то время, когда вся страна, ослабленная продолжительными междоусобіями въ войну Розъ, нуждалась въ сильной и энергичной власти для возстановленія спокойствія и развитія благосостоянія населенія. Эта задача не могла быть выполнена правящимъ, аристократическимъ сословіемъ, члены котораго были заняты своими личными счетами; нѣкоторые же изъ болѣе мо-

---

1) Glasson, III, ib. и 128, 144—148 p., IV, 117 p. et suiv., 360 p. et suiv., Cox, 202 s , Гнейстъ, 372—382 с., Стебсъ, 185 с., Фишель, 360—363 и 371 с. Александренко, 59 с. и сл., 83 и 182 с , Градовскій 19 —197, 205—239 с., Ковалэвскій, 354—355 и 394—395 с.

гущественныхъ бароновъ стремились даже къ усиленію своего политическаго вліянія въ ущербъ королевской власти. Поэтому первымъ дѣломъ Тюдоровъ было уничтоженіе военной силы бароновъ, ихъ военнаго штата (leveries), казни, конфискаціи и разорительные съ нихъ штрафы. Сила и богатство знатныхъ родовъ убавились сильно и безъ этихъ мѣръ со стороны королевской власти вмѣстѣ съ окончаніемъ дворянскихъ междоусобій. Когда *Генрихъ VII* (1485—1509) созвалъ первый парламентъ въ свое царствованіе, въ палату лордовъ явилось только 29 свѣтскихъ членовъ, въ числѣ которыхъ были многіе, только недавно получившіе званіе пэра. Тюдоры щедро пользовались своимъ правомъ раздавать дворянамъ званіе пэра, которое жаловалось ими за заслуги государству, хотя бы новый дворянинъ и не владѣлъ бароніей. Такимъ образомъ, со времени Тюдоровъ аристократія становится служилымъ классомъ, собственно дворянствомъ, лишается своего прежняго исключительнаго вліянія на все управленіе. Въ тоже самое время увеличивается политическая сила королевской власти вслѣдствіе церковной реформаціи, надѣлившей короля верховными правами въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ и организаціи самостоятельной англиканской церкви. Король получилъ послѣ реформаціи громадныя церковныя имущества въ земляхъ и деньгахъ. Развитіе королевской власти и слабость аристократіи въ эпоху Тюдоровъ, а потомъ и—Стюартовъ обусловливались еще измѣненіями въ экономическомъ быту Англіи XVI—XVII столѣтія, въ которомъ упадокъ земледѣлія вмѣстѣ съ развитіемъ въ странѣ скотоводства долженъ быть разрушить прежнюю солидарность между высшими и низшими сословіями; интересы ихъ теперь сдѣлались различными. Обезземеленіе крестьянъ, получившихъ только одну личную свободу, идетъ въ Англіи рука объ руку съ развитіемъ, начиная съ XIV столѣтія, новаго фермерскаго хозяйства, отдачей лордами отдѣльныхъ по-

земельныхъ участковъ арендаторамъ, которые должны были заботиться лишь о своевременной уплатѣ лордамъ денежной ренты и не имѣли никакого интереса быть заодно съ аристократіей въ ея оппозиціи коронѣ. Послѣдняя, напротивъ, находила себѣ въ депутатахъ отъ графствъ, посылаемыхъ фермерами (йоменами), естественныхъ союзниковъ въ своей борьбѣ съ злоупотребленіями аристократическаго сословія, порожденными смутой. Большую помощь королевской власти оказывало, наконецъ, населеніе англійскихъ городовъ въ XVI столѣтіи, когда въ нихъ образовался вслѣдствіе развитія торговли и промышленности богатый и привиллегированный классъ купцовъ и ремесленниковъ, независимый отъ поземельной аристократіи. При Тюдорахъ же начинается въ общественной жизни Англіи тотъ постепенный процессъ, который Гнейстъ называетъ „передвиженіемъ сословій снизу вверхъ“ и который состоитъ въ сближеніи и сліяніи высшей аристократіи, лордовъ съ прежнимъ среднимъ сословіемъ, получившимъ теперь техническое названіе „джентри“ (gentry). Въ составъ джентри входятъ владѣтели крупныхъ поземельныхъ участковъ, бывшихъ прежде сеньоральными и раздававшихся заново королями, рыцари, богатые купцы и промышленники, низшее духовенство и лица образованнаго класса общества. Съ возникновеніемъ джентри дворянство перестало быть исключительно правящимъ сословіемъ въ государствѣ и заняло только вершину этого новаго сословія [1]).

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ англійской общественной жизни XVI—XVII столѣтія, благопріятнымъ развитію королевской власти Тюдоровъ, государственный совѣтъ, принявшій съ конца XIV столѣтія названіе *тайнаго совѣта* (Privy Council), дѣлается исключительнымъ органомъ коро-

---

1) Glasson, V, 55—61, 77—80 p., Гнейстъ, 499, 528—529 и 721 с., Gneist, Adel etc., 24 und 74 s., Градовскій, 262—263 с., Ковалевскій, 96, 118—119 и 392 с.

левской власти и дѣйствительнымъ средоточіемъ всего управленія страной. Политическое вліяніе тайнаго совѣта ростетъ постепенно, начиная съ Генриха VII, развивается при *Генрихѣ VIII* (1509—1547) и его дочери, *Маріи* (1553—1558) и достигаетъ апогея своего могущества при второй дочери Генриха VIII, королевѣ *Елизаветѣ* (1558—1603), при которой Privy Council стоитъ на первомъ мѣстѣ въ управленіи государствомъ, подчиняясь въ тоже время всѣмъ велѣніямъ королевской власти. Тайный совѣтъ изъ учрежденія, зависимаго ранѣе въ XV столѣтіи до извѣстной степени отъ аристократіи, превращается въ чисто бюрократическій институтъ, въ высшее совѣщательное установленіе при представителѣ королевской власти. Но помимо совѣщательныхъ функцій совѣтъ получилъ еще распорядительную власть, которая опиралась на подчиненные совѣту учрежденія и органы [1]). Прежняя связь королевскаго совѣта и его зависимость отъ великаго совѣта теперь исчезаютъ. Какъ составъ, такъ и кругъ дѣлъ тайнаго совѣта опредѣлялись исключительно волею короля, который не считалъ себя обязаннымъ подчиняться его рѣшенію. Чиновный элементъ въ немъ преобладаетъ надъ сословнымъ, аристократическимъ. Совѣтъ состоитъ изъ высшихъ должностныхъ лицъ королевства, свѣтскихъ и духовныхъ пэровъ, членовъ нижней палаты и даже лицъ низкаго происхожденія, назначаемыхъ королемъ въ члены совѣта за ихъ „мудрость и опытность" въ дѣлахъ управленія. Такъ въ тайномъ совѣтѣ Тюдоровъ осуществилась завѣтная мысль, упомянутаго нами юриста XV ст., Фортескью о томъ, чтобы мѣста въ совѣтѣ занимались не по сословному значенію его членовъ, а по ихъ способностямъ, чтобы совѣтъ былъ противовѣсомъ вліянію аристократіи и служилъ только государству. Компетенція тайнаго совѣта при Тюдорахъ была

---

1) Александренко: „Англійскій тайный совѣтъ и его исторія", т. I, 2-я ч., Варшава, 1890, 5 с.

очень обширна: въ нее входятъ законодательство, финансы королевства, промышленность, торговля, администрація страны и даже судъ. Тайный совѣтъ, число членовъ котораго сдѣлалось многочисленнымъ вслѣдствіе центральнаго и преобладающаго его положенія въ управленіи, не могъ собираться всегда въ полномъ своемъ составѣ; поэтому изъ среды его выдѣляется при Генрихѣ VIII еще тѣсный совѣтъ изъ 10 членовъ, который постоянно окружалъ короля. Для управленія церковными дѣлами былъ учрежденъ верховный церковный совѣтъ (Высокая Коммиссія). При Генрихѣ же VIII начинаетъ выдвигаться на первый планъ въ тайномъ совѣтѣ королевскій статсъ-секретарь, который по рангу считается выше бароновъ, если только они не высшіе государственные сановники. Кругъ дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію тайнаго совѣта, обнимаетъ всѣ отрасли управленія. Въ моментъ сильнѣйшаго развитія королевской власти при Генрихѣ VIII королевскія рѣшенія въ совѣтѣ получаютъ силу законовъ (1539 г.), равную съ актами парламента. Тайный же совѣтъ предоставилъ наслѣднику престола, Эдуарду VI право отмѣнить по достиженіи имъ 24 лѣтъ указомъ всѣ парламентскіе статуты, изданные въ періодъ его несовершеннолѣтія. Впрочемъ, оба эти статута Генриха VIII были отмѣнены при *Эдуардѣ VI* (1547—1553) въ началѣ его царствованія (1548 г.). Но и помимо того, въ тайномъ совѣтѣ рѣшались по волѣ короля всѣ общественныя дѣла, и совѣтъ дѣлалъ то, что было угодно королю. Такъ въ правленіе Маріи совѣтъ, въ которомъ преобладала католическая партія, обращается въ орудіе католической реакціи противъ реформаціоннаго движенія въ странѣ. Произвольная, карательно-полицейская власть совѣта, которымъ королева пользовалась для возстановленія католичества, достигла при Маріи обширнаго развитія, усиливши дискреціонную власть подчиненныхъ совѣту органовъ администраціи. При Елизаветѣ, на-

оборотъ, совѣтъ предпринимаетъ крутыя мѣры противъ католиковъ и водворяетъ въ странѣ протестантизмъ. Тайный совѣтъ захватываетъ при ней въ свои руки буквально всю администрацію королевства и вмѣшивается въ личную и общественную жизнь. Выше совѣта въ государствѣ была только сама королева, признававшая за нимъ лишь *совѣщательный характеръ*. Судебная власть тайнаго совѣта осуществлялась въ дѣятельности такъ называемой звѣздной палаты, возникшей въ 3-й годъ царствованія Генриха VII (1488) въ виду необходимости положить конецъ соціальнымъ безпорядкамъ, заносчивости магнатовъ и неурядицѣ въ мѣстномъ управленіи. Звѣздная палата, названная такъ по помѣщенію, въ которомъ происходили ея засѣданія, была комитетомъ тайнаго совѣта, хотя иногда весь совѣтъ обращался въ звѣздную палату, какъ высшій административно-уголовный судъ въ государствѣ. Звѣздная палата, назначенная сначала для обузданія произвола знати и водворенія законности въ управленіи и порядка во всей странѣ, пользовалась въ первое время своей дѣятельности особенной популярностью. Современники восхваляли даже это учрежденіе, какъ полезное для всего королевства. Скоро, однако, популярность звѣздной палаты и лестныя мнѣнія объ ея дѣятельности исчезаютъ и самое ея имя дѣлается синонимомъ всякаго административнаго произвола, притѣсненій и жестокости. При сильномъ развитіи королевской власти при Тюдорахъ, безсиліи парламента и общихъ судовъ королевства естественно было ожидать, что звѣздная палата, надѣленная высшею, безапелляціонною карательною властью, превратится въ послушное, безмолвное орудіе въ рукахъ королей, которые воспользуются ею для еще большаго укрѣпленія своего политическаго авторитета и подавленія всякаго серьознаго сопротивленія правительству. Такой именно дискреціонный характеръ получила и на самомъ дѣлѣ дѣятельность звѣздной палаты,

вѣдѣнію и контролю которой подлежали, кромѣ дѣлъ высшей, чрезвычайной уголовной юрисдикціи, еще и всѣ гражданскія дѣла, мѣры для увеличенія королевскихъ доходовъ, направленіе общественной мысли, религіозная и вся частная жизнь гражданъ. Вообще компетенція звѣздной палаты была безгранична, такъ какъ она сама рѣшала вопросъ о подсудности тѣхъ или другихъ доходившихъ до нея дѣлъ. Правосудіе палаты служитъ различнымъ партіямъ, политическимъ и религіознымъ, обращается въ средство для преслѣдованія ими своихъ узкихъ, эгоистическихъ цѣлей. Звѣздная палата распространяетъ свое чрезвычайное вліяніе на провинціи королевства, въ которыхъ были учреждены ея делегаціи: сѣверный совѣтъ—для умиротворенія Іоркшира и другихъ мятежныхъ графствъ, совѣтъ Валлиса и др.. Делегаціи звѣздной палаты увеличиваютъ обширную власть тайнаго совѣта наравнѣ съ другими судебными коммиссіями совѣта, прежними и возникшими вновь при Тюдорахъ [1]).

При всѣхъ условіяхъ, благопріятныхъ для развитія могущества королевской власти въ эпоху Тюдоровъ, ихъ правленіе не отличалось абсолютистическимъ характеромъ, не исключало парламентъ отъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Усиленіе монархической власти Тюдоровъ было, какъ мы видѣли, результатомъ особыхъ условій общественной жизни Англіи въ концѣ XV и XVI столѣтія. Но Тюдоры не воспользовались своею властью для того, чтобы уничтожить конституцію страны, и даже сдѣлали шагъ впередъ, сами помогли расширенію правъ народнаго представительства и развитію англійскаго самоуправленія (self-governement): они придали окончательную организанію общиннымъ учрежденіямъ и установили посредствомъ строгаго,

---

1) Glasson, V, 65 p., Гнейстъ, 541, 574—590 с., Cox, 209—211 s., Фишель, 9—10 с., Александренко, 1-я ч., 253—338 с. и 2-я ч., I—XII, 20, 41, 46 с., Градовскій, 263—265, 293—295 с.

подчиненнаго отношенія ихъ къ мировымъ судьямъ—агентамъ центральнаго управленія—единство во всей администраціи королевства. Положимъ, развитіе личнаго правленія Тюдоровъ должно было отодвинуть на задній планъ парламентъ, который раболѣпно соглашался на всѣ предложенія королей, особенно же Генриха VIII и Елизаветы. Короли сами составляли magnum consilium изъ духовныхъ и свѣтскихъ лордовъ—лицъ, имъ угодныхъ, широко пользовались своимъ правомъ назначать новыхъ свѣтскихъ пэровъ. Privy Council становится центромъ всего государственнаго управленія и аристократія болѣе, чѣмъ на столѣтіе, перестаетъ распоряжаться судьбой страны. Но въ тоже время „столѣтіе Тюдоровъ представляетъ, по словамъ Гнейста, болѣе парламентарный характеръ, чѣмъ всѣ предъидущія, такъ какъ никогда еще парламенту не приходилось рѣшать болѣе важныхъ дѣлъ въ особенности по церковнымъ вопросамъ“ [1]). Великій вопросъ реформаціи былъ рѣшенъ съ согласія народныхъ представителей, которые утвердили за королемъ супрематію по церковнымъ дѣламъ и установили догматы и устройство новой церкви. Съ согласія же парламента происходило заключеніе и расторженіе нѣсколькихъ браковъ Генриха VIII и признаніе законными его дѣтей. Тюдоры, призванные историческими обстоятельствами къ возстановленію престижа королевской власти, порядка и справедливости въ странѣ и уничтоженія произвола магнатовъ, достойно и энергично пользовались своею обширною властью для достиженія этихъ цѣлей своей дѣятельности. Но они никогда не желали править помимо парламента, поступали всегда согласно съ законами и твердо установившимися обычаями страны. При Тюдорахъ окончательно установился принципъ англійскаго государственнаго права, что обязательную силу

---

1) Гнейстъ, Исторія etc., 545 с.

для сословій имѣютъ лишь такія постановленія, въ изданіи которыхъ они сами участвовали. Безъ согласія же сословій одинъ король не могъ произвести какихъ-либо измѣненій въ законахъ страны, особенно въ области гражданскаго, уголовнаго и „общаго права“ (common law) страны. Проэкты законовъ предлагались королемъ въ парламентѣ и обыкновенно принимались имъ. Но въ случаѣ отказа парламента въ своемъ согласіи даже такіе могущественные Тюдоры, какъ Генрихъ VIII и Елизавета, не настаивали на своихъ билляхъ: послѣдніе образовывались часто изъ петицій самихъ же палатъ парламента. Право обязательнаго участія парламента въ рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ не исключалось, извѣстнымъ намъ, постановленіемъ Генриха VIII, признавшимъ силу закона за королевскими распоряженіями. Этотъ законъ относился только къ церковнымъ дѣламъ; въ его текстѣ заключалась оговорка о необходимости сохраненія при изданіи такихъ королевскихъ распоряженій имущества, правъ свободы, неприкосновенности личности и обычаевъ страны. Притомъ же этотъ законъ вмѣстѣ съ другимъ закономъ того же Генриха VIII, уполномочивавшимъ его сына на отмѣну всѣхъ парламентскихъ статутовъ, которые могли быть изданы въ періодъ несовершеннолѣтія Эдуарда VI, былъ отмѣненъ послѣднимъ во второй годъ его царствованія. Парламенты пользовались также попрежнему правомъ утвержденія налоговъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ Генриха VII и—VIII, вызвавшихъ вооруженное сопротивленіе въ странѣ, взимать денежныя субсидіи собственною властью, Тюдоры должны были отказаться отъ дѣятельности въ этомъ направленіи. Произвольные поборы, также какъ и самовластныя распоряженія Тюдоровъ, разсматривались всегда, какъ злоупотребленія ихъ своею властью; въ нихъ не видѣли безусловнаго и самостоятельнаго права королей. Обѣимъ палатамъ, наконецъ, принадлежало право

общаго контроля надъ государственнымъ управленіемъ, обезпеченное участіемъ ихъ въ законодательствѣ и утвержденіи налоговъ. Такимъ образомъ, парламентская конституція Англіи не только сохранилась при личномъ правленіи Тюдоровъ, но получила въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ дальнѣйшее развитіе, что было причиной энергичной стойкости парламента въ послѣдующую эпоху англійской политической исторіи, правленіе Стюартовъ.[1]).

Въ эпоху *Стюартовъ* (1603—1688) королевская власть лишилась того первенствующаго положенія въ государствѣ, которое она занимала въ немъ съ XII столѣтія. Со времени Стюартовъ король перестал быть верховнымъ источникомъ политическихъ правъ высшаго сословія, которыми въ періодъ республики (1649—1660) овладѣло, хотя и временно, среднее, городское сословіе. Власть попадаетъ снова въ руки аристократіи, и на этотъ разъ въ полное и исключительное обладаніе въ теченіе цѣлаго вѣка (XVIII), въ періодъ реставраціи Стюартовъ (1660—1688) и особенно съ переходомъ англійскаго престола къ Вильгельму III Оранскому (1688 г.). Тюдоры оставили своимъ преемникамъ королевскую власть, достигшую прочнаго положенія въ странѣ, обладающей рѣшительнымъ голосомъ во всѣхъ важныхъ законодательныхъ вопросахъ, съ обширными задачами по отношенію къ развитію благосостоянія всего населенія королевства. Стюарты игнорировали историческую роль королевской власти въ англійской конституціи, неразрывную связь этой власти съ интересами правящаго класса и всѣ культурныя задачи ея дѣятельности въ обществѣ. Всѣ Стюарты (оба Іакова и Карла) стремились управлять страной, помимо всѣхъ ис-

---

1) Гнейстъ, 541, 551, 590 - 591, 600—616 с., Glasson, V, 71—76 p., Cox, 211 s., Александренко, 2-я ч., 13, 16—18, 21, 25—27, 29, 33, 42, 49, 96 и слѣд., 100—101 с., Градовскій, 259—262, 295—297 с., Фишель, 11, 365—367 с.

торическихъ традицій, совершенно произвольно, вопреки законамъ страны. Основаніемъ такого образа ихъ дѣйствій былъ взглядъ, свойственный всѣмъ Стюартамъ, но проводимый особенно упорно и настойчиво *Іаковомъ I* (1603—1625) и *Карломъ I* (1625—1649), что король есть абсолютный глава государства, власть котораго имѣетъ божественное происхожденіе. Поддерживаемый въ своихъ властолюбивыхъ притязаніяхъ частью высшаго дворянства и духовенства, Іаковъ I объявилъ, что всѣ политическія права сословій—добровольные дары короля, который стоитъ выше всѣхъ законовъ, не связанъ ими и имѣетъ право отмѣнять законы по своей волѣ. Послушнымъ орудіемъ для осуществленія королевскихъ плановъ явилась въ этомъ случаѣ звѣздная палата, дѣятельность которой при Іаковѣ I уничтожила значеніе всякихъ конституціонныхъ гарантій личной свободы. Іаковъ I употреблялъ звѣздную палату въ виду личныхъ, фискальныхъ и политическихъ, цѣлей, обратилъ ее въ средство для несправедливыхъ вымогательствъ субсидій королю и преслѣдованій лицъ, ему неугодныхъ. Несправедливость и жестокость распоряженій, принимаемыхъ звѣздной палатой въ угоду Іакову, практикуемая ею, система административныхъ ссылокъ и конфискацій превзошли скоро всякую мѣру и возбудили сильное негодованіе во всемъ обществѣ. Іаковъ I управлялъ государствомъ сначала посредствомъ тайнаго совѣта, на который онъ смотрѣлъ, какъ на своего ближайшаго помощника въ этомъ дѣлѣ. Совѣтъ долженъ былъ заботиться объ устраненіи излишнихъ расходовъ и изысканіи новыхъ источниковъ доходовъ. Важнѣйшія дѣла обсуждались въ полномъ составѣ совѣта и въ присутствіи короля, который, впрочемъ, скоро начинаетъ стѣсняться коллегіальными формами дѣятельности въ совѣтѣ и предпочитаетъ управлять государствомъ произвольно, при помощи нѣсколькихъ фаворитовъ, своего кабинета (юнты). Противъ такого образа дѣйствій Іакова, иду-

щаго въ разрѣзъ съ исконными основаніями англійской конституціи, возсталъ парламентъ, къ которому король обращался лишь съ однѣми просьбами о субсидіяхъ и намѣренно отстранялъ его отъ всякаго участія въ управленіи. Собравшійся въ 1621 году, парламентъ осудилъ за лихоимство знаменитаго канцлера, философа Бэкона и издалъ „Объявленіе о правахъ парламента въ обсужденіи дѣлъ, касающихся государства, защиты королевства и церкви, составленія и охраненія законовъ и разсмотрѣнія жалобъ“. Король отвѣчалъ на это заявленіе парламента о своихъ правахъ его распущеніемъ. Но оппозиція парламента противъ злоупотребленій королевской властью не прекратилась и при Карлѣ I проявилась еще рѣшительнѣе. Пренебрегая отказами парламентовъ (1625—1626 г.) въ субсидіяхъ, нужныхъ Карлу для войны съ Испаніей, онъ вздумалъ добыть деньги путемъ принудительныхъ займовъ, декретируемыхъ звѣздной палатой. Съ самаго начала своего правленія Карлъ сталъ обращаться къ тайному совѣту за рѣшеніемъ всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ, но указы совѣта также начинаютъ въ это время встрѣчать противодѣйствіе со стороны общества. Желая избѣжать финансовыхъ и военныхъ затрудненій, король созвалъ въ 1640 г. magnum consilium, большой совѣтъ пэровъ, которые должны были подать ему необходимый совѣтъ и оказать помощь въ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Но теперь уже нельзя было ограничиться совѣщаніями съ одними пэрами королевства. Изъ среды самихъ пэровъ 12 подали королю петицію о созваніи парламента; такое же прошеніе подано было и лондонскими гражданами. Тогда Карлъ рѣшился созвать (въ 1628 г.) парламентъ, который далъ королю требуемыя имъ субсидіи, но въ тоже время настоялъ на изданіи знаменитаго акта—„Петиціи о правахъ“, гдѣ заключался цѣлый рядъ, требуемыхъ отъ короля, конституціонныхъ правъ. Въ силу этого акта король не могъ налагать

произвольно податей, нарушать права личной свободы и прибѣгать самовольно къ установленію воинской повинности и чрезвычайной судимости. Король не сразу согласился на эти требованія парламента, рѣшившись впредь обходиться при управленіи безъ его помощи. Въ теченіи цѣлыхъ 11 лѣтъ (1629—1640) Карлъ I самовластно распоряжался всѣмъ въ государствѣ при содѣйствіи тайнаго совѣта или, вѣрнѣе, кабинета, занявшаго въ управленіи мѣсто парламента и звѣздной палаты, превратившейся въ отсутствіе парламента въ высшій, исключительный органъ административной власти. Конституціонное значеніе тайнаго совѣта, назначеннаго для руководства дѣлами высшаго управленія, было теперь извращено. Изъ тайнаго совѣта стали теперь исходить безконтрольныя королевскія распоряженія, нарушающія всѣ права политической и гражданской свободы англичанъ. Особенно рѣзко проявлялся произволъ власти Карла I съ тайнымъ совѣтомъ и звѣздной палатой въ области полицейскаго и финансоваго управленія. Совѣтъ и палата, кромѣ изданія королевскихъ повелѣній, прибѣгали къ системѣ полицейскихъ арестовъ, ссылокъ и жестокихъ наказаній лицъ, нежелавшихъ платить незаконныя подати и отказывающихся подчиняться королевскимъ распоряженіямъ. Всѣ судьи въ королевствѣ должны были служить волѣ короля, а не закону, и тѣ изъ нихъ, которые не подчинялись королевскимъ желаніямъ, были немедленно отрѣшаемы отъ должности. Въ тоже время развилась въ королевствѣ самая беззастѣнчивая продажа должностей, которая впервые стала практиковаться еще при Іаковѣ I. Карлъ I стремился освободиться отъ всякой финансовой зависимости отъ парламента и съ этою цѣлью имъ была возстановлена старинная корабельная подать, которая была распространена на всѣ графства. Процессъ богатаго землевладѣльца, Джона Гампдена, отказавшагося платить, хотя и ничтожную (20 шиллинговъ), но незаконную подать,

возбудилъ всеобщее вниманіе и еще болѣе увеличилъ въ средѣ общества недовольство произвольною дѣятельностью королевской власти. При явномъ желаніи Карла I измѣнить конституцію страны въ духѣ абсолютизма онъ не могъ этого сдѣлать, встрѣчая безмолвное, но упорное сопротивленіе своему произволу въ единодушномъ протестѣ имущественныхъ классовъ и въ прочной организаціи мѣстнаго управленія. Это единодушіе и могущественная политическая сила джентри сказались скоро въ дѣятельности знаменитаго „Долгаго парламента", который Карлъ долженъ былъ созвать въ виду полнаго истощенія королевской казны (въ 1640 г.). Первымъ дѣломъ парламента было предать суду, а потомъ и смертной казни королевскаго любимца, лорда Страфорда, обвиненнаго въ государственной измѣнѣ. Затѣмъ было издано постановленіе, которымъ отмѣнялись административная карательная власть и чрезвычайная гражданская юрисдикція совѣта. Король и тайный совѣтъ потеряли право издавать распоряженія съ силою закона независимо отъ парламента: король былъ признанъ творцомъ закона только вмѣстѣ съ парламентомъ. Король въ совѣтѣ лишь исполнялъ законы. Парламентъ рѣшилъ передать судебныя дѣла изъ тайнаго совѣта въ обыкновенные суды и настоялъ на томъ, чтобы были упразднены звѣздная палата, совѣтъ сѣвернаго графства и верховный церковный совѣтъ или высокая коммиссія. Установленъ былъ также трехлѣтній срокъ созванія парламента. Во время преній въ парламентѣ нижная палата заявила, что только коммонеры — представители націи, а пэры пользуются лишь „правомъ личнаго представительства". Парламентъ сдѣлалъ представленіе королю (Grand Remonstrance) о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ въ управленіи и опасностяхъ отъ такого его хода для всей конституціи страны. Но Карлъ лично арестовалъ пять членовъ нижней палаты, чѣмъ еще болѣе возбудилъ противъ себя весь парламентъ. Наконецъ,

была сдѣлана послѣдняя попытка къ примиренію съ королемъ. Парламентъ предъявилъ Карлу рядъ требованій, касавшихся общаго государственнаго устройства. Парламентъ желалъ, чтобы члены королевскаго совѣта и пэры были назначаемы королемъ съ его согласія, чтобы всѣ распоряженія короля обсуждались въ тайномъ совѣтѣ, чтобы судьи были опредѣляемы на мѣста пожизненно и проч.. Король согласился только на пожизненное назначеніе судей и отвергъ всѣ остальныя требованія парламента. Тогда началась борьба между королевскою властью и парламентомъ, въ которой впервые въ политической исторіи Англіи обозначились двѣ парламентарныхъ партіи съ противоположными политическими задачами: партія кавалеровъ, роялистовъ, къ которой принадлежало большинство высшаго дворянства и духовенства, и партія круглоголовыхъ (жителей городовъ и мелкихъ землевладѣльцевъ)—сторонниковъ коренныхъ реформъ въ государственномъ устройствѣ. Междоусобная борьба закончилась побѣдой парламента, плѣномъ и смертной казнью Карла I, за которой послѣдовало уничтоженіе королевской власти въ Англіи, упраздненіе тайнаго совѣта и палаты лордовъ и провозглашеніе республики (1649 г.). Вся власть перешла къ вождю побѣдившей парламентской партіи, *Оливеру Кромвелю*, который вскорѣ (1653 г.) сдѣлался протекторомъ республики [1]).

Кромвель управлялъ государствомъ при помощи нижней палаты, къ которой перешла вся учредительная власть, и государственнаго совѣта, избраннаго палатой. Подъ ея контролемъ совѣтъ и дѣйствовалъ. Члены государственнаго совѣта вышли изъ среды нижней палаты. Подобно парламенту, совѣтъ представлялъ собою военную олигархію. Госу-

---

1) Гнейстъ, 632—658 с., Glasson, V, 232—233, 242—245 p., Cox, 212—214 s., Фишель, 12—15, 367—368 и 382 с., Александренко, I ч., 312—314 с., 2-я ч., XIII—XXII, 5, 35, 47, 49, 76, 96, 100—101 с., Градовскій, 308—336 с.

дарственный совѣтъ республики былъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ въ странѣ. Ему принадлежала въ широкихъ размѣрахъ законодательная инціатива и право издавать распоряженія въ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ. Совѣту были подчинены всѣ отрасли внутренней администраціи. Онъ сносился отъ имени королевства съ иностранными государствами. Наконецъ, государственный совѣтъ обладалъ нѣкоторыми судебно-полицейскими функціями власти. Вообще совѣтъ въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ республики обладалъ фактически всею властью въ странѣ, которая ранѣе принадлежала королю и тайному совѣту. Онъ могъ даже распускать самый парламентъ. Совѣтъ былъ коллегіальнымъ учрежденіемъ, предсѣдатель котораго не имѣлъ въ немъ никакихъ самостоятельныхъ правъ и долженъ былъ слѣдить только за исполненіемъ порядка дѣлопроизводства. Государственный совѣтъ былъ уничтоженъ въ 1653 году Кромвелемъ при распущеніи имъ парламента [1]). Объявленный протекторомъ республики, Кромвель присвоилъ себѣ абсолютную власть въ государствѣ; законодательная власть, впрочемъ, вмѣстѣ съ правомъ установлять налоги осталась за парламентомъ. Но за то вся исполнительная власть перешла всецѣло къ протектору и осуществлялась имъ при помощи немногочисленнаго военнаго совѣта. Протекторъ и совѣтъ сами могли избирать извѣстное число (13—21) членовъ совѣта, въ присутствіи котораго Кромвель приносилъ присягу, что онъ не нарушитъ законовъ. Совѣтъ же имѣлъ право избрать преемника Кромвелю въ случаѣ его смерти [2]).

Кромвель старался сохранить, повидимому, прежнія формы центральнаго управленія страной, но на самомъ дѣлѣ правилъ въ духѣ военной диктатуры. Всѣ попытки Кром-

---

1—2) Александренко, 2-я ч., 125—140 и 141 с.

веля организовать вновь государственное парламентарное устройство и ввести правильное управленіе оказались безуспѣшными, не находили сочувствія въ средѣ общества, особенно въ высшемъ дворянствѣ и джентри, той вліятельной ихъ части, которая была устранена при республикѣ отъ управленія государствомъ среднимъ сословіемъ. Нѣкоторые члены дворянскаго сословія и джентри занимали въ послѣднемъ только роль вождей. Участіе въ управленіи средняго сословія, обезпеченное ему республикой, подрывало въ корнѣ основу исторически сложившагося въ Англіи парламентарнаго управленія, тѣсную связь высшихъ правъ государственной власти и мѣстнаго управленія съ обладаніемъ собственностью. Устраненіе наслѣдственныхъ пэровъ отъ участія въ управленіи въ качествѣ членовъ верхней палаты, лишеніе крупнаго джентри его политическихъ правъ и вліянія въ парламентѣ и графствахъ, неопытность въ управленіи пуританъ, безпрерывные раздоры между разнообразными фракціями господствующей партіи, военно-полицейскій режимъ и терроръ правительственной дѣятельности Кромвеля—все это сдѣлало невозможнымъ республиканское правленіе въ странѣ. Уже въ послѣднемъ парламентѣ, созванномъ Кромвелемъ (1656 г.) заходитъ рѣчь о томъ, чтобы „въ основу управленія были положены старыя, испытанныя начала“. Вскорѣ послѣ смерти Кромвеля снова открывается „Долгій парламентъ“, который возстановилъ государственный совѣтъ, но не съумѣлъ принять какихъ-либо мѣръ къ обоснованію прочнаго государственнаго порядка. Наконецъ въ собравшемся въ 1660 году конвентѣ (convention parliament) было рѣшено возстановить королевскую власть и вручить ее Карлу II Стюарту.

Реставрація была возобновленіемъ древняго государственнаго устройства страны: наслѣдственной монархической власти, законной прерогативы короля, верхней палаты, наслѣдственнаго пэрства, палаты общинъ, учрежденій мѣстнаго

управленія и судебныхъ установленій. Но реставрація имѣла характеръ реакціи противъ республики, что выразилось въ общей радости при возшествіи на престолъ *Карла II* (1660—1685) и въ ожесточеніи всего общества противъ пуританъ. Личность короля была объявлена парламентомъ неприкосновенною и самъ онъ неотвѣственнымъ за свои правительственныя дѣйствія. Король при реставраціи былъ высшимъ источникомъ права и главой церкви. Ему принадлежала не одна только исполнительная власть, но и законодательная: ни одинъ законъ не могъ быть изданъ безъ согласія короля. Дѣятельность короля попрежнему была ограничена сословіями, по отношенію къ которымъ онъ долженъ былъ руководиться старыми конституціонными законами, санкціонированными „Петиціей о правахъ". Всѣ законы были результатомъ совмѣстной дѣятельности короля и парламента, который ненарушимо пользовался своимъ правомъ вотировать налоги, контролировать ходъ администраціи и привлекать къ отвѣтственности должностныхъ лицъ, виновныхъ въ злоупотребленіи своею властью. Парламентъ, сдѣлавшійся могущественнымъ послѣ своей борьбы съ первыми Стюартами, является въ эпоху реставраціи центромъ всего управленія и становится высшею властью въ государствѣ. По сравненію съ политической силой парламента права королевской власти оказались на столько слабыми, что Карлъ II не могъ ничего сдѣлать противъ опредѣленія парламента объ арестованіи партіи абгорреровъ—противниковъ такъ называемаго Exclusionbill'я, которымъ отстранялся отъ наслѣдованія англійскаго престола братъ короля, герцогъ Іоркскій, Іаковъ. Королевская власть была еще болѣе ограничена парламентомъ, настоявшимъ на изданіи королемъ знаменитаго „Habeas corpus act'a" (1679 г.),—„третьей великой конституціонной хартіи" англійскаго народа, которою обезпечивалось всѣмъ гражданамъ право личной свободы отъ произвольныхъ аре-

стовъ органовъ администраціи. Верхняя палата окончательно превращается въ постоянный органъ правящаго класса,— джентри: лорды являются только его представителями въ центральномъ управленіи. Въ рукахъ окончательно сложившагося въ XVII вѣкѣ джентри, изъ рядовъ котораго выходятъ всѣ новые пэры, назначаемые Стюартами въ большомъ количествѣ, находится все управленіе графствами и приходами, гдѣ джентри завѣдуетъ судебными мировыми учрежденіями, милиціей и всѣми остальными мѣстными дѣлами. Съ упраздненіеиъ звѣздной палаты и другихъ исключительныхъ судовъ палата лордовъ получаетъ значеніе высшаго судилища въ государствѣ; постоянная же смѣна министровъ при послѣднихъ Стюартахъ доставляетъ палатѣ лордовъ рѣшительный перевѣсъ надъ королевскою властью и нижней палатой. Послѣдняя также оказываетъ теперь извѣстное вліяніе на управленіе, которое она пріобрѣла въ періодъ республики, когда парламентъ состоялъ изъ одной палаты общинъ, какъ единаго національнаго собранія. Нивеллирующее вліяніе началъ реформаціи и сліяніе средняго сословія съ джентри въ мѣстномъ управленіи, также какъ и восьмнадцатилѣтнее безпрерывное существованіе „Долгаго парламента“ при Карлѣ II должны были возвысить значеніе нижней палаты въ управленіи всѣми общегосударственными дѣлами. Въ средѣ самого парламента стало прививаться появившееся при Карлѣ I дѣленіе на политическія партіи. Въ парламентахъ Карла II этими партіями были эксклюзіонисты—сторонники билля объ устраненіи отъ престола Іакова—и ихъ противники—абгорреры. Скоро, впрочемъ, первая партія получаетъ названіе виговъ, а вторая торіевъ. Между торіями,— защитниками королевской власти и вигами,—ея противниками происходили безпрерывныя столкновенія и борьба въ парламентахъ, которая, однако, не помѣшала обѣимъ партіямъ соединиться вмѣстѣ для того, чтобы провести нѣсколько

новыхъ дополнительныхъ къ конституціи актовъ. Эти акты расширили еще болѣе права парламента въ ущербъ королевской власти. Нижняя палата установила принципъ юридической отвѣтственности министровъ; посредствомъ Appropriation act'а были расширены права палаты общинъ относительно контроля надъ употребленіемъ назначаемыхъ парламентомъ субсидій. Дѣятельность парламента значительно ослабила вліяніе тайнаго совѣта короля, возстановленнаго съ реставраціей Стюартовъ. Въ составъ этого совѣта входятъ, какъ и прежде, лорды, должностныя и другія лица, назначаемыя королемъ. Но компетенція совѣта была съужена: съ упраздненіемъ звѣздной палаты была уничтожена навсегда административная юрисдикція тайнаго совѣта. Контроль же надъ дѣятельностью судовъ и судебно-мировыми учрежденіями былъ порученъ суду королевской скамьи. Обсужденіе всѣхъ важнѣйшихъ и исключительныхъ случаевъ въ управленіи перешло „отъ короля въ его совѣтѣ къ королю въ парламентѣ". Подобно Карлу I, образовавшему военный совѣтъ и коммиссію по иностраннымъ дѣламъ при тайномъ совѣтѣ, Карлъ II сдѣлалъ также нѣкоторыя измѣненія въ организаціи тайнаго совѣта. Такъ въ 1660 году были образованы, какъ отдѣленія тайнаго совѣта, торговый совѣтъ и совѣтъ для иностранныхъ колоній, которые были соединены вмѣстѣ въ 1672 году. Комитетъ по иностраннымъ дѣламъ, появившійся въ качествѣ секціи тайнаго совѣта, сдѣлался потомъ центромъ всего королевскаго управленія. Въ 1679 году Карлъ рѣшился преобразовать тайный совѣтъ совершенно по новому плану, предложенному королю извѣстнымъ дипломатомъ того времени, сэромъ Вильямомъ Тэмплемъ. Новая организація совѣта должна была обезпечить большую самостоятельность дѣйствій королевской власти, которая могла при помощи совѣта примирить между собою парламентарныя партіи. Совѣтъ былъ составленъ изъ 30 чле-

новъ, первая половина которыхъ вышла изъ среды высшихъ чиновъ короны, а другая заключала въ себѣ десять лордовъ верхней палаты и пять членовъ палаты общинъ, пользующихся особеннымъ вліяніемъ въ парламентѣ. Во главѣ совѣта былъ поставленъ лордъ-президентъ съ дѣйствительною, а не номинальною только властью, какъ было до сихъ поръ. Въ такомъ видѣ тайный совѣтъ существовалъ недолго. Назначеніе на важный постъ лорда-президента совѣта графа Шафтсбюри и дѣятельность членовъ совѣта, противоположная намѣреніямъ короля, скоро заставили Карла II отказаться отъ новаго преобразованія совѣта и возвратиться къ обычному способу веденія дѣлъ при помощи не всего совѣта, а только нѣсколькихъ преданныхъ королю лицъ, — его кабинета („кабалы“). Кабинетъ короля, дѣйствовавшій внѣ всякой связи съ парламентомъ и независимо отъ контроля тайнаго совѣта, служилъ личнымъ интересамъ короля, былъ праводникомъ личной его воли во многихъ важнѣйшихъ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики. Произволъ короля проявлялся въ назначеніи судей въ общегосударственныя судебныя учрежденія. Карлъ II безцеремонно распоряжался, какъ было ему угодно, правомъ короля назначать на всѣ высшія должности въ государствѣ. Въ отношеніи къ парламенту и конституціи страны Карлъ II держался такого же образа дѣйствій, какъ и первые два Стюарта. Поддерживаемый въ своихъ властолюбивыхъ планахъ теократическими воззрѣніями двухъ старѣйшихъ англійскихъ университетовъ (Оксфордскаго и Кембриджскаго) и абсолютическими политическими теоріями Фильмера и Гоббеса, Карлъ рѣшительно игнорировалъ всѣ политическія традиціи и историческія основы англійской конституціи, относился съ явнымъ пренебреженіемъ къ своимъ королевскимъ обязанностямъ, парламентскимъ партіямъ, національной церкви и государственнымъ сословіямъ и велъ легкомысленный образъ жизни.

Преемникъ Карла II, его братъ, *Іаковъ II* (1685—1688), совершенно неоправдавшій возлагаемыхъ на него надеждъ англійской націи, задумалъ преобразовать весь политическій строй Англіи въ духѣ абсолютизма. Воспользовавшись неопредѣленными, обширными правами короля въ церковномъ управленіи, Іаковъ возстановилъ въ странѣ католичество и сталъ наполнять католиками тайный совѣтъ, администрацію и протестантскія коллегіи университетовъ. Главныя должности въ арміи, значительно увеличенной королемъ безъ согласія парламента, были поручены тоже католикамъ, а для содержанія усиленной арміи были произведены по распоряженію короля многочисленные поборы. Необычайная жестокость судебныхъ приговоровъ и преслѣдованій массы лицъ послѣ подавленія королемъ мятежа Монмута, такъ называемые, „кровавые ассизы“ Іакова II возбудили противъ него все населеніе страны. Когда король возстановилъ высокую коммиссію, которая должна была преслѣдовать всѣхъ противниковъ католической реакціи, и издалъ общую декларацію объ индульгенціи, противъ Іакова возстало даже само англійское духовенство, проповѣдывавшее до сихъ поръ обязанность пассивнаго повиновенія всѣмъ распоряженіямъ королевской власти. Процессъ епископовъ, отказавшихся обнародывать королевскую индульгенцію, несогласную съ законами страны, былъ сигналомъ къ ниспроверженію Іакова II и призванію на престолъ англійскаго королевства штатгальтера Голландіи, Вильгельма Оранскаго съ его женою, Маріей, сестрой Іакова II [1]).

„Достославная“ революція 1688 года, предпринятая джентри въ защиту англійской конституціи противъ произвола Іакова II, закончила продолжительный процессъ образованія англійскаго конституціоннаго устройства. *Вильгельмъ*

---

1) Гнейстъ, 658—716 с., Glasson, V, 215—221 и 244—245 p., Cox, 212—216 s., Фишель, 15—16, 368—369 и 489 с., Градовскій, 336—358 с.

III (1689—1702) при своемъ вступленіи на престолъ долженъ былъ утвердить „Декларацію правъ", въ которой были опредѣлены точнымъ образомъ отношеніе королевской власти къ парламенту и ея участіе въ государственномъ управленіи, которое было сосредоточено въ парламентѣ. Послѣдній дѣлается въ теченіе XVIII столѣтія представителемъ правящаго, аристократическаго сословія, политическія права котораго получаютъ окончательную организацію въ этомъ столѣтіи. Въ правящемъ сословіи концентрированы были всѣ элементы политической власти. Ему принадлежала военная власть (въ народной милиціи). Богатые члены джентри участвовали въ мѣстномъ управленіи, гдѣ они занимали важнѣйшія должности въ администраціи графствъ и общинъ,— мировыхъ судей и шерифовъ: эти должности были доступны, благодаря высокому цензу земельнаго дохода, нужному для ихъ замѣщенія (200 ф. стерл.), только богатымъ людямъ. Вліятельное положеніе высшаго сословія было упрочено далѣе закрѣпленіемъ крупныхъ поземельныхъ участковъ за извѣстными родами посредствомъ установленія путемъ завѣщаній неотчуждаемости помѣстій въ родѣ. Разбогатѣвшіе отъ всемірной торговли, члены джентри обращали свои громадные капиталы на покупку поземельной собственности, которая такимъ образомъ переходитъ въ руки незначительнаго количества землевладѣльцевъ. Установленный высокій цензъ для права быть членомъ нижней палаты обезпечилъ джентри возможность исключительнаго наполненія палаты общинъ членами своего сословія. Вершиной политическаго значенія джентри явилась верхняя палата, членами которой были наслѣдственные пэры, назначаемые въ большомъ количествѣ всѣми королями новой династіи изъ числа высшихъ и наиболѣе вліятельныхъ лицъ среди правящаго сословія. Верхняя палата должна была ограждать существующій порядокъ вещей,—интересы джентри. Пэры стоятъ во главѣ всего

управленія графствъ; изъ наиболѣе выдающихся пэровъ назначаются высшіе сановники короны, члены Privy Council. Верхняя палата, въ которой соединяются для общегосударственной службы крупнѣйшіе и знатнѣйшіе землевладѣльцы страны, занимаетъ въ XVIII столѣтіи, какъ и ранѣе въ XV, положеніе независимаго государственнаго совѣта.

Такимъ образомъ, въ XVIII столѣтіи во всемъ управленіи Англіи господствовалъ высшій классъ общества, который на собственныхъ плечахъ вынесъ все зданіе англійской конституціи, отстоялъ энергично дѣло гражданской и политической свободы англичанъ среди безпрерывныхъ и ожесточенныхъ столкновеній съ королевскою властью. Аристократія въ одинаковой мѣрѣ наполняла мѣстныя учрежденія, нижнюю и верхнюю палату и тайный совѣтъ короля. Исключительному преобладанію англійской аристократіи въ обществѣ и государствѣ XVIII вѣка помогали многія благопріятныя условія соціальной жизни этого времени. Вильгельмъ III, избранный въ короли вигами, долженъ былъ править государствомъ въ полномъ согласіи съ парламентомъ. Необходимость держать наготовѣ постоянную армію въ виду политическихъ событій 2-й половины XVIII столѣтія (американской войны и войны съ Франціей) заставляла королей обращаться ежегодно къ парламенту съ просьбами о денежныхъ субсидіяхъ на содержаніе войска. Согласіе же парламента было необходимо и для изданія новыхъ законовъ, при посредствѣ которыхъ совершалось дальнѣйшее развитіе административныхъ учрежденій въ государствѣ. Продолжительность сессій парламента была увеличена до семи лѣтъ вмѣсто прежнихъ трехъ, что, конечно, усиливало еще болѣе вліяніе аристократіи на управленіе государствомъ. Вслѣдствіе такого ея могущества въ мѣстныхъ учрежденіяхъ и парламентѣ королевская власть пришла въ совершенный упадокъ въ Англіи XVIII столѣтія. Правда, государство суще-

ствовало въ видѣ наслѣдственной монархіи и король повидимому былъ необходимымъ факторомъ въ образованіи законодательства и всей администраціи въ государствѣ, попрежнему участвуетъ въ совѣтѣ и парламентѣ. Но это королевско присутствіе въ обоихъ учрежденіяхъ означаетъ теперь то, что король въ своей правительственной дѣятельности обязанъ руководиться или согласіемъ парламента, или же мнѣніемъ своего совѣта, который контрассигнируетъ всѣ его повелѣнія. Privy Council считается, какъ и прежде, центромъ государственнаго управленія, но на самомъ дѣлѣ обращается въ учрежденіе съ одной тѣнью прошлой своей административной власти и его дѣятельность не имѣетъ никакого почти вліянія на весь ходъ государственнаго управленія. Законодательство переходитъ цѣликомъ къ парламенту; отъ совѣта же отнята и вся юрисдикція, обыкновенная и административная, переданная судамъ. Такъ какъ король былъ лишенъ „Декларацiей правъ" возможности пріостанавливать дѣйствіе парламентарныхъ законовъ и освобождать отъ обязательнаго повиновенія имъ въ извѣстныхъ случаяхъ [1]), то предложеніе и рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ правительственныхъ мѣропріятій (private bills) происходитъ въ самомъ парламентѣ. Все полицейское управленіе, надзоръ надъ мѣстнымъ, милиція—все это было децентрализовано точными законами. Наконецъ, королевская власть потеряла всякое вліяніе на судей, которые были признаны несмѣняемыми, и церковь, которая находилась внѣ всякой зависимости отъ текущаго министерскаго управленія. Королю въ совѣтѣ, составленномъ изъ знатнѣйшихъ пэровъ, остаются лишь

1) Примѣчаніе. Право короля освобождать отъ повиновенія законамъ (suspending power) и пріостанавливать самое дѣйствіе законовъ (dispensing power), которымъ въ широкихъ размѣрахъ пользовались средневѣковые англійскіе короли и особенно Тюдоры и первые Стюарты, было отмѣнено въ первый разъ „Биллемъ о правахъ" 1689 г., а затѣмъ снова и въ послѣдній разъ было признано незаконнымъ „Декларацiей правъ" (Александренко, 2-я ч., 35—37 с.).

обсужденіе дѣлъ колоніальнаго управленія и иностранной политики и совѣщанія о созваніи и распущеніи парламента, замѣщеніи открывающихся по службѣ вакансій и новыхъ законопроэктахъ, которые должны быть внесены въ парламентъ. Всѣ эти дѣла, указывающія на то, что король былъ только главой исполнительной власти, не требовали постоянныхъ засѣданій тайнаго совѣта. Поэтому онъ замѣняется кабинетомъ изъ тѣхъ членовъ совѣта, въ рукахъ которыхъ находится завѣдываніе главными, отдѣльными отраслями управленія. Кабинетъ не былъ признанъ закономъ, но тѣмъ не менѣе сдѣлался центромъ управленія. Уже при Вильгельмѣ III прекратились коллегіальныя засѣданія всего совѣта и былъ организованъ совѣтъ министровъ, какъ комитетъ тайнаго совѣта, гдѣ министры совѣщались о государственныхъ дѣлахъ. Министры принадлежали къ той или другой политической партіи въ парламентѣ. Укоренившееся участіе въ парламентарномъ управленіи различныхъ политическихъ партій (виговъ и торіевъ) вызвало обязательный для короля обычай избирать при составленіи кабинета его членовъ изъ партіи, преобладающей въ данный моментъ въ парламентѣ. Необходимость солидарности правительства,— короля съ его министрами съ политическими взглядами большинства парламента сдѣлали, наконецъ, совершенно излишнимъ обсужденіе дѣлъ управленія въ тайномъ совѣтѣ, который сталъ созываться въ рѣдкихъ случаяхъ только для утвержденія и публикаціи мѣръ, которыя по конституціи должны были исходить отъ „короля въ совѣтѣ“. Въ такихъ чисто формальныхъ засѣданіяхъ Privy Council участвовали, кромѣ министровъ, еще нѣкоторые члены совѣта, также лица изъ управляющей парламентарной партіи. Во всѣхъ дѣлахъ, рѣшаемыхъ прежде въ тайномъ совѣтѣ самостоятельно, требуется теперь согласіе парламента, куда вносятся отъ имени королевскаго совѣта или кабинета различные законопроэкты.

Король долженъ былъ испрашивать у парламента необходимыя для администраціи средства и находился въ полной отъ него зависимости во всѣхъ дѣлахъ управленія. Прежніе, главные члены совѣта, бывшіе высшими должностными лицами: лордъ канцлеръ, лордъ казначей, хранитель печати и др., вмѣстѣ съ статсъ-секретарями тайнаго совѣта, появившимися при Генрихѣ VIII (1526 г.)[1], вошли въ составъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ министерствъ, которыми управляли выдающіеся члены господствующей парламентарной партіи. Политическія партіи XVIII столѣтія, управлявшія всѣмъ англійскимъ государствомъ, являлись лишь подраздѣленіемъ одного и того же правящаго класса и во главѣ ихъ обыкновенно стояли знатнѣйшія дворянскія фамиліи. Управленіе посредствомъ партій стало упрочиваться въ Англіи XVIII столѣтія по мѣрѣ укрѣпленія независимости всего внутренняго управленія страны и примѣненія постояннаго и правильно организованнаго контроля во всѣхъ его пунктахъ, гдѣ могли быть возможны злоупотребленія въ партійныхъ интересахъ: въ сферѣ правосудія, полиціи, военной, финансахъ и церковномъ управленіи. Разногласія между политическими взглядами парламентарныхъ партій и частая смѣна министерствъ не препятствовали англійской аристократіи крѣпко держаться основныхъ принциповъ государственнаго устройства и проводить въ управленіи начала личной и политической свободы. Аристократическое правленіе было чрезвычайно благопріятно для развитія политическаго и экономическаго могущества всей страны, но въ тоже время оно отличается узкимъ, сословнымъ характеромъ и отсутствіемъ заботъ о благѣ низшихъ классовъ населенія. Такой характеръ англійскаго управленія въ XVIII вѣкѣ вмѣстѣ съ концентраціей поземельной собственности въ рукахъ джентри былъ причиной

---

1) Александренко, 2-я ч., 102 с.

обѣднѣнія массы населенія и быстраго развитія въ странѣ городскаго пролетаріата [1]).

ШВЕЦІЯ.

Германскія племена, поселившіяся въ Швеціи (свеоны и готы), принесли сюда съ собою изъ своей родины демократическія основанія общегерманскаго соціальнаго и политическаго быта. Въ постоянной борьбѣ за свое существованіе съ дикою и негостепріимною природой сѣвера скандинавы сложились въ народъ крѣпкій, привычный къ труду и увѣренный въ своихъ силахъ. Независимость и самостоятельность скандинавовъ должна была также усиливаться при далекихъ и опасныхъ морскихъ набѣгахъ на сосѣднія страны (Русь, Данію и др.), вызывавшихся недостаткомъ средствъ для жизни въ странѣ съ почти безплодной почвой и примитивнымъ состояніемъ земледѣлія. Сходство промысловъ и нравовъ, одинаковость всего образа жизни произвели равенство правъ между всѣми членами племени. Въ древней Швеціи поэтому съ самаго начала появилось независимое сословіе землевладѣльцевъ поселянъ-воиновъ, считавшихъ свою свободу высшимъ благомъ, а законъ оградою всѣхъ правъ личности и собственности. Отъ имени закона, какъ выраженія общенародной воли (Lagen), получилъ названіе ***лагманъ***,—высшій представитель области, которому повиновались безпрекословно всѣ ея жители. Лагманъ избирался изъ числа свободныхъ домовладѣльцевъ — поселянъ и представлялъ ихъ интересы на общенародномъ собраніи — ***альтингѣ***, гдѣ соединялись

---

1) Гнейстъ, 734 -740, 775—783, 794—799, 805—813, 818- 845 с., Glasson, V, 404 p. et suiv., 417—427 p. et suiv., Cox, 216—220, 575 s. und folg., Фишель, 17—20, 143—145, 369—370 и 392 с., Градовскій, 358—360 с. Мы довели изложеніе политической исторіи Англіи до начала XIX столѣтія въ виду вліянія англійскихъ порядковъ на умы русскихъ государственныхъ людей 2-й половины XVIII и начала XIX столѣтія.

всѣ главы отдѣльныхъ родовъ. Въ низшемъ правительственномъ учрежденіи—*гередтингѣ* всѣ дѣла рѣшались съ совѣта мудрыхъ людей общины, въ числѣ которыхъ представители отдѣльныхъ родовъ получали преобладающее значеніе. Лагманы были на альтингахъ толкователями воли народа, согласіе и одобреніе котораго было необходимо во всѣхъ вопросахъ управленія. Они были посредниками между народомъ и королевскою властью и участвовали въ выборѣ королей. Древне-шведскіе короли, извѣстные свеонамъ и готамъ еще въ Германіи [1]), должны были управлять по законамъ страны и при участіи самаго народа, сообразоваться въ своей дѣятельности съ желаніями и потребностями всего сословія свободныхъ землевладѣльцевъ. Самъ король былъ тоже изъ ихъ числа и былъ не въ состояніи жаловать помѣстьями и возводить приближенныхъ ему людей на степень сильныхъ вельможъ. Однако, сами лагманы, независимые въ своихъ городахъ, пріобрѣли вскорѣ особенное значеніе, благодаря сильному вліянію на рѣшеніе дѣлъ въ альтингахъ. Лагманы являлись на нихъ вооруженными и старшій между ними (тіунда-лагманъ),—упсальскій лагманъ давалъ отвѣты отъ лица всего сословія поселянъ на предложенія короля. Большое количество семей въ сословіи поселянъ, изъ которыхъ выходили лагманы, привело постепенно къ исчезновенію первоначальнаго равенства, соціальнаго и политическаго: изъ этихъ семей образовалась родовая аристократія, которая усилилась еще младшими сыновьями королей (Fylkis-Kônige), управлявшими обыкновенно отдѣльными областями. Политическая сила Fylkis-Kônigen была ослаблена въ концѣ VI столѣтія по Р. Хр. союзомъ одного изъ королей съ мелкими поземельными владѣльцами. На смѣну родоваго дворянства, представителями котораго были ярлы, стоявшіе во

1) Тацитъ: „Германія“, 63 с., Maurer, ibidem, 54 s.

главѣ отдѣльныхъ областей, является теперь поземельная аристократія, къ которой принадлежатъ лагманы и члены королевской дружины, занимавшіе высшія должности въ государствѣ. Къ аристократіи примкнули и ярлы. Аристократическое сословіе имѣло въ это время видъ служилаго дворянства, но на самомъ дѣлѣ получило скоро преобладаніе надъ другими сословіями и королевской властью [1]). Съ возвышеніемъ силы аристократіи, обладавшей рѣшительнымъ голосомъ при избраніи королей, измѣняется характеръ древнихъ народныхъ собраній. Для обсужденія общихъ дѣлъ страны короли стали призывать въ народныя собранія, превратившіяся въ собранія высшихъ классовъ общества (Samtal, Herrentage), только знатнѣйшихъ членовъ родовой аристократіи, лагмановъ и съ принятіемъ христіанства шведами (въ XII ст.) епископовъ. Вліянію аристократіи былъ подчиненъ и *королевскій совѣтъ*, который сначала состоялъ изъ высшихъ должностныхъ лицъ государства и имѣлъ при короляхъ только второстепенное значеніе. Въ XIII столѣтіи этотъ совѣтъ подъ именемъ *сената* сдѣлался высшею политическою властью въ государствѣ. Онъ состоялъ изъ 12 знатныхъ и могущественныхъ членовъ аристократіи и въ томъ числѣ упсальскаго архіепископа. При династіи Фолькунговъ въ сенатъ вступили лагманы, избираемые частью аристократіей, частью же королемъ; лагманы представляли въ немъ всю массу свободныхъ гражданъ. Сенаторы пользовались неприкосновенностью своей личности и считались представителями народнаго собранія и защитниками политической свободы націи. Король не могъ ничего предпринять безъ согласія сената, который былъ высшимъ законодательнымъ и

1) Стрингольмъ: „Походы викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ“, переводъ съ нѣмецкаго Шемякина. Москва, 1861, 2 ч., 23—90 с., Nordenflicht: „Die schwedische Staatsverfassung in ihrer geschichtlichen Entwickelung“, Berlin, 1861, 3—26 s., Achehoug: „Staatsrecht verein. Königreich Schweden und Norwegen“ (in „Handbuch d. offentlichen Rechts“, Marquardsen. 1884, 4 Band. 2 Abth.), 5—6 s

административнымъ учрежденіемъ въ странѣ. Сенатъ слѣдилъ за выполненіемъ королемъ рѣшеній народныхъ собраній, составленныхъ также изъ знати, духовенства, депутатовъ городовъ и крестьянъ. Замталъ сталъ теперь только усиленнымъ совѣтомъ короля, неимѣвшимъ самостоятельнаго политическаго значенія [1]).

Такъ пала въ Швеціи политическая сила сословія мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ и ослабѣла королевская власть вмѣстѣ съ совѣтомъ короля въ то время, какъ аристократія, свѣтская и духовная, сдѣлалась могущественнымъ сословіемъ, органомъ власти котораго былъ сенатъ. Нѣкоторые наиболѣе богатые и знатные члены этого сословія превратились въ самостоятельныхъ князей, окруженныхъ въ своихъ феодальныхъ замкахъ преданными имъ вассалами. Аристократія самовластно распоряжалась всѣмъ государствомъ, пользуясь раздорами въ королевской династіи Фолькунговъ и періодами малолѣтства королей. При первыхъ Фолькунгахъ, короляхъ Биргерѣ и Магнусѣ Ладиласѣ монархическая власть была сильна еще на столько, что король занималъ первое мѣсто въ государствѣ, хотя онъ и былъ обязанъ издавать законы лишь съ согласія знати, изъ среды которой только замѣщались высшія должности въ государствѣ и выходили члены королевскаго совѣта или сената. Но въ малолѣтство сына Ладиласа, Магнуса Эриксона аристократія захватила власть въ свои руки и принудила короля подтвердить всѣ древне-шведскія политическія и гражданскія права сословій и ограничить права короны въ „Konigsbalken“, своего рода magna charta шведовъ (1347 г.). Аристократія получила право избирать короля и ея господство въ государствѣ было обезпечено

1) Такой же аристократическій характеръ имѣлъ сенатъ въ шведской колоніи—*Исландіи*, гдѣ онъ состоялъ изъ знатныхъ родовыхъ старѣйшинъ—годаровъ, переселившихся изъ Швеціи въ IX вѣкѣ. Сенатъ здѣсь обладалъ законодательной, административной и судебной властію (Стрингольмъ, I ч., 198 с. и II ч., 11—12 с., Lippert, ibidem, 575 s.).

надолго (до конца XVII столѣтія), между тѣмъ какъ королевская власть потеряла въ управленіи всякое значеніе. Безсиліемъ одного изъ шведскихъ королей, Альбрехта, оскорбившаго своимъ пристрастіемъ къ иностранцамъ (нѣмцамъ) шведскій народъ и особенно аристократію, и своекорыстіемъ шведскихъ вельможъ воспользовалась датская королева, *Маргарита*, соединившая Кальмарской уніей (1397 г.) подъ своимъ скипетромъ три сѣверныхъ государства: Данію [1]), Норвегію и Швецію. Кальмарская унія послужила къ еще большему увеличенію политическаго могущества шведской аристократіи, свѣтской и духовной. Она ограничила власть общаго короля извѣстными избирательными условіями и для управленія Швеціей выбирала королевскаго намѣстника изъ своей же среды, изъ какого-либо знатнаго рода. Страной управлялъ совѣтъ, состоявшій исключительно изъ высшихъ членовъ аристократіи [2]). Однако, не смотря на всѣ интриги и явное нежеланіе аристократіи подчиниться своему самостоятельному королю, Швеція скоро возвратила свою политическую независимость. Жестокость и вѣроломство датскаго короля, Хри-

---

1) **Примѣчаніе.** Первоначальное государственное устройство *Даніи* было сходно съ шведскимъ: въ Даніи народъ состоялъ изъ одного класса свободныхъ землевладѣльцевъ (Bonden), избиравшихъ короля, который управлялъ съ ихъ согласія. Но уже во время Кальмарской уніи (XIV ст.) начала образовываться въ Даніи богатая поземельная аристократія, къ которой переходили постепенно коронныя земли, сначала закладываемыя королями знатнымъ лицамъ, а потомъ и продаваемыя имъ же. Въ XVI и XVII вѣкѣ политическая сила аристократіи, центромъ власти которой былъ императорскій совѣтъ, достигла такого необычайнаго развитія, что королевская власть сдѣлалась совершенно безсильною. Но въ 1660—1665 г. эта власть была снова возстановлена въ формѣ абсолютной монархіи, совершенно разрушившей продолжительное господство въ странѣ аристократическаго сословія. Въ такомъ видѣ политическое устройство Даніи, гдѣ совѣтъ былъ уже органомъ королевской власти, существовало до 1848 года, когда въ Даніи была введена конституціонная форма политическаго быта (Dahlmann: „Geschichte d. Dänemark“, 1843, I B., 166—174 s., III B., 64—69 s., Goos und Hansen: „Das Staatsrecht d. Königreich Dänemark“ (in Handbuch... Marquardsen'a, 4 B., 2 Abth., 25 s.). 2) Nordenflicht, 29—72 s., La Croix, I, 406—428 p.

стіана II вызвали въ странѣ народное возстаніе, во главѣ котораго сталъ потомокъ стариннаго королевскаго дома, *Густавъ Ваза*. Датское владычество въ Швеціи было низвергнуто (въ 1523 г.) и въ странѣ была основана наслѣдственная монархія съ королевскимъ домомъ Г. Вазы, усилившимъ королевскую власть въ Швеціи [1]). При введеніи реформаціи были секуляризованы Вазой обширныя поземельныя владѣнія католическаго духовенства, которое вмѣстѣ съ тѣмъ лишилось и политическаго значенія, было изгнано изъ сената [2]). Свѣтская аристократія, дѣятельно помогавшая королю при усмиреніи крестьянскихъ волненій въ странѣ, не потеряла вполнѣ своей власти; привиллегіи шведскаго дворянства и его богатства еще увеличились, но не въ ущербъ королевской власти Густава Вазы.

При слабыхъ преемникахъ Вазы управленіе государствомъ перешло снова къ аристократіи, пользовавшейся малолѣтствомъ своихъ королей для того, чтобы властвовать въ государствѣ. Такъ было послѣ смерти Г. Вазы (1650 г.) и— Густава Адольфа (1634 г.) [3]). Въ промежутокъ времени отъ 1654 до 1680 г. политическая сила аристократіи достигла высшаго развитія [4]). Аристократія воспользовалась несовершеннолѣтіемъ наслѣдницы престола, Христины, а затѣмъ, по отказѣ ея отъ шведскаго престола, малолѣтствомъ Карла X для того, чтобы лишить всякаго политическаго значенія короля и остальныя шведскія сословія и образовать изъ себя замкнутую касту [5]). Властолюбивымъ планамъ аристократіи, противъ которыхъ вооружалась еще Христина, былъ положенъ конецъ Карломъ XI, который объявилъ себя абсолютнымъ монархомъ при всеобщемъ сочувствіи духовенства, городскаго сословія и крестьянъ, завидовавшихъ исключительнымъ привиллегіямъ аристократіи. У знати были от-

---

1) Петровъ, II, 210—211 с. 2—4) Nordenflicht, 88, 105 s. und folg., 158, 186 s. 5) Aschehoug, 7 s., La Croix, 432—433 p.

няты всѣ ихъ политическія права и сенатъ превратился въ частный совѣтъ или кабинетъ короля, присвоившаго себѣ неограниченное право издавать законы и управлять всѣмъ государствомъ по своей волѣ. Карлъ XI признавалъ, все-таки, нѣкоторыя законныя границы своей власти и иногда созывалъ сеймы. Но Карлъ XII, знаменитый своими побѣдами въ войнѣ съ Польшей и пораженіемъ подъ Полтавой, отбросилъ всякія ограниченія своей власти и управлялъ государствомъ, какъ вполнѣ неограниченный монархъ при помощи королевскаго совѣта или кабинета. Карлъ жестоко обходился съ знатью и однимъ изъ своихъ декретовъ конфисковалъ въ пользу короны всѣ земли, которыхъ она лишилась послѣ 1609 г. [1]). Послѣ смерти Карла XII управленіе снова перешло къ аристократіи, которая поспѣшила заручиться отъ избранной на престолъ Швеціи, сестры короля, Ульрики Элеоноры клятвой въ томъ, что она не будетъ стремиться къ абсолютной власти и станетъ управлять по волѣ націи (то есть, аристократіи). По закону 1723 года сенатъ или совѣтъ былъ составленъ изъ традиціонныхъ 12 членовъ и получилъ право руководить королемъ въ управленіи, который не могъ ничего сдѣлать безъ его согласія: король „ежедневно утверждалъ лишь такіе акты, которые лишали его прерогативъ королевской власти“. Въ сенатѣ участвовали только члены правящаго сословія, представителемъ котораго былъ король, обязанный замѣщать изъ среды аристократіи всѣ высшія государственныя должности. Король находился подъ постояннымъ контролемъ сената, два члена котораго сопровождали его въ путешествіяхъ. При Фредерикѣ Адольфѣ сенатъ получилъ право назначенія на высшія мѣста въ арміи и—изданія распоряженій отъ имени короля за печатью сената. Въ случаѣ необходимости сенатъ созывалъ сеймъ,

---

1) Nordenflicht, 208—249 s., Dufau, III, 260—262 p., Aschehoug, ibidem, La Croix, 444—445 p.

въ которомъ знать также преобладала надъ остальными сословіями. Въ качествѣ высшаго судебнаго учрежденія въ королевствѣ сенатъ обладалъ правомъ рѣшать окончательно уголовныя и гражданскія дѣла. Четыре члена сената составляли частный совѣтъ короля, въ которомъ онъ имѣлъ только одинъ голосъ. Единственное ограниченіе для дѣятельности сената было то, что всѣ его акты были подчинены контролю секретнаго комитета сейма, въ которомъ, однако, половина членовъ принадлежала къ той-же знати. Кромѣ такой организаціи государственнаго устройства, разсчитанной на исключительное господство въ странѣ аристократіи, послѣдняя находила поддержку своимъ непомѣрнымъ политическимъ притязаніямъ еще въ образовавшейся въ разсматриваемую эпоху (1718—1772 г.) политической партіи „шапокъ", защищавшей ея интересы при помощи Англіи и Россіи противъ враждебной партіи „шляпъ", которая стояла за возстановленіе королевскаго авторитета въ дѣлахъ управленія. Фредерикъ Адольфъ рѣшился воспользоваться услугами партіи „шляпъ", поддерживаемой Франціей, для того, чтобы поднять въ странѣ престижъ королевской власти. Но послѣ его смерти, его сынъ, Густавъ III долженъ былъ принять корону на условіяхъ, сильно ограничивающихъ его власть [1]). Новый король долженъ былъ сохранить, существующую издавна (то есть, аристократическую), форму правленія, утвердить права и привиллегіи всѣхъ сословій и отказаться заранѣе отъ всякой попытки ввести въ Швеціи абсолютную монархическую власть. Густавъ обязанъ былъ дѣйствовать въ управленіи согласно съ мнѣніемъ большинства членовъ сената, который управлялъ государствомъ въ случаѣ болѣзни короля или его отсутствія. Король могъ расходовать государственные доходы, но сообразно съ распоряженіями госу-

1) Nordenflicht, 261—262, 265—267, 291—293 s. und folg., Aschehoug, 8 s., Dufau, ibidem, 263—266 p., La Croix, 451—464 p.

дарственнаго совѣта, бывшаго комитетомъ того-же сената. Наконецъ, король не могъ измѣнять существующіе законы и издавать новые безъ согласія сословій [1]).

Давая аристократіи торжественное обѣщаніе исполнить всѣ, предложенныя ею, условія Густавъ III имѣлъ намѣреніе нарушить ихъ немедленно по своемъ вступленіи на престолъ. Поэтому, сдѣлавшись королемъ, онъ уничтожилъ сенатъ, привлекъ на свою сторону армію и съ ея помощью произвелъ coup d'etat въ пользу королевской власти и противъ аристократіи [2]). По конституціи 1772 года, которая была введена королемъ безъ согласія и вопреки волѣ аристократіи и отмѣняла всѣ законы, изданные послѣ 1680 года, монархъ былъ поставленъ во главѣ государства, которымъ онъ долженъ былъ управлять согласно съ законами и конституціей страны (2 ст.). Около короля былъ поставленъ сенатъ или совѣтъ, избираемый королемъ изъ среды знатныхъ и природныхъ шведовъ. Члены сената даютъ королю только одни совѣты по всѣмъ дѣламъ управленія, но не имѣютъ самостоятельнаго и рѣшительнаго въ немъ участія (4 ст.). Одинъ король „держитъ бразды правленія" (5 ст.). Ему же предоставлено право жаловать дворянское званіе извѣстному числу достойныхъ лицъ, оказавшихъ услуги государству (11ст.). Важнѣйшія государственныя дѣла разсматриваются въ сенатѣ; всѣ же текущіе вопросы управленія обсуждаются въ кабинетѣ короля (12 ст.), сдѣлавшемся теперь центромъ всего управленія [3]). Вся законодательная власть находилась въ рукахъ короля и сейму съ сенатомъ осталось одно право совѣщательнаго голоса въ рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ. Король сзывалъ сеймъ, когда ему было угодно, и могъ издавать безъ его согласія нѣкоторые законы. Добавленіемъ къ конституціи 1772 года былъ „Актъ уніи и безо-

---

1) Dufau, 267—268 p. 2) La Croix, I t., 478—485 p. 3) Dufau, III, 280—284 p., Nordenflicht, 305—306 s.

пасности", который былъ изданъ Густавомъ въ 1789 году, не смотря на сильное сопротивленіе аристократіи. Этотъ актъ еще болѣе расширилъ права королевской власти. Король присвоилъ себѣ въ силу „Акта уніи и безопасности" всю законодательную власть, такъ какъ онъ получилъ право отмѣнять своими распоряженіями старые законы и издавать новые [1]). Король же сталъ во главѣ всей администраціи королевства, имѣлъ право объявлять войну и заключать миръ и трактаты съ иностранными государствами, распоряжаться назначеніемъ на всѣ государственныя должности и вообще управлять государствомъ по своей волѣ (1 ст.). Въ сенатѣ участвовали члены одного аристократическаго сословія. Король намѣревался совершенно упразднить это высшее правительственное учрежденіе, но встрѣтилъ сильный протестъ со стороны аристократіи и скоро погибъ насильственною смертью [2]). Густавъ IV наслѣдовалъ отъ отца всю его власть въ полномъ объемѣ. Но высокомѣріе короля и его презрительное обращеніе со всѣми окружающими, его чрезмѣрныя властолюбивыя притязанія и деспотическія замашки также, какъ и несчастныя для Швеціи его войны, въ которыхъ были потеряны Финляндія и Померанія, возбудили противъ короля всю націю, которая заставила его отказаться отъ шведскаго престола и передала корону дядѣ короля, герцогу Зюдерманландскому, Карлу XIII [3]). Конституція 1809 года организовала въ Швеціи сословное государственное устройство, въ которомъ не нашлось мѣста для исключительныхъ политическихъ правъ аристократіи и государственная власть была подѣлена между королемъ и народомъ. Сенатъ былъ уничтоженъ и на его мѣстѣ появился государственный совѣтъ, члены котораго должны были давать королю совѣты, но не

1) Aschehoug, ibidem. 2) Nordenflicht, 329—331 s. Dufau, 297—299 p. La Croix, 499 p. et suiv., Achehoug, ibidem, Градовскій, ibidem, 507 c. 3) Nordenflicht, 332—338 s., Градовскій, 507—508 c.

управлять сами государствомъ. Совѣтъ состоялъ изъ высшихъ сановниковъ—министровъ, назначаемыхъ и увольняемыхъ королемъ, который долженъ былъ совѣщаться съ ними при рѣшеніи всѣхъ дѣлъ управленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ установлены были правила строгой отвѣтственности членовъ совѣта за всѣ ихъ правительственныя дѣйствія и всякія попытки къ ниспроверженію конституціи [1]).

ГЕРМАНІЯ.

По Верденскому договору (843 г.) Германія отдѣлилась отъ Франціи и Италіи и образовала самостоятельное государство, состоявшее изъ многихъ германскихъ племенъ (Фризовъ, Тюринговъ и др.). Соціальное и политическое устройство Германіи съ самого начала было основано на феодальныхъ началахъ, возникшихъ еще въ франкской имперіи. Эти начала развились еще далѣе въ Германіи, гдѣ исконное стремленіе нѣмецкой народности къ партикуляризму нашло благопріятныя условія для своего осуществленія [2]). Со времени Оттона I (X в.). Германія стала „священной римской имперіей нѣмецкой націи", въ которой было возстановлено званіе императора, но не его власть. Въ X столѣтіи феодализмъ развился въ Германіи въ полной силѣ и „вся власть была сосредоточена въ рукахъ землевладѣльческой касты",—аристократіи. „Въ это время монархъ утратилъ свой древній характеръ вождя и судьи народа и превратился въ главу тираннической олигархіи" [3]). Германскій императоръ избирался сначала всѣми королевскими вассалами, потомъ (съ Лотаря II—1125 г.) исключительное право избирать монарха и предлагать его на утвержденіе остальнымъ

1) Nordenflicht, 363—367, 371—372 s., Aschehoug, 9—10, 33—34 s., Dufau, 306—307 p. 2) Waitz: „Deutsche Verfassungsgeschichte", V B., 5 s. 3) Брайсъ: „Священная римская имперія". Переводъ Петрушевскаго. Москва, 1891, 97—98 стр.

избирателямъ стало привиллегіей нѣсколькихъ магнатовъ—коллегіи курфюрстовъ (трехъ духовныхъ лицъ и четырехъ свѣтскихъ членовъ знати). Окончательную организацію эта коллегія получила въ золотой буллѣ Карла IV (въ 1356 г.)[1]). Императоръ пользовался ограниченною властью не только въ имперіи, но и въ своемъ собственномъ государствѣ: вся Германія распалась на множество самостоятельныхъ, феодальныхъ государствъ, слабо связанныхъ между собою единствомъ императорской власти съ ея римскими представленіями о своемъ фиктивномъ всемогуществѣ. Въ возгорѣвшейся борьбѣ между императорами и германской аристократіей, свѣтской и духовной, первые стремились особенно подчинить сильнѣйшихъ изъ феодаловъ—имперскихъ князей—герцоговъ общей государственной власти, между тѣмъ какъ герцоги, наоборотъ, желали отстоять полную свою независимость отъ императора. Борьба эта окончилась въ пользу всей аристократіи, такъ какъ императорамъ помѣшалъ достигнуть объединенія всей Германіи подъ одной общегосударственной властью цѣлый рядъ неблагопріятныхъ для развитія их власти обстоятельствъ (частая смѣна династій на избирательномъ престолѣ германской имперіи, походы въ Италію, продолжительная борьба императоровъ съ папой)[2]). Степень политическаго значенія отдѣльныхъ членовъ германской аристократіи опредѣлялась ихъ родовитостью, богатствомъ или положеніемъ, занимаемымъ ими въ имперіи[3]) Высшую ступень феодальной лѣстницы занимали имперскіе князья (курфюрсты), которые играли въ государственной жизни Германіи значительную роль[4]). Въ сословныхъ собраніяхъ имперскихъ чиновъ (Reichsstände) имъ принадлежало первое мѣсто; они же были вмѣстѣ съ другими знатнѣйшими лицами совѣтниками императора во всѣхъ дѣлахъ управленія. Вліяніе знати на управ-

1) Брайсъ, ibidem, 182—185 с. 2) Петровъ, II, 41—47 с. 3—4) Waitz, V, 410 und 418 s.

леніе увеличивалось при слабыхъ представителяхъ импера- торской власти, при болѣе сильныхъ, наоборотъ, уменьшалось [1]). При основаніи германской имперіи, когда императоры обладали еще политической силой и даже думали (напр. Генрихъ III) о томъ, чтобы подчинить себѣ всѣхъ имперскихъ князей и превратить Германію въ неограниченную и наслѣдственную монархію, для императоровъ еще не было обязательнымъ привлеченіе знати къ обсужденію всѣхъ дѣлъ управленія [2]). Но уже въ это время (IX—XII ст.) вліяніе аристократіи въ имперіи было такъ велико, что Оттонъ III (X в.) заявилъ, что онъ не можетъ ничего сдѣлать безъ совѣта съ магнатами. При ихъ участіи было издано много важнѣйшихъ актовъ Оттономъ III и его преемниками (Гейнрихомъ II, Конрадомъ II и Генрихами III, IV и V). Императоръ же Лотаръ II (XII ст.) упоминаетъ, какъ о признанномъ всѣми принципѣ, что обязательная сила императорскихъ рѣшеній опредѣляется законнымъ подтвержденіемъ ихъ со стороны имперскихъ князей [3]). Династіи Гогенштауфеновъ, особенно знаменитому ея представителю, *Фридриху I Барбароссѣ* (1152—1190) удалось взять верхъ надъ германской феодальной аристократіей, но прекращеніе этой династіи (въ XIII ст.) послужило сигналомъ послѣдующаго, быстраго паденія въ Германіи императорской власти и возвышенія отдѣльныхъ феодальныхъ, могущественныхъ князей. Изъ среды ихъ вышли Гогенцолерны—основатели Пруссіи и Габсбурги—Австріи [4]).

ПРУССІЯ.

Основаніе прусскому государству было положено въ началѣ XV в. пожалованіемъ императоромъ Сигизмундомъ представителю дома Гогенцолерновъ, нюрнбергскому бург-

1) Waitz, VI B., 314—316 s. 2—3) Waitz, VI, 291—293, 314—317 s.
4) Брайсъ, 176—179 с., Петровъ, II, 165—168, 177—186 с.

графу, *Фридриху I* (1415—1440) бранденбургскаго маркграфства. Въ началѣ XVII в. къ нему были присоединены еще земли, населенныя воинственными пруссами [1]). Фридрихъ I и его преемники: Альбрехтъ, Ахиллъ и Іоахимъ были неограниченными монархами, управляли государствомъ съ помощью совѣта придворныхъ чиновниковъ. Совѣтъ курфюрста не получилъ еще при нихъ полнаго устройства, не былъ коллегіальнымъ учрежденіемъ съ опредѣленной компетенціей [2]). Послѣдующимъ государямъ бранденбургской марки пришлось выдержать продолжительную и упорную борьбу съ феодальными владѣтелями герцогства. *Іоахимъ II* (1535—1571) не могъ заключить ни одного иностраннаго договора и рѣшить ни одного важнѣйшаго дѣла въ внутреннемъ управленіи безъ совѣта съ сословнымъ сеймомъ, состоявшимъ изъ феодаловъ. При сынѣ же Іоахима, *Іоаннѣ Георгѣ* (1571—1598) имъ были обезпечены: привиллегированная юрисдикція, свобода отъ пошлинъ, патримоніальная юрисдикція и полное господство надъ подвластнымъ имъ крестьянскимъ населеніемъ [3]). Но уже при преемникѣ Георга, Іоахимѣ Фридрихѣ послѣдовало измѣненіе государственнаго устройства въ пользу расширенія правъ курфюрста, что и выразилось въ учрежденіи въ 1604 г. тайнаго совѣта, какъ центральнаго пункта для управленія всѣми государственными дѣлами независимо отъ подавляющаго вліянія сословнаго, аристократическаго сейма [4]). Начиная съ этого времени и до введенія въ Пруссіи конституціоннаго правленія (въ 1848 г.), исторія государственнаго совѣта въ этомъ государствѣ идетъ рука объ руку съ исторіей развитія въ странѣ королевской власти. За весь этотъ болѣе, чѣмъ двухсотлѣтній періодъ совѣтъ не переста-

---

1) Петровъ, 187—188 с. 2) F. Sailer: „Der preusische Staatsrath". Berlin, 1884, zweite Auflage, I s. 3) C. Bornhak: „Geschichte d. preusischen Verwaltungrechts". Berlin, 1884, I B., 112—116 und 308 s., Schultze: „Staatsrecht Königreichs Preusen" (in „Handbuch öffentlichen Rechts" Marquardsen, B. II, 1—2 Abth), 6—9 s. 4) Bornhak, I, 247 s.

етъ быть чисто монархическимъ учрежденіемъ и претерпѣваетъ только нѣкоторыя измѣненія въ своей организаціи сообразно общему ходу развитія всего управленія государствомъ. Тайный совѣтъ 1604 г. состоялъ изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ (дворянъ и бюргеровъ); онъ не имѣлъ самостоятельнаго политическаго значенія, а былъ лишь совѣщательнымъ учрежденіемъ при монархѣ. Совѣтъ обсуждалъ почти всѣ дѣла управленія и контролировалъ его ходъ; курфюрсту же принадлежало окончательное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, обсуждаемыхъ въ совѣтѣ [1]). Компетенція тайнаго совѣта была расширена при Іоаннѣ Сигизмундѣ (въ 1613 г.), который раздѣлилъ его на департаменты и совѣщался съ совѣтомъ обо всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, не предпринималъ ничего важнаго безъ его согласія. Курфюрстъ поручалъ совѣту во время частыхъ своихъ путешествій вести все управленіе государствомъ, созывать сословія и даже предпринимать самому рѣшенія въ важнѣйшихъ случаяхъ [2]). Великій курфюрстъ, *Фридрихъ Вильгельмъ I* (1640—1688) закончилъ начатое ранѣе разрушеніе политической силы провинціальныхъ сословій и соединилъ въ своихъ рукахъ всю государственную власть. Государственное единство было достигнуто имъ, между прочимъ, посредствомъ новой реорганизаціи тайнаго совѣта, который сдѣлался съ этого времени высшимъ, центральнымъ учрежденіемъ для всѣхъ дѣлъ управленія. *Фридрихъ I* (1688—1713), первый прусскій король раздѣлилъ совѣтъ (въ 1651 г.) на 19 департаментовъ частью по роду дѣлъ, частью же по провинціямъ. При этомъ дѣленіи дѣйствительное управленіе было передано шефамъ департаментовъ, докладывавшимъ въ общихъ засѣданіяхъ совѣта предварительно разсмотрѣнныя ими дѣла, которыя

---

1) Sailer, 83 s. (Anhang, Anlage I. Geheime-Raths-Ordnung, 6 ст.). 2) L. Rönne: „Das Staarsrecht d. preusischen Monarchie", Leipzig, 1871, B. II, 42 s. Bornhak, 309—314 s., Sailer, 2-3 s.

только здѣсь вотировались. Тайный совѣтъ былъ не болѣе, какъ совѣщательной коллегіей; дѣла рѣшались самимъ курфюрстомъ или королемъ (съ 1700 г.). Члены же совѣта исполняли королевскія рѣшенія. Иностранныя дѣла совершенно исключались изъ круга дѣятельности тайнаго совѣта еще со времени великаго курфюрста; они обсуждались королемъ съ нѣсколькими его совѣтниками въ кабинетѣ. Управленіе доменами и податями было отдѣлено отъ совѣта въ виду скорѣйшаго покрытія расходовъ на армію [1]). При королѣ *Фридрихѣ Вильгельмѣ I* (1713—1740) была совершена коренная реформа всего центральнаго управленія Пруссіи, отразившаяся и на организаціи тайнаго совѣта. Главною цѣлью всей дѣятельности короля было усиленіе королевской власти и образованіе арміи. Средствомъ для достиженія этой цѣли была возможно большая централизація всего управленія въ рукахъ короля и почти совершенная его независимость отъ всякаго общественнаго вліянія на администрацію королевства. Ф. Вильгельмъ создалъ цѣлую систему административныхъ учрежденій, единственнымъ центромъ и двигателемъ которыхъ былъ онъ самъ; король стремился воплотить въ своемъ лицѣ идею суверенитета. Безмолвнымъ проводникомъ автократической, вполнѣ неограниченной воли короля стало вновь образованное (въ 1723 г.) центральное учрежденіе для внутренняго управленія—генеральная директорія. Она была раздѣлена на пять департаментовъ, завѣдывавшихъ главнѣйшими отраслями управленія (финансами, военными дѣлами, доменами и др.). Высшимъ учрежденіемъ для судебныхъ дѣлъ сдѣлалось выдѣленное изъ тайнаго совѣта министерство юстиціи; иностранныя же дѣла попрежнему разсматривались въ кабинетѣ короля, который былъ преобразованъ въ коллегіальное учрежденіе (Kabinetsministerium). Тай-

---

1) Schultze, 12—13 s., Rönne, 42—43 s., Bornhak, I, 315—320 s.

ный совѣтъ превратился теперь въ собраніе начальниковъ отдѣльныхъ отраслей управленія, которые всѣ были его членами. Слѣдовательно, совѣтъ объединялъ все управленіе. Дѣятельность его ограничивалась обсужденіемъ небольшаго количества дѣлъ, которыя были подчинены ему, какъ высшему административному учрежденію (Lehn-Hoheits-und Gnadensachen). Тайный же совѣтъ разрѣшалъ споры о компетентности между высшими учрежденіями[1]. *Фридрихъ II Великій* (1740—1786) былъ также неограниченнымъ государемъ, уничтожившимъ послѣдніе слѣды вліянія сословій на управленіе государствомъ. Только одно дворянство Фридрихъ признавалъ „первымъ сословіемъ въ государствѣ", въ которомъ однако, оно не имѣло никакого политическаго значенія. Всѣ сословія были равны только въ общей податной тяжести, которая возрастала постепенно вмѣстѣ съ увеличеніемъ расходовъ на армію, поглащавшихъ значительную часть государственнаго бюджета при безпрерывныхъ войнахъ Фридриха. Высшее мѣсто въ управленіи государствомъ занялъ его кабинетъ, который долженъ былъ вмѣсто совѣта объединять все управленіе. Фридрихъ отнялъ у тайнаго совѣта, дарованную ему Фридрихомъ I, привиллегію постановлять собственною властью смертные приговоры. Тайному совѣту остались только нѣкоторыя дисциплинарныя административныя дѣла и представленія мнѣній королю о законопроэктахъ. Иногда король самъ поручалъ совѣту обсужденіе нѣкоторыхъ дѣлъ; изрѣдка въ совѣтѣ происходили совѣщанія министровъ между собою. Все центральное управленіе продолжало при Фридрихѣ развиваться въ томъ же духѣ личнаго управленія. Также и генеральная директорія распалась, какъ ранѣе тайный совѣтъ, на нѣсколько самостоятельныхъ департаментовъ и по-

---

1) Rönne, 43—44 s., Schultze, 14—15 s., Bornhak, II B., 3—7 und 55—64 s.

теряла значеніе высшаго административнаго учрежденія [1]). Въ послѣдующія два царствованія *Фридриха Вильгельма II* (1786—1797) и *Фридриха Вильгельма III* (1797—1839) бюрократическій характеръ управленія увеличился еще болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ развился и произволъ въ дѣятельности административныхъ учрежденій, размножившихся особенно при Ф. Вильгельмѣ III. Тайный кабинетъ короля, который состоялъ изъ нѣсколькихъ тайныхъ совѣтниковъ и былъ раздѣленъ на два отдѣленія (гражданское и военное), заступилъ вполнѣ мѣсто королевскаго совѣта и сдѣлался всемогущимъ, независимымъ отъ Kabinetsministerium'а. Послѣдній завѣдывалъ только одними иностранными сношеніями государства. Генеральная директорія раздѣлилась безъ всякой почти системы на массу центральныхъ департаментовъ и, подчиненныхъ директоріи, провинціальныхъ административныхъ учрежденій. Тайный совѣтъ состоялъ (въ 1806 году) изъ всѣхъ министровъ и назывался поэтому тайнымъ государственнымъ министерствомъ; онъ былъ, слѣдовательно, совѣтомъ министровъ. Но управленіе принадлежало не самому тайному совѣту, а его членамъ, стоящимъ во главѣ отдѣльныхъ отраслей управленія [2]).

Полная изолированность всего прусскаго управленія отъ общественныхъ элементовъ, равнодушіе къ нему всѣхъ классовъ общества въ связи съ исключительнымъ господствомъ бюрократіи, кабинетнаго управленія и военнаго режима во всей странѣ подготовили въ концѣ XVIII вѣка паденіе могущества Пруссіи. Она была спасена въ началѣ XIX сто-

1) Bornhak, II B., 139—141 und 185—192 s., Sailer, 3—4 s., Rönne, 45 s., Schultze, 17—18 s. 2) Bornhak думаетъ, что предполагаемое въ 1810 г. измѣненіе въ организаціи прусскаго государственнаго совѣта произошло подъ вліяніемъ французскаго образца (III, 102 s.). Но государственный совѣтъ во Франціи въ 1810 г. былъ самостоятельнымъ, политическимъ учрежденіемъ при Наполеонѣ I (см. выше). Проэктируемый же въ Пруссіи въ то время совѣтъ былъ болѣе согласенъ съ духомъ прежняго личнаго управленія прусскихъ королей, какъ то доказывается главною ролью въ совѣтѣ и всемъ управленіи госуд. канцлера.

лѣтія отъ окончательнаго паденія только реформами барона Штейна, а затѣмъ Гарденберга. Штейнъ рѣшился положить конецъ произвольному, кабинетному управленію страной, устранить запутанность въ центральномъ государственномъ управленіи и „дать ему возможное единство, силу и энергію". Во главѣ всего управленія долженъ былъ стать государственный совѣтъ, гдѣ сосредоточиваются руководство и контроль надъ всѣми отраслями управленія. Государственному совѣту поручается обсужденіе законопроэктовъ и общихъ административныхъ вопросовъ. Кабинетъ долженъ былъ составлять только часть совѣта, который распадался на пять департаментовъ сообразно главнымъ отраслямъ управленія (внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, иностранныхъ дѣлъ, военныхъ и юстиціи). Предположенія Штейна по преобразованію высшаго управленія были утверждены королемъ, но проэктъ его не былъ приведенъ въ исполненіе вслѣдствіе удаленія отъ дѣлъ управленія самого Штейна. Въ послѣдовавшемъ вскорѣ „Publicandum'ѣ" (16 дек. 1808 г.) вновь было указано на необходимость учрежденія государственнаго совѣта, какъ центральнаго установленія въ управленіи, которое „дѣйствуетъ подъ надзоромъ короля непосредственно на администрацію, ведетъ публичныя дѣла самостоятельно и рѣшаетъ важнѣйшія изъ нихъ" Министры по „Publicandum'у" должны были быть только исполнительными органами совѣта. Но въ силу королевскаго распоряженія 1810 г. (27 окт.) значеніе государственнаго совѣта существенно измѣнилось: согласно этому королевскому указу, онъ не могъ имѣть никакого самостоятельнаго участія въ управленіи и сдѣлался только совѣщательнымъ учрежденіемъ. Государственный совѣтъ былъ составленъ изъ принцевъ королевскаго дома, пяти министровъ, государственнаго секретаря и другихъ лицъ, назначаемыхъ королемъ. Предсѣдателемъ совѣта былъ государственный канцлеръ, въ личности котораго объединя-

лось все управленіе. Канцлеръ контролировалъ всю администрацію и могъ дѣлать самостоятельныя распоряженія въ важнѣйшихъ случаяхъ. Въ кругъ дѣятельности государственнаго совѣта входятъ всѣ законодательныя дѣла, нормы государственнаго устройства и управленія, всѣ предметы, которые касаются вѣдомствъ различныхъ министерствъ, по относительно которыхъ нѣтъ согласія между министрами, ежегодные ихъ отчеты, дѣла, принадлежащія къ вѣдомству совѣта по закону или волѣ короля, и предметы, изъятые изъ вѣдѣнія канцлера въ силу того, что они относятся къ компетенции совѣта.

Проэктъ 1810 г., подобно двумъ предъидущимъ, не былъ приведенъ въ исполненіе по политическимъ причинамъ. Нужда въ преобразованіи центральнаго управленія Пруссіи была, однако, такъ велика, что въ королевскомъ кабинетномъ распоряженіи 1814 г. (изъ Парижа) король самъ заявляетъ о своемъ давнишнемъ желаніи создать государственный совѣтъ, какъ законосовѣщательное учрежденіе. Но только въ 1817 г. совѣтъ сталъ дѣйствовать въ Пруссіи съ такимъ характеромъ. Онъ состоялъ изъ лицъ, которыя должны были входить въ него по распоряженію 1810 года. Государственный совѣтъ обсуждалъ всѣ законодательные и общіе административные вопросы, всѣ предложенія объ отмѣнѣ старыхъ и введеніи новыхъ законовъ и учрежденій. Совѣтъ рѣшалъ споры между министрами о компетентности, разсматривалъ всѣ предметы, принадлежащіе его вѣдѣнію по существующимъ законамъ, и тѣ дѣла, которыя король поручалъ обсуждать совѣту. Государственный совѣтъ былъ раздѣленъ на семь отдѣленій (иностранныхъ дѣлъ, военныхъ, юстиціи, финансовъ, торговли и промышленности, внутреннихъ дѣлъ и полиціи и культа и публичнаго воспитанія). Всѣ дѣла разсматриваются предварительно въ подлежащихъ отдѣленіяхъ и рѣшаются потомъ въ общемъ собраніи госу-

дарственнаго совѣта. Порядокъ рѣшенія въ отдѣленіяхъ и общемъ собраніи государственнаго совѣта былъ подробно урегулированъ тѣмъ же королевскимъ распоряженіемъ. Такъ, наконецъ, государственный совѣтъ получилъ въ Пруссіи опредѣленную организацію, сдѣлался законосовѣщательнымъ учрежденіемъ при неограниченномъ монархѣ. Совѣтъ стоялъ во главѣ всего центральнаго управленія (до 1848 г.); отдѣльныя отрасли котораго—министерства также получили правильное устройство. Въ совѣтъ были призваны всѣ высшіе государственные сановники и онъ сдѣлался „чиновничьимъ парламентомъ“ [1]), учрежденіемъ, въ которомъ объединялось все управленіе и „основательныя совѣщанія о дѣлахъ соединялись съ скоростью осуществленія рѣшеній“ [2]).

АВСТРІЯ.

Въ Австріи возникновеніе и усиленіе монархической власти вызвало централизаціонную ея политику, которая выразилась въ учрежденіи государственнаго совѣта. Германскій императоръ Максимиліанъ I (Габсбургъ) первый основалъ (въ 1501 г.) высшій совѣтъ для австрійскихъ наслѣдственныхъ земель. Въ этотъ совѣтъ, впрочемъ, перешли скоро и общеимперскія дѣла и онъ превратился въ имперскій государственный совѣтъ [3]). Соединеніе съ Австріей Богеміи и Венгріи (въ XVI ст.) при Фердинандѣ I положило начало раздѣленію центральнаго управленія на нѣсколько отраслей (иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и военныхъ дѣлъ) и общему для всѣхъ земель государственному совѣту, какъ совѣщательному учрежденію при монархѣ. Съ этого времени совѣтъ принимаетъ участіе въ обсужденіи важнѣйшихъ законо-

---

1) Frantz: „Die Quelle alles Uebels“. Stuttgart. 1863, 17—18 s. 2) Sailer, 8—14, 86—105, 114—123 s., Bornhak, III, 3—12, 96—108 s., Rönne, 56—59 s., Schultze, 20—21 s. 3) Bornhak, I, 508 s.

дательныхъ актовъ и дѣлъ правленія. Такъ, напр., онъ участвовалъ при разсмотрѣніи, изданной Карломъ VI (въ 1713 г.), такъ называемой прагматической санкціи—закона о наслѣдованіи австрійскаго престола [1]). Государственный совѣтъ, однако, долго не имѣлъ опредѣленнаго устройства, пока, наконецъ, тяжелыя военныя обстоятельства, финансовыя затрудненія и безпорядочное состояніе и разстройство всего государственнаго управленія не заставили императрицу *Марію Терезію* дать государственному совѣту въ 1760 году опредѣленную и прочную организацію. По проэкту государственнаго канцлера, графа Кауницца, которому императрица поручила представить ей свои соображенія объ устройствѣ государственнаго совѣта, послѣдній долженъ былъ стать во главѣ управленія, какъ высшая правительственная коллегія. Совѣтъ обязанъ былъ подавать императрицѣ свои мнѣнія по всѣмъ дѣламъ управленія, слѣдить за выполненіемъ императорскихъ рѣшеній и публичнымъ порядкомъ, контролировать весь ходъ управленія, вѣдать государственное хозяйство, заботиться о развитіи земледѣлія, промышленности и торговли въ странѣ и твердомъ устройствѣ всего государственнаго управленія. Совѣтъ не имѣлъ права самостоятельнаго распоряженія и его мнѣнія не связывали волю императрицы [2]). Немедленно по своемъ образованіи государственный совѣтъ занялся вопросомъ объ организаціи всего управленія, центральнаго и мѣстнаго, особенно же—финансовыми и военными дѣлами и юстиціей. Совѣтъ явился рѣшительнымъ противникомъ возстановленія стараго, сословнаго (аристократическаго) устрой-

---

1) Ulbrich: „Das Staatsrecht d. österreichisch—ungarischen Monarchie“ (in „Handbuch d. öff. Rechts“ Marquardsen'a, IV B., 1 Abth.), 7—8 s. 2) Hock und Bidermann: „Der österreichische Staatsrath“ (1760–1848). Wien, 1879, 9—12 s. Трудъ Hock'a und Bidermann'a, которымъ мы преимущественно руководствуемся при изученіи исторіи австрійскаго государственнаго совѣта, основанъ на подлинныхъ актахъ объ образованіи и дѣятельности совѣта, хранящихся въ австрійскомъ тайномъ кабинетномъ архивѣ (см. Vorwort.).

ства государства,—политическихъ привиллегій дворянства и ревностнымъ защитникомъ неограниченныхъ правъ монархической власти [1]). Не смотря на это, при Маріи Терезіи не всѣ дѣла достигали до государственнаго совѣта; императрица разсматривала многіе административные вопросы въ своемъ тайномъ кабинетѣ и только сообщала совѣту о своихъ рѣшеніяхъ. Государственный совѣтъ не имѣлъ никакой инипіативы въ управленіи и былъ заваленъ незначительными текущими дѣлами, скорое рѣшеніе которыхъ затруднялось произвольнымъ и сложнымъ ходомъ дѣлопроизводства въ совѣтѣ. Въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта происходили безплодныя совѣщанія о различныхъ, необходимыхъ улучшеніяхъ въ управленіи, которое пребывало въ хаотическомъ состояніи. На всѣ эти и многіе другіе недостатки въ организаціи совѣта указывали Маріи Терезіи самъ графъ Кауницъ и особенно наслѣдный принцъ, Іосифъ II, который, между прочимъ, видѣлъ въ правильной организаціи государственнаго совѣта надежное средство для развитія неограниченной власти монарха и ослабленія политической роли дворянства въ государствѣ. Предпринятое Маріей Терезіей вслѣдствіе настояній Іосифа и Кауницца, преобразованіе государственнаго совѣта коснулось только его канцеляріи, чрезъ которую теперь стали поступать въ совѣтъ всѣ законопроэкты, касающіеся королевскихъ земель, и всѣ дѣла управленія, разсматривающіяся въ государственномъ совѣтѣ [2]). Новая организація совѣта сохранилась въ существенномъ въ остальное время царствованія Маріи Терезіи и при ея преемникахъ, Іосифѣ II и Леопольдѣ II. Государственный совѣтъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ великихъ реформахъ послѣднихъ годовъ управленія Маріи Терезіи (преобразованіяхъ въ области юстиціи, духовныхъ дѣлъ, народнаго образованія, развитіи финансовъ и земледѣлія страны [3]).

1—3) Hock und Bedermann, 18, 19—41, 41—98 s.

При *Іосифѣ II* государственный совѣтъ занималъ высшее, центральное мѣсто среди другихъ учрежденій имперіи и пользовался обширными административными правами, въ особенности въ отсутствіе императора. Іосифъ, впрочемъ, предпринималъ многія важнѣйшія правительственныя мѣры безъ предварительнаго обсужденія ихъ въ совѣтѣ, который даже и не зналъ о нихъ. Но такой образъ дѣйствій императора вытекалъ не изъ недостатка довѣрія его къ совѣту, а объяснялся лихорадочной нетерпѣливостью Іосифа, желавшаго видѣть свои взгляды приложенными къ дѣлу въ возможно скорѣйшемъ времени, и нерѣдкимъ, непосредственнымъ участіемъ Іосифа при рѣшеніи дѣлъ другими центральными учрежденіями, между тѣмъ какъ эти дѣла должны были доходить до императора только чрезъ государственный совѣтъ. При помощи совѣта Іосифомъ были совершены многія реформы въ государственномъ управленіи, устранена запутанность въ распредѣленіи его функцій между различными учрежденіями и всему государственному управленію были приданы большее единство, прочность и подвижность. Въ тоже время совѣтомъ была разграничена сфера вѣдомства въ мѣстныхъ учрежденіяхъ и упрощенъ порядокъ дѣлопроизводства во всѣхъ административныхъ установленіяхъ. Дѣятельность государственнаго совѣта при Іосифѣ II обнимала всѣ отрасли управленія; она касалась общаго образованія судоустройства въ государствѣ, реформъ въ сферѣ матеріальнаго гражданскаго и уголовнаго права, религіозныхъ дѣлъ, народнаго образованія, народнаго и государственнаго хозяйства [1]). Попрежнему государственный совѣтъ являлся самымъ энергичнымъ помощникомъ королевской власти противъ исключительныхъ, сословныхъ привиллегій дворянскаго сословія въ земляхъ, составлявшихъ австрійскую монархію. Іосифъ II

---

1) Hock und Bidermann, 225—628 s.

старался при всякомъ удобномъ случаѣ показать, что онъ смотритъ на членовъ дворянскаго сословія также, какъ и на остальныхъ своихъ подданныхъ, не признавалъ за дворянами какихъ либо особыхъ преимуществъ въ области гражданскаго и уголовнаго права и процесса. Въ свою очередь государственный совѣтъ также отвергалъ всякія попытки къ увеличенію привиллегій дворянства и стремился уменьшать тѣ изъ нихъ. которыя остались въ разныхъ частяхъ государства отъ времени сословной эпохи. Императоръ желалъ уничтожить всякіе слѣды прежняго вліянія дворянства на управленіе и управлять государствомъ неограниченно. Отсюда понятно, почему Іосифъ такъ настойчиво и упорно возставалъ противъ всякихъ попытокъ дворянъ отдѣльныхъ провинцій имперіи пріобрѣсти самостоятельное и независимое отъ центральнаго правительства положеніе въ имперіи. Императоръ вмѣстѣ съ государственнымъ совѣтомъ отклонялъ всякія предложенія о періодическомъ созывѣ сословныхъ собраній въ отдѣльныхъ частяхъ государства (Галиціи, Богеміи, Моравіи и др.) и не признавалъ компетентнымъ въ рѣшеніи имперскихъ дѣлъ общаго собранія натаблей всей имперіи. Особенно продолжительную борьбу пришлось вынести Іосифу II и государственному совѣту съ сословно-политическими притязаніями венгерскаго дворянства, которое не желало допустить безъ участія и согласія венгерскаго ландтага введенія какихъ-либо измѣненій въ духѣ обще-имперскихъ реформъ относительно устройства венгерскихъ судебныхъ учрежденій, національной церкви и финансоваго управленія Венгріи. Венгерское дворянство утверждало, что „венгерскій король (Іосифъ II) связанъ при законодательствѣ согласіемъ сословій“, чего императоръ не хотѣлъ признавать. Государственный же совѣтъ прямо и рѣшительно отвергалъ, какъ и несвоевременные, и отсталые политическіе принципы, всякіе сепаративные взгляды венгерскаго дворянства и утверждалъ, что оно должно

подчиниться общему закону и неограниченной королевской власти. Послѣ продолжительныхъ и горячихъ споровъ между такъ называемой придворной канцеляріей—органомъ венгерскаго дворянства и государственнымъ совѣтомъ Іосифъ II призналъ за венгерскими сословіями, особенно же дворянствомъ Венгріи, право принимать посредствомъ венгерскаго ландтага участіе въ общемъ имперскомъ законодательствѣ. Но вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ императора послѣдовало заявленіе Іосифа II, что онъ уничтожаетъ всѣ свои распоряженія, вызвавшія жалобы сословій въ Венгріи, и постановляетъ, чтобы вслѣдствіе этого ландтаги въ ней не были созываемы въ его царствованіе [1]).

При *Леопольдѣ II* государственный совѣтъ получаетъ большее правительственное значеніе, нежели какое онъ имѣлъ при Іосифѣ II. Совѣту сообщались всѣ рѣшенія монарха; военныя и финансовыя дѣла и вопросы государственнаго кредита перестали теперь быть тайной, недоступной совѣту, какъ это было прежде: совѣтъ принимаетъ участіе въ обсужденіи всѣхъ этихъ дѣлъ и даже въ отдѣльныхъ случаяхъ распоряжается самостоятельно. Государственный совѣтъ дѣлается дѣйствительнымъ, центральнымъ пунктомъ всего государственнаго управленія: всѣ его отрасли должны были, согласно желанію императора, сосредоточиваться въ совѣтѣ, который сталъ совѣщательнымъ учрежденіемъ для всѣхъ дѣлъ управленія за исключеніемъ судебныхъ, дипломатическихъ, и особаго рода тайныхъ—финансовыхъ [2]). Императоръ *Францъ* при своемъ вступленіи на престолъ призналъ необходимость существованія государственнаго совѣта, который получилъ отъ императора (въ 1792 г.) новую инструкцію, опредѣляющую его компетентность. Эта инструкція давала право совѣту свободно выражать свои мнѣнія обо всѣхъ законодательныхъ

1—2) Hock und Bidermann, 150—224 und 629—635 s.

и судебныхъ вопросахъ, предложенныхъ на его обсужденіе императоромъ. Совѣтъ былъ также обязанъ заботиться объ устраненіи замѣченныхъ имъ въ управленіи недостатковъ. Вообще по инструкціи 1792 г. государственный совѣтъ явился вполнѣ монархическимъ учрежденіемъ, которое облегчало своими совѣтами монарху рѣшеніе всѣхъ административныхъ вопросовъ, но не могло дѣйствовать независимо отъ воли монарха. Впослѣдствіи кругъ дѣятельности совѣта расширился еще болѣе присоединеніемъ къ его вѣдомству судебныхъ дѣлъ, военныхъ, хозяйственныхъ и всѣхъ дѣлъ придворной канцеляріи. Государственный совѣтъ превратился въ собраніе представителей отдѣльныхъ отраслей управленія и членовъ совѣта подъ предсѣдательствомъ перваго министра. Но затрудненія, возникшія изъ такого соединенія въ одномъ высшемъ учрежденіи массы правительственныхъ дѣлъ и медленность хода управленія заставили перваго министра, графа Коловрата подумать сначала о сокращеніи числа членовъ совѣта, а потомъ и о замѣнѣ его конференціей министровъ. Сообразно предложенію графа Коловрата, въ 1801 году послѣдовало распоряженіе императора, которымъ вмѣсто государственнаго совѣта было образовано нѣсколько министерствъ, —бывшихъ его департаментовъ (иностранныхъ дѣлъ, военныхъ, морскихъ и внутреннихъ, юстиціи, полиціи и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ большая конференція министровъ, тайный кабинетъ и государственная канцелярія должны были заниматься рѣшеніемъ важнѣйшихъ дѣлъ управленія, которое объединялось въ этихъ трехъ различныхъ высшихъ учрежденіяхъ. Однако, такая организація высшаго центральнаго управленія австрійской монархіи удержалась въ ней недолго. Большая конференція всѣхъ министровъ, какъ учрежденіе съ дискреціонною властью, которую она могла осуществлять въ отсутствіе монарха, оказалась въ противорѣчіи съ сущностью монархическаго государства, гдѣ въ лицѣ монарха

сосредоточивается высшее управленіе государствомъ. Къ тому же большая конференція не могла дѣйствовать правильно, такъ какъ она не собиралась постоянно вслѣдствіе многочисленнаго своего состава. Поэтому большая конференція обратилась скоро въ малую конференцію министровъ, а безплодность дѣятельности этой послѣдней и запутанность въ высшемъ управленіи государствомъ заставили императора совершенно уничтожить малую конференцію и снова возстановить старый государственный совѣтъ (въ 1814 г.). Государственный совѣтъ вмѣстѣ съ совѣтомъ министровъ (Conferenz-Rath) образовалъ одно общее и высшее учрежденіе въ имперіи, помогающее императору въ управленіи. Императоръ называлъ государственный совѣтъ „своимъ непосредственнымъ, довѣреннымъ совѣтомъ для дѣлъ, по которымъ онъ призванъ высказывать свои мнѣнія; принять эти мнѣнія зависѣло отъ воли монарха. Совѣтъ не обладалъ исполнительною властью“ [1]). Государственный совѣтъ не принималъ непосредственнаго участія въ управленіи; онъ только наблюдалъ за ходомъ всей администраціи и былъ совѣтомъ монарха по всѣмъ дѣламъ управленія. Государственный совѣтъ былъ раздѣленъ на четыре секціи: 1) законодательства и судебныхъ дѣлъ, 2) общаго внутренняго управленія, 3) финансовъ и 4) военныхъ дѣлъ. Дѣла разсматривались сначала въ отдѣльныхъ департаментахъ государственнаго совѣта, а потомъ рѣшались окончательно въ общемъ его собраніи. Скоро, однако (въ 1830 г.), сказалась нужда въ особаго рода тѣсной конференціи, которая могла бы наблюдать за ходомъ восточныхъ дѣлъ и приготовлять всѣ дѣла къ рѣшенію ихъ въ Conferenz-Rath'ѣ. Стремленіе графа Коловрата къ соединенію въ своихъ рукахъ всѣхъ дѣлъ управленія было особенно благопріятно для возникновенія учрежденій (конференцій), конкуррирующихъ

1) Hock und Bidermann, 695 s.

съ государственнымъ совѣтомъ и умаляющихъ его права въ управленіи. Правительственное значеніе совѣта уменьшалось еще вслѣдствіе того, что отдѣльныя отрасли управленія (министерства) не имѣли правильной и опредѣленной организаціи, а самъ совѣтъ не могъ ихъ вполнѣ замѣнить. Поэтому графъ Коловратъ видѣлъ въ секціяхъ совѣта излишнюю и вредную для управленія односторонность и раздробленность государственныхъ дѣлъ, которыя должны были, по его мнѣнію, разсматриваться въ совѣтѣ министровъ (конференціи). Государственный совѣтъ долженъ дѣйствовать согласно съ этимъ совѣтомъ и обязанъ только подавать свои мнѣнія по законопроэктамъ и наблюдать за исполненіемъ законовъ [1]).

Императоръ *Фердинандъ*, подобно своему предшественнику, утвердилъ при своемъ возшествіи на престолъ (въ 1835 г.) за государственнымъ совѣтомъ его высшія правительственныя права въ управленіи государствомъ. Совѣтъ былъ признанъ высшимъ, совѣщательнымъ учрежденіемъ монарха, находящимся, все-таки, подъ контролемъ государственной конференціи. Конкурренція совѣта съ конференціей и отступленія отъ организаціи его въ 1814 г. привели къ изданію новаго статута (въ 1836 г.) объ устройствѣ государственнаго совѣта. По этому статуту было возстановлено дѣленіе совѣта на секціи „для облегченія и ускоренія дѣлъ“, совѣтъ былъ составленъ изъ министровъ, членовъ конференціи и установленъ опредѣленный порядокъ общаго совѣщанія всѣхъ департаментовъ государственнаго совѣта. Государственная конференція продолжала существовать рядомъ съ совѣтомъ, но она была лишена иниціативы въ дѣлахъ управленія и не обладала правомъ исполнительной власти. Государственный совѣтъ былъ тѣсной административной коллегіей и въ такомъ видѣ просуществовалъ въ Австріи до 1848 г.,

---

1) Hock und Bidermann, ibidem, 637—670 с.

когда онъ былъ признанъ излишнимъ и несоединимымъ съ конституціонной формой управленія, введенной въ Австріи въ этомъ году [1]). Но при реставраціи въ 1851 г. здѣсь неограниченной монархіи немедленно появился и императорскій совѣтъ, члены котораго назначались королемъ. Совѣтъ былъ законосовѣщательнымъ учрежденіемъ при монархѣ и исчезъ только въ 1861 г. при вторичномъ введеніи въ Австріи конституціоннаго государственнаго устройства [2]).

ВЕНГРІЯ.

Венгрія [3])—единственная страна въ Европѣ, соціально-политическія учрежденія которой сохранились въ ихъ первоначальной аристократической формѣ почти до послѣдняго времени (до 1848 г.). Венгерская аристократія въ теченіе всей исторіи Венгріи энергично отстаивала свои прерогативы, свой высшій авторитетъ надъ народомъ, свою независимость противъ союзнаго государя (австрійскаго императора). Одна изъ причинъ этого замѣчательнаго явленія скрывается, быть можетъ, въ постоянной жизни венгерскихъ магнатовъ вдали отъ большихъ городовъ, въ своихъ помѣстьяхъ, населеніе которыхъ привыкло издавна нести извѣстныя повинности въ пользу своихъ господъ, оказывать имъ полную преданность и уваженіе и видѣть въ нихъ естественныхъ защитниковъ своей личности и имущества [4]). Другія причины того же факта политической исторіи Венгріи лежатъ, безъ сомнѣнія, въ первоначальныхъ основаніяхъ общественной и политической жизни венгерскаго народа и послѣду-

1) Hock und Bidermann, 679—691 s. 2) Ulbrich, 10—11 s., 3) Мы излагаемъ здѣсь соціально-политическую исторію Венгріи вслѣдствіе однородности общественнаго и политическаго быта Венгріи съ соціальнымъ и государственнымъ устройствомъ Венеціи, которая по нашему плану слѣдуетъ за Венгріей: венгры не принадлежатъ къ германскому племени, но они и не славяне, хотя въ ихъ жизни и замѣчаются черты славянскаго быта, заимствованныя ими у побѣжденныхъ славянъ. 4) Dufau, IV, 110 p.

ющемъ, историческомъ ихъ развитіи. Венгры были потомками монгольскаго племени Гунновъ, которые послѣ смерти Аттилы основали (въ VIII в. по Р. Хр.) самостоятельное государство въ мѣстности, занимаемой современной Венгріей[1]). Но и послѣ того венгры долго вели кочевый и воинственный образъ жизни. Весь венгерскій народъ съ древнѣйшихъ временъ былъ раздѣленъ на семь великихъ колѣнъ или племенъ, образовавшихся изъ первоначальныхъ 108 родовъ. Во главѣ каждаго рода, а потомъ племени стояли родовые и племенные старѣйшины; изъ нихъ пользовались наибольшимъ вліяніемъ и уваженіемъ въ обществѣ тѣ, которые владѣли большимъ количествомъ стадъ—единственнаго имущества въ то время. Поэтому вся территорія принадлежала колѣнамъ на правѣ собственности; отдѣльными ея участками пользовался каждый изъ родовъ племени[2]). Родовые старѣйшины участвовали въ *сенатѣ* или *совѣтѣ* князя съ перваго момента основанія венгерской монархіи: князь былъ обязанъ руководиться въ дѣлахъ страны ихъ мнѣніемъ въ силу договора, заключеннаго представителями венгерскихъ общинъ съ вождемъ Алмосомъ,—первымъ венгерскимъ королемъ изъ династіи Арпадовъ. Политическая сила родовыхъ старѣйшинъ была велика еще при *Стефанѣ I святомъ* (997—1038), который считается собственно основателемъ венгерскаго монархическаго государства. Стефанъ долженъ былъ бороться съ могуществомъ племенныхъ старѣйшинъ посредствомъ раздробленія земель въ странѣ, ихъ раздѣленія между короной, церковью и отдѣльными родами колѣнъ. Съ цѣлью же ослабленія могущества племенной аристократіи и укрѣпленія королевской власти, особенно же развитія правъ военной власти короля Стефанъ раздѣлилъ

---

1) Dufau, IV, 112 p. 2) Mailáth: „Geschichte der Magyaren“, Wien, 1828, I Band, 49 s., Н. Поповъ: „Мадьярскій историкъ Владиславъ Салай и исторія Венгріи отъ Арпада до прагматической санкціи“, Спб., 1868, 77—78 стр.

все государство на комитаты—укрѣпленные замки съ гарнизономъ и военной администраціей, которая должна была охранять окрестную мѣстность и управлять ея населеніемъ. Начальникомъ комитата былъ графъ (comes castri, ишпанъ отъ славянскаго слова—жупанъ), въ рукахъ котораго соединялась политическая, судебная и военная власть надъ населеніемъ комитата. Это населеніе состояло изъ представителей родовой аристократіи (magnates, majores, proceres, domini), владѣвшихъ большими поземельными участками и крѣпостными, изъ сословія, члены котораго были благороднаго происхожденія, но не имѣли земли (nobiles, minores, немеши), горожанъ и крестьянъ. Изъ всѣхъ этихъ сословій только одно первое сословіе въ обществѣ—аристократія и особенно высшій ея слой—магнаты пользовались политическими правами, занимали всѣ высшія должности въ комитатахъ и во всемъ государствѣ. Изъ среды магнатовъ,—знатнѣйшихъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ аристократіи—венгерскіе короли избирали свой *совѣтъ* или *сенатъ* (consilium seniorum). Члены совѣта безотлучно находились при королѣ и сопровождали его въ путешествіяхъ, помогая королю въ разрѣшеніи всѣхъ дѣлъ управленія [1]). Политическое преобладаніе родовой и поземельной аристократіи въ Венгріи мало смягчалось созданіемъ венгерскими королями служилаго дворянства, изъ среды котораго Стефанъ и его преемники наполняли ряды преданнаго имъ войска [2]).

Вліяніе магнатовъ на государственное управленіе увеличилось еще болѣе со времени короля *Андрея II*, который былъ вынужденъ магнатами ограничить королевскую власть особымъ законодательнымъ актомъ,—золотой буллой (1222 г.), magna charta венгерской аристократіи и всего венгерскаго

---

1) Mailáth, I B., 42—46 s., Macieiowski: „Slawische Rechtsgeschichte“. Stuttgart und Leipzig, 1839, III B., 79, 93—98 s., Weber, VIII B., 497—499 s., Fufau, IV, 113 p., Поповъ, 76—83 стр. 2) Ulbrich, 137 und 142—143 s.

народа. Въ введенiи къ этому основному закону венгерской конституцiи сказано, что король „жалуетъ свободу благородному сословiю и всѣмъ остальнымъ людямъ королевства". Затѣмъ въ слѣдующихъ 30 статьяхъ золотой буллы обезпечивается аристократiи первая роль въ сословныхъ собранiяхъ и участiе магнатовъ въ consilium regis, безъ согласiя котораго ни одинъ иностранецъ не могъ быть допущенъ къ занятiю государственныхъ должностей. Таже золотая булла освобождала дворянскую поземельную собственность отъ уплаты податей и предоставляла магнатамъ исключительное право на замѣщенiе высшихъ государственныхъ должностей (палатина, придворнаго судьи и графовъ въ комитатахъ). Въ вознагражденiе за свою службу магнаты получали въ силу того же акта право собственности на жалуемыя имъ королевскiя владѣнiя. Наконецъ, золотая булла гарантировала аристократiи свободу отъ обязанности служить на свой счетъ въ войнахъ короля внѣ страны и личную свободу всѣхъ дворянъ отъ произвольныхъ арестовъ и суда. Послѣдняя 31 статья буллы предоставляетъ аристократiи, какъ гарантiю ея сохраненiя, право вооруженнаго сопротивленiя противъ каждаго изъ королей, который нарушитъ буллу. Обезпечивая исключительныя права аристократiи, золотая булла защищала отъ произвола королевской власти и аристократiи весь народъ: всѣ свободные люди (немеши) не могли быть посажены въ тюрьму безъ законнаго суда. Немеши могли также свобободно распоряжаться своимъ имуществомъ. Необходимо еще замѣтить, что по золотой буллѣ государственныя должности раздавались магнатамъ не въ видѣ леновъ: венгерскiе магнаты оставались богатыми землевладѣльцами, которые не имѣли наслѣдственныхъ должностей въ имперiи и территорiальныхъ правъ въ отдѣльныхъ ея частяхъ. Золотая булла предоставила всѣмъ свободнымъ людямъ право являться ежегодно (въ день св. Стефана) на большiя судебныя засѣданiя

въ Секешфейерварѣ; изъ этихъ собраній развилась впослѣдствіи низшая палата венгерскихъ сословій, между тѣмъ какъ изъ королевскаго совѣта вышла верхняя палата магнатовъ[1]).

Въ теченіе XIII столѣтія венгерская аристократія затѣвала безпрерывныя, внутреннія смуты, желала быть совершенно независимою отъ королевской власти, которая стремилась къ тому, чтобы ввести справедливость въ управленіи и заставить высшихъ сановниковъ государства подчиниться контролю народнаго собранія (при Андреѣ III, въ 1231 г.). Съ необузданностью магнатовъ велъ продолжительную борьбу основатель французской (анжуйской) династіи въ Венгріи, *Карлъ Робертъ*, который старался усилить королевскую власть и централизовать все управленіе въ своихъ рукахъ[2]). Но при Карлѣ же и его преемникѣ, *Людовикѣ Великомъ* магнаты получили возможность снова упрочить свое могущество, которое Карлъ желалъ поколебать. При этихъ короляхъ крупныя поземельныя владѣнія аристократовъ были укрѣплены за ними тѣмъ, что на магнатовъ была возложена королемъ обязанность быть въ рядахъ королевской арміи во главѣ многочисленныхъ и самостоятельныхъ отрядовъ съ собственнымъ знаменемъ (бандеромъ). Значеніе этой мѣры, усиливающей политическую силу аристократіи, ослаблялось, однако, тѣмъ, что въ тоже время было допущено раздѣленіе поземельныхъ владѣній магнатовъ между отдѣльными членами семьи. Вмѣстѣ съ тѣмъ было позволено всѣмъ членамъ аристократіи отчуждать свои участки, но лишь съ разрѣшенія короля, чѣмъ, съ одной стороны, увеличивалась его власть, а съ другой, предотвращалась возможность дальнѣйшаго развитія въ странѣ замкнутой поземельной аристократіи[4]). При королѣ *Мат-*

---

1) Mailáth, I, 150—151 (Anhang, 24—28) s., Dufau, IV, 114—115 p., Ulbrich, 137 s., Weber, VIII B., 514—515 s., Поповъ, 91—95 с. 2) Weber. 520—524 s. 3) Поповъ, 98, 104—113 с. 4) Weber, 527 s

ѣнъ Гуніади, поднявшемъ своею неутомимою и справедливою правительственною дѣятельностью престижъ королевской власти въ Венгріи [1]), магнаты должны были склониться предъ твердой и энергичной волей короля [2]). Но послѣ его смерти венгерская аристократія, опасавшаяся водворенія въ странѣ неограниченной королевской власти, избрала на престолъ Венгріи польскаго короля *Владислава*, который на ландтагѣ 1442 г. издалъ цѣлый рядъ законовъ (108), сильно ограничившихъ королевскую власть въ пользу аристократіи (магнатовъ). Здѣсь было прямо заявлено, что „король сохраняетъ за имперскими сословіями всю ихъ древнѣйшую свободу и уничтожаетъ всѣ учрежденія, введенныя королемъ Матіасомъ" [3]). Въ началѣ XVI вѣка на венгерскомъ престолѣ воцарилась династія австрійскихъ Габсбурговъ въ лицѣ *Фердинанда I* [4]), торжественно обѣщавшаго сохранить всѣ сословныя вольности вельможъ, которые старались всѣми мѣрами удержать за собою преобладаніе въ государствѣ [5]). Самое важное право, сохраненное магнатамъ золотой буллой,— право вооруженнаго ихъ сопротивленія королю въ случаѣ нарушенія имъ буллы было, однако, отмѣнено въ 1687 г. императоромъ *Леопольдомъ* (1790—1810), при которомъ Венгрія окончательно взошла въ составъ австрійской имперіи, обратилась въ наслѣдственную, коронную землю дома австрійскихъ Габсбурговъ [6]). Неразрывная связь Венгріи съ австрійской короной укрѣпилась еще болѣе прагматической санкціей, принятой венгерскимъ ландтагомъ въ 1722 году [7]). *Іосифъ II* желалъ ввести въ Венгріи административныя реформы, общія всей австрійской имперіи, разрушить привилегированное положеніе въ странѣ магнатовъ, свѣтскихъ и духовныхъ, и управлять ею въ духѣ деспотизма. Но всѣ

---

1) Mailáth, II B, 93—102 s. 2) Поповъ, 124—126 с. 3) Mailáth, II, 124—126 s., Поповъ, 127—128 с 4) Ulbrich, 7 s. 5) Поповъ, 137—138 s. 6) Durfau, IV, 122 p., Поповъ, 164—168 с. 7) Ulbrich, 8 s.

подобные планы и попытки Іосифа встрѣтили сильное и энергичное сопротивленіе со стороны венгерской аристократіи, такъ что онъ долженъ былъ уступить настойчивымъ ея требованіямъ и отмѣнить (въ 1780 г.) всѣ свои нововведенія, противныя венгерской конституціи [1]). Органомъ аристократическаго сословія въ этой его борьбѣ съ неограниченною властью Іосифа II явилась „придворная канцелярія“,—высшее правительственное учрежденіе въ Венгріи. Придворная канцелярія образовалась во время присоединенія Венгріи къ Австріи: такъ какъ королемъ Венгріи былъ австрійскій императоръ, то для защиты интересовъ венгерскаго народа стали посылаться ко двору (въ Вѣну) уполномоченные, бывшіе посредниками между императоромъ и венгерскими сословіями и учрежденіями [2]). При Леопольдѣ II, обезпечившемъ самостоятельность, независимость венгерскаго управленія отъ общеимперскаго во всѣхъ венгерскихъ дѣлахъ, придворная канцелярія сдѣлалась высшимъ учрежденіемъ въ Венгріи, которое состояло, главнымъ образомъ, изъ магнатовъ, назначаемыхъ королемъ. На ряду съ придворной канцеляріей былъ образованъ *совѣтъ* изъ знати подъ предсѣдательствомъ палатина; совѣтъ завѣдывалъ внутренней и внѣшней политикой страны. Королю было предоставлено только veto въ законодательныхъ дѣлахъ, разсматриваемыхъ въ венгерскихъ ландтагахъ. Эти послѣдніе состояли преимущественно изъ знати (прелатовъ, бароновъ, магнатовъ, благородныхъ) и свободныхъ городскихъ жителей. Только аристократіи были присвоены исключительныя права законодательства, владѣнія землями и участія въ мѣстномъ управленіи, неприкосновенность личности и свобода отъ уплаты всѣхъ податей [3]). Въ такомъ видѣ венгерская конституція сохранилась до 1848—1861 года, когда въ австрійской имперіи была введена конституціонная форма правленія [4]).

1) Dufau, 128—131 p. 2) Поповъ, 170 стр. 3) Dufau, IV t., 134—142 p. 4) Ulbrich, 10—11 s.

ВЕНЕЦІЯ.

Начало Венеціи было положено еще въ періодъ народныхъ переселеній (IV—VI в.), когда жители сѣверныхъ береговъ Италіи нашли убѣжище и естественную защиту отъ нападеній варваровъ на небольшихъ и недоступныхъ островахъ адріатическаго моря. Въ образовавшихся здѣсь маленькихъ демократическихъ обществахъ возникли вскорѣ взаимные раздоры и споры о первенствѣ, которые привели къ созданію объединительной, монархической власти *дожа* (697 г.), распоряжавшагося всѣмъ въ новомъ государствѣ при помощи *совѣта*. Члены этого совѣта назначались самимъ дожемъ. Стремленіе венеціанскихъ дожей образовать въ Венеціи наслѣдственную монархію нашло сильное противодѣйствіе въ венеціанской аристократіи,—фамиліяхъ венеціанскихъ гражданъ, сдѣлавшихся богатыми вслѣдствіе развитія торговли въ Венеціи (въ концѣ X в.). Вліяніе этихъ аристократическихъ домовъ, совершенно устранившихъ отъ управленія народныя собранія, скоро увеличилось на столько, что въ началѣ XI столѣтія (въ 1032 г.) власть дожа была ограничена контролемъ надъ его дѣятельностью двухъ вельможъ и аристократическимъ учрежденіемъ—*сенатомъ* или „совѣтомъ приглашенныхъ“ (consiglio dei pregadi), состоявшимъ изъ 60 членовъ (синьоровъ). Дожъ окруженъ былъ постоянно представителями знатнѣйшихъ фамилій. Непосредственно около него стоялъ *совѣтъ* изъ шести лицъ—членовъ аристократическихъ семей (синьорія); въ этомъ совѣтѣ соединялись, какъ въ вершинѣ управленія, всѣ публичныя дѣла. Отсюда же исходили и всѣ административныя предложенія дожа *большому совѣту*, образовавшемуся въ XII столѣтіи. Этотъ совѣтъ имѣлъ 80 членовъ —нотаблей, избираемыхъ всей аристократіей. Большой совѣтъ (il consiglio grande), обязанъ былъ контролировать дѣйствія дожа и синьоріи. Рѣшенія большаго совѣта приводились въ исполненіе или дожемъ или синьоріей, или *совѣтомъ сорока*,

—высшимъ уголовнымъ и гражданскимъ учрежденіемъ, въ которомъ также происходили совѣщанія о предложеніяхъ дожа прежде, чѣмъ они достигали до обсужденія въ большомъ совѣтѣ. Такъ власть дожа была ограничена цѣлымъ рядомъ совѣтовъ, гдѣ сплошь засѣдали члены одного аристократическаго сословія. Скоро изъ среды самой аристократіи выдѣлилось сравнительно небольшое количество богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ фамилій, которыя захватили въ свои руки власть. При дожѣ Градениго (въ XIII ст.) былъ изданъ законъ, обратившій большой совѣтъ изъ коллегіи, составъ который пополнялся ежегодно избираемыми всей аристократіей новыми членами, въ учрежденіе, гдѣ нашли мѣсто только представители нѣсколькихъ наиболѣе вліятельныхъ аристократическихъ фамилій, записанныхъ въ золотую книгу. Всѣ остальныя, сравнительно незначительныя аристократическія фамиліи смѣшались съ остальнымъ населеніемъ Венеціи и стали наравнѣ съ нимъ подданными замкнутой, аристократической касты. Процессъ развитія исключительнаго и неограниченнаго господства аристократіи въ Венеціи былъ законченъ образованіемъ въ началѣ XIV столѣтія *совѣта десяти* государственныхъ инквизиторовъ, которому поручена была абсолютная власть надъ жизнью и смертью всѣхъ гражданъ, не исключая и тѣхъ аристократовъ и даже самаго дожа, которые были заподозрѣны въ враждѣ къ аристократіи и желаніи разрушить ея власть въ Венеціи. Изъ среды совѣта десяти избирались каждые три мѣсяца три великихъ инквизитора съ абсолютною, высшею исполнительною властью въ государствѣ. Совѣтъ десяти былъ въ рукахъ господствующей въ государствѣ части аристократіи, чрезмѣрно властолюбивой и подозрительной, орудіемъ противъ всякихъ попытокъ вырвать у нея власть со стороны аристократическихъ фамилій, лишенныхъ участія въ управленіи [1]). Поэтому совѣтъ десяти былъ уполномоченъ охранять

1) Montesquieu, I t., livr. 2, chap. 3.

неприкосновенность государства,—правящей части аристократіи, снабженъ экстраординарною властью, ставящей его выше закона, и образовалъ въ государствѣ дѣйствительный центръ всего управленія. Вполнѣ неограниченное и деспотическое господство избранной части аристократіи въ венеціанской республикѣ продолжалось съ XIV и до конца XVIII вѣка, когда она была уничтожена Наполеономъ I. Въ теченіе всего этого продолжительнаго періода въ Венеціи существовало нѣсколько совѣтовъ—органовъ власти венеціанской знати: большой совѣтъ, какъ высшее законодательное учрежденіе, сенатъ, синьорія и совѣтъ десяти—высшія исполнительныя учрежденія—и совѣтъ сорока—высшій судебный институтъ [1]).

ГОЛЛАНДІЯ.

Сходную по существу съ Венгріей и Венеціей аристократическую конституцію имѣли *Голландія* (отъ половины XVI и до конца XVIII вѣка) и аристократическіе кантоны *Швейцаріи* (съ XIII до конца XVIII столѣтія). Голландія образовала въ XII вѣкѣ нѣсколько монархическихъ государствъ, независимыхъ фактически отъ германскаго императора. При *Карлѣ V* (XVI ст.) 17 голландскихъ провинцій составили одно федеративное государство, нераздѣльное и наслѣдственное въ австрійскомъ королевскомъ домѣ. Въ каждой изъ провинцій, какъ самостоятельномъ государствѣ, верховная власть принадлежала монарху и сословному собранію, въ которомъ аристократія занимала первое мѣсто. Общее управленіе государствомъ сосредоточивалось въ трехъ совѣтахъ: государственномъ совѣтѣ, составленномъ изъ предста-

---

1) Leo: „Geschichte d. italienischen Staaten", Hamburg, 1829, 3 Theil., 2—5, 56—60, 99 und 191—195 s., La Croix, II t., 18, 44—45, 51—54, 82—83 et 93—94 p., Dufau, IV, 231—238 p , Weber, VШ B., 409—414 s , Спенсеръ: „Развитіе политическихъ учрежденій", 173—174 и 184—185 с., Осокинъ: „Исторія среднихъ вѣковъ", II т., 1-я ч., 63—68 стр.

вителей духовной и свѣтской аристократіи и завѣдывавшемъ иностранными дѣлами, частномъ совѣтѣ, которому поручались законодательство, внутреннее управленіе и юстиція, и финансовомъ совѣтѣ. Послѣ продолжительной борьбы за независимость противъ Испаніи, особенно же, Филиппа II, испанскаго короля, семь сѣверныхъ провинцій (Голландія, Утрехтъ, Зеландъ, Фрисландъ и др.) образовали самостоятельное, союзное государство, управлявшееся нѣсколькими знатнѣйшими фамиліями. Въ силу акта объ утрехтской уніи (1579 г.) каждая провинція имѣла свое собственное управленіе, свой совѣтъ, пожизненными членами котораго были знатнѣйшіе граждане. Управленіе всѣми провинціями попрежнему сосредоточивалось въ одномъ общемъ государственномъ совѣтѣ, который былъ составленъ изъ депутатовъ отъ провинцій. Государственный совѣтъ, потерявшій значеніе общаго законодательнаго и административнаго института еще со времени учрежденія въ Голландіи генеральныхъ штатовъ извѣстнымъ графомъ Лейчестеромъ (XIII ст.), сохранилъ тоже положеніе въ высшей администраціи, какое онъ пріобрѣлъ въ эпоху образованія штатовъ. Совѣтъ подготовлялъ дѣла для рѣшенія ихъ въ засѣданіяхъ штатовъ, исполнялъ эти рѣшенія и управлялъ военными и финансовыми дѣлами. Голландская аристократія долго боролась за свои сословныя права противъ своихъ штатгальтеровъ изъ дома Вильгельма Оранскаго. Борьба эта закончилась въ 1794 г. паденіемъ въ Голландіи олигархіи и управленія штатгальтеровъ и основаніемъ Наполеономъ I батавской республики[1]).

---

1) L. Hartog: „Staatsrecht d. Königrechs d. Niederlande“ (in Handbuch .. Marquardsen'a, IV B., 1 Halband, 4 Abth.), 5—6 s., Williams: „Ursprung, Wachstum und gegenwärtige Zustand der nordischen Reiche“. 1779. 69, 78 und folg., 81—82 s. (Мы пользовались этимъ сочиненіемъ въ Чертковской библіотекѣ историческаго музея въ Москвѣ). Dufau, III t., 17—19, 22—23, 25—29, 70—71, 85—86, 107—108 p., La Croix, II t, 176—177 et 182 p. Примѣчаніе. Въ аристократическихъ швейцарскихъ кантонахъ: Бернѣ, Люцернѣ, Цюрихѣ, Балѣ, Шафгаузенѣ, Фрибургѣ и Солерѣ съ XIII столѣтія до основа-

ИСПАНІЯ.

Государство, основанное (въ VI ст.) въ Испаніи вестготами, было избирательной монархіей: въ короли избирались духовенствомъ, знатью и всѣмъ населеніемъ лица благороднаго происхожденія. Въ народѣ сначала не было замкнутыхъ сословій: существовало только различіе между свободными и несвободными людьми. Но скоро уже въ средѣ класса свободныхъ лицъ появились лица, выдающіяся богатствомъ, мужествомъ и мудростью при совѣщаніяхъ съ королями по поводу государственныхъ дѣлъ. Такія лица назывались въ законахъ вестготовъ nobiles, primates, seniores и проч.. Тѣ изъ нихъ, которые принадлежали къ королевскому двору, назывались seniores palatii и со временемъ составили наслѣдственное сословіе (ordo palatinus). Изъ среды nobilitas—богатыхъ и знатныхъ благородныхъ фамилій выходили высшіе государственные сановники: duces (герцоги), которые обладали высшею военною властью и управляли провинціями, comites (графы), занимавшіе высшія придворныя должности, и gardinge—лица королевской свиты [1]). Состоявшіе при дворѣ вестготскаго короля, сановники помогали ему въ обсужденіи и рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, въ которое стало вмѣшиваться духовенство съ принятіемъ вестготами христіанства (католицизма). Духовные соборы заняли мѣсто народныхъ собраній. Присутствовавшіе въ нихъ члены духовенства разсматривали сначала одни церковныя дѣла, но потомъ захватили въ свои руки обсужденіе и рѣшеніе во-

---

нія въ Швейцаріи Наполеономъ I (въ 1798 г.) гельветической республики все населеніе кантоновъ было раздѣлено на два сословія: благородныхъ и простолюдиновъ. Управленіе кантонами находилось въ рукахъ знати, органами которой являлись обыкновенно два совѣта: большой совѣтъ, управлявшій общими дѣлами кантона, и малый совѣтъ—собственно городскими дѣлами. Впрочемъ, взаимное отношеніе обоихъ совѣтовъ было различно въ отдѣльныхъ кантонахъ (Dufau, II, 374—386 p.). 1) Maurer, ibidem, 57, 59, 61, 63—64, 67—68 und 71 s., Lembke: „Geschichte des Spanien“, Hamburg, 1831, I B., 171, 173, 175—179 s.

просовъ всего государственнаго управленія. Однако, съ появленіемъ на соборахъ короля и знатнѣйшихъ членовъ высшаго сословія въ обществѣ,—грандовъ вліяніе на дѣла перешло постепенно къ грандамъ, которые изъ нѣмыхъ свидѣтелей того, что происходило на соборахъ, превратились въ дѣятельныхъ участниковъ въ рѣшеніи на нихъ всѣхъ дѣлъ, особенно же свѣтскихъ [1]).

Послѣ завоеванія Испаніи арабами (въ началѣ VIII ст.) одна большая часть туземнаго населенія вестготовъ покорилась пришельцамъ, другая же—укрылась въ сѣверной Испаніи, гдѣ потомъ (въ IX—XI ст.) образовалось нѣсколько самостоятельныхъ государствъ (королевствъ): Кастилія, Аррагонія, Леонъ, Барселона, Наварра и др.. Изъ нихъ Кастилія и Аррагонія достигли наибольшаго политическаго могущества; остальныя же соединились съ ними (Леонъ съ Кастиліей, Барселона съ Аррагоніей и проч.). Безпрерывная борьба испанцевъ съ маврами способствовала образованію въ испанскихъ государствахъ феодальной аристократіи, сильно ограничившей власть короля въ этихъ государствахъ. Такъ въ Кастиліи государственными дѣлами управлялъ король вмѣстѣ съ епископами, прелатами, высшими придворными чинами и государственными сановниками. Всѣ они составляли при королѣ государственный совѣтъ, безъ содѣйствія котораго король не рѣшалъ ничего важнаго. Кастильская аристократія участвовала также и въ сохранившихся въ Испаніи соборахъ, на которыхъ законы издавались только „de consilio principum et magnatum". Такъ Альфонсъ II пожаловалъ (въ 804 г.) церкви значительныя привиллегіи „съ совѣта и согласія своихъ графовъ и знатнѣйшихъ лицъ". Рамиро III закрылъ епископство въ Симанкѣ также „съ согласія епископовъ и магнатовъ своего дворца". Совѣтъ магна-

1) Lembke, I, 197 - 203 s., Dufau, V t., 7—8 p.

товъ игралъ рѣшительную роль въ дѣлахъ управленія при короляхъ: Альфонсѣ VI, Фердинандѣ II и др.[1]). Въ Аррагоніи бароны (феодальные владѣльцы) были высшимъ сословіемъ въ государствѣ, гдѣ они пользовались громадными преимуществами. Бароны смотрѣли на короля, какъ на себѣ равное лицо, и избирали его подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ уважалъ законы страны и всѣ привиллегіи аристократіи[2]). Педро III, желая найти поддержку для своей власти противъ нападеній французовъ, долженъ былъ обезпечить націи и, главнымъ образомъ, знати право собственности на земли, индивидуальную свободу, уничтожить тайный процессъ и пытки. При преемникѣ Педро, *Альфонсѣ III* (1285—1291) гранды заставили короля надѣлить ихъ еще большими привиллегіями. Изъ среды аристократіи избирался верховный судья (хустисія), безъ согласія котораго никто не подвергался тяжелому наказанію и не могъ быть лишенъ жизни. Бароны взяли перевѣсъ надъ остальными сословіями въ королевскомъ совѣтѣ, созываемомъ разъ въ годъ (въ ноябрѣ). Бароны же вмѣстѣ съ горожанами получили право вооруженнаго сопротивленія королю при нарушеніи имъ правъ и привиллегій аристократіи и всѣхъ гражданъ[3]).

Съ конца XV столѣтія и въ началѣ XVI, когда въ Испаніи было окончательно разрушено господство мавровъ, и Кастилія и Аррагонія соединились въ одно могущественное государство подъ скипетромъ Фердинанда (Аррагонскаго ко-

---

1) Schäfer (und Lembke): „Geschichte von Spanien", Hamburg, 1844, II B., 514—515, 518—519 s., Dufau, V, 17 p., Петровъ, II, 213 с. 2) Dufau, V, 28—31 p., La Croix, III, 189—190 p. На сколько кастильская аристократія была горда и высокомѣрна, на это указываетъ ихъ присяга избранному ими королю: „мы, которые значимъ столько же и даже болѣе, нежели вы, говорили королю гордые бароны, мы избираемъ васъ, своего короля и господина подъ условіемъ, чтобы вы уважали наши законы и привиллегіи. Если же вы не будете ихъ уважать, то и мы отказываемся отъ повиновенія вамъ" (Dufau, V, 29 p.) 3) Dufau, 35—39 p., Осокинъ, II т., 1-я ч., 529—530 с., Петровъ. II, 214 с.

роля) и Изабеллы (Кастильской королевы), въ странѣ начинается паденіе политическаго значенія аристократіи и усиленіе монархической власти. Въ теченіе XVI—XVIII в. болѣе видные короли Испаніи: Фердинандъ, Карлъ V, Филиппъ II (католикъ) и Филиппъ V были уже вполнѣ неограниченными монархами [1]). Органомъ ихъ власти былъ королевскій совѣтъ, въ которомъ сосредоточились всѣ главныя функціи управленія, какъ это видно изъ названій разныхъ секцій совѣта (высшій совѣтъ, военный, совѣтъ депешъ и друг. [2]).

Славянскія племена.

Необходимость сравнительнаго изслѣдованія соціальнаго и политическаго быта всѣхъ славянскихъ народовъ для правильнаго пониманія и представленія объ исторіи общеславян-

---

1) Dufau, V, 45—48, 54 et 60 p., La Croix, III, 204—206, 222—223 p., Петровъ, 215—216 с. 2) La Croix, 210 p. Примѣчаніе. Подобно Испанія, въ *Португаліи*, сдѣлавшейся самостоятельнымъ государствомъ въ концѣ XI столѣтія, аристократія появилась, благодаря безпрерывнымъ войнамъ съ маврами. Португальскіе короли щедро надѣляли воинственное дворянство поземельными владѣніями, съ которыми въ ту пору въ Западной Европѣ соединялись значительныя, феодальныя политическія права и привиллегіи. Образовавшаяся въ Португаліи такимъ путемъ, феодальная аристократія распалась на нѣсколько разрядовъ. Высшій ея слой образовали ricoschomens, которые были богатыми, поземельными владѣльцами и обладали большими политическими привиллегіями. Ricoshomens, какъ предводители войска, составляли обыкновенно военный совѣтъ короля. Но и во время мира они были также естественными его совѣтниками; всѣ важнѣйшія правительственныя дѣла рѣшались королемъ съ согласія этихъ совѣтниковъ. Членами королевскаго совѣта, кромѣ ricoshomens'овъ, были еще прелаты, свѣтскіе сановники, завѣдующіе различными отраслями управленія, и придворные чиновники. Съ королевскимъ совѣтомъ въ первое время сливалось народное собраніе кортесовъ, въ которомъ аристократія играла первую роль (Schäfer: „Geschichte von Portugal", Hamburg, I, 1836—1850, 50—51, 184—185, 222, 256—261, 317—318, 336—341 s., II B., 4—9, 16—18, 36 s.). Могущество аристократіи ослабѣло въ Португаліи въ началѣ XVI ст., когда Эммануилъ Великій возвысилъ значеніе монархической власти (Петровъ, 216 с.). Органомъ этой власти сталъ теперь государственный совѣтъ, обсуждавшій внутреннія и внѣшнія дѣла государства. Рядомъ съ нимъ существовали: военный совѣтъ, дворцовый и финансовый (La Croix, III, 260—261 p.)

скаго права безусловно признана въ современной историко-юридической наукѣ [1]), гдѣ появились труды по славянскому праву такихъ знаменитыхъ ученыхъ, какъ Маціовскій, Палацкій, Шафарикъ и др.. На основаніи изслѣдованій этихъ и другихъ ученыхъ о первоначальномъ общественномъ и государственномъ устройствѣ древнихъ славянъ въ моментъ появленія ихъ въ Европѣ славяне представляются мирными, земледѣльческими племенами съ патріархально-родовымъ устройствомъ своего соціальнаго быта, скоро смѣнившимся общиннымъ. Всѣ члены такого примитивнаго славянскаго общества были равны между собою и свободны; между ними нѣтъ сословныхъ различій. Каждый родъ владѣлъ извѣстнымъ участкомъ земли, переходящимъ изъ одного поколѣнія въ въ другое. „Если умиралъ глава рода, всѣ оставшіеся, говорится въ пѣсни о Любушиномъ судѣ, владѣютъ имуществомъ, выбравъ изъ своей среды владыку, который для общественнаго блага ходитъ въ славные снемы (сеймы, вѣча) вмѣстѣ съ кметами, лехами и владыками". Главы родовъ и общинъ были старѣйшины (старосты, владыки), лица, выбранныя изъ членовъ рода и не всегда старшіе по лѣтамъ. Нѣсколько общинъ составляли волость, жупу. Старѣйшины или владыки были представителями интересовъ своего рода на народныхъ собраніяхъ (вѣчахъ, сеймахъ, соборахъ), гдѣ рѣшались общія племенныя дѣла и обыкновенно единогласно. Всѣ старѣйшины были поземельными собственниками. Съ теченіемъ времени нѣкоторые изъ славянскихъ родовъ стали выдѣляться изъ среды остальныхъ своимъ богатствомъ и опытностью въ управленіи общими дѣлами племени и пріобрѣтать высшее политическое значеніе сравнительно съ другими родами.

---

1) H. Jireček: „Das Recht in Röhmen und Mähren", Prag. 1865, 40—41 s., Н. Загоскинъ: „Методъ и средства сравнительнаго изученія древнѣйшаго, обычнаго права славянъ вообще и русскихъ въ особенности", Казань, 1877, 3—10 с., Дьячанъ: „Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ до XIV и XV вѣковъ", Варшава, 1882, 12—13 с.

Члены такихъ родовъ, какъ лучшіе, разумнѣйшіе и богатые люди, составили высшій классъ общества, который пріобрѣлъ скоро особенное вліяніе на всѣ дѣла страны. Они образовали *сенатъ* или *совѣтъ* при князѣ въ то время, когда первоначальное, демократическое устройство политическаго быта у древнихъ славянъ смѣнилось у нихъ вслѣдствіе нужды въ защитѣ отъ враговъ и единствѣ управленія также, какъ и развитія у нихъ цивилизаціи монархическою властью князя, возникшей изъ власти родоваго старѣйшины и вмѣстѣ съ тѣмъ верховнаго жреца [1]). Князь окружалъ себя выдающимися, опытными земскими людьми (боярами, кметами и проч.), которые были его совѣтниками и исполнителями рѣшеній князя, и дружиной, сопровождавшей его во всѣхъ походахъ, какъ военная сила. Но власть князя не исключала вліянія народа на дѣла управленія: народъ сохранилъ древній обычай собраній представителей общинъ, въ которыхъ имъ принадлежала главная роль [2]).

Такимъ образомъ, въ примитивномъ соціальномъ быту древнихъ славянъ мы замѣчаемъ тѣже три основные элемента политическаго быта, которые находятся у всѣхъ народовъ на первоначальной ступени ихъ развитія. Изъ этихъ элементовъ демократическій, народный являлся въ началѣ общественной жизни славянъ у нихъ преобладающимъ, благодаря земледѣльческому образу жизни и мирному характеру древнихъ славянъ. Но, кромѣ народныхъ собраній, славянамъ была извѣстна боярская дума, родъ государственнаго

---

1) Шафарикъ: „Славянскія древности". Переводъ Бодянскаго. Москва, 1848, т. II, кн. 1-я, 8 и 32 с., Macieiowski: „Slavische Rechtsgeschichte", I Theil, 73 s. u. folg., F. Palacky: „Geschichte v. Böhmen". Prag. 1864—1867, I B., 58—59, 169—170 s., Fr. v. Hellwald: „Die Welt d. Slawen". Berlin. 1890. 45—46 und 176 s., Макушевъ: „Сказанія иностранцевъ о бытѣ и правахъ славянъ", Спб., 1861. 144—147 с., Успенскій: „Первыя славянскія монархіи", Спб., 1872, 35—37 с., Дьячанъ, 24—25, 177—178 с., Осокинъ, I т., 332—334 с., Петровъ, II, 88—90 с. 2) Гильфердингъ: „Собраніе сочиненій по исторіи славянъ", Спб., 1868—1874, IV т., 69 с.

совѣта, состоявшаго изъ знатныхъ людей земли [1]), которые получали большое вліяніе на рѣшеніе дѣлъ еще въ народныхъ собраніяхъ, гдѣ охотно при обсужденіи новыхъ законовъ и избраніи князя и другихъ дѣлахъ и выслушивались мнѣнія лучшихъ и опытныхъ въ управленіи лицъ (владыкъ, жупановъ и др.) [2]). Вслѣдствіе такого общеславянскаго обычая также, какъ усиленія въ обществѣ родовитыхъ и богатыхъ людей —старѣйшинъ и особенно частыхъ столкновеній съ сосѣдними, германскими народами у слявянъ начинаетъ развиваться господство аристократіи. Но славянская аристократія представляла собою элементъ, чуждый исконному, демократичеству быту славянскихъ племенъ, была у всѣхъ нихъ, за исключеніемъ одной Польши, болѣе заимствованнымъ, нежели собственнымъ институтомъ, развившимся изъ условій самой общественной жизни древнихъ славянъ [3]). Поэтому господство славянской аристократіи не было продолжительнымъ; ея дѣятельность въ обществѣ не имѣла всюду того національнаго и крѣпкаго, хотя бы и узкаго патріотизма, которымъ обыкновенно отличается феодальная аристократія германскихъ народовъ [4]). Такому блестящему проявленію этого патріотизма, какое, напримѣръ, представляетъ собою исторія англійской аристократіи среди германскихъ племенъ можетъ соотвѣтствовать нѣкоторымъ образомъ у славянъ развѣ только дѣятельность московскихъ бояръ во вторую половину удѣльно-вѣчеваго періода русской исторіи, такъ много сдѣлавшихъ для объединенія удѣльной Руси и усиленія Москвы, гдѣ бояре играли важную роль въ управленіи. Что аристократія, все-таки, была извѣстна древнимъ славянамъ, на эго указываютъ слова Константина Багрянороднаго объ иллирійскихъ славянахъ (сербахъ и хорватахъ), что „они не имѣли иныхъ правителей, кромѣ старостъ—жупановъ, какъ это въ обычаѣ и у другихъ славянъ“.

1) Макушевъ, 177 с. 2) Дьячанъ, 29—31 с. 3—4) Владиміръ Ламанскій: „Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ“, Спб., 1871, 45 с., Гильфердингъ, IV т., 69—71 с.

Съ возникновеніемъ княжеской власти у славянъ она не дѣлается вдругъ могущественной, а ограничивается сначала волею цѣлаго племени и старѣйшинами. Князь былъ только старшимъ въ родѣ, болѣе богатымъ и сильнымъ среди знатныхъ людей, первымъ мужемъ въ государствѣ въ то время, когда роды составляли одинъ политическій союзъ. Отсюда—большое число князей у славянъ, которые свободно избирали и низлагали тѣхъ изъ нихъ, которые были имъ неугодны. „Славяне не повинуются одному властителю, говорятъ византійскіе историки, Прокопій и Маврикій, и ихъ трудно принудить повиноваться". Нежеланіе повиноваться власти, раздоръ и вражда между отдѣльными родами, характеризующіе первоначальный бытъ славянскихъ племенъ, должны были неизбѣжно привести къ „призванію князей" (на Руси, въ Чехіи, Польшѣ) и образованію у нихъ сильной княжеской власти. Монархическая власть развилась у славянъ вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ ихъ съ германцами изъ за своей политической независимости и иноземныхъ вліяній (византійскаго, нѣмецкаго и друг.), которыя измѣнили первоначальное демократическое государство славянъ сначала и ненадолго въ аристократическое, а потомъ и въ монархическое [1]). Укрѣпленію монархіи у славянъ, западныхъ и южныхъ, препятствовала много аристократія, стремившая ввести среди славянъ феодальные обычаи и учрежденія съ цѣлью усиленія своей власти и тѣмъ ослаблявшая и даже губившая все государство. Такъ было, напр., въ Чехіи и Сербіи. Особенно могущественна была аристократія въ *Польшѣ*, гдѣ она долго властвовала надъ народомъ и самими королями Польши, пока чрезмѣрное ея властолюбіе и презрѣніе къ общественному благу не погубили окончательно самого государства.

1) Palacky, I, 59 s., Macieiowski, I, 74 s. und folg., К. Гротъ: „Извѣстія Константина Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ", Спб., 1880, 217—218 с., Макушевъ, 145—147 с., Дьячанъ, 25, 33—34 с., Петровъ, II, 116—117 с., Осокинъ, ibidem.

ПОЛЬША.

Исторія Польши отличается отъ исторіи другихъ славянскихъ народовъ тѣмъ, что въ ней аристократія возникаетъ сама собою, благодаря особеннымъ условіямъ первоначальной и послѣдующей жизни поляковъ, между тѣмъ какъ въ остальныхъ западно-европейскихъ, славянскихъ государствахъ знать образуется преимущественно подъ чуждымъ, иноземнымъ вліяніемъ. Первоначальное населеніе Польши составляли поляне и другія славянскія племена, обитавшія на берегахъ рѣкъ Вислы, Одера и Варты, а также, появившійся среди нихъ въ незапамятныя времена, народъ лехитовъ или ляховъ, способствовавшій объединенію польскихъ славянъ [1]). Ляхи или лехи составили нѣсколько отдѣльныхъ, независимыхъ родовъ, самостоятельно обладавшихъ поземельными участками. Всѣ лица, свободно владѣвшія хотя бы и небольшими поземельными участками, принадлежали къ высшему классу польскаго общества—*шляхтѣ*, которой противополагался классъ *кметовъ*,—землевладѣльцевъ лично свободныхъ, но зависимыхъ отъ богатыхъ и сильныхъ семей или родовъ, отдававшихъ имъ землю въ временное пользованіе на различныхъ условіяхъ [2]). Оба сословія пользовались сначала одинаковыми гражданскими и даже политическими правами, что вытекало изъ одинаковаго, патріархально-родоваго соціальнаго быта древнихъ поляковъ. Древніе поляки не знали отдѣльной собственности и жили въ семейномъ патріархальномъ быту. Вся поземельная собственность находилась въ нераздѣльномъ владѣніи цѣлой семьи, а потомъ рода, всѣ члены котораго бы-

---

1) „Словени же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ, говоритъ русскій лѣтописець Несторъ, и прозвашася ляхове, а отъ тѣхъ ляховъ прозвашася поляне“. (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, Спб., 1846, т. I, 3 с.). 2) Roepell und Caro: „Geschichte Polens“, Hamburg und Gotha, 1840—1888, I, Theil, 89—91. s., Weiszenhorst: „Studien in der Geschichte d. polnischen Volkes“, Zurich. 1850, 1—3, 8, 11 s., Weber, VIII B., 538 s., Петровъ, II, 109—110 с.

ли равны между собою. Избранные ими, начальники—старѣйшины и князья—управляли общими дѣлами родоваго союза,—„люда", состоявшаго изъ нѣсколькихъ сотъ семействъ. Старѣйшины руководили народными собраніями или вѣчами (wiec) и приводили въ исполненіе ихъ рѣшенія [1]). Между различными племенами польскихъ славянъ, какъ и вообще между славянами, происходили постоянные раздоры [2]), которые особенно усилились у поляковъ при прекращеніи въ Польшѣ первой княжеской династіи Леха. По словамъ древняго польскаго историка, Длугоша польскіе паны долго совѣщались въ это время о выборѣ новаго князя и, рѣшившись воспользоваться случаемъ для пріобрѣтенія полной свободы, уничтожили монархическое управленіе въ Польшѣ. Аристократія избрала изъ своей среды 12 знатныхъ мужей, благородныхъ и богатѣйшихъ, и вручила имъ управленіе всѣми публичнымя дѣлами, рѣшеніе всякихъ споровъ и „наказаніе неправдъ и раздоровъ". Но не смотря на безпристрастное и безукоризненное управленіе 12 воеводъ, порядка въ Польшѣ не было: приказаніямъ воеводъ не хотѣли повиноваться. Вслѣдствіе этого происходили постоянныя столкновенія между правителями и гражданами, продолжавшіяся до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, сознаніе опасности такого общественнаго порядка не заставило поляковъ призвать па польскій престолъ княземъ сначала Граха, а потомъ по смерти Попела II и возобновленіи своеволія пановъ *Пяста* [3]).

Пясты соединили подъ своимъ скипетромъ многочисленные „люды" полянъ и тѣмъ положили начало польскому государству. Съ развитіемъ сильной княжеской власти при Пястахъ [4]), которая основалась, съ одной стороны, на преданi-

---

1) Шафарикъ, II, 2-я ч., 139 с., М. Бобржинскій: „Очеркъ исторіи Польши". Переводъ Карѣева. Спб., 1888, I т., 53, 55 с. 2) Бобржинскій, 57 с. 3) Длугошъ о древней Польшѣ (Roepell, I, 156 s., Осокинъ, I, 364—368 с.). 4) Weissenhorst, I, 186—188 s.

яхъ о могущественной власти Леха и его потомковъ среди поляковъ [1]), а съ другой на древней, патріархальной организаціи всего ихъ общественнаго быта, народныя собранія полянъ (вѣча) лишаются своего прежняго, преобладающаго правительственнаго значенія [2]). Въ тоже время при первыхъ Пястахъ, благодаря войнамъ, возвышается въ обществѣ нѣсколько богатыхъ шляхетскихъ родовъ [3]). *Болеславъ Храбрый* (992—1025) является истиннымъ основателемъ полной самостоятельности и могущества польскаго государства. „Когда Болеславъ принялъ власть, говоритъ польскій историкъ Roepell, онъ нашелъ уже готовымъ раздѣленіе націи на благородныхъ (шляхту, дворянство), оброчныхъ крестьянъ (кметовъ) и крѣпостныхъ. Господствующее сословіе большихъ и малыхъ поземельныхъ собственниковъ образовало крѣпкое зерно націи и было преимущественно военнымъ сословіемъ, между тѣмъ какъ кметы занимались, главнымъ образомъ, обработкой земли и уплатой шляхтѣ оброка. Надъ обоими сословіями стояла теперь княжеская власть, развившаяся въ предшествующія столѣтія" [4]). Болеславъ обладалъ неограниченною властью въ государствѣ. Онъ былъ собственникомъ всей территоріи государства, за исключеніемъ небольшаго количества земель, которыя были оставлены имъ прежнимъ племеннымъ князьямъ, но безо всякихъ исключительныхъ привиллегій и власти, или пожалованы королемъ знатнымъ лицамъ и монастырямъ. Шляхта (panowie) несла при Болеславѣ всѣ повинности въ пользу государства, какъ податныя, такъ и военныя. Она была независимой обладательницей поземельной собственности и стояла близко къ королю, который назначалъ изъ ея среды членовъ высшаго, придворнаго суда. Шляхта же составляла зерно войска при Болеславѣ,

---

1) Длугошъ (Осокинъ, ibidem, 362 с.). 2) Бобржанскій, 63 с. 3) Roepell, I, 91—92 s., 4) Roepell, 151 s., ср. Успенскій, 201 с.

при которомъ образуется вслѣдствіе постоянныхъ войнъ въ княженіе Болеслава особое военное сословіе „влодыковъ", или рыцарей. Члены этого сословія, выдающіеся своими способностями и заслугами государству, достигаютъ высшихъ въ немъ должностей. Королевская дружина, рыцари вербовались изъ среды шляхты; съ теченіемъ времени богатѣйшіе и знатнѣйшіе изъ нихъ основываютъ нѣсколько аристократическихъ родовъ, которые получаютъ отъ Болеслава привиллегіи и стремятся захватить въ свои руки все управленіе страной. Впрочемъ, при жизни Болеслава король былъ центромъ всего государственнаго управленія, живымъ источникомъ права для всего народа. Болеславъ управлялъ государствомъ съ помощью цѣлаго штата особыхъ чиновниковъ и королевскаго *совѣта*, состоявшаго изъ 12 личныхъ друзей короля. Совѣтъ короля обсуждалъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ важнѣйшіе государственные вопросы, окончательное рѣшеніе которыхъ зависѣло отъ воли монарха [1]). Смерть Болеслава Храбраго и вступленіе на польскій престолъ его сына, Мечислава или *Мѣшка II* (1025—1034) были сигналомъ разстройства въ ходѣ управленія страной, гдѣ начались династическія распри и обнаружились сепаратическія стремленія потомковъ древнихъ княжескихъ родовъ и пагубное для всего государства своеволіе знатной шляхты [2]). Послѣ шестилѣтней смуты и безурядицы паны и рыцари составили вѣче, на которомъ было рѣшено призвать на польскій престолъ *Казиміра*, извѣстнаго подъ именемъ Возстановителя (1050—1038). Казиміръ съумѣлъ мудрыми мѣрами подавить сепаратизмъ отдѣльныхъ княжескихъ родовъ, которые отказались отъ своихъ притязаній на независимость отъ польской короны и составили въ государствѣ высшее сословіе,—„можновладство". Казиміръ расширилъ еще болѣе привиллегіи знати (духовной и свѣт-

---

1) Roepell, I, 152—156, 331—332 s., Бобржинскій, 78—85 с., Успенскій, 202, 208—209 и 261 с. 2) Roepell, I, 174—175 s.

ской). „Можновладство“ пріобрѣло большую политическую силу при *Болеславѣ Смѣломъ* (1058—1080), возбудившемъ противъ себя весь народъ своими пороками и жестокостями и особенно убійствомъ въ костелѣ краковскаго епископа, Станислава. Тотчасъ послѣ этого кроваваго акта паны собрались на вѣче и постановили схватить короля, который, однако, успѣлъ скрыться [1]). Послѣ бѣгства Болеслава при его братѣ, слабомъ и нерѣшительномъ *Владиславѣ Германѣ* (1080—1102) аристократія свободно правила всѣмъ государствомъ. Паны заняли высшія должности въ государствѣ и подчинили своему вліянію мѣстное управленіе, поставивши во главѣ отдѣльныхъ земель („дѣльницъ“), чиновниковъ изъ своей же среды [2]). *Болеславъ Кривоустый* (1102—1139) приглашаетъ духовную и свѣтскую аристократію, какъ чиновничью „старшину“, для совѣщаній о различныхъ государственныхъ дѣлахъ [4]). Такъ въ началѣ своего княженія Болеславъ созвалъ для разрѣшенія своего спора съ могущественнымъ воеводой (палатиномъ) Сѣцѣхомъ знатныхъ лицъ вмѣстѣ съ народомъ (majores et seniores civitatis, deinde totum populum in concionem advocavit) [3]). Болеславъ Кривоустый раздѣлилъ всю Польшу между своими сыновьями на удѣлы („дѣльницы“), назначивъ каждому изъ нихъ въ управленіе особую часть государства. Старшій въ родѣ долженъ былъ отнынѣ владѣть Великой Польшей, Краковомъ и краковской землей и быть великимъ княземъ, которому должны были подчиняться остальные, младшіе князья. Законъ Болеслава о княжескихъ „дѣльницахъ“ и сеньоратѣ сильно ослабилъ власть польскихъ государей [4]). Теперь въ Польшѣ появилось нѣсколько самостоятельныхъ князей съ своимъ особеннымъ „дворомъ“ и цѣлымъ штатомъ чиновниковъ. Выс-

---

1) Бобржинскій, 87—95 с., Дьячанъ, 56 с., Dufau, IV, 5—6 p., La Croix, I, 232—233 p. 2) Бобржинскій, 101 с. 3) Дьячанъ, 59 с. 4) Roepell, I, 564—565 s., Weber, VIII, 544 s., Петровъ, II, 111 с.

шія почетныя должности при дворахъ польскихъ князей заняли „можновладцы", которые находили личный интересъ въ сохраненіи удѣльной системы въ Польшѣ: знатнымъ панамъ было выгодно раздѣленіе власти между нѣсколькими князьями, на которыхъ они могли пріобрѣтать больше вліянія, нежели на одного государя всей Польши [1]). „Можновладство" энергично отстаивало раздѣленіе Польши при сыновьяхъ Болеслава Кривоустаго: Владиславѣ II, Болеславѣ Кудрявомъ и Мечиславѣ (Мѣшко) III Старомъ. Напрасно Владиславъ и особенно Мечиславъ пытались, не останавливаясь предъ жестокими мѣрами, возстановить единое польское государство, усилить королевскій авторитетъ и подавить честолюбивыя притязанія духовныхъ и свѣтскихъ пановъ. „Можновладство" упорно защищаетъ свою власть, а самъ Мѣшко III, отличавшійся настойчивымъ характеромъ, могъ держаться на престолѣ послѣ внезапной смерти своего брата и соперника, Казиміра, только благодаря соблюденію имъ договоровъ, заключенныхъ съ „можными" панами. Казиміръ, младшій сынъ Болеслава Кривоустаго, былъ слабымъ государемъ, покорнымъ желаніямъ пановъ [2]). Ко времени княженія Казиміра (концу XII ст.) относится возникновеніе въ Польшѣ постояннаго аристократическаго органа въ высшемъ управленіи страной—*сената*, состоявшаго изъ епископовъ, графовъ, бароновъ и высшихъ государственныхъ сановниковъ. Сенатъ поддерживалъ, главнымъ образомъ, интересы аристократіи (духовной и свѣтской); въ немъ была сосредоточена вся законодательная власть и контроль знати надъ управленіемъ короля [3]). За добровольное ограниченіе королевской власти въ пользу пановъ Казиміръ былъ прозванъ благодарной аристократіей Справедливымъ. „Можновладцы", духов-

---

1) Бобржинскій, 114 с., Карѣевъ: „Историческій очеркъ польскаго сейма", Москва, 1888, 50—51 с 2) Бобржинскій, 115—117 и 119 с. 3) Weiszenhorst, I, 189 s., Dufau, IV, 7 p., Петровъ, 257 с., Осокинъ, II, 2-я ч., 969 с.

ные и свѣтскіе, заняли первое мѣсто на Ленчицкомъ вѣчѣ (colloquium) въ 1177 году, гдѣ было признано великокняжеское достоинство за Казиміромъ и его потомствомъ и отвергнуто право сеньората Мѣшко III [1]).

Средневѣковой періодъ исторіи Польши (съ 1/2 XIII ст. и до конца XV в.) характеризуется дальнѣйшимъ ослабленіемъ и паденіемъ королевской власти и развитіемъ автономныхъ привиллегій сословій, особенно же аристократіи. Главною причиной постепеннаго уменьшенія авторитета въ государствѣ королевской власти было, продолжавшееся до *Владислава Локотка* (1306—1333), раздѣленіе Польши на удѣлы, при которомъ сами удѣльные князья поневолѣ должны были помогать развитію могущества пановъ, раздавая имъ привиллегіи, какъ награду за помощь при пріобрѣтеніи удѣловъ. Автономія, которую польскіе короли признали за католическою церковью послѣ своей продолжительной борьбы съ папствомъ, также уменьшала власть короля въ внутреннемъ управленіи государствомъ. Короли должны были признать, кромѣ того, автономію и за городскими общинами, образованными въ польскихъ земляхъ нѣмецкими колонистами (въ XIII ст.) [2]). Вмѣстѣ съ нѣмецкой колонизаціей Польши стало замѣтнымъ вліяніе здѣсь западно-европейскихъ феодальныхъ идей и порядковъ, которые хотя и не принесли въ Польшу феодализма, но тѣмъ не менѣе много помогли образованію польскихъ общественныхъ и политическихъ учрежденій отчасти по феодальнымъ образцамъ [3]). Естественнымъ же послѣдствіемъ такого факта было усиленіе власти аристократіи, которая явилась родовымъ, богатымъ землевладѣльческимъ сословіемъ, обособившимся отъ другихъ сословій [4]) и обладавшимъ независимо отъ королевской власти са-

1) Бобржинскій, 118 с. 2) Бобржинскій, 144—154 с., Weber. 547—548, 552—553 s, Петровъ, II, 257 с. 3) Weiszenhorst, I, 25—26, 45 s. 4) Бобржинскій, 133, 155 с.

мостоятельнымъ участіемъ въ законодательствѣ и управленіи государствомъ и разнаго рода судебными привиллегіями [1]). Высшій слой польской аристократіи представляли бароны (панове, nobiles), которые были родовыми, крупными поземельными собственниками, высшими должностными лицами въ государствѣ, первыми членами королевскаго сената или совѣта и представителями короля на сеймахъ [2]). Низшее дворянство (влодыки, рыцари, шляхта, земяне) не пользовалось никакими политическими правами, пока Локотекъ не призвалъ шляхту въ сенатъ [3]), а Казиміръ Ягеллончикъ и въ сеймъ [4]). Владиславъ Локотекъ, объединившій подъ своею властью Великую и Малую Польшу, былъ de jure неограниченнымъ польскимъ королемъ, какъ и *Казиміръ Великій* (1333—1370), боровшійся съ своеволіемъ аристократіи и увеличившій границы Польши присоединеніемъ къ ней Червонной Руси или Галиціи. Но оба эти короли не могли остановить постепеннаго усиленія политическаго могущества аристократіи. При Локоткѣ шляхетское сословіе получило даже окончательную организацію [5]). При переходѣ польской короны къ Людовику, Венгерскому королю вельможи и шляхта предложили королю избирательныя условія (pacta conventa), въ силу которыхъ Польша отнынѣ сдѣлалась избирательнымъ государствомъ, аристократія, преимущественно же бароны, была освобождена отъ уплаты податей и несенія повинностей въ пользу государства и получила право на исключительное и пожизненное занятіе высшихъ государственныхъ должностей [6]). Паны правили государствомъ отъ имени *Людовика* (1370—1382) и въ своихъ интересахъ [7]). Послѣ его смерти во время „безкоролевья“ (1382—1384) борьба изъ

1) Бобржинскій, 186 и 156 с. 2) Koepell und Caro, II, 512, 514, 520—521 s., Macieiowski, I, 84—87 s., Weber, ibidem, 3) Петровъ, 257—258 с, Осокинъ, 971 с. 4) Карѣевъ, ibidem, 32 с. 5—6) Бобржинскій, 161, 198—199 с, Dufau, IV, 11 p., Weber, 564—565 s., Осокинъ, 972 с. 7) Macieiowski, III, 89 s., Бобржинскій, 200 с.

за политическаго преобладанія въ странѣ между великопольской и малопольской шляхтой, властвовавшими надъ государствомъ [1]), закончилась побѣдой пановъ Малой Польши. Паны-побѣдители предложили польскій престолъ Ягеллѣ, великому князю литовскому подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ женился на младшей дочери Людовика, Ядвигѣ. Ягелло принялъ предложеніе пановъ и сдѣлался, такимъ образомъ, польскимъ королемъ, оставаясь и великимъ княземъ литовскимъ. Это соединеніе Польши съ Литвой, достигнутое панами, принесло „можновладству" еще новыя привиллегіи. Всѣ чины, титулы и должности, занимаемыя панами, были оставлены за ними и королевское право назначенія чиновниковъ было ограничено. Всѣ укрѣпленные замки были отданы въ управленіе также магнатамъ, которые овладѣли волей короля въ совѣтѣ и управляли всѣмъ государствомъ совершенно произвольно и въ своихъ выгодахъ [2]). Магнаты мало заботились объ интересахъ шляхты и закрывали даже для нея доступъ къ пріобрѣтенію имѣній и государственныхъ должностей. Цѣлью дѣятельности польской аристократіи становится увеличеніе своихъ родовыхъ поземельныхъ владѣній, замкнутости и изолированности своихъ политическихъ правъ отъ всѣхъ остальныхъ сословій польскаго общества [3]). Политическая сила аристократіи должна была увеличиться при соединеніи Литвы съ Польшей еще и оттого, что въ ряды ея вступили литовскіе бояре. На съѣздѣ въ Городлѣ (1413) литовскіе бояре—католики были уравнены въ политическихъ правахъ и привиллегіяхъ съ польскими панами. Въ тоже время было рѣшено, чтобы тѣ и другіе собирались „къ выгодѣ и пользѣ государства" на общіе можновладческіе сеймы въ Люблинѣ или Парчовѣ [4]).

1—2) Roepell und Caro, III, 4—7 s., Бобржинскій, 217 с. 3) Бобржинскій, 218—219 с. 4) Caro, III, 401, 404—408 s., Бобржинскій, 210, 215—216 стр.

Власть магнатовъ, продолжавшаяся въ Польшѣ во весь удѣльный, средневѣковой періодъ ея исторіи была еще сильна въ XV столѣтіи, когда все управленіе государствомъ было въ рукахъ сената, составленнаго изъ прелатовъ, бароновъ, высшихъ государственныхъ сановниковъ, старостъ и мѣстныхъ судей [1]). Но въ томъ же XV столѣтіи появляется въ Польшѣ новая политическая сила, соперничающая съ магнатами,—шляхта, помощью которой воспользовался *Казиміръ IV Ягеллончикъ* (1453—1492) для того, чтобы уничтожить исключительныя привиллегіи магнатовъ и усилить королевскую власть. Во время войны съ Пруссіей въ 1453 г. былъ впервые созванъ Казиміромъ въ Піотроковѣ генеральный сеймъ изъ прелатовъ, бароновъ и депутатовъ отъ рыцарства. Приэтомъ прелаты и магнаты совѣщались отдѣльно отъ депутатовъ—рыцарей. Со времени этого отдѣльнаго совѣщанія пановъ и рыцарей начинается самостоятельная политическая роль шляхты въ государственномъ управленіи. При Нешавѣ (1454) и Грауденцѣ (1456) за шляхтой было признано королемъ право на участіе въ законодательствѣ, установленіи налоговъ и управленіи государствомъ; шляхта получила здѣсь даже перевѣсъ надъ магнатами [2]). Паны, засѣдавшіе въ совѣтѣ короля, воспротивились было такому уничтоженію ихъ исключительныхъ привиллегій въ управленіи, но король удалилъ изъ совѣта (въ Грауденцѣ) сопротивляющихся пановъ, которые должны были поневолѣ примириться съ своимъ положеніемъ только совѣтниковъ короля и его чиновниковъ [3]). Побѣда королевской власти надъ магнатами обошлась ей дорогой цѣною: она равнялась почти полному ея пораженію, уничтоженію ея политическаго значенія въ странѣ [4]).

---

1) Caro, III, 595—597 s., V, 1 Abth., 38 s., 2 Abth., 66 s 2) R. und Caro, IV, 446 s., V, 1 Abth., 53—61 s., Бобржинскій, 260—261, 266—267 и 271—272 с., Карѣевъ, ibidem, 32—35 с. 3) Бобржинскій, 267 с. 4) Caro, IV, 447—450 s.

Съ возвышеніемъ шляхты въ сословіе, вліяющее на государственныя дѣла, начинается (въ XV—XVI ст.) образованіе новаго аристократическаго, правящаго класса, который постепенно оттѣсняетъ впослѣдствіи отъ управленія короля и даже на нѣкоторое время самихъ магнатовъ, хотя и не безъ упорнаго сопротивленія со стороны послѣднихъ. Шляхта не только сравнивается въ правахъ съ панами, но пріобрѣтаетъ даже рѣшительное значеніе на генеральныхъ сеймахъ. На этихъ сеймахъ присутствуютъ ея депутаты, избранные рыцарствомъ на областныхъ съѣздахъ или ***сеймикахъ***, созданныхъ въ законченномъ видѣ нешавскимъ статутомъ [1]). Областные сеймики появились въ Польшѣ еще въ концѣ XIV ст. въ княженіе Людовика Венгерскаго, пожаловавшаго права самоуправленія польскимъ землямъ, которыя съ начала XV ст. стали называться воеводствами. На сеймикахъ воеводствъ собиралась вся мѣстная землевладѣльческая шляхта, которая разсматривала здѣсь свои мѣстныя нужды и назначала пословъ на генеральный сеймъ, въ „посольскую избу“ [2]). Сеймики скоро сдѣлались на столько вліятельными собраніями шляхты, что уже въ XV в. короли и магнаты соперничаютъ другъ съ другомъ въ привлеченіи ихъ на свою сторону [3]). Съ 1573 г. шляхта впервые приняла участіе въ выборѣ короля, вслѣдствіе чего всей шляхтѣ поголовно стала принадлежать верховная власть. Съ этого времени Польша окончательно превратилась въ шляхетскую, аристократическую республику, „Рѣчь Посполитую“, въ которой шляхта („народъ“) господствовала надъ массою безправнаго сельскаго населенія [4]). Отсюда становится совершенно понятнымъ тотъ фактъ, что во 2-й половинѣ XVII и 1-й—

1) Карѣевъ, 58 с. 2) Н. Стороженко: „Западно-русскіе провинціальные сеймики во 2-й половинѣ XVII вѣка“, Кіевъ, 1888, 9, 12—14 с. 3) Бобржинскій, 272 с. 4) Карѣевъ, 44—47 с., Петровъ, 263—264 с., Осокинъ, II, 2-я ч., 984—985 с.

XVIII вѣка сеймики, какъ настоящій, дѣйствительный центръ власти шляхты, достигаютъ полнаго преобладанія надъ генеральнымъ сеймомъ и всѣмъ государствомъ и власть ихъ ограничивается сеймомъ только въ концѣ XVIII вѣка [1]). Шляхта, собиравшаяся на сеймахъ, мало заботилась объ общемъ благѣ, преслѣдовала здѣсь свои исключительные. сословные интересы Ради ихъ сохраненія шляхта пренебрегала необходимыми реформами въ государствѣ и не останавливалась даже предъ тѣмъ, чтобы прерывать засѣданія сеймовъ посредствомъ знаменитаго liberum veto [2]). „Срываніе“ сеймовъ, неугодныхъ шляхтѣ, при помощи liberum veto, сильно поднявшее значеніе сеймиковъ въ государствѣ, вошло въ употребленіе въ половинѣ XVII в. и находилось въ связи съ законодательной ихъ властью, представляемой депутатами сеймиковъ въ посольской избѣ [3]). Посольская изба была главною, составною частью общаго или вальнаго сейма, который возникъ при Казимірѣ IV, и отличалась тою особенностью, что состояла изъ одного правящаго сословія—депутатовъ шляхты, имѣла характеръ международнаго конгресса пословъ отъ почти самостоятельныхъ, отдѣльныхъ воеводствъ. Сеймики—шляхетскія вѣча управляли въ дѣйствительности всѣмъ государствомъ. Изъ конгрессивнаго характера посольской избы вытекло право каждаго депутата—шляхтича считать себя лично обладателемъ верховной власти въ силу своей принадлежности къ шляхетству и своего посольскаго достоинства [4]). Второю составною частью вальнаго сейма была королевская *рида* или *сенатъ*, образовавшійся въ концѣ XV и началѣ XVI ст. изъ прежнихъ съѣздовъ магнатовъ при дворѣ короля, королевскаго совѣта [5]). Въ сенатѣ потомки прежнихъ магнатовъ, составившіе теперь верх-

---

1) Карѣевъ, ibidem, 72 с. 2) Стороженко, 51, 59—60, 63, 65 с. 3) Карѣевъ, 73—76 с. 4) Карѣевъ, 7—12, 23—24 и 60 с. 5) Карѣевъ, 11, 12, 84, 86, 97—99 с., Weber, VIII, 587—588 s.

ній слой шляхты, отстаивали свои политическія привиллегіи противъ королевской власти и посольской избы. При Казимірѣ IV сенатъ состоялъ изъ знатнѣйшихъ и сильнѣйшихъ представителей землевладѣнія, безъ совѣщанія съ которыми король не рѣшалъ ни одного дѣла [1]). Въ тоже время во избѣжаніе исключительнаго вліянія на короля литовскихъ бояръ было постановлено, чтобы его постоянно окружали четыре польскихъ сенатора, безъ согласія которыхъ онъ не могъ издавать ни одного распоряженія [2]). При королѣ *Янѣ Альбрехтѣ* (1493—1501) предсѣдатель сената, примасъ королевства и архіепископъ гнѣзненскій сдѣлалъ попытку удержать за сенатомъ прежнее первое мѣсто въ управленіи. Попытка эта не удалась вслѣдствіе сопротивленія посольской избы: въ 1493 году былъ подтвержденъ нешавскій статутъ, а въ конституціи 1496 г. высказанъ тотъ принципъ, что въ законодательствѣ должны участвовать король, прелаты, бароны и депутаты посольской избы. Поэтому всѣ королевскія распоряженія при Янѣ Альбертѣ сопровождались обыкновенно формулой: „de consilio prelatorum, baronum et omnium communitatum“ [3]).

Такимъ образомъ, сенатъ, благодаря рѣшительному перевѣсу шляхты въ управленіи, сталъ совѣщательной корпораціей, проводникомъ воли монарха [4]). Король освободился отъ панской опеки и получилъ неограниченную власть въ управленіи, за исключеніемъ изданія новыхъ законовъ и установленія новыхъ налоговъ и податей, на которыя требовалось согласіе посольской избы. Король только совѣтовался съ дигнитарскимъ съѣздомъ или сенатомъ, но онъ не былъ связанъ обязательнымъ согласіемъ послѣдняго въ законодательныхъ дѣлахъ [5]). Панамъ, въ средѣ которыхъ были еще живы воспоминанія о недавней первой ихъ роли въ государ-

1) Macieiowski, III B., 89 s. 2) Caro, IV, 447 s., Weiszenhorst, II B., 19 s. 3) Caro, V B., 2 Abth., 661—664 s. 4) Caro, ibidem, 676 s. 5) Карѣевъ, 86—87 с.

ствѣ, не могло нравиться такое унизительное ихъ положеніе въ управленіи и они воспользовались смертью Яна Альбрехта, чтобы возвратить себѣ утраченныя политическія права. Въ польскіе короли былъ избранъ „можновладствомъ" братъ Альбрехта, великій князь литовскій, *Александръ* (1501—1506), который долженъ былъ утвердить въ Мельникѣ (1501 г.) исключительныя политическія привиллегіи „можновладства". Въ силу мельницкаго акта сенатъ сдѣлался высшею политическою властью въ государствѣ, и ему долженъ былъ повиноваться самъ король, какъ его предсѣдатель и исполнитель рѣшеній сената [1]). Сенатъ обратился въ судъ пэровъ по отношенію къ сенаторамъ; но обвинительный приговоръ могъ состояться въ сенатѣ только при согласіи $^2/_3$ его членовъ. Если король не соглашался съ такимъ постановленіемъ сената или оказалъ какую-либо несправедливость сенатору или какому-либо магнату, тогда сенатъ и весь народъ освобождались отъ присяги королю и имѣли право призвать на помощь противъ него, какъ „врага и тирана" иностраннаго государя [2]). Пользуясь отсутствіемъ Александра изъ Польши въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1501—1503), сенатъ одинъ правилъ государствомъ, но только въ интересахъ господствующаго сословія пановъ, нѣсколькихъ шляхетскихъ родовъ, тщательно уклоняясь отъ несенія правительственныхъ обязанностей. По возвращеніи Александра паны, оказавшіеся безсильными организовать исключительно аристократическое правленіе въ Польшѣ, обнаружили намѣреніе сохранить за собой, по крайней мѣрѣ, право постояннаго контроля за дѣйствіями короля. Изданный въ 1505 г., статутъ „Nigil novi" призналъ за сенатомъ значеніе необходимаго фактора въ законодательствѣ и управленіи на ряду съ королемъ и посольской избой. Такъ сенатъ изъ простаго совѣщательнаго учрежденія при

---

1) Карѣевъ, 87—88 с. 2) Caro, V B., 2 Abth., 861—863 s.

монархѣ обратился снова въ институтъ, дѣятельно участвующій во всемъ ходѣ управленія [1]). Со времени сейма 1505 г. было признано, что законодательная власть въ польскомъ государствѣ принадлежитъ тремъ сословіямъ, чинамъ (tres ordines): королю, сенату и посольской избѣ [2]).

Янъ Альбрехтъ и Александръ при всѣхъ своихъ уступкахъ панамъ сами стремились, все-таки, къ тому, чтобы по возможности ограничить вліяніе можновладческаго сената на законодательство и управленіе, охотно предоставляли власть посольской избѣ (шляхтѣ). Но при *Сигизмундѣ I* (1506—1548) и—*II* (1548—1572) „можновладство" съумѣло воспользоваться развивающимися самовластными притязаніями посольской избы, чтобы склонить на свою сторону королей. Оба Сигизмунда дѣйствовали согласно съ сенатомъ, который пріобрѣлъ при нихъ большое правительственное значеніе. Сигизмундъ II Августъ рѣшительно воспротивился желанію посольской избы подчинить себѣ провинціальные сеймики и обратить сенатъ въ совѣщательное учрежденіе. Но по смерти Сигизмунда Августа шляхта присвоила себѣ верховную власть и элекцію новаго короля, которыя пожелали было захватить въ свои руки одни сенаторы [3]). На польскій престолъ былъ избранъ шляхтой французскій принцъ *Генрихъ Валуа* подъ условіемъ сохраненія всѣхъ ея правъ и привиллегій. Королевскій авторитетъ ограничивался особенно тѣмъ постановленіемъ, въ силу котораго весь народъ освобождался отъ обязанности повиноваться королю въ случаѣ нарушенія имъ своихъ обѣщаній [4]). Для обезпеченія правъ аристократіи король долженъ былъ постоянно имѣть около себя *совѣтъ*, который былъ избранъ изъ числа сенаторовъ и шляхты и состоялъ при Генрихѣ изъ 16 членовъ, а при послѣдующихъ

---

1) Caro, ibidem, 979—980, 987—988 s., Macieiowski, III, 89—90 s. 2) Weiszenhorst, I, 129 s., Карѣевъ, 83 с. 3) Карѣевъ, 67 с. 4) Dufau, IV, 19—20 p.

короляхъ изъ 28 [1]). Король долженъ былъ спрашивать мнѣнія совѣта во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ; совѣтъ имѣлъ право порицать короля за его дѣйствія противъ конституціи. Совѣтники были обязаны постоянно находиться при особѣ короля (residiren), когда онъ путешествовалъ, и наблюдать за его поведеніемъ, когда король жилъ въ странѣ. Въ знакъ того, что всѣ акты короля происходили вслѣдствіе обсужденій ихъ въ совѣтѣ, его члены должны были подписывать свои имена подъ протоколами совѣта [2]).

Въ послѣднее время существованія Рѣчи Посполитой послѣ перваго раздѣла Польши (въ 1772 г.) былъ учрежденъ по образцу шведскаго государственнаго совѣта конституціей 1775 года постоянный совѣтъ изъ 36 членовъ (18 сенаторовъ и въ томъ числѣ министровъ и 18 шляхтичей по выбору сейма). Король былъ предсѣдателемъ совѣта, который былъ органомъ монархической власти; при равенствѣ голосовъ мнѣніе короля рѣшало дѣло. Совѣтъ дѣлился на пять департаментовъ или министерствъ (иностранныхъ дѣлъ, военныхъ, полиціи, суда и казначейства). Постоянный совѣтъ обладалъ только высшею исполнительною властью и совершенно зависѣлъ отъ сейма—законодательнаго учрежденія. Этотъ постоянный совѣтъ былъ уничтоженъ четырехлѣтнимъ сеймомъ 1786 года, опасавшимся развитія въ Польшѣ неограниченной монархической власти [3]). Коренное правительственное учрежденіе польскаго государства—*сенатъ* или королевская *рада* состоялъ въ XVI—XVIII в. изъ архіепископовъ, епископовъ, воеводъ, каштеляновъ и десяти министровъ. Всѣ эти лица становились сенаторами съ момента назначенія ихъ на должность. Воеводы, каштеляны и министры были пожизненными членами сената и представляли

---

1) Weiszenhorst, II, 20—21 s., Macieiowski, III, 92 s. 2) Macieiowski, 93—94 s. 3) Weiszenhorst, 21 s., Macieiowski, 94—95 s., Карѣевъ, 155—156 с., „Польскія реформы XVIII вѣка“, Спб., 1890, 93—95 с.

въ немъ интересы „можныхъ“ пановъ. Сенатъ оставался съ самаго начала вальныхъ сеймовъ и до послѣдняго времени политической независимости Рѣчи Посполитой должностной аристократической корпораціей, которая всегда стремилась къ тому, чтобы ограничивать королевскую власть. Сенатъ былъ самостоятельнымъ законодательнымъ факторомъ, верхней палатой генеральнаго сейма; согласіе сената было необходимымъ условіемъ законодательной дѣятельности сейма [1]). Гораздо большее участіе сенатъ принималъ въ администраціи и судѣ королевства, въ которомъ онъ былъ высшимъ правительственнымъ и судебнымъ учрежденіемъ [2]). Сенату принадлежало наравнѣ съ посольской избой liberum veto, которымъ онъ не пользовался фактически въ виду того, что паны считали неприличнымъ самимъ прибѣгать къ этому jus intercedendi. Ихъ вліянія на отдѣльныхъ членовъ посольской избы всегда было достаточно для того, чтобы сорвать сеймъ, когда имъ это было нужно. Благодаря своему должностному составу и происхожденію отъ королевскаго совѣта, сенатъ не могъ добиться полной независимости отъ короля, хотя постепенное ослабленіе королевской власти при Ягеллонахъ и послѣ нихъ и увеличило самостоятельное положеніе сената въ управленіи. Сенатъ, какъ органъ „можныхъ“ пановъ, постоянно ставилъ препятствія развитію правильной организаціи и дѣятельности генеральныхъ сеймовъ и мѣшалъ посольской избѣ превратиться въ высшее, законодательное учрежденіе страны. Власть сената увеличивалась и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалось политическое значеніе посольской избы вслѣдствіе того обстоятельства, что въ сеймикахъ, достигшихъ въ одно время (2-й половинѣ XVII и 1-й—XVIII вѣка) преобладанія надъ посольской избой, главную роль играли воеводы и каштеляны изъ „можныхъ“ пановъ и сенаторы от-

1) Карѣевъ: „Историческій очеркъ польскаго сейма“, 95, 97 и 101 с., Macieiowski, III, 90—92 s. 2) Weiszenhorst, II 16 s.

дѣльныхъ воеводствъ. Въ свою очередь, посольская изба постоянно стремилась къ тому, чтобы низвести сенатъ на степень простого совѣщательнаго учрежденія при особѣ короля. Поэтому сенатъ и посольская изба находились въ безпрерывномъ, взаимномъ антагонизмѣ другъ съ другомъ [1]). Постоянная борьба изъ за власти „можныхъ" пановъ съ королемъ и шляхтой, упорное отстаиваніе всей польской аристократіей своихъ сословныхъ привиллегій, личный ея эгоизмъ и анархическія стремленія, проявлявшіеся въ верховенствѣ сеймиковъ и конгрессивности посольской избы, безсиліе органа законодательной власти—сейма предъ сеймиками и разстройство и дезорганизація власти исполнительной (короля и его совѣта)—таковы были главнѣйшія причины постепеннаго разложенія всего соціальнаго быта Рѣчи Посполитой, а потомъ и полнаго паденія (въ концѣ XVIII в.) политической самостоятельности Польши. Къ этимъ причинамъ разрушенія польскаго государства присоединились еще: угнетеніе панами крестьянъ (хлоповъ), круглое невѣжество высшаго класса общества наравнѣ съ низшимъ и господство въ соціальной жизни католическаго духовенства [2]).

ЧЕХІЯ.

Древній соціально-политическій бытъ *Чехіи* или Богеміи отличался демократическимъ характеромъ. Чехи поселились въ VII в. нашей эры въ Боіогемѣ отдѣльными патріархальными семьями, изъ которыхъ сначала образовались роды, а потомъ общины—жупы. Во главѣ жупъ стояли родовые старѣйшины, называвшіеся жупанами, владыками, лехами, кметами и князьями. Впрочемъ, послѣднее названіе стало потомъ при-

---

1) Карѣевъ, ibidem, 91 с. 2) Бобржинскій, I, 10 с., Н. Карѣевъ: „Паденіе Польши въ исторической литературѣ", Спб., 1888. 376—380 с., „Польскія реформы XVIII столѣтія", 79 и 101 с.

мѣняться только по отношенію къ главѣ объединеннаго чешскаго государства, въ которое вошли всѣ семьи, роды и колѣна чешскаго народа. Лехами въ это время (до конца X вѣка), обозначались родовые старѣйшины, владыками—главы семей. Первые въ XI—XII ст. составили высшій слой аристократическаго класса общества, вторые—низшій его слой. Различіе между сословіями возникло у чеховъ на экономической и религіозной почвѣ: лехи были крупными и наслѣдственными поземельными владѣтелями и жрецами и поэтому получили скоро большое вліяніе на все управленіе государствомъ. Лехи участвовали вмѣстѣ съ владыками въ *снемъ*, гдѣ въ качествѣ представителей жупъ рѣшали всѣ дѣла страны подобно тому, какъ у древнихъ родовъ всѣ дѣла рѣшались съ совѣта всѣхъ членовъ рода. Высшій слой чешской аристократіи,—старые, мудрые и знатнѣйшіе мужи были извѣстны въ VII—XI ст. подъ именемъ кметовъ, которые въ числѣ 12 составляли при князѣ постоянный *сенатъ* или *совѣтъ*, гдѣ сосредоточивалось высшее управленіе государствомъ. Кметы были пожизненными и несмѣняемыми членами сената и играли выдающуюся роль на снемѣ Такъ на снемѣ при мудрой княгинѣ Любушѣ, дочери Крока, а потомъ женѣ Премысла, подавали голоса кметы, лехи и владыки. Главное политическое значеніе кметовъ связывалось, все-таки, съ учрежденіемъ сената. Въ VII—IX ст., когда по смерти перваго чешскаго и славянскаго князя, *Сама*, положившаго начало объединенію чешскихъ колѣнъ, была основана въ Чехіи династія Премысловцевъ, чешскій или богемскій князь былъ только первымъ знатнѣйшимъ между князьями отдѣльныхъ чешскихъ колѣнъ. Въ это время каждое изъ колѣнъ было раздѣлено на нѣсколько жупъ. Старшины жупъ подчинялись колѣннымъ князьямъ или кметамъ, которые въ свою очередь зависѣли отъ чешскаго князя. Первые князья изъ дома Премысла стремились къ тому, чтобы подчинить себѣ

колѣнныхъ князей и жупныхъ старшинъ. Но это не удавалось имъ вслѣдствіе сильнаго развитія партикуляризма въ отдѣльныхъ частяхъ страны и у кметовъ и жупныхъ старѣйшинъ [1]).

Въ концѣ IX столѣтія Богемія сдѣлалась частью *Моравіи*, бывшей и до того времени самостоятельнымъ славянскимъ княжествомъ, гдѣ власть была раздѣлена сначала между народными старѣйшинами (лехами, жупанами), пока они не должны были уступить свои права князю *Моймиру* (въ началѣ IX ст.). При Моймирѣ и его преемникѣ, *Ростиславѣ*, колѣнныя князья и весь народъ имѣли большое вліяніе на управленіе. Такъ Ростиславъ долженъ былъ совѣтоваться съ „князи своими и Моравляны“ [2]). Сначала Ростиславъ, а потомъ Святополкъ желали подчинить своей неограниченной власти всѣхъ удѣльныхъ князей Моравіи. Послѣ разрушенія ея венграми и соединенія моравскихъ земель (въ X ст.) съ Чехіей королю послѣдней, *Болеславу Крутому* (935—967) удалось заставить признать свою верховную власть многихъ удѣльныхъ чешскихъ князей, бывшихъ до него совершенно независимыми. При Болеславѣ исчезаетъ старая, родовая аристократія и вмѣсто нея образуется постепенно наслѣдственное и поземельное дворянство, куда входятъ потомъ прежніе лехи и владыки. Первые стали называться въ послѣдствіи шляхтичами и панами, вторые—рыцарями. Служилое дворянство имѣло въ своихъ рукахъ всю крупную поземельную собственность, обладаніе которой было основаніемъ для участія дворянства въ государственномъ управленіи; ему принадлежало право занимать всѣ высшія государ-

1) F. Palacky: „Geschichte v. Böhmen“, I B., 160—168, 170, 174, 176 s., H. Jireček: „Das Recht in Böhmen und Mähren“, 24, 28, 70, 77—79 s., Macieiowski, I B., 87—88 s., Шафарикъ, II кн., 2-я ч., 123—124 с., Дьячанъ, 37—38 и 39 с., Успенскій, 106—107, 112—113 и 127 с., Осокинъ, 344—345 с.
2) Успенскій, 37 с. (примѣчаніе).

ственныя должности. Чешскіе снемы XI—XII стол. представляли собою собранія высшаго и низшаго дворянства; съ XIII столѣтія къ нему присоединяются въ снемахъ горожане. Во главѣ дворянскаго сословія стоятъ, какъ и ранѣе, кметы, которые составляютъ *совѣтъ* князя. Власть чешскаго князя въ концѣ XII столѣтія является въ формѣ наслѣдственнаго королевства. Болеславъ I Крутой распоряжался неограниченно государственными должностями и жупами, самостоятельность которыхъ теперь начинаетъ падать. Только главами жупъ оставались обыкновенно представители дворянства, владѣвшіе въ нихъ землями. При *Болеславѣ II Благочестивомъ* (967—999) совершилось подчиненіе чешскому князю всѣхъ правителей отдѣльныхъ колѣнъ, признавшихъ надъ собою высшую власть чешскаго государя. Все-таки, Болеславъ II и его преемники были связаны до нѣкоторой степени въ дѣлахъ законодательства и управленія необходимымъ участіемъ въ нихъ народа и особенно кметовъ, которые имѣли вѣсъ въ политическомъ управленіи страной до конца XV столѣтія. Король Пржемыслъ I утверждалъ въ 1218 г., что онъ не можетъ принудить народъ къ уплатѣ чрезвычайныхъ десятинъ, и что подобная мѣра можетъ состояться только habito consilio et consensu nobilium nostrorum [1]). Папское сословіе воспрепятствовало *Вячеславу II* (1230—1253) составить сводъ законовъ чешской земли изъ опасенія потерять при новыхъ законахъ свой авторитетъ въ отправленіи суда [2]). Такъ называемые nalezy—законодательныя опредѣленія и судебныя рѣшенія на отдѣльные частные случаи были результатомъ совѣщаній пановъ въ земскомъ судѣ, служившемъ органомъ законодательной власти. Эти опредѣленія и рѣше-

---

1) Jirećek, 2 Abth., 4, 30—32, 41—43, 67, 72—76 s., Palacki, II B., 1 Abth., 14—19, 25—29 s., Macieiowski, ibidem, 68 s , Дьячанъ, 51—52 с., Успенскій, 47, 114, 116 и 145 с., Осокинъ, 352—353 и 359 с. 2) Дьячанъ, 50 стр.

нія были основаны на нормахъ дѣйствовавшаго въ странѣ обычнаго права, освящавшаго привиллегіи знати [1]).

Оба Болеслава желали образовать изъ Чехіи самостоятельное и сильное славянское государство. Но это ихъ стремленіе парализовалось, начавшимся еще съ XI вѣка, вліяніемъ на Чехію сосѣдней Германіи, онѣмеченіемъ всего славянскаго края и паденіемъ вслѣдствіе того старославянской свободы. Къ этимъ внѣшнимъ причинамъ, мѣшавшимъ основанію національнаго государства въ Чехіи, присоединялись внутреннія неурядицы въ самой странѣ, продолжительное дробленіе государства на удѣлы и междоусобія удѣльныхъ князей. Къ тому же сами Премысловцы вступаютъ въ имперскій германскій союзъ и получаютъ королевскій титулъ отъ германскихъ императоровъ (Генриха IV и Фридриха I). При послѣднихъ Премысловцахъ, двухъ Оттокарахъ (XIII ст.) произошла и послѣдняя попытка возстановить политическую самостоятельность Чехіи, которая съ уничтоженіемъ дробленія всей страны на удѣлы и возстановленіемъ единодержавія заняла въ средневѣковой Европѣ первое мѣсто (1306—1419). Родъ Премысла угасъ въ XIII столѣтіи и на престолѣ Чехіи водворилась нѣмецкая династія—Люксембурги, открывшіе широкій доступъ въ Чехію нѣмецкимъ понятіямъ и порядкамъ, уже и безъ того сильно вліявшимъ на всю соціальную жизнь чеховъ. До *Оттокара II* (1253—1269) Чехія не знала различія сословій въ средневѣковомъ, феодальномъ смыслѣ: все населеніе страны дѣлилось на лицъ, владѣющихъ поземельною собственностью—землянъ и безземельныхъ (хлоповъ). Земяне были свободными людьми, которые были подчинены только князю, отправляли военную службу и пользовались за это политическими правами. Различіе между высшимъ и низшимъ дворянствомъ, появившееся въ XI

1) Загоскинъ: „Методъ и средства сравнительнаго изученія древнѣйшаго славянскаго права“, 35 с.

столѣтіи, не означало различія между замкнутымъ высшимъ сословіемъ и остальною массою свободнаго народа: каждый свободный чехъ могъ вступить въ ряды дворянства и получить отъ князя въ награду за свою службу поземельный участокъ. Число поземельныхъ владѣтелей, однако, постоянно уменьшалось въ Богеміи, благодаря тягостямъ военной службы и дорого стоющему рыцарскому вооруженію. Во время постоянныхъ войнъ при Оттокарахъ окончательно образуется сословіе рыцарей—родъ низшаго дворянства. Съ начала же XIV вѣка и особенно въ XV ст. развилось въ Чехіи подъ нѣмецкимъ вліяніемъ рѣзкое различіе сословій. Во главѣ общества стало шляхетство, знатные паны, отдѣленные отъ народа большими политическими привиллегіями. Къ высшему дворянству принадлежали теперь всѣ бароны, обладавшіе правомъ самостоятельнаго участія съ своей свитой въ войскѣ короля. Въ ряды высшаго дворянства могли вступать только крупные поземельные собственники; всѣ же его члены, неимѣвшіе большихъ поземельныхъ участковъ, должны были перейти въ рыцарское сословіе. Только члены родоваго, высшаго дворянства занимали высшія должности въ государствѣ. Земли, пожалованныя имъ королемъ за ихъ службу, дѣлались родовою, наслѣдственною собственностью. Всѣ мелкіе, свободные поземельные владѣльцы, непричисленные къ высшему сословію, составляли нѣсколько подраздѣленій рыцарскаго сословія. Привиллегіи высшаго сословія, продолжительное развитіе которыхъ въ Чехіи сопровождалось здѣсь паденіемъ древнеславянскаго, земскаго (жупнаго) устройства, принимаютъ окончательно характеръ феодальныхъ правъ нѣмецкихъ господъ при королѣ *Іоаннѣ:* онъ закрѣпляетъ за свѣтскою знатью и духовенствомъ всѣ ихъ исключительныя права (имущественныя и политическія), бывшія до сихъ поръ фактическими. При сынѣ Іоанна, *Карлѣ I* (IV), при которомъ Чехія сдѣлалась главой „священной римской имперіи нѣмец-

кой націи“, а столица Чехіи, Прага стала центромъ политической жизни въ Германіи, въ Богеміи водворился вполнѣ феодализмъ, въ развитіи и укрѣпленіи котораго въ странѣ Карлъ видѣлъ вѣрное средство для укрѣпленія въ Чехіи королевскаго авторитета.

На встрѣчу этому стремленію Карла къ онѣмеченію Богеміи и уничтоженію въ ней старославянскихъ, земскихъ началъ соціальнаго и политическаго устройства шло само чешское дворянство. Многіе сильные бароны сами вступали въ вассальныя отношенія къ королю, отъ котораго они, какъ отъ сюзерена, пріобрѣтали свои же поземельныя владѣнія, бывшія до сихъ поръ свободными, съ обязательствомъ защищать съ своей свитой короля во всѣхъ возможныхъ на него нападеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ бароны получали отъ короля для себя привиллегированную юрисдикцію и судебную власть надъ населеніемъ леновъ, то есть, своихъ поземельныхъ участковъ. Сообразно новому, феодальному характеру чешскаго государственнаго устройства въ XIV—XV столѣтіи все управленіе государствомъ организуется по нѣмецкимъ образцамъ. Древнее славянское вѣче съ его демократическими формами обсужденія и рѣшенія дѣлъ превращается въ сословныя собранія, созываемыя обязательно королемъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ этихъ собраніяхъ участвуютъ высшее и низшее дворянство, бывшіе кметы, а теперь феодальные господа, и городскіе жители. Дворянами,—аристократами наполняются высшій трибуналъ чешскаго королевства и королевскій совѣтъ, гдѣ на ряду съ представителями чешской знати засѣдаютъ высшіе королевскіе чиновники. Совѣтъ на первыхъ порахъ еще не связывалъ волю короля, который могъ согласиться съ его мнѣніемъ, но могъ и не обратить на него вниманія. При короляхъ Іоаннѣ и Карлѣ (IV) королевская власть была еще на столько сильна, что все управленіе государствомъ велось посредствомъ королевскихъ распоряженій чрезъ чиновниковъ.

Поэтому дворяне и другія сословія являлись на сеймы болѣе для того, чтобы выслушивать королевскія приказанія, чѣмъ совѣщаться о дѣлахъ страны. Король обходился безъ согласія сословій при взиманіи налоговъ для покрытія военныхъ расходовъ. Онъ распоряжался до извѣстной степени произвольно имуществами и доходами съ нихъ всѣхъ сословій, пользуясь тѣмъ, что дворянство стремилось превратить свои поземельныя владѣнія въ ленныя, а жители торговыхъ мѣстечекъ желали сдѣлаться гражданами королевскихъ городовъ. Но послѣ Карла I, много сдѣлавшаго для развитія благосостоянія страны, скоро стали обнаруживаться властолюбивыя притязанія новой, феодальной чешской аристократіи. Воспользовавшись произвольнымъ, кабинетнымъ управленіемъ *Вячеслава IV*, высшее дворянство Богеміи составило союзъ, потребовавшій отъ короля реформы всего высшаго управленія, удаленія изъ совѣта фаворитовъ короля и замѣщенія ихъ знатными лицами изъ родовитыхъ дворянскихъ семей. Бароны желали, повидимому, возстановить въ Чехіи старое общественное устройство страны, но несочувствіе ихъ планамъ остальнаго населенія показало, что бароны добивались только своего преобладанія въ странѣ [1]).

Введеніе въ Чехіи нѣмецкаго соціально-политическаго быта, нѣмецкой религіи (католичества), нѣмецкаго языка и обычаевъ, особенно же развитіе въ Богеміи феодальной аристократіи, явно задумавшей захватить въ свои руки власть и разрушить старославянскую свободу всего населенія, вызвали энергичный въ немъ протестъ. Этотъ протестъ возникъ впервые въ религіозной сферѣ, начался съ осужденія порочныхъ нравовъ католическаго духовенства и отрицанія догматовъ латинской церкви, но затѣмъ перешелъ и на соціальную и политическую почву.

---

1) Palacky, II, Theil., 27—28 s., III, 5—7, 22, 31, 88—91, 201—203 s., IV, 70—73 und folg., V, 9—13 s., Macieiowski, III, 76—78 und 96 s., Гильфердингъ, I т., 347—351 с., Петровъ, II т., 103 и 243—244 с.

Такъ возникло въ Чехіи гусситское движеніе,—реакція подавленной славянской народности противъ нѣмецкаго ига, религіознаго и соціально-политическаго. Результатомъ гусситскихъ войнъ (1419—1435), въ которыхъ Чехія успѣшно боролась подъ предводительствомъ своихъ геройскихъ вождей—Яна Жижки и двухъ Прокоповъ, Большаго и Малаго противъ всего тогдашняго Запада, было освобожденіе страны отъ преобладанія въ ней нѣмцевъ и уничтоженіе нѣмецкихъ общественныхъ и политическихъ порядковъ съ ихъ сословною рознью и исключительностью. Теперь снова былъ возстановленъ древній славянскій обычай участія самого народа во всѣхъ дѣлахъ страны. Весь народъ совѣщался при рѣшеніи дѣлъ вѣры и управленія и самъ избиралъ вождей для борьбы съ Западомъ. Но торжество демократической партіи было кратковременнымъ. Полной побѣдѣ славянскихъ общественныхъ началъ надъ средневѣковыми нѣмецкими мѣшало отсутствіе опредѣленной и прочной организаціи народной, демократической партіи,—*таборитовъ*, которые стремились къ совершенному ниспроверженію въ странѣ всякаго общественнаго порядка и думали обосновать свое государство въ странѣ при посредствѣ террора и водворенія коммунизма въ общественной жизни. Рядомъ съ таборитами выступила съ самого начала движенія болѣе умѣренная, *пражская партія*, заключавшая въ себѣ большую часть низшаго панства, пражскій университетъ и мѣщанское сословіе и стоявшая за монархію. Противницей обѣихъ партій и вообще всего революціоннаго движенія явилась *консервативная партія* магнатовъ и части низшаго панства. Эта партія стояла за католическую церковь и воплощала въ себѣ идею нѣмецкихъ общественныхъ и политическихъ началъ и порядковъ, пустившихъ въ странѣ глубокіе корни. Борьба, начавшаяся послѣ первыхъ же побѣдъ чеховъ надъ войсками германскаго императора между привиллегированными сословіями, аристо-

кратіей и горожанами и простымъ народомъ закончилась пораженіемъ демократической партіи (1434) и возвращеніемъ Чехіи къ прежнему соціальному и политическому строю. Снова во главѣ общества стали: аристократія, высшая знать и благородное рыцарство, и городское сословіе. Ожившій было старославянскій, земскій строй исчезъ и народъ очутился опять исключеннымъ изъ самостоятельнаго участія въ общественной жизни. Аристократія сдѣлалась неограниченною распорядительницей Чехіи, ея своеволіе достигло здѣсь крайнихъ предѣловъ. Споры изъ за власти между высшимъ и низшимъ дворянствомъ, ссоры между самими знатными панами и ихъ насилія надъ слабыми продолжали волновать общество въ эпоху безкоролевья (1440—1453) и при слабомъ королѣ Ладиславѣ. Конецъ анархическому господству аристократіи былъ положенъ *Юріемъ Подъбрадскимъ*, возвысившимся при Ладиславѣ изъ среды самой же аристократіи до званія королевскаго намѣстника и потомъ избраннаго къ явному неудовольствію знатныхъ пановъ королемъ Чехіи [1]).

Юрій Подъбрадскій (1458—1471) съ самаго начала своего воцаренія сталъ на сторонѣ народа, а не сословныхъ привиллегій аристократіи, пытался обосновать въ Чехіи государственный порядокъ на равновѣсіи королевской власти съ участіемъ въ законодательствѣ и управленіи всѣхъ трехъ сословій. Подѣбрадъ всю свою дѣятельность направилъ на то, чтобы обезпечить безопасность и благосостояніе всему чешскому народу; король имѣлъ обычай совѣщаться во всѣхъ вопросахъ управленія съ избранными имъ членами совѣта. Придворный совѣтъ Подѣбрада (Hofrath) состоялъ изъ лицъ, избранныхъ изъ различныхъ сословій страны, а иногда и ино-

1) Palacky, VI Theil., 157 s. und folg., VII, 249, 354 s., Гильфердингъ, I т., 351, 357, 369, 370—375 с., Петровъ, II, 245—247 с., Осокинъ, II т., 2-я ч., 928—929, 943—950, 953—956 с.

земцевъ. Этотъ совѣтъ занимался обыкновенно иностранными дѣлами и управленіемъ королевскихъ земель. Король не былъ связанъ въ своей дѣятельности мнѣніемъ членовъ своего придворнаго совѣта. Члены его участвовали и въ обсужденіи дѣлъ, на этотъ разъ только одной Богеміи, въ земскомъ совѣтѣ, который состоялъ также изъ лицъ, избираемыхъ королемъ каждый разъ для рѣшенія извѣстныхъ дѣлъ изъ числа высшихъ государственныхъ чиновниковъ и изъ среды различныхъ сословій и иностранцевъ. Духовенство не имѣло вліянія въ земскомъ совѣтѣ; знатные же бароны, бывшіе членами совѣта, являлись скорѣе исполнителями королевской воли, нежели самостоятельными распорядителями при рѣшеніи всѣхъ дѣлъ. Компетентность земскаго совѣта, надъ которымъ стоялъ придворный совѣтъ, была ограничена: онъ не могъ вмѣшиваться ни въ дѣла о городскихъ сословіяхъ, ни въ рѣшенія церковныхъ вопросовъ и не имѣлъ также права контроля надъ всѣмъ управленіемъ. Воля короля была, такимъ образомъ, рѣшающимъ моментомъ въ ходѣ управленія и суда. Законодательство принадлежало ландтагу вмѣстѣ съ королемъ, который обращался здѣсь ко всему народу за совѣтомъ и содѣйствіемъ. Все государственное управленіе при Подѣбрадѣ представляло собою соединеніе сильной власти короля въ дѣлахъ управленія и суда съ ограничивающимъ въ тоже время его волю рѣшительнымъ вліяніемъ народа въ ландтагахъ; это было подобіе конституціонной монархіи, основанной на сословныхъ началахъ и проникнутой демократической идеей славянской народности. Чехія при Подѣбрадѣ достигла до высшей степени своего политическаго значенія въ Западной Европѣ, стала первостепенной европейской державой. Чешскій король былъ сильнѣйшимъ членомъ германской имперіи и могущественнымъ посредникомъ въ раздорахъ между нѣмецкими князьями. Причина необычайнаго, нравственнаго и политическаго, вліянія Чехіи на западно-европейскую жизнь

XV столѣтія заключалась въ томъ обстоятельствѣ, что западные народы видѣли въ Чехіи олицетвореніе новаго политическаго идеала, свѣтское государство, существовавшее независимо отъ католической церкви, безъ освященія и подчиненія папству единственно на юридическомъ базисѣ и для общаго блага народа. Въ средѣ самого чешскаго общества государственною дѣятельностью Подѣбрада были довольны только горожане и низшее дворянство; знатные паны—католики не могли помириться съ уменьшеніемъ своихъ политическихъ правъ и юридическимъ ограниченіемъ своего необузданнаго своеволія и охотно прислушивались къ идущему изъ Рима голосу папы, запрещавшему имъ повиноваться королю—еретику. Воспользовавшись тѣмъ, что папа (Павелъ II) принялъ подъ свое покровительство одного пана, подвергшагося по повелѣнію короля за сопротивленіе закону и вооруженный разбой строгому наказанію, чешская аристократія составила союзъ противъ Подѣбрада и провозгласила чешскимъ королемъ венгерскаго короля, Матвѣя Корвина, который желалъ присоединить Чехію къ своему государству. Подѣбрадъ умеръ въ разгарѣ борьбы съ аристократической партіей и венгерскимъ королемъ. Послѣ его смерти Чехія лишилась своего первенствующаго положенія въ Западной Европѣ, стала здѣсь второстепеннымъ государствомъ, гдѣ въ послѣдніе полтора вѣка политической независимости Чехіи царила аристократія, погубившая Чехію. Аристократическія начала, чуждыя первоначальной, славянской эпохѣ чешской исторіи, развились въ Чехіи, благодаря особеннымъ, благопріятнымъ обстоятельствамъ, оставались несвязанными съ ея общественными и политическими учрежденіями. Аристократія послѣ паденія монархіи, не встрѣчая никакого противодѣйствія среди народа, подавляетъ города, порабощаетъ простой народъ и захватываетъ въ свои руки правительственную власть. Удержать эту власть за собой аристократія оказалась не въ со-

стоянiи: разрушивъ государство, она сама гибнетъ подъ его развалинами [1]).

Аристократiя нашла въ преемникѣ Подѣбрада, польскомъ королевичѣ, *Владиславѣ II* (1471—1500) слабаго и безхарактернаго короля, привыкшаго въ своемъ отечествѣ къ своеволiю шляхты и потому готоваго допустить полновластiе и знатныхъ пановъ Чехiи. Властолюбивымъ ихъ планамъ помогло также присоединенiе къ чешской коронѣ Венгрiи послѣ смерти Матвѣя Корвина: при постоянномъ почти присутствiи Владислава въ Венгрiи все управленiе государствомъ перешло къ аристократiи, которая занимала всѣ высшiя государственныя должности и властвовала на сеймахъ и въ королевскомъ совѣтѣ. Чешскiе паны хотѣли обезпечить себѣ не только всѣ преимущества предъ остальными общественными классами, но желали подчинить ихъ вполнѣ своей исключительной власти, искоренить окончательно всѣ остатки старославянской свободы и сдѣлать изъ Чехiи строго аристократическое, феодальное государство. Поэтому паны потребовали, чтобы горожане не принимали никакого участiя въ ландтагахъ, гдѣ собирались бароны и рыцари для совѣщанiй объ общемъ благѣ страны. Эти притязанiя панства не встрѣтили никакого отпора со стороны Владислава, но за то нашли энергичное сопротивленiе въ средѣ горожанъ. Отсюда произошли продолжительные раздоры и кровавая борьба между аристократiей и городами въ послѣднiе годы XV ст. и въ первой четверти XVI ст., страшно ослабившiе всю страну. Королевскiй совѣтъ Владислава, разбиравшiй взаимныя жалобы пановъ и горожанъ, высказался, какъ и слѣдовало ожидать, въ пользу первыхъ, призналъ, что только паны и рыцари имѣютъ политическiя права, горожане же и остальное на-

---

1) Palacky, VIII Theil, 128—129, 207—210, 316—321 s., Гильфердингъ, I т., 375—383, 387—388 с., Петровъ, 347—348 с, Осокинъ, 960—967 с.

селеніе обязаны всѣми своими правами только милостямъ короля, должны повиноваться его приказаніямъ и отказаться отъ своего голоса въ ландтагахъ. На ландтагѣ 1479 г. было рѣшено аристократіей, чтобы при особѣ короля постоянно находилось извѣстное число совѣтниковъ изъ пановъ и рыцарей, съ которыми король долженъ былъ совѣщаться, обсуждать всѣ дѣла страны и судить членовъ знати, оказавшихся въ чемъ-либо виновными. Совѣтъ этотъ былъ родъ временнаго и высшаго правительственнаго учрежденія въ странѣ; онъ состоялъ изъ избираемыхъ аристократіей ежемѣсячно въ округахъ пановъ и рыцарей. Въ концѣ XV столѣтія чешская аристократія, благодаря свому умственному превосходству надъ остальной массою народа, безпрерывнымъ войнамъ и вліянію на страну нѣмецкихъ политическихъ образцовъ, достигаетъ завѣтной цѣли своихъ продолжительныхъ усилій, становится господствующимъ сословіемъ въ государствѣ и управляетъ имъ по своей волѣ. Горожане и мѣщане лишаются всякихъ политическихъ правъ; низшіе классы населенія впадаютъ въ состояніе полнаго рабскаго подчиненія панству. Вся законодательная власть вмѣстѣ съ административной и судебной переходитъ къ баронамъ съ рыцарями, которымъ, однако, недолго пришлось владѣть ею. Въ началѣ XVI ст. прекратилась въ Чехіи польская династія Ягеллоновъ и на чешскій престолъ былъ избранъ сословіями *Фердинандъ*, — эрцгерцогъ австрійскій (1526). Съ этого времени начинается систематическое искорененіе въ чешскомъ народѣ началъ славянской свободы, правъ и вольностей всѣ сословій Габсбургами—ревностными католиками и защитниками абсолютной монархіи. Противъ общаго врага сплотились, хотя и поздно, всѣ сословія Чехіи, высшая знать, рыцарство и горожане. Всѣ они рѣшились сообща отстаивать старую, сословную организацію Чехіи вмѣстѣ съ интересами всей народности и ея религіозной сво-

бодой. Борьба съ Габсбургами соединила подъ однимъ знаменемъ лучшихъ и благороднѣйшихъ представителей чешской аристократіи, которые защищали не одни только сословныя права, но и независимость страны, духовную и политическую. Но самопожертвованіе многихъ чешскихъ дѣятелей не привело къ желанному результату: всѣ ихъ усилія парализовались чешскими магнатами—католиками и іезуитами, которые примкнули къ Фердинанду и образовали могущественную политическую партію въ странѣ. Самъ Фердинандъ на „кровавомъ" сеймѣ (1547 г.) отнялъ у аристократіи, принадлежащее ей при Ягеллонахъ, право составлять сеймы и рѣшать на немъ всѣ дѣла управленія безъ согласія короля и уничтожилъ всякое значеніе въ общественныхъ дѣлахъ городскаго сословія. Фердинандъ пощадилъ сословіе пановъ и даже предоставилъ имъ полное преобладаніе на ландтагахъ и отдалъ въ ихъ руки все управленіе страной. Но эти его мѣры не уничтожили, а еще болѣе увеличили рѣзкое раздвоеніе въ средѣ самой аристократіи, изъ которой все болѣе и болѣе стала выдаваться придворно-іезуитская партія магнатовъ, замѣщавшая своими членами всѣ важнѣйшія государственныя должности и оттѣснившая отъ управленія пановъ—протестантовъ. „Грамота величества", пожалованная магнатамъ—католикамъ въ 1609 г. императоромъ Рудольфомъ, обезпечила имъ сохраненіе сословныхъ правъ и предоставила имъ право имѣть дефенсоровъ, которые могли бы защищать эти права и въ крайнемъ случаѣ даже оружіемъ. Но эта нѣсколько вынужденная уступка Рудольфомъ магнатамъ не спасла ни ихъ, ни всю страну отъ полнаго подчиненія Чехіи австрійскому дому Габсбурговъ, которое совершилось послѣ битвы при Бѣлой Горѣ (1620), положившей конецъ политической самостоятельности Чехіи. На такъ называемомъ „похоронномъ" сеймѣ 1627 г. Фердинандъ II, австрійскій императоръ, объявилъ упраздненными всѣ политическія и религіоз-

ныя права и вольности чешской земли и она была присоединена навсегда къ владѣніямъ Габсбургскаго дома [1]),

СЕРБІЯ.

Политическая исторія *Сербіи* представляетъ собою много сходнаго съ исторіей Хорватіи, соединенной одно время съ Сербіей (въ половинѣ X в.), и исторіей Болгаріи, часть которой составляла сама Сербія при царѣ Симеонѣ. Всѣ три страны принуждены были бороться за свою политическую независимость съ греками, мадьярами, мусульманами, франками и другими сосѣдними народностями. Всѣ онѣ подпадаютъ по очереди византійскому господству и достигаютъ на короткое время необычайнаго политическаго развитія (Сербія при династіи Немацей въ XII ст., Хорватія при королѣ Людевитѣ въ XI ст., Болгарія при царѣ Симеонѣ и Асеняхъ—X и XIII ст.). Наконецъ, между Сербіей, Хорватіей и Болгаріей есть и то общее, что политическая ихъ самостоятельность, развивающаяся какими-то порывами, скоро исчезаетъ совершенно. Взаимныя отношенія между ними характеризуются обычною славянскою рознью, которая была, вѣроятно, одной изъ причинъ кратковременнаго ихъ политическаго существованія. Въ теченіе этого періода самостоятельной политической жизни народныя силы въ каждой изъ нихъ достигали до крайняго напряженія. Но вслѣдъ за эпохой политическаго блеска и процвѣтанія наступала реакція—періодъ политическаго ничтожества, которымъ, наконецъ, воспользовались враги славянъ (мадьяры и мусульмане) для того, чтобы окончательно подчинить себѣ сербовъ, хорватовъ и болгаровъ.

До половины XII ст. соціально-политическій бытъ Сербіи носилъ явно дружинный характеръ. Всѣ владѣнія сер-

---

1) Palacky, IX Theil, 210—211, 216—217, 268—271, 39'—398 s. und folg., X, 29, 144—145, 179, 196, 225, 227 и 306 s., Гильфердингъ, I, 389—409 с., Петровъ, II, 251—254 с.

бовъ, удержавшихъ за собою общее имя всѣхъ славянскихъ племенъ въ первые пять вѣковъ ихъ политической жизни (VII—XII ст.), раздѣлялись на нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга *жупъ*. Во главѣ каждой изъ жупъ были самостоятельные правители, жупаны или баны. Всѣ жупы вмѣстѣ составляли одинъ общій политическій союзъ подъ властью великаго жупана, избирательнаго короля. Но власть послѣдняго была скорѣе номинальною, чѣмъ дѣйствительною. Жупаны постоянно ссорились между собою изъ за „великого жупанства", и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ достаточно силы для того, чтобы возвыситься надъ остальными своими соперниками. Причинами разрозненности въ общественной жизни Сербіи были, кромѣ раздоровъ между жупанами, еще географическія условія, которыя позволяли болгарамъ часто вмѣшиваться въ сербскія дѣла, а Византіи подчинять Сербію своей власти, и аристократическій составъ населенія жупъ. Великимъ жупаномъ Сербіи въ теченіе первой четверти X вѣка былъ жупанъ г. Десницы. Но въ 924 г. болгарскій царь, Симеонъ сильно опустошилъ Сербію и подчинилъ ее Болгаріи. Приэтомъ Симеономъ были взяты въ плѣнъ многіе сербскіе бояре и начальники. Знатные сербы должны были жить при дворѣ болгарскаго царя. Въ 934 году одинъ изъ народившихся въ болгарскомъ плѣну сербскихъ князей, Чеславъ бѣжалъ изъ Болгаріи вмѣстѣ съ четырьмя плѣнными сербскими жупанами и съ помощью византійскаго императора возстановилъ Сербію въ первоначальномъ ея политическомъ видѣ. Послѣ смерти Чеслава, съ которымъ прекратилась древняя сербская династія великихъ жупановъ, сербская земля осталась безъ государя и баны сдѣлались, каждый въ своей области, независимыми властителями, подчинившими себѣ всѣхъ жупановъ—начальниковъ мелкихъ, сельскихъ волостей или жупъ. Областные великіе жупаны или князья пользовались политическою независимостью до появленія на престолѣ

Сербіи династіи *Неманичей*, называвшихъ себя уже „кралями всей сербской земли“. Рашскій жупанъ, *Стефанъ Неманя* (1159—1195) первый уничтожилъ существовавшую до сихъ поръ обособленность сербскихъ земель и собралъ ихъ въ одно государство. При Стефанѣ всѣ независимые, областные жупаны потеряли свою самостоятельность и вошли въ сословіе бояръ. Образованіе самобытнаго сербскаго королевства было закрѣплено вѣнчаніемъ на царство сына Стефана Немани, *Стефана Первовѣнчаннаго* (1195—1224). Все время существованія сербскаго государства отъ Стефана Немани и до *Милутина* (1282—1320) было наполнено безпрерывными смутами и усобицами въ средѣ королевской семьи, члены которой еще не отрѣшились отъ частновладѣльческихъ взглядовъ на государственныя земли. При королѣ Милутинѣ, стоявшемъ на государственной точкѣ зрѣнія на управленіе, Сербія быстро возвысилась надъ остальными славянскими государствами балканскаго полуострова. Но высшаго процвѣтанія Сербія достигла при знаменитомъ ея королѣ, *Стефанѣ Душанѣ* (1335—1355), который значительно расширилъ своими завоеваніями границы Сербіи и подчинилъ ей болгаръ, хорватовъ и другія народности покоренныхъ имъ земель (Македоніи, Албаніи и др.). Стефанъ же издалъ извѣстный „Сербскій законникъ“, придавшій юридическую форму существовавшимъ при немъ общественнымъ отношеніямъ. Стефанъ Душанъ въ гордомъ сознаніи своего политическаго могущества принялъ титулъ „короля ромеовъ“ и думалъ сдѣлаться имъ и на самомъ дѣлѣ. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ походъ противъ Византіи, но внезапная смерть Душана во время этого похода положила конецъ его честолюбивымъ замысламъ и была началомъ быстраго паденія Сербіи при его преемникахъ. Сынъ Душана, Стефанъ IV былъ убитъ однимъ изъ королевскихъ намѣстниковъ, Вукашиномъ, который потомъ завладѣлъ пре-

столомъ Сербіи. Вукашинъ погибъ въ битвѣ съ турками при Марицѣ (1371 г.), а въ роковой для Сербіи битвѣ турокъ съ сербами на Коссовомъ Полѣ (1389 г.) палъ и послѣдній сербскій король, Лазарь I, замученный на глазахъ умирающаго турецкаго султана, Мурада. Послѣ Коссовской битвы Сербія утратила свою политическую независимость и подчинилась Турціи.

Одной изъ главныхъ причинъ такого недолгаго политическаго существованія Сербіи и ея паденія было то пагубное вліяніе, которое имѣли на общественную и государственную жизнь властели—высшій классъ сербскаго общества, издавна составлявшій въ Сербіи высшій его слой. Властели были знатнымъ сословіемъ, господствовавшимъ надъ простолюдинами (себрами). Съ объединеніемъ Неманичами удѣловъ въ одно сербское государство „краль" управлялъ нѣкоторыми жупами и городами посредствомъ назначаемыхъ имъ намѣстниковъ („владальци градски", жупаны, кефали, челники). Остальными общинами и городами правили властели по праву собственности; они платили королю опредѣленную дань и выставляли по его требованію войско. Такія полунезависимыя поземельныя владѣнія, которыя образовались при Стефанѣ Неманѣ, вѣроятно, изъ мелкихъ жупанствъ, назывались *баштинами*. Обладаніе этими крупными поземельными участками, соединенное съ правами государственной власти и господствомъ властелей надъ себрами и меропхами (крѣпостными, прикрѣпленными къ баштинамъ), повело къ возникновенію въ Сербіи общественнаго порядка, сходнаго съ западно-европейскимъ феодализмомъ и связаннаго съ политическимъ преобладаніемъ боярскаго сословія въ общественной жизни. Сербскій „краль" находился въ большой зависимости отъ многочисленнаго и сильнаго сословія властелей, которые были главными дѣятелями въ безпрерывныхъ взаимныхъ раздорахъ и дворцовыхъ переворотахъ въ домѣ Неманичей. Такъ, когда

Стефанъ Урошъ III (1321—1331) устранилъ бояръ отъ государственныхъ дѣлъ, властели составили противъ него заговоръ, принудили примкнуть къ нему сына „краля", Стефана Душана, силою захватили слѣпаго короля въ Дечанахъ и тамъ задушили его. Стефанъ Душанъ, хотя и отстранилъ также въ первое время своего царствованія бояръ отъ управленія государствомъ, однако, вскорѣ самъ же подчинился ихъ вліянію. Подражая Византіи, Стефанъ раздѣлилъ всю Сербію на намѣстничества, управляемыя деспотами и кесарями (властелями), предоставилъ большія права въ управленіи знатнымъ грекамъ въ завоеванной Македоніи, оставилъ властелямъ наслѣдственное владѣніе баштинами или же отдалъ многимъ изъ нихъ помѣстья въ временное пользованіе [1]). Законникъ Душана, укрѣпившій только существующія отношенія между общественными классами въ Сербіи, освящаетъ многія привиллегіи властелей и высшаго духовенства. Такъ, напримѣръ, онъ прикрѣпилъ меропховъ навсегда къ баштинамъ [2]). Властелямъ были предоставлены многія судебныя привиллегіи [3]). Властели не признавали королемъ сына Стефана Душана, Стефана Уроша IV, который былъ королемъ только по имени; бояре ненавидѣли и Вукашина, потомки котораго не могли утвердиться на престолѣ Сербіи. Нѣсколько властелей возвели по смерти Вукашина на сербскій престолъ Лазаря, но остальные бояре не благоволили къ нему и не оказали Лазарю энергичной поддержки въ борьбѣ съ турками, конецъ которой оказался роковымъ для политической самостоятельности Сербіи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что властели играютъ видную, первенствующую роль въ соціальной и политической исторіи Сербіи: они распоряжаются судьбой ея кралей и всего сербскаго народа. При кралѣ властели составляли посто-

1, 2 и 3) „Законникъ благовѣрнаго царя Стефана", статьи: 37, 39, 42, 44, 52, 54, 61, 94 и 97-я (см. въ приложеніи къ сочиненію Ѳ. Зигеля: „Законникъ Стефана Душана", Спб., 1872).

янное учрежденіе—*совѣтъ*. Такъ при Стефанѣ Душанѣ властели вмѣстѣ съ членами высшаго духовенства были приглашаемы постоянно королемъ для совѣщаній о государственныхъ дѣлахъ и своимъ вліяніемъ на нихъ сильно ограничивали власть Душана. На народныхъ собраніяхъ—сербскихъ соборахъ, созываемыхъ Неманичами для рѣшенія общегосударственныхъ дѣлъ, присутствуютъ только бояре—властели и духовенство, „вельмоуже вси, отъ мала и до велика ихъ". На собраніи, на которомъ краль (Стефанъ Неманя) объявилъ о своемъ желаніи удалиться на Аѳонъ, были „высшія власти" Сербіи, бояре, „великіе и малые". При полученіи св. Саввой изъ Рима короны его братъ, Стефанъ Первовѣнчанный созываетъ „малыхъ въ коупѣ съ великими". При избраніи новаго архіепископа Сербіи вмѣсто Саввы, удалившагося въ монастырь, на соборѣ присутствовали изъ свѣтскихъ лицъ только важные сановники. Драгутинъ, умирая, созываетъ соборъ изъ „вьсѣхъ іелицихъ сильнихъ отьчьствія іего". „Велиславніи властели" оказываютъ большое вліяніе на избраніе сербскаго архіепископа, главы сербской церкви. Такъ при Стефанѣ Дечанскомъ по смерти архіепископа Никодима для избранія ему преемника были созваны на соборѣ „вьси велемоштьніи земле срьбьскые". На соборахъ при Душанѣ вмѣстѣ съ духовенствомъ участвовали и всѣ властели, сербскіе и греческіе. Что соборы имѣли аристократическій характеръ задолго до Стефана Душана, это видно изъ введенія къ его Законнику, составленному кралемъ для закрѣпленія древнихъ обычаевъ и учрежденій народныхъ съ духовенствомъ и „всѣми властелями сербскаго царства, малыми и великими". Законникъ прямо запрещаетъ приглашать на соборы себровъ. 68 статья Законника гласитъ: „да не будетъ сбора себровъ. Если же найдетъ какой собиратель, да отрѣжутъ ему уши и да выжгутся ему рѣсницы". Эта статья, слѣдовательно, рѣшительно вычеркиваетъ народную массу изъ собранія аристо-

кратіи, которая продолжаетъ властно распоряжаться на соборахъ и во все послѣдующее время политической самостоятельности Сербіи. Такъ Урошъ, сынъ Душана, совѣтуется при рѣшеніи дѣлъ управленія со всѣми вельможными властелями. Краль Лазарь былъ избранъ соборомъ. Сословіе властелей и высшее духовенство, издавна присутствовавшіе на сербскихъ соборахъ, рѣшали здѣсь всѣ важнѣйшія государственныя дѣла (законодательныя и административныя): избраніе и вѣнчаніе на царство новыхъ кралей, избраніе и посвященіе сербскаго архіепископа, составленіе и изданіе новыхъ законовъ, грамотъ (хрисовулъ), дѣла церкви и областнаго управленія. Крали, даже такіе могущественные, какъ Стефанъ Душанъ, должны были подчиняться безусловно волѣ собора, котораго они были только членами, но не главами [1]).

ХОРВАТІЯ.

Хорваты были призваны въ половинѣ VII в. изъ за карпатскихъ горъ византійскимъ императоромъ Иракліемъ противъ дикихъ аваровъ, грабившихъ и даже завоевавшихъ Далмацію. Разбивши аваровъ, хорваты поселились на мѣстахъ, ими занятыхъ, и основали здѣсь свое государство, устройство котораго было сходно съ первоначальнымъ сербскимъ политическимъ бытомъ. Какъ и въ Сербіи, земли хорватовъ (Полавской и Далматской Хорватіи) составляли нѣсколько во-

1) Шафарикъ, II т., 1 кн., 411—412, 415—416, 420—421 с., Macieiowski, I, 122—123 s., Гильфердингъ, I, 19, 165—167 и 238 с., II, 169—170 с., Зигель, 2—3, 19—21, 30, 33—34, 142 с., Дьячанъ, 129—147, 154—167 с., Дриновъ: „Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ“. Москва. 1876, 39—40, 135—139 с., Флоринскій: „Южные славяне и Византія во второй четверти XIV в.“, Спб. 1882, 2 вып., 10, 11, 14, 26—30, 60—61, 1 2—115 с., Макушевъ: „Задунайскіе и адріатическіе славяне“. Спб. 1867, 49—50 с., Петровъ, II, 97—98, 232—235 с., Осокинъ, I, 330—332, II т., 2-я ч., 800—826 с., Латкинъ: „Земскіе соборы древней Руси сравнительно съ западно-европ. представ. учрежденіями“. Спб. 1885, 29 с.

лостей или жупъ, управляемыхъ жупанами, которые были подчинены банамъ—правителямъ отдѣльныхъ частей Хорватіи. По словамъ Константина Богрянороднаго, у далматскихъ славянъ „не было иныхъ правителей, кромѣ жупановъ, старостъ, которыхъ они избирали изъ рода, наиболѣе любимаго". Одинадцатью областями управляли жупаны и тремя банъ, который находился подъ властью князя или великаго жупана [1]). Въ концѣ XII вѣка хорваты были раздѣлены на 12 жупъ между такимъ же числомъ жупановъ изъ главъ родовъ [2]). Политическая судьба Хорватіи имѣетъ также много общаго съ сербской политической исторіей. Также, какъ и сербы, хорваты находились нѣсколько разъ подъ властью Византіи, которая замѣнялась властью надъ ними франковъ. Хорваты жили недолго самостоятельною политическою жизнью, отъ половины VII и до 1/2 IX вѣка и отъ 1/2 X до начала XII ст., когда Хорватія сдѣлалась вполнѣ независимымъ государствомъ. Но уже въ концѣ XI столѣтія православная Хорватія подпадаетъ вліянію католической церкви и западныхъ странъ. Послѣ смерти короля Звониміра (1089 г.) „хорватскіе бары и вельможи, добиваясь одинъ за другимъ королевскаго престола, породили кровопролитныя войны и привели цвѣтущее государство въ конечную гибель и раздѣленіе". Одинъ изъ жупановъ призвалъ на хорватскій престолъ венгерскаго короля Ладислава, послѣ смерти котораго Хорватіей начинаютъ управлять намѣстники или баны венгерскихъ королей и Хорватія дѣлается составною частью Венгріи [3]).

Въ теченіе всей исторической жизни хорватовъ высшій ихъ классъ (жупаны) играетъ главную роль въ управленіи государствомъ. Изъ жупановъ состоялъ *совѣтъ* хорватскихъ

---

1) Макушевъ: „Сказанія иностранцевъ о бытѣ и правахъ славянъ", 176 с. 2) Шафарикъ, II, 2, 27 с. 3) Шафарикъ, 2, 4, 14 и сл., 27—28 с., Гильфердингъ, I, 16—19, 37, II, 154—155 с., Дриновъ, 35—38, 40—41, 120 с. и сл., Петровъ, II, 94—97 с.

королей въ пору политической самостоятельности Хорватіи. Такъ въ грамотѣ отъ времени Терпиміра (852 г.) говорится, что король совѣтуется въ церковныхъ дѣлахъ со всѣми своими жупанами [1]). Король Звониміръ жалуетъ свободу Брачанамъ послѣ совѣщаній со всѣми благородными. Знать занимаетъ издавна первое мѣсто въ народныхъ собраніяхъ хорватовъ, извѣстныхъ подъ именемъ соборовъ или скупщины. На этихъ соборахъ, гдѣ рѣшались важнѣйшія государственныя дѣла, высшее духовенство и свѣтская знать имѣли рѣшающій голосъ, съ которыми должны были сообразоваться и сами короли, избираемые съ древнѣйшихъ временъ, главнымъ образомъ, прелатами и свѣтскими вельможами. Кромѣ избранія короля, бановъ и жупановъ, хорватскіе соборы имѣли законодательную власть и рѣшали различныя, административныя и судебныя дѣла. Такимъ образомъ, соборы въ Хорватіи являются преимущественно собраніями высшихъ классовъ населенія, низшій слой котораго рано отстраняется отъ участія въ скупщинѣ [2]).

БОЛГАРІЯ.

Основаніе древнѣйшему изъ славянскихъ государствъ, *Болгаріи* на сѣверѣ балканскаго полуострова было положено въ VIII в. урало-чудскимъ или финскимъ племенемъ, жившимъ на берегахъ Волги и Камы. Одна изъ ордъ, принадлежавшихъ къ этому племени,—орда Аспарухова, явившись на полуостровѣ, покорила славянъ, жившихъ на земляхъ по нижнему теченію Дуная. Болгаре постепенно слились съ славянами въ одно цѣлое, восприняли отъ нихъ языкъ и нравы, такъ что къ концу VIII в. пришельцы-побѣдители ничѣмъ не отличались отъ туземцевъ-побѣжденныхъ. Высшія госу-

1) Гильфердингъ, I, 44—45 с. 2) Дьячанъ, 112—128 с., Латкинъ, 29 с.

дарственныя должности находились у болгаръ одинаково въ рукахъ болгаръ и славянъ. Такъ при сильномъ болгарскомъ государѣ, Крумѣ или Кремѣ мы встрѣчаемъ славянскихъ вельможъ, пирующихъ заодно съ княземъ (811 г.). Благодаря своему происхожденію изъ завоеванія, болгарское государство съ самого начала приняло аристократическій характеръ. Болгарскій государь (ханъ) былъ ограниченъ въ своей власти шестью знатными родовыми старѣйшинами, великими боярами или былями, которые составляли при немъ *думу* или государственный *совѣтъ*. О боярской думѣ у болгаръ упоминаютъ византійскіе историки: Кедринъ, Левъ Діанинъ и Анна Комнина. Самое слово „бояринъ" передается у нихъ греческимъ словомъ Συγκλητικός, боярская дума или совѣтъ—Βουλευτήριον. Какимъ особеннымъ политическимъ вліяніемъ обладали въ X вѣкѣ бояре въ Болгаріи, извѣстные изъ славянскихъ народностей, кромѣ болгаръ, еще только русскимъ [1]), на это указываетъ описаніе Константиномъ Багрянороднымъ пріема болгарскихъ пословъ при византійскомъ дворѣ. На привѣтствіе посла логофетъ (канцлеръ) послѣ того, какъ онъ освѣдомился о здоровьи болгарскаго царя и его семьи, долженъ былъ спросить о здоровьи шести великихъ былей (βολιάδες οἱ μεγάλοι) и прочихъ былей, внутреннихъ и внѣшнихъ, то есть, боляръ, занимавшихъ придворныя и главныя государственныя должности, и боляръ, управлявшихъ отдѣльными областями болгарскаго царства. Внѣшніе боляре, называвшіеся также князьями, были полузависимыми областными правителями, которые подобно внутреннимъ болярамъ пользовались слабостью болгарскихъ царей для того, чтобы распоряжаться престоломъ и всѣмъ государствомъ. Одинъ изъ могущественныхъ внѣшнихъ бояръ,

1) Сербскіе властели называются боярами у различныхъ изслѣдователей славянскаго быта только примѣнительно къ такому названію высшаго класса у русскихъ.

Шишманъ сталъ во главѣ возстанія противъ Петра, сына знаменитаго болгарскаго царя, Симеона и сдѣлался при жизни Петра самостоятельнымъ государемъ западной части болгарскаго царства.

Болгарское государство достигло апогея своего политическаго развитія въ долгое и славное царствованіе *Симеона* (893—927), при которомъ монархическая власть въ Болгаріи сдѣлалась могучимъ двигателемъ всей общественной и политической жизни болгаръ. Бояре были только помощниками Симеона при осуществленіи его завоевательныхъ плановъ и культурныхъ цѣлей въ общественной жизни болгаръ. Но неспособность и ограниченность слабыхъ преемниковъ Симеона, возбудивши честолюбивыя надежды бояръ, были причиной паденія перваго болгарскаго царства, подчиненія его Византіи (1018 г.). Сорокалѣтняя національная борьба болгаръ съ Византіей при одномъ изъ болѣе сильныхъ послѣ Симеона болгарскихъ царей, сынѣ Шишмана, *Самуилѣ* (976—1014), объединившемъ всѣ части Болгаріи, не ослабила честолюбія бояръ, которымъ Симеонъ былъ принужденъ раздавать въ управленіе города и цѣлыя области. Бояре, бывшіе сильнымъ сословіемъ при Самуилѣ, владѣли подчиненными ихъ управленію областями почти независимо отъ царя, имѣли собственное войско и часто измѣняли своему государю. Вскорѣ послѣ смерти Самуила болгарское царство пало. Почти цѣлыхъ 170 лѣтъ Болгарія находилась подъ византійскимъ господствомъ и только въ концѣ XII вѣка Болгарія могла возстановить свою политическую самостоятельность. Въ это время при слабой династіи византійскихъ царей—Ангелахъ было основано тремя братьями Асенями—родовыми старѣйшинами второе болгарское царство. Асени желали положить предѣлъ своеволію бояръ, которые не хотѣли отказаться отъ своихъ вольностей. Первая же попытка Асеней завоевать независимость Болгаріи отъ Византіи (въ 1185 г.)

встрѣтила въ боярахъ противодѣйствіе. Византія склонила на свою сторону одного изъ болгарскихъ бояръ, Ивана, который обѣщалъ боярамъ своимъ друзьямъ и помощникамъ въ борьбѣ ихъ противъ Асеней возстановить всѣ боярскія вольности. Въ этомъ возстаніи были убиты два брата Асени (Петръ и Асеня), но третій и младшій изъ нихъ, *Іоаннъ Асеня* добился единоличной власти въ государствѣ и освобожденія Болгаріи отъ Византіи. При *Іоаннѣ Асенѣ II* (1213—1241) Болгарія снова дѣлается могущественнымъ славянскимъ государствомъ, но опять ненадолго. При сыновьяхъ Іоанна II болгарское царство распадается и подчиняется сначала Сербіи (1330 г), а потомъ въ концѣ XIV ст. туркамъ, окончательно завоевавшимъ Болгарію.

Одной изъ главныхъ причинъ непрочности политическаго устройства и паденія Болгаріи были безпрерывныя интриги и смуты въ государствѣ, производимыя боярами въ чисто личныхъ интересахъ. Бояре стремились къ независимости, не любили сильныхъ царей и старались присвоить себѣ право распоряжаться болгарской короной. Такъ въ 1285 г. бояре, собравшись на соборъ, избрали на царство внука сербскаго короля Стефана Немани, Константина. Также и послѣ царя Тертерія (1322) болгарскіе бояре провозгласили царемъ бдинскаго деспота, Михаила. Царь Іоаннъ Александръ былъ избранъ (1331) на болгарскій престолъ боярами. Во второмъ болгарскомъ царствѣ, какъ и первомъ, вся политическая сила была въ рукахъ бояръ, которые занимали всѣ высшія государственныя и придворныя должности. Сами болгарскіе цари хорошо сознавали все важное значеніе бояръ въ общественной жизни, видѣли въ нихъ своихъ братьевъ, дѣтей и любимѣйшихъ друзей, оказывали боярамъ уваженіе, надѣляли ихъ высокими, почетными титулами и предоставляли боярамъ полную власть въ управленіи государствомъ. Болгарскій царь былъ только первымъ между знатными бол-

гарской земли; при его особѣ постоянно находилась боярская дума (совѣтъ), безъ которой не рѣшалось ни одно дѣло въ государствѣ [1]).

Балтійскіе славяне.

Древнѣйшій политическій бытъ балтійскихъ славянъ: велетовъ или лютичей, бодричей, поморянъ и жителей острова Рана представляется болѣе сходнымъ съ государственнымъ бытомъ нашихъ предковъ, нежели съ политическимъ устройствомъ другихъ славянскихъ народностей. Государство у балтійскихъ славянъ есть какъ бы переходъ отъ демократической организаціи древне-русскаго государства къ политическому быту западно-европейскихъ славянъ: въ политическихъ учрежденіяхъ балтійскихъ славянъ смѣшаны исконныя славянскія начала въ соединеніи съ германскими, воспринятыми подъ вліяніемъ сношеній и столкновеній славянъ съ германскими племенами. Въ основаніе всего общественнаго и политическаго устройства балтійскихъ славянъ легла древне-славянская община, въ которой всѣми дѣлами управляло народное собраніе, рѣшавшее ихъ единогласно. Князья, существовавшіе у отдѣльныхъ племенъ, были мудрѣйшими, опытнѣйшими въ управленіи и богатыми людьми, пользовались большимъ уваженіемъ въ народѣ, но не имѣли самостоятельной и независимой отъ общины власти. Эти основанія примитивнаго быта балтійскихъ славянъ потерпѣли существенное измѣненіе при началѣ ихъ исторической жизни. Такъ у лютичей мы встрѣчаемъ (въ VIII ст.) рядомъ съ многочисленными

1) C. Jireček: „Geschichte der Bulgaren", Prag. 1876. 129, 133—134, 166, 191, 374, 385, 391—393 s., Macieiowski, I, 90 s., Шафарикъ, II, 1, 276, 280 281 с., Гильфердингъ, I, 26—27, 35, 110, 117—118, 120—121 и 246 с., Макушевъ, 177—178 с., Дьячанъ, 170—174 с., Дриновъ, 81—91 с., Петровъ, II т., 91—93 и 231—232 с., Латкинъ, 9—10 и 29 с., Осокинъ, I, 341 с., II т., 1 ч., 48—49 и 2 ч., 790—797 с.

князьями и независимыхъ отъ нихъ людей, членовъ знатныхъ родовъ. Къ знатнѣйшему роду принадлежалъ старѣйшій изъ князей у лютичей, которому были подчинены остальные, мелкіе ихъ князья. Самъ же онъ признавалъ надъ собою высшую власть Карла Великаго. Такой же старѣйшій князь былъ и у бодричей, у которыхъ знать рѣшала всѣ важныя общественныя и политическія дѣла. Такъ, когда нѣкоторые знатные бодричи пожаловались императору Людовику Благочестивому (826 г.) на своего князя, Чедрага, императоръ послалъ узнать къ бодричамъ, желаетъ ли народъ имѣть его своимъ княземъ. Возвратившіеся послы донесли Людовику, что въ народѣ взгляды на этотъ вопросъ различны, но что всѣ ***лучшіе и знатнѣйшіе люди*** желаютъ имѣть Чедрага своимъ княземъ, который и былъ утвержденъ послѣ этого императоромъ въ княжескомъ званіи. Въ X вѣкѣ у лютичей княжеская власть совершенно изчезла и всѣми общественными дѣлами распоряжалась сама община, въ которой властвовала знать. У бодричей же, наоборотъ, вмѣсто исчезнувшей общины управляли въ это время князья, но опять при сильномъ ограниченіи ихъ власти аристократіей [1]).

У поморянъ князь въ началѣ XII ст. былъ только общимъ главой всего народа, наиболѣе богатымъ изъ знатнѣйшихъ людей земли. Власть князя носила священный характеръ. Онъ имѣлъ право почина въ общественныхъ дѣлахъ, созывалъ въ сеймы знать для обсужденія и рѣшенія дѣлъ, обладалъ военною властью, но не могъ препринять ничего важнаго безъ согласія общины, знатныхъ ея членовъ. Такое же положеніе занимала княжеская власть и на островѣ Ранѣ. Какъ у славянъ поморскихъ, такъ и у ранскихъ народъ рѣзко раздѣлялся на два сословія: знать и простыхъ людей. Аристократія (barones, nobiles, primores, principes) была са-

---

1) Гильфердингъ, IV, 71—82 с., Макушевъ, 175—176 с., Латкинъ, 8 с., Дьячанъ, 24—27 с.

мостоятельнымъ, независимымъ отъ князя сословіемъ, которое заключало въ себѣ нѣсколько знатныхъ родовъ. Изъ числа главъ представителей этихъ родовъ нѣкоторые особенно выдавались по своему богатству и могуществу. Поморская знать обладала въ XII столѣтіи большими преимуществами. Каждый знатный человѣкъ былъ окруженъ своей дружиной. Всѣ мѣры по управленію страны принимались княземъ только по совѣту и согласію ея съ знатью, органомъ которой былъ постоянный *совѣтъ*, аристократическое собраніе, состоявшее при князѣ и народной сходкѣ. На послѣдней рѣшались всѣ общественныя дѣла, разсмотрѣнныя предварительно въ совѣтѣ. Совѣтъ поморскихъ старѣйшинъ, происходившій въ особыхъ помѣщеніяхъ (континахъ), состоялъ изъ знатныхъ лицъ и стариковъ—представителей народа, его выборныхъ. Вслѣдствіе присутствія въ засѣданіяхъ совѣта знати народныхъ представителей рѣшенія совѣта становились иногда прямо законами, хотя вліяніе у поморянъ аристократіи было такъ велико, что она могла провести свои рѣшенія и безъ согласія народныхъ выборныхъ въ ея собраніяхъ. Когда епископъ Оттонъ Бамбергскій явился (1124) проповѣдывать христіанство поморянамъ, онъ обратился прежде всего къ старѣйшинамъ, которые послѣ взаимныхъ совѣщаній и полученнаго отъ народа согласія пригласили Оттона и приняли отъ него крещеніе. При вторичномъ посѣщеніи Оттономъ поморянъ (въ 1128), успѣвшихъ возвратиться опять къ язычеству, христіанство было снова возстановлено въ странѣ при энергичномъ участіи совѣта знатныхъ и стариковъ. Также и у ранскихъ славянъ, которымъ однимъ изъ древнихъ славянскихъ народностей былъ извѣстенъ съ самого начала царь, сословіе знатныхъ собиралось для совѣщаній объ общественныхъ дѣлахъ особо отъ народной сходки. У ранъ, какъ и у поморянъ, аристократія, благодаря нѣмецкимъ вліяніямъ, получила такую власть, какую она имѣла и у германскихъ народовъ. Вскорѣ послѣ

этого онѣмеченія поморянъ и ранскихъ славянъ народная община вмѣстѣ съ княземъ потеряла всякое значеніе въ общественной ихъ жизни и поморье обратилось изъ славянской земли въ нѣмецкую [1]).

---

1) Гильфердингъ, IV, 82—100 с., Дьячанъ, 28, 30—21 с.

ГЛАВА I-я.

Общественное и политическое устройство въ удѣльно-вѣчевой (862—1462) и московскій періодъ русской исторіи (1462—1703).

Въ первоначальномъ общественномъ быту древней Руси мы встрѣчаемся съ тѣми же тремя первичными элементами политическаго быта, какіе находятся въ каждомъ первобытномъ обществѣ. Этими элементами были: народное собраніе или вѣче, боярская дума и князь [1]). Взаимное отношеніе между ними находилось въ зависимости отъ соціальнаго состава древне-русской земли и своеобразныхъ особенностей первоначальнаго и послѣдующаго историческаго развитія отдѣльныхъ ея частей. Народный элементъ развился преимущественно (въ XII вѣкѣ) на сѣверѣ Россіи: въ Новгородѣ, Псковѣ, Вяткѣ, аристократическій—юго-западной и, отчасти, южной Руси: галицкой землѣ, Волыни, Литвѣ и кіевскомъ княжествѣ, монархическій—въ Ростово-Суздальской волости [2]). До призванія князей ильменскими славянами (новгородцами) славянскія племена, по словамъ Нестора, „живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ" [3]). Основаніемъ всей древне-русской соціальной жизни былъ общинно-городской бытъ съ свойственнымъ ему общимъ землевладѣніемъ, отсутствіемъ сословій и демократическимъ, политическимъ устройствомъ [4]). Такимъ, напр., городомъ—общиной былъ Кі-

---

1) Владимірскій-Будановъ: „Обзоръ исторіи русскаго права", 2 изд., 36 с., Романовичъ-Славатинскій: „Система русскаго государственнаго права", 1886 43, 86 с. 2) В.-Будановъ, 56—64 с., Р.-Славатинскій, 44—45 с. 3) „Полное собраніе русскихъ лѣтописей", I т., 4 с. 4) Бестужевъ-Рюминъ: „Русская исторія", I т., Спб. 1872, 43 с. и сл., Бѣляевъ: „Лекціи по исторіи русскаго законодательства", Москва. 1879, 7—12 с., И. Забѣлинъ: „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ", Москва, 1876, I т., 520—550 с.

евъ, основанный тремя братьями (Кіемъ, Щіемъ и Хоривомъ)[1]). Въ VIII вѣкѣ возникаютъ и другіе большіе города на Руси: Черниговъ, Переяславль, Новгородъ, Ростовъ и др.[2]). Княжеская власть была извѣстна на Руси еще до призванія князей славянами (862 г.); такъ Несторъ упоминаетъ о князьяхъ у полянъ, древлянъ, дреговичей, новгородскихъ славянъ и полочанъ[3]). На ряду съ племенными князьями были извѣстны древнимъ славянамъ и „старѣйшины града", называемые Несторомъ „нарочитыми", „лучшими мужами", которые принимали участіе въ управленіи. Такъ у древлянъ „лучше мужи держаху деревску землю"; изъ нихъ же былъ составленъ совѣтъ при князѣ Малѣ[4]). Послѣ того, какъ Ольгѣ покорился главный городъ древлянской земли, она поспѣшила взять въ плѣнъ „старѣйшинъ града"[5]). Эти городскіе старѣйшины или лучшіе люди были богатыми поземельными владѣльцами[6]), которые составляли военную дружину у славянъ до призванія Рюрика[7]) и назывались земскими боярами[8]). На военную профессію земскихъ бояръ и ихъ выдающуюся роль въ первоначальномъ русскомъ быту указываетъ самое названіе „бояринъ", которое происходитъ отъ словъ „бой" (вой) и — „боль", большій, лучшій, сильный, вліятельный человѣкъ[9]). Однимъ изъ такихъ земскихъ бояръ — старѣйшинъ былъ въ Новгородѣ Гостомыслъ, который по преданію посовѣтовалъ новгородцамъ предъ своею смертью идти за море къ варягамъ и просить ихъ „княжить и володѣть" русской землей: она была „велика и обильна, а наряда въ ней не было"[10]). Вмѣстѣ съ призванными новгородцами варяжскими

1, 3—5 и 10) „Полное собр. рус. лѣтописей", I т., 25, 5, 23—25, 35 и 8 с. 2) Ключевскій: „Боярская дума древней Руси", 2 изд., Москва, 1883, 21 с. 6) Сергѣевичъ: „Русскія юридическія древности", Спб., 1890, I т., 297 с., В.-Будановъ, 27 с., Бѣляевъ, 13—14 с., Яблочковъ: „Исторія дворянскаго сословія въ Россіи", Спб., 1876, 5—7 с. 7) Забѣлинъ, I т., 559 с 8) В.-Будановъ, ibidem. 9) Сергѣевичъ, ibidem, Загоскинъ: „Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ допетровской Руси", Казань, 1876, 47—48 с.

князьями: Рюрикомъ, Синеусомъ и Труворомъ прибыла на Русь ихъ свита—дружина, которая, какъ пришлый элементъ, долго стояла особнякомъ отъ земскихъ бояръ и остального населенія [1]). Отнынѣ отношенія князя къ земщинѣ основываются на договорномъ началѣ. Князь—одинъ изъ членовъ рюрикова дома—долженъ былъ управлять землею, судить и защищать ее отъ враговъ. За это земщина обязывалась повиноваться справедливымъ требованіямъ княжеской власти, доставлять князю войско и содержать князя и его дружину [2]). Такъ призваніе князей не убило на Руси самостоятельности общины, вѣча, которое съ этого времени встрѣчается на всемъ пространствѣ княжеской Руси, хотя и не съ одинаковымъ политическимъ значеніемъ [3]).

Благодаря такому характеру взаимныхъ отношеній земщины и князя, на Руси не могло образоваться ни феодальнаго порядка, ни замкнутаго дружиннаго сословія [4]). До призванія князей древняя Русь не знала сословныхъ раздѣленій общества: все населеніе городовъ дѣлилось на лучшихъ, старѣйшихъ людей (бояръ) и младшихъ (купцовъ и чернь) [5]). Такой характеръ кореннаго населенія городовъ мало измѣнился съ пришествіемъ на Русь варяговъ. Дружинники, пришедшіе съ княземъ на Русь, не могли имѣть значенія дружинниковъ западныхъ: они не могли явиться для того, чтобы дѣлить землю, ими незавоеванную; они явились лишь затѣмъ, чтобы служить князю извѣстнаго племени, извѣстной страны [6]). Дружина князя состояла изъ свободныхъ людей, для которыхъ война была главнымъ занятіемъ и которые презирали земледѣліе и ремесла, предпочитали имъ жизнь, исполненную безпрерывныхъ тревогъ и опасностей [7]). Дружина по

1) Соловьевъ: „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, Москва, 1866, 4 изд., I т., 244 с. 2) Загоскинъ, 14—15 с., Яблочковъ, 12 с. 3) Сергѣевичъ: „Вѣче и князь“, Москва, 1867, 1-я глава. 4—5) Бѣляевъ, Лекціи etc., 51 и 45—48 с., Загоскинъ, 15—17 с. 6) Соловьевъ: „Исторія Россіи“, I т., 244 с. 7) С.-Петровскій: „О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго“, Москва, 1875, 5 стр.

своей волѣ вступала на службу къ князю, ожидая отъ нея только своихъ личныхъ выгодъ. Составъ дружины пополнялся постоянно новыми варяжскими выходцами. Такъ Игорь предъ вторымъ походомъ на Царьградъ „посла по варязи мнози за море“ [1]). Дружина Аскольда и Дира сама оставляетъ вмѣстѣ съ ними Рюрика и уходитъ на югъ, гдѣ Аскольдъ и Диръ дѣлаются кіевскими князьями. Дружинники ничѣмъ не были связаны съ князьями, имѣли полное право во всякое время оставить службу у одного князя, „отъѣхать“ отъ него къ другому или избрать какое-либо другое занятіе [2]). Князья, сознавая всю необходимость пріобрѣсти твердую точку опоры для своей власти въ чужой странѣ, стремятся къ тому, чтобы привлечь въ свою службу лучшихъ дружинниковъ, угождаютъ имъ всячески и выполняютъ даже ихъ прихоти. Такъ Владиміръ Святой „устави по вся недѣли пиръ творити и приходити боляромъ... и нарочитымъ мужемъ при князѣ и безъ князя“. Когда же дружина возроптала на то, что она ѣстъ деревянными ложками, Владиміръ приказалъ сдѣлать для нея серебряныя, говоря: „яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиной налѣзу сребро и злато“ [3]). Лѣтописецъ хвалитъ Владиміра за то, что онъ любитъ дружину [4]). Проводя все время въ походахъ, дружина не заботилась о пріобрѣтеніи поземельной собственности на Руси, которая оставалась въ рукахъ земскихъ бояръ. Дружинники жили на княжескихъ земляхъ или княжескихъ дворахъ въ особыхъ помѣщеніяхъ (дѣтинцахъ, кремляхъ), не сливаясь съ земскими людьми [5]). Впрочемъ, дружина уже при первыхъ варяжскихъ князьяхъ владѣла

1, 3 и 4) Полн. Собр. Рус. Лѣтописей, I т., 19 и 54 с. 2) П. С. Р. Л., см. года: 1146, 1154, 1169, 1171, 1172 и др., Бѣляевъ: „Разсказы изъ русской исторіи“, Москва, 1865—1872, 2-е изд., I ч., 55 с., Яблочковъ, 19 с., Загоскинъ, 12 с., Порай-Кошицъ: „Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX и до конца XVIII вѣка“, Спб. 1874, 4 с. 5) Бѣляевъ, Лекціи, 37 с., Разсказы, ibidem,

домами, селами, челядью, конями, золотомъ и серебромъ [1]). Вполнѣ независимое отъ земщины и князя, положеніе дружины должно было усилиться и окрѣпнуть съ развитіемъ удѣльно-вѣчевой системы съ *Ярослава I* (1016—1054), когда по всей Руси развѣтвляется одинъ княжескій родъ, члены котораго призываются на княженіе отдѣльными волостями (городами) [2]). На Руси теперь образуется цѣлый рядъ независимыхъ другъ отъ другъ княжествъ, и для дружинника является полная возможность выбора службы при томъ или другомъ князѣ. Дружина сдѣлалась безусловно необходимой для удѣльнаго князя, который только съ ней могъ добывать себѣ княжескій столъ и опираться на нее же при безпрерывныхъ раздорахъ и усобицахъ между всѣми удѣльными князьями. Дружина раздѣляетъ судьбу своего князя, неразлучна съ нимъ, сопровождаетъ князя при всѣхъ походахъ, принимаетъ участіе во всѣхъ событіяхъ жизни князя [3]). Лѣтописи полны указаніями на такія близкія и неразрывныя сношенія дружины съ княземъ. Великій князь кіевскій Изяславъ часто „сѣдящу на сѣнехъ съ дружиной своей" [4]). Дружина съ княземъ Глѣбомъ, „иде и сташа у епископа" въ то время, когда „люди вси идоша за волхва (1071)" [5]). По смерти сына Ярослава (1078 г.), Изяслава, Ярополкъ, „идяще по немъ, плача съ дружиною своей" [6]). Кіевскій князь Всеволодъ приходитъ на свадьбу Рогвольда Борисовича „со всѣми боляры" [7]). Ростиславъ Георгіевичъ идетъ (1147 г.) съ своей дружиной на помощь Ольговичамъ противъ Изяслава Мстиславича [8]). Черниговскій князь Святославъ, напавши на Ярослава Изяславича кіевскаго (1175 г.), „дружину его изима, а князь Ярославъ утече" [9]). Кочевый образъ жизни, который понеобходимости вели удѣльные князья при постоянныхъ пере-

---

1) П. С. Р. Л., I т, 1146, 1150, 1159, 1186 г. и др. 2) П. С. Р. Л., 63, 98, 103, 136, 141, 148 с. и др. 3) Загоскинъ, 29—32 с. 4—9) П. С. Р. Л., I т., 73, 77, 86, 135, 138, 156 стр.

ходахъ ихъ съ дружиной съ одного мѣста на другое и общее стремленіе князей добиться старшаго на Руси великокняжескаго стола—кіевскаго княженія дѣлали невозможнымъ прикрѣпленіе дружинниковъ къ извѣстному, опредѣленному мѣсту, пріобрѣтеніе ими постоянной осѣдлости, поземельной собственности. Дружинникъ долженъ былъ или слѣдовать за своимъ княземъ съ одного мѣста на другое, или же, оставаясь на мѣстѣ въ то время, какъ его князь уходилъ на другое княженіе, рисковалъ лишиться всего своего имущества, которое захватывалъ новый князь съ его дружиной. Такъ, напр., Всеволодъ Ольговичъ, выгнавъ (въ 1127 г.) своего дядю (стрыя) Ярослава изъ Чернигова, „и дружину его исѣче и разграби". Изяславъ Давыдовичъ, подступая съ своимъ братомъ Владиміромъ и венграми къ Кіеву (1150 г.), „рече дружинѣ своей: „вы есте по мнѣ изъ русскія земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизній (животовъ) лишився"... и даетъ ей обѣщаніе: „либо голову свою сложу, паки ли отчину свою налѣзу и вашу всю жизнь" [1]). При каждой перемѣнѣ князя дружина боялась лишиться своего прежняго вліянія и потому спѣшила перейти къ болѣе сильному. Такъ князь Игорь, посаженный въ Кіевѣ братомъ Всеволодомъ (1146 г.), спѣшитъ послѣ его смерти заручиться союзомъ съ главными боярами Всеволода: „Игорь же, позва Глѣба и Ивана Войтишича и Лазаря Саковскаго, и рече имъ: „како еста были у брата моего, такоже будете и у мене". Но эти бояре уже передались Изяславу, который и сталъ кіевскимъ княземъ [2]). Но если дружинники не сопровождали своего князя, а оставались на старомъ мѣстѣ, желая служить новому князю, послѣдній признавалъ за ними первенствующее значеніе по сравненію съ своей дружиной. Поэтому лѣтописецъ осуждаетъ князей, которые отдаютъ предпочтеніе своей дружинѣ предъ

1—2) П. С. Р. Л., II т. (Ипатьевская лѣтопись), 54 и 23 с.

старыми дружинниками. Такъ онъ порицаетъ (1093 г.) сына Ярослава, Всеволода за то, что онъ „нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ створя съ ними“. Оттого „нача завидѣти и негодовати дружины своея первыя и людямъ не доходити княжіе правды“ [1]). Напротивъ, лѣтописецъ хвалитъ тѣхъ князей, которые были хороши съ своей дружиной, старались угодить ей всѣми силами, любили дружинниковъ, какъ своихъ вѣрныхъ и незамѣнимыхъ друзей, какими они были и на самомъ дѣлѣ для удѣльныхъ русскихъ князей. Такую похвалу за любовь къ своей дружинѣ лѣтописецъ высказываетъ о Владимірѣ Святомъ [2]). Мстиславъ Владиміровичъ, „любяще дружину повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше“ [3]). Святославъ Ростиславовичъ „имаше дружину и имѣнья не щадяше, не сбираше злата и сребра, но даваше дружинѣ“ [4]). Новгородскій князь, Мстиславъ Ростиславовичъ „бѣ бо любезнивъ на дружину и имѣнья не щадящеть и не сбирашеть злата ни сребра, но даяше дружинѣ своей“ [5]). Также и Давидъ Ростиславичъ „злата и сребра не сбираетъ, но даетъ дружинѣ, бѣ бо любя дружину“ [6]). Убитый татарами въ 1237 г., князь Василько Константиновичъ „былъ до бояръ ласковъ; никтоже бо отъ бояръ, кто ему служилъ и хлѣба его ѣлъ, и чашу пилъ, и дары ималъ, тотъ никакоже у иного князя можаше быти за любовь его; излише же слуги свои любяше“ [7]).

При такихъ тѣсныхъ и неразрывныхъ отношеніяхъ дружины съ княземъ являлось естественнымъ, что дружина раздѣляла труды князя по управленію. Князь назначалъ изъ числа лучшихъ дружинниковъ посадниковъ въ города [8]) и раздавалъ имъ въ управленіе волости съ правомъ пользоваться доходами съ нихъ, чѣмъ еще болѣе закрѣплялась взаимная связь князя съ дружиной. Русскій князь ходилъ съ

1, 2, 3 и 7) П. С. Р. Л., I т. (Лавр. л.), 93, 54, 199 и 65 с. 4—6) П. С. Р. Л., II, 102, 121 и 151 с. 8) П. С. Р. Л., I, 9, 10 и 34 с.

своей дружиной въ извѣстное время въ *полюдье*, объѣзжалъ съ ней всю свою волость, „вершилъ въ ней дѣла судныя и бралъ дары“ [1]). Старшіе друженники были предводителями войскъ: Свѣнельдъ при Игорѣ, Олегѣ, Святославѣ и Ярополкѣ [2]), Волчій Хвостъ при Владимірѣ [3]); они же воспитывали малолѣтнихъ князей. Такъ напр., Асмульдъ былъ „кормильцемъ“ Святослава [4]), Добрыня—Владиміра [5]), Будый—Ярослава [6]). Далѣе, старшіе же дружинники отправляли посольства [7]). Они занимали первое мѣсто въ дружинѣ князя, которая раздѣлялась на старшую и младшую дружину. Старшіе дружинники назывались еще княжими мужами, просто мужами и боярами [8]). Младшая дружина носила названіе отроковъ (дѣтскихъ) [9]). Бояре сами имѣли свою дружину: Свѣнельдъ у Игоря, Янъ Вышатичъ у Святослава Ярославича [10]). Изъ среды бояръ, въ свою очередь, выдѣляются наиболѣе лучшіе, богатые и знатные; они называются большими боярами, мужами великими, нарочитыми. Владиміръ угощаетъ нарочитыхъ мужей [11]). Въ Софійской лѣтописи говорится, что когда князь Ярославъ, разгнѣвавшись на новгородцевъ за то, что они желали лишить волостей Жирослава Давыдовича, Михаила Мишанича и Олферія Сбыславича, хотѣлъ уѣхать изъ города, „новгородцы же послаша за княземъ владыку *съ большими бояры* съ челобитьемъ и воротиша князя Ярослава съ Броннича“ [12]). Въ Воскресенской лѣтописи послѣ поименнаго перечисленія убитыхъ на Мамаевомъ побоищѣ князей и лучшихъ бояръ сказано: „здѣсь же не всѣхъ писахъ избіенныхъ имена, токмо князи и *бояри нарочитіи*, а прочихъ бояръ и слугъ остави имена“ [13]). Старшіе дружинники были

---

1) Соловьевъ, I, 240—241 с. 2—6) П. С. Р. Л., 24 и 31, 36, 24, 29, 62 с. 7) П. С. Р. Л, I, 16, 24 и 31 с. 8) П. С. Р. Л., I, года: 1093, 1136, 1146, 1147, 1149, 1150, 1169, 1173, 1177, 1179, 1180, 1197. 9) П. С. Р. Л., II, 97 с., 10) Загоскинъ, 50 с., 11—13) П. С. Р. Л., I, 54, V т., I, 195 с., VIII, 40 стр.

названы еще князьями и свѣтлыми боярами въ договорахъ Олега и Игоря съ греками [1]). Званіе боярина не было наслѣдственнымъ, но князь не могъ и лишать боярскаго сана того, кто имѣлъ его. Такъ, когда старшая дружина отказалась ѣхать съ Владиміромъ Мстиславичемъ въ походъ на его племянника, Мстислава Изяславича, князя кіевскаго, Владиміръ могъ только, взглянувъ на дѣтскихъ, сказать: „а се будутъ мои бояре“ [2]). Княжескіе мужи и бояре пользовались при князѣ независимымъ положеніемъ, были силой, съ которой поневолѣ приходилось считаться всѣмъ удѣльнымъ князьямъ [3]). Въ кіевской Руси дружина имѣла рѣшительное значеніе съ конца IX и по вторую половину XII столѣтія [4]). Дружинникамъ принадлежало неотъемлемое право „отъѣзда“ [5]) отъ одного князя къ другому, которое включалось въ договоры удѣльныхъ князей между собою [6]) и впослѣдствіи (въ московскій періодъ) выражалось въ нихъ обычной формулой: „а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“ [7]). Старшіе дружинники были посредниками между князьями и скрѣпляли своею клятвою договоры между ними. Такъ при заключеніи союза между Изяславомъ и Вячеславомъ (въ 1150 г.), изъ которыхъ первый долженъ былъ признавать послѣдняго вмѣсто отца, „на томъ же и мужи его цѣловаша крестъ, яко между ими добра хотѣти и чести его стеречи, а не сваживати его“ [8]). Дружинники принимали даже участіе въ судѣ надъ князьями, откуда произошло право суда ихъ надъ князьями, которое въ московскомъ періодѣ постоянно включалось въ договорныя грамоты московскихъ великихъ князей съ удѣльными князьями до конца XV вѣка [9]). Такъ Свято-

1—2) П. С. Р. Л., I, 13, 19, 20 и 31 с., II т., 97 с. 3) Сергѣевичъ: „Лекціи по исторіи русскаго права“, 2 изд., Спб., 1890, 379—380 с. 4) Бѣловъ: „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII в.“, Ж. М. Н. П., 1886, I кн., 75 с. 5) Бестужевъ-Рюминъ: „Русская исторія“, I т., 208 с., Соловьевъ: „Исторія Россіи“, III, 17 с. 6) Соловьевъ, ibidem. 7 и 9) См. ниже. 8) П. С. Р. Л., II, 50 с.

полкъ и Владиміръ Мономахъ, желая примириться съ Олегомъ черниговскимъ, послали сказать ему (1096 г.): „пойде къ Кіеву, да порядъ положимъ о русстѣ землѣ предъ епископы и предъ игумены, и *предъ мужи отецъ нашихъ*, и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили русскую землю отъ поганыхъ". Когда же Олегъ, послушавъ злыхъ совѣтниковъ, не захотѣлъ идти къ своимъ братьямъ, говоря; „нѣсте мене лѣпо судити, епископу, ли игумномъ, ли смердомъ", тѣ пошли къ Чернигову и заставили Олега дать обѣщаніе придти въ Кіевъ и „положити порядъ"[1]). На княжескомъ съѣздѣ въ Увѣтичахъ (1100 г.) князья: Святополкъ, Владиміръ, Давыдъ и Олегъ Святославичи судили Давыда Игоревича, по проискамъ котораго былъ ослѣпленъ Василько Ростиславичъ, и въ этомъ судѣ надъ нимъ принимали участіе мужи каждаго изъ князей—судей: Путята—Святополка, Орогастъ и Ратиборъ—Владиміра и Торчинъ—Давыда и Олега[2]). Обо всемъ, что ни задумывалъ князь, онъ долженъ былъ повѣдать своимъ старшимъ дружинникамъ; бояръ надо было убѣждать въ томъ, чтобы они согласились съ планами князя. Такъ, когда Владиміръ Мономахъ задумалъ вмѣстѣ съ Святополкомъ отправиться въ походъ „на поганыхъ" (половцевъ) и братья собрались вмѣстѣ съ своими дружинами для совѣщанія, Владиміръ долженъ былъ доказывать дружинѣ Святополка необходимость этого похода, который состоялся только тогда, когда вся его дружина согласилась съ нимъ[3]). Если старшей дружинѣ не нравилось предложеніе князя, она отказывалась идти за княземъ, который терпѣлъ отъ этого неудачу. Когда Владиміръ Мстиславовичъ задумалъ напасть на Мстислава Изяславовича, „рекоша ему дружина его: „о собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали", и не поѣхала съ княземъ, который отправился къ союзникамъ

---

1) П. С. Р. Л., I, 98 с. 2—3) П. С. Р. Л., I, 116, 118 и II, 1 с.

берендичамъ только съ своими „дѣтскими“. Но берендичи, увидя его безъ старшей дружины (мужей), сочли Владиміра за обманщика и „начаша пускати стрѣлы и удариша князя двѣма стрѣлами“ [1]).

Право совѣщанія съ княземъ старшей дружины, бояръ, ихъ участія въ управленіи государствомъ было важнѣйшимъ и неотъемлемымъ ихъ правомъ не только въ кіевской Руси, но долго и въ теченіе московскаго періода (до Іоанна Грознаго) [2]). Участіе дружины въ княжескомъ совѣтѣ и управленіи было оффиціально признано въ договорахъ съ греками первыхъ русскихъ князей Олега, Игоря и Святослава [3]). Совѣщанія князя съ дружиной по всѣмъ дѣламъ управленія считаются въ первую половину удѣльно-вѣчеваго періода (до основанія московскаго княжества) вполнѣ необходимыми для князя. Лѣтописецъ хвалитъ Владиміра Святого за то, что онъ думалъ съ дружиной „о строѣ земленѣмъ, о ратехъ и уставѣ землянѣмъ“ [4]). Такія же похвалы высказываются лѣтописцемъ и Всеволоду, кіевскому князю [5]), Мстиславу Ростиславичу новгородскому [6])и др.. Наоборотъ, князья, уклоняющіеся отъ совѣта съ дружиной, порицаются лѣтописцемъ. Такъ галицкій князь, Владиміръ былъ, по словамъ лѣтописца, изгнанъ изъ Галича боярами (1188 г.) за то, что „онъ думы не любяшеть съ мужьми своими“ [7]). Впрочемъ, обыкновенно сами князья, опиравшіеся на дружину, считали необходимымъ совѣтоваться съ своими боярами, которые называются поэтому „думцами“ князя. Князья цѣнили мудрыхъ совѣтниковъ, отъ которыхъ зависѣлъ успѣхъ всѣхъ ихъ предпріятій. „Думцамъ“

---

1) П. С. Р. Л., II, 97 с. 2) Соловьевъ, II, 243—248, Ш, 18 с., Сергѣевичъ: „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“, 1883, Спб., 380—382 с., Д. Иловайскій: „Исторія Россіи“, Москва, 1880, II т., 299 с., Б.-Рюминъ, ibid., Загоскинъ, 20, 28 и 32 с., „Боярская дума“, Казань, 1879, 7 с., В.-Будановъ, 44 с., см. его же рецензію на соч. Ключевскаго, „Сборн. госуд. знаній“, VIII т., 118—119 с., Бѣляевъ, 41—42 с., Яблочковъ, 24 с и сл., Порай-Кошицъ, 3 с., 3—5) Лавр. лѣт., 13, 19, 20 и 31, 54, 93 с. 6—7) Ипат. лѣт., 120, 136 с.

князей приписываются самимъ обществомъ въ древней Руси всѣ хорошія и дурныя стороны въ ихъ дѣятельности, направленіе которой зависѣло отъ вліянія на князя его бояръ. „Князь не самъ впадаетъ во многія злыя вещи, говорится въ словѣ Даніила Заточника, но думцы вводятъ: за добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ“ 1). Въ виду такого важнаго значенія совѣщаній князя съ боярами для правильнаго хода управленія становится понятнымъ, почему лѣтописецъ всегда отмѣчаетъ случаи совѣщаній и участія бояръ вмѣстѣ съ княземъ въ дѣлахъ управленія: безъ этого участія не обходится почти ни одинъ шагъ въ дѣятельности удѣльнаго русскаго князя, какъ это доказывается неоспоримо лѣтописями. Такъ во время войны Игоря съ греками (946 г.), когда византійскій императоръ, Романъ предложилъ ему прекратить войну подъ условіемъ уплаты греками русскимъ дани, „Игорь же, дошедъ Дуная, созва дружину и нача думати, повѣда имъ рѣчь цареву“. Когда же дружина посовѣтовала князю принять предложеніе императора, „послуша ихъ Игорь“, добавляетъ лѣтописецъ 2). Игорь, какъ и ранѣе Олегъ, заключалъ договоры съ греками отъ своего имени и отъ имени, „свѣтлыхъ бояръ, иже суть подъ рукой великаго князя русскаго“ 3). По совѣту дружины Игорь отправляется въ походъ противъ древлянъ, гдѣ и погибаетъ: „рекоша дружина Игорева: отроци свѣнельжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази, поиде, княже, съ нами въ дань, да и ты добудешь и мы. Послуша ихъ Игорь“ 4). Когда императоръ Романъ прислалъ подарки Святославу, стоявшему съ войскомъ подъ стѣнами Царьграда, и выразилъ желаніе заключить съ нимъ миръ, „Святославъ прія дары и нача думати съ дружиной своею“, предлагая ей заключить съ гре-

---

1) Бѣляевъ, „Лекціи по исторіи русскаго законодательства“, 128 стр.
2—4) П. С. Р. Л., I т., 19, 13 и 20 и 23 с.

ками миръ. „Люба бысть рѣчь его дружинѣ и послаша лѣпшѣ мужи ко цареви“. Миръ былъ заключенъ отъ имени князя и бояръ, которые поклялись хранить его [1]). Святославъ сильно дорожилъ мнѣніемъ своей дружины. Когда Ольга убѣждала Святослава принять крещеніе, „онъ же не внимаше того, глаголя: „како азъ хочю инъ законъ пріяти единъ, а дружина сему смѣятися начнуть“ [2]). Сынъ Святослава, Ярополкъ по совѣту своего дружинника, Свѣнельда напалъ на своего брата, Олега, князя древлянскаго, который убилъ на охотѣ сына Свѣнельда. Когда, въ свою очередь, самъ Олегъ былъ убитъ въ битвѣ съ Ярополкомъ, послѣдній „надъ нимъ плакася и рече Свѣнельду: „виждь сего, еже еси хотѣлъ“ [3]). Мы уже знаемъ, что Владиміръ Святой „думалъ“ съ дружиной о разныхъ предметахъ управленія. По совѣту старцевъ и бояръ Владиміръ приказалъ взять сына варяга—христіанина для принесенія въ жертву языческимъ богамъ [4]). Когда Владиміръ рѣшился оставить языческую вѣру, „созва боляры свои и старцы градскіе“ и по ихъ совѣту послалъ „добрыхъ и смысленныхъ мужей“ для испытанія вѣры у различныхъ народовъ: магометанъ, нѣмцевъ, евреевъ и грековъ. Возвратившееся посольство было выслушано Владиміромъ вмѣстѣ съ дружиною и по совѣту бояръ было имъ рѣшено принять „законъ греческій“ [5]). Владиміръ созываетъ бояръ для того, чтобы сообщить имъ о покушеніи на его жизнь Рогнѣды и по ихъ совѣту отдаетъ ей вмѣстѣ съ сыномъ въ отчину городъ Изяславль [6]). По смерти Владиміра его дружина, бояре, старые думцы желали имѣть кіевскимъ княземъ младшаго его сына Бориса, потому что онъ привыкъ быть постоянно съ ними и думать обо всемъ съ боярами, между тѣмъ какъ старшій сынъ Владиміра, Святополкъ (Окаянный) любилъ „пить вино съ гусльми и младыми совѣтни-

---

1—6) П. С. Р. Л., I т., стр.: 30—31, 27, 32—33, 35, 45—46 и 131 стр.

ки"[1]). Ко времени Ярослава и его сыновей относится появленіе извѣстнаго древне-русскаго законодательнаго памятника „Русской Правды", въ составленіи которой участвовали на ряду съ князьями и ихъ старшіе дружинники. „Правда уставлена русской земли, говорится въ 17 статьѣ Русской Правды, (академическомъ спискѣ), егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ (князья), Коснячко, Перенѣгъ, Микифоръ Кіянинъ, Чудинъ, Микула" (бояре)[2]). Во 2 ст. Русской Правды (троицкомъ спискѣ) сказано: „по Ярославѣ же паки совкупивше ся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ, отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати"[3]). Русская Правда опредѣляетъ за убійство княжа мужа или огнищанина такой высшій размѣръ виры (80 гривенъ), какой платится и при убіеніи княжескаго тивуна и—конюшаго[4]). Русская Правда не говоритъ прямо о боярахъ, но въ ней упоминается о боярскихъ тіунахъ, холопахъ и боярской дружинѣ[5]). Значитъ, бояре были люди богатые и знатные.

Послѣ Ярослава I удѣльная система владѣнія русской землею однимъ княжескимъ родомъ развивается въ полной силѣ, а вмѣстѣ съ нею увеличивается и сила дружины при князьяхъ и въ управленіи. Князья съ ея помощью подъискиваютъ себѣ столы и совѣщаются съ нею обо всѣхъ дѣлахъ. Такъ одинъ изъ Ярославичей, кіевскій князь Всеволодъ (†1093) любилъ совѣтоваться съ дружиной, приведен-

1) Лавр. лѣт., 57, 60 с., Соловьевъ: „Исторія Россіи", I т., 213—214 с. 2) H. Jireček: „Swod zakonuv slowanskych", 1880, 14 с. 3) Jireček, ibidem, 17 с. Въ 48 ст. троицкаго списка Русской Правды говорится, что внукъ Ярослава, „Владиміръ Всеволодовичъ, по Святополкѣ, созва дружину свою на Берестовѣмь: Ратибора, кіевскаго тысяцкаго, Прокопья, бѣлгородскаго тысяцкаго, Станислава, переяславскаго тысяцкаго, Нажира, Мирослава, Ивана Чудиновича, Ольгова мужа и уставили до третьяго рѣза" (Jireček, 23 стр.). 4 и 5) 18 и 21 ст. акад. списка и 3 и 10 ст. троицкаго списка Русской Правды" (Jireček, 14, 17—18 с.).

ной имъ изъ Чернигова, а не съ старыми кіевскими боярами [1]). Святополкъ Изяславовичъ, занявшій кіевскій престолъ послѣ Всеволода, при безпрерывныхъ войнахъ съ половцами, „сдумавъ не съ большею дружиною отчею и строя своего, а съ пришедшими съ нимъ“ [2]),—дружиной, приведенной имъ въ Кіевъ изъ Новгорода. По совѣту „мужей смысленіихъ“ Святополкъ приглашаетъ братьевъ: Владиміра Мономаха, (черниговскаго князя) и Ростислава (переяславскаго) для нападенія на половцевъ. При нападеніи на нихъ при р. Стугнѣ братья, „созваша дружину свою на совѣтъ и начаша думати“ [3]). Предъ походомъ на половцевъ (1103 г.) Владиміра съ Святополкомъ дружина послѣдняго не хотѣла идти съ князьями, указывая на то, что война весною можетъ „погубити смерды и ролью ихъ“. Но когда Владиміръ сталъ говорить, что половцы погубятъ не только пашню, но и самихъ крестьянъ вмѣстѣ съ ихъ семьями, „не могоша отвѣщати дружина Святополка“ [4]). Въ своемъ поученіи дѣтямъ Владиміръ Мономахъ совѣтъ съ дружиной о дѣлахъ правленія считаетъ необходимымъ, ежедневнымъ занятіемъ князя, который долженъ утромъ „сѣдше думати съ дружиной“ [5]). Когда Всеволодъ Ольговичъ предложилъ переяславскому князю Андрею (Мономаховичу) вмѣсто Переяславля курское княженіе, тотъ „сдумавъ съ дружиной, тако рѣче: лѣплѣе ми того смерть, а съ своей дружиной на своей вотчинѣ и дѣдинѣ, нежели курское княженіе“ [6]). Старшій изъ Мономаховичей, Вячеславъ, послушавъ бояръ своихъ, „отъя опять городы, иже бяше отъ него Всеволодъ отъялъ“ [7]). Святославъ Ольговичъ въ долгой распрѣ съ своими двоюродными братьями Ольговичами часто совѣщался съ своими боярами [8]). Ростиславъ Юрьевичъ, суздальскій князь, посланный отцемъ своимъ, ростовскимъ княземъ (Мономаховичемъ) на помощь Ольгови-

---

1—3) П. С. Р. Л., 93, 93—94 с. 4) Лавр., 118 с., Ипат., 1 с., 5) Лавр, 103 с. 6) Лавр., 134 с. 7) Лавр., 136 с., Ипат., 25 с. 8) Ипат., 26—27 с.

чамъ противъ Изяслава Мстиславича кіевскаго, „сдумавъ съ дружиной своей, река: любо си ся на мя отцу гнѣвати, не иду къ ворогамъ своимъ... но поидемъ, дружина моя, къ Изяславу... и послася къ Изяславу“ [1]). По совѣту нѣкоторыхъ мужей своихъ Изяславъ отнялъ у Ростислава все его имѣніе и дружину и отослалъ его къ отцу [2]). Изяславъ, замышляя походъ съ Давыдовичами, Владиміромъ и Изяславомъ, и Святославомъ Всеволодовичемъ на Юрія ростовскаго и Святослава Ольговича, „созва бояры своя и всю дружину свою“ [3]). Въ своей упорной борьбѣ съ Юріемъ Изяславъ не разъ созывалъ на совѣтъ своихъ бояръ [4]). Когда Юрій хотѣлъ уступить Кіевъ старшему дядѣ Изяслава, Вячеславу, „бояре размолвиша Дюргя, рекуче: брату твоему не удержать Кіева; да не будетъ его ни тебѣ, ни оному. Дюргеви же послушавше бояръ“ [5]). Когда послѣ смерти Изяслава, который отбился отъ Юрія и княжилъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ дядей, Вячеславомъ, туда прибылъ Изяславъ Давыдовичъ, черниговскій князь и родственникъ Ольговичей, Вячеславъ, „сдумавъ съ Мстиславомъ Изяславичемъ и съ мужьями, не пусти его въ Кіевъ“ [6]). Преемникъ и племянникъ Вячеслава, Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій совѣтовался съ боярами относительно предполагаемаго похода на Изяслава Черниговскаго [7]). Юрій, выгнавши Ростислава изъ Кіева, пожелалъ добыть для своего племянника, Владиміра Андреевича г. Владиміръ (Волынскій), гдѣ княжилъ Мстиславъ Изяславичъ; когда же осада города не удалась, „Дюрги, сдумавъ съ дѣтьми своими и съ мужи своими, возвратился въ Кіевъ“ [8]). Изяславъ Давыдовичъ, „взборзѣ сгадавъ съ дружиною, поима ратники своя и поѣха изъѣздомъ къ Чернигову“ [9]). Когда открылся ложный навѣтъ двухъ бояръ Бориславичей, Петра и Нестора, на Мстислава Изяславича, что онъ хочетъ схва-

1—2) Лавр. 138 и 139 с. 3—9) Ипат., 31, 43—44, и 54—55 48, 74, 76, 80 и 87 стр.

тить Давыда и брата его, Рюрика, Мстиславъ „ужасеся мыслею и яви дружинѣ своей“, которая успокоила князя, говоря: „ты всякъ правъ предъ Богомъ и предъ людьми: *тебѣ безъ насъ того нельзя было замыслити, ни сотворити*“ [1]). Мы уже знаемъ сходный отвѣтъ дружины Владиміра Мстиславича, когда онъ вздумалъ было идти съ берендичами на своего племянника, Мстислава Волынскаго, занявшаго кіевскій престолъ послѣ смерти Ростислава Мстиславича (1168): *о собѣ еси, княже, замыслилъ*, говорила Владиміру Мстиславичу его дружина, *а не ѣдемъ по тебѣ, мы того не вѣдали*. Походъ Владиміра, предпринятый безъ старшей дружины, съ одними дѣтскими, не удался: берендичи, увидавъ его безъ бояръ, упрекнули его въ обманѣ и даже напали на него [2]). Ростовскій князь, Мстиславъ Ростиславичъ, по словамъ лѣтописца, „всегда бо на великія дѣла тѣсняся, размышливая съ мужи своими“. По совѣту своей дружины Мстиславъ принялъ предложеніе новгородцевъ княжить у нихъ [3]). Рюрикъ Ростиславовичъ совѣщался съ дружиной предъ походомъ и во время самого похода на половцевъ и послѣ жестокой битвы съ ними русскихъ сожалѣлъ о потерѣ „бояръ думающихъ“ [4]). Тотъ же Рюрикъ, сдѣлавшись кіевскимъ княземъ послѣ смерти Святослава Всеволодовича (въ 1194), „нача думати съ мужи своими, како бы дати волость Всеволоду“, суздальскому князю, потребовавшему отъ Рюрика своей части въ русской землѣ. „Сдумавъ съ братьею и съ мужьми своими“, Рюрикъ отдалъ Всеволоду все Поросье, которое ранѣе находилось во владѣніи зятя Рюрика, Романа Волынскаго [5]). Въ возгорѣвшейся вслѣдствіе такого поступка Рю-

1) Ипат., 99 с. 2) Ипат., 97 с. Такъ прочно жило тогда на Руси убѣжденіе, что только такой „князь законный, который былъ окруженъ своими боярами и безъ которыхъ онъ былъ авантюристомъ въ глазахъ варваровъ, знакомыхъ съ порядками на Руси“ (В.-Будановъ, Рецензія на сочин. о Боярской Думѣ Ключевскаго и Загоскина, см. Сб. Гос. Знаній, Безобразова, VIII т., 120 с. 3—4) Ипат., 120, 129—131 с. 5) Ипат., 144—145 с., Соловьевъ, II, 291—292 с.

рика съ Романомъ враждѣ между ними дружина обоихъ князей принимаетъ самое дѣятельное участіе: оба они предпринимаютъ другъ противъ друга походы послѣ думы съ своими мужами [1]).

Бояре играли видную роль въ исторіи ростовскаго княженія, гдѣ въ концѣ XII ст. образовалось два старшихъ города: Ростовъ и Суздаль съ пригородомъ Владиміромъ. Бояре принимали участіе въ упорной борьбѣ старыхъ городовъ съ пригородами, отстаивая права первыхъ на исключительное преобладаніе въ ростовской землѣ. Лѣтописецъ, упомянувши объ обычаѣ Новгородцевъ, Смольнянъ, Кіевлянъ и Полочанъ сходиться на вѣче, гдѣ „на чтоже старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и пригороди станутъ", продолжаетъ: „а здѣ городъ старый Ростовъ и Суздаль и вси боляре, хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды божія, но како намъ любо рекоша, такоже створимъ, Володимерь есть пригородъ нашъ" [2]). Князь Юрій Долгорукій предпочитаетъ Ростову, гдѣ было много сильныхъ бояръ, стремившихся управлять всѣми дѣлами, Суздаль, который поэтому сдѣлался стольнымъ городомъ ростовской волости [3]). Все-таки, Юрій слушался бояръ въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ [4]). Бояре погубили сына Юрія, Андрея Боголюбскаго († 1175 г.), котораго они ненавидѣли за презрѣніе къ нимъ князя и его явное стремленіе къ ограниченію власти бояръ и развитію на сѣверѣ Руси монархической власти: Андрей „хотя самовластецъ быти всей суздальской земли" [5]). Послѣ смерти Андрея ростовцы, суздальцы и переяславцы съѣхались въ Владимірѣ и избрали здѣсь княземъ ростовской земли не сыновей и не братьевъ умершаго, а пригласили на княженіе

---

1) Ипат., 145—146 с. 2) Лавр., 160 с. 3) Сергѣевичъ: „Русскія юридическія древности", т. I, Спб., 1880, 18 и 20 с. 4) Лавр., 141 и 146 с. 5) Ипат., 91, 111—114 с., Соловьевъ, II, 260 и сл., 266 с., Сергѣевичъ: „Русскія юридическія древности", 20—21 с., Бѣловъ, 81 с., Костомаровъ: „Русская Исторія", Спб., 1873, I т., 89 с., Загоскинъ: „Очеркъ организаціи и происхожденія служилаго сословія", 33 с.

подъ предлогомъ опасности отъ сосѣднихъ рязанскихъ князей внуковъ Юрія, двухъ Мстиславичей, Мстислава и Ярополка. Первый „былъ посаженъ боярами съ радостью великой“ въ Ростовѣ, а второй—въ Владимірѣ [1]). Но жители Владиміра скоро стали высказывать неудовольствіе по поводу дѣятельности молодаго князя: „а сама князья молода бяста, слушаста бояръ, а боляре учахуть я на многое иманіе“. Владимірцы послали къ ростовцамъ и суздальцамъ, „являюще имъ обиду свою. Они же словомъ суще по нихъ, а дѣломъ суще далече, а бояре князю тою крѣпко держахуся“ [2]): Ростиславичи слушались во всемъ своихъ бояръ [3]). Тогда Владимірцы рѣшились сами призвать Михалку Юрьевича, дядю Ростиславичей, который пришелъ было вмѣстѣ съ своимъ братомъ Всеволодомъ въ ростовскую волость по приглашенію Ростиславичей, но былъ прогнанъ ростовцами [4]). Когда Михалко съ братомъ и Владиміромъ Святославичемъ подошли къ Москвѣ, Мстиславъ и Ярополкъ, „сдумаста съ дружиной своей“ (то есть, боярами), не хотѣли допустить Михалка къ Владиміру. Михалко, однако, побѣдилъ Мстиславичей, которые были принуждены бѣжать изъ ростовской земли. Михалко сдѣлался владимірскимъ княземъ, а потомъ его признали своимъ княземъ ростовцы и суздальцы. Послѣдніе сваливали всю вину своего сопротивленія на бояръ: „мы, княже, говорили они Михалкѣ, на полку томъ съ Мстиславомъ не были, но были съ нимъ боляре“. Разсказывая объ этихъ событіяхъ, лѣтописецъ хвалитъ владимірцевъ за то, что они „не убояшеся князя два имуще въ власти сей, и боляръ ихъ прещенія ни вочтоже положиши“ [5]). Михалко сталъ княжить въ Владимірѣ, а брата Всеволода посадилъ въ Переяславлѣ, очевидно, опасаясь противодѣйствія себѣ въ старыхъ городахъ

1) Лавр., 158—159 с., Ипат., 116—117 с., Сергѣевичъ, ibidem, 22—23 с. 2) Лавр., 159 с., Ипат., 117 с. 3) Соловьевъ, II, 267 с., Сергѣевичъ, 25 с. 4) Лавр. и Ипат. л., ibidem. 5) Лавр., 159—160 с.

(Ростовѣ и Суздалѣ) сильной и противной обоимъ князьямъ партіи бояръ [1]). Михалко вскорѣ скончался и владимірцы призвали на его мѣсто Всеволода. Тогда ростовскіе бояре рѣшились воспользоваться случаемъ для того, чтобы заставить владимірцевъ признать старшинство Ростова. Съ этою цѣлью ростовскіе бояре „приведоша Мстислава Ростиславича изъ Новгорода, рекуще: поиде, княже къ намъ.... а мы хочемъ тебѣ, а иного не хотимъ“. Мстиславъ согласился на предложеніе ростовскихъ бояръ и немедленно выступилъ съ ними и со всею дружиной къ Владиміру. Всеволодъ, „не хотя крови прольяти“, послалъ сказать Мстиславу: „брате, оже тя привели старѣйшая дружина, а поѣди Ростову, а оттолѣ миръ възмевѣ; тобе ростовцы привели и боляре, а мене былъ съ братомъ Богъ привелъ и владимірцы, а Суздаль буди нама обче, да кого всхотятъ, то имъ буди князь“. Мстиславъ же, „послушавъ рѣчи ростовскіе и болярское, величавы будуще, молвяхуть бо ему: аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы“. Мстиславъ „слушатеть Добрыны Долгаго и Матѣяши Бутовича (двухъ главныхъ ростовскихъ бояръ)“, вступилъ въ битву съ Всеволодомъ, въ которой ростовцы были разбиты. Добрыня Долгой и другой бояринъ, Иванка Степановичъ были убиты, остальные бояре взяты въ плѣнъ (1177). Села ростовскихъ бояръ были разграблены. Мстиславъ убѣжалъ сначала въ Ростовъ, а потомъ Новгородъ, который не принялъ его. Тогда Мстиславъ отправился къ своему зятю, Глѣбу, рязанскому князю и вмѣстѣ съ нимъ выступилъ къ Владиміру. Но счастье и на этотъ разъ измѣнило Мстиславу: Всеволодъ разбилъ союзниковъ, взялъ въ плѣнъ Глѣба и Мстислава съ сыномъ „и дружину его всю изъимаша, и думци (вельможи) его извязаша вcѣ, и Бориса Жидиславича, и Ольстина, и Дѣдильца“ [2]).

---

1) Сергѣевичъ, ibidem. 2) Лавр., 151—162 с., Ипат., 119 с, Сергѣевичъ: „Русскія юрид. древности“, 27—28 с.

Но побѣдивши ростовцевъ и утвердившись въ Владимірѣ, какъ стольномъ городѣ ростовскаго княженія, Всеволодъ долженъ былъ, все таки, слушаться собственныхъ бояръ, которые „уже успѣли развестись въ Владимірѣ“ [1]). Такъ по настойчивому требованію бояръ и всего остального населенія города, хотя и вопреки желанію самого Всеволода, Глѣбъ рязанскій былъ убитъ, а Ростиславичи ослѣплены. Также, противъ желанія Всеволода, былъ взятъ и разграбленъ дружиной г. Торжокъ [2]). Владимірскіе же бояре управляли въ Новгородѣ именемъ малолѣтняго сына Всеволода, Святослава, посаженнаго имъ въ Новгородѣ [3]). Предъ своею смертію Всеволодъ, прозванный за многочисленность своей семьи Большимъ Гнѣздомъ, послѣ совѣщаній съ боярами рѣшилъ отнять старшинство у своего непослушнаго сына, Константина и передать его младшему, Юрію, который сдѣлался княземъ въ Владимірѣ [4]). Лѣтописецъ, описывая высокія нравственныя качества Всеволода, говоритъ, что онъ былъ „нелицемѣренъ, не обинуяся лица *сильныхъ своихъ бояръ*, обидящихъ меньшихъ и роботящихъ сироты и насилье творящихъ“ [5]). При преемникахъ Всеволода произошло дальнѣйшее дѣленіе ростовской волости; въ ней образовалось нѣсколько самостоятельныхъ княженій и въ числѣ ихъ московское. Тотъ же процессъ дальнѣйшаго дробленія волостей совершался въ это время и въ кіевской Руси по мѣрѣ развѣтвленія рода Рюриковичей. Каждая волость составляла отчину всѣхъ дѣтей князя этой волости, которые имѣли право добиваться стола своего отца [6]). Каждая волость или княженіе имѣло и своихъ бояръ, которые играли важную роль во всѣхъ дѣлахъ управленія въ южной Руси при потомствѣ Св. Владиміра, Ярослава I, его сыновьяхъ, внукахъ, правнукахъ и ихъ по-

---

1) Сергѣевичъ, ibidem, 28 с. 2) Лавр., 163 с., Ипат., 119—120 с. 3) Лавр., 175 и 179 с., Троицкая л., 210 с., Соловьевъ, II, 331 с., Сергѣевичъ, ibidem, 29 с. 4) П. С. Р. Л., VII (Воскр. л.), 117 с., Соловьевъ, II, 335 с. 5) Лавр., 185 с. 6) Сергѣевичъ, ibidem, 31 с.

томкахъ [1]). Постоянный переходъ бояръ съ княземъ изъ одной волости въ другую ослабляетъ первенствующее значенie бояръ въ управленiи въ пользу вѣча; при этихъ переходахъ бояре дѣйствовали изъ личныхъ, а не сословныхъ выгодъ [2]). Не смотря, однако, на сильное дробленie княженiй между многочисленными потомками Рюрика, на Руси начинаютъ появляться (въ XI—XIII ст.) признаки новаго общественнаго и политическаго порядка. Въ одно время съ размноженiемъ отраслей княжескаго дома начинается процессъ осѣданiя его вѣтвей въ извѣстныхъ княженiяхъ и болѣе тѣсной, взаимной ихъ связи съ дружиной и земщиной. Тѣ земщины, въ которыхъ укрѣпляется какой-либо княжескiй домъ, становятся болѣе сильными, могущественными по сравненiю съ другими, которымъ не удалось закрѣпить за собою какой-либо княжеской отрасли. Такъ Кiевъ потерялъ свою самостоятельность, такъ какъ не успѣлъ соединить съ собою какого-либо княжескаго дома: со взятiемъ Кiева войсками Андрея Боголюбскаго (въ 1169 г.) онъ пересталъ быть самостоятельнымъ княжествомъ. Послѣ того имъ владѣютъ поперемѣнно смоленскiе, волынскiе, черниговскiе и другiе князья, но не самостоятельные кiевскiе [3]). Наоборотъ, въ Рязани, Смоленскѣ и особенно на сѣверѣ Руси, въ Суздальской землѣ обосновались свои княжескiе дома, которые много сдѣлали для усиленiя своихъ отчинъ. Князья постоянно живутъ въ своихъ отчинахъ и естественно заботятся объ интересахъ жителей своей отчины, о лучшемъ устройствѣ своихъ волостей, колонизацiи земель, построенiи городовъ и слободъ и развитiи въ нихъ промышленности и торговли [4]). Въ тоже время дружина князя начинаетъ сближаться съ земщиной, осѣдать вмѣстѣ съ князьями въ ихъ отчинахъ и прiобрѣтать здѣсь земли [5]).

---

1) Соловьевъ, II, стр. 36—37, 86—88, 199—210, 235—237 и 365—367 с. 2) Соловьевъ, III, 14—15 с. 3—5) Бѣляевъ: „Разсказы изъ русской исторiи", I т., 332—333 и 326—329 с., Лекцiи etc., 278—279 с.

Сближенію между дружиной и земщиной помогаетъ нашествіе на Русь татаръ (XIII в.), которые заставили платить себѣ дань одинаково всѣхъ жителей покоренныхъ ими странъ. Земскіе бояре, которые до сихъ поръ составляли высшій классъ въ земщинѣ и были представителями его интересовъ на вѣчахъ, вступаютъ въ ряды дружинниковъ и сливаются съ ними въ одинъ боярскій, высшій классъ общества, обладающій значительнымъ богатствомъ въ земляхъ и пользующійся наслѣдственно правительственными должностями въ вновь образовавшемся московскомъ княжествѣ [1]). Московскимъ боярамъ принадлежали земли, села, деньги (казна) и другое имущество. Въ договорахъ великихъ князей московскихъ съ удѣльными князьями встрѣчается почти до Іоанна IV Грознаго (начала XVI ст.) торжественное взаимное обѣщаніе князей обезпечить за боярами владѣніе принадлежащими имъ селами, землями и казной при переходѣ ихъ со службы отъ московскаго князя къ удѣльному и наоборотъ. Такъ, напр., въ договорной грамотѣ Димитрія Ивановича съ тверскимъ княземъ, Михаиломъ Александровичемъ сказано: „а кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ или отъ тобѣ къ намъ, а *села* ихъ въ нашей вотчинѣ великомъ княженіи или въ твоей вотчинѣ въ Твери, вь ты *села* намъ и тобѣ не вступатися“ [2]). Во многихъ договорныхъ грамотахъ упоминается о запрещеніи боярамъ покупать *села* безъ позволенія князей [3]). Изъ договорной грамоты Василія Дмитріевича съ дядями, Андреемъ и Константиномъ Дмитріевичами видно, что *села боярскія* „вѣдались“ княжескими намѣстниками и волостелями [4]). Въ договорной грамотѣ Василія Васильевича Темнаго съ Димитріемъ Юрьевичемъ Шемякой заключается

---

1) Соловьевъ, IV, 194 с., В.-Будановъ, 30 с. 2) „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ“, Москва, 1813, т. І-й, № 28. 3) Собр. гос. гр. и дог., ibidem, №№ 27, 33, 35, 36, 40, 45, 78, 79, 84 и 86. 4) Собр. гос. гр. и дог., №№ 43 и 44, 87 и 89.

взаимное требованіе князей, чтобы были разобраны судомъ всѣ дѣла о грабежѣ *боярскихъ селъ*[1]). Въ договорной грамотѣ суздальскихъ князей Василія и Ѳеодора Юрьевичей съ Шемякой упоминается о *селахъ*, купленныхъ московскими боярами въ Суздалѣ, и о продажѣ княземъ Иваномъ Андреевичемъ своему боярину, Петру слободки Шиповской[2]). Во многихъ договорныхъ грамотахъ московскаго князя съ удѣльными заключается обѣщаніе возвратить *казну бояръ*, какая могла попасть къ каждому изъ нихъ отъ „недруговъ князя“ и „отынуда отколѣ“[3]). По договорной грамотѣ Василія Васильевича съ тверскими князьями обѣ стороны обѣщаются не „вступатися въ владѣніе *домами и селами бояръ* и взяти на нихъ дань и судъ, какъ на своихъ“[4]). Послѣднее обѣщаніе было условіемъ при переходѣ бояръ со службы отъ одного князя къ другому и, какъ увидимъ ниже, включается во всѣ грамоты князей до конца XV столѣтія. Въ духовной грамотѣ Василія Васильевича (1462 г.) говорится о *селахъ*, которыя великій князь жаловалъ своимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ[5]). Въ договорныхъ грамотахъ, заключенныхъ при Иванѣ Васильевичѣ III и Василіѣ Ивановичѣ, рѣже попадаются свѣдѣнія о боярскихъ селахъ и земляхъ и, наоборотъ, чаще перечисляются „прикупки“ и „примыслы“ самихъ великихъ князей московскихъ. Попрежнему, однако, князья жалуютъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ земли, села и деревни[6]), не „вступаются“ въ боярскія земли, села и казну[7]), „бояре и боярскіе дѣти держатъ свои земли по старинѣ“[8]) границы ихъ владѣній опредѣляются межевыми грамотами[9]) и закрѣпляются за боярами грамотами жалованными[10]) и духовной грамотой Ивана Васильевича, въ силу которой Василій

---

1) Собр. гос. гр. и дог., №№ 52 и 53. 2) № 62. 3) №№ 66, 67, 72—75, 79, 84 и 85. 4) №№ 76, 77 и др. 5) № 86. 6) №№ 106, 107, 110, 111, 123, 124, 125 и 126. 7) №№ 115 и 116. 8) №№ 129, 138, 141. 9) №№ 13[illegible], 141. 10) № 148.

Ивановичъ не долженъ былъ вступаться въ „дворы, отчины, купли бояръ и боярскихъ дѣтей“ [1]). Бояре сами продаютъ и дарятъ свои села великому князю московскому и удѣльнымъ князьмъ [2]).

Такимъ образомъ, московскіе бояре являются богатыми землевладѣльцами; кромѣ своихъ поземельныхъ участковъ или *вотчинъ*, они рано (со времени Ивана Даниловича) [3]) начинають получать отъ московскихъ князей за свою службу *помѣстья* [4]). Съ образованіемъ ростовско-суздальскаго княженія, а потомъ московскаго княжества названіе дружины исчезаетъ и вмѣсто его появляются названія членовъ всего высшаго класса боярами, боярскими дѣтьми, вольными слугами и дворянами. Первыя два названія относятся преимущественно къ старшей дружинѣ, послѣднія два къ младшей. Боярскими дѣтьми назывались сначала всѣ законныя дѣти бояръ [5]), а потомъ обѣднѣвшіе потомки бояръ, которые не пользовались правами бояръ, но могли ими сдѣлаться [6]). Со времени великаго князя Василія Васильевича (1433 г.) боярскими дѣтьми стали называться всѣ старшіе дружинники, какъ члены боярскаго класса [7]). Этотъ классъ состоялъ изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ фамилій, находившихся на службѣ князя. Боярство, бывшее въ кіевской Руси фактическимъ состояніемъ, въ московскомъ княжествѣ постепенно превращается въ юридическое, дѣлается высшимъ служилымъ *чиномъ* (въ XIV в.), жалуемымъ великимъ княземъ за службу. Такъ уже Иванъ Даниловичъ „даде болярство на Москвѣ“ кіевскому выходцу Родіону Несторовичу [8]). Боярство теперь „сказывается“ тѣмъ изъ членовъ боярскаго класса, которыхъ великій князь удостоиваетъ особаго довѣрія. Такіе бояре называются „введенными боярами“, которые должны были находиться при

---

1) Собр. гос. гр. и дог., № 144. 2) №№ 106, 111, 123 и 124. 3) № 22. 4) Б.-Рюминъ, I, 446—448 с., Бѣляевъ, Лекціи etc., 305 с., Загоскинъ, 63—64 с. 5) Сергѣевичъ: „Русскія юридич. древности“, 326 с. 6) В.-Будановъ, 116 с., Бѣляевъ, 300 с. 7) Бѣляевъ, 301 с. 8) Загоскинъ, 53 с.

дворѣ великаго князя [1]). Поэтому въ договоры между князьями включалось условіе, чтобы *введенные и путные бояре* [2]) не участвовали въ походахъ [3]) и не сидѣли въ городахъ, которые осаждались князьями [4]). Въ „введенные бояре“ назначаются обыкновенно члены именитѣйшихъ фамилій, хотя это и не было общимъ правиломъ [5]). Впрочемъ, обыкновенно однѣ и тѣже боярскія фамиліи служатъ послѣдовательно многимъ московскимъ князьямъ. Такова, напр., была фамилія боярина Ѳеодора Кошки и др..

Каждый членъ боярскаго рода становился бояриномъ, какъ только поступалъ на службу къ князю [6]). Однако, независимо отъ этой службы, боярамъ принадлежало въ 2-й половинѣ удѣльнаго періода право быть посредниками въ столкновеніяхъ между князьями [7]), которые поручали боярамъ разбирать и дѣла, гдѣ замѣшаны интересы князей и бояръ. „А что ся учинитъ межи насъ князей каково дѣло, говорится въ договорной грамотѣ Димитрія Ивановича съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, ино съѣдутся бояре наши на рубежѣ, да межи насъ поговорятъ“ [8]). „А чего ми будетъ искати на твоихъ бояреxъ или чего тобѣ искати на моихъ боярехъ, сказано въ договорной грамотѣ Дмитрія Ивановича съ двоюроднымъ его братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ, намъ отослати отъ собе по боярину, тѣ тому дѣлу учинятъ исправу“ [9]). Въ случаѣ спора и несогласія посредниковъ—бояръ дѣло окончательно рѣшалось третьимъ лицомъ, избраннымъ ими самими или же назначеннымъ великимъ княземъ (митрополитомъ) или—самимъ великимъ княземъ: „а ци о каковомъ дѣлѣ сопрутся, а не уговорятся, ѣдутъ.... А кото-

1) Сергѣевичъ, 362—365 с. 2) Путные бояре это тѣ, которые получали въ *кормленіе* доходы, соединяемые со службою (Сергѣевичъ, 344 с., Загоскинъ, 72 с.). 3) Собр. гр. и дог., №№ 52, 53, 54—57. 4) №№ 58—61 и др. 5) Сергѣевичъ, 366—368 с. 6 и 7) Яблочковъ, 80 и 85 с. 8) Собр. гр. и дог., I т., № 28, ср. № 34. 9) № 27.

рые бояре умолвятъ, то подойметъ князь, котораго умолвятъ, а бояромъ вины нѣтъ“[1]). Въ духовной грамотѣ Димитрія Ивановича говорится: „а что вытягалъ бояринъ мой, Ѳеодоръ Андреевичъ на *обчемъ рѣтѣ* Товь и Медынь у Смольнянъ, а то сыну же моему князю Андрею“[2]). Княжескія договорныя грамоты называютъ бояръ—посредниковъ „судьями нашими (княжескими) вопчіими“ и содержатъ обѣщаніе князей въ „судъ въ вопчій не вступатися“[3]). При Василіи Дмитріевичѣ боярамъ прямо предоставляется избирать самимъ третьихъ лицъ, которыя могли бы разрѣшать ихъ взаимные споры: „а о чемъ сопрутся, они ѣдутъ на третій, кого себѣ изберутъ“[4]). Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ сыновьями съ Владиміромъ Андреевичемъ и рязанскимъ княземъ Ѳеодоромъ указывается предметъ разбирательства для боярскаго суда: „а что ся учинитъ межи васъ по любви слово о земли или о водѣ и вамъ отослати бояръ, они соехався да учинятъ исправу“[5]). Тотъ же порядокъ посредническаго между князьями боярскаго суда продолжается и при Василіи Васильевичѣ Темномъ[6]). Но въ договорѣ его съ Шемякой третьими лицами для бояръ должны были быть два большихъ боярина (т. е., старѣйшихъ, знатнѣйшихъ[7]) или же, въ крайнемъ случаѣ, самъ великій князь[8]),—ограниченіе, имѣвшее основаніе, вѣроятно, въ особенныхъ, недовѣрчивыхъ и даже враждебныхъ отношеніяхъ Василія Васильевича съ Шемякой. По договору Василія Васильевича съ тверскимъ княземъ Борисомъ Александровичемъ „судъ опчій“ поручается „людемъ старѣйшимъ“[9]). Тѣже „старѣйшіе люди“ (бояре) вѣдаютъ „опчій судъ“ и въ началѣ княженія Ивана Васильевича[10]). Въ договорѣ Ивана Васильевича и его братьевъ съ рязанскимъ княземъ, Иваномъ Васильевичемъ третьими ли-

1) № 33 и др. 2) № 34. 3) № 28 и др. 4) № 35. 5) № 36. 6) №№ 45, 48; князья договариваются между собою „держати по старинѣ судъ о всѣхъ обидныхъ дѣлехъ“; см. №№ 65, 69, 71—74, 78—81, 84 и 85. 7) Загоскинъ, 51—52 с. 8) №№ 52, 54 и 55, 9—10) № 76, 77, 88, 89, 119, 120, 123 и 124.

цами для посредниковъ—бояръ являются три князя московскихъ земель, „а на комъ ищутъ и тотъ судья себѣ беретъ изъ трехъ одного“ [1]). Наконецъ, въ договорѣ Ивана Васильевича съ братомъ своимъ Андреемъ Васильевичемъ просто сказано: „а судити судъ вопчій судіямъ нашимъ, цѣловавъ крестъ“ [2]).

Московскіе бояре продолжали сохранять за собою во вторую половину удѣльнаго періода почти до возшествія на престолъ Іоанна Васильевича IV (до ½ XVI столѣтія) право свободнаго отъѣзда со службы московскаго князя къ удѣльнымъ князьямъ и обратно, хотя это право бояръ постепенно ограничивается, а потомъ и совершенно уничтожается [3]). Московскіе бояре долго не знали обязательной службы при московскихъ князьяхъ, которые сами должны были признавать за ними право „отъѣзда“. Для предупрежденія нарушеній этого права со стороны князей, московскихъ и удѣльныхъ, въ договоры между ними включалось условіе: „а боярамъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ промежъ насъ вольнымъ воля“. Бояре, переходившіе отъ московскаго князя къ удѣльному, были увѣрены въ томъ, что ихъ переходъ не навлечетъ на нихъ никакихъ непріятностей: князья обязывались „не держати нелюбья“ на отъѣзжающихъ бояръ. „А кто иметъ жити нашихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и слугъ въ твоей вотчинѣ, говорилось обыкновенно въ договорныхъ грамотахъ между московскимъ княземъ и удѣльными, и тобѣ ихъ блюсти, какъ и своихъ: а кто твоихъ бояръ.... имутъ жити въ нашей отчинѣ въ великомъ княженіи и намъ ихъ блюсти, какъ своихъ и дань взяти, какъ на своихъ“ [4]). Отъѣхавшіе бояре, слѣдовательно, уравнивались въ своихъ служебныхъ и имущественныхъ правахъ съ боярами князя, къ которому они

1) № 115. 2) №№ 125 и 126. Ср. Соловьевъ, IV, 198 с. 3) См. ниже. 4) №№ 27, 32, 33, 35, 36, 37, 43—48, 64, 66, 69—81, 84, 85, 89—95, 97—102, 106—111, 113, 114, 119—121, 124—128, 133—134 и 160, 161.

поступили на службу. Они сохраняли за собою и вотчины въ землѣ князя, отъ котораго они отъѣхали: князья обязывались въ своихъ договорахъ „не вступатися въ селы и домы“ отъѣхавшихъ бояръ [1]). Только удѣльные князья, поступившіе на службу московскаго или другаго великаго князя (тверскаго, рязанскаго) и отъѣхавшіе отъ одного изъ нихъ къ другому или удѣльнымъ князьямъ, теряли право собственности на свои вотчины. Поэтому въ договорныя грамоты между князьями обыкновенно включалось (съ 1428 г.) условіе „не принимать на службу служебныхъ князей съ вотчинами и имъ въ вотчину свою не вступатися“ [2]). Старшіе дружинники или бояре удержали за собой на Руси при татарахъ, во всю вторую половину удѣльно-вѣчеваго періода, въ московскомъ княжествѣ тоже почти правительственное значеніе, какое они имѣли и въ кіевской Руси. Они были важнѣйшими ***совѣтниками*** князей и принимали участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ [3]). Князья должны были приглашать на совѣтъ свою старшую дружину не столько по доброй волѣ, сколько по обязанности [4]). Особенно сильно сказалось вліяніе бояръ въ Москвѣ въ то время, когда она только что начала выдѣляться изъ среды другихъ удѣльныхъ княжествъ и постепенно складываться въ сильное и могущественное московское государство.

По народному преданію мѣстность, занимаемая городомъ Москвою, издавна принадлежала Степану Ивановичу ***Кучкѣ***, одному изъ богатыхъ и сильныхъ земскихъ бояръ въ суздальскомъ краю, упорно сопротивляющихся политикѣ суздальскихъ князей, которые стремились объединить и подчинить своей власти все населеніе ростовской волости. Гордые земскіе, ростовскіе и суздальскіе, бояре сторонились княжеской

---

1) №№ 28, 76, 77, 119. 2) №№ 43, 49, 52, 56, 60, 61, 64, 66, 69 и др. 3) Соловьевъ, IV, 197 с., Бѣляевъ, Лекціи etc., 304 с. 4) Бѣляевъ, ibidem, Яблочковъ, 84—86 с.

службы, предпочитая ей независимую жизнь въ своихъ владѣніяхъ, гдѣ они могли произвольно распоряжаться подвластнымъ имъ населеніемъ [1]). Суздальскіе бояре были полными хозяевами всего края, пока княжескій столъ въ ростовской волости не занялъ сынъ Мономаха, Юрій Долгорукій. Владѣнія Кучки были гнѣздомъ бояръ, недовольныхъ дѣятельностью Ю. Долгорукаго, который въ одну изъ своихъ поѣздокъ по краю („полюдья") натолкнулся на грубую встрѣчу со стороны Кучки, приказалъ схватить и казнить его, а въ владѣніяхъ Кучки основалъ городъ Москву [2]). Но Кучковичи не исчезли въ ростовско-суздальской землѣ. Вмѣстѣ съ другими земскими боярами ростовской земли они призвали княжить въ Ростовъ сына Юрія, Андрея вопреки волѣ отца [3]). Послѣ насильственной смерти Андрея Боголюбскаго отъ рукъ Кучковичей и другихъ ростовскихъ бояръ [4]), ненавидѣвшихъ Андрея за то, что онъ хотѣлъ подчинить бояръ своей власти и „самовластецъ быти всей суздальской земли" [5]), ростовскіе бояре вздумали было захватить въ свои руки власть, но это имъ не удалось. Счеты и соперничество старыхъ ростовскихъ бояръ съ новыми владимірскими возобновились было послѣ смерти Всеволода, при которомъ боярство, ослабленное взаимными раздорами, жило мирно и въ послушаніи у князя. При сыновьяхъ Всеволода эти боярскіе раздоры должны были окончиться сами собою вслѣдствіе полюбовнаго раздѣла родовыхъ владѣній княжескаго дома ростовской волости между дѣтьми Всеволода, которыя сдѣлались со времени Святослава Всеволодовича (1246 г.) самостоятельными князьями отдѣльныхъ вотчинъ [6]). Москва, какъ удѣльное княжество, вошла при раздѣлѣ Всеволодомъ удѣловъ между князьями, въ составъ владимірскаго княженія.

Бояре ростовско-суздальской земли, принимавшіе такое

1—2) Бѣляевъ, Лекціи etc., 390—393 и 381 с. 3—5) Лавр. лѣт., 78, 91 и 113 с. 6) Бѣловъ, ibidem, 88 с.

видное участіе въ столкновеніяхъ между князьями ростовской и суздальской земли, преслѣдовали, прежде всего, при ихъ постоянномъ соперничествѣ изъ за княжескаго стола ростовской волости свои личные интересы. Но возможно, однако, предположить, что стремленія къ объединенію всей ростовско-суздальской земли подъ властью одного князя могли скорѣе зародиться у бояръ, ясно видѣвшихъ весь вредъ многокняжія и безпрерывной борьбы князей: эти послѣдніе заботились, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы взять верхъ надъ своими соперниками и обезпечить своихъ дѣтей въ владѣніи удѣлами [1]). Дружина на сѣверѣ была, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ основанія ростовской волости, не слабѣе, нежели на югѣ, гдѣ безъ совѣта и согласія съ дружиной ничто не предпринималось князьями [2]). Мы видѣли, какъ ростовская дружина сама призываетъ угодныхъ ей князей и изгоняетъ неугодныхъ. Такое первенствующее значеніе бояре получаютъ и въ Москвѣ въ періодъ ея образованія при господствѣ татаръ на Руси. При первомъ же настоящемъ московскомъ князѣ, съ котораго начинается безпрерывная линія московскихъ князей, сынѣ Александра Невскаго, *Даніилѣ Александровичѣ* (1282—1303) бояре управляютъ Москвой въ періодъ его малолѣтства, какъ и въ то время, когда Даніилъ сдѣлался совершеннолѣтнимъ и вступилъ на престолъ [3]). Послѣ смерти Даніила московскимъ княземъ сдѣлался старшій сынъ его, *Юрій Даниловичъ* (1303—1325), который въ первый же годъ своего княженія напалъ вмѣстѣ съ своими боярами на можайскаго князя Святослава и, разбивши его, присоединилъ, хотя и временно, Можайскъ къ Москвѣ [4]). Бояре подъ предводительствомъ Іакинфа, служившаго сначала московскому князю, а потомъ перешедшаго по неудовольствію на него

---

1) Сергѣевичъ: „Русскія юридическія древности“, 27 и 30 с. 2) Бѣловъ, 78 и 80 с. 3) Бѣляевъ, Лекціи etc., 403 с. 4) П. С. Р. Л., VII т. (Воскр. лѣт.), 183 стр.

къ Андрею, владимірскому князю приняли дѣятельное участіе въ борьбѣ Юрія Даниловича изъ за владимірскаго княженія съ сыномъ умершаго Андрея и дядей Юрія, Михаиломъ, тверскимъ княземъ. Соперники отправились въ орду (1304 г.), гдѣ разрѣшались тогда всѣ споры между князьями. Іакинфъ съ своими союзниками хотѣлъ было захватить Юрія Даниловича, но онъ успѣлъ ускользнуть изъ ихъ рукъ и бояре должны были ограничиться только тѣмъ, что захватили его брата, Бориса, посланнаго Юріемъ въ Кострому, и отвели его въ Тверь. Въ тоже время народъ возсталъ въ Костромѣ на бояръ „Давыда Явидовича, да на Жеребца и иныхъ"; въ этой смутѣ былъ убитъ Александръ, братъ Юрія. Третій его братъ, Иванъ Даниловичъ занялъ въ отсутствіе Юрія Переяславль, гдѣ хотѣлъ его захватить Іакинфъ съ товарищами. Но въ битвѣ подъ Переяславлемъ Иванъ разбилъ Іакинфа съ помощью его соперника, боярина Родіона Несторовича, прибывшаго изъ Кіева на службу къ московскому князю съ своимъ сыномъ, Иваномъ, княжатами, боярскими дѣтьми и многочисленнымъ дворомъ. Іакинфъ былъ убитъ вмѣстѣ съ зятемъ, Давыдомъ и старшими боярами; оставшіяся въ живыхъ его дѣти убѣжали въ Тверь [1]). Между тѣмъ Михаилъ тверской былъ убитъ въ ордѣ и Юрій Даниловичъ былъ признанъ ханомъ великимъ княземъ владимірскимъ, старшимъ на сѣверѣ Руси [2]). Вскорѣ, однако, Юрій былъ убитъ въ Ордѣ изъ мести сыномъ Михаила, Димитріемъ и московскій столъ занялъ *Иванъ Даниловичъ* (1328—1341) *Калита*, также получившій отъ хана ярлыкъ на великое княженіе владимірское. Но этому признанію Калиты со стороны хана великимъ княземъ предшествовала борьба Ивана Даниловича съ Алексѣемъ Михайловичемъ тверскимъ, которому сначала удалось получить отъ хана Узбека великокняжескій ярлыкъ, но потомъ онъ

1) Воскр. лѣт., I, 184 с., Бѣловъ, 89, 93—94 с., Бѣляевъ, 406 с. 2) Воскр. лѣт., I, 188—197 с.

разгнѣвалъ хана убійствомъ въ Твери ханскаго посла, Шевкала и былъ лишенъ Узбекомъ титула великаго князя. По проискамъ Ивана Даниловича и московскихъ бояръ въ ордѣ Алексѣй съ его сыномъ были здѣсь убиты, вся ростовско-суздальская земля была разорена и подчинена московскому князю, котораго должны были слушаться и тверскіе князья [1]). Умирая, Иванъ Даниловичъ раздѣлилъ все московское княженіе на нѣсколько частей: изъ городовъ и волостей, входившихъ въ составъ московскаго княженія, больше всего получилъ старшій сынъ Ивана Даниловича, Симеонъ (Можайскъ, Коломну съ волостьми и еще поименно 16 волостей), потомъ великая княгиня съ дочерью (14 волостей) и второй сынъ Иванъ (13 волостей); младшему сыну, князю Андрею досталось только 11 волостей. Кромѣ того, каждый изъ сыновей Ивана Даниловича и великая княгиня получили по извѣстному числу селъ и деревень, принадлежавшихъ ему на правѣ частной собственности [2]). Завѣщаніе Ивана Даниловича было подтверждено въ годъ кончины Ивана Даниловича („у отня гроба“) договорной грамотой между его сыновьями. Иванъ и Андрей, признавши старшинство Симеона надъ собою, обѣщались чтить его „во отцево мѣсто“; но младшіе братья потребовали отъ старшаго: „како ны отецъ нашъ раздѣлъ далъ, того ти подъ нами блюсти, а не обидѣти“ [3]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Иванъ Даниловичъ былъ далекъ отъ мысли установить единодержавіе въ Москвѣ: иначе онъ не раздѣлилъ бы между своими сыновьями и женой съ дочерьми всѣхъ городовъ и волостей московскихъ на правѣ частнаго наслѣдованія и наравнѣ съ своими, лично принадлежавшими князю, селами и драгоцѣнностями. Иванъ Даниловичъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. В. И. Сергѣевичъ, не былъ первымъ основателемъ государственнаго

1) Воскр. л., 200—201, 205, Бѣляевъ, 410 415 с. 2) Соб. гр. и дог., I т., №№ 21 и 22. 3) № 23.

могущества Москвы: онъ скорѣе затормозилъ его созданіе своимъ взглядомъ на московское княженіе, какъ только на частную собственность князя, которою онъ могъ распоряжаться сообразно съ своими личными, родственными симпатіями. Начало пріобрѣтенія, собиранія земель около Москвы было сдѣлано еще предшественниками Ивана Даниловича, братъ котораго, Юрій былъ единымъ княземъ московскаго княжества [1]). Иванъ Даниловичъ думалъ не о величіи московскаго государства, а о безбѣдномъ устройствѣ всѣхъ членовъ своей семьи: княгиня и дочери князя были надѣлены большимъ количествомъ волостей, чѣмъ оба младшіе сыновья князя. Въ началѣ XIV столѣтія власть татаръ на Руси была еще такъ велика, что Иванъ Даниловичъ не могъ и мечтать о созданіи независимаго и самостоятельнаго московскаго государства. Онъ самъ сознавалъ эту невозможность и потому постоянно ѣздилъ въ орду за помощью противъ тверскаго князя [2]). Все-таки, Иванъ Даниловичъ сравнительно съ своими предшественниками болѣе сдѣлалъ для усиленія Москвы расширеніемъ ея внѣшнихъ границъ, за что и получилъ отъ лѣтописца названіе „собирателя русской земли“ [3]). Самъ Иванъ Даниловичъ называлъ себя великимъ княземъ всея Руси [4]). Москва усилилась при немъ и внутри вслѣдствіе перенесенія въ Москву изъ Владиміра митрополичьей каѳедры: Москва сдѣлалась теперь духовно-религіознымъ центромъ всей русской земли. Митрополиты (Петръ, Алексѣй, Іона и др.) вмѣстѣ съ подвластнымъ имъ духовенствомъ стали поддерживать своимъ религіозно-нравственнымъ авторитетомъ власть московскаго князя, распространяя взглядъ о божественномъ ея происхожденіи [5]). Моральная сила митрополита сдерживала

1) Сергѣевичъ: „Русскія юридическія древности“, 52—59 с. 2) Воскр. лѣт., I, 200—201, 203—205 с. 3) Воскр. л., I, 53 с. 4) Б.-Рюминъ, 395 с. 5) Соловьевъ, Ш, 284 с., Костомаровъ, I, 183—185 с., Загоскинъ: „Исторія права московскаго государства“, Казань, 1877, т. I-й, 19—23 с., Бѣловъ, 92—93 с.

до нѣкоторой степени политическую силу боярства, которое пользовалось большимъ вліяніемъ на управленіе при Иванѣ Даниловичѣ и его преемникахъ и своею дѣятельностью помогало объединенію московскаго княжества болѣе, нежели первые московскіе князья. Интересы московскихъ бояръ, какъ богатыхъ землевладѣльцевъ, были солидарны съ интересами московскаго князя, который самъ былъ также богатъ землями [1]). Поэтому бояре дѣйствовали дружно и вмѣстѣ съ княземъ на пользу Москвы, стремились къ ея усиленію на счетъ сосѣднихъ княжествъ [2]).

Бояре играли большую роль при *Симеонѣ Ивановичѣ* (1341—1353). Въ первый же годъ своего возшествія на престолъ князь отправилъ въ Торжокъ и Новгородъ „бояръ дани брати", но „они начаша сильно дѣяти". Жители обоихъ городовъ были оскорблены такимъ насильственнымъ образомъ дѣятельности бояръ и послали сказать Симеону Ивановичу: „еще, господине, на столѣ въ Новгородѣ не сѣлъ, а уже бояре твои сильно дѣютъ" [3]). Въ томъ же году (1341) вспыхнула въ Москвѣ смута между боярами, что подало поводъ, между прочимъ, къ заключенію упомянутой договорной грамоты между Симеономъ и его братьями, гдѣ въ числѣ взаимныхъ обязательствъ сторонъ стояло условіе не принимать къ себѣ на службу одного изъ крамольныхъ бояръ, вѣроятно, ихъ главу, Алексѣя Петровича Хвоста [4]). Симеонъ Ивановичъ отнялъ у опальнаго боярина его имѣніе и отдалъ его своему брату, князю Ивану, который далъ обѣщаніе, „что далъ князь великій изъ Алексѣева живота, того Алексѣю не давати, ни его женѣ, ни его дѣтямъ, ни инымъ ничѣмъ не подмогати

1) См. духовное завѣщаніе Ив на Даниловича, Собр. гр. и договор., I, № 23. 2) Бѣляевъ, Лекціи etc, 418 с. 3) П. С. Р. Л., VII т., Воскр. л., 206 с. 4) „А что Олекса Петровичъ вшелъ въ крамолу къ великому князю, сказано въ договорной грамотѣ, намъ князю Ивану и князю Андрею къ себѣ его не пріимати, ни его дѣтей и не надѣитись ны къ себѣ до Олексѣева живота. А тобѣ, господине, князь великій къ собѣ его не пріимати же въ бояре" (№ 37).

ихъ“[1]). Причиной боярской крамолы при Симеонѣ Ивановичѣ было, отчасти, высокомѣрное и презрительное обращеніе съ боярами князя Симеона, недаромъ прозваннаго Гордымъ, отчасти же, примѣръ сосѣднихъ тверскихъ бояръ[2]). Боярская смута при немъ указываетъ также на тотъ фактъ, что бояре были на столько могущественны при Симеонѣ, что князья—братья должны были соединиться между собою для того, чтобы гарантировать себя отъ возможности повторенія боярскихъ крамолъ, опасныхъ для московскаго княжества при тогдашнемъ его соперничествѣ съ сосѣдними княжествами. Договоръ, заключенный между Симеономъ Ивановичемъ и его братьями о недопущеніи на службу крамольнаго боярина, Алексѣя Петровича скоро былъ нарушенъ великимъ княземъ, который принялъ его снова на службу, быть можетъ, подъ давленіемъ состоявшихъ при дворѣ единомышленниковъ опальнаго боярина. Какъ бы то ни было, Симеонъ Ивановичъ допускаетъ въ свою службу боярина Алексѣя и посылаетъ его (въ 1347 г.) вмѣстѣ съ другимъ своимъ бояриномъ, Андреемъ Кобылой (родоначальникомъ бояръ Романовыхъ) сватомъ къ тверскому князю, дочь котораго, Марья Александровна дѣлается женой великаго князя[3]). Бракъ Симеона Ивановича на дочери тверскаго князя, одного изъ заклятыхъ враговъ Москвы, былъ однимъ изъ средствъ, которыя употреблялъ вмѣстѣ съ боярами этотъ великій князь для то-

---

1) Собр. гр. и дог., I, № 37. 2) Бѣляевъ, Лекціи etc., 424 с. 3) Воскр. лѣт., I, 210 с. Бѣляевъ пріурочиваетъ смуту среди бояръ при Симеонѣ Ивановичѣ къ этой поѣздкѣ въ Тверь боярина Алексѣя Петровича Босоволкова или Хвоста, гдѣ онъ будто-бы познакомился съ своеволіемъ тверскихъ бояръ и по возвращеніи въ Москву и самъ завелъ крамолу (Лекціи, 423 с.). Но этому мнѣнію Бѣляева противорѣчитъ тотъ фактъ, что условіе о недопущеніи на службу Алексѣя Петровича было включено въ договорную грамоту князей въ 1341 г., а сватовство князя было въ 1347 г. Къ тому же, если принять взглядъ Бѣляева, тогда трудно объяснить вліяніе, пріобрѣтенное Алексѣемъ Петровичемъ при Иванѣ Ивановичѣ, когда онъ сдѣлался тысяцкимъ и былъ убитъ боярами же, завидовавшими его могуществу.

го, чтобы возвысить значеніе Москвы надъ всѣми сосѣдними княжествами (тверскимъ, ярославскимъ и др.) и пріобрѣсти вліяніе на дѣла тверскаго княжества [1]). Симеонъ Ивановичъ успѣлъ своею энергичною дѣятельностью возвысить значеніе Москвы надъ многими сосѣдними княжествами (тверскимъ, суздальскимъ, ростовскимъ и ярославскимъ); послѣ своей поѣздки со всѣми сѣверными князьями къ хану онъ возвратился оттуда (1349 г.) съ великою честью, „съ пожалованіемъ“ [2]). Умирая, Симеонъ Ивановичъ приказываетъ своимъ дѣтямъ слушаться митрополита Алексѣя и старыхъ бояръ: „слушали бо есте отца нашего Владыки Олексѣя, такоже старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ“ [3]). Симеонъ Ивановичъ передалъ весь свой удѣлъ со всѣми селами не своему сыну, а княгинѣ, Марьѣ Александровнѣ, принадлежавшей къ враждебному Москвѣ княжескому дому. Тѣ бояре князя, которые могли завѣдовать ея волостями, должны были отдавать ей „прибытка половину“ [4]). Симеонъ, слѣдовательно, проникнутый подобно своему отцу тѣми же частновладѣльческими взглядами, заботится только о своей семьѣ, а не о московскомъ государствѣ [5]), хотя въ тоже время онъ называетъ себя подобно отцу, Ивану Даниловичу „великимъ княземъ всея Руси“ [6]).

Москва по смерти Симеона Ивановича была захвачена еще при жизни его вдовы братомъ Симеона, *Иваномъ Ивановичемъ* (1353—1359), при которомъ мы встрѣчаемся съ продолженіемъ боярской смуты, возникшей при Симеонѣ Ивановичѣ. Тотъ же Алексѣй Петровичъ Хвостъ, который былъ сначала изгнанъ изъ Москвы Симеономъ, а потомъ снова былъ принятъ имъ на службу, занялъ при Иванѣ Ивановичѣ санъ тысяцкаго, начальника городовыхъ полковъ, избиравшагося изъ бояръ. Тысяцкій въ качествѣ представителя,

1) Бѣляевъ, 420 с. 2) Воскр. л., I, 215 с. 3 и 4) Собр. гр. и дог., № 24 и 38. 5) Сергѣевичъ, ibidem, 61 с. 6) Собр. гр. и дог., I, № 23.

иногда наслѣдственнаго, боярскаго сословія, сдѣлавшагося тогда уже осѣдлымъ въ Москвѣ [1]), имѣлъ большое вліяніе на все управленіе, уменьшавшее значеніе остальныхъ бояръ и могъ сдѣлаться также опаснымъ для власти самого великаго князя [2]). Поэтому становится понятнымъ, почему бояре поспѣшили отдѣлаться отъ Алексѣя Петровича, который былъ убитъ неизвѣстно кѣмъ въ 1356 году. Лѣтописецъ замѣчаетъ по этому поводу, что „убіеніе его дивно нѣкако и незнаемо, аки ни отъ кого же, никѣмъ же, токмо обрѣтеся на площади лежаща; нѣцые же глаголютъ, яко втаю совѣтъ сотвориша и ковъ коваша нань и *тако всѣхъ бояръ общею думою убіенъ бысть*, да яко же Андрей Боголюбскій отъ своихъ рабовъ отъ Кучковичъ, тако и сей отъ своея дружины пострадаша“ [3]). Вслѣдъ за смертью Алексѣя Петровича въ Москвѣ вспыхнулъ „велій мятежъ“ и знатнѣйшіе изъ московскихъ бояръ отъѣхали съ своими женами и дѣтьми въ Рязань, но въ слѣдующемъ же году двое изъ нихъ, большіе бояре, Михаилъ и зять его, Василій Васильевичъ, соперники убитаго боярина [4]), возвратились въ Москву по желанію самого великаго князя, который сдѣлалъ одного изъ нихъ (Василія Васильевича Вельяминова) тысяцкимъ [5]). Князь Иванъ Ивановичъ отличался кроткимъ и уступчивымъ характеромъ, былъ не въ состояніи смирить непокорныхъ бояръ [6]) и продолжать дѣло объединенія Москвы: при немъ происходили ссоры между сосѣдними, муромскими и тверскими, князьями, которые не хотѣли знать московскаго князя и предпочитали ему посредничество хана [7]). Татары снова возобновили свои нападенія на Русь „и велика бысть истома княземъ русскимъ“ [8]). Только большое вліяніе въ ордѣ митрополита Алексѣя (изъ боярскаго рода Плещеевыхъ), исцѣлившаго жену

1) Соловьевъ, III 322 с., Бѣловъ, 94 с. 2) Соловьевъ, ibidem. 3 и 8) П. С. Р. Л., VIII (Воскр.), 10 с. 4) Соловьевъ, III, 328 с. 5) Бѣловъ, 95 с. 6) Бѣляевъ, Лекціи etc., 426 с. 7) Соловьевъ, III, 323 с., Б.-Рюминъ, 397 с.

хана, Тайдулу, и московскихъ бояръ спасло на этотъ разъ Русь отъ большихъ притѣсненій и разоренія [1]). Князь Иванъ Ивановичъ, слѣдуя примѣру своего отца, Ивана Даниловича, раздробилъ московское княженіе на три участка, раздѣлилъ его въ своей духовной между старшимъ сыномъ, Димитріемъ, младшимъ Иваномъ и двоюроднымъ ихъ братомъ, Владиміромъ [2]). Но Иванъ скоро умеръ и Димитрій присоединилъ его участокъ къ своему; князь же Владиміръ долженъ былъ признать старѣйшинство Димитрія [3]), конечно, при помощи бояръ: оба князя были малолѣтніе.

Никогда еще ни прежде, ни послѣ не была такъ велика политическая сила бояръ въ Москвѣ, какъ при великомъ князѣ, Димитріѣ Ивановичѣ Донскомъ, дѣйствовавшемъ во всемъ согласно съ боярами, такъ что „невозможно отдѣлить, что въ его дѣйствіяхъ принадлежитъ ему и что боярамъ“ [4]). Въ тоже время никогда до сихъ поръ московское княжество не было такъ сильно, какъ при этомъ знаменитомъ древнерусскомъ князѣ. Московскіе бояре были сторонниками объединенія Руси подъ московскимъ владычествомъ съ самого начала возникновенія московскаго княжества; эта политическая цѣль ихъ дѣятельности совпадала съ ихъ желаніемъ разбогатѣть и играть первую роль при великомъ князѣ всея Руси [5]). Бояре успѣли добыть *Димитрію Ивановичу* (1362—1389) ярлыкъ на великое княженіе владимірское „по отчинѣ и дѣдинѣ“, хотя ранѣе оно и было отдано ханомъ сопернику московскаго князя, Дмитрію Константиновичу суздальскому „не по отчинѣ и не по дѣдинѣ“ [6]). Бояре правили Москвой во время малолѣтства Димитрія Ивановича [7]) и уже въ 1363 г., когда ему было только 14 лѣтъ, успѣли присое-

---

1) П. С. Р. Л, VIII (Воскр.), 10 с. 2) Собр. гр. и дог., I, №№ 25 и 26. 3) №№ 25—27, 32 и 33. 4) Костомаровъ, I, 208 с. Соловьевъ, III, 381 с. 5) Сергѣевичъ, 64 с. 6) П. С. Р. Л., VIII, 11 с., Соловьевъ, III, 327 с., Костомаровъ, 205—206 с. 7) Сергѣевичъ, 63 с., Бѣляевъ, 427 с.

динить къ Москвѣ три удѣльныхъ княжества: Владимiръ, Галичъ и Стародубъ [1]). Заодно съ боярами и также въ пользу московскаго великаго князя дѣйствовалъ митрополитъ Алексѣй, игравшiй роль примирителя въ взаимныхъ раздорахъ московскихъ и тверскихъ князей: митрополитъ становится при этихъ княжескихъ распряхъ на сторону московскаго князя [2]). Благодаря мудрой политикѣ московскихъ бояръ, была ослаблена политическая сила тверскаго княжества и тверской князь, Михаилъ Александровичъ отказался отъ притязанiй на соперничество съ Москвой, а его союзникъ Ольгердъ, великiй князь литовскiй, отъ вмѣшательства въ внутреннiя дѣла московскаго княжества (1372 г.). Въ продолжительной распрѣ московскаго и тверскаго князя ихъ бояре раздѣляютъ успѣхи и неудачи своихъ князей. Такъ, когда Дмитрiй Ивановичъ заманилъ Михаила Александровича въ Москву, то „поимаша его и бояръ его всѣхъ и разведоша ихъ разно и державъ ихъ въ истомѣ“ [3]). Тоже сдѣлалъ и тверской князь съ московскими боярами и ихъ семьями, пребывавшими въ Дмитровѣ—удѣлѣ кашинскаго князя, московскаго союзника [4]). При „розмирiи“ Димитрiя Ивановича съ Владимiромъ Андреевичемъ „поимани быша бояре старѣйшiи княже Володимеровы и разведени вси разно по городамъ и сидѣша вси въ нятiи у приставовъ“ [5]). Какъ только былъ произведенъ московскимъ княземъ этотъ арестъ важнѣйшихъ владимiровыхъ бояръ, Владимiръ Андреевичъ поспѣшилъ примириться (1389 г.) съ Димитрiемъ Ивановичемъ [6]). Предъ великимъ княземъ московскимъ долженъ былъ смириться другой враждебный ему, рязанскiй князь Олегъ и опять-таки не безъ содѣйствiя московскихъ бояръ. Нѣкоторые изъ нихъ были захвачены Олегомъ въ Коломнѣ (въ 1385 г.); но въ томъ же году преподобный Сергiй съ московскими боярами

---

1 и 2) Бѣляевъ, 427—428 и 430 с. 3—5) П. С. Р. Л., VIII, 15, 52 и 19 с., 6) Собр. гр. и дог., I, № 33.

заключилъ съ Олегомъ „вѣчный миръ“ [1]). При Димитріи Ивановичѣ произошло первое значительное столкновеніе русскихъ съ татарами (1380 г.), окончившееся побѣдой русскихъ надъ своими врагами и доставившее Димитрію Ивановичу безсмертную славу и названіе „Донскаго“. Рѣшительной его битвѣ съ татарами на Куликовомъ полѣ (на р. Непрядвѣ) предшествовало пораженіе имъ татаръ на р. Вожѣ (1378) и казнь въ Москвѣ сына послѣдняго московскаго тысяцкаго, Василія Васильевича Вельяминова, боярина Ивана Васильевича, прибывшаго тайно въ Москву по порученію ожесточеннаго Мамая для возбужденія крамолы среди московскихъ бояръ [2]). Паденіе должности тысяцкаго было вызвано опасеніемъ Димитрія Ивановича, чтобы онъ не пріобрѣлъ особеннаго вліянія на управленіе московскимъ княжествомъ [3]). При казни Ивана Васильевича бояре не выразили никакого протеста, быть можетъ, потому, что они ничего не потеряли изъ своихъ правъ отъ уничтоженія сана тысяцкаго [4]). Когда Димитрій Ивановичъ получилъ извѣстіе о нападеніи татаръ на Русь, онъ сначала „призва вельможи свои“, а потомъ и „вся князи русскія земли, сущая подъ его властью“ и по совѣту съ тѣми и другими рѣшился выступить противъ Мамая [5]). Въ ожесточенномъ и кровавомъ Куликовскомъ побоищѣ пало множество русскихъ князей и бояръ. Перечисляя имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ упоминаетъ только о „князьяхъ, боярахъ нарочитыхъ и воеводахъ, а прочихъ бояръ и слугъ оставихъ имена, не писахъ ради множества именъ, мнози бо на той брани побіени быша“ [6]): такое дѣятельное участіе приняли бояре въ Куликовской битвѣ, положившей начало освобожденію Руси отъ татаръ. Московскіе бояре были неразлучны съ Дмитріемъ

---

1) П. С. Р. Л., VIII, 49 с. 2) П. С. Р. Л., VIII, 33 с., Соловьевъ, III, 362—363 с. 3) Бѣляевъ, 434 с. 4) Бѣловъ, 95—96 с. 5—6) П. С. Р. Л., VIII, 54, 40, 47 и 28 с.

Ивановичемъ, раздѣляли съ нимъ всѣ радости и печали въ его жизни. Когда преемникъ Мамая въ ордѣ, ханъ Тохтамышъ напалъ на Москву (1382 г.) и, безпощадно опустошивъ ее, удалился, въ столицу московскаго княжества возвратился изъ Костромы Димитрій Ивановичъ съ Владиміромъ Андреевичемъ „кійждо съ своими боярами старѣйшими“ и и при видѣ всѣхъ бѣдствій жителей Москвы „яко расплакатися имъ велми слезно“ [1]). Бояре московскіе присутствуютъ съ Димитріемъ Ивановичемъ также на погребеніи митрополита Алексѣя (1377 г.) [2]).

Освободившись отъ своихъ внутреннихъ враговъ и ослабивши силу татаръ, Москва къ концу княженія Димитрія Ивановича возвысилась на степень первенствующаго княженія въ сѣверной Руси. Это усиленіе Москвы произошло, какъ мы видѣли, вслѣдствіе дружной дѣятельности московскихъ бояръ съ великимъ княземъ. На сколько голосъ бояръ имѣлъ вѣсъ въ управленіи при Димитріи Ивановичѣ, это видно изъ предсмертнаго его прощанія со своей семьей и боярами, которыхъ князь призвалъ къ своему смертному одру. Димитрій Ивановичъ заповѣдуетъ своимъ сыновьямъ: „бояры свои любите, честь имъ достойную воздавайте противу служеній ихъ, *безъ воли ихъ ничтоже не творите*“. Обращаясь къ боярамъ, Димитрій Ивановичъ напоминаетъ имъ всю свою совмѣстную съ ними жизнь и дѣятельность, необыкновенныя заслуги бояръ для усиленія могущества Москвы и ихъ первое выдающее положеніе въ государствѣ. „Родихся предъ вами, говоритъ умирающій князь боярамъ, и при васъ возрастохъ, *и съ вами царствовахъ*, землю русскую держахъ лѣтъ 29, а отъ рожденія ми 40 лѣтъ; и мужествовахъ съ вами на многія страны, и противнымъ страшенъ быхъ въ бранехъ, великое княженіе свое велми укрѣпихъ, миръ и тишину земли русскія

1—2) П. С. Р. Л., VIII, 54, 40, 47 и 28 с., см. еще 16 с.

сотворихъ, отчину свою съ вами соблюдохъ, и вамъ честь и любовь даровахъ, подъ вами города держахъ и великія власти.... всѣхъ любихъ и въ чти держахъ, и веселихся съ вами, съ вами и поскорбихъ; *вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей*" [1]). Въ виду такого исключительнаго, первенствующаго значенія бояръ въ княженіе Димитрія Ивановича возможно предположить, что идея объ единеніи всей Руси подъ скипетромъ московскаго князя и недѣлимости московскаго княжества, для усиленія котораго московскіе бояре сдѣлали такъ много при Димитріѣ Ивановичѣ, явилась у него не безъ внушенія тѣхъ же бояръ [2]). Умирая, Димитрій Ивановичъ отказываетъ великое княженіе безъ раздѣла своему старшему сыну Василію: „а се благословляю, сказано въ его завѣщаніи, сына своего князя Василія своею отчиною, великимъ княженіемъ" [3]). Въ случаѣ же его бездѣтной смерти оно должно было перейти также въ цѣломъ видѣ къ слѣдующему за нимъ по возрасту брату, между тѣмъ какъ при смерти младшихъ сыновей Димитрія Ивановича ихъ удѣлы должна была подѣлить между остальными ихъ мать, великая княгиня: „княгиня моя подѣлитъ удѣловъ сыновъ моихъ". Димитрій Ивановичъ завѣщаетъ своимъ дѣтямъ „блюсти съ единаго" тѣхъ изъ его бояръ, которые будутъ служить его княгинѣ. Духовное его завѣщаніе было составлено при многихъ боярахъ: Димитріѣ Михайловичѣ, Тимофеѣ Васильевичѣ, Иванѣ Родивоновичѣ и др. [4]). Всѣ эти бояре сдѣлались главными совѣтниками преемника Димитрія Ивановича, его сына, Василія [5]).

При *Василіѣ Димитріевичѣ* (1389—1425) Москва продолжаетъ усиливаться, благодаря все тѣмъ же боярамъ, настоявшимъ на томъ, чтобы великій князь овладѣлъ суздальскимъ княжествомъ, въ которое входилъ и Нижній-Новго-

---

1) П. С. Р. Л., VIII, 56 с., 2) Сергѣевичъ: „Русскія юридическія древности", 64—65 с. 3—4) Собр. гос. гр. и дог., I, № 34. 5) Яблочковъ, 84—85 с.

родъ. Подговоренные московскими боярами, нижегородскіе бояре заставили своего князя, Бориса Константиновича уступить свое княженіе Василію Димитріевичу. Великій князь московскій получилъ отъ хана ярлыкъ на Торусу, Мещеру и Муромъ и пріобрѣлъ ихъ въ свое владѣніе [1]). Въ княженіе Василія Димитріевича Москвѣ были подчинены всѣ сѣверныя и восточныя русскія княжества за исключеніемъ тверскаго и рязанскаго. Великій князь московскій также мало уважалъ права удѣльныхъ князей, какъ и московскіе бояре, которые не признавали княжескихъ правъ за удѣльными князьями. Поэтому то въ договорной грамотѣ, заключенной между Василіемъ Димитріевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ (1389 г.) послѣ „розмирья“ между ними [2]) великій князь обѣщался не посылать въ удѣлъ Владиміра Андреевича своихъ „данщиковъ и приставовъ“ и запретить московскимъ боярамъ покупать села въ землѣ Владиміра Андреевича безъ его вѣдома [3]). Московскіе бояре стремились къ тому, чтобы Москва была выше остальныхъ русскихъ княжествъ, а сами они выше бояръ удѣльныхъ князей, поступавшихъ на службу къ московскому государю [4]). Нѣкоторые бояре пользовались особенною довѣренностью Василія Димитріевича и вслѣдствіе этого особеннымъ вліяніемъ на дѣла. Таковы были: Илья Ивановичъ, внукъ Родіона Несторовича, сынъ боярина Андрея Кобылы, Ѳеодоръ Андреевичъ Кошка съ своими сыновьями: Иваномъ, Ѳеодоромъ и Михаиломъ Ѳеодоровичами и ихъ племянникъ Игнатій Жеребцовъ [5]). Смерть одного изъ вліятельныхъ бояръ, Даніила Ѳеофановича (1392 г.) лѣтописецъ считаетъ даже нужнымъ отмѣтить: „иже бѣ, говоритъ про него лѣтописецъ, истинный бояринъ великаго князя и правый доброхотъ, служаще государю безо всякія льсти въ ордѣ

1) Сергѣевичъ, 66 с., Костомаровъ, 241 с., Бѣляевъ, 443—444 с. 2) П. С. Р. Л., VIII, 60 с. 3) Собр. гос. гр. и дог., I, №. 35. 4) Бѣляевъ, 451—452 с. 5) Бѣловъ, 96 с., Соловьевъ, IV, 48 с.

и на Руси паче всѣхъ". Великій князь „любве ради иже къ нему на погребеніе его сжалився по немъ, прослезися и плака на многъ часъ" [1]). Старѣйшіе бояре великаго князя сопровождали Василія Дмитріевича въ его путешествіяхъ по Руси [2]) и при ихъ же содѣйствіи произошло сближеніе великаго князя съ Витовтомъ, литовскимъ княземъ, на дочери котораго, Софьѣ Витовтовнѣ, былъ потомъ женатъ Василій Димитріевичъ [3]). Попеченію Витовта онъ поручилъ своего старшаго сына и наслѣдника престола, десятилѣтняго Василія Васильевича, которому Василій Димитріевичъ отказалъ Москву въ завѣщаніи, составленномъ при участіи митрополита Фотія и бояръ: литовскаго выходца, князя Юрія Патрикѣева, Ивана Димитріевича, Михаила Андреевича и др. [4]).

Въ малолѣтство Василія Васильевича бояре вновь заявили о своихъ дипломатическихъ способностяхъ, съумѣвши отстоять въ ордѣ права своего князя на великокняжескій престолъ противъ его дяди, Юрія Димитріевича: Василія Васильевича сопровождалъ въ орду, упомянутый въ завѣщаніи его отца, бояринъ Иванъ Димитріевичъ, который убѣдилъ всѣхъ ордынскихъ князей ходатайствовать за князя Василія вмѣстѣ съ нимъ предъ ханомъ. Князь Василій, говоритъ хану Иванъ Димитріевичъ, „ищетъ стола своего великаго княженія, а твоего улусу по твоему цареву жалованью; а князь Юрій Димитріевичъ хочетъ взяти великое княженіе по мертвой грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованью, а ты воленъ въ своемъ улусѣ, кого восхощешь жаловати на твоей волѣ" [5]). Ханъ отдалъ великое княженіе *Василію Васильевичу Темному* (1425—1462). Но споръ о немъ между дядей и племянникомъ этимъ не окончился. Все княженіе въ Москвѣ Василія Васильевича было бурнымъ и бояре принимали самое дѣятельное участіе въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ

1—3) П. С. Р. Л., VIII, 62—63 с. 4) Собр. гос. гр. и дог., I, №№ 30, 41 и 42. 5) П. С. Р. Л., VIII, 96 с.

Василія Васильевича съ Юріемъ Димитріевичемъ и его сыновьями, Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякой, и неоднократныхъ переходахъ Москвы отъ одной стороны къ другой. Враждебныя отношенія между племянникомъ и дядей начались вскорѣ послѣ того, какъ изъ Москвы отъѣхалъ къ Юрію Димитріевичу бояринъ Иванъ Димитріевичъ (Всеволожскій), оскорбленный отказомъ княгини Софьи Витовтовны женить великаго князя на его дочери [1]). Юрій Димитріевичъ былъ въ это время въ Галичѣ, куда онъ ушелъ изъ пожалованнаго ханомъ г. Дмитріева изъ боязни происковъ московскихъ бояръ. Иванъ Димитріевичъ „началъ подговаривать Юрія Димитріевича на великое княженіе“. Князь Юрій „по его думѣ“ послалъ въ Москву за своими дѣтьми, Василіемъ и Димитріемъ, которые поспѣшили къ отцу, оскорбленные на свадьбѣ великаго князя Софьей Витовтовной. Князь Юрій съ дѣтьми и бояриномъ Иваномъ Димитріевичемъ отправились къ Москвѣ, гдѣ были не приготовлены къ ихъ встрѣчѣ. Великій князь выслалъ было пословъ, своихъ бояръ, Ѳеодора Андреевича Лжа и Ѳеодора Товаркова. Но Юрій „мира не восхотѣ, а Иванъ Димитріевичъ о миру не далъ слова молвити и бысть межи обоихъ бояръ брань велика“. Въ битвѣ на Клязьмѣ Юрій Димитріевичъ разбилъ Василія Васильевича и захватилъ Москву [2]). Однако, московскіе бояре съумѣли расположить въ пользу своего князя любимца Юрія, галицкаго боярина, Семена Морозова, который поссорилъ отца съ сыновьями, убившими за это Морозова и удалившимися изъ Москвы. Оставленный дѣтьми, Юрій Димитріевичъ увидалъ, что онъ не можетъ удержать за собою Москвы, откуда бояре и граждане толпами направились въ Коломну, отданную Юріемъ въ удѣлъ Василію Васильевичу. Юрій Димитріевичъ самъ уступилъ своему племяннику Москву, обѣщался ему не прини-

---

1) Соловьевъ, IV, 56 с., Б.-Рюминъ, I, 410 с. 2) Воск. л., II, 97 с.

мать къ себѣ на службу и не помогать своимъ старшимъ сыновьямъ [1]), а самъ удалился въ свою отчину—Галичъ [2]). Обѣщаніе Юрія было, впрочемъ, скоро имъ нарушено: онъ послалъ воеводъ своихъ съ полками къ Костромѣ, гдѣ засѣли Василій съ Димитріемъ, когда московскія войска подъ предводительствомъ князя, Юрія Патрикѣева приступили къ городу. Въ этой битвѣ москвичамъ не посчастливилось: они были разбиты и самъ московскій воевода былъ взятъ въ плѣнъ. Московское войско потерпѣло и еще неудачу, когда произошла новая битва между самимъ Юріемъ, соединившимся съ своими сыновьями послѣ своего пораженія московскимъ княземъ и разоренія имъ Галича, и Василіемъ Васильевичемъ. Юрій Димитріевичъ разбилъ на голову своего племянника, убѣжавшаго въ Нижній-Новгородъ, и снова захватилъ Москву, гдѣ скоро и скончался [3]).

Послѣ смерти Юрія Димитріевича междоусобія въ княжескомъ московскомъ домѣ не прекратились, а вспыхнули съ еще большей силой. Теперь изъ за Москвы вступили между собою въ борьбу сначала Василій Васильевичъ съ сыновьями Юрія, Димитріемъ Шемякою и Димитріемъ Краснымъ противъ Василія Юрьевича (Косаго), а потомъ, когда послѣдній былъ ослѣпленъ по приказанію Василія Васильевича, между великимъ княземъ и Димитріемъ Шемякой съ братомъ и союзниками, тверскимъ и можайскимъ князьями. Димитрій Шемяка рѣшился захватить Москву, „сдумавше съ своими совѣтники злыми. Мнози же и отъ москвичь въ думѣ съ ними бяша, бояре же и гости; бѣше и отъ чернцовъ въ той думѣ съ ними“. Воспользовавшись отсутствіемъ великаго князя изъ Москвы, который отправился съ своими дѣтьми въ Троицко-Сергіевскій монастырь, Димитрій съ своими союзниками напалъ на Москву, захватилъ княгиню, „а бояръ

1) Собр. гос. гр. и дог., I, № 49 и 50. 2—3) Воскр. л., II, 95 и 100 с.

сущихъ ту изнимавше и пограбиша“ [1]). Въ ту же ночь князь Иванъ Можайскій схватилъ Василія Васильевича вмѣстѣ съ его боярами въ Троицкомъ монастырѣ и привезъ ихъ въ Москву. Шемяка приказалъ его ослѣпить и отправить въ ссылку въ Углече Поле. Утвердившись въ Москвѣ, Димитрій заставилъ присягнуть себѣ всѣхъ московскихъ бояръ; боярина же Ѳеодора Басенка, который „не восхотѣ служити ему“, велѣлъ сковать и бросить въ тюрьму, откуда, впрочемъ, Басенокъ успѣлъ скоро убѣжать въ Литву. Малолѣтнихъ дѣтей Василія Васильевича спасъ отъ гибели князь Юрій Ряполовскій, который отправился съ ними и своими братьями, Семеномъ и Димитріемъ, въ Муромъ. Шемяка, опасаясь какихъ-либо нападеній на себя со стороны бояръ, окружавшихъ дѣтей Василія Васильевича, подослалъ къ нимъ митрополита Іону, который долженъ былъ убѣдить Ряполовскихъ и другихъ бояръ привезти дѣтей въ Москву. Но когда бояре, послушавши Іоны, прибыли съ дѣтьми и владыкой, Шемяка отослалъ всѣхъ ихъ въ ссылку къ отцу въ Угличъ. Князья Ряполовскіе, оскорбленные такимъ вѣроломнымъ поступкомъ съ ними Шемяки, „начаша мыслити, како бы князя великаго выняти“. Къ нимъ пристало много другихъ московскихъ бояръ: князь Иванъ Васильевичъ Стрига, Иванъ Ощера съ братомъ, Бобромъ, Юшко Драница, Семенъ Филимоновъ съ дѣтьми, Русалка, Руно „и иные многіе дѣти боярскіе, дворовые великаго князя“. Когда вѣсть о боярскомъ заговорѣ дошла до Шемяки, тотъ послалъ къ Угличу войско, которое и было разбито. Шемяка, видя то, что „про великаго князя мнози людіе отступаютъ отъ него, начатъ думати съ княземъ Иваномъ и съ владыками и съ боляры выпустити ли его или ни“ [2]). Уступая просьбамъ митрополита Іоны, Шемяка рѣшился дать Василію Васильевичу въ удѣлъ

1—2) Воскр. л., II, 115 и 117—118 с.

Вологду, взявши съ него клятву „не искати подъ нимъ великаго княженія". Услыхавши про освобожденіе великаго князя, московскіе бояре оставили Димитрія и ушли въ Вологду, а потомъ и Тверь, куда перебрался изъ Вологды Василій Васильевичъ, несчитавшій себя связаннымъ невольной клятвой, которую онъ далъ Шемякѣ. Къ Василію Васильевичу примкнулъ князь Василій Ярославовичъ вмѣстѣ съ московскими боярами, уже выступившими на защиту правъ великаго князя (Иванъ Стрига, Ощера, Басенокъ и др.). Воспользовавшись отсутствіемъ Шемяки изъ Москвы, Василій Васильевичъ „послалъ къ Москвѣ боярина своего Михаила Борисовича Плещеева „съ малыми зѣло людьми", который и захватилъ ее. Послѣ этого Василій Васильевичъ отправился слѣдомъ за Шемякой, который убѣжалъ въ Каргополь, захвативъ съ собой мать великаго князя, Софью Витовтовну. Изъ Ярославля Василій Васильевичъ отправилъ къ Шемякѣ своего боярина, Василія Θеодоровича Кутузова съ просьбою отпустить его мать. „Князь же Димитрій, обдумавше съ бояры своими", отпустилъ Софью Витовтовтовну вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ, Михаиломъ Θеодоровичемъ Сабуровымъ и боярскими дѣтьми, которые всѣ и остались на службѣ князя [1]). Василій Васильевичъ укрѣпился на московскомъ престолѣ посредствомъ цѣлаго ряда договоровъ съ Шемякой, можайскими князьями и Василіемъ Ярославичемъ серпуховскимъ [2]). Димитрій Шемяка порывался было снова выступить противъ Василія Васильевича, но встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны московскихъ бояръ (при Костромѣ) и самого великаго князя (при Галичѣ) [3]). Послѣ своего послѣдняго пораженія при Устюгѣ Шемяка жилъ недолго; онъ умеръ въ 1454 г. въ Новгородѣ [4]). Союзники же Шемяки, можайскій и серпуховскій князья были лишены Василіемъ

1, 3 4) Воскр. л., II, 119—121, 122—123, 125 и 144 с. 2) Собр. гос. гр. и дог., I, №№ 63—75, 78—79.

Васильевичемъ своихъ удѣловъ, которые были присоединены имъ къ Москвѣ [1]). Василій Васильевичъ пріобрѣлъ значительное вліяніе на Новгородъ при помощи своихъ бояръ (Ивана Васильевича Оболенскаго Стриги, Басенка и др.), съ которыми онъ ходилъ на Новгородъ по смерти Шемяки. Новгородцы были разбиты при Русѣ Стригой и Басенкомъ. Великій князь, „послуша моленья новгородскаго архіепископа, Евфимія и братіи своей и бояръ“ заключилъ съ Новгородомъ миръ на тяжелыхъ для него условіяхъ [2]). Въ остальные годы своей жизни Василій Васильевичъ правилъ Москвой мирно съ помощью своего сына, Ивана и бояръ, сдѣлавшихъ такъ много при немъ для укрѣпленія Москвы и усиленія въ ней монархической власти [3]). Слѣпота Василія Васильевича не помѣшала ему отстаивать свои права на великое княженіе московское, въ чемъ ему усердно помогали, какъ мы видѣли, умные и рѣшительные бояре: князья Патрикѣевы, Ряполовскіе, Басенокъ и др. [4]).

Мы видимъ теперь, какъ много значили бояре въ Москвѣ въ первое время ея самостоятельной политической жизни. Съ самого возникновенія, и особенно въ теченіе всего дальнѣйшаго развитія московскаго княжества до времени Іоанна Васильевича III московскіе бояре руководили князьями и твердо и энергично отстаивали интересы Москвы въ ордѣ и при ея столкновеніяхъ съ удѣльными князьями. Мы знаемъ, что въ это первое время самостоятельности московскаго государства боярамъ принадлежало важное право участія въ *совѣтѣ* князя и въ управленіи государствомъ и посредничество въ спорахъ между московскими князьями и удѣльными, также какъ и право рѣшенія споровъ между боярами различныхъ княжествъ. Бояре сохранили за собою и право „отъѣзда“ отъ московскаго князя къ кому-либо изъ удѣль-

---

1—2) Воскр. л., II, 144 и 147 с. 3) Сергѣевичъ, 67—70 с. 4) Соловьевъ, IV, 53—122 с., Костомаровъ, I, 246 с.

ныхъ въ случаѣ неудовольствія или просто нежеланія служить великому князю. Причемъ князья, отъ которыхъ отъѣзжали бояре, обѣщались въ своихъ договорныхъ грамотахъ сохранять неприкосновеннымъ оставшееся послѣ нихъ имущество (вотчины, селы и дома), судить и брать съ пріѣхавшихъ на службу бояръ „дань“ такую же, какъ и съ своихъ. Бояре широко пользовались всѣми этими правами, поощряемые самими московскими князьями, нуждавшимися въ службѣ большаго ихъ числа для усиленія Москвы. Если мы теперь припомнимъ, что бояре пользовались своими важными политическими правами еще ранѣе возникновенія Москвы, гдѣ эти права были признаны и сохранены за ними даже до времени Ивана Васильевича Грознаго [1]), предпринявшаго рѣшительную борьбу съ боярами изъ за политическаго преобладанія въ странѣ, то мы вправѣ утверждать, что это ихъ преобладаніе въ управленіи существовало въ теченіе всего удѣльно-вѣчеваго періода русской исторіи и сообщало ему аристократическій характеръ. Въ особенности это можно сказать о второй половинѣ удѣльной эпохи,—времени возникновенія и развитія московскаго княжества (XIII—XV ст.), когда бояре постепенно складываются въ богатый землевладѣльческій классъ, пріобрѣтаютъ рѣшительный перевѣсъ надъ другими классами русскаго общества и принимаютъ видное участіе въ созданіи и управленіи всѣми дѣлами московскаго государства. Политическое значеніе бояръ должно было усилиться въ Москвѣ, отчасти, вслѣдствіе нашествія на Русь татаръ, благодаря которому прекратились древне-русскія народныя собранія, существовавшія на Руси еще до призванія князей, какъ само-

---

1) Въ послѣдней договорной грамотѣ между Василіемъ Ивановичемъ (1531 г.) и его братомъ еще предоставляется „боярамъ, боярскимъ дѣтямъ и слугамъ вольнымъ воля“ и содержится обѣщаніе „блюсти“ чужихъ бояръ, какъ и своихъ, и не стѣснять ихъ въ выборѣ службы князю: „а кто которому князю служитъ, гдѣ бы ни жилъ, съ тѣмъ ему ѣхати, которому служитъ“ (Собр. гос. гр. и дог., I №№ 160 и 161).

стоятельный органъ государственной власти, первоначальная форма древне-русскаго политическаго быта [1]). При господствѣ татаръ надъ Русью народъ не могъ сопротивляться преобладающей силѣ татаръ и рѣшать самостоятельно общественныя дѣла, а долженъ былъ молчаливо исполнять волю завоевателей и подчиняться возрастающей постепенно власти московскихъ князей. Кромѣ того, народъ не могъ собираться на вѣча при страшномъ опустошеніи всей страны татарами и періодическихъ ихъ нашествіяхъ на Русь, когда каждому приходилось думать только о своемъ спасеніи, а не объ общественныхъ дѣлахъ [2]). На сѣверѣ Руси (въ Новгородѣ и Псковѣ) вѣче продолжало существовать до начала XVI ст. и здѣсь ему должны были подчиняться князь и бояре, между тѣмъ какъ въ южной, кіевской Руси вѣче не имѣло опредѣленнаго и устойчиваго характера даже въ пору своего здѣсь существованія (до нашествія татаръ) [3]). Мы видѣли, какую важную роль играла дружина въ кіевской Руси: князья здѣсь должны были сообразоваться съ мнѣніемъ своихъ дружинниковъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и дѣлахъ управленія подъ опасеніемъ неудачи своихъ плановъ въ случаѣ игнорированія ими мнѣнія дружины. Вліяніе ея увеличивалось еще и тѣмъ, что вѣча въ кіевской Руси собирались сравнительно рѣдко [4]) и притомъ въ числѣ народныхъ собраній было нѣсколько такихъ, которыя имѣли характеръ скорѣе засѣданій боярской думы, нежели вѣча. Таковы были совѣщанія Владиміра (983 г.) съ городскими старѣйшинами и боярами о принесеніи жертвы идоламъ и о принятіи христіанской вѣры (987 г.): въ этихъ собраніяхъ „людіе" только выслушивали мнѣнія князя и лучшихъ бояръ, а въ первомъ еще

---

1) Сергѣевичъ: „Вѣче и князь", 1 и 66 с., В.-Будановъ, 48—50 с., Б.-Рюминъ, I, 206 с. 2) Сергѣевичъ, ibidem, 21 с, Загоскинъ: „Очеркъ организаціи московскаго служилаго сословія", 62 с., „Исторія права моск. государства", 16 с., Бѣляевъ, Лекціи etc., 310 с. 3) Латкинъ, 4—7 с., Бѣловъ, 75 с. 4) Бѣловъ, 76—77 с.

исполнили ихъ рѣшеніе. Можно предположить, что на усиленіе дружиннаго элемента въ кіевской Руси имѣли вліяніе сношенія кіевской дружины съ галицкими боярами, которые сильно ограничивали власть своихъ князей [1]). Какъ бы то ни было даже и немногочисленныя кіевскія вѣча должны были до извѣстной степени ограничивать политическую силу дружины своимъ участіемъ въ управленіи (призваніи князя и рядѣ съ нимъ, въ внѣшнихъ сношеніяхъ и пр.) [2]), хотя и не такимъ обширнымъ и опредѣленнымъ, какимъ пользовалось вѣче въ Новгородѣ и Псковѣ [3]). Съ нашествіемъ татаръ, опустошившихъ кіевскую Русь и подчинившихъ себѣ все ея населеніе, государственная жизнь переходитъ съ юга на сѣверъ Руси, въ ростовско-суздальскую волость, гдѣ и образуется московское княжество. Почти съ перваго момента возникновенія Москвы въ ней начинаетъ складываться сильная монархическая власть московскихъ князей, благодаря цѣлому ряду благопріятныхъ обстоятельствъ.

Съ самого начала основанія Руси были принесены въ нее греческимъ духовенствомъ вмѣстѣ съ христіанской вѣрой и византійскія теократическіи воззрѣнія на высшую, верховную власть князя. Идея о самодержавіи проявилась впервые въ опредѣленной формѣ въ дѣятельности Андрея Боголюбскаго, желавшаго „быти единымъ властелемъ всея русскія земли“. Московскіе князья поспѣшили на первыхъ же порахъ самостоятельной жизни московскаго княжества вступить въ союзъ съ духовенствомъ и сдѣлать изъ Москвы центръ религіозно-нравственной жизни для всей Руси: князья хорошо сознавали всю важность для развитія ихъ власти проводимаго въ проповѣдяхъ духовенствомъ взгляда на ихъ княжескую власть, какъ на божественное учрежденіе. Поэтому уже при Иванѣ Даниловичѣ митрополичья кафедра переносится изъ Владиміра въ Москву. Ожиданія и надежды московскаго

1) См. ниже. 2—3) Сергѣевичъ, 66—85 с., Латкинъ, ibidem.

князя скоро оправдались. Митрополиты: Петръ, Алексѣй, Іона и ихъ преемники дѣятельно помогаютъ московскимъ князьямъ въ достиженіи ими единодержавія на Руси, путешествуютъ въ орду для того, чтобы отстоять тамъ ихъ интересы, и становятся на сторону московскихъ князей при ихъ столкновеніяхъ съ удѣльными князьями и непокорнымъ населеніемъ. Власть московскихъ князей должна была усилиться и вслѣдствіе завоеванія Руси татарами: въ это время пала самостоятельность земщины и ея органа—вѣча и московскій князь сдѣлался посредникомъ между ханомъ и русскими удѣльными князьями. Московскіе князья, отличавшіеся особеннымъ тактомъ, ловкостью и изворотливостью въ своихъ сношеніяхъ съ ордой, умѣли воспользоваться почти безпрерывными безпорядками въ ордѣ и соперничествомъ разныхъ претендентовъ на ханскій престолъ для того, чтобы взять верхъ надъ другими удѣльными князьями (въ особенности тверскимъ) и подчинить ихъ Москвѣ, какъ великому и главнѣйшему русскому княженію. Въ этомъ случаѣ много помогалъ московскимъ князьямъ постепенно установившійся обычай сбора дани (ордынскаго выхода) со всѣхъ удѣльныхъ князей московскими князьями, которые выговаривали себѣ это право въ договорахъ съ ними [1]). Собирая дань для хана, московскіе князья брали ее въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько сами отвозили въ орду, и употребляли остатки на покупку городовъ, селъ и земель у сосѣднихъ удѣльныхъ князей. Свои „прикупки“ и „промысли“ московскія князья обыкновенно передавали членамъ своей же семьи [2]). Это обогащеніе московскихъ князей способствовало усиленію политическаго ихъ могущества и преобладанію ихъ надъ остальными удѣльными князьями [3]). Но эта цѣль не могла бы быть

1) Собр. гос. гр. и дог., I, №№ 27, 33, 49, 50, 52, 53—59 и др. 2) №№ 30, 34, 42, 86, 87 и др.; ср , Соловьевъ, IV, 35 стр. и сл. 3) Въ договорахъ между московскими и удѣльными князьями обыкновенно послѣдніе обязывались

такъ скоро и полно достигнута, если бы московскимъ князьямъ не оказали энергичной помощи московскіе бояре, личные разсчеты которыхъ совпадали съ централизаціонной политикой московскихъ князей. Служба у богатаго московскаго князя, который могъ надѣлять ихъ большимъ имуществомъ и лучше другихъ удѣльныхъ князей могъ охранить его и личность самихъ бояръ отъ татарскаго произвола, представлялась имъ выгодною во всѣхъ отношеніяхъ. Отсюда понятно, почему въ Москву стекались бояре изъ всѣхъ частей Руси: здѣсь они надѣялись пріобрѣсти вліяніе при дворѣ великихъ московскихъ князей, щедро жаловавшихъ знатнымъ пришельцамъ разнаго рода льготы и преимущества [2]). Наплывъ въ Москву бояръ изъ разныхъ княженій начинается со времени Ивана Даниловича, при которомъ прибылъ изъ Кіева (въ 1332) въ Москву бояринъ Родіонъ Несторовичъ съ своими сыновьями и огромной свитой. При Димитріи Ивановичѣ явился съ юга же бояринъ Димитрій Боброкъ, при Василіи Васильевичѣ литовскій выходецъ, князь Юрій Патрикѣевъ и т. д. Въ тоже время совершается постоянный притокъ въ среду московскихъ бояръ другихъ иностранныхъ аристократическихъ элементовъ (знатныхъ фамилій,—татарскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и др. [3]). Знатные выходцы съ юга и изъ разныхъ сосѣднихъ странъ, являясь въ Москву, находили здѣсь себѣ соперниковъ въ боярахъ, занимавшихъ первыя мѣста при дворѣ великаго князя. Новые бояре, понятно, не желали мириться съ тѣмъ, чтобы быть на службѣ князя ниже этихъ старыхъ московскихъ бояръ и рѣшались вступить къ нему на службу только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы князь далъ имъ такое же высокое

„держати честно и грозно великое московское княженіе“ (Собр. гр. и дог., I, №№ 27, 61, 64, 66, 69, 70 и др.), т. е., признавать высшій авторитетъ московскаго князя. 1) Соловьевъ, IV, 132—135 с., Б.-Рюминъ, I, 387—391 с., Загоскинъ, „Исторія права московскаго государства“, I, 11—25 с. 2) Загоскинъ, Очеркъ etc., 124 с. и сл., Яблочковъ, 76—79 с.

мѣсто при своемъ дворѣ, какое имѣли при немъ и другіе знатные бояре. Но чтобы удовлетворить эту претензію пришлыхъ бояръ, услугъ которыхъ московскій князь не хотѣлъ лишаться, онъ долженъ былъ сначала лишить высокаго мѣста при дворѣ соперника пріѣхавшаго боярина, понизить его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ тѣхъ бояръ, которые находились подъ нимъ. Подобный способъ обезпеченія преобладанія при дворѣ и въ управленіи пріѣхавшимъ въ Москву боярамъ на счетъ бояръ московскихъ назывался „заѣздомъ". Такъ упомянутый не разъ бояринъ Родіонъ Несторовичъ „заѣхалъ" при Иванѣ Даниловичѣ боярина Іакинфа Шубу, который поспѣшилъ отъѣхать къ младшему тверскому князю и былъ потомъ убитъ своимъ соперникомъ. Въ это время еще можно было мѣнять Москву на Тверь, такъ какъ Москва еще не была такъ сильна и богата, какъ впослѣдствіи. Но потомъ, когда Москва взяла явный перевѣсъ надъ другими удѣльными княжествами и боярскіе роды обжились въ ней, имъ стало невыгодно отъѣзжать изъ Москвы и они соглашались лучше уступить свое мѣсто заѣхавшему ихъ пришельцу, чѣмъ оставить Москву. Такъ при Димитріи Донскомъ бояринъ Димитрій Михайловичъ Боброкъ заѣхалъ Тимофея Васильевича Вельяминова, который уступилъ ему свое мѣсто. При Василіи Димитріевичѣ князь Юрій Патрикѣевъ заѣхалъ нѣсколькихъ бояръ (Шею, Голтяя и др.) и занялъ высшее мѣсто при дворѣ, породнившись съ великимъ княземъ [1]). Московскіе князья охотно допускали подобные заѣзды однихъ бояръ другими—выходцами, которые потомъ становились преданными имъ людьми. Заѣзды эти были выгодны московскимъ князьямъ, увеличивали ихъ власть, такъ какъ они вносили зависть и раздоры въ среду боярства и препятствовали образованію изъ него крѣпко сплоченнаго и

1) Соловьевъ, IV, 196—197 с., Бѣляевъ, Лекціи etc., 305 с., Яблочковъ, 91 с.

могущественнаго сословія. Раздоры между боярами усилились еще болѣе при послѣдующемъ увеличеніи заѣздовъ бояръ удѣльными князьями, переходившими на службу московскихъ князей послѣ присоединенія ихъ удѣловъ къ Москвѣ. Заѣзды бояръ другъ другомъ положили начало ихъ родовымъ счетамъ и борьбѣ изъ за первенства на службѣ у московскаго князя и породили *мѣстничество* [1]), которое поддерживало среди бояръ безпрерывную вражду, разъединяло между собою членовъ боярскаго сословія, развивало въ нихъ личные, эгоистическіе разсчеты и тѣмъ подрывало соціально-политическое значеніе боярства, какъ одного корпоративнаго цѣлаго. Приливъ въ Москву Рюриковичей и литовскихъ князей (Гедиминовичей) особенно сталъ замѣтнымъ со времени Василія Васильевича Темнаго [2]). Политическая сила бояръ, которую они успѣли тогда пріобрѣсти, ослаблялась еще вліяніемъ московскихъ митрополитовъ, поддерживавшихъ своею дѣятельностью власть московскихъ князей [3]). Сами московскіе князья спѣшатъ закрѣпить свою единодержавную власть на Руси такой организаціей служилаго сословія, которая совершается, съ одной стороны, приниженіемъ правъ бояръ, какъ членовъ самостоятельнаго сословія, а съ другой постепеннымъ возвышеніемъ правъ дворянъ [4]).

Ослабленіе политическаго значенія боярства достигается мудро разсчитанной и настойчиво проводимой, объединительной политикой московскихъ князей, стремившихся къ тому, чтобы усилить свою власть на счетъ удѣльныхъ князей и всѣхъ служилыхъ людей. Удѣльные князья, переходившіе на службу московскихъ, становились въ ряды бояръ, занимали высшее среди нихъ мѣсто; но они не смѣшались сразу съ боярами, а сохранили за собою нѣкоторыя владѣльческія права, идущія въ разрѣзъ съ политическими стремленіями

1) В.-Будановъ, 123 с., Бѣляевъ, ibidem. 2) Бѣловъ, 91, 96 с. 3) Бѣловъ, 93 с. 4) В.-Будановъ, 117 с.

московскихъ князей [1]). Поэтому въ Москвѣ рано (со времени Василія Васильевича—съ 1428 г.) появляется взглядъ, что необходимо ограничить полное право удѣльныхъ князей распоряженія своими вотчинами, не позволять имъ переходить съ своими вотчинами на службу къ другимъ удѣльнымъ князьямъ. Этотъ взглядъ московскихъ князей выразился въ договорныхъ ихъ грамотахъ съ удѣльными князьями въ условіи, которое должны были соблюдать обѣ стороны: „а князей ти моихъ служебныхъ себѣ не принимати, а которые имутъ тобѣ служити и имъ въ вотчину въ свою не вступатися" [2]). Слѣдовательно, отъѣзжать съ вотчинами къ другимъ князьямъ позволялось только простымъ боярамъ, которые сохранили это право до смерти Іоанна Васильевича III. Въ его духовномъ завѣщаніи (1504 г.) мы находимъ отмѣну этого права по отношенію къ ярославскимъ боярамъ: „а боярамъ и дѣтямъ боярскимъ ярославскимъ съ своими вотчинами и куплями отъ моего сына, сказано въ завѣщаніи, никуда не отъѣхати, а кто отъѣдетъ и земли ихъ сыну моему; а служатъ ему и онъ у нихъ въ ихъ земли не вступается" [3]). Вѣрные своей объединительной политикѣ, московскіе князья стараются ограничить право отъѣзда всѣхъ служилыхъ людей съ самого начала образованіи московскаго княжества [4]), хотя ихъ стремленія долго разбивались объ упорство бояръ, стойко отстаивавшихъ это свое право. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что на первыхъ порахъ было въ интересахъ Москвы сохранить за служилыми людьмн право свободнаго отъѣзда: московскіе князья сильно нуждались въ безпрерывномъ притокѣ въ Москву свѣжихъ силъ, новыхъ служилыхъ людей, такъ дѣятельно помогавшихъ усиленію власти Москвы надъ удѣльными князьями и ордой [5]). Съ ослабленіемъ и совер-

1) В.-Будановъ, 117—118 с., Загоскинъ, 71 с. 2) Собр. гос. гр. и дог., I, №№ 43, 44, 49, 50, 52, 53—59 п др. 3) № 144. 4—5) М. Дьяконовъ: „Власть московскихъ государей", Спб., 1889, 174 с. и сл. и 172 с.

шеннымъ сверженіемъ татарскаго ига, также какъ и уничтоженіемъ послѣдняго удѣла Верейскаго князя при Иванѣ Васильевичѣ III [1]) должно было исчезнуть и право перехода бояръ къ удѣльнымъ князьямъ. Для отъѣздовъ бояръ оставалась одна только Литва,—государство иновѣрное и враждебное Москвѣ, которая стала смотрѣть теперь на переходъ московскихъ бояръ къ литовскому князю, какъ на измѣну. Поэтому при Иванѣ Васильевичѣ встрѣчается первый примѣръ клятвенной записи князя Даніила Димитріевича Холмскаго, который даетъ обѣщаніе (1474) великому князю: „не отъѣхати отъ своего Осподаря, отъ великаго князя Ивана Васильевича, ни отъ его дѣтей къ иному ни къ кому“ [2]). Служилые князья и бояре прикрѣплялись къ мѣсту налагаемою на нихъ въ Москвѣ обязанностью нести военную службу въ силу владѣнія вотчинами, своими и жалуемыми князьями. И служебные князья, и бояре не могли покупать земли другъ у друга въ удѣлахъ въ виду того, чтобы земля не потеряла своей служебной силы [3]).

Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ правъ служилыхъ князей и ихъ приравненіемъ къ остальнымъ служилымъ людямъ московскихъ князей ими предпринимается расширеніе правительственнаго значенія дворянъ, находившихся на службѣ у московскихъ князей. Дворянами назывались со времени Андрея Боголюбскаго лица, принадлежавшія къ низшему классу придворныхъ чиновъ [4]). Дворяне обозначались въ княжескихъ договорахъ, какъ вольные слуги и слуги подъ дворскимъ; первые были лично свободными людьми, пользовавшимися правомъ свободнаго отъѣзда отъ одного князя къ другому наравнѣ съ боярами и боярскими дѣтьми: „а боярамъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“, говорилось въ договорахъ. Слуги, подчиненные дворскому, были

---

1) Соловьевъ, V, 107—108 и 64—67 с., Собр. гос. гр. и дог., I, № 121. 2) № 103., 3) Загоскинъ, 64—67 с., 4) Соловьевъ, I, 248, II, 262 с.

несвободны лично и не имѣли права отъѣзда: „а боярамъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворскимъ, вольнымъ воля. А кто будетъ подъ дворскимъ, слугъ тѣхъ дѣти мои (Василія Димитріевича) промежи себе не принимаютъ“[1]). Дворяне получали за свою невольную службу при дворѣ во владѣніе наравнѣ съ боярами *помѣстья* еще со времени Ивана Даниловича, въ духовномъ завѣщаніи котораго упоминается о первомъ русскомъ помѣщикѣ, Борискѣ Ворчковѣ, которому князь пожаловалъ на помѣстномъ правѣ село Богородское въ Ростовѣ[2]). По мѣрѣ увеличенія имущественныхъ правъ дворянъ возникаетъ и ихъ личная свобода, пока, наконецъ, они не сливаются (при Іоаннѣ Грозномъ) вмѣстѣ съ боярами въ одно служилое сословіе московскаго государства. Но составляло ли боярство уже въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи самостоятельное сословіе съ характерными признаками этой общественной группы: опредѣленной, привиллегированной и наслѣдственной, профессіей, признанной со стороны государства за ея корпоративное право[3])? Отъ того или другаго отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ и рѣшеніе другаго, можно ли назвать удѣльно-вѣчевой періодъ аристократическимъ, или же уже тогда на Руси появилась чистая, неограниченная монархія? Отвѣчать на всѣ эти важные вопросы можно только послѣ предварительнаго, но необходимаго замѣчанія, что къ изученію первоначальнаго періода исторической жизни у каждаго народа невозможно примѣнять тѣже взгляды и термины, которые составляютъ достояніе эпохъ съ болѣе развитой культурой. Въ первое время исторической жизни общества трудно уловить систематическое развитіе одного начала, указать на опредѣленныя юридическія и политическія формы первоначальнаго общества; здѣсь въ одно и тоже время возникаютъ, смѣ-

1) Собр. гр и дог., I, № 40. 2) № 22. 3) В.-Будановъ: „Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка“. Ярославль, 1874, 90—93 с., Bluntschli: „Allgemeines Staatsrecht“, 4 Auflage, 102—103 s. und folg. и 182 s.

шиваются и переплетаются другъ съ другомъ самые разнообразные принципы, изъ совмѣстнаго существованія въ жизни и взаимныхъ столкновеній которыхъ вырабатываются впослѣдствіи опредѣленныя общественныя учрежденія. Чистая монархія съ ея юридически опредѣленною, единоличною и неограниченною властью появляется у насъ только со времени Петра I, хотя процессъ образованія этой формы политическаго быта начался еще съ самого перваго времени основанія московскаго княжества [1]); только она не успѣла еще сложиться въ московскомъ государствѣ [2]). Въ первоначальный же, удѣльный періодъ русской исторіи, когда вся общественная жизнь отличалась отсутствіемъ юридической правильности [3]), рядомъ съ монархическимъ началомъ существовали и власть вѣча въ южной Руси и на ея сѣверѣ (въ Новгородѣ, Псковѣ и Вяткѣ), и власть дружины, бояръ, слѣдовательно, какъ демократическое, такъ и аристократическое начало. Вліяніе вѣча на жизнь московскаго государства парализовалось нашествіемъ татаръ на Русь, уничтожившимъ самостоятельность общинной жизни въ русской землѣ. Но боярство перешло съ юга на сѣверъ Россіи съ такими же правами, какими оно обладало въ кіевской Руси. Не смотря на то вліяніе на управленіе, какое дружина имѣла въ теченіе кіевскаго періода, она не могла образовать въ это время единой и прочной корпораціи вслѣдствіе разнородности своего состава, отсутствія осѣдлости, постоянныхъ отъѣздовъ отъ одного князя къ другому и извѣстнаго вліянія вѣча и князя на все управленіе [4]). На сѣверѣ Руси, въ ростовской землѣ бояре принимаютъ рѣшительное участіе въ борьбѣ старыхъ городовъ съ ихъ пригородами и съ такими политическими традиціями переходятъ на службу къ московскимъ князьямъ. Во всю первую половину его образованія и вторую—удѣльнаго періода мы замѣ-

---

1) Латкинъ, 5—7 с. 2) Сергѣевичъ: „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“, 702 с. 3) Б.-Рюминъ, I, 206 с. 4) В.-Будановъ, ibidem, 31—33 с.

чаемъ два процесса, совершающихся параллельно: рядомъ съ постепенно усиливающеюся властью московскихъ государей развивается политическая сила московскаго боярства, представлявшаго собою группу богатыхъ землевладѣльцевъ, которые обладали такими важными правительственными правами, какъ *неотъемлемое* отъ бояръ право совѣщаній и участія съ княземъ въ дѣлахъ управленія, право свободнаго отъѣзда и посредничества въ междукняжескихъ столкновеніяхъ. Но процессъ развитія власти московскихъ князей шелъ быстрѣе процесса образованія самостоятельнаго боярскаго сословія съ опредѣленными корпоративными правами. Первый изъ нихъ парализовалъ послѣдній. Но прежде, однако, чѣмъ произошла побѣда монархическаго начала надъ аристократическимъ въ московскомъ государствѣ, боярство было долго дѣйствительной политической силой, которую не могли игнорировать ни кіевскіе князья, ни московскіе. Мы знаемъ, какъ бояре въ кіевской Руси напоминали при случаѣ князю о томъ, что онъ не можетъ безъ ихъ совѣта и согласія ничего „ни замыслити, ни сотворити“, и отказывались участвовать въ предпріятіяхъ, затѣянныхъ безъ предварительныхъ совѣщаній съ ними. Каждому также бросается въ глаза несомнѣнный фактъ безчисленныхъ *совѣщаній* съ боярами о дѣлахъ управленія князей кіевскихъ и первыхъ московскихъ, свѣдѣніями о которыхъ испещрены многочисленныя страницы лѣтописей. Исторія дѣятельности первыхъ московскихъ князей полна фактами виднаго участія бояръ въ управленіи и образованіи московскаго княжества при продолжительномъ сохраненіи права свободной, необязательной службы бояръ московскому князю. Если теперь мы обратимъ вниманіе на то, что общественная жизнь московскаго государства регулировалась, въ особенности на первыхъ порахъ, нормами обычнаго права („пошлиной“, „стариной“) [1]), дѣй-

---

1) Сергѣевичъ: „Опыты изслѣдованія обычнаго права“. Наблюдатель, 1882, 1—2 кн.

ствіе котораго не зависитъ ни отъ уставовъ, ни отъ регламентовъ [1]), то мы вправѣ заключить, что московскому боярству дѣйствительно принадлежала не одна только важная фактическая, но и значительная юридическая роль въ управленіи московскимъ государствомъ. Для такого ихъ господства здѣсь не было недостатка даже въ формальномъ признаніи правительственныхъ правъ бояръ московскими князьями, которое заключалось въ междукняжескихъ договорахъ. Политическое значеніе боярства ослаблялось централизаціонной политикой московскихъ князей, но оно исчезало только постепенно: слѣды когда-то могущественнаго значенія бояръ встрѣчаются не только въ началѣ собственно московскаго періода (съ Іоанна Васильевича III), но заходятъ далеко и въ императорскій періодъ русской исторіи. Вслѣдствіе безпрерывно развивающейся власти московскихъ великихъ князей, благодаря цѣлому ряду благопріятныхъ обстоятельствъ, и, между прочимъ, настойчиво и послѣдовательно преслѣдуемому ими плану лишить бояръ всѣхъ ихъ политическихъ правъ и обратить ихъ только въ *служилое сословіе*, московскіе бояре не могли сложиться въ самостоятельное, независимое сословіе, обладающее исключительнымъ вліяніемъ на все управленіе. Тѣмъ не менѣе можно утверждать, что въ удѣльный періодъ было много данныхъ для образованія изъ бояръ сословія съ самостоятельнымъ политическимъ значеніемъ. Московское боярство было близко къ тому, чтобы сдѣлаться въ московскомъ государствѣ необходимымъ и самостоятельнымъ факторомъ всего управленія. Право участія въ немъ принадлежало всѣмъ боярамъ и было признано московскими князьями за всѣми членами боярскихъ родовъ, какъ скоро они поступали къ нимъ на службу. Только бояре могли переходить съ своими вотчинами отъ одного князя къ другому, хотя въ тоже время

---

1) В.-Будановъ, Рецензія на соч. Ключевскаго и Загоскина, 118 с.

московскіе князья рано устанавливаютъ ограниченія въ этомъ отношеніи для служилыхъ (удѣльныхъ) князей. Только бояре имѣли независимое право собственности, право владѣть вотчинами, своими и пожалованными имъ княземъ съ обязательствомъ отправлять службу государеву; въ своихъ вотчинахъ бояре пользовались многими правами самостоятельнаго управленія и суда надъ ихъ населеніемъ [1]). Бояре же издавна получали отъ московскихъ князей въ кормленіе города и волости съ судомъ и данью [2]),—право, признанное за ними также въ договорахъ [3]). Наконецъ, только бояре содержали свои дворы (дружины) и были необходимыми посредниками въ спорахъ между князьями. Сами бояре хорошо понимали всю важность своихъ сословныхъ, политическихъ правъ, крѣпко держались за нихъ и упорно и долго отстаивали ихъ впослѣдствіи, какъ это доказываетъ ожесточенная борьба съ боярскимъ сословіемъ Іоанна Грознаго, сломившаго политическую силу бояръ, но не уничтожившаго окончательно властолюбивыя ихъ притязанія. Эти послѣднія оживали не разъ послѣ Грознаго при всякаго рода благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ критическія эпохи русской исторіи, когда монархическая власть русскихъ государей ослабѣвала. Въ такія времена бояре спѣшили захватить въ свои руки все управленіе государствомъ, которое, однако, они не могли удержать въ нихъ послѣ того, какъ прекращалась въ государствѣ смута и на русскій престолъ снова всходилъ монархъ, начинавшій управлять Россіей со всею полнотою и неограниченностью своей власти. Такую продолжительную живучесть боярскихъ притязаній на исключительное значеніе въ управленіи трудно объяснить, не имѣя въ виду факта дѣйствительнаго преобладанія въ управленіи бояръ въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исто-

---

1—2) В.-Будановъ: „Обзоръ исторіи русскага права", 11 с. 3) Собр. гос. гр. и дог., I, № 27.

ріи, когда они имѣли и самостоятельный органъ своей власти въ видѣ *боярской думы*.

Боярская дума была въ древней Руси высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, соціально-политическое значеніе котораго связывалось съ исторіей образованія боярскаго сословія, всѣми измѣненіями въ его составѣ и отношеніемъ его къ власти князей, также какъ и съ развитіемъ княжеской власти въ московскомъ государствѣ. Конечно, трудно опредѣлить точнымъ образомъ взаимное отношеніе боярской думы къ другимъ элементамъ власти въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи, особенно же во вторую его половину, когда на ряду съ образованіемъ самостоятельнаго боярскаго сословія совершался въ московскомъ княжествѣ процессъ развитія монархической власти московскихъ великихъ князей, парализовавшій во многомъ превращеніе боярства въ замкнутое отъ остальнаго населенія сословіе. Разрѣшеніе даннаго вопроса усложняется еще свойственнымъ первоначальной эпохѣ жизни всякаго, а также и русскаго общества отсутствіемъ опредѣленныхъ формъ соціальнаго и политическаго быта. Мы можемъ только указать на разницу въ политическомъ значеніи боярской думы въ кіевской Руси и первое время существованія московскаго государства (до начала XVI ст.): на югѣ боярская дума была земскимъ совѣтомъ лучшихъ людей каждой волости, рѣшавшихъ съ княземъ всѣ дѣла управленія [1]). Въ сѣверной, московской Руси боярская дума сдѣлалась органомъ княжеской власти и вмѣстѣ съ тѣмъ боярскаго сословія, дѣйствовавшаго заодно съ московскими князьями и пріобрѣтшаго при усиленіи ихъ власти богатство и могущество въ государствѣ [2]). Но какъ въ кіевской Руси, такъ и московскомъ государствѣ боярская дума имѣла опредѣленный составъ и функціи, по крайней

1—2) В.-Будановъ, ibidem, 43 и 155—156 с.

мѣрѣ, на сколько это можно сказать на основаніи лѣтописныхъ данныхъ. Обыкновенно лицами, участвовавшими въ засѣданіяхъ боярской думы были старшіе дружинники—мужи и бояре [1]). Лѣтописецъ считаетъ ненормальными совѣщанія князей не съ боярами, а съ младшими дружинниками. Такъ онъ осуждаетъ кіевскаго князя, Всеволода за то, что онъ, состарившись, „нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ створя съ ними“ [2]). Лѣтописецъ отмѣчаетъ также случай, когда Святославъ Всеволодовичъ нападаетъ на Давыда Ростиславича, „сдумавъ съ княгиней своей и съ Кочькаремъ милостьникомъ [3]) своимъ, и не повѣда мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея“ [4]). Кромѣ бояръ—дружинниковъ въ боярской думѣ кіевскаго князя участвовали „старцы градскіе“, городскіе старѣйшины (земскіе бояре) [5]). Во всѣхъ совѣщаніяхъ Владиміра Святаго съ своей дружиной мы встрѣчаемъ этихъ „градскихъ старцевъ“ [6]). Городскіе старѣйшины исчезаютъ изъ боярской думы въ XI столѣтіи, когда они сливаются въ одну группу вмѣстѣ съ дружинниками—служилыми боярами [7]). Третьимъ элементомъ въ составѣ боярской думы были епископы и игумены въ кіевской Руси, митрополиты въ московскомъ государствѣ. Епископы сначала совѣтуютъ Св. Владиміру отмѣнить виры и казнить разбойниковъ, а потомъ съ старцами даютъ противоположный совѣтъ [8]), очевидно, подчиняясь ихъ вліянію. Олегъ Черниговскій по требованію Владиміра Мономаха и Святополка долженъ былъ „порядъ положить о русстѣй землѣ предъ епископы, игумены, мужи и людьми градскими“ [9]). Кіевскій митрополитъ и всѣ игу-

1) Сергѣевичъ: „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“, 382 с., Соловьевъ, I, 247 с, III, 17 с. и IV, 197 с., В.-Будановъ, 44 с, Загоскинъ: „Дума боярская“, 9 с., Ключевскій, 13 с., Б.-Рюминъ, I, 445 с., Иловайскій, I, 298 с., Яблочковъ, 44 с. 2) Лавр., 93 с. 3) Милостники были ближайшіе бояре князя, пользовавшіеся особеннымъ его довѣріемъ (Загоскинъ, Очеркъ etc., 41-42 с.). 4) Ипат., 122 с. 5) В.-Будановъ, Рецензія etc., 117 с. 6) См. выше. 7) Ключевскій, 50 с., В.-Будановъ, ibidem. 8—9) Лавр., 54 и 98 с.

мены посовѣтовали князю Юрію (1157 г.) отпустить отъ себя, освободить князя Ивана Ростиславича (Берладника), котораго онъ привелъ изъ Суздаля въ Кіевъ въ оковахъ [1]). Мы уже видѣли, что бояре участвовали при изданіи Русской Правды при Ярославѣ I, его сыновьяхъ и внукахъ. Иногда происходили соединенныя засѣданія боярскихъ совѣтовъ двухъ князей. Такъ, напр., было при совѣщаніяхъ Владиміра и Святополка съ своими дружинами относительно похода на половцевъ [2]). Бояре же участвовали въ рѣшеніи дѣлъ на княжескомъ съѣздѣ въ Увѣтичахъ. Составъ боярской думы на сѣверѣ Руси сдѣлался болѣе постояннымъ, чѣмъ какимъ онъ былъ на югѣ: дружина на сѣверѣ пріобрѣтаетъ постепенно осѣдлость сначала въ ростовско-суздальской волости, а потомъ въ московскомъ государствѣ. Кромѣ того, сѣверные князья, особенно первые московскіе, укрѣпляя за собою и своимъ потомствомъ извѣстныя, опредѣленныя волости на счетъ сосѣднихъ земель, управляли своими волостями на вотчинномъ правѣ, между тѣмъ какъ князья кіевской Руси, которые всѣ стремились къ добыванію старшаго здѣсь стола—кіевскаго княженія, переходили постоянно съ своими дружинами изъ одного города въ другой [3]), оберегая въ тоже время русскую землю отъ нашествія „поганыхъ“ [4]). Въ силу такой особенности въ характерѣ дѣятельности московскихъ великихъ князей боярская дума удѣльнаго періода состояла изъ знатнѣйшихъ лицъ, которымъ князь довѣрялъ управленіе отдѣльными частями дворцоваго хозяйства,—введенныхъ бояръ [5]). Дума засѣдала при князѣ каждый день поутру, какъ это видно изъ поученія Мономаха своимъ дѣтямъ, а также изъ сказанія о жизни Св. Ѳеодосія Печерскаго, гдѣ говорится, что онъ однажды на зарѣ встрѣтилъ бояръ, ѣдущихъ къ князю на думу [6]). Въ дѣятельности боярской думы въ древней Руси

1) Ипат., 80—81 с. 2) Лавр., 118 с. 3) Градовскій: „Политика, исторія и администрація“, Спб., 1871, 82 с. 4—5) Ключевскій, 75 и 131 с. и сл. 6) Б.-Рюминъ, I, 204 с.

необходимо отличать нѣсколько эпохъ. Сначала (IX—X в.) боярская дума еще сливается съ вѣчемъ, какъ это доказывается многими случаями такого соединенія совѣщаній князя съ боярами и всѣми остальными городскими жителями при Св. Владимірѣ. Такъ онъ созвалъ для совѣщанія о перемѣнѣ вѣры бояръ, старцевъ и *людей*; когда бояре и старцы предложили послать мудрыхъ мужей къ различнымъ народамъ для испытанія у нихъ вѣры, „и бысть люба рѣчь ихъ князю и всѣмъ *людемъ*“ [1]). Владиміръ созывалъ на пиры и вмѣстѣ съ тѣмъ на совѣщанія вмѣстѣ съ старцами и боярами и всѣхъ кіевлянъ: „се же паки творяще *людемъ* своимъ по вся недѣли устави пиръ творити и приходити“... [2]). Послѣ побѣды Владиміра надъ ятвягами (983 г.) было рѣшено имъ вмѣстѣ съ старцами и боярами принести жертву языческимъ богамъ, но когда варягъ-христіанинъ, на сына котораго палъ жребій, отказался выдать его посланнымъ, „людіе“ напали на ослушника толпою „и посѣкоша сѣни подъ нима и тако побиша я“ [3]). На вѣчѣ въ Бѣлгородѣ (997 г.), на которомъ было рѣшено сдаться Печенѣгамъ, осадившимъ городъ, одинъ старецъ, небывшій на вѣчѣ, предложилъ созвать на него всѣхъ городскихъ старѣйшинъ и употребить хитрость для того, чтобы отвратить опасность нашествія враговъ, что и удалось [4]). Въ 1096 г. Святополкъ и Владиміръ призывали Олега Черниговскаго „положить порядъ о русстѣй земли“ предъ духовенствомъ, боярами и „*людьми градскими*“ [5]). Въ XI—XIII ст. кіевская боярская дума, состоявшая теперь изъ князя и его дружинниковъ [6]), отдѣляется отъ вѣча [7]), но она должна была считаться съ мнѣніемъ вѣча, которое стало въ это время самостоятельнымъ органомъ власти общины [8]). Между вѣчемъ и боярской думой происходятъ постоянныя сношенія: черезъ депутатовъ вѣча князь сообщалъ ему

---

1) П. С. Р. Л., V т. (Софійская лѣт., I), 116 с. 2—5) Лавр., 54, 35, 55 и 93 с. 6—8) Ключевскій, 45 с., В.-Будановъ, 50 с.

о рѣшеніяхъ совѣта и черезъ нихъ же совѣтъ узнавалъ и о постановленіяхъ самого вѣча [1]). Боярская дума дѣйствуетъ раздѣльно или вмѣстѣ съ вѣчемъ, съ которымъ она не сливается: дума и вѣче были двумя различными политическими силами, соперничающими другъ съ другомъ [2]). Права ихъ въ управленіи (напр., призваніи князей и рядѣ съ ними) были равны, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дума пользовалась сравнительно большимъ политическимъ значеніемъ. Русская правда была составлена и издана при непосредственномъ участіи членовъ боярской думы въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, какъ ранѣе при Владимірѣ Святомъ боярская дума разсуждала о „строѣ и уставѣ земленѣмъ" и возстановленіи виръ и отмѣнѣ казни разбойниковъ. Послѣ отдѣленія боярской думы отъ вѣча имъ заправляютъ земскіе бояре, удалившіеся изъ думы. Въ боярской же думѣ въ сѣверной Руси, а также и въ московскомъ княжествѣ участвуютъ на ряду съ дружинниками и земскіе бояре, слившіеся съ ними въ одинъ высшій служилый классъ вслѣдствіе нашествія татаръ на Русь и осѣдлости дружины.

Боярская дума обладала всѣми правами управленія вмѣстѣ съ княземъ и вѣчемъ: въ ней обсуждались всѣ предметы тогдашняго управленія [3]). Боярская дума рѣшаетъ религіозные вопросы и обсуждаетъ законодательныя и административныя дѣла, регулируетъ отношенія между князьями [4]). Такъ въ присутствіи думы долженъ былъ произойти договоръ между князьями Владиміромъ, Святополкомъ и Олегомъ. Дума распредѣляетъ столы между князьями. На Увѣтическомъ съѣздѣ князей, на которомъ Святополкъ и Владиміръ Мономахъ, Давыдъ и Олегъ Святославичи совѣщались, каждый отдѣльно, съ своими дружинами о винѣ и наказаніи

1—2) Ключевскій, 46—49 с. 3) Ключевскій, 73 с., Сергѣевичъ: „Вѣче и князь", 361 с. 4) См. вышеприведенные факты о законодательной и административной дѣятельности боярской думы.

Давыда Игоревича, князья отнимаютъ у него владимірскій столъ и назначаютъ ему особый удѣлъ (Дорогобужъ и др. города) [1]). Боярской думѣ принадлежитъ право приглашать вмѣстѣ съ вѣчемъ князей и рядиться съ ними. Такъ князь Мстиславъ Изяславовичъ въ 1169 г. „взялъ рядъ съ братьею, дружиной и кіянами“ [2]). Владимірскій князь Всеволодъ говоритъ своему сопернику, Мстиславу Ростовскому: „брате, оже *тя привели старѣйшая дружина*, а поѣди Ростову; *тобѣ ростовцы привели и бояре*, а мене былъ съ братомъ Богъ привелъ и владимірцы“ [3]). Въ область вѣдомства боярской думы входятъ, далѣе, вопросы внѣшней политики—объявленіе войны и заключеніе мира и договоровъ. Игорь идетъ въ походъ на древлянъ по совѣту дружины [4]). Игорь и Святославъ совѣщаются съ дружиной о предложеніи византійскаго императора заключить съ ними миръ [5]). Договоры Олега и Игоря съ греками заключаются отъ имени князя и „свѣтлыхъ бояръ“ [6]). На Долобскомъ съѣздѣ князей (1103 г.) Святополка и Владиміра вопросъ о походѣ на половцевъ обсуждается князьями вмѣстѣ съ думой [7]). Наконецъ, боярская же дума судитъ князей и членовъ ихъ семействъ. Извѣстно, что Владиміръ Святой отдалъ на обсужденіе своей думы вопросъ о томъ, что дѣлать съ Рогнѣдой, покушавшейся на его жизнь: Владиміръ созвалъ бояръ и „повѣдаша имъ. Они же рекоша: уже не убій ея дитяти дѣля сего, но воздвигни отчину ея и дай ей съ сыномъ своимъ“ [8]). Князья съ своими дружинами производили судъ надъ Давыдомъ Игоревичемъ [9]). Мы уже знаемъ, что съ возникновеніемъ московскаго княжества боярская дума участвовала вмѣстѣ съ княземъ въ рѣшеніи всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ управленія. Предсмертныя слова Димитрія Донскаго своимъ боярамъ показываютъ, что боярская дума завѣдовала при немъ всѣми дѣлами внутренней и внѣш-

---

1) Лавр., 116 с. 2) Б.-Буданов, 48 с. 3—9) Лавр., стр.: 161, 23, 19 и 30, 13 и 20, 118, 131 и 116.

ней политики и что она дѣйствительно управляла всѣмъ государствомъ [1]). Боярская дума играла первую роль въ малолѣтство многихъ первыхъ московскихъ князей: Даніила Александровича, Димитрія Ивановича, Василія Димитріевича и Василія Васильевича, а при послѣднемъ и въ то время, когда онъ былъ ослѣпленъ Шемякой [2]). Отъ бояръ—членовъ думы зависѣло утвержденіе великаго князя на столѣ „отчинѣ и дѣдинѣ", на московскомъ княженіи: они добывали ему въ ордѣ ярлыкъ на княженіе. Боярская же дума помогала князю въ присоединеніи удѣловъ къ Москвѣ и усиленіи ея политическаго могущества; въ присутствіи ея членовъ составлялись договоры между князьями. Такъ, напр., при заключеніи договорной грамоты между Симеономъ Ивановичемъ и его братьями были бояре: Михаилъ Алексѣевичъ, *Окольничей* Онанья и др. [3]). Въ договорной грамотѣ между Димитріемъ Ивановичемъ и Ольгердомъ упоминаются бояре: Димитрій Михайловичъ, Иванъ Михайловичъ и др. [4]). Члены же боярской думы были свидѣтелями при составленіи князьями ихъ духовныхъ завѣщаній [5]); только они—„думцы" князя по всѣмъ государственнымъ дѣламъ [6]).

Такимъ образомъ, обычай постояннаго обсужденія всѣхъ дѣлъ управленія княземъ съ его боярами былъ общепринятымъ въ удѣльно-вѣчевой Руси какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ, въ Москвѣ. Совѣщанія удѣльнаго князя съ боярами, вытекавшія изъ особенныхъ и повсюду однообразныхъ отношеній между ними и самаго характера удѣльной системы, были тогда обыкновеннымъ явленіемъ: *одинаковость* подобнаго рода совѣщаній, о безпрерывномъ *повтореніи* которыхъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, должны были создать въ удѣльной Руси

---

1) П. С. Р. Л., VIII, 56 с. 2) Костомаровъ, I, 246 с. 3—5) Собр. гос. гр. и договоровъ, I, №№ 23, 31, 34, 39, 41, 42, 86, 87 и 144. 6) Соловьевъ, IV, 197 стр.

юридическій обычай [1]), *обязательная сила* котораго признавалась всѣмъ тогдашнимъ обществомъ и самими князьями. Обязательный обычай совѣщаній князя съ его боярами былъ даже въ Москвѣ, которая стала складываться въ крѣпкое государство съ самаго начала своей политической самостоятельности, частью общаго обычнаго права, замѣнявшаго законъ въ теченіе всего долгаго процесса развитія московскаго государства. Даже Иванъ Васильевичъ Грозный исправлялъ Судебникъ „по старинѣ", то есть, согласно съ московскими юридическими обычаями [2]). Все удѣльное общество считало необходимыми совѣщанія князя съ боярами—старшими дружинниками [3]). Лѣтописецъ вмѣняетъ обыкновенно князю въ высокое нравственное качество частыя совѣщанія его съ боярами. Такъ онъ хвалитъ Владиміра за то, что онъ думаетъ съ дружиной о разныхъ государственныхъ дѣлахъ [4]) и, наоборотъ, упрекаетъ князя Владиміра Галицкаго, что онъ „думы не любяшетъ съ мужми своими" [5]). Лѣтописецъ тщательно отмѣчаетъ всѣ случаи совѣщаній князя съ дружиной по всѣмъ вопросамъ управленія и негодуетъ по поводу отступленія отъ принятаго обычая у всѣхъ князей совѣщаться съ одними старѣйшими дружинниками. „Лютѣ бо граду тому, восклицаетъ лѣтописецъ, въ немъ же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и младыми совѣтники" [6]). Лѣтописецъ также укоряетъ Всеволода Ярославича за то, что онъ „нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ створя съ ними" и приписываетъ этому обстоятельству увеличеніе въ кіевской землѣ преступленій [7]). Впрочемъ, такія отступленія отъ сложившагося обычая совѣщаній князя съ боярами были рѣдки: сами князья постоянно нуждались въ совѣщаніяхъ со своей старшей дру-

---

1—2) См. статьи объ обычномъ правѣ Сергѣевича (въ Наблюдателѣ за 1882 г., 1 и 2 кн.) и его-же: Лекціи и изслѣдованія etc., 592—594 с.; ср. В.-Будановъ, 84 с. 3) Ключевскій, 53 с. 4) Лавр., 54 с. 5) Ипат., 136 с. 6—7) Лавр., 60 и 93 с.

жиной, на которую они опирались для укрѣпленія своей власти въ чужой странѣ. Еще болѣе значенія получилъ указанный обычай съ развитіемъ на Руси удѣльной системы, при которой князья подъискивали столы съ помощью дружины и при ея же содѣйствіи правили своими удѣлами и охраняли ихъ отъ притязаній соперниковъ. Эта необходимая связь удѣльнаго князя съ его дружиной была подмѣчена и самимъ обществомъ: „съ мудрымъ думцею, говорило оно въ лицѣ Даніила Заточника, князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ и малаго стола лишенъ будетъ“. Солидарность интересовъ дружины и князя во всѣхъ случаяхъ хорошо сознается самой дружиной, которая считаетъ обычай совѣщаній съ княземъ своимъ неотъемлемымъ правомъ, установившимся издавна. При этихъ совѣщаніяхъ членамъ боярской думы принадлежало не одно только право дѣлать предложенія князю или безпрекословно соглашаться съ нимъ: бояре въ думѣ имѣли право „встрѣчи“, возраженія князю на его предложенія, которое нерѣдко заставляло его отступать отъ своихъ намѣреній или предпріятій. Право „встрѣчи“ существовало до Василія Ивановича, который „встрѣчу противу себя не любилъ и кто ему встрѣчу говоритъ и онъ на того опаляется“. Такъ жаловался на великаго князя Максиму Греку бояринъ Берсень, котораго Василій Ивановичъ „отставилъ отъ себя“ за то, что Берсень „говорилъ встрѣчу великому князю о Смоленскѣ“. Берсень выражалъ свое неодобреніе поступку съ ними Василія Ивановича, который „перемѣнилъ *старые обычаи*. Которая земля переставливаетъ *обычаи свои*, разсуждалъ Берсень, и та земля недолго стоитъ; лучше *старыхъ обычаевъ* держатися, и людей жаловати и старыхъ почитати. А нынѣ государь нашъ запершися самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ“ [1]).

---

1) Акты археографической экспедиціи, Спб., 1836, I т., 142—144 с.

А обычай совѣщаній князя съ боярами былъ дѣйствительно древнимъ обычаемъ, сложившимся еще въ южной Руси. Мы знакомы уже съ двумя характерными, указываемыми въ лѣтописяхъ, случаями, когда обязательность этого обычая выступаетъ съ наглядною очевидностью. Такъ дружина заявляетъ Владиміру Мстиславичу, вздумавшему было безъ ея согласія напасть на кіевскаго князя Мстислава: *„о собѣ еси, княже замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ; мы того не вѣдали"* 1). Такой же характеръ имѣютъ успокоительныя слова бояръ Мстиславу: *„тобѣ безъ насъ того* (заговора Мстислава противъ князей: Давыда и Рюрика, въ которомъ они подозрѣвалъ его по наущенію одного боярина) *нелзѣ было замыслити, ни сотворити"* 2). Во вторую половину удѣльно-вѣчеваго періода, въ московскомъ княжествѣ безъ совѣщаній и согласія съ боярской думой не предпринималось княземъ ни одно важное дѣло въ управленіи 3). Московскіе бояре были посредниками въ столкновеніяхъ между московскими и удѣльными князьями и отъ того, на чьей сторонѣ они въ данный моментъ становились, зависѣлъ и успѣхъ князя въ взаимной борьбѣ изъ за московскаго стола. Такъ, напр., было при частыхъ переходахъ Москвы отъ одного князя къ другому въ княженіе Василія Васильевича Темнаго.

Если мы теперь примемъ во вниманіе всѣ приведенные нами факты и соображенія о политической роли боярской думы въ удѣльно вѣчевой періодъ русской исторіи, въ теченіе котораго и даже до конца московскаго государства существовало на Руси обычное право, какъ главная его форма, то вопросъ объ обязательной силѣ рѣшеній думы для князя разрѣшается самъ собою: безъ сомнѣнія дѣятельность князя была связана и ограничена постояннымъ участіемъ боярской

1—2) Ипат., 97 и 99 с. 3) Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, 832 с.

думы во всѣхъ дѣлахъ управленія [1]). „Быть можетъ князю, справедливо замѣчаетъ проф. Загоскинъ, было и не по сердцу такого рода допущеніе бояръ къ законодательству, но онъ долженъ былъ волею-неволею терпѣть его, такъ какъ къ этому принуждала его фактическая необходимость“ [2]). Князья не могли заставить дружину поступать посвоему: отношенія между ними были договорныя, совершенно свободныя. Князь долженъ былъ при вступленіи на престолъ рядиться, кромѣ земщины, еще съ дружиной и могъ быть въ случаѣ неудовольствія и ссоры съ дружинниками оставленнымъ ими и даже изгнаннымъ съ княженія. Проф. Загоскинъ допускаетъ, что въ рядныхъ грамотахъ князей съ волостями, которыя составлялись при вступленіи князя на престолъ, помѣщались условія объ ограниченіи законодательной власти князя въ пользу дружины и земщины [3]),— предположеніе, имѣющее за себя большую долю вѣроятности въ виду указанныхъ неразрывныхъ отношеній князя съ его дружиной и его зависимости отъ нея во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и дѣлахъ управленія. Конечно, политическое значеніе боярской думы „никогда въ тѣ вѣка не выражалось въ видѣ непремѣннаго условія, точно формулированнаго боярскаго права“, но тѣмъ не менѣе совѣщанія бояръ съ княземъ были „практическою для него необходимостью“ [4]). А изъ неоднократнаго повторенія случаевъ такой „практической необходимости“, постоянной нужды князей прибѣгать къ совѣту и испрашивать согласія у бояръ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и дѣлахъ управленія долженъ былъ сложиться въ удѣльную эпоху соотвѣтственный юридическій обычай. Этотъ обычай не нуждался для своего обязательнаго выполненія въ писанныхъ хартіяхъ и уставахъ и долгое время служилъ опредѣленной и прочной нормой политической жизни на югѣ

---

1) В.-Будановъ, 46 с., Рецензія etc., 118—120 с. 2) Загоскинъ: „Исторія права москов. государства“, 36 с. 3) Загоскинъ, ibidem. 4) Ключевскій, 54—55 и 75 с.

Руси и въ московскомъ государствѣ, въ послѣднемъ долго и по окончаніи удѣльно-вѣчевой эпохи русской исторіи.

Въ то время, какъ въ сѣверо-восточной Россіи складывалось могущественное московское великое княжество, на ея сѣверѣ образовалось нѣсколько самостоятельныхъ и независимыхъ волостей, изъ которыхъ *Новгородъ* игралъ долго большую роль въ сѣверной Руси, обладалъ здѣсь такимъ большимъ политическимъ значеніемъ, съ которымъ должны были считаться даже сильные московскіе князья. Въ Новгородѣ сложилась демократическая форма политическаго быта, хотя и съ нѣкоторымъ аристократическимъ оттѣнкомъ. Причинами этого факта были: уединенное, изолированное отъ остальной Руси положеніе Новгорода на далекомъ сѣверѣ, слабое развитіе здѣсь княжеской власти и раннія торговыя сношенія съ сѣверо-германскими народными общинами [1]). Во главѣ всего общества стояло въ Новгородѣ еще до призванія Рюрика сословіе земскихъ бояръ, которые были богатыми землевладѣльцами [2]), назывались лучшими, вятщими, передними, старѣйшими людьми и нарочитыми боярами [3]) и обладали значительнымъ политическимъ вліяніемъ (напр., Гостомыслъ)[4]). Съ развитіемъ торговли Новгорода съ нѣмецкими городами и особенно ганзейскимъ союзомъ усилилось значеніе новгородскаго боярства, ставшаго теперь еще и торговой аристократіей, противъ которой такъ часто возставали народныя массы въ Новгородѣ [5]). Земскіе бояре въ древнемъ Новгородѣ были въ каждой улицѣ, изъ которыхъ состояли концы, какъ части цѣлой новгородской общины [6]). Бояре были представителями

---

1) В.-Будановъ: „Обзоръ исторіи русскаго права", 60 с., Б.-Рюминъ, I, 332 с. 2) Б.-Рюминъ, 345 с., Бѣляевъ, Разсказы etc., II, 50 с. и сл. 3) П. С. Р. Л., Ш (Новгор. I), стр.: 4, 21, 33, 50, 55, 68, 71, 77, 85 и др., Собр. гос. гр. и дог., I, № 1—3, 6—11, 13. См. договоръ Новгорода съ польскимъ королемъ Казиміромъ IV (1471 г.) въ Swod'ѣ Jirećek'a, 88 с. 4) Бѣляевъ, Разсказы, II, 56, 62 с. и др., Иловайскій, II, 172—173 с. 5) Гильфердингъ, II, 441 с. 6) Яблочковъ, 57—58 с.

и защитниками интересовъ своихъ улицъ сначала на вѣчѣ улицы, потомъ кончанскомъ и, наконецъ, общемъ вѣчѣ [1]). Сначала Новгородъ зависѣлъ отъ кіевскаго князя, который посылалъ отъ себя туда своего намѣстника [2]); или же въ Новгородъ являлись княжить сами южно-русскіе князья. Такъ, напр., въ 1182 г. пришелъ съ юга княжить въ Новгородѣ Ярославъ, „сынъ Владиміра и внукъ великаго Мстислава", въ 1196 г.,—Ярополкъ Ярославовичъ изъ Чернигова и т. д. [3]). Отдаленное положеніе Новгорода отъ кіевской Руси, богатство новгородцевъ и постоянныя стремленія новгородскихъ князей на югъ, въ Кіевъ [4]) уменьшали ихъ политическій авторитетъ и ослабляли ихъ власть при безпрерывныхъ столкновеніяхъ князей съ могущественнымъ новгородскимъ вѣчемъ, которое обладало опредѣленными правами законодательства, управленія и суда [5]). Новгородцы сами избирали себѣ князей, сами и изгоняли ихъ, когда они были недовольны ихъ управленіемъ [6]). Князь и его дружина жили не въ самомъ Новгородѣ, а внѣ его—въ Городищѣ. Вслѣдствіе того, что князья были пришлымъ элементомъ въ Новгородѣ, ни одинъ княжескій домъ не могъ здѣсь утвердиться [7]). Власть князя была ограничена властью вѣча [8]) и посадника. „А безъ посадника ти, княже, говорилось въ договорахъ Новгорода съ своими князьями, суда ни судити, ни волостей раздаяти, ни грамотъ ти даяти" [9]). Но само вѣче, въ свою очередь, находилось подъ сильнымъ вліяніемъ новгородскихъ бояръ. При всей своей преобладающей политической роли въ Новгородѣ вѣче, какъ и всякое примитивное народное собраніе, было безпорядочнымъ и часто бурнымъ въ своей дѣятельности [10]). Поэтому всѣ важнѣйшія дѣла дол-

---

1) Бѣляевъ, ibidem, (0 с. 2) Новгор., I, 1119,1120 гг. и др. 3) Новгор., I, 18, 24, 37, 41 с. и др. 4) Новгор., I, 32, 35, 41, 50 с. 5) В.-Будановъ, 50—54 с., Латкинъ, 4—7 с. 6) Новгор., I, 24, 29, 32, 37, 38, 55, 58, 62 с. и др. 7) Ключевскій, 187 с., Яблочковъ, 58 с. 8) В.-Будановъ, 61—62 с. 9) Собр. гос. гр. и дог., I, №№ 1—3 и др. 10)) Новгор., I, 30, 35, 44, 55 с. и др.

жны были разсматриваться предварительно въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ русскихъ земляхъ, въ тѣсномъ собраніи наиболѣе вліятельныхъ въ общинѣ лицъ—земскихъ бояръ [1]). Этимъ объясняется, почему около большаго вѣча (народнаго собранія), упоминаемаго въ лѣтописяхъ [2]), существовало малое вѣче—правительственный совѣтъ [3]). Земскіе бояре занимали въ Новгородѣ всѣ важнѣйшія правительственныя должности; высшія изъ нихъ—должности степеннаго посадника и тысяцкаго замѣщались наиболѣе богатыми и могущественными боярами, избранными народомъ. Степенный посадникъ былъ главнымъ и полнымъ представителемъ Новгорода во внѣшнихъ дѣлахъ; онъ судилъ и раздавалъ волости вмѣстѣ съ княземъ и управлялъ въ его отсутствіе городомъ [4]). Изъ бояръ состоялъ въ Новгородѣ упомянутый *совѣтъ* или *сенатъ*; въ этомъ совѣтѣ было нѣсколько сотъ членовъ (300) и онъ назывался въ нѣмецкихъ источникахъ Herren-Rath, въ русскихъ думою [5]). Боярскій совѣтъ или боярская дума сначала (въ XI—XIII с.), когда власть князя была значительна, собирался въ Городищѣ, но потомъ съ усиленіемъ вѣча (въ XIV ст.) былъ переведенъ въ городъ и поставленъ около посадника [6]). Въ это время составъ совѣта сдѣлался болѣе опредѣленнымъ и его дѣятельность болѣе правильною, благодаря образованію званія стараго посадника и тысяцкаго: это званіе получали бояре, бывшіе степенными посадниками и тысяцкими [7]). Старые посадники и тысяцкіе сдѣлались первыми и пожизненными членами совѣта, который состоялъ кромѣ того изъ новгородскаго владыки, княжескаго намѣстника и пяти кончанскихъ старостъ [8]). Бояр-

1) Б.-Рюминъ, 336 с. 2) П. С. Р. Л., IV, 8 с. 3) Соловьевъ, III, 30 с. 4) Б.-Рюминъ, 337 с., Бѣляевъ, Разсказы, II, 168 и 175 с. 5) Никитскій: „Очерки изъ жизни великаго Новгорода“, Ж. М. Н. П., 1869, 10 кн., 299 с. 6) Неволинъ: „Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго“, 115 с. 7) Никитскій, 296 с., Ключевскій, 202 с. Яблочковъ, 61 с. 8) Ключевскій, 206 с., Никитскій, 301 с.

скій совѣтъ разсматривалъ всѣ дѣла, подлежащія рѣшенію вѣча, а нѣкоторыя изъ нихъ рѣшалъ и самъ. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на всѣ дѣла, законодательныя и административныя, особенно же на послѣднія: сенатъ былъ не только распорядительнымъ совѣтомъ при вѣчѣ, но и его руководителемъ. Онъ обсуждалъ вопросы текущаго законодательства, входилъ въ сношенія съ иностранцами, участвовалъ въ выборахъ правительственныхъ лицъ, вмѣшивался въ судъ и даже военныя дѣла и иногда облекался чрезвычайною властью. Новгородскій совѣтъ былъ аристократическимъ учрежденіемъ, ограничивавшимъ власть князя въ періодъ ея упадка, а потомъ и—посадника [1]). Какъ постоянное и сословное учрежденіе съ опредѣленною властью, совѣтъ въ Новгородѣ служилъ противовѣсомъ противъ нерѣдкихъ насилій толпы на вѣчахъ. Такимъ образомъ, совѣтъ изъ послушнаго, повидимому, орудія вѣча сталъ на самомъ дѣлѣ его руководителемъ [2]), какъ бояре изъ перваго класса общества сдѣлались самостоятельнымъ сословіемъ съ своими особенными интересами, отличными отъ интересовъ народа. Господство Москвы надъ Новгородомъ началось при помощи новгородскихъ бояръ—сторонниковъ московскихъ князей и самое паденіе „господина великаго Новгорода“ (1478 г.) произошло по ихъ же винѣ, вытекло изъ розни новгородцевъ съ своими боярами, которые въ борьбѣ съ Иваномъ Васильевичемъ III выказали много энергіи, но въ тоже время не переставали тѣснить народъ, отдавшійся рѣшительно подъ защиту великаго князя московскаго [3]).

---

1) Никитскій, 305—306 с. 2) Ключевскій, 213—216 с., Никитскій, 308-309 с., В.-Будановъ, Рецензія, 122 с., Яблочковъ, 60 с. 3) Многіе изъ новгородскихъ бояръ занимали первое мѣсто въ древнѣйшей колоніи Новгорода—*Полотскѣ*, гдѣ они завладѣли большимъ количествомъ земли. Вмѣстѣ съ мѣстными земскими боярами новгородскіе бояре были въ Полотскѣ вліятельными членами вѣча, которое не составлялось безъ нихъ, принимали участіе въ внутреннемъ управленіи и судѣ и внѣшнихъ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами. Съ

Псковъ, бывшій сначала пригородомъ Новгорода, а потомъ (въ XIV ст.) ставшій самостоятельною волостью съ своимъ княземъ, имѣлъ одинаковое общественное и политическое устройство съ Новгородомъ. Весь городъ былъ раздѣленъ также на концы, которые составляли особыя общины съ своимъ особеннымъ управленіемъ [1]). Высшее мѣсто въ общинѣ занимали земскіе бояре,—богатые землевладѣльцы, долго обладавшіе большимъ политическимъ значеніемъ (до XIV ст.) [2]). Псковитяне сначала управлялись княземъ и посадникомъ, посылаемыми изъ Новгорода, пока бояре, дававшіе направленіе всей общественной жизни Пскова и стремившіеся къ независимости отъ Новгорода [3]), не достигли этой цѣли при помощи народа. Воспользовавшись затруднительными обстоятельствами новгородцевъ, псковскіе бояре вынудили у Новгорода (въ 1348 г.) признаніе Пскова его „молодшимъ братомъ" съ правомъ самостоятельнаго управленія и суда [4]). Впрочемъ, псковичи и ранѣе сами иногда призывали и изгоняли князей, особенно литовскихъ. Первымъ изъ нихъ былъ литовскій изгнанникъ *Довмонтъ* (1266—1299), явившійся съ своею дружиной въ Псковъ и крестившійся съ нею, „помысли съ своими бояры" [5]). Но другимъ литовскимъ княземъ, Андреемъ, сыномъ Ольгерда псковичи остались недовольны за то, что онъ самъ не жилъ въ городѣ, а правилъ имъ посредствомъ намѣстника [6]). Послѣ отдѣленія Пскова отъ Новгорода псковичи стали относиться

переходомъ полотской земли въ руки литовскихъ князей полотскіе бояре вступили въ ряды литовской аристократіи, пользовавшейся исключительнымъ вліяніемъ на все управленіе литовскаго княжества (Бѣляевъ, IV, I ч., 138—148 и 327—330 с.). 1) Никитскій: „Очеркъ внутренней исторіи Пскова", Спб., 1873, 115 с., Б.-Рюминъ, 367—368 с. 2) Бѣляевъ: „Разсказы изъ русской исторіи", III, 30 и 36 с. 3) Никитскій, 96 и 104 с. 4) Новг. л., III, 227 с., Новг. л., IV, 58—59 с. 5) Псков., I, 180 с. 6) „А нынѣ, говорили псковичи князю Андрею, оже тобѣ не угодно сѣсти у насъ, индѣ собѣ княжишь, а Псковъ повергъ, то уже еси самъ лишилъ Пскова, намѣстниковъ твоихъ не хотимъ" (Псков., I, 190 с.).

къ своимъ князьямъ еще болѣе безцеремонно. Такъ, напр., въ 1439 г. они выгнали изъ города князя Владиміра Даниловича и приняли на его мѣсто, Александра Ивановича Тверскаго [1]). Вообще князь никогда не имѣлъ въ Псковѣ самостоятельной власти. Въ первоначальный періодъ до отдѣленія Пскова отъ Новгорода князь былъ просто кормленщикъ, простой слуга псковскаго вѣча, который получалъ извѣстные доходы („княжескую пошлину") при отправленіи суда; князь не имѣлъ никакого вліянія на ходъ управленія и долженъ былъ кромѣ суда думать еще лишь о защитѣ страны отъ непріятелей. Тотъ же характеръ княжеская власть сохранила и послѣ возникновенія самостоятельности Пскова [2]). Князь судилъ вмѣстѣ съ посадникомъ, также ограничивавшимъ его власть, и сотскими и вмѣстѣ съ ними входилъ въ составъ ***псковской господы*** [3]). Это названіе примѣнялось одинаково и къ псковскому боярскому *совѣту* [4]), дѣятельность котораго имѣла тѣсную связь съ судомъ. Псковскій совѣтъ, подобно новгородскому, назывался малымъ вѣчемъ и собирался обыкновенно въ „сѣняхъ" Троицкаго храма во Псковѣ [5]). Въ псковскомъ боярскомъ совѣтѣ, также какъ и въ Новгородѣ, первое мѣсто занимали старые посадники и тысяцкіе—представители боярскихъ фамилій [6]). Старые посадники и тысяцкіе держали въ своихъ рукахъ и должностныхъ лицъ во Псковѣ—посадниковъ и тысяцкихъ, избиравшихся изъ среды бояръ же [7]) и даже однѣхъ и тѣхъ же боярскихъ фамилій [8]). Однимъ изъ средствъ для усиленія политическаго значенія псковскихъ бояръ [9]) былъ выборъ двухъ посадниковъ, введенный

---

1) Псков., 1, 211 с. 2) Никитскій, 118—126 и 131 с. 3) Псковская судная грамота (1467 г.), 4, 6, 13, 30 и 104 статьи, Никитскій 122 с. 4) Ключевскій, 207—208 с, В-Будановъ, Рецензія etc., 122 с. 5) Никитскій, 143—144 с. 6) Бѣляевъ, 116 с. 7) Никитскій, 179 с., Яблочковъ, 63 с., Бѣляевъ, 132 с. 8) Никитскій, 146—149 с. 9) Княжескіе бояре не оказывали вліянія на ходъ управленія въ Псковѣ, какъ и Новгородѣ, и едва-ли присутствовали въ совѣтахъ обоихъ этихъ городовъ (Ключевскій, 204 с.).

во Псковѣ въ XIV ст. и продолжавшій существовать до конца политической самостоятельности Пскова (1510 г.): властвующая партія бояръ противопоставляла одного степеннаго посадника другому для того, чтобы имѣть возможность управлять обоими [1]). Для этой же цѣли былъ назначенъ краткій срокъ службы, на который избирались степенные посадники во Псковѣ [2]). Боярскій совѣтъ (господа), ограничивавшій власть посадника [3]), правилъ городомъ, судилъ и даже законодательствовалъ [4]). Бояре участвуютъ во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ вмѣстѣ съ горожанами на вѣчахъ [5]), но въ лѣтописяхъ сохранились слѣды и ихъ болѣе самостоятельной правительственной дѣятельности, хотя они дѣйствовали, повидимому, только по порученію вѣча. Такъ въ 1411 г. посадники: Ларіонъ, Иванъ и Микула съ боярами ѣздили заключать миръ съ нѣмцами (въ Кирьяпигѣ) [6]). Въ 1424 г. было подобное же посольство изъ бояръ и посадниковъ къ московскому князю Василію Димитріевичу и кромѣ того еще въ 1426 г. къ литовскому князю, Витовту [7]), въ 1432 г.—къ литовскому же князю, Свидригайлѣ [8]), въ 1434 г.—въ Новгородъ [9]). Въ 1463 г. бояре Яковъ Кротковъ и Матута вмѣстѣ съ посадниками, Тимофеемъ и Стефаномъ отправлялись къ Ивану Васильевичу III „просити князя во Псковъ по псковской старинѣ, который князь Пскову любъ“ [10]). Бояре же съ посадниками провожали московскаго воеводу, князя Θеодора Юрьевича, пріѣзжавшаго на помощь Пскову противъ нѣмцевъ [11]) и потомъ княжившаго въ немъ по просьбѣ псковскихъ бояръ у Ивана Васильевича [12]). Бояре отправлялись для разбора различныхъ пограничныхъ споровъ съ Новгородомъ и Литвой [13]). Мы видимъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ бояре

1—2) Никитскій, 150—151 и 153 с. 3) Бѣляевъ, 116 с. 4—5) Ключевскій, 214 и 194 с. 6—9) Псков. л., II, 21, 24 с. и Псков., I, 204 с., 27, ср. 32 и 43—45 с. 10—13) Псков. л., I, 222, 226—227, 231, 233—235 и 247 с.

являются представителями вѣча, его посланниками; на самомъ же дѣлѣ псковскіе бояре, какъ и новгородскіе, руководили вѣчемъ: въ ихъ рукахъ были всѣ правительственныя должности и они прямо заставляли вѣче подчиняться своей волѣ, когда это было имъ нужно [1]). Такъ въ 1484—1486 г. бояре, задумавшіе увеличить свое значеніе на вѣчѣ посредствомъ допущенія смердовъ, которые жили на боярскихъ земляхъ, къ участію въ вѣчѣ, составили сами безъ вѣдома вѣча новую уставную грамоту и для того, чтобы придать ей законодательную силу, положили грамоту на ларь св. Троицы. Въ вспыхнувшей вслѣдъ за такимъ самовольнымъ поступкомъ псковскихъ бояръ борьбѣ между ними и вѣчемъ побѣда осталась за боярами, благодаря поддержкѣ со стороны Ивана Васильевича III [2]). Вслѣдствіе непродолжительнаго существованія политической самостоятельности Пскова въ немъ не могла образоваться сильная демократическая партія, которая могла бы соперничать съ могущественнымъ вліяніемъ на управленіе псковскихъ бояръ съ органомъ ихъ власти—совѣтомъ [3]). Политическое ихъ значеніе признавали и московскіе князья. При присоединеніи Пскова къ Москвѣ (1510 г.) великій князь Василій Ивановичъ, желая предотвратить возможность сопротивленія жителей Пскова, приказалъ арестовать на „владычнемъ дворѣ“ посадниковъ и бояръ. И только послѣ того Псковичи, видя, что „не мощно рука воздвигнути противъ государя, а посадники и бояре и лутчіе люди вси у него“, рѣшились покориться Василію Ивановичу [4]).

При всемъ руководящемъ характерѣ дѣятельности бояръ въ Новгородѣ и Псковѣ она ограничивалась здѣсь вѣчемъ, особенное политическое значеніе котораго развилось въ обоихъ городахъ съ наибольшею силою по сравненію съ осталь-

---

1) Ключевскій, 215—216 с. 2) Псков. I, 266—267 с. и II, 43—46 с. 3) Никитскій, 141 с. 4) Псков. I, 284—285 с.

ною Русью [1]). Наоборотъ, въ юго-западной Руси—Волынской и Галицкой землѣ и, отчасти, южной (Кіевской) надъ вѣчемъ и княземъ беретъ рѣшительный перевѣсъ власть бояръ [2]). Причиной того факта, что бояре образовали въ *Галичъ* сильное сословіе было то обстоятельство, что они рано сдѣлались здѣсь осѣдлыми и богатыми землевладѣльцами. На развитіе аристократическихъ тенденцій въ средѣ галицкаго боярства вліяли, далѣе, существованіе въ галицкой области самостоятельныхъ земель (напр., Болоховской), малочисленность княжескихъ земель и обширность территоріи, управляемой почти самостоятельными княжескими намѣстниками. Рано утвердившееся въ Галичѣ, обособившееся отъ остальной Руси, господство одного княжескаго рода (Ростиславичей) также способствовало образованію въ Галицкомъ княжествѣ аристократіи, членамъ которой князь раздавалъ въ управленіе отдѣльные города. Наконецъ, сосѣдство Польши и особенно Венгріи, гдѣ въ XII ст. царила аристократія (магнаты), тоже помогало усиленію правительственнаго значенія галицкихъ бояръ [3]). Галицкое боярство было могущественнымъ сословіемъ, которое самостоятельно управляло княжествомъ и произвольно распоряжалось судьбою галицкихъ князей и всего населенія [4]). „Бояре галицкіе Даніила княземъ себѣ называху, говоритъ лѣтописецъ, а сами всю землю держаху. Доброславъ же вокняжился и Судьичъ, поповъ внукъ. . впедъ въ Бакоту, все Понизье прія безъ княжа повелѣнья, а Григорій Васильевичъ себѣ горную страну перемышльскую мышляше одержати“ [5]). Когда Даніилъ, узнавъ объ этомъ, уп-

1) В.-Будановъ, Обзоръ etc., 50 с. 2) Сергѣевичъ: „Вѣче и князь“, 8 с., В.-Будановъ, 56 с. 3) Соловьевъ, Ш, 16 с., Иловайскій, II, 33 с., Гильфердингъ, II, 433 с., Линниченко: „Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV столѣтія“, Кіевъ, 1884, 200 с., В.-Будановъ, ibidem. 4) Соловьевъ, II, 305—317 и 361—562 с., Ключевскій, 70 с., Костомаровъ, I, 124 с., Зубрицкій: „Исторія древняго галическо-русскаго княжества“. Львовъ, 1852—55, II ч., 63 с. 5) Ипат., 179 с.

рекнулъ Доброслава въ самовольномъ образѣ дѣйствій и запретилъ ему отдавать кому-либо соляныя копи въ Колымаѣ, составлявшія княжескую регалію, Доброславъ не послушался князя и отдалъ ихъ двумъ незнатнымъ боярамъ [1]). Галицкіе бояре пользовались значительною властью еще въ концѣ XII ст. при основателѣ политическаго могущества галицкаго княжества, Ярославѣ Осмосмыслѣ, сынѣ Владиміра Володаревича. Когда Ярославъ умиралъ (въ 1187 г.), то въ присутствіи бояръ онъ отказалъ Галичъ своему старшему сыну, Олегу, а младшему Владиміру далъ Перемышль. Но по смерти Ярослава, „сдумавше мужи съ Володиміромъ" выгнали Олега изъ Галича, „а Володиміръ сѣде въ Галичѣ". Но и Владиміръ не угодилъ боярамъ, которые не любили его за то, что онъ не совѣтовался въ дѣлахъ правленія съ ними: „думы не любяшеть съ мужми своими" [2]). Раздорами между княземъ и боярами рѣшился воспользоваться Романъ, князь сосѣдней съ Галичемъ Волынской земли [3]) для того, чтобы захватить въ свои руки Галичъ: „Романъ же слашеть безъ опаса къ мужемъ галицкимъ, подътыкая ихъ на князя своего, да быша его выгнали изъ отчины своея, а самого быша пріяли на княженіе" [4]). Галицкіе бояре приняли предложеніе Романа и „возсташа на князь свой". Владиміръ убѣжалъ въ Венгрію. Но Романъ недолго удержался въ Галичѣ; онъ былъ выгнанъ отсюда венгерскимъ королемъ, который посадилъ въ Галичѣ сына своего, Андрея. Недовольные такимъ оборотомъ дѣла, галицкіе бояре пригласили на галицкое княженіе Ростислава Берладника, который погибъ скоро въ битвѣ съ венграми. Послѣ этого галичане (т. е., бояре) „почаша тужити вельми и много каяшася прогнавше

1, 2 и 4) Ипат., 136—139 с. 3) Въ Волынской землѣ бояре до Романа также оказывали большое вліяніе на дѣла управленія. Такъ Ингварь Луцкій, двоюродный братъ Романа долженъ былъ уступить г. Владиміръ князю Александру Бѣлзскому потому, что бояре не любили Ингваря (Ипат., 157 с.). Но Романъ погубилъ сильныхъ бояръ и забралъ власть въ свои руки (Соловьевъ, II, 305 с.).

князя своего", Владиміра, котораго они и призвали снова въ Галичъ [1]). По смерти Владиміра Романъ опять сдѣлался съ помощью поляковъ княземъ галицкой земли (въ 1198 г.), съ которой онъ соединилъ Волынскую землю [2]). Романъ относился къ галицкимъ боярамъ страшно жестоко, быть можетъ, изъ мести за то, что они такъ долго препятствовали его желанію захватить Галичъ въ свои руки [3]). Романъ умеръ въ 1205 году. Послѣ его смерти бояре по совѣту боярина Владислава „кормиличича, иже бѣ загналъ князь Романъ", посадили на княжескомъ столѣ Игоревичей: Владиміра въ Галичѣ, а Романа въ Звенигородѣ. Вдова же Романа съ малолѣтними сыновьями, Даніиломъ и Василькомъ, убѣжала въ г. Владиміръ. Владиміръ Игоревичъ, „хотяще искоренити племя Романово", по совѣту съ боярами, послалъ сказать владимірцамъ, чтобы они выдали ему Романовичей, если они желаютъ спасти свой городъ отъ разрушенія. Владимірцы вознегодовали, а княгиня, узнавъ о посольствѣ Владиміра, поспѣшила оставить городъ и удалилась къ польскому королю, Лешку [4]). Но и съ Игоревичами галицкіе бояре не могли долго ужиться. Задумавъ упрочить за собою галицкое княженіе и обезпечить свою власть отъ всякихъ на нее посягательствъ со стороны бояръ, Игоревичи рѣшились перебить тѣхъ изъ нихъ, которыхъ они считали для себя наиболѣе опасными. „Убіенъ же бысть Юрій Витановичъ, Илья Щепановичъ, иніи величіи бояре, убьено же ихъ бысть числомъ 500, а иніи разбѣгошася". Въ числѣ послѣднихъ былъ бояринъ Владиславъ, который убѣжалъ къ венгерскому королю, Андрею и просилъ его помочь Даніилу, проживавшему съ матерью въ Венгріи, завладѣть Галичемъ. Андрей далъ на помощь Даніилу войско; Святославъ и Романъ Игоревичи были схвачены и по настоянію бояръ „мсти ради"

---

1) Ипат., 136—139 с. 2) Ипат., 155 с., Зубрицкій, III, 18 с., Иловайскій, II, 39 с. 3) Костомаровъ, I, 125 с. 4) Ипат., 156—159 с.

повѣшены. Даніилъ же былъ посаженъ въ Галичѣ боярами, галицкими и владимірскими [1]). Бояре не допустили матери Даніила остаться въ Галичѣ и она должна была уйти въ Бѣльзъ „Владиславлимъ совѣтомъ: хотяще бо княжити сама“. Вскорѣ тотъ же Владиславъ рѣшился на неслыханный въ древней Руси поступокъ: воспользовавшись отсутствіемъ изъ Галича Даніила, Владиславъ „въѣха въ Галичь, и вокняжеся и сѣде на столѣ“ [2]). Услыхавъ объ этомъ, Лешко замѣтилъ съ негодованіемъ: „не есть лѣпо боярину княжити въ Галичѣ“ и, чтобы покончить съ Владиславомъ, предложилъ Андрею, королю венгерскому отдать свою дочь за его сына, Коломана и послать его княжить въ Галичъ. Андрей согласился на это предложеніе Лешка. Владиславъ былъ выгнанъ изъ Галича Лешкомъ и умеръ въ заточеніи. Галичъ же достался сначала Коломану, а потомъ имъ овладѣлъ Мстиславъ Удалой, новгородскій князь. Бояре продолжали производить смуту въ странѣ и при этомъ князѣ. Такъ въ 1226 году одинъ изъ нихъ Жирославъ оклеветалъ Мстислава предъ всѣми боярами въ томъ, что будто-бы „онъ хощетъ предати ихъ тестеви своему Котяну (половецкому хану) на избіеніе“. Бояре, „емше вѣру, отъидоша въ землю перемышльскую, въ горы Кавокасскія, рѣкше въ Угорскія, на рѣку Днѣпръ“. Мстиславъ долженъ былъ оправдываться предъ боярами, которыхъ потомъ привелъ обратно въ Галицію княжескій посолъ, Тимофей [3]). Но и послѣ того отношенія бояръ къ Мстиславу остались враждебными. Бояринъ Судиславъ, совѣтуя князю отдать свою дочь за венгерскаго королевича, а вмѣстѣ съ нею и Галичъ, говоритъ Мстиславу: „не можешь бо держати (городъ) самъ, а бояре не хотятъ тебе“ [4]) По смерти Мстислава (1228 г.), Даніилъ, долго владѣвшій одною Волынью, сдѣлался, наконецъ, и галиц-

---

1—4) Ипат., 156- 159, 165—166 с.

кимъ княземъ, но боярскія крамолы продолжались во все остальное время его княженія. Одинъ изъ бояръ, Судиславъ въ отсутствіе Даніила изъ Галича завладѣлъ Понизьемъ. Возвратившись, Даніилъ засталъ Судислава уже въ Галичѣ, который онъ долженъ былъ осаждать, чтобы возвратить его себѣ обратно. На этотъ разъ на сторону князя сталъ весь народъ галицкой земли, бросавшій въ Судислава, который бѣжалъ изъ города, камнями и провожавшій его криками: „изыде изъ града, мятежниче земли" [1]). Въ 1230 году бояре составили съ непримиримымъ врагомъ Даніила, Александромъ Бѣлзскимъ заговоръ противъ своего князя, только случайно неудавшійся. Неуваженіе бояръ къ Даніилу простиралось до того, что на пиру у князя „одинъ отъ тѣхъ безбожныхъ бояръ лице зали ему чашею: и то ему стерпѣвшу" [2]). Даніилъ прибѣгъ къ помощи вѣча (1231 г.) для того, чтобы смирить крамольныхъ бояръ, но, благодаря измѣнѣ, долженъ былъ самъ оставить Галичъ. Даніилъ снова сталъ галицкимъ княземъ, спустя уже нѣсколько лѣтъ (въ 1235 г.) и опять благодаря поддержкѣ галицкаго населенія, которому опротивѣли боярскія крамолы. Сами бояре должны были теперь волею-неволею покориться Даніилу: „пришедше, падше на ногу его, просяще милости, яко согрѣшихомъ ти, иного князя держахомъ". Даніилъ простилъ ихъ, но этимъ не избавился отъ боярскихъ козней, которыя возобновились при первомъ удобномъ случаѣ. Мы уже видѣли, какъ произвольно распоряжались областями и княжескими доходами бояре Доброславъ и Григорій Васильевичъ. Оба эти боярина укоряли другъ друга передъ княземъ въ измѣнѣ: „пріѣхаша съ великою гордынею, ѣдучю Доброславу во единой сорочцѣ, гордящу, ни на землю смотрящу, Галичаномъ же текущимъ у стремени его". Оскорбленный высокомѣріемъ бояръ—со-

---

1—2) Ипат., 169, 170—171 с.

перниковъ, Даніилъ приказалъ схватить ихъ обоихъ и потомъ послалъ Кирилла печатника „исписати грабительства нечестивыхъ бояръ, утиши землю“ [1]). Но не смотря на то, что Даніилъ не былъ въ состояніи освободиться отъ вліянія бояръ во все свое княженіе, они не могли при немъ достигнуть окончательнаго преобладанія въ галицкой землѣ вслѣдствіе безпрерывныхъ взаимныхъ раздоровъ между собою [2]). Ярославская битва (въ 1249 г.) доставила Даніилу перевѣсъ надъ боярами [3]), хотя и послѣ того галицкіе бояре остались наиболѣе богатымъ землевладѣльческимъ сословіемъ, пользующимся значительнымъ вліяніемъ на управленіе [4]) и судьбу князей галицкихъ. Такъ бояре отравили одного изъ нихъ, Болеслава Мазовецкаго (1340 г.), который сурово обращался съ боярами [5]). Органомъ власти бояръ въ галицкомъ княжествѣ, какъ и другихъ русскихъ волостяхъ, была боярская дума или совѣтъ, состоявшій изъ галицкихъ вельможъ, епископа и князя [6]) и руководившій его дѣйствіями. Отъ имени членовъ боярской думы и своего собственнаго галицкій князь заключалъ договоры съ иностранными государствами [7]). Галиція недолго сохранила свою политическую самостоятельность: въ 1349 году она была присоединена къ Польшѣ ея королемъ, Казиміромъ [8]).

Послѣднею древне-русскою, аристократическою областью въ удѣльно-вѣчевой и почти весь московскій періодъ была *Литва*, въ которой аристократія получила исключительное политическое значеніе едва-ли не съ перваго момента ея политической самостоятельности вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей соціальной жизни Литвы. Различныя литовскія пле-

---

1) Ипат., 179 с. 2) Ключевскій, 71—72 с., Костомаровъ, I, 135 с. 3) Иловайскій, II, 459 с. 4) Филевичъ: „Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимірское наслѣдіе“, Спб. 1890, 209—211 с. 5) Б.-Рюминъ, I, 298 с. 6) Ключевскій, 60 с., Зубрицкій, Ш, 253 и 314 с. В. Б, Антоновичъ: „Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи“, Кіевъ, 1885, I, 19 с. 7) Филевичъ и Зубрицкій, ibidem. 8) Б.-Рюминъ, ibidem.

мена (латыши, зимгола, пруссы, ятвяги, леви, куроны) издавна жили въ общинно-родовомъ быту; до половины XIII столѣтія они не составляли одного государства и объединялись только высшею духовною властью верховнаго жреца (Криве-Кривейто). Все литовское племя представляло собою массу небольшихъ волостей, управляемыхъ выборными старѣйшинами и мѣстными народными собраніями. У ливонцевъ старѣйшины управляли нерѣдко помимо народныхъ собраній, у пруссовъ была родовая знать, которая вмѣстѣ съ жрецами заправляла всѣми дѣлами; изъ ея же среды избирались предводители во время войны. Въ старѣйшины выбирались у всѣхъ литовскихъ племенъ представители родовъ, владѣвшихъ большимъ количествомъ земли и рабовъ. Могущественные, знатные и богатые роды литовскихъ землевладѣльцевъ, выдѣлившіеся изъ народной массы, носили названіе *бояръ*, которые „составляли зерно всей націи" [1]). Изъ ихъ среды вышли первые литовскіе князья (кунигасы), которые дѣйствовали независимо другъ отъ друга и съ самаго начала ограничивались въ своей власти боярами [2]) Литва была сначала совершенно русскою землею: литовцы, завоевавъ русскія земли, переняли отъ побѣжденнаго населенія русскій языкъ, нравы и общественный порядокъ [3]). Однако, въ соціальномъ быту древнихъ литовцевъ скоро проявились и новыя черты, неизвѣстныя древней Руси. Бѣдность и дикость жителей Литвы побуждала ихъ предпринимать набѣги на сосѣднія страны,—Русь и Польшу. Въ это время образуется въ Литвѣ болѣе сильная княжеская власть, которая беретъ верхъ надъ жреческимъ сословіемъ [4]), но не надъ боярами. Политическое значеніе послѣднихъ должно было увеличиться даже еще бо-

---

1) Weber, VIII, 576 s. 2) Антоновичъ, 12 и 16 с., Дашкевичъ: „Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства", Кіевъ, 1885, 17—25 с., Иловайскій, III, 111—114 с., Бѣляевъ, Разсказы, IV, 1, 65—103 с. 3) Б.-Рюминъ, II, 1, 53 с., Бѣляевъ, 65—70 с., Дашкевичъ, 99 с. 4) Иловайскій, II, 116—117 с.

лѣе вслѣдствіе столкновеній Литвы съ огромными силами крестоносцевъ, въ особенности же двухъ нѣмецкихъ рыцарскихъ орденовъ—ливонскаго и тевтонскаго, съ которыми Литвѣ пришлось вести долгую и упорную борьбу за свою политическую и религіозную самостоятельность. Нуждаясь въ постоянно готовомъ на бой съ врагами многочисленномъ войскѣ, литовскіе князья должны были заботиться объ усиленіи своей дружины, служилаго сословія. Съ этою цѣлью литовскіе князья стали раздавать, подобно вождямъ германскихъ племенъ, своимъ дружинникамъ отдѣльные участки земли или же жаловать отъ себя грамоты на земли, уже принадлежащія имъ, съ обязательствомъ отправлять въ пользу князей военную службу и признавать ихъ верховную власть [1]). Великому князю литовскому было подчинено на такихъ условіяхъ много второстепенныхъ удѣльныхъ князей изъ дома, княжившаго въ Литвѣ. Эти князья, владѣвшіе огромными вотчинами, сохранили свое политическое значеніе въ періодъ политической самостоятельности Литвы и даже послѣ присоединенія ея къ Польшѣ, когда на ряду съ ними появились и князья завоеванныхъ литовцами русскихъ земель. Изъ второстепенныхъ литовско-русскихъ князей и важнѣйшихъ бояръ составлялся *совѣтъ* или *дума* великаго князя литовскаго Хотя въ дѣятельности великихъ литовскихъ князей, начиная съ Миндове и оканчивая Гедеминовичами, особенно Витовтомъ, и замѣчается стремленіе къ развитію сильной монархической власти [2]), однако, имъ не удалось лишить аристократію того преобладающаго вліянія на все управленіе, которымъ она издавна пользовалась въ государствѣ. Члены думы считали своимъ неотъемлемымъ правомъ участвовать во всѣхъ великокняжескихъ совѣтахъ и безъ нихъ великіе князья не могли рѣшить ни одного дѣла относительно

1) Б.-Рюмянь, II, 1, 53–54 с. 2) Дашкевичъ, 22—23 и 94—96 с.

управленія государствомъ. Самое занятіе литовскаго престола членами великокняжескаго дома зависѣло отъ согласія бояръ—членовъ совѣта. Все управленіе въ Литвѣ велось отъ имени великаго князя, но дѣйствительная власть въ государствѣ принадлежала литовской аристократіи, потомкамъ Игоревичей и Гедиминовичей. Но только знатнѣйшіе изъ литовскихъ бояръ участвовали въ постоянномъ совѣтѣ при великомъ князѣ; вся остальная литовская знать собиралась на сеймахъ, замѣнившихъ прежнія народныя собранія. Права этихъ послѣднихъ перешли теперь къ литовскому боярству [1]). Члены совѣта участвовали вмѣстѣ съ великими князьями литовскими (Витовтомъ, Свидригайлой) въ выдачѣ жалованныхъ грамотъ жителямъ Литвы [2]).

Политическое значеніе литовской аристократіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и органа ея власти—княжескаго совѣта увеличилось еще болѣе послѣ соединенія литовскаго королевства съ Польшей при Ягелло (1386 г.), когда Литва получила право самостоятельнаго внутренняго управленія, собственныхъ должностныхъ лицъ, особые финансы и войско [3]). Княжеская дума или совѣтъ сталъ теперь называться, какъ и въ Польшѣ, *радой* или *сенатомъ*, а сеймъ—посольской избой. Теперь въ Литвѣ вводится польскій политическій порядокъ, отличавшійся въ это время господствомъ въ государствѣ магнатовъ. Польскіе короли, стремившіеся къ тому, чтобы окончательно слить Литву съ Польшей, предоставили литовской знати всевозможныя льготы и преимущества въ сферѣ публичнаго и частнаго права посредствомъ такъ называемыхъ „привилеевъ". Длинный ихъ рядъ начинается грамотой Ягелло (1387 г.), въ которой онъ даруетъ нѣкоторыя новыя права литовскимъ боярамъ—католикамъ [4]). Что-

---

1) Бѣляевъ, IV, 1, 330—333 с. 2) Акты Западной Россіи, Спб., 1746, I, № 6, 9, 36 и 37. 3) Кояловичъ: „Лекціи по исторія Западной Россіи", Москва, 1864, 145 с. 4) Иловайскій, III, 78 с.

бы еще болѣе привязать къ себѣ и Польшѣ литовскую аристократію, Ягелло на сеймѣ въ Городлѣ (1413 г.) сравниваетъ права литовскихъ бояръ—католиковъ съ правами польскихъ пановъ, предоставляетъ первымъ владѣть на правѣ собственности ихъ наслѣдственными землями [1]) и избирать короля вмѣстѣ съ польскими панами [2]), устанавливаетъ равенство литовскихъ сеймовъ и всѣхъ чиновъ и должностей съ польскими [3]) и надѣляетъ литовскихъ бояръ (католиковъ) польскими гербами и титулами [4]). Литовскіе вельможи пріобрѣтаютъ право быть поручителями за своихъ государей. Такъ въ 1430 и 1431 г. вмѣстѣ съ Свидригайломъ заключили договоръ съ Ягелломъ и литовскіе бояре [5]). Когда Сигизмундъ, братъ Витовта, заставилъ Свидригайла уступить ему литовскій престолъ (1432 г.) и сталъ преслѣдовать и казнить окружавшихъ его вельможъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ измѣнѣ, противъ его жизни высшимъ сословіемъ литовскаго общества былъ составленъ заговоръ, который удался, благодаря князю Александру Чарторыжскому. Послѣ смерти Сигизмунда великимъ княземъ литовскимъ былъ избранъ *Казиміръ Ягеллоновичъ* (1440—1492), около котораго былъ поставленъ совѣтъ изъ знатнѣйшихъ литовскихъ бояръ [6]). При Казимірѣ происходитъ полное уравненіе всѣхъ правъ литовскихъ бояръ съ правами польской шляхты, независимо отъ религіозныхъ различій. Жалованной грамотой 1457 „княжатамъ, рыцарямъ, шляхтѣ и боярамъ“ была гарантирована неприкосновенность личности и имущества, подтверждено полное право собственности на пожалованныя имъ имѣнія, которыя остаются въ родѣ по смерти ихъ владѣльцевъ, укрѣпляются права помѣщиковъ надъ крестьянами ихъ земель, которые освобождаются отъ разныхъ великокняжескихъ по-

1—4) Кояловичъ, 160 с. и приложеніе (Постановленія городельскаго сейма 1413 г., статьи: 4, 13, 11 и 15, 3 и 14), Бѣляевъ, 337 с. 5) Бѣляевъ, 334—335 с. 6) Кояловичъ, 168—172.

боровъ и прикрѣпляются къ мѣсту своего жительства. Кромѣ того, помѣщики получили право суда надъ своими крестьянами. Наконецъ, аристократіи предоставлено выѣзжать въ чужіе края для образованія и своихъ дѣлъ и только ей было дано право получать земли и должности въ литовскомъ княжествѣ [1]). По Судебнику Казиміра паны—рада литовская пріобрѣли право разбирать вмѣстѣ съ королемъ важнѣйшіе, сомнительные и спорные, случаи процессуальнаго права [2]). Самый Судебникъ былъ изданъ послѣ совѣщаній и согласія съ князьями и панами—радой великаго князя литовскаго („сгадавше, урядили есмо тако"...), который при помощи ихъ жалуетъ разныя „привилеи" (имущественные и судебные) литовскимъ удѣльнымъ князьямъ, шляхтичамъ и духовенству [3]). При Казимірѣ же мы встрѣчаемся съ договорными грамотами, которыя онъ заключалъ съ родственниками Витовта, русскими князьями, принятыми имъ къ себѣ на службу „по Витовтову докончанью". Въ этихъ грамотахъ, напоминающихъ собою договорныя грамоты московскихъ князей съ удѣльными, говорится, что великій князь литовскій принимаетъ подъ свое покровительство служилыхъ князей, которые сохраняютъ за собою полное право внутренняго управленія въ своихъ вотчинахъ [4]). При преемникѣ Казиміра, его сынѣ *Александрѣ* (1492—1506) власть литовскихъ вельможъ развилась до необычайныхъ размѣровъ, такъ что король очутился въ полной зависимости отъ литовской аристократіи. Самъ Александръ, извѣщая литовскую раду о кончинѣ своего отца, называетъ пановъ своими „милыми пріятелями" [5]). Александръ проситъ князей, пановъ и земянъ (шляхту) волынской земли избрать литовскаго князя, „сгодившеся посполу съ братьею своею, съ паны радою вели-

---

1) Акты Западной Россіи, I, № 61, 73—77. 2) См. 11 и 19 статьи Судебника въ Актахъ Зап. Россіи, I, № 68. 3) А. З. Р., I, №№ 45, 53, 54, 57, 60, 67, 70, 77, 81 и 85. 4) А. З. Р, I, №№ 43, 60 и 80. 5) А. З. Р. I, № 101.

каго князя литовскаго“[1]). Избирая Александра Казиміровича великимъ княземъ литовскимъ, паны, твердо и долго отстаивавшіе вмѣстѣ съ остальнымъ населеніемъ Литвы право независимой отъ Польши самобытной, національной жизни[2]), обязали князя управлять государствомъ по литовскому обычаю и не предпринимать въ Литвѣ ничего важнаго безъ ихъ совѣта и согласія. И на самомъ дѣлѣ Александръ долженъ былъ сообразоваться въ своей дѣятельности съ литовскими законами и непреклонною волею литовскаго сената[3]). Въ первый же годъ своего вступленія на литовскій престолъ Александръ по требованію литовскихъ пановъ—рады подтвердилъ „права и вольности“ литовскихъ бояръ и шляхты, пожаловалъ имъ новыя привиллегіи и обязался безъ согласія съ панами—радой не отмѣнять старыхъ законовъ, не издавать новыхъ, не вступать въ дипломатическія сношенія съ иностранными государствами, не судить въ важнѣйшихъ случаяхъ и не распоряжаться государственной казной[4]). Въ томъ же 1492 г. Александръ пожаловалъ „привилей“ жмудской землѣ на права и вольности, который обезпечивалъ „шляхтѣ, боярамъ, кметамъ и всему посполъству“ свободу личности отъ произвола, а ихъ имуществу—отъ всякихъ податей и повинностей, а шляхтѣ, кромѣ того, право свободнаго распоряженія родовою собственностью и—самостоятельнаго мѣстнаго управленія[5]). Подобные же областные „привилеи“ были даны Александромъ, по примѣру своихъ предшественниковъ (Ягелло и Казиміра)[6]), Бѣльзской и Витебской землѣ[7]) и полоцкимъ боярамъ и мѣщанамъ[8]). Служилые князья пріобрѣли при Александрѣ также большія политическія права. Александръ жаловалъ имъ на вотчинномъ правѣ цѣлые города и воло-

1) Акты Западной Россіи, I, № 100. 2) См. назв. соч. Кояловича. 3) Бѣляевъ, IV, I, 336—337 с. 4) Б.-Рюминъ, II, I, 58, 65—66 с., Иловайскій, Ш, 79 с. 5) А. З. Р. I, № 103. 6) Иловайскій, Ш, 80 с. 7) А. З. Р., I, №№ 189 и 201. 8) Ibidem, №№ 175 и 185.

сти, которыми они могли распоряжаться, какъ хотѣли [1]). Изъ служилыхъ князей и остальныхъ знатныхъ литовскихъ бояръ состояла при Александрѣ литовская рада (сенатъ), съ согласія которой жаловались князем многочисленныя имущественныя привилегіи и судебныя льготы самой же аристократіи и остальному населенію литовскаго княжества [2]).

Важное политическое значеніе литовской аристократіи не уменьшается и при *Сигизмундѣ I* (1506—1544), который при своемъ вступленіи на престолъ поспѣшилъ подтвердить привиллегіи своихъ предшественниковъ [3]). Сигизмундъ еще болѣе увеличиваетъ политическую роль служилыхъ князей новыми пожалованіями вотчинъ и правительственныхъ правъ этимъ высшимъ членамъ литовской аристократіи [4]). Служилые князья, въ свою очередь, сами жалуютъ при Сигизмундѣ, какъ и ранѣе [5]) разныя привиллегіи населенію своихъ областей [6]). Вмѣстѣ съ ними Сигизмундъ продолжаетъ вести все дѣло управленія литовскимъ княжествомъ: разсматриваетъ и издаетъ всякаго рода уставы и жалованныя грамоты по дѣламъ военнымъ, финансовымъ, политическимъ, судебнымъ, церковнымъ, торговымъ, иностраннымъ и вопросамъ о правахъ жителей литовскихъ городовъ [7]). При Сигизмундѣ же I былъ изданъ литовскій статутъ (1529 г.), который подтвердилъ господствующее положеніе въ странѣ всей литовской аристократіи: статутъ былъ дарованъ „всимъ прелатомъ, и княжатомъ, и паномъ хоруговнымъ, вельможнымъ рыцеромъ, повышоннымъ шляхтѣ и всему посполъству“.

---

1) А. З. Р. I, №№ 121, 139, 158, 167, 172, 181, 191, 205, 208 и 218. 2) А. З. Р., I, №№ 120, 126, 139, 144, 145, 159, 163, 165, 170, 171, 173, 175, 176, 181, 182, 185, 189, 191, 193, 201, 204, 207, 210, 213 и 218. 3) Б.-Рюминъ, ibidem, 69 с. 4) А. З. Р., II, №№ 7, 29, 34, 35, 40, 44, 69, 118, 136, 139, 148 и 167. 5) А. З. Р., I, №№ 13, 28, 32, 62, 66, 72, 82, 96, и 178. 6) А. З. Р., II, №№ 21, 27, 63, 96, 103, 104, 105, 132, 142 и 176. 7) А. З. Р., II, №№ 8, 12, 28, 30, 31, 50, 53, 61, 65, 67—70, 71, 73, 79, 84, 99, 108, 109, 110, 112, 144, 151, 157, 164, 175, 202, 213, 221 и 231.

Король даетъ здѣсь торжественное обѣщаніе „пановъ рады ни въ чемъ не понижати“, не допускать „чужеземцевъ (поляковъ) къ владѣнію землями въ Литвѣ, совѣтоваться съ литовской радой обо всѣхъ новыхъ привиллегіяхъ, сохранить въ неприкосновенности „вольности княжатамъ, панятамъ, шляхтамъ и мѣщанамъ, простыхъ людей надъ шляхту не повышати“ и закрѣпить земли за аристократическими родами [1]). Кромѣ того, статутъ обезпечиваетъ цѣлый рядъ другихъ привиллегій въ сферѣ частнаго и уголовнаго права литовскимъ панамъ и ихъ семьямъ и, между прочимъ, крѣпостное право на населеніе ихъ земель [2]). Литовскіе чины, дворяне и рыцари предъявили на виленскомъ сеймѣ (1547 г.) *Сигизмунду II Августу* (1544—1572) требованіе о подтвержденіи всѣхъ прежде данныхъ имъ правъ, объ исправленіи въ ихъ интересахъ литовскаго статута, о выборѣ повѣтовыхъ судей и „вижовъ“, объ устраненіи духовенства отъ свѣтскихъ судовъ, а иноземцевъ отъ „урядовъ земскихъ“ и проч. [3]). Король согласился на большую часть требованій литовскихъ пановъ и выполнилъ ихъ на слѣдующихъ сеймахъ (1551, 1554, 1559 и 1563), гдѣ были заявлены панами и еще новыя просьбы (напр., объ обязательномъ одобреніи сеймомъ всѣхъ новыхъ учрежденій, освобожденіи имѣній шляхты отъ разныхъ повинностей и проч. [4]). Въ 1563 году литовское и русское дворянство и рыцарство православной вѣры (паны-рада, княжата, панята) были сравнены въ правахъ съ польской католической шляхтой [5]). При изданіи этого акта присутствовала масса пановъ—рады литовской, съ согласія которой происходило попрежнему все управленіе государствомъ при Сигизмундѣ [6]) и во время междуцарствія [7]). Литов-

---

1—2) Jirićek: „Swod zakonov slovanskych“, 109 с., Ш раздѣлъ, статьи: 1, 3, 6, 7, 9 и 10 и XI раздѣлъ, 13 статья. 3) А. З. Р., III, № 4. 4) Ibidem, №№ 11, 13, 24 и 33. 5) А. З. Р., III, № 32. 6) Ibidem, №№ 4, 5, 13, 32, 33 и 34. 7) А. З. Р. Ш, №№ 55, 56, 60—63.

ская аристократія зорко слѣдила за сохраненіемъ своихъ привиллегій и обыкновенно требовала немедленнаго ихъ подтвержденія отъ каждаго новаго государя литовской земли, который долженъ былъ обезпечить литовскихъ вельможъ въ ихъ правахъ и вольностяхъ. Тоже сдѣлалъ король *Генрихъ* [1]), а затѣмъ и *Стефанъ Баторій* (1576—1585) при своемъ вступленіи на литовскій престолъ, когда онъ далъ клятву охранять всѣ стародавнія права литовскихъ радныхъ пановъ, сановниковъ, дворянства и рыцарства [2]). Особенно часто паны—рада литовская совѣщались съ С. Баторіемъ о военныхъ дѣлахъ, которыми такъ любилъ заниматься этотъ знаменитый польскій король [3]); но паны—рада принимали при немъ участіе и въ рѣшеніи дѣлъ внутренняго управленія государствомъ [4]). Наконецъ, тотъ же порядокъ рѣшенія всѣхъ дѣлъ литовскимъ государемъ съ совѣта и согласія пановъ—рады мы видимъ и при *Сигизмундѣ III* (1588—1632), при которомъ сначала была дана королемъ жалованная грамота всѣмъ литовскимъ жителямъ о ненарушимости стародавнихъ ихъ правъ и вольностей [5]), а потомъ паны—рады были допущены къ рѣшенію разныхъ дѣлъ управленія [6]). При Сигизмундѣ и его преемникахъ Западная Русь, давно уже находившаяся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ восточною—московскимъ государствомъ и даже желавшая имѣть своимъ княземъ сына Іоанна Васильевича IV, Ѳеодора Ивановича [7]), постепенно отпадаетъ отъ Польши и вмѣстѣ съ Юго-Западной Русью (Малороссіей) соединяется съ московскимъ государствомъ (XVII—XVIII ст.) [8]).

Сильно развитая власть литовской аристократіи до присоединенія Литвы къ Польшѣ и особенно послѣ этого ихъ соединенія основывалась, главнымъ образомъ, на владѣніи ли-

---

1) А. З. Р., III, № 59. 2) Ibidem, № 63. 3) Ibidem, №№ 82, 86, 90, 106, 108 и 123. 4) Ibidem, №№ 77, 117, 150 и др. 5) Ibidem, IV, № 3. 6) Ibidem, №№ 118, 136 и др. 7) А. З. Р., III, № 56. 8) Кояловичъ, 301 с. и сл.

товскою знатью громадными поземельными участками, которые занимали большую часть литовской территоріи и у отдѣльныхъ магнатовъ равнялись иногда цѣлымъ областямъ. Въ тоже время великій князь литовскій обладалъ сравнительно незначительнымъ количествомъ земли и его поземельныя владѣнія были разбросаны въ разныхъ мѣстностяхъ государства [1]). Аристократіи принадлежало въ Литвѣ право исключительнаго замѣщенія изъ своей среды важнѣйшихъ государственныхъ должностей, которыя занимались ими пожизненно и съ обширною властью надъ всѣмъ населеніемъ государства. Таковы были должности гетмана, канцлера и подскарбія, стоявшихъ во главѣ военнаго, гражданскаго и финансоваго управленія страной. На всѣ эти высшія государственныя должности всегда назначались члены высшей аристократіи—паны-рада; знати же принадлежало право занимать высшія областныя должности: воеводы или палатина, старосты, кастеляна и маршалка. Каждый изъ этихъ областныхъ правителей носилъ названіе державца [2]). Политическое значеніе высшаго слоя литовской аристократіи, крупныхъ землевладѣльцевъ—вельможъ увеличивалось въ Литвѣ еще оттого, что литовскіе сеймы состояли обыкновенно изъ членовъ рады — сенаторовъ, между тѣмъ какъ низшее литовское дворянство — бояре не имѣли на сеймахъ никакого значенія [3]). „Въ Литвѣ шляхта, говорилъ на люблинскомъ сеймѣ подлѣсскій воевода, Костецкій, не участвуетъ ни въ какихъ совѣщаніяхъ; тамъ сенаторы дѣлаютъ, что хотятъ“ [4]). И дѣйствительно литовская рада или сенатъ обладалъ высшею властью въ государствѣ, предъ которой долженъ былъ склониться великій князь литовскій, бывшій въ тоже время и польскимъ королемъ. Мы уже видѣли, какую важную роль

---

1) Бѣляевъ, Разсказы, IV, 1, 344—345 с. 2) Б.-Рюминъ, II, 1, 59—61 с., Бѣляевъ, ibidem, 345—360 с. и сл. 3) Иловайскій, III, 81—82 с., Кояловичъ, 209—210 с. 4) Б.-Рюминъ, ibidem, 59 с.

играла литовская рада въ государствѣ при всѣхъ великихъ литовскихъ князьяхъ, особенно же при Александрѣ Казиміровичѣ и первыхъ двухъ Сигизмундахъ. Литовскій сенатъ былъ высшимъ учрежденіемъ въ странѣ, безъ вѣдома котораго не предпринималось ничего важнаго въ дѣлахъ управленія. Паны—рада посылали отъ своего имени грамоты по разнаго рода государственнымъ дѣламъ разнымъ лицамъ и самому королю [1]). Они имѣли право избирать великихъ литовскихъ князей и предлагать литовскій престолъ иностраннымъ государямъ. Такъ, напр., въ 1572 г. послѣ смерти Сигизмунда II литовскіе радные паны предложили литовскую корону сыну Грознаго, Θеодору Ивановичу [2]). Паны—рада заботились о сохраненіи дружелюбныхъ отношеній съ иностранными государствами [3]). Рада обращалась съ великимъ княземъ литовскимъ, какъ съ себѣ равнымъ. Такъ она отправила въ Польшу къ Сигизмунду I (1526 г.) пословъ съ приглашеніемъ поспѣшить пріѣздомъ въ Литву для „рѣшенія многихъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ" [4]). Въ свою очередь, государи литовскіе посылали отъ себя пословъ къ литовской радѣ по различному поводу, считали своею обязанностью „ихъ милости панамъ—радѣ королевскую ласку повѣстити" и справляться объ ихъ здоровьи [5]). Король заступался за честь членовъ литовской рады въ случаѣ жалобъ на ихъ самовольныя дѣйствія [6]). Политическое могущество литовской знати, ослабляемое отъѣздами многихъ литовскихъ князей и бояръ изъ Литвы въ Москву до времени Василія Ивановича, при этомъ великомъ московскомъ князѣ должно было усилиться вновь вслѣдствіе увеличившагося наплыва въ Литву московскихъ бояръ, недовольныхъ абсолютистическими стремленіями мос-

1) Акты Зап. Россіи, II, №№ 10, 83, 144 и др., Ш, №№ 61—63, IV, № 184. 2) А. З. Р., Ш, №№ 55 и 56. 3) А. З. Р., I, № 110, II, №№ 84, 175. 4) А. З. Р., II, № 144. 5) А. З. Р., I, № 206, II, №№ 191 и 194. 6) А. З. Р., II, № 80.

ковскихъ государей [1]). Но эти послѣдніе въ XVI ст. и особенно XVII сдѣлались на столько могущественными, что скоро сами заставили подчиниться себѣ и Литву, и строптивыхъ московскихъ бояръ.

Мы уже видѣли, что московское боярство въ первую половину московскаго періода было на пути къ образованію высшаго въ государствѣ и самостоятельнаго сословія съ извѣстными, опредѣленными политическими правами, которыя признавались за ними самими московскими государями. По мѣрѣ того, какъ въ Москвѣ собираются князья удѣловъ, терявшихъ свою политическую самостоятельность, и ихъ бояре, и тѣ, и другіе вступаютъ въ ряды московскаго боярства, въ отношеніяхъ между всѣми членами боярскаго сословія устанавливается извѣстный порядокъ, опредѣляемый положеніемъ на службѣ у великаго князя каждаго боярина и родовыми счетами между боярами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, налагаемая теперь на каждаго изъ служилыхъ людей—бояръ, обязанность государственной службы связывается съ извѣстными землевладѣльческими привиллегіями и льготами, которыя отнынѣ стали принадлежать только одному боярскому сословію и получили значеніе сословныхъ преимуществъ служилаго класса. Московскіе князья признали за боярами то различіе, которое вытекало изъ происхожденія отдѣльныхъ боярскихъ родовъ отъ знатныхъ служилыхъ князей (русскихъ и литовскихъ), пріѣхавшихъ въ Москву, бывшихъ удѣльныхъ князей и исконныхъ московскихъ бояръ: „государь жаловалъ за службу помѣстьемъ и деньгами, но не отечествомъ“ [2]). Но эта привиллегированная московская аристократія, въ рукахъ которой было много политической силы еще при Иванѣ Васильевичѣ III и Василіѣ Ивановичѣ, не могла задержать без-

1) Дьяконовъ: „Власть московскихъ государей“, 186—195 с., Загоскинъ: „Очеркъ организаціи и происхожденія служилаго сословія въ допетровской Руси“, 109 с. 2) Ключевскій, 227—229 с.

прерывное развитіе могущественной власти московскихъ государей, энергично и настойчиво стремившихся къ этой цѣли своей многовѣковой политической дѣятельности. Боярство оказалось не въ состояніи противостоять дружному напору на ихъ сословныя привиллегіи со стороны московскихъ государей, хотя бояре еще долго не оставляли своихъ старинныхъ притязаній на господство въ государствѣ и заявляли о нихъ всякій разъ, какъ только складывались благопріятныя для этого обстоятельства. Послѣ самовластнаго управленія государствомъ въ малолѣтство Іоанна Васильевича IV бояре должны были выдержать упорную и ожесточенную борьбу за свои политическія права съ самымъ сильнымъ и опаснымъ своимъ противникомъ,—Іоанномъ Грознымъ. Слишкомъ крутыя и безпощадныя мѣры, примѣненныя Грознымъ при этомъ рѣшительномъ столкновеніи интересовъ монархической власти московскихъ государей и бояръ, нашли сочувствіе среди массы простаго народа, ожесточеннаго произволомъ бояръ въ эпоху малолѣтства Грознаго, и обезпечили дальнѣйшее развитіе неограниченной власти московскихъ царей въ ущербъ боярамъ. Но деспотическое правленіе Грознаго, подѣйствовавшее разрушительно на общественную жизнь, вызвало продолжительную реакцію дѣлу Грознаго въ средѣ общества, было причиной „смутнаго времени“ въ русской исторіи, въ теченіе котораго московское боярство рѣшилось всѣми мѣрами добиться исключительнаго политическаго вліянія въ обществѣ [1]). Московскіе бояре, воспользовавшись прекращеніемъ московской царской династіи Рюриковичей и другими благопріятными для ихъ властолюбивыхъ плановъ обстоятельствами, начинають стремиться къ тому, чтобы гарантировать свои политическія права законнымъ путемъ, посредствомъ договоровъ съ московскими государями, царствовавшими послѣ Грознаго. Заключеніе этихъ договоровъ облегчалось тѣмъ,

1) Соловьевъ, VI, 419 с., Бѣловъ, 288 и 296 с., Иловайскій, III, 330 с.

что на московскомъ престолѣ послѣ смерти послѣдняго Рюриковича (Θеодора Ивановича) появляются представители знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ боярскихъ фамилій: Борисъ Годуновъ и Василій Ивановичъ Шуйскій. Борьба за престолъ и за власть надъ государствомъ не прекращается даже въ тяжелую для всего русскаго народа эпоху междуцарствія (1610—1613), когда московскіе бояре не оставляютъ своего намѣренія сдѣлаться московскими царями или, по крайней мѣрѣ, стать первенствующимъ, господствующимъ сословіемъ въ государствѣ, добиться во что бы то ни стало юридическаго укрѣпленія за ними исключительнаго вліянія на дѣла управленія. Старинныя политическія притязанія московскаго боярства не исчезаютъ съ водвореніемъ на русскомъ престолѣ новой династіи *Романовыхъ*, продолжаютъ проявляться при всякомъ удобномъ случаѣ до конца московскаго періода и слѣды ихъ (переживанія) встрѣчаются даже въ императорскомъ періодѣ русской исторіи. Но весь ходъ ея, начиная почти съ перваго момента возникновенія московскаго государства, явно клонился, благодаря особеннымъ историческимъ условіямъ, къ развитію къ странѣ сильной и неограниченной власти московскихъ государей [1]). Это доминирующее направленіе русской исторіи бояре своими властолюбивыми планами могли только задержать на нѣкоторое время, но не остановить. Въ XVII столѣтіи власть московскихъ государей пріобрѣла полную силу и получила преобладаніе надъ боярствомъ, хотя она и не могла отрѣшиться совершенно отъ вліянія бояръ на государственное управленіе.

Каковы были отношенія московскихъ государей къ боярамъ и положеніе послѣднихъ въ московскомъ государствѣ въ это время, это хорошо изображается *Юріемъ Крижаничемъ*, прибывшимъ въ Россію въ царствованіе Алексѣя Ми-

---

1) Хлѣбниковъ: „О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи“, Спб. 1869, 38—39 с.

хайловича. Въ своемъ сочиненіи: „Разговоры объ владальству“ (1663 г.), написанномъ Крижаничемъ въ ссылкѣ (Сибири), послѣ обстоятельнаго изображенія экономическаго состоянія русскаго общества въ XVII столѣтіи [1]) Крижаничъ указываетъ на преимущества русскаго самодержавія предъ аристократическимъ правленіемъ въ Польшѣ [2]). Крижаничъ вѣритъ въ божественное происхожденіе власти московскихъ государей [3]), отдаетъ предпочтеніе монархіи предъ аристократіей и приписываетъ русскимъ монархамъ счастье и благосостояніе всего народа [4]). Но въ тоже время онъ вооружается противъ „людодерства“ или тиранніи („крутаго владанія“) нѣкоторыхъ московскихъ царей также, какъ и противъ злоупотребленій властью со стороны знати. „Людодерство“ состоитъ, говоритъ Крижаничъ, въ дурныхъ законахъ, которые хуже „лютыхъ мукъ“. Если царь уставитъ „лакомые, людодерскіе“ законы, то онъ будетъ тиранъ самъ и тиранами же останутся его преемники, если только они не отмѣнятъ тяжелыхъ для народа законовъ [5]). Въ доказательство этой своей мысли Крижаничъ приводитъ въ примѣръ („прилику“) царя Ивана Васильевича Грознаго, который былъ, по его словамъ, „лакомъ, нещаденъ, людодерецъ, лютъ, крутъ, безбоженъ мясарь (мясникъ), коволокъ (кровопійца) и мучитель“. Въ наказаніе за это („заразъ того“) „царю Ивану Богъ возбудилъ токмеца (соперника) болярина Бориса Өеодоровича.... и тако царство есть отпало отъ рода царя Ивана. Царь Борисъ возвысилъ самотержіе и всякое людодерство“, созидалъ церкви на награбленное добро, но „Богъ возбудилъ противъ него ни краля, ни болярина, ни именита человѣка коего, но инока еднаго разстригу“, который лишилъ Бориса

1) Безсоновъ: „Русское государство въ половинѣ XVII столѣтія“, Москва, 1859—1860, I, 1—21 раздѣлъ сочиненія Крижанича. 2) Крижаничъ, I, раздѣлъ 22, II, 49, 297—305 с. 3) Ibidem, I, 249—250 и 274 с. 4) Крижаничъ II, 44—45 и 69 с. 5) Ibidem, I, 28 раздѣлъ, 281—282 с.

царства, а затѣмъ и самъ „злымъ концемъ сгинулъ“. Крижаничъ описываетъ и дальнѣйшія слѣдствія, современнаго ему, господства на Руси „людодерства“, начало котораго онъ относитъ къ личности Грознаго („кій есть бо зачальникъ сему крутому владанію“) [1]). Крижаничъ предсказываетъ погибель московскому государству, если государи его будутъ подражать царямъ Ивану Грозному и Борису, которые „для ради разсыпныхъ утратъ людодерскіе законы постановиша“ [2]). Вооружаясь противъ тиранніи Грознаго и Годунова, Крижаничъ не щадитъ и московскихъ бояръ (nobiles). Онъ называетъ „сарданапалами“ тѣхъ изъ нихъ, которые „думаютъ лишь о частныхъ наслажденіяхъ и удобствахъ, забываютъ объ общемъ благѣ, отклоняютъ всякія обязанности, выражаютъ притязанія на нелѣпѣйшія привиллегіи, низвергающія правительство, присваиваютъ себѣ недолжныя права, уменьшаютъ могущество своихъ государей, перенося его на себя, и каждый изъ нихъ мнитъ себѣ быть царемъ, и закономъ, и судьею“. Крижаничъ называетъ такихъ знатныхъ „стѣсняющихъ народъ свой самымъ терпкимъ и неправеднымъ рабствомъ“, также тиранами и противополагаетъ имъ „порядочныхъ знатныхъ, которые водятъ войска, сражаются, отправляютъ судебныя должности и служатъ въ *думѣ* царю и народу“. По представленію Крижанича обязанность знатнаго состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы „собирать съ своего помѣстья доходы, пользоваться ими въ праздности и не заботиться ни о чемъ другомъ: всякій знатный—намѣстникъ и служитель царя. Знатный всегда долженъ быть готовъ исполнять царскія повелѣнія своей думой, рукою, пòтомъ и кровью [3]). Недовольный существовавшимъ въ московскомъ государствѣ отношеніемъ монархической власти къ знати, Крижаничъ указываетъ идеалъ общественной и политической

---

1) Крижаничъ, I, 283—285 с. 2) Ibidem, 286—287 с. 3) Крижаничъ, назв. соч., II, 24—27 и 322- 324 с.

жизни для русскаго народа. Въ его планѣ государственнаго устройства царь остается самодержавнымъ и единодержавнымъ государемъ [1]) и жалуетъ своему народу свободу, равныя права и льготы: только „слободины единъ щитъ супротивъ людодерскихъ думамъ“ и необходимое средство для укрѣпленія самодержавія [2]). Но признавая необходимость самодержавія въ русской землѣ, Крижаничъ допускаетъ цѣлый рядъ ограниченій власти московскаго государя. Цари при вступленіи на престолъ должны давать присягу въ сохраненіи народной свободы; и только послѣ этого присягаетъ царю и народъ. Царь теряетъ право на престолъ при перемѣнѣ вѣры, выдачѣ дочери за иноземца и введеніи въ государство иностраннаго войска. Царь долженъ быть женатъ на природной русской или славянкѣ; его дочери не имѣютъ права на престолъ также, какъ и иноземцы. По смерти царя народный сеймъ оцѣниваетъ его правленіе и проситъ отъ его преемника исправленія уставовъ, противныхъ народному благу. Особенными привиллегіями должны пользоваться знатные: „гдѣ бо властели имѣютъ пристойныя себѣ слободы, прецѣнбу и большину надъ простое людство, тамъ королевская прецѣнба есть болѣе укрѣплена“. Крижаничъ раздѣляетъ знать на князей, бояръ и племянъ (боярскихъ дѣтей); первые два ряда знати—именитые бояре и властели. Знать надѣляется имъ цѣлымъ рядомъ привиллегій, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ освобожденіе ея „отъ хлопскихъ тяготъ“ и возстановленіе цѣльныхъ родовитыхъ именъ вмѣсто уменьшительныхъ и унизительныхъ прозвищъ московскихъ бояръ Ивашками, Борисками и проч.. Бояре освобождаются отъ тѣлесныхъ наказаній и кабалы. Только одни бояре имѣютъ право владѣть помѣстьями, носить особаго рода платье и различные почетные знаки, служить лишь въ теченіе из-

1—2) Крижаничъ, назв. соч., I, 332 с., I, 302—303 с.

вѣстнаго срока, обучаться „болярскимъ наукамъ“ (древнимъ языкамъ, философіи, политикѣ и др.) и строить города. Князья должны имѣть ближайшее право занятія престола въ случаѣ прекращенія царскаго рода, вельможи (бояре) и ближніе дворяне имѣютъ право быть совѣтниками государя и исполнителями его велѣній, но ни князья, ни бояре не могутъ имѣть собственнаго войска, имѣть болѣе одного города, управлять и судить независимо отъ короля, собирать народные сеймы и распоряжаться самовольно своими помѣстьями [1]).

Политическій идеалъ Крижанича заимствованъ имъ изъ хорошо ему знакомой западно-европейской жизни, гдѣ въ XVII вѣкѣ господствовала феодальная аристократія. Но въ него внесены авторомъ и черты изъ дѣйствительной жизни русскаго общества того времени: Крижаничъ выставляетъ принципъ самодержавія и единодержавія, какъ необходимый базисъ политическаго порядка на Руси [2]). Попытки ограниченія боярами (въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка) власти московскихъ государей могли быть извѣстны Крижаничу, который также знаетъ о различіи между слоями русской знати: князьями, боярами и боярскими дѣтьми, имѣвшимъ важное значеніе въ политической исторіи XV—XVII в., и объ униженномъ положеніи бояръ въ московскомъ государствѣ въ XVII вѣкѣ. Крижаничъ вѣрно опредѣляетъ обязанности тогдашнихъ „знатныхъ“ по отношенію къ русскому самодержавному монарху, но еще ближе къ дѣйствительности его изображеніе русскихъ „сарданапаловъ“ съ ихъ узко-сословными политическими стремленіями. Политическая теорія Крижанича о власти московскаго царя подтверждается извѣстіями о Россіи другаго иностранца, *Олеарія*, бывшаго въ ней при Михаилѣ Феодоровичѣ три раза (1634, 1636 и 1639 гг.), и русскаго

---

1) Крижаничъ, I, 309, 313-321 и 334 с., II, 382—385 с. 2) Другими принципами русской народной жизни, по Крижаничу, являются: православіе и народность, чуждая всякихъ иноземныхъ вліяній.

историка, *Котошихина*. Олеарій называетъ образъ правленія у русскаго народа монархическимъ неограниченнымъ: русскій государь, достигая короны по наслѣдству, „одинъ, говоритъ Олеарій, управляетъ всею страною и всѣ подданные его какъ князья и дворяне, такъ и простой народъ, граждане и крестьяне, суть его холопы и рабы, которыми онъ управляетъ и распоряжается, какъ глава семьи своими слугами“[1]). Наконецъ, Котошихинъ, неодобрявшій также образъ правленія Грознаго за то, что онъ „правилъ государствомъ въ ярости и во злобѣ сильной, тиранскимъ обычаемъ, много мучительства надъ князи и боляры своими и простыми людьми показа“[2]), сообщаетъ свѣдѣнія о второстепенномъ положеніи бояръ въ управленіи государствомъ неограниченными русскими государями,—въ царской думѣ и приказахъ, гдѣ главную роль играютъ дьяки[3]). Это уменьшеніе, пониженіе правительственнаго значенія боярства въ XVII ст. было результатомъ цѣлаго ряда причинъ.

Къ тѣмъ, извѣстнымъ намъ, обстоятельствамъ, которыя въ первую (удѣльную) половину московскаго періода препятствовали московскому боярству превратиться въ самостоятельное и замкнутое сословіе, обладающее политическими правами, во вторую половину присоединяются еще нѣсколько другихъ. Сюда, прежде всего, нужно отнести состояніе народнаго хозяйства въ XVI столѣтіи: до времени Бориса Годунова крестьяне не были прикрѣплены къ помѣщичьей землѣ и бояре, какъ главные землевладѣльцы въ странѣ, должны были нести на себѣ весь вредъ безпрерывныхъ переходовъ крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому[4]). Но и послѣ прикрѣпленія крестьянъ (1591—1597), предпринятаго Годуновымъ

1) Олеарій: „Путешествіе въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 гг.“. Переводъ П. Барсова, Москва. 1870, 216 стр. 2—3) Котошихинъ: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, Спб., 1840, I гл., 1 статья, II гл., 5 ст. и VII гл., 1 ст. 4) Ключевскій, 317 стр.

съ фискальными цѣлями и вопреки желанію бояръ, они мало выиграли: теперь помѣщики—бояре отвѣчали за исправный взносъ податей всѣхъ крестьянъ, живущихъ на ихъ землѣ [1]). Необходимо замѣтить, что боярскіе роды, даже знатнѣйшіе между ними, не обладали большими поземельными участками, которые сосредоточились въ рукахъ московскаго государя [2]); низшій же слой боярскаго сословія—боярскіе дѣти были еще бѣднѣе знатныхъ бояръ [3]). Сравнительная необезпеченность боярскаго сословія ставила его въ экономическую зависимость отъ московскихъ государей, дворъ которыхъ былъ центромъ всей національной жизни. Бояре, какъ служилые люди, должны были сдѣлаться ближайшими помощниками московскихъ царей при тѣхъ безпрерывныхъ войнахъ, которыя постоянно велись Москвою противъ татаръ, Польши и Литвы [4]). Развитію политической силы московскаго боярства много вредили также взаимные раздоры и родовые, мѣстническіе счеты между боярами. Изъ за нихъ бояре забывали о сохраненіи за собою даже того политическаго вліянія, которое они успѣли пріобрѣсти въ Москвѣ въ удѣльную эпоху. „Боярство XVI ст., говоритъ профессоръ Ключевскій, имѣло въ своихъ рукахъ власть, но не заботилось объ ея упроченіи; оно является какой-то аристократіей безъ вкуса къ власти, безъ умѣнья или охоты вліять на общество, знатью, которую занимали больше взаимные счеты и ссоры ея членовъ, чѣмъ отношенія къ государю и народу“ [5]). Впрочемъ, въ концѣ XVI ст. и началѣ XVII—въ самую благопріятную пору для осуществленія боярскихъ политическихъ притязаній, въ эту критическую эпоху для московскаго боярства, когда рѣшался, и на этотъ разъ безповоротно, вопросъ о послѣдующей соціально-политической роли бояръ въ московскомъ государствѣ, они дошли до мысли обезпечить свои

1) Бѣляевъ, Лекціи, 479 с. 2) Соловьевъ, XIII, 30 с. 3—4) Хлѣбниковъ, назв. соч., 20 с. 3 сл., 34 и 8—9 с. 5) Ключевскій, 305 с.

политическія права формальными договорами съ нѣсколькими московскими царями. Но всѣ эти боярскія „записи“ не могли принести какую-либо пользу боярамъ, въ средѣ которыхъ продолжалась взаимная вражда между знатнѣйшими боярскими родами, царила страшная рознь между высшимъ и низшимъ слоями боярскаго сословія и полное его равнодушіе къ судьбѣ народныхъ массъ. Отсутствіе въ средѣ боярства сознанія общности интересовъ, которое могло бы связывать всѣхъ его членовъ въ одну плотную корпорацію, энергично отстаивавшую свои права, давало лишнее оружіе противъ всего боярскаго сословія московскимъ государямъ, которые продолжали въ XVI—XVII ст. послѣдовательно и неутомимо проводить свой планъ политическаго обезсиленія боярства и образованія изъ него постояннаго и правильнаго служилаго класса въ московскомъ государствѣ. Съ этою цѣлью московскіе государи стараются ослабить политическое значеніе боярскихъ родовъ, которые произошли отъ удѣльныхъ князей и тѣснили при дворѣ старинные роды московскихъ бояръ. Московскіе государи опасались потомковъ удѣльныхъ князей, еще незабывшихъ о недавнемъ времени политической самостоятельности своихъ дѣдовъ и отцовъ, и отдавали предъ ними преимущество древнимъ боярскимъ родамъ московскаго княжества [1]), интересы которыхъ было тѣсно связаны съ интересами московскихъ государей. Главное основаніе соціально-политической силы служилыхъ князей, какъ и исконныхъ московскихъ бояръ, составляли вотчины, съ которыми тѣ и другіе принимались на службу въ Москвѣ. На сколько было опасно для развитія власти московскихъ великихъ князей владѣніе вотчинами со стороны служилыхъ князей, это видно изъ рано установившагося, юридическаго ограниченія перехода ихъ съ вотчинами со службы московскихъ государей къ удѣльнымъ князьямъ. Запре-

1) Бѣляевъ, 102—104 с.

щеніе не принимать на службу князей съ ихъ вотчинами, занесенное въ междукняжескіе договоры, было потомъ распространено и на остальныхъ, нетитулованныхъ московскихъ бояръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивается далѣе принципъ обязательной государственной службы всѣхъ бояръ въ силу одного лишь владѣнія вотчинами, своими и вновь пожалованными московскими великими князьями. Со времени Ивана Васильевича III владѣніе помѣстьями, жалуемыми князьями, начинаетъ вытѣснять вотчинное—родовое, аристократическое землевладѣніе [1]). Московское правительство жалуетъ за заслуги, „верстаетъ" служилыхъ людей помѣстьями и денежными окладами—съ соблюденіемъ цѣлаго ряда правилъ, установленныхъ съ цѣлью сохраненія служебнаго характера за „верстаніемъ". Вмѣстѣ съ развитіемъ власти московскихъ государей помѣстья все болѣе и болѣе сближаются съ вотчинами: владѣльцы тѣхъ и другихъ одинаково обязаны были нести службу государеву [2]). Наконецъ, при Іоаннѣ Грозномъ происходитъ посредствомъ цѣлаго ряда указовъ (1557—1581) полное уравненіе службы князей, бояръ, боярскихъ дѣтей и дворянъ по ихъ вотчинамъ, помѣстьямъ и денежному жалованью, вслѣдствіе чего образуется однородный служилый классъ московскаго государства [3]).

Также постепенно совершается въ Москвѣ ограниченіе права свободнаго отъѣзда бояръ, которымъ они безпрепятственно пользовались во всю удѣльную эпоху. Хотя бояре юридически сохранили свое право отъѣзда до Іоанна Грознаго [4]), однако, фактически въ Москвѣ принимались еще при Иванѣ Васильевичѣ III извѣстныя мѣры къ стѣсненію этого права. Когда шло дѣло объ интересахъ Москвы, увеличеніи служилыхъ ея силъ, московское правительство поощряло прі-

---

1) Хлѣбниковъ, 8 с. 2) Загоскинъ, ibidem, 75—103 с. 3) В.-Будановъ, 119 с., Загоскинъ, ibidem, 76—79 с. 4) Дьяконовъ, 181—182 с.

ѣздъ къ нему на службу удѣльныхъ бояръ и особенно московскихъ служилыхъ князей (Бѣльскихъ, Одоевскихъ, Глинскихъ и др.) и щедро надѣляло послѣднихъ вотчинами. Московскіе государи даже сами провозглашають начало полной свободы отъѣзчиковъ, но только не изъ Москвы, и стараются оправдать такой способъ своихъ дѣйствій разными соображеніями (старинною службою дѣдовъ и отцовъ пріѣхавшихъ изъ Литвы служилыхъ князей, религіозными ихъ притѣсненіями въ Литвѣ). Совершенно иначе относились московскіе правители къ отъѣзчикамъ изъ Москвы къ удѣльнымъ князьямъ и въ Литву, куда направлялась масса служилыхъ князей (бывшихъ литовскихъ и русскихъ удѣльныхъ) и московскихъ бояръ со второй половины княженія Василія Ивановича (1514 г.), когда явно стали обнаруживаться абсолютическія стремленія великаго князя московскаго [1]). Отъѣзчики изъ Москвы были строго наказываемы московскими князьями: отъѣзчика насильственно возвращали въ Москву, гдѣ его бросали въ оковахъ въ тюрьму, лишали его, какъ измѣнника, родословной чести, важнѣйшаго для служилаго человѣка права мѣстничества, или же онъ понижался въ мѣстѣ предъ своими соперниками [2]). Кромѣ всего этого, со времени Ивана Васильевича III въ Москвѣ вводится обычай требовать отъ бояръ, заподозрѣнныхъ въ желаніи отъѣхать отъ московскаго государя или же возвращенныхъ насильно изъ отъѣзда, клятвенную запись. Впервые такую запись долженъ быть дать въ 1474 г. князь Данила Дмитріевичъ Холмскій, задумавшій было отъѣхать отъ великаго князя: въ этой записи содержится обѣщаніе Холмскаго служить Ивану Васильевичу „до своего живота и ни къ кому отъ него не отъѣхати", желать великому князю добра и выносить въ случаѣ вины отъ него наказаніе [3]).

---

1) Загоскинъ, 109 с. 2) Дьяконовъ, 190—191, 182—184 с. 3) Собр. гос. гр. и догов., I, № 103.

При Василіи Ивановичѣ и особенно Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ (въ 1547 г.) число подобныхъ клятвенныхъ записей сильно увеличивается [1]), что указываетъ, съ одной стороны, на большое число случаевъ отъѣзда при этихъ великихъ московскихъ князьяхъ, а съ другой на рѣшительное противодѣйствіе ему со стороны московскихъ государей. Всѣ эти клятвенныя записи отбирались обыкновенно отъ лицъ, относительно вѣрности которыхъ московское правительство имѣло основаніе сомнѣваться, что видно изъ самого ихъ содержанія: „се азъ (такой-то) есми преступилъ предъ своимъ государемъ“, говорилось въ началѣ этихъ записей. Чтобы еще болѣе обезпечить вѣрность себѣ служилыхъ людей—бояръ, московскіе государи прибѣгали къ поручительству за нихъ московскаго митрополита и другихъ членовъ высшаго духовенства, а также и товарищей подозрѣваемаго въ измѣнѣ боярина. Послѣдніе при этомъ должны были давать отъ своего имени особыя „поручныя записи“, въ которыхъ они обѣщались платить государю значительный денежный штрафъ въ случаѣ отъѣзда боярина, давшаго клятвенную запись. Такъ, напр., за князя Холмскаго поручился Иванъ Никитичъ Воронцовъ, обѣщавшій заплатить Ивану Васильевичу 250 р. [2]). Въ свою очередь, за поручившихся бояръ ручались иногда государю еще другіе бояре, *подручители*, которые также давали отъ себя подручныя записи. Записи послѣдняго рода, появившіяся при Василіи Ивановичѣ, вошли въ большое употребленіе при Грозномъ [3]), въ рукахъ котораго они были однимъ изъ средствъ борьбы его съ московскимъ боярствомъ, отстаивавшимъ упорно свои права. Клятвенныя, поручныя и подручныя записи служи-

---

1) Ibidem, №№ 145, 146, 149, 152, 153, 154, 157, 159, 162, 165—169, 172, 174, 177, 182, 189, 196 и 201. 2) Собр. гос. гр. и догов. I, № 104; см. еще №№ 155, 156, 166, 175, 178, 180, 184, 185, 186, 190, 194, 195 и 197. 3) Ibidem, №№ 155, 156, 176, 179, 181, 191 и 198.

лыхъ князей и бояръ замѣняютъ при Грозномъ договорныя грамоты между московскимъ государемъ и удѣльными князьями, которыя исчезаютъ теперь окончательно вмѣстѣ съ правомъ бояръ свободно отъѣзжать отъ московскаго государя безъ всякаго подозрѣнія въ государственной измѣнѣ. Но уже самый фактъ значительнаго количества клятвенныхъ записей при Грозномъ доказываетъ, что московскіе бояре отказались отъ своего права свободной, необязательной службы не безъ борьбы и сопротивленія московскому государю. Бывали случаи, что бояре, давшіе клятвенную запись не отъѣзжать изъ Москвы, все-таки, уѣзжали отсюда. Такъ при Василіѣ Ивановичѣ отъѣхалъ въ Польшу спачала князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (1507 г.), а потомъ князь Ѳедоръ Михайловичъ Мстиславскій, нарушившій свою клятву черезъ два года послѣ того, какъ онъ далъ ее (1531 г.) [1]). Однимъ изъ средствъ для униженія родовитаго боярства было приближеніе великими князьями московскими къ себѣ тѣхъ бояръ, которые выдавались своими заслугами, замѣна родоваго принципа началомъ личныхъ заслугъ государству [2]). Василій Ивановичъ возвышаетъ литовскаго выходца, князя Михаила Глинскаго, на племянницѣ котораго, Еленѣ онъ потомъ женится. Великій князь называетъ Глинскаго своимъ „прямымъ слугою" и поручаетъ ему предъ своею смертью заботу о своей семьѣ [3]). Параллельно съ униженіемъ знатнѣйшихъ бояръ идетъ со времени Іоанна III привлеченіе въ государственную службу лицъ незнатнаго происхожденія, „людей худородныхъ"—дьяковъ [4]), которые участвуютъ въ составленіи перваго Судебника (1497 г.) [5]) и въ боярскомъ судѣ наравнѣ съ боярами [6]). Дьяки образуютъ

1) Собр. гос. гр. и дог., I, №№ 146, 157 и 159. 2) Хлѣбниковъ, 10 с. 3) П. С. Р. Л., VI, 271 с. 4) Бѣловъ, 104—105 с., Ключевскій: „Сказанія иностранцевъ о московскомъ государствѣ", Москва, 1866, 107—108 с., Загоскинъ, 111—112 с. 5) В.-Будановъ, 200 с., Загоскинъ: „Исторія права московскаго государства", 59 с. 6) См. 1 ст. обоихъ Судебниковъ.

погомъ особый правительственный классъ, завѣдующій цѣлыми отраслями управленія. Дьяки участвуютъ въ боярской думѣ на ряду съ старинными ея членами,—введенными боярами и окольничими, а также и новыми,—думными дворянами, появившимися въ XVI ст. и назначаемыми изъ числа неименитыхъ боярръ или боярскихъ дѣтей [1]). Думные дьяки, по словамъ Котошихина, „мыслятъ съ царемъ" въ думѣ, записываютъ и закрѣпляютъ боярскіе приговоры о дѣлахъ [2]). Дьяки же сидятъ въ вновь появившихся въ XVI—XVII ст. центральныхъ административныхъ учрежденіяхъ—*приказахъ*[3]), въ которыхъ они были непремѣнными членами. Нѣкоторые важнѣйшіе приказы состояли только изъ однихъ дьяковъ. Такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ въ приказѣ тайныхъ дѣлъ, который былъ „устроенъ для того, чтобы его царская мысль и дѣла исполнялися всѣ по его хотѣнію, а бояре бъ и думные люди о томъ ничего не вѣдали, сидѣли, вѣдали и дѣлали всякія дѣла царскія, тайныя и явныя, дьякъ съ десятью подъячими; а въ тотъ приказъ бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ" [4]). Дьяки служатъ посредниками въ сношеніяхъ приказовъ съ царемъ, дѣлаютъ ему доклады по всякимъ дѣламъ, исполняютъ всѣ порученія государя и окружаютъ его постоянно до самой смерти [5]). Черезъ нихъ же ведутся и иностранныя сношенія московскаго государства [6]). Такимъ образомъ, дьяки пріобрѣтаютъ важное правительственное значеніе въ московскомъ государствѣ, лишая тѣмъ самымъ исключительнаго права на участіе въ управленіи членовъ боярскаго сословія, которое сохраняетъ теперь въ отличіе отъ дьяковъ только одну отеческую честь, право мѣстничества, также подвергшееся из-

---

1) Сергѣевичъ: „Юридическія древности", 431—435, 486-492 и 509 стр. 2) Котошихинъ, II гл., 5 статья, 3) В.-Будановъ, 177 с.. Градовскій: „Высшая администрація XVIII в.", 17-18 с. 4) Котошихинъ, VII гл., 1 ст. 5) Соф. л., II, 270 с. 6) Соловьевъ, VII, 45—46 с.

вѣстнымъ ограниченіямъ и зависящее иногда отъ тѣхъ же дьяковъ [1]). Что возвышеніе дьяковъ въ управленіи государствомъ въ глазахъ московскихъ государей имѣло значеніе противовѣса властолюбивымъ боярскимъ притязаніямъ, на это указываютъ слова Курбскаго въ его „Исторіи Іоанна Грознаго". „Писари же наши русскіе, говоритъ онъ здѣсь, имъ же князь великій зѣло вѣритъ, а избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ, или отъ простого всенародства, а то ненавидячи творитъ вельможъ своихъ" [2]). Тотъ же протестъ противъ дьяковъ высказываетъ другой московскій бояринъ—отъѣзчикъ, Теренинъ, который писалъ въ Москву къ Морозову: „есть у великаго князя довѣренные люди—дьяки, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопство не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ [3]).

Наконецъ, не уцѣлѣло во вторую половину московскаго періода и важнѣйшее, самостоятельное право бояръ совѣщаться съ московскими князьями о всѣхъ дѣлахъ правленія. Московскіе государи, стремившіеся уничтожить всякіе слѣды самостоятельнаго, независимаго отъ нихъ, положенія боярскаго сословія въ обществѣ и обратить его исключительно въ служилое сословіе, не могли оставить за боярами права совѣщанія съ ними, которое связывало волю московскихъ повелителей. Впрочемъ, при *Иванѣ Васильевичѣ III* (1462—1505) бояре сохраняютъ это право совѣта съ этимъ великимъ княземъ, при которомъ они еще защищаютъ открыто свои сословные интересы. По смерти первой своей жены, Маріи, оставившей Ивану сына, Іоанна Младого съ внукомъ, Димитріемъ великій князь женился на греческой царевнѣ, Софьѣ Палеологъ, отъ которой у него родился сынъ, Василій. Съ этой второй женитьбой связывается переворотъ

1) Сергѣевичъ, 509—510 с. 2) Сказанія князя Курбскаго, 3 изд. Н. Устрялова, Спб., 1868, 43 с. 3) Соловьевъ, VII, 45 с.

въ отношеніяхъ Ивана Васильевича къ боярамъ, замѣченный современниками, русскими и иностранными, приписывающими Софьѣ значительное вліяніе на ея мужа. Такъ *Герберштейнъ* пишетъ о ней: „говорятъ, что Софья была весьма хитра и подъ ея вліяніемъ князь много дѣлалъ". По совѣту Софьи Іоаннъ рѣшился свергнуть иго татаръ и лишить права на московскій престолъ своего внука, Димитрія [1]). По внушенію Софьи Іоаннъ ввелъ при своемъ дворѣ этикетъ, который не могли нарушать его приближенные бояре. Тотъ же Герберштейнъ разсказываетъ, что когда Иванъ Васильевичъ дремалъ во время обѣда, „всѣ приглашенные къ столу отъ страха молчали" и могли говорить съ нимъ только послѣ того, какъ „великій князь просыпался и начиналъ шутить съ ними" [2]). Перемѣну въ обращеніи съ боярами Ивана Васильевича послѣ его второй женитьбы подмѣтилъ бояринъ Берсень и объ ней же говоритъ и князь Курбскій. Берсень жаловался Максиму Греку: „какъ пришла сюда (т. е. въ Москву) мати великаго князя (Василія Ивановича) великая княгиня Софья съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Цареградѣ при вашихъ царѣхъ". И когда Максимъ Грекъ указалъ на знатное происхожденіе Софьи отъ византійскихъ царей и герцоговъ феррарскихъ, Берсень отвѣчалъ: „какова-бы ни была, а къ нашему нестроенію пришла" [3]). Князь Курбскій, энергично отстаивавшій предъ Грознымъ политическую самостоятельность боярства, говоритъ, что „въ предобрый русскій княжескій родъ всѣялъ діаволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами", и затѣмъ обвиняетъ Софью въ цѣломъ рядѣ преступленій (въ отравленіи Іоанна Младого, смерти его жены, Елены и „многолѣтнемъ" заключеніи въ темницу и насильственной смерти ихъ сына, Димит-

1—2) Герберштейнъ: „Записки о Московіи". Переводъ Анонимова, Спб., 1866, 19 и 22 с. 3) Акты Археогр. Экспедиціи, I, № 172.

рія)[1]). Въ виду такого сильнаго вліянія Софьи на великаго князя, опаснаго для знатныхъ бояръ, естественно было ожидать, что они примутъ всѣ мѣры для того, чтобы оттѣснить отъ престола сына Софьи, Василія и убѣдить Ивана Васильевича передать его послѣ себя Димитрію, сыну Іоанна Младого, любимаго боярами. Но, въ свою очередь, и партія великой княгини и ея сына была на сторожѣ и при первомъ же слухѣ о предполагаемомъ пожалованіи Димитрія титуломъ великаго князя поспѣшила немедленно обезпечить Василію московскій престолъ. На сторонѣ Софьи и Василія и въ заговорѣ противъ знатныхъ бояръ были дьяки: Строиловъ и Гусевъ и дѣти боярскіе: Яропкинъ, Поярковъ, Руновъ, Щавья-Травинъ и князь Палецкій. Рѣшено было „отъѣхать князю Василію отъ отца, разграбить казну великаго князя на Вологдѣ и Бѣлоозерѣ и надъ княземъ Димитріемъ, надъ внукомъ израда учинити“[2]). Однако, заговоръ былъ открытъ, Софья съ сыномъ была удалена отъ двора, а ихъ приверженцы были казнены на льду рѣки Москвы. Вслѣдъ за этимъ произошло торжественное вѣнчаніе на царство царевича Димитрія (1498 г.)[3]). Однако, и партія побѣдившихъ на этотъ разъ знатныхъ бояръ недолго торжествовала надъ соперниками. Скоро Софья примирилась съ мужемъ и родовитые, крамольные бояре: князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ съ дѣтьми, князь Семенъ Ивановичъ Ряполовскій потерпѣли „за высокоумничанье“ жестокое наказаніе отъ великаго князя. Князю Ряполовскому, который когда-то спасъ Ивана Васильевича отъ мстительной руки Шемяки, отсѣкли на льду рѣки голову, а князь Патрикѣевъ былъ постриженъ въ монахи[4]). Спустя нѣсколько времени, на Димитрія съ матерью была „положена великая опала“ (въ 1502 году), запрещено поминать ихъ въ литіяхъ и эктеніяхъ, у

1) Сказанія князя Курбскаго, 75—76 с. 2) Бѣловъ, 107 с. 3) П. С. Р. Л., VIII, 236 с. 4) Воскр., ibidem, 236—237 с.

Димитрія отнято званіе великаго князя и онъ вмѣстѣ съ матерью былъ посаженъ „за приставы". Василій же былъ объявленъ наслѣдникомъ московскаго престола [1]). Такъ властно сталъ теперь обходиться великій князь московскій съ своими боярами, безъ совѣта и согласія съ которыми князя прежде ничто не дѣлалось въ государствѣ. Но Иванъ Васильевичъ III еще не отнялъ у нихъ этого права и бояре при немъ принимали большое участіе въ управленіи. По словамъ Берсеня, Иванъ Васильевичъ „противъ себя встрѣчу любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали" [2]). Князь Курбскій также хвалитъ Іоанна III, который расширилъ границы государства и свергъ татарское иго по причинѣ „многаго его совѣта съ мудрыми и мужественными синклиты его: бо зѣло глаголютъ его любосовѣстна быти и ничтоже починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта" [3]). Занятый, главнымъ образомъ, дѣломъ окончательнаго разрушенія удѣльно-вѣчевыхъ остатковъ на Руси, присоединеніемъ къ Москвѣ послѣднихъ удѣловъ и развитіемъ самодержавія московскаго государя [4]), Иванъ Васильевичъ III оставлялъ въ силѣ старый, обыкновенный порядокъ участія бояръ въ управленіи, спрашивалъ ихъ совѣта во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ [5]); число совѣтниковъ при немъ даже увеличилось [6]). Мы находимъ въ лѣтописяхъ много случаевъ совѣщаній великаго князя съ боярами по разному поводу. Такъ въ 1472 г. Иванъ Васильевичъ, „помысливъ" съ митрополитомъ, своею матерью, братьями и боярами, послалъ Фрязина въ Римъ свататься за царевну Софью [7]); съ боярами же и другими лицами онъ совѣщается о томъ, можно ли кардиналу Антонію, сопровождавшему царевну по Россіи, нести предъ собою латин-

1) Воскресен., 242 с. 2) А. Э. Э., I, ibidem. 3) Сказанія князя Курбскаго, 40 с. 4) Костомаровъ, I, 265—294 с. 5) Сергѣевичъ: „Юридическія древности", 71- 76 с., Дьяконовъ, 199—200 с., Бѣляевъ, Лекціи, 169 с., Б.-Рюминъ, II, 1, 145 с. и сл. 6) Неволинъ, VI т. сочиненій, 104 и 124 с. 7) П. С. Р. Л., VIII, 169 с.

скій крестъ (крыжъ)[1]). Въ 1477 г. Иванъ Васильевичъ вооружается на Новгородъ „по благословенію митрополита Геронтія, совѣтомъ матери своея и братьей своихъ думою, и бояръ своихъ князей и воеводъ“ [2]). Московскіе бояре служатъ посредниками въ переговорахъ съ Новгородцами предъ присоединеніемъ Новгорода къ Москвѣ (въ 1478 г.)[3]). Когда ханъ Ахметъ подступилъ къ Москвѣ (въ 1480 г.), Иванъ Васильевичъ совѣщался съ высшимъ духовенствомъ, матерью, дядею, Михаиломъ Андреевичемъ и со всѣми своими боярами[4]). Великій князь, „повинуяся мысли и думѣ“ своихъ совѣтниковъ, богатыхъ и тщеславныхъ бояръ, Ивана Васильевича Ощеры и Григорія Андреевича Мамона, которые напугали его разсказами о нападеніи татаръ на Москву при Димитріѣ Донскомъ и Василіи Васильевичѣ, уклонился отъ рѣшительнаго сраженія съ татарами на р. Окѣ и возвратился въ Москву[5]). Бояре вмѣстѣ съ великимъ княземъ просятъ прощенія предъ митрополитомъ Іоной чудовскому архимандриту Геннадію за самовольный его поступокъ[6]). Герберштейнъ называетъ бояръ, окружавшихъ царя при его торжественномъ пріемѣ, совѣтниками, которые, по его словамъ, избираются въ Москвѣ изъ числа знатныхъ лицъ[7]). Такіе бояре—совѣтники вели съ нимъ переговоры отъ имени государя[8]).

Василій Ивановичъ (1505—1533) пошелъ далѣе своего отца въ развитіи неограниченной власти московскаго государя и отстраненіи бояръ отъ дѣлъ управленія. Впрочемъ, въ началѣ своего царствованія онъ еще придерживался обычая совѣтоваться съ своими боярами. Въ 1506 г. Василій Ивановичъ, „посмотря въ шертныя грамоты Мингилирѣевы

1) П. С. Р. Л., VIII, 175 с. 2) П. С. Р. Л., VI, 206 с. 3) П. С. Р. Л., VI., 210, 214, 215, 217 и 218 с.; ср. VIII, 192 с. и сл. 4—6) П. С. Р. Л., VI, 224, 230 и 234 с 7—8) Герберштейнъ, 187—189 и 202 с., Соловьевъ, V, 445 с.

царевы, что было съ отцемъ его, великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, о дружбѣ и братствѣ... приговорилъ съ братьею своею и боляры“ послать въ Крымъ ближняго своего человѣка, Василія Наумова извѣстить Менглигирея о кончинѣ своего отца и просить о возобновленіи дружбы и братства [1]). По совѣту съ боярами Василій Ивановичъ развелся съ своей бездѣтной женой, Соломіей [2]) и послѣ насильственнаго ея постриженія женился на Еленѣ Глинской. Инокъ Вассіанъ (бывшій князь Патрикѣевъ), возставшій противъ развода великаго князя съ первой женой, былъ заточенъ имъ въ монастырь. Изъ числа свѣтскихъ совѣтниковъ противъ новаго брака былъ князь Семенъ Θеодоровичъ Курбскій, предокъ знаменитаго князя Андрея Михайловича Курбскаго. Рѣзкое порицаніе послѣднимъ Василія за то, что онъ развелся съ Соломіей вопреки совѣту нѣкоторыхъ знатныхъ бояръ (синклитовъ) [3]) указываетъ, что въ данномъ случаѣ были заинтересованы родовитые бояре: такъ какъ у Соломіи не было дѣтей, то послѣ Василія Ивановича московскій престолъ долженъ былъ наслѣдовать одинъ изъ его братьевъ, неспособный къ управленію, князь Юрій, при которомъ боярамъ можно было возвратиться къ старинѣ, заставить его совѣтоваться съ ними по всѣмъ государственнымъ дѣламъ [4]). Самъ Василій Ивановичъ скоро сталъ уклоняться отъ этого древняго московскаго обычая. Бояринъ Берсень жаловался Максиму Греку, что великій князь перемѣнилъ старые обычаи. „Государь упрямъ, говорилъ Берсень, и встрѣчи противъ себя не любитъ, кто ему встрѣчу говоритъ, онъ на того опаляется. Государь насъ запершися самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ“. Берсень былъ удаленъ Василіемъ Ивановичемъ отъ двора за встрѣчу о Смо-

---

1) П. С. Р. Л., VI, 244 с., VIII, 245 с. 2) П. С. Р. Л., IV (Псков. I), 296 с. 3) Сказанія князя Курбскаго, 4—5 с. 4) Соловьевъ, V, 411—412 с., Бѣловъ, 109—110 с.

ленскѣ: „князь великій того не полюбилъ, да молвилъ (Берсеню), пойди прочь, смердъ, ненадобенъ ми еси“ [1]). Членами тайнаго совѣта Василія Ивановича были не родовитые бояре, а приближенные къ нему дворецкій Шигона-Поджогинъ и дьяки: Мишуринъ, Курицынъ, Путятинъ и др. [2]). Съ этими дьяками Василій не церемонился также, какъ и съ незнатными боярами, какъ скоро кто-либо изъ нихъ рѣшился ему противорѣчить. Такъ боярину Берсеню за его противорѣчіе и жалобы на перемѣны при Василіи Ивановичѣ отрубили голову, дьякъ Өеодоръ Жареный, также осмѣлившійся жаловаться, былъ битъ кнутомъ и ему отрѣзали языкъ, дьякъ Далматовъ, отказавшійся отъ поѣздки къ императору Максимиліану, былъ лишенъ имущества и заточенъ навсегда въ Бѣлоозерѣ [3]). Однако, при всемъ могуществѣ великаго князя и подчиненіи бояръ Василію Ивановичу, которое производило сильное впечатлѣніе на иностранцевъ [4]), онъ еще не трогалъ существовавшихъ до него общественныхъ отношеній. Василій Ивановичъ „имѣлъ обширную власть надъ лицами, но не надъ порядкомъ. Великій князь бранилъ своихъ совѣтниковъ смердами и прогонялъ ихъ изъ думы съ глазъ долой“, но въ тоже время онъ ввѣрялъ управленіе завѣдомо строптивымъ, но знатнымъ боярамъ, жаловалъ званіемъ боярина родовитѣйшихъ изъ членовъ боярскаго сословія [5]). Василій Ивановичъ называлъ себя самодержцемъ всея Руси, но не въ смыслѣ неограниченности своей власти внутри русскаго общества, а только въ смыслѣ своей политической самостоятельности, внѣшней независимости [6]). Василій Ивановичъ сознаетъ все еще важное политическое значеніе боярства, когда онъ предъ своею смертью призываетъ къ себѣ

---

1) А. Э. Э. I, № 172. 2) Соловьевъ, V, 41 с., Бѣловъ, 110 стр. 3) Соловьевъ, V, 437 с. 4) Герберштейнъ, 26—28 с., Ключевскій, Сказанія etc., 66—67 с. 5) Ключевскій: „Боярская Дума“, 261 с. 6) Ключевскій, ibidem, 259 с., Бѣловъ, 111—113 с.

сначала знатныхъ бояръ (Шуйскаго, Воронцова, Глинскаго, Тучкова) вмѣстѣ съ приближенными дьяками, а потомъ и всѣхъ московскихъ бояръ, съѣхавшихся ко двору великаго князя при слухѣ объ его тяжелой болѣзни. Василій Ивановичъ считаетъ необходимымъ дать политическій завѣтъ однимъ боярамъ. Отославши отъ себя митрополита и братьевъ, онъ говоритъ боярамъ: „вѣдаете сами, кое отъ великаго князя Владиміра кіевскаго ведется наше государство Владимірское и Новгородское и Московское, мы вамъ государи прироженные, а вы *наша извѣчная бояре;* а вы, братіе, постойте крѣпко, чтобы мой сынъ учинился на государствѣ государемъ, была бы въ землѣ правда и въ васъ бы розни нѣкоторые не было“ [1]).

Опасенія Василія Ивановича за миръ между боярами оказались пророческими, а увѣщанія ихъ великимъ княземъ— напрасными: немедленно послѣ его смерти началась борьба изъ за власти въ государствѣ и страшная рознь между знатнѣйшими боярскими родами. Управленіе государствомъ перешло, повидимому, за малолѣтствомъ наслѣдника престола къ великой княгинѣ *Еленѣ* (1530—1538), но на самомъ дѣлѣ государство „держали бояре“ [2]), которые управляли всѣми дѣлами, устранивши съ своего пути обоихъ дядей великаго князя, Юрія Дмитровскаго князя и Андрея Старицкаго [3]). Послѣдній вздумалъ было возобновить въ Москвѣ старые удѣльные порядки. Князь Андрей сначала (1537) далъ клятвенное обѣщаніе правительницѣ не принимать къ себѣ на службу князей, бояръ, дѣтей боярскихъ и никого, кто отъѣдетъ изъ Москвы [4]). Но вскорѣ клятва была нарушена Андреемъ, который сталъ созывать къ себѣ московскихъ князей и бояръ и даже выступилъ съ своимъ войскомъ противъ Москвы. Однако, затѣя Андрея окончилась для него пла-

1) П. С. Р. Л., VI, 270—271 с. 2) П. С. Р. Л., VIII, 294 с. 3) Иловайскій, III, 154 с. 4) Собр. гос. гр. и дог., I, № 163.

чевно. Онъ былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму, гдѣ и погибъ, подобно своему брату, Юрію[1]). Таже участь постигла вслѣдъ за этимъ дядю Елены, князя Михаила Глинскаго, возставшаго противъ исключительнаго вліянія на управленіе князя Телепнева-Оболенскаго[2]), который пользовался особенною милостью у правительницы и стоялъ во главѣ партіи старинныхъ московскихъ бояръ[3]). Вскорѣ погибла, по словамъ Герберштейна, отъ отравы ядомъ[4]) и сама Елена, которую бояре ненавидѣли за то, что она сдерживала властолюбивыя ихъ притязанія и еще болѣе потому, что правительница находилась подъ единоличнымъ вліяніемъ князя Оболенскаго[5]). Это недовольство правленіемъ Елены выразилось при ея жизни въ бѣгствѣ въ Литву (1534) представителей двухъ знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ: князя Семена Бѣльскаго и—Ивана Ляцкого изъ рода Кошкиныхъ. Узнавъ объ этомъ, боярская дума приказала схватить брата Бѣльскаго, Ивана и князя Ивана Воротынскаго, которыхъ правительница подозрѣвала въ соумышленничествѣ съ бѣжавшими[6]). Послѣ смерти Елены настала *девятилѣтняя эпоха боярскаго правленія* (1538—1547), въ теченіе которой власть переходила нѣсколько разъ отъ одной боярской партіи къ другой (отъ князей Шуйскихъ къ Бѣльскимъ, снова къ Шуйскимъ и, наконецъ, къ Глинскимъ). Боярщина показала полную неспособность къ управленію государствомъ московскихъ бояръ, разбившихся на нѣсколько враждебныхъ другъ другу партій, изъ которыхъ каждая думала лишь о своихъ выгодахъ и о погибели своихъ соперниковъ. Бояре не съумѣли слить съ государственными интересами свои сословные интересы, до сознанія которыхъ они не были въ состояніи возвыситься. Своимъ эгоистическимъ поведеніемъ они

1 и 2) Соловьевъ, VI, 4, 9—14 и 38 с. 3) Бѣляевъ, Лекціи, 425 с. 4) Герберштейнъ, 43 с. 5) Бѣловъ, 114 с., Соловьевъ, VI, 9 с. 6) Соловьевъ, ibid., 8 с., Иловайскій, 154—155 с.

окончательно упрочили силу монархическаго начала, противъ котораго они такъ долго боролись [1]). Властвующая боярская партія спѣшила обогатиться на счетъ всего населенія и позволяла себѣ всякаго рода притѣсненія и насилія [2]). Впослѣдствіи Иванъ Васильевичъ Грозный писалъ Курбскому объ этомъ времени боярскаго правленія: „подвластные наши (то есть, бояре) хотѣніе свое улучивши, еже царство безъ владѣтеля обрѣтоша, сами примѣсишася богатству и славѣ и тако скачаша другъ на друга“. Грозный обвиняетъ бояръ—правителей еще въ томъ, что они избили многихъ приближенныхъ къ его отцу бояръ и воеводъ, захватили великокняжескія села и имѣнія „и казну матери нашея перенесли въ большую казну, неистово ногами пхающе и осны колюще“. Упомянувши о томъ, что князья Василій и Иванъ Шуйскіе „самовольствомъ малолѣтнему царю въ береженье учинилися и тако воцаришася“, а князь Василій Шуйскій „отца нашего и дьяка ближняго, Ѳеодора Мишурина изымавъ, позоровавши, убили; и князь Ивана Бѣльскаго и иныхъ многихъ въ разныя мѣста заточиша... и сами убо царствовати начаша“, Иванъ Васильевичъ продолжаетъ описывать правленіе бояръ самыми мрачными красками. „Бояре, говоритъ онъ, на грады и села наскочиша и тако горчайшимъ мученіемъ... имѣнья ту живущихъ безъ милости пограбиша. Подвластныхъ же всѣхъ аки рабы себѣ сотвориша, своя жъ рабы аки вельможи устроиша; правити же мнящесь и строити и вмѣсто сего неправды и нестроенія многая устроиша, мзду же безмѣрную отъ всякихъ избирающе, и вся по мздѣ творяще и глаголюще“ [3]). Въ такомъ же видѣ Іоаннъ представляетъ правленіе бояръ во время своего дѣтства въ своей рѣчи на лобномъ мѣстѣ (1550); и здѣсь онъ упрекаетъ сильныхъ бояръ и вельможъ въ томъ, что они „самовластны

---

1) Соловьевъ, VI, 63 с 2) Бѣловъ, 240—241 с. Соловьевъ, ibidem, 84 с., Иловайскій, 160—165 с. 3) Сказанія князя Курбскаго, 158—160 с.

были, сами себѣ саны и почести похитили царскимъ именемъ и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись“ [1]). Среди такихъ безпрерывныхъ боярскихъ крамолъ, треволненій и всякаго рода опасностей и неправдъ боярскаго правленія росъ Іоаннъ IV, обладавшій впечатлительной и богато одаренной натурой. Занятые личными счетами и взаимными интригами, бояре не заботились о воспитаніи царственнаго отрока, обращались съ нимъ самымъ грубымъ образомъ и нарочно поощряли жестокія его забавы съ животными и людьми, которыя отвлекали молодаго князя отъ дѣлъ правленія [2]). По словамъ князя Курбскаго, Іоаннъ уже въ 12 лѣтъ упражнялся въ мученіяхъ животныхъ, „а пѣстуномъ ласкающимъ, попущающе сіе и хваляще, на свое горшее отрока учаще“. Въ 15 же лѣтъ Іоаннъ „началъ человѣковъ уронятн... и воистинну дѣла разбойническія самыя творяще... ласкателемъ же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: О! храбръ, глаголюще, будетъ сей царь и мужественъ!“ [3]). Самъ Іоаннъ писалъ потомъ Курбскому, что бояре о немъ и его братѣ (Георгіѣ) „никоего промышленія добротнаго не сподобиша“, что они заставляли голодать ихъ обоихъ, высокомѣрно обращались съ ними, особенно же князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, который при играхъ великихъ князей—братьевъ сидѣлъ на лавкѣ, „локтемъ опершися, отца нашего о постелю ногу положивъ; къ намъ же не преклоняяся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабское жъ, ниже начало обрѣтеся“. Іоаннъ описываетъ также, какъ бояре-правители присвоили себѣ великокняже-

1) Соловьевъ, VI, 60 с. Въ „Степенной Книгѣ“ (Москва, 1775) говорится про время боярщины: „бояре великаго князя и прочіе вельможи изволиша собрати себѣ множество имѣнія, кійждо себѣ различныхъ и высочайшихъ сановъ желаху, иніи же и получаху. И нача быти въ нихъ самолюбіе и неправда и воздвигоша крамолу между себе и властолюбія ради другъ друга коварствоваху и не токмо въ заточеніе посылаху или въ темницахъ затворяху и юзами облагаху, но и самой смерти предаваху“ (II, 244 с.). 2) Соловьевъ, ibidem, 45—47 с. 3) Сказанія князя Курбскаго, 6 с.

скую казну и надѣлали изъ нея золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ [1]).

Послѣдствія потворства и поощренія со стороны бояръ развитію дурныхъ наклонностей натуры Іоанна не замедлили сказаться вскорѣ и, прежде всего, по отношенію къ самимъ же боярамъ. Тринадцатилѣтній Іоаннъ, возмущенный своеволіемъ Шуйскихъ, приказалъ схватить „первосовѣтника", князя Андрея Ивановича Шуйскаго и отдать его псарямъ, которые и убили его. Вслѣдъ за этимъ были казнены (1546) и другіе бояре, особенно же изъ партіи Шуйскихъ (князь Кубенскій, Воронцовъ и др.) [2]). Но эти казни были отдѣльными единичными случаями, неотнимавшими власти у бояръ: Іоаннъ былъ еще слишкомъ молодъ и неопытенъ въ дѣлахъ правленія, которое теперь находилось въ рукахъ бояръ Глинскихъ, продолжавшихъ притѣснять и грабить народъ также, какъ это дѣлали и ихъ предшественники (Шуйскіе) [3]). Вскорѣ, однако, Іоаннъ проявилъ свой самостоятельный и рѣшительный характеръ, заявивъ боярамъ о своемъ желаніи жениться и вѣнчаться на царство по примѣру своихъ прародителей. Вѣнчаніе Іоанна на царство произошло въ 1547 году, причемъ онъ принялъ многознаменательный для его времени титулъ „царя", вошедшій послѣ этого во всѣ государственные акты. Въ томъ же году Іоаннъ женился на Анастасіи Романовнѣ (изъ рода бояръ Захарьиныхъ-Романовыхъ), которая оказала благотворное, умиротворяющее вліяніе на пылкую натуру Іоанна въ теченіе недолгой съ нимъ жизни. Нравственный переворотъ въ душѣ Іоанна произошелъ еще и вслѣдствіе страшныхъ московскихъ пожаровъ лѣтомъ 1547 г. и народнаго возстанія противъ бояръ Глинскихъ, дозволявшихъ своимъ слугамъ совершать безнаказанно насилія надъ населеніемъ столицы.

1—2) Сказанія князя Курбскаго, 159—160 с. 3) Иловайскій, Ш, 171 с.

Мятежъ былъ усмиренъ, но теперь на дѣла правленія пріобрѣтаютъ рѣшительное вліяніе не знатные бояре, а два мужа простаго происхожденія: пресвитеръ Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ. Первый былъ взятъ ко двору Іоанномъ „совѣта ради духовнаго“ [1]). Про Адашева же царь писалъ впослѣдствіи Курбскому: „намъ же измѣны отъ своихъ вельможъ видѣвше, взявъ сего отъ гноища и учинихъ съ вельможами, чающе отъ него прямыя службы“ [2]). Адашевъ былъ пожалованъ Іоанномъ въ окольничьи и царь поручилъ ему принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ съ помощью, избранныхъ самимъ Адашевымъ, „судей правдивыхъ отъ бояръ и вельможъ“. „Не бойся сильныхъ и славныхъ“, говорилъ ему Іоаннъ, рѣшившійся править государствомъ безъ помощи крамольныхъ бояръ, которые въ его малолѣтство потеряли свое старинное право быть наслѣдственными совѣтниками государя [3]). О своемъ желаніи взять на себя всѣ дѣла управленія царь заявилъ въ рѣчи къ народу, которому онъ обѣщалъ быть „судьей и обороной“ во всѣхъ случаяхъ притѣсненій [4]). Но намѣреніе царя не могло скоро осуществиться: Сильвестръ и Адашевъ принадлежали къ сильнѣйшей партіи бояръ (сначала Бѣльскихъ, а потомъ Шуйскихъ) [5]), которая продолжала чрезъ нихъ оказывать въ своихъ интересахъ большое вліяніе на царя [6]). Это видно изъ переписки Курбскаго съ Іоанномъ, въ которой первый приписываетъ Сильвестру и Адашеву все лучшее въ правленіи Іоанна, а послѣдній, напротивъ, упрекаетъ ихъ за самовластное управленіе всѣмъ государствомъ и разрушеніе „уложенія дѣда“ царя (т. е., Ивана Васильевича III). „Сіе мужіе два (т. е. Сильвестръ и Адашевъ), говоритъ Курбскій, творятъ полезное землѣ оной

1—2) Сказанія князя Курбскаго, 162—163 с. 3 и 6) Бѣловъ, 241 и 255—256 с. 4—5) Соловьевъ, VI, 60—61 и 58—59 с.

(московскому государству), опустошенной и зѣло бѣдно сокрушенной, утверждають царя, собирають къ нему совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ; и сице ему ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояютъ, яко безъ ихъ совѣту ничесоже устроити или мыслити. И нарицались тогда оные совѣтницы у него *избранная рада* (дума, совѣтъ) [1]); воистинну по дѣломъ и нареченіе имѣли, понеже все избранное и нарочитое совѣты своими производили. Нѣкоторые же отъ нихъ, искуснѣйшіе, того ради и на высшія степени возводились" [2]). Совсѣмъ другую оцѣнку дѣятельности Сильвестра и Адашева даетъ самъ Іоаннъ, который говоритъ, что Сильвестръ, „поправъ священные обѣты.... восхитихся властью, нача совокуплятися въ дружбу подобно мірскимъ. Сильвестръ и со Алексѣемъ сдружился и отай насъ вмѣсто духовныхъ мірская начаша совѣтовати и тако помалу всѣхъ васъ бояръ начаша въ самовольство приводити, нашу же власть съ насъ снимающе".... *и васъ почалъ причитати къ вотчинамъ, ко градомъ и къ селомъ, еже дѣда нашего великаго государя уложеніемъ, которыя вотчины у васъ взимали и которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба отъ васъ даятися, и тѣ вотчины вѣтру подобно роздалъ неподобно, и то дѣда нашего уложеніе разрушилъ*, и тѣхъ многихъ людей къ себѣ примирилъ. И потомъ единомысленника своего, князя Димитрія Курлятева къ намъ въ синклитію припустилъ. Ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша, и тако во всемъ свое хотѣніе улучиша [3]). Вы хотѣсте, говоритъ Іоаннъ въ другомъ мѣстѣ, съ попомъ Сильвестромъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ и со всѣми своими семьями подъ ногами своими всю русскую землю видѣти. Сами государилися, какъ хотѣ-

1) Членами этой рады были лица изъ среды знатнѣйшихъ княжескихъ—боярскихъ родовъ: князь Курлятевъ, князь Андрей Курбскій, Воротынскій, Серебряный, Одоевскій, Шереметевъ и др. (Костомаровъ, I, 413 с.). 2) Сказанія князя Курбскаго, Исторія Іоанна, 9—10; ср. 2-е письмо Курбскаго къ Іоанну, 215 с. 3) Сказанія князя Курбскаго, 163—164 с.

ли, а съ меня все государство сняли: словомъ азъ быхъ государь, а дѣломъ ничего не владѣлъ" [1]). Іоаннъ укорялъ Сильвестра и его сторонниковъ—бояръ также и за то, что они стали во время его болѣзни (1553 г.) на сторонѣ князя Владиміра Андреевича и не желали присягать сыну Іоанна, Димитрію, „въ великомъ береженьи держали и помогали" царскому „измѣннику", ростовскому князю, Симеону и даже хотѣли судить самого царя въ дѣлѣ боярина Сицкаго [2]).

Такимъ образомъ, Курбскій и Іоаннъ—два политическихъ противника—одинаково подтверждаютъ, что Сильвестръ и Адашевъ съ своими приверженцами (боярами) управляли всѣмъ государствомъ въ то время, когда они находились при царѣ. Необходимо, однако, замѣтить, что въ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ Іоанномъ и Курбскимъ о Сильвестрѣ и Адашевѣ, есть нѣкоторая доля преувеличенія, въ которое поневолѣ впадали оба противника, защищавшіе противоположные политическіе взгляды. Какъ ни было велико вліяніе на царя обоихъ любимцевъ, оно, все-таки, не было исключительнымъ. Далеко не все въ государствѣ дѣлалось по волѣ Сильвестра и Адашева и Іоаннъ вовсе не былъ игрушкой въ ихъ рукахъ, какъ это онъ старается доказать. Такъ послѣ взятія Казани, когда всѣ „мудрые и разумные" (сторонники Сильвестра) совѣтовали ему пробыть тамъ зиму для окончательнаго покоренія края, „онъ же совѣтъ мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ, послушалъ же совѣта шурей своихъ" возвратиться поскорѣе въ Москву къ царицѣ [3]). Ливонская война была предпринята Іоанномъ также вопреки совѣтамъ Сильвестра и Адашева, которые, наоборотъ, настаивали на томъ, чтобы царь поспѣшилъ воспользоваться слабостью крымскихъ хановъ и покорить Крымъ [4]). Курбскій приписываетъ упорство Іоанна въ этомъ случаѣ вліянію на царя

1—4) Сказанія князя Курбскаго, 194—195, 165—166, 195—196, 33—34 с. и 55—56 с.

епископа, Вассіана Топоркова [1]), сына знатнѣйшаго боярина при Иванѣ III, князя Ивана Юрьевича Патрикѣева. Конечно, не по совѣту Сильвестра и его партіи изъ бояръ Іоаннъ навѣстилъ Вассіана, ненавидѣвшаго бояръ, послѣ того, какъ выздоровѣлъ отъ тяжкой болѣзни, во время которой вполнѣ сказались вся рознь и интриги бояръ, а въ томъ числѣ и самого Сильвестра, отказавшагося присягать сыну Іоанна, Димитрію. Не смотря, однако, на проявленія самостоятельности въ дѣйствіяхъ Іоанна по отношенію къ Сильвестру и его партіи, несомнѣнно, что его вліяніе на царя и все управленіе было громадно, что и подтверждается единогласно источниками времени Іоанна Грознаго [2]). Въ правительственной дѣятельности Сильвестра бросается въ глаза особенно одна черта, которая наводитъ на мысль, что Сильвестру были близки болѣе интересы бояръ съ связанными съ ними удѣльными порядками, чѣмъ охраненіе и развитіе самодержавія и единодержавія московскаго государя. Такъ, мы уже знаемъ, что когда Іоаннъ по возвращеніи изъ Казани въ Москву тяжко заболѣлъ и пожелалъ, чтобы бояре присягнули на царство Димитрію, Сильвестръ неожиданно для царя уклонился отъ присяги и выступилъ сторонникомъ притязаній на московскій престолъ удѣльнаго князя Старицкаго, Владиміра Андреевича: Сильвестръ съ своей партіей изъ бояръ не желалъ въ случаѣ смерти царя повиноваться боя-

---

1) Сказанія князя Курбскаго, 37—38 с. 2) Такъ въ „Царственной книгѣ“ говорится: „Сильвестръ былъ у государя въ великомъ жалованьи и *совѣтѣ* духовномъ *и въ думномъ и бысть яко все мога*, и вся его послушаху, и никто же смѣяше ни въ чемъ же противитися ему, ради царскаго жалованья. Указывавше и митрополиту, и владыкамъ, и боярамъ, и приказнымъ людемъ, и воеводамъ, и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ людемъ, и спроста рещи, всякія дѣла и власти святительскія и царскія правяше, иниктоже смѣяше ничтожъ рещи, ни сотворити не по его повелѣнію; *и всѣми владяше, обѣма властьми и святительскими и царскими, яко же царь и святитель, точію имени и сѣдалища не имѣяше*, но поповское имѣяще; но токмо чтимъ добрѣ всѣми и владѣяще всѣмъ съ своими совѣтники“ (342 с.).

рамъ Романовымъ—Захарьинымъ, усиленія которыхъ онъ опасался въ малолѣтство наслѣдника Іоанна [1]). Сильвестръ видимо склонялся къ тому, чтобы возстановить преобладающее значеніе боярства удѣльнаго періода: не даромъ Іоаннъ обвинялъ его въ томъ, что Сильвестръ заключилъ дружбу съ боярами, раздавалъ имъ должности въ управленіи и „разрушилъ уложеніе“ дѣда Грознаго тѣмъ, что возвратилъ своимъ единомышленникамъ вотчины, города и селы, которые были отняты у бояръ великими князьями московскими,—предшественниками Грознаго [2]). Но независимо отъ этихъ узко-сословныхъ стремленій Сильвестра и его сторонниковъ —бояръ, которыя находили себѣ нѣкоторое оправданіе въ семивѣковой ихъ давности, краткая эпоха правленія Іоанна при помощи Сильвестра и Адашева (1547—1560) представляетъ собою дѣйствительно свѣтлую страницу въ его исторіи особенно по сравненію съ послѣдующимъ, продолжительнымъ и мрачнымъ временемъ царствованія Грознаго (1560—1584) Въ эти первые годы правительственной дѣятельности Іоанна былъ созванъ имъ земскій соборъ (1548—1550) съ цѣлью умиротворенія всего государства, сильно разстроеннаго боярскими крамолами и несправедливымъ боярскимъ управленіемъ въ малолѣтство царя. Выборные на этомъ первомъ земскомъ соборѣ совѣщались съ царемъ и избранной радой, слѣдствіемъ чего были многія послѣдующія реформы по упорядоченію государства и урегулированію отношеній между правительствомъ и землей [3]). Соборъ 1548—1550 г., сблизившій царя съ народомъ, ослабилъ правительственное значеніе боярскаго сословія и способствовалъ къ укрѣпленію самодержавія царской власти [4]). Въ томъ же 1550 г. былъ „исправленъ по старинѣ“ Іоанномъ Судебникъ его дѣда, Ивана Васильевича III. Судебникъ былъ составленъ („уложенъ“) Іоанномъ IV по со-

1) Соловьевъ, VI, 184—185 с. 2) Ср. Бѣлова, стр. 256. 3) Латкинъ, 70 с. 4) Загоскинъ: „Исторія права московскаго государства“ I, 216 с.

вѣту съ боярами и первая же его статья говоритъ о боярскомъ судѣ, на которомъ далжны были присутствовать: бояре, окольничьи, дворецкій, казначей и дьяки [1]). Всѣ спорныя дѣла должны были рѣшаться по Судебнику, а новыя, неуказанныя въ немъ, „съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору" [2]). Царскій судебникъ объявляетъ законъ единственнымъ источникомъ права, но точно также, какъ и Судебникъ 1497 г., содержитъ въ себѣ только процессуальное право и не исключаетъ обширнаго примѣненія нормъ обычнаго права [3]), а слѣдовательно и древняго обычая широкаго участія бояръ въ управленіи. Поэтому едва-ли достигалась вполнѣ цѣль изданія Судебника Іоанномъ, стремившимся посредствомъ него ограничить населеніе отъ притѣсненій вельможъ и расширить земское самоуправленіе [4]). Права отдѣльныхъ князей и бояръ были значительно ограничены Іоанномъ еще нѣкоторыми другими законодательными мѣрами [5]).

Мирныя отношенія Іоанна къ Сильвестру, Адашеву и боярамъ продолжались недолго. Уже при покореніи Казани царь выразилъ свое недовольствіе „мудрымъ и разумнымъ синклитамъ; на единаго разгнѣвася, таково слово рѣкъ: нынѣ боронилъ мя Богъ отъ васъ" [6]) и поспѣшилъ оставить Казань, не слушая совѣтниковъ. Охлажденіе Іоанна къ боярамъ возрасло еще болѣе во время его болѣзни при видѣ того, какъ большинство бояръ съ Сильвестромъ во главѣ отказалось рѣшительно отъ присяги церевичу—младенцу и заявило желаніе видѣть преемникомъ Іоанна на московскомъ престолѣ Владиміра Андреевича. Съ этого времени Іоаннъ

---

1) Jireček: Sw d etc., 234 с. По Судебнику 1497 г. боярскій судъ состоялъ изъ бояръ, окольничьихъ и дьяковъ. 2) Jireček, ibidem, 97 и 98 статьи, 3) В.-Будановъ: „Обзоръ исторіи русскаго права", 202—204 с. 4) Неволинъ, VI т., 127 с., В.-Будановъ, 203—204 с. 5) Б.-Будановъ: „Христоматія по исторіи русскаго права", III, 31 с. (см. постановленіе 1562 г., ограничивающее права княжатъ на ихъ вотчины). 6) Сказанія князя Курбскаго, 33 с.

потерялъ довѣріе къ Сильвестру и началъ относиться подозрительно къ окружавшимъ его боярамъ. Вопреки ихъ совѣтамъ царь отправился на богомолье по монастырямъ и подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія противъ бояръ заѣхалъ къ епископу Вассіану и, по словамъ Курбскаго, спросилъ его „како бы мнѣ добрѣ царствовати и великихъ и славныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти?“. На это Вассіанъ прошепталъ царю на ухо: „аще хощеши самодержцемъ быти, не держи себѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго себя: понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ и все имѣти будеши въ рукахъ своихъ. Аще будеши имѣти мудрѣйшихъ близь себя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ“. Іоаннъ поцѣловалъ руку Вассіана и сказалъ: „О! аще и отецъ былъ бы ми живъ, таковаго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми“ [1]). Вопросъ Іоанна Вассіану и явное удовольствіе, обнаруженное царемъ при отвѣтѣ ему епископа, показываютъ, что Іоаннъ видимо тяготился своими совѣтниками, изъ которыхъ главнѣйшій—Сильвестръ сдѣлался настоящимъ для него опекуномъ, контролирующимъ чуть не каждый шагъ царя не только въ его публичной, но даже и въ семейной жизни. Перемѣнѣ въ обращеніи Іоанна съ боярами способствовали, далѣе, покореніе имъ Казани и побѣды царя надъ крымцами, усилившія въ немъ сознаніе своего могущества и неограниченной власти. Іоаннъ отдаляется отъ Сильвестра и перестаетъ обращать вниманіе на „дѣтскія страшилы“,—угрозы наказаніемъ божіимъ, къ которымъ Сильвестръ прибѣгалъ ранѣе, чтобы удержать за собой вліяніе на царя [2]). Но окончательный разрывъ отношеній Іоанна съ Сильвестромъ произошелъ по смерти Анастасьи (1560 г.). Сильвестръ, „видѣвше своихъ совѣтниковъ ни во чтоже бывше“ [3]), добровольно ушелъ въ Бѣлоозерскій

1—3) Сказанія князя Курбскаго, 37—38, 187 и 167 с.

монастырь; Адашев отправлен воеводою въ ливонскій городъ Феллинъ. Скоро надъ бывшими царскими любимцами былъ назначенъ по проискамъ ихъ враговъ судъ изъ бояръ— противниковъ обоихъ и епископовъ („прелукавыхъ мниховъ")[1]). Обвиняемымъ не было позволено явиться для личныхъ объясненій и оба они осуждены на заточеніе: Сильвестръ въ Соловецкій монастырь, Адашевъ въ Дерптъ, гдѣ онъ скоро и умеръ. Подъ вліяніемъ новыхъ совѣтниковъ— враговъ партіи Сильвестра (боярина Басманова, Афанасія Вяземскаго, Малюты Скуратова, князя Бѣльскаго и др.) царь кладетъ опалу на всѣхъ бояръ, принадлежавшихъ къ удаленной отъ двора партіи. Гнѣвъ Іоанна, раздраженнаго „измѣной" своихъ бывшихъ любимцевъ, обрушивается на оставшихся при дворѣ ихъ родственниковъ и близкихъ друзей. Въ это время были казнены: братъ Алексѣя Адашева, Даніилъ съ сыномъ, князь Овчина-Оболенскій, Дмитрій Курлятевъ и др.)[2]). Отъ болѣе знатныхъ бояръ Іоаннъ требуетъ клятвеннаго обѣщанія служить вѣрно царю и его сыновьямъ и не отъѣзжать отъ него въ Литву и другія государства. Такія клятвенныя обѣщанія съ поручными и подручными по нимъ записями бояръ были взяты Іоанномъ съ князя Василія Михайловича Глинскаго, князя Ивана Бѣльскаго, князя Воротынскаго и боярина Шереметева[3]). Въ это время оставилъ Москву и удалился въ Литву (1564 г.) сторонникъ и другъ Сильвестра, князь *Андрей Михайловичъ Курбскій*, опасавшійся опалы себѣ отъ Іоанна, который сталъ теперь чрезвычайно подозрительнымъ и мстительнымъ. Вскорѣ послѣ своего бѣгства въ Литву Курбскій прислалъ съ своимъ вѣрнымъ слугой, Василіемъ Шибановымъ письмо къ Грозному. Тогда-то началась та знаменитая переписка отъѣхавшаго знатнаго боярина съ грознымъ царемъ, въ которой ясно вы-

1) Сказанія князя Курбскаго, 70 с. 2) Сказанія etc., VI гл. 3) Собр. гос. гр. и догов, I, №№ 172, 175—181.

разилась рѣзкая противоположность двухъ политическихъ принциповъ, служившихъ цѣлью вѣковой борьбы между московскими государями и боярами. Курбскій настаивалъ на сохраненіи за боярами ихъ древнѣйшаго и неотъемлемаго отъ бояръ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ права самостоятельнаго совѣта государю во всѣхъ дѣлахъ управленія, а также и другаго не менѣе важнаго и стариннаго права отъѣзда. Необходимо, однако, замѣтить, что Курбскій разумѣлъ подъ правомъ совѣта бояръ государю въ государственныхъ дѣлахъ не обычное и неотрицаемое самимъ Грознымъ право боярской думы въ рѣшеніи дѣлъ правленія, а право „встрѣчи" государю, возраженій ему, которыя царь долженъ былъ принимать во вниманіе [1]). Курбскій придаетъ такое большое значеніе совѣтамъ бояръ, что приписываетъ все хорошее въ царствованіе Іоанна „мудрымъ совѣтникамъ" (Сильвестру и Адашеву съ ихъ сторонниками изъ бояръ) и видитъ причину всего зла и несчастій въ московскомъ государствѣ и безнравственной жизни самого Іоанна въ удаленіи ихъ царемъ отъ двора. Курбскій напоминаетъ Іоанну о томъ времени, когда все удавалось царю, слушавшему „избраннаго совѣта нарочитыхъ синклитовъ"; когда же его „прельстили прелукавые ласкатели", настали всякаго рода внутреннія бѣдствія и внѣшнія неудачи [2]). Во времена Сильвестра Іоаннъ одерживалъ побѣды, покорялъ царства, предъ нимъ трепетали его враги; теперь (1564—1579) царь окруженъ вмѣсто мудрыхъ совѣтниковъ „прескверными паразитами и маньяками"; вмѣсто „крѣпкихъ стратиговъ" при дворѣ „богомерскіе" Бѣльскіе, вмѣсто „храбраго воинства кровожадные опричники,—чтенія св. писанія и пѣнія молитвъ—скоморохи съ пѣсньми" [3]). Въ своей „Исторіи Іоанна" Курбскій проводитъ туже мысль о необходимости для царя выслушивать

1) Ясинскій: „Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ", Кіевъ, 1889, 91 с. 2—3) Сказанія князя Курбскаго, 200—201, 214—216 с.

совѣты бояръ, хвалитъ его за то, что онъ слушалъ совѣтовъ „избранной рады", небреженіе которыми было, по его мнѣнію, причиной неудачъ царя въ походѣ на Казань и рѣзкой и вредной для всѣхъ перемѣны въ характерѣ царя и образѣ его жизни [1]). Курбскій негодуетъ на Вассіана Топоркова, давшаго Іоанну коварный совѣтъ не держать около себя умныхъ совѣтниковъ, а поступать во всемъ посвоему. Указавъ на тѣ бѣдствія, которыя принесли Давиду и Ровоаму гордость и презрѣніе къ совѣтамъ ихъ вельможъ, Курбскій продолжаетъ: „царь же аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ: понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной; убо не зритъ Богъ на могущество и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сирѣчь елико кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ" [2]). Такимъ образомъ, Курбскій отрѣшается отъ узко-сословныхъ взглядовъ московскаго боярства, готовъ допустить въ среду царскихъ совѣтниковъ и людей изъ другихъ сословій, способныхъ давать разумные совѣты. Необходимость для царя совѣтниковъ Курбскій доказываетъ, наконецъ, цитатами изъ сочиненія Цицерона, „римскаго наилѣпшаго синклита": „мудраго разумъ величествомъ совѣта, яко муромъ (стѣною каменною) огражденъ" [3]).

Также энергично Курбскій отстаиваетъ и второе важнѣйшее право московскихъ бояръ служить по своей доброй волѣ у московскихъ государей,—право свободнаго отъѣзда. „А еще пишеши, говоритъ Іоанну Курбскій въ отвѣтъ на второе его письмо къ нему, имянующе насъ измѣнники для того, иже есмя принуждены были отъ тебя по неволѣ крестъ цѣловати, яко тамо есть у васъ обычай, аще бы кто не при-

1) Ibidem, 1—5 гл. „Исторіи Іоанна". 2) Ibidem, 38 - 40 с. 3) Сказанія князя Курбскаго, 205 и 207 с.

сягнулъ, горчайшею смертію да умретъ; на сіе отвѣтъ мой: всѣ премудрые о семъ согласуются, аще кто по неволѣ присягаетъ или клянется, не тому бываетъ грѣхъ, кто цѣлуетъ, но паче тому, кто принуждаетъ, аще бо и гоненія не было; аще ли кто, прелютаго рода гоненія, не бѣгаетъ, аки бо самъ себѣ убойца"[1]). Курбскій смотрѣлъ на дѣятельность царя по отношенію къ боярамъ, какъ на завершеніе попытокъ лишить бояръ всякаго политическаго значенія. Въ отвѣтъ на первое „широковѣщательное и многошумящее писаніе" Іоанна Курбскій говоритъ: „и уже не разумѣю, чего уже у насъ хощеши? Уже не токмо единоплеменныхъ княжятъ, влекомыхъ отъ роду великаго Владиміра, различными смертьми поморилъ еси, и движимыя стяжанія и недвижимыя, чего еще былъ дѣдъ твой и отецъ не разграбилъ, но и послѣднихъ срачицъ, могу рещи со дерзновеніемъ, по евангельскому словеси, твоему прегордому и царскому величеству не возбраниxомъ"[2]). Курбскій называетъ здѣсь Іоанна „прегордымъ и царскимъ величествомъ",—титуломъ, который, очевидно, не нравился потомку удѣльныхъ князей[3]), упоминавшему не разъ въ своей перепискѣ о своемъ происхожденіи отъ великаго князя смоленскаго, Ѳеодора Ростиславича, и своемъ родствѣ съ самимъ Іоанномъ[4]). Курбскій даже противопоставляетъ свой княжескій родъ, въ которомъ „княжата не обыкли тѣло своего ясти и крови братіи своей пити кровопійственному роду" князей московскихъ[5]).

Въ своихъ отвѣтахъ на письма Курбскаго Іоаннъ, съ своей стороны, указываетъ на старинную, наслѣдственную вражду бояръ съ великимъ князьями московскими, его предшественниками. „Понеже убо извыкосте отъ прародителей своихъ измѣну чинити", говоритъ Іоаннъ Курбскому, и упоминаетъ затѣмъ объ „измѣнѣ" дѣду и отцу царя и „надмен-

1- 2) Сказанія князя Курбскаго, 201 и 192 с. 3) Соловьевъ, VI, 212 с. 4—5) Сказанія etc., 133 и 202—203 с.

ныхъ словахъ“ Іоанну III и матери Грознаго предковъ Курбскаго, котораго царь называетъ „рожденіемъ исчадія ехиднаго“ [1]). Въ противоположность взгляду Курбскаго, что царь долженъ совѣтоваться съ боярами Іоаннъ доказываетъ, что его неизмѣнное право на „самодержство“ имѣетъ древнѣйшее происхожденіе отъ времени св. Владиміра и замѣчаетъ, что онъ родился „во царствіи, свое взяхомъ, а не чужое восхитихъ“. Іоаннъ защищаетъ ссылками на св. писаніе божественное происхожденіе и неограниченность своей царской власти: „россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи“ [2]). Іоаннъ выставляетъ выгоды самодержавія и укрѣпленія единодержавія сравнительно съ удѣльными порядками. „Тщужеся со усердіемъ, говоритъ онъ о себѣ, люди на истину и на свѣтъ наставити... а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, ими же царствіе растлѣвается. Аще убо царю не повинуются подвластные, никогда же отъ междоусобныхъ браней престанутъ. Или се сладко и свѣтъ, яко благихъ престати и злая творити междоусобными браньми и самовольствомъ“ [3]), спрашиваетъ Іоаннъ Курбскаго? „Како и самодержецъ наречется, аще ли ни самъ строитъ“, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ [4]). Въ отвѣтъ на упрекъ Курбскаго въ удаленіи отъ двора Сильвестра съ его друзьями—боярами Іоаннъ вспоминаетъ съ горечью боярскія крамолы во время своего дѣтства, свое униженіе предъ высокомѣрными боярами Шуйскими и обвиняетъ Сильвестра и Адашева въ самовольномъ захватѣ власти въ государствѣ [5]). „Или убо сіе *свѣтло*, спрашиваетъ царь Курбскаго, попу и прегордымъ, лукавымъ рабомъ владѣти, царю же токмо предсѣданіемъ и царствія честію почтенну быти, властью же ничимъ же лучше быти раба? А се ли *тьма*, яко царю содержати повеленная?“ [6]).

1—6) Сказанія князя Курбскаго, стр.: 155, 136—141, 169, 149, 158—166.

Іоаннъ доказываетъ примѣрами изъ священнаго писанія весь вредъ господства духовенства въ свѣтскихъ дѣлахъ: „смотри же сего, говоритъ онъ, яко не подобаетъ священникомъ царская творити“ [1]). Царь беретъ аналогичные примѣры еще изъ исторіи древнихъ народовъ: персовъ, грековъ и др.: „царствующіе грады, замѣчаетъ при этомъ Іоаннъ, отовсюду въ утѣсненіи велицѣ начаша пребывати... епархомъ и синклиту всему не престающе отъ своего злаго перваго обычая никакоже, все лицо разорити царства помыслъ полагающе. Та же убо отовсюду греки во многихъ странахъ дани взимаху; потомъ же нестроенія ради, а не Бога ради, подобно и вашему злолукавому злому совѣту, сами дани даяти начаша, и тако убо царствующему граду во обтѣсненіи велицѣ пребывающу“ [2]). „Смотри же убо се и разумѣй, прибавляетъ Іоаннъ, каково правленіе составляется въ разныхъ началѣхъ и властѣхъ, и понеже убо тамъ быша царіе послушны епархомъ и синклитомъ, и въ какову погибель пріидоша. Многихъ владѣніе подобно женскому безумію: аще не подъ единою властью будутъ, аще и крѣпки, аще и храбры, аще и разумны, но обаче женскому безумію подобно есть“ [3]). Грозный отдаетъ справедливость мужеству и уму предковъ, современныхъ ему, бояръ, храбрость которыхъ „ни къ единому ихъ сонному видѣнію подобна“. Іоаннъ иронизируетъ надъ такими храбрыми и мудрыми людьми, которые „ни кѣмъ же понуждаеми, но своими хотѣніи и бранной храбрости хотимы тринадесять лѣтъ до нашего возраста (1547—1560) не могоша отъ варваръ христіанъ защитити“. Іоаннъ упрекаетъ Курбскаго и его товарищей въ томъ, что они ходили въ Казань „съ понужденіемъ, а не съ хотѣніемъ“, отвращали народъ отъ брани „безумными глаголы“, губили напрасно войско при осадѣ города и послѣ того, какъ онъ былъ взятъ,

1—3) Сказанія князя Курбскаго, стр. 144 и 150, 152—153 и 154.

бросились грабить жителей... „Егда же Алексѣева и ваша собацкая власть преста, тогда и тако нашему царствію государское во всемъ послушно учиниша [1]). Такожде убо тогда и отъ литовскія рати дѣтскими страшилы устрашистеся. А за такія ваши послуги достойны есте были многихъ опалъ и казней“ [2]).

Іоаннъ не забываетъ и права отъѣзда бояръ, съ которымъ онъ покончилъ еще въ 1553 году, когда по случаю приведенія къ присягѣ бояръ царевичу Димитрію была взята царемъ съ Владиміра Андреевича запись, въ которой послѣдній обѣщался Іоанну „не принимать къ себѣ его бояръ и служебныхъ людей безъ царскаго велѣнья“ [3]). Іоаннъ приводитъ въ видѣ укора Курбскому стойкость Шибанова при допросѣ и утверждаетъ, что князь своимъ отъѣздомъ „не токмо свою едину душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ еси: они, давъ свои души, до смерти своей служили и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служить и дѣда нашего дѣтемъ и внучатомъ“ [4]). Царь приписываетъ Курбскому и его товарищамъ „безчеловѣчное убіеніе“ Глинскаго и „доброхотныхъ бояръ“ царскихъ и называетъ Курбскаго „измѣнникомъ“ [5]). „А измѣнникамъ вездѣ казнь бываетъ и опала“ [6]). Іоаннъ считаетъ своимъ правомъ награждать вѣрныхъ своихъ слугъ и наказывать невѣрныхъ: „а жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жь есмя“ [7]). Грозный непоколебимо убѣжденъ и въ томъ, что царь не обязанъ „безсловесно смирятися“ предъ своими врагами. „Тако же и во благочестивыхъ царей временѣхъ, замѣчаетъ онъ, много обрящется злѣйшее мученіе“. Іоаннъ оправдывается въ казняхъ бояръ примѣромъ императора Константина, который казнилъ своего родного сына,—князя Ѳеодора Ростиславича, предка Курбскихъ, пролившаго въ Смоленскѣ мно-

1—2) Сказанія князя Курбскаго, стр.: 172—174 и 180. 3) Собр. гос. гр. и догов., I, № 167. 4—7) Сказанія etc., стр.: 140, 162, 180 и 156.

жество крови на Пасху,—Давида, который убилъ въ Іерусалимѣ всѣхъ, нехотѣвшихъ признать его царемъ. Тѣмъ болѣе должны быть казнены, по мнѣнію Іоанна, московскіе бояре, которые не приняли прирожденнаго сына царя, даннаго имъ Богомъ, нарушили крестную ему клятву и, „елико возможно злая сотвориша“ [1]). Іоаннъ объясняетъ начало казней бояръ необходимостью „стать за себя“ въ то время, когда бояре явно измѣнили ему и хотѣли было возвести на московскій престолъ Владиміра Андреевича. Послѣ этого „вы (Курбскій съ товарищами) почали противъ меня больше стояти, да измѣняти; и я потому жесточайше сталъ противъ васъ стояти: азъ хотѣлъ вы покорити въ свою волю“ [2]). Іоаннъ заявляетъ, что онъ не желалъ казнить бояръ тотчасъ по удаленіи отъ двора Сильвестра и его друзей—бояръ: „исперва же убо казнію конечною ни единому коснухомся; всѣмъ же убо, иже къ нимъ не приставши, повелѣхомъ отъ нихъ отлучитися и къ нимъ не пристояти“; но такъ какъ бояре, „не токмо отсташа отъ тѣхъ измѣнниковъ, но и большими начаша помогати имъ и всячески промышлять, дабы ихъ на первый чинъ возвратити и на насъ лютѣйшее составити умышленіе; и понеже убо злоба неутолимая явися и разумъ непреклоненъ обличися, сего ради повинные по своей винѣ таковъ судъ пріяли“ [3]).

Отъѣздъ Курбскаго, знаменитаго и ближайшаго къ царю „боярина, совѣтника и воеводы“ [4]) сильно повліялъ на Іоанна, развилъ въ немъ еще болѣе подозрительность и недовѣріе къ окружающимъ его боярамъ. Безпрекословное согласіе и послушаніе ихъ царскимъ приказаніямъ казались обманчивыми Іоанну, который былъ увѣренъ въ продолжавшемся при дворѣ вліяніи партіи Курбскаго. „Въ болярѣхъ же нашихъ, писалъ ему царь, несогласія нѣсть: развѣ друговъ и

1—4) Сказанія князя Курбскаго, стр.: 145—147, 196, 167—168 и 137.

совѣтниковъ вашихъ, яже нынѣ, подобно бѣсомъ, вся совѣты своя лукавые не престающе въ нощи содѣвающе“ [1]). Въ глазахъ Іоанна Курбскій былъ главой цѣлой, враждебной ему партіи бояръ, которая имѣла опредѣленные политическіе взгляды, противорѣчащіе идеѣ о неограниченной царской власти, открыто заявляла о нихъ въ лицѣ князя Курбскаго и отстаивала свои старинныя политическія права всевозможными средствами: прямымъ вліяніемъ на царя чрезъ его любимцевъ (Сильвестра и Адашева), интригами и отъѣздами въ Литву. Эти отъѣзды недовольныхъ бояръ, уничтоженные Іоанномъ юридически [2]), продолжались фактически во все его царствованіе. Никакія клятвенныя, поручныя и подручныя записи, отбираемыя Іоанномъ отъ подозрительныхъ для него бояръ, не могли удержать ихъ и остальныхъ ихъ товарищей отъ попытокъ бѣжать изъ Москвы при первомъ же удобномъ случаѣ: только такимъ путемъ можно было многимъ изъ нихъ спасти себя отъ жесточайшихъ пытокъ, звѣрскихъ мученій и позорной смерти отъ руки опричниковъ или же и самого царя. Іоаннъ, сознавая все могущество своей царской власти, вступилъ въ рѣшительную борьбу съ своими политическими противниками—московскими боярами [3]), которыхъ онъ считалъ измѣнниками себѣ, хотя даже Курбскій не посягалъ на верховную власть московскаго царя и требовалъ только сохраненія за боярами стариннаго ихъ права совѣта царю и—необязательной, свободной ему службы. Однимъ изъ средствъ въ этой неравной борьбѣ Іоанна съ боярами, въ которой явное преимущество было на сторонѣ царя, явилось учрежденіе имъ опричнины (1565 г.), которому предшествовало внезапное удаленіе Іоанна съ своимъ дворомъ изъ Мо-

---

1) Сказанія etc., 189 с. 2) Собр гос. гр. и дог., I, №№ 182 (1565 г.), 184—186, 189—191 (1566 г.), 194—199 (1571 г.) и 201 (1581 г.). 3) Б.-Рюминъ, II, 1, 260—263 с., Р.-Славатинскій: „Русское государственное право“, 2 изд., 53 стр.

сквы въ Александровскую слободу, откуда онъ вслѣдъ затѣмъ прислалъ въ столицу грамоту. Въ ней царь жалуется на расхищеніе во время его малолѣтства боярами помѣстій, вотчинъ и кормленій и на препятствія со стороны духовенства и бояръ къ наказанію Іоанномъ виновныхъ бояръ и служилыхъ людей. Въ этой же грамотѣ говорится, что царь, „не могши ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣти", оставляетъ государство. Въ другой грамотѣ, обращенной къ народу, заявлялось, что царь не держитъ на него гнѣва и опалы. Іоаннъ согласился снова управлять государствомъ только по усиленной просьбѣ высшаго духовенства и знатныхъ бояръ и подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы ему была предоставлена полная свобода поступать съ измѣнниками боярами, какъ ему угодно, и чтобы вся московская земля была раздѣлена на опричнину и земщину. Опричнина состояла изъ извѣстнаго числа (1000 человѣкъ) довѣренныхъ лицъ царя (князей, бояръ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и служилыхъ дворовыхъ людей), которымъ были розданы въ помѣстья вотчины,—остатки бывшихъ удѣловъ, принадлежавшихъ княжескимъ фамиліямъ. Настоящіе же владѣтели вотчинъ были выведены изъ своихъ земель и получили помѣстья въ областяхъ, отдаленныхъ отъ прежнихъ ихъ земель, гдѣ они не могли имѣть какое-либо вліяніе [1]). Кромѣ вотчинъ, на содержаніе опричниковъ были отдѣлены еще извѣстные города и даже нѣкоторыя улицы и слободы въ Москвѣ, гдѣ должны были жить опричники. Все остальное въ государствѣ было названо земщиной и отдано въ управленіе знатнымъ боярамъ (князю Бѣльскому, князю Мстиславскому и др.). Въ 1575 г. во главѣ земщины былъ поставленъ съ титуломъ великаго князя всея Руси крещеный касимовскій царь, Симеонъ Бекбулатовичъ. Земскіе бояре завѣдовали всѣми текущими дѣлами и

---

1) Флетчеръ, см. въ „Русской Исторіи" Б.-Рюмина, II, 1, 261 с., Соловьевъ, VI, 220- 223 с.

только въ „ратныхъ вѣстяхъ или земскихъ великихъ дѣлахъ“ докладывали государю [1]). Такимъ образомъ, при всей враждѣ и полномъ недовѣріи къ боярамъ Грозный признаетъ политическое ихъ значеніе, какъ правительственнаго класса. Высшее управленіе государствомъ остается аристократическимъ. Боярская Дума руководитъ всей почти русской землей посредствомъ подчиненныхъ ей приказовъ и во многихъ дѣлахъ рѣшаетъ самостоятельно безъ доклада царю [2]). Но, съ другой стороны, Грозный, напуганный своеволіемъ бояръ во время своего дѣтства, заподозриваетъ всѣхъ бояръ, особенно въ виду протеста отъ всѣхъ нихъ въ лицѣ Курбскаго, въ намѣреніи ограничить его царскую власть и рѣшается отстранить отъ себя родовыхъ и знатнѣйшихъ изъ ихъ числа. Царь не могъ наложить безъ основаній опалу на всѣхъ бояръ, лишить ихъ должностей, сановъ, голоса въ думѣ и сослать въ заточеніе [3]). Не смотря на всю разрозненность въ средѣ московскаго боярства, политическая его сила была еще на столько велика, что самъ Грозный не возводилъ въ бояре лицъ низкаго происхожденія. Такъ Алексѣй Адашевъ былъ только окольничимъ. Іоаннъ долженъ былъ допустить и мѣстническіе счеты между боярами, усилившіеся съ уничтоженіемъ Грознымъ права ихъ отъѣзда [4]). Управленіе земщиной онъ поручаетъ также знатнѣйшимъ боярамъ. Но если нельзя было удалить отъ себя старинное вельможество, то оставалось, по замѣчанію Соловьева, одно средство—самому уйти отъ него; такъ Іоаннъ и сдѣлалъ, учредивши опричнину [5]), въ которой начало служебное,—заслуга было поставлено на мѣсто родоваго, кровнаго [6]). Не желая имѣть ничего общаго съ старыми вельможами, Іоаннъ избираетъ изъ среды преданныхъ ему опричниковъ весь штатъ своего новаго двора, опричнину противопоставляетъ

1) Соловьевъ, VI, 224 с., Б.-Рюминъ, ibidem, 264—265 с. 2) Ключевскій, 337 с., 3 и 5) Соловьевъ, ibidem. 4) Яблочковъ, 140 с. 6) Бѣловъ, 279—280 с.

земщинѣ, во главѣ которой остаются бояре,—царскіе „недоброхоты и измѣнники". Своимъ полнымъ разрывомъ съ боярами Іоаннъ хотѣлъ показать народу, что интересы царской власти, отъ которыхъ не отдѣлимы и народные, отличаются рѣзко отъ узкихъ, сословныхъ стремленій боярства, что царь хотя и не можетъ удалить его отъ дѣлъ правленія, но за то самъ оставляетъ государство и народъ и предоставляетъ ему еще разъ извѣдать на дѣлѣ всѣ невыгоды боярскаго правленія. Отдѣлившись отъ бояръ съ своей опричниной, Іоаннъ могъ теперь свободно дѣйствовать противъ нихъ съ помощью новыхъ лицъ, интересы которыхъ совершенно совпадали съ царскими интересами[1]). Такъ какъ опричнина была въ рукахъ Іоанна орудіемъ борьбы противъ боярства, то понятно, что главною обязанностью каждаго опричника была безпрерывная вражда съ старыми вельможами, которую опричники должны были поддерживать въ самомъ царѣ [2]). Опричники не могли лишить бояръ правительственнаго ихъ значенія, признаннаго самимъ Грознымъ. Іоаннъ вооружался противъ боярскихъ политическихъ правъ [3]), но не могъ отнять ихъ у боярства. Но за то мести царя и опричниковъ подвергался каждый бояринъ, который навлекъ на себя подозрѣніе въ измѣнѣ царю [4]). Съ помощью опричнины Іоаннъ начинаетъ истреблять всѣхъ тѣхъ бояръ, которые чѣмъ-либо возбудили гнѣвъ царя и подозрѣніе въ измѣнѣ. Достаточно было какому-либо боярину не угодить чѣмъ-либо грозному царю, чтобы подпасть опалѣ, за которой слѣдовали

---

1) Бѣляевъ, Лекціи, 473 с. 2) Соловьевъ, VI, 225 с. 3) Бѣляевъ, ibidem, 476 стр. Послѣ учрежденія опричнины Іоаннъ, желая уничтожить память о прежнемъ земскомъ значеніи бояръ, предпринялъ (1566 г.) уравненіе правъ старинныхъ боярскихъ родовъ съ правами остальныхъ служилыхъ людей. Съ этою цѣлью всѣ члены боярскихъ родовъ были переименованы въ дворянъ, а названіе боярскихъ дѣтей, которое со времени Василія Ивановича примѣнялось ко всѣмъ боярскимъ родамъ, было перенесено на низшихъ служилыхъ людей (Бѣляевъ, ibidem, 478 с.) 4) Ключевскій, 349 с.

обыкновенно кровавыя истязанія виновнаго, а еще чаще жестокая и мучительная его смерть отъ руки опричниковъ. Іоаннъ хотѣлъ истребить бояръ чуть не поголовно. Въ своей непримиримой ненависти и полномъ недовѣріи къ боярству онъ дошелъ до такого состоянія, что даже при рабскомъ подчиненіи царю всѣхъ окружающихъ[1]) ему всюду мерещились опасности отъ заговоровъ бояръ противъ его власти, которая была на самомъ дѣлѣ неограниченна. Грозный, хотя и поручилъ управленіе государствомъ земскимъ боярамъ, но въ дѣйствительности ничто въ государствѣ не дѣлалось безъ его воли[2]). Казни возобновлялись нѣсколько разъ въ теченіе остального времени царствованія Іоанна (въ 1565, 1567, 1569, 1571 и 1577 г.г.), причемъ погибли знаменитый митрополитъ Филиппъ (изъ рода бояръ Колычевыхъ), рѣшившійся настаивать на уничтоженіи опричнины, князь Владиміръ Андреевичъ и масса знатныхъ и простыхъ бояръ[3]). Опричнина была уничтожена въ 1572 г., но опалы и казни продолжались до конца царствованія Іоанна. Послѣднимъ ужаснымъ актомъ звѣрской дѣятельности опричнины былъ страшный погромъ царемъ вмѣстѣ съ ними Новгорода (1570 г.), который навлекъ на себя гнѣвъ Іоанна своимъ сочувствіемъ опальному митрополиту Филиппу. При разграбленіи и безпощадномъ истребленіи жителей Новгорода наиболѣе пострадало отъ руки опричнины духовенство

---

1) При Грозномъ всѣ князья и знатные бояре должны были подписываться въ челобитныхъ и правительственныхъ актахъ холопами великаго государя и употреблять уменьшительныя имена (Соловьевъ, VII, 11 с., Ключевскій, Сказанія etc., 74 с.), между тѣмъ какъ лица остальныхъ низшихъ сословій сохранили полное названіе своего сословія. Такъ поселянинъ подписывался въ челобитной государю: „крестьянинъ твой такой-то“. Этотъ фактъ доказываетъ, что всѣ усилія Грознаго были направлены къ тому, чтобы лишить бояръ прежняго преобладанія въ государствѣ и низвести ихъ на степень своихъ слугъ (Ключевскій, 71 с.). 2) Маржеретъ: „Историческія записки“, Москва, 1830, 24 с., Бѣловъ, 295 с., Иловайскій, Ш, 253 с. 3) Сказанія князя Курбскаго, VII гл. „Исторіи Іоанна“.

вмѣстѣ съ своимъ главою—архіепископомъ Пименомъ: въ немъ Грозный видѣлъ центръ всего недовольства [1]).

Продолжительная, систематическая борьба Іоанна Грознаго съ московскимъ боярствомъ сначала путемъ законодательныхъ мѣръ, а потомъ безпрерывныхъ опалъ и казней потрясла весь общественный строй русской земли, всѣ „закоснѣнныя прародительствія земли“, по выраженію Грознаго [2]), но не разрушила ихъ окончательно. Грозный отвратилъ отъ Россіи опасность господства олигархіи [3]), хотя и не окончательно и не навсегда. Въ теченіе цѣлаго ряда послѣдующихъ царствованій, особенно во все смутное время (1605—1613) политическія притязанія московскаго боярства ожили вновь на столько, что съ ними пришлось считаться всѣмъ преемникамъ Грознаго. Въ эпоху же междуцарствія (1610—1613) въ рукахъ бояръ была даже судьба всего русскаго государства. Грозному наслѣдовалъ старшій сынъ его, *Өеодоръ Ивановичъ* (1584—1598), обладавшій слабымъ здоровьемъ и недальнимъ умомъ [4]). Сознавая его неспособность къ управленію государственными дѣлами, Иванъ Васильевичъ назначилъ для руководства сыну въ дѣлахъ управленія изъ числа знатнѣйшихъ бояръ пять совѣтниковъ, бывшихъ членами Думы: Мстиславскаго, Василія Ивановича Шуйскаго, Никиту Романова, Богдана Бѣльскаго и Бориса Годунова [5]). Өеодоръ Ивановичъ ненаслѣдовавшій отъ своего отца твердаго и рѣшительнаго характера, не могъ держать въ повиновеніи московскихъ бояръ, почуявшихъ свою силу тотчасъ же по кончинѣ Грознаго. Въ теченіе всего царствованія Өеодора продолжалась борьба изъ за власти, „за регентство“ [6]) между нѣсколькими знатными боярскими родами: Мстиславскими, Шуйскими и Годуновыми. Представитель бояр-

---

1—3) Бѣловъ, 291—292, 296 и 236 с. 4) Соловьевъ, VII, 262 с., Иловайскій III, 332 с., Маржеретъ, 25 с. 5) Соловьевъ, VII, 264 с., Бѣловъ, назв. статья, Ж. М. Н. П., 1886, IV кн., 31 с. 6) Соловьевъ, VII, ibidem.

скаго рода Годуновыхъ, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, на сестрѣ котораго былъ женатъ Ѳеодоръ, пріобрѣлъ исключительное вліяніе на ограниченный умъ государя и отъ его имени управлялъ всѣмъ государствомъ. Борисъ Годуновъ постепенно удалилъ изъ Москвы своихъ соперниковъ—бояръ. Немедленно послѣ смерти Грознаго его малолѣтній сынъ, Димитрій вмѣстѣ съ своею матерью и родственниками, боярами Нагими былъ высланъ въ г. Угличъ. Но воспитатель Димитрія, бояринъ Богданъ Бѣльскій остался въ Москвѣ для управленія государственными дѣлами. Остальные старѣйшіе бояре: Мстиславскіе, Шуйскіе и др., не желая допускать господства въ государствѣ Годунова и Бѣльскаго, пустили слухъ, что Богданъ Бѣльскій „извелъ царя Ивана Васильевича, а нынѣ хочетъ бояръ побити и подыскати подъ царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ царства московскаго своему вѣрному совѣтнику Годунову“ [1]). Народъ и войско взволновались, подступили къ Кремлю и стали требовать выдачи Бѣльскаго: „онъ хочетъ извести царскій корень и боярскіе роды“ кричали бунтовщики [2]). Москва успокоилась только тогда, когда царь выслалъ къ народу боярина Мстиславскаго съ обѣщаніемъ выслать изъ города Бѣльскаго, который былъ назначенъ воеводой въ Нижній Новгородъ [3]). Вслѣдъ за этимъ были высланы изъ Москвы и заточены въ различныхъ областяхъ бояре, враждебные Б. Годунову: Мстиславскіе, Воротынскіе и Головины [4]). Не избѣгли той же участи и примирившіеся, повидимому, съ Годуновымъ бояре Шуйскіе, которые вздумали было послать царю Ѳеодору челобитную о томъ, чтобы онъ развелся съ безплодной Ириной и взялъ себѣ жену изъ другаго болѣе знатнаго боярскаго рода. Годуновъ успѣлъ отговорить митрополита Діонисія отъ подачи царю челобитной, но не „умягча своего сердца на Шуйскихъ“, которые были обвинены по доносу ихъ слуги въ заговорѣ про-

1, 2 и 4) Никонова лѣт., VIII, 6—9 с. 3) Иловайскій, III, 333 с.

тивъ царя, схвачены и отправлены въ ссылку [1]). Освободившись отъ всѣхъ своихъ соперниковъ, стремившихся къ ограниченію власти Годунова [2]), послѣдній достигъ высшаго положенія въ государствѣ. Годуновъ, награжденный богатыми помѣстьями, высокимъ званіемъ „великаго и ближняго боярина и слуги государева" и правителя царствомъ казанскимъ и астраханскимъ, сталъ властно распоряжаться во всемъ государствѣ [3]). Опираясь на царскую власть Θеодора Ивановича, при помощи которой Годунову удалось взять верхъ надъ своими соперниками—знатными боярами [4]), онъ прилагалъ всѣ силы къ тому, чтобы умиротворить государство и развить благосостояніе всего населенія, за исключеніемъ боярскаго сословія. По совѣту Годунова были изданы Θеодоромъ Ивановичемъ указы (1591—1597 г) о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ [5]). Впослѣдствіи злѣйшій врагъ Годунова говорилъ: „царь Θеодоръ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ" [6]). И дѣйствительно, эта мѣра, увеличивая податныя силы государства и способствуя экономическому развитію страны, какъ мы видѣли, отзывалась невыгодно на боярахъ—землевладѣльцахъ, несшихъ на себѣ всю отвѣтственность за уплату податей крестьянами. Съ учрежденіемъ патріаршества (1589 г.) Годуновъ пріобрѣлъ крѣпкую поддержку для своей власти въ новомъ патріархѣ Іовѣ и другихъ архіереяхъ, возвышенныхъ въ митрополиты или архіепископы [7]). Наконецъ, чтобы обезпечить за собой и своимъ потомствомъ московскій престолъ, Борисъ Годуновъ приказалъ умертвить царевича Димитрія, проживавшаго въ Угличѣ [8]).

---

1) Никонова лѣт., VIII, 6—9 с. 2) Хлѣбниковъ, 194 с. 3) Соловьевъ, VII, 272—273 с., Иловайскій, III, 337 с , Костомаровъ, I, 571 с., Яблочковъ, 173 с. 4) Соловьевъ, VII, 394 с. 5) Бѣляевъ, Лекціи, 479 с., Бѣловъ, 33 - 37 с., Яблочковъ, 177--179 с. 6) Бѣловъ, ibidem. 7) Иловайскій, 350 с. 8) Никонова лѣт., VIII, 15—19., Соловьевъ, VII, 441—452 с., Костомаровъ, I, 562—564 с., Иловайскій, 352—354 с., Маржеретъ, 27—28 с.

По смерти Θеодора Ивановича, съ которымъ прекратилась на русскомъ престолѣ династія Рюриковичей, народъ присягнулъ царицѣ Иринѣ Θеодоровнѣ, но она удалилась въ монастырь и тамъ постриглась. Тогда дьякъ, Василій Щелкаловъ вышелъ къ собравшемуся въ Кремлѣ народу и потребовалъ отъ него присяги на имя боярской думы, но получилъ въ отвѣтъ: „не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только царицу". Когда же дьякъ объявилъ, что царица поступила въ монастырь, народъ закричалъ: „да здраствуетъ Борисъ Θеодоровичъ"[1]). Этотъ крикъ указываетъ, что среди московскаго населенія и войска были приверженцы Бориса, привлеченные на его сторону деньгами и различными обѣщаніями. Отъ простаго же народа только Борисъ рѣшился принять московскій престолъ, желая избѣжать какихъ-либо ограниченій своей власти со стороны ненавидѣвшихъ его бояръ (Шуйскихъ и др.)[2]). Мысль о такомъ ограниченіи могла зародиться въ умѣ бояръ, напуганныхъ жестокими казнями Грознаго и думавшихъ признать Годунова царемъ на нѣкоторыхъ условіяхъ[3]). Поэтому Борисъ до тѣхъ поръ не хотѣлъ слушать увѣщаній и просьбъ патріарха Іова съ боярами, предлагавшими ему московскую корону[4]), пока не собрался земскій соборъ. Здѣсь Іовъ и другіе сторонники Годунова, напомнивъ присутствующимъ о подвигахъ и заслугахъ Годунова, которые давали ему право на московскій престолъ, предложилъ просить Бориса принять его[5]), на что Годуновъ, наконецъ, согласился[6]). *Борисъ Годуновъ* (1598—1605), воспитанный при дворѣ Грознаго, понималъ ясно, что царь стремился путемъ опалъ и казней раз-

---

1) Соловьевъ, VIII, 4 с. 2) Лѣтописецъ прямо говоритъ: „Князи жъ Шуйскіе единые не хотяху его (Бориса) на царство, узнаху его, что быти отъ него людемъ и къ себѣ гоненію, онеже отъ него потомъ многія бѣды и скорби и тѣсноты пріяша" (Никонова л., VIII, 36 с.). 3) Соловьевъ, VIII, 10 и 502 с., Ключевскій, 359 с., Иловайскій, III, 360 с. 4) А. А. Э., II, № 7, Маржеретъ, 30—34 с. 5) А. А. Э., II, № 6. 6) Никон. л., VIII, 36—37 с.

рушить политическую силу боярства въ московскомъ государствѣ и сдѣлать свою власть вполнѣ неограниченною. Эту цѣль Годуновъ имѣлъ въ виду еще въ царствованіе Θеодора Ивановича, когда онъ удалялъ изъ Москвы своихъ соперниковъ наиболѣе родовитыхъ, знатныхъ бояръ, какъ заговорщиковъ противъ жизни царя. Сдѣлавшись самъ государемъ, Борисъ рѣшился продолжать тоже дѣло Грознаго, заставить всѣхъ бояръ признать верховную власть московскаго царя. Уже въ соборномъ опредѣленіи 1598 г. объ избраніи Годунова на царство бояре единогласно обязались „служить государю, царю и великому князю, Борису Θеодоровичу" и всей его семьѣ, „и которымъ имъ государемъ впредь Богъ дастъ и въ послушаніи быти ихъ государскихъ повелѣній, головъ не щадити за нихъ государей и мимо ихъ государей своихъ иного государя не хотѣти и не искати и не мыслить, ни думать, ни которыми дѣлы, ни которою хитростью"[1]). Въ подкрестной записи рѣшительно уничтожается право отъѣзда, которое бояре считали, очевидно, своимъ неотъемлемымъ правомъ даже послѣ жестокихъ гоненій за него при Грозномъ. Бояре должны были „служити Борису Годунову до своего живота, прямити безъ всякія хитрости, измѣны никоторыя не учинити и отъ государя своего Бориса Θеодоровича, царицы и дѣтей его не отъѣхати ни къ которому государю, ни къ Турскому, ни къ Литовскому, ни къ цезарю, ни Ишпанскому... ни въ иные нѣкоторые государства и лиха и измѣны никоторыя не учинити". Такое же подкрестное обѣщаніе обязаны были дать и бояре, служившіе въ пограничныхъ городахъ или участвующіе въ войнахъ; такіе бояре до Іоанна IV и даже при Грозномъ не разъ отъѣзжали въ чужія земли. Наконецъ, въ той же подкрестной записи говорится, что бояре, какъ и всѣ остальные жи-

1) А. А. Э., II, № 6.

тели московскаго государства должны заботиться о здоровьи Бориса Годунова и его семьи, не испортить царя и его семейныхъ „зельемъ лихимъ и кореньями и не умышляти волшебствомъ на нихъ“. Бояре не должны были „дружитися и ссылатися“ съ бывшимъ земскимъ царемъ, Симеономъ, сосланнымъ въ Тверь еще при Грозномъ [1]). До такой степени простиралась подозрительность и недовѣрчивость Бориса къ боярамъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ [2])! Годуновъ предпринималъ и другія мѣры для того, чтобы лишить родовитыхъ бояръ ихъ политическаго и общественнаго значенія и тѣмъ обезпечить свою династію на московскомъ престолѣ. Такъ въ 1601—1602 г. Борисъ снова дозволилъ вездѣ, кромѣ московскаго уѣзда, переходить извѣстнаго, равнаго числа крестьянамъ служилыхъ людей—мелкихъ, малочиновныхъ помѣщиковъ и дѣтей боярскихъ къ такимъ же владѣльцамъ крестьянъ [3]). Тѣмъ же указомъ, повтореннымъ въ слѣдующемъ году (1603), былъ возстановленъ прежній срокъ перехода крестьянъ [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянамъ бояръ и высшихъ чиновниковъ въ переходѣ отказано [5]), такъ что для нихъ послѣдствія указовъ 1591 и 1597 остались во всей силѣ. Борисъ Годуновъ, по примѣру Грознаго, отдавалъ при замѣщеніи важнѣйшихъ должностей въ государствѣ предпочтеніе людямъ простаго происхожденія предъ знатными, родовитыми людьми изъ боярскихъ фамилій. Во главѣ многихъ значительныхъ приказовъ при немъ стояли думные дьяки, а бояре и окольничьи занимали въ нихъ второстепенное мѣсто [6]). Не ограничиваясь юридическими ограниченіями власти бояръ, Борисъ удалилъ отъ дѣлъ управленія многихъ

---

1) А. А. Э., II, № 10. 2) Никонова лѣт., VШ, 15 с. 3) А. А. Э , II, № 20. Позволено было „возити межъ себя одному человѣку изъ за одного человѣка же, крестьянина одного или дву, а трехъ или четырехъ одному изъ за одного никому не возити“. 4) А. А. Э., ibidem, №№ 23 и 24. „А срокъ крестьяномъ отказывати и возити Юрьевъ день осенняго, да послѣ Юрьева дня двѣ недѣли“. 5) Ibidem. 6) Яблочковъ, 177 с.

изъ числа знатныхъ и сильныхъ бояръ, подстрекая слугъ ихъ доносить на своихъ господъ и награждая доносчиковъ „своимъ государевымъ жалованьемъ“. Такъ, напр., Борисъ, „повелѣ тайно научити доводити на боярина, князя Ѳеодора Шестунова человѣка его, Воинка“. Хотя доносъ послѣдняго на своего господина оказался неосновательнымъ, но Воинко былъ щедро награжденъ: было объявлено всенародно, что царь жалуетъ „за его службу и къ себѣ радѣнье“ помѣстье и приказываетъ ему „служити въ дѣтяхъ боярскихъ“ [1]). Послѣ этого случая „люди боярскіе всѣхъ дворовъ“ при видѣ явнаго поощренія доносовъ со стороны Бориса „начаху умышляти всякъ надъ своимъ бояриномъ“, сговаривались между собою и доносили на своихъ господъ. Однимъ изъ нихъ Борисъ жаловалъ за услуги помѣстья, другимъ „изъ казны даваше жалованье“. Тѣхъ же боярскихъ слугъ, которые оказывались вѣрными своимъ господамъ, было приказано подвергать разнаго рода пыткамъ“ [2]).

Особенно настойчиво Годуновъ добивался погибели бояръ Романовыхъ—братьевъ „Никитичей“, являвшихся опасными соперниками династіи Годуновыхъ: „царь же Борисъ, говоритъ лѣтопись, не мога ихъ видѣти, хотя и достальной корень царской известь и многихъ научаше людей ихъ на нихъ доводити“ [3]). Благодаря доносу слуги боярина Александра Романова, всѣ „Никитичи“, были схвачены и преданы суду. Въ 1601 г. старшій и наиболѣе предпріимчивый изъ Романовыхъ, Ѳеодоръ Никитичъ былъ насильно разлученъ съ своей семьею и постриженъ въ монахи; Александръ, Василій и Михаилъ были заточены въ отдаленные города, гдѣ они и умерли отъ притѣсненій и мученій и только одинъ Иванъ Никитичъ возвращенъ при Годуновѣ изъ Пелыми въ село Клинъ, Юрьевскаго уѣзда [4]). Вслѣдствіе до-

1—4) Никонова лѣт., VIII, 40—45 с.

носа же былъ сосланъ бояринъ Богданъ Бѣльскій, бывшій, вліятельнымъ членомъ думы при Ѳеодорѣ Ивановичѣ [1]); отправлены были въ ссылку Борисомъ также: князь Черкасскій, князья Сицкіе, Рѣпнины и др. [2]). Уничтожая всѣми мѣрами своихъ соперниковъ—бояръ, Годуновъ хотѣлъ въ тоже время пріобрѣсти себѣ любовь у народныхъ массъ своимъ вниманіемъ къ народнымъ нуждамъ и мудрымъ управленіемъ, бывшимъ продолженіемъ мирнаго царствованія Ѳеодора Ивановича. Но не смотря на разнаго рода льготы [3]), народъ не любилъ Годунова, приписывалъ ему всякія злодѣянія и ожидалъ всякихъ бѣдствій для Россіи отъ воцаренія на ея престолѣ династіи Годуновыхъ [4]). Съ другой стороны, родовитые бояре не могли помириться съ мыслью видѣть на московскомъ престолѣ потомка татарскаго мурзы, Чета, возвысившагося до званія боярина такъ недавно (при Грозномъ) [5]). При всемъ своемъ желаніи истребить всѣхъ знатныхъ (родовитыхъ) бояръ Борисъ не могъ этого сдѣлать и поэтому долженъ былъ употребить другія мѣры для ослабленія ихъ вліянія въ управленіи,—особенно двухъ знатнѣйшихъ боярскихъ фамилій, ведущихъ свое происхожденіе отъ удѣльныхъ князей: *Шуйскихъ* (изъ рода князей суздальскихъ, Мономаховичей) и *Мстиславскихъ* (Гедиминовичей). Годуновъ вступилъ въ родство съ Шуйскими, но старшему брату, Василію Ивановичу Шуйскому запретилъ жениться. Подъ такимъ же запрещеніемъ находился и бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій, занимавшій первое мѣсто въ боярской думѣ. Борисъ опасался, чтобы знатныя боярскія фамиліи, вступивъ между собою въ родство, не усилились въ государствѣ. Годуновъ нѣсколько разъ от-

---

1) Соловьевъ, VIII, 68—69 с. 2) Яблочковъ, 176 с. 3) Такой, напр., характеръ имѣлъ указъ 1603 г. объ отпускѣ холоповъ на прокормленіе съ отпускными отъ господъ (Бѣляевъ, 480 с.) и упомянутые указы 1601—1603 г. о переходахъ крестьянъ. 4) Костомаровъ, I, 601 с. 5) Бѣловъ, 37 с.

правлялъ въ ссылку Шуйскихъ и подвергалъ пыткамъ ихъ приближенныхъ даже и тогда, когда Шуйскіе были въ милости у Бориса. Лишь немногія знатныя боярскія фамиліи остались нетронутыми подозрительнымъ Борисомъ [1]). Въ связи съ такимъ враждебнымъ его отношеніемъ къ московскому боярству находится появленіе перваго Лжедимитрія во вторую бѣдственную для русскаго народа половину царствованія Годунова [2]). Самозванецъ былъ подставленъ въ Москвѣ боярами—непримиримыми врагами Бориса; въ рукахъ бояръ, которымъ грозили ежечасно отъ Годунова тяжелая опала, заточеніе и смерть, самозванецъ былъ вѣрнымъ орудіемъ для погибели Бориса и его семьи и очищенія престола для себя [3]). Самъ Борисъ считалъ появленіе самозванца дѣломъ бояръ [4]). Также думали и современники Годунова, который, по словамъ хронографовъ, „навелъ на себя негодованіе *чиноначальниковъ всея русскія земли* (т. е., бояръ): отсюда много ненастныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую его красоту внезапно низложили“ [5]). Что бояре были виновниками появленія самозванца при Годуновѣ, это доказывается всѣмъ ихъ поведеніемъ во время нѣсколькихъ походовъ противъ Лжедимитрія, предпринятыхъ по приказанію Годунова. Еще до начала этихъ походовъ бояре отправили тайно въ Польшу Ляпунова съ просьбою о помощи самозванцу [6]). Князь Григорій Роща-Долгорукій съ Яковомъ Змѣевымъ въ Рыльскѣ „стали за прирожденнаго государя“ [7]), т. е., Лжедимитрія. Бояре Петръ Шереметевъ и Михаилъ Салтыковъ говорили Хрущеву, посланному на Донъ отговаривать казаковъ отъ помощи самозванцу, что „трудно противъ прирожденнаго государя воевать“ [8]). Царскіе воеводы, бояре Мстиславскій и Димитрій Шуйскій, предводительствовавшіе боль-

---

1) Маржеретъ, 130—131 и 152—155 с. 2—3) Соловьевъ, VIII, 78—82 и 87 с., Бѣловъ, 39 с. 4—6) Соловьевъ, ibidem, 87 и 96 с. 7) Никон. л., VIII, 62 с. 8) Соловьевъ, VIII, 102 с.

шимъ войскомъ сравнительно съ сбродной дружиной самозванца, уклонились отъ рѣшительнаго сраженія съ нимъ [1]). Когда же Борисъ упрекнулъ воеводъ въ бездѣйствіи, бояре и все войско оскорбились: „въ рати же стало мнѣніе и ужасть отъ царя Бориса, съ тоя же поры многіе начаша думати, какъ бы царя Бориса избыти, а тому окаянному служити Гришкѣ“ [2]). Теперь князь Михаилъ Салтыковъ самовольно отступилъ отъ Кромъ, „наровя тому окаянному Гришкѣ“ [3])

Послѣ неожиданной смерти Бориса (13 апр. 1605 г.) жители Москвы съ нѣкоторыми боярами присягнули безпрекословно сыну Бориса, Ѳеодору, но Петръ Басмановъ, князья Голицыны, Василій и Иванъ, и князь Михаилъ Салтыковъ передались съ войскомъ самозванцу, который началъ посылать въ Москву грамоты, гдѣ, между прочимъ, напоминалось о притѣсненіяхъ бояръ при царѣ Борисѣ. Здѣсь же Лжедимитрій даетъ обѣщаніе московскимъ боярамъ „честь и повышеніе учинить“, пожаловать ихъ прежними отчинами, прибавить къ нимъ новыхъ и держать ихъ и всѣхъ дворянъ и приказныхъ людей въ чести. „Гости, торговые люди и всѣ крестьяне“ также должны были получить отъ самозванца разныя льготы [4]). Одна изъ такихъ грамотъ Лжедимитрія, полученная въ Москвѣ, была прочтена публично на площади въ присутствіи „бояръ Мстиславскихъ, Шуйскихъ, Бѣльскаго и иныхъ“, посланныхъ для прекращенія народнаго возмущенія. Василій Ивановичъ Шуйскій сдѣлалъ еще болѣе такой молчаливой поддержки притязаній самозванца: онъ сталъ увѣрять народъ, что названный Димитрій—истинный сынъ Грознаго. Возбужденный народъ бросился въ Кремль, схватилъ Годуновыхъ и ихъ приближенныхъ бояръ и „даша ихъ за приставы“. Изъ Москвы къ самозванцу отправились

---

1) Соловьевъ, VШ, 104—105 с. 2—3) Никонова лѣт, VШ, 63—64 с. 4) А. Э. Э., II, № 34.

съ повинной головой отъ лица всего населенія города бояринъ Воротынскій и князь Телятевскій. Лжедимитрій же поспѣшилъ послать въ Москву заклятаго врага Годуновыхъ, князя Василія Голицына и князя Мосальскаго, которые свели съ патріаршескаго престола Іова, сторонника Годуновыхъ, и предали вдову Бориса и его сына позорной и мучительной смерти [1]. *Лжедимитрій I* (1605—1606), воцарившись въ Москвѣ, осыпалъ всѣхъ бояръ разными милостями [2], обращался съ ними запросто, помиловалъ князя Василія Ивановича Шуйскаго, приговореннаго къ смертной казни за распространеніе слуховъ объ его самозванствѣ [3], и „мало помалу давалъ всѣмъ чувствовать, что значитъ свободное государство, управляемое государемъ милосердымъ" [4]. Власть Лжедимитрія не была ограничена боярами, но впослѣдствіи, при Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ бояре обвиняли Лжедимитрія въ томъ, что онъ посылалъ въ Польшу пословъ безъ вѣдома „сенаторей", членовъ боярской думы [5]. Слѣдовательно, бояре считали своимъ правомъ знать о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Московскіе бояре остались очень довольны, когда будущій тесть Лжедимитрія, сандомирскій воевода, панъ Мнишекъ, желая привлечь на свою сторону всѣхъ бояръ, послалъ сказать имъ, что будетъ хлопотать предъ своимъ зятемъ объ увеличеніи правъ бояръ и дворянъ [6], которые только объ этомъ и думали. Не смотря на благосклонность Лжедимитрія къ московскимъ боярамъ, послѣдніе, особенно же родовитые бояре, не могли долго терпѣть его на царскомъ престолѣ, который они разсчитывали занять сами: самозванецъ былъ нуженъ боярамъ

---

1) Никонова л., ibidem, 67—70 с., Маржеретъ, 173—178 с. Соловьевъ VIII, 109—115 с., Костомаровъ, I, 605—608 с., Бѣловъ, 59—60 с. 2) Такъ, между прочимъ, боярамъ—помѣщикамъ были возвращены крестьяне, убѣжавшіе отъ нихъ не въ голодные годы (А. Э. Э., II, № 40). 3) Никонова лѣт., 71—72 с. 4) Маржеретъ, 181—185 с., Костомаровъ, I, 608 с. 5) Ключевскій, 358 с., Соловьевъ, ibidem, 205 с. 6) Ключевскій, 357 с.

только какъ орудіе для сверженія Годуновыхъ съ московскаго престола, претендентомъ на который явился теперь представитель одной изъ числа родовитѣйшихъ боярскихъ фамилій—Василій Ивановичъ Шуйскій. По его инициативѣ противъ самозванца былъ составленъ заговоръ, въ которомъ кромѣ Шуйскаго приняли участіе князь Василій Васильевичъ Голицынъ и князь Куракинъ. Заговорщики условились убить „ростригу, а кто будетъ послѣ него царемъ, тотъ не долженъ никому мстить за прежнія досады, но по общему совѣту управлять россійскимъ царствомъ". Шуйскій прямо объявилъ заговорщикамъ, что бояре признали самозванца истиннымъ Димитріемъ только для того, чтобы освободиться отъ Годуновыхъ, но что онъ не можетъ быть царемъ: Лжедимитрій любитъ только иноземцевъ, презираетъ святую православную вѣру и древніе русскіе обычаи [1]).

Смерть Лжедимитрія доставила московскій престолъ, какъ и слѣдовало ожидать, главѣ заговора и знатнѣйшему между московскими боярами, *Вас. Ив. Шуйскому* (1606—1610) который, однако, „малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ излюбленъ бысть царемъ и никимъ же отъ вельможъ пререкованъ, ни отъ прочаго народа умоленъ" [2]). Лѣтописецъ замѣчаетъ также, что князь В. И. Шуйскій „избранъ немногими бысть грады, а не всею землею: того ради не возлюбиша его мнози на земли русстѣй" [3]). Но болѣе же всѣхъ,

---

1) Соловьевъ, VIII, 151 с. Двуличность и вообще низкій, безпринципный характеръ В. И. Шуйскаго дали поводъ В Бѣ—скому (Историч. Вѣстникъ, 1891, V кн., статья: Кто убилъ царевича Димитрія?) обвинить его въ убіеніи царевича Димитрія, который являлся препятствіемъ для достиженія престола Шуйскимъ, родовитѣйшимъ московскимъ бояриномъ. Не вдаваясь въ обсужденіе этого спорнаго въ русской исторіи вопроса, мы позволимъ себѣ только замѣтить, что и Б. Годуновъ не отличался высокою нравственностью, какъ это доказываетъ его поведеніе по отношенію къ боярамъ. Добиться же царскаго званія было для неродовитаго Годунова гораздо труднѣе, нежели для В. И. Шуйскаго,—Мономаховича и поэтому смерть Димитрія могла быть нужнѣе Борису, чѣмъ Шуйскому. 2) Ключевскій, 360 с. 3) П. С. Р. Л., V, 57 с.

прибавляетъ лѣтописецъ, „возненавидѣша его отъ боярскаго рода“ [1]). Причина этой ненависти бояръ къ царю Шуйскому была та, что въ переворотѣ, низвергнувшемъ Лжедимитрія съ престола, участвовало не все знатное боярство; да и многіе изъ тѣхъ, которые были въ числѣ заговорщиковъ, рѣшились дѣйствовать противъ самозванца вмѣстѣ съ Шуйскимъ и Куракинымъ въ виду распускаемыхъ ими слуховъ, что Лжедимитрій задумалъ перебить всѣхъ бояръ и лучшихъ людей московскихъ для того, чтобы самому царствовать на Руси неограниченно [2]). Можно думать, что нѣкоторые изъ родовитыхъ бояръ сами мечтали занять послѣ смерти Лжедимитрія московскій престолъ. Это предположеніе подтверждается разсказомъ Маржерета, что вскорѣ послѣ избранія В. И. Шуйскаго „въ Москвѣ происходили великіе раздоры у дворянства съ прочими касательно избранія на царство безъ ихъ согласія В. И. Шуйскаго, котораго по тому надлежало свести съ престола“ [3]). Бояре составили даже противъ него заговоръ въ пользу князя Ѳеодора Ивановича Мстиславскаго, который „имѣлъ за себя при избираніи царя многіе голоса“ [4]). Вслѣдъ за этимъ заговоромъ произошла попытка возмутить народъ противъ Шуйскаго и свергнуть его съ престола [5]). Василій Ивановичъ былъ избранъ партіей знатныхъ бояръ, которые ограничили его власть боярской думой. Въ подкрестной записи царь далъ обѣщаніе боярамъ „всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, смерти не предати, и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отъимати, будетъ которые съ нимъ въ мысли не были... доводовъ ложныхъ не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи“ [6]). Въ числѣ условій, поставленныхъ боярами Василію

---

1) П. С. Р. Л., V, 57 с. 2) А. А. Э., II, № 44 стр. 100 и № 48, 107—109 с. 3—5) Маржеретъ, 209—214 с. 6) А. Э. Э., II, № 44.

Ивановичу, было и обязательство не издавать законовъ и не вводить новыхъ налоговъ безъ согласія боярской думы [1]). Бояре хотѣли ограничить власть Шуйскаго исключительно въ свою пользу [2]). Самъ Шуйскій, однако, думалъ править государствомъ, подобно своимъ предшественникамъ, неограниченно или, по крайней мѣрѣ, только съ помощью земскаго собора, но не боярской думы. Поэтому немедленно по своемъ вступленіи на престолъ Василій Ивановичъ поспѣшилъ заявить въ своей грамотѣ, что, онъ „учинился на отчинѣ своихъ прародителей", Рюрика, „иже бѣ отъ римскаго Кесаря", великаго князя Александра Невскаго и суздальскихъ князей, старшихъ по сравненію съ московскими государями [3]). Имѣя такое высокое понятіе о несомнѣнномъ своемъ правѣ на московскую корону и царскую власть, Василій Ивановичъ хотѣлъ было уклониться отъ заключенія условій съ боярами ограничивающими его власть. Съ этою цѣлью Шуйскій по своемъ избраніи „нача говорити въ соборной церкви, чего искони вѣкъ въ московскомъ государствѣ не повелось, что цѣлую де крестъ всей землѣ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не сдѣлати *безъ собору* никакого дурна... боляре же и всякіе люди говорили ему, чтобы онъ въ томъ креста не цѣловалъ, потому что въ московскомъ государствѣ того не повелося; онъ же никого не послуша, поцѣлова крестъ на томъ всемъ" [4]). „Значитъ, замѣчаетъ по этому поводу проф. Ключевскій, бояре и всякіе люди находили, что дѣлить власть съ земскимъ соборомъ царю не повелось, а дѣлить ее съ боярской думой повелось" [5]). Колебанія Шуйскаго заставили родовитыхъ бояръ быть на сторожѣ и не позволять своему избраннику усиливаться на ихъ счетъ. Съ воцареніемъ Шуй-

---

1) Strahlenberg: „Histoire der Reisen in Russland, Sibirien und der groszen Tartarey", 1730, 202 s. 2) Бѣловъ, 43 с. 3) А. Э. Э., II, № 44, 102 с. 4) Никонова лѣт., VIII, 76 с. 5) Ключевскій, 363—364 с.

скаго бояре сдѣлались въ государствѣ сильнѣе самого царя[1]). Желая освободиться отъ вліянія бояръ, Василій Ивановичъ, „не помня своего обѣщанія", многихъ важнѣйшихъ бояръ и дворянъ „разослалъ по городамъ по службамъ, а у иныхъ у многихъ помѣстья и вотчины поотнима"[2]). Но въ Москвѣ остались князья Голицыны и Куракины, съ согласія которыхъ Шуйскій долженъ былъ править государствомъ. Боярамъ при Шуйскомъ оказывались всякаго рода послабленія, между тѣмъ какъ простой народъ терпѣлъ при немъ безмѣрно строгія наказанія[3]) и не любилъ „боярскаго царя". Лѣтописецъ сообщаетъ, что однажды „людіе всѣхъ чиновъ" собрались на совѣтъ къ патріарху Гермогену, „глаголюще: не хотимъ сего царя Василія видѣти на царствѣ", и потребовали, чтобы патріархъ пригласилъ на московскій престолъ польскаго королевича Владислава. Когда же Гермогенъ предложилъ избрать на царство кого-либо изъ русскихъ князей, „рѣша отъ княжеска и боярска роду патріарху: не хощемъ своего брата слушати: ратніи люди русскаго царя не боятся его и не слушаютъ и не служатъ ему". Патріархъ же, „совѣтовавъ съ боляры и съ народомъ", послалъ просить у Сигизмунда его сына въ русскіе цари[4]). Но еще прежде избранія Владислава на московскій престолъ, бояре, недовольные Шуйскимъ, поспѣшили выдвинуть на сцену второго самозванца—Лжедимитрія, который долженъ былъ помочь имъ свергнуть съ престола Шуйскаго[5]) точно также, какъ съ помощью перваго самозванца они свели съ него династію Годуновыхъ.

Слухъ о спасеніи Лжедимитрія былъ пущенъ недругами Шуйскаго тотчасъ же послѣ смерти перваго самозванца и вскорѣ былъ найденъ человѣкъ, готовый защищать интересы новаго, пока еще неизвѣстнаго самозванца[6]). Это былъ хо-

1) Соловьевъ, VIII, 170 с. 2) Никонова л., VIII, 77 с. 3) Бѣловъ, 45 с. 4) П. С. Р. Л., V, 60 с. 5) Соловьевъ, 171 с., Бѣловъ, 44 с. 6) Соловьевъ, 175, Бѣловъ, 45 с.

лопъ князя Телятевскаго, Иванъ Болотниковъ, съ которымъ сначала соединилось противъ Шуйскаго и знатныхъ бояръ среднее дворянство (Рязанское и Тульское) съ Прокофіемъ Ляпуновымъ во главѣ [1]). Но потомъ, когда союзники разбили царское войско и Болотниковъ сталъ разсылать воззванія къ простому народу, приглашая его убивать бояръ, женъ ихъ, отнимать у нихъ вотчины и помѣстья и отдавать ихъ холопамъ вмѣстѣ съ важнѣйшими государственными должностями (боярствомъ, воеводствомъ и др.), дворяне рѣшились перейти на сторону Шуйскаго, причемъ Ляпуновъ получилъ отъ царя санъ думнаго дворянина [2]). Болотниковъ скоро погибъ [3]), не дождавшись появленія втораго самозванца, Лжедимитрія II, извѣстнаго въ русской исторіи подъ именемъ тушинскаго вора. Какъ только вѣсть о послѣднемъ дошла до Польши, тамъ былъ составленъ для вновь воскресшаго Димитрія наказъ, въ которомъ предлагалось будущему русскому царю удалить отъ дѣлъ правленія древніе боярскіе роды, опасные государю своей измѣной и происками, и составить свой совѣтъ изъ мужей зрѣлыхъ и доблестныхъ въ судѣ и дѣлахъ государственныхъ [4]). Поляки же оказали помощь самозванцу, который скоро дошелъ до Тушина, около Москвы, гдѣ царь оказался въ осадѣ. Положеніе Шуйскаго становилось день отъ дня все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Въ февралѣ 1609 г. князь Романъ Гагаринъ, Григорій Сумбуловъ и Григорій Грязной потребовали отъ бояръ „царя Василія пере-

---

1) Шуйскій снова запретилъ переходъ крестьянъ отъ однихъ мелкихъ землевладѣльцевъ къ другимъ, который былъ позволенъ Б. Годуновымъ (Соловьевъ, VIII, 337 с.). Этой мѣрой Василій Ивановичъ думалъ привлечь къ себѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, которые въ то время болѣе нуждались въ прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, чѣмъ знатные бояре (Бѣловъ, 48 с.). Среднее дворянство примкнуло къ Болотникову изъ чувства самосохраненія: крестьяне убивали своихъ господъ и брали за себя ихъ женъ и дочерей (Бѣловъ, 47 с.). Кромѣ того, Ляпуновъ, Сумбуловъ и Пашковъ – предводители возставшихъ дворянъ желали добиться политическаго вліянія въ государствѣ (Соловьевъ, 178 стр.). 2—3) Соловьевъ, 179 и 192 с. 4) Соловьевъ, VIII, 216—217 с.

мѣнити“, но бояре отказали имъ въ этомъ и разошлись по своимъ домамъ. Только одинъ князь Василій Васильевичъ Голицинъ—злѣйшій врагъ Шуйскаго выѣхалъ на площадь, да насильно былъ приведенъ сюда же заговорщиками патріархъ Гермогенъ. На этотъ разъ патріархъ отстоялъ Василія, который и самъ съ мужествомъ заявилъ своимъ врагамъ, что они не могутъ свести его съ престола безъ согласія бояръ и всей земли [1]). Между тѣмъ, племянникъ царя, Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій очистилъ сѣверныя русскія области отъ тушинцевъ и самъ Лжедимитрій, оставленный поляками, которые ушли съ королемъ Сигизмундомъ осаждать Смоленскъ, убѣжалъ въ Калугу. Подъ Смоленскъ же отправились послы отъ русскихъ тушинцевъ изъ среды второстепенной московской знати (князь Салтыковъ съ сыномъ, князь Мосальскій, князь Хворостининъ и др.) и дьяковъ (Грамотина, Андронова и др.). Отъ имени всего государства послы предложили московскую корону сыну Сигизмунда, Владиславу на условіяхъ, ограничивающихъ его будущую власть въ пользу бояръ. Владиславъ долженъ былъ не только сохранить права, жалованье, помѣстья и вотчины бояръ, окольничихъ и всякихъ думныхъ, ближнихъ и приказныхъ людей, но и увеличить ихъ привиллегіи сообразно съ заслугами каждаго (5 статья). Всякія жалобы на уменьшеніе правъ высшаго сословія король разбиралъ съ думными боярами (6 ст.). Всякія перемѣны въ устройствѣ суда и законахъ зависятъ отъ бояръ и всей земли (8 ст.). Король не могъ никого казнить и отнять помѣстья и вотчины, не осудивши прежде судомъ со всѣми боярами и думными людьми. Великихъ чиновъ людей (знатныхъ бояръ) нельзя было безъ вины понижать, а меньшихъ людей (второстепенныхъ бояръ и служилыхъ людей) король былъ обязанъ возвышать по заслугамъ.

---

1) Никонова лѣт., VIII, 111—112 с., Соловьевъ, ibidem, 265—267 с.

Причемъ всѣ перемѣны въ этомъ отношеніи должны были быть производимы королемъ съ согласія думныхъ бояръ. „Для науки каждый изъ московскаго народа“ могъ ѣздить за границу, не лишаясь за это своихъ отчинъ, имѣній и дворовъ (11 ст.). Боярская дума разсматриваетъ всѣ предложенія короля о новыхъ податяхъ (14 ст.). Крестьяне закрѣпляются за своими помѣщиками (17 ст.). Дума боярская должна была рѣшать вмѣстѣ съ королемъ вопросы о томъ, нужны ли казаки или нѣтъ (18 ст.)[1]). 4 февраля 1810 г. Сигизмундъ принялъ всѣ эти и другія условія, предложенныя послами, а въ іюлѣ того же года царь Василій Ивановичъ Шуйскій былъ сведенъ съ московскаго престола княземъ Василіемъ Голицынымъ, княземъ Воротынскимъ и братьями Ляпуновыми и постриженъ въ монахи[2]). Въ московскомъ государствѣ настала *эпоха междуцарствія* (1610—1613), въ теченіе которой при всеобщей неурядицѣ, соперничествѣ и розни между сословіями и городами всѣмъ государствомъ управляли одни бояре.

Тотчасъ по сверженіи Шуйскаго по просьбѣ всѣхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, войска, торговыхъ и всѣхъ другихъ людей столичнаго населенія князь Ѳеодоръ Мстиславскій съ товарищами „приняли московское государство“. Всѣ обязались подъ клятвою „во всемъ ихъ слушати и судъ ихъ всякій любити, что они кому за службу и за вину приговорятъ, и за московское государство и за нихъ стояти и съ измѣнниками битися до смерти“. Въ боярской думѣ не могли участвовать ни бывшій царь, ни его братья (Димитрій и Иванъ Шуйскіе)[3]). Боярская дума разослала по всѣмъ городамъ грамоты, въ которыхъ извѣщалось, что „бояре, окольничьи и всѣ чины московскаго государства“ свели съ царскаго престола Василія Ивановича, котораго „всякіе люди

1) Акты Западной Россіи, IV томъ, № 180. 2) П. С. Р. Л., V, 60 с., Никонова лѣт., VIII, 139 с. 3) Акты Историческіе, II, № 287.

не любятъ и къ нему къ государю не обращаются и служити ему не хотятъ". Бояре призывали всѣхъ людей „стояти съ ними вмѣстѣ заодно и быти въ соединеніи" и выбрать на московскій престолъ, „сослався со всѣми городы, всею землею, кого намъ государя Богъ дастъ" [1]). Отсюда видно, что бояре—правители не желали имѣть царемъ ни Лжедимитрія, ни польскаго королевича, а хотѣли избрать государя изъ своей же среды; бояръ поддерживалъ въ этомъ случаѣ патріархъ Гермогенъ [2]). Обстоятельства не позволяли, однако, возвести на престолъ въ это время одного изъ двухъ возможныхъ на него кандидатовъ: князя Василія Васильевича Голицына или Михаила Θеодоровича Романова, сына ростовскаго митрополита, Филарета Никитича. Воцареніе Лжедимитрія грозило погибелью всему боярству и господствомъ въ русской землѣ черни. Подъ Можайскомъ стояло войско гетмана Жолкевскаго, который требовалъ, чтобы Москва признала царемъ Владислава. Сами бояре склонялись на сторону этого послѣдняго: князь Мстиславскій объявилъ, что самъ онъ не желаетъ быть царемъ, но не хочетъ видѣть имъ и кого-либо изъ своей братіи—бояръ и что поэтому нужно избрать царемъ кого-либо изъ иноземнаго царскаго роду. „Лучше служить королевичу (Владиславу), говорили остальные бояре, чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей и въ вѣчной работѣ у нихъ мучиться" [3]). 26 авг. 1610 г. бояре (Мстиславскій, Голицынъ, Шереметевъ и др.) заключили съ гетманомъ Жолкевскимъ договоръ о принятіи Владислава на царство на тѣхъ же почти условіяхъ, на которыхъ цѣловали крестъ королевичу князь Салтыковъ съ товарищами. Въ этихъ условіяхъ были сдѣланы только нѣкоторыя измѣненія по настоянію и въ интересахъ знатнаго боярства. Такъ изъ салтыковскаго договора была выброшена статья о дозволеніи

1) А. Э. Э , II, № 162. 2) Соловьевъ, VIII, 339 с. 3) Соловьевъ, ibidem, 339—341 с.

всѣмъ жителямъ московскаго государства ѣздить за границу для образованія: родовитые бояре, видимо, опасались всякихъ измѣненій старыхъ московскихъ обычаевъ, которые могли повлечь за собою и утрату ими своей власти. Нѣтъ въ августовскомъ боярскомъ договорѣ и условія о возвышеніи „меньшихъ людей“ по заслугамъ. Здѣсь сказано только: „московскихъ княженецкихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцы въ отечествѣ и въ чести не тѣснити и не понижати“. Дворяне и дѣти боярскіе сохраняли свое жалованье и ихъ новый король *согласно московскимъ обычаямъ*, которые не должны были быть перемѣняемы („какъ было при прежнихъ великихъ государяхъ“), обязанъ былъ „имѣти всѣхъ по достоинству въ чести и въ жалованьи и въ милости“, наравнѣ съ знатными боярами. Но только эти послѣдніе обладали правомъ законодательства, управленія и суда: всѣ текущія правительственныя дѣла и всѣ измѣненія въ государственномъ устройствѣ и управленіи государь долженъ былъ „дѣлати съ приговоромъ и совѣтомъ бояръ и всѣхъ думныхъ людей, а безъ думы и приговору такихъ дѣлъ не совершати“. Отъ бояръ же зависѣло разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ объ увеличеніи податей и налоговъ съ населенія и раздача „запустошенныхъ“ въ теченіе смуты вотчинъ и помѣстій [1]). Такъ знатные московскіе бояре отвергли всякіе компромиссы съ среднимъ дворянствомъ, не желая пониженія политическаго значенія боярскихъ родовъ и допущенія въ свои ряды кого-либо снизу [2]), стремились образовать замкнутую сословную группу даже въ собственной средѣ [3]).

---

1) А. Э Э., II, № 165. 2) Положимъ, въ числѣ условій стояло: „впередъ всякихъ людей россійскаго государства жаловати, смотря по службѣ, кто чего достоинъ“ (ibid. 283 с.); но это „жалованье“ зависѣло вполнѣ отъ знатныхъ бояръ, въ рукахъ которыхъ была вся власть въ государствѣ. 3) Бѣловъ, 56 стр. Аристократическія притязанія знатныхъ московскихъ бояръ усердно поддерживали Жолкевскій и самъ Сигизмундъ (Соловьевъ, VIII, 340 с.), приславшій къ Мстиславскому похвальную грамоту за содѣйствіе въ избраніи Владислава; въ

Въ сентябрѣ 1610 г. изъ Москвы отправилось къ Сигизмунду подъ Смоленскъ цѣлое посольство, состоявшее изъ митрополита Филарета, князя В. В. Голицына, князей Барятинскаго и Мезецкаго съ цѣлой свитой дворянъ, дьяковъ и торговыхъ людей—депутатовъ отъ русскихъ городовъ [1]). Начались продолжительные и безплодные переговоры посольства съ Сигизмундомъ и польскими панами, которые видимо не желали отпустить молодаго и неопытнаго въ дѣлахъ управленія Владислава въ Москву, гдѣ „простой народъ чуть не всю власть въ рукахъ держитъ, а бояре—вожди народа употребляютъ его, какъ оружіе для своихъ честолюбивыхъ цѣлей“ [2]). Вмѣсто Владислава Сигизмундъ предлагалъ себя въ московскіе государи [3]). Въ пользу Сигизмунда дѣйствовалъ въ Москвѣ князь Михаилъ Салтыковъ [4])—глава и защитникъ правъ средняго дворянства противъ исключительныхъ политическихъ притязаній знатныхъ московскихъ бояръ. Вмѣстѣ съ нимъ, но оспаривая первенство въ думѣ, отстаивалъ права Сигизмунда и думный дворянинъ, Ѳеодоръ Андроновъ. Между Салтыковымъ и Андроновымъ шла безпрерывная борьба изъ за власти. Андроновъ, поощряемый Гонсѣвскимъ, который управлялъ фактически всѣмъ государствомъ, „не разсудя московскаго обычая“, служилъ интересамъ только одного Сигизмунда и совѣтовалъ для обезпеченія власти поляковъ въ Москвѣ „посажать въ приказы людей, кои бы его королевскому величеству прямили“, а не оставлять въ нихъ „Шуйскаго похлебцовъ“ [5]). Андроновъ представилъ Сигизмунду списокъ такихъ „похлебцовъ“, которымъ дьячество дано „за шептанье“ [6]). Вмѣсто нихъ были посажены по приказамъ товарищи Андронова, „которые, по его словамъ, вѣр-

---

этой грамотѣ Сигизмундъ обѣщаетъ отъ имени сына пожаловать князю Мстиславскому многіе города и вотчины „свыше всѣхъ братьи своей бояръ“. (Акты Историческіе, II, № 288). 1) Акты Зап. Россіи, IV, № 182, Никонова л., VIII, 143 с., П. С. Р. Л., V, 60 с. 2—3) Соловьевъ, ibidem, 361 и 364 с. 4) Соловьевъ, 385 с. 5—6) Акты Историческіе, II, №№ 299, 310.

нѣ служили и нынѣ (сент. 1870 г.) служатъ Сигизмунду" [1]) Въ свою очередь, князь Салтыковъ не оставался въ долгу у своего противника. Въ письмахъ къ Сапѣгѣ (въ окт. и ноябрѣ 1610 г.) онъ возставалъ противъ тиранніи и личнаго произвола въ управленіи: „всѣ государи христіанскіе, латинскіе и бусурманскіе, разсуждаетъ Салтыковъ, людей къ себѣ приводили милосердымъ жалованьемъ и ласкою и постоятельствомъ, а не гоненьми и крови и премѣнными дѣлами". Въ Москвѣ, жалуется онъ, „все стало пременно, а непостоятельно и многіе люди различными тѣсноты и разореніемъ оскорблены по приговору торговаго человѣка, Ѳеодора Андронова; а со Мстиславскаго съ товарищи и съ насъ дѣла посняты и на такомъ правительство и вѣра положены. У многихъ людей не по винѣ дворы и помѣстья и вотчины отняты..... и за приставы многіе розданы безъ гетманскаго вѣдома" [2]). Салтыкову „московскіе обычаи старовѣдомы" и онъ увѣренъ, что „нынѣ по такимъ думцамъ и правителямъ, какъ торговый мужикъ Андроновъ, не быти къ Москвѣ ни одному городу". Салтыковъ обвиняетъ Андронова въ томъ, что онъ „вступается за многихъ и спущаетъ для посуловъ съ правежу, а иныхъ не своего приказу насильствомъ подъ судъ къ себѣ емлетъ и самъ государевыхъ денегъ въ казну не платитъ" [3]) Салтыковъ, слѣдовательно, хотя и не желалъ исключительнаго преобладанія знатныхъ бояръ въ государствѣ, но въ тоже время былъ противъ допущенія къ управленію государствомъ лицъ незнатнаго происхожденія, отстаивалъ на этотъ разъ „старовѣдомый обычай" управленія государственными дѣлами только одними боярами. Съ цѣлью привлеченія на свою сторону московскихъ сановниковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ Сигизмундъ

---

1) Акты Историческіе, II, № 314. 2) Рѣчь идетъ о Гонсѣвскомъ, оставшемся въ Москвѣ съ поляками послѣ отъѣзда Жолкевскаго въ Польшу. 3) Акты Историческіе, II, № 306.

роздалъ имъ множество вотчинъ и помѣстій и пожаловалъ разнаго рода хлѣбные оклады, дворы и другія награды [1]). Салтыковъ также былъ щедро вознагражденъ за свою приверженность къ Сигизмунду [2]). Въ Москвѣ знали о проискахъ короля и его клевретовъ, какъ извѣстно было и о нежеланіи Сигизмунда позволить своему сыну принять греческую, православную вѣру. Но бояре—правители не могли скоро отдѣлаться ни отъ поляковъ, ни отъ внутреннихъ враговъ. Въ то время, какъ бояре проводили время въ взаимныхъ счетахъ, и бездѣйствіи [3]), стало собираться народное ополченіе изо всѣхъ русскихъ городовъ. При этомъ духовенство заявило рѣшительно, что русскій царь будетъ избранъ изъ прирожденныхъ русскихъ бояръ. Но первое ополченіе не могло очистить Москву отъ поляковъ, такъ какъ во главѣ его стоялъ блестящій представитель средняго дворянства, Прокофій Ляпуновъ, заклятой врагъ родовитыхъ, знатныхъ московскихъ бояръ, которыхъ онъ стремился унизить всѣми мѣрами. Ляпуновъ обходился также высокомѣрно и съ казаками, которыхъ онъ пригласилъ для освобожденія Москвы, обѣщая имъ отъ имени бояръ и воеводъ разнаго рода льготы [4]). Первенство въ ополченіи оспаривалось у Ляпунова двумя остальными его начальниками княземъ Димитріемъ Трубецкимъ и казацкимъ старшиной Иваномъ Заруцкимъ, особенно послѣднимъ, питавшимъ къ Ляпунову непримиримую вражду.— „Въ тѣхъ же начальникѣхъ жъ, говоритъ лѣтописецъ, бысть великая ненависть и гордость другъ предъ другомъ, чести и

---

1) Акты Западной Россіи, IV, № 183. 2—3) Соловьевъ, 384 и 424—425 с. 4) Никонова лѣт., VIII, 165 с. „Сей же Прокофій Ляпуновъ, говорится здѣсь, не по своей мѣрѣ вознесеся и гордость взя, много убо позору и безчестья дѣлаше не токмо боярскимъ дѣтемъ, но и самимъ бояромъ; приходяху убо къ нему на поклоненіе и стояху у него у избы многое время, никакого человѣка къ себѣ не пущаше и многокоризненными словесами многихъ поношаше, къ казакамъ жесточь имѣяше; за тоже на него бысть ненависть великая“ (165—166 стр.).

начальства получить желаста, ни единъ единаго меньше быти не хотяще, всякому хотящеся самому владѣти"[1]).

При собраніи перваго народнаго ополченія противъ поляковъ вліяніе Сигизмунда еще было сильно въ Москвѣ, гдѣ Салтыковъ съ своими сторонниками заставилъ Мстиславскаго съ товарищами написать грамоту русскимъ посламъ подъ Смоленскомъ, въ которой заключалось приказаніе поступать во всемъ согласно желаніямъ и волѣ короля. Грамота не была подписана, не смотря на угрозы Салтыкова, только однимъ патріархомъ Гермогеномъ, который говорилъ: „положиться на королевскую волю, то это вѣдомое дѣло, что намъ цѣловать крестъ самому королю, а не королевичу". Патріархъ объявилъ рѣшительно, что онъ благословляетъ всякаго идти подъ Москву и умереть за православную вѣру. Когда боярская грамота была предъявлена посламъ панами, которые потребовали отъ нихъ повиновенія приказаніямъ короля и сдачи ему Смоленска, митрополитъ Филаретъ и князь В. В. Голицынъ отказались повиноваться незаконной грамотѣ, отправленной безъ согласія патріарха и подписанной одними боярами. Князь Голицынъ отвѣчалъ съ достоинствомъ на настойчивыя требованія пановъ подчиниться боярскому рѣшенію: „отпускали насъ великимъ государямъ бити челомъ патріархъ, бояре и всѣ люди московскаго государства, а не одни бояре: отъ одныхъ бояръ я и не поѣхалъ бы". Указавши затѣмъ на противорѣчіе наказа посламъ требованіямъ боярской грамоты, Голицынъ продолжалъ: „сами они (бояре) знаютъ, что *отца моего и дѣда изъ думы не высылывали и думу они всякую вѣдали, не купленное у нихъ было боярство*, не за Москвой рѣкой въ бояре ставлены[2]). Послы ссылались также на то, что въ настоящее, смутное время „надобно дѣлать по общему совѣту всѣхъ людей: не однимъ боярамъ, всѣмъ государь надобенъ"[3]). Не слушали

1) Никонова лѣт., VIII, 165 с. 2—3) Соловьевъ, VIII, 407—409, 410.

боярской грамоты изъ Москвы и жители Смоленска, къ которымъ пріѣхалъ съ ней (въ началѣ января 1611 г.) князь Иванъ Салтыковъ, убѣждавшій, въ свою очередь, вмѣстѣ съ панами русскихъ пословъ исполнить волю короля и не обращать вниманія на патріарха: „онъ вѣдаетъ, говорилъ Салтыковъ, не государственныя, а свои поповскія дѣла" [1]). Послы продолжали упорно стоять на своемъ, хотя изъ Москвы пришла вѣсть о разореніи ея поляками. Ожесточенные неподатливостью пословъ, паны отправили ихъ (въ апр. 1611 г.) въ Польшу. Вскорѣ Смоленскъ былъ взятъ поляками (въ іюнѣ 1611 г.) [2]). Между тѣмъ, начальники ополченія, видя неуспѣхи переговоровъ съ Сигизмундомъ, задумали пригласить на московскій престолъ шведскаго королевича, Филиппа [3]). Въ тоже время всѣми боярами, окольничими и всѣми служилыми людьми, бывшими подъ Москвою, было рѣшено образовать временное правительство, въ которое вошли начальники ополченія во главѣ съ княземъ Трубецкимъ [4]). Всѣ они должны были „земскимъ и всякимъ ратнымъ дѣломъ промышлять, расправу всякую между всякими людьми чинить въ правду, а ратнымъ и всякимъ земскимъ людямъ ихъ бояръ во всемъ слушать" [5]). Приговоръ возстанавливаетъ старый порядокъ владѣнія вотчинами и помѣстьями, которыя должны были быть отняты у захватившихъ ихъ самовольно бояръ и розданы безпомѣстнымъ и разореннымъ дѣтямъ боярскимъ. Раздавать вотчины могли только бояре—правители съ согласія всей земли. Бояре же вѣдаютъ устроеніе земли, большія земскія и всякія ратныя и судныя дѣла, но бояре не могли безъ приговору всей земли ни казнить кого-либо смертною казнью, ни ссылать въ города. „Если же бояре, избранные землею, о земскихъ и ратныхъ

1—2) Соловьевъ, VIII, 412—413 и 424—425 с. 3) П. С. Р. Л, V, 62 стр, Никонова лѣт., 165 с. 4) „Совѣтовавъ дворяне и всякіе служивые люди съ казаками и паписаша челобитную къ боярамъ, чтобы они пожаловали быть подъ Москвой и были бы *въ совѣтѣ*" (Никон. л., 166 с.). 5) Соловьевъ, 432—434 с.

дѣлахъ радѣть и расправы чинить не станутъ во всемъ въ правду", они будутъ лишены своихъ полномочій, и на ихъ мѣсто—избраны другіе [1]). Съ порученіемъ государственныхъ дѣлъ начальникамъ ополченья въ московскомъ государствѣ оказалось два боярскихъ правительства: одно пребывало въ Москвѣ и состояло изъ знатныхъ бояръ (Мстиславскаго съ товарищами), другое находилось подъ стѣнами столицы и представляло собою второстепенное, служилое боярство, интересы котораго отстаивались приговоромъ объ учрежденіи временнаго управленія изъ князя Трубецкого, Ляпунова и Заруцкаго. Власть московскихъ бояръ—правителей не простиралась на предводителей ополченія; Мстиславскій съ товарищами ограничился однимъ протестомъ противъ неистовствъ казаковъ Заруцкаго, выраженнымъ въ грамотахъ въ Кострому и Ярославль (въ январѣ 1612 г.). „Они (Трубецкой и Заруцкій) такимъ великимъ и преславнымъ государствомъ и вами всѣми владѣютъ, писалъ Мстиславскій съ товарищами, не для чего другаго, какъ только для своихъ корыстей и воровства, а московскому государству на конечное разоренье" [2]). Дѣйствительно смуты, наставшія въ лагерѣ ополченцевъ послѣ того, какъ Ляпуновъ былъ убитъ казаками, не предвѣщали ничего добраго. Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій Новгородъ былъ вѣроломно захваченъ шведами, а затѣмъ самъ отдѣлился отъ московскаго государства [3]). Всей странѣ грозила погибель, если бы за дѣло освобожденія Россіи отъ поляковъ не взялись келарь Троицко-Сергіева монастыря, Авраамій Палицынъ и его архимандритъ Діонисій. Оба они долго и неутомимо призывали всѣхъ русскихъ „стать сообща противъ предателей христіанскихъ, Михаила Салтыкова и Ѳедьки Андронова и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства,

---

1) Никон. лѣт., ibidem, Соловьевъ, ibidem. 2—3) Никон. лѣт., VШ, 156—200 с., Соловьевъ, VШ, 462—463 и 443 с.

польскихъ и литовскихъ князей“ [1]). Одна изъ такихъ троицкихъ грамотъ была получепа въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ по призыву Козьмы Минина собралось второе пародное ополченіе подъ предводительствомъ князя Пожарскаго, который съ помощью Заруцкаго и освободилъ Москву отъ поляковъ. Бояре: Мстиславскій, Воротынскій и Романовы были выпущены изъ города и едва не погибли отъ руки казаковъ [2]). Теперь бояре убѣдились въ своемъ безсиліи править государствомъ, увидали всю опасность для себя продолженія смуты [3]) и рѣшились, хотя и послѣ многихъ споровъ и волненій [4]), избрать царя.

При выборѣ государя изъ числа многихъ претендентовъ на русскій престолъ (князя В. В. Голицына, Трубецкого, Воротынскаго, М. Ѳ. Романова и др) [5]) старѣйшіе и знатнѣйшіе бояре не замедлили попытаться ограничить въ свою пользу власть новаго царя. Въ этомъ намѣреніи ихъ поддерживалъ, между прочимъ, по свидѣтельству Фокерода [6]), митрополитъ Филаретъ, неподозрѣвавшій, что выборъ падетъ на его сына. Чтобы новый царь не нарушилъ предписанныхъ ему условій и не имѣлъ самодержавной власти, было рѣшено, что онъ не долженъ имѣть богатаго и сильнаго родства, которое могло бы повліять на него. Подъ это условіе болѣе всѣхъ престендентовъ подошелъ юный Михаилъ Ѳедоровичъ

1—2) Соловьевъ, VIII, 453, 456—461 и 464—494 с. 3) Бѣловъ, 57 с. 4—5) Лѣтописецъ замѣчаетъ, что и послѣ освобожденія Москвы княземъ Пожарскимъ „начальницы восхотѣша паки себѣ царя изъ иновѣрныхъ, народи же и ратніи не восхотѣша сему быти“ (П. С. Р. Л., V, 63 с.). „Многое было волненіе, говорится въ Никоновой лѣтописи, кійждо хотяще по своей мысли дѣяти, кійждо про коего говоряще... иные убо подкупаху и засылаху хотяще не въ свою степень“ (201—202 с.). „Много избирающи искаху, говорится въ Новомъ лѣтописцѣ, не возмогоша вси на единаго согласитися. Мнозіи же отъ вельможъ, желающи царемъ быти, подкупахуся, многимъ дающи и обѣщающи многіе дары“ (160 стр.). 6) Свѣдѣнія объ этомъ Фокерода подтверждаются и Штраленбергомъ, который сообщаетъ о письмѣ изъ Польши Филарета къ своему родственнику, Шереметеву, гдѣ онъ требовалъ ограниченія власти царя (Strahlenberg, н. с., 204 с.).

Романовъ, происходившій изъ незнатнаго боярскаго рода, сынъ митрополита Филарета, такъ энергично защищавшаго интересы русской земли противъ поляковъ [1]). На сторонѣ Романова былъ весь русскій народъ, въ которомъ были еще живы преданія о царицѣ Анастасіи изъ того же боярскаго рода Романовыхъ, о счастливомъ для всѣхъ времени ея жизни [2]). Но что въ выборѣ Михаила Θеодоровича на царство участвовала не одна воля народа, но и знатные русскіе бояре, преслѣдовавшіе свои собственныя цѣли, это доказывается „записью“, которую далъ Михаилъ Θеодоровичъ боярамъ при своемъ возшествіи на престолъ. Свѣдѣнія объ этой записи находятся во многихъ источникахъ XVII ст., русскихъ и иностранныхъ. Такъ въ прибавленіи къ псковской лѣтописи говорится, что Михаилъ Θеодоровичъ воцарился „не безъ мятежа“ и „мздоиманій“ и насилій бояръ; „владущіе (бояре) царя ни во что же вмѣниша и небоящеся его, понеже дѣтескъ сый. Еще же и лестью уловивше: первіе, егда его на царство посадиша и къ ротѣ приведоша, еже отъ ихъ вельможска роду и болярска, аще и вина будетъ преступленію ихъ, не казнити ихъ, но разсылати въ затоки; а въ затокѣ коему случиться быти и они другъ о другѣ ходатайствуютъ ко царю и увѣщаютъ и на милость паки обратитися“ [3]). Котошихинъ говоритъ: „какъ прежніе цари, послѣ царя Ивана Васильевича обираны на царство: и на нихъ были иманы письма, чтобы имъ быть не жестокимъ и неопальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что, *и мыслить о всякихъ дѣлахъ и съ думными людьми сообща, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати*. А нынѣшняго царя (Алексѣя Михайловича) обрали на царстви, а письма на себя онъ не далъ никакого, что прежніе

---

1) Фокеродъ: „Россія при Петрѣ Великомъ“, Русскій Архивъ, 1873 г., II, 1386—1387 с. 2) Соловьевъ: VIII, 499 с., Костомаровъ, I, 724 с. 3) П. С. Р. Л., V, 64 с.

цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ. А отецъ его царь Михайло Ѳеодоровичъ, хотя самодержцемъ писался, однако, безъ боярскаго совѣта не могъ дѣлать ничего"[1]). Татищевъ замѣчаетъ, что „царя Михаила Ѳеодоровича, хотя избраніе было порядочно всенародное, да съ такою же записью (какъ и запись Шуйскаго), чрезъ что онъ не могъ ничего учинить, но радъ былъ покою"[2]). Фокеродъ говоритъ, что „по прекращеніи смутъ многимъ изъ старѣйшихъ бояръ пришла мысль ограничить власть, даруемую ими царю, такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ природныхъ правъ на престолъ, и предписать ему законы, которыми онъ долженъ былъ руководиться". Съ этою цѣлью они единодушно постановили въ сенатѣ (соборѣ): избрать въ цари только того, кто клятвенно обязуется свято соблюдать всѣ древніе законы русскіе, не только никого не казнить, но даже не произносить суда по собственному произволу; безъ согласія собора не вводить никакихъ новыхъ узаконеній, въ особенности же не обременять своихъ подданныхъ новыми налогами и въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ не принимать никакихъ личныхъ рѣшеній[3]). Это извѣстіе Фокерода подтверждается и Штраленбергомъ, по словамъ котораго царь, между прочимъ, обѣщался самовольно не измѣнять старыхъ законовъ и не издавать новыхъ, не объявлять войны и не заключать мира и пр.[4]). Въ виду всѣхъ этихъ многочисленныхъ свѣдѣній едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что „запись" дѣйствительно была взята боярами съ Михаила Ѳеодоровича[5]). Смутное время было очень не далеко отъ царствованія Василія Ивановича Шуйскаго, когда была взята съ него впервые боярами подобная „запись".

---

1) Котошихинъ, 100 с. 2) Татищевъ, „Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ" („Утро", сборникъ Погодина на 1859 г.). 3) Фокеродъ, ibidem. 4) Strahlenberg, ibidem, 209 s. 5) Бѣловъ, 60 с.

Съ другой стороны, боярство чувствовало свою силу въ эпоху междуцарствія, когда оно играло первую роль, и понятно не желало лишаться своего привиллегированнаго положенія въ государствѣ и впредь при „тихомъ, смирномъ и кроткомъ“ царѣ Михаилѣ [1]) (1613—1645). И дѣйствительно въ первые годы его царствованія все управленіе государствомъ зависѣло отъ бояръ [2]). Неопытный въ рѣшеніи всякаго родадѣлъ въ государствѣ, разстроенномъ долгою смутою, юный царь нуждался постоянно въ совѣтникахъ, пріобрѣтшихъ навыкъ въ государственномъ управленіи. Первое мѣсто среди этихъ совѣтниковъ занимали вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ члены государевой думы—бояре [3]), которые входили въ составъ земскаго собора, избравшаго Михаила Θеодоровича на царство. Соборъ не распускался царемъ цѣлыхъ три года, такъ что это нераспущеніе можно разсматривать также, какъ одинъ изъ результатовъ „записи“ [4]). О власти бояръ въ первые годы царствованія Михаила Θеодоровича свидѣтельствуетъ лѣтопись, которая обвиняетъ бояръ въ томъ, что они „всю землю русскую раздѣливше по своей волѣ, яко и его царская села себѣ поимаша, иже бѣ преже у царей, понеже невѣдомо бо царю, яко земскія книги преписанія въ разореніе погибоша“. Лѣтописецъ недоволенъ боярами еще за то, что они самовольно перемѣнили посланныхъ подъ Смоленскъ царемъ князя Димитрія Мастрюкова и князя Ивана Троекурова на другихъ воеводъ и скрыли отъ государя бѣдственное положеніе войска въ осадѣ съ неопытнымъ воеводой. Бояре утаили отъ царя (1619 г.) о „людскихъ печалѣхъ и гладѣ“ жителей Пскова при осадѣ его шведами. Когда же поморяне заявили было желаніе помочь Пскову, „слышавъ бояре, начаша совѣтовати себѣ, како сія

1) П. С. Р. Л., V, 64 с. 2) Соловьевъ, IX, 353—354 с. 3) Сергѣевичъ: „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“, 712—713 с. 4) Латкинъ, 145 с.

вольная люди себѣ поработити, понеже наши рабы преже быша, а нынѣ намъ сильны быша и не покаряхуся.... и переимаша и перевязаша ихъ начальницы", а остальныхъ поморянъ разогнали [1]). Въ 1619 г. возвратился изъ польскаго плѣна митрополитъ Филаретъ. Сдѣлавшись патріархомъ, Филаретъ, обладавшій твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ, взялъ въ свои руки дѣло управленія государствомъ, заставилъ подчиниться своей волѣ самого царя и бояръ и принудилъ ихъ отказаться отъ своей узко-сословной политики въ виду общаго интереса: при Михаилѣ Θеодоровичѣ „вновь царство строитися начатъ" [2]). Нѣкоторыя условія „записи", однако соблюдались и Филаретомъ. „Сей убо Филаретъ, патріархъ московскій, говорится о немъ въ одномъ изъ хронографовъ, нравомъ опальчивъ и мнителенъ, а владѣтеленъ таковъ былъ, яко и самому царю боятися его; боляръ и всякаго чина царскаго синклита зѣло томляше заточенми необратными и инѣми наказанми" [3]). Слѣдовательно, Филаретъ при всей строгости къ боярамъ свято соблюдалъ то условіе записи, по которому царь обязался не казнить бояръ смертью, а посылать ихъ въ заточеніе [4]). Для того, чтобы дер-

---

1—2) П. С. Р. Л., V, 64—65 с. Изъ бояръ, игравшихъ первую роль при Михаилѣ Θеодоровичѣ до 1619 г., выдавались родственники его матери, Салтыковы, сдѣлавшіеся первыми совѣтниками царя (Костомаровъ, II, 4 в., 2 стр.). 3) Бѣловъ, 61 с. Проф. Engelmann, не сомнѣваясь въ томъ, что такого рода „запись" существовала при Михаилѣ Θеодоровичѣ, полагаетъ, что въ ней не заключалось собственно ограниченія царской его власти, а только обѣщаніе вести управленіе не по своему произволу, а по законамъ страны („Staatsrecht d. Kaiserthums Russlands" in Marquardsen: „Handbuch d. öffent. Rechts", 4 B., II Abth, 9 s.). Не отвергая такого толкованія записи, мы должны замѣтить, что въ ней же содержалось и обязательство для царя *управлять вмѣстѣ съ боярами*, не подвергая ихъ смертной казни. Такъ и было на самомъ дѣлѣ во все царствованіе Михаила Θеодоровича, а особенно въ первые его годы (Костомаровъ, ibidem, 3—4 с.). 4) Что бояре имѣли большую силу во все царствованіе Михаила Θеодоровича, это видно изъ замѣчанія Олеарія, что богатыхъ князей и вельможъ „заставляли при Михаилѣ Θеодоровичѣ жить въ Москвѣ для того, чтобы находясь въ своихъ помѣстьяхъ съ своими подданными, они не вздумали какой-либо заговоръ противъ Его Царскаго Величества" (286 с.).

жать въ своихъ рукахъ бояръ, Филаретъ пользовался нравственнымъ авторитетомъ въ русской землѣ земскихъ соборовъ, которые продолжали созываться часто при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Сами соборы признаютъ важное правительственное значеніе бояръ, которымъ депутаты вручаютъ вмѣстѣ съ государемъ рѣшеніе различныхъ государственныхъ вопросовъ [1]). Такъ на соборѣ 1642 года, разсуждавшемъ о взятіи Азова, нижегородскіе и другіе депутаты полагаются на волю государя и бояръ, которыхъ они называютъ „вѣчными своими промышленниками" [2]). Не смотря на признаніе соборами такого политическаго авторитета за боярами, дѣятельность выборныхъ на нихъ не могла нравиться боярамъ. На соборахъ 1619 и 1640 гг. раздались отъ лица всей русской земли обвиненія бояръ въ злоупотребленіяхъ властью. Соборъ 1619 г. былъ созванъ, между прочимъ, потому, что многія лица „били челомъ государю на бояръ и на всякихъ чиновъ людей въ насильствахъ и обидахъ" и просили „велѣть отъ сильныхъ людей боронить". Поэтому на соборѣ было постановлено: „про сильныхъ людей во всякихъ обидахъ сыскивать боярамъ—князю Черкасскому и князю Мазецкому". Еще рѣзче и опредѣленнѣе высказался противъ бояръ соборъ 1642 г. Здѣсь представители многихъ городовъ (Костромы, Смоленска и др.) заявили государю: „нынѣ бояре пожалованы, государь, тобою помѣстьями и вотчинами... противъ ихъ чести, придворные чины, будучи въ приказахъ и управляя дворцовыми селами, наживаютъ великіе пожитки" [3]).

При *Алексѣѣ Михайловичѣ* (1645—1676) мы не встрѣчаемъ такого большаго числа земскихъ соборовъ, какое было

1) Члены боярской думы являлись на земскихъ соборахъ преимущественно составною частью правительства, созывавшаго соборы (Ключевскій, 492 с.). 2) Латкинъ, 190 с., Ключевскій, ibidem. 3) Латкинъ, 165—166 и 191 с., Загоскинъ: „Исторія права московскаго государства", I, 255 и 271 с.

при его отцѣ: соборы созывались только въ теченіе первыхъ осьми лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича, но ихъ не было уже въ остальные 23 года его правленія. Важнѣйшимъ изъ земскихъ соборовъ при Алексѣѣ Михайловичѣ былъ соборъ 1648—1649 г., на которомъ было составлено его „Уложеніе“. Соборъ, созванный по совѣту „освященнаго собора, бояръ и думныхъ людей“ [1]), утвердилъ „Уложеніе“, которое было составлено боярами (княземъ Одоевскимъ, княземъ Прозоровскимъ и др.), и санкціонировалъ статьи, вошедшія въ „Уложеніе“ изъ челобитныхъ, которыя были поданы на соборѣ [2]). Въ нихъ выборные отъ лица всей земли просили государя отобрать у властей и духовенства всѣ вотчины, пріобрѣтенныя ими вопреки указу Грознаго (1557—1581 г.) о запрещеніи духовенству и монастырямъ пріобрѣтать отъ бояръ вотчины. Тяглые люди жаловались также на неурядицы въ городской жизни, возникшія вслѣдствіе того, что „по городамъ заведены слободы патріаршьи... боярскія, княженецкія и стольниковъ, и думныхъ и ближнихъ людей“, и что живущіе въ этихъ слободахъ ихъ „заступные“—торговые и промышленные люди „во всякихъ промыслѣхъ затѣснили и изобидѣли многими обидами“ жителей [3]). Жалобы депутатовъ, затрогивавшія интересы бояръ, не могли имъ, конечно, нравиться. Поэтому они рѣшились принять свои мѣры къ тому, чтобы на будущій разъ обходиться въ управленіи государствомъ безъ „согласія всей земли“. Послѣ собора 1649 г. было только два дѣйствительныхъ (полныхъ) земскихъ собора: въ 1650 г. по поводу мятежа во Псковѣ, вспыхнувшемъ вслѣдствіе подозрѣнія псковитянъ, что бояре дружатъ нѣмцамъ во вредъ русскимъ и въ 1653 г. по поводу заявленія Богдана Хмельницкаго о желаніи казаковъ присоединиться къ московскому государству. Послѣдующіе, такъ называемые неполные земскіе со-

1) Соловьевъ, X, 159 с. 2) Загоскинъ, 76—81 с. 3) Латкинъ, 214, 216 и 221 с, Загоскинъ, 285—286 с.

боры были совѣщаніями царя съ отдѣльными сословіями (въ 1660, 1676, 1681—1682 и 1698 гг.), а не органами всей русской земли [1]). Причиною исчезновенія соборовъ при Алексѣѣ Михайловичѣ является, кромѣ прекращенія неурядицъ смутнаго времени и укрѣпленія неограниченной власти династіи Романовыхъ [2]), еще и вліяніе бояръ и духовенства, для которыхъ разныя ихъ обличенія выборными людьми на соборахъ въ злоупотребленіяхъ были непріятны и невыгодны [3]). Но и помимо того, бояре пользовались при Алексѣѣ Михайловичѣ значительнымъ вѣсомъ въ управленіи, какъ это доказывается тѣмъ, что важнѣйшія дѣла въ немъ рѣшались по совѣту царя съ боярами, которые считали, по преданію, только себя прирожденными царскими совѣтниками [4]). Когда псковичи просили Алексѣя Михайловича прислать „для сыску“ въ Псковъ боярина, Никиту Ивановича Романова, который „государю радѣетъ и о землѣ болитъ“, царь отвѣчалъ имъ: „намъ онъ, бояринъ, служитъ съ своею братью боярами вмѣстѣ, а недоброхота между боярами никакого нѣтъ. При предкахъ нашихъ никогда не бывало, чтобы мужики съ боярами, окольничими и воеводами у расправныхъ дѣлъ были и впередъ того не будетъ“ [5]). Приближенные къ царю бояре завѣдовали посольскими дѣлами [6]). Царь совѣщается съ боярами (въ 1653 г.) по поводу польской войны [7]). Бояре же участвовали въ разрѣшеніи вопроса о принятіи Богдана Хмельницкаго съ казаками въ русское подданство [8]) и затѣмъ въ разборѣ малороссійскихъ дѣлъ [9]). Приговоръ о преданіи смерти самозванца-царевича Симеона былъ составленъ царемъ вмѣстѣ съ боярами [10]). Опасаясь уменьшенія своего вліянія на управленіе при патріархѣ Никонѣ,

---

1) Латкинъ, 251 с., Загоскинъ, 296—308 с. 2—3) Загоскинъ, 343 с., Сергѣевичъ: „Лекціи и изслѣдованія“, 751—752 с., Латкинъ, 286—288 с., Бѣловъ, 67 с. 4) Бѣловъ, ibidem 5, 7 и 8) Соловьевъ, X, 194—195, 355 и 318 с. 6, 9 и 10) Соловьевъ, XII, 65—66, 116—118 и 133, 163 с.

бояре (князья Одоевскій, Трубецкой, бояринъ Стрѣшневъ и др.), питали къ послѣднему сильную вражду и по ихъ проискамъ Никонъ былъ удаленъ отъ двора и лишенъ патріаршества [1]). По словамъ Котошихина, Алексѣй Михайловичъ „совѣтовалъ съ патріархомъ, и со властьми и съ бояры и съ думными людьми говорилъ, чтобы ему сочетатися законнымъ бракомъ; и патріархъ и власти благословили... а бояре и думные люди приговорили“ [2]). Съ „князьями же и боярами и окольничими и думными людьми царь мыслилъ“ и о торжествѣ празднованія своего брака съ избранною имъ невѣстою (дочерью боярина Милославскаго) [3]). Англичанинъ Карлейль, бывшій въ Москвѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ, замѣчаетъ, что царь даетъ много власти своимъ чиновникамъ— высшему (служилому) сословію надъ народомъ, что способствуетъ укрѣпленію его безмѣрной самодержавной власти [4]). Эта власть, однако, много уменьшалась вліяніемъ на царя тѣхъ или другихъ его любимцевъ. Котошихинъ говоритъ, что Алексѣй Михайловичъ „правитъ своимъ государствомъ по своей волѣ“, и что онъ „въ великихъ и малыхъ дѣлахъ съ боярами и думными людьми спрашивается мало, въ его волѣ, что хочетъ, то учинити можетъ“. „Однако, прибавляетъ Котошихинъ, кого изъ бояръ и изъ думныхъ и изъ простыхъ людей любитъ и жалуетъ, спрашивается и совѣтуется съ ними о всякихъ дѣлахъ“ [5]). Такимъ близкимъ и всемогущимъ человѣкомъ при дворѣ „тишайшаго“ царя былъ одно время патріархъ Никонъ, безъ совѣта съ которымъ царь не предпринималъ ничего важнаго въ государствѣ. Поэтому Никонъ именовалъ себя въ грамотахъ „великимъ государемъ“ [6]). Но еще ранѣе Никона въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича онъ находился подъ вліяніемъ

---

1) Соловьевъ, XI, 293 294 с., Костомаровъ, II отд., IV в., 180, 196—198 с. 2, 3 и 5) Котошихинъ, I гл , 6—7 ст. и VIII гл., 4 ст. 4 и 6) Костомаровъ, ibidem, 102 и 172 с.

своего воспитателя, боярина Бориса Морозова, который управлялъ государствомъ совершенно безконтрольно. Морозовъ покровительствовалъ своимъ роднымъ по женѣ, сестрѣ царицы—раздавалъ имъ мѣста въ управленіи и допускалъ всякаго рода злоупотребленія и обогащеніе своихъ родственниковъ. Въ вспыхнувшемъ вслѣдствіе этого въ Москвѣ бунтѣ, Морозовъ едва не поплатился головою, если бы его не спасъ самъ царь [1]). Послѣ Морозова особымъ довѣріемъ и властью въ государствѣ пользовались бояринъ Матвѣевъ, на воспитанницѣ котораго Натальѣ Кириловнѣ женился послѣ смерти первой жены Алексѣй Михайловичъ, и бояринъ Ординъ-Нащокинъ, знаменитый русскій дипломатъ XVII столѣтія [2]).

Властолюбивыя притязанія бояръ не прекращаются при *Өеодорѣ Алексѣевичѣ* (1676—1682), правившемъ государствомъ съ помощью бояръ [3]). До совершеннолѣтія царя вся власть была въ рукахъ бояръ Милославскихъ; ихъ смѣнили два незнатныхъ любимца Өеодора: постельничій Лихачевъ и окольничій Языковъ, сдѣлавшійся потомъ бояриномъ. Сильное вліяніе на всѣ дѣла пріобрѣлъ потомъ при Өеодорѣ Алексѣевичѣ родовитый бояринъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, племянникъ князя В. В. Голицына,—энергичнаго защитника земли русской въ смутную эпоху ея исторіи. Такъ родовитые бояре боролись за первенство съ способными людьми простаго происхожденія [4]). Стремленія знатныхъ бояръ сказались ясно въ то время, когда царемъ былъ возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ мѣстничества и послѣднее было уничтожено (въ 1682 г.). Желая вознаградить тотъ ущербъ „отечеству", который былъ нанесенъ родовитымъ боярамъ запрещеніемъ считаться породой, „палатскіе бояре" предложили царю раздѣлить все государство на нѣсколько областей, во главѣ которыхъ должны были стоять въ качествѣ постоян-

---

1) Костомаровъ, 104—111 с., Латкинъ, 210, Олеарій, 266 с. и сл 2) Яблочковъ, 284—286 с. 3) Бѣляевъ, 575 с 4) Яблочковъ, 304—305 с.

ныхъ царскихъ намѣстниковъ „великородные бояре". Каждый изъ намѣстниковъ назывался „титломъ тѣхъ царствъ, гдѣ кто будетъ" (царства казанскаго, астраханскаго и др.). Такимъ образомъ, съ осуществленіемъ этого проэкта все московское государство распалось бы на нѣсколько отдѣльныхъ и независимыхъ другъ отъ друга областей, которыя ранѣе были самостоятельными государствами. Ничего неподозрѣвавшій, царь далъ было свое согласіе на предложеніе бояръ и только, благодаря энергичному протесту патріарха Іоакима, указавшаго на опасность аристократическаго проэкта политической децентрализаціи для монархической власти, удалось во время остановить эту олигархическую попытку бояръ возстановить на Руси удѣльно-вѣчевой порядокъ. Если уничтоженіе мѣстничества, родовыхъ счетовъ между боярами въ службѣ государству доказываетъ, съ одной стороны, всю силу московскихъ государей XVII ст., то, съ другой, проэктъ „палатскихъ бояръ" о раздѣленіи всего государства на намѣстничества даетъ возможность убѣдиться въ томъ, что сословно-политическія стремленія продолжаютъ жить въ средѣ московскаго боярства до конца XVII вѣка. Теперь, однако, для него оставалось мало шансовъ на то, чтобы вернуть себѣ когда-то принадлежащее боярамъ преобладаніе въ управленіи. Эта завѣтная и старинная цѣль многовѣковой политической дѣятельности московскаго боярства не могла уже быть осуществлена по окончаніи смутнаго времени и воцареніи на царскомъ престолѣ династіи Романовыхъ. Самостоятельная политическая роль древняго московскаго боярства стала клониться къ упадку въ началѣ XVII в., когда исчезли однѣ знатныя фамиліи бояръ, предки которыхъ были владѣтельными князьями (Шуйскіе, Мстиславскіе, Воротынскіе и др.) и ослабли на нѣкоторое время другія[1]). Къ числу послѣд-

1) Соловьевъ, IX, 359 с. „Прежніе большіе роды, князей и бояръ, многіе, говоритъ Котошихинъ, безъ остатку миновалися" (II гл.; 1 стр.).

нихъ принадлежала, напр., фамилія князей Голицыныхъ. Глава этой фамиліи, выдвинувшейся въ смутное время, князь Василій Васильевичъ Голицынъ энергично, какъ мы видѣли, отстаивалъ предъ поляками интересы своего отечества, не забывая заявить и о политической роли своего рода въ московскомъ государствѣ. Но этому „столпу и держателю земли русской“, по выраженію князя Пожарскаго [1]), не пришлось увидѣть своей родины: онъ умеръ въ Литвѣ [2]). Фамилія Голицыныхъ продолжала стоять близко ко двору въ теченіе всего XVII ст. и пріобрѣла значительное вліяніе въ управленіи. Такъ упомянутый нами, племянникъ въ пятомъ колѣнѣ Василія Васильевича Голицына [3]), также В. В. Голицынъ былъ предсѣдателемъ собора (неполнаго) 1681—1682 г., разсматривавшаго ратный уставъ и вопросъ объ уничтоженіи мѣстничества. Князь Голицынъ прочелъ на соборѣ отъ имени всего служилаго сословія челобитную царю объ отмѣнѣ мѣстничества [4]), хотя въ искренности согласія бояръ на эту мѣру и позволительно сомнѣваться въ виду извѣстнаго намъ проэкта о намѣстничествахъ. Не смотря на оффиціальное уничтоженіе мѣстничества, оно продолжало еще долго существовать среди московскихъ бояръ [5]), которые не были довольны составленною особой коммиссіей росписью бояръ, извѣстною подъ именемъ „Бархатной книги“. Предсѣдателемъ этой коммиссіи былъ князь Владиміръ Димитріевичъ Долгорукой изъ фамиліи князей Долгорукихъ, ознаменовавшихъ себя патріотическою дѣятельностью въ смутное время. Князья Долгорукіе вступаютъ въ родство съ новой династіей Романовыхъ и князьями Голицыными и пріобрѣтаютъ большое вліяніе при Алексѣѣ Михайловичѣ и его сынѣ [6]). Съ выдающимся политическимъ значеніемъ родовитыя фамиліи кня-

---

1) Соловьевъ, VIII, 474- 475 с. 2) Никон. л., VIII, 213 с. 3 и 6) Корсаковъ: „Воцареніе императрицы Анны Ивановны“, Казань, 1880, 20—24 стр. 4) Латкинъ, 246—248 с. 5) Яблочковъ, 314 с.

зей Долгорукихъ и Голицыныхъ переходятъ и въ XVIII ст., когда представителями обоихъ княжескихъ родовъ вмѣстѣ съ другими знатными людьми была сдѣлана послѣдняя запоздалая и потому совершенно безплодная попытка поднять политическое значеніе русской аристократіи.

Не смотря на упадокъ политическаго значенія боярства въ XVII вѣкѣ, связанный неразрывно съ сильнымъ развитіемъ въ это время монархической власти въ московскомъ государствѣ, бояре являются еще большой силой въ управленіи, гдѣ они продолжаютъ играть главную роль. Бояре попрежнему постоянно окружаютъ царя, занимаютъ первыя мѣста въ думѣ[1]) и высшія должности въ государствѣ, назначаются предводителями войскъ, завѣдуютъ центральными административными учрежденіями — приказами, управляютъ областями въ качествѣ намѣстниковъ и воеводъ, отправляютъ посольства въ иностранныя государства и сами принимаютъ пословъ отъ нихъ. Въ свое отсутствіе изъ столицы государь „приказываетъ“ Москву, поручаетъ все управленіе боярамъ же, безъ которыхъ не обходится ни одно событіе жизни московскихъ царей XVII вѣка какъ семейной, такъ и общественной[2]). Вліяніе на управленіе бояръ въ это время поддерживалось мягкимъ, кроткимъ характеромъ Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, охотно допускавшихъ особенно любимыхъ бояръ, ко всѣмъ дѣламъ, и слабостью и болѣзненностью Ѳеодора Алексѣевича, предоставлявшаго все управленіе боярамъ Милославскимъ и др.[3]). Но бояре не съумѣли воспользоваться и въ это время, какъ и ранѣе, своимъ выдающимся положеніемъ въ государствѣ для того, чтобы закрѣпить его за собою: среди нихъ господствуютъ въ XVII ст., какъ и прежде, мѣстническіе, родовые счеты, всегда дѣлавшіе невозможнымъ полное образованіе изъ московскихъ

1) Котошихинъ, II гл., 18 с. 2) Сергѣевичъ: „Юридическія древности“ 377—379 с. 3) Соловьевъ, XIII, 230 с. и сл.

бояръ одного крѣпкаго сословія съ общими интересами. Бояре, какъ мы видѣли, были даже не прочь возобновить старый, удѣльный порядокъ на Руси, для объединенія которой они когда-то сами такъ много сдѣлали. Боярству вредилъ также разладъ въ собственной его средѣ, обнаружившійся такъ ярко въ эпоху междуцарствія: среднее дворянство относилось въ это время враждебно къ богатымъ и знатнымъ вельможамъ и протестовало, какъ и тяглые люди на соборахъ, противъ произвольныхъ захватовъ боярами помѣстій и вотчинъ [1]). Эти самовольные захваты не могли, однако, при новой династіи обогатить бояръ на столько, чтобы они стали самостоятельными и могущественными землевладѣльцами. Княжескіе и боярскіе роды не имѣли въ XVI—XVII ст. много земли, между тѣмъ какъ царь обладалъ огромнымъ ея количествомъ и заставлялъ бояръ признать свою отъ него зависимость тѣмъ, что щедро надѣлялъ весь служилый классъ помѣстьями и вотчинами съ обязательствомъ нести военную службу въ пользу государства [2]). Царь жаловалъ помѣстьями представителей новыхъ боярскихъ родовъ, возникавшихъ по милости царя (Милославскихъ, Морозовыхъ, Матвѣевыхъ, Нарышкиныхъ и др.), неимѣвшихъ за собою вѣковыхъ, династическихъ и правительственныхъ, традицій и поэтому немогущихъ претендовать, подобно родовитымъ боярамъ, на право наслѣдственнаго совѣта и участія въ дѣлахъ управленія [3]). Царь Алексѣй Михайловичъ, возвышавшій постепенно своихъ незнатныхъ, но даровитыхъ любимцевъ до боярскаго сана, продолжалъ тѣмъ самымъ слѣдовать политикѣ Грознаго, который противопоставлялъ породѣ личную способность и заслуги въ службѣ государству [4]). Примѣръ отца нашелъ подражателя въ сынѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Такъ тихо и

1) См. выше приговоръ о порученіи управленія начальникамъ перваго ополченія и о раздачѣ вотчинъ—Соловьевъ, VIII, 432—434 с. 2) Соловьевъ, IX, 359—360 с., Котошихинъ, 115 с. 3) Бѣловъ, 68 с., прим. 4) Яблочковъ, 284 с.

незамѣтно былъ подготовленъ путь для рѣшительной борьбы съ знатью Петра Перваго [1]), на который онъ вступилъ посредствомъ цѣлаго ряда реформъ. Не мало ослабляла силу боярства въ управленіи ненависть къ нему за злоупотребленія властью со стороны простаго народа, проявившаяся при Алексѣѣ Михайловичѣ въ большомъ числѣ народныхъ возстаній (напр., бунтѣ Стеньки Разина въ 1667 г.). Поэтому-то сами бояре энергично старались объ усмиреніи народныхъ массъ. Результатомъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для развитія политическихъ правъ боярства, въ концѣ XVII столѣтія явилось полное паденіе политической силы бояръ, которыхъ Шакловитый называетъ теперь „отпадшимъ, зяблымъ деревомъ“ [2]).

Разсматривая соціально-политическое значеніе московскаго боярства и отношеніе его къ монархической власти въ собственно московскій періодъ, мы могли убѣдиться въ томъ, что это время (съ половины XV до конца XVII в.) было рѣшительной эпохой, въ которую опредѣлилось положеніе боярскаго сословія въ московскомъ государствѣ. Мы видѣли, сколько силъ и трудовъ было потрачено московскими боярами на то, чтобы удержать за собою свои исконныя политическія права (право совѣта и—необязательной службы). Бояре защищали ихъ и въ теоріи (перепискѣ Курбскаго съ Грознымъ), и на практикѣ. Историческія обстоятельства въ жизни русскаго общества конца XVI и начала XVII в. были благопріятны для развитія властолюбивыхъ притязаній московскихъ бояръ, которые въ это время предпринимали неоднократныя попытки ограничить путемъ формальнаго договора съ московскими государями ихъ власть въ свою пользу. Мы видѣли, однако, что ни настойчивое отстаиваніе боярами своихъ политическихъ правъ, ни стремленіе ихъ связать дого-

1) Яблочковъ, 284 с. 2) Соловьевъ, XIV, 119 с.

ворами волю царей [1]), ни, наконецъ, обладаніе всею властью въ государствѣ въ эпоху междуцарствія не доставили боярамъ окончательнаго перевѣса надъ монархической властью, которая стала въ XVI—XVII ст. еще болѣе могущественною и неограниченною въ московскомъ государствѣ [2]). Въ то время, когда эта власть выступаетъ съ такимъ своимъ характеромъ, бояре видятъ себя вынужденными преклониться предъ этой непобѣдимой силой. Такъ было, напр., при Василіи Ивановичѣ и особенно Іоаннѣ Грозномъ, когда онъ удалилъ отъ себя Сильвестра и Адашева; такъ произошло при Борисѣ Годуновѣ, который заставилъ бояръ признать его самостоятельную власть безъ всякихъ ограниченій [3]). Наконецъ, тоже преобладаніе власти московскихъ царей надъ боярствомъ мы видимъ почти во все царствованіе Михаила Ѳеодоровича, при Алексѣѣ Михайловичѣ, имѣвшемъ высокое понятіе о своей царственной власти и достоинствѣ [4]), и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, при которомъ бояре должны были отказаться отъ дорогого имъ права мѣстничества. Наоборотъ, до начала самостоятельнаго правленія Грознаго, при его сынѣ, во все время отъ Бориса Годунова до возшествія на московскій престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова и въ первые годы его царствованія боярамъ принадлежала высшая, руководящая роль въ общественной жизни и всѣ права верховной власти въ государствѣ. Бояре, важное политическое значеніе которыхъ признается Иваномъ Васильевичемъ III и его сыномъ [5]), послѣ смерти Василія Ивановича начинаютъ

---

1) Боярскія „записи“ прекратились при Алексѣѣ Михайловичѣ, который уже не давалъ отъ себя „записи“: когда бояре „обрали его на царство“, то „письма онъ на себя не бралъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ и потому государствомъ своимъ править по своей волѣ“ (Котошихинъ, 100 стр.). 2) Олеарій, 216 с. 3) Бѣляевъ, 478—479 с. 4) Костомаровъ, II, IV, 101—103 с. 5) Къ этому времени относятся извѣстныя слова князя В. В. Голицына: „насъ изъ думы не выважививали“ (Бѣловъ, I ст., 112 стр.).

распоряжаться всѣмъ въ государствѣ въ теченіе девятилѣтней эпохи боярскаго правленія и руководятъ Грознымъ и въ первые (13) годы его царствованія. При Ѳеодорѣ Ивановичѣ вспыхиваетъ борьба за власть между родовитыми боярами, которые подготовляютъ потомъ гибель династіи Годуновыхъ подстановкою перваго Лжедемитрія. Но какъ только воцаряется въ Москвѣ этотъ послѣдній, бояре спѣшатъ освободиться и отъ него и возводятъ на московскій престолъ виднѣйшаго представителя родовитаго московскаго боярства— В. И. Шуйскаго, предварительно заставивши его отречься въ ихъ пользу отъ правъ неограниченной власти. Но и Шуйскій не угодилъ боярамъ, отъ опеки которыхъ онъ хотѣлъ было освободиться, хотя и не успѣлъ въ этомъ. „Боярскій царь“ былъ свергнутъ съ престола боярами же, которые теперь очутились безъ соперниковъ. Въ эпоху междуцарствія судьба всей русской земли зависѣла отъ воли бояръ, неперестававшихъ и на этотъ разъ думать о своихъ сословныхъ, исключительныхъ интересахъ. Только нерѣшительность Сигизмунда, который желалъ вопреки волѣ русскаго народа самъ быть русскимъ государемъ вмѣсто Владислава, была причиной того, что въ московскомъ государствѣ не воцарилась польская династія на условіяхъ, ограничивающихъ ея власть въ пользу бояръ. Бояре не разстаются съ мыслью объ ограниченіи власти московскаго государства въ своихъ интересахъ при избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича и только его сынъ уже не даетъ „записи“ боярамъ, которые не ожидали какого-либо сопротивленія себѣ со стороны „тишайшаго“ царя. Такъ вліяніе бояръ на управленіе проходитъ красною нитью чрезъ весь собственно московскій періодъ, усиливаясь до преобладанія надъ царскою властью въ чрезвычайные его моменты и уступая ей первенство въ государствѣ при нормальномъ теченіи политической жизни. Во второй половинѣ XV в., почти всемъ XVI столѣтіи, за исклю-

ченіемъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Василія Ивановича и 24 лѣтъ правленія Грознаго (1560—1584), и едва ли не во всю первую четверть XVII в. бояре господствовали въ московскомъ государствѣ. Но и въ остальное время XVI и XVII ст. ихъ политическое значеніе въ странѣ было, какъ мы видѣли, очень велико и признавалось самими царями, не смотря на то, что власть московскихъ государей въ XVII ст. достигла высшаго развитія, сдѣлалась вполнѣ неограниченной. Въ виду указанныхъ нами чертъ общественно-политической жизни русскаго общества XV—XVII ст., мы въ правѣ видѣть въ этомъ времени переходную эпоху отъ преобладанія аристократическаго начала въ удѣльно-вѣчевую эпоху русской исторіи къ полному господству монархической власти императорскаго ея періода[1]).

Переходный характеръ разсматриваемой нами эпохи виденъ, между прочимъ, изъ сочиненія Крижанича, съ политическими взглядами котораго мы уже знакомы. Не даромъ Крижаничъ, жившій въ Россіи въ XVII ст., энергично защищалъ принципъ самодержавной власти русскаго государя и въ тоже время считалъ необходимымъ надѣлить „порядочныхъ знатныхъ“ цѣлымъ рядомъ привиллегій. Въ числѣ этихъ привиллегій на первомъ планѣ стояло право родовитыхъ бояръ изъ княжескихъ фамилій занимать царскій престолъ въ случаѣ прекращенія династіи. Боярамъ же должно принадлежать, по Крижаничу, право быть совѣтниками государя и участвовать вмѣстѣ съ нимъ въ управленіи. Крижаничъ отличаетъ въ средѣ московскаго боярства родовитыхъ бояръ—

1) Примѣчаніе. Особенно тѣсная внутренняя связь эпохи XV—XVII ст. съ удѣльно-вѣчевымъ періодомъ заставила насъ соединить изслѣдованіе обоихъ въ виду нѣкотораго единства ихъ характера и цѣлостности изложенія въ одной главѣ. Нѣкоторая несоразмѣрность по своей величинѣ этой первой главы съ остальными главами книги можетъ быть оправдана еще и тѣмъ, что исторія высшаго управленія въ московскомъ государствѣ имѣетъ, сообразно нашему плану, второстепенное значеніе сравнительно съ исторіею высшихъ учрежденій XVIII в. и особенно времени Александра I-го.

князей отъ простыхъ, не такъ знатныхъ бояръ и боярскихъ дѣтей—три слоя боярскаго сословія, образовавшіеся въ немъ въ XV—XVI ст. подъ вліяніемъ естественнаго развитія боярства въ московскомъ государствѣ. Первое мѣсто въ рядахъ московскаго боярства занимали бывшіе удѣльные князья и знатнѣйшіе изъ числа исконныхъ московскихъ бояръ: тѣ и другіе и на самомъ дѣлѣ являлись не разъ въ XVI—XVII в. претендентами на московскій престолъ. На второй ступени генеалогической іерархіи боярскаго сословія стояли менѣе знатные московскіе бояре, второстепенныя княжескія фамиліи и немногіе удѣльные бояре. Наконецъ, низшую ступень занимали „захудавшія" боярскія фамиліи, остальное удѣльное боярство и лица дворянскаго происхожденія[1]). Указаннымъ тремъ слоямъ московскаго боярства соотвѣтствовали три чина боярской думы XV—XVII ст. Поэтому Котошихинъ дѣлитъ всѣ боярскіе роды на три категоріи: въ первой высшей находятся тѣ роды, которые „бываютъ въ бояpахъ, а въ окольничихъ не бываютъ". Ко второй относятся роды, которые „бываютъ въ окольничихъ и бояpахъ". Наконецъ, третій разрядъ боярскихъ родовъ „изъ честныхъ и изъ середнихъ и изъ дворянъ" тѣ, которые „бываютъ въ думныхъ дворянахъ и окольничихъ и больше тоя чести не доходятъ"[2]). Такимъ образомъ, къ первымъ двумъ чинамъ удѣльной боярской думы—боярству и окольничеству прибавляется въ XV—XVII в. еще чинъ думныхъ дворянъ, которые называются „боярскими дѣтьми, жившими въ думѣ"[3]). Думные дворяне, какъ и думные дьяки (4-й чинъ боярской думы), составляютъ уже постороннюю, искусственную примѣсь къ родовитому боярству: опредѣленное ихъ назначеніе со времени ихъ появленія при Іоаннѣ Грозномъ (1572 г.) было служить въ боярской думѣ противовѣсомъ аристократическимъ ея элементамъ—боярству

1) Ключевскій, 240—241 с., Сергѣевичъ: „Юридическія древности", 431—433 с. 2) Котошихинъ, II гл., 1—3 с. 3) Сергѣевичъ, ibidem, 431—433 с.

и окольничеству [1]). При Иванѣ Васильевичѣ III и его сынѣ членами боярской думы были только бояре и окольничьи, съ которыми новые ея члены при Грозномъ не имѣли равной чести [2]). Измѣненія въ составѣ боярской думы, въ XV—XVII ст. были, слѣдовательно, результатомъ измѣненій въ взаимныхъ отношеніяхъ бояръ и московскихъ государей, увеличенія власти послѣднихъ на счетъ первыхъ. Въ связи съ большимъ развитіемъ монархической власти и сохранившимся политическимъ значеніемъ боярства въ это время находится и организація вообще всего центральнаго управленія, правительственное значеніе боярской думы и приказовъ. Между тѣмъ какъ до половины XV в. управленіе московскимъ государствомъ не знало даже различія между центральными и мѣстными учрежденіями и все оно носило личный, частновладѣльческій или вотчинный характеръ, въ собственно московскомъ періодѣ впервые появляются постоянныя центральныя учрежденія,—приказы съ извѣстнымъ составомъ и опредѣленнымъ кругомъ вѣдомства. Полное образованіе система приказовъ получила со второй половины XVI в. и развилась особенно въ XVII ст.. Въ тоже время и боярская дума становится постояннымъ учрежденіемъ, получаетъ опредѣленную организацію также съ извѣстной компетенціей [3]).

Боярская дума московскаго періода (XV—XVII в.) была высшимъ центральнымъ учрежденіемъ, связаннымъ по своему происхожденію непосредственно съ княжеской думой удѣльно-вѣчевой эпохи[4]) и съ судьбой всего боярскаго сословія [5]).

---

1) Загоскинъ: „Боярская дума“, 35 с., В.-Будановъ, 159 с., Петровскій: О сенатѣ etc., 18 с. Въ XVII ст. названіе „дворянъ“ стало употребляться для обозначенія лучшихъ людей (болѣе знатныхъ бояръ),—дѣтей боярскихъ—меньшихъ. Въ этой замѣнѣ терминомъ, возникшимъ въ придворной службѣ, названія изъ эпохи вольной службы бояръ выразилась, замѣчаетъ Сергѣевичъ, „полная и неоспоримая побѣда новыхъ московскихъ порядковъ надъ отживавшей стариной“ (ibidem, 433 с.). 2) Сергѣевичъ, 434 с., В.-Будановъ, ibidem. 3) Неволинъ, н. с., 128 с., Сергѣевичъ, 433 с. 4) Неволинъ, н. с., 137 с., В.-Будановъ, 144 с., Бѣляевъ, 498 с., Загоскинъ, 19 с. 5) Ключевскій, 504 с.

Въ думѣ въ разсматриваемое нами время выражалось, какъ и ранѣе, необходимое участіе боярства въ управленіи государственными дѣлами въ томъ видѣ, какой московское боярство приняло въ XV—XVII столѣтіи,—въ составѣ четырехъ чиновъ. Изъ нихъ два первые (бояре и окольничьи) имѣли еще аристократическій характеръ, между тѣмъ какъ два послѣдніе чина—думные дворяне и особенно думные дьяки, созданные великими князьями московскими съ цѣлью ослабленія вліянія боярства въ управленіи и введенные въ думу Грознымъ [1]), носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды перевѣса монархической, царской власти надъ московскимъ боярствомъ. Въ боярскую думу вступали de jure представители боярскихъ фамилій и считались настоящими членами думы; думные же дворяне и дьяки, выходившіе изъ среды простыхъ дворянъ или даже лицъ простаго происхожденія, назывались технически въ отличіе отъ бояръ и окольничихъ „думными людьми", хотя этому послѣднему термину предпочитается иногда обозначеніе всѣхъ членовъ думы „боярами" (въ формѣ рѣшеній боярской думы: „бояре приговорили") [2]). Въ думѣ XVI ст. и начала XVII сидѣли на первомъ мѣстѣ потомки бывшихъ удѣльныхъ князей и старинныхъ московскихъ бояръ и притомъ только тѣ члены знатнѣйшихъ боярскихъ фамилій, которые занимали по старшинству первое мѣсто среди своего рода [3]), такъ что боярская дума XVI ст. сдѣлалась въ буквальномъ смыслѣ *совѣтомъ старцевъ, сенатомъ* [4]). Такой аристократическій составъ боярской думы хорошо объясняетъ тотъ фактъ, что она становится въ нѣ-

1) Загоскинъ, 42 с. Котошихинъ говоритъ о дьякахъ: „а на Москвѣ и въ городѣхъ въ приказахъ съ бояры и окольничими и думными и ближними людьми и въ посольствахъ съ послами бываютъ они (дьяки) въ товарищахъ; и сидятъ вмѣстѣ и дѣлаютъ всякія дѣла и суды судятъ и во всякія посылки посылаются" (20 с.). При Алексѣѣ Михайловичѣ дьякъ съ 10 подъячими завѣдовалъ тайнымъ приказомъ (ibidem., VII гл., 1 ст.). 2) Загоскинъ, 50 с. 3) Котошихинъ, VII гл., 5 ст. и IV гл., 16 ст., Олеарій, 286 с. 4) Ключевскій, 383 с., Градовскій: „Высшая администрація XVIII ст.", 9 и 21 с.

которые благопріятные для бояръ моменты XVI—XVII ст. „оплотомъ политическихъ притязаній“ и дѣйствительной силы въ государствѣ всего боярскаго сословія, стремится одна, а иногда и вмѣстѣ съ государемъ, котораго дума вполнѣ подчиняетъ своему вліянію (напр., В. И. Шуйскаго), руководить всѣмъ управленіемъ. Напротивъ, постепенное вымираніе, исчезновеніе знатныхъ боярскихъ родовъ въ началѣ XVII ст. и введеніе усилившимися на счетъ боярства московскими государями въ составъ думы думныхъ дворянъ и дьяковъ—лицъ незнатнаго происхожденія на ряду съ развитіемъ приказнаго управленія въ XVII ст.[1]) должны были лишить думу ея первенствующаго значенія въ государствѣ и обратить ее въ преимущественно совѣщательное учрежденіе при монархѣ[2]). Дума перестаетъ быть временнымъ, случайнымъ совѣтомъ удѣльнаго князя со многими, а иногда и нѣсколькими боярами: въ нее входятъ теперь всѣ бояре, которые вѣдаютъ вмѣстѣ съ государемъ правительственныя дѣла[3]). Мѣсто удѣльной думы занимаетъ при московскомъ государѣ, отдѣлившаяся отъ боярской думы, какъ высшаго государственнаго учрежденія, своего рода государственнаго совѣта, *ближняя дума* („комната“),—родъ личнаго государева кабинета или тайнаго совѣта, гдѣ государь обсуждалъ предварительно съ своими ближними совѣтниками нѣкоторыя важнѣйшія дѣла, поступавшія потомъ въ боярскую думу, или же рѣшалъ ихъ одинъ съ своими ближними людьми[4]). Такого рода ближней думой были совѣщанія Василія Ивановича „самъ третей у своей постели“. Предъ своей кончиной Василій Ивановичъ нѣсколько разъ собиралъ ближнюю думу изъ ближнихъ бояръ и дьяковъ[5]). Ближняя дума при Грозномъ состояла сначала

---

1) Въ приказномъ управленіи выражалось начало „думанья и вершенія дѣлъ помимо думы и бояръ дьяками, которымъ царь „приказывалъ“ то или другое дѣло“ (Градовскій, ibidem, 22 с. 2) Ключевскій, Сказанія etc., 110 с., Загоскинъ, 111 с. 3) Ключевскій, 283—284 с. 4) Ключевскій, 328—333 с., Загоскинъ, 75 с. 5) П. С. Р. Л., VI, 268 с. и сл.

изъ Сильвестра и Адашева съ ихъ друзьями—боярами, а потомъ послѣ удаленія любимцевъ изъ нѣкоторыхъ приближенныхъ бояръ [1]). Умирая, Грозный оставилъ для помощи своему сыну въ дѣлахъ управленія ближнюю думу, состоявшую изъ пяти бояръ—членовъ боярской думы. Ближняя дума существовала и въ XVII столѣтіи. „А какъ царю случится о чемъ мыслити тайно, говоритъ Котошихинъ, и въ той думѣ бываютъ тѣ бояре и окольничіе, которые пожалованы изъ спальниковъ или которымъ приказано бываетъ приходить; а иные бояре, и окольничіи, и думные люди въ тое палату въ думу ни для какихъ-нибудь дѣлъ не ходятъ, развѣ царь укажетъ". Только „ближніе бояре ходятъ въ комнату" [2])—кабинетъ государя. Маржеретъ отличаетъ боярскую думу (совѣтъ) отъ тайнаго совѣта государя, гдѣ, по его словамъ, присутствуютъ „особы царской крови, самые ближайшіе по родству, разбирая дѣла особенно важныя" [3]). Также и *Коллинсъ* замѣчаетъ, что при Алексѣѣ Михайловичѣ находятся общій и частный совѣты, въ которыхъ царь разсуждалъ о государственныхъ дѣлахъ [4]). Существованіе ближней думы—личнаго совѣта государя съ ближними людьми по нѣкоторымъ дѣламъ—рядомъ съ боярской думой указываетъ на то, что сами московскіе государи XV—XVII ст. признавали политическое значеніе за послѣдней, видѣли въ ней постоянное учрежденіе, родъ государственнаго совѣта съ опредѣленнымъ составомъ и компетенціей [5]). Такъ смотрѣлъ на боярскую думу даже наиболѣе самодержавный и неограниченный монархъ изъ всѣхъ московскихъ государей XV—XVII в.—Іоаннъ Грозный, поручившій боярской думѣ управленіе земщиной. Опричнина Грознаго также была своего рода ближ-

---

1) Ключевскій, 325 с. 2) Котошихинъ, II гл., 5 и 16 с. 3) Маржеретъ, 58 с. 4) Коллинсъ: „Нынѣшнее состояніе Россіи, описанное англичаниномъ, который былъ девять лѣтъ при дворѣ великаго царя" (Русскій Вѣстникъ, 1841, III, 177 с. 5) Ключевскій, 332—334 с.

ней думой недовѣрчиваго къ боярамъ царя, который противопоставилъ ее земщинѣ и ея органу—боярской думѣ [1]), получившей вслѣдствіе этого еще болѣе полную и твердую организацію [2]).

Боярская дума рѣдко собиралась въ полномъ своемъ составѣ: члены думы, знатные и незнатные, управляли всѣми центральными и областными учрежденіями, сидѣли въ думѣ и приказахъ, начальствовали надъ войскомъ и состояли въ намѣстникахъ (до половины XVI ст.) и воеводахъ (въ XVII в.) [3]). Бояре съ дьяками завѣдовали до половины XVI в. и судомъ. Отправляя такія многосложныя обязанности, члены боярской думы рѣдко бывали всѣ въ столицѣ и поэтому дума представляла собою совѣтъ только изъ тѣхъ ея членовъ, которые находились въ данный моментъ при царѣ. Обыкновенно въ ней присутствовали начальники приказовъ съ товарищами (бояре, окольничьи или думные дворяне съ дьяками), такъ что дума являлась своего рода собраніемъ министровъ [4]). Боярская дума продолжаетъ быть въ XV—XVII в. учрежденіемъ, дѣйствующимъ въ силу, образовавшагося въ Москвѣ, обычая совѣщаній государя съ боярами о всѣхъ дѣлахъ управленія. Только во время борьбы московскихъ государей съ боярами изъ за политическаго первенства въ странѣ и въ критическія эпохи русской исторіи XVI и начала XVII в. нарушалась эта гармонія единства дѣйствій царя съ боярами въ думѣ боярской. Съ воцареніемъ династіи Романовыхъ наступаетъ нераздѣльность дѣятельности московскихъ государей съ боярами, такъ что дѣйствія боярской думы безъ государя и царя безъ думы считаются не

1) Ключевскій, 334—337 с. 2) Неволинъ, 128 с. 3) Ключевскій, 393 с. и сл „Установленіе воеводъ было, говоритъ Чичеринъ, усиленіемъ правительственнаго начала въ областномъ управленіи; намѣстникъ завѣдовалъ дѣлами *на себя*, воевода *на царя*. Намѣстникъ былъ кормленщикъ, воевода правитель“. („Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.“. Москва, 1856, 54 с. 4) Ключевскій, 399—400 с., В.-Будановъ, 159 с.

нормальными явленіями [1]). Гармонія въ дѣятельности боярской думы и государя выражалась въ формулѣ рѣшеній думы: „царь приказалъ, а бояре приговорили“. Эта формула указывала въ тоже время на рѣшительный перевѣсъ монархической власти надъ боярами точно также, какъ и названіе думы со времени Грознаго „царскою“ [2]). Но это явное паденіе политической силы боярства въ XVII в. не мѣшаетъ сохраненію въ это время осмивѣковаго обычая неразрывнаго участія бояръ въ управленіи вмѣстѣ съ государями. Поэтому-то такъ трудно указать на предѣлы власти московскаго государя и боярской думы; въ такомъ разграниченіи правъ обоихъ правительственныхъ факторовъ не нуждались въ пору господства взгляда, что все управленіе государствомъ ведется царемъ вмѣстѣ съ боярами [3]). Обычай же продолжалъ опредѣлять до самаго конца московскаго періода сферу дѣятельности боярской думы [4]), компетентность которой была различна въ чрезвычайныя и нормальныя эпохи русской исторіи XV—XVII в. Въ малолѣтство Грознаго, при Сильвестрѣ и Адашевѣ, смутное время (при Лжедимитріи I и В. И. Шуйскомъ) и въ эпоху междуцарствія боярская дума обладала гораздо большею властью, чѣмъ въ остальное время XV—XVII ст. При полномъ господствѣ бояръ и боярская дума—органъ боярскаго сословія—имѣла въ своихъ рукахъ все управленіе государствомъ и ограничивала власть царя, если онъ былъ [5]). Въ тоже время, когда во главѣ государства стоялъ самодержавный царь, боярская дума получала характеръ совѣщательнаго при немъ учрежденія. Но даже и при нормальномъ теченіи русской соціально-политической жизни въ XV—XVII ст. дума не была только совѣщательнымъ органомъ монархиче-

1) Ключевскій, 441 с. и сл., В.-Будановъ, 158 с. 2) Неволинъ, ibidem, Петровскій, ibidem. 3—4) Ключевскій, 456 и 412 с. 5) Р.-Славатинскій; „Система русскаго государственнаго права“, 2 изд., 62 с., Загоскинъ, 29—33 и 37—39 стр.

ской власти: боярская дума пользовалась извѣстною самостоятельностью и просторомъ въ своей неопредѣленной никакимъ закономъ дѣятельности, вытекавшими изъ соціально-политическаго значенія боярства. Мы уже знаемъ, что извѣстную независимость думы въ рѣшеніи дѣлъ управленія признавали за нею явные и энергичные политическіе противники политическихъ притязаній боярства: Василій Ивановичъ и Іоаннъ Грозный. По Судебнику послѣдняго боярская дума имѣла право законодательства во всѣхъ спорныхъ случаяхъ, неопредѣленныхъ въ самомъ Судебникѣ [1]). Въ первые годы царствованія Михаила Θеодоровича боярская дума управляла всѣмъ государствомъ; но и во все остальное время XVII ст. она была высшимъ правительственнымъ, законодательнымъ и административнымъ учрежденіемъ [2]).

Въ боярской думѣ XV—XVII в. сосредоточивалось обсужденіе и рѣшеніе всякаго рода дѣлъ правленія (свѣтскихъ и церковныхъ) [3]). Дѣятельность думы отличалась тою особенностью, что ея приговоры по отдѣльнымъ случаямъ получали силу законовъ по отношенію къ аналогичнымъ административнымъ вопросамъ [4]): московское государство почти не знало закона, какъ общей юридической нормы, и всѣ дѣла въ немъ рѣшались путемъ обычая, при посредствѣ котораго постепенно вырабатывались законы и кодексы [5]). Боярская дума принимала участіе въ разработкѣ матеріальнаго, гражданскаго и уголовнаго, права, завѣдовала государственнымъ хозяйствомъ, предпринимала разнаго рода административныя

---

1) Jireček, Swod, 97 и 98 статьи. 2) Хлѣбниковъ, н. с., 363 с. 3) Ключевскій, Сказанія etc , 111 с., Яблочковъ, 216—293 с. Въ запискѣ, составленной въ смутное время, сказано о боярской думѣ: „повинность боярамъ и окольничимъ и дьякамъ думнымъ: быти всегда на Москвѣ при государѣ безотступно к засѣдать въ палатѣ *и думати о всякихъ дѣлѣхъ*, что государь разскажетъ и что царству московскому належать будетъ, и доносятъ до государя думу дьяки думные“ (Ист. акты, II, № 355, 422 с.). 4) В.-Будановъ, 161—162 с., Ключевскій, 443 и 463 с., Загоскинъ, 336—138 с. 5) Ключевскій, 471—477 с.

реформы, напр., распредѣленіе дѣлъ между приказами [1]). Боярской же думѣ принадлежитъ упомянутый нами проэктъ о раздѣленіи всего московскаго государства на самостоятельныя намѣстничества. „Поговоря съ бояры“ царь жаловалъ разнаго рода должностями [2]). Боярская дума превратилась со второй половины XVI в. въ боярскую судную коллегію, которая судила и постановляла судебныя рѣшенія съ законодательной силой каждый разъ по особому царскому приказу, являлась въ этихъ случаяхъ высшей судебной инстанціей по спорнымъ дѣламъ, которыхъ „не мочно“ было рѣшить въ приказахъ [3]). Но и помимо этихъ случаевъ, боярская дума вѣдала много судебныхъ дѣлъ въ качествѣ первой и апелляціонной инстанціи (дѣла мѣстническія и др. [4]). Дума обсуждала также вопросы внѣшней политики, принимала въ чрезвычайныхъ случаяхъ извѣстныя правительственныя мѣры и вѣдала Москву въ отсутствіе государя [5]). Что касается дѣлъ текущаго управленія, центральнаго и мѣстнаго, то по отношенію къ нему боярская дума была контролирующимъ учрежденіемъ: вся администрація сосредоточивалась въ приказахъ, бывшихъ сначала (въ XV в.) только отдѣленіями канцеляріи боярской думы и сдѣлавшихся потомъ (въ концѣ XVI в.) самостоятельными центральными административными учрежденіями. Число приказовъ, которыхъ было въ началѣ только четыре (разрядный, посольскій, помѣстный и приказъ казанскаго дворца), увеличилось съ развитіемъ централизаціи въ московскомъ государствѣ въ XVII ст. до 40 [6]). Во главѣ 4 основныхъ приказовъ стояли думные дьяки, которые были въ тоже время и членами боярской думы, гдѣ они имѣли право голоса наравнѣ съ остальными членами [7]), „мыслили

1) Ключевскій, 479 с., Загоскинъ, 141—145 с. 2) Ключевскій, 484 с. 3) Сергѣевичъ: „Юридическія древности“, 374—376 с., Загоскинъ, 151—153 с., В.-Будановъ, 163 с. 4—5) Загоскинъ, 146, 151 и 154, 126—129 и 131—132 с. 6) Котошихинъ, VII гл., Олеарій, 288—295 с., Бѣляевъ, 498—501 с., В.-Будановъ, 159 и 178—180 с., Загоскинъ, 42—43. 7) Загоскинъ, 43—44 с.

съ царемъ, думали съ нимъ о всякихъ дѣлѣхъ" [1]). Впослѣдствіи съ образованіемъ изъ приказовъ самостоятельныхъ вѣдомствъ вмѣстѣ съ дьяками въ приказахъ стали сидѣть и бояре [2]), которые не подозрѣвали всего гибельнаго для ихъ власти значенія приказнаго управленія, основывавшагося на личномъ, непосредственномъ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ царемъ помимо думы и бояръ [3]). Допущеніе въ приказы бояръ не ослабляетъ разрушительнаго для боярскаго правленія дѣйствія приказнаго начала: это допущеніе зависѣло отъ воли царя, который иногда отдавалъ важнѣйшіе приказы въ вѣдѣніе однихъ дьяковъ. Такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ приказомъ тайныхъ дѣлъ завѣдовалъ дьякъ съ 10 подъячими [4]). Нѣкоторые приказы называются по имени дьяковъ, которымъ они были подчинены (четь дьяка Варфоломея Иванова, Вахрамѣева и др.) [5]). Главное значеніе въ приказахъ принадлежало дьякамъ, хотя бы въ нихъ сидѣли и бояре [6]); приказное управленіе оттѣснило бояръ на второй планъ. Стародавняя сила московскаго боярства въ московскомъ государствѣ заявила себя на этотъ разъ въ томъ, что приказы поручались обыкновенно членамъ боярской думы [7]) и отъ знатности рода, къ которому принадлежалъ глава приказа, зависѣло его мѣсто въ ряду другихъ приказовъ, степень его подчиненія и предѣлы его власти [8]). Иногда нѣсколько приказовъ находилось въ завѣдованіи одного и того же боярина. Такъ, напр., при Алексѣѣ Михайловичѣ одинъ и тотъ же бояринъ завѣдовалъ стрѣлецкимъ приказомъ, иноземнымъ, рейтарскимъ, сибирскимъ, приказомъ большой казны и казанскаго дворца; приказы галицкой четверти и малороссійскій также были подчинены одному и тому же боярину. Въ приказахъ: новой четверти, оружейномъ и приказѣ

---

1) Котошихинъ, II гл., 5 ст., Истор. акты, II, № 355. 2, 3 и 5) Градовскій, ibidem, 17—18 и 22—23 с. 4) Котошихинъ, VII гл., 1 ст. 6) Иловайскій, III, 44 с. 7) Котошихинъ, ibidem. 8) Градовскій, 24—25 с.

золотаго и серебряннаго дѣла сидѣлъ одинъ и тотъ-же окольничій, въ земскомъ приказѣ и костромской четверти — одинъ и тотъ же думный дворянинъ[1]). Разнородность вѣдомства приказовъ не мѣшала соединенію нѣсколькихъ изъ нихъ въ рукахъ одного и того же боярина, заслужившаго особую милость государя. Такъ бояринъ Милославскій завѣдовалъ (1682 г.) четырьмя приказами, Ромадановскій — двумя[2]). Отношенія между начальниками приказовъ опредѣлялись родовымъ ихъ старшинствомъ[3]). Приказы соединяли въ себѣ разнородныя дѣла центральнаго и областнаго управленія (судебныя съ административными)[4]) Существенное отличіе приказовъ отъ боярской думы заключалось въ томъ, что ихъ приговоры, невносившіеся въ думу, не имѣли силы закона[5]). Боярская дума, слѣдовательно, сохраняла и при дѣйствіи приказнаго управленія высшее мѣсто во всей администраціи московскаго государства. Приказы замѣняли канцелярію при думѣ, которая ее не имѣла. Доклады о дѣлахъ поступали въ думу изъ приказовъ, которые исполняли состоявшіеся по нимъ въ думѣ приговоры[6]). Кромѣ докладовъ приказовъ дѣла въ боярской думѣ возбуждались по приказу государя и челобитнымъ частныхъ лицъ[7]). Отсюда видно, что боярская дума не имѣла самостоятельной иниціативы въ дѣлахъ. Но отсутствіе почина думы въ дѣлахъ управленія не подрывало ея самостоятельнаго въ нихъ участіи. Боярская дума дѣйствовала обыкновенно вмѣстѣ съ государемъ, рѣшала иногда дѣла и безъ него[8]), при чемъ никогда не возбуждался вопросъ о разграниченіи предѣловъ ихъ власти, въ которомъ и не было какой-либо надобности. Бывали случаи, что сама боярская дума возбуждала важнѣйшіе законодательные во-

---

1) Котошихинъ, VII гл. 2 и 3) Градовскій, 25 и 29 с. 4) В.-Будановъ, 177 с. 5) Ключевскій, 464 с. 6) Загоскинъ, 45 и 105—106 с. 7) Ключевскій, 444 с. и сл., Загоскинъ, 105 с. и сл. 8) Загоскинъ, 117—118 с.

просы; таковъ былъ, напр., извѣстный намъ, проэктъ росписи высшихъ чиновъ и должностей по степенямъ.

Что касается способа обсужденія дѣлъ въ боярской думѣ, то при важномъ политическомъ значеніи боярскаго сословія въ XV—XVII ст. едва-ли можно признать вѣрнымъ описаніе Котошихинымъ порядка засѣданій боярской думы даже по отношенію къ одному XVII вѣку. Котошихинъ представляетъ дѣйствующими въ думѣ царя и дьяковъ, между тѣмъ какъ бояре только безмолвно слушаютъ и соглашаются съ ними: „а иные бояре, брады своя уставя, говоритъ Котошихинъ, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованые". Однако, добавляетъ самъ Котошихинъ, „сыщется и окромѣ ихъ кому быти на отвѣты разумному изъ большихъ и изъ меньшихъ статей бояръ", которые „объявляютъ мысль свою къ способу" рѣшенія дѣла, предложеннаго царемъ[1]). Нужно замѣтить, что засѣданія боярской думы въ XV—XVII ст. не проходили всегда въ полномъ молчаніи бояръ—ея членовъ, а нерѣдко сопровождались живыми возраженіями и преніями[2]). Мы уже знаемъ, что Іоаннъ III жаловалъ бояръ, которые говорили ему „встрѣчу". Многіе изъ бояръ даже злоупотребляли при немъ этимъ своимъ правомъ. По словамъ Грознаго, предки Курбскаго (Тучковы) „многая поносная и укоризненныя словеса износили" его дѣду[3]). Встрѣчи бояръ въ думѣ государю были и при Василіи Ивановичѣ, который „опалялся" на возражавшихъ ему бояръ. Если мы примемъ во вниманіе, съ одной стороны, то, какимъ сильнымъ вліяніемъ пользовались бояре при любимцахъ Грознаго, Сильвестрѣ и Адашевѣ, а, съ другой, пылкую и страстную натуру Іоанна, то едва ли мы ошибемся въ своемъ

---

1) Котошихинъ, II гл., 5 ст. 2) Ключевскій, 411 с. 3) Сказанія князя Курбскаго, 155 с.

предположеніи, что засѣданія думы при немъ въ то время не обходились безъ разнаго рода возраженій царю со стороны бояръ. Такъ, напр., бояре прямо раздѣлились на два враждебныхъ лагеря по вопросу о принесеніи присяги Димитрію и царю стоило большаго труда убѣдить многихъ изъ нихъ уступить его желанію. При Лжедимитріи I бояре, по словамъ *Буссова*, любили подолгу разсуждать о дѣлахъ правленія. Самозванецъ уступилъ представленіямъ бояръ о томъ, чтобы Марина Мнишекъ была подъ вѣнцемъ въ русскомъ платьѣ [1]). Проф. Ключевскій сообщаетъ о цѣломъ рядѣ случаевъ преній и даже бурныхъ засѣданій думы въ теченіе XVI—XVII столѣтія, бывавшихъ особенно часто при разборѣ мѣстническихъ дѣлъ [2]). Изъ сохранившейся отъ времени Алексѣя Михайловича его запискѣ: „О какихъ дѣлѣхъ говорить боярамъ“ (1657 г.) видно, что въ однихъ дѣлахъ царь предвидѣлъ возраженія бояръ на его предложенія, въ другихъ же думалъ положиться на рѣшенія бояръ [3]). Дѣла въ боярской думѣ рѣшались обыкновенно временными коммиссіями, которыя состояли изъ ея же членовъ и носили различныя названія, смотря по роду дѣлъ. Такъ въ отвѣтной коммиссіи обсуждались иностранныя дѣла, въ судной—тяжебныя разнаго рода, двѣ уложенныя коммиссіи занимались составленіемъ проэкта уложенія, расправная коммиссія, превратившаяся потомъ въ расправную палату, вѣдала дѣла текущаго управленія, особенно судебныя [4]). Приговоры боярской думы по

---

1) „Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи до 1700 г. и ихъ сочиненій“ Фридриха Аделунга; переводъ съ нѣмецкаго Клеванова, II ч., 50 с. (въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ, 1863, кн. 3, Москва, 1863). 2—3) Неволинъ, 134—138 с, Ключевскій, 413—416 и 445—447 с. 4) Ключевскій, 453 с., Загоскинъ, 76 с. и сл.. Происхожденіе расправной палаты, которая была единственнымъ постояннымъ отдѣленіемъ боярской думы, связывается съ тѣмъ московскимъ обычаемъ, что царь выѣзжалъ изъ Москвы всегда въ сопровожденіи бояръ и думныхъ людей. Для того, чтобы вслѣдствіе этого не прерывалось теченіе дѣлъ и ходъ правосудія, была учреждена

всѣмъ дѣламъ, не исключая и тѣхъ, которыя рѣшались въ думѣ безъ государя, считались окончательными и уравнивались съ приговорами бояръ и государя въ думѣ,—*именными указами*[1]). Засѣданія боярской думы, какъ постояннаго учрежденія, происходили въ опредѣленномъ мѣстѣ (передней, золотой, грановитой и др. палатахъ дворца) и въ опредѣленное время[2]). Члены думы получали также опредѣленное содержаніе[3]). Какъ органъ правительственнаго сословія и учрежденіе, дѣйствовавшее вмѣстѣ съ государемъ, боярская дума не несла отвѣтственности за свои дѣйствія[4]). Необходимо, наконецъ, замѣтить, что бояре—члены думы обладали нѣкоторыми юридическими привиллегіями (въ сферѣ уголовнаго, финансоваго и процессуальнаго права)[5]). Все московское общество XV—XVII ст. признавало въ членахъ боярской думы лицъ, издавна имѣвшихъ высокое политическое въ немъ значеніе и потому относилось къ нимъ съ необычайнымъ уваженіемъ. До самаго конца XVII ст. въ Москвѣ существовалъ обычай, что при встрѣчѣ съ членами боярской думы даже люди высокихъ чиновъ (стольники, стряпчіе и др.) слѣзали съ лошадей и кланялись имъ въ ноги. Этотъ обы-

---

(въ 1681 г.) расправная палата, которая вѣдала дѣла боярской думы въ отсутствіе государя (Загоскинъ, 87—88 с., Ключевскій, 435 с.). Съ 1794 г. расправная палата стала какъ-бы малой думой, гдѣ всѣми боярами и думными людьми на равныхъ правахъ голоса рѣшались дѣла, которыя въ приказахъ „учинить было не мочно", или которыя „вершались" здѣсь, „а на вершенье учнетъ кто-либо бити челомъ великимъ государямъ" (Архивъ Министерства Юстиціи, V, 2 отд., статья *Голубева*: „Расправная палата при сенатѣ", 105—109 с.). Въ „Гисторіи о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ" (1682—1694) князя Б. И. Куракина боярская дума называется „палатой" и расправная палата стоитъ на первомъ мѣстѣ въ числѣ учрежденій при Софьѣ Алексѣевнѣ (Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, I кн., 1890, 49, 51 и 59 с.). Поэтому можно думать, что расправная палата въ это время была тожественна съ боярской думой. 1) Ключевскій, 490 с., Загоскинъ, 117—118 с. 2) Ключевскій, 400 с. и сл., Сказанія, 110—111 с., Олеарій, 286 с., Маржеретъ, 66—68 с., Ключевскій: „Боярская дума", 400 с. и сл., Загоскинъ: „Боярская дума", III глава. 3) Маржеретъ, 113—114 с. 4) Ключевскій, 456—457 с. 5) Загоскинъ, 68—69 с., Ключевскій, 491 с.

чай былъ уничтоженъ только указомъ 1682 г., въ которомъ говорилось, что подобнаго рода почести „пристойны одному великому государю“ [1]).

ГЛАВА II-я.

Высшее сословіе въ русскомъ обществѣ XVIII ст. и организація центральнаго управленія отъ Петра I и до Александра I-го.

Характерная черта въ жизни русскаго общества XVIII ст. заключается въ томъ, что въ это время совершаются многія важнѣйшія реформы въ его устройствѣ и, обновленная западно-европейскими идеями, Россія отнынѣ вступаетъ въ ряды европейскихъ державъ, какъ полноправный членъ общеевропейскаго политическаго и общественнаго союза. Главными виновниками такихъ знаменательныхъ перемѣнъ въ русской жизни явились русскіе императоры, обладавшіе въ это время полною, неограниченною самодержавною властью. Принципъ самодержавной власти русскихъ государей, ослабляемый въ предъидущую эпоху значительнымъ вліяніемъ на дѣла управленія боярскаго сословія, въ XVIII в. восторжествовалъ совершенно надъ его политическими притязаніями. Петръ Первый провозгласилъ его всенародно въ „Духовномъ регламентѣ“, гдѣ сказано: „Монарховъ власть есть самодержавная, которой повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ“. Еще яснѣе и опредѣленнѣе выражаются въ этомъ отношеніи: „Военные артикулы“: „Его величество есть *самовластный монархъ*, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей воли и благомнѣнію управлять“. А въ „Правдѣ воли монаршей“, написанной

---

1) Загоскинъ, 67—68 с., Ключевскій, 492 с.

Ѳеофаномъ Прокоповичемъ по волѣ Петра, мы читаемъ: „Уставы бо и всякіе законы, отъ самодержцовъ въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ, аки бо свободнаго, но истязуютъ, яко должнаго: истязуютъ же не токмо страхомъ гнѣва властительнаго, но и страхомъ гнѣва божія". „Когда власть высочайшая величествомъ нарицается, говоритъ далѣе Петръ, не подлежитъ никакой же другой власти человѣческой: аще бо подлежала законамъ человѣческимъ, не была бы верховная". Петръ указываетъ и на цѣль дѣятельности самодержавной власти при такомъ безусловномъ подчиненіи ей всего народа. Даже въ избирательной монархіи народъ, по словамъ Петра, „глаголетъ къ монарху первому: „согласно вси хощемъ, да ты владѣеши нами *къ общей пользѣ нашей*, донележе живъ пребываеши, и мы вси совлекаемся воли нашей и тебѣ повинуемся, не оставляюще намъ себѣ самимъ никакой свободности къ общимъ опредѣленіямъ". Въ наслѣдственной же монархіи народъ разъ и навсегда передалъ безусловно власть въ руки монарха: „мы же единожды воли нашея совлекшися, говоритъ первому монарху народъ, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей употребляти не будемъ, но какъ тебѣ, такъ и наслѣдникамъ твоимъ по тебѣ повиноватися клятвеннымъ обѣщаніемъ одолжаемся" [1]). Теорію самодержавной и неограниченной власти русскаго императора проводитъ и другой знаменитый монархъ XVIII ст.— Екатерина II, которая пишетъ въ своемъ „Наказѣ коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія" (1767): „россійскій государь есть самодержавный; ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовати сходно съ пространствомъ столь великаго государства. Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ. Надлежитъ,

---

1) „Правда воли монаршей во опредѣленіи наслѣдника державы своей", 1 с. предисловія и 21–22, 29—30 с. текста.

чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностью мѣстъ причиняемое. Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно. Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ". Подобно Петру I, Екатерина видитъ „намѣреніе и конецъ самодержавныхъ правленій въ славѣ гражданъ, государства и государя" [1]). Свой взглядъ на сущность императорской власти и цѣль своей дѣятельности Екатерина высказываетъ въ одномъ изъ писемъ къ *Циммерманну* (въ янв. 1789 г.). „Мое желаніе и удовольствіе, говоритъ она здѣсь, всегда состояло въ томъ, чтобы дѣлать всѣхъ счастливыми". Екатерина объявляетъ себя „отмѣнною въ душѣ республиканкой", но не видитъ въ этомъ противорѣчія съ своею неограниченной властью: „никто въ Россіи не скажетъ, говоритъ она, чтобы я власть свою во зло употребляла" [2]). При видѣ бѣдствій и общей опасности французской революціи 1789 г. для монархической власти европейскихъ государей Екатерина составляетъ обширную записку, въ которой доказываетъ необходимость возстановленія королевской власти во Франціи, существующей тамъ болѣе тысячи лѣтъ [3]). Свои монархическіе взгляды Екатерина II передала и окружавшимъ ее сановникамъ. Такъ одинъ изъ нихъ, дѣятельный сотрудникъ Екатерины по управленію государствомъ, графъ *Безбородко* въ своей „Запискѣ о потребностяхъ имперіи россійской" выставляетъ самодержавную власть монарха, какъ основной принципъ всего русскаго общественнаго устройства [4]).

Петръ I и Екатерина II, защищавшіе теорію неограниченной самодержавной власти русскаго государя доводами

1) „Наказъ", Спб., 1·20, II гл., 9—12 и 15 ст., 113—114 с. 2) Переписка императрицы Екатерины II съ докторомъ Циммерманомъ, Спб., 1803, 146—148 с. 3) Русскій Архивъ, 1866 г., VI т., 400—422 с. 4) Русскій Архивъ, 1877, $^{15}/_{1}$, 297–300 с.

Гроція и Монтескье, были и на самомъ дѣлѣ могущественными монархами, преобразовавшими русское общество XVIII ст. на новыхъ, чисто государственныхъ началахъ. Во имя „общей пользы" должно было измѣниться существеннымъ образомъ по волѣ императора и положеніе въ обществѣ и отношеніе къ монархической власти стараго московскаго боярства. При Петрѣ I былъ завершенъ долгій процессъ образованія изъ него служилаго сословія, обязаннаго нести въ пользу государства извѣстнаго рода повинности (государственную службу). Потомки московскихъ бояръ, не такъ давно еще игравшихъ большую политическую роль въ московскомъ государствѣ, должны были отказаться отъ мысли о дальнѣйшемъ развитіи или хотя бы укрѣпленіи за собою политическихъ правъ своихъ предковъ: всѣ эти права стали теперь анахронизмомъ при развитіи могущественной власти русскихъ императоровъ. Положимъ, въ теченіе XVIII вѣка, особенно же въ первой его половинѣ, не было недостатка въ неоднократныхъ попыткахъ русской знати обезпечить себѣ самостоятельное и независимое отъ воли монарха участіе въ дѣлахъ управленія. Но всѣ властолюбивые планы русской аристократіи были въ XVIII ст. только запоздалымъ отголоскомъ изъ эпохи дѣйствительной ея власти въ государствѣ и могли возникнуть, благодаря лишь благопріятнымъ обстоятельствамъ нѣсколькихъ царствованій (отъ Екатерины I до Анны Ивановны, какъ самодержавной государыни). Значительную роль въ политическихъ переворотахъ этого времени (1726—1730) играли многочисленные представители двухъ знатнѣйшихъ русскихъ фамилій—князья Голицыны и Долгорукіе, въ средѣ которыхъ были еще живы воспоминанія о вліятельномъ положеніи ихъ предковъ въ государствѣ. Но на пути къ достиженію политическихъ цѣлей родовитою русскою знатью стала теперь новая аристократія изъ людей незначительнаго происхожденія, достигшихъ высшихъ должно-

стей и титуловъ своими заслугами государству. То были: князь Меньшиковъ, генералъ-прокуроръ Ягужинскій и др. Вліятельные въ государствѣ иностранцы (Остерманъ, Минихъ, Биронъ и др.), вступившіе на русскую службу въ большомъ количествѣ со времени Петра I и преслѣдовавшіе въ чужой для нихъ странѣ свои личные интересы, также препятствовали осуществленію плановъ русской аристократіи въ первую половину XVIII вѣка. Къ этому разнообразію и контрасту стремленій каждой изъ отдѣльныхъ группъ высшаго сословія, на которыя оно распалось въ разсматриваемое время, присоединилась исконная рознь между двумя слоями собственно русскаго дворянства—знатными фамиліями и среднимъ, небогатымъ дворянствомъ. Вражда и несогласіе между ними проходятъ чрезъ всю исторію дворянскаго сословія въ XVIII ст., проявляясь особенно рѣзко при извѣстной попыткѣ „верховниковъ“ и „шляхетства“ ограничить власть императрицы Анны Ивановны.

Рознь между высшимъ и низшимъ слоями русскаго дворянскаго сословія возникла еще въ московскомъ государствѣ въ ту пору, когда цари ввели въ среду знатнаго боярства съ цѣлью ослабленія политическаго его вліянія лицъ простаго происхожденія. Раздвоеніе въ средѣ московскаго боярскаго сословія увеличилось мѣрами Бориса Годунова и В. И. Шуйскаго относительно прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и сказалось особенно сильно въ эпоху междуцарствія. Петръ I слѣдовалъ политикѣ своего отца и брата при образованіи новаго дворянскаго сословія, въ среду котораго онъ ввелъ массу лицъ незнатнаго происхожденія. Со времени Петра явилось рѣзкое различіе между родовитымъ и чиновнымъ дворянствомъ, которое не замедлило поселить между ними полный раздоръ. Поэтому нѣкоторые депутаты родовитаго дворянства, относившагося презрительно къ рядовому шляхетству, просили въ Коммиссіи 1767 г. запретить закономъ, чтобы чинъ да-

валъ дворянство[1]). Родовитое дворянство не могло помириться съ табелью о рангахъ, которою „дворянскіе роды уподлялись“[2]). Но во второй половинѣ XVIII в. въ рядахъ дворянства была уже масса лицъ, пріобрѣтшихъ дворянское званіе своими заслугами. Размноженіе же дворянства должно была вызвать его обѣдпѣніе при томъ дробленіи имуществъ, которое практиковалось издавна въ порядкѣ наслѣдованія всякаго имущества въ Россіи[3]). Однако, и законъ Петра I о майоратѣ (1714 г.) не могъ исправить зла, проистекавшаго отъ дробленія имуществъ при ихъ наслѣдованіи въ дворянскихъ фамиліяхъ и не только не уничтожилъ, но еще болѣе увеличилъ раздвоеніе между высшимъ и низшимъ рядами дворянства. Нераздѣльность недвижимыхъ имѣній должна была, по мысли Петра, предупредить паденіе шляхетскихъ фамилій, которыя „въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы“[4]). На самомъ дѣлѣ законъ 1714 г., который былъ выгоденъ для родовитыхъ и богатыхъ дворянскихъ фамилій, оказался очень тяжелымъ для рядоваго, мелкаго дворянства, которое бѣднѣло еще болѣе вслѣдствіе необходимости оставлять въ рукахъ старшаго представителя фамиліи все недвижимое имущество, между тѣмъ какъ остальные члены семьи оставались безъ всякихъ средствъ и положенія въ обществѣ. Знатное дворянство хорошо понимало все важное значеніе закона 1714 г. для своихъ сословныхъ интересовъ и потому не затрогивало вопроса объ уничтоженіи майората въ пору своего господства въ XVIII в., при Екатеринѣ І-й и Петрѣ II. Въ числѣ „кондицій“, предложенныхъ „верховниками“ Аннѣ Ивановнѣ также не было ни слова объ отмѣнѣ закона 1714 года. „Верховники“ только тогда заговорили объ этомъ законѣ и согласились отмѣнить его, когда они

1—4) Романовичъ-Славатинскій: „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостнаго права“, Спб., 1870, 63, 64, 27 и 249—250 с.

сознали необходимость поддержки своихъ политическихъ плановъ со стороны мелкаго дворянства, которое настаивало на уничтоженіи закона 1714 г. [1]). Съ воцареніемъ Анны Ивановны законъ о майоратѣ былъ отмѣненъ [2]). Но знатное дворянство не забыло о немъ и въ Коммиссіи 1767 г. ходатайствовало о томъ, чтобы „всякому владѣльцу было дано право власти опредѣлять свое движимое и недвижимое въ нераздѣльное наслѣдство, кому кто оное отдать пожелаетъ съ предписаніемъ порядка, какъ оному переходить изъ колѣна въ колѣно" [3]). Необходимо еще замѣтить, что привиллегированное положеніе знатныхъ дворянъ, возбуждавшее зависть въ шляхетствѣ, поддерживалось еще тѣмъ обычаемъ, что только небогатые дворяне несли всѣ тяжести военной службы послѣ Петра I, между тѣмъ какъ знатные и богатые скоро (со времени Анны Леопольдовны) стали проходить низшіе военные чины чуть не въ колыбели [4]). Поэтому шляхетство поставило „верховникамъ" въ числѣ условій компромисса съ ними требованіе не „выбирать шляхетство въ военные рядовые чины и матросы" [5]). Наконецъ, раздвоеніе между знатью и мелкимъ дворянствомъ выразилось при Екатеринѣ II въ томъ, что знатное дворянство не захотѣло служить вмѣстѣ съ рядовымъ въ губерніяхъ, когда всему дворянству было пожаловано императрицей право спеціально-сословнаго самоуправленія и исключительнаго завѣдованія дѣлами мѣстнаго управленія [6]). Родовитое и знатное дворянство не могло считать равнымъ себѣ дворянъ чиновниковъ, хотя бы и достигшихъ высшихъ должностей въ государствѣ. Непримиримая рознь и вражда, раздѣлявшія высшее и низшее дворянство на два противоположныхъ другъ другу лагеря и разъединявшія даже между собою членовъ самой знати, были одной

1 и 5) Корсаковъ, 187 и 170 с. 2 и 4) Р.-Славатинскій, 253, 128—130 с. 3) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, IV, 225 с. 6) Р.-Славатинскій, 492 с.

изъ причинъ неудачи плановъ русскихъ вельможъ и шляхетства въ 1730 г.[1]). Важнѣйшая, однако, причина неуспѣха ихъ „затѣйки" заключается, въ нашихъ глазахъ, въ несвоевременномъ, запоздаломъ появленіи всякихъ аристократическихъ проэктовъ въ XVIII столѣтіи, когда при полномъ и законченномъ образованіи неограниченной монархической власти русскихъ императоровъ аристократическое правленіе было немыслимо. Достаточно было Аннѣ Ивановнѣ заявить рѣшительно о своемъ желаніи принять самодержавную власть, чтобы верховники безпрекословно подчинились ея волѣ. Не случайныя обстоятельства вызвали событія 1730 г., корень которыхъ находится въ далекомъ историческомъ прошломъ русскаго (московскаго) государства; не случайными же причинами нужно объяснять и неудачу плановъ всего дворянства въ это время. На сколько идея о самодержавіи и неограниченности власти русскаго императора имѣла рѣшающее значеніе въ жизни общества XVIII ст., это доказывается, между прочимъ, судьбой другой, аналогичной „затѣйкѣ" верховниковъ, но уже чисто олигархической попытки графа Н. И. Панина ограничить власть Екатерины II посредствомъ аристократическаго государственнаго совѣта. Обстоятельства на этотъ разъ видимо были благопріятны для плановъ Панина и его не такъ уже знатныхъ друзей. При возшествіи на престолъ Екатерины II надъ Россіей уже не тяготѣло господство иностранцевъ; все дворянство получило (при Петрѣ III) „права и вольности", стало сословіемъ, которое могло свободно распоряжаться своею судьбою. Сама Екатерина нуждалась въ поддержкѣ дворянъ для укрѣпленія своей власти въ началѣ своего царствованія. Но убѣдившись, что Панинъ добивается ограниченія ея власти въ пользу знати, Екатерина не дала своего согласія на его проэктъ и начала царствовать, какъ

---

1) Корсаковъ, 295—297 с.

самодержавная русская императрица. Какъ этотъ олигархическій проэктъ Панина, такъ и аристократическія „кондиціи“ верховниковъ и подобные же разные проэкты шляхетства въ 1730 г. были только „переживаніями“ отъ прошлой, московской эпохи русской исторіи: многовѣковое преобладаніе боярства въ удѣльную эпоху и московскомъ государствѣ должно было оставить глубокіе слѣды въ русскомъ обществѣ, замѣтные въ немъ въ теченіе цѣлаго XVIII столѣтія. Всякія аристократическія притязанія должны были разбиться при столкновеніи съ несокрушимою, неограниченною властью русскихъ императоровъ, незамедлившихъ совершить въ интересахъ государства коренныя преобразованія относительно состава, правъ высшаго сословія и его отношеній къ монархической власти и государству.

Петръ Первый создалъ изъ разрозненныхъ членовъ московскаго боярства одно высшее сословіе, названное имъ шляхетствомъ[1]) и обязанное, подобно другимъ сословіямъ, нести въ пользу государства свое тягло—учиться и отправлять государственную службу[2]). Обязанность государственной службы для царскихъ чиновныхъ людей существовала и до Петра I, но замѣщеніе должностей въ управленіи зависѣло до него обыкновенно отъ родовой чести, отечества, опредѣлялось породой служилыхъ людей, а иногда и случайнымъ положеніемъ лица при дворѣ[3]). „Гордость и надмѣнность бояръ до Петра I-го была, по словамъ князя Щербатова, безмѣрная и дворяне у нихъ въ знакомцахъ и

---

1) Примѣчаніе. Названіе высшаго сословія дворянствомъ встрѣчается, какъ мы видѣли, еще въ XVII ст., когда боярство изъ самостоятельнаго политическаго сословія превращается въ служилое при монархѣ,—дворянство: всѣ служилые люди считались въ то время дворянами (Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія; 693 с.). Но высшее сословіе въ XVIII ст. долго называется шляхетствомъ и получаетъ названіе дворянства только послѣ манифеста Петра III (1762 г.) о правахъ и вольностяхъ русскому дворянству. 2—3) Р.-Славатинскій, 2—3 и 58 стр.

прислужникахъ жили [1]). Мѣстничество, хотя и было уничтожено (въ 1682 г.), но въ сердцахъ ихъ (бояръ) пребывало въ своей силѣ, по коему не привязанные по древнему родству съ государями или по знатности рода преимущество имѣли, но произшедшіе случаемъ не токмо сами надъ знатнѣйшими себя начальствовали, но предпочтеніе сіе и потомству своему предлагали, купно съ наслѣдіемъ, превышать не токмо другіе роды, но и съ незнаніемъ дѣла государственныя исполнять [2]) Въ бояре и окольничьи попрежнему производились по знатности родовъ, а не по заслугамъ и многіе младые люди великіе чины имѣли и симъ поручались важнѣйшія дѣла государства“ [3]). Чиновные члены боярскаго сословія составляли какъ-бы нѣсколько отдѣльныхъ группъ, неимѣющихъ между собою почти ничего общаго (бояре, окольничьи и думные дворяне) [4]). Петръ не уничтожилъ сразу старые чины, которые продолжаютъ существовать при немъ и даже во второй половинѣ XVIII столѣтія; Петръ оставилъ ихъ вымирать и сливаться постепенно съ новыми чинами „Табели о рангахъ“ (1722 г.). Въ основаніе „Табели“ положено было начало годности къ службѣ того или другаго лица независимо отъ его происхожденія; въ ней узаконенъ былъ перевѣсъ чина—бюрократическаго принципа—надъ породой—аристократическимъ началомъ [5]). Табель о рангахъ довершила, такимъ образомъ, ту демократизацію боярства, которая начата была еще при Грозномъ и продолжалась его преемниками: Борисомъ Годуновымъ, Алексѣемъ Михайловичемъ и Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. Табель о рангахъ связывала пріобрѣтеніе дворянства съ выслугою извѣстнаго чина и тѣмъ самымъ открывала доступъ въ ряды шляхетства лицамъ всѣхъ сословій, мѣшала ему превратиться въ замкну-

---

1 и 3) Князь Щербатовъ: „Состояніе Россіи до Петра Великаго“, 2) Онъ же: „О порокахъ и самовластіи Петра Великаго“ (Чт. въ общ. ист. и древн. россійскихъ, 1860, I, 23—24 и 10 с.). 4—5) Р.-Славатинскій, 8—11, 16—19 с.

тую сословную группу. „Лучшее старшее“ или потомственное дворянство получали лица осьмаго ранга; остальные семь ранговъ давали только права личнаго дворянства [1]). Такъ съ Петра „мѣсто родоваго старшинства заступаетъ служебное достоинство“ лица [2]). Превосходство личной заслуги предъ породой выражалось въ табели о рангахъ, между прочимъ, въ томъ, что членамъ „знатныхъ фамилій россійскаго дворянства“ не позволялось въ придворныхъ собраніяхъ „никому имѣть какого ранга, пока они намъ и отечеству никакихъ услугъ не покажутъ и за оныя характера не получатъ“ (8 п. табели). Отъ каждаго изъ должностныхъ лицъ требовалось, чтобы оно „имѣло такой нарядъ, экипажъ и ливрею, какъ чинъ и характеръ его требуетъ“ [3]) (19 п.). Петръ Великій не признавалъ права родовитыхъ людей на занятіе высшихъ мѣстъ въ управленіи и повсюду отдавалъ предпочтеніе способностямъ и заслугамъ предъ происхожденіемъ лица. Такъ любимецъ Петра, Меньшиковъ, „пользовался при немъ такою громадною властью, что могъ дѣлать въ государствѣ все, что хотѣлъ“ [4]). По замѣчанію современника Петра и его ближайшаго сотрудника въ дѣлахъ правленія, князя Б. И. Куракина, Меньшиковъ въ первое время „дошелъ до такого градуса, что все государство правилъ почитай“ [5]). Петръ возводитъ своихъ даровитыхъ, незнатныхъ любимцевъ въ высшіе чины, жалуетъ ихъ титулами князя, графа, барона и видимо желаетъ сравнить ихъ съ древнимъ, родовитымъ дворянствомъ [6]). Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы Петръ ставилъ ни во что знатность происхожденія; напротивъ, онъ уважалъ знатныхъ людей, постоянно отдѣлялъ „знатнѣйшее дворянство отъ другихъ нижняго чина“ и позволялъ, чтобы сыновья знатнѣйшихъ дворянъ „для знатно-

---

1) Р.-Славатинскій, 20—21 с. 2) Градовскій: „Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры“, 131 с. 3 и 6) Яблочковъ, 345 и 405 с. 4) Фокеродъ, 1400 с. 5) Архивъ князя Куракина, 76 с.

сти ихъ породы во всякихъ случаяхъ по достоинству отличались" [1]). Петръ наказывалъ безпощадно и жестоко даже заслуженнѣйшихъ изъ числа своихъ любимцевъ за открытыя имъ злоупотребленія по службѣ (напр., князя Меньшикова, вице-канцлера Шафирова, генералъ-адмирала Апраксина и др.[2]). „Но вельможи сановитые, яко князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій, часто съ грубостью ему (Петру) противорѣчащій, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, князь Михаилъ Михайловичъ и князь Димитрій Михайловичъ Голицыны, многажды противящіеся его изволеніямъ, никогда такого наказанія не претерпѣли" [3]). Въ тоже время Петръ въ дѣлахъ службы приказываетъ „знатное дворянство по годности считать" [4]). Нуждаясь при своихъ реформахъ въ образованныхъ людяхъ, которыхъ въ началѣ XVIII столѣтія еще не было въ Россіи, Петръ принялъ на службу въ большемъ количествѣ способныхъ иностранцевъ. Послѣ смерти Петра и до Елизаветы Петровны послѣдніе пріобрѣли большое вліяніе въ государствѣ, а знатнѣйшіе между иностранцами (Остерманъ, Минихъ, Биронъ и др.) даже играли главную роль въ политическихъ переворотахъ второй четверти XVIII столѣтія. Но при самомъ Петрѣ иностранцы не могли достигнуть особеннаго вліянія на управленіе, такъ какъ Петръ, по словамъ Миниха, „держался того правила, что первыя должности во всѣхъ управленіяхъ должны быть предоставляемы русскимъ, а второстепенныя иностранцамъ". Такъ князь Меньшиковъ былъ главнокомандующимъ арміей и президентомъ военной коллегіи, членами которой были иностранцы. Точно также графъ Апраксинъ былъ адмираломъ, а вице-адмиралами были иностранцы [5]). Даровитые русскіе люди и способнѣйшіе иностранцы отодвигали знатныхъ, но не годныхъ къ службѣ дво-

1) Яблочковъ, 405 с. 2) Фокеродъ, ibidem. 3) Щербатовъ: „О порокахъ и самовластіи Петра Великаго", 16 с. 4) Яблочковъ, 404 с. 5) Записки фельдъмаршала и графа Бургхарда Христофора Миниха", Спб., 1874 г., 24 с.

рянъ на задній планъ, тѣмъ болѣе, что дворянское званіе со времени Петра I стало пріобрѣтаться не только рожденіемъ и пожалованіемъ, но, главнымъ образомъ, путемъ службы государству. Поэтому теперь дворянами могли сдѣлаться лица простаго происхожденія. Перевѣсъ начала личной заслуги надъ происхожденіемъ при государственной службѣ, конечно, не нравился родовитымъ русскимъ людямъ, которые въ послѣдующія царствованія послѣ Петра I старались занимать важнѣйшія должности въ государствѣ и сами добивались первыхъ въ немъ чиновъ [1]). Защитникъ интересовъ родовитаго дворянства, князь Щербатовъ видитъ причину такого порицаемаго имъ образа дѣйствій его представителей въ томъ, что „разрушенное мѣстничество и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ истребило мысли благородной гордости во дворянѣхъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги. И тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удается прямыя заслуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая государю и вельможамъ“ [2]). Князь Щербатовъ негодуетъ на Петра за то, что онъ „въ регулярной службѣ“ уравнялъ „холопей съ господами и сіи первые по выслугамъ, пристойнымъ ихъ роду людямъ, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинилися начальниками господъ своихъ и бивали ихъ палками“ [3]). Щербатовъ, наконецъ, недоволенъ и тѣмъ, что со времени Петра утратились простота и чистота нравовъ среди дворянства и оно стало жить роскошно. Оттого „тогда зачали уже многіе домы упадать, и упадающіе ожидать отъ милости государской и отъ защищенія вельможъ своего подкрѣпленія“ [4]). Но самъ Петръ думалъ положить основаніе матеріальному благосостоянію дворянства своимъ указомъ о майоратѣ (1714 г.),

1) Р.-Славатинскій, 19 с. 2—4) Щербатовъ: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ (Русская Старина, 1870, II, 35 и 31 с.).

которымъ былъ установленъ одинъ и тотъ же порядокъ наслѣдованія въ помѣстьяхъ и вотчинахъ и оба эти вида поземельнаго владѣнія слились въ одинъ родъ недвижимаго имущества [1]). Законъ 1714 г. присвоилъ это имущество дворянству на правѣ собственности, вслѣдствіе чего дворяне получили первую и важнѣйшую свою сословную привиллегію—право владѣть населенными имуществами помимо службы [2]). Вмѣстѣ съ изданіемъ закона 1714 года прекращается раздача дворянству помѣстій; розданныя уже помѣстья превращены въ вотчины, а основнымъ вознагражденіемъ за службу является постоянное жалованье въ видѣ денежныхъ окладовъ [3]). Со времени Петра I вводится обычай пожалованія государемъ дворянству за особенныя заслуги населенныхъ имѣній [4]). Но важнѣйшимъ правомъ дворянъ осталось ихъ крѣпостное право на крестьянъ, окончательно установленное еще въ XVII ст.: владѣніе крѣпостными крестьянами находилось въ тѣсной связи съ повинностью дворянъ нести обязательную службу въ пользу государства, которому дворянство также было закрѣпощено Петромъ I, какъ были закрѣпощены крестьяне дворянамъ [5]).

Со времени Петра I дворяне должны были служить какъ въ арміи, такъ и въ канцеляріяхъ Для того, чтобы дворяне исправно являлись на службу и распредѣлялись здѣсь сообразно своей годности, установлены были ихъ *смотры* самимъ царемъ или потомъ герольдмейстеромъ. Послѣдній обыкновенно велъ списки всѣмъ дворянамъ, наблюдалъ за обученіемъ шляхетства и пр. [6]). Смотры дворянъ были точно регулированы при Аннѣ Ивановнѣ указомъ 1736 г., который устанавливаетъ для дворянскихъ дѣтей нѣсколько послѣдовательныхъ экзаменовъ въ общеобразовательныхъ пред-

---

1) Р.-Славатинскій, 289 с. 2) В.-Будановъ, 218 с. 3—5) Р.-Славатинскій, 152—153, 157 и сл. и 277 с. 6) Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, 688 с., Р.-Славатинскій, 121—127 с.

мѣтахъ; только выдержавшіе эти экзамены производятся въ первый офицерскій чинъ [1]). При Аннѣ же Ивановнѣ былъ возбужденъ вопросъ объ ограниченіи обязательной службы дворянъ извѣстнымъ срокомъ: рядовое шляхетство, которое находило болѣе интереса жить въ своихъ помѣстьяхъ, начинаетъ тяготиться вѣчной обязательной службой, установленной Петромъ I, уклоняется отъ нея, уже при немъ сказывается въ „нѣтѣхъ", не смотря на строжайшія мѣры Петра противъ „огурства нѣтчиковъ" [2]). По проэктамъ шляхетства въ 1730 г. срокъ службы долженъ былъ сократиться отъ 18 до 20 лѣтъ [3]). Жалобы шляхетства не нашли сочувствія въ средѣ верховниковъ, которые не включили въ „кондиціи" условія о срочной службѣ дворянъ. Но и другіе члены знатнаго дворянства не одобряли требованій шляхетства относительно опредѣленія извѣстнаго срока службы. Такъ А. П. Волынскій высказывалъ опасеніе, что по отмѣнѣ безсрочной обязательной службы шляхетства всѣ дворяне бросятъ службу: „всякъ захочетъ лежать у себя дома, писалъ (въ апр. 1730 г.) Волынскій Салтыкову по поводу слуховъ, о томъ, что „дѣлается воля къ службѣ". „Ежели изъ арміи изъ рядовыхъ выпущено будетъ подлое (рядовое) шляхетство, то уже имъ, замѣчаетъ Волынскій, трудами своими отъ земли питать себя не привыкнуть, для того развѣ рѣдкой будетъ получать хлѣбъ свой отъ своихъ трудовъ, а прочіе большая часть разбоями и грабежами прибылей себѣ искать станутъ" [4]). Анна Ивановна вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ установила (въ 1736 г.) извѣстный срокъ для службы дворянъ, сравняла окончательно помѣстья съ вотчинами и уничтожила законъ 1714 г.. При Елизаветѣ Петровнѣ дворянство получило еще другую привиллегію: ему одному только позволялось владѣть крестья-

---

1) Сергѣевичъ, 689 с. 2) Славатинскій, 181 и сл. 3) Корсаковъ, 161—163 с. 4) Дѣло Сальникѣева, Чт. въ обществѣ ист. и древн. россійскихъ, 1868, III, смѣсь, 29 с.

нами [1]). Петръ III манифестомъ 1762 г. даровалъ дворянскому сословію на вѣчныя времена „вольность и свободу“. Дворяне были освобождены отъ обязательной службы государству; въ ихъ волѣ было служить или выходить въ отставку. На службу дворяне должны были являться только въ крайнихъ случаяхъ, и по призыву государя. Дворянамъ позволялось ѣздить за границу для своего образованія [2]) и поступать на службу въ иностранныхъ государствахъ [3]). Въ законѣ объ освобожденіи дворянъ отъ обязательной службы Петръ III видѣлъ „непоколебимое утвержденіе самодержавнаго россійскаго престола“ [4]). Тому же взгляду на дворянство, какъ опору престола, развиваемому Монтескьё, слѣдовала и Екатерина II въ своей „Жалованной россійскому дворянству грамотѣ“ (1785 г.) [5]). Этимъ актомъ дворянство было организовано императрицей, какъ высшее привиллегированное сословіе въ государствѣ. Екатерина надѣлила его исключительными правами: правомъ спеціально-сословнагосамоуправленія и—участія въ мѣстномъ управленіи, въ вновь учрежденныхъ ею губерніяхъ (1775 г.) [6]). Освобожденное отъ обязательной службы, дворянство естественно стремилось жить въ своихъ помѣстьяхъ, такъ что порученіе ему дѣлъ мѣстнаго управленія и своего сословнаго было логическимъ результатомъ „Жалованной грамоты“ Екатерины II. Но снимая съ дворянъ повинность обязательной службы, Екатерина не только не отняла у него, связаннаго съ нею, крѣпостнаго права надъ крестьянами, но еще прочнѣе закрѣпила владѣніе населенными имѣніями только за одними дворянами [7]). „Жалованная грамота“ надѣляетъ дворянство и многими другими личными правами, которыхъ не имѣли остальныя рус-

1) Яблочковъ, 465 с. 2) Такъ, наконецъ, дворянство добилось того права свободнаго отъѣзда за границу, о которомъ его предки мечтали еще въ эпоху междуцарствія (см. салтыковскій договоръ съ Владиславомъ). 3) Славатинскій, 193—194 с. 4) Яблочковъ, 510 с. 5) Сергѣевичъ, ibidem, 690 с. 6) Славатинскій, 419—420 с. 7) Яблочковъ, 555—556 с.

скія сословія (напр., свободой отъ уплаты всякихъ податей и—тѣлесныхъ наказаній, правомъ сословнаго суда и др.). Дворяне получили корпоративныя права: они составили крупнѣйшій въ государствѣ сословный союзъ, который обладалъ правомъ составлять дворянскія собранія, гдѣ избирались должностныя лица для сословно-дворянскаго самоуправленія и замѣщенія должностей въ мѣстномъ управленіи [1]). Екатерина II повысила условія пріобрѣтенія дворянства и осыпала благородное сословіе чинами и орденами, желая развить въ средѣ дворянъ охоту къ занятію дѣлами управленія. Но дворяне второй половины XVIII ст. не были похожи на своихъ отдаленныхъ предковъ—московскихъ бояръ, старавшихся всѣми мѣрами удержать за собою право непосредственнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Знатное и богатое дворянство уклонялось при Екатеринѣ II отъ выборовъ въ губерніяхъ, не хотѣло служить въ провинціи на ряду съ мелкимъ дворянствомъ и предпочитало жить въ столицахъ, гдѣ оно занимало высшія правительственныя мѣста или же составляло свиту государя [2]). Одна изъ причинъ того факта, что дворянство потеряло охоту къ управленію своими собственными и мѣстными дѣлами заключалась въ томъ, что дворянское самоуправленіе имѣло принудительный характеръ, было новымъ видомъ обязательной службы дворянства только на этотъ разъ въ провинціи, въ мѣстныхъ гражданскихъ учрежденіяхъ [3]). Павелъ I лишилъ дворянъ многихъ правъ, личныхъ и корпоративныхъ, дарованныхъ Екатериной II. Такъ онъ отмѣнилъ губернскія дворянскія собранія, допустилъ вмѣшательство губернаторовъ въ дѣла дворянскихъ собраній и отнялъ у дворянъ право выбирать должностныхъ лицъ въ земскую полицію и судебныя мѣста. Служба по дворянскимъ выборамъ была также стѣснена Павломъ, который возстановилъ петровскій обычай тѣ-

1—3) Славатинскій, 424 с. и сл., 492 с. и сл., 491 с.

лесныхъ наказаній дворянъ, не переставая въ тоже время осыпать ихъ разными милостями [1]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что дворянство въ XVIII ст. стало, наконецъ, прочно организованнымъ, высшимъ сословнымъ союзомъ въ государствѣ съ извѣстными правами и обязанностями по отношенію къ монархической власти, которая пользовалась услугами дворянства для удовлетворенія государственныхъ потребностей. За исключеніемъ небольшаго промежутка времени (1726—1731, 1740—1741 и 1762 гг.), въ которое сословно-политическія стремленія дворянства проявились въ видѣ переживанія, отголоска стараго московскаго обычая и, отчасти, новыхъ условій общественной жизни, во все остальное время XVIII ст. русское дворянство было только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ императоровъ, такъ какъ оно превратилось теперь въ чисто-монархическій институтъ. Съ исчезновеніемъ самостоятельнаго политическаго значенія московскаго боярства въ императорскомъ періодѣ русской исторіи со времени Петра I создается сообразно съ новыми задачами общественно-политической жизни вновь высшее управленіе страной. Участіе дворянства въ этомъ дѣлѣ организаціи центральныхъ учрежденій обнаруживается замѣтнымъ образомъ только въ краткую эпоху отъ Екатерины I и до Анны Ивановны, при Иванѣ Антоновичѣ и въ началѣ царствованія Екатерины II,—въ пору попытокъ пріобрѣсти руководящую роль въ управленіи, предпринятыхъ со стороны русскихъ знатныхъ фамилій или ихъ соперниковъ въ управленіи—нѣмцевъ (Остермана, Миниха и др.). Вліяніе аристократіи отразилось въ устройствѣ и дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта при Екатеринѣ I и Петрѣ II,—Кабинета при Аннѣ Ивановнѣ и Иванѣ Антоновичѣ,—учрежденій, при посредствѣ которыхъ русская знать и нѣмецкіе сановники ду-

---

1) Яблочковъ, 568 - 570 с. и сл.

мали захватить въ свои руки всю власть въ государствѣ [1]). Но общее развитіе высшаго, центральнаго управленія въ Россіи XVIII в. совершалось болѣе подъ вліяніемъ государственныхъ потребностей и воли монарховъ, нежели въ зависимости отъ сословно-политическихъ притязаній высшаго сословія, проявившихся въ это время, только благодаря счастливой для нихъ случайности, и исчезнувшихъ безслѣдно въ русской исторіи, какъ только была возстановлена самодержавная власть русскихъ государей (въ 1730 и 1762 гг.). Съ самого перваго момента возникновенія имперіи при Петрѣ I и въ теченіе всего XVIII ст. чувствовалась постоянная нужда въ такомъ учрежденіи, которое могло бы замѣнить въ извѣстномъ отношеніи упраздненную Петромъ боярскую думу. Послѣдняя была съ самого начала своего появленія на Руси политическимъ учрежденіемъ съ аристократическимъ характеромъ, органомъ боярскаго сословія [2]) и только въ XVII ст. становится преимущественно монархическимъ установленіемъ, въ которомъ сосредоточиваются всѣ функціи управленія. Раздѣленіе этихъ функцій по соотвѣтственнымъ учрежденіямъ является одной изъ важнѣйшихъ задачъ развитія центральныхъ учрежденій въ XVIII ст.[3]). Самый процессъ этого развитія представляетъ собою почти безпрерывную смѣну однихъ высшихъ учрежденій другими. Только что образованный при Петрѣ I, сенатъ уступаетъ при Екатеринѣ I и Петрѣ II свое высшее мѣсто въ управленіи Верховному Тайному Совѣту, который, въ свою очередь, замѣняется при Аннѣ Ивановнѣ Кабинетомъ; за послѣднимъ слѣдуютъ: Конференція при Елизаветѣ Петровнѣ и Совѣты при Петрѣ III и Екатеринѣ II-й. При этой безпрерывной смѣнѣ однихъ высшихъ учрежденій другими въ XVIII ст.

---

1) Мы не упоминаемъ среди этихъ учрежденій о томъ аристократическомъ совѣтѣ, объ учрежденіи котораго такъ много хлопоталъ графъ Н. И Панинъ: проэктъ этого совѣта остался только на бумагѣ. 2) Ключевскій: „Боярская дума“, 504—505 с 3) См. Градовскаго: „Высшая администрація Россіи XVIII ст.“

только одинъ сенатъ Петра I-мъ оставался постояннымъ учрежденіемъ. Но и его значеніе въ управленіи мѣнялось въ это время каждый разъ, какъ возникало новое высшее учрежденіе въ государствѣ. Сенатъ то стоитъ во главѣ всего управленія (при Петрѣ I-мъ, въ первое время царствованія Анны Ивановны и при Елизаветѣ Петровнѣ), то уступаетъ первое въ немъ мѣсто другимъ высшимъ установленіямъ. Но уступая, сенатъ обыкновенно протестовалъ противъ лишенія его правъ въ управленіи разными новыми учрежденіями, долго не желалъ признавать надъ собою какого-либо высшаго контроля со стороны этихъ учрежденій и упорно отказывался имъ подчиняться [1]). Сенатъ, получившій при своемъ образованіи характеръ чисто монархическаго института и соединявшій въ себѣ при Петрѣ I всѣ функціи управленія, сохранялъ долго и послѣ его смерти сознаніе своего важнаго значенія въ государственномъ управленіи и не хотѣлъ лишаться его въ пользу какихъ-то, повидимому, чисто случайныхъ учрежденій. Однако, цѣлый рядъ высшихъ учрежденій въ XVIII ст. не былъ простою случайностью: безпрерывное появленіе ихъ въ это время подъ разными названіями и даже при нормальномъ теченіи соціальной жизни, монархическомъ образѣ правленія (напр.,—Конференціи при Елизаветѣ Петровнѣ, совѣтовъ при Петрѣ III и Екатеринѣ II) показываетъ, что въ XVIII в. постоянно сознавалась потребность въ высшемъ государственномъ установленіи, которое могло бы быть ближайшимъ помощникомъ государя въ дѣлахъ законодательства и всего высшаго управленія [2]). Сенатъ, верховный тайный совѣтъ, кабинетъ и др. учрежденія были поочередно преемниками въ имперіи роли боярской думы, какъ законодательнаго и высшаго правительственнаго учрежденія [3]). Съ

---

1) См. ниже. 2) В.-Будановъ, 233—234 с. 3) „Существо законодательныхъ монархическихъ учрежденій, говоритъ графъ Сперанскій, состоитъ въ совѣщательномъ соображеніи: никакой законъ не можетъ исходить въ самодержавномъ государствѣ, какъ только отъ верховнаго начала всѣхъ законовъ, отъ

полнымъ образованіемъ самодержавной и неограниченной власти въ русскомъ государствѣ XVIII ст. нужда въ законосовѣщательномъ учрежденіи почувствовалась особенно сильно. Поэтому-то то учрежденіе, которое обладало въ данный моментъ законодательной функціей, получало обыкновенно преобладаніе надъ всѣми остальными учрежденіями. Такъ сенатъ при Петрѣ I, бывшій законодательнымъ учрежденіемъ[1]), первенствовалъ въ управленіи. Но при Екатеринѣ I и Петрѣ II, когда появился верховный тайный совѣтъ и соединилъ въ себѣ всѣ функціи управленія, сенатъ сдѣлался второстепеннымъ учрежденіемъ, вмѣсто правительствующаго сталъ называться высокимъ и былъ сравненъ съ коллегіями. Тоже паденіе значенія сената мы видимъ при учрежденіи Кабинета при Аннѣ Ивановнѣ и Иванѣ Антоновичѣ. Но въ царствованіе Елизаветы Петровны, возстановившей власть сената въ томъ объемѣ, какой она имѣла при Петрѣ I, сенатъ снова очутился во главѣ управленія, хотя теперь Конференція и ограничивала немного права сената[2]). При Екатеринѣ II, которая правила государствомъ съ помощью совѣта и генералъ-прокурора, сенатъ имѣлъ, главнымъ образомъ, значеніе высшаго судебнаго института въ имперіи. Тотъ же самый судебный характеръ онъ сохранилъ и при Павлѣ I, который поручалъ ему и рѣшеніе разнаго рода правительственныхъ дѣлъ. Мысль о совѣтѣ, какъ специальномъ учрежденіи для законодательныхъ дѣлъ правленія, была уже у Петра I, всегда стоявшаго за коллегіальное правленіе противъ личнаго. „Въ запискахъ, хранящихся въ архивѣ Его Величества (кн. № 44) находится собственной его рукой сдѣланное замѣчаніе объ устройствѣ „такой коллегіи, которая бы смотрѣла, что исправить, отмѣнить, отставить, вновь сдѣлать, начиная отъ порядковъ прибыли, даже до украшенія и чистоты

государя“ („О государственныхъ установленіяхъ“, Архивъ истор. и практич. свѣдѣній, относящихся до Россіи“, Калачева, 1859, III, 36 с.). 1) Петровскій, 230—246 с. 2) Сперанскій: „О государственныхъ установленіяхъ“, 28 стр.

во всемъ государствѣ"[1]). Совѣты подъ разными названіями (верховный тайный совѣтъ, кабинетъ, конференція) возникаютъ тотчасъ же по смерти Петра и до Екатерины II[2]), при которой впервые былъ организованъ подъ собственнымъ названіемъ „императорскій совѣтъ", какъ *постоянное учрежденіе* съ законосовѣщательнымъ и высшимъ правительственнымъ характеромъ[3]).

Одной изъ причинъ безпрерывной смѣны однихъ высшихъ учрежденій другими въ теченіе XVIII ст. является отсутствіе въ центральной администраціи разграниченія между функціями управленія, смѣшеніе законодательства, управленія и суда сначала въ сенатѣ (при Петрѣ I и Елизаветѣ Петровнѣ), а потомъ въ совѣтахъ разныхъ наименованій[4]). Неопредѣленность положенія каждаго изъ высшихъ учрежденій XVIII в., вытекавшая изъ такого отсутствія точныхъ предѣловъ ихъ власти, была причиной произвольнаго присвоенія ими себѣ чрезмѣрныхъ правъ въ управленіи государствомъ и злоупотребленій своею властью, за которыми слѣдовалъ упадокъ правительственнаго авторитета учрежденія и его замѣна другимъ подобнымъ же. Въ этой быстрой смѣнѣ учрежденій въ центральномъ управленіи и въ его колебаніи и неустойчивости въ XVIII ст. имѣли большое значеніе еще стремленія знати (русской и нѣмецкой) и временщиковъ къ захвату всей власти въ государствѣ, сосредоточенію ея въ томъ учрежденіи, которое въ данный моментъ олицетворяло ихъ

---

1) Дѣла Комитета 6 дек. 1826 г., по описи № 63: „Записка объ устройствѣ верховныхъ правительственныхъ мѣстъ въ Россіи" графа *Дибича*. Мы не знаемъ, о какомъ архивѣ Петра I говоритъ здѣсь авторъ, но думаемъ, что онъ, вѣроятно, имѣлъ подъ руками подлинныя дѣла изъ этого архива, разъ онъ дѣлаетъ точную на него ссылку. 2) Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, 840 с., В.-Будановъ, 233—234 с. 3) Чистовичъ: „Истор. записка о совѣтѣ въ царствованіе императрицы Екатерины II", Спб., 1870 г., 6, 64—65 с.; см. Архивъ Гос. Совѣта, I томъ. 4) Дибичъ, Записка etc., ср. „Записку неизвѣстнаго объ устройствѣ верх. правит. мѣстъ въ Россіи", I ч., хранящуюся въ дѣлахъ Архива Государс. Совѣта, и назв. соч. Сперанскаго, 23—26, 31 и 37 с.

политическую силу. Такъ Верховный Тайный Совѣтъ былъ, между прочимъ, учрежденъ Екатериной I по настоянію князя Меньшикова [1]), который такимъ путемъ сильно расширилъ свое вліяніе на всѣ дѣла въ государствѣ [2]). Послѣ паденія Меньшикова Верховный Тайный Совѣтъ сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ фамиліи князей Долгорукихъ, къ которымъ присоединились потомъ князья Голицыны и другіе вельможи. Всѣ они воспользовались Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ для того, чтобы произвести политическій переворотъ въ свою пользу при возшествіи на престолъ Анны Ивановны. Кабинетъ при этой императрицѣ былъ образованъ по иниціативѣ Остермана и Миниха (отца), который принималъ участіе въ его организаціи и при Аннѣ Леопольдовнѣ [3]). По словамъ графа Н. И. Панина, Конференція появилась при Елизаветѣ Петровнѣ подъ извѣстнымъ вліяніемъ „прихотливыхъ припадочныхъ людей, фаворитовъ“ [4]). Необходимо, далѣе, замѣтить, что шаткость и частыя перемѣны въ высшей администраціи XVIII ст. происходили еще вслѣдствіе того, что въ это время еще не установилось опредѣленнаго взгляда на форму организаціи вообще всѣхъ государственныхъ учрежденій, шла борьба между личнымъ началомъ—наслѣдіемъ московскаго періода—и коллегіальнымъ, впервые введеннымъ въ русскую администрацію Петромъ I [5]). Образованіемъ сената,—учрежденія, отличнаго по основному (коллегіальному) принципу своей организаціи отъ старыхъ московскихъ приказовъ, между верховною властью и сенатомъ образовался пробѣлъ, неизвѣстный прежней, московской администраціи, которая вся была построена на одномъ личномъ, бюрократическомъ нача-

1) Арсеньевъ: „Царствованіе Екатерины I-й“, Ученыя Записки II отд. Имп. Акад. Наукъ, 1856, II кн., 1 в., 175 с. 2) Записки Миниха (отца), 34 с. 3) Записки Миниха, 41 и 79 с., Градовскій, 150—151 и 153 с. 4) „Докладъ графа Панина Екатеринѣ II о преобразованіи въ управленіи государства“, Рус. Архивъ, 1871 г., 1417 с. 5) Градовскій, 111—116, 282 и мн. др. стр., Сперанскій, 23 с.

лѣ [1]). Самъ Петръ сознавалъ, по словамъ Миниха (отца), пустоту, существовавшую между неограниченною властью русскаго государя и сенатомъ и нашелъ средство для сохраненія единства въ администраціи и уничтоженія произвола въ управленіи въ должности генералъ-прокурора въ сенатѣ (1722 г.) [2]). Однако, личное начало въ управленіи взяло верхъ надъ коллегіальнымъ съ появленіемъ въ сенатѣ генералъ-прокурора, который сдѣлался при Петрѣ I „кормиломъ государственнаго правленія“ [3]). Послѣ Петра I личное начало господствовало въ управленіи посредствомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, подчиненнаго сначала князю Меньшикову, а потомъ князьямъ Долгорукимъ и Голицынымъ и—Кабинета, дѣйствовавшаго по волѣ Остермана, Миниха и Бирона [4]). При Елизаветѣ Петровнѣ оба начала—личное и коллегіальное—сливаются въ гармоничномъ дѣйствіи генералъ-прокурора и сената [5]). Но при Екатеринѣ II „власть и личное дѣйствіе генералъ-прокурора возрасли“ вновь, благодаря тому, что императрица довѣряла ему важнѣйшія правительственныя дѣла [6]) и генералъ-прокуроръ входилъ съ докладами къ государынѣ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось изъяснить законъ и измѣнять рѣшеніе сената [7]). Такое же выдающееся значеніе генералъ-прокуроръ занималъ и въ царствованіе Павла I [8]). Такимъ образомъ, личное начало въ высшихъ учрежденіяхъ XVIII ст. (Сенатѣ, Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и др.) перевѣшивало коллегіальное, вслѣдствіе чего открывался широкій просторъ для исключительнаго вліянія отдѣльныхъ лицъ на все центральное управленіе и—различныхъ въ немъ перемѣнъ. Дѣйствіе всѣхъ, указанныхъ нами, причинъ на образованіе высшихъ учрежденій въ XVIII ст. станетъ вполнѣ

1) Градовскій, 111—112 с. 2) Записки Миниха, 22 с. 3) Градовскій, 124—125 с., Сперанскій, 18 и 23 с. 4) Градовскій, 138—139, 146, 150-151, 262 и 282 с. 5—6) Градовскій, 195—196, 209 и 254 с. 7) Сперанскій, 29 стр. 8) Градовскій, 255—262 с.

для насъ яснымъ при дальнѣйшемъ изложеніи, болѣе подобномъ изслѣдованіи процесса организаціи всей центральной администраціи отъ Петра I и до Александра I. При изученіи этого вопроса мы будемъ имѣть въ виду, съ одной стороны, спеціализацію задачъ высшаго управленія, отдѣленіе его отъ мѣстнаго и раздѣленіе функцій власти между различными высшими установленіями, которыми опредѣлялись взаимныя отношенія между ними; съ другой стороны, мы обратимъ вниманіе на вліяніе соціальнаго элемента (высшаго сословія) на образованіе высшаго управленія въ Россіи XVIII ст., особенно же въ первой его половинѣ.

Послѣ смерти Θеодора Алексѣевича (въ 1682 г.) осталось два наслѣдника престола,—два его брата: Иванъ и Петръ Алексѣевичи. Каждый имѣлъ за себя партію изъ бояръ: Иванъ—Милославскихъ, Петръ—Б. А. Голицына, Долгорукихъ, Ромадановскаго и др. знатныхъ бояръ [1]). Партія Петра была сильнѣйшая и поэтому онъ былъ провозглашенъ царемъ. Этимъ выборомъ осталась недовольна, однако, сестра царевичей, Софья Алексѣевна. „принцесса ума великаго“, которая вздумала „посадить на царство Ивана Алексѣевича для того, чтобы взять въ свои руки правленіе государствомъ“ [2]). Съ помощью стрѣльцовъ, перебившихъ нѣсколькихъ знатныхъ бояръ (Нарышкиныхъ, Долгорукихъ и др.), Иванъ Алексѣевичъ былъ провозглашенъ царемъ, но всѣмъ государствомъ стала править за малолѣтствомъ царевичей сама Софья, которую окружали: ея любимецъ князь В. В. Голицынъ, носившій титулъ „оберегателя“, князь Одоевскій, князь Троекуровъ и другіе ея приверженцы изъ знатныхъ бояръ. Князь Б. И. Куракинъ хвалитъ правленіе *Софьи Алексѣевны* (1682—1689): „никогда, говоритъ онъ, такого лучшаго правленія

1—2) Архивъ князя Куракина, 43—44 с., Соловьевъ, XIII, 3 глава, 335—354 стр.

въ россійскомъ государствѣ не было" и, между прочимъ, замѣчаетъ, что при ней „политесъ была возстановлена въ великомъ шляхетствѣ и другихъ придворныхъ съ манеру польскаго" [1]). Куракинъ же упоминаетъ „о совѣтѣ Софьи съ боярами въ палатѣ" по поводу предполагаемой войны съ поляками, причемъ несогласія двухъ боярскихъ партій въ думѣ продолжались цѣлыхъ полгода [2]). Во время правленія Софьи Петръ Алексѣевичъ жилъ, не вступаясь въ государственныя дѣла, съ своею матерью, Натальей Кириловной, и приближенными боярами, изъ числа которыхъ было много „молодыхъ людей изъ первыхъ домовъ". Нарышкины, Стрѣшневъ и другіе бояре разстроили планъ Б. А. Голицына женить Петра на своей родственницѣ, княжнѣ Трубецкой, „опасаяся, что чрезъ тотъ марьяжъ оной князь Голицынъ съ Трубецкими и другими своими свойственники великихъ фамилій возьмутъ повоіръ (pouvoir) и всѣхъ другихъ затѣснятъ" [3]). По совѣту боярина Стрѣшнева Петръ женился на Евдокіи Лопухиной изъ „шляхетства средняго, токмо на площади знатнаго" [4]). Когда Петръ, узнавши о замыслахъ Софьи на его жизнь, уѣхалъ ночью въ Троицкій монастырь, туда жѣ прибыли вслѣдъ за нимъ „патріархъ, бояре и вся палата". Извѣстенъ конецъ попытки Сифьи захватить въ свои руки всю власть въ государствѣ: сама Софья была заключена въ монастырь, а ея приближенные—заговорщики (князь В. В. Голицынъ, Шакловитый и др.) потерпѣли болѣе или менѣе жестокія наказанія. Теперь правленіе государствомъ перешло къ Петру Алексѣевичу, который, впрочемъ, при жизни своей матери продолжалъ предаваться своимъ любимымъ воинскимъ забавамъ, а всѣми дѣлами правили бояре (сначала Б. А. Голицынъ, а потомъ братъ царицы, бояринъ Левъ Нарышкинъ, Стрѣшневъ и другіе „министры" [5]). „Про-

---

1—4) Архивъ князя Куракина („Гисторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ") стр.: 50—52, 55 и 56. 5) Соловьевъ, XIV, 124-148 с., Куракинъ, 61—63 с.

чіе же бояре первыхъ домовъ были въ это время судьями и воеводами, однакоже безъ всякаго повоіре (pouvoir) въ консиліи или палатѣ, токмо были спектакулеми“ [1]). Ближайшій свидѣтель всѣхъ событій первыхъ годовъ царствованія Петра I и участникъ юношескихъ его потѣхъ, князь Куракинъ замѣчаетъ, что уже въ это время произошло „наибольшее начало паденія первыхъ фамилій, а особливо имя князей было смертельно возненавидѣно и уничтожено какъ отъ его царскаго величества, такъ и отъ первыхъ тѣхъ правительствующихъ, которые кругомъ его были для того, что всѣ оные господа, какъ Нарышкины, Стрѣшневъ, Головкинъ были домовъ самого низкаго и убогаго шляхетства и всегда ему внушали съ молодыхъ лѣтъ противу великихъ фамилій, къ тому же и самъ его величество склоннымъ явился, дабы уничтоживаніемъ оныхъ отнять у нихъ повоіръ весь и учинить бы себя наибо́льшимъ суввереномъ“ [2]). И дѣйствительно уже въ юношескихъ забавахъ Петра видно его намѣреніе „лишить дворянство сознанія его мнимыхъ преимуществъ происхожденія“, родовой спѣси: онъ набралъ изъ молодыхъ и знатныхъ дворянъ отрядъ „потѣшныхъ“, въ которомъ всѣ, начиная съ царя, должны были проходить низшія ступени военной службы [3]). Въ рядахъ „потѣшныхъ“ были, кромѣ того, и незнатные иностранцы, которыхъ Петръ допускалъ даже въ ставшія теперь сравнительно рѣдкими засѣданія съ царемъ боярской думы, гдѣ обсуждались военныя дѣла [4]). Большимъ униженіемъ для родовитаго боярства и высшаго духовенства была другая „забава“ Петра, который выбралъ „изъ придворныхъ знатныхъ персонъ“ потѣшнаго патріарха, митрополита и другихъ духовныхъ чиновъ: патріархомъ былъ названъ окольничій Нарышкинъ, „мужъ глупый, старый и

1—2) Куракинъ, 64 с. 3) Фокеродъ, 1392—1393 с. 4) „Письма и бумаги императора Петра Великаго“, изданіе академика А. Ѳ. Бычкова, Спб., 1887, томъ I-й, 111—113 и 606 с., Ключевскій, 430—431 с.

пьяный", а архіереями „нѣкоторые изъ бояръ отъ разныхъ провинцій" [1]). Для наказанія „многихъ знатныхъ персонъ и министровъ" Петръ употреблялъ придворныхъ шутовъ [2]). Но отъ „забавъ" Петръ скоро перешелъ къ дѣлу преобразованія русскаго государства сообразно съ тѣми общеевропейскими идеями, которыя онъ усвоилъ при своемъ раннемъ сближеніи съ иностранцами (Лефортомъ, Гордономъ и др. [3]).

Съ самого начала своей преобразовательной дѣятельности Петръ рѣшился пріучить русскихъ къ самостоятельности, пытался всѣми мѣрами развить въ нихъ охоту къ самодѣятельности [4]). Съ этою цѣлью онъ поручилъ во время своего отъѣзда за границу (въ 1697 г.) всѣ дѣла управленія боярамъ [5]). Съ самаго начала самостоятельнаго правленія Петра измѣнился и характеръ боярской думы, которая перестала быть учрежденіемъ, дѣйствующимъ только вмѣстѣ съ государемъ: съ конца XVII ст. дума обратилась въ тѣсный совѣтъ, самостоятельно и безъ государя распоряжавшійся въ государствѣ [6]). Частыя отлучки Петра изъ Москвы, распредѣленіе членовъ думы по областямъ и войскамъ при войнахъ съ Турціей и Швеціей, возникновеніе новой столицы на берегахъ Невы съ особыми центральными учрежденіями, небывалыя въ московскомъ государствѣ разнообразныя реформы всего соціально-политическаго строя, ненависть Петра къ знатнымъ боярскимъ фамиліямъ, уже потерявшимъ свое вліяніе въ обществѣ—всѣ эти и многія другія обстоятельства подрываютъ въ корнѣ политическое значеніе боярской думы [7]). Боярскій совѣтъ продолжаетъ собираться для рѣшенія дѣлъ управленія, но его участіе въ управленіи принимаетъ другія формы. Правительственное значеніе бояръ падаетъ все болѣе и болѣе: по словамъ Фокерода, Петръ еще до стрѣлецкаго мятежа (1698 г.) уничтожилъ древнюю форму бояр-

1—2) Куракинъ, 71 и 73 с. 3) Соловьевъ, XIV, 142—143 с. 4—5) Соловьевъ, XV, 86 с., Петровскій, 23 с. 6—7) Ключевскій, 427—429 с.

скихъ приговоровъ, указывающую на необходимость боярскихъ совѣтовъ царю при рѣшеніи дѣлъ (то есть, формулу: „бояре приговорили“)[1]). Къ этому же времени князь Куракинъ относитъ учрежденіе Петромъ I „Ближней Канцеляріи“ подъ начальствомъ думнаго дворянина Никиты Зотова[2]). Это мнѣніе имѣетъ за себя нѣкоторое основаніе потому, что ближняя канцелярія явилась правительственнымъ учрежденіемъ съ совершенно новымъ характеромъ по сравненію съ боярской думой: она все время своего существованія дѣйствовала вдали отъ государя, хотя и подъ его высшимъ руководствомъ, и въ этомъ отношеніи была сходна скорѣе съ сенатомъ, нежели боярской думой[3]). Она была переходнымъ учрежденіемъ отъ послѣдней къ первому и поэтому имѣла нѣкоторыя черты того и другаго[4]). Съ 1704 г. ближняя канцелярія становится тѣснымъ совѣтомъ министровъ,—начальниковъ приказовъ, высшимъ административнымъ органомъ власти неограниченнаго монарха, исполнительницей его воли, которая выражается въ именныхъ указахъ[5]). Членами ближней канцеляріи были прежніе члены боярской думы, которые собирались „на консилію“ по приказанію Петра въ опредѣленное время и въ извѣстномъ мѣстѣ[6]) для обсужденія разнаго рода дѣлъ подъ строгою отвѣтственностью за правильность ихъ рѣшенія („такъ, какъ дать отвѣтъ въ день судный“). Поэтому въ ближней канцеляріи велись (съ 1707 г.) протоколы всѣмъ разсматриваемымъ въ ней дѣламъ[7]). Въ

---

1) Фокеродъ, 1391 с. 2) Архивъ кн. Куракина („Жизнь Б. И. К—а“), 258 с. 3) Г. Токаревъ, авторъ монографіи о ближней канцеляріи, составленной на основаніи подлинныхъ дѣлъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, относитъ ея возникновеніе къ 1701 г. (Архивъ Мин. Юст., V, 2 отд., 44 с.). Этого же мнѣнія держится и проф. Ключевскій: въ 1701 г. о ближней канцеляріи упоминается въ приказныхъ дѣлахъ (432 с.) Но это, однако, не могло помѣшать появленію ея въ 1697—1698 г., когда Петръ, отправляясь за границу, нуждался въ высшемъ самостоятельномъ правительственномъ учреж-
4—7) Токаревъ: „Ближняя канцелярія при Петрѣ Великомъ и ея дѣла“, ibid., стр.: 48—51 и 74—75 с., Первое Полное Собраніе Законовъ, IV, № 2184.

ближней же канцеляріи была заведена особая книга, въ которую вносились всѣ высочайшіе указы, данные присутственнымъ мѣстамъ[1]). Отсюда видно, что ближняя канцелярія дѣйствовала, какъ самостоятельное учрежденіе, стояла надъ всѣми остальными административными учрежденіями (т. е., приказами)[2]). Главный предметъ занятій ближней канцеляріи, какъ и сената при его возникновеніи (въ 1711 г.), составляли вопросы государственнаго хозяйства, финансовыя дѣла и контроль надъ государственными финансами, организація рекрутскихъ наборовъ и вообще содержаніе арміи; она рѣшала нѣкоторыя судебныя дѣла и даже политическіе процессы, разсматривала слѣдственныя дѣла о злоупотребленіяхъ чиновниковъ, являлась высшимъ полицейскимъ органомъ въ государствѣ, вѣдала нѣкоторыя помѣстныя дѣла и даже заботилась о развитіи торговли[3]). Въ тоже время ближняя канцелярія не имѣла законодательной функціи и дѣйствовала въ качествѣ высшаго самостоятельнаго административнаго органа только до учрежденія сената[4]). Такимъ образомъ, въ первые годы царствованія Петра I бояре попрежнему управляли государствомъ, только какъ уже члены ближней канцеляріи, въ которой они „судятъ о дѣлахъ и кладутъ на нихъ приговоры“[5]). Но характеръ дѣятельности бояръ существенно разнится отъ круга ихъ дѣйствій въ думѣ, бывшей ихъ сословнымъ органомъ. Ближняя канцелярія—монархическое учрежденіе, составъ котораго, кругъ вѣдомства, отвѣтственность членовъ и порядокъ дѣлопроизводства опредѣляются единственно волею монарха въ виду удовлетворенія

1) П. С. З. IV, № 2022. 2) Токаревъ, 52—54 стр. 3 - 4) П. С. З. IV, № 2270, Архивъ князя Куракина,—258 с.. Въ ближ. канцеляріи получались: „отъ всѣхъ дѣлъ, что со всѣхъ приказовъ, по вся недѣли вѣдомость, что гдѣ, чего въ приходѣ, въ расходѣ и кому что должно на что расходъ держать; и всего государства весь расходъ съ оклады и приходы, и всѣ расходы съ оклады и безъ окладовъ“. Токаревъ, 52—75 с., Ключевск й, 437—440 с. 5) Соловьевъ, XV, 87 и XVI, 1—2 с.

неотложныхъ нуждъ новаго государственнаго порядка. Петръ довѣрялъ ближней канцеляріи не всѣ дѣла управленія. Дѣла по службѣ и служилому землевладѣнію рѣшались въ походной канцеляріи, частномъ кабинетѣ Петра[1]). Во главѣ этого кабинета стоитъ секретарь А. В. Макаровъ, человѣкъ незнатнаго происхожденія, но могущественнѣе родовитыхъ вельможъ по своей близости къ царю[2]) Съ 1711 г. „министры" перестали съѣзжаться „на консиліи" въ ближнюю канцелярію и вся ея дѣятельность ограничилась ревизіей приходорасходныхъ книгъ, да исполненіемъ разнымъ временныхъ порученій государя. Такъ въ 1717 г. она составляла морскіе штаты. Вскорѣ послѣ этого (въ 1719 г.) ближняя канцелярія была преобразована въ ревизіонъ—коллегію[3]).

Петръ былъ недоволенъ дѣятельностью ближней канцеляріи, въ которой всѣ дѣла рѣшались несвоевременно вслѣдствіе того, что ея члены, заваленные разными порученіями Петра, неисправно посѣщали засѣданія и нерѣдко обращались къ нему за совѣтами по всякаго рода дѣламъ. Между тѣмъ политическія обстоятельства осложнялись предстоящей войной съ неизвѣстными еще русскимъ турками. Тогда Петръ рѣшился создать учрежденіе, которое могло бы вполнѣ замѣнить его лицо при отсутствіи изъ государства, обладало бы обширною властью и самостоятельностью[4]). Такимъ учрежденіемъ явился *сенатъ* (въ 1711 г.). Петръ заимствовалъ названіе сената и, отчасти, характеръ этого учрежденія изъ Швеціи, гдѣ въ его время (при Карлѣ XII) неограниченная монархическая власть взяла верхъ надъ аристократическимъ началомъ и все управленіе прониклось бюрократическимъ духомъ[5]). На мысль учредить въ Россіи сенатъ могло навести Петра аналогичное тогдашнему ея состоянію положеніе Швеціи, гдѣ государь отсутствовалъ долгое время и всѣмъ

1) Токаревъ, 63, 64 с. 2) Соловьевъ, XVI, 2—3 с. 3) Токаревъ, 73—74 стр. 4) Петровскій, 29—30. 5) Градовскій, 57—59.

государствомъ управлялъ сенатъ съ обширными полномочіями отъ Карла II [1]). Но существенныя основанія огранизаціи сената: его составъ, вѣдомство и даже способъ рѣшенія дѣлъ были взяты Петромъ изъ старыхъ московскихъ учрежденій. Появленіе сената было необходимымъ послѣдствіемъ боярскаго правленія при Петрѣ I, которое пріобрѣло при немъ въ ближней канцеляріи уже извѣстную самостоятельность: „явилось новое слово, а къ дѣлу уже привыкли" [2]). Сенаторы были вмѣстѣ съ тѣмъ президентами или членами коллегій (съ ихъ образованіемъ въ 1718 г.) точно также, какъ члены боярской думы „сидѣли" въ одно и тоже время и въ приказахъ. Петръ „приказалъ" сенату государство на время своего отсутствія по обычаю, давно возникшему у московскихъ царей, приказывать боярамъ Москву на время своего отсутствія изъ столицы. Сенатъ имѣлъ такую же обширную власть, обладалъ всѣми ея функціями, какъ и прежняя боярская дума, и, подобно ей, рѣшалъ единогласно всѣ дѣла [3]). Впрочемъ, единогласный порядокъ въ рѣшеніи дѣлъ существуетъ въ сенатѣ только до 1714 г., когда Петръ ввелъ рѣшенія по большинству голосовъ [4]). Существенное отличіе сената отъ боярской думы заключается въ томъ, что онъ былъ чисто монархическимъ учрежденіемъ, только орудіемъ верховной власти Петра I въ государствѣ, между тѣмъ какъ боярская дума имѣла почти всегда соціально-политическій характеръ, являлась органомъ господствующаго въ государствѣ высшаго боярскаго сословія [5]). Сенатъ не вдругъ принялъ окончательную форму своего устройства, которая была создана Петромъ I въ нѣсколько пріемовъ. Въ 1711 г. было положено только начало образованію сената; въ это время онъ былъ учрежденіемъ „вмѣсто собственной Е. В. пер-

---

1) Петровскій, 36 с. 2) Соловьевъ, XV, 86 стр. 3) Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, 835—836 с. 4) Петровскій, 334—336 с 5) Будановъ, 233 с. Ключевскій, 457 стр.

соны", состоялъ изъ девяти членовъ и долженъ былъ рѣшать судебныя дѣла, заботиться о средствахъ для веденія войны, организаціи арміи и китайской и персидской торговлѣ. Но вѣдомство сената было обширнѣе данной ему инструкціи: онъ сосредоточивалъ въ себѣ всѣ функціи власти, такъ что „трудно сказать, гдѣ кончалась власть сената и начиналась власть монарха и чѣмъ ограничивался кругъ его вѣдомства" [1]) Указовъ сената должны были слушаться всѣ жители государства подъ опасеніемъ жестокихъ наказаній. Съ учрежденіемъ коллегій, замѣнившихъ приказы, въ сенатъ вошли всѣ президенты коллегій и высшіе государственные чины. Но въ 1722 г. велѣно было оставить въ сенатѣ только президентовъ иностранной коллегіи, двухъ воинскихъ и бергъ-коллегіи; прочія же коллегіи получили своихъ особыхъ президентовъ. Причина такого измѣненія въ составѣ сената была та, что Петръ желалъ, чтобы его члены „смотрѣли бы надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ: а нынѣ сами будучи въ оныхъ, какъ могутъ сами себя судить?" [2]). Надзоръ надъ дѣятельностью самого сената былъ порученъ въ томъ же 1722 г. генералъ-прокурору, который посредствомъ подчиненныхъ ему прокуроровъ и фискаловъ имѣлъ возможность слѣдить и за всѣми остальными установленіями и должностными лицами [3]). Въ теченіе 1718—1722 г. сенатъ изъ учрежденія съ чрезвычайными полномочіями, дарованными ему Петромъ въ 1711 г. при необычайныхъ условіяхъ, превращается въ постоянное высшее правительственное учрежденіе, которое подъ предсѣдательствомъ самого государя завѣдуетъ всей центральной администраціей. Въ отношеніи законодательства сенатъ былъ такимъ учрежденіемъ, съ которымъ Петръ совѣщался въ законодательныхъ дѣлахъ. Чрезъ сенатъ

1—3 Петровскій, стр.: 33-35, 51—55, 39—47 и 241—246 с., Градовскій, 80—81, Ш с. и сл., 121—122 с.

проходили всѣ регламенты и инструкціи коллегіямъ (напр., духовный регламентъ). Сенатъ не только участвовалъ въ составленіи и обсужденіи законовъ, заботился по порученію государя о составленіи новаго уложенія, но и имѣлъ право иниціативы закона: онъ могъ самъ составлять проэкты новыхъ законовъ и предлагать ихъ монарху на утвержденіе[1]. Сенату же принадлежало право публикаціи законовъ. Такимъ образомъ, петровскій сенатъ былъ законосовѣщательнымъ учрежденіемъ при монархѣ[2]), замѣнялъ при немъ государственный совѣтъ, функціями котораго онъ обладалъ въ это время. Но кругъ вѣдомства сената въ эпоху полнаго его образованія не ограничивается одними законодательными дѣлами: дѣятельность его охватываетъ всѣ отрасли государственнаго управленія, не исключая внѣшнихъ сношеній съ иностранными государствами[3]). Сенатъ имѣлъ право надзора за всѣми государственными установленіями и—окончательнаго рѣшенія въ дѣлахъ высшаго управленія и судебныхъ[4]). Слѣдовательно, въ сенатѣ смѣшивались всѣ функціи управленія. Но высшее правительственное значеніе сената ослаблялось въ значительной мѣрѣ коллегіями, образованными Петромъ съ цѣлью уничтоженія самовластія и безконтрольной дѣятельности приказовъ, противъ которыхъ онъ вооружался съ самого начала своего царствованія[5]). Составъ коллегій сначала былъ однороденъ съ сенатскимъ и коллегіи имѣли туже власть въ управленіи, какъ и сенатъ. Повидимому, сенатъ былъ поставленъ выше коллегій, всѣ сомнѣнія которыхъ онъ долженъ былъ разрѣшать на основаніи законовъ и регламентовъ, а въ сомнительныхъ случаяхъ представлять доклады государю. Сенатъ же разсматривалъ жалобы на кол-

---

1) Сперанскій, 17 и 23 с., Дѣла архива госуд. совѣта, назв. записка неизвѣстнаго. 2) Щербатовъ, О самовластіи Петра I etc., 21 стр. 3) Петровскій, 304 и 326 с., Градовскій, 122 с., Дѣла Комитета 6 дек. 1826 г., № 63 (Записка Дибича). 4) Сперанскій, ibidem, 5) Градовскій, 90 стр. и слѣд.

легіи, сносился съ губернаторами о дѣлахъ, невходившихъ въ компетенцію коллегій, давалъ чины и проч.. Въ тоже время вѣдомство коллегій оставалось неопредѣленнымъ. По закону, „чего въ коллегіяхъ рѣшить было не можно“, о томъ они должны были представлять сенату. Но что именно коллегіи не могли рѣшать сами, о томъ не было нигдѣ ничего не сказано. Каждая коллегія могла даже во всѣхъ случаяхъ, гдѣ она „усмотрѣла что къ произведенію государственной пользы“, доносить прямо государю. Точно также, если какая коллегія находила въ указахъ сената что-либо противное указамъ государя или „государственнымъ пользамъ“, она имѣла право сдѣлать указаніе на это сенату, а въ случаѣ подтвержденія имъ своего указа обязана была доносить государю. Коллегіи, слѣдовательно, не только могли, какъ и сенатъ, дополнять и разъяснять существующіе законы, но и контролировать дѣятельность самого сената, который такимъ образомъ оказывался подчиненнымъ каждой коллегіи. Всѣ коллегіи имѣли право управлять и судить точно также, какъ и сенатъ, причемъ не было опредѣлено, въ какихъ случаяхъ рѣшенія коллегій считались окончательными и въ какихъ подлежали пересмотру сената. Послѣдній не могъ занять въ высшемъ управленіи государствомъ мѣсто выше коллегій уже по одному тому, что въ коллегіяхъ получило скоро перевѣсъ надъ совѣщательнымъ началомъ ихъ организаціи старинное, московское, бюрократическое (личное) начало управленія: президенты коллегій предпочитали путь непосредственнагоо обращенія къ государю, отъ котораго они и получали указы, минуя сенатъ[1]). Личное же начало (генералъ-прокуроръ) взяло верхъ надъ коллегіальнымъ и въ самомъ сенатѣ, гдѣ существуетъ одинъ и тотъ же порядокъ рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ по отношенію ко всѣмъ дѣламъ управле-

---

1) Сперанскій, 18—24 с., Дѣла Комитета 6 дек. 1826 г., № 63, Градовскій, 101—102 стр.

нія: законодательнымъ, адманистративнымъ и судебнымъ [1]). Вслѣдствіе такого отсутствія предѣловъ власти и запутанныхъ отношеній между сенатомъ и коллегіями при Петрѣ I они постоянно находились между собою въ безпрерывныхъ раздорахъ и несогласіяхъ: управляя одними и тѣми же дѣлами, сенатъ и коллегіи сваливали отвѣтственность другъ на друга, а генералъ-прокуроръ „пользовался наружными формами коллегіальнаго разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ въ собраніяхъ сенатскихъ для расширенія своей личной власти“ [2]).

Съ организованнымъ въ такомъ видѣ высшимъ, центральнымъ управленіемъ въ государствѣ находились въ извѣстной связи и мѣстныя, областныя учрежденія, въ основу которыхъ Петръ положилъ одно и тоже начало государственнаго интереса, общей пользы, отправленія повинностей въ пользу государства. Какъ сенатъ сосредоточилъ въ себѣ всѣ предметы центральнаго управленія, такъ въ вновь учрежденныхъ (въ 1708 и 1719 г.) Петромъ I губерніяхъ губернаторы соединили въ своихъ рукахъ всѣ дѣла мѣстнаго управленія (военныя, финансовыя, торгово-промышленныя, судебныя, помѣстныя и разрядныя, полицейскія, духовныя и нѣкоторыя иностранныя). По отношенію къ сенату губернаторъ былъ исполнителемъ всѣхъ его предначертаній и распоряженій [3]).

---

1) Сперанскій, ibidem, Градовскій, 124—126, 2) Дѣла Архива гос. совѣта, Записка неизвѣстнаго; какъ показываетъ цитированное нами изъ нея мѣсто, авторъ записки знакомъ основательно съ состояніемъ высшаго управленія въ Россіи XVIII в. Записка неизвѣстнаго, сходная съ „Запиской“ графа Дибича только по заглавію, написана до 1815 г., какъ это видно изъ самого ея содержанія. Она найдена въ бумагахъ графа Гурьева, министра финансовъ при Александрѣ I. Съ ней сходны „Предположенія къ исправленію настоящихъ установленій“, полученныя въ Комитетѣ 6 дек. 1826 г. отъ сенатскаго регистратора, Ѳ. Волкова, занимавшагося и дѣлами графини Строгановой. Намъ еще придется впослѣдствіи не разъ возвращаться къ обѣимъ этимъ запискамъ, важнымъ для характеристики высшаго управленія при Александрѣ I. 3) Мрочекъ-Дроздовскій: „Областное управленіе Россіи XVIII вѣка до учрежденія о губерніяхъ 1775 г.“, Москва, 1876, 11—13, 35—36 с., 76, 141—142 с. и сл., Лохвицкій: „Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія“, Спб. 1864, 41—48 с.

По кончинѣ Петра I (28 янв. 1725 г.) при дворѣ обозначились двѣ аристократическихъ партіи, изъ которыхъ первая состояла изъ родовитыхъ вельможъ (князей Голицыныхъ, Долгорукихъ, князя Куракина, князя Репнина и др.), желавшихъ видѣть преемникомъ Петра I его внука, сына несчастнаго Алексѣя Петровича, Петра Алексѣевича: эта партія думала управлять государствомъ во время малолѣтства Петра II. Наоборотъ другая партія вельможъ, къ которой принадлежали члены новой, выслужившейся при Петрѣ I, аристократіи: князь Меньшиковъ, графъ Толстой, Ягужинскій, Макаровъ, Головкинъ и др., опасалась, чтобы опека надъ молодымъ великимъ княземъ не превратилась въ олигархическую крамолу и чтобы она сама не отошла на второй планъ, а потому предпочитала видѣть на престолѣ супругу Петра I, Екатерину. Къ этой послѣдней партіи примкнули изъ за своихъ личныхъ выгодъ будущій родственникъ Екатерины, герцогъ гольштинскій съ своимъ министромъ, Бассевичемъ и нѣкоторые члены высшаго духовенства: Ѳеофанъ Прокоповичъ, ненавидимый знатью за „Правду воли монаршей", и Ѳеодосій Яновскій[1]). Вторая партія взяла верхъ надъ первой: благодаря быстрому и рѣшительному образу дѣйствій князя Меньшикова съ Бутурлинымъ, Екатерина была провозглашена русской императрицей. Причемъ въ манифестѣ о возшествіи на престолъ Екатерины I было сказано, что „сенатъ, синодъ и генералитетъ *согласно приказали*" какъ духовнаго, такъ воинскаго и гражданскаго *всякаго чина и до-*

---

1) Соловьевъ, XVIII, 264—269 с., Арсеньевъ, 160—161 стр., Костомаровъ: „Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица" (Древняя и Новая Россія, 1877, III, 151 с., Записки Миниха (отца), 29 с., Записки графа Эрнста Миниха (сына Б. Х. Миниха). Спб. 1891); изд. „Русской Старины", 130—132 с., „Реляціи *Ле-Форта*, саксонскаго посланника при русскомъ дворѣ (1721—1731 г.) своему правительству" Сборн. Рус. Историч. Общества, III, 400—401 с. „Донесенія прусскаго посланника, *Мардефельда* своему королю". Сборн. Рус. Ист. Общества, XV, 252 стр.

стоинства людямъ служить вѣрно государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, которую императоръ Петръ Великій удостоилъ короною и помазаніемъ" [1]). Такъ съ самаго начала своего царствованія *Екатерина I* (30 янв. 1725—6 мая 1727) должна была допустить сильное вліяніе на дѣла управленія со стороны партіи, ее избравшей, особенно же князя Меньшикова, который дѣйствительно сдѣлался при ней всесильнымъ. Меньшиковъ былъ старшимъ членомъ сената, президентомъ военной коллегіи, могущественнѣйшимъ и богатѣйшимъ вельможей въ государствѣ [2]). „Какъ сенатъ, такъ и коллегіи должны были дѣйствовать, по словамъ Миниха (отца), согласно волѣ князя Меньшикова, который имѣлъ рѣшающій голосъ во всѣхъ важнѣйшихъ и разногласныхъ дѣлахъ" [3]). Необычайная сила въ управленіи князя Меньшикова возбудила сильное неудовольствіе и завйсть къ нему въ средѣ остальныхъ вельможъ [4]). Сама императрица видимо стѣснялась произволомъ князя Меньшикова, на котораго она слышала жалобы и ропотъ кругомъ себя [5]). Екатерина старается найти среди вельможъ лицо, которое могло бы противостоять вліянію Меньшикова въ управленіи. Французскій посолъ, *Кампредонъ* сообщаетъ, что Екатерина оказывала особенное довѣріе графу Толстому, съ которымъ она ежедневно совѣщалась о разнаго рода дѣлахъ [1]). Но гораздо большую помощь Екатерина нашла въ лицѣ своего зятя, герцога голь-

---

1) Арсеньевъ, 162—163 с., Костомаровъ, 151—153 с., Мардефельдъ, С. Р. И. О., XV, 253 с. 2) Арсеньевъ, 175 с., Костомаровъ, 156 с., Записки Миниха (сына), 132 с., Ле-Фортъ, ibidem, 408 и 441 с. 3) Записки Миниха (отца), 29 с. 4) Мардефельдъ, ibidem, 274 с., Ле-Фортъ, 403, 438 и 445 с. 5) Когда генералъ адмиралъ Апраксинъ умолялъ Екатерину заставить надменнаго князя Меньшикова держаться въ границахъ равенства съ прочими сенаторами, Екатерина отвѣчала ему: „Простъ же ты, если думаешь, будто я позволю Меньшикову пользоваться единой капелькой своей власти". Но въ тоже время Екатерина назвала дѣйствія знати противъ Меньшикова несправедливыми преслѣдованіями, противъ которыхъ она считала нужнымъ его ограждать. (Донесенія французскаго посла, Кампредона, С. Р. И. О. LVIII, 11 с.). 6) Кампредонъ, С. Р. И. О. LVIII, 8 с.

штинскаго, въ которомъ царица видѣла вѣрную опору своей власти [1]). Императрица должна была сдерживать произволъ князя Меньшикова и пріобрѣтать себѣ вѣрныхъ союзниковъ для укрѣпленія своей власти еще и потому, что враждебная ей партія родовитыхъ вельможъ существовала во все ея царствованіе, не переставала интриговать противъ нея и была сильна на самомъ дѣлѣ. Пренебрегать ею даже было опасно для Екатерины, такъ какъ эта партія имѣла поддержку въ огромной массѣ народа, въ глазахъ котораго единственно законнымъ наслѣдникомъ престола былъ Петръ Алексѣевичъ [2]). Вѣроятно, не безъ основанія Кампредонъ доносилъ своему правительству (въ янв. 1726 г.), что „большинство именитѣйшихъ русскихъ людей думаетъ о томъ, какъ бы ограничить деспотическую власть своей государыни“. Кампредонъ полагаетъ, что имъ нѣтъ разсчета дожидаться, „пока царевичъ возмужаетъ и, взойдя на престолъ, самъ въ состояніи будетъ управлять страной“ и высказываетъ опасеніе, что „тѣ, которые разсчитываютъ забрать впослѣдствіи въ руки значительную долю власти, постараются учредить правленіе на подобіе англійскаго“. Кампредонъ „даже слышалъ изъ вѣрнаго источника, что уже составленъ проэктъ новой формы правленія и посланъ къ главнокомандующему, князю Голицыну въ Украйну, откуда, вѣроятно, и послѣдуетъ первый ударъ“ [3]). По словамъ Кампредона, съ самаго начала своего царствованія „императрица старается мѣрами кротости пріобрѣсти любовь народа, но старанія ея тщетны: недовольство вельможъ, дворянства и духовенства усиливается съ

---

1) Костомаровъ, 156 с., Кампредонъ, 117 с. 2) Соловьевъ, XVIII, 276—279 с., Костомаровъ, 154 с. На сколько Екатерина боялась родовитыхъ вельможъ, на это указываетъ извѣстіе Кампредона, что царица, возвративъ Шафирова изъ ссылки, „намѣрена была держать его въ такомъ мѣстѣ, откуда онъ могъ бы наблюдать за дѣйствіями, движеніями и интригами партіи Голицыныхъ и тайно, безъ вѣдома кого бы то ни было, доносить ей обо всемъ“ (С. Р. И. О., LVIII, 5 с.). 3) Кампредонъ, С. Р. И. О., LXIV, 199—200 с.

каждымъ днемъ“ [1]). Чтобы помирить враждебныя партіи знати и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить свою власть, Екатерина рѣшилась образовать такое учрежденіе, въ которомъ подъ ея предсѣдательствомъ могли бы участвовать на равныхъ правахъ важнѣйшіе сановники имперіи [2]). Такимъ учрежденіемъ явился Верховный Тайный Совѣтъ. Необходимо, однако, замѣтить, что нужда въ организаціи особаго учрежденія совѣта почувствовалась въ первые же дни царствованія Екатерины I. По смерти Петра I всѣ дѣла правленія пришли скоро въ страшно разстроенное состояніе. Ле-Фортъ пишетъ своему правительству (въ іюлѣ 1725 г.), что „невозможно описать состояніе петербургскаго двора: со дня на день, не будучи въ состояніи позаботиться о нуждахъ государства, всѣ страдаютъ, ничего не дѣлаютъ, каждый унываетъ и никто не хочетъ приняться за какое-либо дѣло, боясь послѣдствій, непредвѣщающихъ ничего добраго. Жалуются, ропщутъ, все въ бездѣйствіи; флотъ господствуетъ въ морѣ, а иностранный дворъ во все вмѣшивается и хочетъ издавать законы. Вездѣ недовольны правленіемъ, которое заботится только о своихъ удовольствіяхъ. Генералъ-полиціймейстеръ (Девіеръ) исполняетъ только должность адьютанта или камергера и пренебрегаетъ государственными дѣлами“ [3]). Ле-Фортъ собщаетъ о слухамъ объ учрежденіи тайнаго совѣта, которые возникли еще въ началѣ мая 1725 г. [4]). Тотъ же слухъ передаетъ въ это же время и Кампредонъ, который замѣчаетъ, что въ новомъ совѣтѣ „станутъ рѣшаться самыя важныя дѣла и онъ будетъ полезенъ въ отношеніи соблюденія тайны и быстроты исполненія“ [5]). Такой Тайный Совѣтъ изъ вельможъ, окружавшихъ Екатерину, существовалъ фактически съ перваго же момента ея царствованія. Кампредонъ со-

1) Кампредонъ, LVIII, 423 с. 2) Соловьевъ, ibidem, 283—284 с. 3 - 4) Ле-Фортъ, С. Р. И. О., III, 415, 441 и 409 с. 5) Кампредонъ, С. Р. И. О., LVIII, 247 и 377 с.

общаетъ о засѣданіяхъ тайнаго совѣта по иностраннымъ дѣламъ, бывшихъ въ маѣ, октябрѣ и декабрѣ 1725 г. и январѣ 1726 г.. Въ засѣданіяхъ совѣта участвовали царица и ея министры [1]) (то есть, князь Меньшиковъ, и другіе члены его партіи). Въ числѣ членовъ совѣта былъ и баронъ Остерманъ, котораго Мардефельдъ называетъ „самымъ значительнымъ и способнѣйшимъ членомъ совѣта, занимающимся подготовленіемъ и отправленіемъ государственныхъ дѣлъ" [2]). Члены тайнаго совѣта, существовавшаго фактически до появленія Верховнаго Тайнаго Совѣта, перешли въ послѣдній съ его образованіемъ. На однородный составъ обоихъ совѣтовъ указываетъ замѣчаніе французскаго министра де-Морвиля въ отвѣтѣ на извѣстіе Кампредона объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Де-Морвиль не ждетъ пользы для обезпеченія вліянія Франціи при петербургскомъ дворѣ отъ этого совѣта: „вѣдь онъ составленъ, говоритъ де-Морвиль, изъ тѣхъ же самыхъ лицъ, неискренность и недобросовѣстность которыхъ вы достаточно испытали во время вашихъ переговоровъ" [3]). Иниціатива учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта вышла изъ той же партіи, которая возвела Екатерину на престолъ. Когда въ началѣ 1727 г. пронесся въ Петербургѣ слухъ о томъ, что партія родовитыхъ вельможъ, недовольная деспотическими замашками Меньшикова, хочетъ возвести на престолъ Петра Алексѣевича съ извѣстными ограниченіями его власти въ свою пользу, графъ Толстой убѣдилъ князя Меньшикова, канцлера Головкина, Апраксина и др. вельможъ принять мѣры для уничтоженія этого плана, опаснаго для Екатерины съ ея дочерьми (Анны и Елизаветы) и всей правящей партіи. Съ этою цѣлью Толстой предложилъ представить государынѣ проэктъ учрежденія,

1) Кампредонъ, С. Р. И. О., LVIII, 333 и 337 с., LXIV, 6, 130 и 173 с. 2) Мардефельдъ, С. Р. И. И., XV, 272 с. 3) Де-Морвиль, С. Р. И. О , LXIV, 293 с.

которое зависило бы отъ самой царицы и гдѣ нашли бы мѣсто значительные и вліятельные русскіе вельможи [1]). Такимъ учрежденіемъ долженъ былъ быть Верховный Тайный Совѣтъ, образованіемъ котораго думали достигнуть нѣсколькихъ цѣлей: утвердить власть Екатерины I, предоставить участіе въ управленіи виднымъ членамъ аристократіи и ограничить произволъ въ управленіи князя Меньшикова, который теперь не могъ ничего сдѣлать „безъ единодушнаго согласія всего совѣта“ [2]). Въ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта были назначены: князь Меньшиковъ, графъ Апраксинъ, графъ Головкинъ, графъ Толстой, князь Голицынъ и баронъ Остерманъ. Изъ числа ихъ къ родовитымъ вельможамъ принадлежалъ только одинъ князь Д. М. Голицынъ, который пользовался особеннымъ вліяніемъ среди знати и былъ смертельнымъ врагомъ Екатерины I [3]). Вскорѣ послѣ открытія совѣта (8 февр. 1726 г.) къ его членамъ былъ прибавленъ императрицей герцогъ гольштинскій, который явился соперникомъ князю Меньшикову. Послѣдній сначала не повѣрилъ Макарову, объявившему въ совѣтѣ о назначеніи герцога, и самъ поѣхалъ къ Екатеринѣ „для испрошенія о томъ вящей резолюціи“ [4]). Императрица не отмѣнила своего распоряженія и Меньшиковъ долженъ былъ поневолѣ уступить герцогу первое мѣсто въ совѣтѣ. Самъ герцогъ, впрочемъ, объявилъ въ совѣтѣ, что онъ „присутствующимъ высокимъ господамъ министрамъ за коллегу и товарища почтенъ и принятъ быть хочетъ“, что онъ „своею особою одинъ ничего опредѣлить или что на себя перенять не хочетъ и не можетъ, и что онъ проситъ, чтобы каждый мнѣніе свое свободно и откровенно объявилъ, что будетъ ему весьма угодно и пріятно“ [5]). Это заявленіе герцога не поми-

---

1) Соловьевъ, XVIII, 283 с., Костомаровъ, 157 с. 2) Кампредонъ, С. Р. И. О., LXIV, 254 с. 3) Корсаковъ: „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII ст.“, Казань, 1891, 224 с и сл. 4—5) „Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта“, изданные академикомъ Дубровинымъ, С. Р. И. О., LV, №№ 16 и 24.

рало съ нимъ Меньшикова также, какъ и услуга, оказанная ему впослѣдствіи герцогомъ, благодаря которому только Меньшиковъ не лишился всего своего вліянія при дворѣ за свои властолюбивые замыслы относительно Курляндіи и оскорбленія герцогинѣ курляндской, Аннѣ Ивановнѣ [1]).

Верховный Тайный Совѣтъ былъ учрежденъ, по словамъ указа 8 февр. 1726 г.[2]), „для внѣшнихъ и внутреннихъ важныхъ государственныхъ дѣлъ“ изъ первыхъ сенаторовъ[3]) въ виду устраненія того неудобства, которое проистекало отъ накопленія въ ихъ рукахъ разнаго рода дѣлъ. „Они, говоритъ указъ, часто имѣютъ по должности своей, яко первые министры, тайные совѣты о политическихъ и другихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Изъ нихъ же засѣдаютъ нѣкоторые президентами въ первыхъ коллегіяхъ, отчего въ первомъ и весьма нужномъ дѣлѣ, въ тайномъ совѣтѣ немалое имъ чинится помѣшательство, да и въ сенатѣ въ дѣлахъ остановка и продолженіе, оттого, что они за многодѣльствомъ не могутъ вскорѣ чинить резолюцію и на государственныя внутреннія дѣла“. Члены совѣта не замедлили укрѣпить за нимъ, а слѣдовательно и за собою, первенствующее и исключительное положеніе въ управленіи. 16 марта 1726 г. члены совѣта подали, по инициативѣ герцога гольштинскаго, императрицѣ „Мнѣніе не въ указъ о новомъ учрежденномъ тайномъ совѣтѣ“, въ которомъ были изложены подробныя основанія его устройства. Верховный Тайный Совѣтъ не признается здѣсь „особливымъ коллегіумомъ“, такъ какъ онъ „служитъ только къ облегченію Е. В. въ тяжкомъ бремени правленія“ и въ немъ о всѣхъ дѣлахъ „болѣе нежели отъ одного разсужденія имѣто будетъ. Дабы безопаснѣе высокимъ именемъ государыни указы исходили, надобно писать въ началѣ указа—Божіею милостью, въ серединѣ—

1) Арсеньевъ, п. с., 217—218 с. 2) П. С. З., VII, № 4830. 3) Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта были до своего назначенія въ него сенаторами.

повелѣваемъ, въ концѣ—данъ въ нашемъ тайномъ совѣтѣ". Всѣ указы должны были исходить изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, гдѣ они составлялись, закрѣплялись прежде ихъ апробаціи императрицей. Всѣ доношенія и другія бумаги на имя ея величества подаются въ совѣтъ съ надписью—къ поданію въ тайный совѣтъ. Члены совѣта просили „дать каждому изъ нихъ особый департаментъ или повытье, о чемъ онъ предложеніе чинить имѣетъ, дабы прежде довольно разсудить: 1) потребно ли оное дѣло, 2) какъ оное лучше дѣлать и въ томъ опредѣленіе учинить, дабы толь легче Е. И. В. свою резолюцію принять и учинить могла". Въ засѣданіяхъ Совѣта нужно вести протоколы его „резолюціямъ и опредѣленіямъ. Надлежитъ тайному совѣту имѣть свою канцелярію, и дѣла по разному состоянью и натурѣ въ канцеляріи раздѣлить, дабы все порядочно было и безъ конфузіи благовременно отправлено быть могло". Дѣла Совѣта „Мнѣніе не въ указъ" подраздѣляетъ на двѣ рубрики: 1) чужестранныя и 2) всѣ тѣ, которыя до Е. И. В. собственнаго высочайшаго рѣшенія касаются". Верховный Тайный Совѣтъ подчиняетъ себѣ сенатъ и три первыя коллегіи: иностранныхъ дѣлъ, военную и морскую коллегію. Совѣтъ разсматриваетъ апелляціи на сенатъ и коллегіи и надзираетъ надъ ихъ дѣятельностью. Сенатъ и коллегіи оставлены въ своемъ дѣйствіи и власти, которыя они имѣли при Петрѣ I. Но „въ дѣлахъ вящшей важности и о чемъ уставу и опредѣленія не имѣется или которыя собственному Е. И. В. рѣшенію подлежатъ" сенатъ долженъ подавать свое мнѣніе въ тайный совѣтъ, *„а новыя подати или иныя какія-либо новыя учрежденія имѣютъ быть опредѣлены въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ"*. Отъ сената отнимается титулъ „правительствующаго", который признается теперь для него „непристойнымъ", и ему присвоивается названіе „высокій". Также и синодъ вмѣсто „правительствующаго" долженъ былъ именоваться „святѣйшимъ". Сенатъ

сносится со всѣми коллегіями, кромѣ первыхъ трехъ, указами, а въ три первыя коллегіи посылаетъ промеморіи. Синодъ могъ отправлять въ сенатъ указы только „о старыхъ и обыкновенныхъ дѣлахъ, на которыя есть указы и рѣшенія, а о новыхъ какихъ дѣлахъ никакихъ указовъ синоду самимъ не выдавать, но напередъ доносить Верховному Тайному Совѣту и что о семъ постановится, о томъ синоду объявить“ [1]). „Мнѣніе не въ указъ“ было одобрено императрицей, которая измѣнила только третій пунктъ проэкта такимъ образомъ, что составленные въ совѣтѣ указы должны быть аппробованы государыней и только тогда подписаны членами совѣта и „въ дѣйство произведены“ [2]). Слѣдовательно, Екатерина согласилась предоставить Верховному Тайному Совѣту всѣ важнѣйшія правительственныя дѣла, вручить ему всѣ функціи управленія, которыя дѣйствительно соединялись въ совѣтѣ при Екатеринѣ I. По словамъ графа Сперанскаго, „Верховный Тайный Совѣтъ имѣлъ не только совѣщательную власть, но и власть дѣйствительнаго управленія. Отъ него исходятъ указы сенату, коллегіямъ и низшимъ мѣстамъ. Онъ входилъ даже въ подробности управленія. Сей толико обширной власти не было другихъ предѣловъ, кромѣ власти императорской, предъ коей одной совѣтъ во всѣхъ дѣлахъ непосредственно отвѣтствовалъ“ [3]) А такъ какъ императрица рѣдко присутствовала въ засѣданіяхъ совѣта, то послѣдній явился высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ въ государствѣ, посредствомъ котораго аристократія властвовала въ странѣ [4]). Съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта из-

---

1—2) Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта, С. Р. И. О., LV, №№ 41, 43 (приложеніе) и 264. 3) Сперанскій, 26 с. 4) Градовскій, 138 с. Кампредонъ замѣчаетъ, что Верховный Тайный Совѣтъ „по существу своему представляетъ первый шагъ къ перемѣнѣ формы правленія. Русскіе постараются, безъ сомнѣнія, утвердить свое вліяніе въ управленіи и незамѣтно ограничить самодержавную власть, заставляя ее жаловать такія привиллегіи, которыя создадутъ возмож-

мѣнилось значеніе въ управленіи сената и коллегій: они должны были ограничиться исполненіемъ повелѣній совѣта, посылаемыхъ имъ именемъ верховной власти [1]). Верховный Тайный Совѣтъ сталъ надъ сенатомъ, съ первенствомъ котораго въ управленіи не могли помириться старые боярскіе роды: сенатъ въ ихъ глазахъ являлся представителемъ домократической табели о рангахъ, сравнивавшей знатныхъ родовитыхъ людей съ остальными членами служилаго сословія [2]). Верховный Тайный Совѣтъ уничтожилъ должность генералъ-прокурора—посредника между сенатомъ и верховной властью: совѣтъ самъ сталъ въ срединѣ между нею и сенатомъ [3]). Послѣдній сначала не хотѣлъ уступить первенства въ управленіи Верховному Тайному Совѣту и долго отказывался принимать указъ совѣта объ его учрежденіи отъ секретаря совѣта, Степанова на томъ основаніи, что Екатерина повелѣла „быть сенату въ прежнемъ состояніи и достоинствѣ" [4]), но, наконецъ, долженъ былъ подчиниться совѣту [5]). Сенатъ представлялъ ему доношенія о дѣлахъ [6]). Съ сенатскими доношеніями являлись въ совѣтъ или сами сенаторы, или же секретари сената [7]) Но ни тѣ, ни другіе не могли присутствовать въ засѣданіяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта [8]). Не смотря на полную зависимость, въ какой сенатъ очутился отъ совѣта, первый не хотѣлъ помириться съ своимъ униженіемъ даже и послѣ того, какъ окончательно опредѣлилось его второстепенное положеніе въ управленіи. Долго послѣ учрежденія совѣта въ сенатѣ, въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ объявлялись „разными персонами" письменно или словесно высочайшія повелѣнія безъ вѣдома совѣта. Когда

ность учредить и поддержать правленіе, подобное англійскому. Весьма вѣроятно, что учрежденіе Верховнаго Совѣта въ этихъ же видахъ и послѣдовало. Это мнѣніе совпадаетъ съ тѣмъ, что самому мнѣ извѣстно изъ стремленій русскихъ вельможъ" (С. Р. И. О., LXIV, 256 с.). 1) Арсеньевъ, 174—175 с. 2—3) Градовскій, 138—139 с. 4—8) С. Р. И. О., LV, №№ 5, 6, 45, 87, 151, 230, 237, 243, 245, 249, 250 и мн. др., №№ 19 и 26, 62.

совѣтъ узналъ объ этомъ, въ немъ немедленно состоялся указъ, чтобы всѣ высочайшія повелѣнія, не исключая и тѣхъ, которыя касаются сената и коллегій, были прежде объявлены въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ [1]). Но и послѣ этого категорическаго запрещенія всякихъ посягательствъ на высшій правительственный авторитетъ совѣта, сенатъ не отказался совершенно отъ права самостоятельнаго распоряженія. Когда, спустя нѣсколько времени, въ совѣтѣ былъ спрошенъ секретарь сената, Моисеевъ, исполненъ ли указъ Совѣта, Моисеевъ отвѣчалъ, что сенатъ послалъ указъ только въ коллегіи и канцеляріи, а въ прочія мѣста не посылалъ, не печаталъ и не публиковалъ указа Верховнаго Тайнаго Совѣта, да и впредь запретилъ печатать и публиковать его въ народѣ [2]). Верховный Тайный Совѣтъ не терпѣлъ никакого соперничества въ управленіи; ему не подчинялся при Екатеринѣ только частный кабинетъ императрицы, который былъ учрежденъ Петромъ I въ видѣ частной канцеляріи при лицѣ государя: изъ кабинета присылались въ совѣтъ копіи съ кабинетныхъ указовъ „токмо для извѣстія, а не для резолюціи“ [3]). Но кабинетъ императрицы вѣдалъ только нѣкоторыя административныя дѣла: въ немъ жаловались государыней высшіе чины, разсматривались дѣла дворцовыхъ вотчинъ. Синодъ доносилъ въ кабинетъ о вершенныхъ и невершенныхъ имъ дѣлахъ, губернаторы—о „новыхъ и важныхъ“ губернскихъ дѣлахъ [4]). Незначительная компетентность кабинета не была опасна для власти Верховнаго Тайнаго Совѣта при Екатеринѣ I, которая сама видѣла въ немъ высшее

---

1) С. Р. И. О., LVI, №№ 13 и 14. Высочайшія повелѣнія, объявляемыя въ сенатѣ, коллегіяхъ и канцеляріяхъ, помимо Верховнаго Тайнаго Совѣта, касались новыхъ законовъ: указомъ совѣта приказывается „не вѣрить именнымъ указамъ о выдачѣ сверхъ штату денегъ и прочее тому подобное, что регламентамъ и правамъ противно; и что вновь постановить или опредѣлить или чрезъ регламентъ и указы чинами перемѣнять“ (14 стр.). 2—3) С. Р. И. О., LVI, №№ 30 и 276. 4) Ibidem, №№ 196, 216 и 276.

учрежденіе въ имперіи. 1 января 1727 г. императрица вновь подтвердила первенствующее положеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта среди другихъ государственныхъ учрежденій. Члены верховнаго совѣта должны были „вѣрными своими *совѣтами* и безстрастнымъ объявленіемъ мнѣній своихъ учинить царицѣ споможеніе и облегченіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, дабы всѣ дѣла по довольно зрѣломъ и совѣстномъ уваженіи и разсужденіи рѣшены и потому отправлены быть могли". Екатерина желала, чтобы во всѣхъ дѣлахъ, „ея и государственной пользы касающихся въ совѣтѣ, напередъ зрѣлое разсужденіе и вѣрные, совѣстные и *безстрастные совѣты* отправлены, общія мнѣнія записаны и со оными потомъ для полученія рѣшенія предложены были" императрицѣ. Въ этихъ видахъ она представила въ совѣтѣ герцогу гольштинскому „не токмо надъ прочими членами первенство и во всѣхъ приключающихся дѣлахъ первый голосъ", но и право требовать отъ всѣхъ мѣстъ, подчиненныхъ совѣту, „вѣдомости" нужныя для „лучшаго изъясненія дѣлъ" въ совѣтѣ. Обо всѣхъ дѣлахъ высшаго управленія государствомъ приказано докладывать только Верховному Тайному Совѣту, „дабы съ зрѣлаго разсужденія и *общаго совѣта* обо всемъ опредѣленіе учинено быть могло". Екатерина заявляетъ, что она не будетъ рѣшать никакихъ дѣлъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя только ей „повѣрены быть могутъ", безъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ случаѣ разногласія при обсужденіи какого-либо дѣла въ совѣтѣ обо всѣхъ мнѣніяхъ членовъ должно быть доложено императрицѣ, которая и рѣшаетъ дѣло. Для „лучшаго и основательнаго отправленія" дѣлъ они могутъ быть подраздѣлены „между членами по особливымъ департаментамъ" [1]). Екатерина, повидимому, желала, чтобы Верховный Тайный Совѣтъ былъ „опорой престола" и обладалъ

1) Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта. См. Чтенія общ. ист. и древн. россійскихъ, 1858, III, 32 с., Соловьевъ, XVIII, 289—291 с.

только совѣщательной функціей. Въ засѣданіи 23 февраля 1726 г. герцогъ отъ имени императрицы заявилъ, что „совѣтъ не есть особенное судилище, а только собраніе къ облегченію бремени правленія императрицѣ, которая сама засѣдаетъ въ немъ“ [1]). Но Екатерина рѣдко посѣщала засѣданія совѣта, который не замедлилъ воспользоваться этимъ для увеличенія своей и безъ того огромной власти въ управленіи, гдѣ онъ считалъ одного себя „господиномъ“ [2]).

Верховный Тайный Совѣтъ былъ при Екатеринѣ I средоточіемъ всѣхъ важнѣйшихъ правительственныхъ дѣлъ. Въ кругъ вѣдомства совѣта входили: составленіе проэктовъ законовъ и обсужденіе необходимыхъ измѣненій въ организаціи учрежденій, центральныхъ и мѣстныхъ, и въ положеніи и состояніи разныхъ сословій. Совѣтъ принималъ извѣстнаго рода мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ, занимался разрѣшеніемъ всевозможныхъ административныхъ вопросовъ и—иностранными дѣлами. Наконецъ, ему же принадлежало право окончательнаго рѣшенія важнѣйшихъ судебныхъ процессовъ. Мы постараемся указать на основаніи подлинныхъ протоколовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта на это его участіе во всѣхъ функціяхъ государственной власти и, прежде всего, въ сферѣ законодательства.

Совѣтъ назначаетъ членовъ къ сочиненію новаго уложенія [3]) и разсуждаетъ о „прежнемъ уложеніи“, изъ котораго имъ вычеркивается нѣсколько главъ (о помѣстныхъ, вотчинныхъ дѣлахъ и холопахъ) и включается новая глава („судная“) [4]). Совѣтъ аппробуетъ выбранныхъ сенатомъ вмѣсто выбывшихъ въ совѣтъ лицъ новыхъ его членовъ [5]) и опредѣляетъ штатъ сената [6]). Вниманіе совѣта привлекаетъ ор-

1) Чтенія въ обществѣ ист. и др. россійскихъ, ibidem, 5 с. Этихъ словъ герцога нѣтъ въ подлинныхъ протоколахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, изданныхъ Дубровинымъ, при описаніи засѣданія 23 февр. 1726 г., гдѣ было предложено герцогомъ „Мнѣніе не въ указъ“. Мы не нашли ихъ и въ другихъ подлинныхъ протоколахъ. 2) С. Р. И. О., LV, № 21. 3) С. Р. И. О., LVI, №№ 126, 162, 163 и 265. 4) Ibidem, LXIII, № 15. 5—6) Ibidem, LV, №№ 9, 164 и 211.

ганизація синода и подвѣдомственныхъ ему учрежденій. Такъ онъ распредѣляетъ дѣла синода по двумъ департаментамъ, издаетъ штаты синода, устанавливаетъ порядокъ сношеній синода съ тремя главными коллегіями и учреждаетъ новую коллегію экономіи синодальнаго управленія [1]), которая должна была заботиться о сборѣ доходовъ съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ [2]). Устройство коллегій было также предметомъ занятій членовъ совѣта. Составъ всѣхъ коллегій былъ сокращенъ, коммерцъ-коллегія и мануфактуръ-коллегія сначала соединены вмѣстѣ [3]), потомъ послѣдняя передана въ вѣдомство сената [4]) и, наконецъ, упразднена совсѣмъ [5]). Возстановлена была вновь ревизіонъ-коллегія [6]), присоединенная Петромъ къ сенату [7]). Для сбора государственныхъ доходовъ учреждается совѣтомъ допмочная канцелярія[8]) и для ревизіи дѣлъ военной, коммерческой и адмиралтейской коллегіи — особая ревизіонная коммиссія [9]). Постановлено было, чтобы никакіе расходы не производились безъ предварительнаго опредѣленія камеръ-коллегіи о взысканіи недоимокъ и собраніи доходовъ [10]). Коммерцъ-коллегія должна была доставлять вѣдомости въ сенатъ и три главныя коллегіи [11]): двѣ военскихъ и иностранную коллегію. Эти коллегіи стали выше остальныхъ и даже сената [12]). Генералъ-провіантъ-мейстеръ подчиняется военной коллегіи [13]) Совѣтъ составляетъ штаты для монастырей, владѣвшихъ богатыми вотчинами [14]), и опредѣляетъ порядокъ рѣшенія дѣлъ въ эпархіяхъ гдѣ нѣтъ викарныхъ архіересвъ [15]). Совѣтъ составляетъ также губернскіе и др. штаты [16]) и реорганизуетъ мѣстное управленіе: распредѣляетъ города и уѣзды по губерніямъ [17]) возстанавливаетъ воеводъ въ провинціаль-

---

1—2) С. Р. И. О., LV, № 187, LVI, №№ 58, 74, 145 и 162, LXIII, № 32. 3—6) LXIII, №№ 15 и 135, Сперанскій, 29—30 с. 7) Градовскій, 141 с. 8) С. Р. И. О., LXIII, № 153. 9) Ibidem, XVI, № 162. 10) LXIII, № 32. 11) Ibid., № 177. 12) LV, № 4. 13) Градовскій, 142 с. 14) Ibidem, № 32. 15) LVI, № 74, 16) Ibidem, LV, №№ 225 и 254, LVI, №№ 58, 145 и 182 17) Ibibem, LXIII, № 182.

ныхъ городахъ[1]), а въ города „гдѣ нѣтъ воеводъ", опредѣляетъ „особыхъ управителей для судныхъ и розыскныхъ дѣлъ" [2]). Воеводы съ товарищами управляютъ всѣми городскими дѣлами и подчиняются губернаторамъ[3]). Воеводы и губернаторы вѣдаютъ „расправу и судъ" вмѣсто упраздненныхъ совѣтомъ надворныхъ судовъ, канторъ и земскихъ коммиссаровъ[4]). Жалобы на рѣшенія воеводъ и губернаторовъ долженъ былъ разсматривать сенатъ[5]). Верховный Тайный Совѣтъ предпринимаетъ цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ съ цѣлью развитія благосостоянія всего населенія. Такъ онъ признаетъ имѣющими законную силу завѣщанія, совершенныя на дому, „а не у крѣпостныхъ дѣлъ" [6]), выдаетъ жалованныя грамоты и надѣляетъ разныхъ лицъ „генеральными привиллегіями" [7]). Въ видахъ облегченія податнаго населенія совѣтъ опредѣляетъ особый порядокъ сбора пошлинъ[8]) назначаетъ сроки платежа подушныхъ податей[9]) и подчиняетъ взысканіе подушныхъ сборовъ воеводамъ вмѣсто прежнихъ военныхъ сборщиковъ податей[10]). Для увеличенія государственныхъ доходовъ устанавливается пошлина за повышеніе чинами и дипломы на разныя званія[11]) Натуральная рекрутская повинность превращена въ денежную[12]) и опредѣленъ порядокъ расположенія войскъ въ губерніяхъ[13]). Съ цѣлью улучшенія сношеній въ государствѣ совѣтъ издаетъ новыя почтовыя правила[14]), а забота о народномъ здравіи заставляетъ совѣтъ издать новое положеніе о медицинской части въ имперіи[15]). Въ совѣтѣ же постановляются нѣкоторыя основныя положенія по судебной части[16]).

Кромѣ законодательства, Верховный Тайный Совѣтъ много занимался еще иностранными дѣлами, которыя представляли особенную важность для русскаго государства, вступив-

1) Ibid , LV, №№ 203. 2) С. Р. И. О., LV, №№ 235 и 268. 3—5) Ibid. LXIII, №№ 15 и 78. 6) Ibid., LV, № 254 и LVI, № -0. 7) Ibid., LV, №№ 19, 46, 138, 139; 150 и мн. др. LXIII, № 65 и др. 8—10) Ibid., LXIII, №№ 15 и 18. 11 и 13) Ib , № 78. 12) Ib., LV, № 45. 14—15) LXIII, №№ 166 и 154. 16) См. ниже.

шаго со времени Петра I въ члены международнаго европейскаго союза. Почти каждый протоколъ засѣданія совѣта начинается выслушиваніемъ реляцій русскихъ пословъ при иностранныхъ государствахъ, составленіемъ имъ инструкцій и проч. [1]). Только послѣ того, какъ были разрѣшены всѣ иностранныя дѣла, совѣтъ начиналъ обсуждать текущія дѣла внутренняго управленія. Всѣ отрасли этого управленія входили въ кругъ дѣятельности совѣта. Особенно много Верховный Тайный Совѣтъ занимался военными дѣлами [2]),—организаціей арміи и флота и—облегченіемъ податной тяжести для народа. Такъ совѣтъ распоряжается сборомъ рекрутъ [3]), устройствомъ донскихъ казаковъ [4]), собираетъ свѣдѣнія о состояніи арміи [5]), опредѣляетъ и назначаетъ въ военные чины [6]) и дѣлаетъ распоряженія о выдачѣ жалованья всѣмъ штатнымъ военнымъ чиновникамъ [7]). Особая „Коммиссія изъ генералитета и флагмановъ“ при совѣтѣ должна была позаботиться о благоустройствѣ войскъ и лучшемъ содержаніи всей арміи безъ обремененія народа податьми [8]). Совѣтъ принимаетъ мѣры для постройки и вооруженіи крѣпостей и кораблей и проведенія каналовъ [9]). Совѣтъ посвящаетъ много засѣданій на обсужденіе вопроса о мѣрахъ къ облегченію податныхъ тягостей, лежащихъ на крестьянахъ, стремится уменьшить и распредѣлить уплату податей болѣе равномѣрно [10]). Съ этою цѣлью, напр., было опредѣлено, чтобы подушную подать, провіантъ и фуражъ для полковъ крестьяне платили натурою, если они не въ состояніи вносить за себя деньги [11]). Совѣтъ распоря-

---

1) См., напр., LV, №№ 2, 3, 5, 7, 12, 14, 18 и мн. др. 2) Важнѣйшія изъ военныхъ дѣлъ должны были представляться на разрѣшеніе государыни (П. С. З, VII, № 4835). 3—4) С. Р. И. О., LV, №№ 55, 87, LVI, №№ 43, 58 и 83, LXIII, № 86. 5) Ibidem, LVI, № 265. 6) Ibidem, LVI, № 49, LXIII, №№ 9, 10, 158, 161 и др., П. С. З, VII, № 5198. 7) Ibidem, LXIII, №№ 47, 51, 99 и др. 8) Арсеньевъ, 185 с. 9) С. Р. И. О., LVI, №№ 66, 83, 94 и 179, LXIII, №№ 3, 13, 19, 90, 102, 103, 157, 165 и др. 10—11) Ibidem, LV, № 214, LVI, №№ 162, 166 и 234, LXIII, №№ 64 и 78.

жается выдачей жалованья всѣмъ гражданскимъ чиновникамъ [1]), назначаетъ воеводъ, губернаторовъ и другихъ чиновниковъ [2]) и вѣдаетъ всѣ подробности провинціальнаго управленія [3]). Къ вѣдомству же совѣта относится контроль надъ государственными доходами и расходами [4]). Совѣтъ регулируетъ также монетное дѣло [5]) занимается развитіемъ торговли [6]), устройствомъ путей сообщенія [7]) и калмыцкими дѣлами [8]).

Что касается, наконецъ, суда, то и въ этой области Верховный Тайный Совѣтъ являлся при Екатеринѣ I высшимъ учрежденіемъ въ имперіи. Въ него должны были вноситься судами для доклада Е. В. экстракты по уголовнымъ дѣламъ о преступникахъ, приговоренныхъ къ смертной казни или политической смерти [9]). Эти экстракты потомъ передавались совѣтомъ для разсмотрѣнія въ сенатъ [10]), который постановляетъ рѣшенія только въ обыкновенныхъ судебныхъ дѣлахъ [11]). Сенатъ, въ свою очередь, обязанъ былъ докладывать свое мнѣніе совѣту по дѣламъ о колодникахъ, которые осуждены къ смертной казни и политической смерти [12]). Совѣтъ отдаетъ на поруки тѣхъ колодниковъ, которые сосланы за казенныя недоимки, пошлины и штрафныя деньги [13]). Безъ аппробаціи совѣта не могла быть учинена надъ преступниками смертная казнь [14]). Совѣтъ издаетъ указъ, присуждавшій къ смертной казни тѣхъ лицъ, которыя окажутся виновными въ произнесеніи непристойныхъ словъ противъ Императорскаго Величества [15]). Совѣтъ распоряжается, чтобы преступники разныхъ чиновъ, престарѣлые и увѣчные, вмѣсто ссылки въ каторжныя работы были отправляемы изъ преображенской канцеляріи въ монастыри [16]). Въ совѣтѣ же была „учинена нѣ-

1) С. Р. И. О., LVI, №№ 83, 87, 96, 139 и др., LXIII, № 61 и др. 2—3) Ib., LVI, № 271, LXIII, №№ 11, 19, 20, 44, 96, 116, 122, 170 и др. 4) П. С. З., VII, № 5192, С. Р. И. О., LVI, № 251. 5) Ibidem, LV, №№ 191, 204 и др., LVI, № 162, 6) LV, №№ 225, 235, 276, LVI, № 177, LXIII, №№ 3, 143 и др. 7) LXIII, № 132. 8) LV, № 118, LVI, №№ 108, 225, 232, 270, LXIII, № 5 и др. 9—11) П. С. З., VII, №№ 4964 и 5218, VIII, № 5224. 12—14) С. Р. И. О., LVI, №№ 43, 85, 96, 185 и 225. 15—16) LXIII, №№ 43 и 83.

которая резолюція" на мнѣніе члена военной коллегіи, Волкова о судѣ надъ офицерами, обрѣтающимися на вѣчныхъ квартирахъ [1]). Совѣтъ вмѣшивается даже въ обыкновенный ходъ правосудія и самъ постановляетъ приговоры по различнымъ дѣламъ. Сенатъ долженъ былъ представить въ совѣтъ статейные списки всѣхъ колодниковъ для окончательнаго разрѣшенія ихъ дѣлъ [2]). Совѣтъ присуждаетъ къ вѣчной ссылкѣ въ Сибирь Ивана Лярскаго, оскорбившаго князя Меньшикова [3]), и капрала Бушева [4]), казнитъ крестьянина Бѣлокопытова за непристойныя слова [5]) и освобождаетъ изъ ссылки поручика Семена Пашкова [6]).

Въ такой чрезвычайно широкой по своему объему дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта при Екатеринѣ I, который обладалъ при ней всѣми функціями власти въ государствѣ [7]), сказалось, конечно, стремленіе совѣта—аристократическаго органа—стать первымъ учрежденіемъ въ государствѣ. Сенатъ—монархическое учрежденіе—долженъ быть уступить совѣту всѣ свои права въ высшемъ управленіи государствомъ и довольствоваться скромною ролью подчиненной совѣту коллегіи, которая занималасъ второстепенными административными дѣлами и рѣшеніемъ обыкновенныхъ судебныхъ казу-

1) С. Р. И. О., LV, №№ 27 и 32. 2—5) LVI, №№ 279, 93 и 265, 6) LV, № 224. 7) Смѣшеніе всѣхъ функцій власти въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, какъ и въ другихъ высшихъ русскихъ учрежденіяхъ съ законодательнымъ значеніемъ, является до извѣстной степени необходимымъ въ русскомъ государствѣ, гдѣ источникъ всей власти—самодержавный и неограниченный монархъ, при которомъ совѣтъ—только помощникъ въ управленіи государственными дѣлами. „Посему, говоритъ графъ Сперанскій, законодательныя установленія не имѣютъ у насъ въ собственномъ смыслѣ государственной власти и симъ существенно различаются они отъ установленій правительственныхъ. Симъ послѣднимъ власть верховная, въ началѣ своемъ всегда единая и нераздѣльная, удѣлила такъ сказать опредѣленные участки своей власти, уполномочила ихъ, дѣйствуя его именемъ, силою закона рѣшать дѣла окончательно, но не уполномочила никакое лицо или мѣсто издавать законы". Дѣла Комитета 6 дек. 1826 г., № 61, Сперанскій: „Обозрѣніе гражданскихъ установленій". Это обширное сочиненіе Сперанскаго сходно съ его „Государственными установленіями", которыя оно дополняетъ во многихъ мѣстахъ.

совъ [1]). Верховный Тайный Совѣтъ дѣйствовалъ именемъ Екатерины I, но въ дѣйствительности онъ былъ органомъ несмѣняемыхъ знатныхъ членовъ совѣта, подъ вліяніемъ которыхъ императрица находилась въ теченіе своего краткаго царствованія. Екатериной руководили вмѣстѣ или поочередно: князь Меньшиковъ, герцогъ гольштинскій, Толстой, Головкинъ и др. [2]). Въ совѣтѣ нерѣдко присутствовалъ министръ герцога, графъ Бассевичъ, который вмѣшивался въ государственныя дѣла, посылалъ часто въ совѣтъ свои „Мнѣнія не въ указъ", которыя чрезъ вліяніе герцога получали силу указа, обязательнаго для совѣта и всего государства [3]). Но вліятельнѣйшимъ лицомъ при Екатеринѣ оставался съ самаго перваго момента ея возшествія на престолъ князь Меньшиковъ, который имѣлъ въ императрицѣ „мощную защитницу" [4]) даже противъ нелюбившихъ его членовъ царской фамиліи (напр., курляндской горцогини Анны Ивановны). „Князь Меньшиковъ, говоритъ Арсеньевъ, былъ все и во всемъ: къ нему, какъ общему средоточію, стекались всѣ дѣла и отъ него исходили окончательныя рѣшенія; онъ именемъ императрицы объявлялъ повелѣнія самому Верховному Тайному Совѣту. Одинъ онъ докладывалъ государынѣ о дѣлахъ секретныхъ и о „важныхъ воинскихъ дѣлахъ", жаловалъ въ военные чины, распоряжался финансовыми и морскими дѣлами и даже въ иностранныхъ дѣлахъ не постановлялось рѣшительнаго опредѣленія „безъ предварительнаго согласія свѣтлѣйшаго князя" [5]). Нельзя, однако, сказать, чтобы въ совѣтѣ преслѣдовались только однѣ личныя цѣли князя Меньшикова или

---

1) Градовскій, 140—142 с., Чтенія въ общ. ист. и древн. россійскихъ, 1858, Ш, 5—7 с. 2) Костомаровъ, 164 с. 3) Арсеньевъ, 219 с. 4) Записки Миниха (сына), 18 с. 5) Арсеньевъ, 176—177 с., „La cour de Russie, i y a cent ans" (1725 - 1783), Berlin, 1860, 3 edition, 2 p., „La Russe au XVIII siece". Memoires inedites sur les regnes de Pierre le Grand, Catherine I et Pierre II, publies par le prince A. Galitzin. Paris, 260 p., Мардефельдъ, С. Р. И. О, XV, 322—323 с., Щербатовъ: „О поврежденіи нравовъ" (Рус. Старина, 1870, II, 39—40 с.).

другихъ его знатныхъ членовъ. Всѣ они, не исключая Меньшикова, были, по выраженію историка Соловьева, „птенцами изъ гнѣзда Петрова“, свидѣтелями и непосредственными участниками преобразовательной дѣятельности Петра I, которую они продолжали и при Екатеринѣ I. Вниманіе совѣта привлекали самыя настоятельныя нужды общественной жизни, удовлетвореніе которыхъ было важнѣйшей задачей дѣятельности совѣта. Мы видѣли, что совѣтъ принималъ разныя мѣры для облегченія крестьянъ и улучшенія ихъ благосостоянія, уменьшилъ съ цѣлью сокращенія государственныхъ расходовъ составъ существующихъ учрежденій и упразднилъ лишнія изъ нихъ въ столицѣ и провинціи. Въ интересахъ же народа была упрощена совѣтомъ система мѣстнаго управленія и произведены были въ немъ различныя измѣненія. Совѣтъ заботился объ улучшеніяхъ въ организаціи государственныхъ установленій, центральныхъ и мѣстныхъ, объ увеличеніи государственныхъ доходовъ и занимался разнообразными вопросами внутренняго управленія и суда [1]). Особенно много Верховный Тайный Совѣтъ посвящалъ времени обсужденію взаимныхъ отношеній между русскимъ государствомъ и иностранными державами и съумѣлъ поддержать честь и достоинство Россіи, доставить ей почетное мѣсто въ международномъ европейскомъ союзѣ [2]). Такимъ образомъ, Верховный Тайный Совѣтъ, преслѣдовавшій въ своей дѣятельности идеи и планы Петра I, былъ полезнымъ и необходимымъ учрежденіемъ въ государствѣ, гдѣ ему принадлежали высшія правительственныя права и въ числѣ ихъ важнѣйшее—право законодательства. Еще въ началѣ дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта Кампредонъ писалъ (въ мартѣ 1726), что „учрежденіе совѣта, посредствомъ котораго предполагали достигнуть единенія въ государственномъ управленіи, произвело то дѣйствіе, что дѣла соверша-

1) См. выше. 2) Арсеньевъ, 182—200 с., Соловьевъ, XVIII, 2?3—318 с., Костомаровъ, 158—159 с.

ются быстрѣе, правильнѣе и сообразнѣе съ тѣмъ, что предлагается царицѣ для ея блага"[1]). Тѣмъ болѣе это можно сказать про послѣдующую дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта до конца царствованія Екатерины I, когда въ ней сказался какъ бы двойственный характеръ этого высшаго учрежденія, гдѣ важнѣйшія задачи русскаго монархическаго государства разрѣшались ко благу всей страны членами почти всей русской аристократіи.

Вражда и рознь между членами знати, которыя надѣялись смягчить учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, продолжалась во все царствованіе Екатерины I. Не только родовитые вельможи, но даже и члены партіи самого князя Меньшикова не были довольны тѣмъ исключительнымъ вліяніемъ, которымъ пользовался Меньшиковъ при императрицѣ, не могли помириться съ высокомѣрнымъ обращеніемъ съ ними надменнаго князя и властолюбивыми его замыслами. Екатерина часто болѣла и Меньшиковъ, опасаясь лишиться своей власти при ея преемникѣ, вздумалъ обезпечить ее въ будущемъ посредствомъ брака наслѣдника престола, Петра Алексѣевича, съ своей дочерью[2]). Этотъ планъ былъ внушенъ Меньшикову и поддержанъ иностранными послами, датскимъ—Вестфаленомъ и посломъ германскаго императора: графомъ Рабутинымъ. Каждый изъ нихъ надѣялся соблюсти при этомъ выгоды своего правительства: датскій король не желалъ видѣть на русскомъ престолѣ герцога гольштинскаго по давней враждѣ къ гольштинскому дому, германское правительство предпочитало герцогу Петра Алексѣевича, какъ родственника германскому императору[3]). Противъ Меньшикова возстали на этотъ разъ его же ближайшіе сторонники и родственники: графъ Толстой, графъ Девіеръ, Бутурлинъ, князь

---

1) С. Р. И. О., LXIV, 289 с. 2) Арсеньевъ, 221—222 с. 3) Соловьевъ, XIX, 87 с., Костомаровъ, 165—166 с., Записки Миниха (отца), 32—33 с., Вестфаленъ, С. Р. И. О., LXXV, 4—5 с.

И. А. Долгорукій и др. Всѣ они, опасаясь еще большаго развитія могущества Меньшикова при Петрѣ Алексѣевичѣ, рѣшились просить Екатерину утвердить русскій престолъ за герцогиней гольштинской, Анной Петровной [1]). Но Меньшиковъ успѣлъ предупредить своихъ враговъ, о совѣщаніяхъ которыхъ онъ узналъ, и выхлопоталъ у почти умирающей Екатерины указъ о судѣ надъ ними, за которымъ послѣдовалъ приговоръ о назначеніи имъ жестокихъ наказаній [2]). Подъ вліяніемъ же Меньшикова было составлено Бассевичемъ и подписано Екатериной ея завѣщаніе, въ которомъ установленъ порядокъ престонаслѣдія и вмѣстѣ съ тѣмъ была закрѣплена власть за Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ—органомъ знати. Въ силу завѣщанія Петръ Алексѣевичъ не могъ вступить въ управленіе государственными дѣлами „за юностью“, причемъ время совершеннолѣтія не было опредѣлено [3]). Во время малолѣтства царя государствомъ долженъ былъ управлять Верховный Тайный Совѣтъ, состоявшій изъ девяти членовъ: великаго князя—наслѣдника престола, герцога, обѣихъ цесаревенъ, князей Меньшикова и Голицына, Апраксина, Головкина и Остермана. „И симъ имѣть, говорится въ завѣщаніи, полную власть правительствующаго самодержавнаго государя, токмо опредѣленія о сукцессіи ни въ чемъ не отмѣнять“ (5 п.). Совѣтъ рѣшаетъ всѣ дѣла по большинству голосовъ „и никто одинъ повелѣвать не имѣетъ и не можетъ“. Великій князь „по окончаніи администраціи не можетъ требовать ни отъ кого никакого отвѣта“ (7 п.). Завѣщаніе предоставляетъ въ случаѣ смерти Петра Алексѣевича безъ наслѣдника право наслѣдованія престола обѣимъ

1) Арсеньевъ, 223 с., Донесенія франц. повѣреннаго при русскомъ дворѣ, Маньяна, С. Р. И. О., LXXV, 13 и 15 с., Herrmann: „Geschichte de russ Staaates“, IV, 493—494 s. 2) Соловьевъ, XIX, 94 с. 3) Въ депешахъ иностр. пословъ говорится, что завѣщаніе опредѣляло совершеннолѣтіе Петра Алексѣевича въ 16 лѣтъ (Маньянъ, С. Р. И. О., LXIV, 583 с., Ле-Фортъ, С. Р. И. О., Ш, 468 с.).

цесаревнамъ, Аннѣ и Елизаветѣ и великой княжнѣ, Натальѣ Алексѣевнѣ съ ихъ „десцендентами“ (8 п.). Обѣ цесаревны получили извѣстное денежное вознагражденіе за то, что они „отъ короннаго наслѣдства своего отца выключены“ (9—10 п.). Однимъ изъ пунктовъ завѣщанія было, чтобы великій князь женился на одной изъ дочерей Меньшикова (11 п.)[1]. Необходимо замѣтить, что завѣщаніе Екатерины I разнится отъ рѣшенія, составленнаго незадолго до смерти Екатерины, членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, сената, синода, генералитета и президентами коллегій, чтобы государствомъ управлялъ до совершеннолѣтія Петра Алексѣевича (16 л.) совѣтъ подъ предсѣдательствомъ герцогини гольштинской и цесаревны Елизаветы. Рѣшенія совѣта должны были быть единогласны. Отъ Петра Алексѣевича думали потребовать клятву, чтобы онъ не мстилъ по своемъ вступленіи на престолъ лицамъ, подписавшимъ смертный приговоръ его отцу[2]). Этимъ рѣшеніемъ всей знати Меньшиковъ лишался своей исключительной власти, которая переходила ко всѣмъ вельможамъ. Понятно, что Меньшиковъ не могъ быть доволенъ такимъ уменьшеніемъ своего могущества и принялъ свои мѣры, чтобы взять верхъ надъ своими соперниками и заставить ихъ признать завѣщаніе Екатерины. Какъ только умерла императрица, немедленно были собраны имъ всѣ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, сената, синода, генералитета и „другихъ чиновъ люди“, въ присутствіи которыхъ было прочтено завѣщаніе Екатерины и *Петръ Алексѣевичъ* былъ объявленъ русскимъ императоромъ (7 мая 1727—19 янв. 1730)[3]). Меньшиковъ поспѣшилъ помѣстить его въ своемъ домѣ. Власть свѣтлѣйшаго князя достигаетъ теперь высшей степени своего раз-

---

1) Соловьевъ, 95—97 с., Арсеньевъ, 224—226 и 241 с., Ле-Фортъ, ibidem, Маньянъ, 576—585 с., Büsching: „Magasin fur die neue Historie und Geographie“, 1 Theil, 17 s., Galitzin, 236—238 p. 2) Herrmann, ibidem, 495—496 s., Ле-Фортъ, 465 с., Мардефельдъ, 334 с. 3) Прот. Верх. Тайн. Совѣта, С. Р. И. О., LXIII, № 200.

витія: онъ назначенъ былъ генералиссимусомъ русскихъ войскъ и намѣревался скоро сдѣлаться тестемъ великаго князя [1]). Всѣ враги Меньшикова, подкапывавшіеся подъ его власть при Екатеринѣ (Толстой, Девіеръ и др.), были, согласно приговору, подвергнуты строгому наказанію [2]). Герцогъ гольштинскій удалился по желанію Меньшикова изъ Россіи въ свои владѣнія вмѣстѣ съ своей женой, вскорѣ умершей [3]). Могущество Меньшикова усилилось еще оттого, что переходъ его на сторону Петра II сблизилъ князя съ родовитою знатью, съ фамиліями князей Голицыныхъ и Долгорукихъ. Князья Долгорукіе получили высшія придворныя и правительственныя должности: А. Г. Долгорукій былъ сдѣланъ гофмейстеромъ при великой княжнѣ, Натальѣ Алексѣевнѣ, имѣвшей большое вліяніе на брата, императора. Князь М. В. Долгорукій былъ назначенъ въ сенаторы [4]). Меньшиковъ задумалъ привлечь на свою сторону клязей Голицыныхъ тѣмъ, что хотѣлъ женить своего сына на дочери князя Д. М. Голицына [5]). Не смотря на все это, вся знать не могла выносить долго чрезмѣрное могущество, произволъ и надменное обращеніе со всѣми князя Меньшикова, относившагося деспотически даже къ императору и членамъ царской семьи. Долгорукимъ, съумѣвшимъ сблизиться съ малолѣтнимъ императоромъ, удалось убѣдить Петра II, который самъ началъ тяготиться опекой своего будущаго тестя, арестовать Меньшикова и отправить его въ ссылку [6]). Послѣ его паденія императоромъ-отрокомъ завладѣли вполнѣ, въ свою очередь, князья Долгорукіе. Великій князь сдѣлался женихомъ сестры любимца Петра II-го, И. А. Долгорукаго, Екатерины [7]). Долго-

---

1) Записки Миниха (отца), 34 с., Записки Миниха (сына), 18 с., Ле-Фортъ, 473, 476—478, 481 и 487 с., Маньянъ, С. Р. И. О., LXIV, 15 с. 2) Соловьевъ, ibidem, Ле-Фортъ, 472 с. 3) Соловьевъ, 102—104 с., Маньянъ, С. Р. И. О, LXXV, 59 с. 4) Соловьевъ, 101—102 с. 5) Маньянъ, ibidem, 65 с, Ле-Фортъ, 485 и 487 с. 6) Соловьевъ, 132—144 с., Маньянъ, 79—84 с. 7) Записки Миниха (отца), 37 с., Записки Миниха (сына), 23 с.

рукіе съ помощью Остермана и другихъ членовъ совѣта стали распоряжаться всѣмъ государствомъ и, быть можетъ, надолго укрѣпили свое вліяніе на дѣла управленія, если бы они не питали страшной ненависти къ фамиліи князей Голицыныхъ, которые отвѣчали имъ тѣмъ же [1]). Долгорукіе боялись особенно князя Д. М. Голицына,—представителя родовитѣйшей знатной русской фамиліи и члена Верховнаго Тайнаго Совѣта. Но опасенія Долгорукихъ были на этотъ разъ напрасны. Князь Д. М. Голицынъ, хотя и былъ въ душѣ настоящимъ аристократомъ [2]), однако, не могъ сдѣлаться въ царствованіе Петра II главой могущественной аристократической партіи. Онъ не былъ въ состояніи стать главой правительства въ это время, какъ думали о немъ нѣкоторые иностранцы [3]). Новая, петровская Россія не наслѣдовала отъ старой, московской Руси аристократіи, какъ единаго и прочно организованнаго сословія съ опредѣленными политическими взглядами, общими интересами. Высшее сословіе при Петрѣ I и послѣ него состояло изъ нѣсколькихъ знатныхъ и незнатныхъ фамилій, между которыми была непримиримая вражда, но не было ни сознанія общихъ интересовъ, ни единодушія въ ихъ преслѣдованіи. Въ государствѣ могло пріобрѣсти значеніе только нѣсколько аристократическихъ фамилій, которыя успѣли получить вліяніе при дворѣ или же заручиться расположеніемъ сильнаго временщика [4]). „Упала, говорилъ князь Щербатовъ про времена Екатерины I и Петра II, древняя гордость дворянская, видя себя управляема мужемъ хотя достойнымъ, но изъ подлости произшедшимъ (Меньшиковымъ), а мѣсто ея заступило раболѣпство къ сему вель-

---

1) Herrmann, ibid., 518 s., Маньянъ, 102—104 с., Ле-Фортъ, 501 с., Мардефельдъ, 322 с., Письма о Россіи въ царствованіе Петра II въ Испанію *Дука-де-Лирія*, испанскаго посланника при русскомъ дворѣ. „Осьмнадцатый вѣкъ“, П. Бартенева, 2 кн., 32—33 с. 2) Корсаковъ: „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII ст.“, 222—225 с. 3) Ле-Фортъ, 484 с. 4) Соловьевъ, XIX, 146 стр.

можѣ, могущему все“ [1]). Но и послѣ паденія Меньшикова знать не соединилась въ одинъ союзъ съ общими интересами и между знатными фамиліями продолжались обычныя вражда и рознь. Петръ II не любилъ Голицыныхъ за ихъ бывшія сношенія съ княземъ Меньшиковымъ [2]) и охотно сближался съ Долгорукими, отвлекавшими его въ своихъ видахъ отъ скучныхъ занятій государственными дѣлами [3]). Не смотря на протесты воспитателя императора, Остермана, юный Петръ продолжалъ предаваться однимъ только развлеченіямъ [4]). Долгорукіе постоянно увозили его на охоту въ свои родовыя имѣнія около Москвы [5]). Это частое отсутствіе императора изъ Петербурга въ связи съ переводомъ нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій въ Москву подало поводъ нѣкоторымъ иностранцамъ думать, что старая русская аристократическая партія, ненавидѣвшая всѣхъ иностранцевъ, стремится возвратиться къ старинѣ и намѣрена отказаться отъ всего, что внесено Петромъ I новаго въ устройство и жизнь русскаго общества [6]). Маньянъ даже приводитъ нѣкоторыя экономическія соображенія, которыя, по его мнѣнію, заставляютъ русскихъ вельможъ перенести царскую резиденцію изъ Петербурга въ Москву. „Нѣкоторые изъ членовъ русской знати, говоритъ Маньянъ, предвидятъ окончательное разореніе для всего русскаго дворянства отъ постоянной жизни двора въ Петербургѣ: безплодіе мѣстности около этого города заставляетъ ихъ привозить разные припасы изъ своихъ деревень. Отдаленность же ихъ помѣстій отъ Петербурга ведетъ къ постоянному захуданію ихъ вслѣдствіе богатства крестьянъ“ [7]). Быть можетъ, нѣкоторые изъ русскихъ вельможъ и предпочли-бы жить въ Москвѣ, къ кото-

1) Ле-Фортъ, 501 с. 2—4) Мардефельдъ, 392 и 397 с., Де-Лирія, 30—32 и 121 с., Ле-Фортъ, 507 и 512—513 с. 5) Соловьевъ, 147—149 с., Маньянъ, С. Р. И. О. LXXV, 324—325, 328—329 и 339 с., Де-Лирія, 66 с., Ле-Фортъ, 504—506 с. 6) Шовеленъ къ Маньяну, 225, 238—239 с., Мардефельдъ, 364—365 с., Де-Лирія, 75 с., Ле-Фортъ, 508 с. 7) Маньянъ, 267 с.

рой они привыкли[1]), но дѣйствительная причина тяготѣнія къ Москвѣ князей Долгорукихъ и нѣкоторыхъ другихъ членовъ аристократіи заключалась не въ стремленіяхъ русской знати къ уничтоженію всего, сдѣланнаго Петромъ I, нераздѣлявшихся членами новой, созданной имъ, аристократіи и наиболѣе виднымъ и вліятельнымъ при дворѣ иностранцемъ —Остерманомъ. Дѣло шло въ данномъ случаѣ только о закрѣпленіи господства въ управленіи за фамиліей князей Долгорукихъ, нестѣснявшихся въ средствахъ для достиженія этой своей завѣтной цѣли. Скоро могущество фамиліи Долгорукихъ, взявшихъ съ помощью Остермана верхъ надъ Голицыными[2]), увеличилось еще болѣе вслѣдствіе назначенія въ число членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта двухъ ея представителей: знаменитаго дипломата, Василія Лукича Долгорукаго и Алексѣя Григорьевича Долгорукаго. Сынъ послѣдняго И. А. Долгорукій былъ сдѣланъ оберъ-камергеромъ двора Е. В.[3]). „Князь И. А. Долгорукій, говоритъ Щербатовъ, всемогущій учинился; всѣ родственники его были возвышены, правя по изволеніямъ ихъ всѣми дѣлами имперіи“[4]). Долгорукіе сохранили за собою власть во все остальное время царствованія Петра II[5]), неожиданно скончавшагося наканунѣ своего брака съ княжной Екатериной (19 янв. 1730 г.)[6]).

Господство при Петрѣ II сначала князя Меньшикова, а потомъ фамиліи князей Долгорукихъ отразилось на управленіи тѣмъ, что все здѣсь дѣлалось сначала по волѣ Меньшикова, а потомъ Долгорукихъ. Полный произволъ всесильнаго свѣтлѣйшаго князя, ненавидимаго всею остальною знатью, безпрерывныя интриги и борьба изъ за личнаго вліянія на юнаго императора въ ея средѣ послѣ паденія Меньшикова,

---

1) Соловьевъ, ibidem, 153 стр. 2) Де-Лирія, 56—57 с. 3) Чт. въ общ. ист. и др. россійскихъ, 1858, III, Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта, 73 стр. 4) Щербатовъ: „О поврежденіи нравовъ“, ib., 41 с. 5) Градовскій, 145 стр., Маньянъ, 337, 428—429 и 448 с. 6) Соловьевъ, 235—240 с.

которыя разъединяли даже отдѣльныхъ членовъ семьи князей Долгорукихъ (князя Алексѣя Григорьевича съ его сыномъ, Иваномъ Алексѣевичемъ [1]), должны были сильно затруднять весь ходъ управленія страной [2]) и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивать личное вліяніе временщиковъ въ высшемъ правительственномъ учрежденіи—Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Этотъ послѣдній былъ органомъ различныхъ аристократическихъ партій, которыя пользовались имъ для достиженія своихъ цѣлей. Князь Меньшиковъ распоряжался совѣтомъ, какъ хотѣлъ. При той безграничной власти, какою пользовался онъ при Петрѣ II [3]), и при необыкновенныхъ административныхъ способностяхъ Меньшикова было естественно, что всѣ дѣла управленія были въ его рукахъ и его не менѣе даровитаго помощника—Остермана. Остальные же члены совѣта имѣли незначительное вліяніе на дѣла [4]). Изъ подлинныхъ протоколовъ засѣданій Верховнаго Тайнаго Совѣта видно, что собранія всѣхъ его членовъ были рѣдки въ пору господства Меньшикова и потомъ—Долгорукихъ. Баронъ Остерманъ часто не былъ на засѣданіяхъ совѣта или приходилъ очень поздо. Обыкновенно тайный совѣтникъ Степановъ носилъ дѣла для рѣшенія или подписи на домъ къ Меньшикову или Остерману. Такъ, напр., 21 іюля 1727 г. Степановъ ходилъ къ свѣтлѣйшему князю съ инструкціями, съ грамотой и присягой, сочиненными въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и закрѣпленными членами совѣта, и просилъ объ отправленіи сенатора Наумова въ Малороссію. Меньшиковъ сдѣлалъ нѣкоторыя из-

1) Де-Лиріа пишетъ, что „князь И. А. Долгорукій—врагъ Остермана, а отецъ его, князь А. Г. думаетъ, что нѣтъ другаго въ мірѣ умнаго человѣка какъ Остерманъ. Князь Алексѣй завидуетъ царской милости къ сыну и желаетъ его паденія, чтобы въ милость царя попалъ другой, который былъ бы по нраву Остерману“ („XVIII в.“ II, 83 с.). 2) „Сила единаго рода (Долгорукихъ) учинила, говоритъ князь Щербатовъ, что только искатели въономъ чины и милости получали, а другіе уже и къ грабежу народа приступили. Насиліе заступило мѣсто прежде бывшаго порядка“. (Ibidem, 45 с.), 3) Ле-Фортъ, 478 и 487 с., Щербатовъ, 41 с. 4) Herrmann, IV, 507 s.

мѣненія въ инструкціи и выразилъ свое согласіе на, доложенное въ тоже время, Степановымъ мнѣніе членовъ совѣта о раздачѣ деревень малопомѣстнымъ офицерамъ гвардіи. Послѣ этого Меньшиковъ заявилъ Степанову свое желаніе „видѣться, съ членами совѣта для нѣкотораго нужнаго дѣла". Всѣ они тотчасъ же поѣхали въ домъ князя, гдѣ былъ и Остерманъ [1]). Иногда Меньшиковъ прямо присылалъ приказы членамъ совѣта, которые принимали ихъ безпрекословно [2]). Такой же порядокъ рѣшенія дѣлъ продолжался и при Долгорукихъ, когда нерѣдко Остерманъ присылалъ въ совѣтъ свои „мнѣнія" [3]), или же дѣла восходили къ императору чрезъ Долгорукихъ [4]). Обыкновенно въ совѣтѣ засѣдали: князь Голицынъ, Апраксинъ и Головкинъ. Самъ императоръ рѣдко присутствовалъ въ совѣтѣ. Все управленіе государствомъ должно было, повидимому, идти при такихъ обстоятельствахъ безъ всякаго плана и системы. Въ такомъ именно видѣ дѣла правленія представлялись нѣкоторымъ иностранцамъ. Лефортъ пишетъ наканунѣ паденія князя Меньшикова (въ сент. 1727 г.): „трудно повѣрить, какимъ образомъ управляютъ этимъ (русскимъ) государствомъ: Меньшиковъ хочетъ все сдѣлать, а—дѣлаетъ только для себя" [5]). По словамъ Мардефельда, самъ Меньшиковъ ускорилъ свое паденіе, „слѣдуя единственно своей страсти къ деньгамъ и необузданному честолюбію. Ему слѣдовало бы дѣйствовать заодно съ Великимъ Тайнымъ Совѣтомъ, поддерживать хорошій государственный строй, имъ самимъ заведенный, и этимъ пріобрѣсти и удержать за собой расположеніе императора и великой княжны (Наталіи Алексѣевны). Его дѣйствія прямо противоположны всему этому: онъ присвоилъ себѣ права пра-

---

1) Подлинные протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта, С. Р. И. О., LXIII, № 71; ар. №№ 77, 89, 121, 131 и др. 2) Ibidem, № 135, 3) Ibid., №№ 187, 219, 220, 223 и др. 4) Соловьевъ, XIX, 164 с. 5) Ле-Фортъ, С. Р. И. О. III, 489 с.

вителя, прибралъ къ своимъ рукамъ все финансовое управленіе и располагалъ всѣми дѣлами какъ военными, такъ и гражданскими по своему усмотрѣнію, какъ настоящій императоръ"[1]). Но это вмѣшательство Меньшикова во всѣ дѣла правленія не мѣшало, по мнѣнію самого же Мардефельда правильному его ходу. Мардефельдъ хвалитъ „мудрое поведеніе настоящаго правительства. Теперь, говоритъ онъ, болѣе не подрываются финансы государства ненужными постройками гаваней и домовъ, страна уже больше не разоряется подобными дѣлами, сами вельможи участвуютъ въ управленіи въ Тайномъ Верховномъ Совѣтѣ и сенатѣ и тѣмъ способствуютъ наполненію и сбереженію государственной казны и процвѣтанію торговли, надъ чѣмъ здѣсь трудятся съ неустаннымъ прилежаніемъ. Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ дѣла исполняются и отправляются быстро и по зрѣлому разсужденію"[2]). Мардефельдъ хвалитъ Остермана за его „честность, безкорыстіе и способность къ управленію государствомъ. Остерманъ поддерживаетъ систему покойнаго императора и стремится сохранить славу русскаго государства и пріобрѣтенія его, заботится ввести болѣе разумное государственное хозяйство и поднять торговлю. Этотъ планъ всѣми силами подерживается и Меньшиковымъ", которому Мардефельдъ отдаетъ преимущество предъ представителями знатныхъ русскихъ фамилій: „изъ старыхъ русскихъ господъ едва ли ктонибудь способенъ, по его словамъ, овладѣть всѣми государственными дѣлами и занять постъ Меньшикова, съ тѣмъ же успѣхомъ и авторитетомъ, какъ князь"[3]). Послѣ удаленія Меньшикова дѣла управленія пошли хуже, если судить опять по докладамъ иностранныхъ пословъ своимъ правительствамъ.

---

1) Мардефельдъ, С. Р. И. О., XV, 386—387 с. Князь Щербатовъ также говоритъ о Меньшиковѣ, что „сей вельможа, хотя не былъ именованъ регентомъ, но дѣйствительно таковымъ былъ" (ib., 41 с.). 2) Мардефельдъ, 375—376 с. 3) Мардефельдъ, 364 с. Князь Щербатовъ также говоритъ о Меньшиковѣ, что „управленіе его было хорошо" (ib., 41 с.).

Такъ Ле-Фортъ говоритъ (въ ноябрѣ 1727 г.): „вообще и постоянствѣ правленія здѣсь не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что все предоставляется на произволъ судьбы“ 1). Де-Лирія также писалъ (въ ноябрѣ 1728 г.): „что касается здѣшняго управленія, все идетъ дурно: царь не занимается дѣлами, да и не думаетъ заниматься ими. Всѣ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта нездоровы и потому этотъ трибуналъ, душа здѣшняго управленія, вовсе не собирается. Всѣ соподчиненныя вѣдомства остановили свои дѣла. Жалобъ бездна. Всѣ командуютъ и никто ничего не хочетъ дѣлать“ 2). Свѣдѣнія Ле-Форта и Де-Лиріи о состояніи государственнаго управленія при господствѣ Долгорукихъ вѣрны только до нѣкоторой степени: управленіе государствомъ, конечно, не могло идти, какъ слѣдуетъ, при постоянныхъ раздорахъ среди вельможъ и явныхъ стремленіяхъ Долгорукихъ овладѣть Петромъ II и государствомъ для своихъ личныхъ цѣлей. Много вредили правильному ходу дѣлъ огромная власть и исключительное преобладаніе Верховнаго Тайнаго Совѣта надъ всѣми остальными учрежденіями и неопредѣленность власти, пестрота и запутанность отношеній между совѣтомъ, сенатомъ, синодомъ и коллегіями 3). Но не смотря на такое хаотическое состояніе высшаго управленія при Петрѣ II и аристократическій и вмѣстѣ съ тѣмъ личный его характеръ, дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта представляетъ собою въ это время продолженіе его трудовъ по выполненію преобразовательныхъ плановъ Петра I, которые совѣтъ стремился осуществить еще при Екатеринѣ I. При ея преемникѣ уже сказались результаты плодотворной для народнаго благосостоянія дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта. Народныя тягости значительно уменьшились, торговля и промышленность стали замѣтно развиваться, страна пользовалась сравнительно долгимъ миромъ. Совѣтъ не могъ уничтожить всѣхъ

1) Ле-Фортъ, С. Р. И. О., III, 508 с., ср. ibidem, V, 308—309, 316 и 330 с.
2) Де-Лирія, 119 с. 3) Градовскій, 143—145 с.

злоупотребленій чиновниковъ въ управленіи [1]), противъ которыхъ долго и напрасно боролся самъ Петръ Великій. Но за то „остальныя дѣла Преобразователя, которыя не шли въ разрѣзъ склонностямъ государя и интересамъ вельможъ, поддерживались и развивались, ибо сознательнаго, предпамѣреннаго противодѣйствія дѣлу преобразованія мы не замѣчаемъ ни въ комъ изъ русскихъ людей, стоявшихъ въ это время наверху“ [2]). Эти слова знаменитаго русскаго историка о характерѣ дѣятельности совѣта при Петрѣ II подтверждаются, какъ нельзя лучше, подлинными протоколами засѣданій Верховнаго Тайнаго Совѣта, къ которымъ мы и обратимся.

Верховный Тайный Совѣтъ былъ въ царствованіе Петра II, какъ и ранѣе, высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ въ имперіи [3]), власть котораго увеличилась теперь еще болѣе. Сенатъ попрежнему занималъ второстепенное мѣсто въ управленіи, былъ одной изъ коллегій съ ограниченнымъ кругомъ дѣятельности: онъ завѣдовалъ нѣкоторыми судебными, хозяйственными и полицейскими дѣлами [4]) Совѣтъ не разъ напоминаетъ сенату объ его подчиненномъ положеніи. Такъ 17 іюля 1727 г. совѣтъ дѣлаетъ выговоръ сенатору Наумову за „несидѣнье въ сенатѣ“ и приказываетъ ему прислать сенатскаго оберъ-прокурора Волкова. Послѣдній тотчасъ явился и, въ свою очередь, получилъ строгій выговоръ отъ совѣта за „неисправленіе дѣлъ сенатскихъ и что съѣзды бываютъ не по вся дни и то пріѣзжаютъ поздо, и что по счетамъ на Меерѣ такой великой суммы не взыскиваютъ и опустили, и для чего онъ должности своей не исполняетъ, и наконецъ приказано должность его и неисправленіе расписать, а для лучшаго во отправленіи сенатскихъ дѣлъ усмотрѣнія подавать журналы по вся дни, кто въ которыхъ часахъ

---

1) Соловьевъ, XIX, 171 с. 2) Соловьевъ, ibid., 181 с. 3) Сперанскій, 26 с. 4) П. С. З., VII, №№ 4970, 4990, 5038, 5052, 5218 и 5224, Büsching, XVI, 557 s. und folg.

пріѣзжать будутъ и какое отправленіе чинили“ [1]). Совѣтъ не желаетъ допускать, чтобы сенатъ принималъ какое-либо участіе въ законодательной его дѣятельности и поэтому приказываетъ „разобрать всѣ указы въ сенатѣ и тѣ, кои могутъ служить закономъ, немедленно представить въ совѣтъ, чтобы пополнить ими уложеніе“ [2]). Совѣтъ по своей волѣ то увеличиваетъ, то уменьшаетъ компетентность сената. Въ іюлѣ 1728 г. сенату подчинены управленіе башкирами и доимочная канцелярія [3]). Послѣ закрытія преображенской канцеляріи сенатъ долженъ былъ помогать совѣту въ разсмотрѣніи доносовъ по важнымъ дѣламъ [4]). Совѣтъ даетъ сенату право представлять кандидатовъ въ учрежденную совѣтомъ „Особую канцелярію для завѣдованія доимочными и выморочными имѣніями“ [5]). Но малороссійскія дѣла, которыми сенатъ завѣдовалъ со времени Петра I, совѣтъ считаетъ нужнымъ отчислить отъ него и передать ихъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, гдѣ они были прежде [6]). Совѣтъ же приказываетъ (16 іюля 1727 г.), чтобы сенатъ и коллегіи не „чинили выдачи изъ казны денегъ за прошлые годы“ [7]). Для того, чтобы „канцеляріи Верховнаго Тайнаго Совѣта затрудненія излишняго не было“, совѣтъ распоряжается, чтобы члены сената, синода и коллегій, являвшіеся въ засѣданія совѣта съ докладами, приходили вмѣстѣ съ своими секретарями, которые и записывали бы резолюціи совѣта на докладахъ [8]). Совѣтъ заставилъ признать свое высшее положеніе въ государствѣ и синодъ, и отдѣльныхъ, вліятельныхъ его членовъ. Такъ въ засѣданіи 25 іюля 1725 г., когда канцлеръ графъ Головкинъ доложилъ совѣту письмо отъ „пребывающихъ въ Англіи рос-

---

1) С. Р, И. О., LXIX, № 40. 2) Чтенія въ общ. ист. и др. россійскихъ 1858, III, Прот. 14 іюня 1728 года. Мы пользуемся протоколами, помѣщенными въ „Чтеніяхъ“ только за 1728—1730 г., такъ какъ изданіе подлинныхъ протоколовъ Дубровинымъ доведено лишь до 1728 года. 3—5) Чтенія etc., Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта за 22 іюля 1728 г., 4 апр. и 19 мая 1729 г. 6—7) С. Р. И. О., LXIII, №№ 351, 352. 8) С. Р. И. О., LXIX, №№ 88 и 49.

сійскихъ духовныхъ особъ", въ которомъ онѣ „объявляютъ о присланномъ къ нимъ изъ синода указѣ о приводѣ къ присягѣ, разсуждая, что тамъ такой присяги чинить некому", совѣтъ постановилъ: „синодскихъ членовъ, призвавъ, выговаривать, что имъ такого указу не спросясь посылать было не надлежало" [1]). Вскорѣ послѣ этого выговора всему синоду былъ объявленъ въ засѣданіи совѣта его секретаремъ отъ имени князя Меньшикова приказъ, чтобы „изволили опредѣлить указомъ, дабы коломенскій архіерей имѣлъ смотрѣніе надъ здѣшними (т. е., петербургскими) попами—по примѣру того, какъ въ Москвѣ Крутицкой". Вмѣсто письменнаго указу „разсуждено синоду объявить о томъ словесно" [2]). Это нарушеніе совѣтомъ порядка подчиненности потербургскаго духовенства новгородскому архіепископу, извѣстному Ѳеофану Прокоповичу было вызвано враждою къ нему нѣкоторыхъ членовъ совѣта, нелюбившихъ Ѳеофана за „Правду воли монаршей" и „Духовный регламентъ". Особенно былъ недоволенъ имъ князь Меньшиковъ, о самовластіи котораго Ѳеофанъ позволилъ себѣ выразиться неодобрительно одному изъ своихъ подчиненныхъ, архимандриту Маркеллу. Дѣло о Маркеллѣ съ новгородскимъ архіепископомъ поступило въ Верховный Тайный Совѣтъ, который рѣшилъ сослать Маркелла въ Невскій монастырь. „Архіерея же велѣно призвать въ совѣтъ и объявить ему, понеже по тому дѣлу является немалая важность, а онъ въ отвѣтахъ своихъ многаго не изъяснилъ, о чемъ надлежало было въ подлинникѣ изслѣдовать, однако же то оставляется; но чтобы онъ зналъ, что ему то оставленіе учинено изъ Е. И. В. милости" [3]). Совѣтъ желалъ властвовать одинъ въ управленіи. Поэтому онъ упразднилъ независѣвшій отъ него частный кабинетъ императора вмѣстѣ съ должностью, управлявшаго имъ со времени Петра I,

1—2) С. Р. И. О. LXIX, №№ 84 и 135. 3) Ibidem, LXIII, № 381.

кабинетъ—секретаря, могущественнаго Макарова. Кабинетъ впрочемъ, былъ упраздненъ не сразу. Сначала совѣтъ приказываетъ, чтобы „командующіе генералы и губернаторы писали о случившихся новыхъ и важныхъ дѣлахъ, которыя не принадлежатъ коллегіямъ", въ Верховный Тайный Совѣтъ, а не въ кабинетъ [1]). Этотъ указъ былъ вскорѣ дополненъ перечисленіемъ того, о какого рода „новыхъ и важныхъ" дѣлахъ должно быть донесено совѣту; то были: 1) „начатіе какой войны, 2) моръ 3), какое замѣшаніе или какіе нечаянные новые припадки. А о первыхъ трехъ пунктахъ, то есть, первое: ежели кто за кѣмъ знаетъ злое умышленіе на здоровье Е. И. В.; второе—объ измѣнѣ, третье—о возмущеніи или бунтѣ, о тѣхъ изъ ближнихъ къ Петербургу губерній доносить въ сенатъ, а изъ дальнихъ губерній и провинцій писать въ Москву къ генералъ-губернатору князю Родомановскому, а въ Верховный Тайный Совѣтъ писать имъ о томъ для вѣдома немедленно" [2]). Совѣтъ, далѣе, распоряжается, чтобы были поданы опись всѣмъ дѣламъ и вѣдомость о состояніи казны кабинета Е В. со дня его учрежденія и представлены запечатанные пакеты и кабинетскія печати [3]). Наконецъ, велѣно было сдать всѣ кабинетскія дѣла въ сенатъ и въ коллегіи, „что къ которой надлежитъ" [4]) и запрещено „всѣмъ учрежденіямъ впредь до указу доносить въ кабинетъ о какихъ-либо дѣлахъ" [5]).

Верховный Тайный Совѣтъ, сознавая свое первенствующее положеніе въ государственномъ управленіи, продолжалъ при Петрѣ II дополнять свое устройство и дѣйствовать въ качествѣ высшаго учрежденія, обладающаго всѣми правами власти, всѣми ея функціями. Такъ совѣтъ дѣлаетъ распоряженіе объ увеличеніи содержанія чиновниковъ своей канце-

---

1) С. Р. И. О., LXIII, № 242. 2) Ibidem, № 244, П. С. З., № 5078. 3) С. Р. И. О., LXIII, № 256. 4) Ibidem, LXIII, №№ 326 и 333. 5) П. С. З., VII, № 5078.

ляріи [1]), опредѣляетъ, чтобы указы совѣта въ сенатъ и коллегіи были отправляемы только за подписью тайнаго совѣтника Степанова, а не самого императора [2]). Совѣтъ назначаетъ опредѣленный день (субботу) для пріема прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя [3]). Члены совѣта—дѣйствительные тайные совѣтники (князь Д. М. Голицынъ и баронъ Остерманъ) не хотятъ быть равными въ службѣ съ остальными сановниками одинаковыхъ съ ними чиновъ. Поэтому они, говоритъ Маньянъ, „потребовали себѣ, вопреки табели о рангахъ, преимущества предъ фельдмаршалами, а это повело къ спорамъ между множествомъ родовыхъ дворянъ и лицами, занимающими должности“ [4]). Совѣтъ поспѣшилъ удовлетворить аристократическія претензіи своихъ членовъ, постановивъ, что „дѣйствительные тайные совѣтники, засѣдающіе въ совѣтѣ, должны имѣть первенство на жизнь ихъ надъ другими однихъ чиновъ (полными генералами), прочимъ же вѣдаться въ чинахъ по старшинству вступленія ихъ въ чинъ“ [5]). Но Верховный Тайный Совѣтъ являлся органомъ не однихъ только аристократическихъ притязаній его членовъ; онъ охранялъ также и права, и достоинство монархической власти. Въ засѣданіи 16 іюня 1727 г. въ совѣтѣ разсуждали о томъ, чтобы Е. И. В. „изволилъ лучше самъ подписывать всѣ протоколы“ [6]) которые до этого времени подписывались одними членами совѣта. Совѣтъ не принимаетъ отъ Бассевича квитанціи герцогини гольштинской, Анны Петровны въ уплатѣ завѣщанныхъ ей Екатериной I денегъ, потому что она названа въ ней „наслѣдной принцессой россійской“: совѣтъ находитъ, что „изъ того можетъ быть предосужденіе Е. И. В., у котораго единаго въ соизволеніи есть наслѣдство россійской имперіи“ [7]). Въ засѣданіи 26 іюля 1727 г. совѣтъ рас-

---

1—3) С. Р. И. О., LXIX, №№ 95, 224 и 362. 4) Маньянъ, С. Р. И. О., LXXV, 310 с. 5) Чт. въ общ. ист. и др. россійскихъ, 1858, III, Протоколъ 24 февр. 1728, П. С. З., VIII, № 5245. 6—7) С. Р. И. О., LXIII, №№ 352, 360 и 77.

поряжается отобрать отъ всѣхъ коллегій, канцелярій и запретить читать въ церквахъ „манифесты 1718 г. о наслѣдствѣ, манифестъ того же года по дѣлу царевича Алексѣя Петровича и Правду воли монаршей“, которыми отвергалось законное право наслѣдованія на россійскую корону Петра II[1]).

Въ области законодательства Верховный Тайный Совѣтъ продолжалъ работать надъ составленіемъ новыхъ законовъ[2]) и организацiей учрежденій, центральныхъ и мѣстныхъ. Совѣтъ принимаетъ мѣры къ образованію лучшаго состава всѣхъ коллегій, куда было съ этою цѣлью выбрано для обученія дѣламъ изъ молодаго шляхетства по три человѣка въ каждую коллегію[3]). Три первыя коллегіи—военная, адмиралтейская и коллегія иностранныхъ дѣлъ,—выдвинувшіяся изъ числа остальныхъ еще при Екатеринѣ, сохраняютъ свое исключительное положеніе и при Петрѣ II. Военная коллегія, занявшая при князѣ Меньшиковѣ первое мѣсто среди трехъ главныхъ коллегій и послѣ него перешедшая въ завѣдованіе Миниха (отца), имѣла нѣсколько подвѣдомственныхъ ей учрежденій (оберъ-коммиссаріатъ, генералъ-аудиторіатъ и др.), разбирала спеціально военныя, хозяйственныя и ревизіонныя дѣла и имѣла, подобно другимъ коллегіямъ, судебную власть надъ военнослужащими[4]). Адмиралтейская коллегія, при которой состояло до 16 конторъ[5]), имѣла право производить въ военные чины до капитана и при князѣ Меньшиковѣ могла сама распоряжаться отправленіемъ военныхъ кораблей. Но послѣ его паденія совѣтъ отнялъ это послѣднее право у адмиралтейской коллегіи, которая должна была докладывать ему о состояніи флота и производствѣ въ высшіе чины (съ капитана)[6]) Но адмиралтейская коллегія сохранила право

1) С. Р И. О, LXIX, № 91. 2) П. С. З., VIII, №№ 5287, 5348 и 5412. Чт. etc., Протоколъ 14 іюня 2728 г. 3) Соловьевъ, XIX, 173 с. 4) П. С. З., VII, № 5044 и VIII, №№ 5279 и 5667, Градовскій, 143 с. 5) Градовскій, 144 с. 6) С. Р. И. О., LXIX, №№ 174 и 256.

самостоятельнаго расходованія отпущенныхъ на нее суммъ безъ представленія отчетовъ въ ихъ употребленіи въ камеръ-коллегію [1]). Дѣятельность иностранной коллегіи значительно сокращалась при Петрѣ II, какъ и ранѣе, тѣмъ, что Верховный Тайный Совѣтъ посвящалъ много времени разсмотрѣнію и рѣшенію иностранныхъ дѣлъ [2]). Но, съ другой стороны, вѣдомство иностранной коллегіи увеличилось переходомъ въ ея завѣдованіе малороссійскихъ дѣлъ, отчисленныхъ отъ сената [3]). Верховный Тайный Совѣтъ принимаетъ нѣсколько мѣръ относительно устройства остальныхъ коллегій и другихъ учрежденій и опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній. Такъ бергъ-коллегія была замѣнена конторой, которая „подчинена къ артиллеріи“ [4]). Коллегія экономіи, камеръ-контора, всѣ московскія коллежскія конторы, синодальная контора и дикастеріи были уничтожены совѣтомъ въ видахъ сокращенія государственныхъ расходовъ; упразднены были также должность оберъ-секретаря въ синодѣ и главный магистратъ [5]), дѣла котораго были поручены коммерцъ-коллегіи [6]). По случаю пребыванія двора въ Москвѣ туда же переводятся вотчинная коллегія, юстицъ-коммерцъ-бергъ и мануфактуръ-коллегія [7]). Вѣдомство камеръ-коллегіи было увеличено предоставленіемъ ей права сбирать лифляндскія таможенныя пошлины и доходы съ дворцовыхъ мызъ [8]). Камеръ-коллегіи была подчинена соляная контора и она должна была завѣдовать солянымъ сборомъ, но расходовать его могла только по указу Верховнаго Тайнаго Совѣта [9]). Преображенская канцелярія закрывается совѣтомъ [10]). Рекетмей-

---

1) П. С. З., VIII, 5543. 2) См. ниже. 3) С. Р. И. О., LXIII, №№ 351 и 352. 4—7) Ibidem, №№ 326, 338, 388 и 255. 8) Ibidem, LXIX, №№ 200 и 271. 9) Ibidem, LXIX, №№ 171 и 175. Коллегіи завѣдовали только текущими дѣлами; важнѣйшія административныя положенія были изданы Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ безъ участія, а иногда даже и безъ вѣдома коллегій. Таковы были: горный, вексельный и соляной уставы (С. Р. И. О., LXIII, № 521, Чт. etc., Протоколъ 16 мая 1729 г., Сперанскій, 40 с.). 10) Чт. etc., Прот. 4 апр. 1729 г.

стеру приказано принимать челобитныя на Высочайшее имя, подаваемыя въ совѣтъ, и, подписавъ, разсылать, „куда которая по указу надлежитъ". Совѣтъ разсматриваетъ придворный и гражданскій штаты [1]), опредѣляетъ штатъ двора Натальи Алексѣевны, Елизаветы Петровны и обрученной государевой невѣсты, Маріи Меньшиковой [2]) и—штатъ царицы Евдокіи Θеодоровны [3]). Положеніе о полицiймейстерской канцеляріи пересматривается совѣтомъ снова [4]). Дѣятельность его направлена, какъ и ранѣе, и на устройство областного управленія. Такъ въ сентябрѣ 1728 г. былъ составленъ въ совѣтѣ „наказъ губернаторамъ, воеводамъ и ихъ товарищамъ", которымъ поручаются имъ всѣ дѣла мѣстнаго управленія (гражданскія, уголовныя дѣла, сборъ податей, чрезвычайныя мѣры и проч.) [5]). Совѣтъ составляетъ еще инструкцію кіевскому генералъ-губернатору, передаетъ московскую полицію въ вѣдѣніе московскаго генералъ-губернатора [6]) и опредѣляетъ въ петербургскую ратушу одного бургомистра и двухъ бурмистровъ для разсмотрѣнія купеческихъ дѣлъ [7]). Магистраты въ городахъ упразднены совѣтомъ, потому что въ нихъ „люди напрасно задолжены", и дѣла ихъ поручены губернаторамъ и воеводамъ [8]). Особенное вниманіе совѣта привлекаютъ на первыхъ же порахъ его дѣятельности и во все царствованіе Петра II малороссійскія дѣла. Въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій совѣта (12 мая 1727 г.) было рѣшено возстановить въ Малороссіи достоинство гетмана, сбирать тамъ съ жителей „денежные и хлѣбные доходы по пунктамъ гетмана Б. Хмѣльницкаго" и его преемниковъ и отмѣнить всѣ новые сборы, установленные малороссійской коллегіей, предсѣдатель которой долженъ былъ явиться для отчета въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было запрещено

1—2) С. Р. И. О., LXIII, №№ 326 и 346. 3) Чт. etc., Прот. 9 фев. 1728 г. 4 и 6) С. Р. И. О., LXIX, № 248. 5) П. С. З., VIII, № 5333. 7) С. Р. И. О., LXIX, №№ 106 и 136. 8) Ibidem, LXIII, № 326.

великороссіянамъ покупать земли въ Малороссіи и предписано возвратить казакамъ уже купленную у нихъ землю съ уплатою за нее по купчимъ крѣпостямъ [1]) Всѣ малороссійскія дѣла были переведены въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, гдѣ они были до Петра I [2]). Всѣ жители Малороссіи освобождены отъ сбора на полки [3]). Было запрещено „всякаго званія людямъ“ селиться около царицынской линіи и въ казацкихъ городахъ [4]). 10 іюля 1728 г. послѣдовалъ указъ, чтобы въ Малороссіи „старшины и сотники не дѣлали казакамъ обидъ и тягостей, не брали съ нихъ взятокъ въ судахъ, не продавали насильно напитковъ, не наряжали казаковъ въ частныя работы, а особенно не отнимали у нихъ земель и тѣмъ не приводили ихъ въ подданство. Обиженнымъ было позволено приносить жалобы въ генеральный судъ въ Малороссіи и коллегію иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ [5]). Наконецъ, 22 авг. того же года была пожалована малороссійскому народу грамота, въ которой подтверждены всѣ его права и вольности, обезпечено ему самоуправленіе и приняты мѣры къ тому, чтобы „никому изъ малороссійскаго народа никакая обида не была учинена“ [6]). Причина такихъ особенныхъ заботъ и щедраго пожалованія совѣтомъ малороссамъ разныхъ льготъ заключалась, отчасти, въ его стремленіи возстановить въ областяхъ личное управленіе [7]), но еще болѣе въ желаніи правительства привязать къ государству малороссійское войско, въ которомъ Россія нуждалась при начавшихся съ Петра I войнахъ съ турками [8]) Совѣтъ заботится, далѣе, о болѣе цѣлесообразномъ распредѣленіи городовъ съ ихъ уѣздами по губерніямъ. Такъ онъ приказываетъ присо-

---

1—2) С. Р. И. О., LXIII, №№ 208 и 214 и 351. 3) Ibidem, LXIX, № 9. 4) Чт. etc, Протоколъ 20 февр. 1728 г. 5—6) Чт. etc., Прот. 10 іюля и 22 авг. 1728 г. 7) Совѣтъ въ этомъ случаѣ проводилъ въ мѣстномъ управленіи тотъ же личный принципъ, на которомъ была основана и собственная его организація. 8) Соловьевъ, ibidem, 130 с.

единить угличскую провинцію къ московской губерніи [1]), а г. Олонецъ къ новгородской [2]). Совѣтъ упраздняетъ должности секретарей и подъячихъ въ тіунскихъ избахъ въ обѣихъ столицахъ [3]) и опредѣляетъ, чтобы секретари были только въ тѣхъ городахъ, гдѣ положены дьяки по указу 16 марта 1727 г. [4]) Совѣтъ жалуетъ нѣкоторыя льготы должностнымъ лицамъ и надѣляетъ привиллегіями рядовое дворянство. Такъ совѣтъ выдаетъ указъ, что „штатскимъ чинамъ ,кто въ какомъ рангѣ служитъ, и впредь пожалованы будутъ тѣмъ мѣста, съ воинскими чинами имѣть по старшинству“ [5]). Совѣтъ опредѣляетъ „чины разнымъ должностнымъ лицамъ при арміи“ [6]). Вдовамъ и дѣтямъ умершихъ на русской службѣ иностранныхъ офицеровъ рѣшено выдавать пенсіи по морскому уставу [7]). Отставные штабъ-и оберъ-офицеры при отставкѣ должны были награждаться за долговременную и безпорочную службу чиномъ [8]). Совѣтъ жалуетъ за заслуги разнымъ лицамъ въ вѣчное владѣніе деревни [9]), обсуждаетъ вопросъ о правахъ дворянъ и однодворцевъ относительно владѣнія землею и дачами въ нѣкоторыхъ („заказныхъ“) городахъ [10]). Дворяне, неопредѣленные къ дѣламъ въ Петербургѣ, увольняются совѣтомъ въ ихъ деревни, за исключеніемъ тѣхъ, которые должны были строить дома на Преображенскомъ островѣ [11]). Совѣтъ запрещаетъ нанимать боярскихъ дѣтей и крестьянъ, по ихъ желанію, въ солдаты, матросы и другія службы [12]) и увольняетъ въ годовой отпускъ третью часть военныхъ чиновъ изъ шляхетства, владѣющихъ деревнями [13]). Депутаты отъ дворянства же участвуютъ въ составленіи новаго уложенія [14]). Привиллегіи рыцарства и земствъ: лифляндскаго и эстляндскаго подтверждены совѣ-

---

1) С. Р. И. О., LXIII, № 413. 2) Ibidem, LXIX, № 328. 3—5) Ibidem, №№ 132, 56 и 303. 6—8) Чт. etc., Прот. 7 іюня 1728 г., 11 іюня 1729 г. и 9 іюня 1728 г. 9—10) С. Р. И. О., LXIII, №№ 223 и 316. 11—13) Ibidem, LXIX, №№ 45, 209 и 242. 14) Чт. etc. Прот. 14 іюня 1728 г.

томъ [1]) и Лифляндскому княжеству позволено имѣть по обыкновенію сеймъ [2]). Совѣтъ принимаетъ цѣлый рядъ финансовыхъ мѣръ въ виду удовлетворенія настоятельныхъ общественныхъ потребностей, облегченія податныхъ тяжестей населенія и увеличенія народнаго благосостоянія. Такъ онъ разрѣшаетъ въ нужныхъ случаяхъ сверхсмѣтные кредиты [3]), прощаетъ казенныя недоимки лицамъ и учрежденіямъ [4]), слагаетъ подушную подать съ умершихъ крестьянъ въ вотчинахъ князя Меньшикова въ Пошехонскомъ уѣздѣ [5]) и уничтожаетъ должность вальдъмейстера въ Ингерманландіи, поручая надсмотръ за лѣсами самимъ ихъ владѣльцамъ—помѣщикамъ или ихъ прикащикамъ и старостамъ [6]). Совѣтъ наблюдаетъ за состояніемъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, свѣдѣнія о которыхъ онъ приказываетъ доставлять всѣмъ учрежденіямъ [7]). Съ цѣлью сокращенія государственныхъ расходовъ совѣтомъ упраздняется нѣсколько учрежденій, центральныхъ и мѣстныхъ [8]). Въ совѣтѣ составляется новый соляной уставъ [9]), разрѣшается вольная продажа соли [10]) и утверждается новый вексельный уставъ, выработанный коммиссіей о коммерціи [11]). Совѣтъ распоряжается, чтобы ему подавали вѣдомости объ отписныхъ имѣніяхъ и позволяетъ „таковые дворы и лавки продавать съ публичнаго торга, давая преимущество прежнимъ владѣльцамъ или ихъ родственникамъ; деревень же безъ указу продавать“ не велѣно [12]). Совѣтъ разрѣшаетъ безпошлинную торговлю хлѣбомъ за границей [13]), заботится о сохраненіи лѣсовъ въ странѣ [14]), утверждаетъ права, вольности и статуты г. Риги [15]), выдаетъ разнымъ лицамъ жалованныя грамоты [16]) и издаетъ нѣсколько основныхъ положеній относительно устройства суда въ имперіи [17]).

---

1) Чт. etc., Прот. 11 сент. 1728 г. 2—8) С. Р. И. О., LXIII, №№ 337, 291, 295, 365, 335 и 388, 9—10) Ibidem, LXIX, №№ 521 и 529. 11—12) Чт. etc., Прот. 16 мая 1729 г. и 31 мая 1728 г. 13—16) Ibidem, Прот. 14 и 27 іюня 1728 г., 10 марта 1729 г. и 13 окт. и 10 дек. 1728 г. 17) См. ниже.

Не менѣе обширною и плодотворною для всей страны была дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта при Петрѣ II въ области администраціи, гдѣ совѣтъ разсматриваетъ и рѣшаетъ самые разнообразные вопросы и дѣлаетъ необходимыя распоряженія во всевозможныхъ случаяхъ. Теперь замѣчается даже еще большее сравнительно съ временемъ Екатерины I развитіе дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта во всѣхъ частяхъ внутренняго управленія страной. Такъ совѣтъ жалуетъ разные чины [1]), помѣстья, вотчины, дворы, деньги и пр. [2]), назначаетъ жалованье чиновникамъ [3]), опредѣляетъ и увольняетъ губернаторовъ, воеводъ и другихъ свѣтскихъ и духовныхъ должностныхъ лицъ [4]), заботится объ увеличеніи государственныхъ доходовъ [5]) и контролируетъ государственные расходы [6]). Какъ и ранѣе, совѣтъ посвящаетъ много времени обсужденію иностранныхъ дѣлъ [7]) и мѣрамъ объ улучшеніи состоянія арміи и флота [8]), разсматриваетъ разнаго рода духовныя дѣла [9]) и заботится о развитіи торговли и промышленности [10]). Совѣтъ занимается монетнымъ дѣ-

1) С. Р. И. О., LXIII, №№ 202, 216, 224, 410 и 419, LXIX, №№ 60, 317, 365, 369, 386, 390, 414, Чт. etc., Прот. 1 янв. 12, 24 и 25 февр., 10 марта, 12 и 22 іюля 1728 г., 25 февр., 6 апр., 10 мая, 20 и 23 іюня, 19 ноября и 17 дек. 1729 г., 5 и 6 янв. 1730 г. 2) С. Р. И. О., LXIII, №№ 276, 281, 288, 289, 308, 309, 331, 334, 336, 341, 345, 356, 362, 373, 402 и 409, LXIX, №№ 10, 36, 37, 43, 54, 67, 70, 79, 83, 86, 92, 93, 99, 102, 103, 105, 113, 120, 122, 157, 168, 205, 320, 339, 340, 367, 381, 420, 433 и мн. др. Чт. etc., Прот. 28 марта и 22 мая 1728 г. 3) С. Р. И. О., LXIII, №№ 203, 209, 221, 249 и, мн. др., LXIX, №№ 13, 14, 31, 114, 192, 226, 280, 302, 314, 422, 470, 502 и мн. др. 4) Ibidem, LXIII, №№ 203, 212, 220, 241, 258, 279, 305, 325 и мн. др, LXIX, №№ 3, 18, 55, 80, 115, 145, 164, 212, 250, 312, 400, 450 и мн. др., Чт. etc., Прот. 14 февр. и 22 ноября 1728 г. 5) С. Р. И. О., LXIII, № 403, LXIX, №№ 51, 148, 334 и мн. др., Чт. etc., Прот., 31 янв. и 15 іюня 1728 г. 6) С. Р. И. О., LXIII, №№ 329 и 401, LXIX, №№ 63, 116, 403 и др. 7) LXIX, №№ 98, 264, 378 и др, Чт. etc., Прот. 1 янв., 12 февр., 20 март., 16, 17 и 21 мая и др. 1728 г., 27 март., 30 апр., 14, 25 и 28 мая и др. 1729 г. 8) С. Р. И. О., LXIX, №№ 9, 59, 138, 209, 241, 255, 272, 330, 385, 401, 530 и мн. др., Чт. etc., Прот. 16 янв., 12 апр. и 13 мая 1729 г. 9) С. Р. И. О., LXIII, №№ 251, 330, 405 и мн. др., XXIX, №№ 24, 68, 124, 265, 388, 447 и мн. др. 10) LXIII, №№ 235, 267, 275, 321, 414, 418 и др. LXIX, №№ 16, 50, 90, 110 124, 142, 170, 234, 274, 403 и мн. др., Чт. etc., Прот. 31 авг. 1728 г.

ломъ [1]), улучшеніемъ путей сообщенія [2]), калмыцкими дѣлами [3]), распоряжается рубкой лѣсовъ [4]) и устраиваетъ помѣщенія для различныхъ учрежденій [5]). Наконецъ, совѣтъ считаетъ своей обязанностью позаботиться объ ускореніи рѣшенія разныхъ дѣлъ [6]), принимаетъ чрезвычайныя мѣры въ особенныхъ случаяхъ [7]), дѣлаетъ распоряженія о путешествіи въ Москву императора, членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и другихъ особъ [8]) и объ оставшемся послѣ удаленія Меньшикова его имуществѣ [9]).

Въ сферѣ суда Верховный Тайный Совѣтъ принимаетъ съ цѣлью обезпеченія интересовъ правосудія нѣсколько важныхъ мѣръ общаго характера [10]) и рѣшаетъ въ качествѣ первой и апелляціонной инстанціи важнѣйшіе казусы изъ судебной практики. Такъ совѣтъ постановляетъ взыскивать штрафы съ судей въ вотчинной коллегіи въ случаяхъ неправильнаго рѣшенія ими дѣлъ, а также и съ челобитчиковъ, если они будутъ бить челомъ ложно [11]). Осужденные на галеры ссылаются совѣтомъ въ Сибирь [12]). Чиновъ гвардейскихъ полковъ по исковымъ и розыскнымъ дѣламъ велѣно судить въ юстицъ-коллегіи, находящихся въ отпуску—губернаторамъ [13]). Совѣтъ приказываетъ взимать съ истцовыхъ дѣлъ всякихъ чиновъ людей только однѣ пошлины по уложенью [14]) и постановляетъ, чтобы „чинить судъ безъ всякія волокиты“, и чтобы въ Верховный Тайный Совѣтъ подавать столичнымъ

---

1) С. Р. И. О., LXIII, №№ 310, 312 и др., XXIX, №№ 8, 30, 176, 202, 308, 484 и др. 2) LXIII, №№ 394, 410, 415, LXIX, № 383, Чт. etc., Прот. 15 апр. 1728 г. 3) С. Р. И. О., LXIX, № 249, Чт. etc., Прот. 16 янв. 1728 г. 4) С. Р. И. О., LXIX, № 384. 5) Ibidem, №№ 257, 360 и 410. 6) С. Р. И. О., LXIX, №№ 495, 497 и 500. 7) Ibidem, № 235, Чт. etc., Прот. 4 апр. и 17 іюня 1728 и 13 авг. 1729 г. 8) С. Р. И. О., LXIX, №№ 382, 392, 405, 494 и 508. 9) Ibid., №№ 167, 176, 198, 227, 284, 287, 291, 352, 356, 357, 380, 409 и др. 10) Мы предпочитаемъ, какъ и прежде, сказать здѣсь объ общихъ мѣрахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта относительно судоустройства и судопроизводства: такимъ путемъ лучше можетъ быть выяснено участіе совѣта въ судебной функціи. 11) С. Р. И. О., LXIII, №№ 395 и 396. 12—14) Ibidem, LXIX, №№ 21 и 62, 127, 139 и 141.

учрежденіямъ ежемѣсячныя вѣдомости о всѣхъ дѣлахъ, а въ юстицъ-коллегію изъ губерній и провинцій. Въ Петербургѣ же „сдѣлать нижній судъ съ воеводой, товарищами и прочими людьми“[1]). Совѣтъ составляетъ и разсылаетъ въ суды указы о томъ, чтобы „во всемъ государствѣ судъ и расправа всѣмъ была равная и справедливая“[2]). Совѣтъ приказываетъ принять мѣры къ поимкѣ воровъ и разбойниковъ въ разныхъ губерніяхъ[3]). Морскихъ и сухопутныхъ служителей въ Кронштадтѣ за преступленія противъ службы должны были судить ихъ командиры по „силѣ указовъ и генеральнаго регламента“, а въ прочихъ случаяхъ—комендантъ на правахъ губернатора и воеводы[4]). Дѣла объ осужденныхъ колодникахъ постановлено разсматривать въ сенатѣ, а въ губерніяхъ—губернаторамъ[5]). Совѣтъ дѣлаетъ нѣсколько постановленій съ цѣлью охраненія народной нравственности при исполненіи судебныхъ приговоровъ. Такъ онъ распоряжается, чтобы въ обѣихъ столицахъ были уничтожены столбы, на которыхъ выставлялись тѣла и головы казненныхъ[6]), и чтобы смертная казнь чинилась въ столицахъ за городомъ[7]). Совѣтъ разбираетъ и рѣшаетъ всѣ важнѣйшіе судебные случаи: дѣла объ Антонѣ Девіерѣ, Толстомъ и др.[8]) о князѣ Меньшиковѣ[9]), генералъ-фискалѣ Мякининѣ[10]), адміралѣ Змаевичѣ[11]) и дѣло Өеофана Прокоповича съ архимандритомъ Маркелломъ[12]). Вѣдѣнію совѣта подлежатъ всѣ дѣла о колодникахъ, которые держатся въ Преображенской канцеляріи по важнымъ дѣламъ[13]) и которые осуждены къ смертной казни[14]), а также—о ворахъ-рецидивистахъ[15]). Совѣтъ, наконецъ, самъ отправляетъ въ ссылку и освобождаетъ изъ нея лицъ разнаго званія[16]).

1—5) С. Р. И. О., LXIX, №№ 186, 202, 266, 268 и 531. 6—7) Ibidem, №№ 25 и 184. 8) LXIII, № 272. 9) LXIX, №№ 166, 190, 285, 372, 411, 490 и 516. 10) LXIII, № 322 и LXIX, 514. 11) Соловьевъ, XIX, 181 с., 12) LXIII, № 381, 13) Ibidem, №№ 386 и 410 и Чт etc., Прот. 4 апр. 1729 г., 14—15) С. Р. И. О., LXIX, №№ 40 и 254. 16) Ibidem, №№ 62, 64, 66, 70, 75, 80, 105, 109, 119, 137, 193, 213, 258, 231, 322, 328, 329, 403 и 445.

Когда умеръ Петръ II, Верховный Тайный Совѣтъ стоялъ на вершинѣ управленія государствомъ, имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ права самодержавной власти, которая употреблялась имъ не въ виду однихъ только интересовъ фамиліи Долгорукихъ, но и всего общества. Неожиданная смерть Петра въ тотъ моментъ когда „все, повидимому, возвѣщало Россіи долгое и безсмѣнное монархическое правленіе, а роду Долгорукихъ предвѣщало вскорѣ сліяніе съ верховною властью“ [1]) возбудила вновь вопросъ о томъ, кому царствовать на Руси? Этотъ вопросъ теперь, какъ и ранѣе—въ московскомъ государствѣ, пришлось рѣшать представителямъ русскихъ знатныхъ родовъ, засѣдавшимъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Обстоятельства, повидимому, болѣе благопріятствовали на этотъ разъ ихъ аристократическимъ стремленіямъ, чѣмъ въ смутное время и въ оба предшествующія царствованія. Съ наступленіемъ императорскаго періода русской исторіи понятіе о наслѣдованіи престола, бывшее неопредѣленнымъ въ московскую эпоху, запуталось еще болѣе при двоевластіи или даже троевластіи Ивана и Петра Алексѣевичей и Софьи Алексѣевны. „Уставъ о наслѣдіи престола“ (1722 г.) вмѣстѣ съ „Правдой воли монаршей“ Петра I установили принципъ завѣщательнаго распоряженія царскимъ престоломъ. Но самъ Петръ не назначилъ себѣ наслѣдника и вступленіе на русскій престолъ Екатерины I произошло не по династическому праву, а по выбору „синода, сената и генералитета“, руководимыхъ княземъ Меньшиковымъ, „Случай этотъ, замѣчаетъ Карновичъ, внушалъ отважнымъ царедворцамъ мысль, что и въпослѣдствіи при подобныхъ обстоятельствахъ они могутъ располагать короной, какъ распорядился уже ею однажды князь Меньшиковъ“ [2]). Послѣднему принадлежала видная роль и при воца-

1) С. Р. И. О., LXXV, Бюсси, 462 с. 2) Карновичъ: „Замыслы верховниковъ и челобитчиковъ въ 1730 году“, Отеч. Записки, 1872, 1-я кн., 241 стр.

реніи Петра II, такъ какъ завѣщаніе Екатерины I, въ силу котораго взошелъ на престолъ Петръ II, было внушено императрицѣ Меньшиковымъ. Неопредѣленностью понятій о престолонаслѣдіи воспользовались по смерти Петра члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, которые избрали русской императрицей герцогиню курляндскую, Анну Ивановну помимо ея старшей сестры, герцогини мекленбургской, Екатерины Ивановны. Какъ избранная императрица, Анна Ивановна должна была подчиниться предъявленнымъ ей верховниками условіямъ, которыми ея власть ограничивалась въ ихъ пользу [1]). Самовольное избраніе Анны Ивановны верховниками было естественнымъ результатомъ той верховной власти, которой они пользовались при Екатеринѣ I и Петрѣ II [2]). Предписывая Аннѣ Ивановнѣ „кондиціи", верховники думали присвоить себѣ то исключительное вліяніе, которымъ на ихъ глазахъ пользовались сначала князь Меньшиковъ, а потомъ фамилія Долгорукихъ. Но члены Верховнаго Тайнаго Совѣта не хотятъ такого господства временщиковъ. „Недавній опытъ съ Долгорукими, попавшими въ милость, заставляетъ верховниковъ, говоритъ Бюсси, страшиться власти временщиковъ, которые могли бы всегда управлять монархами вмѣстѣ съ имперіей, пока власть русскихъ монарховъ будетъ до такой степени неограниченна" [3]). То обстоятельство, что Верховный Тайный Совѣтъ стоялъ во главѣ государственнаго управленія въ продолженіе четырехъ лѣтъ также было выгодно для замысловъ верховниковъ: Верховный Тайный Совѣтъ успѣлъ стать за это время вполнѣ самостоятельнымъ и крѣпкимъ учрежденіемъ, не только воплотившимъ въ себѣ родовой принципъ, но и пріобрѣтшимъ власть, равную царской [4]). „Верховный Тайный Совѣтъ съ своимъ

1—2) Карновичъ, ibidem, 217 и 219—222. 3) С. Р. И. О., LXXV, 463; ср. Лирія, „XVIII вѣкъ", III, 30 с., Соловьевъ, XIX, 244 с. 4) Загоскинъ: „Верховники и шляхетство 1730 г.". По поводу сочин. Д. А. Корсакова: „Воцареніе Анны Ивановны". Изв. и уч. записки Имп. Казан. Унив., 1881, № 1, 16—17 с. Карновичъ ibidem, 221-224 с.

стремленіемъ къ замкнутости и съ постепенно усиливающимся значеніемъ превзошелъ, справедливо замѣчаетъ профессоръ Загоскинъ, самыя смѣлыя мечты московскаго боярства, явился квинтъ-эссенціей боярскихъ тенденцій XVI—XVII вѣковъ“ [1]). Въ числѣ условій общественной жизни новой, петровской Россіи, которыя могли поддержать аристократическія тенденціи русскаго дворянства при избраніи новаго государя въ 1730 году, было еще сильное вліяніе на умы образованныхъ русскихъ людей современныхъ западно-европейскихъ политическихъ порядковъ (шведскихъ и польскихъ). Одинъ изъ главныхъ руководителей движенія 1730 г., князь Д. М. Голицынъ былъ хорошо знакомъ съ этими порядками точно также, какъ и многіе знатные представители шляхетства [2]), одинаково стремившіеся въ это время къ обезпеченію самостоятельнаго участія въ управленія, котораго добивались и верховники [3]). Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, въ 1730 г. могли оживиться въ средѣ знати и всего русскаго дворянства традиціи о томъ политическомъ значеніи, какое имѣли ихъ предки въ московскомъ государствѣ. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта—представители двухъ знатнѣйшихъ родовитыхъ фамилій князей Голицыныхъ и Долгорукихъ, помирившіеся между собою вскорѣ послѣ смерти Петра II,—должны были вспомнить о томъ, что московскіе бояре не разъ ограничивали въ свою пользу власть московскихъ государей [4]). Мысль объ ограниченіи правъ императорской власти была также въ одной изъ партій предъ возшествіемъ на престолъ Екатерины I: въ ея средѣ было нѣсколько лицъ, задумавшихъ ввести въ Россіи шведскій аристократическій строй [5]). Къ нимъ принадлежалъ и князь Д. М. Голицынъ.

---

1) Загоскинъ, ibidem, 2) Корсаковъ, названное сочиненіе., 280—297 с., Карновичъ, 224—226 с., Н. Поповъ: „Татищевъ и его время“, Москва, 1861, 94—96 с. 3) Соловьевъ, 253 с., Карновичъ, Отеч. Записки, 2-я кн., 497—506 с. 4) См. выше. Ср. Загоскинъ, ibidem, 32—38 с., Карновичъ, I, 229—231 с., Поповъ, 65—72 с. 5) Карновичъ, I, 332—333 с.

считавшій въ числѣ своихъ предковъ такихъ знаменитыхъ въ русской исторіи бояръ-патріотовъ, какими были оба князя В. В. Голицыны: „столпъ и держатель земли русской“ въ смутную годину ея исторіи и сановитый „оберегатель“ царскаго престола въ малолѣтство Петра I. Было бы, однако, несправедливымъ думать, чтобы князь Д. М. Голицынъ желалъ возвращенія московской старины, политическихъ московскихъ порядковъ въ полномъ и неприкосновенномъ ихъ видѣ. Какъ человѣкъ высоко образованный, знакомый основательно съ „русскими законами“ [1]) и современнымъ ему строемъ европейскихъ государствъ, князь Голицынъ стремился только возстановить въ Россіи господство аристократическаго начала, побѣжденнаго могущественною властью русскихъ государей: аристократъ по происхожденію и убѣжденіямъ, князь Д. М. Голицынъ видѣлъ въ аристократическомъ правленіи „единственно благотворный для общаго блага Россіи режимъ“ [2]). Князь Голицынъ обладалъ предпріимчивымъ и рѣшительнымъ характеромъ и поэтому былъ способенъ стать во главѣ движенія, могъ, по выраженію Рондо, „поднять опасный мятежъ и руководить имъ“ [3]). И дѣйствительно князь Д. М. Голицынъ, „стремившійся къ власти и ограниченію самодержавія еще со времени Петра I“ [4]), становится однимъ изъ вождей аристократическаго движенія 1730 г. Но князь Д. М. Голицынъ не былъ олигархомъ: какъ онъ ни былъ гордъ и надмененъ, однако, князя Голицына нельзя упрекнуть въ желаніи пользоваться властью единственно ради собственныхъ цѣлей или только въ интересахъ одной знати. Участвуя въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ съ момента его возникновенія, онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ его членовъ, занимавшихся рѣшеніемъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ законодательства, управленія и суда [5]). Горячій патріотъ въ душѣ, князь Д. М.

1 и 3) С. Р. И. О., LXVI, Рондо, 159 с. 2) Корсаковъ, ib., 35—37 с. 4) Лефортъ, С. Р. И. О., V, 352 с. 5) Князь Д. М. Голицынъ былъ, между про-

Голицынъ ненавидѣлъ иностранцевъ и представителей русскаго духовенства (Ѳеофана Прокоповича и др.),—первыхъ за то, что они „явились на Русь для того, чтобы предписывать всѣмъ новые законы“ [1]), послѣднихъ потому, что они „оказали по смерти Петра I, ради низкой корысти, содѣйствіе возведенію на русскій престолъ, въ ущербъ законному премнику, женщины, которая должна была оставаться совершенно въ сторонѣ отъ престола“ [2]) (т. е. Екатерины I). Гораздо благосклоннѣе князь Голицынъ относился къ шляхетству и остальнымъ, низшимъ сословіямъ, для блага которыхъ немало онъ уже сдѣлалъ въ качествѣ члена Верховнаго Тайнаго Совѣта при Екатеринѣ I и Петрѣ II. Въ 1730 г. Голицынъ готовъ былъ допустить участіе въ управленіи для всего шляхетства Это доказывается его планомъ государственнаго устройства, надъ которымъ онъ долго работалъ вмѣстѣ съ другими членами Верховнаго Тайнаго Совѣта уже послѣ того, какъ Анна Ивановна приняла „кондиціи“ верховниковъ [3]), и присягой, составленной Голицынымъ на основаніи шляхетскихъ проэктовъ, поданныхъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, и своего собственнаго плана [4]). И въ планѣ, и въ пунктахъ присяги Голицынъ отводитъ главное мѣсто въ управленіи Верховному Тайному Совѣту, который долженъ былъ состоять изъ 10—12 членовъ. На „упалыя мѣста“ въ совѣтѣ выбираются совѣтомъ и утверждаются императрицей кандидаты изъ „первыхъ фамилій, изъ

чимъ, въ 1727 г. президентомъ коммиссіи, которой поручалось „разсмотрѣть какъ о сухопутной арміи, такъ и о флотѣ, чтобы оные безъ великой народной тягости содержимы были“. Коммиссія должна была наблюдать, чтобы помѣщики не о ременяли крестьянъ излишнимъ сборомъ оброковъ и чтобы подати были распредѣлены равномѣрно между всѣми сословіями (Карновичъ, I, 222 с.). При Петрѣ II Голицынъ былъ президентомъ коммерцъ-коллегіи (Корсаковъ, 38 с.). 1) Корсаковъ, ibidem, 35—36 с. 2) Маньянъ, С. Р. И. О., LXXV, 477 с., Депеши Вестфалена, Корсаковъ, назв. соч., № 3 приложеній, 72 с. 3) Лефортъ, 347 с., Маньянъ, 470, Мардефельдъ, С. Р. И. О., XV, 408, 410—411 и 414 с. 4) Корсаковъ, 179—188 с.

генералитета и изъ шляхетства, людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ". Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ присутствуетъ императрица, которая имѣетъ здѣсь при рѣшеніи дѣлъ два голоса. Голицынъ предлагаетъ, чтобы изъ одной фамиліи не было избираемо въ совѣтъ болѣе двухъ лицъ для того, „чтобы тѣмъ никто не могъ вышней взять на себя силы". При рѣшеніи всѣхъ дѣлъ Верховный Тайный Совѣтъ долженъ имѣть въ виду, что „не персоны управляютъ закономъ, а законъ управляетъ персонами: совѣтъ состоитъ ни для какой собственной того собранія пользы, точію для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь Е. И. В."[1]). Верховный Тайный Совѣтъ завѣдуетъ всѣми важнѣйшими государственными дѣлами по внѣшней и внутренней политикѣ. Государственный казначей, избираемый совѣтомъ, отдаетъ ему отчетъ во всѣхъ государственныхъ расходахъ. Въ совѣтъ приглашаются „для совѣту и разсужденія о всякомъ новомъ и важномъ государственномъ дѣлѣ" сенатъ, генералитетъ, коллежскіе чины, знатное шляхетство, а при обсужденіи духовныхъ дѣлъ синодальные чины и архіереи. Дѣла церковныя поручаются синоду, члены котораго избираются также, какъ и члены Верховнаго Тайнаго Совѣта. А для „вспоможенія Верховному Тайному Совѣту какъ въ дѣлахъ государственныхъ, такъ и расправныхъ" учреждается сенатъ, который состоитъ изъ 36 членовъ, избираемыхъ также изъ „фамильныхъ людей", генералитета и знатнаго шляхетства. Кромѣ сената, князь Голицынъ проэктируетъ образованіе шляхетской палаты изъ 200 членовъ, которая предназначается для охраненія правъ низшаго шляхетства въ случаѣ посягательствъ на него со стороны Верховнаго Тайнаго Совѣта. Наконецъ, палата го-

---

1) Слова Голицына о составѣ и назначеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта взяты имъ изъ одного изъ шляхетскихъ проэктовъ, извѣстнаго подъ именемъ „анонимной записки" (Корсаковъ, 165 с.).

родскихъ представителей, состоящая изъ дворянства и купечества, должна была защищать отъ несправедливостей интересы торговцевъ и простаго народа. Всѣ служащіе въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и прочихъ учрежденіяхъ избираются изъ шляхетства, особенно знатнаго. Старыя и знатныя фамиліи имѣютъ преимущество предъ остальнымъ шляхетствомъ и члены ихъ должны занимать мѣста въ службѣ сообразно своему достоинству. Приказные люди могутъ вступать въ ряды шляхетства только за „знатныя заслуги". Шляхетство поступаетъ въ военную службу не нижними чинами и матросами, а прямо офицерами и не неволею, какъ было прежде, а добровольно. Все шляхетство должно быть, какъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ, „въ надлежащемъ почтеніи и Е. И. В. милости и консидераціи". Присяга признаетъ нерушимыми права и вольности „шляхетства" и „гражданства" Лифляндіи и Эстляндіи. Нѣсколько пунктовъ присяги князь Голицынъ посвящаетъ мѣрамъ относительно улучшенія положенія купечества и крестьянскаго населенія[1]).

Кромѣ Д. М. Голицына, членами Верховнаго Тайнаго Совѣта по смерти Петра II были: канцлеръ и графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, баронъ Остерманъ и трое князей Долгорукихъ: Василій Лукичъ, Алексѣй Григорьевичъ и Михаилъ Владиміровичъ. Къ этимъ лицамъ присоединились въ самый день смерти Петра II и сдѣлались eo ipso членами Верховнаго Тайнаго Совѣта фельдмаршалы: князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ и князь Василій Владиміровичъ Долгорукой[2]). Такимъ образомъ, въ совѣтѣ было четверо князей Долгорукихъ и двое Голицыныхъ,—представителей знатнѣйшихъ русскихъ фамилій; одинъ членъ (Головкинъ) принадлежалъ къ среднему дворянству и только Андрей Ива-

1) Корсаковъ, 111 с. и сл., ср. Маньянъ, 476 с, Рондо, 134 с, Ле-Фортъ, 352 с., Де-Лирія, 34—35 с. 2) Корсаковъ, н. с., 3—4 с.

новичъ Остерманъ былъ изъ иностранцевъ. Фамилія Долгорукихъ, преобладавшая въ совѣтѣ, гордилась своею родовитостью не меньше Голицыныхъ. Она вела свое происхожденіе отъ Рюрика и считала въ рядахъ своихъ предковъ дѣятеля смутнаго времени, князя Владиміра Тимофеевича, князя Владиміра Дмитріевича, работавшаго надъ уничтоженіемъ мѣстничества, и князя Якова Феодоровича Долгорукаго, извѣстнаго патріота времени Петра I [1]). Представителемъ фамиліи Долгорукихъ въ 1730 г. былъ князь В. Л. Долгорукія—человѣкъ весьма умный, образованный и опытный въ дѣлахъ управленія [2]). Василій Лукичъ, начиная съ 1714 г., жилъ постоянно въ разныхъ иностранныхъ государствахъ, какъ представитель Россіи, и былъ хорошо знакомъ съ государственнымъ устройствомъ Франціи, Даніи, Польши и Швеціи. Наблюденія въ послѣднихъ двухъ государствахъ за господствомъ въ нихъ аристократіи укрѣпили убѣжденія Василія Лукича, который считалъ свою фамилію знатнѣйшей во всей странѣ и былъ увѣренъ, что ея преобладаніе въ управленіи доставитъ благоденствіе всей странѣ [3]). Участіе Василія Лукича въ планѣ Алексѣя Григорьевича, желавшаго укрѣпить престолъ за своею дочерью—невѣстой Петра II [4]), доказываетъ, что онъ дѣйствительно питалъ честолюбивую мечту видѣть родъ Долгорукихъ царствующимъ въ русскомъ государствѣ. Этой фамильной „конъюнктурѣ", однако, воспротивился дядя невѣсты, фельдмаршалъ, князь Василій Владиміровичъ Долгорукой, который заявилъ всему собранію Верховнаго Тайнаго Совѣта, что „пока будетъ жива хоть единая отрасль царскаго рода, онъ не позволитъ Долгорукимъ домогаться престола" [5]) Благородный и смѣлый образъ дѣйствій фельдмаршала, открыто порвавшаго съ олигархически-

---

1 и 3) Корсаковъ, н. с., 20—22 и 25 с. 2) Рондо, 158 с. 4) Маньянъ, 454 с. Бюсси, 463 с. 5) Hermann, IV, 539 s, Ле-Фортъ, 343 с., Бюсси, ibidem, Де-Лирія, 29 с.

ми замыслами своихъ родственниковъ, помирилъ съ Долгорукими Голицыныхъ, которые стали съ этого времени дѣйствовать съ ними вмѣстѣ [1]). Фельдмаршалъ, князь В. В. Долгорукой былъ однимъ изъ лучшихъ представителей московскаго боярства XVII ст. Вѣрный традиціямъ своего рода, онъ былъ всегда готовъ стать за интересы земли русской [2]). Все низшее дворянство и офицеры арміи любили фельдмаршала Долгорукаго [3]). Изъ остальныхъ родовитыхъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта князь Михаилъ Владиміровичъ Долгорукой также отличался безкорыстнымъ и честнымъ характеромъ, какъ и ненавидѣвшій иноземцевъ, фельдмаршалъ, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, котораго любилъ Петръ I и обожала вся армія за благородство и возвышенность чувствъ и поступковъ [4]). Оба князя Голицыныхъ и Долгорукіе, Василій Лукичъ и Василій Владиміровичъ, стали во главѣ всего движенія 1730 года, въ которомъ принимали участіе и остальныя знатныя фамиліи и все шляхетство [5]). Движеніе вытекало изъ стариннаго, еще не исчезнувшаго въ XVIII вѣкѣ родословнаго принципа, которымъ опредѣлялись отношенія московскаго боярства къ монархической власти, и новаго начала личной заслуги, особенно развитаго въ Россіи реформами Петра I [6]). Дошедшіе до насъ проэкты шляхетства

1) Мардефельдъ, 414 с., Рондо, 152 с., Ле-Фортъ, ibidem. 2) Корсаковъ, 30—31 с. 3) Рондо, 157 с. 4) Корсаковъ, 33 и 39—40 с., Рондо, 158 с. Головинъ и Остерманъ не сочувствовали планамъ своихъ товарищей, опасаясь отъ осуществленія ихъ потери своего вліянія („La Cour de Russie“, 21—24 p.). 5) Въ 12 шляхетскихъ проэктахъ находится болѣе 1000 подписей лицъ изъ знатныхъ русскихъ фамилій и служилаго дворянства (Корсаковъ, 147 с.). 6) Родовитые люди, участвовавшіе въ составленіи шляхетскихъ проэктовъ: князь А. М. Черкасскій, подавшій полный и хорошо выработанный проэктъ, авторомъ котораго былъ извѣстный историкъ, Вас. Ник. Татищевъ, князь А. А. Черкасскій, князья: Барятинскіе, Долгорукіе (Сергѣй и Иванъ), Голицыны (Сергѣй и Алексѣй), Одоевскій, Шаховской, Никита Юрьевичъ Трубецкой, Юсуповъ, Куракинъ, Строгановъ и князья Щербатовы. Изъ родословныхъ, не княжескихъ фамилій: графъ Мусинъ-Пушкинъ, графъ Апраксинъ, Измайловъ, Вельяминовъ, Лопухинъ, Салтыковы, Нарышкины, Колычевъ, Дмитріевъ-Мамоновъ, Шереметьевъ и др. (Корсаковъ, 193—239 с.).

содержать въ себѣ одну и туже общую мысль объ ограниченіи власти Анны Ивановны, къ которому стремились и родовитые верховники. Для достиженія этой цѣли, а также обезпеченія отъ произвола со стороны знатныхъ фамилій, шляхетство считало необходимымъ самому сначала обсудить необходимыя измѣненія въ государственномъ устройствѣ [1]), а потомъ участвовать въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ правленія [2]). По убѣжденію шляхетства господство аристократіи („общенародія", по выраженію проэкта князя А. М. Черкасскаго) есть лучшая гарантія противъ злоупотребленій власти [3]). Одни изъ проэктовъ шляхетства оставляютъ Верховный Тайный Совѣтъ, но желаютъ увеличить число его членовъ [4]); другіе, напротивъ, предлагаютъ упразднить совѣтъ и поставить вмѣсто него во главѣ управленія сенатъ. („Вышнее правительство" по проэкту князя Черкасскаго), куда входятъ и члены уничтоженнаго Верховнаго Тайнаго Совѣта. Проэкты, допускающіе существованіе совѣта, требуютъ, чтобы на „упалыя мѣста" въ немъ выбирались лица изъ генералитета и шляхетства, причемъ въ совѣтѣ и другихъ учрежденіяхъ не должно быть двухъ членовъ одной и той же фамиліи [5]). На помощь Вышнему Правительству или Правленію и „для расправныхъ и судныхъ дѣлъ" проэкты предлагаютъ учредить Нижнее правительство—собраніе изъ представителей шляхетства, которое участвуетъ въ созданіи законовъ [6]). Шляхетство и генералитетъ выбираютъ членовъ Вышняго правительства, сената, президентовъ коллегій, воеводъ и губернаторовъ, причемъ наблюдается тоже правило объ ограниченіи числа членовъ изъ одной фамиліи. Кромѣ обыкновенныхъ высшихъ учрежденій,

---

1) См.: „Способы, которыми, какъ видитца, порядочнѣе, основательнѣе и тверже можно сочинить и утвердить извѣстное, толь важное и полезное всему народу дѣло"—Корсаковъ, 172—174 с. 2—3) Корсаковъ, 148—149 и 156 с. 4) Проэкты Секіотова, Матюшкина, Колычева и анонимная записка. 5) Проэктъ Черкасскаго (5 п.), графа Мусина-Пушкина и Матюшкина. 6) См. проэкты князя Черкасскаго и Матюшкина.

шляхетство думаетъ организовать еще родъ учредительнаго собранія, которое состоитъ изъ всѣхъ членовъ Вышняго и Нижняго правительства и составляется періодически для „обсужденія важныхъ государственныхъ дѣлъ и дополненій уставовъ и пользы государственной“ [1]). Эти собранія созываются генералитетомъ и шляхетствомъ. Всѣ проэкты выставляютъ требованія сословныхъ льготъ для шляхетства, причемъ нѣкоторые наиболѣе аристократическіе проэкты (проэктъ князя Черкасскаго, анонимная записка и проэктъ 13) выдѣляютъ изъ среды шляхетства родовую аристократію („фамильныхъ особъ“). Всѣ проэкты одинаково настаиваютъ на: 1) опредѣленіи срока военной службы, 2) отмѣнѣ обязательнаго для шляхетства поступленія въ солдаты и матросы, 3) улучшеніи быта офицеровъ и 4) уничтоженіи закона объ майоратѣ. Шляхетство требуетъ, чтобы ранги давались по заслугамъ и чтобы каждый занималъ только одну должность. Наконецъ, въ шляхетскихъ проэктахъ встрѣчаются и мѣры относительно улучшенія быта духовенства, купечества и крестьянскаго населенія [2]).

Проэкты шляхетства показываютъ, что все русское дворянство, въ рядахъ котораго были и представители знатныхъ родовитыхъ фамилій, раздѣляло политическіе взгляды членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: все шляхетство, подобно верховникамъ, желало устроить правленіе государствомъ на аристократическихъ началахъ, ограничить въ пользу дворянства власть Анны Ивановны [3]). Шляхетство готово было идти рука объ руку съ верховниками при условіи его допущенія къ преобразованію государства, участія въ его управленіи и удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ шляхетства. Мы уже знаемъ, какъ тяжелы были для рядоваго шляхетства вѣчная

---

1) Это учредительное собраніе называется въ проэктѣ Черкасскаго „Вышнимъ Собраніемъ“, а въ конспектѣ шляхетскихъ требованій „сеймомъ“. 2) Корсаковъ, н. с., 159—179 с. 3) „La cour de Russie“, 46 p.

обязательная служба въ арміи и во флотѣ и законъ о единонаслѣдіи Петра I. Поэтому-то требованіе отмѣны безсрочной военной службы и майората вошло во всѣ проэкты и впослѣдствіи было удовлетворено самой Анной Ивановной. Шляхетство было солидарно, какъ показываютъ пункты присяги князя Д. М. Голицина, съ верховниками во взглядахъ на общія основанія будущаго политическаго устройства и его общественный и національный характеръ. Обѣ стороны были согласны въ томъ, чтобы все русское дворянство, исключая иноземцевъ, управляло государствомъ посредствомъ проэктированныхъ общихъ учрежденій, чтобы при замѣщеніи должностей изъ среды всего дворянства принимались во вниманіе знатность происхожденія и личныя заслуги каждаго и, чтобы самое управленіе государствомъ велось въ интересахъ всего общества. Среднее дворянство, добивавшееся участія въ управленіи государствомъ наравнѣ съ знатными, родовитыми людьми, имѣло за себя аналогичный примѣръ изъ смутнаго времени. Извѣстно, что въ то время князь Салтыковъ, одинъ изъ потомковъ котораго (Сем. Андр. Салтыковъ) былъ въ числѣ лицъ, подписавшихъ наиболѣе аристократическій проэктъ князя Черкасскаго, вмѣстѣ съ другими второстепенными боярами предложилъ московскую корону польскому королевичу Владиславу на условіяхъ, ограничивающихъ его власть въ пользу всего боярскаго сословія. По договору съ Сигизмундомъ (въ янв. 1610 г.) среднее дворянство сохраняло свое жалованье, помѣстья и вотчины наравнѣ съ знатными боярами и допускалось къ управленію государствомъ. Въ договоръ же было включено условіе, чтобы „меньшіе люди“ были возвышаемы въ службѣ по заслугамъ [1]). Но это условіе не вошло въ договоръ знатнаго боярства съ гетманомъ Жолкевскимъ (въ авг. 1670 г.): здѣсь было только ска-

1) См. выше, 451—453 стр. нашей книги.

зано: „московскихъ княженецкихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцы въ отечествѣ и чести не тѣснити и не понижати“[1]). Слѣдовательно, уже тогда въ средѣ высшаго русскаго сословія была, вытекшая изъ историческихъ условій его жизни, мысль объ опасности наплыва иностранцевъ для его правъ, выразившаяся въ шляхетскихъ проэктахъ и пунктахъ присяги князя Д. М. Голицына. Въ силу августовскаго договора 1610 г. власть должна была сосредоточиться въ рукахъ знатныхъ бояръ (членовъ думы), которымъ она дѣйствительно принадлежала въ эпоху междуцарствія. Отъ бояръ должны были зависѣть всѣ измѣненія въ законодательствѣ, обложеніе новыми податьми, судъ, ссылка въ заточеніе и конфискація имуществъ. Верховники остались также вѣрными преданіямъ старины[2]), когда они составляли свои „кондиціи“, въ которыхъ обезпечивалось исключительное, привиллегированное участіе въ управленіи государствомъ только высшему слою дворянскаго сословія. Кондиціи, подписанныя Анной Ивановной въ Митавѣ, состояли изъ восьми пунктовъ, въ силу которыхъ всѣ важнѣйшія государственныя дѣла разрѣшались только съ согласія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Эти дѣла были: начатіе войны и заключеніе мира, наложеніе новыхъ податей, производство въ высшіе штатскіе и военные чины и опредѣленіе въ высшія должности, пожалованіе вотчинъ и деревень и придворныхъ чиновъ,

---

1) См. выше, 451—453 с. нашей книги. 2) Примѣчаніе. Въ тогдашнемъ обществѣ жило сознаніе связи событій 1730 года съ прошлымъ Россіи. Такъ Татищевъ, доказывая вредъ господства нашей аристократіи, ссылается на бѣдствія удѣльнаго періода, который онъ признаетъ аристократическимъ (Корсаковъ, 153 с.). Маньянъ, сообщая о возстановленіи самодержавія, замѣчаетъ, что „по словамъ нѣкоторыхъ русскихъ, знакомыхъ нѣсколько съ исторіей своей страны, уже не въ первый разъ происходитъ подобный случай. Они увѣряютъ, что послѣдній царь изъ династіи Рюриковичей (В. И. Шуйскій), не имѣя наслѣдниковъ, предложилъ ограничить абсолютную власть въ пользу народа. Но предложеніе этого государя, будучи зрѣло обсуждено сообща значительнѣйшими лицами въ государствѣ, было отвергнуто, какъ вовсе неподходящее къ духу русскаго народа (Маньянъ, 506 с.).

расходованіе государственныхъ доходовъ и отнятіе у шляхетства его имѣній [1]). Участіе бояръ въ законодательствѣ, обложеніе новыми податьми и администрація и судъ во всемъ государствѣ при ихъ помощи были и въ числѣ условій, ограничивающихъ власть В. И. Шуйскаго въ пользу знатныхъ бояръ. Аристократическое движеніе 1730 г. имѣетъ еще и то общее съ событіями смутнаго времени и эпохи междуцарствія, что и въ 1730 г. сказались таже рознь и взаимная вражда между высшимъ и низшимъ слоями дворянства, которыя и теперь, какъ и ранѣе, погубили, и на этотъ разъ окончательно, общее его дѣло—обезпеченіе самостоятельнаго участія въ государственномъ управленіи. Верховники, за исключеніемъ князя Д. М. Голицына, хотѣли сначала захватить всю власть въ свои руки и исключить отъ пользованія ею рядовое дворянство, съ которымъ они вошли въ компромиссъ только послѣ того, какъ убѣдились въ невозможности достигнуть своихъ цѣлей однимъ. Въ свою очередь, и шляхетство (остальныя знатныя фамиліи, чиновные люди и дворяне), которое было не прочь отъ ограниченія власти Анны Ивановны въ пользу всего дворянства и сохраненія Верховнаго Тайнаго Совѣта, стало относиться враждебно къ верховникамъ, особенно же къ князьямъ Долгорукимъ, заявившимъ себя слишкомъ властолюбивыми, какъ только оно узнало, что большинство членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта желаетъ отстранить въ своихъ интересахъ все дворянство отъ управленія государствомъ[2]). Такъ дѣйствительно было и на самомъ дѣлѣ въ первые дни послѣ смерти Петра II.

---

1) Корсаковъ, 17—18 с., Минихъ (отецъ), 40—41 с., Минихъ (сынъ), 24 с., Рондо, 138—139 с., Ле-Фортъ, 359 с., Мардефельдъ, 404 с., Маньянъ, 494 с., Büsching, 19 s., Krusenstolpe: „Der russische Hof v. Peter I bis auf Nicolas I“, Hamburg, 1855, I Theil, 142—143 s., Записки Манштейна, I Theil, 41—42 с.
2) Примѣчаніе. Тотъ фактъ, что верховники желали захватить власть въ свои руки только въ интересахъ знати, не подрываетъ общаго значенія событій 1730 г., аристократическаго характера всего движенія въ этомъ году. Стремленія верхов-

Въ собраніи членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта князь Д. М. Голицынъ, заявившп о прекращеніи кончиною Петра II мужскаго потомства Петра I, предложилъ избрать русской императрицей герцогиню курляндскую, Анну Ивановну. Когда остальные члены совѣта согласились съ княземъ Голицынымъ, послѣдній замѣтилъ, что нужно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы „себѣ полегчить, воли прибавить: Россія весьма много претерпѣла, говорилъ Голицынъ, отъ самодержавной власти, подкрѣпленной толпою иностранцевъ, которыхъ Петръ привлекъ въ русское государство. Надлежитъ сію безмѣрную власть ограничить добрыми законами и не иначе подносить самодержавіе новой императрицѣ, какъ подъ извѣстными условіями". Эти условія („пункты") были составлены верховниками и отправлены съ депутатами (князьями В. Л. Долгорукимъ и М. М. Голицынымъ и генералъ-маіоромъ Леонтьевымъ) въ Митаву для подписи ихъ Анной Ивановной [1]). Верховники дѣйствовали тайно: о подробностяхъ избранія Анны Ивановны, которую согласились признать русской государыней члены синода, сената и генералитета, въ обществѣ не знали ничего опредѣленнаго. Скрытнымъ образомъ своихъ дѣйствій члены Верховнаго Тайнаго Совѣта нажили себѣ массу враговъ среди свѣтскихъ санов-

---

никовъ были олигархичны только въ томъ смыслѣ, что они *одни* желали въ будущемъ править государствомъ. Но какъ предшествующая ихъ дѣятельность, такъ и дѣйствія членовъ совѣта въ управленіи до провозглашенія Анны Ивановны самодержавной государыней доказываютъ, что они управляли государствомъ въ интересахъ всего народа, а не только своихъ собственныхъ. Поэтому проф. Корсаковъ правъ, когда онъ отвергаетъ обвиненія верховниковъ въ исключительныхъ олигархическихъ замыслахъ: шляхетство также требовало себѣ „воли" въ управленіи и извѣстныхъ сословныхъ привиллегій, которыя всегда принадлежатъ управляющему меньшинству въ каждомъ аристократическомъ государствѣ (Корсаковъ, 294—296 стр.). Русская знать была проникнута въ 1730 г. аристократическими тенденціями, но съ своеобразнымъ, русскимъ характеромъ, завѣщаннымъ московскою Русью: она стремилась управлять государствомъ одна безъ помощи рядоваго дворянства, особенно простаго происхожденія. 1) Маньянъ, 456—457 с., Де-Лирія, 29—30 с., Корсаковъ, 4 с. и сл. и приложенія (Депеши Вестфалена, 71—72 с.), Поповъ, 100—101 с.

никовъ, высшаго духовенства и шляхетства, неприглашенныхъ на совѣщаніе объ избраніи Анны Ивановны. „Вездѣ, писалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ—заклятой врагъ всей русской знати, особенно же князей Долгорукихъ и Голицыныхъ [1]),—слышались только горестныя нареканія на осмиричныхъ оныхъ затѣйщиковъ“ [2]). Послѣдніе, однако, не смущались этимъ и продолжали разрабатывать новую, желательную для нихъ аристократическую форму правленія, относительно которой еще не было единогласія въ средѣ верховниковъ. Маньянъ, извѣщая свое правительство объ отправленіи ими депутаціи къ курляндской принцессѣ съ предложеніемъ россійской короны на условіяхъ, ограничивающихъ ея власть, замѣчаетъ, что „верховники продолжаютъ работать надъ устройствомъ новой формы правленія. Нельзя еще сказать въ эту минуту (2 февр. 1730 г.), продолжаетъ Маньянъ, какова будетъ эта новая форма правленія, будетъ-ли оно устроено по образцу англійскаго правленія или же шведскаго. Намѣреніе старинныхъ русскихъ родовъ, однако, какъ понимаютъ, состоитъ въ томъ, чтобы воспользоваться такимъ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ для своего освобожденія отъ ужаснаго рабства, въ которомъ до сихъ поръ они находились: они положатъ предѣлъ деспотической власти, съ которой русскіе монархи могли распоряжаться, по своей прихоти и произволу, жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ, безъ всякаго различія званій и безъ судебнаго разбирательства; вельможи русской имперіи, наравнѣ съ ея народомъ, не имѣютъ никакихъ привиллегій, спасающихъ ихъ отъ истязаній кнута и отъ лишенія званія и должностей“ [3]). Маньянъ подмѣтилъ и рѣзкую противоположность мнѣній о новой формѣ правленія въ средѣ знати и шляхетства. „По мнѣнію однихъ, говоритъ онъ, вновь избранная царица должна пользоваться лишь однимъ царскимъ титу-

1—2) Корсаковъ, 52 и 87 с. 3) Маньянъ, С. Р. И. О., LXXV, 458—459 с.

ломъ, а вся верховная власть должна быть сосредоточена въ собраніяхъ верховнаго совѣта, который одинъ будетъ въ правѣ располагать распредѣленіемъ должностей и управлять войскомъ; по мнѣнію же другихъ—установленіе подобнаго образа правленія не можетъ быть подходящимъ для мелкаго дворянства, составляющаго весьма значительную часть населенія въ здѣшнемъ государствѣ; нужно будетъ поставить нѣкоторыя условія, которыя предохранили бы это дворянство отъ неудобствъ, могущихъ впослѣдствіи возникнуть“ [1]). На аристократическій характеръ всего движенія 1730 г., партійность взглядовъ на новую форму правленія и рознь въ этомъ отношеніи между высшимъ и низшимъ слоями русскаго дворянства указываютъ и другіе представители иностранныхъ державъ при тогдашнемъ русскомъ дворѣ: Рондо [2]), Де-Лирія [3]), Ле-Фортъ [4]) и Мардефельдъ [5]). Дѣйствіями вер-

---

1) Маньянъ, С. Р. И. О., LXXV, 466—467 и 470—471 с. 2) Рондо говоритъ о мѣрахъ, принимаемыхъ верховнымъ совѣтомъ къ ограниченію права „бить кнутомъ, ссылать, казнить дворянъ по одному подозрѣнію, не давая имъ возможности оправдаться или даже узнать, въ чемъ они обвиняются“. Сообщая проэктъ князя Д. М. Голицына, Рондо замѣчаетъ, что онъ „видѣлъ много другихъ проэктовъ „подписанныхъ представителями знатнѣйшихъ фамилій и представленныхъ въ Верховный Тайный Совѣтъ“. Рондо находитъ ихъ мало продуманными: „привыкнувъ къ слѣпому повиновенію волѣ самодержавнаго монарха, русскіе не составили себѣ яснаго представленія объ ограниченномъ правленіи. Знати очень хотѣлось бы удержать власть въ своихъ рукахъ, мелкое же, помѣстное дворянство съ завистью глядитъ на такое присвоеніе власти, предпочитая повиноваться одному господину, чѣмъ многимъ, пока не обезпечитъ себѣ извѣстной свободы и безопасности отъ тиранніи знатныхъ фамилій (С. Р. И. О., LXVI, 133—136 с.). 3) Де-Лирія, упоминая о твердомъ рѣшеніи русской знати („націи“) ограничить власть Анны Ивановны въ свою пользу, замѣчаетъ, что „еще не извѣстно, какая идея объ управленіи будетъ принята членами Верховнаго Тайнаго Совѣта. Вѣрно то, что они желаютъ, чтобы новая царица не занималась управленіемъ и въ тоже время тронъ принялъ бы законы, которые они на него налагаютъ. Партій среди дворянства, прибавляетъ Де-Лирія, безчисленное множество“ („XVIII вѣкъ“, III, 30 и 35 с.). 4) Ле-Фортъ подтверждаетъ (въ депешѣ отъ 2 февр.) существованіе въ дворянствѣ нѣсколькихъ плановъ управленія. „Одни, говоритъ онъ, хотятъ устроить его на подобіе Англіи, другіе—подобно Польшѣ, а третьи желаютъ республики безъ представителя, и тогда знатные уничтожили бы верховную власть и неограниченную независимость.

ховниковъ не былъ доволенъ самый горячій сторонникъ аристократическаго правленія въ Россіи, почти ближайшій свидѣтель событій 1730 г., князь М. М. Щербатовъ. „Уже собиравшіеся вельможи предопредѣлили, говоритъ онъ, великое намѣреніе, ежели бы самолюбіе и честолюбіе оное не помрачило, то есть, учинить основательные законы государству и власть государеву сенатомъ или парламентомъ ограничить. Но засѣданіе въ сенатѣ (Верх. Тайн. Совѣтѣ) токмо нѣкоторымъ родамъ предоставили; тако уменьшая излишнюю власть монарха, предавали ее множества вельможамъ со огорченьемъ множества знатныхъ родовъ и вмѣсто одного толпу государей сочиняли“ [1]). Сильное негодованіе на „затѣйку“ верховниковъ высказывалось и провинціальнымъ шляхетствомъ. „Слышно здѣсь, писало неизвѣстное лицо изъ дворянъ князю Салтыкову, что дѣлается у Васъ, или уже и сдѣлано, чтобы быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобы не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій, и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и

„Новый образъ правленія, составляемый вельможами, пишетъ Ле-Фортъ 6 февр. подаетъ поводъ къ волненіямъ въ мелкомъ дворянствѣ; они говорятъ между собою: знатные предполагаютъ ограничить деспотизмъ и неограниченную власть. Эта власть должна быть умѣрена совѣтомъ, который мало по малу захватитъ въ свои руки бразды правленія. Кто намъ поручится, что нѣсколько времени спустя вмѣсто царя мы увидимъ въ лицѣ каждаго члена этого совѣта тирана, своими притѣсненіями сдѣлавшаго насъ рабами пуще прежняго? У насъ нѣтъ законовъ, которымъ бы долженъ былъ слѣдовать совѣтъ; они сами издаютъ законы и потому во всякое время могутъ ихъ уничтожить и въ Россіи будетъ господствовать анархія“ (С. Р. И. О., V, 345 и 347 с. 5) Мардефельдъ доноситъ 6 февр. изъ Москвы: „здѣсь повидимому настало междуцарствіе: всѣ дѣла лежатъ безъ производства и ничего не отправляется. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта ежедневно собираются съ цѣлью измышлять аристократическій образъ правленія. Но духовенство и незнатное дворянство сопротивляются этому плану и желаютъ себѣ лучше одного правителя, чѣмъ восьмерыхъ“ (С. Р. И. О., XV, 408 с.).—1) Щербатовъ: „О поврежденіи нравовъ“ (Русск. Старина, 1870, II, 47 стр.).

милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными, какъ бы согласно ни было, однако жь впредь, конечно, у нихъ безъ разборовъ не будетъ; и такъ одинъ будетъ миловать, а другіе, на того яряся, вредить и губить станутъ". Авторъ письма говоритъ еще о томъ, что „хотя бы и вольныя всего общества голосы требованы въ правленіи дѣлъ были, однакожъ бездѣльные ласкатели всегда будутъ то говорить, что главнымъ надобно", что „главные для своихъ интересовъ будутъ прибирать къ себѣ изъ мелочи больше партизановъ и кого захотятъ, того выводить и производить станутъ, и что въ случаѣ войны, что и положено будетъ, то будетъ на главныхъ всегда въ доимкахъ, и мы, средніе, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тяготахъ" [1]). При всей розни между верховниками и шляхетствомъ въ средѣ послѣдняго были лица, явно симпатизировавшія ихъ планамъ и довольныя ходомъ дѣлъ правленія при членахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Бригадиръ Козловскій, пріѣхавшій въ Казань въ концѣ января 1730 г., разсказывалъ губернатору, извѣстному А. П. Волынскому: „теперь у насъ прямое управленіе государства стало, порядочное, какого никогда не бывало и нынѣ уже прямое теченіе дѣламъ будетъ. Больше ни о чемъ не надо Бога просить, какъ только о томъ, чтобы между главными (то есть, членами Верховнаго Тайнаго Совѣта) согласіе было. А если будетъ между ими согласіе, такъ какъ положено, то конечно никто сего опровергнуть не можетъ. Есть нѣкоторые бездѣльники, продолжалъ Козловскій, которые трудятся и мѣшаютъ, однакожъ ничего не сдѣлаютъ; а больше всѣхъ мудрствуетъ съ своей партишкой князь А. М. Черкасскій, однакожъ ничего не успѣваютъ, и не сдѣлается".

---

1) Чтенія въ общ. ист. и древностей россійскихъ, 1868, 38 с. смѣси, Сальникѣевское дѣло, „Др. и Новая Русь", 1877, II, 34—35 с., Корсаковъ: „А. П. Волынскій".

Вновь избранная императрица должна, по словамъ Козловскаго, „поступать такъ, какъ ей опредѣлено“; ей положено опредѣленное содержаніе и она безъ позволенія Верховнаго Тайнаго Совѣта „не повинна брать себѣ ничего, не давать никому деревень и денегъ, не держать при своемъ дворѣ своихъ свойственниковъ и никого не брать ко двору. И что она сдѣлана государыней, заключилъ Козловскій свой разсказъ, то только на первое время помазка по губамъ“ [1]).

Въ то время, какъ продолжались волненія въ обществѣ и составлялись различные проэкты о новой формѣ правленія верховниками и членами знатныхъ фамилій и шляхетства, непопавшихъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, послѣдній правилъ вполнѣ государствомъ. Собственною властью онъ назначилъ двухъ новыхъ членовъ—фельдмаршаловъ, князей В. В. Долгорукаго и Голицына [2]) и наградилъ Леонтьева, который привезъ „кондиціи“, подписанныя Анной Ивановной, чиномъ генералъ-лейтенанта [3]). Совѣтъ мало занимается внутренними дѣлами въ эти тревожные и роковые для него дни. Имъ только разсматриваются нѣкоторыя судебныя и хозяйственныя дѣла (дѣла по облегченію крестьянъ отъ уплаты недоимокъ, пожалованію деревень, назначенію въ должности и др.). Но особенно озабочивало членовъ совѣта дѣло объ избраніи императрицей Анны Ивановны на ограничительныхъ условіяхъ. 26 января князь В. Л. Долгорукой извѣстилъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта о согласіи на „кондиціи“ Анны Ивановны, которыя она „обѣщалась содержать все безъ всякаго изъятія“. 28 января совѣтъ пишетъ В. Л. Долгорукому, чтобы онъ немедленно прислалъ эти „кондиціи“, которыя и были привезены въ Москву 1-го февраля Леонтьевымъ. На слѣдующій день совѣтъ пригла-

---

1) Корсаковъ, ibidem, 33 с., Соловьевъ, XIX, 263—264 с. 2) Маньянъ, 456 с., Ле-Фортъ, 344 с., Вестфаленъ, 72 р., Мардефельдъ, 404 с. 3) Маньянъ, 452 с., Мардефельдъ, 412 с.

силъ въ свое засѣданіе членовъ синода, сената, генералитета и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ въ государствѣ. Здѣсь было прочитано письмо Анны Ивановны къ членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ которомъ она извѣщала, что приняла русскій престолъ, „повинуяся божеской волѣ и не хотя оставить отечества и вѣрныхъ своихъ подданныхъ. Понеже, говорилось далѣе въ письмѣ, къ тому моему намѣренію потребны благіе совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чипится, того для предъ вступленіемъ моимъ на россійскій престолъ по здравомъ разсужденіи изобрѣли мы потребно и для пользы россійскаго государства и ко удовольствію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ написать, какими способы мы то правленіе вести хощемъ“ [1]). Въ этотъ благопріятный моментъ для защиты самодержавныхъ правъ Анны Ивановны никто, однако, изъ числа 500 человѣкъ—членовъ синода, сената, генералитета и другихъ, присутствовавшихъ въ собраніи, не вступился за нихъ—доказательство того, что мысль объ ограниченіи правъ Анны Ивановны въ пользу дворянства была среди него общею [2]). Письмо ея и прочитанныя вслѣдъ за нимъ „кондиціи“ были молча выслушаны всѣми „персонами“, которыя потомъ подписали благодарственный протоколъ „за такую Е. И. В. милость и всѣ согласно объявили, что тою милостью весьма довольны“ [3]). Въ засѣданіи 2 февраля началось сближеніе верховниковъ съ остальною знатью и шляхетствомъ. Князь Черкасскій предложилъ вопросъ членамъ совѣта о томъ, „какимъ образомъ впредь то правленіе быть имѣетъ“, и получилъ въ отвѣтъ отъ князя Д. М. Голицына, чтобы онъ съ своими единомышленниками, „ища общей государственной пользы и благополучія“, написалъ проэктъ отъ себя и подалъ его въ со-

1) Чтенія въ общ. ист. и др. россійскихъ, 1858, Ш. Прот. 28 янв. и 2 февр. 1730 г. 2—3) Карновичъ, назв. статья, Отеч. Записки, 1872, II, 498—499 с.

вѣтъ на другой день[1]). Наконецъ, въ томъ же знаменательномъ засѣданіи совѣта былъ арестованъ верховниками опасный противникъ ихъ плановъ—Ягужинскій, который сначала самъ настаивалъ (въ засѣданіи совѣта 19 января) на томъ, чтобы „самодержавія не было“ и просилъ В. Л. Долгорукаго „прибавить какъ можно воли“[2]), но потомъ, видя пренебреженіе къ себѣ верховниковъ, рѣшился написать письмо къ Аннѣ Ивановнѣ объ олигархическихъ замыслахъ верховниковъ. Послѣ суда надъ Ягужинскимъ (3 февраля) совѣтъ лишилъ его всѣхъ чиновъ и орденовъ и оставилъ подъ арестомъ[3]).

Начиная съ 5 февраля, стали поступать въ совѣтъ проэкты знатныхъ лицъ, членовъ сената, генералитета и всего шляхетства, всесторонне обсуждавшаго предварительно вопросъ о государственныхъ преобразованіяхъ. Знать и шляхетство прямо обвиняли верховниковъ въ проэктѣ князя Черкасскаго въ томъ, что „они надлежащій порядокъ избранія преступили“, избравши тайно курляндскую герцогиню одни, а не „съ согласія всѣхъ подданныхъ, дерзнули собою единовластительство отставить и ввести аристократію“, поступили коварно, сочинивъ одни же пункты, и обманули все шляхетство и императрицу. „А понеже, говорилось въ проэктѣ, они (верховники) надъ пристойность и законъ самовольно власть себѣ похитили, выключа достоинство и преимущество всего шляхетства и другихъ сановъ, то намъ должно и необходимо нужно прилежностью разсмотрѣть и потому представить, что къ пользѣ государства надлежитъ, и оное свое право защищать по крайней возможности, не давая тому закоснѣть, а паче опасаться, чтобъ они, видя насъ въ оплошности, на большій безпорядокъ не дерзнули“[4]).

1—2) Корсаковъ, 121—122 и 6 с. 3) Маньянъ, 482 с., Ле-Фортъ, 349 с., Де-Лирія, 39 с., Мардефельдъ, 410 с., Рондо, 152 с. 4) Н. Поповъ: „Татищевъ и его время“, 115 с., Корсаковъ, 157 с.

Шляхетство считало своимъ правомъ избраніе государя, когда умиралъ царь, неимѣвшій наслѣдника престола. „Съ кончиною государя, говоритъ авторъ проэкта князя Черкасскаго—Татищевъ, остаются равны вообще народы въ ихъ прежнемъ станѣ и никто ни надъ кѣмъ ни малѣйшей власти не имѣетъ; но чтобы нужныя расправа и правленіе не пресѣклись, *общенародіе* уступаетъ имъ только ту власть, какову и по прежнимъ законамъ имѣли, а болѣе безъ точнаго опредѣленія отъ народа никакъ требовать не могутъ" [1]). Шляхетство не протестовало противъ избранія Анны Ивановны, которою „весь народъ доволенъ и никто не споритъ". Но такъ какъ государынѣ, какъ „персонѣ женской недостаетъ знанія законовъ", то „для помощи Е. В." Татищевъ предлагаетъ учредить нѣсколько установленій. Замѣчательно, что шляхетство сознаетъ необходимость особаго учрежденія совѣта при лицѣ монарха, какъ законосовѣщательнаго учрежденія. „Петръ Великій, писалъ Татищевъ, хотя и мудрый государь былъ, но въ своихъ законахъ многое усмотрѣлъ, что замѣнить нужно, для котораго велѣлъ всѣ оные собравъ разсмотрѣть и вновь сочинить; того ради лучше оное прежде изданія разсматривать, нежели издавъ перемѣнять, что съ честью монарха не согласуетъ; *оное же сочиненіе никакъ невозможно одному повѣрить*, хотя бы онъ искусенъ и въ намѣреніи никакія собственныя страсти не имѣлъ, по природѣ легко погрѣшить можетъ" [2]). Почти во всѣхъ своихъ проэктахъ шляхетство предлагало мѣры для того, чтобы гарантировать себя отъ злоупотребленій властью со стороны верховниковъ и представителей знатныхъ фамилій. Такъ челобитныя требовали, чтобы въ совѣтѣ, сенатѣ и другихъ учрежденіяхъ не было членовъ одной и той же фамиліи [3]), и чтобы высшія правительственныя мѣста замѣ-

---

1) Поповъ, ibidem, 116 с. 2) Корсаковъ, ibidem: 157—158 с: 3) См. Проэкты князя Черкасскаго, Мусина-Пушкина, Матюшкина, проэктъ тринадцати и конспектъ шляхетскихъ требованій, Корсаковъ, 159 с. и сл.

щались по выбору посредствомъ баллотировки [1]). Но въ тоже время родовитые люди изъ челобитчиковъ требуютъ отдѣленія старинныхъ аристократическихъ родовъ („старыхъ и знатныхъ фамилій и особъ") отъ новаго шляхетства, къ которому относился и весь генералитетъ [2]). Требованія „знатныхъ особъ" и шляхетства не были пріятны верховникамъ, которые, по словамъ Ѳ. Прокоповича, „разсѣевали слухъ о страшныхъ на противниковъ своихъ угроженіяхъ" [3]). Подъ вліяніемъ страха предъ верховниками и разъединенія въ средѣ шляхетства [4]), смущаемаго къ тому же сторонниками самодержавія (Остерманомъ, Ѳ. Прокоповичемъ и др.), оно готово было идти въ своихъ требованіяхъ на уступку верховникамъ [5]). Но и послѣдніе не могли похвалиться единодушіемъ и стойкостью въ преслѣдованіи своихъ плановъ. Ѳ. Прокоповичъ какъ бы заранѣе предвидѣлъ эти раздоры въ средѣ верховниковъ, когда описывалъ „горестныя нареканія на осмиричныхъ оныхъ затѣйщиковъ. Самымъ имъ господамъ, говорилъ Прокоповичъ, нельзя быть долго въ согласіи: сколько ихъ есть человѣкъ, чуть ли не только явится атамановъ междоусобныхъ браней" [6]). Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, сознавая свою слабость, которая особенно ярко проявилась въ поспѣшныхъ и непослѣдовательныхъ ихъ распоряженіяхъ по поводу титула Анны Ивановны и изданія манифеста объ ея возшествіи на престолъ [7]), сами рѣшились сдѣлать нѣкоторыя уступки шляхетству. Съ этою цѣлью „они начали призывать къ себѣ первѣйшихъ изъ противной компаніи и принимать съ ласкосердіемъ и къ общему согласію преклонять, ротяся и присягая, что за собственнымъ интересомъ не гонятся". Верховники увѣряли шляхетство, что

---

1) См. у Корсакова, ibidem, проэкты Черкасскаго, Мусина-Пушкина, анонимная записка и др. 2) Корсаковъ, 125—126, 134—135, 155—157, 159 и сл. (См. Проэкты Мусина-Пушкина, Матюшкина и—тринадцати), Соловьевъ, 256—257 с. 3 и 5) Корсаковъ, 158 и 296—297 с. 4) Поповъ, 106 с. 6—7) Корсаковъ, 87, 128—129, 136—137 и 145 с.

они „имѣютъ намѣреніе всѣ чины созвать и просить отвѣтовъ, что кому заблагоразсудится къ полезнѣйшему впредь состоянію государства, обѣщая скоро то учинить, а себя, яко невинныхъ, предъ всѣми оправдать“ [1]). Такъ, казалось, создавались само собою благопріятныя условія для гармоническаго и общаго дѣйствія знати и шляхетства въ одномъ выгодномъ для обѣихъ сторонъ направленіи. Но согласіе между высшимъ и низшимъ слоями дворянства не могло установиться вслѣдствіе того, что верховники дѣйствовали не искренно, стремились видимо къ тому, чтобы сконцентрировать власть въ средѣ только двухъ знатнѣйшихъ фамилій князей Голицыныхъ и Долгорукихъ [2]) и не желали собственно допускать къ дѣламъ управленія шляхетство. Единодушіе между верховниками и шляхетствомъ подрывалось еще высокомѣрнымъ и презрительнымъ отношеніемъ къ нему и высшимъ, вліятельнымъ членамъ духовенства одного изъ главнѣйшихъ „затѣйщиковъ“—князя Д. М. Голицына [3]), хотя въ тоже время шляхетство могло опереться только на него въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, гдѣ обсуждался извѣстный намъ проэктъ князя Голицына. Большинство изъ мелкихъ дворянъ не сочувствовало его плану, по которому предполагалось предоставить значительную долю участія въ управленіи представителемъ знатныхъ фамилій и шляхетства [4]). Наконецъ, успѣху общаго дѣла дворянства мѣшали происки и интриги Остермана, Ѳ. Прокоповича и другихъ лицъ изъ шляхетства и духовенства, стоявшихъ изъ за собственныхъ видовъ на сторонѣ самодержавія [5]).

Сторонники сохраненія въ Россіи самодержавной власти явились и начали дѣйствовать въ самый первый моментъ изб-

---

1) Поповъ, 107 с. (слова Ѳ. Прокоповича). 2) Маньянъ, С. Р. И. О., LXXV, 511 с., La cour de Russie, 29 р. 3) Корсаковъ, 125 с. 4) Маньянъ, 475—476 с. 5) Щербатовъ: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, Рус. Старина, 1870, II, 49 с., Соловьевъ, XIX, 259 с., Поповъ, 108—110 с.

ранія Анны Ивановны. Кромѣ Ягужинскаго въ Митаву отправили въ одно и тоже время гонцовъ съ извѣстіемъ о замыслахъ верховниковъ Ѳеофанъ Прокоповичъ и Рейнгольдъ Левенвольде [1]). Особенно много сдѣлалъ для возстановленія самодержавія Анны Ивановны Остерманъ, которому упроченіе власти родословной русской знати и вообще аристократіи грозило потерей всякаго вліянія на дѣла управленія и, быть можетъ, предстоящей высылкой изъ Россіи [2]). Остерманъ зналъ о ненависти къ нему обоихъ князей Голицыныхъ; ему также было извѣстно о сильной враждѣ къ иностранцамъ среди шляхетства, которое устраняло „иноземцевъ“ отъ обсужденія плана государственныхъ преобразованій и, какъ и князь Д. М. Голицынъ, не желало допускать ихъ къ правительственнымъ должностямъ [3]). Положимъ, князь Голицынъ оставлялъ Остермана изъ уваженія къ его заслугамъ въ числѣ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта [4]), но этимъ Остерманъ ставился въ зависимость отъ милости и расположенія къ нему верховниковъ, по отношенію къ которымъ онъ въ теченіе всѣхъ событій 1730 г. велъ себя двусмысленно, уклоняясь подъ предлогомъ болѣзни отъ рѣшительнаго выраженія своихъ взглядовъ и симпатій [5]). Теряя почти все при предполагаемомъ переходѣ власти къ старорусской, знатной партіи и

---

1) Записки Миниха (сына), 25 с. 2) Остерману сочувствовалъ среди членовъ совѣта только великій канцлеръ, графъ Головкинъ, который происходилъ изъ незнатнаго рода и не могъ разсчитывать на вліятельное положеніе въ управленіи. Головкинъ не обладалъ выдающимися административными способностями (Рондо, 156 с.) и дѣйствовалъ въ пользу самодержавія чрезъ своего зятя, Ягужинскаго (La cour de Russie, 23—24 р.). 3—4) См. Способы etc., Корсак въ, 173 с. „Планъ Голицына“, ibidem, 181 с. 5) При первомъ же слухѣ о составленіи верховниками „кондицій“ Остерманъ, по словамъ Рондо, „сообразивъ, что предположенныя перемѣны значительно уменьшатъ его значеніе, подчинивъ его верховному совѣту, задумалъ было уклониться отъ участія въ нихъ и, чтобы не подписывать проэкта, слегъ какъ бы въ припадкѣ подагры. Но Долгорукой и Голицынъ явились къ нему на домъ и заставили барона подписаться вопреки его склонностямъ“ (152 с., ср. „Записки Манштейна“, I, 43 с., Ле-Фортъ, 359 с., Де-Лирія, 35 с., Мардефельдъ, 406—408, 411 и 413—414 с.).

шляхетству [1]), Остерманъ, напротивъ, пріобрѣталъ себѣ вновь первое мѣсто въ управленіи при возстановленіи самодержавія, съ которымъ соединялось на этотъ разъ упроченіе вліянія на управленіе нѣмцевъ [2]). Другой видный сторонникъ самодержавія, Ѳ. Прокоповичъ также разсчитывалъ при самодержавіи Анны Ивановны на возвышеніе своего значенія, но только въ синодѣ [3]): онъ уже разъ пострадалъ за свои симпатіи къ протестантству [4]). Ѳ. Прокоповичъ былъ твердо убѣжденъ, что для Россіи возможно только монархическое правленіе: „понеже русскій народъ, говорилъ онъ, таковъ есть отъ природы, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ“ [5]). Остерманъ и Прокоповичъ находили поддержку своей дѣятельности въ пользу самодержавія въ средѣ шляхетства, гдѣ было много лицъ, недовольныхъ дѣйствіями верховниковъ и склонявшихся къ самодержавію, какъ къ исконному образу правленія русскимъ государствомъ. Сама Анна Ивановна также не была расположена къ аристократическимъ планамъ верховниковъ и сочувствовавшимъ имъ представителямъ знатнаго и рядоваго дворянства. Новая императрица хорошо помнила, какою неограниченною властью пользовался въ Россіи ея отецъ, уважала старыя учрежденія [6]) и съ самаго начала событій 1730 г. явно обнаружила склонность присвоить себѣ самодержавную власть. Въ своей борьбѣ съ верховниками и шляхетствомъ она поспѣшила опереться на войско, какъ на дѣйствительную силу [7]). По прибытіи въ село Всесвятское (около Москвы) Анна Иванов-

---

1) Маньянъ писалъ (6 февр.) своему правительству, что „преобладающее вліяніе Остермана на дѣла Россіи далеко не будетъ такимъ впредь при уничтоженіи старыхъ формъ правленія, вслѣдствіе чего верховная власть будетъ предоставлена старорусской партіи; сомнительно, добавлялъ Маньянъ, чтобы честолюбивый Остерманъ могъ помириться съ этою властью“ (С. Р. И. О., LXXV, 498 с.). 2) Андреевъ: „Представители власти въ Россіи послѣ Петра I“, Спб., 1871, 74—75 с. 3) Щербатовъ: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, Рус. Старина, 1870, II, ibidem. 4) См. выше дѣло съ Ѳеофаномъ архимандрита Маркелла. 5) Корсаковъ, 93 с. 6) Щербатовъ, id., 51 с. 7) Карновичъ, II, 507 с.

на объявила себя полковникомъ преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ, „что было принято, по словамъ Де-Лиріи, этими двумя полками съ величайшею радостью и удовольствіемъ. Эта рѣшимость Анны Ивановны поразила многихъ, потому что это—формальный актъ самодержавія“ [1]). Другимъ такимъ актомъ было назначеніе императрицей графа С. А. Салтыкова подполковникомъ гвардіи [2]). Въ тоже время, вопреки желанію совѣта, Анной Ивановной былъ посланъ въ Митаву приказъ Бирону, чтобы онъ немедленно прибылъ въ Москву [3]). По словамъ Манштейна, Анна Ивановна „употребляла многіе способы“, къ достиженію своего намѣренія „стать русской государыней“, что она съ этою цѣлью при помощи Остермана „сѣяла несогласіе и вражду между членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, возбуждала гвардію противъ Долгорукихъ, которые желали будто бы ограничить ея власть лишь въ своихъ интересахъ. Мелкому же дворянству было внушено, что при господствѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта никто изъ нихъ не можетъ получить какого-либо чина и мѣста, и что весь народъ будетъ рабомъ совѣта [4]).

1) Де-Лирія, 42 с., Ле-Фортъ, 357 с., Herrmann, IV, 543 s. 2) Записки Манштейна, I, 48 с. 3) Манштейнъ, ibidem, Замѣчанія на „Записки Манштейна“, см. приложеніе къ „Запискамъ Миниха“, 139 с. 4) Манштейнъ, I. 48—49 с., Crusenstolpe: „Der russische Hof v. Peter I bis auf Nicolaus I“, Hamburg, 1855. I Theil, 146 s., Корсаковъ, 254—255 с. Авторъ „Замѣчаній на „Записки Манштейна“ сомнѣвается въ достовѣрности его свѣдѣній о стараніяхъ Анны Ивановны привлечь на свою сторону гвардію и шляхетство: по его мнѣнію „она не имѣла надобности въ такомъ образѣ дѣйствій, такъ какъ россійское дворянство, пріобыкшее въ теченіе многихъ столѣтій повиноваться самодержавной власти, дышало неимовѣрною любовью къ своимъ монархамъ“ (138 с.). Но хотя въ средѣ дворянства было, безъ сомнѣнія, много искреннихъ сторонниковъ самодержавной власти, видѣвшихъ въ Аннѣ Ивановнѣ законную наслѣдницу престола (Корсаковъ, 85 с.), въ тоже время было немало и такихъ, которые, какъ мы видѣли, были не прочь отъ ограниченія самодержавія въ пользу всего дворянства. Поэтому Карновичъ правъ, когда онъ сомнѣвается, чтобы всѣ слухи распускались дѣйствительно сторонниками самодержавія Анны Ивановны: они прямо противорѣчатъ требованіямъ шляхетскихъ проэктовъ. Скорѣе можно думать, что слухи распространялись челобитчиками на случай неудачи своихъ плановъ (Карновичъ, II, 508—509 с.).

Сами верховники помогали осуществленію намѣреній Анны Ивановны необдуманнымъ образомъ своихъ дѣйствій. Арестъ Ягужинскаго хотя и „выказалъ, по словамъ Ле-Форта, во всемъ блескѣ силу власти верховниковъ“ [1]), въ тоже время подрывалъ уваженіе къ Верховному Тайному Совѣту за его самовольный и деспотическій образъ дѣйствій: „хотятъ, писалъ Лефортъ, уничтожить самодержавіе верховной власти, а верховный тайный совѣтъ самъ же дѣйствуетъ деспотически, дѣлаетъ дѣла, не спросясь никого, будто неотвѣтственное государственное учрежденіе. Этотъ опрометчивый образъ дѣйствій открываетъ глаза народу и подкрѣпляетъ его въ приверженности къ стародавнему и обыклому“ [2]). Верховники „знали, что множество благородныхъ были весьма недовольны учиненными ими статьями, которыя въ руки нѣкоторыхъ родовъ всю власть правительства вручали“ [3]) и принимали всякія предосторожности для того, чтобы не допустить сношеній недовольныхъ съ императрицей [4]). Съ пріѣздомъ Анны Ивановны въ Москву (10 февр.) верховники не оставили своего намѣренія удержать власть въ своихъ рукахъ и всего дворянства. Съ этою цѣлью они вошли въ компромиссъ съ нѣкоторыми лицами изъ шляхетства, результатомъ котораго было согласіе „на упалыя мѣста въ совѣтѣ выбирать кандидатовъ совѣту обще съ сенатомъ и для апробаціи представлять Е. И. В. изъ первыхъ фамилій, генералитета и шляхетства людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ (не воспоминая объ иноземцахъ). Въ совѣтѣ могло быть не больше двухъ персонъ одной фамиліи. Для совѣту и разсужденія о государственныхъ но-

---

1—2) Лефортъ, 351—352 с., Ле-Фортъ же сообщаетъ, что верховники два раза предлагали Ягужинскому возвратить ему свободу и всѣ чины и ордена, но онъ, „поддерживаемый главной партіей“, не желалъ мириться съ ними, ожидая пріѣзда царицы (153 -154 с.). 3—4) Щербатовъ, 48 с. При представленіи дворянъ Аннѣ Ивановнѣ въ с. Всесвятскомъ Долгорукіе наблюдали за тѣмъ, чтобы кто-либо не подалъ какой записки государынѣ (ibidem).

выхъ и важныхъ дѣлахъ должны были собираться въ совѣтѣ сенатъ, генералитетъ, коллежскіе чины и знатное шляхетство“ [1]). Этотъ актъ былъ подписанъ членами совѣта и многими знатными лицами (графомъ Апраксинымъ, княземъ Н. Ю. Трубецкимъ, князьями М. В., С. Г. и И. Г. Долгорукими, графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, княземъ М. М. Голицынымъ и др.) [2]). „Чтобы убѣгнуть разногласія“ между членами совѣта и шляхетствомъ, князь В. Л. Долгорукой предложилъ увеличить число членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта „главными“ лицами, избранными изъ среды генералитета и шляхетства, и разсмотрѣть общественныя нужды выборными отъ шляхетства [3]). Въ полной увѣренности, что власть останется въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и при новой императрицѣ, которую верховники связали ограничительными условіями, они продолжали спокойно заниматься текущими дѣлами управленія, внутренними и внѣшними. Такъ Верховный Тайный Совѣтъ разсматривалъ (10—24 февр. 1730 г.) вопросъ о казенныхъ лѣсахъ въ Казанской губерніи, сдѣлалъ распоряженіе о выдачѣ денегъ на содержаніе крѣпостей и чеканкѣ монеты. Совѣтъ потребовалъ изъ сената представить „доношенія“ по разнымъ дѣламъ и постановилъ наказать разныхъ лицъ за прежнія преступленія и проступки. 17—18 февраля совѣтъ занимался иностранными дѣлами и, между прочимъ, отдалъ приказъ, чтобы тридцатитысячное вспомогательное войско, обѣщанное римскому императору, было готово къ походу [4]). Между тѣмъ, Анна Ивановна, недовольная своею второстепенною ролью въ управленіи, упорно отказывалась явиться въ засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта для того, чтобы торжественно подтвердить „конди-

1—3) Корсаковъ, 249—252 с. 4) Корсаковъ, 249—250 с., примѣчаніе, Де-Лирія, 52 с., Мардефельдъ, 413 с.. Мардефельдъ передаетъ, что, по мнѣнію многихъ, этотъ приказъ только отданъ для того, чтобы показать, что Россія въ случаѣ введенія ограниченной монархіи въ состояніи будетъ дѣйствовать съ тою же силою и энергіей, какъ при неограниченномъ самодержавіи (ibidem).

ціи". Это послѣднее обстоятельство сильно смущало верховниковъ и они, по словамъ Ле-Форта, сами рѣшились предложить самодержавіе Аннѣ Ивановнѣ, которая возразила имъ, что „для нея недостаточно быть объявленной самодержицей только восемью лицами" [1]). „Несогласія между членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, который не могъ установить точнаго образа правленія, помогали лишь укрѣпленію власти государыни" [2]), которая знала о дѣйствіяхъ партіи, желавшей провозгласить ее самодержавной императрицей [3]). Въ пользу Анны Ивановны продолжалъ работать Остерманъ, который распространялъ среди гвардіи и шляхетства слухи, компрометирующіе фамилію князей Долгорукихъ. Послѣднихъ не любили вообще за ихъ непомѣрныя властолюбивыя претензіи въ прежнее царствованіе. Теперь А. Г. Долгорукой прямо обвинялся въ злоупотребленіи властью при Петрѣ II и въ обществѣ упорно держалось мнѣніе, что князя А. Г. съ его сыномъ „заставятъ отдать отчетъ въ веденіи дѣлъ и растратѣ казенныхъ денегъ, доходящей до милліона рублей" [4]). „Дворянство открыто требовало, чтобы князю А. Г. Долгорукому было запрещено впредь участвовать въ какомъ-либо вышнемъ правительствѣ" [5]). Но общее неудовольствіе среди дворянства было направлено не противъ только князя А. Г. Долгорукаго, потерявшаго всякое вліяніе въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ со дня смерти Петра II [6]), а и противъ фельдмаршала В. В. Долгорукаго [7]) и князя В. Л. Долгорукаго, который не допускалъ къ императрицѣ никого изъ своихъ противниковъ, охранялъ ее, по выраженію Прокоповича, „какъ бы нѣкій драконъ" [8]). Василій Лу-

---

1) Ле-Фортъ, С. Р. И. О., V, 367 с. 2) Ле-Фортъ, 360 с., Манштейнъ, I, 55 с. 3) Сторонники самодержавія сносились съ Анной Ивановной при посредствѣ ея сестеръ (герцогини Мекленбургской, Екатерины Ивановны и Прасковьи Ивановны и ея родственницъ: Салтыковой, Лопухиной и др.), Маньянъ, 505 с. 4) Ле-Фортъ, 359 с., Де-Лирія, 35 с. 5 - 7) Ле-Фортъ, стр.: 360 и 348. 8) Корсаковъ, 258 с.

кичъ преслѣдовалъ при этомъ свои личныя цѣли и „хотя толковалъ о свободѣ“, но самъ „держалъ тайно вмѣстѣ съ Остерманомъ сторону царицы“ [1]). Съ самаго ея пріѣзда онъ велъ себя двусмысленно. Такъ, когда совѣтъ поручилъ Василію Лукичу заставить Анну Ивановну вторично подписать „кондиціи“, самъ онъ не подписалъ на нихъ своего имени. Не присутствуя въ засѣданіяхъ совѣта, В. Л. Долгорукой „единственно искалъ расположенія царицы [2]), которой онъ внушалъ. по словамъ Маньяна, „намѣреніе сдѣлаться неограниченной монархиней, какъ были ея предки, воспользовавшись для этой цѣли замѣшательствомъ, въ которомъ находятся составители проэктовъ реформъ въ государственномъ управленіи“ [3]). Эти замѣшательства старался производить въ средѣ шляхетства Θ. Прокоповичъ съ подчиненнымъ ему духовенствомъ. Маньянъ писалъ (3 апр. 1730 г.), что „нѣкоторые наиболѣе хитрые люди изъ духовенства, оскорбленные тѣмъ, что ихъ исключили изъ собранія государственныхъ чиновъ, дѣлали всякія усилія, чтобы возстановить мелкое дворянство противъ верховнаго совѣта, и главныхъ членовъ послѣдняго изображали злодѣями, желавшими измѣненія формы правленія только для того, чтобы самимъ завладѣть верховною властью; вслѣдствіе чего рабское положеніе дворянства станетъ еще несравненно менѣе выносимымъ, чѣмъ при сохраненіи самодержавной власти“ [4]). Въ свою очередь, „Остерманъ, говоритъ Маньянъ, не преминулъ воспользоваться без-

1—2) Ле-Фортъ, 353 и 358 с. 3) Маньянъ, 495 и 497 с. 4) N. Tourgueneff: „La Russie et les russes“, Bruxelles, 1847, III, notes, 280 p.. Какую вражду питало духовенство къ верховникамъ, это видно изъ записки, которая была составлена, вѣроятно, кѣмъ-либо изъ лицъ, близкихъ къ Θ. Прокоповичу, уже послѣ провозглашенія Анны Ивановны самодержавной и носила заглавіе: „Изъясненіе, каковыхъ были нѣкіихъ лицъ умыслы, затѣйки и дѣйствія въ призывѣ на престолъ Е. И. В.“ Авторъ записки задался цѣлью „изъяснить намѣренія и дѣйствія“ членовъ соовѣта въ „сей затѣйкѣ“, въ которой обнаружились „приватные интересы“ князей Голицыныхъ и Долгорукихъ. Поэтому онъ разбираетъ шагъ за шагомъ всю ихъ дѣятельность, начиная со смерти Петра II и

порядкомъ, порождаемымъ разногласіями" между шляхетствомъ и верховниками, которые не желали, вопреки настойчивому требованію мелкаго дворянства, допустить въ совѣтъ кого-либо изъ ихъ среды. Остерманъ внушалъ Аннѣ Ивановнѣ, что „она достигла трона по праву рожденія" и поэтому должна отвергнуть „кондиціи", которыхъ „не предлагали даже Екатеринѣ I, не смотря на ея происхожденіе изъ ничтожества"[1]). Остерманъ агитировалъ въ гвардіи съ помощью ея офицеровъ изъ знати: князя Кантеміра, „искавшаго себѣ почестей и богатства"[2]), графа Матвѣева, князя Волконскаго, князя П. Б. Черкасскаго, князей Салтыковыхъ и многихъ другихъ[3]). Остерману удалось привлечь на свою сторону и наиболѣе видныхъ изъ числа лицъ, подававшихъ проэкты въ Верховный Тайный Совѣтъ: князя А. М. Черкасскаго, недовольнаго Долгорукими за оскорбленіе его шурина, князя Никиты Юрьевича Трубецкого[4]), отца этого послѣдняго и князя С. А. Салтыкова, близкаго родственника Анны Ивановны. Намѣреніе В. Л. Долгорукаго арестовать 25 февраля графа Головкина, князей А. М. Черкасскаго, Барятинскаго и Остермана, который успѣлъ узнать о грозившей всей его партіи участи[5]), ускорило дѣло провозглашенія самодержавія. Въ этотъ день къ императрицѣ явилась депутація отъ шляхетства во главѣ съ княземъ А. М. Черкасскимъ и просила Анну Ивановну назначить общее соб-

---

до принесенія присяги Аннѣ Ивановнѣ (20 февр.) и, между прочимъ, укоряетъ верховниковъ въ томъ, что „они въ чинъ царской самозваніемъ вступили, государыню самодержавія лишивъ, лишить намѣрены и короны за неисполненіе кондицій: а себѣ ни суду, ни наказанію не поддали, и потому на свою компанію самодержавіе перенесли" (Михайловъ: „Сборникъ историч. матеріаловъ и документовъ, относящихся къ новой русской исторіи XVIII и XIX вѣка", Спб., 1873, 11—16 с. 1) N. Turgueneff, ibidem, 279—280 p. 2 и 4) Щербатовъ, н. с., Рус. Старина, 1870, II, 49 с. 3) Корсаковъ, 258 с. у сл.. Въ это время была пущена названными лицами среди шляхетства извѣстная намъ записка анонимнаго автора изъ провинціи, въ которой доказывалась польза самодержавія для соблюденія интересовъ мелкаго дворянства (Корсаковъ, 264 с.). 5) Herrmann, IV, 544 s.

раніе генералитета, офицеровъ и шляхетства по одному или по два лица отъ фамиліи для разсмотрѣнія по большинству голосовъ и составленія „формы государственнаго правленія“, которую шляхетство предполагало потомъ представить на утвержденіе государыни [1]). Это прошеніе шляхетства, мотивированное желаніемъ разъяснить „для пользы и спокойствія всего государства сумнительства въ пунктахъ“, ясно доказывало, что шляхетство не думало о безусловномъ возстановленіи самодержавія [2]). „Неудивительно, поэтому, замѣчаетъ проф. Корсаковъ, было смущеніе Анны Ивановны, которая ожидала провозглашенія ея самодержавія, а ей вдругъ поднесли челобитную съ просьбой обсудить кондиціи и шляхетскіе проэкты выборными отъ генералитета и шляхетства“ [3]). При видѣ колебанія императрицы В. Л. Долгорукой предложилъ обсудить челобитную шляхетства въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, но Анна Ивановна, ободренная поддержкой своей сестры, Екатерины Ивановны, позволила самому шляхетству обсудить свое прошеніе и въ тотъ же день сообщить ей о результатахъ своихъ совѣщаній. Когда шляхетство удалилось съ этою цѣлью въ особую залу, въ его средѣ раздались голоса о томъ, что необходимо просить императрицу принять „самодержавіе, какое имѣли ея славные и достохвальные предки“, и уничтожить пункты. Въ новой своей челобитной, представленной Аннѣ Ивановнѣ, шляхетство просило государыню „сочинить вмѣсто верхов-

---

1 и 3) Корсаковъ, 271—272 с., По словамъ Маньяна, прошеніе шляхетства „содержало въ себѣ девять статей, редактированныхъ княземъ Черкасскимъ по тѣмъ пунктамъ, которые были подписаны государыней въ Митавѣ“. Шляхетство просило Анну Ивановну „одобрить и утвердить эти статьи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были составлены, если только она не предпочитаетъ объявить свою волю въ пользу сохраненія самодержавной власти“ (С. Р. И. О., LXXV 503 с.). Де-Лирія замѣчаетъ, что „князь Черкасскій представилъ для подписи Аннѣ Ивановнѣ проэктъ, въ которомъ власть императрицы сильно ограничивалась разными учрежденіями“ („XVIII вѣкъ“, III, 53 с., депеши Рондо, 139 с. и Ле-Форта, 368 с.). 2) Карновичъ, II, 511 с.

наго совѣта и высокаго сената одинъ правительствующій сенатъ, какъ было при Петрѣ I", и назначить въ него 21 члена. Кромѣ того, шляхетство просило предоставить ему право выбирать „баллотированіемъ на упалыя мѣста" въ сенатъ, въ губернаторы и президенты и установить для предбудущихъ временъ форму правительства"[1]). Въ прошеніи не было и помину о „кондиціяхъ" и скромныя требованія шляхетства не могли уже смутить Анну Ивановну, которой оно прямо предложило давно желанную самодержавную власть. Убѣдившись въ побѣдѣ идеи самодержавія надъ аристократическими стремленіями дворянства, императрица, поддержанная войскомъ[2]), начинаетъ дѣйствовать рѣшительно и при безмолвномъ согласіи верховниковъ объявляетъ себя самодержавной русской императрицей и разрываетъ пункты"[3]).

Такъ, не смотря на четырехлѣтнее господство въ управленіи русской аристократіи и соединенныя усилія знати и шляхетства къ упроченію своей власти и на будущее время, въ Россіи вновь восторжествовала идея самодержавія, пустившая глубокіе корни среди всего народа и самого дворянства. Русская аристократія оказалась неспособною въ виду сильнаго развитія самодержавной власти удержать за собою управленіе государствомъ, которое попало въ руки знати послѣ Петра I, благодаря слабости его преемниковъ и нѣкоторымъ другимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ. Весь ходъ событій 1730 г. указываетъ на глубокую взаимную вражду и рознь между высшимъ и низшимъ слоями русскаго дворянства. Представители того и другаго преслѣдовали свои личные интересы даже при общемъ ихъ дѣлѣ, встрѣчавшемъ явное сочувствіе не только въ средѣ всей знати, гдѣ еще были живы аристо-

---

1) „Повидимому, шляхетство имѣло намѣреніе, замѣчаетъ Германнъ, низвергнуть высшую аристократію, но еще спасти для себя нѣкоторыя льготы" (Herrmann, IV, 546 s.). 2) Соловьевъ, XIX, 266 с. 3) Маньянъ, 511—512 с., Рондо, 153 с., Де-Лирія, 53 с., Herrmann, 545 s., Корсаковъ, 273—277 с.

кратическія традиціи, но и простаго, рядоваго дворянства. Полная неудача „затѣйки“ 1730 г. оказалась гибельною для аристократическихъ плановъ русскаго дворянства, на мѣстѣ котораго въ царствованіе Анны Ивановны становятся и овладѣваютъ всѣми дѣлами государственнаго управленія нѣмцы [1]). На нихъ поспѣшила опереться Анна Ивановна, которая сама стала почти нѣмкой въ теченіе своего 18-лѣтняго пребыванія въ Курляндіи [2]) и не могла разсчитывать на знатное русское дворянство, едва неоставившее ее съ номинальной только властью [3]). Нѣмецкая олигархія систематически искореняла родословныхъ русскихъ людей (князей Долгорукихъ, Голицыныхъ и др.) [4]), мѣшавшихъ нѣмцамъ преслѣдовать свои эгоистическіе интересы [5]). Въ продолженіе царствованія Анны Ивановны знатные русскіе роды терпѣли всякаго рода униженія со стороны самой императрицы и особенно ея любимца—Бирона. „Россійскіе князья изъ знатнѣйшихъ фамилій должны были записываться въ роли придворныхъ шутовъ и дураковъ“ [6]). Князь Щербатовъ сильно негодуетъ по поводу того, что при Аннѣ Ивановнѣ „благороднѣйшихъ родовъ люди (князь М. Голицынъ, князь Н. Ф. Волконскій и графъ Апраксинъ) въ столь подлую должность были опредѣлены“ [7]). Въ суровое ея правленіе „вельможи учинились, говоритъ Щербатовъ, не совѣтниками, но дакальщиками государевыми и его любимцевъ во всѣхъ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ имѣли причину опасаться противорѣчіемъ своимъ неудовольствіе приключить“. Сенаторы, „сіи перваго правительства присутствующіе принуждены были отъ любимца чужестранца (Бирона) вытерпѣть безмолственно“ всякія оскорбленія [8]). Извѣстно, какая жестокая участь

1) Пекарскій: „Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи“, Спб., 1862, 36 с., Андреевъ, н. с., 75 с., Яблочковъ, 431 с., 2) „La cour de Russie“, 46 р. 3) Соловьевъ, 270 с., Crusenstolpe, I, 153 s. 4) Щербатовъ, 52 с., Манштейнъ, I, 58—62 с., Соловьевъ, 316—329 и 325—326 с. 5) Корсаковъ, 300—302 с. 6) Записки Миниха (сына), 93 с. 7—8) Щербатовъ, н. с., ibid., 52-53 с.

постигла кабинетъ-министра, А. П. Волынскаго, задумавшаго было освободить страну отъ ига нѣмцевъ и особенно деспотическаго режима Бирона, „чрезъ котораго царица, по словамъ Шетарди, только и видѣла, и слышала, и говорила“ [1]). А. П. Волынскій сочувствовалъ шляхетскимъ требованіямъ въ 1730 г. и въ своемъ „Генеральномъ проэктѣ“ обнаруживалъ желаніе распространить служебныя права и привиллегіи шляхетства до участія его въ управленіи страной; шляхетство должно было обучаться наукамъ въ чужихъ краяхъ для того, чтобы „у насъ были свои природные министры“. Волынскій мечталъ устроить изъ сената „высшее правительство“, которое состояло бы изъ представителей лучшихъ русскихъ фамилій [2]), устраненныхъ нѣмцами отъ дѣлъ правленія. Господство нѣмецкой партіи въ управленіи возбуждало страшное негодованіе въ средѣ знатнаго русскаго дворянства [3]). Недовольство послѣдняго увеличивалось еще болѣе при видѣ „всѣхъ усилій“, которыя „иноземное правительство употребляло для притѣсненія и разогнанія старинныхъ русскихъ фамилій“ [4]). Но всѣ опасенія нѣмецкой партіи, что власть можетъ снова перейти въ руки высшаго русскаго дворянства, были напрасны: послѣднее было теперь далеко отъ властолюбивыхъ плановъ, которые не могли осуществиться даже въ 1730 г. при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Первымъ актомъ самодержавной власти *Анны Ивановны* (1730—1740) было уничтоженіе Верховнаго Тайнаго Совѣта [5]), которымъ она была недовольна за стремленіе верховниковъ ограничить ея власть [6]), и возстановленіе сената (4 марта 1830 г.) [7]), сообразно просьбѣ генералитета и шля-

---

1) Пекарскій, 20 с. 2) Корсаковъ: „А. П. Волынскій“ („Древняя и Новая Россія“), II, 32—36 и 291—292 с. 3-4) Пекарскій, 40 с. 5 и 7) Чт. въ общ. ист. и древн. россійскихъ, 1858 г., III, Прот. 4 марта 1730 г., П. С. З., VIII, № 5510, 6) Манштейнъ, I, 57 с.

хетства съ тѣмъ значеніемъ, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ. Императрица назначила въ сенатъ столько членовъ, сколько просило шляхетство—21. Въ число ихъ попали верховники (Головкинъ, оба князя Долгорукихъ, Василій Лукичъ и Василій Владиміровичъ, князья Голицыны, Димитрій и Михаилъ, и Остерманъ) и лица, оказавшія услугу государынѣ 25 февр. (князь А. Черкасскій, князья Трубецкіе, Юсуповъ, Салтыковъ, Ягужинскій и др.) [1]). Дѣятельность реставрированнаго сената по сравненію съ энергичнымъ и властолюбивымъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ не была такъ замѣтна, особенно на первыхъ порахъ, когда, казалось, императрица „не хотѣла допускать, чтобы кто-либо управлялъ ею и дѣйствовала самостоятельно“ [2]). Такъ долго удаленная отъ дѣлъ правленія, Анна Ивановна „теперь желала знать о всѣхъ дѣлахъ сама и видѣть все собственными глазами“ [3]). Возстановляя правительствующій сенатъ, она, съ одной стороны, исполнила просьбу шляхетства и генералитета, которые помогли ей сдѣлаться самодержавной государыней, а съ другой—„удалила отъ себя непріятныхъ для нея и негодныхъ членовъ упраздненнаго совѣта“ [4]). Что императрица не думала надѣлять большою властью сенатъ, это видно изъ того, что Ягужинскій, попавшій въ особую милость къ Аннѣ Ивановнѣ, „употребилъ всѣ усилія не участвовать въ немъ“ [5]) и, все таки, былъ туда назначенъ; напуганная попыткой верховниковъ, императрица, очевидно, не хотѣла, чтобы сенатъ пріобрѣлъ большое вліяніе на дѣла управленія [6]) и предпочитала рѣшать ихъ съ лицами, пользующимися ея довѣріемъ. Поэтому вскорѣ послѣ возстанов-

1) Соловьевъ, XIX, 271—272 с. 2) Ле-Фортъ, 374 с. 3) Манштейнъ, I, 57 с. 4) Ле-Фортъ, ibidem. Германнъ говоритъ, что „дѣятельность сената была такъ ограничена, что на него тогда смотрѣли, какъ на старую кладовую для помѣщенія тѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, которыхъ хотѣли устранить, а въ случаѣ надобности совершенно удалить изъ государственной службы“ (IV, 547 s.). 5) Ле-Фортъ, 372 с. 6) La cour de Russie, 40—41 p.

ленія первенствующаго значенія сената въ управленіи прошелъ слухъ (въ началѣ апрѣля 1730 г.) объ образованіи новаго учрежденія—кабинета изъ нѣсколькихъ членовъ, которымъ Анна Ивановна оказывала особенное довѣріе [1]). Членами этого кабинета, который существовалъ фактически съ первыхъ дней самодержавнаго ея царствованія, были: Ягужинскій, Головкинъ, Салтыковъ и Черкасскій [2]). Но негласными и главнѣйшими совѣтниками Анны Ивановны сдѣлались Остерманъ и особенно Биронъ [3]). Прежде, однако, чѣмъ нѣмцы окончательно захватили въ свои руки всѣ дѣла управленія, сенатъ поспѣшилъ воспользоваться предоставленными ему правами въ государственномъ управленіи. Хотя, по замѣчанію Сперанскаго, „съ возвращеніемъ при Аннѣ Ивановнѣ имени сенату и не была возвращена ему прежняя власть" [4]), однако, онъ оставался во главѣ управленія почти два года, впредь до оффиціальнаго учрежденія кабинета (10 ноября 1731 г.). Сенатъ при Аннѣ Ивановнѣ, за исключеніемъ этихъ первыхъ двухъ лѣтъ ея царствованія, не былъ, какъ при Петрѣ I, высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ сосредоточивались бы всѣ дѣла управленія: законодательныя, административныя и судебныя. Значеніе государственнаго совѣта, какое сенатъ имѣлъ при Петрѣ I, было отнято у него еще при Екатеринѣ I и Петрѣ II Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ [5]), мѣсто котораго занялъ при Аннѣ Ивановнѣ кабинетъ (съ 1731 г.). Сама императрица сначала прилагала много заботъ къ тому, чтобы дать сенату организацію, при которой всѣ дѣла управленія могли бы идти скорѣе и лучше. Съ этою цѣлью сенатъ былъ раздѣленъ на пять департаментовъ, по которымъ были распре-

---

1) Маньянъ, 521 с. 2) Ле-Фортъ, 377 с. 3) Маньянъ, 508 с., С. Р. И. О., LXXV, и Tourgueneff, III, 282—284 p., Ле-Фортъ, 382 с., Минихъ, (сынъ), 92 с., Манштейнъ, I, 165 с., Herrmann, 548 s. 4) Сперанскій, 28 с. 5) Ѳ. Дмитріевъ: „Графъ Сперанскій", Москва, 1863, 42 и 50 с.

дѣлены всѣ административныя и судебныя дѣла, и установленъ порядокъ дѣлопроизводства въ департаментахъ [1]). Раздѣленіе сената на департаменты было вызвано, главнымъ образомъ, накопленіемъ въ немъ судебныхъ дѣлъ [2]). Со времени Анны Ивановны, слѣдовательно, начинаетъ замѣтнымъ образомъ обозначаться значеніе сената, какъ преимущественно высшаго судебнаго института въ государствѣ, между тѣмъ какъ законодательство въ соединеніи съ главными отраслями администраціи составляетъ функцію особыхъ высшихъ учрежденій [3]). Для того, чтобы „челобитчики могли получить по дѣламъ своимъ справедливое и скорое рѣшеніе и искоренить непорядки и утѣсненіе бѣднымъ“ была возстановлена въ сенатѣ должность генералъ-прокурора, которая, по словамъ указа, „была неизвѣстно кѣмъ отставлена“ [4]). При помощи генералъ-прокурора въ сенатѣ сосредоточиваются разныя отрасли управленія и принимаются мѣры къ устраненію безотвѣтственности отдѣльныхъ его органовъ. Съ этою цѣлью, напримѣръ, былъ возстановленъ сибирскій приказъ [5]), которому предстояло уничтожить зло въ управленіи огромными областями имперіи, вытекавшее изъ безотвѣтственности губернаторовъ и воеводъ. Контролю сената подлежитъ дѣятельность всѣхъ коллегій [6]) и областнаго управленія. Сенатъ приказываетъ назначить воеводъ на два года; они оставляются въ своей должности и послѣ этого срока, если окажутся исправными въ отправленіи своихъ обязанностей [7]). Сенатъ принимаетъ мѣры относительно улучшенія состоянія арміи и флота [8]), торговли, медицинскаго дѣла и народнаго благосостоянія [9]). Самъ сенатъ признаетъ себя блюстителемъ правосудія въ странѣ, такъ какъ по его ини-

---

1) П. С. С., VШ, №№ 5570, 5587, 5606. 2—3) Дмитріевъ, 52, 50—51 с. 4) П. С. З., VIII, № 5625. 5) VШ, № 5659. 6) VIII, №№ 5518,, 5567, 5662 и 5860. 7) VШ, №№ 5522 и 5598. 8) VШ, №№ 5504, 5505 и 5593, Соловьевъ, XIX, 285 с. 9) VШ, №№ 5086, 5594, 5620, 5644 и 5832.

ціативѣ возстановлена должность рекетмейстера въ сенатѣ [1]). Для избѣжанія несправедливыхъ рѣшеній въ судахъ сенатъ приказалъ „спорныя дѣла слушать при истцахъ и отвѣтчикахъ“ [2]). Сенатъ разрѣшаетъ въ качествѣ первой судебной инстанціи отдѣльные казусы. Такъ въ іюнѣ 1731 г. онъ производитъ дознаніе по дѣлу о непослушаніи бывшаго генералъ-лейтенанта Румянцева, отказавшагося въ „несвойственныхъ выраженіяхъ“, оскорбительныхъ для нѣмцевъ, отъ должности президента штатсъ-конторы. Сенатъ приговариваетъ его къ смертной казни и конфискаціи имущества [3]). Въ промежутокъ времени отъ возстановленія Анной Ивановной сената до оффиціальнаго учрежденія кабинета сенату принадлежало участіе въ законодательной дѣятельности. Такъ въ это время былъ изданъ въ немъ подробный регламентъ для камеръ-коллегіи [4]). По представленію сената бергъ-коллегія и мануфактуръ-контора были соединены съ коммерцъ-коллегіей въ виду того, что отъ раздѣленія ихъ „никакой пользы не было, кромѣ казеннаго убытка, и въ дѣлахъ затрудненія, и между ними излишней переписки“ [5]). По докладу сената былъ измѣненъ законъ о маіоратѣ [6]). Сенатъ занимается составленіемъ новаго уложенія [7]) и вопросами о равномѣрномъ уравненіи жалованья между военными и статскими чиновниками [8]) и регулированіи сбора подушныхъ денегъ съ крестьянъ, который былъ порученъ, какъ и при Петрѣ I, военнымъ чинамъ [9])

Сенатъ при Аннѣ Ивановнѣ не могъ долго сохранить своего первенствующаго значенія въ государственномъ управленіи. Какъ коллегіальное учрежденіе, состоящее изъ множества членовъ, сенатъ не могъ быть совѣтомъ при государынѣ, съ помощью котораго она рѣшала бы важнѣй-

---

1) VIII, № 6534. 2) VIII, № 5689. 3) Ле-Фортъ, С. Р. И. О., V, 429 с. 4) VIII, №№ 5789 и 5795. 5) VIII, № 5860. 6) VIII, № 5653. 7) VIII, №№ 5467, 5567 и 5577. 8) VIII, № 5806. 9) 1-е П. С. З., VIII, № 5789.

шія государственныя дѣла [1]). Часть ихъ—тайныя судебныя дѣла были еще въ мартѣ 1731 г. изъяты изъ вѣдомства сената и подчинены канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ [2]). Сенатъ, какъ многочисленное коллегіальное учрежденіе, не могъ удовлетворять потребности въ быстрыхъ административныхъ мѣрахъ, въ которыхъ такъ нуждалась обширная область внутренняго управленія, развившагося со времени Петра I [3]). Въ виду этихъ обстоятельствъ мѣсто сената въ управленіи скоро занялъ вновь организованный (10 ноября 1731 г.) императрицей *Кабинетъ*, начавшій дѣйствовать фактически съ первымъ же дней царствованія Анны Ивановны. Кабинетъ явился въ одно и тоже время государственнымъ совѣтомъ и министерствомъ, хотя сенатъ и продолжалъ заниматься послѣ его учрежденія многими вопросами внутренняго управленія. Князь Щербатовъ замѣчаетъ по поводу учрежденія кабинета, что „Анна Ивановна была любительница порядка и благоустройства, ничего спѣшнаго и безъ совѣту искуснѣйшихъ людей государства не начинала, отчего всѣ ея узаконенія ясны и опредѣленны“. Щербатовъ относится одобрительно къ самому учрежденію кабинета, гдѣ „одинъ другому каждый мысли свои изъяснялъ и осмѣливался самой государынѣ при докладахъ противорѣчить“ [4]) Значеніе совѣта придаетъ кабинету и фельдмаршалъ Минихъ, игравшій такую важную роль въ управленіи при Аннѣ Ивановнѣ. По его словамъ, кабинетъ былъ образованъ съ цѣлью „наполнить пустоту между верховной властью и сенатомъ“, завѣдовалъ важнѣйшими государственными дѣлами и посылалъ именные указы сенату и другимъ присутственнымъ мѣстамъ [5]). Сынъ Миниха назы-

---

1) Дмитріевъ, 52—53 с., Соловьевъ, XIX, 328 с. 2) П. С. З., VIII, №№ 5727 и 5738. 3) Дмитріевъ, 51 с. 4) Щербатовъ, ibidem, 51 и 53 с. „Искуснѣйшіе люди государства“, подававшіе совѣты Аннѣ Ивановнѣ въ кабинетѣ были, конечно, ея любимцы изъ нѣмцевъ; русскіе же „вельможи учинились при ней, по словамъ Щербатова же, не совѣтниками, но дакальщиками государевыми и его любимцевъ“ (ibidem): 5) Записки Миниха (отца), 44 с. Необходимо замѣ-

ваетъ кабинетъ тайнымъ совѣтомъ [1]). Манштейнъ, Бюшингъ и Германнъ замѣчаютъ, что кабинетъ при Аннѣ Ивановнѣ былъ учрежденъ вмѣсто упраздненнаго Верховнаго Тайнаго Совѣта, что въ кабинетѣ сосредоточилось „главное правленіе всѣми наиважнѣйшими государственными дѣлами, безъ его согласія не могло быть рѣшено ничего и нигдѣ", и что кабинетъ посылалъ указы сенату и другимъ коллегіямъ [2]). Графъ Сперанскій говоритъ, что „кабинетъ, учрежденный 10 ноября 1731 г, вмѣсто Верховнаго Тайнаго Совѣта, вступилъ во всѣ почти права его и сохранилъ ихъ до 1741 г." [3]). Сходство кабинета съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ выражается до нѣкоторой степени въ ихъ составѣ, но еще болѣе функціяхъ кабинета и его отношеніяхъ къ сенату и другимъ учрежденіямъ. Кабинетъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ самой царицы изъ канцлера, графа Головкина, князя Черкасскаго и графа Остермана. Впослѣдствіи въ числѣ его членовъ были Ягужинскій и А. П. Волынскій, сдѣлавшійся въ одно время даже „единственнымъ докладчикомъ по дѣламъ кабинета" [4]). Но при первоначальномъ его образованіи главнымъ руководителемъ и его душею былъ Остерманъ [5]), который вмѣстѣ съ Бирономъ и Левенвольде составляли при императрицѣ тріумвиратъ вліятельнѣйшихъ въ управленіи нѣмцевъ [6]). Головкинъ и Черкасскій участво-

---

тить, что „Записка" Миниха была составлена (въ 1763 г.) имъ по порученію Екатерины II съ цѣлью доказать необходимость учрежденія государственнаго совѣта, которымъ пополнялась бы, по выраженію Миниха, пустота между верховною властью и сенатомъ (предисл., XVII с.). Намъ еще придется говорить въ послѣдствіи объ этомъ проектѣ Миниха. 1) Записки Миниха (сына), 29 с. 2) Манштейнъ, 1, 57 с., Büsching, 1Theil, 21 s., Herrmann, IV, 551 s. 3) Сперанскій: „О государственныхъ установленіяхъ", 28 с.. „Совѣщательныя соображенія", которыя составляютъ, по словамъ графа Сперанскаго, существо нашихъ законодательныхъ установленій, съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, измѣненіемъ его силы и имени въ замѣняющихъ его учрежденіяхъ (Кабинетѣ и др.) раздѣлялись между ними и сенатомъ съ 1726 г. по 1801 г." (ibidem, 36—37 с.). 4) Корсаковъ: „А. П. Волынскій" (Др. и Нов. Россія, II, 223 с.). 5) Записки Миниха (отца), 44—46 с. 6) Ле-Фортъ, 432 и 436 с.. Записки Миниха (сына), 27—29 с.

вали въ кабинетѣ только „для виду и изъ угожденія къ народу“, русской аристократической партіи [1]), которая при Аннѣ Ивановнѣ лишилась главныхъ своихъ предводителей (князей Голицыныхъ и Долгорукихъ) и должна была уступить свое мѣсто въ управленіи нѣмцамъ [2]). Составъ кабинета былъ, слѣдовательно, также аристократическій; только въ немъ не было представителей русскихъ знатнѣйшихъ фамилій съ ихъ преданіями о своемъ прежнемъ, теперь невозвратно минувшемъ политическомъ значеніи. Между кабинетомъ и Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ есть еще и то сходство, что въ первомъ учрежденіи также, какъ и въ последнемъ, обнаружилось сильное вліяніе на дѣла личнаго начала, которое дѣлало изъ обоихъ коллегіальныхъ учрежденій орудіе личныхъ цѣлей его членовъ [3]). Значеніе Кабинета въ высшемъ русскомъ управленіи XVIII ст., однако, не исчерпывается однимъ этимъ личнымъ его значеніемъ. Кабинетъ былъ преемникомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта во всѣхъ его функціяхъ и ближе подходилъ по характеру своей дѣятельности къ монархическому государственному совѣту, нежели Верховный Тайный Совѣтъ, бывшій за все время своего существованія преимущественно органомъ русской аристократіи. Высшій правительственный авторитетъ кабинета выражался въ томъ, что его указы, подписанные тремя кабинетъ-министрами, получали силу именныхъ повелѣній [4]), точно также, какъ указы Верховнаго Тайнаго Совѣта, подписанные всѣми его членами, признавались равносильными повелѣніямъ императрицы Екатерины I [5]). Кабинетъ, какъ и совѣтъ, обладалъ всѣми правами власти: въ немъ обсуждались всѣ новыя законодательныя мѣры; изъ него же ис-

---

1) Ле-Фортъ, 437 с. 2) Herrmann, IV, 551 s., Ле-Фортъ, 446 и 450 с., Соловьевъ, XIX, 326—328 с., Яблочковъ, 431 с. 3) Градовскій: „Высшая администрація Россіи въ XVIII ст.“, 150 с. и сл. 4) П. С. З., IX, № 6745 и X № 7146. 4) Карновичъ, I, 222 с.

ходили высочайшія повелѣнія по дѣламъ всякаго рода. Кабинетъ контролировалъ дѣйствія всѣхъ учрежденій и принималъ дѣятельное участіе во всемъ управленіи государствомъ [1]). Кабинетъ былъ образованъ „для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, собственному Е. В. всемилостивѣйшему рѣшенію подлежащихъ“ [2]). Есть и еще одна общая черта въ политическомъ положеніи Кабинета и Верховнаго Тайнаго Совѣта, сближающая оба эти учрежденія. Какъ и послѣ появленія совѣта, при оффиціальномъ учрежденіи кабинета власть сената значительно упала [3]) Сенатъ долженъ былъ наравнѣ съ синодомъ, коллегіями и канцеляріями подавать въ кабинетъ ежемѣсячныя вѣдомости „объ успѣхѣ въ теченіи дѣлъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и о колодникахъ“ [4]). „Сенатъ, говоритъ Минихъ (отецъ), обратился при существованіи Кабинета въ ничто. Старые сенаторы, какъ напримѣръ, князь Д. М. Голицынъ и другіе, недовольные учрежденіемъ кабинета, никогда не ѣздили въ сенатъ, отговариваясь болѣзнью. Въ сенатѣ присутствовало только два лица: кригсъ-коммиссаръ Новосильцевъ и Сукинъ, который былъ обвиненъ въ лихоимствѣ. Фельдмаршалъ Трубецкой являлся въ сенатъ изрѣдка или по своимъ частнымъ дѣламъ, или же, чтобы выказать тамъ все свое ничтожество. Въ видахъ Остермана и Черкасскаго было, добавляетъ Минихъ, чтобы въ сенатѣ присутствовали только лица, ничего незначущія“ [5]). Въ сенатѣ, слѣдовательно, еще жили традиціи объ его важной роли въ управленіи, которую онъ занималъ при Петрѣ I. Это видно, между прочимъ, и изъ того, что сенатъ не хотѣлъ сразу стать „въ вассальныя отношенія къ кабинету“ [6]) и долго отказывался признавать его верховенство въ управленіи [7]). Но потомъ сенатъ долженъ былъ подчиниться ка-

1) Дмитріевъ, 51 с. 2) П. С. З., VIII, № 5871. 3) Ле-Фортъ, С. Р. И. О., V, 437—439 с. 4) П. С. З., VIII, № 5871, IX, №№ 6952, 7095 и 7114. 5) Записки Миниха (отца), 46 и 64 с., Büsching, 1 Theil, 21 s. 6—7) Градовскій, 154 с.

бинету, куда отсылались прямо всѣ пакеты на Высочайшее имя [1]). Сенатъ долженъ былъ доставлять въ кабинетъ срочныя вѣдомости о денежной казнѣ [2]) и копіи съ получаемыхъ вѣстей о пожарахъ [3]). Кабинетъ сообщалъ сенату свои резолюціи, посылаемыя имъ прямо въ разныя присутственныя мѣста, а о дѣлахъ, подлежащихъ тайнѣ, даже не считалъ нужнымъ увѣдомлять сенатъ [4]) Въ 1736 г. сенатъ подвергся новому униженію: въ это время былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ самой императрицы Высшій Судъ по дѣлу князя Кантеміра, который жаловался на неправильное его рѣшеніе сенатомъ. Судъ списывался съ кабинетомъ сношеніями, а въ сенатъ, коллегіи и прочія мѣста посылалъ указы [5]). Вышній судъ нашелъ рѣшеніе сената неправильнымъ, хотя обвинилъ въ этомъ одного сенатскаго оберъ-секретаря, который „не представлялъ сенаторамъ о неправильности ихъ разсужденій и не записалъ своихъ представленій въ журналъ“ [6]). Въ 1737 г. коллегіи получили право штрафовать губернаторовъ, не докладывая объ этомъ сенату [7]). Въ томъ же году губернаторамъ предоставлено право безъ сношеній съ сенатомъ опредѣлять воеводъ и ихъ товарищей, „дабы въ дѣлахъ не было остановки, а по опредѣленіи писать въ сенатъ“ [8]). Но не смотря на эти явные признаки паденія власти сената, его значеніе въ управленіи возрастаетъ вновь, начиная съ того-же 1737 года. Въ 1737—1739 гг. начинается видимое сближеніе сената съ кабинетомъ: въ это время появляются „генеральныя собранія“, которыя составлялись изъ

Въ подлинныхъ дѣлахъ кабинета, хранящихся въ Архивѣ М. И. Дѣлъ въ Москвѣ, есть „Записная книга указамъ кабинета съ 12 іюня 1735 г., исходящимъ и приходящимъ въ кабинетъ доношеніямъ и рапортамъ“. Графа, отведенная для доношеній изъ сената и коллегій, пуста, между тѣмъ какъ другая графа приказаній кабинета сенату и коллегіямъ, полна его указами (подлинныя дѣла кабинета, 12 связка). Сенатъ сталъ присылать доношенія въ кабинетъ только съ 1736 г. (см. 26, 43 связки и др.).—1) П. С. З., IX, № 7059. 2) XI, № 8027. 3) X, № 7270 4) XI, №№ 8109, 8153 и др. 5) IX, № 7113. 6) X, № 7143. 7) IX, № 7240. 8) X, 7328.

членовъ кабинета, сенаторовъ и особыхъ лицъ, назначаемыхъ императрицей. Въ этихъ „генеральныхъ собраніяхъ" обсуждались разные вопросы государственнаго управленія[1]). Число „генеральныхъ собраній" увеличивается въ 1738—1739 гг. когда ослабляется вліяніе Остермана и усиливается значеніе въ кабинетѣ русской партіи (А. П. Волынскаго и др.). На 1737—1739 г.г. падаетъ необычайное развитіе дѣятельности кабинета, что находилось въ нѣкоторой связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время (въ 1739 г.) кабинетъ получилъ болѣе правильную организацію: „въ виду лучшаго отправленія дѣлъ" онъ былъ раздѣленъ на три департамента или экспедиціи (внутреннюю, иностранную и секретную экспедицію) и его канцелярія получила болѣе лучшее устройство[2]). Волынскій, пользовавшійся тогда большимъ значеніемъ при Аннѣ Ивановнѣ, думаетъ о томъ, чтобы подчинить контролю кабинета три первыхъ коллегіи (военную, адмиралтейскую и коллегію иностранныхъ дѣлъ), которыя при самомъ учрежденіи кабинета сдѣлались отъ него независимыми точно также, какъ это произошло и при образованіи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Волынскій предполагалъ ввести въ кабинетъ сенаторовъ и тѣмъ, отчасти, поднять упавшее съ 1731 г. значеніе сената въ управленіи[3]). Но сенатъ поднимается самъ въ концѣ царствованія Анны Ивановны, не смотря на то, что проэктъ Волынскаго не былъ выполненъ. Признаками увеличивающагося его могущества является учрежденіе (въ 1738 г.) должности оберъ-прокурора, обязаннаго наблюдать за дѣлопроизводствомъ и порядкомъ въ сенатѣ и коллегіяхъ, и вторичное возстановленіе должности генералъ-прокурора, исчезнувшей съ образованіемъ кабинета[4]). Теперь въ сенатъ должны были присылаться всѣ указы, исходящіе отъ императрицы и кабинета[5]). Всѣ коллегіи, не

1) Корсаковъ, ibidem, 220 с., Градовскій, 160 с. 2) П. С. З., X, № 7907. 3) Корсаковъ, ibidem, 222 с. 4) Градовскій, 158 с. 5) П. С. З., X, №№ 7558, 7486, 7621 и 7815, XI, №№ 8109, 8153 и 8584.

исключая и первыхъ трехъ, подчиняются сенату, къ которому они обращаются за разрѣшеніемъ дѣлъ въ сомнительныхъ случаяхъ [1]). Причина такого измѣненія въ отношеніяхъ сената къ кабинету, выгоднаго для перваго, скрывалась, очевидно, въ противодѣйствіи нѣмцамъ въ кабинетѣ русской партіи (Волынскаго и др.), которое выразилось въ усиленіи вліянія на все управленіе Волынскаго, много работавшаго надъ вопросомъ объ организаціи кабинета и сената, и обширномъ заговорѣ нѣкоторыхъ русскихъ дворянскихъ родовъ противъ господства нѣмцевъ въ управленіи. Въ этотъ заговоръ были замѣшаны многіе члены фамиліи Долгорукихъ, истребленные господствующею партіей [2]).

Въ сферу дѣятельности кабинета при Аннѣ Ивановнѣ входило обсужденіе многихъ настоятельныхъ вопросовъ общественной жизни и принятіе важнѣйшихъ мѣръ по управленію государствомъ, которое велось Остерманомъ и другими нѣмцами въ духѣ реформъ Петра I. Положимъ, кабинетъ занимался преимущественно военными и иностранными дѣлами [3]). Но и Верховный Тайный Совѣтъ посвящалъ немало времени разсмотрѣнію дѣлъ этого рода, какъ впослѣдствіи—конференція и совѣты при Екатеринѣ II и Павлѣ I, къ компетенціи которыхъ относились и всѣ дѣла внутренняго управленія государствомъ. Особенное вниманіе всѣхъ высшихъ русскихъ учрежденій (Верх. Тайн. Совѣта, Кабинета

1) П. С. З., XI, №№ 8295 и 8297. 2) Германнъ, С. Р. И. О., V, 404—407 с., La cour de Russie, 55 p. 3) Въ подлинныхъ протоколахъ засѣданій кабинета, составляющихъ 145 связокъ, военныя и иностранныя дѣла занимаютъ 9/10 всего ихъ количества. Даже въ періодъ времени 1737—1739 г., отъ котораго осталось наибольшее число дѣлъ кабинета (81 связка), внутреннія дѣла мало занимаютъ кабинетъ. Такъ, напр., въ протоколахъ за 1737 годъ среди разнаго рода военныхъ дѣлъ и инструкцій кабинета полномочнымъ русскимъ министромъ на турецкомъ конгрессѣ въ Немировѣ мы находимъ только: представленіе барона Шемберга въ „кабинетное министерство“ о горныхъ и рѣдкостныхъ дѣлахъ, указъ кабинета къ нему, какъ генералъ-бергъ-директору, дѣло о пожалованіи „маетности“ Васагофену и инструкцію чиновникамъ, отправленнымъ кабинетомъ для освидѣтельствованія тѣла какого-то умершаго дьячка (143 св.).

и др.) XVIII столѣтія къ внѣшнимъ дѣламъ вытекало изъ того обстоятельства, что въ это время русское правительство должно было прилагать много заботъ къ поддержанію своего политическаго авторитета между европейскими государствами, въ среду которыхъ русское государство вступило дѣятельнымъ членомъ со времени Петра I. Необыкновенное развитіе политическаго могущества, достигнутаго Россіей въ XVIII вѣкѣ, было одной изъ главныхъ задачъ дѣятельности всѣхъ русскихъ государей XVIII столѣтія, которымъ въ этомъ случаѣ помогали всѣ высшія правительственныя учрежденія съ значеніемъ государственнаго совѣта. Но занятія иностранными дѣлами не мѣшали послѣднимъ обращать свое вниманіе и на внутреннее управленіе государства. Такъ кабинетъ при Аннѣ Ивановнѣ принимаетъ мѣры для лучшей организаціи состава сената, коллегій и канцелярій[1]) и издаетъ указъ о должности губернскаго прокурора, который долженъ былъ подъ угрозой строгаго наказанія „смотрѣть накрѣпко, дабы губернаторы съ товарищи должность свою хранили и ревностно всѣ дѣла порядочно отправляли“ [2]). Въ 1737 г. кабинетъ предоставилъ коллегіямъ право штрафовать губернаторовъ, которые должны были „прилично и рачительно поступать въ порученныхъ имъ дѣлахъ“ [3]). Кабинетъ опредѣляетъ жалованье товарищамъ губернаторовъ и вице-губернаторамъ[4]) и поручаетъ губернаторамъ самимъ опредѣлять воеводъ и ихъ товарищей, „дабы въ дѣлахъ не было остановки“[5]). Въ кабинетѣ издается манифестъ (въ 1736 г.) объ ограниченіи срока военной службы шляхетства 25 годами, котораго оно добивалось еще въ 1730 г.[6]). Дополненіемъ къ этому манифесту былъ указъ о регулированіи смотровъ недорослей изъ дворянъ и объ экзаменахъ для полученія офицерскаго чина[7]). Главнымъ предметомъ заботъ кабинета было упоря-

1) П. С. З., X, 7201. 2) IX, № 6475. 3) X, № 7240. 4) IX, № 6870. 5) X, № 7328. 6) IX, № 7142. 7) X, № 7171.

доченіе взиманія и увеличеніе государственныхъ доходовъ, необходимыхъ для содержанія арміи и флота при тѣхъ тяжелыхъ войнахъ, которыя велись Россіей въ царствованіе Анны Ивановны. Съ цѣлью ввести порядокъ въ сборѣ доходовъ и отчетности въ ихъ расходованіи кабинетъ возстанавливаетъ ревизіонъ-коллегію и снабжаетъ ее регламентомъ, въ силу котораго коллегія должна была имѣть „вышнюю дирекцію“ въ обревизованіи всѣхъ счетовъ, начиная съ 1732 года [1]), Счеты съ 1719 по 1732 г. должна была провѣрить вновь учрежденная генеральная счетная коммиссія [2]), которая вскорѣ была замѣнена особой конторой при ревизіонъ-коллегіи [3]). Взысканіе недоимокъ съ 1720—1732 г.г. было возложено кабинетомъ на вновь образованный доимочный приказъ, присоединенный потомъ къ канцеляріи конфискаціи [4]). Кабинетъ разсматривалъ подробно вопросъ объ увеличеніи податей съ ясачныхъ крестьянъ [5]) и о способахъ уплаты жалованья гражданскимъ чиновникамъ [6]). Кабинетъ завѣдовалъ коммиссіями, учрежденными для обревизованія счетовъ кригсъ-коммиссаріата и провіантской канцеляріи [7]). Сенатъ долженъ былъ представлять въ кабинетъ черезъ каждыя двѣ недѣли вѣдомости о состояніи „денежной казны“ [8]), а коммерцъ-коллегія отсылать къ нему пошлины, собираемыя съ паспортовъ [9]). Кабинетъ заботится о порядкѣ сбора рекрутъ [10]). Два раза въ годъ въ него доставляются табели о комплектномъ состояніи полковъ и аммуничныхъ вещахъ [11]). Съ цѣлью приведенія въ „добрый порядокъ“ флота была учреждена подъ дирекціей графа Остермана особая коммиссія [12]), а адмираламъ и вице-адмираламъ вмѣнено въ обязанность представлять въ кабинетъ письменныя мнѣнія о лучшемъ

---

1) П. С. З., IX, № 6391. 2) IX, № 6392. 3) IX, № 6863. 4) IX, №№ 5412, 6450, 6676, 6849 и 6880. 5) Соловьевъ, XX, 191—195 с 6) П. С. З., IX, № 7107 и X, №№ 7812 и 7813. 7) VIII, № 6155. 8) XI, № 8027. 9) XI, № 8174. 10) Соловьевъ, XX, 182—183 с. 11) П. С. З., IX, № 6833. 12) VIII, № 5937.

содержаніи флота[1]). Для разведенія карабельныхъ лѣсовъ, ихъ сохраненія и порядка рубки кабинетъ издаетъ особую инструкцію[2]). Кабинетъ занимаетъ усиленіе промышленности въ странѣ[3]) и развитіе въ Россіи горнаго дѣла, для чего былъ изданъ (въ 1739 г.) кабинетомъ бергъ-регламентъ[4]). Кабинетъ обращалъ вниманіе также на состояніе земледѣлія и народнаго благосостоянія. Такъ ему доставлялись вѣдомости о цѣнѣ хлѣба[5]) и пожарахъ въ имперіи[6]). Въ отношеніи къ крестьянскому населенію кабинетъ принимаетъ нѣкоторыя мѣры, главнымъ образомъ, въ виду исправной уплаты крестьянами податей и взысканія съ нихъ недоимокъ[7]). Кабинетъ заботится объ общественной безопасности[8]). Ему представлялись изъ сената ежемѣсячныя вѣдомости о колодникахъ[9]), Кабинету же приносились жалобы не только на медленность судопроизводства, но и на несправедливость судебныхъ рѣшеній[10]). Иногда же самъ кабинетъ выступалъ въ качествѣ первой[11]) или же апелляціонной инстанціи въ судебныхъ дѣлахъ[12]).

Такимъ образомъ, кабинетъ при Аннѣ Ивановнѣ былъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ сосредоточивались законодательство, управленіе и, отчасти, судебныя дѣла. Послѣдними, впрочемъ, завѣдовалъ преимущественно сенатъ, которому остались и нѣкоторыя административныя дѣла. Необходимо замѣтить, что вообще трудно провести опредѣленную границу между вѣдомствомъ кабинета и сената при Аннѣ Ивановнѣ. Въ теченіе первой половины XVIII ст. еще не было опредѣленныхъ представленій объ

---

1) П. С. З., VIII, № 5939. 2) VIII, №№ 6027, 6048, 6049, 6111 и 6114. 3) IX, №№ 6546, 6551, 6858, 7060, X, № 7813, XI, № 8186. 4) X, №№ 7589 и 7766; Соловьевъ, XX, 193—208 с. 5) П. С. З., X, №№ 7238 и 7396. 6) X, № 7270. 7) VIII, № 6177, IX, №№ 6453, 6653, 6682 и 6951. 8) IX, № 6645. 9) IX, №№ 6952, 7095, 7114 10) Градовскій, 164 с. 11) Подл. протоколы засѣданій кабинета, 43 с язка. 12) См дѣло князя Кантеміра, П. С. З., IX, № 7113.

особенностяхъ каждой изъ главныхъ функцій управленія, требовавшихъ и своеобразной организаціи разныхъ высшихъ установленій, и всѣ онѣ находились во многихъ учрежденіяхъ въ безпорядочномъ, смѣшанномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, хотя законодательство и принадлежало кабинету, но въ тоже время и сенатъ продолжалъ заниматься составленіемъ новаго уложенія[1]). Сенатъ на ряду съ кабинетомъ заботится о лучшей организаціи служилаго сословія[2]), издаетъ указы вообще о сношеніяхъ между собой различныхъ коллегій и канцелярій[3]). Сенатъ обладаетъ правомъ разрѣшать затрудненія въ дѣлахъ, которыя коллегіи не могли устранить[4]). Сенатъ вмѣстѣ съ кабинетомъ принимаетъ общія полицейскія мѣры и вѣдаетъ подробности мѣстнаго управленія[5]). Не смотря, однако, на нѣкоторое совпаденіе правъ кабинета и сената въ управленіи, несомнѣнно, что кабинетъ при Аннѣ Ивановнѣ стоялъ во главѣ всей администраціи, а участіе сената въ законодательствѣ было совершенно случайно; сенатъ былъ лишенъ въ это время не только административной инициативы, но и права верховнаго надзора надъ управленіемъ[6]), который принадлежалъ кабинету[7]). Первыя три коллегіи не были подчинены сенату, такъ какъ ихъ президенты были членами кабинета[8]). Впрочемъ, эти коллегіи сохранили независимое положеніе даже и по отношенію къ самому кабинету. Особенно возвысилась военная коллегія, которою управлялъ фельдмаршалъ Минихъ. Она получила право не исполнять сенатскіе указы въ случаѣ противорѣчія ихъ съ именными[9]). Доклады и производство въ полковники и высшіе чины стали подаваться изъ военной коллегіи прямо императрицѣ помимо сената и кабинета[10]). Воен-

1) П. С. З., VIII, №№ 5567 и 5654. 2) X, №№ 7171, 7201, 7410, 7726, XI, №№ 8043 и 8195. 3) X, №№ 7240, 7439, 7478, 7485 и 7505. 4) IX, № 6758. 5) Градовскій, 156—158 с. 6 и 8) Дмитріевъ, 52 с., Записки Миниха (сына), 98 с. 7) П. З. З., VIII, №№ 5869, 5871 и 5872. 9) VIII, № 6176. 10) VIII №№ 5920, 6155, 6178 и 6299.

ная коллегія начала дѣлать распоряженія и по иностраннымъ дѣламъ безъ сношенія съ коллегіей иностранныхъ дѣлъ, что, наконецъ, вызвало запрещеніе подобнаго образа дѣйствій со стороны военной коллегіи [1]). Въ независимомъ положеніи трехъ первыхъ коллегій, какое онѣ заняли съ перваго же момента ихъ основанія по отношенію сначала къ сенату [2]), а потомъ Верховному Тайному Совѣту и кабинету проявилось, съ одной стороны, сильное дѣйствіе личнаго начала въ высшемъ русскомъ управленіи XVIII ст., а съ другой выразилась, хотя и смутно, идея о раздѣленіи функцій власти между отдѣльными учрежденіями [3]).

Кабинетъ при Аннѣ Ивановнѣ не былъ популяренъ въ странѣ [4]), хотя „дѣла въ немъ шли надлежащимъ порядкомъ“ [5]). Причина недовольства дѣятельностью кабинета заключалась въ господствѣ въ немъ и во всемъ тогдашнемъ управленіи иноземцевъ, думавшихъ болѣе о достиженіи своихъ личныхъ цѣлей, нежели о благосостояніи всего народа, который страшно разоряли громадные расходы на веденіе войнъ и лихоимство Бирона, неостанавливавшагося предъ жестокими и мучительными наказаніями за неплатежъ недоимокъ [6]). Но и послѣ смерти Анны Ивановны кабинетъ не только не теряетъ своей главной роли въ управленіи, но еще болѣе выигрываетъ во власти, становится настоящимъ центромъ всей администраціи. Въ правленіе герцога *Бирона* (17 окт.—8 ноября 1740 г.) и слабой и неопытной въ дѣлахъ управленія принцессы брауншвейгъ-люнебургской, *Анны Леопольдовны* (8 ноября 1740 г.—25 ноября 1741 г.), къ сыну которой, Ивану Антоновичу перешелъ русскій престолъ съ низверженіемъ регента Бирона, кабинетъ „принялъ было, по

---

1) П. С. З., VIII, № 6911. 2) Сперанскій, ibidem, 24 с. 3) Градовскій, 194 с. 4) Записки Миниха (отца), 46 с., Ле-Фортъ, С. Р. И. О., V, 439 с. 5) Щербатовъ, п. с., 53 с. 6) Замѣчанія на Записки Манштейна въ Запискахъ Миниха (сына), 173—174 с., Корсаковъ, ibidem, 218 с.

словамъ графа Н. И. Панина, такую форму, которая могла произвесть государево общее обо всемъ попеченіе"[1]), а на самомъ дѣлѣ „обратился въ дѣйствительнаго, безконтрольнаго правителя имперіи, прикрытаго именемъ императора и правительницы"[2]). Какъ и ранѣе, въ кабинетѣ коллегіальное начало уступало единоличному, представителемъ котораго былъ сначала фельдмаршалъ Минихъ, получившій за свои заслуги при воцареніи Ивана Антоновича званіе „перваго министра въ Е. И. В. консиліяхъ", то есть, въ кабинетѣ[3]). Хитрый и честолюбивый Остерманъ, нежелавшій уступить Миниху первенства въ управленіи государствомъ, съумѣлъ скоро устранить его „съ своего пути" и снова „стать полновластнымъ хозяиномъ въ государственномъ управленіи"[4]). Кабинетъ назывался теперь „консиліями Е. И. В."[5]), обладалъ, слѣдовательно, значеніемъ государственнаго совѣта и получилъ болѣе стройную организацію. По предложенію Миниха и Остермана[6]) онъ былъ раздѣленъ на три департамента: военный, порученный Миниху, морской и иностранный—Остерману и департаментъ внутреннихъ дѣлъ—князю Черкасскому и графу Головкину. Кабинетъ-министры (члены Кабинета) должны были разсматривать только тѣ дѣла, „кои до рѣшенія кабинета касаются". „Буде же которому департаменту случится, говорится въ указѣ, такое важное дѣло, которое требуетъ неотмѣннаго общаго разсужденія, а

---

1) Докладъ графа Н. И. Панина Екатеринѣ II (Рус. Архивъ, 1871, IX, 1414 с.). 2) Пестовъ: „Императорскій кабинетъ съ 17 окт. 1740 г. по 25 нояб. 1741 г.", Архивъ Мин. Юст., II, Москва, 1886, 4 с., Градовскій, 161 с. 3) Записки Миниха (отца), 71 с. 4) Пестовъ, ibidem, Градовскій, ibidem. 5) Пестовъ, 5—6 с. 6) Участіе Остермана въ образованіи кабинета доказывается оставшеюся послѣ него запискою: „Объ управленіи Россіи", гдѣ авторъ, между прочимъ, предлагаетъ „учредить 4 дня въ недѣлѣ для Совѣта, изъ коихъ одинъ или два трактовать объ иностранныхъ, а прочіе дни—о внутреннихъ дѣлахъ, приглашать въ совѣтъ изъ сената, военной и адмиралтейской коллегій нѣсколькихъ по обстоятельству дѣлъ членовъ для отвращенія вредной зависти и рѣшать дѣла по законамъ и учрежденіямъ" (Архивъ князя Воронцова, XXIV, 1—5 с.).

одному на мѣрѣ положить невозможно, о таковомъ тотчасъ учинять общій совѣтъ"[1]). Но и все, что рѣшалось въ каждомъ отдѣльномъ департаментѣ, вносилось затѣмъ на разсмотрѣніе общаго присутствія всѣхъ членовъ кабинета, послѣ чего изготовлялся соотвѣтствующій указъ[2]). При кабинетѣ была образована вновь должность „придворнаго рекетмейстера", который былъ обязанъ принимать и разсматривать всѣ челобитныя, подаваемыя на Высочайшее имя[3]). Но взяточничество перваго придворнаго рекетмейстера, полковника Феніна заставило кабинетъ уничтожить эту должность и возстановить прежній порядокъ подачи прошеній прямо въ кабинетъ[4]). Дѣла поступали въ кабинетъ, разсматривались и рѣшались здѣсь опредѣленнымъ порядкомъ[5]). Исполненіе рѣшеній кабинета лежало на обязанности его канцеляріи, состоящей изъ опредѣленнаго числа членовъ (канцеляріи совѣтниковъ, тайнаго кабинетъ-секретаря и др.[6]). Кабинетъ при Иванѣ Антоновичѣ былъ законодательнымъ, административнымъ и судебнымъ учрежденіемъ и завѣдовалъ также и иностранными дѣлами.

Въ дѣлѣ законодательства кабинету принадлежала иниціатива, обсужденіе и окончательное рѣшеніе, редакція новыхъ законовъ, какъ и разъясненіе смысла старыхъ[7]). Кабинетъ обратилъ особенное вниманіе на реорганизацію различныхъ государственныхъ учрежденій: сената, синода и разныхъ коллегій и канцелярій[8]). Кабинетъ опредѣлялъ размѣры разныхъ налоговъ и сборовъ[9]), слагалъ недоимки и назначалъ оклады жалованья чиновникамъ[10]). Отъ кабинета зависѣло замѣщеніе всѣхъ должностей какъ въ высшихъ, такъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ[11]), назначеніе разныхъ наградъ за службу чиновникамъ и пожалованіе привиллегій[12]). Ка-

---

1) П. С. З., XI, № 8326. 2) Записки Миниха (отца), 80 с., Büsching, 1 Theil, 30 s. 3) П. С. З., XI, № 8288. 4—12) Пестовъ, и. ст., стр.: 16—17, 121—136, 9—14, 18 и 22, 21, 91, 96—97 и сл. и 28—40 с.. При обозрѣніи дѣятельности кабинета при Иванѣ Антоновичѣ мы пользуемся статьею г. Пестова, состав-

бинетъ контролировалъ весь ходъ администраціи посредствомъ подчиненной ему прокуратуры (генералъ-прокурора сената, синодальнаго оберъ-прокурора и прокуроровъ другихъ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій). Въ виду этой же цѣли сенатъ долженъ былъ подавать въ кабинетъ еженедѣльные рапорты о дѣлахъ, рѣшенныхъ въ сенатѣ и подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ[1]). Частныя лица могли жаловаться кабинету на неправильныя дѣйствія разныхъ учрежденій и онъ самъ принималъ мѣры къ скорѣйшему разрѣшенію дѣлъ послѣдними[2]). Кабинетъ занимался также обсужденіемъ вопросовъ о содержаніи арміи и флота[3]) и финансовыми дѣлами—установленіемъ строгой предъ кабинетомъ денежной отчетности всѣхъ государственныхъ учрежденій и надлежащаго расходованія государственныхъ доходовъ[4]). Кабинетомъ же предпринимаются извѣстныя мѣры къ развитію торговли и промышленности, распространенію народнаго просвѣщенія[5]) и увеличенію матеріальнаго благосостоянія народа[6]). Вниманіе кабинета обращено на состояніе путей сообщенія (сухопутныхъ и водяныхъ), какъ и безопасность имуществъ отъ пожаровъ[7]). Къ его же вѣдомству относятся дѣла придворныхъ учрежденій[8]) и иностранныя[9]). Кабинетъ посылаетъ „повелительные указы“ въ синодъ, подчиненный ему наравнѣ съ другими учрежденіями[10]). Зависимость синода отъ кабинета выражалась въ назначеніи послѣднимъ епископовъ изъ кандидатовъ, представленныхъ синодомъ[11]), освобожденіи кабинетомъ духовенства отъ тѣлесныхъ наказаній[12]), разрѣшеніи кабинетомъ многихъ церковныхъ дѣлъ и разборѣ имъ жалобъ духовныхъ лицъ на расправу съ ними синода[13]). Въ послѣднемъ случаѣ „Императорскій Кабинетъ“ являлся апел-

---

ленною на основаніи подлинныхъ дѣлъ кабинета, хранящихся въ московскомъ Архивѣ Минист. Юстиціи, Полн. Собр. Законовъ, Исторіи Россіи Соловьева и по другимъ печатнымъ источникамъ.—1—3) Пестовъ, назв. статья, стр.: 46—47, 47—54, 58—63 и 86—92. 4—7) Ibidem, 92—113. 8—13) Ibidem, 69, 113—119, 287—288, 299—300, 303 и 65-68 с.

ляціонной инстанціей: онъ былъ высшимъ судебнымъ учрежденіемъ въ имперіи. Сенатъ долженъ былъ обращаться къ кабинету во всѣхъ затруднительныхъ судебныхъ случаяхъ, а также и тогда, когда виновнымъ грозило лишеніе ранга или же они заслуживали помилованія отъ смертной казни. Судебныя рѣшенія сената подлежали обжалованію предъ кабинетомъ, который не принималъ челобитныхъ на рѣшенія среднихъ и низшихъ судебныхъ инстанцій. Кабинету были подвѣдомственны вмѣстѣ съ канцеляріей тайныхъ розыскныхъ дѣлъ всѣ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, производство слѣдствій по особенно важнымъ уголовнымъ дѣламъ, всѣ дѣла о преступникахъ-иновѣрцахъ, разрѣшеніе вопросовъ о подсудности и всѣ процессуальные вопросы, освобожденіе изъ ссылки преступниковъ и возвращеніе конфискованныхъ имуществъ ихъ собственникамъ[1]).

Обширная дѣятельность кабинета при Иванѣ Антоновичѣ, въ которую входили всѣ функціи управленія, позволяетъ его сравнить съ кабинетомъ въ царствованіе Анны Ивановны и Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ: оба эти высшихъ правительственныхъ учрежденія также завѣдовали законодательствомъ, управленіемъ и судомъ. Изъ всѣхъ нихъ Верховный Тайный Совѣтъ имѣлъ аристократическій характеръ par excelence, между тѣмъ какъ тотъ и другой кабинеты подходили ближе къ типу монархическихъ государственныхъ совѣтовъ, хотя и съ нѣкоторымъ полуаристократическимъ оттѣнкомъ: въ обоихъ кабинетахъ засѣдали сановники изъ иностранцевъ (нѣмцевъ) и представителей русскихъ знатныхъ фамилій, неимѣвшіе какихъ-либо аристократическихъ традицій и склонные поддерживать самодержавную власть русскихъ государей. Сходство въ положеніи кабинета при Иванѣ Антоновичѣ съ обоими предшествовавшими ему высшими учрежденіями—Вер-

1) Пестовъ, 37—40 и 69—86 с.; Соловьевъ, XXI, 48—54 с.

ховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и кабинетомъ при Аннѣ Ивановнѣ заключается еще въ томъ, что по сравненію со всѣми ими сенатъ занималъ второстепенное мѣсто въ управленіи, былъ подчиненнымъ имъ учрежденіемъ. При Иванѣ Антоновичѣ сенатъ лишился даже многихъ изъ тѣхъ административныхъ правъ, какія онъ имѣлъ при Аннѣ Ивановнѣ, особенно въ послѣднее время ея царствованія. „Въ теченіе всего управленія Анны Леопольдовны рѣдко можно встрѣтить, говоритъ проф. Градовскій, сенатскій указъ—все было занято распоряженіями кабинета; послѣдній наполнилъ государство и присутственныя мѣста своими указами“ [1]). Значеніе сената не увеличилось отъ того, что число сенаторовъ было умножено [2]), и что „въ одно время думали даже возвратить сенату прежній блескъ, составивъ его по большей части изъ лицъ первѣйшихъ фамилій“. Самъ же маркизъ Шетарди, который приводитъ этотъ слухъ, замѣчаетъ, что „этотъ проэктъ хорошъ въ томъ отношеніи, что исполненіемъ его настоящее правительство надѣется пріобрѣсти себѣ могущественныхъ приверженцевъ“, но что онъ не можетъ быть выполненъ: тогда кабинетъ, „отъ котораго теперь исходитъ все, лишилъ бы себя власти, которая перейдетъ къ сенату“. Шетарди сомнѣвается, чтобы „Остерманъ, такъ долго работавшій надъ присвоеніемъ ея кабинету, захотѣлъ бы подчинить себя нѣкоторой зависимости тогда, когда успѣлъ все сдѣлать подвластнымъ себѣ“ [3]). На самомъ дѣлѣ сенатъ въ правленіе Анны Леопольдовны оставался не „правительствующимъ“, а „высокимъ“, такъ какъ онъ былъ вполнѣ подчиненъ кабинету, получалъ отъ него указы и отдавалъ ему отчетъ въ

---

1) Градовскій, 161–162 с. 2) Записки Миниха (отца), 80 с., Лазовскій: „Правительствующій сенатъ съ 17 окт. 1740 г. по 25 ноября 1741 г.“. Архивъ Мин. Юст., II, 142 с. Статья г. Лазовскаго также, какъ и—г. Пестова, основана на подлинныхъ дѣлахъ сената за указанное время. 3) Пекарскій: „Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи“, 289 с.

своихъ дѣйствіяхъ[1]). Сенатъ принималъ нѣкоторое участіе въ законодательствѣ, но роль его при этомъ была второстепенная: сенатъ только представлялъ кабинету о необходимости разъясненія или дополненія извѣстной статьи закона и обнародывалъ уже состоявшіеся въ кабинетѣ указы[2]). Сенатъ продолжалъ дѣло составленія новаго уложенія[3]). Въ сенатѣ же былъ выработанъ уставъ о банкротахъ[4]). Но центромъ всей его дѣятельности при Иванѣ Антоновичѣ были судебныя дѣла, которыя все болѣе и болѣе оттѣсняютъ на второй планъ административное значеніе сената[5]). Въ указѣ 27 ноября 1740 г. сенатъ называется „главнымъ департаментомъ, который долженъ о правосудіи и скорѣйшемъ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, не взирая на лица сильныхъ и никому не маня и не посягая, прилежное попеченіе имѣть“. Указъ порицаетъ сенатъ за „волокиту въ дѣлахъ бѣдныхъ челобитчиковъ“, предоставляетъ „въ отвращеніе медлительствъ и бѣднымъ челобитчикамъ волокитъ“ послѣднимъ подавать прошенія придворному рекетмейстеру Фенину и угрожаетъ сенату, коллегіямъ и канцеляріямъ, виновнымъ въ несправедливомъ рѣшеніи дѣлъ, штрафомъ „за нерадѣніе и волокиту“[6]). Въ томъ же 1740 г. была учреждена при сенатѣ особая коммиссія для рѣшенія неоконченныхъ дѣлъ[7]). Сенатъ долженъ былъ подавать кабинету еженедѣльныя вѣдомости о рѣшеніи дѣлъ въ немъ, коллегіяхъ и канцеляріяхъ[8]). Сенатъ является въ качествѣ первой инстанціи при обсужденіи преступленій по государственной службѣ и судебныхъ дѣлахъ, представленныхъ на его разсмотрѣніе кабинетомъ[9]). Какъ высшая инстанція, сенатъ разрѣшалъ всѣ дѣла, затруднявшія низшія инстанціи, и тѣ, которые восходили въ сенатъ въ аппелляціонномъ порядкѣ[10]). Кромѣ того, на обя-

---

1—3) Лазовскій, 137—139, 18 и 160 и 205—206 с. 4) П. С. З., XI, № 8300. 5) Градовскій, 161—162 с. 6—8) П. С. З., XI, №№ 8293, 8294 и 8299. 9—10) Ла овскій, н с., 165—181 с.

занности сената лежало отправленіе нѣкоторыхъ дѣйствій, соприкасающихся съ главною, судебною его дѣятельностью. Такъ онъ направлялъ въ подлежащія учрежденія челобитныя, поданныя въ сенатъ просителями по незнанію, охранялъ имущества подсудимыхъ, приводилъ въ исполненіе высочайшія резолюціи о помилованіи осужденныхъ, о возвращеніи конфискованныхъ имуществъ ихъ владѣльцамъ и объ освобожденіи ссыльныхъ и каторжныхъ, издавалъ по Высочайшему повелѣнію указы „о непорицаніи“ лицъ, бывшихъ подъ судомъ, но оправданныхъ, и—ближайшихъ родственниковъ осужденныхъ и, наконецъ, разсматривалъ вопросы о награжденіи за „правый“ доносъ [1]). Гораздо меньшими правами сенатъ пользовался въ сферѣ внутренняго управленія, гдѣ дѣятельность его стѣсняется во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ кабинетомъ. Такъ въ военныхъ дѣлахъ (напримѣръ, при комплектованіи войскъ, расходахъ на армію и флотъ и т. п.) сенатъ былъ лишь исполнителемъ состоявшихся въ кабинетѣ повелѣній [2]). Таже самая подчиненная ему роль выпадала на долю сената въ финансовыхъ дѣлахъ [3]), торговопромышленныхъ [4]), народномъ просвѣщеніи и продовольствіи, въ охраненіи народнаго здравія, въ улучшеніи путей сообщенія [5]) и сохраненіи общественной безопасности [6]). Сенатъ принималъ нѣкоторое участіе въ церковныхъ дѣлахъ, на сколько они соприкасались съ общегосударственными интересами, и въ дѣлахъ внѣшней политики, если они имѣли прямую связь съ внутренними дѣлами [7]). Нѣкоторыя состоявшія при сенатѣ учрежденія также завѣдовали извѣстнаго рода административными дѣлами. Такъ герольдмейстерская контора вѣдала служилое, дворянское сословіе, генералъ-рекетмейстеръ принималъ челобитныя, подаваемыя въ сенатъ, доимочная коммиссія занималась взысканіемъ недоимокъ и пр. [8]).

1—3) Лазовскій, н. с, 165—181 и 186 с. 4—5) Ibidem, 189—192 с. 6—8) Лазовскій, 194—214 с.

Воцареніе *Елизаветы Петровны* (1741—1761) было сигналомъ удаленія изъ русскаго управленія иностранцевъ—нѣмцевъ (Остермана, Миниха и др.) и возвышенія вліянія въ немъ знатныхъ представителей русскаго дворянства (графа С. Р. Воронцова, князя Черкасскаго, князя Куракина, графа Головина, Бестужева-Рюмина, Шувалова и др.)[1]), въ средѣ котораго въ это время, однако, снова обнаруживаются узкосословныя стремленія [2]). Елизавета Петровна, немало потерпѣвшая отъ господства нѣмцевъ въ Россіи, спѣшитъ возстановить учрежденія своего отца [3]) и его правило о предпочтеніи русскихъ иностранцамъ при замѣщеніи должностей въ администраціи. Русскіе люди появляются не только на высшихъ мѣстахъ въ управленіи, но занимаютъ и второстепенныя въ немъ должности. Елизавета Петровна, по словамъ Соловьева, „призвала къ дѣятельности новое поколѣніе русскихъ людей, знаменитыхъ при ней и послѣ нея" [4]). Въ указѣ, появившемся немедленно по возшествіи на престолъ Елизаветы Петровны, было сказано, что отъ дѣятельности кабинета, замѣнившаго Верховный Тайный Совѣтъ, „произошло многое упущеніе въ дѣлахъ государственныхъ внутреннихъ всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло" [5]). Поэтому было повелѣно: „правительствующій сенатъ да будетъ имѣть преждебывшую свою силу и власть въ уп-

---

1) Градовскій, 166—167 с., Яблочковъ, 466—468 с. 2) Латкинъ: „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст.", Спб., 1887, 260—261 с. 3) По словамъ князя Щербатова „возобновить всѣ законы Петра Великаго" посовѣтовалъ Елизаветѣ Петровнѣ князь Н. Ю. Трубецкой, бывшій потомъ генералъ-прокуроромъ сената (Рус. Старина, 1870 г., 100 с.). 4) Соловьевъ, XXIV, 420—421 с. 5) Такъ характеризовалъ дѣятельность кабинета сенатъ, какъ объ этомъ заявляетъ здѣсь же сама Елизавета. Мы видѣли, однако, что кабинетъ, руководимый способными иностранцами (Остерманомъ, Минихомъ и др.), сдѣлалъ много полезнаго для государства; въ „слабости же правосудія" скорѣе виноватъ самъ сенатъ, который въ это время завѣдовалъ, главнымъ образомъ, судебными дѣлами въ имперіи. Рѣзкій отзывъ сената о кабинетѣ объясняется антагонизмомъ, въ которомъ находились постоянно оба эти учрежденія при Аннѣ Ивановнѣ и Иванѣ Антоновичѣ.

правленіи внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ на основаніи, учиненномъ указами Петра Великаго" [1]). Вмѣстѣ съ возстановленіемъ сената въ прежней его силѣ кабинетъ былъ упраздненъ, а вмѣсто него учрежденъ частный кабинетъ государя, бывшій при Петрѣ Великомъ, и образована „для обсужденія важныхъ иностранныхъ дѣлъ" *Конференція*, членами которой были назначены: канцлеръ князь Черкасскій, вице-канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, графъ Головинъ и князь Куракинъ. Императрица сама обѣщалась присутствовать по временамъ въ конференціи [2]). Конференція, замѣнившая до нѣкоторой степени упраздненный кабинетъ, не могла пріобрѣсти значенія верховнаго правительственнаго учрежденія въ имперіи, какимъ явился при Елизаветѣ Петровнѣ сенатъ; послѣдній былъ при ней „высшимъ политическимъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ всѣ отрасли управленія" [3]) Сенатъ въ царствованіе Елизаветы Петровны пріобрѣлъ такую силу, что присвоилъ себѣ право самоизбранія, при помощи котораго онъ могъ бы со временемъ превратиться въ настоящую сословную корпорацію [4]). Впослѣдствіи Екатерина II говорила объ управленіи и сенатѣ при Елизаветѣ Петровнѣ: „всѣ мѣста и самый сенатъ вышли изъ своихъ основаній. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деревни, однимъ словомъ, почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случилось слышать въ сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ сенатъ представить. Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, если оные не въ силѣ зако-

1—2) П. С. З.$_2$ XI, № 8480. 3) В.-Будановъ, 234 с. 4) Дмитріевъ, 33 с.

новъ, представлять въ сенатъ, а напослѣдокъ и къ намъ. Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, одна форма лишь канцелярская исполняется“[1]). Такое необычайное развитіе власти сената при Елизаветѣ Петровнѣ не было слѣдствіемъ единственно желанія самой императрицы сдѣлать его верховнымъ правительственнымъ мѣстомъ въ государствѣ. Возвышеніе въ это время сената, составленнаго изъ представителей русскихъ знатныхъ фамилій, было естественной реакціей противъ устраненнаго Елизаветой господства въ управленіи нѣмцевъ и ихъ органа—кабинета Другою причиною особенно увеличившейся власти сената было то обстоятельство, что въ составѣ сената были лица, въ средѣ которыхъ еще были живы преданія верховниковъ[2]). „Въ сенатѣ, писала Екатерина II въ наставленіи генералъ-прокурору Вяземскому, Вы найдете двѣ партіи: въ одной—людей честныхъ нравовъ, хотя иногда и недальновидныхъ разумомъ; въ другой, думаю, виды далѣе простираются, но неясно, всегда ли оные полезны? Иной думаетъ, для того, что онъ былъ въ той или другой землѣ, то въ судѣ по политикѣ той его любимой земли все учреждать должно, а все другое безъ изъятія заслуживаетъ его критику, не смотря на то, что вездѣ внутреннее распоряженіе на нравахъ націи основывается“[3]). Екатерина же упоминаетъ, какъ о причинѣ непомѣрнаго могущества сената въ управленіи при ея предшественницѣ, о „неприлежаніи къ дѣламъ ея предковъ и пристрастіи случайныхъ при нихъ людей“[4]). И дѣйствительно сама Елизавета Петровна сравнительно мало занималась дѣлами управленія[5]), предоставляя все своимъ любимцамъ,

---

1) Чтенія въ общ. ист. и древн. россійскихъ, 1858,, I, смѣсь, 102—103 с., („Секретнѣйшее наставленіе князю Александру Вяземскому“). 2) Дмитріевъ, 34 с., 3—4) „Секр. наставленіе кн. А. Вяземскому“, ibidem. 5) Записки Миниха (отца), 89—90 с., Blum: „Ein russischer Staatsmsnn. Des Grafen Jakob Johann Sievers Denkwürdegkeiten zur Geschichte Russlands“. L. и H., 1858, I, 133 s., La cour de Russie, 102—103 p., Щербатовъ, 109—111 с.

особенно графу Петру Ивановичу Шувалову, брату знаменитаго И. И. Шувалова, „властвовавшему въ сенатѣ и позволявшему себѣ распоряжаться произвольно всѣми дѣлами управленія“[1]). По словамъ графа Н. И. Панина, ближайшаго, хотя и не вполнѣ безпристрастнаго свидѣтеля царствованія Елизаветы Петровны, при ней „все было жертвовано хотѣніямъ припадочныхъ людей и фаворитъ остался душею, оживотворяющею или умерщвляющею государство“. „Случайные люди“ овладѣли сначала частнымъ кабинетомъ „для собственныхъ видовъ“, а потомъ и конференціей[2]), появленіе которой, однако, не было простою случайностью. Напротивъ, конференція явилась необходимымъ учрежденіемъ, органически связаннымъ съ предшествовавшими ей высшими учрежденіями въ русскомъ управленіи съ законосовѣщательнымъ характеромъ[3]). Уступая на первыхъ порахъ первенство въ управленіи сенату, возвысившемуся вслѣдствіе указанныхъ причинъ, конференція пріобрѣтаетъ большое вліяніе на дѣла управленія во вторую половину царствованія Елизаветы Петровны, когда конференція становится во главѣ государственнаго управленія и стремится подчинить себѣ сенатъ, синодъ и ихъ конторы.

Сенатъ при Елизаветѣ Петровнѣ достигъ высшей степени развитія своего могущества, какого онъ не имѣлъ даже при Петрѣ I. Въ сферѣ законодательства сенату принадлежало право объявлять Высочайшія повелѣнія при посредствѣ генералъ-прокурора и президентовъ трехъ первыхъ коллегій[4]). Сенатъ занимается составленіемъ новаго уложенія[5]) и реорганизаціей различныхъ учрежденій и должностей, которыя были всѣ подчинены ему, какъ „первому государст-

---

1) Щербатовъ, 106—110 с. 2) Докладъ графа Панина Екатеринѣ II, Рус. Архивъ, 1871, IX, 1417—1418 с. 3) Дмитріевъ, 52—53 с. 4) Градовскій, 168 и 196 с. 5) Соловьевъ, XXIII, 245—248 и 288 с., XXIV, 244—245 и 246 с., Латкинъ: „Законодательныя коммиссіи“, 80 с. и сл.

венному мѣсту по своей должности и по данной власти" [1]). Отъ зависимости отъ сената не освобождались даже первыя три коллегіи, члены которыхъ были сенаторами [2]), и синодъ, который нерѣдко получаетъ отъ него выговоры [3]). Единство въ управленіи и контроль сената надъ всею администраціей достигалось, благодаря взаимной и дружной дѣятельности самого сената, какъ коллегіальнаго учрежденія, и генералъ-прокурора—представителя личнаго элемента въ сенатѣ [4]). Всѣ коллегіи, ихъ конторы и канцеляріи должны были подавать сенату срочныя вѣдомости о рѣшенныхъ въ нихъ дѣлахъ [5]). Сенатъ совершаетъ различныя измѣненія въ организаціи центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій въ духѣ Петра I. Такъ онъ возстанавливаетъ упраздненныя при Аннѣ Ивановнѣ бергъ-и мануфактуръ-коллегіи, которыя существовали до нея со времени Петра I [6]); возобновленъ былъ сенатомъ и петровскій магистратъ [7]). Коллегія экономіи была уничтожена сенатомъ и въ его распоряженіе поступили всѣ доходы и расходы синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ [8]). Въ виду увеличенія кредита во всемъ государствѣ учреждаются въ 1754 г. государственный и дворянскій банки, уставы которыхъ были выработаны въ сенатѣ, и организуются коммерческій [9]) и артиллерійскій банки [10]). Для регулированія банковаго дѣла сенатъ принимаетъ различныя мѣры [11]). По почину своего члена, графа П. И. Шувалова, сенатъ долго занимается обсужденіемъ обширной программы разныхъ реформъ въ управленіи, предложенныхъ Шуваловымъ [12]). Сенатъ упраздняетъ коммиссію о пошлинахъ и вмѣсто нея учреждаетъ коммиссію о коммерціи [13]), которая потомъ была присоединена къ коммерцъ-коллегіи [14]). Сенатъ уничтожилъ

1) П. С. З., XV, № 11, 558. 2) XI, № 8697. 3) Соловьевъ, XXI, 257—258 с. 4) Градовскій, 196 с. 5) П. С. З., XIII, № 9585. 6) XI, № 8543. 7) XI, № 8734. 8) XII, № 8993. 9) XIV, № 10,235. 10) XV, № 10,037. 11) XIV, №№ 10,265, 10,271, 10,280, 10,347, 10,420 и др., XV, №№ 10,863, 10,866, 10,973 и др. 12) Соловьевъ, XXIII, 256—261 и 289 с. 13) П. С. З., XV, № 11,117. 14) XV, № 11,399.

счетныя конторы при военной коллегіи и коммиссаріатѣ и приказалъ счеты всѣхъ вѣдомствъ отсылать на ревизію въ ревизіонъ-коллегію[1]). Были упразднены сенатомъ также и многія другія коммиссіи и конторы и дѣла ихъ распредѣлены между сенатомъ и разными коллегіями[2]) При сенатѣ и коллегіяхъ были образованы школы, гдѣ юнкера изъ дворянъ получали юридическое образованіе[3]). Сенатъ закрѣпляетъ за посадскими мастеровыми людьми и иностранцами крестьянъ, которые оказались въ ихъ владѣніи при ревизіи[4]), и предоставляетъ устюжскимъ купцамъ право владѣть деревнями[5]). По инціативѣ П. И. Шувалова сенатъ приступаетъ къ регулированію правъ землевладѣнія посредствомъ генеральнаго межеванія въ разныхъ губерніяхъ[6]). Сенатъ при Елизаветѣ Петровнѣ имѣлъ право увеличивать или уменьшать налоги[7]). При возстановленіи власти сената ему были переданы изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ малороссійскія дѣла[8]). Сенатъ самъ производитъ нѣкоторыя измѣненія въ областной администраціи. Такъ въ 1742 г. онъ запрещаетъ губернаторамъ и воеводамъ отрѣшать секретарей въ присутственныхъ мѣстахъ безъ разрѣшенія сената[9]). Впослѣдствіи сенатъ присвоилъ себѣ право опредѣлять воеводъ собственною властью[10]). Самъ же сенатъ увеличилъ жалованье должностнымъ лицамъ въ мѣстномъ управленіи, которыя выбирались помѣщиками изъ среды дворянъ[11]). Сенатъ же обладалъ правомъ верховнаго надзора надъ дѣятельностью всѣхъ учрежденій, центральныхъ и мѣстныхъ[12]).

Особенно обширна была дѣятельность сената въ царствованіе Елизаветы Петровны въ области внутренняго управ-

1) П. С. З., XI, № 8676. 2) XI, №№ 8575, 8617, 8676, 8729, 8734, 8751 и 8798. 3) XI, № 8149 и XIII, № 9797. 4) XII, № 9249; Соловьевъ, XXII, 112—114 с. 5) Соловьевъ, XXIII, 135 с. 6) П. С. З, XIII, № 9876, XIV, № 10,352 и др. 7—8) XIV, №№ 10,260 и 10,498. 9) XI, № 8550. 10) XI, №№ 8865, 9084 и 11,131. 11) Соловьевъ, XXIV, 427 с. 12) П. П. З., XIII, № 10,086, Соловьевъ, XXI, 246—247 с., XXII, 34 с.

ленія. Сенатъ много сдѣлалъ для улучшенія государственныхъ финансовъ, не прибѣгая къ отягощенію населенія чрезмѣрными налогами [1]). Одной изъ важныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи явилась ревизія, производившаяся періодически [2]). Сенатъ прилагалъ много заботъ къ развитію разныхъ родовъ промышленности и торговли [3]); такъ онъ, напримѣръ, поощрялъ распространеніе фабрикъ и заводовъ въ странѣ [11]). Сенатъ учреждаетъ таможни и слѣдитъ за правильнымъ поступленіемъ таможенныхъ сборовъ [4]). Судьба инородческихъ племенъ, находящихся въ русскомъ подданствѣ, также занимаетъ сенатъ, которому принадлежитъ все управленіе ими [5]). Сенатъ руководитъ дѣлами духовнаго вѣдомства: синодъ долженъ былъ обращаться къ нему не только во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, но и за разрѣшеніемъ многихъ вопросовъ текущей администраціи [6]). На усмотрѣніе сената представлялись важные вопросы по военному вѣдомству. Сенатъ строго слѣдилъ за употребленіемъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе арміи и флота, распоряжался комплектованіемъ новыхъ полковъ, рекрутскими наборами, обмундированіемъ арміи, составленіемъ военнаго бюджета и др. подобными дѣлами [7]). Сенатъ прилагалъ большія усилія къ обезпеченію безопасности въ провинціяхъ, гдѣ разбои въ то время были обыкновеннымъ явленіемъ [8]). Принимались также сенатомъ мѣры къ искорененію нищенства и помощи голодающему крестьянскому населенію [9]). Наконецъ, вниманіе сената было обращено и на дѣло народнаго образованія:

---

1) П. С. З., XI, №№ 8609, 8610, 8682, 8709, 8730, 8698, 8826, XII, №№ 8940, 8942 и др. 2) XI, № 8619, Соловьевъ, XXII, 38-40, 113—114, 180 с., Градовскій, 170—176 с. 3) П. С. З., XI, №№ 8486, 8545, 8563, 8684, XIII, №№ 10,141, 10,164 и др., Соловьевъ, XXI, 190, 306—310, XXII, 31—36, 107—110, 177—188, 231—235 с., XXIII, 9—15, 27—34, 216—223 и 291 с., XXIV, 100, 173—174 и 298. 4) П. С. З., XI, №№ 8826, 8895 и 9168. 5—6) Градовскій, 177—180 с. 7) Соловьевъ, XXII, 115—116 с. и XXIII, 37 с., Градовскій, 182—183 с. 8) Градовскій, 183—185 с. 9) Соловьевъ, XXI, 312—314, XXII, 37—38, 230—240, XXIII, 18—20, XXIV, 102 с.

сенату былъ подчиненъ первый русскій университетъ (московскій), образованный въ 1754 г.[1]).

Наконецъ, въ области суда елизаветинскій сенатъ является высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ. Высшее судебное значеніе за сенатомъ было признано указомъ 16 авг. 1760 г., въ которомъ сенатъ названъ „первымъ государственнымъ мѣстомъ по своей должности и по данной власти“, обязаннымъ истреблять лихоимство и пристрастіе судей. Сенату вмѣняется въ обязанность не давать „злымъ пощады, а невиннымъ напрасной вины не принесть, подозрительныхъ судей смѣнять, изслѣдовать и изыскивать причины къ достиженію правды и пресѣкать“ разнаго рода безпорядки въ отправленіи правосудія[2]). Въ сенатѣ издается указъ о признаніи малолѣтними людей обоего пола до 17 лѣтъ и объ освобожденіи ихъ отъ пытки и смертной казни. Сенатомъ были смягчены жестокія наказанія преступниковъ, а въ 1754 г. была отмѣнена и смертная казнь. Тѣже гуманныя начала были внесены сенатомъ при Елизаветѣ Петровнѣ въ уголовное судопроизводство[3]). Всѣ приговоры объ осужденныхъ къ смертной казни, политической смерти или вѣчной ссылкѣ должны были исполняться не иначе, какъ съ разрѣшенія сената[4]). Послѣдній предписываетъ всѣмъ коллегіямъ, конторамъ и канцеляріямъ подавать срочныя вѣдомости о содержащихся колодникахъ[5]). Эти вѣдомости разсматривались въ особо учрежденной при сенатѣ экспедиціи[6]). Сенатъ же утверждалъ приговоры по дѣламъ о тяжкихъ преступленіяхъ, совершенныхъ въ запорожскомъ войскѣ[7]). Сенатъ грозитъ строгими наказаніями разнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ „чинится великая волокита и берутся взятки“[8]). Юстицъ-

1) П. С. З., XIV, № 10346; Градовскій, 190—191 с. 2) П. С. З., XV, № 11,558. 3) Градовскій, 188 - 190 с. 4) П. С. З., XII, №№ 8944 и 9312, XIII, №№ 10,101 и 10,113. 5) XIII, №№ 9585 и 10088; XV, 11,110; Соловьевъ, XXII, 37—38 с. 6) П. С. З., XV, № 11,266. 7) XIII, № 9586, Соловьевъ, XXIII, 47 с. 8) Соловьевъ, ibidem, 212—213 с.

коллегія должна была по приказу сената наблюдать за правильнымъ теченіемъ дѣлъ въ судныхъ приказахъ [1]). Нерѣдко самъ сенатъ принималъ участіе въ качествѣ высшей судебной инстанціи въ рѣшеніи различныхъ судебныхъ случаевъ [2]) и запрещалъ подавать себѣ челобитныя помимо надлежащихъ судебныхъ мѣстъ [3]).

Могущество сената при Елизаветѣ Петровнѣ подрывалось до извѣстной степени вліяніемъ „тогдашнихъ случайныхъ и припадочныхъ людей", которые, по словамъ Н. И. Панина, сдѣлали изъ возстановленнаго императрицей частнаго кабинета своего отца „злоключительный общему благу интервалъ между государемъ и правительствомъ". Панинъ замѣчаетъ, что „изъ кабинета выходили именные указы и повелѣнія во всѣ мѣста, за которыя никто не былъ отвѣтственъ". Вслѣдствіе этого „государь былъ отдаленъ отъ правительства. Фавориты хватали въ кабинетъ отовсюду дѣла, дѣлали государственные распорядки и мѣшались въ дѣла партикулярныхъ людей безъ законовъ и причинъ". Результатомъ такого порядка вещей было то, что „государственныя дѣла были безъ призрѣнія, все было смѣшано, всѣ наиважнѣйшія должности и службы были претворены въ ранги и въ награжденія любимцевъ, вездѣ фаверъ и старшинство людей опредѣляло" [4]). Этотъ рѣзкій отзывъ графа Н. И. Панина объ управленіи при Елизаветѣ Петровнѣ объясняется, отчасти, тѣмъ, что самому ему не удалось пріобрѣсти при ней исключительнаго вліянія на дѣла [5]). Но изъ источниковъ видно, что частный кабинетъ императрицы и на самомъ дѣлѣ посылалъ именные указы присутственнымъ мѣстамъ, съ которыхъ въ сенатъ доставлялись копіи [6]); въ кабинетъ же по-

1) Соловьевъ, XXIII, 215 с. 2) Соловьевъ, XXI, 175—176, 305 с., XXIII, 122, 126, 131, 212, 215 и 229 с., XXIV, 236, 243, 352 и 359—360 с. 3) П. С. З., XIII, № 10017. 4) Докладъ графа Н. И. Панина Екатеринѣ II (Рус. Арх., 1871, IX, 1414—1417 с. 5) Соловьевъ, XXV, 173—174 с. 6) П. С. З., XI, № 8584.

давались прошенія на Высочайшее имя [1]) и онъ занимался дѣлами флота [2]) и горными [3]). Не вполнѣ вѣрно также замѣчаніе Панина объ учрежденіи конференціи при Елизаветѣ Петровнѣ. „Конференцію сдѣлали, говоритъ онъ, тогда, когда увидѣли скоропостижную войну, требующую дѣйствительныхъ рессурсовъ: нужно стало собрать въ одно мѣсто раскиданныя части, составляющія государство и его правленіе" [4]). Въ дѣйствительности конференція, какъ мы видѣли, была учреждена императрицей вмѣстѣ съ упраздненіемъ кабинета Анны Ивановны и возстановленіемъ правъ сената въ первый годъ возшествія на престолъ Елизаветы Петровны. На первыхъ порахъ, однако, конференція, которая должна была заниматься только иностранными дѣлами, собиралась рѣдко. Слѣды ея дѣятельности встрѣчаются съ 1745 г., когда во дворцѣ происходили совѣщанія членовъ конференціи о внѣшнихъ дѣлахъ въ присутствіи Елизаветы Петровны, которая въ этомъ году поэтому ни разу не была въ сенатѣ [5]). Въ теченіе всего 1746 года происходятъ также время отъ времени собранія конференціи, гдѣ обсуждались разнаго рода иностранныя дѣла. Въ протоколѣ засѣданій конференціи отъ 4 янв. 1746 г. сказано, что „поднесенъ былъ на всемилостивѣйшую аппробацію изготовленный указъ для собранія вновь повелѣннаго совѣта для принятія наилучшихъ и наиполезнѣйшихъ мѣръ въ прусскихъ дѣлахъ. Е. И. В. приказала въ томъ же совѣтѣ и планъ операціи учинить [6]). Очевидно, что въ данномъ случаѣ шла рѣчь о собраніи ранѣе учрежденнаго совѣта или конференціи, а не объ образованіи новаго совѣта. Это доказывается тѣмъ фактомъ, что въ послѣдующихъ собраніяхъ совѣта въ 1746 г. участвова-

1) П. С. З., XV, № 10,180. 2) XII, № 9153. 3) XIII, № 9952, XV, №№ 11185 и 11241. 4) Докладъ графа Н. И. Панина Екатеринѣ II (Рус. Архивъ, 1871, IX, 1417. 5) Соловьевъ, XXII, 40 с. 6) Архивъ князя Воронцова, VII, 80 с. (Дневникъ докладовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ).

ли лица, назначенныя въ конференцію въ 1741 г.: канцлеръ, вице-канцлеръ, князь Куракинъ, а также и нѣкоторые другіе вліятельные сановники (графъ Румянцевъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, князь Репнинъ, графъ П. И. Шуваловъ и др.). Въ 1746 г. конференція имѣла только нѣсколько засѣданій (7 янв., 11 авг., 29 и 31 дек.)[1]. Въ 1747 г. было одно полное собраніе конференціи[2]. Въ этомъ же году канцлеръ Бестужевъ докладывалъ государынѣ о необходимости „какъ для облегченія Е. И В. государственнаго правленія рѣшеніемъ спорныхъ въ сенатѣ и иныхъ коллегіяхъ случающихся дѣлъ, такъ и для пользы самодержавной имперіи сочинить кабинетъ изъ вѣрныхъ и надежныхъ подданныхъ“[3]. Настаивая на образованіи такого высшаго правительственнаго учрежденія, Бестужевъ, видимо, желалъ придать прочную и опредѣленную организацію уже существующей конференціи, въ которой онъ былъ первымъ членомъ, и распространить ея компетентность на всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Если бы предложеніе Бестужева было принято императрицей, то во главѣ управленія государствомъ снова очутился бы только подъ другимъ именемъ упраздненный Елизаветой Петровной кабинетъ съ его законосовѣщательнымъ и высшимъ административнымъ и судебнымъ значеніемъ въ государствѣ. Но императрица, рѣшившаяся твердо держаться правительственныхъ порядковъ своего отца, не захотѣла отнимать у возстановленнаго въ своей власти сената его верховнаго значенія въ администраціи, равнявшаго его почти съ предшествующими совѣтами[4], и конференція продолжала долго существовать (1747—1755 г.) попрежнему только для иностранныхъ дѣлъ, обсуждавшихся въ присутствіи императрицы канцлеромъ и вице-канцлеромъ[5]. Въ

1—2) Архивъ князя Воронцова, VII, 9, 112—115, 202—206 и 236—244 с.
3—4) Соловьевъ, XXII, 176—177 с. 5) Архивъ князя Воронцова, VII, стр.: 25?, 262, 264, 274, 287, 297, 309, 319, 326, 333, 344 и сл., III, 333—572 с.

1757 г. Бестужевъ въ виду предстоящей войны съ Пруссіей снова напоминаетъ Елизаветѣ Петровнѣ о своемъ предложеніи учредить на этотъ разъ уже тайный военный совѣтъ, котораго „должность и упражненіе генерально всю политическую систему въ себѣ заключать имѣютъ“, и въ которомъ должны присутствовать въ числѣ членовъ канцлеръ и вице-канцлеръ [1]). Бестужевъ составилъ даже проэкты указа инструкціи тайному военному совѣту и манифеста объ его образованіи[2]). Императрица, сознавая всю важность политическихъ обстоятельствъ того времени, ограничилась, однако, тѣмъ, что повелѣла „для произведенія съ лучшимъ успѣхомъ и порядкомъ весьма важныхъ дѣлъ и для скорѣйшаго исполненія ея повелѣній“ собираться уже существующей конференціи. Членами ея продолжали состоять, какъ и ранѣе, подъ предсѣдательствомъ самой государыни: канцлеръ Бестужевъ, вице-канцлеръ графъ М. Р. Воронцовъ, князь Трубецкой, братья Шуваловы и др. сановники [3]). Въ засѣданіяхъ конференціи принималъ участіе и великій князь и наслѣдникъ престола, Петръ Өеодоровичъ [4]), который надѣялся „познакомиться здѣсь съ дѣлами имперіи“ [5]). Секретаремъ конференціи сдѣлался Волковъ, который въ послѣдующее царствованіе пріобрѣлъ большое вліяніе на всѣ дѣла управленія [6]). Конференція получила теперь опредѣленный и постоянный составъ и для сношенія ея съ сенатомъ, синодомъ и прочими учрежденіями былъ установленъ извѣстный порядокъ. Резолюціи конференціи должны были исполняться по экстрактамъ изъ ея протоколовъ, посылаемымъ въ сенатъ, синодъ и ихъ конторы, а въ прочія присутственныя мѣста конференція посылала рескрипты. Въ свою очередь, сенатъ, синодъ и ихъ конторы должны были извѣщать конференцію

1) Соловьевъ, XXIV, 26 с. 2 и 4) Архивъ князя Воронцова, III, 361—367 и 697—698 с., 3 и 5) Соловьевъ, XXIV, 27 и 63 с. 6) Докладъ графа Н. И. Панина Екатеринѣ II, (Рус. Архивъ, 1871, IX, 1417—1418 с.

объ исполненіи ея рѣшеній также экстрактами, а остальныя учрежденія—посылать реляціи, адресуя: „къ поданію въ учрежденную при дворѣ Е. В. конференцію“ [1]). Всѣ рескрипты конференціи должны были немедленно исполняться[2]).

Вскорѣ конференція стала надъ всѣми учрежденіями имперіи, гдѣ она должна была, по замѣчанію Миниха, „пополнить пустоту между верховною властью и сенатомъ“ [3]), то есть, сдѣлаться государственнымъ совѣтомъ [4]). Свое первенствующее значеніе въ управленіи государствомъ конференція скоро дала почувствовать своему сопернику по власти—сенату, который опять „очутился въ тѣни“ съ этого времени, такъ какъ чрезъ конференцію проходили всѣ правительственныя распоряженія [5]). Такъ въ 1759 г. сенатъ получилъ экстрактъ изъ протокола конференціи, которая требовала, чтобы сенатъ разсмотрѣлъ состояніе сборовъ въ провинціяхъ, бывшихъ подъ шведскимъ владычествомъ, и донесъ объ этомъ конференціи. Сенатъ отвѣчалъ, что онъ уже разсуждалъ по этому поводу, но не постановилъ рѣшенія во первыхъ потому, что собраніе сенаторовъ было на этотъ разъ неполное, а во вторыхъ потому, что правительствующій сенатъ, какъ „первое государственное мѣсто, кромѣ Е. И. В., не обязанъ никому свои мнѣнія подавать“. Къ тому же, спѣшитъ оговориться сенатъ, „господа конференцъ-министры всѣ сами присутствовали въ сенатѣ, слѣдовательно, то дѣло, какъ государственное, должно рѣшить сенату въ полномъ собраніи“ [6]). Не смотря на такое энергичное отстаиваніе сенатомъ

1—2) П. С. З.. XIV, №№ 10621 и 10720. 3) Записки Миниха (отца), 90 с. 4) Графъ С. Р. Воронцовъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ государственныхъ людей XVIII в., ставитъ конференцію при Елизаветѣ Петровнѣ въ прямую связь съ предшествующими совѣтами, начиная съ Петра I: общее между всѣми ими и конференціей было, по его словамъ, то, что въ нихъ обсуждались дѣла политическія въ присутствіи государя или безъ него (Архивъ князя Воронцова, X, 397 с.). Графъ же А. Р. Воронцовъ называетъ конференцію „постояннымъ совѣтомъ, обладавшимъ большою властью“ (Рус. Архивъ, 1883, I, 241 и 248 с.). 5) Blum, назв. соч., II, 146 s. 6) Соловьевъ. XXIV, 365 с.

своего высшаго административнаго положенія въ государствѣ, онъ принужденъ былъ не разъ отвѣчать на запросы конференціи по разнымъ вопросамъ управленія и невольно мирится съ нѣкоторымъ ограниченіемъ своей власти [1]). Еще ранѣе описаннаго инцидента въ 1757 году сенатъ долженъ былъ, по порученію конференціи, составить и подать въ нее новое учрежденіе объ управленіи архіерейскими и монастырскими имуществами [2]). Конференція разрѣшала самостоятельно и нѣкоторыя другія дѣла внутренняго управленія. Такъ въ томъ же 1757 г. конференція разсматриваетъ предложеніе графа П. И. Шувалова о средствахъ улучшенія государственныхъ финансовъ [3]) и посылаетъ въ сенатъ экстрактъ изъ своего протокола о необходимости поднять въ Россіи торговлю пенькой [4]). Въ 1758 г. въ конференціи обсуждается вопросъ о передѣлѣ мѣди въ монету и заявляется рѣшеніе подчинить собственному надзору изданіе академической газеты [5]). Въ 1760 г. конференція пересылаетъ въ сенатъ для разсмотрѣнія съ своимъ одобрительнымъ отзывомъ предложеніе таможеннаго оберъ-инспектора Шемякина относительно безпошлиннаго ввоза въ Россію шелка, золота и серебра для снабженія ими русскихъ фабрикъ. Сенатъ долженъ былъ также отвѣчать конференціи на разныя требованія объ увеличеніи суммъ на содержаніе арміи и другіе государственные расходы [6]). Въ дѣятельности конференціи встрѣчается случай выдачи ею диплома о службѣ фельдмаршалу Бутурлину, въ которомъ она удостовѣряетъ, что „всѣ учиненныя имъ распоряженія основаны на прямой ревности, осторожномъ благоразуміи, а

---

1) Сперанскій: „О государств. установленіяхъ“, Архивъ ист. и практ. свѣдѣній Калачева, 1859, Ш, 28 с. 2) П. С. З., XIV, № 10,765, Соловьевъ, ibid., 242—243 с., Ѳ. Дмитріевъ, 53 с. 3) Соловьевъ, 172 с. 4) П. С. З., XIV, № 10,622 и XV, № 11,180. 5) Архивъ князя Воронцова, III, 504—508 с. 6) Соловьевъ, XXIV, 273, 347 и 424 с.

трудолюбіе его и попеченіе простираются на все безъ изъятія“ [1]). Но главныя занятія конференціи состояли въ обсужденіи разнаго рода иностранныхъ дѣлъ [2]).

Преемникъ Елизаветы Петровны, *Петръ III Ѳеодоровичъ* (25 дек. 1761 г.—28 іюня 1762 г.) заявилъ при своемъ возшествіи на престолъ, что онъ самъ будетъ управлять всѣми государственными дѣлами, и что поэтому „отнынѣ никакого особливаго совѣта или конференціи не будетъ, а всѣ дѣла въ своихъ коллегіяхъ отправляться имѣютъ“ [3]). Всѣ дѣла конференціи были переданы изъ нея въ сенатъ и въ иностранную коллегію „по принадлежности“ [4]). Но противъ упраздненія конференціи былъ канцлеръ графъ Воронцовъ, который при докладѣ Петру Ѳеодоровичу о разныхъ дѣлахъ въ первый же день его царствованія испрашивалъ у него повелѣнія о томъ, чтобы „совѣтъ конференціи вседневно собирался и чтобы государь назначилъ его членовъ“ [5]). Воронцовъ находилъ, что организація конференціи при Елизаветѣ Петровнѣ была неудовлетворительна и незадолго до ея смерти писалъ И И. Шувалову (13 дек. 1761 г.), что „необходимо надобно, что Е. И. В. соизволила для блага всего государства конференцію на добромъ основаніи учредить, инако всѣ дѣла въ великую разстройку придутъ“ [6]). Въ своемъ упомянутомъ нами докладѣ Петру III графъ Воронцовъ отвергалъ всякую возможность для императора управлять самому всѣми государственными дѣлами и предлагалъ ему образовать совѣтъ, который былъ необходимъ при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ. „Генеральныя дѣла Европы, писалъ Воронцовъ, въ такую теперь кризу пришли, что си-

---

1) Архивъ князя Воронцова, IV, 517 с. 2) Архивъ князя Воронцова, VII, 354—366 с., Соловьевъ, ibid., 212—213, 248, 251, 267 и 295—296 с., Бильбасовъ: „Исторія Екатерины II“; Спб., 1890, III, 1-й, прил. 481—482 с. 3) Архивъ князя Воронцова, XXV, 251 с. (Докладъ графа М. Л. Воронцова Петру III). 4) П. С. З., XV, № 11418. 5) Архивъ князя Воронцова, VII, 527 с. 6) Архивъ князя Воронцова, XXXII, 45 с.

стему или совсѣмъ новую принять, или же во многомъ перемѣнить надобно будетъ, а съ перемѣной системы и во всѣхъ распоряженіяхъ великія перемѣны дѣлать". „Но сію новую систему, замѣчаетъ Воронцовъ, составить, ни одной пользы не пропустить, а все то предусмотрѣть, что слѣдствія предосудительнаго или вреднаго произвести могутъ, и всѣ распоряженія согласно тому учредить не можетъ ни сенатъ, ни иностранная коллегія, паче же, когда пойдутъ дѣла на перепискахъ между сенатомъ, коллегіями иностранной, военной и адмиралтейской". Въ этомъ послѣднемъ случаѣ „во первыхъ, секретъ подверженъ во многихъ рукахъ великой опасности, а дѣла промедленію, а притомъ и то легко случиться можетъ, что между разными мѣстами произойдутъ отъ неясности разныя мнѣнія, отъ того несогласія, а отъ несогласіи разногласные доклады государю". Воронцовъ увѣренъ, что при сохраненіи прежней конференціи или учрежденіи „какого-либо тому подобнаго совѣта" устранится смѣшеніе дѣлъ и установится вся система управленія. При существованіи такого совѣта, который явится „единымъ мѣстомъ всего сопряженія главныхъ дѣлъ", для государя „меньше будетъ затрудненія, несравненно больше способа и времени" управлять всѣмъ государствомъ. Отъ учрежденія совѣта „ни сенатъ, ниже которая коллегія, по мнѣнію Воронцова, немало силы своея не теряютъ": принятыя конференціей рѣшенія будутъ согласны съ системой управленія, „а точное ихъ исполненіе всегда тѣмъ же присутственнымъ мѣстамъ принадлежать будетъ". Кромѣ всѣхъ этихъ соображеній, Воронцовъ старается расположить императора въ пользу своего проэкта еще и тѣмъ, что хвалитъ дѣятельность конференціи въ первое время царствованія Петра III[1]). „По че-

1) Докладъ графа Воронцова Петру III относится къ концу января или началу февраля 1762 г. (Даневскій: „Исторія образованія государственнаго совѣта въ Россіи", приложеніе, 4 с.).

сти и съ чистою совѣстью справедливо засвидѣтельствовать могу, говоритъ онъ, что управленіе ея по сю пору дѣлами было всегда руководствовано истиннымъ и усерднымъ о пользѣ государственной попеченіемъ и патріотическою вѣрностью Вашему Величеству“ [1]). Петръ Θеодоровичъ согласился съ доводами графа Воронцова и не только рѣшилъ, согласно его представленію, „оставить въ прежней силѣ и основаніи конференцію, учрежденную при Елизаветѣ Петровнѣ, для отправленія важнѣйшихъ государственныхъ и тайныхъ дѣлъ, но и точнѣе предписать важную ея должность и упражненіе“ Проэктъ манифеста объ образованіи совѣта или конференціи полагаетъ „главную и первую ея должность“ въ управленіи политическими дѣлами и въ разрѣшеніи, связанныхъ съ ними, вопросовъ внутренняго управленія. Въ число конференцъ-министровъ были назначены: князь Трубецкой, князь Голицынъ, канцлеръ графъ Воронцовъ, графъ Шуваловъ, Неплюевъ и генералъ графъ Воронцовъ. При конференціи была образована канцелярія, завѣдованіе которой было поручено тайному конференцъ-секретарю Волкову. Три первыя коллегіи должны были докладывать обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ конференціи, которая посылала имъ указы. Проэктъ вмѣняетъ въ обязанность сенату „крайнее и главнѣйшее раченіе къ тому устремить, чтобы законы неотмѣнно полную свою сохраняли силу, чтобы правосудіе наблюдалось въ полной его мѣрѣ безъ всякаго лицепріятія“, и чтобы исполнялись всѣ указы Петра Великаго и Елизаветы Петровны. Сенатъ обязанъ былъ слѣдить и за тѣмъ, „чтобы всѣ коллегіи, канцеляріи и присутственныя мѣста каждое исполняло прямую токмо и существительную ихъ должность, а никакое мѣсто въ дѣла другаго мѣста не вмѣшивалось, ниже въ сенатъ или какое другое высшее мѣсто какое-либо нерѣшенное дѣло переносимо было“. Во всѣхъ случаяхъ,

1) Архивъ князя Воронцова, XXV, 251—254 с. (Докладъ etc.).

гдѣ „нѣтъ точныхъ и прямыхъ указовъ и законовъ“, сенатъ не долженъ употреблять сомнительнаго ихъ толкованія, а „собравъ всѣхъ коллегій президентовъ и вице-президентовъ рѣшить дѣло и поднести свое мнѣніе на высочайшее утвержденіе“. Конференція должна была управлять государственными доходами и расходами и заботиться о развитіи коммерціи. Въ конференціи предсѣдательствуетъ самъ императоръ; поэтому она посылаетъ во всѣ мѣста рескрипты и всѣ ея резолюціи приравниваются къ Высочайшимъ повелѣніямъ[1]).

Кромѣ этого „проэкта“ манифеста объ образованіи при Петрѣ III, отъ его времени остался еще „Планъ и росписаніе учрежденнаго вновь при дворѣ изъ четырехъ департаментовъ имѣющаго быть совѣта съ назначеніемъ, кому быть министромъ и кому статскимъ секретаремъ“[2]). По этому плану совѣтъ раздѣлялся на четыре департамента: 1) военныхъ дѣлъ, 2) морскихъ, 3) внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и 4) внѣшнихъ дѣлъ. Во главѣ каждаго департамента стояли статсъ-секретари, которые должны были жить во дворцѣ. Въ члены совѣта (ministres assistants) подъ предсѣдательствомъ императора назначались приближенные ко двору и вліятельные въ государствѣ лица, причемъ ихъ число было больше, нежели въ „проэктѣ“. „Планъ“ названъ въ оригиналѣ „несостоявшимся“, хотя при послѣдовавшемъ при Петрѣ III образованіи совѣта въ него вошли почти всѣ лица, обозначенныя въ „планѣ“, какъ члены совѣта[3]). „Проэктъ“ пополнялъ „планъ“ въ томъ отношеніи, что опредѣлялъ точнѣе компетентность предполагаемаго совѣта и его отношеніе къ сенату, коллегіямъ и прочимъ учрежденіямъ. Самое об-

---

1) Даневскій, н. с., приложенія, 6—9 с. 2—3) Дѣла Московскаго Архива Минист. Иностр. Дѣлъ, 3-я связка (Объ образованіи разныхъ государственныхъ учрежденій). По „плану“ членами совѣта должны были быть: императоръ, какъ предсѣдатель, оба гольштинскихъ принца, графъ Минихъ, князь Трубецкой, Вильбуа, Панинъ, Куракинъ, Нарышкинъ и гетманъ.

разованіе совѣта при Петрѣ III послѣдовало 20 мая 1762 года. Членами совѣта подъ предсѣдательствомъ императора были назначены: два гольштинскихъ принца (Георгъ и Петръ-Августъ), графъ Минихъ, князь Трубецкой, графъ Воронцовъ, генералъ-фельдмаршалъ Вильбуа, князь Волконскій и генералъ-поручикъ Мельгуновъ. Тайный секретарь Волковъ завѣдовалъ канцеляріей совѣта. Цѣль учрежденія совѣта была та, чтобы „намѣренія, принятыя къ пользѣ и славѣ имперіи и къ благополучію вѣрныхъ подданныхъ, наилучше и скорѣе въ дѣйство произведены быть могли“ [1]). Указы совѣта по важнѣйшимъ дѣламъ подписывались самимъ императоромъ, а по дѣламъ обыкновеннымъ—одними членами совѣта. Причемъ эти послѣдніе указы сравнивались съ именными указами императора. Рапорты объ исполненіи резолюцій совѣта адресовались на имя тайнаго секретаря Волкова[2]). Съ образованіемъ совѣта сенатъ лишается своего высшаго значенія въ управленіи, и безъ того подорваннаго конференціей въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны. Отъ сената было отнято право издавать безъ Высочайшей апробаціи указы, „кои въ нѣкоторый законъ или хотя въ подтвержденіе прежнихъ служатъ“ [3]). Военная и адмиралтейская коллегіи освобождаются изъ подъ зависимости отъ сената: доклады изъ нихъ идутъ, минуя сенатъ, прямо къ императору [4]). Судебная дѣятельность сената, затемненная до нѣкоторой степени въ предшествующее царствованіе обширными административными правами сената, выдвигается теперь на первый планъ: въ сенатѣ учреждается новый апелляціонный департаментъ „для скорѣйшаго рѣшенія юстицкихъ, вотчинныхъ и всякихъ апелляціонныхъ дѣлъ“ [5]). Впрочемъ, сенатъ при Петрѣ III продолжаетъ заниматься и рѣ-

---

1) Соловьевъ, XXV, 9 с., Записки Миниха (отца), 94 с. 2—3) П. С. З., XV, №№ 11,538 и 11,558. 4) Ibidem, №№ 11,452, 11,458, 11,467, 11,468, 11,470, 11,476, 11,480 и 11,552. 5) XV, № 11,422.

шеніемъ дѣлъ внутренняго управленія. Такъ онъ обсуждалъ вопросы объ управленіи церковными имѣніями, раскольникахъ и состояніи государственныхъ финансовъ [1]).

Совѣтъ при Петрѣ III, въ которомъ всѣми важнѣйшими государственными дѣлами управлялъ Волковъ [2]), не успѣлъ получить вполнѣ опредѣленнаго устройства [3]), такъ какъ Петръ III долженъ былъ скоро уступить русскій престолъ своей супругѣ, знаменитой *Екатеринѣ II* (1762—1796). Въ теченіе ея продолжительнаго царствованія произошли важныя преобразованія во всей администраціи, имѣвшія тѣсную связь съ предшествующимъ ходомъ ея развитія. Въ то время были положены основанія системѣ центральныхъ учрежденій, окончательно образованныхъ въ послѣдующее царствованіе Павла I и особенно Александра I. Въ организаціи правительственныхъ учрежденій при Екатеринѣ II соединяются правильно бюрократическій, личный элементъ ихъ устройства съ коллегіальнымъ, которые были смѣшаны до сихъ поръ въ центральномъ и особенно мѣстномъ управленіи [4]). Вѣдомство всѣхъ правительственныхъ установленій опредѣляется болѣе или менѣе послѣдовательно проведеннымъ началомъ раздѣленія властей. Въ центральномъ управленіи

1) Соловьевъ, XXV, 19- 26 с. 2) По словамъ графа Н. И. Панина, Волковъ „исполнялъ роль перваго министра, былъ правителемъ самихъ министровъ, избиралъ и сочинялъ дѣла по самому хотѣнію и заставлялъ министровъ оныя подписывать“ (Докладъ etc., Рус. Архивъ, 1871, IX, 1418 с.). Минихъ говоритъ, что Волковъ „водилъ перомъ государя и былъ ближайшимъ его совѣтникомъ“, и что „то, съ чѣмъ соглашался Волковъ, и составляло образъ правленія при императорѣ Петрѣ III“ (Записки Миниха (отца), 95 с.). 3) Появленіе „проэкта“, „плана“ образованія совѣта и, наконецъ, сообразное съ ними, его учрежденіе доказываютъ убѣдительно, что и въ кратковременное царствованіе Петра III ясно ощущалась давно сознаваемая потребность въ созданіи государ. совѣта, удовлетворенная наконецъ въ послѣдующія царствованія, особенно при Александрѣ I, 4) Графъ Н. И. Панинъ видитъ причину безпорядковъ въ госуд. управленіи при Елизаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III въ томъ, что при нихъ „въ верховномъ государевомъ мѣстѣ части государственныя были безъ раздѣленія и никоторая никому особливо не поручена“ (Докладъ etc., 1418 с.), ср. Ѳ. Дмитріевъ, н. с., 63 с.

обозначается три рода учрежденій: законодательное—совѣтъ, административное—генералъ-прокуроръ и судебное—сенатъ. Но наибольшаго развитія достигла при Екатеринѣ II система мѣстныхъ установленій, образованныхъ „учрежденіемъ о губерніяхъ". Всѣ административныя преобразованія Екатерины II совершались постепенно въ продолженіе всего ея царствованія. При своемъ возшествіи на престолъ Екатерина застала полный безпорядокъ во всемъ управленіи. Плохое состояніе финансовъ и всей финансовой администраціи и монетнаго дѣла, отсутствіе кредита и упадокъ авторитета власти въ провинціяхъ, гдѣ, по словамъ императрицы, „исполнялись худо указы самого сената[1]) „флотъ въ упущеніи, армія въ разстройствѣ, крѣпости въ развалинахъ; въ сенатѣ за излишество почитали государственныя дѣла слушать и оттого сдѣлалось, что иногда сами не знали, о чемъ судятъ"[2]),—такова была картина внутренняго управленія Россіи въ половинѣ 1762 г. Екатерина особенно была недовольна сенатомъ, который „вышелъ изъ границъ", удержалъ за собою право „выдавать законы, раздавать чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ, почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ"[3]). Въ сенатѣ же сохранились аристократическія традиціи верховниковъ, которыя проявились при возшествіи на престолъ Екатерины II въ намѣреніи графа Н. И. Панина создать въ Россіи аристократическій государственный совѣтъ по образцу шведскаго. Панинъ предложилъ Екатеринѣ II отказаться отъ неограниченной власти и учредить постоянный совѣтъ, который можетъ гарантировать ей корону. Члены этого со-

---

1) „Разсказъ Екатерины II о первыхъ пяти годахъ ея царствованія", Рус. Архивъ, 1765, Ш, 479—480 с. 2) „Собственноручная записка Екатерины II о первыхъ годахъ ея царствованія", Сборн Рус. Ист. Общ., X, 380—381 стр. 3) Чтенія въ общ. ист. и др. рос., 1859, I, 102 с. (Секретнѣйшее наставленіе Екатерины II генералъ-прокурору князю Вяземскому).

вѣта, которые назначались изъ среды знати, должны были быть безсмѣнными и обладали правомъ въ случаѣ ихъ преступленій судиться только себѣ равными[1]). Екатерина II поручила Панину представить докладъ о предлагаемомъ имъ преобразованіи въ высшемъ управленіи Россіи. Мы уже знакомы съ тою частью этого доклада Панина, гдѣ онъ отзывается неодобрительно о временахъ Елизаветы Петровны и Петра III. Безпорядки при нихъ въ управленіи не могли быть устранены, по словамъ Панина, сенатомъ, который былъ при Елизаветѣ Петровнѣ центромъ всего государственнаго управленія, но онъ „подъ государевой державной властью не можетъ имѣть права законодавца, а управляетъ по предписаннымъ законамъ и правиламъ. Его первое правило наблюдать теченіе дѣлъ и производить ему принадлежащія по силѣ выданныхъ законовъ и указовъ на каждое судебное мѣсто. Сенатъ часто опредѣляетъ и рѣшитъ вредныя дѣла по законамъ, разновременно изданнымъ, часто не соображая, что по перемѣнамъ положенія въ государствѣ и по приключающимся обстоятельствамъ одно другому иногда можетъ дѣлать подрывы“. Панинъ думаетъ, что сохраненіе такого порядка вещей приведетъ къ тому, что „не только сенатъ выйдетъ изъ своихъ границъ, но и теченіе дѣлъ въ правленіи государства часто будетъ останавливаться и вмѣсто скорыхъ резолюцій будутъ нескончаемыя разсужденія и споры о новыхъ законахъ“. „Дѣйствительный успѣхъ и общая польза“ не могутъ быть достигнуты сенатомъ и при помощи коллегій и приказовъ, гдѣ дѣла „производятся больше съ наблюденіемъ одного приказнаго порядка, нежели съ попеченіемъ о дѣйствительномъ успѣхѣ и общей пользѣ, и въ границахъ собственныхъ законовъ, въ предѣлахъ которыхъ долженъ обращаться и сенатъ“. Каждый сенаторъ и судья обязаны

1) Castera: „Vie de Catherine II, Paris, 1797, Tome premier, 195—196 p., cp. Crusenstolpe: „Der russische Hof“, II Band, 109 s.

только „разсудить дѣло по силѣ указовъ, а сомнительное изъ того взнесть въ докладъ. Главное же и общее о всемъ государствѣ попеченіе замыкается, замѣчаетъ Панинъ, въ персонѣ государя, который можетъ произвести въ полезное дѣйство свою самодержавную и законодательную власть разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ". Для того, чтобы Екатерина могла „употребить свое право самодержавства съ полною властью къ основанію и утвержденію формы и порядка въ правительствѣ для общей пользы и благосостоянія имперіи", Панинъ предлагаетъ ей учредить „верховное мѣсто лежислаціи или законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго государя и изъ единаго мѣста истекать будетъ собственное монаршее изволеніе, все оживотворяющее, и которое оградитъ самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя"[1]).

Вмѣстѣ съ докладомъ графъ Панинъ поднесъ Екатеринѣ II обширный проэктъ „Устава Верховному Правительству", показывающій ясно, на сколько были опредѣленны и до извѣстной степени правильны понятія государственныхъ людей второй половины XVIII в. объ основаніяхъ организаціи высшихъ учрежденій государственнаго совѣта и сената. Проэктъ Панина видитъ причину бывшихъ до этого времени частыхъ перемѣнъ въ государственномъ управленіи въ томъ, что „въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ" и недоставало „такихъ начальныхъ основаній правительства, которыя бы его форму твердо сохранить могли. Панинъ считаетъ всѣ учрежденія послѣ Петра I непрочными и замѣчаетъ, что въ это время „иногда и самимъ верховнымъ мѣстамъ нашего самодержавнаго правительства оставалось только ихъименованіе,

1) „Докладъ графа Панина Екатеринѣ II", Рус. Архивъ, 1871, IX и Сборн. Руск. Ист. Общества, VII, 202—209 с.

а все государство одними персонами и ихъ изволеніями безъ знаній и внѣ мѣстъ управляемо было“. Недостаточность установленій и частыя злоупотребленія „привели въ такое положеніе правленіе дѣлъ“ въ Россіи, что „при наиважнѣйшемъ произшествіи на монаршемъ престолѣ (воцареніе Петра III) почиталось излишнимъ и ненадобнымъ собраніе верховнаго правительства“. Въ проэктѣ заявляется о твердомъ намѣреніи Екатерины II исправить различные недостатки въ управленіи, чтобы непоколебимо утвердить форму и порядокъ, которыми подъ императорскою самодержавною властью, государство навсегда управляемо быть должно“. Всѣ преобразованія будутъ исходить изъ мысли Петра I о самодержавной власти русскихъ государей. Во главѣ всего управленія проэктъ ставитъ императорскій совѣтъ, гдѣ предсѣдательствуетъ сама императрица. Совѣтъ состоитъ изъ шести членовъ, въ числѣ которыхъ находятся „штацкіе министры“ иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ, военныхъ и морскихъ. Каждый изъ нихъ завѣдуетъ однимъ изъ соотвѣтствующихъ четырехъ департаментовъ, на которые подраздѣляется совѣтъ. Но министры могутъ быть и не изъ числа императорскихъ совѣтниковъ. „И въ такомъ случаѣ предписанное ихъ число шести, не включая сихъ министровъ, состоять имѣетъ (1—3 и 5 §). Но какъ члены совѣта, такъ и тѣ штацкіе министры не умножаютъ классовъ учрежденныхъ, а считаются по табели о рангахъ обыкновенными чинами, кто какіе имѣть будетъ, довольствуяся отличностью монаршаго избранія къ такой знатной и важной должности“ (6 §). Проэктъ точно опредѣляетъ кругъ вѣдомства и значеніе императорскаго совѣта въ государственномъ управленіи. Въ компетентность совѣта входятъ „всѣ дѣла, принадлежащія по уставамъ государственнымъ и по существу самодержавной власти“ русскаго государя; „вносимые не въ присутствіи сената доклады, мнѣнія, проэкты, всякія справедливыя просьбы, точное

свѣдѣніе всѣхъ разныхъ частей, составляющихъ государство и его пользу, словомъ все то, что служить можетъ къ собственному самодержавнаго государя попеченію о приращеніи и исправленіи государственномъ“ (4 §).

Панинъ старается, повидимому, придать учрежденію совѣта строго монархическій, законосовѣщательный характеръ. „Все установленіе сего императорскаго совѣта, заявляется въ проэктѣ, инаго намѣренія имѣть не можетъ и „не должно, какъ только то, чтобы средствомъ онаго самъ государь могъ объять всѣ части государственныя подъ свое монаршее попеченіе для удобнѣйшаго въ пользу общую законодательства, слѣдовательно для поданія совершенной силы дѣйствію его самодержавной власти“ (6 §). „Императорскій совѣтъ, говорится въ другомъ мѣстѣ проэкта, ничто иное, какъ то самое мѣсто, въ которомъ мы объ имперіи трудимся, и потому всѣ доходящія до насъ, яко до государя, дѣла должны быть раздѣляемы между штацкими министрами (предсѣдателями департаментовъ совѣта), а они по своимъ департаментамъ должны ихъ разсматривать, выработывать, въ ясность приводить, *Намъ въ совѣтъ предлагать* и по нимъ отправленія чинить по нашимъ резолюціямъ и повелѣніямъ. Министры же должны быть живою запискою рачительному государю принадлежащаго точнаго свѣдѣнія о установленіяхъ и состояніи всѣхъ вещей, составляющихъ дѣла, порядокъ и положеніе всего государства“ (§ 5). Проэктъ опредѣляетъ устройство канцеляріи, которой управляетъ директоръ съ извѣстнымъ количествомъ секретарей и другихъ чиновниковъ, и устанавливаетъ порядокъ дѣлопроизводства въ совѣтѣ. Въ засѣданіяхъ совѣта, которыя происходятъ въ опредѣленное время и въ назначенномъ для нихъ мѣстѣ, въ присутствіи государыни „каждый министръ по своему департаменту предлагаетъ дѣла, принадлежащія къ докладу и Высочайшему императорскому рѣшенію. А совѣтники императорскіе сво-

ими мнѣніями и разсужденіями оныя оговариваютъ, и мы нашимъ самодержавнымъ повелѣніемъ опредѣляемъ нашу послѣднюю резолюцію" (7—8 §§). Директоръ или правитель канцеляріи совѣта ведетъ протоколы преніямъ членовъ совѣта и Высочайшимъ резолюціямъ, постановленнымъ на докладахъ (§ 9). „Всякое новое узаконеніе, актъ, постановленіе, манифесты, грамоты, патенты, которые государи сами подписываютъ, должны быть контрасигнированы тѣмъ штацкимъ министромъ, по департаменту котораго то дѣло производилося, дабы тѣмъ публика оное отличать могла" (§ 10). „Изъ сего императорскаго совѣта, добавляетъ проэктъ, ничто исходить не можетъ инако, какъ за собственноручнымъ монаршимъ подписаніемъ" и только въ случаяхъ маловажныхъ запросовъ и справокъ по дѣламъ они подписываются однимъ изъ членовъ совѣта или же правителемъ его канцеляріи (§ 11). Вслѣдъ за образованіемъ совѣта въ проэктѣ Панина слѣдуютъ предположенія о реорганизаціи сената, которому предоставляется право „имѣть свободность представлять на Высочайшія повелѣнія, ежели они въ исполненіи своемъ могутъ утѣснять наши государственные законы или народа нашего благосостояніе" (1 §). Чего въ государственныхъ дѣлахъ сенатъ рѣшить не можетъ, о томъ онъ долженъ представлять императрицѣ (2 §). Сенатъ по проэкту раздѣляется на шесть департаментовъ, между которыми распредѣлены всѣ дѣла, бывшія въ вѣдѣніи сената. При первомъ департаментѣ сената остается генералъ-прокуроръ, а въ каждомъ изъ остальныхъ по одному оберъ-прокурору (§ 3). Дѣла въ департаментахъ рѣшаются „единогласно и на точномъ разумѣ законовъ" (§ 4). Въ сомнительныхъ же случаяхъ дѣла рѣшаются въ первомъ департаментѣ или общемъ собраніи сената по инищіативѣ и при содѣйствіи генералъ-прокурора. По большинству же голосовъ и согласно съ существующими законами рѣшаются „всякія новыя и въ депар-

таментахъ еще нетрактованныя государственныя дѣла"; въ случаѣ же отсутствія законовъ дѣло восходитъ на Высочайшее усмотрѣніе[1]).

Проэктъ „Устава Верховному Правительству" Панина былъ принятъ Екатериной II, которая повелѣла составить на его основаніи манифестъ, сообщенный ею нѣкоторымъ сановникамъ съ цѣлью предварительнаго обсужденія, прежде публикаціи манифеста, предлагаемыхъ Панинымъ преобразованій въ управленіи. Одинъ изъ нихъ (быть можетъ, графъ А. П. Вестужевъ или же графъ М. Р. Воронцовъ)[2]) не замедлилъ представить свои „Замѣчанія" на проэктъ манифеста объ учрежденіи совѣта и сената съ приложенною при нихъ запискою. Авторъ „Замѣчаній" предлагаетъ болѣе точно установить порядокъ разсужденій членовъ совѣта, которыя не должны записываться въ протоколы, содержащіе одни только рѣшенія совѣта. Авторъ находитъ, что упоминаемая въ манифестѣ „свободность сената представлять Е. И. В. на собственныя Е. В. повелѣнія" заключаетъ въ себѣ „нѣкоторое сокращеніе самодержавной Е. В. власти: сенатъ и безъ того можетъ Е. В. представлять, когда о чемъ надобно будетъ по его должности, которая предписана ему отъ государя императора Петра Великаго". Наконецъ, тотъ же авторъ „Замѣчаній" совѣтуетъ изъять изъ вѣдомства сената иностранныя дѣла, „которыя никогда въ немъ не были",

1) Даневскій, н. с., приложенія, 11—20 с. 2) Авторъ подстрочныхъ замѣчаній къ бумагамъ Екатерины II, изданнымъ въ VII т. С. Р. И. О., подаетъ голосъ за Бестужева, такъ какъ въ манифестѣ противъ словъ: „а все государство однѣми персонами и ихъ изволеніями безъ знаній и внѣ мѣстъ управляемо было" приписано: „Гр. П. И. Ш., да Ив. Ив. Шуваловъ". Но такой же намекъ на господство въ управленіи „изволеній персонъ" (Шуваловыхъ) могъ сдѣлать и графъ М. Р. Воронцовъ, котораго скорѣе можно считать авторомъ „Замѣчаній" на манифестъ. На это указываетъ сходство въ одномъ мѣстѣ „Замѣчаній" и „Проэкта манифеста объ образованіи совѣта", поданнаго М. Р. Воронцовымъ Петру III. Въ обоихъ актахъ есть предложеніе, чтобы въ сомнительныхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ законовъ, сенатъ обсуждалъ дѣло въ присутствіи членовъ коллегій и потомъ представлялъ бы свое рѣшеніе на Высочайшее усмотрѣніе.

предоставить недовольнымъ рѣшеніемъ общаго собранія сената аппелировать въ совѣтъ и опредѣлить, чтобы въ случаѣ отсутствія узаконеній при рѣшеніи государственныхъ дѣлъ „сбирать сенату всѣ коллегіи и, разсудя, докладывать Е. И. В., и, принявъ резолюцію, сообщить къ сочиняемому новому уложенію". Въ запискѣ, при которой были препровождены эти замѣчанія, ея авторъ предлагаетъ назвать совѣтъ императорскимъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, какъ это было при императрицѣ Екатеринѣ I: „сіе наименованіе доказуетъ древность государственнаго правленія, которая новостямъ предпочитается", и такимъ образомъ, „никакимъ разнымъ разсужденіямъ повода не подается". Члены совѣта должны называться министрами императорскаго верховнаго тайнаго совѣта и, какъ ранѣе, дѣйствительными тайными совѣтниками. Авторъ записки даетъ совѣтъ Екатеринѣ II „недреманнымъ окомъ смотрѣть, чтобъ самодержавную власть, подобно уздѣ, изъ рукъ не выпускать", какъ это произошло при Екатеринѣ I и Аннѣ Ивановнѣ, которыя обѣ подчинили сенатъ первая верховному тайному совѣту, а вторая кабинету. Точно также и новый императорскій верховный тайный совѣтъ долженъ разрѣшать жалобы на рѣшенія сената, чѣмъ „самодержавная власть непоколебимо содержана и утверждена будетъ" [1]). Другое мнѣніе о манифестѣ также неизвѣстнаго автора „Доклада Екатеринѣ II объ учрежденіи совѣта" тоже „признаетъ пользу и нужду въ учрежденіи совѣта, который бы служилъ къ облегченію трудовъ" императрицы: тогда она можетъ „обратить главное свое попеченіе на исправленіе законовъ, справедливое признаніе заслугъ и преступленій, на общую государственную экономію и народное благоденствіе". Авторъ „Доклада" находитъ, что главная цѣль учрежденія совѣта заключается въ „исправленіи

1) Сборникъ Рус. Ист. Общества, VII, 217—221 с.

законовъ (установленіи новыхъ и непремѣнныхъ, при соблюденіи самодержавной власти, въ случаѣ преемничества престола) и истребленіи всѣхъ нынѣ въ правительствѣ усмотрѣнныхъ недостатковъ". Опредѣленіе числа членовъ совѣта должно зависѣть отъ воли императрицы. Должности статскихъ секретарей нужно опредѣлить не въ манифестѣ, а въ составленномъ ранѣе учрежденія совѣта его регламентѣ: такимъ путемъ могутъ быть избѣгнуты всякія недоразумѣнія, споры и притѣсненія въ правахъ президентовъ трехъ главныхъ коллегій, которые должны, какъ и прежде, докладывать государю лично и независимо отъ статскихъ секретарей. Этимъ послѣднимъ необходимо предоставить право сочинять именные указы, которые касаются дѣлъ ихъ департаментовъ, а „правителю канцеляріи совѣта—только тѣ, кои не касаются до департаментовъ". Въ заключеніи къ своему „Докладу" его авторъ отзывается неодобрительно о предложеніи Панина раздѣлить сенатъ на департаменты и совѣтуетъ „оставить это на собственное разсмотрѣніе сената"[1]).

Оба неизвѣстныхъ автора мнѣній объ образованіи предполагаемаго совѣта, относятся, видимо, благопріятно къ проэкту Панина: первый изъ нихъ, выражая заботливость о томъ, чтобы при новыхъ реформахъ въ высшемъ управленіи не произошло „сокращенія самодержавной власти", въ тоже время настаиваетъ на возстановленіи прежняго верховнаго тайнаго совѣта и подчиненіи ему сената. Авторъ же „Доклада" желаетъ освободить отъ всякой зависимости отъ совѣта президентовъ трехъ первыхъ коллегій и возвысить правительственное значеніе сената на счетъ совѣта. Общее между обоими авторами было то, что они одинаково сочувствовали мысли Панина объ ограниченіи власти Екатерины II въ пользу знати[2]). Въ числѣ друзей Панина были обра-

1) Архивъ князя Воронцова, XXVI, 1—4 с. 2) Ратынскій: „Дворъ и правительство въ Россіи сто лѣтъ тому назадъ" (Рус. Архивъ, 1886, XXIV, I, 155—

зованнѣйшіе государственные люди, ясно сознававшіе необходимость учрежденія въ ту пору государственнаго совѣта въ Россіи. Такъ графъ С. Р. Воронцовъ бывшій посланникомъ въ Англіи, въ письмѣ къ Панину замѣчаетъ, что совѣтъ необходимъ, какъ высшее учрежденіе, гдѣ должны разсматриваться важнѣйшія какъ внутреннія, такъ и внѣшнія дѣла: такимъ путемъ будетъ устранена возможность вредныхъ для государства ошибокъ со стороны представителей высшей администраціи, которые не будутъ нести отвѣтственности за свою дѣятельность[1]). Графъ С. Р. Воронцовъ, слѣдовательно, желалъ образовать государственный совѣтъ съ обширною и безотвѣтственною властью въ государствѣ. Не такъ благосклонно отнесся къ проэкту Панина одинъ изъ членовъ бывшаго при Петрѣ III совѣта, генералъ-фельцехмейстеръ, Вильбуа, спрошенный Екатериной. По мнѣнію Вильбуа, авторъ „Проэкта“ „подъ видомъ защиты монархіи тонкимъ образомъ склоняется къ аристократическому правленію. Обязательный и государственнымъ закономъ установленный императорскій совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей. Императрица, по своей мудрости, отстранитъ все то, изъ чего впослѣдствіи могутъ произойти вредныя дѣйствія. Ея разумъ и духъ не нуждаются ни въ какомъ особенномъ совѣтѣ, только здравіе ея требуетъ облегченія отъ невыносимой тяжести необработанныхъ и восходящихъ къ ней дѣлъ. Но для этого нужно только раздѣленіе ея частнаго кабинета на департаменты съ статсъ-секретаремъ для каждой“.

---

156 с.). По словамъ Ратынскаго, графъ Н. И. Панинъ, увлекаясь аристократическимъ правленіемъ въ Швеціи (до 1772 г.), гдѣ онъ былъ посланникомъ при Елизаветѣ Петровнѣ, желалъ вмѣстѣ съ Тепловымъ создать въ Россіи такой порядокъ вещей, который „оставляя верховную власть въ принципѣ самодержавною, давалъ бы возможность нѣсколькимъ сановникамъ имѣть вліяніе на ея рѣшенія и тѣмъ самымъ ее ограничивать“ (ibidem).—1) Русскій Архивъ, 1874, II, 291—297 с.

Императрица, замѣчаетъ Вильбуа, можетъ выбирать въ число своихъ совѣтниковъ способнѣйшихъ людей, между тѣмъ какъ въ случаѣ учрежденія императорскаго совѣта ея воля будетъ связана избранными въ него членами. Вильбуа одобряетъ предлагаемое Панинымъ дѣленіе совѣта на департаменты, которые должны состоять изъ небольшаго числа членовъ. Для русскаго монарха, заключаетъ свое мнѣніе Вильбуа, нужна неограниченная власть. Императорскій же совѣтъ слишкомъ приблизитъ подданнаго къ государю и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ" [1]). Противъ проэкта Панина высказался еще графъ Бестужевъ, представившій Екатеринѣ II всю опасность учрежденія императорскаго совѣта, „съ которымъ она должна будетъ раздѣлить власть, пріобрѣтенную съ такимъ трудомъ" [2]). Но и независимо отъ неодобрительныхъ отзывовъ Вильбуа и Бестужева о проэктѣ Панина послѣдній не могъ разсчитывать, чтобы императрица приняла безпрекословно всѣ его предложенія о реформахъ въ управленіи. Для Екатерины казалось подозрительнымъ то, что инціатива учрежденія совѣта исходитъ отъ графа Н. И. Панина, который думалъ по отстраненіи отъ престола Петра III возвести на него малолѣтняго его сына, Павла, а Екатерину назначить только правительницей до совершеннолѣтія императора [3]). Екатерину оскорбляло также то недовѣріе къ ея силамъ и способностямъ, какое высказалъ Панинъ въ своемъ проэктѣ объ ограниченіи власти императрицы отъ вліянія фаворитовъ [4]). Въ самомъ проэктѣ Екатеринѣ не нравилось названіе управляющихъ департаментами совѣта „министрами", въ которыхъ она видѣла лицъ, облеченныхъ обширною и неопре-

---

1) Blum: „Ein russischer Staatsmann" (Sievers), I, 144—146 s. 2) Castera, 197 p., Crusenstolpe, 11,111 s. 3) Соловьевъ, XXV, 150 с., Crusenstolpe, II, 19—23 s. 4) Соловьевъ, XXV, 150 с., Брикнеръ: „Исторія Екатерины II", Спб., 1885, IV, 618 с.

дѣленною властью: императрицу стѣсняло то, что она должна была назначить въ совѣтъ опредѣленное число членовъ. Могло возбудить недовѣріе Екатерины предоставляемое проэктомъ министрамъ-предсѣдателямъ департаментовъ совѣта— право контрасигнировать всѣ законы, акты, постановленія, манифесты, грамоты и патенты, исходящіе изъ совѣта: вслѣдствіе этого „министры" могли бы пріобрѣсти особенное вліяніе на важнѣйшія государственныя дѣла и общественную жизнь, которое подрывало бы авторитетъ монархической власти. Ея права несомнѣнно уменьшались и правомъ сената представлять государынѣ о неудобствахъ исполненія Высочайшихъ повелѣній. Плохую услугу оказали Панину защитники его „Проэкта", особенно неизвѣстный авторъ „Замѣчаній", предложившій назвать императорскій совѣтъ императорскимъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. Это предложеніе могло навести Екатерину на мысль, что и новый совѣтъ обратится въ такое же аристократическое учрежденіе, какимъ былъ верховный тайный совѣтъ при Екатеринѣ I [1]). При своемъ возшествіи на престолъ Екатерина II не была противъ допущенія къ дѣламъ управленія высшаго дворянства; по ея собственнымъ словамъ, она „чувствовала великую склонность чтить древніе роды", желала возстановить ихъ блескъ пожалованіемъ орденовъ, назначеніемъ въ должности старшихъ въ родѣ, если только они имѣютъ достоинства, „а также раздачею пенсій и даже помѣстій, смотря по надобности и заслугамъ". Но все это Екатерина была готова сдѣлать для знати въ виду того, чтобы увеличилось могущество и обаяніе монархической ея власти: „государи, думала она, кажутся великими по мѣрѣ того, какъ природные знатные и приближенные благоденствуютъ въ отношеніи богатства" [2]). Екатерина не хотѣла отказываться отъ само-

1) Соловьевъ, ibid., 182 с. 2) „Собственноручные замѣтки великой княгини Екатерины Алексѣевны (Екатерины II)", Сб. Рус. Ист. Общ., 83—84 с.

державной власти, которой давно уже пользовались ея предшественники на русскомъ престолѣ и въ необходимости которой для блага Россіи она была искренно убѣждена [1]). Монархическіе взгляды Екатерины II были главною причиною, почему она не согласилась образовать, сообразно проэкту Панина, въ Россіи государственный совѣтъ, хотя сначала она было и рѣшилась послѣдовать его предложенію. На это указываетъ назначеніе графа А. Бестужева „первымъ императорскимъ сановникомъ и первымъ членомъ новаго, учрежденнаго при дворѣ императорскаго совѣта“ [2]). Кромѣ Бестужева, были назначены императрицей и другіе члены совѣта: графъ Кирилъ Разумовскій, графъ Михаилъ Романовичъ Воронцовъ, князь Яковъ Шаховской, графъ Н. И. Панинъ, графъ Захаръ Чернышевъ, князь Михаилъ Волконскій и Г. Г. Орловъ [3]). Изъ этихъ членовъ совѣта графъ Панинъ долженъ былъ управлять департаментомъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Воронцовъ—„чужестраннымъ“ и графъ Чернышовъ—военнымъ департаментомъ [4]). На основаніи проэкта Панина былъ составленъ и подписанъ Екатериной „Манифестъ объ учрежденіи императорскаго совѣта и раздѣленіи сената на департаменты“, причемъ названіе „министровъ“

---

1) Брикнеръ, ibidem, 617—618 с. Въ „Секретн. наставленіи князю А. Вяземскому“ Екатерина писала: „Россійская имперія есть столь обширна, что кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей; ибо всѣ прочія медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ“ (Чт. въ общ. ист. и древн. россійскихъ, 1858, I, 103 с.). Такого же образа мыслей Екатерина продолжала держаться и во все свое царствованіе. „Я въ душѣ республиканка, говорила она своимъ приближеннымъ (1782—1783 г.), и деспотизма ненавижу. Но для блага народа русскаго абсолютная власть необходима“ (Записки А. М. Тургенева“ Рус. Старина, 1889, LXI, 210 с.). 2) С. Р. И. О., VII, 143 с. Эти слова находятся въ черновомъ проэктѣ манифеста о Бестужевѣ, а въ печатномъ (П. С. З., XVI, № 11,659) ихъ уже нѣтъ. 3) С. Р. И. О., VII, 201 с. 4) Управляющій морскимъ департаментомъ совѣта не былъ назначенъ Екатериной.

замѣнено словомъ „статскихъ секретарей“ и число членовъ совѣта увеличено до девяти. Но потомъ манифестъ былъ надорванъ, актъ объ образованіи совѣта остался необнародованнымъ, а его учрежденіе необразованнымъ [1]). Изъ проэкта Панина было примѣнено къ практикѣ Екатериной только раздѣленіе сената на департаменты съ подробнымъ обозначеніемъ компетентности каждаго изъ нихъ [2]).

Не смотря на то, что совѣтъ не былъ образованъ въ 1762 году, сама Екатерина хорошо сознавала всю его необходимость для упроченія своей власти и управленія такимъ обширнымъ монархическимъ государствомъ, какъ Россія [3]). Даже въ то время, когда шли разсужденія по поводу проэкта Панина, Екатерина созываетъ (17 авг. 1762 г.) собраніе „большаго государственнаго совѣта“ [4]). Когда затѣмъ проэктъ Панина не былъ принятъ, толки объ устройствѣ государственнаго совѣта продолжались [5]). Англійскій посланникъ, графъ Мерси-Аржанто пишетъ графу Кауницу (въ февралѣ 1763 г.): „сначала здѣсь намѣрены были учредить для завѣдованія внѣшними дѣлами государственный совѣтъ. Это предположеніе обсуждалось въ собраніи знатнѣйшихъ лицъ русской націи и по вопросамъ о назначеніи членовъ совѣта и способѣ созданія этого учрежденія между ними обнаружилось большое несогласіе, такъ что самое предположеніе будетъ совершенно оставлено и дѣла останутся по старому, какъ и прежде, въ рукахъ Панина“ [6]). Но 18 окт. того-же 1763 г.

---

1) С. Р. И. О., VII, 210 с. 2) Необходимо замѣтить, что проэктъ Панина объ учрежденіи императорскаго совѣта оказалъ несомнѣнное вліяніе на позднѣйшее образованіе Екатериной совѣта при Высочайшемъ дворѣ, и что планъ Панина объ организаціи совѣта былъ въ числѣ матеріаловъ при преобразованіи екатерининскаго совѣта въ александровскій непремѣнный совѣтъ или, быть можетъ, и—государственнаго совѣта 1810 г.: манифестъ объ учрежденіи императорскаго совѣта былъ найденъ императоромъ Николаемъ I въ кабинетѣ покойнаго государя Александра Павловича (С. Р. И. О., VII, 217 с.). 3—6) Донесенія графа Мерси-Аржанто Маріи Терезіи и графу Кауницу (С. Р. И. О., XLVI, стр.: 44, 38, 342 и 345).

Мерси-Аржанто пишетъ: „на дняхъ рѣшено собираться еженедѣльно два раза государственному совѣту, въ составъ котораго вошли: графъ Бестужевъ, оберъ-гофмейстеръ Панинъ, вице-канцлеръ князь Голицынъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ Неплюевъ“ [1]). „По случаю кончины короля польскаго, добавляетъ Мерси-Аржанто, государственный совѣтъ былъ созванъ вчера“ [2]). Слѣдовательно, фактически государственный совѣтъ существовалъ, хотя и не въ полномъ и опредѣленномъ видѣ, въ первые годы царствованія Екатерины II, которая не оставляла потомъ мысли объ его образованіи Въ 1763 г. она поручаетъ фельдмаршалу Миниху представить записку объ устройствѣ высшаго управленія въ Россіи. Минихъ пишетъ свой: „Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie“, гдѣ задается цѣлью доказать необходимость учрежденія въ Россіи государственнаго совѣта, который „наполнялъ бы пустоту между верховною властью и сенатомъ“ [3]). Минихъ разсматриваетъ всѣ прежнія попытки восполненія этой „пустоты“, начиная съ Петра I, когда она образовалась, находитъ ихъ недостаточными и предлагаетъ Екатеринѣ II совершить этотъ важный трудъ въ преобразованіи высшаго русскаго управленія. „Благо государства, говоритъ Минихъ, требуетъ, чтобы громадное разстояніе, существующее между высшею властью и властью сената, было восполнено учрежденіемъ совѣта. Этотъ совѣтъ долженъ состоять изъ многихъ лицъ, которыя, находясь у государственнаго кормила, могли бы искусно направлять всѣ дѣла имперіи, облегчать этимъ труды Е. В. императрицы и избавлять ее отъ тягости входить въ подробности не особенно важныхъ дѣлъ“. Минихъ предлагаетъ распредѣлить государственныя дѣла между различ-

1—2) Донесенія графа Мерси-Аржанто Маріи Терезіи и графу Кауницу (С. Р. И. О., XLVI, стр.: 377, 644 и 645). 3) Записки Миниха (отца), предисловіе, XVI—XVII с.

ными департаментами совѣта: иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ, финансовъ и торговли, военнымъ и морскимъ департаментомъ. Во главѣ каждаго изъ нихъ должны были стоять особыя лица, избранныя самой императрицей изъ числа способнѣйшихъ администраторовъ. Эти „пять лицъ и составляли бы совѣтъ Е. В., который представлялъ бы ей сущность дѣлъ и, руководясь мудрыми рѣшеніями государыни, изготовлялъ бы необходимые указы сенату и тѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, которыя не находятся въ прямой отъ него зависимости. Въ каждомъ департаментѣ слѣдовало бы имѣть канцелярію, секретарей изъ способныхъ и честныхъ чиновниковъ". Минихъ увѣренъ, что отъ предлагаемаго имъ устройства государственнаго совѣта водворится „удивительный порядокъ въ управленіи дѣлами" въ государствѣ [1]). Но Совѣтъ Миниха имѣлъ видъ не государственнаго совѣта, какъ законосовѣщательной коллегіи, члены которой имѣли бы равныя права при обсужденіи всѣхъ государственныхъ дѣлъ, а совѣта министровъ, управляющихъ отдѣльными департаментами совѣта, какъ своими канцеляріями. Такого почти рода совѣтъ изъ приближенныхъ къ императрицѣ лицъ (Панина [2]), Бестужева, князя Голицына и Неплюева) существовалъ до самого 1768 г.; онъ собирался обыкновенно два раза въ недѣлю для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ управленія [3]). О чрезвычайныхъ собраніяхъ такого совѣта изъ высшихъ сановниковъ упоминаетъ Н. И. Панинъ въ письмѣ къ Екатеринѣ II, писанномъ наканунѣ формальнаго открытія совѣта въ 1768году [4]).

Не рѣшаясь въ началѣ своего царствованія дать совѣту прочное, формальное образованіе изъ опасенія оживленія въ

1) Ibidem, 95—99 с. 2) Хотя проэктъ Панина объ образованіи импер. совѣта и не былъ осуществленъ, однако, самъ онъ продолжалъ пользоваться особеннымъ довѣріемъ императрицы, которая обыкновенно „разсматривала наединѣ съ нимъ политическія дѣла" (письмо графа С. Р. Воронцова къ императору Александру Павловичу, Архивъ князя Воронцова, X, 397 р.). 3) Соловьевъ, XXV, 182 с., Мерси-Аржанто, 644—645 с. 4) Даневскій, приложенія, 20—21 с.

немъ аристократическихъ стремленій знати, Екатерина II въ тоже время хорошо понимала необходимость организовать самостоятельно законодательную часть въ управленіи, которая находилась до нея въ безпорядочномъ и смѣшанномъ съ другими правительственными функціями видѣ: императрица держалась въ своей дѣятельности опредѣленныхъ принциповъ, политическихъ и административныхъ, и никогда не оставляла безъ вниманія ни одного проэкта[1]). Екатерина обратила свое вниманіе на состояніе законодательства въ русскомъ государствѣ въ первое же время своего царствованія. „Законы наши, писала она въ „Секретнѣйшемъ наставленіи князю Вяземскому", требуютъ поправленія: 1) чтобы все ввести въ одну систему, которой и держаться надлежитъ, 2) чтобы отрѣшить тѣ, которые оной прекословятъ и 3) чтобы раздѣлить временные и на персонъ данные отъ вѣчныхъ и непремѣнныхъ. О семъ уже было помышляемо, добавляетъ Екатерина, но короткость времени меня къ произведенію сего въ дѣйство еще не допустила" [2]). Къ недостаткамъ русскаго законодательства она, кромѣ того, относила: 1) несмѣтное количество законовъ и постановленій, 2) частыя измѣненія, дѣлаемыя въ однихъ и тѣхъ же законахъ, 3) небрежность судей и судовъ въ соблюденіи законовъ и 4) смѣлость, проявляющаяся въ утаиваніи отъ свѣдѣнія народа проступковъ судей и другихъ коронныхъ чиновниковъ [3]). Екатерина II, проявлявшая сильную иниціативу во всей своей правительственной дѣятельности, рѣшилась преобразовать всѣ русскія административныя учрежденія сообразно съ хорошо знакомой ей теоріей раздѣленія властей Монтескье[4]). Безразличное смѣшеніе въ нихъ всѣхъ

1) Comte-de-Segur: „Memoires" (Oeuvres completes, Paris), II, 200 p. 2) Чт. въ общ. ист. и др. рос., 1858, I, 104 с. 3) С. Р. И. О., XLII, 458 с. 4) Въ своемъ „Наказѣ" Екатерина II дѣлаетъ различіе между законодательной властью, защитительной (судебной) и совершительной (администраціей) („Наказъ", 23, 26 и 27 п.).

функцій управленія съ вытекающимъ отсюда безграничнымъ произволомъ его органовъ императрица думала устранить тѣмъ, что она выдѣлила изъ сената законодательную и административную функцію и оставила въ его вѣдѣніи судебныя дѣла, которыми сенатъ сталъ заниматься преимущественно еще въ предшествующія царствованія[1]). Выдѣленіе законодательныхъ дѣлъ изъ вѣдомства сената произошло въ торжественной формѣ созванія депутатовъ знаменитой „Коммиссіи о составленіи новаго уложенія“ (1767 г.). Въ манифестѣ объ учрежденіи коммиссіи Екатерина говоритъ, что „великое помѣшательство въ судѣ и расправѣ, слѣдовательно и въ правосудіи, составляетъ недостатокъ во многихъ случаяхъ узаконеній, въ другихъ же великое число оныхъ, по разнымъ временамъ выданныхъ“. Другой недостатокъ законодательства—„несовершенное различіе между непремѣнными и временными законами, затмѣніе страстными толками прямого ихъ разума и противорѣчіе ихъ существующимъ обычаямъ“. Императрица находитъ „утѣшеніе и облегченіе великаго бремени управленія государственнаго въ томъ, чтобы *видѣть законы въ своей силѣ и почтеніи*, а правосудіе въ дѣйствіи“[2]). Такъ на „Коммиссію“ была возложена труднѣйшая задача реорганизаціи всего тогдашняго общественнаго и политическаго строя на основаніи новыхъ, ясныхъ и опредѣленныхъ законовъ. Она должна была познакомить Екатерину съ общественнымъ состояніемъ русскаго народа и раздѣлить съ ней обширный трудъ по законодательству[3]). Коммиссія 1767 г. имѣла большое вліяніе на послѣдующую законодательную дѣятельность Екатерины II, которая говоритъ сама, что она „подала ей свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, собрала всѣ части закона и разобрала ихъ по матеріямъ и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы не началась

1) Градовскій, 217 с.; см. выше. 2) П. С. З., XVII, № 12,801. 3) Соловьевъ, XXVII, 89 с.

турецкая война, когда депутаты коммиссіи были распущены" [1]). Но если, съ одной стороны, наказы депутатовъ и ихъ рѣчи въ засѣданіяхъ „Коммиссіи" познакомили императрицу со всѣмъ тогдашнимъ общественнымъ бытомъ, его необходимыми потребностями и запросами, то, съ другой, тѣже наказы, рѣчи и пренія въ собраніяхъ депутатовъ должны были убѣдить Екатерину въ полномъ раздвоеніи между высшимъ и низшимъ слоями русскаго дворянства, его равнодушіи къ своимъ политическимъ правамъ и общегосударственнымъ интересамъ, мѣсто которыхъ занимали въ дворянскихъ наказахъ узкіе, сословные интересы дворянскаго сословія [2]). Императрица теперь могла спокойно приступить къ образованію въ высшемъ управленіи государственнаго совѣта, который долженъ былъ помогать ей въ обширныхъ реформахъ, продолжавшихся во все царствованіе Екатерины II, и въ правительственной ея дѣятельности. Созданіе ею государственнаго совѣта, какъ чисто монархическаго, законодательнаго учрежденія, должно было завершить собою тотъ медленный процессъ его развитія, который продолжался со времени образованія самодержавной власти русскихъ государей и въ первой половинѣ XVIII в. затормозился оживившимися, благодаря благопріятнымъ обстоятельствамъ, аристократическими тенденціями высшаго русскаго сословія. При образованіи совѣта Екатерина дѣйствуетъ также постепенно, какъ и при всѣхъ остальныхъ своихъ реформахъ. Разочаровавшись въ дипломатическихъ способностяхъ графа Н. И. Панина, который продолжалъ пользоваться довѣріемъ Екатерины до 1768 г.[3]), государыня учредила вскорѣ послѣ распущенія коммиссіи 1767 года „Совѣтъ при Высочайшемъ дворѣ" (1768 г.). Такъ, замѣчаетъ графъ С. Р. Воронцовъ, „графъ

---

1) Иконниковъ: „Правительствующій сенатъ въ царствованіе Екатерины II" (Рус. Архивъ, 1888, I, 29—34 с.). 2) Латкинъ: „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст.", 255 с. и сл.; Соловьевъ, XXVII, 90—107 с. 3) Архивъ князя Воронцова, X, 398—400 с.

Панинъ лишился вліянія, пріобрѣтеннаго имъ на императрицу, а государство выиграло то, что отправленіе дѣлъ улучшилось, и что водворилось болѣе согласія и гармоніи между всѣми отраслями управленія"[1]). Совѣтъ, имѣвшій сначала, обычную въ первые годы царствованія Екатерины II, форму чрезвычайныхъ собраній довѣренныхъ ея лицъ[2]), скоро получаетъ опредѣленную и прочную организацію, вслѣдствіе чего онъ становится постояннымъ учрежденіемъ съ законосовѣщательнымъ характеромъ. Въ 1769 г. послѣдовалъ указъ объ учрежденіи совѣта на время войны (турецкой) въ Высочайшемъ присутствіи „для разсужденія и бдѣнія, дабы ничего проронено не было, что служить можетъ къ оборонѣ и безопасности государства и дабы скорѣйшія сношенія установить между учрежденныхъ политическихъ и казенныхъ мѣстъ"[3]). Вслѣдъ за указомъ объ образованіи совѣта ему данъ былъ „Наказъ", гдѣ опредѣлено устройство совѣта и указаны также дѣла, подлежащія разсмотрѣнію совѣта, и порядокъ въ немъ дѣлопроизводства. Въ совѣтѣ было образовано два департамента, сообразно двумъ главнымъ предметамъ управленія, подлежащимъ его обсужденію. Въ силу „Наказа" въ совѣтъ „входитъ все то, что касается до нынѣшней войны, какъ по политическимъ дѣламъ, такъ и по военнымъ, а вслѣдствіе сихъ двухъ предметовъ и внутреннія государственныя распоряженія, какъ то: 1) планъ войны, 2) планы операцій военныхъ, 3) сверхштатныя пропитанія, 4) сверхштатныя издержки, 5) сношенія съ производящими сіи положенія въ дѣйство департаментами, 6) проэкты, къ тому подлежащіе, и 7) мирные договоры. Рѣшенія совѣта исполняются „тѣми мѣстами, до которыхъ они

---

1) Архивъ князя Воронцова, X, ibidem. 2) Засѣданія совѣта открылись въ 1768 г. при необыкновенныхъ условіяхъ и поэтому въ него попали лица, на которыхъ поспѣшилъ на запросъ Екатерины указать ей Панинъ (братья Панины, Разумовскій, Голицынъ, Чернышовъ, Волконскій, Григорій Орловъ и Вяземскій), см. Дапевскій, прилож., 21 с., 3) П. С. З., XVIII, № 13.232.

принадлежатъ". Канцелярія совѣта состоитъ изъ ея правителя и двухъ секретарей. Правитель канцеляріи совѣта „сообщаетъ членамъ то, что каждому по его департаменту исполненіе поручается" и ведетъ протоколы преніямъ членовъ совѣта въ его засѣданіяхъ и Высочайшимъ резолюціямъ на рѣшенія совѣта [1]).

Собранія совѣта, какъ постояннаго высшаго государственнаго учрежденія, начинаются съ 22 янв. 1769 года. Въ совѣтѣ предсѣдательствуетъ сама императрица, переставшая послѣ того присутствовать въ сенатѣ, который снова и на этотъ разъ навсегда уступаетъ совѣту первое мѣсто въ управленіи [2]). На первыхъ порахъ въ совѣтѣ сосредоточиваются военныя и иностранныя дѣла, но затѣмъ въ него начинаютъ стекаться и всѣ дѣла внутренняго управленія, которыя находились въ тѣсной связи съ внѣшними дѣлами [3]). Вліяніе и власть совѣта распространяются постепенно на всѣ отрасли управленія и онъ дѣлается необходимою, органическою его частью [4]), органомъ верховнаго управленія государствомъ [5]). Членами совѣта, кромѣ назначенныхъ въ 1768 году, были еще: графъ Григорій Орловъ [6]), князь Потемкинъ [7]), князь Безбородко, при которомъ дѣлопроизводство въ совѣтѣ получило правильный ходъ [8]), и другіе сановники. Въ засѣданія совѣта приглашались иногда лица, спеціально зна-

---

1) П. С. З., XVIII, №№ 13,233. 2) Соловьевъ, XXIX, 117 с., „Записки Дашковой", Лондонъ, 1859, 227 с., Брикнеръ, ibidem, IV, 620 с., 3) Архивъ госуд. совѣта, изд. Калачева, I, 1, предисл., 3 с. 4) Екатерина, повидимому, въ одно время (въ 1773 г.) желала упразднить совѣтъ, но это ея намѣреніе не было серьезнымъ; въ то время совѣтъ пріобрѣлъ уже дѣйствительное вліяніе на все управленіе и Екатерина была недовольна только тѣмъ, что „виды нѣкоторыхъ членовъ совѣта были несогласны съ ея взглядами" (С. Р. И. О., XLII, 356 с. 5) Это доказывается всею дѣятельностью совѣта при Екатеринѣ II (см. ниже). 6) Барсуковъ: „Жизнь графа Орлова", Рус. Архивъ, 1873, I, 62—66 с. и сл. 7) „Записки графа Рибопьера", Рус. Архивъ, 1877, I, 479 с. 8) Григоровичъ: „Канцлеръ князь Безбородко", Рус. Архивъ, 1875, I, 223—226 с.

комыя съ дѣлами, подлежащими его обсужденію. Канцелярія совѣта находилась подъ управленіемъ ея правителя, который велъ протоколы засѣданій совѣта [1]). Когда императрица не присутствовала въ совѣтѣ, протоколы его засѣданій подносились на ея утвержденіе однимъ изъ членовъ совѣта. Съ назначеніемъ въ совѣтъ князя Безбородко (въ 1786 г.) на его имя стали поступать всѣ письма, мнѣнія, проэкты и другія бумаги, имѣющія отношеніе къ занятіямъ совѣта. Безбородко же докладывалъ императрицѣ о дѣлахъ, рѣшенныхъ въ совѣтѣ [2]). Дѣятельность совѣта охватываетъ всѣ отрасли управленія: онъ является законодательнымъ, высшимъ административнымъ и судебнымъ учрежденіемъ. Въ него входятъ для разсмотрѣнія многія законоположенія, изданіемъ которыхъ ознаменовалось царствованіе Екатерины II. Необходимо, однако, замѣтить, что важнѣйшія изъ нихъ: учрежденіе о губерніяхъ, „грамота о преимуществахъ россійскому дворянству и грамота на права и выгоды городамъ россійской имперіи“ и др. были составлены внѣ совѣта, въ которомъ они были только прочтены и одобрены совѣтомъ [3]). Но это обстоятельство не подрываетъ высшаго правительственнаго значенія совѣта. Екатерина всегда обладала энергичной, личной инициативой въ дѣлахъ правленія и предпочитала въ особенности въ первые годы своего царствованія поручать составленіе законодательныхъ актовъ отдѣльнымъ лицамъ и коммиссіямъ. Однако, она считала нужнымъ внести въ совѣтъ указанные законы, и совѣтъ не ограничился однимъ безмолвнымъ соглашеніемъ съ ними, а въ послѣдующихъ засѣданіяхъ возбудилъ и рѣшилъ нѣкоторые вопросы, относящіеся къ осуществленію упомянутыхъ актовъ [4]). Такъ совѣтъ позволилъ себѣ указать на исключительно сословный харак-

---

1) А. Г. С., предисловіе, XI и XIV с. 2) Григоровичъ, ibidem, 3) Ibidem, I, 2, 208—209, 351 и 359 с. 4) А. Г. С., I, 2, 210 с. и сл., 352 с. и сл., 359 с. и сл.

теръ грамоты о дворянствѣ, предоставляемыхъ ею правъ и преимуществъ одному дворянскому сословію[1]) Но и независимо отъ актовъ, миновавшихъ совѣтъ, въ него вносилось много проэктовъ другихъ важныхъ законовъ [2]). Такъ совѣтъ занимался обсужденіемъ измѣненій въ организаціи сената и коллегій [3]) и устройства различныхъ мѣстныхъ учрежденій[4]), разсматривалъ вопросъ объ учрежденіи банковъ (ассигнаціоннаго и заемнаго) и банковыхъ конторъ [5]). Затѣмъ предметомъ разсужденій совѣта были: назначеніе чрезвычайныхъ налоговъ, увеличеніе пошлинъ, заключеніе внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ, составленіе государственнаго бюджета [6]) проэктъ кредитнаго устава [7]), уставъ о цензурѣ [8]) и опредѣленіе рекрутской и земской повинностей и обыкновенныхъ податей и пошлинъ [9]). Кромѣ правъ дворянскаго и городскаго сословія совѣтъ работаетъ надъ опредѣленіемъ правъ и лицъ сельскаго состоянія (крестьянъ, дворовыхъ людей), колонистовъ, евреевъ и иностранцевъ[10]). Совѣтъ принимаетъ различныя мѣры къ урегулированію производства спиртныхъ напитковъ и, между прочимъ, составляетъ новый уставъ о винѣ, приводитъ въ порядокъ таможенные сборы, монетное и горное дѣло, торговлю солью, охраненіе лѣсовъ и управленіе казенными имѣніями въ западныхъ и остзейскихъ губерніяхъ[11]) Совѣтъ считаетъ необходимымъ установить общія правила относительно производства въ чины[12]), организаціи орденскаго суда и капитула[13]) и дѣлаетъ нѣкоторыя измѣненія въ постановленіяхъ о бракахъ православныхъ съ иновѣрцами[14]) и о порядкѣ гражданскаго судопроизводства[15]).

---

1) А. Г. С., I, 2, 268—269 с. 2) Обязанности членовъ совѣта при Екатеринѣ II были на столько важны, что всѣ они должны были при вступленіи въ должность приносить присягу въ томъ, что они будутъ хранить въ тайнѣ разсужденія о государственныхъ дѣлахъ, подлежащихъ обсужденію совѣта (А. Г. С., I, 1, предисл., XV с.). 3—11) А. Г. С., I, 2, стр: 3, 215 с. и сл., 514 с. и сл., 406 с. и сл., 723—726, 729—730, 267—286, 287—351 и 359 с. и сл. 12—15) Ibidem, стр.: 267—272, 5—8, 383—386 и 387—392 с.

Дѣятельность совѣта направлена также на улучшеніе организаціи внутренней и внѣшней торговли: онъ разсматриваетъ докладъ коммиссіи коммерціи объ учрежденіи консуловъ въ разныхъ областяхъ, положеніе о складахъ разныхъ товаровъ въ Петербургѣ, о предметахъ, ввозимыхъ въ страну изъ иностранныхъ государствъ, составляетъ новый тарифъ и пр. [1]). Совѣтъ озабочиваетъ развитіе промышленности (фабрикъ и заводовъ), путей сообщенія, благоустройство въ городахъ и селахъ, народное просвѣщеніе и призрѣніе и народное продовольствіе [2]) Относительно всѣхъ вопросовъ внутренняго управленія мы находимъ въ протоколахъ засѣданій совѣта при Екатеринѣ II самыя разнообразныя мѣры, предпринимаемыя имъ для удовлетвореніи дѣйствительныхъ потребностей общественной жизни [3]). Но особенно много времени екатерининскій совѣтъ посвящаетъ разнымъ иностраннымъ дѣламъ[4]) и военному и морскому управленію [5]). Совѣтъ принимаетъ и чрезвычайныя мѣры въ случаяхъ, угрожающихъ общей безопасности и народному благосостоянію (напр., при моровой язвѣ 1771 г., бунтѣ Пугачева и казаковъ) [6]). Наконецъ, совѣтъ при Екатеринѣ II былъ и высшей судебной инстанціей по дѣламъ, предлагаемымъ на его разсмотрѣніе императрицей или вносимымъ въ совѣтъ сенатомъ и генералъ-прокуроромъ [7]).

Такимъ образомъ, про учрежденный Екатериной совѣтъ нельзя сказать, чтобы „онъ носилъ одно имя государственнаго установленія безъ ощутительнаго вліянія на дѣла общественныя“, какъ впослѣдствіи выразился о немъ указъ 1801 г. [8]). Участіе въ администраціи и судѣ екатерининска-

---

1—2) А. Г. С., I, 2, 591—678 и 678—722 с. 3) Мы не излагаемъ здѣсь подробно содержанія всѣхъ протоколовъ засѣданій совѣта при Екатеринѣ II, предполагая вернуться къ его дѣятельности во 2-мъ томѣ нашего изслѣдованія. 4) См. 1 ч. I т. А. Г. С. 5) Ibidem, I, 2, 21—192 с. 6) Ibidem, I, 1, 391—458 с. 7) Ibidem, I, 2, 731—747. 8) П. С. З., XXVI, № 19,806. О дѣятельности совѣта при Екатеринѣ упоминаютъ, между прочимъ, Храповицкій („Дневникъ

го совѣта было только незначительнѣе по сравненію съ его законосовѣщательной функціей. По словамъ Сперанскаго, „совѣтъ сей былъ единственно совѣщательный; никакой власти исполнительной ему не было предоставлено. Въ него поступали кромѣ военныхъ казенныя, правительственнныя, а иногда и частныя дѣла безъ точнаго, однако, опредѣленія“ [1]). Но это отсутствіе опредѣленной компетентности не мѣшало, какъ мы видѣли, обладать совѣту Екатерины II правами, дѣлавшими изъ него настоящій государственный совѣтъ русской имперіи, стоявшій въ качествѣ высшей, апелляціонной инстанціи надъ сенатомъ [2]), которому онъ даже дѣлалъ выговоры [3]). Сама императрица лишаетъ сенатъ законодательныхъ правъ, отстраняетъ его отъ участія во всѣхъ своихъ административныхъ реформахъ и въ „Коммиссіи о составленіи новаго уложенія“, и постепенно сосредоточиваетъ въ немъ, какъ „хранилищѣ законовъ“ [4]) одни только судебныя дѣла. Вскорѣ послѣ своего воцаренія Екатерина преобразовала сенатъ (въ 1763 г.), раздѣливъ его сообразно проэкту Панина на шесть департаментовъ. Каждый изъ нихъ сталъ теперь отдѣльною, самостоятельною частью сената, между тѣмъ какъ сенатскіе департаменты временъ Анны Ивановны были лишь простыми, подготовительными коммиссіями, такъ что весь сенатъ составлялъ до его реформы при Екатеринѣ II одинъ департаментъ [5]). Подносимыя на Высочайшее утвержденіе единогласныя рѣшенія каждаго изъ департаментовъ получали теперь силу закона. Въ случаѣ же разногласія сенаторовъ въ отдѣльныхъ департаментахъ дѣла пе-

---

Храповицкаго“, Спб., 1874, стр.: 80, 94, 103, 156, 195, 228, 264, 327, 330 344, 361, 364, 376, 391, 394 и 411), Грановскій (Записки, Рус. Старина, 1878, XV, стр.: 249, 252—254, 486—488, 496, 690—691 и 701 с., XVI, стр.: 16, 29, 221—222, 226—227, 231 и 412 с.) и Державинъ (см. Записки).—1) Сперанскій, 27—28 с. 2) Иконниковъ: „Сенатъ при Екатеринѣ II“, Рус. Арх., 1888, I, 26. 3) Записки Державина, 316—317 с. 4) „Наказъ“ Екатерины II, 26 п. 5) Разсказъ Екатерины II etc., Рус. Архивъ, 1885, III, 481 с.

реходили въ общее собраніе сената [1]). Изъ четырехъ департаментовъ, находившихся въ Петербургѣ, въ первомъ были сосредоточены важнѣйшія, „государственныя и политическія дѣла" и при немъ долженъ былъ состоять генералъ-прокуроръ. Второму департаменту поручены дѣла судебныя. Въ третій и четвертый департаменты входила переписка по дѣламъ, завѣдованіе которыми было поручено особымъ лицамъ. Пятый и шестой департаменты, преобразованные изъ сенатскихъ конторъ въ Москвѣ, вѣдали одинъ административныя, а другой судебныя дѣла. Такимъ образомъ, въ вѣдомствѣ сената было установлено ясное различіе между административной и судебной его функціей. Сенатъ дѣйствовалъ самостоятельно, но только подъ контролемъ генералъ-прокурора, „блюстителя законовъ и въ дѣлахъ судебныхъ" [2]). Но раздѣленіе сената на департаменты уменьшило его власть: раздробленный на части, сенатъ уже не могъ сохранить прежней своей власти, въ особенности при самостоятельной въ немъ власти генералъ-прокурора [3]). Сенатъ былъ лишенъ права объявлять именные указы; это право перешло теперь къ генералъ-прокурору [4]). „О всѣхъ своихъ изъясненіяхъ закона и всѣхъ перемѣнахъ въ собственныхъ рѣшеніяхъ сенатъ долженъ былъ представлять доклады на Высочайшее усмотрѣніе" [5]). Ни одно сомнительное дѣло даже въ области суда не могло быть рѣшено въ сенатѣ, который обязанъ былъ докладывать о немъ императрицѣ [6]). Въ тѣхъ случаяхъ, если коллегія усмотритъ разногласіе сената въ двухъ одинаковыхъ рѣшеніяхъ, она должна была представить объ этомъ сенату и государынѣ [7]). Оттого все законодательство при Екатеринѣ II приняло казусный характеръ [8]). Отъ сената отходятъ постепенно разные административные вопросы, раз-

1) Сперанскій, 28—29 с 2) Градовскій, 209 с. 3) Иконниковъ, н. ст., 27 с., 4) Ѳ. Дмитріевъ, 58 с. 5) Градовскій, 215 с. 6) П. С. З., XVIII, № 13,683, 7) XVII, № 12,461. 8) Сперанскій, ibidem.

рѣшеніе которыхъ поручается ею отдѣльнымъ довѣреннымъ лицамъ. Военная и адмиралтейская коллегіи освобождаются изъ подъ зависимости отъ сената, получая именные указы отъ самой императрицы[1]). Вновь образованный межевой департаментъ сената пользуется тѣмъ же правомъ непосредственныхъ сношеній съ государыней[2]), какъ и камеръ-коллегія и вновь образованная для управленія духовными имуществами коллегія экономіи и канцелярія опекунства иностранныхъ дѣлъ[3]). Генералъ-рекетмейстеръ принимаетъ жалобы на рѣшенія департаментовъ и общаго собранія сената, которыя по его докладу императрицѣ нерѣдко были отмѣняемы особыми указами[4]). Вообще правительственное, особенно же административное значеніе сената было уменьшено возвысившеюся властью генералъ-прокурора[5]), у котораго сенатъ находился въ полной подчиненности[6]). Роль сената въ государственномъ управленіи должна была также измѣниться съ учрежденіемъ Екатериной II губерній (въ 1775 г.). Новое ихъ устройство было основано на началѣ раздѣленія функцій власти,—разграниченія судебной власти отъ административной, чѣмъ былъ положенъ конецъ безпредѣльному произволу въ мѣстномъ управленіи. Администраціей должны были завѣдовать здѣсь губернскія правленія; финансами—

---

1) П. С. З., XIX, № 13,614. 2) XVII, №№ 12,488 и 12,540, XXIII, № 17,227. 3) Градовскій, 210—216 с. 4) Сперанскій, 31 с.. См. объ административной дѣятельности сената при Екатеринѣ II въ П. С. З., XVI, №№ 11,655, 11,669, 11,684, 12,126, 12,127, 12,129, 12,030, 12,075, 12,079, 12,134, XVII, №№ 12,398, 12,459, 12,465, 12,545, 12,655, XIX, №№ 13,471, 13,478, 13,962, 14,040, 44,063, 14,206, XX, №№ 14,239, 14,415, 14,834, 15,094, XXI, №№ 15,117, 15,140, 15,178, 15,278, 15,361, 15,362, 15,463, 15,575, XXII, №, 15,930, XXIII, №№ 16,930, 17,213, 17,239, 17,523; ср. въ исторіи Соловьева (по 1774 г.): XXV, 136—173 и 262—295, XXVI, 21—53, XXVII, 5—72 и 144—158 и XXIX, 117—158 с.; о суд. дѣятельности сената при Екатеринѣ II см. въ П. С. З., XVI, №№ 11,709, 11,726, 12,023, 12,024, 12,046, 12,171, XVII, №№ 12,512, 12,569, 12,703, XVIII, №№ 12,881, 12,949, 13,170, 13,395, XX, № 14,681, XXI, №№ 15,224, 16,022, 16,045, 16,397, XXIII, №№ 16,949 и 17,213. 5) Градовскій, 216 прим. 6) Иконниковъ, 28—29 с.

казенныя палаты; уголовныя дѣла поручены палатѣ уголовнаго суда, гражданскія—палатѣ суда гражданскаго. Кромѣ общихъ судовъ для нѣкоторыхъ дѣлъ былъ организованъ особенный судъ (совѣстный). Въ судебныхъ учрежденіяхъ было образовано двѣ инстанціи. Всѣ эти учрежденія образованы коллегіально; власть же правительственная, исполнительная была предоставлена отдѣльнымъ лицамъ (намѣстникамъ или генералъ-губернаторамъ въ губерніяхъ, капитанъ-исправникамъ въ уѣздахъ). Контроль надъ дѣятельностью губернскихъ учрежденій былъ возложенъ на намѣстниковъ и прокуратуру [1]). Мѣстное начальство получило право дѣлать сенату представленія о неудобствахъ въ исполненіи законовъ [2]). Въ губернскія учрежденія, организованныя такимъ образомъ, перешли всѣ дѣла разныхъ коллегій и канцелярій, которыя теперь дѣлаются излишними и поэтому начинаютъ постепенно закрываться Екатериной. Только три первыя коллегіи, управлявшія центральными административными дѣлами, остаются въ неприкосновенности. За исключеніемъ ихъ, всѣ остальныя коллегіи должны были закончить свои дѣла подъ руководствомъ особыхъ довѣренныхъ лицъ, назначенныхъ императрицей. Именными указами закрываются постепенно: вотчинная коллегія, коллегія экономіи, юстицъ-коллегія и ревизіонъ-коллегія, посредствомъ которыхъ сенатъ имѣлъ вліяніе на мѣстное управленіе [3]). Къ 1797 г. остались незакрытыми только: коммерцъ-коллегія, медицинская, коллегія лифляндскихъ дѣлъ и римско-католическая [4]).

Съ учрежденіемъ губерній сенатъ лишился непосредственнаго вліянія на дѣла мѣстнаго управленія, надъ которыми онъ имѣлъ теперь слабый надзоръ, хотя съ перенесеніемъ коллегій въ мѣстности сенатъ и сдѣлался высшимъ контролирующимъ и объединяющимъ все управленіе учреж-

1) Лохвицкій, Губернія, etc., 204—220 с. 2) Ѳ. Дмитріевъ, 63—65 с. 3) Градовскій, 236—237 с. 4) Сперанскій, 32 с.

деніемъ [1]). Самое устройство сената оказалось теперь несообразнымъ съ новыми мѣстными учрежденіями. Въ сенатъ теперь поступали дѣла изъ 42 палатъ гражданскаго и уголовнаго суда и изъ такого же числа губернскихъ правленій и казенныхъ палатъ. Самый способъ производства дѣлъ въ сенатѣ не былъ такъ точно опредѣленъ и разграниченъ, какъ это было сдѣлано въ губернскихъ учрежденіяхъ [2]). Отсюда же произошли затрудненія и крайняя медленность въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ [3]), что заставило императрицу подумать о преобразованіи сената сообразно новому устройству мѣстнаго управленія. И дѣйствительно вскорѣ послѣ учрежденія губерній Екатерина начинаетъ работать надъ планомъ новаго преобразованія сената, который она до конца своего царствованія стремилась, по словамъ Грибовскаго, „освободить отъ канцеляріи, одолѣвшей сенатъ“ [4]). Главною цѣлью плана было согласить организацію сената съ устройствомъ мѣстныхъ учрежденій. По проэкту о преобразованіи сената, написанному Екатериной въ 1775 г., первый департаментъ сената долженъ былъ соотвѣтствовать губернскому правленію. Въ компетентность его входили: обнародованіе и исполненіе законовъ, высшая полиція, надзоръ надъ чиновниками, опредѣленіе въ нѣкоторыя должности и возвышеніе чиновниковъ до извѣстнаго чина. Во второмъ департаментѣ должны были сосредоточиться финансы, какъ и въ казенныхъ палатахъ, дѣятельность которыхъ онъ долженъ былъ контролировать. Во главѣ втораго департамента стоялъ государственный казначей, при которомъ были четыре сенатора, управлявшіе отдѣльными экспедиціями департамента. Третій департаментъ завѣдовалъ попрежнему дѣлами нѣкоторыхъ привиллегированныхъ областей и придворнымъ управленіемъ;

---

1) Градовскій, 234 с. 2) Сперанскій, 33 с. 3) А. Г. С., изд. Калачева, I, 2, 3—4 с.; Сперанскій, ibidem. 4) Грибовскій: „Записки о императрицѣ Екатеринѣ Великой“, Москва, 1864, изд. 2-е, 26 с.

въ немъ только были образованы двѣ секціи—для администраціи и судебныхъ дѣлъ. Четвертый департаментъ, также раздѣленный на два отдѣленія, былъ апелляціонной инстанціей для гражданскихъ и уголовныхъ палатъ. Московскіе департаменты сената предполагалось оставить въ прежнемъ видѣ. Три первыя коллегіи подчинялись первому департаменту сената, второму и четвертому, смотря по роду дѣлъ: относительно исполненія общихъ законовъ онѣ отвѣчали предъ первымъ департаментомъ,—употребленія ассигнованныхъ въ ихъ распоряженіе суммъ—финансовымъ департаментомъ и въ уголовныхъ дѣлахъ—судебнымъ департаментомъ сената[1]). Отъ этого плана преобразованія Екатериной сената отличается „Проэктъ указа сенату", составленный Екатериной около 1788 г. По этому проэкту въ сенатѣ долженъ былъ предсѣдательствовать государь; въ сенатѣ присутствовали намѣстники въ бытность свою въ столицѣ. Установленъ minimum членовъ, необходимый для того, чтобы могло составиться засѣданіе сената (12). Каждый департаментъ раздѣленъ на три присутствія и къ каждому изъ департаментовъ сената приписаны дѣла южной, средней и сѣверной полосы Россіи. Сенатъ по „Проэкту" раздѣляется также, какъ и по „Плану", на четыре департамента, вѣдомство которыхъ обозначается въ первомъ нѣсколько иначе, нежели во второмъ. Такъ въ компетентность перваго департамента сената входили, кромѣ государственныхъ и исполнительныхъ дѣлъ, еще жалобы на намѣстническія правленія. Второй вѣдалъ уголовныя дѣла, слѣдственныя въ преступленіи должностей и дѣла тайной экспедиціи. Въ третьемъ сосредоточивались апелляціи на коллегіи или палаты гражданскаго суда и ему же поручались „государственныя домостроительныя или экономическія и казенныя дѣла (казенныя палаты)". Въ „Проэктѣ" 1788 г.

Blum, ibidem, II Abth., IV Buch, 150—152 s.

о сенатѣ сказано, что онъ не „судебное мѣсто, а хранилище узаконеній“, чѣмъ ему присвояется высшій контроль надъ дѣятельностью органовъ мѣстнаго управленія [1]), котораго онъ лишился съ учрежденіемъ губерній. „Проэктъ“ опредѣляетъ также составъ департаментовъ и говоритъ еще о генеральномъ судѣ, который составляется „изъ сената, синода, четырехъ первыхъ классовъ имперіи и изъ предсѣдателей государственныхъ и прочихъ судебныхъ палатъ или какой на лицо, находящихся въ томъ мѣстѣ“ [2]).

Сенатъ, какъ преимущественно центральное судебное учрежденіе, былъ организованъ Екатериной II на коллегіальномъ принципѣ; въ должности генералъ-прокурора воплотилось при ней личное начало, какъ основаніе организаціи административныхъ учрежденій. Необходимо, однако, замѣтить, что бюрократическій элементъ существовалъ въ высшемъ русскомъ управленіи еще ранѣе Екатерины II. Такъ военная и адмиралтейская коллегіи, ставшія вмѣстѣ съ иностранной коллегіей съ самаго возникновенія коллегій при Петрѣ I въ независимое отношеніе къ сенату и замѣнявшимъ его потомъ высшимъ учрежденіямъ (Верх. Тайн. Совѣту и Кабинету), управлялись при Аннѣ Ивановнѣ спеціально назначенными лицами—генералъ-директорами. Бюрократически

---

1) Градовскій, 224 с. 2) Дѣла комитета предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта, 2-я папка, 1 тетрадь, журналы 9—10, по Арх. Гос. Сов. № 4. Графъ Сперанскій въ своемъ сочиненіи: „О государственныхъ установленіяхъ“, дѣлаетъ извлеченія изъ обоихъ проэктовъ и, между прочимъ, замѣчаетъ, что предполагалось учредить отдѣленія сената въ Кіевѣ и Казани, а для „дѣлъ важнѣйшихъ устроить въ сенатѣ верховный уголовный и совѣстный судъ“ (52 с.). Преобразованію сената на основаніи „проэкта“ противился генералъ-прокуроръ Вяземскій, который опасался вслѣдствіе точнаго опредѣленія дѣлъ сената потерять свое вліяніе на мѣстное управленіе (Blum, ibidem, 157 s. und folg.). Но и сама Екатерина была недовольна „планомъ“, которымъ возстанавливались коллегіи со всею отличавшею ихъ медленностью (Ѳ. Дмитріевъ, 67 с.). Мы возвратимся во 2 т. св. работы къ екатерининскимъ сенатскимъ проэктамъ, имѣвшимъ тѣсную связь съ исторіей сената при Александрѣ I.

управлялась при ней еще бергъ-коллегія, порученная генералъ-оберъ-директору и подчиненная однимъ Высочайшимъ повелѣніямъ[1]). Мы видѣли, что личный элементъ бралъ перевѣсъ надъ коллегіальнымъ и въ организаціи Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета, имѣвшихъ въ государственномъ управленіи, между прочимъ, значеніе министерствъ. При Екатеринѣ II личное начало въ управленіи начинаетъ выдѣляться еще болѣе. Во главѣ всей администраціи стояла сама императрица, непосредственнымъ органомъ которой явился генералъ-прокуроръ, бывшій, по словамъ Трощинскаго, „дѣйствительнымъ министромъ Е. И. В. по всѣмъ общимъ дѣламъ государственнаго управленія"[2]). Генералъ-прокуроръ является представителемъ императрицы въ „Коммиссіи о составленіи новаго уложенія", труды которой онъ раздѣляетъ съ депутатами. Въ сенатѣ генералъ-прокурору принадлежитъ тоже первое мѣсто: онъ наблюдаетъ за дѣятельностью всѣхъ департаментовъ, особенно же перваго, гдѣ концентрировались важнѣйшія дѣла внутренняго управленія. Генералъ-прокуроръ былъ директоромъ сенатской канцеляріи[3]). Отъ имени сената онъ докладывалъ государынѣ обо всѣхъ дѣлахъ, разсматриваемыхъ въ сенатѣ, какъ административныхъ, такъ и судебныхъ[4]). Чрезъ генералъ-прокурора же шли доклады отъ президентовъ всѣхъ коллегій[5]), какъ и губернаторовъ[6]). Генералъ-прокуроръ завѣдовалъ всей прокуратурой въ государствѣ[7]). Въ рукахъ его сосредоточиваются всѣ финансовыя дѣла, которыя отдѣляются отъ сената. Ему же поручены: ревизія всѣхъ счетовъ, монетное дѣло, соляное и военное управленіе, горнозаводская промышлен-

1) Ѳ. Дмитріевъ, 54—56 с. 2) Трощинскій: „О неудобствахъ, происходящихъ отъ государственнаго правленія по формѣ единоличной, введенной закрытіемъ коллегій и отмѣною коллежскаго обряда и подтвержденной общимъ учрежденіемъ министерствъ 1810—1811 годовъ" (С. Р. И. О., III, 27 с.). 3) П. С. З., XIX, № 14,192. 4) Сперанскій, 30—31 с. 5) П. С. З., XVIII, № 13,243. 6) XX, № 14,287. 7) XIX, № 13,708.

ность, банки и мѣстные пути сообщенія. Генералъ-прокуроръ былъ главою и всей судебной части въ управленіи, такъ какъ онъ контролировалъ дѣятельность судебныхъ департаментовъ сената. Однимъ словомъ, въ лицѣ генералъ-прокурора соединялись (съ 1764 г.) званіе министра юстиціи, министра финансовъ, государственнаго казначея и контролера и министра внутреннихъ дѣлъ [1]). Генералъ-прокуроръ былъ поставленъ Екатериной II не на ряду съ сенатомъ, какъ это было при Петрѣ I, а надъ нимъ; такъ представитель власти, надзирающей за ходомъ всего управленія, обратился въ непосредственнаго администратора [2]). Генералъ-прокуроръ считаетъ въ правѣ требовать отъ сената помощи въ его административной дѣятельности [3]) и подчиняетъ себѣ синодъ [4]). Предложенія генералъ-прокурора, объявляемыя въ формѣ Высочайшихъ повелѣній, заключали въ себѣ нерѣдко рѣшенія важнѣйшихъ административныхъ дѣлъ [5]). Сенатъ долженъ былъ выслушивать экстренныя предложенія генералъ-прокурора, хотя бы вслѣдствіе этого нарушался очередной порядокъ въ обсужденіи дѣлъ. Но и во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ генералъ-прокуроръ (Вяземскій) съумѣлъ обезпечить перевѣсъ своему голосу, добившись отъ императрицы приказа, чтобы дѣла въ сенатѣ рѣшались по большинству голосовъ, которыми онъ заручался заранѣе [6]). Генералъ-прокуроръ былъ членомъ совѣта, гдѣ онъ упорно отстаивалъ свои мнѣнія. Такъ, по разсказу Храповицкаго, споръ Вяземскаго съ совѣтомъ о мѣдной монетѣ былъ разрѣшенъ уже самой императрицей [7]). Обширная власть генералъ-прокурора въ управленіи при Екатеринѣ II вызывала ропотъ и жалобы со стороны разныхъ лицъ. Такъ Державинъ писалъ, что „злоупотребленіемъ законовъ генералъ-прокуроръ присвоилъ

---

1) Сперанскій, 33 с., Градовскій, стр.: 216—221, 234—235, 238—239 и 240—250. 2) Ѳ. Дмитріевъ, 70 с. 3-4) Градовскій, 218 с. 6) Blum, ibidem, II, 148 s. 5 и 7) Дневникъ Храповицкаго, 244—246 с.

себѣ всю, такъ сказать, самодержавную власть“ [1]). Эти злоупотребленія дѣйствительно были возможны потому, что должность генералъ-прокурора была выдѣлена изъ сената и въ его рукахъ сосредоточилась почти вся центральная административная власть. Генералъ-прокуроръ надзиралъ за всею дѣятельностью сената и мѣстныхъ учрежденій, но самъ въ своей всепоглощающей дѣятельности не былъ подчиненъ контролю какого-либо учрежденія. Исключительное вліяніе генералъ-прокурора во внутреннемъ управленіи ослабло только въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, которая стала поручать управленіе нѣкоторыми вѣдомствами отдѣльнымъ лицамъ[2]). Эти послѣднія получили тоже значеніе министровъ, какимъ пользовался при Екатеринѣ генералъ-прокуроръ [3]). Первыя же три государственныя коллегіи выдѣляются окончательно, какъ особыя, самостоятельныя части управленія [4]).

Резюмируя все сдѣланное Екатериной II для преобразованія высшаго управленія въ Россіи, мы находимъ значительныя и важныя въ немъ измѣненія. Екатерина отдѣлила вполнѣ центральное управленіе отъ мѣстнаго, причемъ это послѣднее получило правильную организацію. Но и въ сферѣ высшаго управленія были совершены Екатериной II необходимыя для ея времени реформы. Три главныя функціи

---

1) Записки Державина, 439 с. 2) По словамъ Грибовскаго, князь Безбородко „докладывалъ государынѣ обо всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ, особливо тяжебныя объ имѣніяхъ; чрезъ него же они и окончаніе свое получали“. Послѣ Безбородко такимъ же значеніемъ пользовался при Екатеринѣ II князь Зубовъ. Грибовскій упоминаетъ объ особыхъ дняхъ для докладовъ, назначаемыхъ для генералъ-прокурора, вице-канцлера, оберъ-прокурора синода и др. лицъ, и трехъ родахъ дѣлъ, возложенныхъ на князя Зубова (Записки, стр.: 11, 14, 27, 52 и 58 и сл.). 3—4) Градовскій, 253—255 и 139 с. Нѣкоторыя административныя дѣла были поручаемы Екатериной II своему частному кабинету, въ которомъ было нѣсколько секретарей (Храповицкій, Грибовскій). По словамъ Sabathier de Cabres'а, частный кабинетъ императрицы, гдѣ были секретарями Олсуфьевъ, Тепловъ и Елагинъ, разсматривалъ внутреннія дѣла, вопросы мануфактурной промышленности, дѣла сената и провинцій и др. (Sabathier de Cabres: „Catherine II, sa cour et la Russie en 1772“, Berlin, 1862, 40—41 p.).

управленія были раздѣлены между собою и отправленіе ихъ поручено отдѣльнымъ учрежденіямъ: законодательство—совѣту, управленіе—генералъ прокурору и другимъ отдѣльнымъ лицамъ съ правами министровъ. Сенатъ сдѣлался высшимъ судебнымъ учрежденіемъ въ государствѣ. Но Екатерина не довела до конца свои преобразованія. Совѣтъ при ней еще не получилъ опредѣленнаго устройства и самостоятельное участіе его въ законодательныхъ дѣлахъ ослаблялось личною дѣятельностью императрицы и обширными правами генералъ-прокурора и другихъ лицъ, которымъ она довѣряла разнаго рода важнѣйшія государственныя дѣла. Личному элементу въ высшемъ управленіи также не было отведено при Екатеринѣ опредѣленнаго и надлежащаго мѣста: личное начало въ управленіи представлялось, главнымъ образомъ, генералъ-прокуроромъ, въ должности котораго соединялось нѣсколько отдѣльныхъ министерствъ. Нѣкоторыми дѣлами внутренняго управленія продолжалъ заниматься и сенатъ, хотя въ тоже время болѣе точно выяснилось его значеніе, какъ центральнаго судебнаго учрежденія [1]).

Императоръ *Павелъ Петровичъ* (1796—1801), воспитанный вдали отъ двора Екатерины II [2]), нелюбимый своею матерью, которая не допускала его къ участію въ дѣлахъ правленія [3]), проявилъ при своемъ возшествіи на престолъ не-

1) Трощинскій, ibidem, 27 с. 2) Воспитателемъ Павла Петровича былъ графъ Н. И. Панинъ, „мечтавшій перенести въ Россію законныя формы шведскаго государственнаго устройства". Поэтому въ Павлѣ Петровичѣ были такъ сильно развиты чувство законности и отвращеніе къ госуд. переворотамъ, доказательствомъ чего служитъ, между прочимъ, актъ о престолонаслѣдіи, изданный Павломъ I въ день коронованія (Кобеко: „Цесаревичъ Павель Петровичъ", Спб., 1882, 297—299 с.). 3) Такъ, когда Павелъ Петровичъ заявилъ матери о своемъ желаніи участвовать въ занятіяхъ совѣта (послѣ 1773 г.), Екатерина рѣшительно отклонила его просьбу подъ тѣмъ предлогомъ, что она считаетъ неумѣстнымъ его поступленіе въ совѣтъ, въ которомъ „виды другихъ часто несогласны съ ея собственными" и который она предполагаетъ упразднить (С. Р. И. О., XLII, 356 с.). Но совѣтъ продолжалъ существовать до конца царствованія Екатерины II, а Павелъ Петровичъ попрежнему жилъ въ Гатчинѣ вдали отъ всякихъ дѣлъ.

обычайную энергію въ занятіяхъ государственными дѣлами и въ преобразованіи всего управленія, которое было направлено, большею частью, къ отмѣнѣ учрежденій Екатерины II. Не смотря на это, въ царствованіе Павла Петровича продолжалось совмѣстное развитіе коллегіальнаго и личнаго принципа въ управленіи, хотя послѣдній и бралъ верхъ надъ первымъ, благодаря личной дѣятельности самого императора. Двѣ дошедшія до насъ собственноручныя записки объ управленіи Павла Петровича даютъ понятіе о планѣ государственныхъ реформъ, которыя онъ предполагалъ осуществить въ свое царствованіе. Павелъ Петровичъ хотѣлъ обратить правительствующій сенатъ исключительно въ судебное мѣсто, которое состояло бы изъ двухъ департаментовъ: уголовнаго и гражданскаго. Все центральное управленіе императоръ думалъ поручить семи главнымъ департаментамъ подъ начальствомъ министровъ. Генералъ-прокуроръ, по проэкту Павла Петровича, завѣдовалъ, въ качествѣ министра юстиціи, только юстицъ- и вотчинной коллегіями. Особое значеніе въ администраціи пріобрѣтала канцелярія государя, составленная по числу департаментовъ изъ семи отдѣленій, изъ которыхъ въ каждомъ сосредочивались дѣла одного департамента. Доклады министровъ поступали въ эту канцелярію и отсюда уже восходили къ императору, который объявлялъ свои рѣшенія тойже канцеляріи. Государственный совѣтъ долженъ былъ состоять изъ министровъ и вице-канцлеровъ тѣхъ департаментовъ, въ которыхъ полагались эти сановники, и служить единственно для облегченія сношеній между министрами [1]). Совѣтъ, слѣдовательно, имѣлъ бы значеніе комитета министровъ, между тѣмъ какъ императорская канцелярія являлась дѣйствительнымъ средоточіемъ высшаго управленія государствомъ. Этотъ проэктъ преобразованія въ высшемъ управле-

1) „Предначертанія Павла I о разныхъ государственныхъ должностяхъ", Дѣла Комитета 6 дек. 1826 г., № 6.

ніи показываетъ на стремленіе Павла Петровича самому вести все управленіе государствомъ; изъ него также видно, что отъ вниманія императора не ускользнуло судебное значеніе сената, развившееся исторически. Занятія правительственными дѣлами Павла Петровича привели его къ дальнѣйшему, болѣе опредѣленному сравнительно съ временемъ Екатерины II, разграниченію функцій управленія и распредѣленію ихъ между отдѣльными высшими учрежденіями. Государственный совѣтъ занимается при Павлѣ I преимущественно законодательными дѣлами, сенатъ становится судебнымъ учрежденіемъ par excellence, внутреннее управленіе подраздѣляется между отдѣльными лицами, которыя называются теперь прямо министрами. Отъ этого общаго порядка въ ходѣ государственнаго управленія происходятъ по временамъ только нѣкоторыя отклоненія вслѣдствіе суроваго и измѣнчиваго характера личной дѣятельности императора[1]). Многія важныя административныя мѣры вовсе не обсуждаются въ совѣтѣ. Таковы, напримѣръ, учрежденіе императорской фамиліи, освобожденіе священниковъ и дьяконовъ отъ тѣлеснаго наказанія, установленіе мальтійскаго ордена въ Россіи, изданіе устава государственнаго вспомогательнаго банка для дворянства, запрещеніе продажи малороссійскихъ крестьянъ безъ земли, изданіе устава о банкротахъ[2]), учрежденіе департамента удѣловъ и коммиссіи о снабженіи резиденціи припасами, лѣсной уставъ и уставы управленія въ обѣихъ столицахъ. Многія изъ правительственныхъ мѣръ обсуждались иногда въ сенатѣ. Такъ, напримѣръ, сенатъ дополнилъ общую межевую инструкцію постановленіемъ о взиманіи штрафовъ съ межевыхъ конторъ и канцелярій въ случаѣ неправильныхъ ихъ дѣйствій и опредѣленіемъ цѣны каж-

---

1) „Записки А. М. Тургенева" (Рус. Старина, 1889, LXI, 212—215 с. LXII, 204—208 с. 2) А. Г. С., II, V—VI с., предисловіе.

дой десятины при размежеваніи земель [1]). Сенатъ же устанавливаетъ размѣръ вычетовъ изъ жалованья разныхъ должностныхъ лицъ при повышеніи ихъ чинами [2]). Сенатъ опредѣляетъ, чтобы гражданскіе губернаторы не принимали жалобъ на рѣшенія палатъ въ тяжебныхъ дѣлахъ [3]). Онъ же участвуетъ въ составленіи карантиннаго устава [4]) и принятіи мѣръ относительно развитія въ имперіи производства шелка [5]). Положеніе о новомъ устройствѣ быта духовенства сенатъ, по порученію государя, разсматриваетъ вмѣстѣ съ синодомъ [6]).

Совѣтъ при Павлѣ Петровичѣ назывался „совѣтомъ Е. И. В. и высочайшимъ совѣтомъ“ [7]) и состоялъ изъ высшихъ сановниковъ имперіи (князей Салтыкова, Безбородко, Куракина, Репнина, Гагарина, Долгорукаго, графовъ Самойлова, Завадовскаго, Румянцева, Палена и др.[8]). Самъ государь былъ въ совѣтѣ только одинъ разъ (въ день назначенія членомъ совѣта наслѣдника престола Александра Павловича—1 дек. 1799 г.) [9]). Предсѣдателемъ въ совѣтѣ обыкновенно былъ старшій въ чинѣ изъ наличныхъ членовъ. Совѣтъ имѣлъ канцелярію, которою одно время управлялъ Державинъ [10]). Засѣданія совѣта происходили обыкновенно въ извѣстныя недѣли и въ опредѣленномъ мѣстѣ. Что касается дѣятельности совѣта, то количество дѣлъ, которыми онъ занимался, было неодинаково: при своемъ возшествіи на престолъ Павелъ Петровичъ предполагалъ расширить кругъ вѣдомства совѣта „въ разсужденіи множества важныхъ государствен-

---

1—6) „Указы Павла I-го“, Москва, I т. (указы: 14 авг. 1798, 17 февр. 1799, іюня 1799, 7 іюля и 22 февр. 1800 и 11 янв. 1798 г.). Этотъ сборникъ указовъ Павла I за 1798—1800 г.г. напечатанъ въ сенатской типографіи безъ обозначенія года его изданія. 7) А. Г. С., II т., 5—7, 10 с. 8—9) Ibidem, II, 2—10 с. 10) Записки Державина, 390—392 с. Державинъ разсказываетъ, что Павелъ хотѣлъ его назначить сначала правителемъ совѣта, который могъ бы, подобно генералъ-прокурору сената, „пропускать или не пропускать опредѣленій“ совѣта, но потомъ оказалось, что государь желалъ его сдѣлать только правителемъ канцеляріи совѣта.

ныхъ дѣлъ“ [1]), но это намѣреніе государя не осуществилось въ теченіе краткаго его царствованія. Самый составъ совѣта часто измѣнялся при Павлѣ Петровичѣ. Иногда совѣтъ собирался въ усиленномъ составѣ. Такъ, напримѣръ, 10 ноября 1796 г. въ засѣданіе совѣта для обсужденія плана передѣла мѣдной монеты были приглашены по Высочайшему повелѣнію сенаторы: Соймоновъ, Васильевъ и Храповицкій и изъ экспедиціи по казенному управленію князь Куракинъ. Эти четыре сановника приглашались потомъ въ совѣтъ для разсужденій обо всѣхъ „государственныхъ внутреннихъ дѣлахъ“ [2]). Наоборотъ, 15 сент. 1880 г. въ экстренномъ засѣданіи совѣта по поводу разсмотрѣнія смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1801 г. совѣтъ собрался въ ограниченномъ составѣ, изъ пяти лицъ (наслѣдника престола и членовъ: Кушелева, Обольянинова, Васильева, Ростопчина). Тайный совѣтникъ Неплюевъ долженъ былъ докладывать государю по бумагамъ, поступавшимъ отъ государственнаго казначея въ этотъ тѣсный совѣтъ [3]). За исключеніемъ этого случая, всѣ дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію совѣта, вносились въ него по Высочайшимъ повелѣніямъ, объявлявшимся вице-канцлеромъ, генералъ-прокуроромъ или членами совчта. Рѣшенія совѣта представлялись государю вице-канцлеромъ или генералъ-прокурорами, которые потомъ объявляли ихъ письменно правителю канцеляріи совѣта [4]). Занятія членовъ совѣта при Павлѣ Петровичѣ сначала были очень велики. Въ 1796—1797 г.г. въ совѣтѣ обсуждалось и рѣшалось множество важныхъ вопросовъ, но къ концу царствованія совѣтъ занимался большею частью цензурою иностранныхъ и русскихъ книгъ. Но даже и въ эту пору уменьшенія своей дѣятельности совѣтъ обсуждалъ нѣкоторые вопросы законодательнаго свойства. Вообще законодательство—главный пред-

1—3) А. Г. С., II, стр.: 15, 1—2, 223—224 и 401 с. 4) Ibidem, предисловіе, XI—XII с.

метъ занятій совѣта при Павлѣ Петровичѣ. Онъ принимаетъ самое незначительное участіе въ внутреннемъ управленіи и судѣ. Такъ въ немъ состоялось распоряженіе о погребеніи тѣла императрицы Екатерины II [1]). Совѣтъ разсматривалъ дѣла: объ удовлетвореніи купца Тередасова по доставкѣ провіанта для войскъ изъ Астрахани къ персидскимъ берегамъ [2]) о разсчетахъ по архипелагской экспедиціи [6]) и вопросъ о торговлѣ съ азіатскими государствами: Хивой, Персіей и Китаемъ [4]). Совѣтъ занимался много цензурой разнаго рода книгъ [5]) и въ немъ же прочитывались донесенія иностранныхъ пословъ [6]). Совѣтъ освобождаетъ изъ подъ стражи графа Потоцкаго [7]) и разбираетъ дѣло о третейскомъ судѣ въ спорѣ объ имуществѣ полковника Ленскаго съ своими сестрами [8]). За исключеніемъ упомянутыхъ дѣлъ, всѣ остальныя дѣла, которыми занимался въ теченіе 1796—1801 „совѣтъ Е. И. В.", относятся къ области законодательной. Такъ совѣтъ обсуждалъ смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ за 1797 и 1801 годы и разсматривалъ росписаніе сверхсмѣтныхъ суммъ и способы уплаты внѣшнихъ государственныхъ займовъ [9]). Совѣтъ высказался за присоединеніе Грузіи къ Россіи [10]) и выразилъ свои мнѣнія по поводу проэктовъ разныхъ лицъ (Бекеля, Перкина и др.) по вопросамъ о государственныхъ нуждахъ и пользахъ; всѣ проэкты, представленные на обсужденіе совѣта, были отвергнуты имъ [11]). Совѣтъ разсуждаетъ объ устройствѣ „на новомъ основаніи" благороднаго училища въ Шкловѣ [12]). Въ совѣтѣ же были приняты разнообразныя мѣры относительно увеличенія государственныхъ доходовъ и способовъ развитія торговли, промышленности, путей сообщенія и вообще народнаго благосостоянія. Такъ совѣтъ занимался долгое время вопросомъ о передѣлѣ мѣдной монеты и взиманіи пошлинъ иностран-

---

1—8) А. Г. С., II, стр.: 17, 525—226, 599—622, 623—880, 425—512, 591—598, 135 и 569—572 с. 9—12) Ibid., стр.: 142—242, 881, 529—570, 419—420.

ными, золотыми и серебрянными монетами[1]), о замѣнѣ хлѣбной подати прибавкой къ податному окладу[2]), установленіемъ правилъ для винокуренія и питейной продажи[3]) и сбора за флаги, выдаваемые отъ адмирала на коммерческія суда[4]), пересмотромъ различныхъ статей тарифа 1796 г. и записокъ разныхъ лицъ по этому предмету (членовъ совѣта: Безбородко, Сиверса, Гагарина)[5]). Совѣтъ учреждаетъ въ Одессѣ порто-франко[6]), заботится о развитіи горнаго дѣла въ имперіи, принимаетъ мѣры къ умноженію пріисковъ разныхъ рудъ и разширенію производства выдѣлки металловъ на казенныхъ (вятскихъ и пермскихъ) заводахъ, обсуждаетъ проэкты о разработкѣ вновь открытыхъ каменно-угольныхъ залежей, сдачѣ казенныхъ заводовъ въ частныя руки и поддержаніи заводовъ и рудниковъ Сибиряковыхъ[7]). Умноженіе и совершенствованіе всѣхъ фабрикъ въ имперіи также останавливало на себѣ вниманіе совѣта[8]), какъ и развитіе торговли[9]) и состояніе соляной промышленности[10]). Совѣтъ занимается отысканіемъ способовъ исправленія внутренняго судоходства[11]), принимаетъ мѣры къ охраненію казенныхъ лѣсовъ и опредѣленію сбора съ рѣчныхъ судовъ, строющихся въ этихъ лѣсахъ[12]), и обсуждаетъ вопросъ о вознагражденіи помѣщиковъ южнаго края за бѣглыхъ крестьянъ[13]) и заселеніи въ государственныхъ интересахъ нѣкоторыхъ мѣстностей въ Сибири[14]). Наконецъ, совѣтъ запрещаетъ по случаю неурожая хлѣба въ имперіи въ 1800 г. вывозъ его за границу[15]).

Генералъ-прокуроръ оставался и при Павлѣ Петровичѣ центромъ всего внутренняго управленія: онъ докладывалъ государю по всѣмъ дѣламъ сената и коллегій[16]). Кругъ его

1—15) Ibidem, стр. 19 59, 61—71, 71—95, 587—590, 95—134, 315—419, 419—422, 513—526, 421—424, 243—278, 278- 310, 311—316, 571—582 и 582—586. Подробное обозрѣніе дѣятельности совѣта при Павлѣ I войдетъ въ содержаніе II тома нашего изслѣдованія. 16) Сперанскій, 37 с.

дѣятельности разширился даже еще болѣе: къ нему отошли дѣла ассигнаціоннаго банка, тайной экспедиціи и коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія. Онъ же завѣдовалъ школой для обученія юнкеровъ изъ дворянъ[1]). Въ концѣ царствованія Павла I генералъ-прокуроръ докладывалъ государю по всѣмъ финансовымъ и контрольнымъ дѣламъ и чрезъ него же восходили на Высочайшее усмотрѣніе частныя жалобы на рѣшенія общаго собранія сената[2]). Но при возшествіи на престолъ Павла Петровича финансовыя дѣла были изъяты изъ вѣдомства генералъ-прокурора и поручены государственному казначею (графу Васильеву); эту должность государь потомъ хотѣлъ превратить въ званіе министра финансовъ и назначить на этотъ постъ Державина, но послѣдній отказался отъ предложенія императора подъ тѣмъ предлогомъ, что „финансъ-министровъ съ самого начала политическаго образованія Россіи никогда не бывало", и что для министра еще не было составлено инструкціи. Державинъ не пожелалъ быть „изобрѣтателемъ и распредѣлителемъ всѣхъ государственныхъ доходовъ" и предпочиталъ сдѣлаться только „счетчикомъ оныхъ", то есть, государственнымъ казначеемъ. Въ эту должность онъ и былъ назначенъ вмѣсто графа Васильева[3]). При Павлѣ I было учреждено (въ 1797 г.) первое министерство въ Россіи—департаментъ удѣловъ, основанный вмѣстѣ съ изданіемъ „Учрежденія объ императорской фамиліи". Во главѣ департамента былъ поставленъ министръ съ четырьмя товарищами, которые рѣшали дѣла коллегіально по большинству голосовъ и предлагали на разрѣшеніе министра всѣ свои недоумѣнія. Самъ же министръ не присутствовалъ въ департаментѣ[4]). Въ томъ же 1797 г. водяные пути сообщенія были ввѣрены экспедиціи или департаменту водяныхъ коммуникацій, во главѣ котораго стоялъ главный директоръ

1) Градовскій, 256 с. 2) Сперанскій, ibidem. 3) Записки Державина, 415—416 с. 4) П. С. З., № 17,906.

на правахъ министра. Департаментъ былъ сравненъ съ коллегіями и подчиненъ сенату [1]). Въ 1800 г. было учреждено министерство коммерціи, въ организаціи котораго сказались еще неустановившіяся точно въ то время понятія о значеніи личнаго элемента въ управленіи и отношеніи его къ коллегіальному принципу. Съ образованіемъ министерства коммерцъ-коллегія не была упразднена, а осталась въ томъ же видѣ. Отношенія между ними были опредѣлены такимъ образомъ, что министръ не могъ измѣнить опредѣленій коллегіи, а имѣлъ право только представлять свои замѣчанія членамъ коллегіи на ихъ рѣшенія; въ томъ же случаѣ, если коллегія оставалась при своемъ опредѣленіи, онъ былъ обязанъ доложить объ этомъ государю. Сама коллегія была подчинена министру, который докладывалъ государю о дѣлахъ и сообщалъ коллегіи о Высочайшихъ повелѣніяхъ. Чрезъ посредство министра же коллегія сносилась со всѣми остальными учрежденіями [2]). Такимъ образомъ, министръ не обладалъ правомъ самостоятельнаго распоряженія въ дѣлахъ, рѣшенныхъ коммерцъ-коллегіей, а эта послѣдняя, въ свою очередь, не была свободна въ обсужденіи дѣлъ, при которомъ она должна была принимать во вниманіе замѣчанія министра. Такая запутанность взаимныхъ отношеній между министромъ и коллегіей, стѣснявшая дѣятельность обоихъ, произошла, по словамъ Державина, оттого, что государь „хотѣлъ президента коллегіи (самого Державина) по исполнительной части уважить, а министра учредить для изобрѣтенія лучшихъ средствъ къ распространенію оной“ [3]). Истинное же объясненіе указанныхъ несообразностей въ устройствѣ министерства коммерціи заключается въ инструкціи, данной министру, по которой ему предоставлено общее направленіе, руководство и управленіе коммерціей (наблюденіе за тамож-

---

1) П. С. З., XXV, № 18,403. 2) XXVI, № 19,554. 3) Запис и Державина, 411 стр.

ніями, составленіе торговыхъ трактатовъ и тарифовъ, открытіе злоупотребленій въ дѣйствіяхъ чиновниковъ и проч.), между тѣмъ какъ коммерцъ-коллегія должна была исполнять всѣ его распоряженія[1]). Слѣдовательно, при образованіи министерства коммерціи рѣшеніе дѣлъ, требующее коллегіальнаго ихъ обсужденія, было ввѣрено одному лицу—министру, а исполненіе рѣшеній, при которомъ необходимы энергія, рѣшительность и быстрота въ дѣятельности отдѣльнаго лица, возложено на коллегію. Такой же смѣшанный и неопредѣленный характеръ получили возстановленныя Павломъ Петровичемъ коллегіи, упраздненныя Екатериной II. Сначала были возстановлены бергъ-мануфактуръ и коммерцъ-коллегія въ виду „крайней неудобности въ раздробленіи важныхъ отдѣленій государственной экономіи“ [2]). Затѣмъ были возобновлены: камеръ-коллегія [3]) и юстицъ и ревизіонъ-коллегія[4]). Возстановлены были, однако, не самыя коллегіи, а ихъ президенты, получившіе обширную власть при рѣшеніи дѣлъ коллегіями [5]). Личное начало въ коллегіяхъ было усилено еще учрежденіемъ надъ президентами и членами коллегій главныхъ директоровъ, которые имѣли, подобно министру коммерціи [6]), право непосредственнаго доклада государю о дѣлахъ коллегіи. Директоры тоже не участвовали въ засѣданіяхъ коллегій, сносились съ ними предложеніями и объявляли коллегіямъ Высочайшую волю. „Дѣйствіемъ и личнымъ довѣріемъ сихъ директоровъ, замѣчаетъ объ этой реформѣ графъ Сперанскій, дѣла коллегій сначала получили нѣкоторое движеніе; но вскорѣ потомъ съ перемѣною лицъ и сіе движеніе измѣнилось. Дѣла ихъ приняли одно общее

---

1) Записки Державина, 410 с. 2) П. С. З., XXIV, № 17,567. 3) XXIV, № 17,797. 4) Записки А. М. Тургенева, Рус. Старина, 1889, LXII, 205 с. 5) Градовскій, 257 с. 6) Министръ коммерціи также названъ въ указѣ объ образованіи министерства коммерціи „главнымъ директоромъ“ коммерцъ-коллегіи X п.

направленіе въ канцелярію генералъ-прокурора, гдѣ и были учреждены для нихъ особыя экспедиціи"[1]). Изъ возстановленныхъ коллегій три: бергъ,—мануфактуръ и коммерцъ-коллегія были подчинены въ 1797 г. вновь образованной при сенатѣ „экспедиціи государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства"[2]). Это центральное учрежденіе было подчинено генералъ-прокурору, который докладывалъ объ его дѣлахъ государю[3]). Порядокъ рѣшенія дѣлъ въ вновь образованныхъ при Павлѣ Петровичѣ министерствахъ былъ чисто бюрократическій. По словамъ А. М. Тургенева, всѣмъ дѣлопроизводствомъ завѣдовали столоначальники отдѣленій департаментовъ въ министерствахъ, которымъ передавались начальниками отдѣленій всѣ докладныя записки, полученныя ими самими отъ директоровъ департаментовъ. Этимъ же послѣднимъ всѣ бумаги препровождались министрами. „Столоначальникъ, замѣчаетъ Тургеневъ, зналъ дѣло прежде, полнѣе и основательнѣе начальника отдѣленія, директора и министра, который никогда и ни о какомъ дѣлѣ никакого яснаго и основательнаго понятія имѣть не могъ". Дѣло отъ столоначальника доходило по посредствующимъ инстанціямъ до министра, который преподносилъ его въ краткомъ извлеченіи государю. Эти же „извлеченія и сокращенія дѣла разными лицами такъ далеко отходили отъ самого существа дѣла, изложеннаго въ подлинной докладной запискѣ, что по утвержденіи доклада министра государемъ, не знали, какъ его привести къ исполненію"[4]).

Что касается, наконецъ, сената, то при Павлѣ I было еще болѣе усилено значеніе его, какъ высшаго судебнаго учрежденія въ имперіи. Такъ какъ отъ прошлаго царствованія осталось, благодаря отчасти злоупотребленію властью со сто-

---

1) Сперанскій, 35 с. 2) П. С. З., XXIV, № 17,865. 3) XXIV, № 17,866. 3) Записки А. М. Тургенева, Рус. Старина, 1886, LII, 276—277 с.

роны генералъ-прокурора [1]), множество нерѣшенныхъ дѣлъ (11,476) [2]), то для усиленія дѣлопроизводства въ сенатѣ были приняты государемъ особыя мѣры. Для исполненія именныхъ указовъ, требующихъ скорыхъ распоряженій, сенатъ долженъ былъ засѣдать въ полномъ составѣ и во всякое время [3]). Рѣшенія сената приводились въ исполненіе, если они подписывались тремя сенаторами [4]); если рѣшеніе было подписано только двумя сенаторами, протоколъ носили на домъ для подписи еще къ одному изъ сенаторовъ [5]). Сенатъ не долженъ былъ медлить въ рѣшеніи дѣлъ [6]), а подчиненныя ему мѣста—въ исполненіи сенатскихъ указовъ [7]). Эти послѣднія должны были немедленно доносить сенату о времени исполненія его указовъ [8]). Въ виду же ускоренія дѣлопроизводства въ сенатѣ было приказано рѣшать въ общемъ его собраніи по большинству голосовъ всѣ дѣла, а въ числѣ ихъ и такія, „по коимъ маловажное токмо сомнѣніе одного или двухъ сенаторовъ изъявляемо бываетъ противъ согласнаго всѣхъ другихъ мнѣнія". На Высочайшее усмотрѣніе дѣла вносились изъ сената только въ случаѣ равенства голосовъ при ихъ обсужденіи [9]). Сенатъ получилъ право „опубликовывать" судебныя мѣста за незаконныя рѣшенія ими дѣлъ [10]). Все съ тою же цѣлью ускоренія рѣшенія судебныхъ дѣлъ въ сенатѣ были переданы уголовныя и слѣдственныя дѣла изъ втораго его департамента, заваленнаго ими, въ четвертый административный департаментъ сената и пятый межевой. Дѣла этого послѣдняго были обращены въ первый департаментъ и, кромѣ того, образовано три новыхъ временныхъ

1—2) Blum, II, 148 s. 3—6) П. С. З., XXIV, №№ 17,569, 17,600, 17.884, XXV, № 18,813. 7—10) Ibidem, XXV, №№ 18,343, 18,540, 18,648, XXIV, №№ 17,760, 17,761; въ I томѣ упомянутаго нами сборника „Указовъ Павла I" есть примѣры „опубликовыванія" сенатомъ въ такихъ случаяхъ. Такъ, напр., была „опубликована" въ апрѣлѣ 1798 г. смоленская казенная палата за „неправильное ея опредѣленіе" по дѣлу о похищеніи казны коммиссарами Вонляревскимъ и Кривцовымъ и ихъ помощниками, Узсоковымъ и Соколовымъ.

департамента и усиленъ составъ сенатской канцеляріи[1]). Жалобы на сенатъ могли быть подаваемы государю только съ прописаніемъ причинъ и законовъ [2]). Вслѣдствіе всѣхъ этихъ распоряженій всѣ почти департаменты сената, не исключая и перваго, куда еще были переданы дѣла о ссыльныхъ [3]), были заняты разсмотрѣніемъ судебныхъ дѣлъ. Но рѣшеніе ихъ замедлялось вслѣдствіе того, что было повелѣно переносить въ сенатъ всѣ дѣла изъ гражданскихъ и уголовныхъ палатъ, которыя должны были останавливаться въ исполненіи своихъ резолюцій до новаго рѣшенія дѣлъ сенатомъ. Число дѣлъ въ сенатѣ увеличилось еще вслѣдствіе того, что было позволено каждому подавать на рѣшенія сената жалобы государю. Жалобы на рѣшенія департаментовъ докладывались ему двумя статсъ-секретарями, которые потомъ отсылали ихъ для разсмотрѣнія обыкновенно къ генералъ-прокурору. Этотъ послѣдній собиралъ свѣдѣнія по поданнымъ прошеніямъ, дѣлалъ докладъ о дѣлѣ государю и объявлялъ сенату Высочайшее повелѣніе или о рѣшеніи дѣла безъ очереди, или о переносѣ его въ общее собраніе сената, или вообще объ ускореніи. Новыя рѣшенія въ сенатѣ такихъ дѣлъ поступали на Высочайшее усмотрѣніе рапортами [4]). По жалобамъ на рѣшенія общаго собранія сената докладывалъ государю сначала генералъ-рекетмейстеръ въ присутствіи генералъ-прокурора; но потомъ и эти дѣла стали восходить до государя также чрезъ генералъ-прокурора [5]). Уклоненіе отъ обычнаго порядка рѣшенія дѣлъ въ сенатѣ проявлялось еще въ томъ, что „иногда тяжебное дѣло получало рѣшеніе въ пользу пропустившаго двѣ давности; другое переходило изъ первой инстанціи, минуя среднюю, прямо въ сенатъ. Бывали случаи, что только что заслушанное дѣло въ сенатѣ было останавливаемо въ своемъ ходѣ и рѣшаемо самимъ го-

1—3) П. С. З., XXIV, № 17,639, XXVI, №№ 18,177, 18,184, 19,426 и 18,695
4—5) Сперанскій: „О государственныхъ установленіяхъ“, 34 и 36 с.

сударемъ по словамъ одного только въ немъ соучастника [1]). Преимущественно судебнымъ характеромъ дѣятельности сената при Павлѣ Петровичѣ объясняется и происхожденіе сложнаго порядка рѣшенія тяжебныхъ дѣлъ между казной и частными лицами: „съ образованіемъ самостоятельнаго управленія отдѣльными частями администраціи неминуемо должны были возникнуть столкновенія между сенатомъ, какъ высшимъ органомъ правосудія въ странѣ, и казенными интересами, перешедшими въ различныя вѣдомства" [2]). Всѣ тяжебныя дѣла о казенныхъ интересахъ рѣшались въ губернскихъ судебныхъ палатахъ при участіи казенныхъ палатъ, затѣмъ переходили въ общее собраніе сената, откуда поступали на Высочайшее усмотрѣніе даже и въ томъ случаѣ, если рѣшеніе сената было единогласно. Всѣми этими изъятіями массы судебныхъ дѣлъ изъ общаго порядка ихъ рѣшенія затруднялся сильно весь ходъ дѣлопроизводства въ сенатѣ и увеличивалась медленность въ его рѣшеніяхъ [3]). Не смотря на преобладающій судебный характеръ дѣятельности сената при Павлѣ I [4]), въ него продолжаютъ поступать и многія административныя дѣла [5]). При сенатѣ даже была учреждена, какъ мы видѣли, „экспедиція государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домо-

---

1) И. И. Дмитріевъ: „Взглядъ на мою жизнь", 130 и 141 с. 2) Градовскій, 260 с. 3) Сперанскій, 34—35 с. 4) О судебной дѣятельности сената при Павлѣ I см. П. С. З., XXIV, №№ 17,637, 17,681, XXV, №№ 18,695, 18,780, XXVI, №№ 19,629, 19,649; см. также „Verordnungen S. K. M. Paul d. Ersten", Petersburg, I Band (1796-1797), стр.: 22, 89, 113, 272, 297, 329, 332 и 335, II Band (1796—1797), стр.: 166, 168, 170, 172, 173, 204—209, 214, 230—232, 266, 268—269, 285, 317—329; „Указы Павла I" (1798—1799), I т., въ апр. 1798 и др., II т., (1800), 3 февр. и 8 мая 1800. 5) Объ административной дѣятельности сената при Павлѣ I см. въ П. С. З., XXIV, №№ 17,672, 17,811; XXV, №№ 18,494, 18,516, 18,552, 18,569, 18,570, 18,590, 18,622, 13,637, 18,795, 19,047, 19,087, 19,095, 19,158, 19,159, 19,194, XXVI, №№ 29,286, 19,324, 19,574, 19,678, 19,727; см. также въ упомянутыхъ сборникахъ указовъ Павла I (мы не цитируемъ этихъ указовъ, которыхъ слишкомъ много въ обоихъ сборникахъ).

водства“ [1]); при немъ же была образована еще новая экспедиція государственныхъ конскихъ заводовъ [2]). Сенатъ имѣлъ право объявлять всѣ Высочайшіе указы обо всѣхъ важнѣйшихъ законодательныхъ мѣрахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ [3]). Въ сенатѣ при Павлѣ I, слѣдовательно, соединялась вмѣстѣ съ судебной функціей и административная, хотя въ тоже время почти все управленіе перешло къ генералъ-прокурору и новоучрежденнымъ министерствамъ. Надъ дѣятельностью этихъ послѣднихъ не существовало при Павлѣ Петровичѣ никакого надзора и всѣ дѣйствія министровъ и главныхъ директоровъ коллегій представлялись разрозненными, лишенными единства направленія [4]). Наконецъ, государственный совѣтъ не имѣлъ при Павлѣ I опредѣленнаго устройства и точно обозначенной компетентности. Такимъ образомъ, послѣдующему царствованію предстояло: дать полную и прочную организацію государственному совѣту, какъ органическому учрежденію въ русской монархіи, твердо установить его высшее положеніе въ управленіи, какъ законосовѣщательнаго учрежденія, централизовать все дѣйствительное управленіе посредствомъ раздѣленія его главныхъ задачъ между министерствами, какъ отдѣльными и независимыми другъ отъ друга вѣдомствами, сообщить единство въ дѣятельности всѣхъ министровъ и организовать надзоръ надъ нею и, наконецъ, выдѣлить изъ сената всѣ административныя дѣла и образовать изъ него высшее судебное учрежденіе въ имперіи. На этотъ путь реформъ въ русскомъ высшемъ государственномъ управленіи, намѣченный всей предъидущей, продолжительной исторіей его развитія, особенно же въ XVIII вѣкѣ, вступилъ сынъ Павла Петровича, императоръ Александръ Павловичъ.

---

1) П. С. З., XXIV, № 17,884. 2) Ibidem, № 17,665. 3) „Verordnungen Paul Ersten“, I Band, 2, 16, 18, 21, 53, 58, 68, 87, 102, 221, 258, 259, 293, 307 s., II, 122, 144, 246 и др. 4) Θ Дмитріевъ, 78—79 с.

ГЛАВА III-я.

Состояніе русскаго общества при возшествіи на престолъ Александра Перваго. Личность Александра Павловича (его характеръ и соціально-политическіе взгляды) и—его ближайшихъ сотрудниковъ по преобразованію государства. Учрежденіе Непремѣннаго Совѣта. Работы „Comité du salut public“ надъ реформой совѣта, сената и министерствъ (1801—1810). Отношеніе совѣта къ комитету министровъ, сенату и министерствамъ.

Возшествіе на престолъ Александра Павловича было встрѣчено всѣмъ русскимъ обществомъ съ необыкновеннымъ восторгомъ. „Вѣсть объ этомъ событіи, говоритъ Карамзинъ, была въ цѣломъ государствѣ вѣстью искупленія: въ домахъ, на улицахъ, люди плакали, обнимая другъ друга, какъ въ день свѣтлаго воскресенія“ [1]). „Всѣ чувствовали тогда, замѣчаетъ Вигель, какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе“ [2]). „Заживаютъ раны отъ муки прежней, писалъ графъ Завадовскій графу С. Р. Воронцову, по удостовѣренію, что отверженные кнутъ и топоръ больше не возстанутъ; ибо ангелъ со стороны кротости и милосердія царствуетъ надъ нами. Зады Іоанна Грознаго мы испытали; измѣряй поэтому радость общую, когда можемъ подымать духъ и сердце, когда никто не имѣетъ страха мыслить и говорить полезное и чувствовать себя“ [3]). „Благость и кротость души Александра, говоритъ Лунинъ, отвалили камень отъ духа и сердца его

---

1) Карамзинъ: „О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ“, изд. Рус. Архива, 2269—2270. 2) Записки Вигеля, Рус. Вѣстникъ, 1864, III, 162 с. 3) Листовскій: „Графъ П. В. Завадовскій“, Рус. Архивъ, 1883, XXI, 2, 112 с.

подданныхъ“ [1]). Слова Завадовскаго и Лунина, описывавшихъ настроеніе образованнаго русскаго общества въ первый моментъ царствованія Александра Павловича, указываютъ и на причину особеннаго воодушевленія при этомъ событіи: всѣ ожидали, что при новомъ государѣ не повторится тяжелая и суровая пора царствованія Павла Петровича[2]), отличавшаяся господствомъ въ управленіи личнаго произвола[3]). Надежды на необходимыя преобразованія въ администраціи основывались на личности молодого императора, отличавшагося высокими нравственными и умственными качествами. Александръ Павловичъ былъ воспитанъ подъ ближайшимъ надзоромъ и руководствомъ своей бабки, Екатерины II, которая слѣдила за всѣмъ развитіемъ богато одаренной натуры своего любимаго внука съ самого перваго момента его жизни[4]). Императрица сама составила, написанный въ духѣ моральныхъ принциповъ философіи XVIII вѣка, планъ воспитанія обоихъ своихъ внуковъ (Александра и Константина

1) Собственноручныя записки бывшаго при Павлѣ и Александрѣ I, полоцкаго губернатора, А. М. Лунина, 3-й томъ (Рукописи Румянцевскаго Музея). Воцареніе Александра Павловича было встрѣчено съ радостью массой простаго народа (Storch: „Russland unter Alexander dem Ersten“, IV, 337—349 s.) и произвело сильное впечатлѣніе даже за границей, гдѣ Storch началъ издавать особый журналъ, посвященный обозрѣнію реформъ Александра Павловича, а Клопштокъ написалъ оду, въ которой прославлялъ въ Александрѣ воплощеніе человѣчности, одерживающей побѣду надъ грубыми силами (Сухомлиновъ: „Рѣчь на 100-лѣтнемъ юбилеѣ Александра I“, Записки Академіи Наукъ, XXI, 5 с.). 2—3) Примѣчаніе. Павелъ Петровичъ былъ одаренъ отъ природы богатыми способностями, имѣлъ рыцарскую натуру; отличительными чертами его характера были: честность, великодушіе и справедливость. Но въ тоже время необыкновенная подозрительность, мнительность, раздражительность и вспыльчивость въ характерѣ Павла I, образовавшіеся въ немъ вслѣдствіе особенныхъ условій его жизни вдали отъ двора Екатерины II и дѣлъ правленія, были часто въ теченіе его царствованія причиною быстрыхъ и неожиданныхъ перемѣнъ въ его распоряженіяхъ (Пыпинъ: „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, Спб., 1885, 2-е изд., 50—54 с., Кобеко, н. с., 346 с. и сл., Записки Лунина, ibid., Карамзинъ, н. с., 2268 с., Богдановичъ: „Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время“, Спб., 1869, I, 44 с. 4) См. письма Екатерины II къ Гримму (Рус. Архивъ, 1878, XVI, 3, стр. 65-66, 71—73, 79—80, 82, 84, 88—89, 91, 95, 109—110, 117, 154, 175—176, 186 и 202).

Павловичей), который долженъ былъ быть инструкціей, „наставленіемъ“ для воспитателя великихъ князей, графа Н. И. Салтыкова [1]), помощникомъ котораго былъ Протасовъ „Наставленіе„ вмѣняетъ въ обязанность воспитателямъ развивать въ царственныхъ питомцахъ чувство справедливости и любви къ ближнему. „Главное достоинство наставленія дѣтей, говорится въ инструкціи, должно состоять въ любви къ ближнему, въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обращеніи ко всякому, доброправіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благородномъ сердцѣ“. „Наставленіе“ требовало, „чтобы съ возрастомъ питомцы утвердились въ добродѣтели, чтобы вкоренялась въ душахъ ихъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать законами запрещеннаго, въ любви къ истинѣ, въ щедрости, воздержаніи, умѣ, основанномъ на размышленіи, здравомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупленномъ съ трудолюбіемъ. Чѣмъ болѣе дѣти укрѣпятся въ добродѣтели, тѣмъ болѣе приготовятся къ познанію того, что роду ихъ прилично“. „Наивящшее дѣло приставниковъ, сказано было въ другомъ мѣстѣ инструкціи, есть питомцамъ дать обращеніе учтивое, здравое понятіе о вещахъ, поваживать ихъ къ обычаямъ добрымъ при всякомъ случаѣ, вложить въ нихъ нравила добродѣтели, послушаніе къ Намъ, почтеніе къ родителямъ, любовь къ истинѣ, благоволеніе къ роду человѣческому, снисхожденіе къ ближнему, исподоволь *показывать имъ вещи, каковы суть и каковы быть должны*. Ученіе или же знаніе да будетъ имъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ спознанію естественныхъ ихъ способностей и дабы при-

---

1) „Графъ Н. И. Салтыковъ, который оказалъ извѣстное вліяніе на образованіе характера Александра I, почитался, по словамъ Грибовскаго, человѣкомъ умнымъ и проницательнымъ, то есть, зналъ придворную науку, но о дѣлахъ государственныхъ имѣлъ знаніе поверхностное. Свойства былъ нетвердаго и ненадежнаго: случайнымъ раболѣпствовалъ, а упадшихъ чуждался“ (6—7 с.).

выкли къ труду и прилежанію". „Наставленіе" перечисляетъ подробно, чему должны были учиться великіе князья, которые обязаны были, между прочимъ, познакомиться съ „Наказомъ коммиссіи, уложеніемъ и учрежденіемъ для управленія губерній россійской имперіи"; они должны были знать „вообще законы россійскіе, ибо, не знавъ оныхъ, и порядка, коимъ правится Россія, знать не могутъ. Спознаніе Россіи во всѣхъ ея частяхъ столь важно для Ихъ Высочествъ и для самой имперіи, что оно главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно". Обоимъ великимъ князьямъ должны быть хорошо знакомы „законы своей земли и правосудіе, употребленіе доходовъ, военное искусство въ защищеніи и наступленіи, о переходѣ рѣкъ и горъ, собраніе войскъ, ученіе, движенія, прокормленіе, содержаніе, попеченіе о больныхъ, дряхлыхъ и неимущихъ"[1]).

Таковы были общія правила, которымъ обязаны были руководствоваться воспитатели Александра Павловича и его брата; великимъ князьямъ, прежде всего, внушались отвлеченныя, философскія истины,—любовь къ человѣчеству, правдѣ, добродѣтели и уже потомъ сообщались нѣкоторыя свѣдѣнія изъ дѣйствительной русской жизни. Протасовъ обращаетъ главное свое вниманіе на развитіе нравственныхъ качествъ въ своихъ питомцахъ. Такъ онъ отмѣчаетъ въ своемъ „Дневникѣ", что въ царственномъ отрокѣ (Александрѣ Павловичѣ) „замѣчается великая честность, справедливость, кротость, снисхожденіе, привѣтливость, любознательность". Въ тоже время Протасовъ не позабываетъ указать и на нѣкоторые недостатки въ характерѣ своего питомца: „излишнее самолюбіе, упорство въ своихъ мнѣніяхъ и хитрость". Протасовъ оставлялъ въ сторонѣ знакомство Александра Павловича съ „свѣтомъ, каковъ онъ есть и каковъ былъ долженъ", об-

1) Богдановичъ, ,ibidem, приложенія, стр.: 8—9, 11, 13—15.

щественнымъ русскимъ устройствомъ, довольствуясь при случаѣ только „голословнымъ указаніемъ порядковъ, существующихъ въ Россіи“ [1]) и пренебрегая всякими доказательствами ихъ превосходства или недостатковъ сравнительно съ западноевропейскими соціальными отношеніями и. учрежденіями [2]). Протасову не пришлось долго быть воспитателемъ Александра Павловича. Пріѣздъ ко двору Екатерины II баденскихъ принцессъ, изъ которыхъ одна скоро сдѣлалась супругой Александра Павловича, „отвлекъ Е. В. отъ всякаго умствованія, а о россійскомъ ученіи и совсѣмъ было забыто, хотя и начались упражненія съ де-Лагарпомъ и прочими“ [3]). Но „упражненія“ Лагарпа съ великими князьями начались гораздо раньше удаленія Протасова (въ авг. 1794 г.): Лагарпъ былъ приглашенъ Екатериной для руководства учебными занятіями обоихъ великихъ князей еще въ 1783 году. Лагарпъ былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, воспитаннымъ въ духѣ отвлеченныхъ, гуманныхъ идей французскихъ энциклопедистовъ, „преисполненнымъ, по его собственнымъ словамъ, республиканскими правилами, совершенно отчужденнымъ отъ міра и жившимъ болѣе съ книгами и созданіями фантазіи, нежели съ настоящими людьми“ [4]). Лагарпъ оказалъ преобладающее вліяніе на умственное развитіе и образованіе характера Александра Павловича, который получилъ отъ своего горячо любимаго наставника идеальныя и отвлеченныя представленія о человѣческомъ благѣ, гражданской свободѣ, равенствѣ всѣхъ людей и справедливости, которая осуществляется въ законности дѣйствій государей [5]). Сообразно общимъ педагогическимъ пріемамъ XVIII ст., Лагарпъ обращалъ главное вниманіе

---

1) Пыпинъ, ibidem, 26 с., 2—3) „Дневныя записки Протасова о воспитаніи великаго князя Александра Павловича“, Древняя и Новая Россія, 1880, II, стр.: 762, 764—765, 770—774. 4) „Записки Лагарпа“, Рус. Архивъ, 1866, IV, 81 с 5) Пыпинъ, н. с., 18 с.

на внушеніе своему воспитаннику нравственныхъ истинъ. „Будущій правитель, писалъ онъ въ своемъ мемуарѣ, поданномъ графу Салтыкову въ 1784 году, не долженъ быть ни физикомъ, ни натуралистомъ, ни математикомъ, ни географомъ, ни грамматикомъ, ни метафизикомъ, ни логикомъ, ни легистомъ etc. Но онъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ и знать преподаваемые ему предметы на столько, чтобы понимать ихъ настоящую цѣну и имѣть ясное сознаніе обязанностей, лежащихъ на монархѣ, въ рукахъ котораго счастье и несчастье многихъ милліоновъ“ [1]). Поэтому-то преподаваніе исторіи, изученіе которой могло только развить гражданское чувство, получило у Лагарпа „видъ курса нравственности, самой чистой и возвышенной, основанной на историческихъ фактахъ“ [2]). Лагарпъ останавливаетъ вниманіе своихъ питомцевъ лишь на тѣхъ историческихъ лицахъ, которыя отличались выдающимися нравственными качествами и пріобрѣли право на уваженіе и благодарность современниковъ и потомства (Аристидѣ, Катонѣ, Гракхахъ, Суллѣ и др.)[3]). Восхваляя республиканскія учрежденія древняго Рима, Лагарпъ въ тоже время внушаетъ Александру Павловичу и его брату, что „истинный гражданинъ уважаетъ законы и учрежденія своей страны“ и предостерегаетъ ихъ отъ взгляда „людей своекорыстныхъ и ничтожныхъ, что властители неодинаковаго происхожденія со всѣми смертными и потому свободны отъ всякихъ обязанностей въ отношеніи къ родинѣ и къ человѣчеству [4]). Только тотъ государь, говоритъ Лагарпъ, пріобрѣтетъ любовь народовъ, уваженіе современниковъ и похвалы потомства, который видитъ свое величіе и славу въ выполненіи своихъ обя-

---

1) Сухомлиновъ: „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“, Спб., 1889, II, приложеніе къ статьѣ: „Ф. Ц. Лагарпъ, воспитатель Александра I-го“, 162 с., 2) „Бумаги Лагарпа“, Рус. Архивъ, 1869, VII, 75—76 с., 3—4) Сухомлиновъ, п. с., 71 и 75—76 с.

занностей *человѣка и гражданина.* Точнѣйшее соблюденіе законовъ, сохраненіе установленныхъ порядковъ, вниманіе къ подданнымъ—лучшія гарантіи верховной власти. Повсюду, гдѣ тронъ основывается на прочныхъ законахъ, свято соблюдаемыхъ, онъ непоколебимъ. Монархъ, почитающій себя первымъ магистратомъ народа, слугою государства и отцемъ своихъ подданныхъ, охраняется законами и любовью подданныхъ болѣе, нежели крѣпостями и солдатами"[1]). Внушая Александру Павловичу такіе возвышенные политическіе взгляды, Лагарпъ, подобно Протасову, не сообщалъ, говоритъ Н. Тургеневъ, ему „ничего объ институтахъ серьезныхъ и постоянныхъ,—о крѣпостномъ правѣ, объ улучшеніи уголовной юстиціи и полиціи, находившихся въ ужасномъ состояніи. Въ мемуарахъ Лагарпа, представленныхъ Александру въ началѣ его царствованія, было только нѣсколько общихъ мѣстъ о народномъ просвѣщеніи и сенатѣ"[2]). Лагарпъ, говоритъ Массонъ, убѣждалъ Александра „служить человѣчеству, но не сообщалъ ему истинъ, полезныхъ государю, въ рукахъ котораго была судьба столькихъ милліоновъ людей"[3]). „Система воспитанія Лагарпа, замѣчаетъ Меттернихъ, гораздо болѣе была приспособлена къ тому, чтобы наполнить голову ученика школьными изрѣченіями, чѣмъ положительными знаніями"[4]).

Нельзя, однако, сказать, чтобы Лагарпъ въ то время оставался такимъ же идеалистомъ, какъ и при воспитаніи Александра, и чтобы въ его предложеніяхъ императору не было ничего полезнаго для предпринятыхъ Александромъ Павловичемъ преобразованій. При своемъ вторичномъ посѣщеніи Россіи Лагарпъ имѣлъ, какъ увидимъ, извѣтное вліяніе на пред-

---

1) Сухомлиновъ, приложенія, 198 с. 2) N. Tourgueneff: „La Russie et les russes", I, notes, 308—309 p. 3) Memoires secrets sur la Russie", Paris, 1800, II, 159 p. 4) „Записки Меттерниха" (1829), Ист. Вѣстн., 1880, 1 книга, 168—180 с.

варительныя работы и ходъ административныхъ реформъ первыхъ годовъ царствованія Александра, но это вліяніе не было исключительнымъ. Шестилѣтнее пребываніе Лагарпа внѣ Россіи (1795—1801 г.), обогатившее его политическою опытностью, значительно измѣнило политическія его убѣжденія. Теперь Лагарпъ перестал видѣть въ демократіи идеальную форму политическаго быта общества и убѣждалъ государя сохранить въ своихъ рукахъ твердую и непоколебимую власть, дорожить своимъ самодержавнымъ, неограниченнымъ политическимъ авторитетомъ въ странѣ, управленіе которой нуждается во многихъ реформахъ [1]). Такъ Лагарпъ старался „отклонить Александра отъ намѣренія назначить канцлера, считая это званіе весьма опаснымъ по причинѣ той власти и того вліянія, которыя ему присвоены". Предполагаемый кандидатъ на этотъ высшій постъ, графъ А. Р. Воронцовъ былъ, по словамъ Лагарпа, человѣкъ „пропитанный старыми началами, противными реформамъ, замышляемымъ Е. В., и по своему характеру склонный къ произволу" [2]). Лагарпъ убѣждалъ Александра въ „необходимости не терпѣть надъ собою опеки и распоряжаться самостоятельно" [3]). Онъ совѣтовалъ Александру при его преобразованіяхъ „не останавливать въ теченіе нѣкотораго времени обычнаго хода администраціи, не выбивать ее изъ давней колеи, а внимательно слѣдить за ходомъ дѣлъ, избѣгая скоропостижныхъ и насильственныхъ реформъ" [4]). Лагарпъ участвовалъ въ обсужденіи вопроса о преобразованіи совѣта и настаивалъ также на

---

1) Сухомлиновъ, 116—122 с. 2—3) Протоколы засѣданій неоффиціальнаго комитета, Богдановичъ, I, прим., 58 с.; ср. 42. Это мнѣніе Лагарпа о графѣ А. Р. Воронцовѣ не можетъ быть признано правильнымъ: „хотя онъ и былъ старъ, но, по признанію членовъ неоффиц. комитета, идеи его были молоды и онъ не держался старинныхъ предразсудковъ" (Протоколы засѣданій неофф. комитета, 42 с.). Ниже мы увидимъ, въ чемъ заключались эти „идеи" Воронцова о необходимости преобразованій въ управленіи 4) Сухомлиновъ, н. с., 119 стр.

ограниченіи правъ сената и учрежденіи министерствъ, но при этомъ указывалъ, что государь долженъ „сдерживать произволъ министровъ, подчиняя ихъ дѣйствія личной волѣ главы государства“ [1]). Много было сдѣлано Лагарпомъ для устройства министерства народнаго просвѣщенія [2]). Лагарпъ, наконецъ, предвидитъ заранѣе, что противъ реформъ будутъ: высшая знать, все почти дворянство, большинство средняго класса общества, иностранцы, за реформу—самъ государь съ нѣсколькими молодыми и образованными дворянами, часть средняго класса и нѣкоторые писатели [3]). Можно, слѣдовательно, сказать, что нѣкоторое вліяніе Лагарпа на рѣшеніе многихъ важныхъ вопросовъ по преобразованію управленія несомнѣнно, но только это вліяніе парализовалось членами неоффиціальнаго комитета, недовѣрявшими политическимъ планамъ Лагарпа [4]). Самъ Александръ, напротивъ, не переставалъ всегда питать глубокое уваженіе къ своему наставнику, которому онъ чувствовалъ себя обязаннымъ за внушенные Лагарпомъ космополитическіе, нравственные и политическіе, идеалы,—возвышенное представленіе о нравственныхъ задачахъ человѣческой дѣятельности, глубокое уваженіе къ достоинству человѣческой личности, отвращеніе отъ личнаго произвола и стремленіе къ законности въ управленіи [5]).

1—3) Сухомлиновъ, п. с., 117, 125 и 122с. 4) Чарторыйскій замѣчаетъ, что въ мемуарахъ Лагарпа, передаваемыхъ имъ Александру, заключались предложенія о преобразованіи всѣхъ частей администраціи, но что всѣ они были запутаны, неопредѣленны и неприложимы къ практикѣ. Лагарпъ казался Чарторыйскому изъ „рода людей, напитанныхъ иллюзіями конца XVIII вѣка, которые вѣрили, что при помощи ихъ доктрины,—новаго философскаго камня, универсальнаго лекарства,—все можетъ быть изъяснено, и что достаточно возвышенныхъ фразъ для того, чтобы разрѣшить всѣ различныя практическія затрудненія“. По словамъ Чарторыйскаго, Лагарпъ имѣлъ ничтожное вліяніе на реформы Александра I („Memoires du prince Adam Czartoryski“, Paris, 1887, I, 271—272 p.), 5) Сухомлиновъ, Рѣчь etc., 2—4 с.; самъ Александръ писалъ Лагарпу вскорѣ послѣ его отъѣзда изъ Петербурга, что „онъ обязанъ ему всѣмъ: правомъ и правилами, нравственностью и немногими познаніями“ (С. Р. И. О., V, 25 с.); ср. „Memoires“ Чарторыйскаго, I, 96—97 p.

Образъ мыслей и настроеніе Александра Павловича вскорѣ по окончаніи занятій съ Лагарпомъ хорошо описаны въ „Мемуарахъ“ князя Чарторыйскаго. Александръ признавался Чарторыйскому (въ 1796 г.), что „онъ ненавидитъ деспотизмъ вездѣ и какимъ бы образомъ онъ не проявлялся, что онъ любитъ свободу, которая должна принадлежать всѣмъ людямъ, что онъ принималъ живѣйшій интересъ въ французской революціи, что, хотя онъ и осуждалъ ея страшныя заблужденія, но желалъ успѣховъ республикѣ и радовался имъ“. „Мнѣнія Александра, замѣчаетъ по этому поводу Чарторыйскій, были мнѣніями юноши 1789 г., который хотѣлъ бы видѣть повсюду республики и считалъ эту форму правленія единственной, сообразной съ желаніями и правами человѣчества. Александръ, между прочимъ, утверждалъ, что наслѣдственность есть учрежденіе несправедливое и нелѣпое, что верховная власть должна быть ввѣряема не по случайности рожденія, а по подачѣ голосовъ націей, которая съумѣла бы выбрать наиболѣе способнаго управителя ею“. Александръ Павловичъ признавался также Чарторыйскому въ своей „любви къ сельской жизни и мечтахъ о простой, спокойной жизни вдвоемъ съ своей молодой супругой въ хорошенькомъ сельскомъ домикѣ въ уединенной и красивой мѣстности“[1]). Условія жизни Александра до возшествія его на престолъ, однако, мало благопріятствовали этимъ идиллическимъ его вкусамъ, мечтательному настроенію и всѣмъ нравственнымъ и политическимъ взглядамъ Александра Павловича, которому пришлось испытать на себѣ вліяніе самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ жизненныхъ теченій. Екатерина не любила Павла Петровича, который жилъ во все ея царствованіе въ Гатчинѣ вдали отъ государственныхъ дѣлъ. Рѣзкій контрастъ между монотоннымъ образомъ жиз-

---

1) Czartoryski, Memoires etc., I, 102—103 p.

ни отца и открытою и утонченною жизнью бабки невольно бросался въ глаза Александру, который долженъ былъ, слѣдуя совѣтамъ своего воспитателя, графа Салтыкова, въ одно и тоже время примѣняться къ тону, господствующему при „большомъ дворѣ“, и гатчинскимъ военнымъ порядкамъ [1]). Необходимость быть постоянно насторожѣ, угождать бабкѣ и не прогнѣвать отца развила въ впечатлительной душѣ Александра недовѣрчивость, подозрительность и скрытность, которыя усилились въ немъ еще болѣе съ воцареніемъ Павла Петровича, суроваго и непримиримаго противника всѣхъ политическихъ взглядовъ своего сына [2]). Нѣжная натура Александра Павловича страдала сильно отъ того ложнаго положенія, которое ему приходилось занимать при дворѣ своего отца, и невозможности сдѣлать что-либо для устраненія замѣчаемыхъ имъ безпорядковъ въ ходѣ всего управленія и совершавшихся всюду разнообразныхъ злоупотребленіяхъ. Какія тяжелыя и мучительныя минуты переживалъ Александръ Павловичъ при жизни своей бабки, а затѣмъ и въ царствованіе своего отца, это видно изъ нѣкоторыхъ его писемъ къ разнымъ лицамъ. Такъ въ письмѣ къ графу Кочубею (10 мая 1796 г.) онъ пишетъ: „придворная жизнь не для меня создана; я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, нестоющихъ въ моихъ глазахъ мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которые будучи надменными съ низшими, пресмыкаются предъ тѣми, кого боятся. Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, ка-

---

1) „Записки Д. П. Рунича“, Русское Обозрѣніе, 1890, IX, 188 с., Богдановичъ, I, 20 с. 2) Пыпинъ, 37—38 с., Gerwinus: „Geschichte d. neunzehnten Jahrhunderts“, Leipzig, 1856, II, 693, s.

жется, изгнанъ отовсюду, а имперія, не смотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей, замѣчаетъ Александръ, управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія невозможно человѣку, одаренному, подобно мнѣ, обыкновенными способностями" [1]). Въ такихъ же почти выраженіяхъ Александръ описывалъ въ тоже время состояніе страны и свое собственное настроеніе въ письмѣ къ Лагарпу, въ которомъ онъ выражалъ намѣреніе „отдѣлаться со временемъ отъ бремени правленія. Оно день ото дня мнѣ становится все болѣе невыносимымъ по всему, что я вижу кругомъ себя. Непостижимо, что происходитъ: всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка; это ужасно" [2]). Наконецъ, о времени ближайшемъ къ своему вступленію на престолъ Александръ Павловичъ впослѣдствіи (1819 г.) такъ отзывался въ бесѣдѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ: „дѣла были тогда крайне запутаны, по отсутствію всякихъ основныхъ началъ въ управленіи. Ибо хотя въ послѣдніе годы жизни императрицы Екатерины порядку было мало, но все нѣсколько держалось еще прежнимъ; со вступленіемъ же на престолъ родителя вслѣдствіе принятаго правила совершенно уничтожать все дотолѣ существовавшее и остальной порядокъ былъ разрушенъ безъ замѣны другимъ" [3]).

Такимъ образомъ, воспитаніе и вся обстановка, окружающая Александра Павловича въ юношескіе годы его жизни, оставили въ крайне впечатлительной и увлекающейся натурѣ Александра самые разнообразные и противоположные слѣды, развили въ ней такія черты, придали характеру Александра такія качества, которыя отразились на всей послѣдующей его дѣятельности. Александръ Павловичъ достигъ

---

1 и 3) Корфъ: „Возшествіе на престолъ императора Николая I", Спб., 1857, 4 изд., 4—5 и 9 с., 2) С. Р. И. О., V, 23 с.

до такой высоты нравственнаго и умственнаго своего развитія, на какой только можно было стоять въ его время. Онъ обладалъ возвышенными представленіями о нравственныхъ цѣляхъ жизни человѣка, гражданина и монарха, былъ искренне убѣжденъ въ необходимости обосновать свою будущую дѣятельность на демократическихъ принципахъ равенства, свободы и счастья всѣхъ людей и обнаруживалъ постоянную наклонность къ высокимъ нравственнымъ подвигамъ на пользу человѣчества [1]). Но въ тоже время эти нравственные и политическіе взгляды Александра имѣли отвлеченный, космополитическій характеръ, были далекими отъ всего обычнаго склада русской общественной жизни, къ которой онъ желалъ ихъ примѣнить [2]). Самая эта жизнь въ ея разнообразныхъ формахъ была почти незнакома будущему государю, получившему отъ своихъ воспитателей неопредѣленныя, а иногда и превратныя понятія о русскомъ общественномъ устройствѣ [3]). Александръ видѣлъ многіе недостатки въ управленіи, искренне желалъ устранить ихъ и на самомъ дѣлѣ совершилъ крупныя реформы въ высшей администраціи. Но ему недоставало силы воли доводить до конца свои планы, постоянства въ осуществленіи своихъ намѣреній, рѣшительности для того, чтобы идти по намѣченному имъ же самимъ пути [4]). Эта неувѣренность въ своихъ силахъ, робость, нерѣшительность и непостоянство составляли отличительную черту его характера [5]), представляющаго со-

1) Меттернихъ писалъ объ Александрѣ: „роль монарха-филантропа представлялась въ глазахъ Александра, какъ долженствующая доставить ему пальму неувядаемой славы, тѣмъ легче достижимой для монарха, что онъ могъ сознавать себя чуждымъ опасности, возникавшей отъ его поступковъ для другихъ троновъ и старыхъ учрежденій Западной Европы“ (Ист. Вѣстн., 1880, 1-я кн., Записки Меттерниха). 2) Weber: „Allgemeine Weltgeschichte“, XIV Band, 174 s. 3) См., напр., объясненіе Протасова Александру факта ограниченій вѣротерпимости въ Россіи и привиллегій русскаго дворянства (Дневныя Записки, Др. и Новая Россія, 1880, II, 763—764 стр. 4) Пыпинъ, 38—39 стр. 5) Надлеръ: „Императоръ Александръ I и идея священнаго союза“, Рига, 1886, I, 8 с., Crusenstolpe, IV, 2—3 s.. Пыпинъ, 14 стр.

бою вообще трудно разрѣшимую загадку для современниковъ и потомства. Такъ баронъ *Штейнъ*, знаменитый прусскій министръ, вызванный въ Россію самимъ Александромъ I въ 1812 г., писалъ о немъ: „главная черта его характера состоитъ въ добродушіи, привѣтливости, въ желаніи содѣйствовать счастью и духовному развитію человѣчества. Но ему недостаетъ умственной силы для изслѣдованія истины, твердости для завершенія своихъ предпріятій вопреки всѣмъ преградамъ и для преклоненія воли противниковъ; его добродушіе искажается, становится слабостью характера и онъ нерѣдко прибѣгаетъ къ оружію лукавства и хитрости для осуществленія своихъ цѣлей. Эти послѣднія качества были развиты въ немъ наставленіями его воспитателя, фельдмаршала Салтыкова, стараго царедворца, который рано пріучилъ его угождать бабкѣ и ея любимцамъ и нраву отца, а въ послѣдствіи крутость отца должна была укоренить въ немъ эти привычки“ [1]). Другой не менѣе извѣстный современникъ Александра, также бывшій съ нимъ въ личныхъ отношеніяхъ князь *Меттернихъ* замѣчаетъ, что „безпристрастному историку нелегко будетъ составить правильное сужденіе о характерѣ Александра Павловича. Его взоры слишкомъ часто будутъ наталкиваться на самыя рѣзкія противорѣчія, а его уму трудно будетъ остановиться на постоянной точкѣ зрѣнія. Умъ и сердце этого монарха отличались такими противоположными нравственными качествами, что извѣстная сила характера, которою онъ обладалъ, была недостаточна, чтобы держать въ равновѣсіи всѣ его наклонности. Всегда поддаваясь увлеченіямъ, всегда непостоянный въ направленіи своего ума, Александръ не пользовался ни одной минутой дѣйствительнаго покоя. У него были неоцѣненныя качества, его образъ мыслей былъ благороденъ, его слово свято, но

---

1) Pertz: „Das Leben d. Ministers Freichern vom Stein“, Berlin, 1851, III, Band, 55—56 s.

наравнѣ съ этими качествами были большіе недостатки". Меттернихъ останавливается на главнѣйшемъ изъ нихъ—двойственности характера Александра, его способности быстро переходить отъ одной идеи къ другой и пытается отыскать причину этого замѣчательнаго явленія. По словамъ Меттерниха, Александръ „былъ несомнѣнно уменъ, но онъ легко заблуждался вслѣдствіе рѣшительной склонности къ сомнительнымъ теоріямъ. Излюбленныя идеи всегда одерживали верхъ въ его мнѣніи; онъ усвоивалъ ихъ по первому вдохновенію и отдавался имъ крайне горячо; вскорѣ онѣ овладѣвали имъ на столько, что подчиняли его волю внушителямъ этихъ идей. Подобныя идеи пріобрѣтали быстро въ его глазахъ значеніе системы; при его впечатлительности и необычайной подвижности мысли системы, которыя имъ схватывались, не сплачивались между собою, а вытѣсняли одна другую. Увлекаясь новой, только что усвоенной системой, онъ безсознательно переходилъ чрезъ постепенныя промежуточныя ступени въ убѣжденіяхъ, діаметрально противоположныхъ тому, чего онъ держался непосредственно предъ тѣмъ, не сохраняя о нихъ другаго воспоминанія, кромѣ обязательствъ, связывающихъ его съ различными представителями прежнихъ воззрѣній. Отсюда возникала тяжелая какъ для сердца, такъ и для ума государя сѣть болѣе или менѣе неразрѣшимыхъ затрудненій, опутывавшихъ его; отсюда частое пристрастіе къ людямъ и предметамъ самаго противоположнаго характера; отсюда же трудность понять образъ его дѣйствій для каждаго наблюдателя, неимѣвшаго случая открыть настоящую причину такихъ удивительныхъ явленій"[1]). Эта замѣчательная характеристика Меттернихомъ характера Александра Павловича, въ которой отмѣчены ав-

1) Записки Меттерниха, ibidem; ср. аналогичную во многомъ характеристику личности Александра I въ статьѣ князя Вяземскаго: „По поводу записокъ графа Зенфта, саксонскаго министра" (Рус. Архивъ. 1876, XIV, I, 363—368 с.).

торомъ выдающіяся черты его личности, пополняется словами *Наполеона I* объ Александрѣ, какъ о человѣкѣ „отличающемся необыкновеннымъ, высшимъ развитіемъ духа, образованномъ, привѣтливомъ и увлекательномъ, но въ тоже время подозрительномъ и скрытномъ". Наполеонъ называлъ Александра „настоящимъ византійскимъ грекомъ, сѣвернымъ Тальмою" и причислялъ его къ идеологамъ за то, что онъ увѣрялъ его, что наслѣдственность трона—злоупотребленіе суверенитетомъ[1]). *Ж. де-Местръ* считаетъ выше всякой похвалы философскіе взгляды Александра, его терпимость, желаніе знать, расположеніе все прощать, но въ тоже время упрекаетъ его въ подозрительности и нерѣшительности[2]). По словамъ *Массона*, Александръ былъ „щедро надѣленъ природой самыми пріятными качествами. Онъ отличался высокими нравственными качествами, проницательностью и скромностью; его характеръ счастливый, но пассивный. Ему недостаетъ смѣлости и увѣренности, необходимыхъ для того, чтобы найти достойнаго человѣка, всегда скромнаго и сдержаннаго. Слишкомъ поддаваясь чужимъ внушеніямъ, онъ недостаточно отдается внушеніямъ собственнаго ума и сердца"[3]). Новѣйшій историкъ *Гервинусъ* также находитъ, что „непостоянство было центральнымъ пунктомъ характера Александра I, а двойственность—привычкой его натуры" и видитъ въ этой его чертѣ причину частыхъ измѣненій при немъ въ управленіи, отсутствія послѣдовательности въ реформахъ Александра и цѣлаго ряда противорѣчій въ преобразовательной его дѣятельности[4]). *Шницлеръ* отыскиваетъ причину поразительныхъ контрастовъ въ характерѣ Александра I въ соединеніи въ немъ добродѣтельнаго и чувствительнаго

---

1) Schnitzler: „Histoire intime de la Russie", Paris, 1847, I, Etudes, notes et éclaircissemens", 454 p. 2) „Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre" (1811 - 1817), publié par Albert Blanc, Paris, 1860, I, 133 p. 3) Mémoires secrets, I, 268—271 p. 4) Gerwinus, ibidem, 694—705 s.

сердца, необыкновеннаго воображенія, тонко развитаго ума съ подвижностью, нетерпѣливостью и нерѣшительностью государя[1]). Аналогичные отзывы о характерѣ Александра I даютъ русскіе историки, занимающіеся изученіемъ этой замѣчательной въ русской исторіи эпохи, „вѣка Александра I-го“ [2]). Такъ *Богдановичъ* замѣчаетъ, что, благодаря необыкновенно впечатлительной натурѣ Александра, его наставники имѣли сильное вліяніе на характеръ и образъ мыслей своего питомца. Они внушили Александру любовь и уваженіе къ человѣчеству, стремленіе водворить всюду господство справедливости, демократическіе вкусы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ характерѣ Александра соединялись самыя противоположныя качества: „христіанское смиреніе и величавость, безпечность и кипучая дѣятельность, доброта и упорство мнѣній на счетъ людей, подвергшихся его неудовольствію“ [3]). *Пыпинъ*, указывая на эти и многія другія черты характера Александра Павловича, отмѣчаетъ несоотвѣтствіе возвышенныхъ его плановъ съ совершенными имъ реформами и рѣзкую разницу между двумя эпохами царствованія Александра I: свѣтлое, полное надеждъ на будущее воодушевленіе въ первый его періодъ, закончившійся необыкновеннымъ подъемомъ энергіи въ Александрѣ въ отечественную войну 1812 г., и мрачное и мистическое его настроеніе послѣ ея окончанія, соединенное съ апатіей и равнодушіемъ къ внутреннимъ дѣламъ имперіи[4]). Профессоръ *Надлеръ* замѣчаетъ, что „сердце Александра было доступно самымъ глубокимъ и нѣжнымъ чувствамъ, а умъ его былъ наполненъ въ тоже время самыми возвышенными и благородными идеями. Свобода, счастье, человѣчество — вотъ тѣ идеалы, къ осуществленію которыхъ онъ рвется всю свою жизнь. Широки и необъятны были на-

1) Schnitzler, ibidem, I, 46 p. 2) Богдановичъ, I, 18—22 с. 3) Такъ называетъ, напр., время Александра I Руничъ (Записки Рунича, Рус. Обозр., 1890, IX, 190 с.). 4) Пыпинъ, н. с., 38—49 с.

чинанія Александра, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ успѣвалъ онъ довести ихъ до конца“. Надлеръ видитъ причину послѣдняго факта въ томъ обстоятельствѣ, что „воспитаніе Александра только бросило въ его душу и умъ прекрасныя сѣмена и зародыши, но не приготовило достаточно къ тяжелымъ испытаніямъ жизни, не закалило его для борьбы, не пріучило къ серьезному труду, не воспитало въ немъ сураваго чувства долга и не развило твердой и самостоятельной воли и, неразрывно связанной съ нею, послѣдовательности и вѣрности самому себѣ“ [1]).

Не смотря, однако, на непостоянство и нерѣшительность въ проведеніи своихъ благородныхъ идей и возвышенныхъ преобразовательныхъ плановъ, Александръ Павловичъ всегда оставался вѣренъ своему основному стремленію водворить въ русскомъ управленіи законность и ввести въ ней прочныя учрежденія, исключающія возможность личнаго произвола. Нужно замѣтить, что мысль о необходимости ограниченія злоупотребленій власти и обоснованія дѣятельности ея органовъ на законѣ была подготовлена въ русскомъ обществѣ еще преобразованіями Екатерины II и суровымъ правленіемъ Павла Петровича [2]). „Дѣйствія Екатеринина человѣколюбиваго царствованія, когда россіяне знали, что государь не

1) Надлеръ, н. с., I, 17 с.; ср. Е. П. Ковалевскаго: „Графъ Блудовъ и его время (царствованіе Александра I), Спб., 1871, 55—56 с. „Природа, говоритъ, между прочимъ, здѣсь Ковалевскій, соединила въ Александрѣ I умъ обширный, сердце, исполненное высокихъ побужденій, мысль пытливую, проницательную; но постоянная усиленная борьба то съ судьбою, то съ людьми, или самимъ собою нерѣдко колебали его вѣру въ собственныя силы. Недовѣрчивый къ себѣ, онъ искалъ опоры въ людяхъ, разрѣшенія сомнѣній въ тайнахъ природы, безраздѣльно предавался избраннымъ друзьямъ, мистицизму; но ни въ тѣхъ, ни въ другомъ не находилъ отвѣта своему пытливому сердцу. Онъ создавалъ въ своемъ воображеніи идеалы, которые разбивались при столкновеніи съ дѣйствительностью и тѣмъ печальнѣе казалась ему эта дѣйствительность“; см. также Галактіонова: „Императоръ Александръ I и его царствованіе“, Спб., 1877, 10—18 с. и юбилейный очеркъ: „Императоръ Александръ I“ въ Рус. Старинѣ, 1877, XX, 549—559 с. 2) Пыпинъ, 57 с.

менѣе подданныхъ долженъ исполнять свои святыя обязанности, не могли быть истреблены, писалъ Карамзинъ, въ четыре года царствованія Павла, заставившаго ненавидѣть злоупотребленія самодержавіемъ, и доказали, что мы были достойны имѣть правительство мудрое, законное, основанное на справедливости" [1]). „Свобода, основанная на законѣ и изъ него истекающая была, говоритъ Сухомлиновъ, идеаломъ лучшихъ людей вѣка Екатерины II. Водворенія свободы и законности искренно желали поэты и мыслители александровскаго времени" [2]). Поэтому-то слова Александра I въ манифестѣ объ его возшествіи на престолъ, что онъ будетъ царствовать „по закону и сердцу Екатерины II" [3]), были встрѣчены всеобщимъ восторгомъ. Самъ Александръ не разъ заявлялъ о своемъ твердомъ желаніи управлять государствомъ на основаніи принципа законности. „Я никогда не могу привыкнуть къ идеѣ, писалъ онъ къ Лагарпу, царствовать деспотически [4]) и неспособенъ поддерживать угнетеніе" [5]). Въ первые годы своего царствованія Александръ нѣсколько разъ заявлялъ, что законъ выше его власти; всѣ указы его, относящіеся къ этому времени, имѣли своею цѣлью уничтожить какую-либо несправедливость, произволъ и водворить законность [6]). Такъ, напримѣръ, въ рескриптѣ графу Завадовскому объ устройствѣ коммиссіи составленія законовъ заявлялось, что „единый законъ—начало и источникъ народнаго блаженства, что одинъ законъ можетъ утвердить въ государствѣ на вѣки счастливыя времена", и что случайное и безпорядочное изданіе законовъ „съ самого изданія Уложенія и до дней Нашихъ" было причиной „всеобщаго смѣшенія правъ и обязанностей каждаго, мрака, облежащаго

1) Карамзинъ, Записка о древней и новой Россіи, 2267—2269 с. 2) Сухомлиновъ, Рѣчь, etc., 7 с. 3) П. С. З., XXVI, № 19,779. 4) N. Tourgueneff: „La Russie et les russes", I, notes., 303 p. 5) Письма Александра I къ Лагарпу, С. Р. И. О., V. 37 с. 6) Пыпинъ, 62—70 с.

равно судью и подсудимаго, безсилія законовъ въ ихъ исполненіи и удобности перемѣнять ихъ по первому движенію прихоти или самовластія" [1]). При своихъ работахъ въ неоффиціальномъ комитетѣ по преобразованію администраціи Александръ стремился единственно къ тому, чтобы „учредить строгій порядокъ въ государственномъ управленіи и устранить вредъ, происходящій отъ произвола" [2]). По словамъ Шторха, „Александръ пользовался каждымъ случаемъ для того, чтобы показать, что законъ стоитъ выше его личной воли, что самъ онъ только исполнитель закона и что высшая власть въ государствѣ—законодательная власть" [3]). Стремленіе Александра Павловича ввести въ Россіи по западно-европейскому образцу конституціонныя учрежденія, которыя впервые были пожалованы имъ завоеванной Финляндіи, выразилось особенно рельефно во вторую эпоху его преобразовательной дѣятельности при реорганизаціи государственнаго совѣта и образованіи послѣ вѣнскаго конгресса царства польскаго. Открывая торжественно 1 января 1810 г. первое засѣданіе преобразованнаго государственнаго совѣта, Александръ заявилъ, что „онъ всегда желалъ, чтобы благосостояніе имперіи утвердилось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ, и чтобы установить порядокъ и оградить имперію добрыми законами" [4]). Въ манифестѣ, изданномъ по поводу образованія государственнаго совѣта, провозглашалось, что „законы гражданскіе, сколь бы они не были совершенны, безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды, что истинный разумъ всѣхъ усовершеній русскихъ государственныхъ установленій состоитъ въ томъ, чтобы учреждать постепенно образъ правленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона". Въ томъ же

1) П. С. З., XXVI, № 19,904. 2) Протоколы засѣданій неоффиціальнаго комитета, Богдановичъ, I, приложенія, 25—26 с. 3) Storch: „Russland unter Alexander dem Ersten", I, 19 s.; ср. Пыпина, 61 с. 4) Рус. Старина, 1872, V, 473—474 с., Даневскій, ibidem, 55—57 с.

манифестѣ совѣтъ и сенатъ названы „сословіями“, а совѣтъ еще и „публичнымъ установленіемъ“. Въ самомъ „Образованіи государственнаго совѣта“ находилась глава (1-я) о коренныхъ законахъ, на которыхъ основывалось его устройство. Наконецъ, въ форму изданія постановленій государственнаго совѣта была включена знаменательная фраза, которою они должны были начинаться: „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, постановляемъ или утверждаемъ“ [1]). Извѣстно, что государственный совѣтъ занималъ важное мѣсто въ системѣ проэктированныхъ по инипіативѣ Александра графомъ Сперанскимъ государственныхъ установленій, которыя не были введены въ Россіи. Но Александръ не оставилъ намѣренія образовать ихъ здѣсь почти до конца своего царствованія [2]). Это доказывается рѣчью императора въ Варшавѣ на первомъ сеймѣ новообразованнаго царства польскаго (1818 г.). „Я даровалъ Вамъ, говорилъ Александръ полякамъ, устройство, руководясь правилами свободныхъ учрежденій, непрестававшихъ быть предметомъ моихъ заботъ, и которыхъ благодѣтельное вліяніе надѣюсь я, съ помощью Божіей, распространить на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ, вы мнѣ подали средство явить моему отечество то, что я уже издавна ему готовлю, и чѣмъ оно воспользуется, какъ только начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости“ [3]). Есть извѣстіе, что въ это время Александръ Павловичъ поручилъ составить проэктъ „свободныхъ учрежденій“ для всей имперіи бывшему члену неоффиціальнаго комитета, Новосильцеву, который и выполнилъ это порученіе императора [4]). Демократическія наклонности Алек-

1) П. С. З., XXXI, № 24,064., 2) Пыпин , 120—122 с., 3) Богдановичъ, V, 372 с., 4) Проэктъ Новосильцева, помѣщенный въ приложеніи къ цитированному нами сочиненію Пыпина (496—502 с.), представляетъ нѣкоторое сходство съ планомъ Сперанскаго; подобно плану, проэктъ Новосильцева „вводитъ свободныя учрежденія, но рядомъ оберегаетъ всѣ прерогативы власти, въ рукахъ которой остается весь механизмъ предст вительства“ (Пыпинъ, 359 360 с.).

сандра Павловича, такъ тщательно воспитанныя въ немъ Лагарпомъ, выразились еще въ пренебреженіи къ представителямъ русской аристократіи, которое высказывалось не разъ Александромъ до его воцаренія и въ теченіе самого его царствованія. Взглядъ на роль дворянства въ обществѣ образовался у Александра еще въ 14 лѣтъ. Такъ однажды „по случаю чтенія публичныхъ вѣдомостей" Александръ говорилъ своему воспитателю Протасову (въ 1791 г.), „что равенство между людьми хорошо и что французскіе дворяне напрасно безпокоятся лишеніемъ своего достоинства, понеже оно въ одномъ названіи состоитъ, не принося впрочемъ никакой за собой ощутительной пользы"[1]). Мы уже знакомы съ впечатлѣніями, полученными Александромъ—юношей отъ придворной жизни, въ обществѣ представителей высшаго русскаго дворянства. Александръ не измѣнилъ своего мнѣнія о немъ и въ теченіе всего своего царствованія. Въ своихъ бесѣдахъ съ графиней Шуазель-Гуфье (послѣ 1812 г.) Александръ, между прочимъ, однажды замѣтилъ: „меня окружаютъ эгоисты, которые пренебрегаютъ добромъ и интересами государства, заботясь лишь о личныхъ выгодахъ и своемъ повышеніи"[2]). Положимъ, Александръ при своемъ возшествіи на престолъ возстановилъ жалованную грамоту россійскому дворянству, отмѣненную Павломъ Петровичемъ, но это было сдѣлано имъ противъ своего личнаго убѣжденія. Въ тѣсномъ кругу своихъ приближенныхъ—членовъ неоффиціальнаго комитета государь признался, что „онъ возстановилъ дворянскую грамоту противъ собственной своей воли, и что исключительность дарованныхъ ею правъ всегда была ему противна"[3]). По словамъ графа Строганова—автора протоко-

---

1) „Дневныя записки Протасова", Др. и Нов. Россія, 1880, II, 764 с. 2) „Записки Шуазель-Гуфье объ императорѣ Александрѣ I", Рус. Старина, 1877, XX, 603 с. 3) Протоколы засѣданій неоффиц. комитета, Богдановичъ, I, прил., 42 стр.

ловъ засѣданій комитета—Александръ „хотѣлъ положить рѣзкое различіе между принесшими пользу странѣ своею службою и проводящими жизнь въ праздности; онъ полагалъ, что особенными преимуществами должны были пользоваться только тѣ, кои пріобрѣли на это право своими личными заслугами, а не цѣлое сословіе" [1]). Это свое намѣреніе Александръ Павловичъ осуществилъ впослѣдствіи изданіемъ двухъ знаменитыхъ указовъ (въ 1809 г.), изъ которыхъ одинъ обязывалъ всѣхъ лицъ, состоящихъ на придворной службѣ, избрать родъ дѣйствительной службы, а въ силу другаго требовалось для полученія высшихъ должностей въ управленіи окончаніе курса въ одномъ изъ русскихъ университетовъ или же выдержаніе экзамена по установленной программѣ [2]). Но и независимо отъ этихъ мѣръ Александра, имѣющихъ своею цѣлью отнять у высшаго русскаго дворянства охоту играть какую-либо самостоятельную политическую роль и заставить его служить государственнымъ интересамъ, русская аристократія при Александрѣ I была не въ состояніи оказать какое-либо противодѣйствіе преобразовательнымъ планамъ императора и его ближайшихъ сотрудниковъ. Когда въ неоффиціальномъ комитетѣ при обсужденіи вопроса о нѣкоторыхъ предварительныхъ мѣрахъ относительно освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ зашла рѣчь о возможности появленія среди дворянства неудовольствія и опасныхъ волненій, графъ Строгановъ рѣшительно отвергалъ вѣроятность такого протеста со стороны дворянства. „Дворянство у насъ, говорилъ Строгановъ, составилось изъ множества людей, сдѣлавшихся дворянами только службою, неполучившихъ никакого образованія, которыхъ всѣ мысли направлены къ тому, чтобы не постигать ничего выше

---

1) Протоколы, ibidem. 2) Баронъ Корфъ: „Жизнь графа Сперанскаго", Спб., 1865, I, 173 с. и сл.

власти императора; ни право, ни законъ, ничто не можетъ породить въ нихъ идеи о самомъ малѣйшемъ сопротивленіи. Тѣ изъ дворянъ, продолжалъ графъ Строгановъ, которые получили нѣсколько тщательное воспитаніе, немногочисленны и по большей части проникнуты духомъ, нисколько несклоннымъ противодѣйствовать какимъ бы то ни было мѣрамъ правительства. Дворяне, усвоившіе настоящее понятіе о справедливости, будутъ сочувствовать предположенной мѣрѣ[1]), прочіе же, хотя въ большинствѣ, не подумаютъ ни о чемъ, а только поболтаютъ. Большая часть дворянства, состоящаго на службѣ, къ несчастью, ищетъ въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды. Могутъ ли, спрашивалъ Строгановъ, люди, равнодушные къ общественному благу, придти въ уныніе отъ мѣры, оскорбляющей только нѣсколькихъ частныхъ лицъ? Чего не было сдѣлано въ прошедшее царствованіе противъ правъ этихъ людей, противъ ихъ личной безопасности? Если когда-либо представлялся поводъ бояться чего-либо, то именно въ эту эпоху. Пришло-ли имъ это на мысль? Напротивъ, всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, выполнялась съ изумительною точностью, и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодамъ и чести сословія“ [2]). Этотъ презрительный отзывъ графа Строганова о русскомъ дворянствѣ времени Александра I не совсѣмъ вѣренъ съ дѣйствительностью. Въ рядахъ высшаго дворянства при воцареніи Александра Павловича были такія лица, какъ графы А. и С. Р. Воронцовы и Завадовскій, въ которыхъ сами члены комитета видѣли потомковъ древней русской аристократіи[3]), и которые оказали извѣстное вліяніе на Александра при преобразованіи сената, обезпечивавшемъ имъ,

1) Дѣло шло на этотъ разъ о выкупѣ казной дворовыхъ людей у ихъ помѣщиковъ (см. Прот. зас. неоф. ком., 50—51 с.). 2) Протоколы засѣданій неоф. комитета, 52 с. 3) Czartoryski, Memoires etc., I, 303 p.

повидимому, важную роль въ управленіи[1]), и самихъ членовъ комитета при обсужденіи проэкта объ учрежденіи министерствъ[2]).

Когда Александръ I вступилъ на престолъ, около него образовалось двѣ партіи. Къ первой принадлежали сановники временъ Екатерины II, стремившіеся къ преобразованію высшихъ русскихъ учрежденій въ духѣ Петра I и Екатерины II, желавшіе „возстановить, по словамъ Карамзина, разрушенную систему екатеринина царствованія, столь счастливую и мудрую въ сравненіи съ системой Павла“[3]). Эта партія старыхъ дѣльцовъ видѣла осуществленіе своихъ реформаціонныхъ плановъ въ преобразованіи сената, который они находили нужнымъ поставить во главѣ управленія страной, и возвращеніи къ петровскому коллегіальному устройству всѣхъ учрежденій[4]). Въ рядахъ консервативной партіи были только вельможи и государственные люди: Трощинскій, Державинъ, графъ Завадовскій, графы А. и С. Воронцовы, Потоцкій и др. Нѣкоторые изъ нихъ (графъ А. Р. Воронцовъ) сами раздѣляли политическіе взгляды Александра. Вторая партія состояла изъ лицъ, исключительно симпатизировавшихъ личнымъ убѣжденіямъ молодаго государя, заимствовавшихъ, подобно ему, свои политическіе идеалы не изъ прошлаго Россіи, а изъ современной имъ западно-европейской жизни. Это были люди, которые, по выраженію Лонгинова, „вѣрили уже не въ прошедшее, а въ будущее; это будущее имъ казалось такъ легко создать по идеалу, составившемуся въ ихъ благородной и воспріимчивой душѣ. Они гордились успѣхами своего вѣка, благоговѣли предъ завоеваніями ума человѣческаго, преклонялись предъ формами жизни европейской, недавно еще выработавшимися въ новыхъ видахъ“[5]). Члены этой партіи „хотѣли, по словамъ Ка-

1) Мы потому такъ долго остановились на характеристикѣ личности Александра I, что его политическіе взгляды и характеръ отразились на всѣхъ реформахъ его эпохи. 2) См. ниже. 3—4) Карамзинъ, ibidem, 2271 с. 5) Лонгиновъ: „Графъ Сперанскій“ (Рус. Вѣстн., 1859, X, I, 357 с.).

рамзина, чтобы Александръ къ вѣчной славѣ своей взялъ мѣры для обузданія неограниченнаго самовластія, столь бѣдственнаго при его родителѣ“ 1). Партія молодыхъ реформаторовъ, окружавшихъ Александра, состояла изъ четырехъ лицъ: графа Строганова, Новосильцева, князя А. Чарторыйскаго и графа Кочубея 2). Всѣ они были образованнѣйшими людьми своего времени съ возвышенными и благородными идеями и чувствами, питавшими особенное уваженіе къ иноземнымъ учрежденіямъ—англійскимъ (Кочубей и Новосильцевъ) и французскимъ (Строгановъ). Новосильцевъ, Строгановъ и Чарторыйскій образовали между собою тѣсный и неразрывный союзъ, который въ обществѣ называли тріумвиратомъ, а самъ Александръ—„Comite du salut public“ 3). Члены этого неоффиціальнаго комитета, въ который былъ допущенъ и Кочубей, участвовали въ важнѣйшихъ реформахъ первой половины царствованія Александра I и рѣшали разныя государственныя дѣла 4). „Въ этомъ комитетѣ, замѣчаетъ Чарторыйскій, обсуждались различные планы реформы; не было такого предмета, о которомъ здѣсь не говорилось бы. Каждый высказывалъ свои идеи и сообщалъ все то, что онъ узналъ о дѣйствительномъ ходѣ и замѣченныхъ злоупотребленіяхъ въ управленіи. Самъ императоръ выражалъ также свои истинныя чувства и мысли. Не было вопроса объ какомъ-либо улучшеніи или реформѣ, задуманной или совершенной въ продолженіе царствованія Александра I, который не возникъ бы въ этихъ тайныхъ собраніяхъ комитета“ 5). Какъ представители новыхъ политическихъ взглядовъ, противоположныхъ воззрѣніямъ старыхъ вель-

---

1) Карамзинъ, ibidem, 2271 с., 2) „Къ этой партіи примкнула партія канцелярская, для которой образцами послужили бюрократическія учрежденія Франціи и въ рядахъ которой уже и тогда выдвигался Сперанскій“ (Р.-Славатинскій: „Пособіе къ изученію русскаго госуд. права“, Кіевъ, 1871, 174 с.). 3) Корфъ: „Жизнь графа Сперанскаго“, 93 с., 4) Богдановичъ, I, 72 с., 5) Czartoryski, Memoires etc., I, 269 p.

можъ, члены комитеты не пользовались среди нихъ и въ самомъ обществѣ довѣріемъ и противъ нихъ появилось даже обвиненіе въ незнаніи русской исторіи и администраціи и въ стремленіи навязать Россіи чуждыя ей западно-европейскія учрежденія. Такъ, напримѣръ, Карамзинъ находилъ, что самая мысль, „поставить законъ выше государя" противорѣчитъ свойственному русскому государству неограниченному самодержавію, которое не можетъ и не должно быть ограничено не только сенатомъ или совѣтомъ, но и самимъ государемъ [1]). Другой современникъ Александра I, князь А. Н. Голицынъ замѣчаетъ въ своихъ „Запискахъ", что „члены троичнаго союза звенѣли императору безкорыстіемъ усердія, философскими утопіями народнаго управленія и апоѳегмами пользы и добра отечеству; но все это былъ сущій вздоръ и крушеніе духа" [2]). Вигель отзывается о Кочубеѣ, что онъ „какъ львенокъ крыловской басни собирался учить звѣрей вить гнѣзда"; Новосильцевъ „въ тайнѣ сердца избралъ своимъ отечествомъ Англію, обворожившую его". Чарторыйскій же, по его словамъ, „чтобы сойтись съ другими любимцами царя, притворился англоманомъ, что ему не большого стоило" [3]). Также неодобрительно относится къ членамъ комитета современный историкъ александровской эпохи, Богдановичъ, который упрекаетъ ихъ въ недостаточномъ знаніи Россіи, отсутствіи положительныхъ свѣдѣній о государственномъ управленіи, малой опытности въ дѣлахъ, сомонадѣянности, съ которой „они порицали русскіе зако-

---

1) „Кому дадимъ право, спрашиваетъ Карамзинъ, блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату-ли? Совѣту-ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые государемъ или государствомъ? Въ первомъ случаѣ они угодники царя; во второмъ захотятъ спорить съ нимъ о власти. Вижу аристокрацію, а не монархію", 2271—2272 стр., 2) „Разсказы князя А. Н. Голицына" (Русская Старина, 1884, XLIV, 130 с.). По словамъ Державина, члены неоффиц. комитета „были люди, ни государства, ни дѣлъ гражданскихъ основательно незнающіе (Записки Державина, 455 с.)., 3) Записки Вигеля, Рус. Вѣстникъ, 1864, IV, 463—464 с.

ны и уставы, какъ отсталые и отжившіе. Они вызывались, говоритъ Богдановичъ, начертать законы болѣе совершенные, болѣе благодѣтельные, что, однако-же, не мѣшало имъ съ непостижимою неосновательностью подрывать уваженіе ко всѣмъ уставамъ, разглагольствуя о свободѣ и равенствѣ въ самомъ превратномъ и уродливомъ смыслѣ. Многія изъ предположенныхъ ими преобразованій, заключаетъ Богдановичъ свои сужденія о молодыхъ сотрудникахъ Александра I, были хороши, но будучи приводимы въ исполненіе поспѣшно, безъ связи съ общею системой управленія, не всегда приносили ожидаемую пользу и часто подавали поводъ къ неудовольствію" [1]). Но, какъ справедливо замѣчаетъ Пыпинъ, членамъ комитета „могло недоставать знанія потребностей существующаго законодательства и управленія, канцелярскаго знанія большинства старыхъ дѣльцовъ времени Екатерины II, практическихъ свѣдѣній о различныхъ отрасляхъ русскаго управленія. За то общій характеръ управленія, общее состояніе и потребности страны не были для нихъ загадкой. Коренные недостатки русской администраціи были имъ больше понятны, чѣмъ самымъ опытнымъ служивцамъ стараго времени, которые всего чаще ихъ совсѣмъ не подозрѣвали; и улучшенія, ими предпринятыя, вовсе не были безуспѣшны" [2]) и, по сознанію самого же Богдановича, даже „хороши". Мы скоро увидимъ, что административныя преобразованія первыхъ годовъ царствованія Александра I, совершенныя имъ при содѣйствіи членовъ неоффиціальнаго комитета, на самомъ дѣлѣ отвѣчали давно уже назрѣвшимъ потребностямъ въ реорганизаціи всѣхъ русскихъ административныхъ учрежденій, что эти реформы „принесли несомнѣнную пользу", потому что онѣ были „въ связи съ общею системой управленія", представляли собою продолженіе, развитіе реформъ

1) Богдановичъ, I, 82 и 86—88 с., 2) Пыпинъ, ibidem, 83 с.

Екатерины II и Павла I въ высшемъ управленіи Россіи. Протоколы засѣданій комитета показываютъ, чтъ его членамъ были извѣстны многіе существенные недостатки русскаго государственнаго управленія и общественной жизни [1]), а недавно изданные, цитированные нами „Мемуары" князя Чарторыйскаго доказываютъ до извѣстной степени неосновательность упрека членамъ комитета въ недостаточномъ знаніи ими русскаго государственнаго управленія. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что имъ было хорошо знакомо состояніе высшаго русскаго управленія въ два предшествующія царствованія. Чарторыйскій даетъ вполнѣ вѣрную картину состоянія высшей русской администраціи и особенно положенія въ ней сената и генералъ-прокурора. „Сенатъ, говоритъ онъ, былъ высшимъ судебнымъ и административнымъ учрежденіемъ въ имперіи. Въ немъ, какъ въ послѣдней инстанціи, разрѣшались гражданскія и уголовныя дѣла всего государства. Сенату было предоставлено право публиковать свои собственные указы, основанные на указахъ императора, и изъяснять и развивать эти послѣдніе. Чрезъ сенатъ шли къ императору разныя донесенія о дѣлахъ мѣстнаго управленія, представляемые въ него губернаторами. Сенатъ же обладалъ правомъ контроля надъ дѣятельностью всѣхъ учрежденій,— руководства и управленія всѣмъ государствомъ. Всей русской администраціи, продолжаетъ Чарторыйскій, недоставало предъ началомъ реформъ Александра I порядка и связи; все въ ней было хаосъ, все въ смѣшеніи, ничего правильнаго и ясно опредѣленнаго. Существовалъ только одинъ правительствующій сенатъ съ равными ему тремя первыми коллегіями (военной, адмиралтейской и иностранной). Президентъ каждой коллегіи представлялъ государю доклады о дѣлахъ коллегіи и сообщалъ ей Высочайшія повелѣнія. Сенатъ

---

1) См. ниже.

былъ центромъ всей администраціи, а въ лицѣ генералъ-прокурора, управляющаго и надзирающаго за всѣмъ управленіемъ, соединялись званія министра внутреннихъ дѣлъ, полиціи, финансовъ и юстиціи". Нѣкоторыя отрасли управленія были поручены особымъ, довѣреннымъ лицамъ государя, который издавалъ посредствомъ нихъ указы и дѣлалъ разныя распоряженія [1]). Сознавая такъ хорошо недостатки высшаго русскаго управленія, члены комитета имѣли въ своихъ рукахъ средство къ ихъ устраненію,—правильную и стройную организацію извѣстныхъ имъ западно-европейскихъ административныхъ учрежденій. Между тѣмъ, почти всѣ люди старой партіи не только не имѣли „обдуманной программы реформъ, но и не шли далѣе частныхъ мѣръ въ преобразованіи управленія" [2]). Какое вліяніе могли имѣть старые дѣльцы на дѣло реформы всего управленія, это можно видѣть изъ отзыва члена той же консервативной партіи Державина о Трощинскомъ и Беклешовѣ, которые при возшествіи на престолъ Александра Павловича, „обладали императоромъ по ихъ волѣ и ворочали государствомъ". Эти люди, „бывшіе тогда приближенными къ государю чиновниками и имѣющими такъ сказать всю власть въ своихъ рукахъ, оказывали себя, по словамъ Державина, по прихотямъ своимъ всѣхъ выше законовъ, а какъ они между собою поссорились и, противоборствуя другъ другу, ослабили свою къ государю довѣренность, то и сбили его съ твердаго пути, такъ что онъ не зналъ, кому изъ нихъ вѣрить" [3]). Самъ Державинъ руководился также въ своей служебной дѣятельности болѣе личными антипатіями и разсчетами, чѣмъ соображеніями о государственной пользѣ, и имѣлъ смутныя представленія о необходимыхъ преобразованіяхъ въ высшемъ управленіи [4]). Даже графъ А. Р. Воронцовъ, принимавшій извѣстное участіе въ

---

1) Czartoryski, Mémoires etc., I, 306—307 et 309—311 p., 2) Ѳ. Дмитріевъ, 80 с., 3) Записки Державина, 438—439 с., 4) См. ниже.

засѣданіяхъ комитета, представлялъ себѣ исторію высшей русской администраціи не въ совсѣмъ точномъ видѣ: иначе онъ не смѣшалъ бы „нѣмецкаго“ правленія Анны Ивановны, когда будто-бы „внутреннія узаконенія Петра Великаго исполнялись въ точности“ съ чисто „русскимъ“ царствованіемъ Елизаветы Петровны, при которой, по его словамъ, „ослабли многія узаконенія Петра Перваго“ [1]). Впрочемъ, графъ А. Р. Воронцовъ вмѣстѣ съ графомъ Завадовскимъ больше всѣхъ остальныхъ членовъ старой партіи сочувствовалъ преобразованіямъ, задуманнымъ Александромъ вмѣстѣ съ членами комитета. Въ запискѣ, представленной Воронцовымъ императору въ ноябрѣ 1801 г., выражаются главные взгляды старой партіи на необходимыя реформы въ высшемъ управленіи [2]), между тѣмъ какъ изъ цѣлаго ряда записокъ Воронцова, препровожденныхъ имъ въ неоффиціальный комитетъ, видно, что ихъ авторъ раздѣляетъ и воззрѣнія его членовъ на предполагаемыя преобразованія въ администраціи (напримѣръ, учрежденіе министерствъ) [3]). Убѣжденія графа Завадовскаго совпадали также въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ мнѣніями Александра и его молодыхъ сотрудниковъ. По словамъ его біографа, Завадовскій „желалъ закона и порядка твердаго, неизмѣняемаго, неколеблемаго ничьимъ произволомъ“. Завадовскій симпатизировалъ преобразовательной дѣятельности государя, но не одобрялъ недостатокъ въ немъ твердости и послѣдовательности въ начатыхъ реформахъ. „Всего онъ (Александръ) хочетъ лучшаго, писалъ Завадовскій графу С. Р. Воронцову, и, кажется, стремительно; но лишь къ исполненію, тутъ и препоны“ [4]). Перу графа Завадовскаго принадлежитъ „Докладъ сената государю объ его правахъ и обязанностяхъ“ [5]).

1—2) „Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи, графа А. Р. Воронцова, императору Александру I представленныя“ (Чт. въ общ. ист. и др. рос., 1859, I, 93—94 с., 3 и 5) См. ниже., 4) Архивъ кн. Воронцова, XII, 271 с.

Первою реформою Александра Павловича было преобразованіе имъ совѣта, совершенное сообразно проэкту Трощинскаго через двѣ недѣли по возшествіи государя на престолъ. 26 марта 1801 г. „совѣтъ при Высочайшемъ дворѣ“ былъ упраздненъ, какъ временное учрежденіе, которое было „составлено только на время войны и рѣдко впослѣдствіи занималось предметами существенными, носило имя государственнаго установленія безъ ощутительнаго вліянія на дѣла общественныя“ [1]). Черезъ четыре дня послѣ упраздненія совѣта при Высочайшемъ дворѣ былъ образованъ (30 марта) „Непремѣнный совѣтъ“, членами котораго были назначены нѣкоторые важнѣйшіе сановники изъ среды консервативной партіи и всѣ начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ, лица, бывшія членами совѣта при Павлѣ Петровичѣ: князья: Зубовъ, Куракинъ, Лопухинъ, Гагаринъ, графы: Салтыковъ, Паленъ, Зубовъ, баронъ Васильевъ, генералъ Ламбъ, генералъ-прокуроръ Беклешовъ, адмиралъ Кушелевъ и тайный совѣтникъ Трощинскій [2]). Въ данномъ вскорѣ послѣ образованія непремѣннаго совѣта наказѣ ему (5 апр. 1801 г.) совѣтъ названъ „мѣстомъ, учрежденнымъ при особѣ государя для разсужденія и уваженія дѣлъ государственныхъ. Совѣтъ не входитъ ни въ какія распоряженія по части исполнительной и силы другой въ государственномъ управленіи не имѣетъ, кромѣ силы соображенія. Изъ сего слѣдуетъ, что никакихъ указовъ и повелѣній отъ себя и имени своего онъ не издаетъ. *Поручаемое ему отъ насъ дѣло относится только къ части законодательной*, исполнительная же предоставляется сенату и мѣстамъ, ему подвластнымъ. Предметъ разсужденій совѣта составляетъ, по наказу, все то, что „принадлежитъ до го-

1) П. С. З., XXVI, № 19,805. Мы уже видѣли, что совѣтъ какъ при Екатеринѣ II, такъ и при Павлѣ Петровичѣ занимался разрѣшеніемъ многихъ важныхъ государственныхъ вопросовъ, что оказалось неизвѣстнымъ Трощинскому, бывшему секретарю Екатерины II. 2) П. С. З., XXVI, № 19,806.

сударственныхъ постановленій, временныхъ или коренныхъ и непреложныхъ". Подъ временными государственными постановленіями наказъ разумѣетъ тѣ, „кои опредѣляютъ какое-либо обстоятельство, по существу своему перемѣнѣ подлежащее. Какъ напримѣръ, воспрещенія или разрѣшенія извѣстнаго рода торговли, наложеніе пошлины, установленіе тарифа, разныя учрежденія по строительной части и проч. Сюда принадлежатъ всѣ протоколы и постановленія, съ иностранными державами заключаемыя. Коренныя и непреложныя государственныя постановленія тѣ, коихъ предметы есть постоянные и непремѣнные, которые объемлютъ въ себѣ всѣ времена и узаконяются на вѣки. Таковы суть: грамота дворянству, городовое положеніе, особенныя привиллегіи городамъ и мѣстамъ, навсегда даруемыя, общіе гражданскіе законы и тому подобныя установленія". Коренныя постановленія составляютъ, по словамъ наказа, „главное, непремѣняемое и незыблемое основаніе всѣхъ законовъ имперіи" и поэтому они „отличаются отъ временныхъ постановленій, яко преходящихъ и перемѣнѣ подверженныхъ". Въ виду важнаго различія между этими двумя родами постановленій совѣта въ послѣднемъ „составляются двѣ книги, изъ коихъ въ первую вносятся всѣ постановленія коренныя и непремѣнныя подъ названіемъ главныхъ государственныхъ постановленій, а во вторую подъ названіемъ временныхъ постановленій—всѣ установленія, на извѣстное время, случай или обстоятельства простирающіяся. Первая книга утверждается великой государственною печатью съ соотвѣтствующею тому скрѣпой и подписаніемъ. Вѣрность второй охраняется обыкновенной скрѣпой и печатью совѣта". Въ обѣ книги вносятся только тѣ постановленія, которыя утверждаются Высочайшею властью, а также и тѣ изъ нихъ, которыя состоялись помимо совѣта. Наказъ раздѣляетъ канцелярію совѣта на четыре части: 1) иностранную и коммер-

ческую, 2) военныхъ дѣлъ, сухопутныхъ и морскихъ со всѣми ихъ отдѣленіями, 3) гражданскую и духовную и 4) государственнаго хозяйства. Причемъ подробно перечисляются дѣла, входящія въ послѣднее отдѣленіе канцеляріи совѣта. Управленіе каждой изъ частей канцеляріи совѣта поручено наказомъ одному лицу съ нужнымъ числомъ выбранныхъ имъ письмоводителей. Надъ канцеляріей совѣта начальствуетъ одинъ изъ членовъ совѣта [1]), который „долженъ подносить на Высочайшее утвержденіе протоколы совѣта и для подписи государя указы, заготовленные на основаніи этихъ протоколовъ“. Наказъ, далѣе, опредѣляетъ порядокъ производства дѣлъ въ совѣтѣ, куда дѣла вступаютъ: 1) по Высочайшимъ повелѣніямъ и 2) по предложенію одного изъ членовъ совѣта, изъ которыхъ каждый можетъ „предложить на уваженіе его всякаго рода дѣла для предупрежденія какого-либо зла или для отвращенія злоупотребленія. Наказъ заботится о томъ, чтобы всякое дѣло, обсуждаемое въ совѣтѣ, было предварительно „надлежащимъ образомъ приготовлено и въ ясность приведено“ въ одномъ изъ отдѣленій канцеляріи, къ которой „оно принадлежитъ“. Только дѣла, рѣшенныя въ совѣтѣ большинствомъ голосовъ, вносятся „на уваженіе государя съ прописаніемъ различныхъ мнѣній“. Указы, составленные на основаніи протоколовъ совѣта, записываются въ одну изъ соотвѣтствующихъ книгъ совѣта и потомъ отсылаются для исполненія въ надлежащія мѣста. Наказъ предоставляетъ сенату право въ случаѣ, если онъ „найдетъ нужнымъ привести въ ясность коренныя части государственнаго управленія, не прерывая прочихъ своихъ упражненій, представлять государю о составленіи особыхъ коммиссій“, которыя по своемъ образованіи подчиняются въ своей дѣятельности контролю совѣта. Такова, напримѣръ, коммиссія о

---

1) Этимъ начальникомъ канцеляріи совѣта былъ назначенъ Трощинскій.

сводѣ законовъ и др.. Совѣтъ обязанъ „послѣ устройства внутренняго своего порядка“ потребовать отъ всѣхъ учрежденій подробныя свѣдѣнія о состояніи всѣхъ частей управленія для того, чтобы по разсмотрѣніи этихъ данныхъ, „положить удобнѣйшія и легчайшія средства къ поправленію или усовершенію“ всего управленія. Совѣтъ долженъ былъ собираться два раза въ недѣлю или же въ случаѣ надобности. Въ заключеніи наказа содержатся „начальныя правила дѣятельности совѣта“, въ которыхъ отразились ясно личныя убѣжденія Александра Павловича. Здѣсь выражено его желаніе, чтобы совѣтъ „воодушевленъ былъ въ своихъ разсужденіяхъ духомъ любви къ человѣчеству и всеобщему порядку. Совѣтъ не долженъ никогда упускать изъ виду высокаго своего предустановленія, которое состоитъ въ томъ, чтобы постановить силу и блаженство имперіи всероссійской *на незыблемомъ основаніи закона*. Совѣтъ, далѣе, долженъ обратить вниманіе на положеніе низшаго класса населенія, „по существеннымъ пользамъ, по многочисленности его, по первымъ источникамъ силы и богатства государственнаго, толико уваженія достойнаго“. Совѣту вмѣняется въ обязанность „изыскивать средства къ облегченію крестьянскаго сословія, къ умноженію способовъ его промышленности, къ соразмѣренію пріобрѣтеній его съ налагаемыми на него повинностями“ и—къ увеличенію народонаселенія. „Разными своими постановленіями совѣтъ долженъ „вдохнуть духъ жизни и бодрости во всѣ нижнія состоянія людей, обращая покровительство закона на земледѣліе, мануфактуры, промыслы, ремесла, на внутреннюю и внѣшнюю торговлю, яко первые источники силы государственной“. Преподавая, наконецъ, наставленіе совѣту о томъ, что при разсужденіяхъ о внѣшнихъ дѣлахъ совѣтъ „долженъ непрестанно имѣть въ виду удержаніе политическаго достоинства имперіи, а въ мѣрахъ и положеніяхъ о морской и сухопутной силѣ сооб-

ражаться не только съ величіемъ и славой имперіи", но и естественными силами страны, наказъ призываетъ совѣтъ, „постановить твердыя правила къ возрожденію истиннаго просвѣщенія и уклоненія отъ ложнаго" [1]).

Организація непремѣннаго совѣта, получившаго съ перваго же момента своей дѣятельности названіе государственнаго [2]), представляетъ собой шагъ впередъ по сравненію съ устройствомъ совѣта при Екатеринѣ II и Павлѣ I [3]). Общее между ними заключается въ томъ, что всѣ они являются учрежденіями, сдѣлавшимися постоянными вслѣдствіе важнаго своего значенія въ государственномъ управленіи. Но совѣты двухъ предшествующихъ царствованій были постоянными учрежденіями фактически, между тѣмъ какъ совѣтъ 1801 г. былъ названъ „непремѣннымъ не въ лицахъ, его составляющихъ, но въ его установленіи" [4]). Подобно совѣту при Высочайшемъ дворѣ, непремѣнный совѣтъ имѣлъ свой спеціальный наказъ. Но въ наказѣ совѣту 1801 г. опредѣляется ясно законосовѣщательная роль его въ управленіи, причемъ наказъ дѣлаетъ опредѣленное и точное различіе между „коренными и непреложными и временными государственными постановленіями", которыя входятъ въ предметъ сужденій и рѣшеній совѣта. Наказъ 1801 г. дѣлитъ не самый совѣтъ, а его канцелярію на четыре части, что, конечно, выдвигало на первый планъ въ дѣятельности совѣта прави-

1) „Новый Памятникъ Законовъ", I, X, 1829 г.; ср. Арх. Гос. Совѣта, III, I, XVII—XXIII с. предисловія. Подлинный наказъ хранится въ дѣлахъ Арх. Гос. Совѣта, 2) А. Г. С., II, см. форму присяги членовъ Г. С. и протоколы засѣданій совѣта, 6—10, 13 с. и др. 3) Въ указѣ объ упраздненіи совѣта ничего не говорится о совѣтѣ при Павлѣ I, хотя онъ, какъ мы видѣли, и принималъ участіе въ государственномъ управленіи. Причину такого игнорированія павловскаго совѣта можно искать, отчасти, въ томъ, что въ его устройствѣ не было произведено существенныхъ измѣненій сравнительно съ совѣтомъ при Высочайшемъ дворѣ. Быть можетъ, здѣсь же сказалась недовѣрчивость Александра Павловича къ дѣятельности учрежденій при Павлѣ I, неотличавшейся опредѣленнымъ характеромъ. 4) Сперанскій: „О государственныхъ установленіяхъ", 37 с.,

теля его канцеляріи, отъ котораго зависѣло приготовленіе и направленіе всякихъ дѣлъ, разсматриваемыхъ въ совѣтѣ [1]). Но въ тоже время раздѣленіе канцеляріи на нѣсколько частей, порученныхъ отдѣльнымъ лицамъ, значительно облегчало ходъ дѣлъ въ совѣтѣ; канцелярія же екатерининскаго совѣта не была такъ опредѣленно организована, хотя въ немъ и существовалъ, какъ и въ совѣтѣ Павла I, извѣстный порядокъ дѣлопроизводства. Въ компетентность совѣта 1801 г. входятъ обсужденіе и рѣшеніе законодательныхъ дѣлъ, что составляло, какъ мы видѣли, одну изъ функцій дѣятельности совѣта при Екатеринѣ II и главный предметъ дѣятельности совѣта при Павлѣ I, только неопредѣленный особымъ наказомъ Непремѣнный совѣтъ занимается еще разсужденіями о внутреннемъ гражданскомъ устройствѣ, благосостояніи всѣхъ сословій и внѣшними дѣлами. „Совѣтъ при Высочайшемъ дворѣ“ былъ образованъ сначала только для разсмотрѣнія внѣшнихъ дѣлъ и только впослѣдствіи въ него стали вноситься и всѣ внутреннія дѣла Въ „Высочайшемъ же совѣтѣ“ Павла I вопросы внутренняго управленія обсуждались очень рѣдко. Существенное отличіе наказа непремѣнному совѣту отъ наказа „совѣту при Высочайшемъ дворѣ“ заключается въ томъ, что въ первомъ поставлено основнымъ принципомъ дѣятельности совѣта *начало законности*, которымъ проникнуты всѣ преобразованія Александра I. Совѣтъ 1801 года имѣлъ еще особенное назначеніе по сравненію съ совѣтами Екатерины II и Павла I. „Сила наказа непремѣнному совѣту состояла кратко, по словамъ графа Сперанскаго, въ уполномочіи сдѣлать пересмотръ всѣхъ законовъ и постановленій и составить проэктъ перемѣнъ и исправленій“ [2]). Въ этомъ дѣлѣ должна была помогать совѣту коммиссія законовъ, учрежденная 5 іюля 1801 г. [3]). Совѣтъ, слѣдователь-

1) Ѳ. Дмитріевъ, 81 с. 2—3) Сперанскій, ibidem, 38 с.

но, призывался Александромъ къ содѣйствію въ предполагаемыхъ имъ административныхъ реформахъ. Но главнымъ предметомъ дѣятельности совѣта является законодательство—„все, что принадлежитъ до государственныхъ постановленій, временныхъ или коренныхъ и непреложныхъ". Совѣтъ долженъ былъ заботиться о „приведеніи въ ясность" коренныхъ постановленій всѣхъ частей государственнаго управленія, „не прерывая обыкновеннаго хода своихъ занятій, прочихъ своихъ упражненій". Такъ „сила наказа" совѣту 1801 г. заключалась не въ одномъ только „пересмотрѣ законовъ и составленіи проэктовъ перемѣнъ и исправленій". Протоколы засѣданій непремѣннаго совѣта показываютъ, что онъ занимался обсужденіемъ многихъ важныхъ государственныхъ вопросовъ, особенно же въ первые три года царствованія Александра I (1801 –1803). Такъ, напримѣръ, въ совѣтѣ разсматривался вопросъ о правахъ и преимуществахъ сената [1]). Затѣмъ предметами дѣятельности непремѣннаго совѣта были вопросы: объ устройствѣ „государственныхъ и судебныхъ губернскихъ мѣстъ" [2]), почтовой части въ имперіи [3]) и городскихъ и сельскихъ учрежденій [4]), о дворянскихъ добровольныхъ складахъ на общеполезные предметы [5]), о непродажѣ людей безъ земли и объ образованіи изъ крестьянъ землевладѣльцевъ сословія свободныхъ хлѣбопашцевъ [6]), о правахъ чиншевой шляхты, однодворцевъ, панцырныхъ бояръ [7]) и евреевъ [8]), о рекрутской и земской повинностяхъ и податяхъ [9]), о присоединеніи Грузіи къ Россіи [10]), народномъ образованіи [11]), банкахъ [12]), иностранной политикѣ [13]) и др. Непремѣнный совѣтъ разсмотрѣлъ и рѣшилъ также не мало вопросовъ объ измѣненіи нормъ семейнаго, имущест-

1–2) А. Г. С., изд. Калачева, III, I, 15–50, 70–138 с. 3) Ibidem, III, 2, 841–897 с. 4–9) Ibidem, III, I, стр.: 138–167, 682, 761–836, 739–762, 842–844 и 187–272, 10–13) Ibidem, III, 2, стр.: 1189–1248, 667 с. и сл., 680 с. и сл., 1122–1188.

веннаго, наслѣдственнаго права и гражданскаго и уголовнаго процесса. Такъ, напримѣръ, совѣтъ разсматривалъ вопросы: объ усыновленіи незаконныхъ дѣтей [1]), опекѣ и попечительствѣ [2]), о наслѣдствѣ по восходящей линіи [3]), о размежеваніи мѣрныхъ дачъ съ безмѣрными [4]), объ освобожденіи служителей и ихъ женъ отъ тѣлеснаго наказанія [5]), опредѣленіи наказанія по мѣрѣ участія въ преступленіи и др. [6]). Въ виду такого большаго числа важныхъ и разнообразныхъ государственныхъ вопросовъ, которыми занимался непремѣнный совѣтъ, мнѣніе графа Сперанскаго объ его дѣятельности является не вполнѣ вѣрнымъ. „Установленіе сіе (то есть, совѣтъ), говоритъ онъ, не достигло предназначенной ему цѣли. Весьма малое число важныхъ государственныхъ дѣлъ поступало на его разсмотрѣніе; самое важнѣйшее изъ нихъ, первоначальное учрежденіе министерствъ составлено и издано было въ 1802 г. безъ всякаго въ немъ совѣщанія. Упражненія совѣта большею частью состояли въ пересмотрѣ судныхъ дѣлъ и, слѣдовательно, изъ четырехъ его частей одна только была въ дѣйствіи. Въ семъ положеніи совѣтъ оставался до 1810 г.“ [7]). Сперанскій указываетъ и на причины отмѣчаемаго имъ незначительнаго вліянія на дѣла правленія непремѣннаго совѣта, сомнѣваясь только въ томъ, одна-ли изъ приводимыхъ имъ причинъ или всѣ вмѣстѣ вызвали замѣченный имъ фактъ. „Отъ бездѣйствія-ли коммиссіи законовъ, отъ личнаго-ли состава совѣта, отъ недостатка-ли внутренняго его устройства, или отъ всѣхъ сихъ причинъ въ совокупности“ совѣтъ не достигъ той цѣли, которая имѣлась въ виду при его образованіи [8]). Тотъ фактъ, что непремѣнный совѣтъ не участвовалъ въ совѣщаніяхъ по поводу учрежденія министерствъ

1—4) Ibidem, III, 2, стр.: 31 с. и сл., 75 с. и сл., 320 с. и сл., 445 с. и сл., 5) Ibidem, III, I, 715 с. и сл. 6) Ibidem, III, II, 985 с.; подробности о дѣятельности непремѣннаго совѣта будутъ помѣщены во 2 томѣ нашего труда. 7—8) Сперанскій: „О гражданскихъ установленіяхъ“, Дѣла Комитета 6 дек. 1826 г., № 61.

1802 г., конечно, уменьшаетъ его значеніе въ управленіи, хотя съ другой стороны совѣтъ былъ занятъ обсужденіемъ другихъ, не менѣе важныхъ законодательныхъ актовъ (напримѣръ, вопросомъ объ образованіи сената и др.). Устраненіе совѣта отъ многихъ изъ законодательныхъ дѣлъ, которыя по наказу должны были составлять главный предметъ его занятій, произошло вслѣдствіе того обстоятельства, что административныя реформы обдумывались и производились въ средѣ неоффиціальнаго комитета, который Чарторыйскій называетъ „тайнымъ совѣтомъ" императора[1]). Стремленіе государя и всѣхъ членовъ комитета отстранить отъ своихъ работъ и важныхъ дѣлъ правленія непремѣнный совѣтъ представляется совершенно понятнымъ, если будемъ имѣть въ виду противоположность ихъ политическихъ взглядовъ съ идеалами старой партіи, члены которой наполняли непремѣнный совѣтъ[2]). Правительственное его значеніе ослаблялось еще и довольно общимъ опредѣленіемъ законодательной его функціи, перевѣсомъ канцеляріи надъ совѣтомъ, гдѣ направленіе дѣлъ и въ извѣстной мѣрѣ ихъ разрѣшеніе зависѣло отъ правителя канцеляріи, и неустановившимся отношеніемъ совѣта къ преобразованному сенату и вновь учрежденнымъ министерствамъ. Необходимо замѣтить еще, что обширная власть, которою пользовались фактически министры каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ въ комитетѣ министровъ, была также одной изъ причинъ паденія законосовѣщательнаго значенія непремѣннаго совѣта въ управленіи[3]).

1) Czartoryski, Memoires, I, etc., 266, 269—270 p., 2) „При образованіи министерствъ, гдѣ сосредоточилось все дѣйствительное управленіе государствомъ, большинство членовъ совѣта, замѣчаетъ Чарторыйскій, не попало въ число министровъ. Государь продолжалъ еще время отъ времени отсылать извѣстныя, непріятныя и запутанныя дѣла на разсмотрѣніе этого такъ называемаго совѣта но это для того, что нужно же было дать ему пищу въ теченіе нѣкотораго времени, чтобы онъ не могъ такъ скоро умереть. Но скоро, однако, онъ погасъ самъ собою вслѣдствіе своей ничтожности" (Memoires, I, 314—315 p.), 3) См. ниже.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ непремѣнный совѣтъ перестал занималься законодательствомъ и въ концѣ своего существованія обратился въ судебное учрежденіе, въ которомъ всѣ дѣла разсматривались безъ опредѣленнаго порядка [1]).

Недостатки въ организаціи и дѣятельности непремѣннаго совѣта хорошо сознавались однимъ изъ членовъ консервативной партіи, находившимся въ близкихъ сношеніяхъ съ тріумвиратомъ, графомъ А. Р. Воронцовымъ. Въ упомянутой своей запискѣ, поданной Александру вскорѣ послѣ учрежденія совѣта, графъ Воронцовъ высказываетъ, между прочимъ, желаніе, чтобы „государственный совѣтъ привесть въ состояніе, дѣйствительное для пользы общей, и ближе къ намѣренію, съ коимъ онъ, какъ изъ наказа его видно, императоромъ и учрежденъ былъ. Донынѣ въ немъ, замѣчаетъ Воронцовъ, очень мало что дѣлалось; вступали въ оный только тѣ дѣла, кои докладчики дѣлать не хотѣли. Были даже собранія онаго, въ коихъ если бы не прочесть журналъ предъидущаго засѣданія и подписать оный, и собираться бы въ совѣтъ не для чего“. Воронцовъ возстаетъ противъ обычая, по которому „всякій изъ департаментовъ докладываетъ Е. В. приватно“, и полагаетъ, что „упражненія совѣта могли бы быть весьма на пользу государства обращены“, если бы самъ государь присутствовалъ въ засѣданіяхъ совѣта. Тогда каждый изъ членовъ могъ бы подавать свое мнѣніе, а государь „чинилъ свои рѣшенія“ въ совѣтѣ же. Если это предложеніе будетъ принято, тогда число засѣданій совѣта можно будетъ увеличить съ двухъ до четырехъ разъ въ недѣлю. Воронцовъ перечисляетъ и тѣ дѣла, которыя могли бы обсуждаться въ совѣтѣ, учрежденномъ для „дѣлъ, нетерпящихъ времени“. Большая часть этихъ дѣлъ—законодательнаго характера: „общія положенія, также

---

1) А. Г. С., Ш, 2, 985 с. и сл.

касающіяся до государственнаго хозяйства и казначействъ, представленія и доклады сенатскіе, требующіе рѣшенія государя или конфирмаціи, а равно и проэкты уставовъ прежде, нежели оные для исполненія въ сенатъ отсылаться имѣютъ, и распорядокъ внѣшней и внутренней торговли". Въ компетентность совѣта должны входить также, по предложенію Воронцова, и административныя дѣла: „политическія, военныя и морскія". При такой организаціи совѣта, по мнѣнію Воронцова, будутъ облегчены труды самого государя, совѣтъ будетъ образованъ такъ, какъ „совѣты во всѣхъ монархическихъ порядочныхъ правленіяхъ устроены бываютъ". Для того, чтобы „усовершить въ Россіи устройство", Воронцовъ рекомендуетъ обратить вниманіе совѣта на финансовую часть въ государственномъ управленіи. Рѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ государственнаго хозяйства должна заняться особо учрежденная коммиссія; „представленія и предположенія оной необходимо рѣшить въ совѣтѣ въ присутствіи государя императора"[1]). Братъ графа А. Р. Воронцова, С. Р. Воронцовъ въ своихъ письмахъ къ графу Н. П. Панину и самому императору Александру, отправленныхъ къ нимъ еще ранѣе подачи государю записки А. Р. Воронцовымъ (въ авг. и сент. 1801 г.), настаивалъ на томъ, чтобы всѣ политическія дѣла разсматривались въ общемъ собраніи членовъ совѣта, которые могутъ своею опытностью и знаніями помочь въ разрѣшеніи государственныхъ дѣлъ болѣе, нежели отдѣльныя лица —начальники разныхъ отраслей управленія. Деспотизмъ министровъ, по мнѣнію С. Р. Воронцова, въ тысячу разъ хуже единоличнаго произвола государя. Воронцовъ надѣется, что при сосредоточеніи дѣлъ правленія въ совѣтѣ будутъ достигнуты единство и гармонія во всѣхъ его частяхъ[2]). Графъ

---

1) „Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи, графа А. Р. Воронцова" (Чтенія etc., 1859, I, 96—98 с.; Архивъ кн. Воронцова, XXIX, 452—464 с., 2) „Письма С. Р. Воронцова къ графу Н. П. Панину и императору Александру I", Рус. Архивъ, 1874, II, 991—997, 1113, 1114 и 1119 с.

С. Р. Воронцовъ, слѣдовательно, вѣритъ въ „опытность и знанія" членовъ совѣта болѣе своего брата, который рисуетъ ихъ дѣятельность въ непривлекательномъ видѣ. Но оба брата одинаково настаиваютъ на необходимости присутствія самого государя въ засѣданіяхъ совѣта, который въ ихъ глазахъ былъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ въ имперіи[1]). Самъ Александръ Павловичъ, какъ и члены неоффиціальнаго комитета, сознавалъ, что устройство совѣта было недостаточно, вслѣдствіе чего въ засѣданіяхъ комитета не разъ заходила рѣчь о необходимыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ организаціи непремѣннаго совѣта.

Неоффиціальный комитетъ задался цѣлью преобразовать „безобразное зданіе государственной администраціи". Въ виду достиженія этой цѣли комитетъ считалъ нужнымъ сначала „изучить дѣйствительное состояніе государства въ его настоящемъ видѣ", потомъ „совершить административныя реформы по различнымъ частямъ управленія" и, наконецъ, „увѣнчать всѣ преобразованія составленіемъ уложенія, которое ручалось бы за прочность реформъ". При обсужденіи предполагаемыхъ реформъ въ комитетѣ выслушивались мнѣнія Лагарпа и обоихъ графовъ Воронцовыхъ. Когда въ одномъ изъ засѣданій комитета (18 ноября 1801 г.) „перешли къ совѣту, многіе и въ особенности графъ С. Р. Воронцовъ подали мнѣніе, что всѣ важнѣйшія государственныя дѣла должны быть обсуживаемы въ совѣтѣ, состоящемъ изъ всѣхъ

---

1) Въ предложеніяхъ обоихъ братьевъ, графовъ Воронцовыхъ относительно преобразованія совѣта не замѣчается чего-либо новаго по сравненію съ наказомъ совѣту. Важно только ихъ замѣчаніе о необходимости обсужденія государственныхъ дѣлъ въ совѣтѣ и присутствія въ немъ государя: почти всѣ важныя государственныя вопросы разрѣшались прежде внесенія ихъ въ совѣтъ въ комитетѣ, на что, между прочимъ, жаловался графъ Завадовскій. Такъ совѣтъ, собранный весною 1804 г. послѣ убіенія герцога Энгіенскаго, былъ „держанъ, по его словамъ, только pro forma. Зная волю непреклонную, претило благоразуміе говорить вопреки" (Листовскій: „Графъ П. В. Завадовскій", Рус. Архивъ, 1883, XXI, 2, 169 с.).

министровъ, и указывали на Англію, гдѣ всякая важнѣйшая мѣра рѣшается ими вообще и потому никто изъ нихъ не можетъ ввести правительство въ заблужденіе. По мнѣнію Новосильцева, заимствовавшаго свои доводы изъ Бекона, выгода такого веденія дѣлъ состояла именно въ томъ, что всякая мѣра, будучи плодомъ общей опытности и способностей государя и его министровъ, являлась бы какъ Минерва во всеоружіи изъ головы Юпитера. Впрочемъ, замѣчаетъ графъ Строгановъ, неудобства подобной системы не укрылись отъ членовъ комитета. Замѣтили, что въ Англіи всѣ министры, составляющіе кабинетъ, руководятся одной и тою же мыслью, однимъ и тѣмъ же политическимъ взглядомъ. Напротивъ того, у насъ министры весьма часто несогласны между собою въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ. И потому при отсутствіи единства въ нашемъ кабинетѣ слѣдуетъ ограничиться тѣмъ, чтобы отнять у министровъ возможность употреблять во зло довѣренность государя; но, съ другой стороны, надлежитъ избѣгать, чтобы не сочли государя состоящимъ подъ опекой такого совѣта, потому что у насъ не довѣряютъ министрамъ, а вѣрятъ только одному государю". Эти соображенія заставили членовъ комитета предложить государю, „чтобы Трощинскій и Беклешовъ вносили, по его указанію, дѣла въ совѣтъ, куда являлся бы временемъ и самъ государь; дѣла же, требующія особенной тайны, предполагалось обсуживать въ особомъ комитетѣ. Государь одобрилъ эти мѣры, но хотѣлъ знать болѣе опредѣленно, какія дѣла надлежало вносить въ совѣтъ и какія разсматривать въ комитетѣ?" Этотъ вопросъ былъ потомъ (въ засѣданіи 21 апр. 1802 г.) разрѣшенъ членами комитета такъ, „чтобы текущія дѣла рѣшались въ комитетѣ министровъ, а важнѣйшіе вопросы вносились на обсужденіе въ совѣтъ. Когда же государь спросилъ, почему не вносить бы въ совѣтъ всѣ дѣла, ему отвѣчали, что отъ воли Е. В. зависѣло отсылать туда на разсмотрѣніе

дѣла, которыя по его мнѣнію того потребуютъ. Но если бы вносить въ совѣтъ всякое дѣло, то это потребовало бы много времени, замедлило бы ходъ управленія и затруднило бы министровъ, которые, кромѣ того, подлежатъ важной отвѣтственности". Императоръ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Относительно компетентности совѣта было сдѣлано въ одномъ изъ засѣданій комитета (10 февр.) княземъ Чарторыйскимъ замѣчаніе, что „между совѣтомъ и сенатомъ происходятъ постоянныя столкновенія вслѣдствіе того, что сенатъ, обладая административною властью, нерѣдко занимался такими же дѣлами, какія вносятся на обсужденіе совѣта". Что касается вопроса о составѣ совѣта, то члены комитета твердо стояли на томъ мнѣніи, что его непремѣнными членами должны быть всѣ министры. „Всѣ они обязаны были учатвовать въ засѣданіяхъ совѣта, а въ особенности тѣ, къ вѣдомству которыхъ относилось дѣло, подлежащее разсмотрѣнію, а также министры: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ". Участіе въ совѣтѣ всѣхъ министровъ комитетъ считалъ необходимымъ для того, чтобы дать общему ходу дѣлъ необходимое единство. Поэтому „при выборѣ министровъ нужно назначать въ эти должности только такихъ людей, коихъ образъ мыслей былъ бы одинаковъ, дабы они составляли изъ себя какъ бы одно нераздѣльное: въ такомъ случаѣ промахи одного будутъ поставлены въ упрекъ всѣмъ прочимъ и всѣ министры будутъ отвѣтственны за одну и туже ошибку. Такое управленіе, руководимое одной общей волею и направленное къ одной и той же цѣли на основаніи раціональной системы, поставило бы Россію въ короткое время на высшую степень благосостоянія; въ настоящее же время, по сознанію самого государя, разногласіе между министрами было весьма вредно для государства". Лагарпъ, мнѣніе котораго по этому вопросу было спрошено государемъ, былъ противъ того, чтобы министры были непремѣн-

ными членами совѣта съ рѣшительнымъ правомъ голоса и предлагалъ предоставить имъ только совѣщательный голосъ. Лагарпъ опасался, чтобы совѣтъ, образованный по мысли членовъ комитета, не кончилъ тѣмъ, что „въ немъ образуется между министрами сословная связь (un esprit de corps) и каждый изъ нихъ будетъ соглашаться на всякую мѣру своего сотоварища съ тѣмъ, чтобы и онъ при случаѣ не противорѣчилъ ему“. Государь раздѣлялъ это опасеніе Лагарпа. Но на это въ комитетѣ замѣтили, что „у насъ нѣтъ опасности отъ какого бы то ни было соглашенія между министрами и что мы терпимъ только отъ ихъ несогласія. Графъ же Строгановъ выразилъ мнѣніе, что мы не могли желать ничего лучшаго, какъ согласное министерство, коего члены стремились бы къ одной и той же цѣли, указанной государемъ. Его Величество, наконецъ, рѣшилъ, чтобы министры засѣдали въ совѣтѣ наравнѣ съ его прочими членами и поручилъ Кочубею составить на основаніи всѣхъ замѣчаній окончательный планъ состава совѣта и его занятій“ [1]). Въ томъ же засѣданіи совѣта, въ которомъ было выслушано мнѣніе Лагарпа о составѣ совѣта (21 ноября 1801 г.), была прочитана его же записка о порядкѣ преній въ совѣтѣ. Здѣсь Лагарпъ предлагалъ „назначить вице-президента совѣта, который въ отсутствіе императора долженъ былъ наблюдать за сохраненіемъ порядка совѣщаній, предлагать на обсужденіе вопросы, дѣлать окончательные выводы изъ предложенныхъ мнѣній и смотрѣть за составленіемъ протоколовъ“. Комитетъ также разсуждалъ о порядкѣ собраній совѣта и назначеніи постоянныхъ дней для его засѣданій [2]).

---

1) По словамъ Сухомлинова, Лагарпъ еще предлагалъ Александру Павловичу допустить въ собранія совѣта депутатовъ отъ прибалтійскаго дворянства для защиты мѣстныхъ сословныхъ привиллегій и правъ (Сухомлиновъ, Изслѣдованія etc., II, 131 с.), но, какъ и можно было ожидать, объ этомъ предложеніи Лагарпа даже не разсуждали въ комитетѣ. 2) Протоколы засѣданій неофф. комитета, стр.: 53—55, 65—66 и 81—82

Впрочемъ, члены комитета при разсмотрѣніи вопроса о преобразованіи совѣта, какъ видно, не могли отрѣшиться отъ своего предубѣжденія противъ этого учрежденія, которое въ ихъ глазахъ не могло имѣть первенствующаго значенія въ управленіи. Но самъ Александръ Павловичъ имѣлъ болѣе правильное представленіе о правительственной роли совѣта и, хотя былъ недоволенъ медленностью хода въ немъ дѣлъ[1]), однако, при всякомъ случаѣ отстаивалъ свой взглядъ на него, какъ на публичное и самостоятельное установленіе съ важными административными функціями. Такъ, когда при обсужденіи проэкта объ учрежденіи министерствъ возникъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли Высочайшіе указы, состоявшіеся на основаніи докладовъ государю министровъ прежде ихъ обнародованія предварительно вносить на разсмотрѣніе въ совѣтъ, графъ Кочубей сказалъ, что „это было бы у насъ нововведеніемъ, потому что совѣтъ есть учрежденіе частное, совершенно зависимое отъ императора[2]), слѣдовательно, постановленіе—отдавать всякое дѣло на рѣшеніе совѣта—противорѣчило бы общему порядку нашего управленія". Противъ этого взгляда Кочубея „государь изъявилъ мнѣніе, что не было никакого неудобства опредѣлить случаи, въ которыхъ дѣла вносились бы въ совѣтъ вмѣсто предоставленія ихъ рѣшенія верховной власти" [3]). Такой же протестъ и защиту достоинства совѣта со стороны императора встрѣтило предложеніе его сотрудниковъ внести указъ о разрѣшеніи покупки земли съ крестьянами на обсужденіе совѣта собственно только для „опредѣленія формы указа и нѣкоторыхъ поясненій". Александръ Павловичъ заявилъ, что „надлежало или предоставить это дѣло вполнѣ рѣшенію со-

---

1) Протоколы etc., 48 с., 2)Такой же взглядъ на совѣтъ высказалъ, хотя и вопреки себѣ, въ цитированной нами запискѣ графъ А. Р. Воронцовъ, по словамъ котораго „совѣтъ не есть публичное мѣсто, но приватное, между государемъ и тѣми, коихъ онъ своею довѣренностью удостоиваетъ" (Архивъ князя Воронцова, XXIX, 462 с.). 2) Протоколы засѣданій неоффиц. комитета, 79 с.

вѣта, или вовсе не спрашивать его мнѣнія, и что внесеніе уже рѣшеннаго дѣла въ совѣтъ имѣло бы видъ лукавства. Поэтому было опредѣлено внести проэктъ указа въ совѣтъ, не допуская однако же никакихъ измѣненій ни въ содержаніи, ни въ формѣ, а только для редакціи" [1]). Многіе члены комитета видимо желали замѣнить имъ совѣтъ при обсужденіи важныхъ государственныхъ вопросовъ. Такъ, когда графъ Кочубей предложилъ внести на обсужденіе совѣта вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ, „ему возразили, что, во первыхъ, тамъ по всей вѣроятности не одобрятъ такого предложенія и тогда будетъ неудобно не послѣдовать мнѣнію совѣта; во вторыхъ, что какъ только это дѣло поступитъ въ совѣтъ, то молва о томъ разнесется по всему городу въ такомъ видѣ, что государь самъ отъ себя приступилъ къ этой мѣрѣ, а потому лучше обсудить дѣло въ небольшомъ комитетѣ" [2]). Въ другой разъ тотъ же графъ Кочубей высказался противъ обсужденія въ совѣтѣ указа о преобразованіи сенатской канцеляріи и герольдіи. Когда императоръ сказалъ, что онъ былъ намѣренъ отдать эти бумаги на разсмотрѣніе въ совѣтъ, Кочубей „замѣтилъ, что совѣтъ выскажется противъ предполагаемой реформы, потому что найдетъ ее весьма недостаточною и къ тому же имѣющееся въ виду учрежденіе министерствъ доставитъ случай сдѣлать преобразованія болѣе существенныя, непосредственно за предлагаемыми въ настоящее время, что окажется неудобнымъ. Государь отвѣчалъ графу, что онъ можетъ подать голосъ въ совѣтѣ противъ этой мѣры, и что это послужитъ къ отвращенію подозрѣній на счетъ участія въ ней неоффиціальнаго комитета" [3]). Александръ Павловичъ на столько высоко ставилъ непремѣнный совѣтъ въ государственномъ управленіи, что видѣлъ въ назначеніи въ члены совѣта знакъ

1—3) Протоколы, ibidem, стр.: 55—56, 61—62 и 70—71.

особеннаго довѣрія къ лицу государя, которое должно быть цѣнимо каждымъ [1]).

Результатомъ всѣхъ разсужденій неоффиціальнаго комитета по поводу преобразованія непремѣннаго совѣта было то, что при учрежденіи министерствъ всѣ министры сдѣланы членами совѣта. „Всѣ министры, сказано въ манифестѣ объ учрежденіи министерствъ, суть члены совѣта. Совѣтъ не иначе приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣлъ, какъ въ присутствіи по меньшей мѣрѣ пяти министровъ, въ числѣ которыхъ долженъ находиться и министръ, по части коего дѣло будетъ трактовано". Въ манифестъ же было внесено опредѣленіе компетентности совѣта, еще болѣе общее, чѣмъ то, какое содержится въ наказѣ. Предметъ занятій совѣта должны были составлять только „дѣла, особенную важность въ себѣ содержащія; дѣла же обыкновенныя трактуются въ комитетѣ министровъ, составленномъ единственно изъ нихъ". Наконецъ, тѣмъ же манифестомъ число засѣданій совѣта сокращено до одного раза въ недѣлю [2]). Всѣ эти опредѣленія не вводили какихъ-либо существенныхъ измѣненій въ организаціи совѣта, который съ образованіемъ министерствъ и комитета министровъ лишился также и того вліянія въ управленіи, какое онъ имѣлъ въ началѣ царствованія Александра [3]).

Изъ среды того же неоффиціальнаго комитета вышли другія важныя реформы—новое образованіе *сената* и *министерствъ*. Мы уже знаемъ, что старая, консервативная партія видѣла въ полной реорганизаціи сената главнѣйшую цѣль всѣхъ реформъ въ сферѣ высшаго управленія [4]). Самъ госу-

---

1) Протоколы, ibidem, 80 с., 2) П. С. З., XXVII, № 20,406, 15 п., 3) См. ниже, 4) „По мнѣнію графовъ Воронцовыхъ, говоритъ Чарторыйскій, сенатъ, надѣленный властью и приличнымъ ему авторитетомъ, заключалъ въ себѣ всѣ гарантіи и необходимыя средства для того, чтобы произвести всѣ предполагаемыя улучшенія. Каждая фраза графа С. Р. Воронцова начиналась и оканчивалась „сенатомъ", который былъ поговоркой и идоломъ момента. Мы предполагаемъ, иронически замѣчаетъ Чарторыйскій, что императоръ во снѣ слышалъ голосъ, который кричалъ ему на ухо: „сенатъ, сенатъ!" (Memoires, I, 304—305 р.).

дарь сознавалъ необходимость существенныхъ измѣненій въ устройствѣ сената. „Императору было больно, говоритъ графъ Строгановъ, видѣть сенатъ въ томъ унизительномъ состояніи, въ какое онъ впалъ въ послѣднее время (царствованіе Павла I), и потому Е. В., считая это учрежденіе необходимымъ противовѣсомъ произволу, желалъ пріискать мѣры къ возвращенію ему прежняго значенія, какъ то было при Петрѣ Великомъ, и утвердить его авторитетъ на такомъ прочномъ основаніи, чтобы онъ могъ сохранить его. Императоръ, полагая, что подобный трудъ могъ выполнить лучше всѣхъ самъ сенатъ, поручилъ ему указомъ 5 іюня 1801 г. изслѣдовать причины своего упадка и средства къ своему возстановленію" [1]). Здѣсь было сказано, что „правительствующій сенатъ—верховное мѣсто правосудія и исполненія законовъ" и что „права и преимущества, присвоенныя сенату предками Александра I, по времени и различнымъ обстоятельствамъ подверглися перемѣнѣ къ ослабленію и самой силы закона, всѣмъ управлять долженствующаго". Для того, чтобы эти „права и преимущества сената были поставлены на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ", повелѣвалось сенату „представить государю все то, что составляетъ существенную должность, права и обязанности его съ отверженіемъ всего того, что въ отмѣну или ослабленіе оныхъ доселѣ введено было" [2]). Впечатлѣніе, произведенное этимъ указомъ въ сенатѣ, было, по словамъ Шторха, „всеобщее и въ нѣсколько дней оно сообщилось всей образованной публикѣ столицы". Непосредственнымъ же результатомъ указа явилось, по его же словамъ, то, что „вмѣсто *историческихъ объясненій* членовъ сената о прежде бывшемъ его положеніи

---

1) Протоколы неоффиц. комитета, 56 с. Державинъ разсказываетъ, что этотъ указъ появился вслѣдствіе его представленія Александру о нарушеніи въ сенатѣ коренныхъ его законовъ по дѣлу Колтовскихъ (Записки Державина, 440—441 с.). 2) П. С. З., XXVI, № 19,908.

сообразно съ существовавшими постановленіями и законами, это почтенное сословіе, напротивъ, собрало *политическія мнѣнія* своихъ членовъ о томъ, чѣмъ сенатъ *могъ бы быть* въ новомъ порядкѣ вещей. Въ числѣ этихъ мнѣній, добавляетъ Шторхъ, находилось много такихъ, которыя были свободно высказаны и довольно близко подходили къ основному источнику всѣхъ политическихъ золъ въ Россіи" [1]). Указъ 5 іюня 1801 г. „былъ сигналомъ для прежнихъ государственныхъ дѣятелей" [2]), изъ которыхъ каждый поспѣшилъ подать свое особенное мнѣніе о желательныхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ сената. Изъ нихъ графъ Завадовскій, согласно особому порученію государя „представить настоящую картину сената" [3]), выступилъ съ „мнѣніемъ о правахъ и преимуществахъ сената", которое потомъ явилось въ видѣ доклада государю отъ имени всего учрежденія [4]). Графъ Завадовскій обращается сначала къ исторіи сената и слѣдитъ за всѣми видоизмѣненіями въ его правительственномъ значеніи, начиная съ Петра Великаго. „Петръ Первый, говоритъ онъ, удерживая законодательную власть въ лицѣ своемъ, какъ оная по пространству и составу Россіи должна существовать навсегда единственно и неограниченно въ особѣ царствующаго монарха, учредилъ верховное мѣсто подъ именемъ правительствующаго сената, давъ ему всю исполнительную часть, яко средоточію всѣхъ государственныхъ дѣлъ". Петръ же повелѣлъ, чтобы „всѣ мѣста послушны были указамъ сената, какъ самому государю" и чтобы на рѣшенія сената не подавалось ему никакихъ жалобъ. На сенатъ „былъ возложенъ долгъ предохранять во всякомъ случаѣ священныя права короны, приводить въ исполненіе всѣ законы,

1) Storch, ibidem, I, 21 s., 2) Градовскій, ibidem; 267 с., 3) Протоколы засѣданій неоффиц. комитета, 39 с., 4) Ср. Чт. въ общ. ист. и др. россійскихъ, 1862, II, 94—101 и Чт. etc., 1864, I, 101—107 с.; см. также Градовскаго н. с., 267—269 с.

волю государя и дѣйствовать на гражданскія дѣла, какъ верховному мѣсту суда и расправы". Указавши затѣмъ кратко на тѣ измѣненія, которымъ подвергся сенатъ при преемникахъ Петра I, Завадовскій останавливается особенно на царствованіи Павла Петровича. „Хотя отъ самой кончины императора Петра Перваго во всѣ времена властолюбивыя лица, пользуясь довѣренностью государевою, стремились къ тому, чтобы имъ, а не мѣстамъ властвовать въ дѣлахъ, но никогда толико не успѣли въ униженіи сената, какъ въ послѣдніе годы". Завадовскій указываетъ на цѣлый рядъ признаковъ такого униженія сената при Павлѣ I. Это униженіе выражалось въ рѣшеніи въ немъ дѣлъ по большинству голосовъ „въ опроверженіе кореннаго права, что голосъ и одного сенатора силенъ былъ остановить дѣло", въ допущеніи апелляцій на рѣшенія сената, подаваемыхъ чрезъ генералъ-рекетмейстера, въ произвольномъ перерывѣ теченія дѣлъ въ сенатѣ и перерѣшеніи въ немъ дѣлъ, разъ уже разсмотрѣнныхъ въ сенатѣ. „Се образъ, замѣчалъ Завадовскій, порабощеннаго сената, въ которомъ молчать тяжко, говорить было бѣдственно".

Завадовскій предлагаетъ Александру произвести въ устройствѣ сената слѣдующія измѣненія. „Сенатъ, говоритъ онъ, по основанію своему, есть первое государственное правительство, снабдѣнное отъ государя и законодателя силою и всею исполнительною властью, потому управляетъ всѣми гражданскими мѣстами, въ имперіи высшей власти надъ собою не имѣетъ, кромѣ единой самодержавнаго государя; должность и обязанность его предохранять права и преимущества своего самодержца, соблюдать законы, пещись всемѣрно о исполненіи воли и повелѣній государя, всякой вообще пользѣ народной и о теченіи законнаго правосудія повсемѣстно. Изъ сихъ правъ изливается преимущество, чтобы *повелѣнія его исполняемы были, какъ имянные государя указы*". *Сенатъ*

имѣетъ право „въ случаѣ потребъ государственныхъ, докладывая Е. И. В., *прибавлять по статьямъ доходовъ необходимую прибавку платы или податей. Судъ и расправа верховнымъ образомъ принадлежитъ сенату* по входящимъ въ оный *гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ;* ибо сколько невозможно одному государю удовлетворить всѣмъ первымъ, сколько по вторымъ *несвойственно священному сану царскому своимъ подписомъ утверждать казни*". Только, гдѣ дѣло идетъ „о лишеніи дворянства, чиновъ и достоинства", сенатъ долженъ подавать свои рѣшенія на конфирмацію государя. Завадовскій, далѣе, настаиваетъ на томъ, чтобы было возстановлено право сената рѣшать всѣ дѣла базапелляціонно, чтобы всѣ приговоры сената были единогласны, и чтобы рѣшенія департаментовъ сената считались окончательными безъ переноса ихъ въ его общее собраніе. Только въ случаѣ разногласія членовъ департамента или несогласія хотя бы одного сенатора съ общимъ ихъ рѣшеніемъ дѣло переходитъ въ общее собраніе сената; если же оно и здѣсь „не рѣшится единогласно", то поступаетъ на Высочайшее усмотрѣніе. При докладѣ такихъ дѣлъ государю должны присутствовать „для объясненія причинъ, по которымъ разномыслящія стороны на то дѣло свои мнѣнія положили", по одному депутату отъ каждой изъ нихъ. Жалобы на рѣшенія сената допускаются только въ особенно важныхъ, исключительныхъ случаяхъ; но обвинившіе сенатъ несправедливо подвергаются строгимъ наказаніямъ. Докладъ Завадовскаго предлагаетъ избирать членовъ сената изъ высшихъ сановниковъ, отличающихся высокими нравственными качествами и „свѣдѣніемъ государственныхъ законовъ". Голосъ сенатора, подписавшаго протоколъ сената, долженъ имѣть значеніе, хотя бы сенаторъ былъ въ отсутствіи, вышелъ изъ службы или умеръ. Каждый изъ сенаторовъ имѣетъ право объявлять именные указы и представлять государю „о происходящемъ

вредѣ въ государствѣ и о беззаконникахъ ему извѣстныхъ". Каждому изъ сенаторовъ „должны быть открыты" всѣ очередныя дѣла департамента и исполненія по рѣшеннымъ уже дѣламъ. Въ виду верховнаго исполнительнаго и судебнаго значенія сената „должно постановить, чтобы въ единой власти сената состояло точное и непосредственное управленіе всѣхъ присутственныхъ мѣстъ въ имперіи, и чтобы одинъ государь или именной указъ могъ перемѣнить или остановить повелѣнія сената, который только могъ бы предписывать образъ исполненія законовъ и разрѣшать всѣ представляемыя ему недоразумѣнія". Сенату должно быть предоставлено право назначать и опредѣлять чиновниковъ по исполнительной части; для этого сенатъ избираетъ въ кандидаты на мѣста президентовъ коллегій, исключая первыхъ трехъ, губернаторовъ и на другіе высшіе посты и представлять на утвержденіе государю. „Въ прочія, зависимыя отъ сената, мѣста по докладу герольдіи онъ опредѣляетъ самъ". Докладъ заявляетъ, чтобы „вниманіе мѣстъ присутственныхъ неразвлекаемое обращалось къ единому сенату и дабы никакое мѣсто и лице не могло взыскивать или подтверждать объ исполненіи, ни объявлять указовъ по дѣламъ, въ нихъ производящимся, мимо сената". Послѣдній же имѣлъ бы право издавать „побудительные указы по жалобамъ только на губернскія правленія и палаты и никакъ не входилъ бы въ дѣла апелляціонныя и слѣдственныя прежде, нежели войдутъ они къ нему по порядку". Наконецъ, сенатъ долженъ имѣть право „представлять государю, если бы законъ или указъ отъ него вышелъ противенъ прежде изданнымъ, вреденъ или неясенъ былъ; но когда бы по представленію о томъ, неугодно будетъ отмѣнить, тогда уже исполняется оный безмолвно"[1]).

---

1) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1862, II, смѣсь, 94—101 с.

Мнѣніе графа Завадовскаго было принято въ сенатѣ всѣми его членами и представлено государю отъ имени сената. Съ докладомъ сената не былъ согласенъ только Державинъ, который полагалъ ограничить испрашиваемое Завадовскимъ сенату право рѣшенія важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ безъ конфирмаціи государя тѣмъ, чтобы рѣшенія государя въ случаяхъ, указанныхъ въ докладѣ сенатѣ, были написаны имъ собственноручно, и чтобы сенатъ выжидалъ опредѣленное время до полученія резолюціи отъ государя. Державинъ также находилъ нужнымъ „испросить у государя особое и ясное законоположеніе" относительно права апеллировать на рѣшеніе сената. Единогласные приговоры сената Державинъ предлагалъ печатать въ виду большаго возбужденія къ сенату „въ государствѣ довѣренности и наученія юриспруденціи молодыхъ людей". Державинъ желаетъ, чтобы сенаторы присутствовали при докладѣ жалобъ государю не только въ случаяхъ несогласія между департаментами и общимъ собраніемъ сената, но и при докладѣ жалобъ на согласныя рѣшенія всего сената. „Каждый сенаторъ, имѣя право пресѣкать злоупотребленія своими представленіями во всей имперіи, имѣлъ бы нужную власть приговоры своихъ товарищей взыскать и съ исполнителей за медленность, неисправность". Дѣлопроизводство въ сенатѣ должно быть, по мнѣнію Державина, „опредѣлено подробно", члены же сената должны быть избраны изъ числа кандидатовъ „отъ всѣхъ другихъ присутственныхъ мѣстъ и знаменитыхъ особъ въ обѣихъ столицахъ" [1]).

Въ этомъ же мнѣніи Державина о правахъ и преимуществахъ сената указывается имъ причина паденія правительственнаго значенія сената и средства для обезпеченія ему

1) „Мнѣніе сенатора Державина о правахъ, преимуществахъ и существенной должности сената" (Чт. въ общ. ист. и древн. рос., 1858, III, Смѣсь, 125—127 с.).

перваго мѣста въ управленіи. Причина эта заключается, по взгляду Державина, въ томъ, что Петръ Первый „по частымъ его отлучкамъ и великимъ занятіямъ не имѣлъ времени учредить права его на совокупномъ и недвижимомъ основаніи; а по тогдашнимъ простымъ нравамъ, будучи со всѣми въ свободномъ и личномъ обращеніи, не имѣлъ можетъ быть и нужды раздѣлить власти между собою и назначить для каждой изъ оныхъ чины и къ себѣ имъ пути особенные, какъ къ своему средоточію, кромѣ одной власти оберегательной“. Эта послѣдняя, „по праву начальства своего надъ канцеляріей сената по кончинѣ императора во время царствованія императрицы, имѣя единственный и свободный доступъ къ престолу, вмѣстила въ себѣ всѣ другія силы и власти“. Вслѣдствіе же соединенія въ представителѣ „оберегательной власти“, подъ которымъ Державинъ, очевидно, разумѣетъ генералъ-прокурора, и разрозненнаго дѣйствія остальныхъ властей: законодательной, судебной и исполнительной „сенатъ—верховное правительство цѣлой имперіи потерялъ свою важность“ [1]). Чтобы „возстановить силу и существенную должность“ сената, Державинъ предложилъ раздѣлить обязанности правленія между четырьмя упомянутыми властями. Всѣ они соединялись, „яко въ центрѣ, въ единственной волѣ монарха“. А такъ какъ „государь не можетъ одинъ вездѣ и все управить“, то необходимо „возложить ихъ на лица министровъ просвѣщенія или законодательнаго, суднаго или юстиціи, внутренняго или исполнительнаго, оберегательнаго или генералъ-прокурора“. Сенатъ раздѣлялся, по проэкту Державина, на двѣ части: правительствующій и суд-

---

1) „Но какъ невозможно, писалъ Державинъ, чтобы въ одномъ человѣкѣ оберегательная власть была въ тоже время и властью судебною, исполнительною и законодательною, то естественно, что законодательная иногда не предусмотрѣла, судебная погрѣшила, исполнительная и въ правомъ дѣлѣ умедлила, оберегательная же, нося всѣ оныя власти въ себѣ, сама на себя доносить не стала“ (Чт. etc., 1858, Ш, 124 с.).

ный. Первую часть сената онъ называетъ еще „имперскимъ правленіемъ“. Каждая изъ частей сената, въ свою очередь, подраздѣляется на три отдѣла или департамента. Правительствующій сенатъ дѣлится: на исполнительный департаментъ или благочиніе, казенное управленіе или финансы, на просвѣщеніе или призрѣніе и воспитаніе народное. Первый департаментъ, „имперское правленіе завѣдуетъ полицейскими и всѣми вообще исполнительными дѣлами, скораго рѣшенія требующими, какъ то въ губерніи губернское правленіе; второй или хозяйственный—приходы и расходы, ревизіи счетовъ, коммерціи, банки, горныя дѣла, мануфактуру и словомъ все, что завѣдывается въ губерніяхъ казенною палатой“. Въ третьемъ департаментѣ просвѣщенія и народнаго призрѣнія сосредоточивается высшее управленіе дѣлами общественнаго призрѣнія, которыми въ губерніяхъ завѣдуютъ приказы съ такимъ же названіемъ. Судный сенатъ раздѣляется Державинымъ на гражданскій, уголовный и межевой департаменты. Въ случаѣ разногласія въ правительствующемъ или судномъ сенатѣ составляется общее собраніе всѣхъ департаментовъ каждой части сената и единогласныя ихъ рѣшенія признаются равносильными. Опредѣленія сената могли быть вновь перерѣшаемы въ немъ только по именному повелѣнію Е. И. В. въ общемъ собраніи департаментовъ сената. Каждый изъ департаментовъ сената „состоялъ подъ надзоромъ министра: первый — исполнительнаго или внутренняго министерства, третій—просвѣтильный подъ министромъ просвѣщенія“. Судебный сенатъ поручался „надзору юстицъ-министра. Министры, каждый по своей части, не иначе были, какъ опекуны только и надзиратели за успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ и понудители оныхъ, имѣющіе власть предлагать дѣло только своему департаменту и по утвержденіи его входить съ докладомъ къ И. В., и ничего сами собою вновь постановляющаго и рѣшительнаго по дѣламъ ни наказывать, ни награждать“.

На всѣхъ министровъ была возложена обязанность „пещись о лучшемъ устройствѣ и исправности части его посредствомъ сената, а никому не дано самому собою самовластно дѣйствовать. Всѣ власти изъ министерствъ стекаются къ одному ихъ центру, къ государю посредствомъ генералъ-прокурора“, который поставленъ Державинымъ во главѣ четвертаго, оберегательнаго департамента сената, состоящаго изъ всѣхъ его оберъ-прокуроровъ и прокуроровъ. Каждый изъ оберъ-прокуроровъ могъ подавать на рѣшенія министровъ протесты генералъ-прокурору, „а тотъ по важности дѣла собирать общее собраніе всѣхъ департаментовъ и по разсмотрѣніи дѣла указомъ И. В. перерѣшать постановленія департаментовъ“[1]).

Кромѣ Завадовскаго и Державина по вопросу о преобразованіи сената высказался графъ А. Р. Воронцовъ, отъ котораго дошло до насъ нѣсколько мнѣній. Одно изъ его мнѣній заключаетъ въ себѣ соображенія Воронцова о томъ, почему уголовныя дѣла о лишеніи дворянства, чиновъ и достоинства, о которыхъ говорится въ докладѣ сената, должны восходить на рѣшеніе государя. „Въ уголовныхъ дѣлахъ, говоритъ Воронцовъ, нѣтъ пользы спѣшить осужденіемъ; ибо лучше, конечно, нѣсколько винныхъ спасти, нежели одного невиннаго наказать“. Въ силу своей важности такія дѣла должны быть изъяты изъ подъ общаго правила объ единогласіи департаментскихъ рѣшеній; они „будутъ переходить въ общее собраніе сената не по разногласію только, а хотя бы и единогласно въ департаментѣ рѣшены были, для повторенія на разсмотрѣніе дѣла, которое и въ общемъ собраніи должно рѣшиться единогласно“. Рѣшенія сената по такимъ дѣламъ должны исполняться только тогда, когда докладчикъ—сенаторъ объявитъ, что „въ отмѣну рѣшенія не послѣдовало Высочайшаго соизволенія“. Воронцовъ совѣту-

1) Записки Державина, 441—443 с.; см. также „Мнѣніе“ Державина въ Чт. общ. ист. и др. россійскихъ, 1858, III, Смѣсь, 122—125 с.

етъ при жалобахъ на рѣшенія сената, допустимыхъ только въ исключительныхъ случаяхъ, отдавать дѣло, по примѣру Петра Великаго, на обсужденіе особаго, вышняго суда, „составленнаго изъ достаточнаго числа особъ, общее довѣріе заслуживающихъ". Графъ Воронцовъ также обращаетъ вниманіе на необходимость подчиненія сенату всѣхъ правительственныхъ учрежденій „для лучшаго исполненія законовъ и всѣхъ препорученій о благѣ общемъ, государемъ императоромъ на бдѣніе его возложенныхъ", и на ускореніе производства дѣлъ въ сенатѣ, за которымъ должны слѣдить всѣ члены сената[1]).

Въ уже извѣстныхъ намъ „Примѣчаніяхъ", представленныхъ государю въ ноябрѣ 1801 г., графъ Воронцовъ говоритъ о сенатѣ, „что ежели сенатъ такъ оставить, какъ онъ есть, сдѣлавшись ничтожнымъ, особенно въ послѣдніе четыре года, то, кажется, понапрасну и имѣть оный и чинить на него издержки, а лучше бы прибавить повытій или экспедицій генералъ-прокурора, которому и дѣлами внутренними править будетъ уже удобнѣе". Причину паденія сената Воронцовъ видитъ въ введеніи рѣшенія дѣлъ въ сенатѣ по большинству голосовъ. Воронцовъ указываетъ еще на то, что сенатъ не по собственной волѣ занялся вопросомъ о возстановленіи своихъ правъ, а по желанію самого государя, отъ котораго зависитъ сдѣлать изъ него „полезное и дѣятельное учрежденіе для выполненія его воли и намѣреній, на благѣ общемъ основанныхъ" [2]).

Можно думать, что одному изъ графовъ Воронцовыхъ, вѣроятно, А. Р. Воронцову принадлежитъ „Записка неизвѣстнаго лица о сенатѣ и государственномъ устройствѣ", написанная въ томъ же 1801 г. (19 мая). Въ этой запискѣ

1) „Примѣчаніе о правахъ и преимуществахъ сената графа А. Р. Воронцова" (Чт. etc., 1864, I, смѣсь, 108—111 с., 2) Архивъ князя Воронцова, XXIX, 461—462 с.

также говорится объ унизительномъ положеніи сената въ послѣднее царствованіе (при Павлѣ Петровичѣ), „хотя, прибавляетъ авторъ, и при генералъ-прокурорствѣ князя Вяземскаго сенатъ довольно былъ уже стѣсненъ въ своихъ дѣяніяхъ и былъ и въ резолюціяхъ имъ даваемыхъ въ совершенной зависимости отъ генералъ-прокурора". Авторъ записки указываетъ на необходимость придать сенату—„сему верховному правительству"—политическое значеніе въ управленіи. „Сенатъ, возстановленный на коренномъ его положеніи, будетъ, сказано въ запискѣ, не токмо хранилище законовъ, но и, такъ сказать, во многихъ случаяхъ родъ власти, посредствующей между государемъ и народомъ и нѣкоторымъ образомъ ступенью многимъ облегченіямъ и смягченіямъ суровости правленія древняго, кои у самого императора весьма на сердцѣ лежитъ". Авторъ записки предлагаетъ, подобно графу Завадовскому, чтобы на конфирмацію государя представлялись только кандидаты на высшія правительственныя должности, опредѣленіе которыхъ зависитъ отъ воли государя, а остальныхъ сенатъ опредѣлялъ самъ. „Въ сенатѣ, говорилось далѣе въ запискѣ, надобно конечно, чтобы на столѣ былъ настольный реэстръ дѣламъ, чтобы не по выбору одного дѣла къ слушанію представлялись, и чтобы не отнимались способы о дѣлѣ трактуемомъ всѣ нужныя свѣдѣнія имѣть"[1]. Напоминаютъ „Примѣчанія" Воронцова и слова записки о томъ, что „въ послѣдніе годы все было перековеркано, хотя и не признать нельзя, что и въ прежнія времена всѣ части не весьма были еще устроены". Въ концѣ записки авторъ ея, указывая на то, что „Россія можетъ быть управляема только монархами, большую силу и власть имѣющими, снова настаиваетъ на установленіи власти, посредствующей между государемъ и подданными (pouvoir intermediaire), то есть, сената: такимъ образомъ можетъ

1) Архивъ князя Воронцова, XII, 456—462 с.

быть обезпечена личная безопасность и преграда отъ суровости, происходящая иногда отъ злоупотребленія власти. Для охраненія же личной безопасности каждаго предлагается заимствованіе изъ Англіи нѣкоторыхъ узаконеній (la grande charte и habeas corpus), „соглашая однакоже оныя съ нравами и настоящимъ нашимъ состояніемъ“ [2]). О такомъ же предложеніи ввести habeas corpus говорится въ протоколахъ засѣданій неоффиціальнаго комитета, при чемъ авторомъ этого проэкта названъ графъ А. Р. Воронцовъ, о которомъ Чарторыйскій выразился, что „хотя онъ старъ, однакоже идеи его молоды и онъ не держится старинныхъ предразсудковъ“ [1]).

Въ то время, какъ члены сената работали надъ составленіемъ доклада государю о правахъ и преимуществахъ сената, въ засѣданіяхъ неоффиціальнаго комитета также велись разсужденія по этому же предмету, интересовавшему государя. Въ первомъ же засѣданіи комитета (24 іюня 1801 г.) императоръ „завелъ рѣчь о необходимости назначить въ сенаторы людей, кои были бы дѣйствительно способны къ выполненію обязанностей, сопряженныхъ съ симъ званіемъ, и присоединилъ къ тому, что затрудненія выбора лицъ на такія мѣста весьма значительны“. Государь предлагалъ, чтобы каждый изъ губернаторовъ представлялъ двухъ кандидатовъ для составленія общаго выборнаго списка лицъ, достойныхъ быть сенаторами. Новосильцевъ одобрилъ эту мысль Александра, но только замѣтилъ, что „лица, указанныя губернаторами, будутъ честными людьми, но можно-ли ручаться, что всѣ они будутъ способны къ такой важной должности“ [2]). Когда докладъ сената вмѣстѣ съ приложенными къ нему мнѣніями его членовъ былъ представленъ государю, онъ поручилъ разсмотрѣть его Новосильцеву. Послѣдній въ своемъ докладѣ комитету по этому дѣлу высказалъ, что „не слѣдо-

1—2) Протоколы засѣданій неоффиціальнаго комитета, Богдановичъ, I, прил., 42—43 и 39—40 с.

вало считать сенатъ законодательнымъ учрежденіемъ", какимъ онъ не былъ и при самомъ своемъ основаніи: самодержавный президентъ, какимъ былъ Петръ I въ сенатѣ, можетъ имѣть съ подчиненными ему членами только сношенія владѣльца съ управляющими. Подобная организація не позволяетъ и думать о врученіи столь важной власти собранію, которое по самому составу своему не можетъ пользоваться довѣріемъ народа, и которое, состоя исключительно изъ лицъ, назначенныхъ верховною властью, не допускало бы участвовать обществу въ составленіи законовъ, выходящихъ изъ рукъ этого собранія. Съ другой стороны, императоръ, давъ сенату значительныя права, кромѣ вышеуказаннаго неудобства, связалъ бы себѣ руки такъ, что не могъ бы выполнить всего задуманнаго имъ на пользу общую, и встрѣтилъ бы въ невѣжествѣ этихъ людей помѣху, которая имѣла бы опасныя послѣдствія въ случаѣ борьбы между верховною властью и правительственными учрежденіями". Все это привело Новосильцева къ выводу, что „слѣдуетъ ограничить сенатъ судебною властью, но въ широкомъ размѣрѣ, съ полною независимостью отъ опеки генералъ-прокурора и оберъ-прокуроровъ".

Этотъ взглядъ Новосильцева на сенатъ, какъ только „верховную палату суда въ имперіи", не противорѣчилъ, по его словамъ, докладу сената и присоединеннымъ къ нему мнѣніямъ [1]). На самомъ дѣлѣ согласіе между предложеніемъ Новосильцева, докладомъ и мнѣніями графа Воронцова и Державина, на которыя указываетъ Новосильцевъ, заключалось только въ общемъ воззрѣніи на сенатъ, какъ на высшее судебное учрежденіе въ имперіи. „Старые дѣльцы" шли дальше молодыхъ сотрудниковъ государя, выражали желаніе предоставить сенату, кромѣ суда, законодательство, верхов-

---

1) Протоколы etc., 45 с.

ный надзоръ и высшее управленіе въ имперіи. Въ этомъ отношеніи были согласны между собою графы: Завадовскій и Воронцовъ, Державинъ и, спрошенный комитетомъ о преобразованіи сената, графъ Мордвиновъ [1]). Всѣ они въ этомъ случаѣ вѣрно оцѣнивали правительственное значеніе сената при Петрѣ I, который они хотѣли возстановить въ полномъ видѣ: сенатъ при Петрѣ Великомъ обладалъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно всѣми функціями управленія. Едва ли вѣрно мнѣніе покойнаго профессора Градовскаго, что сотрудники Александра Павловича не желали предоставить сенату право законодательства потому, что „на мѣстѣ сената имъ виднѣлось народное представительство", что широкая исполнительная власть сената могла бы помѣшать осуществленію ихъ плановъ, а предоставленіе ему судебной власти подходило къ ихъ готовымъ теоріямъ объ иностранныхъ судебныхъ учрежденіяхъ [2]). Члены комитета вмѣстѣ съ самимъ императоромъ стремились къ тому, чтобы со временемъ ввести въ Россіи представительный образъ правленія. Такъ тотъ же Новосильцевъ „сообщилъ Лагарпу начертаніе организаціи общаго управленія въ такомъ видѣ, какъ онъ понималъ его въ будущемъ, когда у насъ окажется возможнымъ ввести представительный образъ правленія" [3]). Къ отдаленному будущему относилось и предположеніе членовъ

---

1) Графъ Мордвиновъ въ своемъ мнѣніи о преобразованіи сената, указывая на необходимость строгаго разграниченія въ управленіи между законодательною, судебною и исполнительною властью, замѣчаетъ, что сенатъ долженъ быть „тѣломъ политическимъ". Его „политическія права должны быть основаны на *знатномъ сословіи*, весьма уважаемомъ, дабы и самыя права воспріяли такое же уваженіе". По плану Мордвинова сенатъ долженъ былъ состоять изъ лицъ, назначаемыхъ государемъ и избираемыхъ отъ губерній губернскими собраніями. Относительно сената, какъ собранія законодательнаго, Мордвиновъ замѣчаетъ, что „при изложеніи законовъ сенатъ долженъ сообразоваться болѣе съ нравственностью, нежели съ политикой". Сенатъ же обладаетъ административными и судебными правами (В. С. Иконниковъ: „Графъ Н. С. Мордвиновъ", Спб., 1873, 58—59 с.). 2) Градовскій, 273 с. 3) Протоколы неоф. ком., 71 с.

комитета сдѣлать изъ сената представительное учрежденіе. Чарторыйскій замѣчаетъ по поводу появленія указа о преобразованіи сената, что члены комитета видѣли въ немъ „первый шагъ на пути къ образованію національнаго представительства, по которому предполагали идти и при послѣдующей дѣятельности. Идея реформы, объясняетъ далѣе свою мысль Чарторыйскій, заключалась въ томъ, чтобы отнять у сената его исполнительную функцію, оставить ему роль высшаго судебнаго учрежденія и постепенно преобразовать его въ родъ верхней палаты, въ которую со временемъ вошли бы и депутаты отъ русской знати и приняли бы участіе въ обсужденіи и разрѣшеніи разнаго рода законодательныхъ и административныхъ дѣлъ“ [1]). Изъ этихъ словъ Чарторыйскаго, какъ и изъ мнѣнія Новосильцева о докладѣ сената видно, что члены комитета не были противъ мысли о введеніи въ Россіи народнаго представительства, которая составляла основной политическій взглядъ самого государя. Члены комитета не рѣшались только, вопреки даже желанію императора, поручить законодательную функцію сенату въ настоящемъ его составѣ, при которомъ они опасались, что это собраніе „не допуститъ участвовать обществу въ составленіи законовъ, исходящихъ изъ рукъ этого собранія“. Члены комитета, видимо, считали сенаторовъ неспособными стать членами сената, какъ законодательнаго учрежденія; для нихъ „невѣжество этихъ людей“ представлялось „помѣхой“ при послѣдующихъ преобразованіяхъ, при которыхъ члены комитета предполагали возможнымъ „борьбу между верховною властью и правительственными учрежденіями“, то есть, сенатомъ. Можно думать, что въ этомъ случаѣ сказалось нѣкоторое опасеніе членовъ комитета, чтобы не ожили вновь въ средѣ русской знати, надѣленной въ качествѣ чле-

1) Czartoryski, Memoires etc., I, 307—308 c.

новъ сената законодательными правами, прежнія аристократическія тенденціи [1]). Въ нежеланіи членовъ комитета предоставить сенату первое мѣсто въ управленіи выразилась еще и вражда новой, европейски образованной партіи сотрудниковъ императора къ старымъ сановникамъ—членамъ сената. Мы уже знаемъ, что члены комитета хорошо понимали роль сената въ управленіи въ первые годы царствованія Александра Павловича. „Смѣшанныя функціи сената, являвшагося въ одно и тоже время судебнымъ и административнымъ учрежденіемъ, затрудняли, замѣчаетъ Чарторыйскій, ходъ внутренняго управленія и не были согласны съ новыми идеями. Но не было другаго средства прикоснуться къ древней организаціи русскаго управленія, не произведя въ немъ еще большую путаницу, какъ преобразованіе сената. Поэтому оставили за сенатомъ и его прежнія административныя функціи съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы впослѣдствіи отнять ихъ у него" [2]). Это намѣреніе членовъ комитета лишить сенатъ его исполнительной власти, административныхъ правъ, только что закрѣпленныхъ за нимъ указомъ объ его преобразованіи, не скрылось отъ представителей старой партіи. По словамъ Державина, члены комитета при обсужденіи вопроса о преобразованіи сената „думали, какъ со временемъ открылось, раздѣлить обязанности правленія по министерствамъ" [3]). Это предположеніе Державина подтверждается протоколами засѣданій комитета, положившаго много труда на образованіе министерствъ въ Россіи. Комитетъ находилъ необходимымъ поручить разсмотрѣніе „важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ", то есть, законодательство государ-

1) На такой характеръ мнѣній членовъ сената объ его преобразованіи намекаетъ Державинъ, который говоритъ, что „графы Воронцовъ и Завадовскій хотѣли ослабить самодержавную власть и присвоить больше могущества сенату, какъ-то: чтобы доходами располагать и свершать смертную казнь безъ конфирмаціи государя и прочее" (Записки Державина, 441 с.). 2) Czartoryski, ibidem, 307 p. 3) Записки Державина 442 с.

ственному совѣту [1]), для внутренняго управленія организовать вновь министерства, за сенатомъ же оставить судебную функцію, уже давно ставшую главнымъ предметомъ его дѣятельности, какъ это было извѣстно членамъ комитета и въ числѣ ихъ и Новосильцеву, который ссылался въ засѣданіи комитета 5 авг. 1801 г. на докладъ сената и мнѣнія его членовъ.

Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ, посвященныхъ вопросу о преобразованіи сената, члены комитета продолжали настаивать на мнѣніи, высказанномъ Новосильцевымъ, хотя самъ императоръ склонялся на сторону проэктовъ Державина и князя Зубова, предлагавшаго обратить сенатъ въ законодательное собраніе: оба эти проэкта „заключали въ себѣ идеи, издавна нравившіяся государю“ [2]). Но послѣ выслушаннаго комитетомъ мнѣнія Державина, „гдѣ онъ предлагалъ весьма ошибочно раздѣленіе властей [3]), Новосильцевъ былъ принужденъ распространиться объ истинныхъ началахъ раздѣла властей, которыя Державинъ думалъ соединить въ сенатѣ“ [4]). При обсужденіи, предложенной государемъ, ме-

---

1, 2 и 4) Протоколы засѣданій неоффиц. комитета, 53, 56—57 и 45 с. 3) Въ проэктѣ преобразованія сената Державина выразилось какъ неправильное пониманіе имъ теоріи раздѣленія властей, такъ и сущности функцій управленія. Его „оберегательная власть“, соприкасающаяся съ судебной (Градовскій, 269—270 с.), составляетъ то право высшаго, верховнаго контроля надъ ходомъ всей администраціи, которая сосредоточивается въ рукахъ законодателя и въ его органахъ—совѣщательныхъ учрежденіяхъ. Министры у Державина—только часть сената, слѣдовательно, не самостоятельные органы управленія; они не имѣютъ дѣйствительной власти въ управленіи и подчиняются каждому изъ оберъ-прокуроровъ сената. Число департаментовъ въ каждой части сената и распредѣленіе между ними дѣлъ совершенно произвольны. Первый департаментъ завѣдуетъ исполнительными дѣлами, которыя не тоже, что полиція (благосостоянія). Вѣдомство втораго слишкомъ разнообразно и обширно, но тѣмъ не менѣе не подчинено отдѣльному министру. Предметъ третьяго—народное просвѣщеніе—только часть внутренняго управленія, а не законодательство и не „народное призрѣніе“. Межевой департаментъ включенъ въ судный сенатъ, съ которымъ онъ мало имѣетъ общаго относительно компетентности. Дѣятельность сената стѣснялась и замедлялась чрезмѣрно развитою системою конт-

моріи графа Воронцова о преобразованіи сената [1]), было замѣчено, что авторъ меморіи „впалъ въ общій недостатокъ, котораго слѣдовало тщательно избѣгать, именно онъ облекалъ всею властью сенатъ, упустивъ изъ виду, что этому собранію надлежитъ предоставить судебную часть и ничего болѣе". На замѣчаніе императора, „что все это не подвигаетъ его ни на шагъ къ столь желанной имъ цѣли—обуздать произволъ нашего управленія, ему дали почувствовать, что если онъ устроитъ хотя одну лишь судебную власть, то и это будетъ хорошо" [2]) Къ вопросу о преобразованіи сената члены комитета возвратились снова во время пребыванія государя (въ сент. 1801 г.) для коронаціи въ Москвѣ. „Когда зашла рѣчь о запискахъ Державина и Зубова, императоръ высказался въ пользу идей послѣдняго. Тогда Новосильцевъ и Строгановъ, бывшіе только въ засѣданіи комитета, сослались на Лагарпа, котораго мнѣніе по сему предмету согласовалось съ ихъ собственнымъ убѣжденіемъ". По поводу ссылки на Лагарпа императоръ замѣтилъ, что „онъ не хочетъ, чтобы я отказался отъ власти" [3]). Сотрудники государя также полагали, что только такимъ образомъ онъ могъ достигнуть благой цѣли, и что предоставленіе сенату *законодательной власти* клонилось къ затрудненію правительства.

———

роля. Достоинство проэкта Державина заключается только въ желаніи автора согласить устройство сената съ организаціей губернскихъ учрежденій, къ чему такъ стремилась Екатерина II. Поэтому сенатъ раздѣляется Державинымъ на правительствующій и судный и въ немъ отводится большое мѣсто контролирующему элементу управленія.—1) Эта меморія Воронцова была, вѣроятно, уже извѣстная намъ „Записка неизвѣстнаго лица о сенатѣ и государственномъ устройствѣ", такъ какъ въ ней трактовалось „о предѣлахъ, которые необходимо положить произволу властей" (Протоколы неоф. ком., 46 с.) и сенатъ облекался всею властью. 2) Протоколы etc., 46 с. 3) Лагарпъ былъ противъ проэкта старыхъ сенаторовъ о преобразованіи сената: въ представленіи сената заключался, по словамъ Лагарпа, „длинный списокъ правъ, до того широкихъ, что почти ничего не оставалось на долю верховной власти. По мнѣнію Лагарпа, государь при помощи министровъ и совѣта можетъ и долженъ обойтись безъ сената, чтобы достигнуть благой цѣли, которая недостижима при его существованіи" (Сухомлиновъ, Изслѣдованія etc., II, 124 с.).

Императоръ согласился съ этимъ мнѣніемъ, но стоялъ твердо за врученіе сенату *исполнительной власти*". Тогда члены комитета заговорили объ учрежденіи министерствъ. Они „замѣтили, что не слѣдуетъ себѣ связывать руки и что лучше предоставить какую-либу часть администраціи одному человѣку съ возложеніемъ на него извѣстной доли отвѣтственности, нежели отдать ее въ руки многихъ лицъ. Но на всѣ эти замѣчанія государь отвѣчалъ, что характеръ власти, которую предполагалось предоставить сенату, состоялъ въ томъ, что онъ могъ получать свѣдѣнія о всемъ происходящемъ и слѣдить за администраціей, а не имѣть на нее вліяніе". Когда Александръ продолжалъ настаивать на томъ, чтобы сенату была вручена *охранительная власть* [1]), такъ какъ контроль совѣта за дѣятельностью учрежденій недостаточенъ, члены комитета „замѣтили ему, что такая охранительная власть сената будетъ призрачна, что истинная охрана заключается въ организаціи политическаго строя и въ общественномъ мнѣніи. Государь отвѣчалъ на это, что все это справедливо, но что предполагаемая имъ мѣра была сближеніемъ къ цѣли" [2]). Въ засѣданіи 9 дек. 1801 г графъ Строгановъ прочелъ свою записку о реформѣ сената, гдѣ авторъ изложилъ исторію вопроса объ его преобразованіи и, между прочимъ, замѣтилъ, что государь приказалъ пополнить сенатскій докладъ, невполнѣ соотвѣтствовавшій съ его мыслями, проэктами Державина и Зубова. Но члены комитета отклонили проэктъ Зубова и „предположили ограничиться однимъ проэктомъ Державина". При этомъ докладѣ Строганова о сенатѣ остальные члены комитета объяснили государю, что „они сочли нужнымъ отклониться отъ идей, заключающихся въ обоихъ проэктахъ съ тѣмъ, чтобы, во пер-

---

1) „Императоръ, говоритъ Градовскій, желалъ видѣть въ сенатѣ учрежденіе, гдѣ законъ находилъ бы защиту, а произволъ преграду" (274 с.). 2) Прот. неоф. комитета, 48—49 с.

выхъ, не отнять у правительства свободы въ его дальнѣйшихъ распоряженіяхъ и, во вторыхъ, поставить сенатъ въ отношеніи судебной части въ большую независимость отъ его канцеляріи, что не можетъ подать поводъ къ опасеніямъ, ибо у насъ будетъ высшее судилище" [1]). Въ засѣданіи 30 дек. государь высказалъ свои замѣчанія на проэктъ графа Строганова. Главныя изъ нихъ относились къ распредѣленію дѣлъ въ различныхъ департаментахъ и къ жалобамъ на сенатъ. Александръ Павловичъ одобрилъ сдѣланное графомъ Строгановымъ раздѣленіе властей, административной и судебной, но при перечисленіи дѣлъ, которыя подлежали, по его мнѣнію, вѣдѣнію каждаго департамента, остановился на мысли выдѣлить изъ сената дѣла военныя и по народному образованію. Члены комитета единогласно одобрили это предположеніе. Государь предложилъ „также устроить занятія сената такъ, чтобы административныя дѣла были раздѣлены между двумя департаментами, а судебныя между всѣми прочими; но графъ Строгановъ замѣтилъ, что слѣдовало бы посовѣтоваться съ кѣмъ-либо свѣдущимъ по части изстари заведеннаго порядка дѣлъ и предложилъ къ тому оберъ-прокурора перваго департамента, Резанова. Въ этомъ же засѣданіи комитета была уничтожена статья проэкта Строганова, на основаніи которой каждый изъ сенаторовъ подлежалъ исключительно лишь суду сената" [2]). Въ засѣданіи 3 янв. 1802 г. былъ читанъ проэктъ о реформѣ сената Новосильцева, составленный имъ по порученію государя. Въ заключеніи къ этому проэкту „сенату поставлено на видъ, чтобы онъ самъ наблюдалъ за охраненіемъ своихъ правъ и требовалъ отъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему мѣстъ повиновенія на основаніи законовъ" [3]). Въ слѣдующемъ засѣданіи комитета (6 янв.)

1) Протоколы etc., 56—57 с. Тоже стремленіе „освободить сенатъ отъ одолѣвавшей его канцеляріи" (Грибовскій, 62 с.) выразилось, какъ мы видѣли, и въ дѣятельности Екатерины II, направленной на преобразованіе сената, 2—3) Протоколы засѣданій неоффиц. комитета, 58 - 59 с.

его члены разсуждали о раздѣленіи предметовъ управленія между департаментами сената. Графъ Строгановъ „предлагалъ составить первый его департаментъ исключительно изъ членовъ совѣта, которые знакомы съ основаніями различныхъ частей управленія и потому легко могутъ примѣнять ихъ ко всѣмъ случаямъ, встрѣчающимся на практикѣ По его мнѣнію, слѣдовало распредѣлить дѣла между двумя правительственными департаментами сообразно важности частей администраціи. Но это раздѣленіе дѣлъ не было одобрено государемъ, который предпочелъ болѣе основательную систему распредѣленія ихъ, такъ чтобы въ одномъ департаментѣ стекалось все, относящееся къ исполнительной части, а въ другомъ—дѣла по управленію". Предложеніе Резанова относительно увеличенія числа судебныхъ департаментовъ сената въ виду ускоренія въ немъ дѣлъ было также принято въ комитетѣ. Въ томъ же его засѣданіи былъ прочитанъ проэктъ Державина о способѣ опредѣленія сенаторовъ. Державинъ предлагалъ назначить сенаторовъ изъ общаго списка кандидатовъ, избранныхъ въ каждомъ уѣздѣ дворянами первыхъ восьми классовъ изъ лицъ первыхъ четырехъ. Но это предложеніе было отвергнуто комитетомъ, который не ожидалъ „дѣльнаго выбора" лицъ, мало извѣстныхъ избирателямъ, и, кромѣ того, думалъ, что „дворянскіе выборы всегда у насъ много зависятъ отъ произвола сенаторовъ; въ особенности же это окажется при выборѣ кандидатовъ на важныя мѣста сенаторовъ". Комитетъ находилъ подобныя мѣры въ Россіи еще преждевременными „и, кажется, замѣчаетъ Строгановъ, самъ государь раздѣлялъ такое убѣжденіе"[1]). Въ запискѣ Чарторыйскаго, читанной въ засѣданіи комитета 10 февр., авторъ указываетъ на то мѣсто, какое сенатъ долженъ занять среди другихъ, проэктируемыхъ комитетомъ, высшихъ учрежденій Россіи. Чарторыйскій причислялъ къ

1) Протоколы etc., 60 с.

недостаткамъ русской администраціи, „представлявшей собою картину величайшаго неустройства“, то, что постоянно происходятъ столкновенія между сенатомъ, съ одной стороны, и генералъ-прокуроромъ и, съ другой, совѣтомъ и сенатомъ, которые оба занимаются одними и тѣми же административными дѣлами Кромѣ того, Чарторыйскій находилъ, что „наблюденіе прокуроровъ за должностными лицами недостаточно“. Въ системѣ высшихъ учрежденій сенатъ долженъ былъ сдѣлаться верховнымъ судомъ въ имперіи и ему же долженъ быть предоставленъ надзоръ за дѣйствіями всѣхъ чиновниковъ, особенно же министровъ, которые „ежегодно представляютъ въ сенатъ свои отчеты“. Вѣдѣнію же сената „подлежатъ всякія незаконныя превышенія власти“. Государь былъ доволенъ трудомъ князя Чарторыйскаго [1]), но вопросъ о преобразованіи сената еще не былъ исчерпанъ въ засѣданіяхъ комитета. 16 марта Его Величество приказалъ его членамъ собраться для совѣщанія о сенатѣ. Наканунѣ этого засѣданія Новосильцевъ прочелъ государю проэктъ указа о преобразованіи сената, но нѣкоторыя статьи проэкта не были имъ одобрены, именно Е. В. „не одобрилъ статьи на счетъ права сената повѣрять дѣйствія министровъ и, если бы они ввели въ заблужденіе государя, представлять ему о томъ на усмотрѣніе. Чарторыйскій и Строгановъ полагали, что права сената будутъ мнимы безъ отвѣтственности министровъ. По ихъ мнѣнію, это значило бы дать просторъ самому неограниченному произволу и потому слѣдовало настаивать на помянутой отвѣтственности, уступивъ во всемъ прочемъ“. Когда въ засѣданіи была прочитана 14 статья проэкта, гдѣ „было объяснено, что безъ этого условія не могутъ существовать права сената“, императоръ спросилъ „можно ли предоставить сенату право, по утвержденіи доклада Высочайшей подписью, входить съ представленіемъ къ государю? По мнѣ-

1) Протоколы etc., 65 с.

нію комитета, нельзя было отнять у сената право поставлять на видъ несоотвѣтственныя общей пользѣ дѣйствія министровъ и чрезъ то не позволять, чтобы государь былъ обманутъ. Графъ Кочубей, сперва оспаривавшій мнѣніе своихъ товарищей, наконецъ призналъ необходимость предложенной мѣры и самъ государь изъявилъ на то согласіе“[1]). Въ засѣданіи 17 марта обсуждался, между прочимъ, вопросъ о соглашеніи новаго образованія сената съ предположеннымъ планомъ учрежденіемъ министерствъ. Комитетъ постановилъ, чтобы губернаторы и предсѣдатели присутственныхъ мѣстъ въ чрезвычайныхъ или сомнительныхъ случаяхъ обращались къ сенату по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ его вѣдомству. Въ томъ же засѣданія былъ утвержденъ государемъ проэктъ о преобразованіи сенатской канцеляріи[2]). Въ засѣданіи 21 апр. государь, оспаривая предложеніе Новосильцева о правѣ сената при разсмотрѣніи отчетовъ министровъ сличать ихъ съ Высочайшими указами по вѣдомству каждаго министра и потомъ подносить государю съ своимъ заключеніемъ въ видѣ доклада, замѣтилъ, что „такихъ правъ никогда не было предоставлено сенату и что это противорѣчитъ назначенію сената, какъ высшаго судилища“[3]). Наконецъ, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій неоффиціальнаго комитета (12 мая) въ немъ было принято предложеніе графа А. Р. Воронцова объ учрежденіи при сенатѣ ревизіонной коммиссіи для повѣрки счетовъ, представляемыхъ министрами[4]).

Надъ разрѣшеніемъ вопроса о преобразованіи сената вмѣстѣ съ комитетомъ работалъ и непремѣнный совѣтъ, гдѣ голоса раздѣлились. Большинство членовъ совѣта[5]) находило,

---

1, 2 и 4) Протоколы etc., 67—68, 70, 81—82 и 87 стр. 3) Очевидно, что въ этомъ случаѣ Александръ становился на точку зрѣнія членовъ комитета, которые видѣли въ сенатѣ только судебное учрежденіе. 5) Князь Куракинъ, князь Лопухинъ, графы: Зубовъ, Н. и С. П. Румянцевы, Васильевъ, генералъ-прокуроръ Беклешовъ, генералъ Вязмитиновъ и адмиралъ Мордвиновъ. Послѣдній въ

что нѣтъ никакой нужды надѣлять сенатъ новыми преимуществами, а достаточно подтвердить только тѣ права и обязанности сената, которыя онъ уже имѣлъ, и произвести нѣкоторыя необходимыя улучшенія въ распредѣленіи дѣлъ между департаментами сената и ходѣ ихъ производства. Беклешовъ, кромѣ того, предложилъ раздѣлить департаменты сената на административные и судебные, перечислилъ подробно дѣла, которыя должны подлежать обсужденію каждаго изъ нихъ и даже приложилъ при своемъ особомъ мнѣніи примѣрный штатъ канцеляріи каждаго изъ департаментовъ сената [1]). Тоже раздѣленіе между административными и судебными дѣлами сената (вышней палатой правительства и судебной палатой) предлагаетъ графъ С. П. Румянцевъ [2]). Графъ Кочубей, мало сочувствовавшій идеямъ государя и членовъ комитета о преобразованіи сената, полагалъ полезнымъ „не касаться теперь ни до какихъ коренныхъ по сенату перемѣнъ", а только „замѣнить указъ, совѣту внесенный, другимъ, въ коемъ однѣ бы статьи, до судопроизводства относящіяся, находилися, не упоминая ничего о правахъ и преимуществахъ сената. Что же касается до уновленія чего-либо въ сенатѣ, кромѣ судопроизводства и канцеляріи, не удобнѣе-ли, замѣчалъ Кочубей, оставить сіе до того времени, когда новое законоположеніе россійское къ окончанію приведено будетъ" [3]). Трощинскій „не видѣлъ другаго средства обратить сенатъ на прежнее его установленіе, какъ подтвердивъ его права и обязанности властію самодержавною"; но въ тоже время онъ считалъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя поправки въ проэктѣ указа о преобразо-

---

этомъ случаѣ отступился на этотъ разъ отъ своего извѣстнаго намъ мнѣнія о сенатѣ, какъ политическомъ учрежденіи съ аристократическимъ характеромъ; теперь Мордвиновъ утверждаетъ, что „сенатъ присутственное мѣсто, а не политическій корпусъ" и что поэтому онъ „можетъ имѣть не права, а должности, достаточно опредѣленныя данными ему повелѣніями" (А. Г. С., Ш, 1, 18 с.).— 1—3) А. Г. С., Ш, 1, 19—31, 34—35 и 38 с.

ваніи сената[1]). Но графы Завадовскій и А. Р. Воронцовъ выступили въ совѣтѣ горячими защитниками проэкта указа, въ составленіи котораго они принимали такое большое участіе, и настаивали на томъ, чтобы въ указѣ точнѣе и определеннѣе были обозначены права и преимущества сената. Графъ Завадовскій требовалъ, между прочимъ, чтобы дѣла въ сенатѣ рѣшались единогласно и чтобы „побудительные указы по дѣламъ, производящимся въ присутственныхъ мѣстахъ, выходили отъ сената, а не объявлялись бы отъ лицъ“[2]). Графъ Воронцовъ, который высказывалъ свой взглядъ на реформу сената въ запискѣ государю и въ сенатѣ, представилъ и на этотъ разъ въ совѣтъ особое мнѣніе, гдѣ онъ смотритъ на сенатъ, какъ на „мѣсто, въ коемъ соединяются всѣ части внутренняго государственнаго управленія“. По словамъ Воронцова, „сенатъ чрезъ цѣлое почти столѣтіе былъ признаваемъ русскими государями первымъ источникомъ, чрезъ который власть ихъ и законы изливались на всю имперію, а народъ привыкъ въ немъ видѣть верховное судилище правосудія“. Указавши на то, какъ сенатъ въ послѣднія времена сдѣлался „орудіемъ прихоти и самовластія тѣхъ самыхъ лицъ, которыя поставлены были въ огражденіе его силы, съ силою закона неразрывной“, Воронцовъ предлагаетъ возстановить сенатъ въ прежнемъ его правительственномъ значеніи. Въ такомъ возстановленіи сената Воронцовъ видитъ не какую-либо „новизну, изображающую въ понятіи своемъ нѣкоторое отношеніе къ идеямъ, французскими дѣлами порожденнымъ“, а только „возвращеніе вещей къ ихъ первообразному порядку“. Воронцовъ обращаетъ особое вниманіе совѣта на то, чтобы голосъ каждаго сенатора могъ остановить дѣло въ сенатѣ, чтобы сенатъ имѣлъ право издавать „побудительные указы“ и дѣлать самодержавной вла-

1—2) А. Г. С, Ш, 1, 46—50 и 17 с.

сти представленія о неудобствахъ исполненія закона. „Въ семъ образцѣ, заключаетъ свое мнѣніе Воронцовъ, сенатъ, соединяя въ себѣ всѣ нужныя силы къ управленію дѣлъ внутреннихъ подъ властью государя, будетъ достойнымъ его исполнителемъ, исключая дѣлъ времени нетерпящихъ и съ политическими соображеніями соединенныхъ, для уваженія коихъ установленъ совѣтъ и нѣкоторые департаменты или государственныя коллегіи“ [1]).

Всѣ мнѣнія членовъ государственнаго совѣта были выслушаны въ неоффиціальномъ комитетѣ (5 мая 1802 г.) и вскорѣ послѣ этого появился (8 сен.) указъ о правахъ и обязанностяхъ сената [2]). Сенатъ былъ названъ въ немъ верховнымъ мѣстомъ имперіи, которому подчинены всѣ правительственныя мѣста, и хранителемъ законовъ, обязаннымъ заботиться о повсемѣстномъ соблюденіи правосудія. Какъ высшее административное учрежденіе, сенатъ „наблюдаетъ за собираніемъ податей и за расходами штатными, имѣетъ попеченіе о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, соблюденію общаго спокойствія и тишины и прекращенію вся-

1) А. Г. С., Ш, 1, 39—46 с. 2) Необходимо замѣтить, что члены неоффиц. комитета не придавали особеннаго значенія реформѣ сената. Чарторыйскій замѣчаетъ, что на его преобразованіи особенно настаивали графы Воронцовы, которые видѣли въ надѣленіи властью этого учрежденія лучшее средство для улучшенія управленія. На самомъ дѣлѣ, продолжаетъ Чарторыйскій, „сенатъ сильно измѣнился послѣ своего установленія при Петрѣ I и ему не могла быть придана та роль, которую онъ игралъ при своемъ основателѣ. О сенатѣ заходила рѣчь при всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, но отъ него осталось одно только имя, одно эхо, повторяемое публикой, которая искала найти опору тамъ, гдѣ ее не могло быть. Составъ сената изъ людей отжившихъ, лишенныхъ энергіи и ничтожныхъ, отнималъ возможность удовлетворить желаніямъ какой-либо партіи. Императоръ, преобразовывая сенатъ, ограничивалъ свои взгляды и проэкты самымъ необходимымъ и возможнымъ въ данную минуту, утѣшая себя мыслью, что мечты его юности могутъ быть осуществлены впослѣдствіи. Изданіе указа о правахъ и обязанностяхъ сената было со стороны государя только актомъ благоразумія, средствомъ для подготовки послѣдующихъ измѣненій въ управленіи. Разсуждая о сенатѣ, говорили языкомъ, понятнымъ для массы простаго народа и лестнымъ для уха русской знати“ (Memoires, I, 304—306 p.).

кихъ противозаконныхъ дѣяній во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ. Безпристрастному же и нелицемѣрному его правосудію принадлежитъ ревизія верховнаго суда по дѣламъ гражданскимъ, уголовнымъ и межевымъ (1 статья). Власть сената ограничивается единою властью И. В.; иной же высшей власти онъ надъ собой не имѣетъ Единое лицо И. В. предсѣдаетъ въ сенатѣ (2—3 ст.). Указы сената исполняются всѣми, какъ собственные И. В. Одинъ государь или его именной указъ можетъ остановить сенатскія повелѣнія. Всѣ именные И. В. указы, кромѣ подлежащихъ особливой тайнѣ, должны взноситься въ сенатъ отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ, которымъ они даны будутъ. Сенатъ опредѣляетъ чиновниковъ въ мѣста и производитъ въ чины" (4—7 ст.). Указъ повелѣваетъ, чтобы всѣ учрежденія, зависящія отъ сената, обращались къ нему въ случаяхъ сомнѣній и затрудненій по дѣламъ, входящимъ въ вѣдомство сената (8 ст.). Сенатъ могъ издавать „побудительные указы", но только по жалобамъ на губернскія правленія и палаты. „Самъ сенатъ не входитъ въ дѣла апелляціонныя и слѣдственныя прежде, нежели оныя придутъ къ нему по порядку" (9 ст.). Сенатъ получилъ право представлять государю о „великихъ неудобствахъ" въ исполненіи законовъ „по общимъ государственнымъ дѣламъ" или въ случаѣ неясности и несогласія законовъ по частнымъ суднымъ дѣламъ съ существующими „узаконеніями". Но если послѣ такого представленія сената государю „не будетъ учинено перемѣны, то законъ остается въ своей силѣ" (10 ст.). Указъ надѣляетъ сенаторовъ важными привиллегіями. Такъ члены сената получили право объявлять именные указы (11 ст.), „представлять государю о происходящемъ вредѣ въ государствѣ и о нарушителяхъ закона, имъ извѣстныхъ" и замѣчать всему сенату объ „упущеніяхъ законнаго порядка въ теченіи дѣлъ (12 ст.). Сенаторы могли быть судимы только въ общемъ собраніи

сената, „если бы сверхъ чаянія оказалось, чтобы кто изъ мужей почтеннаго сословія сената обличенъ былъ въ преступленіи должности сенатора“ (13 ст.). Дѣла въ департаментахъ сената должны были рѣшаться единогласно, въ общемъ же его собраніи—большинствомъ двухъ третей голосовъ (14 ст.). Указъ подробно опредѣляетъ, какъ должно поступать сенату въ случаѣ разногласія его членовъ при рѣшеніи дѣлъ. Окончательно рѣшенными въ департаментахъ сената считаются тѣ дѣла, относительно которыхъ существуетъ общее и согласное мнѣніе всѣхъ присутствующихъ членовъ и генералъ-прокурора (17 ст.). Дѣло переносится изъ департамента въ общее собраніе сената, „ежели даже одинъ сенаторъ будетъ мнѣнія противнаго прочимъ и если оберъ-прокуроръ не убѣдитъ всѣхъ къ единогласному рѣшенію“ (15 ст.). Рѣшеніе департамента останавливается и дѣло переносится въ общее собраніе сената даже въ томъ случаѣ, если сенаторъ, несогласный съ мнѣніемъ прочихъ членовъ, „былъ отсутственъ, вышелъ изъ службы или же бы умеръ“ (15—16 ст.). При обсужденіи дѣлъ въ департаментахъ сената оберъ-прокуроры и генералъ-прокуроръ должны употребить всѣ старанія къ достиженію согласія сенаторовъ прежде, чѣмъ дѣло будетъ перенесено въ общее собраніе сената (18—19 ст.). Въ случаѣ разногласія членовъ послѣдняго съ генералъ-прокуроромъ дѣло „взносится къ Императорскому Величеству“. И тогда, объявляется торжественно въ указѣ, „да предстанутъ предъ лице Его одинъ или двое изъ сенаторовъ противнаго мнѣнія съ генералъ-прокуроромъ, избранные сенатомъ къ объясненію всѣхъ причинъ, которыя заставляютъ ихъ оставаться при своемъ мнѣніи“ (20 ст.). Сенатъ долженъ подавать государю доклады и ожидать конфирмаціи своихъ рѣшеній по уголовнымъ дѣламъ, въ которыхъ дѣло идетъ о лишеніи дворянскаго достоинства и чиновъ (21 ст.). Все дѣлопроизводство въ сенатѣ должно быть доступно каж-

дому изъ сенаторовъ (22 и 24 ст.). Рѣшенія сената публикуются ежемѣсячно въ вѣдомостяхъ, гдѣ должны вестись списки гражданскихъ, уголовныхъ и межевыхъ дѣлъ, поступающихъ въ сенатъ (23 ст.). „На рѣшеніе сената нѣтъ апелляціи, но какъ могутъ быть крайности, въ коихъ возбранять всякое прибѣжище къ И. В. было бы отнять избавленіе у страждущаго, то и въ такомъ случаѣ, если бы кто жаловался на сенатъ, долженъ предварительно дать подписку въ томъ, что вѣдаетъ законы, строго запрещающіе подавать жалобы на сенатъ. Когда жалоба окажется несправедливою, жалобщикъ за подачу оной преданъ будетъ суду“ (26—27 ст.). Статья о жалобахъ „не имѣетъ обратнаго дѣйствія на дѣла, рѣшенныя до настоящаго преобразованія сената“ [1]).

Указъ о правахъ и обязанностяхъ сената представляетъ собою, какъ видно изъ его содержанія, воспроизведеніе доклада сената государю съ тѣмъ только существеннымъ въ немъ измѣненіемъ, что сенату вручена вся административная и судебная власть и только часть законодательной. Сенатъ получилъ именно право представлять государю о неудобствахъ въ исполненіи законовъ. Ему же было предоставлено право безапелляціоннаго рѣшенія всѣхъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ безъ представленія своихъ приговоровъ на утвержденіе государя, исключая только тѣхъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о лишеніи дворянскаго достоинства и чиновъ. Но сенату не дано было права устанавливать самому налоги, какъ желала этого консервативная партія. Сенатъ сталъ, согласно желанію государя, верховнымъ контролирующимъ мѣстомъ въ государственномъ управленіи и высшимъ судебнымъ учрежденіемъ въ имперіи, какъ желали этого члены комитета [2]) Но

1) П. С. З., XXVII, № 20,405. 2) Мы уже приводили замѣчаніе Чарторыйскаго о цѣли, которая преслѣдовалась членами комитета при преобразованіи сената. Надѣляя сенатъ судебными и нѣкоторыми законодательными правами, они желали впослѣдствіи сдѣлать изъ него верхнюю палату, состоящую, меж-

въ тоже время сенатъ явился, согласно съ мнѣніями членовъ совѣта и стараго сената, правительственнымъ установленіемъ, хотя въ указѣ и не обозначено точно раздѣленіе между правительственными и судебными департаментами и не опредѣлена компетентность тѣхъ и другихъ. Опредѣленія всѣхъ правъ сената добивались члены комитета, согласившіеся предоставить управленіе сенату только на время. Но въ указѣ обозначено только различіе между гражданскими, уголовными и межевыми дѣлами и сенату вмѣнено въ обязанность наблюдать за государственными доходами и расходами, пріискивать средства къ облегченію народныхъ нуждъ и сохраненію общаго спокойствія и безопасности. Вслѣдствіе одновременнаго учрежденія министерствъ, на которыя было возложено дѣйствительное управленіе, сенатъ утратилъ свои административныя права. Но при всемъ томъ за нимъ осталось значеніе учрежденія, поставленнаго во главѣ всѣхъ учрежденій имперіи, такъ какъ его власть ограничивалась „единою властью" государя, предсѣдательствующаго въ сенатѣ, и сенатскіе указы приравнивались къ Высочайшимъ повелѣніямъ, которыя вносились въ сенатъ всѣми получившими ихъ учрежденіями. Члены сената надѣлены указомъ важными личными и служебными преимуществами, указывающими на тоже важное значеніе сената въ высшемъ управленіи. Согласно заявленіямъ членовъ совѣта и сената опредѣлено подробно дѣлопроизводство въ сенатѣ и редакція самого проэкта указа о преобразованіи сената подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ[1]). Но, съ другой стороны, въ этомъ указѣ не

ду прочимъ, и изъ знати. Отсюда названіе сената „почтеннымъ сословіемъ" и предоставленіе членамъ сената права суда перовъ и другихъ важныхъ привилегій въ области управленія. Организація сената въ 1802 г., слѣдовательно, не имѣла ничего общаго съ стремленіями нѣкоторыхъ представителей русской аристократіи (Воронцовыхъ, Завадовскаго и др.) обезпечить себѣ при самодержавномъ государѣ вліяніе на дѣла управленія.—1) Такъ, напр., въ разныхъ мѣстахъ указа вставлены поправки Трощинскаго (фразы: дозволяется сенату, естибы *по общимъ государ. дѣламъ* существовалъ указъ—10 ст., *сверхъ чаянія*,

сказано ни слова объ отношеніи сената ни къ государственному совѣту, съ которымъ онъ относительно законодательства занималъ почти одинаковое мѣсто въ управленіи, ни къ министерствамъ, возникшимъ въ одно время съ сенатомъ. Въ организаціи вновь преобразованнаго сената мы не замѣчаемъ и соотвѣтствія въ распредѣленіи дѣлъ между тѣми его департаментами, о которыхъ упоминается въ указѣ, и мѣстными учрежденіями, гдѣ при Павлѣ I вѣдались тѣже самыя дѣла, какія были поручены и возстановленнымъ имъ коллегіямъ: „устройство сената не было сообразно съ учрежденіемъ о губерній“ [1]). Сенатъ 1802 г. былъ, слѣдовательно, далекъ отъ плана его реорганизаціи, проэктированнаго Екатериной II. Вопреки мнѣнію Сперанскаго „прикоснулись къ древнему зданію сената“, но не „укрѣпили его основаніе“ [2]). Скоро сенатъ лишился одного изъ своихъ важнѣйшихъ правъ, равнявшихъ его съ государственнымъ совѣтомъ, именно права представлять государю о неудобствахъ въ исполненіи законовъ и противорѣчіи новыхъ указовъ съ старыми узаконеніями. Сенатъ вздумалъ воспользоваться этимъ своимъ правомъ по поводу появленія указа о томъ, чтобы унтеръ-офицеры изъ дворянъ, недослужившіеся до оберъ-офицерскаго чина, не могли быть увольняемы въ отставку ранѣе 12 лѣтъ ихъ службы. Согласно мнѣнію сенатора, графа Потоцкаго, сенатъ нашелъ, что этотъ указъ противорѣчитъ предоставляемому дворянамъ жалованной грамотой дворянству праву оставлять службу во всякое время. Дѣло это по настоянію генералъ-прокурора сената Державина, ссылавшагося на указъ 8 сент. 1802 г., было внесено безъ приговора сена-

---

если бы то оказалось, что сенаторъ обличенъ былъ въ преступленіи—13 ст., голосъ сенатора имѣетъ значеніе въ дѣлѣ, *хотя бы онъ былъ отсутственъ*—15 ст.), Завадовскаго вмѣстѣ съ Трощинскимъ (дѣла въ общемъ собраніи сената рѣшаются *большинствомъ* ²/₃ *оныхъ*—14 ст.), Державина (рѣшенныя въ сенатѣ дѣла публикуются въ вѣдомостяхъ); ср. съ ихъ мнѣніями, —1—2) Сперанскій: „О государственныхъ установленіяхъ“, 39—40 и 46 с.

та къ государю, при чемъ отъ сената была избрана депутація, которая должна была представить Александру Павловичу объясненія отъ каждой изъ противныхъ сторонъ. Императоръ, однако, не входилъ ни въ какія объясненія съ депутатами, а приказалъ Трощинскому только прочесть всѣ бумаги, относящіяся къ дѣлу. Спустя нѣкоторое время (21 мар. 1803 г.), послѣдовалъ указъ [1]), которымъ было отнято у сената право входить съ докладами къ государю „по его въ состоящихся указахъ сумнѣніяхъ“ [2]). Въ этомъ указѣ было разъяснено, что „подъ именемъ законовъ существующихъ, къ которымъ относится это право сената, должно разумѣть не новые законы, но прежніе“ [3]). Вслѣдъ за этимъ была отмѣнена и посылка депутацій сената при подобныхъ случаяхъ [4]). За исключеніемъ этого существеннаго измѣненія въ правахъ сената, въ теченіе всего времени первой эпохи преобразованій въ организаціи сената были произведены лишь нѣкоторыя несущественныя измѣненія относительно распредѣленія дѣлъ между отдѣльными департаментами сената и улучшенія въ немъ дѣлопроизводства. Такъ въ виду болѣе цѣлесообразнаго раздѣленія и скораго рѣшенія дѣлъ въ сенатѣ къ существующимъ уже въ немъ департаментамъ прибавлено два новыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ были упразднены временные департаменты, учрежденные при Павлѣ I [5]). Одинъ изъ этихъ новыхъ департаментовъ былъ открытъ въ Москвѣ [6]). Уголовныя и слѣдственныя дѣла были распредѣлены между 4 и 5 департаментами [7]). Пятый департаментъ, въ свою очередь, былъ раздѣленъ на два отдѣленія: одно для уголовныхъ дѣлъ, а другое для слѣдственныхъ и по отзывамъ подсудимыхъ, которые „не приговариваются къ лишенію жизни или чести и тѣлесному наказанію, протестамъ губернскихъ

1) П. С. З., XXVII, № 20,676. 2 и 4) Записки Державина, 462—471 стр. 3) Сперанскій, ibidem, 46 с., 5) П. С. З., XXVIII, № 21,605. 6) XXVIII, № 21,658, 7) XXVII, № 20,561.

прокуроровъ и по несогласеніямъ губернаторовъ съ палатскими рѣшеніями“ [1]). Точно также былъ раздѣленъ третій департаментъ сената [2]) Гражданскія дѣла втораго департамента были переданы въ 4-й департаментъ сената [3]), который долженъ былъ вмѣстѣ съ 3-мъ департаментомъ разсматривать и дѣла тайной экспедиціи, вѣдавшіяся прежде въ 1 и 5 департаментахъ [4]). Компетентность 1-го департамента сената была увеличена порученными ему дѣлами 3-го департамента „по частямъ: полицейской, ученой, почтовой, медицинской и водяной коммуникаціи“ [5]). Приняты были мѣры къ опредѣленію порядка слушанія дѣлъ въ сенатѣ; повелѣно было составлять краткія записки изъ дѣлъ для прочтенія ихъ въ сенатѣ тяжущимися и сенаторами на дому и сокращенія канцелярскихъ обрядностей [6]). Московскимъ департаментамъ сената было предоставлено право рѣшенія дѣлъ въ случаѣ разногласія по большинству голосовъ безъ перенесеній ихъ въ общее собраніе петербургскихъ департаментовъ сената [7]). Дѣла, поступающія въ общее собраніе за разногласіемъ, должны были рѣшаться безотлагательно [8]). Въ томъ же общемъ собраніи сената повелѣно разрѣшать всѣ дѣла, сопряженныя съ казеннымъ интересомъ [9]). Установлена была очередь въ рѣшеніи дѣлъ въ сенатѣ [10]). Изданы были также правила объ однообразномъ и успѣшномъ теченіи дѣлъ по герольдіи [11]). Вслѣдствіе одного частнаго случая неправильной жалобы на рѣшеніе сената было подтверждено правило, заключавшееся въ указѣ о правахъ и обязанностяхъ сената, о преданіи суду просителей, „коихъ жалобы на несправедливыя рѣшенія сената оказались вовсе неосновательными“ [12]). Установлены правила судопроизводства въ сенатѣ и поря-

1) П. С. З., XXX, № 22,901, 2) XXX, № 23,436, 3) XXX, № 23,615, 4) XXVII, № 20,434, 5) XXVIII, № 21,271, 6) XXVII, № 20,478, 7) XXVII, № 20,546, 8) XXVIII, 21,403, 9) XXVIII, № 21,249, 10) XXVIII, № 21,600, 11) XXVII, № 20,608, 12) XXVIII, № 21,356.

докъ подачи сенаторами голосовъ по судебнымъ дѣламъ[1]). Этотъ послѣдній указъ представляетъ собою дополненіе 17—19 §§ указа о правахъ и обязанностяхъ сената: названный указъ отводитъ главную роль при разрѣшеніи несогласій между сенаторами оберъ-прокурорамъ сената, какъ агентамъ министра юстиціи, надзирающимъ за дѣятельностью сената. Сенатъ наблюдалъ за исполненіемъ законовъ во всей имперіи[2]). Въ качествѣ высшаго судебнаго учрежденія сенатъ вѣдалъ всѣ уголовныя дѣла и разрѣшалъ самъ важнѣйшія изъ нихъ[3]). Всѣ слѣдственныя и уголовныя дѣла поступали въ сенатъ въ опредѣленномъ порядкѣ[4]). Въ сенатѣ же за время съ 1802 по 1810 г. разсматривались и многія административныя дѣла[5]). Такимъ образомъ, сенатъ въ это время сохранилъ значеніе высшаго контролирующаго, судебнаго и, отчасти, административнаго учрежденія въ имперіи.

Преобразованіе сената въ 1802 г было только первымъ шагомъ на пути къ реорганизаціи всего высшаго русскаго управленія на началахъ законности и опредѣленія задачъ и границъ власти правительственныхъ учрежденій[6]). Одновременно съ обсужденіемъ проэкта о реформѣ сената въ неофиціальномъ комитетѣ вырабатывалось и новое учрежденіе министерствъ, которому члены комитета придавали большее значеніе, нежели реформѣ сената[7]). Въ одномъ изъ первыхъ

1) П. С. З., XXVII, № 20,477, 2) XXVII, №№ 20,372, 20,373, 20,884, 3) XXVII, №№ 20,509, 20,597, 20,561, 20,874, XXVIII, №№ 21,333, 21,498, 21,783, XXIX, №№ 21,991, 22,144, 22,279, 22,712, XXX, 22,886, 23,488, 23,586, 23,855, 23,990, 4) XXX, № 23,405, 5) XXVII, №№ 20,423, 20,619, XXVIII, №№ 21,248, 21,296, 21,309, 21,313, 21,381, 21,648, 21,736, 21,916, 21,922, XXIX, №№ 22,034, 22,080, 22,312, 22,375, XXX, №№ 23,056, 23,381, 23,815, 6) Реформой сената, говоритъ Чарторыйскій, „былъ положенъ первый камень въ созданіи правильной государственной власти" (Memoires, I, 309 p.), 7) Чарторыйскій, напр., называлъ сенатъ „манекеномъ, которымъ можно двигать по произволу, такъ какъ иначе онъ не дѣйствовалъ бы совсѣмъ: сенатъ состоялъ изъ людей, ни къ чему неспособныхъ, и управлялся генералъ-прокурорами, между тѣмъ какъ сенаторы только подписывали свои имена на дѣлахъ, которыя никогда не читались ими" (Memoires, I, 308—309 p., ср. Tourgueneff: „La Russie et les russes", I, notes, 309 p.).

засѣданій комитета (1 іюля 1801 г.) Новосильцевъ представилъ докладъ „о способѣ работъ Е. В. съ министрами“, въ которомъ указывалъ „на обычный методъ министровъ подсовывать указы“ въ особенности по судебнымъ дѣламъ для подписи государю. Члены комитета „пришли къ заключенію, что государь никогда не долженъ непосредственно вмѣшиваться въ рѣшенія такихъ дѣлъ, подвергающія его неизбѣжнымъ ошибкамъ“. Е. В согласился съ этимъ принципомъ, но затруднялся только относительно способовъ его выполненія, такъ какъ дѣла такого рода восходили къ нему по апелляціямъ на рѣшенія сената [1]). Въ извѣстной уже намъ запискѣ князя Чарторыйскаго, читанной имъ въ засѣданіи 10 февр. 1802 г., при изложеніи недостатковъ высшей русской администраціи указывается на то, что „министры ни въ какомъ отношеніи не подвергаются отвѣтственности“, и предлагается преобразовать всю администрацію, распредѣливши „административную власть между нѣсколькими министрами, въ рукахъ коихъ находились бы всѣ нити управленія: народное образованіе, дѣла внутреннія, финансы, юстиція, военная часть, морская часть и проч. Подъ вѣдѣніемъ министровъ должны были быть учреждены совѣты изъ старшихъ чиновниковъ министерствъ. Министры должны были ежегодно представлять въ сенатъ свои отчеты. Этотъ проэктъ Чарторыйскаго понравился государю и остальнымъ членамъ комитета. Когда потомъ въ этомъ же засѣданіи зашла рѣчь о составѣ государственнаго совѣта, то комитетъ предложилъ назначить въ него министровъ, „коихъ образъ мыслей былъ бы одинаковъ и которые поэтому могли бы всѣ отвѣчать за одну и туже ошибку“. Этимъ же путемъ будетъ устраненъ вредъ, происходящій отъ разногласія между министрами [2]). Черезъ мѣсяцъ послѣ этого засѣданія въ комитетѣ

1—2) Протоколы засѣданій неоф. комитета, 40 и 65 с.

снова возвратились къ вопросу объ учрежденіи министерствъ. Графъ Кочубей предложилъ въ засѣданіи 10 марта организовать ихъ въ Россіи по образцу французскихъ министерствъ, составъ которыхъ вмѣстѣ съ обозначеніемъ занятій каждаго изъ нихъ показаны въ „народномъ французскомъ календарѣ". Но государь нашелъ, что „у французовъ слишкомъ много подраздѣленій" и рѣшилъ отложить обсужденіе вопроса объ образованіи министерствъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ готовъ проэктъ ихъ учрежденія, составленіе котораго было поручено имъ Оленину. Но 16 марта при разсмотрѣніи проэкта указа о преобразованіи сената Новосильцева снова зашла рѣчь объ отвѣтственности министровъ, безъ которой не могли бы имѣть значенія и права сената. Члены комитета настаивали на томъ, чтобы сенату было предоставлено право повѣрять дѣйствія министровъ; иначе въ управленіи развился бы неминуемо неограниченный произволъ послѣднихъ. Государь согласился съ необходимостью предположенной мѣры [1]). Въ слѣдующемъ засѣданіи комитета былъ возбужденъ вопросъ о соглашеніи предположеннаго плана учрежденія министерствъ съ образованіемъ сената, устраненіи всякихъ поводовъ къ столкновенію между нимъ и министерствами. Съ этою цѣлью были исключены изъ проэкта о преобразованіи сената нѣкоторыя статьи, отъ примѣненія которыхъ могли бы возникнуть такія столкновенія между министерствами и сенатомъ. Въ засѣданіи же 17 марта Новосильцевъ и Чарторыйскій сообщили о своемъ совѣщаніи по

---

1) Протоколы etc., 67—68 с. Лагарпъ самъ предлагалъ Александру Павловичу учредить министерства, но только настаивалъ на томъ, чтобы приняты были энергичныя мѣры къ ограниченію произвола министровъ и подчиненія ихъ дѣйствій личной волѣ государя. Когда однажды государь выражалъ глубокую скорбь о страшной неурядицѣ въ управленіи и невозможности добраться до настоящаго источника и корня зла, Лагарпъ прямо указалъ, какъ на лучшее средство къ достиженію этой цѣли,—учрежденіе министерствъ (Сухомлиновъ, Изслѣдованія etc., II, 117 и 125 с.).

поводу учрежденія министерствъ съ Лагарпомъ, который одобрилъ планъ предположенныхъ министерствъ. Государь замѣтилъ также, что онъ получилъ отъ Лагарпа письмо, въ которомъ послѣдній „восхвалялъ эту работу и находилъ весьма счастливою идею учрежденія министерствъ“ Въ восторгѣ отъ этой идеи былъ и графъ А. Р. Воронцовъ, который одобрилъ вполнѣ и раздѣленіе занятій въ министерствахъ [1]). Въ засѣданіи 24 марта графъ Кочубей прочелъ свою пояснительную записку къ указу объ учрежденіи министерствъ, въ которой цѣлью ихъ образованія ставилось „дать управленію ходъ, наиболѣе сообразный къ упроченію общаго благоденствія“. При изложеніи причинъ учрежденія министерствъ Кочубей обратился къ русской исторіи. „Петръ Первый, занятый введеніемъ многихъ преобразованій, не успѣлъ учредить въ управленіи, писалъ Кочубей, постояннаго и прочнаго порядка; всѣ преемники его чувствовали необходимость реформъ и это подало поводъ въ царствованіе Анны Ивановны и Елизаветы Петровны къ учрежденію конференціи и кабинета [2]). Сама Екатерина II, продолжалъ Кочубей, имѣла намѣреніе преобразовать государственное управленіе и графъ Панинъ представилъ ей планъ, въ который входило образованіе нѣсколькихъ министерствъ“ [3]). Кочубей предложилъ замѣнить коллегіи канцеляріями министерствъ. Но государь возразилъ, что „нельзя было уничтожить разомъ всѣ эти старинныя формы, и что, можетъ быть, достаточно подчинить ихъ министрамъ и впослѣдствіи уже, когда онѣ на опытѣ окажутся безполезны, замѣнить ихъ дру-

---

1) Протоколы etc., 70—71 с. 2) Отсюда видно, что члены неоф. комитета признавали связь новыхъ предполагаемыхъ ими высшихъ административныхъ учрежденій съ ранѣе существовавшими установленіями,—конференціей и кабинетомъ, которые дѣйствительно, какъ мы видѣли, имѣли, между прочимъ, значеніе министерствъ, 3) Рѣчь идетъ здѣсь объ извѣстномъ намъ докладѣ графа Н. И. Панина Екатеринѣ II, который оказалъ большое вліяніе на работы членовъ комитета по вопросу о преобразованіи министерствъ (см. ниже).

гими учрежденіями". Съ государемъ согласился князь Чарторыйскій. Но графа Кочубея поддержали Новосильцевъ и графъ Строгановъ, которые полагали, что „коллегіи могли затруднить ходъ дѣлъ въ министерствахъ и что придется сдѣлать цѣлое положеніе для примѣненія этихъ устарѣлыхъ формъ къ новымъ учрежденіямъ". Возникшій по этому поводу споръ въ комитетѣ не привелъ ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Точно также члены комитета не пришли къ соглашенію и относительно мѣры участія министровъ въ изданіи указовъ по дѣламъ управленія. Кочубей предлагалъ, чтобы „указы давались на имя сената, который сообщалъ бы ихъ министрамъ по принадлежности Такой порядокъ передачи указовъ министрамъ, по мнѣнію членовъ комитета, слагалъ съ нихъ ту отвѣтственность, которую налагало бы на нихъ скрѣпленіе указовъ ихъ подписью". На этомъ основаніи Кочубей предлагалъ отъ имени комитета, чтобы „указы давались на имя министровъ, которые доносили бы о томъ сенату". Наконецъ, остался на этотъ разъ нерѣшеннымъ и вопросъ объ учрежденіи министерства коммерціи, которое желалъ образовать государь, поддерживаемый Лагарпомъ [1]).

Въ засѣданіи 11 апрѣля былъ прочитанъ проэктъ Новосильцева о раздѣленіи министерства [2]) и распредѣленіи дѣлъ между его отдѣлами. Новосильцевъ предложилъ „раздѣлить всю администрацію на восемь частей, порученныхъ министрамъ: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственнаго казначейства, иностранныхъ дѣлъ, военное министерство, морское и народнаго просвѣщенія. Министръ юстиціи долженъ былъ завѣдовать только судебными дѣлами; въ вѣдомствѣ министра внутреннихъ дѣлъ состоитъ все, относящееся къ содержа-

1) Протоколы засѣданій неоффиц. комитета, 73—74 ст., 2) Сначала предполагалось образовать одно министерство съ подраздѣленіемъ его на части, подвѣдомственныя министрамъ.

нію въ порядкѣ и къ удобству сообщеній, къ промышленности и управленію. Къ министерству финансовъ принадлежатъ всѣ статьи доходовъ и ассигнованіе источниковъ для отпуска суммъ въ различныя мѣста государственнаго управленія. Министръ государственнаго казначейства долженъ вести счетъ расходамъ и наблюдать за порядкомъ дохода и расхода сообразно распоряженіямъ министра финансовъ". Министры иностранныхъ дѣлъ, военный и морской остаются на прежнемъ основаніи, управляя каждый соотвѣтственной коллегіей. Министерству народнаго просвѣщенія будутъ подчинены всѣ воспитательныя учрежденія въ имперіи. Нѣсколько §§ своего проэкта Новосильцевъ посвятилъ опредѣленію правилъ относительно образа занятій министровъ. Каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть помощника,—товарища министра. Права министровъ будутъ опредѣлены инструкціями, съ которыми они должны сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. „Все же, выходящее изъ предѣловъ власти министра, подлежало рѣшенію государя на основаніи доклада, представляемаго ему министромъ и мнѣнія совѣта, а затѣмъ уже указъ, скрѣпленный подписью министра, долженствовалъ быть обнародованъ обычнымъ порядкомъ" [1]). Проэктъ Новосильцева былъ показанъ имъ Лагарпу, который замѣтилъ, что для его осуществленія нужно составить положеніе о канцелярскомъ порядкѣ. При обсужденіи этого послѣдняго вопроса Новосильцевъ указалъ на неудовлетворительность порядка дѣлъ въ русскихъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ; государь замѣтилъ на это, что „нельзя было завести одного и того же канцелярскаго порядка въ судебныхъ мѣстахъ и административныхъ учрежденіяхъ". Но Александръ Павловичъ согласился съ членами комитета, что „министерства должны были начать свои дѣй-

---

1) Протоколы засѣданій неоф. комитета, 77—79 с.

ствія непосредственно по своемъ учрежденіи. Первоначально новые министры должны составить свои канцеляріи изъ прежнихъ чиновниковъ и будутъ рѣшать дѣла съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, а между тѣмъ укомплектуютъ и улучшатъ свои вѣдомства, потому что нельзя надѣяться, что бы сразу устроить дѣло такъ превосходно, чтобы въ немъ не потребовалось измѣненій“. Относительно составленія министрами докладовъ государю Новосильцевъ полагалъ, что всѣ они предварительно должны „подвергаться обсужденію комитета, составленнаго изъ всѣхъ министровъ, и въ случаѣ несоблюденія этой формальности каждый изъ нихъ имѣлъ право дѣлать отъ себя представленія по предмету доклада“. Необходимость такой мѣры Новосильцевъ и другіе члены комитета доказывали тѣмъ, что „всѣ отрасли управленія были какъ бы звенья цѣпи, слѣдовательно, всякое новое распоряженіе долженствовало быть обсуживаемо совокупно всѣми лицами, участвовавшими въ управленіи, дабы дѣйствія одного изъ нихъ не мѣшали другому, и чтобы всѣ части государственной администраціи были направлены къ одной цѣли. Мѣра эта могла также предупредить, чтобы министры не вводили въ заблужденіе государя и, будучи связаны между собою взаимною отвѣтственностью, оставались въ точныхъ предѣлахъ своихъ обязанностей“. Государь согласился съ этимъ мнѣніемъ Новосильцева, какъ и съ предложеніемъ членовъ комитета, чтобы „текущія дѣла рѣшались въ комитетѣ министровъ, а важнѣйшіе вопросы вносились на обсужденіе въ совѣтъ“. Такой способъ распредѣленія дѣлъ между комитетомъ министровъ и совѣтомъ могъ ускорить ходъ управленія и облегчить дѣятельность министровъ, подлежащихъ важной отвѣтственности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи министры подчинены сенату. Для установленія отвѣтственности министровъ Новосильцевъ предлагалъ, чтобы „каждый изъ нихъ представлялъ ежегодно Е. В. отчетъ въ сво-

емъ управленіи. Этотъ отчетъ подлежалъ предварительному разсмотрѣнію сената, который сличивъ его съ донесеніями, полученными въ теченіе года, а равно съ Высочайше утвержденными докладами и указами по вѣдомству, состоящему въ управленіи министра, подносилъ бы государю свое о немъ заключеніе въ формѣ доклада". Но государь нашелъ, что такая верховная контролирующая роль сената по отношенію къ министрамъ „противорѣчитъ назначенію сената, какъ высшаго судилища". Высказано было также предположеніе, чтобы обязанности товарищей министровъ были точнѣе опредѣлены, чтобы всѣ министры были непремѣнными членами совѣта и чтобы они принимали просителей въ опредѣленные, постоянные дни. Опредѣлены были также правила устройства канцеляріи министровъ. Механизмъ занятій и обязанности каждаго изъ нихъ должны были заключаться въ инструкціяхъ министрамъ, на необходимость составленія которыхъ указалъ самъ государь [1]). На мнѣніе Лагарпа, сообщенное государемъ въ засѣданіи 5 мая, что „въ началѣ не слѣдовало гоняться за раздѣленіемъ вѣдомствъ, предоставя себѣ впослѣдствіи удобнѣйшее размѣщеніе частей по министерствамъ", члены комитета замѣтили, что такое раздѣленіе „возможно только въ подробностяхъ; главные же предметы управленія имѣютъ между собою взаимную связь, опредѣляющую въ точности ихъ мѣсто въ различныхъ вѣдомствахъ". Лагарпъ также вновь настаивалъ на учрежденіи министерства коммерціи, противъ чего возставали члены комитета, утверждавшіе, что коммерція не самостоятельная отрасль управленія, а только часть министерства финансовъ [2]). Въ послѣднемъ засѣданіи, посвященномъ вопросу объ учрежденіи министерствъ (12 мая), обсуждались въ комитетѣ нѣкоторыя предложенія графа А. Р. Воронцова относительно

1—2) Протоколы засѣданій неоф. комитета, 80—82 с.

этого предмета. Воронцовъ считалъ новое учрежденіе министерствъ „необходимымъ и совершенно сообразнымъ съ настоящими обстоятельствами". По словамъ графа, „императрица Екатерина II въ началѣ своего царствованія имѣла туже мысль, но потомъ ее оставила". Предложенія Воронцова относились къ организаціи министерствъ. Такъ онъ полагалъ образовать девять министерствъ и въ числѣ ихъ министерство коммерціи. Государственный казначей исключался изъ числа министровъ и устранялся отъ участія въ совѣтѣ. Обязанности генералъ-прокурора и министра юстиціи соединялись въ одномъ лицѣ. Комитетъ рѣшилъ образовать министерство коммерціи, замѣнивши имъ предположенное прежде министерство государственнаго казначейства, и согласился съ приведеннымъ предложеніемъ Воронцова о министрѣ юстиціи и съ его мнѣніемъ о ревизіи счетовъ, представляемыхъ министрами, особо учрежденной при сенатѣ ревизіонной коммиссіи. Комитетъ принялъ также во вниманіе нѣкоторыя замѣчанія Воронцова по поводу организаціи министерства внутреннихъ дѣлъ и—народнаго просвѣщенія. Комитетъ долго обсуждалъ вопросъ о томъ, оставить ли за послѣднимъ министерствомъ его названіе, пока, наконецъ, рѣшился не обращать вниманія „на господствующій у насъ предразсудокъ, что просвѣщеніе опасно" и образовать въ Россіи министерство народнаго просвѣщенія [1]).

Всѣ эти разсужденія членовъ неоффиціальнаго комитета по поводу вопроса объ учрежденіи министерствъ, резюмируются Чарторыйскимъ въ его „мемуарахъ". „Цѣлью этой реформы, говоритъ онъ, было, по примѣру большинства другихъ европейскихъ государствъ, отдѣлить министерства, опредѣлить ихъ границы, соединить въ каждомъ отдѣльномъ министерствѣ всѣ однородныя дѣла, централизовать руководство ими

---

1) Протоколы etc., 84—87 с.

и такимъ образомъ увеличить отвѣтственность главныхъ органовъ государственной власти. Члены комитета, между прочимъ, надѣялись, что образованіе министерствъ будетъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ безчисленныхъ злоупотребленій, лихоимства и воровства, которыя составляютъ большое зло въ русскомъ управленіи"[1]). Въ началѣ манифеста объ учрежденіи министерствъ говорится поэтому объ обязанности правительства заботиться объ „утвержденіи народнаго благоденствія, исправленіи всякаго зла, пагубнаго для него, отвращеніи всѣхъ причинъ, могущихъ подать поводъ къ нарушенію общаго и частнаго спокойствія открывать нужды народа, предупреждать ихъ и благоразумно, ревностно и дѣятельно способствовать соблюденію и утвержденію необходимаго во всемъ порядка и умноженію богатства". Эта цѣль дѣятельности правительства можетъ быть достигнута раздѣленіемъ государственныхъ дѣлъ на разныя части сообразно естественной ихъ связи между собою и порученіемъ управленія ими отдѣльнымъ министрамъ. Все управленіе государственными дѣлами раздѣляется на восемь частей, изъ которыхъ каждая составляетъ отдѣльное министерство подъ непосредственнымъ управленіемъ особаго министра: 1) министерство военныхъ сухопутныхъ, 2) морскихъ силъ, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) юстиціи, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) финансовъ, 7) коммерціи и 8) народнаго просвѣщенія (1 ст.). Изъ нихъ первыя три министерства образуются изъ трехъ первыхъ государственныхъ коллегій, изъ которыхъ каждая подчинена особому министру (2 ст.). Министръ юстиціи долженъ былъ руководиться въ своей дѣятельности инструкціей генералъ-прокурора (3 ст.). „Должность министра внутреннихъ дѣлъ обязываетъ его пещись о повсемѣстномъ благосостояніи народа, спокойствіи, тишинѣ и благоустройствѣ

---

1) Czartoryski, Memoires, I, 313 p.

всей имперіи". Поэтому ему подчинены мѣстные представители администраціи [1]) и цѣлый рядъ центральныхъ учрежденій [2]) (4 ст.). На министра финансовъ возложены: „управленіе казенными и государственными частями, кои доставляютъ правительству нужные на содержаніе его доходы, и генеральное всѣхъ доходовъ разсигнованіе по разнымъ частямъ государственныхъ расходовъ" [3]). Министръ финансовъ долженъ въ концѣ каждаго года составить, сообразно съ доставленными остальными министрами табелями будущихъ расходовъ на ихъ вѣдомства, общій планъ государственныхъ доходовъ и расходовъ и препроводить его на Высочайшее усмотрѣніе (5 ст.). Должность министра коммерціи остается на прежнемъ основаніи (6 ст.). Наконецъ, министръ народнаго просвѣщенія обязанъ былъ заботиться о воспитаніи юношества и распространеніи наукъ въ государствѣ [4]) (7 ст). Всѣ министры, кромѣ военнаго и морскаго, имѣютъ у себя помощниковъ,—товарищей министровъ (8 ст.). Всѣ подвѣдомственныя министерствамъ мѣста сносятся съ ними о текущихъ дѣлахъ еженедѣльными *меморіями*, а въ затруднительныхъ случаяхъ—представленіями; министры же посылаютъ къ нимъ *предложенія*. Мѣста, подчиненныя министерствамъ,

---

1) Военные и гражданскіе губернаторы, казенныя палаты по административнымъ дѣламъ и губернскіе предводители дворянства, 2) Мануфактуръ-коллегія, медицинская, главная соляная контора, главное почтовое управленіе и экспедиція государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства. 3) Министру финансовъ подчинены: бергъ-коллегія, монетный департаментъ, мануфактуръ-коллегія, экспедиція о заготовленіи и храненіи вексельной бумаги и часть экспедиціи государственнаго хозяйства, завѣдующая печатаніемъ вексельныхъ и заемныхъ писемъ, лѣсной департаментъ, оброчныя статьи, хозяйственное управленіе казенными землями, государственные банки, придворные банкиры и коммиссіонеры и казенныя палаты по нѣкоторымъ финансовымъ дѣламъ. 4) Министръ народнаго просвѣщенія „имѣлъ въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи": главное училищное правленіе, академію наукъ, россійскую академію, университеты и всѣ другія училища, кромѣ женскихъ, подчиненныхъ матери государя, императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, типографіи, народныя библіотеки и другія учрежденія для распространенія наукъ.

могутъ не согласиться съ замѣчаніями министра на ихъ меморіи и „представить ему о томъ свои разсужденія“. Но если министръ и послѣ того настаивать будетъ на своемъ мнѣніи, то оно должно быть исполнено безпрекословно (9 ст.). Въ случаѣ невозможности для министра разрѣшить собственною властью сомнѣнія мѣстъ, подчиненныхъ министерству, или отвратить какія-либо неудобства въ ходѣ дѣлъ министръ входитъ съ докладомъ въ такихъ случаяхъ къ государю, въ которомъ излагаетъ свои соображенія относительно средствъ къ устраненію встрѣтившихся затрудненій. Докладъ министра утверждается государемъ, если только онъ не противорѣчитъ существующимъ законамъ. Въ противномъ случаѣ изготовляется, по Высочайшему повелѣнію, по дѣлу указъ, который подписывается государемъ и контрасигнируется министромъ (10 ст.). Учрежденіе обязываетъ каждаго министра прежде поднесенія государю своихъ докладовъ предварительно „предлагать ихъ прочимъ министрамъ для надлежащаго соображенія со всѣми государственными частями, въ вѣдѣніи ихъ находящимися“. При несоблюденіи какимъ-либо министромъ этого правила каждый изъ остальныхъ его товарищей имѣлъ право сдѣлать государю о томъ представленіе (11 ст.). Министры должны подавать ежегодно письменные отчеты о своей дѣятельности правительствующему сенату, который разсматриваетъ ихъ въ присутствіи самихъ министровъ, требуя отъ нихъ нужныхъ объясненій, сравниваетъ министерскіе отчеты съ законами и съ рапортами сенату отъ мѣстъ представленными и съ своими замѣчаніями препровождаетъ отчеты министровъ на Высочайшее усмотрѣніе. Сенатъ же имѣетъ право требовать отъ каждаго министра объясненій въ случаѣ дошедшихъ до него свѣдѣній о злоупотребленіяхъ въ вѣдомствѣ министра (12—14 ст.). Всѣ министры—члены совѣта и присутствуютъ въ сенатѣ. Въ засѣданіяхъ совѣта всѣ дѣла разсматриваются не иначе, какъ

въ присутствіи пяти министровъ, „въ числѣ которыхъ долженъ находится и министръ, по части коего дѣло будетъ трактовано“ (15 ст.) Указъ объ учрежденіи министерствъ опредѣляетъ еще обязанности товарищей министровъ, говоритъ о необходимости для каждаго министра назначить пріемные дни для просителей и въ заключеніе предлагаетъ всѣмъ министрамъ немедленно заняться образованіемъ своихъ канцелярій (16—19 ст.)[1]).

Разсматривая учрежденіе министерствъ 1802 г., мы замѣчаемъ, что на содержаніи его отразились взгляды, разсужденія и цѣлые проэкты членовъ неоффиціальнаго комитета, особенно же Новосильцева и графа Кочубея. Образованіе министерствъ носитъ на себѣ слѣды знакомства членовъ комитета съ французскими административными учрежденіями, на что, прежде всего, обратили вниманіе лица, враждебныя новымъ реформамъ въ управленіи. По словамъ Вигеля, учрежденіе министерствъ „было списано Сперанскимъ, по порученію членовъ комитета, точь въ точь съ министерствъ, коими французская директорія надѣялась поболѣе людей привязать къ своему существованію со всѣмъ преувеличеннымъ содержаніемъ французскаго учрежденія, со всѣмъ излишествомъ должностей“[2]). Но ходъ работъ государя съ членами комитета надъ преобразованіемъ внутренняго управленія показываетъ, что они не подражали слѣпо французскимъ образцамъ. Мы видѣли, что государь отклонилъ предложеніе Кочубея воспользоваться для раздѣленія министерствъ и опредѣленія ихъ компетентности народнымъ французскимъ календаремъ[3]). При разсужденіяхъ по поводу организаціи министерства народнаго просвѣщенія Александръ Павловичъ высказалъ прямо, что „не все то удобно вводить у насъ, что хорошо за границей, что надлежало измѣнить для насъ

---

1) П. С. З., XXVII, № 20,406. 2) Записки Вигеля, Русскій Вѣстникъ, 1864, 4 кн., 465—466 с., 3) Протоколы засѣданій неоф. комитета, 67 с.

многое изъ существующаго во Франціи сообразно обстоятельствамъ, и что у насъ есть старинныя учрежденія, къ коимъ слѣдовало бы примѣнить новыя“ [1]). Государь держался этого же взгляда при обсужденіи проэкта графа Кочубея. На его предложеніе упразднить коллегіи и замѣнить ихъ канцеляріями министровъ Александръ замѣтилъ, что „нельзя было уничтожить разомъ всѣ эти старинныя формы и что можетъ быть достаточно подчинить ихъ министрамъ и въпослѣдствіи уже, когда онѣ на опытѣ окажутся безполезны, замѣнить ихъ другими учрежденіями“ [2]). Самъ графъ Кочубей былъ знакомъ съ докладомъ графа Н. И. Панина, о которомъ онъ упоминаетъ въ своихъ поясненіяхъ къ указу объ учрежденіи министерствъ. Кочубей заявилъ въ комитетѣ, что „сама Екатерина II имѣла намѣреніе преобразовать государственное управленіе и что графъ Панинъ представилъ ей планъ, въ который входило образованіе нѣсколькихъ министерствъ“ [3]). И дѣйствительно Панинъ въ своемъ докладѣ говоритъ, что русскій самодержавный государь „можетъ произвести свою власть въ полезное дѣйство только разумнымъ раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому персонъ“. Панинъ находилъ вреднымъ сосредоточеніе всей административной власти въ лицѣ генералъ-прокурора, который „не можетъ разсматривать всѣ разныя въ управленіи государства надобности по перемѣнамъ временъ и обстоятельствъ“. Графъ Панинъ, слѣдовательно, считалъ необходимымъ образованіе министерствъ, раздѣленіе государственнаго управленія между нѣсколькими отдѣльными лицами (министрами), которыя могли бы своевременно удовлетворять потребности общества, заботиться „о тѣхъ государственныхъ частяхъ, кои по ихъ натурѣ требуютъ всегдашняго поправленія, частыхъ перемѣнъ и полезныхъ новостей“. Панинъ

1—3) Протоколы etc., 58 и 73 с.

видитъ причину всѣхъ неустройствъ въ управленіи до Екатерины II именно въ томъ, что „въ верховномъ государевомъ мѣстѣ части государственныя были безъ раздѣленія и никоторая никому особливо не была поручена". Въ докладѣ Панина „государственное управленіе" дѣлится на восемь главныхъ частей, число которыхъ и вѣдомство каждой изъ „персонъ", завѣдующихъ ими, напоминаютъ число министерствъ и ихъ компетентность въ проэктѣ Новосильцева и самомъ учрежденіи министерствъ 1802 года. И въ томъ, и другомъ мы находимъ, хотя и подъ другими названіями, нѣкоторыя части „государственнаго правленія" въ докладѣ Панина. Таковы: министерство юстиціи, которое у Панина носитъ названіе еще суда народа, министерство иностранныхъ дѣлъ (внѣшняя политика) и министерство внутреннихъ дѣлъ (внутренняя политика—духовный законъ и права гражданскіе). „Оборона государственная" была организована въ видѣ военнаго и морскаго министерствъ. Въ министерство финансовъ изъ проэкта Панина вошли въ учрежденіе министерствъ: „казенныя дѣла управленія, то есть, сравненіе и доброта ходячей монеты, сумма ея во всемъ государствѣ, всѣ государственные доходы съ штатами ихъ расходовъ и государственная экономія въ сохраненіи и умноженіи обывателей и въ земледѣліи". Въ докладѣ Панина находилась и часть управленія, куда входили: „рукодѣлія, фабрики, мануфактуры, торгъ съ дѣлами купеческими и мѣщанскими"[1]). Всѣ эти предметы составили въ учрежденіи министерствъ вѣдомство министерства коммерціи, которое возникло еще при Павлѣ Петровичѣ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что Александръ Павловичъ и члены неоффиціальнаго комитета имѣли въ виду при своихъ работахъ надъ образованіемъ мини-

---

1) Докладъ графа Н. И. Панина Екатеринѣ II, Рус. Архивъ, 1871, IX, 1408—1414 и 1418 с. Въ докладѣ не было только особаго министерства народнаго просвѣщенія и оно было образовано вновь въ учрежденіи министерствъ 1802 г.

стерствъ 1802 г. прежнія попытки ихъ учрежденія въ Россіи и были знакомы и съ дѣйствительнымъ состояніемъ высшей администраціи, гдѣ еще при Екатеринѣ II произошло раздѣленіе дѣлъ внутренняго управленія и порученіе ихъ императрицей отдѣльнымъ лицамъ, а при Павлѣ I появилось нѣсколько настоящихъ министерствъ [1]). Новыя министерства при Александрѣ I получили сначала даже тотъ характеръ, какой имѣли министръ коммерціи и „главные директоры“ коллегій при Павлѣ Петровичѣ. Министры 1802 года были тѣже „главные директоры“ временъ Павла I, стоявшіе внѣ коллегій, которыя сохранили свою самостоятельность и прежній способъ дѣлопроизводства [2]). Коллегіи не были въ полномъ подчиненіи министрамъ, какъ лицамъ, самостоятельно завѣдующимъ главными отраслями управленія и единственно отвѣтственнымъ за весь ходъ дѣлъ въ своихъ вѣдомствахъ [3]). „Мѣста, коими министръ управлялъ, не принадлежали, говоритъ Сперанскій, къ составу самого министерства. Они были установленія внѣшнія, ему подчиненныя“ [4]). Положеніе коллегій въ управленіи съ образованіемъ министерствъ въ 1802 г. представлялось, по описанію Вигеля, въ слѣдующемъ видѣ. „Президенты трехъ первыхъ коллегій, которыя существовали всегда и теперь были преобразованы въ министерства иностранныхъ дѣлъ, военное и морское, ходили прямо съ докладами къ царю; члены же ихъ управляли экспедиціями, на кои были раздѣлены дѣла ихъ. Прочія коллегіи не имѣли ни одинаковой съ ними важности, ни равныхъ съ ними правъ. Ихъ президенты посылали доклады коллегій чрезъ статсъ-секретарей, дѣйствовали, од-

---

1) Мысль о необходимости учрежденія министерствъ въ Россіи была даже въ средѣ консервативной партіи; въ проэктѣ Державина о преобразованіи сената всѣ дѣла внутренняго управленія распредѣляются между нѣсколькими министрами. 2) См. 9 ст. учрежденія министерствъ. 3) Градовскій, 276 с. 4) Сперанскій, 40 с.

накоже, совершенно отъ нихъ независимо и чрезъ прокуроровъ состояли только подъ наблюденіемъ генералъ-прокурора. Изъ нихъ одна только медицинская передѣлана тогда въ экспедицію; прочія же коллегіи, оставаясь пока въ прежнемъ составѣ и съ прежними названіями, подчинены были вѣдомству пяти вновь учрежденныхъ министерствъ. Слово „министерства", замѣчаетъ Вигель, было мало употребляемо: ихъ знали болѣе подъ названіемъ департаментовъ, ибо при каждомъ министрѣ находилось ихъ первоначально не болѣе, какъ по одному. Только впослѣдствіи съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ превратились оныя въ канцеляріи, а подвѣдомственныя министрамъ коллегіи образовались въ департаменты"[1]). Неудобства такого чисто внѣшняго соединенія коллегіальнаго и личнаго начала въ новыхъ министерствахъ 1802 года, которымъ могли быть довольны развѣ только люди старой партіи[2]), повели за собою скорое упраздненіе коллегій, превратившихся въ экспедиціи министерствъ. Въ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея (въ 1803 г.), въ составленіи котораго участвовалъ Сперанскій[3]), была высказана рѣшительно мысль о необходимости уничтоженія

1) Записки Вигеля, ibidem, 467 с. 2) Трощинскій, напр., находилъ, что такимъ устройствомъ министерствъ 1802 г. государь желалъ установить въ государственномъ управленіи ходъ, сообразный съ дѣятельностью мѣстныхъ учрежденій, для чего въ министерствахъ были сосредоточены однообразныя дѣла, что министерства были посредниками между губернскими учрежденіями и лицемъ государя, что такимъ образомъ „ускорялось движеніе дѣлъ по коллежскому обряду", что злоупотребленія власти органами управленія предотвращалось сохраненіемъ коллежскаго обряда, установленіемъ кромѣ прокурорскаго министерскаго надзора за безостановочнымъ движеніемъ дѣлъ, контролемъ сената за дѣйствіями министровъ и опредѣленіемъ точныхъ предѣловъ власти министровъ особыми инструкціями, и что при учрежденіи министерствъ имѣлось въ виду „удержаться отъ отмѣны старыхъ и введенія новыхъ учрежденій" (Сборн. Рус. Ист. Общ., Ш, 34 с.). Эту послѣднюю цѣль Александръ Павловичъ имѣлъ дѣйствительно въ виду при образованіи министерствъ. Сохранить коллегіи, однако, думали только до тѣхъ поръ, пока „онѣ на опытѣ окажутся безполезными", что и оказалось тотчасъ же при примѣненіи учрежденія министерствъ. 3) Корфъ: „Жизнь графа Сперанскаго", 99 стр.

коллегій, которыя „были учреждены, по словамъ автора доклада, въ такое время, когда не было еще точныхъ понятій о системѣ управленія и когда нужно было отдѣлить въ приказахъ часть сужденія отъ части исполненія. Многотрудные обряды коллегій, порядокъ въ нихъ дѣлопроизводства представляютъ собою слѣдующія неудобства: 1) медленность, въ дѣлахъ правленія нетерпимая, составляетъ такъ сказать существо коллежскаго обряда, 2) недостатокъ раздѣленія работы и постепеннаго ея усовершенія, 3) множество формъ, совершенно излишнихъ, и образъ письмоводства весьма затруднительный и 4) недостатокъ отвѣтственности". Неудобства эти умножаются, когда составъ коллегій разсматривается по отношенію къ министерству. „Министръ, дѣйствуя въ коллегіи, какъ главный директоръ, не можетъ иначе управлять ею, какъ только внѣшнимъ образомъ, то есть, онъ долженъ получать отъ нея меморіи о дѣлахъ текущихъ, разсматривать ея представленія, давать на нихъ предложенія, составлять доклады, предписывать исполненіе. Министръ долженъ имѣть для каждой коллегіи свою канцелярію и свой архивъ только для того, чтобы сказать коллегіи свою резолюцію или указъ. Сіе вводитъ министра въ безполезныя подробности, развлекаетъ вниманіе, отнимаетъ время и средства обозрѣть ихъ въ совокупности". Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ графъ Кочубей полагалъ устроить все дѣлопроизводство въ министерствахъ такимъ образомъ, чтобы „теченіе дѣлъ въ нихъ было ускорено безъ вреда" для правильнаго ихъ обсужденія и рѣшенія. „Никакъ, говорится въ докладѣ, не должно употреблять къ такому дѣлу два или три лица, которое могло кончить одно съ равнымъ успѣхомъ". Кочубей предлагалъ образовать въ министерствахъ отдѣленія, завѣдованіе которыми поручить особымъ лицамъ, отвѣтственнымъ за ходъ дѣлъ въ отдѣленіяхъ. Каждое дѣло должно было переходить по извѣстнымъ степенямъ

въ іерархическомъ порядкѣ, на каждой изъ нихъ оно „усовершалось, пополнялось и уяснялось и, такимъ образомъ, возрастая, восходило къ начальнику отдѣленія, а отъ него къ начальнику части“ [1]).

Вслѣдствіе доклада графа Кочубея центральныя коллегіи, за исключеніемъ первыхъ трехъ, постепенно были преобразованы въ департаменты, которые введены въ самый составъ министерства. Всѣ рѣшенія теперь исходили отъ министровъ. На такихъ началахъ централизаціи и установленія единства въ отдѣльныхъ отрасляхъ управленія было преобразовано сначала министерство внутреннихъ дѣлъ, а потомъ были сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ адмиралтейской коллегіи [2]). Но этимъ преобразованіемъ министерствъ 1802 г. не устранялись другіе существенные недостатки первоначальнаго ихъ учрежденія, которое оставалось несоглашеннымъ съ правами и властью одновременно преобразованнаго сената и образованнаго въ началѣ царствованія непремѣннаго совѣта [3]). „Какое мѣсто въ порядкѣ государственныхъ установленій должны были, спрашивалъ графъ Сперанскій, занимать министерства? Съ одной стороны, они равнялись сенату, ибо независимо отъ него управляли и получали Высочайшія разрѣшенія, съ другой, они были подчинены сенату и по отчетамъ, и потому, что стояли на той же чредѣ, гдѣ были прежнія коллегіи, и потому, что сенатъ, яко установленіе

---

1) П. С. З., XXVII, № 20,852, 2) Сперанскій, 41—42 с., Дмитріевъ Ѳ., 95—96 с., 3) Графъ Завадовскій такъ отзывался о министерствахъ 1802 г. въ своемъ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову. „Новая администрація государственная въ основаніи своемъ, говоритъ онъ, благоразумна и къ устройству государства преполезнѣйшая; но спѣша одержать лучшій образъ управленія и дабы не заклепать въ долгій ящикъ, во многомъ система сшита на живую нитку. Потому старый обрядъ съ новымъ часто сталкиваются; конечно, со временемъ всѣ отдѣленія установятся въ предположенный имъ быть, къ чему простерто стараніе, но доселѣ еще квасъ бродитъ образуемаго хаоса. Настанутъ министры, способные довершить вещи, а первымъ и то въ славу, что проложили лучшую дорогу Архивъ князя Воронцова, XII, 272 с.).

правительствующее, оставленъ былъ въ своей силѣ. Если же они были равны сенату, то они или первый департаментъ сената были излишни, ибо и въ нихъ, и въ семъ департаментѣ дѣла были однородныя. Если они подчинены были сенату, то отъ него или черезъ него должны были получать окончательныя рѣшенія"[1]) Компетентность сената и министерствъ опредѣлена была указами объ ихъ образованіи одинаково. По указу о правахъ и обязанностяхъ сената послѣдній долженъ былъ заботиться „о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ и соблюденію общаго спокойствія и тишины, повсемѣстномъ наблюденіи правосудія". По указу объ учрежденіи министерствъ въ ихъ обязанность также входило „споспѣшествованіе къ утвержденію народнаго спокойствія, сохраненію и возвышенію общаго всѣмъ благосостоянія и къ воздаянію каждому должнаго отъ лица правосудія". Вѣдомство министра внутреннихъ дѣлъ почти совпадало какъ съ кругомъ общихъ дѣлъ сената, такъ и всѣхъ министерствъ: онъ былъ обязанъ „пещись о повсемѣстномъ благосостояніи народа, спокойствіи, тишинѣ и благоустройствѣ всей имперіи". Однородностью административныхъ дѣлъ, порученныхъ сенату и министерствамъ, нарушались единство и порядокъ въ управленіи[2]) и ослаблялось административное значеніе сената вмѣстѣ съ увеличеніемъ въ тоже время власти министровъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточилось все государственное управленіе[3]). Министры были обременены всѣми его подробностями, что приводило къ медленности въ рѣшеніи дѣлъ[4]). Графъ Сперанскій причислялъ къ существеннымъ недостаткамъ организаціи министерствъ 1802 г.: отсутствіе точности въ распредѣленіи дѣлъ между отдѣльными министерствами, бывшее естественнымъ результатомъ

1) Сперанскій: „О государственныхъ установленіяхъ", 43 с., 2 и 4) Дѣла комитета 6 дек., 1826 г., Записка Дибича, № 63, 3) Czartoryski, Memoires etc., I, 314 p.

„порядка вещей, который существовалъ прежде образованія министерствъ", неопредѣленность власти министровъ и особенно недостатокъ отвѣтственности [1]). „По общему закону министръ, говоритъ Сперанскій, не можетъ дать никакого разрѣшенія въ поясненіе или дополненіе существующихъ правилъ. Отсюда необходимость испрашивать на всѣ случаи, даже и маловажные, Высочайшихъ повелѣній; получивъ же сіи повелѣнія, отвѣтственность министровъ становится не токмо излишнею, но даже и невозможною" [2]). „Недостатокъ отвѣтственности, писалъ впослѣдствіи Сперанскій въ своемъ знаменитомъ „Проэктѣ уложенія государственныхъ законовъ", даетъ всѣмъ дѣйствіямъ министровъ видъ произвола и дѣлаетъ то, что вмѣсто серьозныхъ сужденій, эти дѣйствія встрѣчаютъ только такіе отзывы, которые приводятъ въ заблужденіе публику: въ самомъ дѣлѣ, мнѣніе публики, не находя никакой точки опоры, теряется въ пустыхъ предположеніяхъ, все осмѣиваетъ и вмѣсто того, чтобы содѣйствовать правительству, нападаетъ и клевещетъ на него. Такое положеніе вещей, дѣйствуя обратно на правительство, производитъ въ немъ робость; оно боится браться за вопросы, требующіе силы, твердости. Оттого его дѣятельность направляется главнымъ образомъ на текущія дѣла, и вся тактика министровъ состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать важныхъ вещей, имѣя однако видъ, что они неутомимо дѣйствуютъ и хлопочутъ" [3]). Сенатъ, предъ которымъ министры были отвѣтственны за свои дѣйствія, не могъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ, хотя бы онъ и хотѣлъ этого: всѣ мѣры по управленію принимались министрами съ Высочайшаго разрѣшенія, по указамъ государя, на которые сенатъ въ силу извѣстнаго указа 1803 г. не могъ дѣлать при-

1) Tourgueneff: „La Russie et les russes", III, notes, 321 p. (extraits des projets de Speransky), 2) Сперанскій: „О государств. установленіяхъ", 43 с., 3) Tourgueneff, ibidem.

мѣчаній [1]). Въ первые же два, три года, когда еще дѣйствовало правило о разсматриваніи сенатомъ министерскихъ отчетовъ, „мѣра отвѣтственности министровъ была ничтожна“, потому, что отчеты обсуждались людьми, мало знакомыми съ административными дѣлами [2]). „Министры, основавъ бытіе свое на развалинахъ коллегій стали, замѣчаетъ Карамзинъ, между государемъ и народомъ, заслоняя сенатъ, отнимая его силу и величіе; хотя подвѣдомые ему отчетами, но сказавъ: „я имѣлъ счастье докладывать государю“, заграждали уста сенаторамъ и сія мнимая отвѣтственность была пустымъ обрядомъ. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые государемъ, сообщались сенату только для обнародованія. Выходило, что Россіей правили министры“ [3]). Вслѣдствіе докладовъ государю министрами по всѣмъ дѣламъ управленія „сенатъ, говоритъ авторъ „Записки о слѣдствіяхъ учрежденія министерствъ и государственнаго совѣта“, оставался въ нѣкоторомъ бездѣйствіи власти, поелику онъ докладывалъ посредствомъ одного изъ тѣхъ же министровъ и нѣкоторые изъ нихъ докладывали пустыя дѣла“. Отсюда же произошли „скоропостижныя измѣненія въ законахъ и незрѣлыя мѣры, различныя дѣла стали прикрывать однимъ закономъ или одно дѣло двумъ разнымъ законамъ подвергали“ [4]). Противъ отстраненія сената отъ контроля въ управленіи и чрезмѣрнаго увеличенія власти министровъ возставалъ графъ С. Р. Воронцовъ, который въ своемъ письмѣ къ графу Кочубею (1803 г.) замѣчаетъ, что „сенатъ, бывшій при Пет-

---

1) Сперанскій: „О государ. установленіяхъ“, 42 с., ср. Записку Дибича, Дѣла комитета 6 дек. 1826 г. Впослѣдствіи Сперанскій въ своемъ планѣ государственнаго преобразованія Россіи думалъ предоставить „Государственной думѣ“ контроль за дѣятельностью министровъ; сенатъ, какъ учрежденіе, совершенно зависящее отъ верховной власти, не могъ, по его мнѣнію, замѣнить собою собранія, составленнаго изъ выборныхъ націи (Tourgueneff, ibidem), 2 и 4) Дѣла комитета 6 дек. 1826 г., № 72, „Записка о слѣдствіяхъ учрежденія министерствъ и государственнаго совѣта“; ср. Записки Державина, 462 с., 3) Карамзинъ: „О древней и новой Россіи“, 2285 с.

рѣ I верховнымъ совѣщательнымъ собраніемъ и мѣстомъ главнаго надзора надъ всѣми отраслями управленія, теперь сдѣлался меньше, чѣмъ нулемъ, и какъ ненужный долженъ быть упраздненъ. Сентябрскія установленія 1802 г. (то есть, министерства) были хороши, хотя имѣли свои слабыя стороны, возникшія отъ поспѣшности и плохого выбора нѣкоторыхъ министровъ; они были необходимы, потому что вносили болѣе дѣятельности въ разныя сферы управленія и въ особенности потому, что ими устроенъ комитетъ всѣхъ министровъ, долженствовавшій обсуждать всѣ дѣла въ присутствіи государя. Но польза отъ этихъ новыхъ установленій невозможна безъ надзора за министрами со стороны сената, которому министры должны были давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Теперь же сенатъ только безучастный передатчикъ министерскихъ отчетовъ государю". Графъ Воронцовъ упрекалъ Кочубея въ томъ, что онъ, „явно заявивъ себя противъ сенатскаго вмѣшательства въ дѣйствія министровъ и желая рѣшительнымъ и откровеннымъ образомъ упразднить отвѣтственность министровъ передъ сенатомъ, имѣлъ намѣреніе показать сенату, что вопреки сентябрскимъ манифестамъ 1802 г. ему нѣтъ больше никакого дѣла до того, какъ управляется государство"[1]). Власти министровъ, освободившихся отъ контроля сената, не было положено границы какими-либо наказами, общими или частными, такъ какъ имъ не было дано ни тѣхъ, ни другихъ[2]). На этотъ недостатокъ въ новомъ учрежденіи министерствъ обратилъ вниманіе назначенный министромъ юстиціи Державинъ, который въ первомъ же засѣданіи комитета министровъ „открылъ свое мнѣніе, что безъ основательныхъ инструкцій или наставленій для каждаго министра по его должности не будетъ отъ сего комитета въ государственныхъ дѣлахъ

1) С. Р. Воронцовъ: „О внутреннемъ управленіи Россіи", Рус. Архивъ, 1881 XIX, 2, 155—162 с., 2) Сперанскій: „О госуд. установленіяхъ", 42 с.

никакой пользы, ни успѣха, а напротивъ будутъ впадать въ обязанности одинъ другаго, перессорятся и все пойдетъ въ безпорядкѣ". Члены комитета министровъ, особенно же графъ А. Р. Воронцовъ, возстали противъ мнѣнія Державина, „сказавъ, что въ инструкціяхъ на первый случай нѣтъ нужды и что со временемъ оныя можно дать". Но Державинъ доказалъ своимъ товарищамъ, что при отсутствіи инструкцій министрамъ всѣ и даже незаконныя ихъ рѣшенія должны исполняться безпрекословно мѣстами, подчиненными министрамъ [1]). Державинъ же указалъ на явное противорѣчіе въ указѣ объ учрежденіи министерствъ при опредѣленіи должности министра юстиціи, который долженъ былъ руководиться инструкціей генералъ-прокурора, между тѣмъ какъ „власть и обязанность послѣдняго, яко ока государева, простирается на всѣ дѣла гражданскія и государственныя" [2]). Дѣятельность министровъ ускользала отъ контроля и государственнаго совѣта, въ которомъ они были непремѣнными членами. Отъ совѣта отходятъ къ министрамъ всѣ правительственныя дѣла, законодательныя и административныя, и ему остаются только одни судебныя [3]). Но даже и въ этомъ послѣднемъ отношеніи совѣтъ долженъ былъ конкурировать съ сенатомъ, который лишился своихъ административныхъ правъ и сталъ заниматься разсмотрѣніемъ лишь однихъ судебныхъ дѣлъ [4]). Такъ министры сдѣлались всесильными въ государственномъ управленіи какъ въ центральномъ, такъ и мѣстномъ, обратились въ самовластныхъ и безотвѣтственныхъ

---

1) „Всѣ, напр., коллегіи, говорилъ Державинъ, только именемъ однимъ существуютъ, а не дѣломъ, ибо безъ всякаго разсужденія должны исполнять министерскія предложенія или повелѣнія даже такъ, что ежели бы было что явно отъ министра предложено противъ законовъ и пользъ государственныхъ, то коллегіи и никто изъ членовъ никуда не могутъ протестовать противъ онаго, но записать только у себя въ журналахъ" (Записки Державина, 456—457 с.), 2) Записки Державина, 457 с., 3) Ѳ. Дмитріевъ, 92 с. 4) Дѣла комитета 6 дек. 1826 г., Записка Дибича.

начальниковъ отдѣльныхъ и обширныхъ отраслей управленія [1]), распоряжавшихся въ немъ произвольно подъ покровомъ личной отвѣтственности предъ государемъ за свои дѣйствія. Противъ такого развитія произвола министровъ сильно вооружается графъ С. Р. Воронцовъ въ цитированной нами своей запискѣ: „мнѣ всегда были противны, говоритъ онъ, злоупотребленія власти и министерскій деспотизмъ, отъ котораго блекнетъ все въ цвѣтущей странѣ, который оподляетъ людей и бываетъ виновникомъ бѣдствій какъ для подданныхъ, такъ и для самого государя“ [2]). Державинъ приводитъ фактъ самовольныхъ распоряженій министровъ въ управленіи. „Министры, говоритъ онъ, безъ всякаго уваженія какого-либо государственнаго члена или совѣта и остереженій прокуроровъ подавали сами отъ себя доклады государю о милліонахъ, который ихъ и конфирмовалъ, и уже сего исправить не можно было, а потому и зачали министры тащить казну всякій по своему желанію“ [3]). Министры старались избѣгать даже и того подобія взаимнаго контроля за ихъ дѣятельностью, который устанавливался при обязательномъ для каждаго министра предложеніи своего доклада на предварительное разсмотрѣніе прочимъ товарищамъ,—комитета министровъ. Графъ Завадовскій пишетъ С. Р. Воронцову (1803 г.): „комитетъ министерскій, чѣмъ далѣе, меньше воды имѣетъ на свою мельницу. По установленію должны бы всѣ дѣла чрезъ оный проходить, но министръ безпосредственно государю дѣлаетъ доклады, о чемъ комитетъ и не вѣдаетъ Едино еще не измѣняется, что самъ государь всякій разъ присутствуетъ въ ономъ, хотя дѣла и не всегда важны“ [4]). „Комитетъ, составленный един-

1) Что мысль объ отвѣтственности министровъ не была имъ совсѣмъ чужда, на это указываетъ, хранящійся въ дѣлахъ Архива Госуд. Совѣта, указъ о пенсіи одному почтовому чиновнику, контрасигнированный графомъ А. Р. Воронцовымъ, 2) С. Р. Воронцовъ: „О внутреннемъ управленіи Россіи“, ibid., 3) Записки Державина, 457—458 с., 4) Архивъ кн. Воронцова, XII, 272 с.

ственно изъ министровъ, собирался, говоритъ Трощинскій, весьма рѣдко"[1]). „Министры, пишетъ графъ С. Р. Воронцовъ князю Чарторыйскому (въ апр. 1803 г.), не вносятъ дѣла въ комитетъ (и совѣтъ), предпочитая разсуждать о нихъ наединѣ съ государемъ, отъ котораго они и получаютъ согласіе на предлагаемыя ими мѣры". Отсюда происходитъ недостатокъ „гармоніи въ актахъ управленія, потому что нѣтъ ни одной отрасли управленія, которая не отличалась бы сложностью и не имѣла бы никакого отношенія къ другимъ. Дѣла въ комитетѣ, добавляетъ Воронцовъ, предлагаются только для проформы, такъ какъ они заранѣе рѣшены въ присутствіи императора"[2]). Но даже и такія рѣдкія и формальныя засѣданія комитета министровъ способствовали все тому же расширенію власти министровъ. Комитетъ министровъ съ самого своего возникновенія и до преобразованія государственнаго совѣта въ 1810 г. и изданія особаго „Учрежденія комитета министровъ" (1802—1812 г.) оставался съ неопредѣленнымъ характеромъ своей организаціи и обширными правами въ управленіи. Мы видѣли, что при образованіи министерствъ предполагалось разсматривать въ комитетѣ только текущія дѣла; здѣсь же должны были обсуждаться всѣ новыя правительственныя мѣры[3]). „Комитетъ министровъ долженъ былъ, по мысли членовъ неоффиціальнаго комитета и самого государя, явиться, замѣчаетъ Куломзинъ, такимъ учрежденіемъ, въ которомъ всѣ новыя распоряженія или предположенія отдѣльныхъ министровъ, предварительно представленныя на Высочайшее утвержденіе, подвергались бы совокупному со стороны всѣхъ министровъ обсужденію для достиженія полнаго по отношенію къ нимъ соглашенія всѣхъ вѣдомствъ, и который вмѣстѣ съ тѣмъ

---

1) Трощинскій: Записка о министерствахъ, Сб. Рус. Ист. Общ., III, 42 с., 2) Архивъ князя Воронцова, XV, 158—160 с., 3) Протоколы засѣданій неоф. комитета, 81 и 86 с.

служилъ бы какъ бы гарантіей противъ возможности нарушенія отдѣльными министрами путемъ единоличныхъ докладовъ необходимаго единства". Комитетъ министровъ, слѣдовательно, долженъ былъ служить центромъ всего государственнаго управленія, объединявшимъ разнообразныя его отрасли [1]). Согласно предположеніямъ членовъ неоффиціальнаго комитета, одобреннымъ государемъ, въ учрежденіе министерствъ была включена слѣдующая статья (15): „въ комитетѣ министровъ, составленномъ единственно изъ министровъ, трактуются дѣла обыкновенныя". „Отсюда видно, замѣчаетъ Градовскій, что законодатель желалъ сдѣлать изъ комитета министровъ нѣкоторое подобіе тѣснѣйшаго собранія государственнаго совѣта; министры, какъ ближайшіе совѣтники короны, обсуждали бы въ немъ всѣ дѣла, нетребующія по особой важности своей полнаго собранія совѣта" [2]). На самомъ дѣлѣ, однако, въ комитетѣ министровъ „трактовались" не одни только „обыкновенныя дѣла". Это обстоятельство было, вѣроятно, причиною того факта, что нѣкоторые современники Александра I придавали комитету министровъ болѣе важное значеніе, нежели какое онъ имѣлъ по учрежденію министерствъ. „Сей комитетъ по первоначальному своему образованію учрежденъ былъ, замѣчаетъ сенаторъ Барановъ, для совѣщанія и личныхъ сношеній министровъ въ предметахъ важныхъ, которые по части правительственной выходили изъ круга обыкновенныхъ дѣйствій. Но единожды отступивъ отъ сего правила и не имѣя образованной канцеляріи, верховное сіе правительство подверглось неминуемымъ замѣшательствамъ. Отъ сего видѣли мы безпрестанную колеблемость въ мѣрахъ государственныхъ, и

1) Куломзинъ: „Журналы комитета министровъ". Царствованіе императора Александра I (1802—1826). Томъ первый (1802—1810), Спб., 1888, 9 стр.,
2) Градовскій: „Русское государ. право", II, 102 с.

единство управленія терялось"[1]). Но графъ Сперанскій не признаетъ за комитетомъ значенія „ни особаго мѣста, ни установленія: сей комитетъ былъ только образомъ совокупнаго доклада министровъ въ присутствіи государя"[2]). Въ какихъ случаяхъ должны были происходить эти „совокупные доклады" министровъ государю, объ этомъ въ учрежденіи министерствъ не было сказано. Дѣла въ комитетѣ министровъ „докладывались, по словамъ Державина, безъ всякихъ справокъ и соображеній, о которыхъ въ присутствіи императора заводить споры безъ точнаго освѣдомленія было неловко, да и непристойно"[3]). Карамзинъ сравнивалъ комитетъ министровъ съ „совѣтомъ шести или семи разноземцевъ, изъ коихъ всякій говоритъ особеннымъ языкомъ, не понимая другихъ. Каждый изъ министровъ, имѣя нужду въ сговорчивости товарищей для своихъ особенныхъ выгодъ, самъ дѣлается сговорчивымъ"[4]). На эту послѣднюю черту въ дѣятельности комитета министровъ разсматриваемаго періода указываетъ и авторъ „Записки о слѣдствіяхъ учрежденія министерствъ и государственнаго совѣта". „Въ министерскихъ комитетахъ, говорится въ этой запискѣ, каждый изъ видовъ собственныхъ берегъ дѣла другаго. Поэтому общее министерство не имѣло равновѣсія съ сенатомъ"[5]). Изъ того, что комитетъ министровъ былъ „образомъ совокупнаго доклада въ присутствіи государя" слѣдовало, что въ его отсутствіе министры могли и не предлагать своихъ дѣлъ на обсужденіе комитета. Такъ происходило при обыкновенномъ теченіи дѣлъ въ государственномъ управленіи. Въ экстренныхъ случаяхъ комитетъ министровъ становится во главѣ

---

1) Дѣла Комитета 6 дек. 1826 г., № 20, Барановъ: „Проэктъ системы гражданскаго управленія" (напечатанъ безъ обозначенія имени автора въ „Архивѣ ист. и практ. свѣдѣній Россіи" Калачева, Ш ,50—59 с.), 2) Сперанскій: „О государств. установленіяхъ", 42 с., 3) Записка Карамзина, 2286 с., 4) Записки Державина, 458 с. и сл., 4) Дѣла комитета 6 дек. 1826 г., № 72.

всего управленія, получаетъ особыя полномочія отъ государя. Такъ именно было въ 1805 и 1808 г.г., когда Александръ Павловичъ уѣзжалъ за границу. Правила 1805 г. опредѣляли составъ и компетентность комитета министровъ, который долженъ былъ состоять изъ министровъ и ихъ товарищей (15 ст.). Въ отсутствіе государя предсѣдательствуетъ поочередно въ теченіе четырехъ дней каждый изъ его членовъ, начиная со старшаго. Комитетъ министровъ разсматриваетъ дѣла, по которымъ каждый изъ нихъ обязанъ подносить доклады Е. В., текущія дѣла, поручаемыя государемъ комитету, и тѣ, которыя министръ сочтетъ за нужное представить въ комитетъ для разрѣшенія собственныхъ своихъ сомнѣній (5 ст.). Осьмая же статья правилъ уполномочивала комитетъ министровъ разрѣшать собственною властью и тѣ дѣла, которыя „зависятъ единственно отъ Высочайшаго разрѣшенія". Правила 1805 г. опредѣляютъ порядокъ доклада и слушанія дѣлъ въ комитетѣ министровъ и представленія ихъ на Высочайшее усмотрѣніе[1]) Въ 1808 г. полномочія комитета министровъ были расширены еще болѣе. Онъ былъ составленъ теперь только изъ одних министровъ (3 ст.). Кромѣ обыкновенныхъ своихъ дѣлъ, комитетъ министровъ долженъ былъ заботиться о „сохраненіи всеобщаго спокойствія и тишины гражданской и обезпеченіи народнаго продовольствія", что входило и въ компетентность сената. Послѣдній подчинялся комитету, въ который министерство внутреннихъ дѣлъ и остальныя вѣдомства должны были представлять всѣ свѣдѣнія, относящіяся до благосостоянія и безопасности государства. Въ комитетъ же министровъ обязанъ былъ обращаться каждый изъ нихъ по всѣмъ текущимъ дѣламъ, требующимъ Высочайшаго разрѣшенія (9 ст.). Въ силу же 23 ст. комитетъ министровъ „по зрѣломъ разсуж-

1) П. С. З., XXVIII, № 21,896, см. Куломзинъ: „Журналы комитета министровъ", 15—16 с.

деніи и уваженіи дѣлъ и подъ собственной отвѣтственностью всѣхъ его членовъ могъ давать разрѣшенія и уполномочивать министровъ къ исполненію дѣлъ, нетерпящихъ ни малѣйшаго отлагательства и требующихъ въ обыкновенномъ порядкѣ Высочайшаго разрѣшенія" [1]). Правила 1808 г. были подтверждены государемъ по возвращеніи его изъ за границы въ томъ же году дополнительными правилами. Отмѣнены были лишь тѣ ихъ статьи, которыя сдѣлались ненужными съ присутствіемъ государя (16—19 ст.) [2]). Такъ комитетъ министровъ сдѣлался высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ и при обыкновенномъ теченіи въ немъ дѣлъ правленія. „Такъ какъ правила 1808 г. не заключали въ себѣ точнаго опредѣленія предметовъ и предѣловъ вѣдомства комитета министровъ, то въ концѣ первой эпохи преобразованій Александра I въ комитетъ вносились, по словамъ Куломзина, безъ всякаго разбора на ряду съ наиболѣе важными вопросами законодательнаго свойства, а также вопросами, относящимися до высшей административной, финансовой и даже внѣшней политики, и самыя мелкія дѣла управленія" [3]). Слѣдовательно, комитетъ министровъ за это время оттѣснилъ на второй планъ государственный совѣтъ и сенатъ, сталъ фактически высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, состоявшимъ изъ министровъ и обладавшимъ всѣми функціями государственнаго управленія.

Таковъ былъ окончательный результатъ административныхъ реформъ перваго періода преобразовательной дѣятельности Александра I. Она началась признаніемъ за государственнымъ совѣтомъ законодательныхъ правъ; затѣмъ послѣдовали: порученіе сенату судебной функціи и правильная ор-

---

1—2) П. С. З., XXX, №№ 23,262 и 23,352. 3) Куломзинъ: „Журналы комитета министровъ", 19 с. „Комитетъ министровъ въ началѣ своего существованія совмѣщалъ въ себѣ, замѣчаетъ Куломзинъ, значеніе и законодательнаго учрежденія, и совѣта министровъ, и коммиссіи прошеній, и высшей инстанціи административной, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и судебной власти" (55 с. и слѣд.).

ганизація внутренняго управленія, раздѣленнаго на отдѣльныя отрасли, какъ самостоятельныя вѣдомства, которыми завѣдовали отдѣльныя лица [1]). Различныя части управленія были сгруппированы болѣе прежняго, однородныя административныя дѣла перешли въ руки министровъ, стоявшихъ во главѣ особыхъ, обширныхъ вѣтвей управленія [2]). Но благодаря неопредѣленности въ обозначеніи круга вѣдомства каждаго министра, отсутствія дѣйствительной отвѣтственности министровъ и другихъ недостатковъ въ учрежденіи министерствъ и сената въ 1802 г. также, какъ и въ образованіи государственнаго совѣта, въ государственномъ управленіи выдвинулось на первый планъ и достигло необыкновеннаго развитія личное его начало, постепенно развивавшееся въ русскомъ высшемъ управленіи. Воплотившись въ вновь образованныхъ министерствахъ и комитетѣ министровъ, личное начало взяло верхъ надъ коллегіальнымъ точно также, какъ ранѣе (при Петрѣ I) послѣднее получило преобладаніе надъ первымъ. Съ перевѣсомъ бюрократическаго принципа въ управленіи должно было ослабнуть значеніе обоихъ высшихъ учрежденій, организованныхъ на коллегіальномъ началѣ,—государственнаго совѣта и сената: оба они лишились важнѣйшихъ изъ своихъ функцій—первый правъ законодательныхъ, второй—права высшаго контроля надъ ходомъ администраціи и непосредственнаго въ ней участія. Изъ дѣлъ управленія имъ обоимъ остались, подходящія къ ихъ коллегіальной организаціи, одни судебныя дѣла, какъ отличныя по своему характеру отъ остальныхъ дѣлъ внутренняго управленія. Возстановить нарушенное равновѣсіе между высшими учрежденіями въ русскомъ управленіи и распредѣлить болѣе точнымъ и правильнымъ образомъ функціи управленія между государственнымъ совѣтомъ, сенатомъ и министерствами

---

1) Градовскій: „Высшая администрація въ XVIII в.“, 275—276 стр., 2) Ѳ. Дмитріевъ, 89—90 стр.

было главной задачею преобразовательной дѣятельности Александра Павловича во второй періодъ его реформъ, совершенныхъ имъ при помощи знаменитаго дѣятеля въ исторіи образованія русскаго государственнаго управленія, графа М. М. Сперанскаго.

ГЛАВА IV-я.

Труды графа Сперанскаго по преобразованію высшаго русскаго управленія въ первую эпоху ре ормъ Александра I. Вліяніе на Александра Павловича и Сперанскаго Наполеона I. „Проэктъ уложенія государственныхъ законовъ" Сперанскаго. Его-же записка: „О необходимости учрежденія государственнаго совѣта". Образованіе совѣта и его отношеніе къ министерствамъ, комитету министровъ и сенату.

Административныя реформы второй эпохи въ преобразовательной дѣятельности Александра Павловича находятся въ тѣсной связи съ его реформами въ первую половину его царствованія: въ реорганизаціи всѣхъ высшихъ русскихъ государственныхъ учрежденій въ 1810 г. отразились основныя политическія воззрѣнія самого государя и новаго энергичнаго и геніальнаго его сотрудника, графа Сперанскаго. Послѣдній сдѣлался извѣстнымъ Александру въ первое же время его царствованія; государь постепенно приблизилъ его къ своей особѣ, замѣнилъ имъ первыхъ своихъ помощниковъ въ преобразованіяхъ—членовъ неоффиціальнаго комитета. Есть основаніе думать, что Сперанскій принималъ нѣкоторое участіе и въ преобразованіи сената въ 1802 г.[1]).

---

1) Въ Архивѣ Государ. Совѣта хранится проэктъ устройства сената, написанный рукою Сперанскаго и относящійся, по нѣкоторымъ признакамъ, къ преобразованію сената въ 1802 г. (Дѣла комитета предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта, 2-я папка, 6-я тетрадь, по Архиву № 9); мы коснемся того проэкта во 2-мъ томѣ нашего изслѣдованія.

Извѣстно, что Сперанскому принадлежитъ редакція доклада графа Кочубея о преобразованіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Самъ Сперанскій упоминаетъ въ своемъ „Пермскомъ письмѣ" къ государю о „порученіи ему чрезъ графа Кочубея составить планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Россіи". Сперанскій, „мысли и сердце котораго, по его словамъ, всегда слѣдовали" за преобразованіями первыхъ годовъ александровскаго царствованія, исполнилъ это порученіе государя „съ усердіемъ" [1]). Можно думать, что основныя мысли этого плана вошли въ проэктъ учрежденія губернскихъ мѣстъ, написанный Сперанскимъ въ 1803—1804 г.г. [2]). Изъ названнаго проэкта видно, что уже въ это время Сперанскій имѣлъ опредѣленныя понятія о необходимыхъ реформахъ во всемъ русскомъ управленіи; многіе изъ политическихъ взглядовъ Сперанскаго, высказанныхъ въ упомянутомъ проэктѣ, получили впослѣдствіи болѣе точную, ясную и законченную форму у Сперанскаго въ его планѣ преобразованія всѣхъ правительственныхъ учрежденій. Добрая половина названнаго проэкта Сперанскаго (1803—1804 г.) посвящена сначала указанію существенныхъ недостатковъ въ организаціи государственнаго совѣта, сената и комитета министровъ, а потомъ изложенію основаній, на которыхъ должны быть преобразованы всѣ эти учрежденія. Сперанскій отмѣчаетъ отсутствіе въ ихъ устройствѣ опредѣленій о степени власти въ управленіи каждаго изъ нихъ, точнаго установленія компетентности и взаимныхъ отношеній другъ къ другу. „Всѣ они, замѣчаетъ Сперанскій, не имѣютъ собственной политической силы, а зависятъ въ бытіи и въ дѣйствіи отъ единой воли и мановенія силы самодержавной.

1) Богдановичъ, назв. соч., V т., приложеніе, 49 с. (письмо Сперанскаго къ Александру I изъ Перми), 2) Этотъ проэктъ, написанный рукою Сперанскаго, хранится въ Имп. Публ. Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, въ отдѣленіи рукописей, въ архивѣ Рѣпинскаго подъ рубрикой: „Работа Сперанскаго 1803—1804 г.".

Верховное начало въ Россіи—государь самодержавный, соединяющій въ особѣ своей власть законодательную и исполнительную и располагающій неограниченно силами государства. А потому мѣста для каждой изъ нихъ устанавливаемыя въ разумѣ настоящей государственной конституціи не сами собою, но силой самодержавной существовать могутъ. *Они въ существѣ своемъ суть два отдѣленія государева кабинета;* но во мнѣніи народномъ представляютъ мѣста внѣшнія и умѣряютъ собою самодержавіе". Замѣтивши, что „усовершеніе мѣстнаго управленія не можетъ быть сдѣлано безъ усовершенія общаго государственнаго", Сперанскій устанавливаетъ два главныхъ рода государственныхъ установленій: законодательныя и исполнительныя. „Все то, что принадлежитъ до постановленія, усовершенія и охраненія государственнаго закона и уложенія, будетъ входить въ *первое сословіе*, которое можно назвать *сенатомъ законодательнымъ*. Все то, что принадлежитъ до постановленій временныхъ, временныхъ учрежденій и исполненія законовъ, будетъ входить во *второе сословіе*, которое можно назвать *сенатомъ исполнительнымъ*. Послѣдній раздѣляется на двѣ части: сенатъ судный и управляющій". Сперанскій предпочитаетъ названіе сената министерствомъ въ виду того, что онъ долженъ принимать участіе въ нѣкоторыхъ общихъ дѣлахъ управленія (обнародованіи законовъ, производствѣ въ чины и др.) и—„необходимаго уваженія въ народѣ". Законодательный сенатъ составляется изъ членовъ, избираемыхъ государемъ. „Министры присутствуютъ въ сенатѣ законодательномъ съ голосомъ разсужденія (voix deliberation), но журналовъ не подписываютъ и мнѣній по онымъ не даютъ. Отсутствіе министра замѣняется его товарищемъ; отсутствіе обоихъ не останавливаетъ собранія. Сенаторъ законодательнаго отдѣленія не можетъ быть министромъ, не сложа съ себя сего званія, и напротивъ сенаторъ законодательнаго от-

дѣленія можетъ вмѣстѣ быть сенаторомъ суднаго". Сперанскій устанавливаетъ особую форму совмѣстныхъ засѣданій законодательнаго сената съ обоими изъ отдѣленій исполнительнаго. Именно „въ дѣлахъ верховной важности, относящихся до суда, законодательный сенатъ соединяется съ сенатомъ суднымъ и составляетъ въ семъ видѣ *судъ верховный*, могущій не только рѣшить дѣло по существующимъ законамъ, но въ недостаткѣ оныхъ или очевидномъ несходствѣ *постановить законъ новый*, не взирая на то, что постановленіе сіе учреждается по частному случаю. Въ дѣлахъ таковой же важности, относящихся до прочихъ частей управленія, сенатъ законодательный соединяется съ сенатомъ управляющимъ и составляетъ въ семъ видѣ *верховное правительство*, могущее не только рѣшить предстоящій вопросъ окончательно, но и *постановить законъ*. Въ семъ соединеніи министры имѣютъ уже голосъ рѣшительный подобно прочимъ членамъ сената законодательнаго". Канцелярія послѣдняго сената состоитъ изъ трехъ письмоводителей съ нѣсколькимя писцами Во главѣ ея стоитъ одинъ изъ сенаторовъ, который представляетъ журналы государю. Компетентность законодательнаго сената, который долженъ собираться два раза въ недѣлю, опредѣляется Сперанскимъ слѣдующимъ образомъ. „Упражненія его суть: I) постановленія закона, гражданскаго и уголовнаго, II) усовершеніе закона, гражданскаго и уголовнаго, III) охраненіе закона въ исполненіи". Въ первомъ отношеніи сенатъ законодательный разрѣшаетъ на основаніи государственныхъ законовъ дѣла сената суднаго, неопредѣленныя закономъ, и представляетъ свои рѣшенія на утвержденіе государя. „Усовершеніе законовъ" составляетъ предметъ занятій коммиссіи о составѣ уложенія, которая управляется однимъ изъ сенаторовъ. Эта коммиссія, гдѣ работаютъ четыре юрисконсульта, занимаются только приведеніемъ въ порядокъ существующихъ законовъ. Къ „усовершенію же законовъ"

относятся „тѣ случаи, когда въ сенатѣ судномъ встрѣтится дѣло, которому изданные законы или противорѣчащи или общей пользѣ противны“. Наконецъ, что касается „охраненія закона въ исполненіи его“, какъ функціи законодательнаго сената, то „сюда принадлежатъ: 1) жалобы на министровъ, по Высочайшимъ повелѣніямъ вносимыя, 2) ревизія всѣхъ новыхъ актовъ сената исполнительнаго по отношенію ихъ не къ внутренней добротѣ ихъ, но къ коренным государственнымъ законамъ“. Сперанскій, далѣе, указываетъ порядокъ дѣлъ, „коимъ они входятъ, производятся и кончатся въ сенатѣ законодательномъ“. Дѣла входятъ: I) отъ сената суднаго и II) и—управляющаго. Въ первомъ случаѣ—„1) по недостатку закона, 2) по негодности его; отъ коммиссіи—по мѣрѣ приведенія законовъ въ порядокъ. Отъ сената управляющаго вносятся всѣ мѣры, вновь имъ принимаемыя или съ отмѣной прежнихъ уставовъ соединенныя, отъ государя—жалобы, прямо на министровъ приносимыя, отъ министровъ—ихъ отчеты. Дѣла въ законодательномъ сенатѣ производятся журнальною запискою, въ которой обозначается кратко содержаніе дѣла и мнѣніе сената: *законодательный сенатъ* не есть корпусъ внѣшній политическій, но *отдѣленіе государева кабинета,* въ коемъ всегда онъ почитается присутствующимъ. Въ предварительномъ разсмотрѣніи актовъ сената исполнительнаго сенатъ законодательный наблюдаетъ только, не противны ли они законамъ существующимъ и какимъ именно, не занимаясь пользой ихъ или вредомъ, понеже разсужденіе сіе почитается уже оконченнымъ въ сенатѣ исполнительномъ. Дѣла въ законодательномъ сенатѣ оканчиваются представленіемъ государю журнальной записки. Никакого видимаго акта этотъ сенатъ представить не можетъ. Объ окончаніи дѣлъ и о выходящихъ указахъ узнаетъ онъ изъ сообщеній сената исполнительнаго, который одинъ получаетъ на имя свое указы и приводитъ ихъ въ дѣйствіе“.

Сперанскій снабдилъ своей проэктъ образованія законодательнаго и исполнительнаго сената [1]) примѣчаніями, въ которыхъ говорится, что ихъ учрежденіе „основано *на недѣлимости власти самодержавной*. Ни сенатъ законодательный, ни сенатъ исполнительный не могутъ сдѣлать движенія безъ воли государя, въ существѣ своемъ они суть непосредственныя только его орудія и собственной силы не имѣютъ. Между тѣмъ наружною важностью своею и составомъ они утверждаютъ народное мнѣніе, возводятъ его ближе къ идеямъ монархическимъ и ставятъ Россію на одной чредѣ съ прочими государствами европейскими, не отнимая ничего отъ силы ей необходимаго самодержавія“. По мнѣнію Сперанскаго, въ проэктированныхъ ими установленіяхъ „государь благонамѣренный не найдетъ никакихъ препятствій къ совершенію своихъ предположеній. Но самодержецъ, который бы захотѣлъ употребить во зло неограниченную его волю, встрѣтилъ бы твердую преграду своимъ насиліямъ, ежели не въ самыхъ сихъ установленіяхъ, то во мнѣніи, въ увѣренности, привычкахъ народныхъ особливо, когда привычки сіи долголѣтнимъ продолженіемъ добраго царства въ сердцахъ укрѣпятся. Сіе укрѣпленіе, прибавляетъ Сперанскій, всегда было надежнѣйшимъ оплотомъ политической свободы и можетъ быть лучшей гарантіей закона“. Сперанскій указываетъ на ту черту проэктируемаго имъ „образа правленія“, что онъ „столько сближенъ съ монархическимъ, сколько конституція Россіи можетъ сіе позволить, не вводя великихъ перемѣнъ“. Но главная „польза“ этихъ учрежденій, продолжаетъ Сперанскій, „состоитъ въ удобности, какую сей образъ правленія имѣетъ, чтобы со временемъ превратиться въ совершенную монархическую систему. Въ са-

1) „Для различія и большаго въ народѣ впечатлѣнія каждое отдѣленіе сената должно имѣть, говоритъ Сперанскій, свойственное ему одѣяніе“.

момъ дѣлѣ, пріучая народъ взирать на законодательную власть въ нѣкоторомъ наружномъ отдѣленіи, онъ воспитываетъ, такъ сказать, духъ его къ другому порядку вещей. Когда приспѣетъ время, то есть, когда развитіемъ просвѣщенія и сопряженіемъ многихъ обстоятельствъ, отъ времени зависящихъ, созрѣетъ возможность лучшаго управленія, тогда безъ всякой почти перемѣны и въ тѣже, такъ сказать, рамы вмѣстится другое устройство, не на видимомъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основанное. Тогда надобно только будетъ сенатъ законодательный составить по другой лучшей системѣ, переименовавъ сенатъ судный высшимъ судомъ и основавъ его подобно прочимъ частямъ управленія на единствѣ, ввести съ нимъ въ параллельное положеніе; тогда все превратится въ истинную монархическую систему". „Но если бы, замѣчаетъ Сперанскій, сія организація и ничего другаго не представила, кромѣ раздѣленія сего неустройства, какое теперь существуетъ въ сенатѣ и въ отношеніяхъ его къ прочимъ частямъ правительства, то подъ симъ единственнымъ видомъ необходимо бы принять его было должно". Результатомъ предлагаемой Сперанскимъ реформы въ управленіи явится, по его словамъ, то, что „первымъ и скорымъ дѣйствіемъ законодательнаго сената быть можетъ и должно изданіе законовъ не новыхъ и не совершенныхъ, но прежнихъ, въ порядокъ и ясность приведенныхъ. Одна сія операція сдѣлаетъ въ Россіи добра и произведетъ въ народѣ ощущеніе болѣе, нежели многія другія". Для приведенія своего плана въ исполненіе Сперанскій совѣтуетъ предпринять цѣлый рядъ подготовительныхъ мѣръ и затѣмъ *открыть всѣ новыя учрежденія въ одно время*. „дабы вступая всѣ вмѣстѣ въ новый порядокъ вещей, представляли они стройное цѣлое, коего всѣ части покорены одному закону".

Въ этомъ проэктѣ Сперанскаго о преобразованіи выс-

шихъ государственныхъ учрежденій видно намѣреніе автора сохранить при реформахъ принципъ самодержавія и уже существующее устройство высшаго управленія въ Россіи. Въ тоже время онъ желаетъ удовлетворить постоянному стремленію Александра Павловича ввести законность въ управленіе и приблизить русское государство къ истиннымъ монархическимъ формамъ, аналогичнымъ съ западно-европейскимъ политическимъ устройствомъ. Сперанскій надѣется на достиженіе этой послѣдней цѣли только при условіи развитія въ народѣ общественнаго мнѣнія, какъ гарантіи закона болѣе прочной, нежели политическія учрежденія. Примѣняясь къ жившимъ въ сознаніи русскаго общества представленіямъ объ исконномъ высшемъ, правительственномъ значеніи сената, Сперанскій оставляетъ это названіе и за законодательнымъ учрежденіемъ. „Законодательный сенатъ" пользуется въ его проэктѣ всѣми правами государственнаго совѣта, обладаетъ правомъ „постановлять, усовершать государственный законъ"[1]) и „охранять законъ въ исполненіи". Но въ тоже время „законодательный сенатъ" является у Сперанскаго и высшимъ контролирующимъ, административнымъ и даже судебнымъ учрежденіемъ въ имперіи. Сперанскій старается опредѣлить его составъ и компетентность, хотя права законодательнаго сената въ постановленіи и усовершеніи закона и довольно сбивчивы, неточны и неполны. Министры имѣютъ рѣшительный голосъ въ совѣтѣ Сперанскаго только въ исключительныхъ случаяхъ (при соединеніи законодательнаго сената съ управляющимъ): такимъ путемъ онъ думалъ ограничить власть министровъ въ управ-

---

1) Подъ „государственнымъ закономъ" Сперанскій разумѣетъ „законъ, опредѣляющій первоначальныя права и отношенія всѣхъ государственныхъ классовъ между собою" (конституцію). Терминъ „уложеніе" въ его проэктѣ „означаетъ законъ гражданскій и уголовный (code civil et criminel), управленіе—administration, правленіе—правительство, (gouvernement) устройство—составъ (organisation)".

ленiи. Сперанскiй, однако, хочетъ обезпечить независимость административной власти, которую онъ отдѣляетъ отъ законодательной подъ названiемъ исполнительной. Но изъ сферы послѣдней выдѣляется, въ свою очередь, судебная власть, которая поручается судному сенату, какъ администрацiя—сенату управляющему. Такъ рѣшительно вносится Сперанскимъ въ устройство высшаго управленiя идея раздѣленiя властей. Но этотъ принципъ нарушается предлагаемымъ имъ соединенiемъ законодательнаго сената съ суднымъ и управляющимъ „въ дѣлахъ верховной важности“. „Сенатъ управляющiй“ надѣляется Сперанскимъ правомъ самостоятельнаго управленiя и исполненiя законовъ. Министры по проэкту отвѣтственны за свою дѣятельность предъ законодательнымъ сенатомъ, который разсматриваетъ ихъ отчеты и разбираетъ жалобы на незаконныя дѣйствiя министровъ, приносимыя государю. Въ этомъ введенiи въ организацiю высшаго русскаго управленiя принципа отвѣтственности, какъ и названiи сенатовъ, законодательнаго и исполнительнаго, „сословiями“ выражается знакомство Сперанскаго съ западно-европейскими учрежденiями и его солидарность съ основными политическими взглядами самого государя и членовъ неоффицiальнаго комитета. Сперанскiй не рѣшается признать оба сената „публичными установленiями“, а называетъ ихъ только „отдѣленiями государева кабинета“. Причину такой его нерѣшительности можно видѣть, съ одной стороны, въ начинавшемся во время составленiя Сперанскимъ своего проэкта паденiи законодательнаго значенiя непремѣннаго совѣта [1]). Съ другой же, самъ онъ смотрѣлъ на про-

---

1) Сперанскому, который былъ близокъ къ графу Кочубею, было, безъ сомнѣнiя, извѣстно все нерасположенiе къ непремѣнному совѣту членовъ комитета и онъ хорошо былъ знакомъ съ состоянiемъ высшаго управленiя послѣ преобразованiя сената и учрежденiя министерствъ, отодвинувшихъ на второй планъ непремѣнный совѣтъ.

эктируемыя имъ преобразованія, какъ только на временныя, переходныя: онъ давалъ только въ своемъ проэктѣ „рамы“, въ которыя, онъ надѣялся, со временемъ „вмѣстится другое устройство, не на видимомъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основанное“. Время это настало гораздо скорѣе, нежели ожидалъ самъ Сперанскій, которому самому пришлось создать новый и на этотъ разъ болѣе совершенный и обширный планъ всеобщаго преобразованія русскаго управленія и участвовать въ осуществленіи нѣкоторыхъ частей этого плана.

Появленію плана Сперанскаго и послѣдовавшимъ за нимъ новымъ реформамъ въ высшей русской администраціи предшествовало тѣсное сближеніе Сперанскаго съ Александромъ Павловичемъ, сдѣлавшееся замѣтнымъ особенно послѣ ихъ поѣздки въ Эрфуртъ для вторичнаго свиданія императора съ Наполеономъ I (въ 1808 г.)[1]. Личность послѣдняго должна была оказать сильное вліяніе на впечатлительную натуру Александра I. При всемъ своемъ безграничномъ честолюбіи Наполеонъ I былъ среди тогдашнихъ западно-европейскихъ монарховъ единственнымъ представителемъ идеи политическаго и соціальнаго обновленія жизни европейскихъ народовъ, геніальнымъ человѣкомъ, выступившимъ въ своей неутомимой дѣятельности въ ихъ средѣ во имя новыхъ принциповъ общественнаго устройства[2]), осуществленіе которыхъ составляло завѣтную цѣль всей дѣятельности и самого Алек-

---

1) Первое свиданіе Александра съ Наполеономъ произошло, какъ извѣстно, въ Тильзитѣ (1807 г.). 2) Л. ф.-Штейнъ замѣчаетъ, что Наполеонъ I былъ истиннымъ краеугольнымъ камнемъ новаго общества и что въ конституціяхъ, введенныхъ Наполеономъ I въ покоренныхъ имъ западно-европейскихъ государствахъ, „выразилась идея новаго европейскаго политическаго порядка“ надъ старымъ, феодальнымъ. Онѣ были „первымъ выраженіемъ глубокаго соціальнаго преобразованія, начавшагося въ исторіи міра съ XIX столѣтія“ (L. v. Stein: „Geschichte d. socialen Bewegung in Frankreich“, Leipzig, 1850, I, 245 и 274—275 s.).

сандра I съ первыхъ же дней его царствованія. Неудивительно поэтому, что какъ самъ Наполеонъ, такъ и французскія правительственныя учрежденія, имъ созданныя, произвели большое впечатлѣніе на Александра и его спутника Сперанскаго [1]). „Не случайно поэтому было, какъ замѣчаетъ Пыпинъ, то обстоятельство, что съ этого времени начинается новый порывъ императора Александра къ реформамъ въ русской жизни, къ которымъ, повидимому, онъ нѣсколько охладѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ распался комитетъ, работавшій такъ малоуспѣшно" [2]). Но не отвергая извѣстнаго вліянія на Александра и Сперанскаго политическихъ взглядовъ Наполеона и французскихъ учрежденій, мы вмѣстѣ съ Пыпинымъ настаиваемъ на той мысли, что не въ этихъ взглядахъ и учрежденіяхъ нужно искать „единственный источникъ" всѣхъ послѣдующихъ административныхъ реформъ, совершенныхъ Александромъ I при энергическомъ содѣйствіи Сперанскаго. Мы уже видѣли, что политическія убѣжденія Александра Павловича сложились еще при его воспитаніи подъ руководствомъ Лагарпа и успѣли окрѣпнуть и даже до нѣкоторой степени осуществиться при первыхъ попыткахъ преобразованія высшаго русскаго управленія (совѣта, сената и министерствъ) Знакомый намъ проэктъ Сперанскаго „Объ учрежденіи губернскихъ мѣстъ" также доказываетъ, что и послѣдній былъ уже проникнутъ до свиданія съ Наполеономъ, жившею въ средѣ неоффиціальнаго комитета, мыслью о необходимости преобразованія всей рус-

---

1) Тьеръ приводитъ слѣдующія восторженныя слова Александра о Наполеонѣ I, высказанныя государемъ послѣ перваго съ нимъ свиданія: „какъ бы я желалъ, говорилъ Александръ, видѣться съ Наполеономъ, какъ въ Тильзитѣ, каждый день и каждый часъ. Какъ увлекательны его рѣчи и геніаленъ его духъ! Но мы такъ далеко другъ отъ друга. Впрочемъ, скоро я надѣюсь снова увидѣть Наполеона и тогда я могу удивляться ему въ средѣ государственнаго совѣта, его войскъ, повсюду, гдѣ онъ является такъ великимъ (Regnault: „Histoire du conseil d'Etat", 68 p.). 2) Пыпинъ, н. с., 125 с.

ской администраціи, уничтоженія въ ней произвола и водворенія принципа законности. Сперанскій даже сдѣлалъ, какъ мы видѣли, попытку воплотить эту идею въ извѣстныя формы, согласныя во многомъ съ политическими воззрѣніями государя и членовъ комитета. Какъ политическіе взгляды самого Александра, такъ и—Сперанскаго должны были сдѣлаться опредѣленнѣе и полнѣе послѣ ближайшаго знакомства съ Наполеономъ I и его учрежденіями [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась и твердая рѣшимость Александра осуществить въ полномъ видѣ свои политическіе планы, изъ которыхъ только немногое было приложено къ дѣлу въ первую эпоху преобразованій. Вліяніе личности Наполеона и французскихъ учрежденій не было, однако, исключительнымъ, не устранило совершенно при реформѣ русскаго высшаго управленія въ 1810 г. историческихъ его основъ. Изъ Франціи были заимствованы только внѣшнія формы, образцы учрежденій, которые были видоизмѣнены реформаторами сообразно съ исконнымъ принципомъ самодержавной власти русскаго государя и существующимъ уже устройствомъ высшаго русскаго управленія. Въ этомъ можно убѣдиться при обозрѣніи „Проэкта уложенія государственныхъ законовъ" Сперанскаго, въ которомъ содержался планъ всеобщаго государственнаго преобразованія „отъ кабинета государева до волостнаго правленія" [2]). Этотъ планъ былъ обработанъ Сперанскимъ послѣ безпрерывныхъ, продолжительныхъ занятій его съ государемъ въ теченіе 1808—1809 г.г. Онъ былъ составленъ, по словамъ Сперанскаго, послѣ „тѣснаго его знакомства съ образомъ мыслей государя, бумагами, прежде

---

1) „Разсказываютъ, говоритъ Корфъ, будто въ Эрфуртѣ на вопросъ императора Александра его статсъ-секретарю (Сперанскому): „какъ нравится тебѣ за границей? Онъ отвѣчалъ: „у насъ люди лучше, но здѣсь лучше установленія", и будто бы государь сказалъ: „это и моя мысль; мы еще поговоримъ о томъ, когда воротимся" (109 с.). 2) Корфъ, 110 с.

дошедшими до Александра, чтенія разныхъ сочиненій, къ сему относящихся, и стократныхъ разговоровъ и разсужденій“ ихъ другъ съ другомъ [1]). Въ томъ же своемъ письмѣ къ Александру, изъ котораго мы только что цитировали слова Сперанскаго, послѣдній называетъ себя „близкимъ исполнителемъ намѣреній“ императора при реформахъ 1810 1812 г.г. „Во всѣхъ представленіяхъ моихъ, замѣчаетъ далѣе Сперанскій, я имѣлъ дѣло съ однимъ Вашимъ разумомъ и никогда не хотѣлъ обольщать Вашего сердца. Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были одни мои орудія; въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и успѣховъ. Никогда и ни въ чемъ важномъ не желалъ, да и не могъ я получить Вашего согласія иначе, какъ посредствомъ самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. Для сего сочиняемы были мною не докладныя записки, но, можно сказать, цѣлыя книги“ [2]). Поэтому-то планъ Сперанскаго, „въ существѣ своемъ не содержалъ ничего новаго: въ немъ дано было лишь систематическое расположеніе идеямъ, занимавшимъ государя съ 1801 г.“ [3]). Сперанскій такъ характеризуетъ содержаніе своего плана, который представляетъ собою, по справедливому замѣчанію профессора Сергѣевича, „памятникъ государственной мудрости императора Александра I, великодушнаго довѣрія и любви его къ подданнымъ“ [4]). „Весь разумъ сего плана, говоритъ Сперанскій, состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы“ [5]). Мы изложимъ здѣсь главныя основанія плана Сперанскаго, при чемъ остановимся болѣе подробно на послѣдней его части, гдѣ находится про-

---

1, 2, 3 и 5) Письмо Сперанскаго къ императору Александру I изъ Перми въ 1813 г., Богдановичъ, V, прилож., 49 и 56 с., 4) Сергѣевичъ: „Право и государство въ исторіи“, Сб. гос. знаній, VII, 95 с.

эктъ реорганизаціи государственнаго совѣта, перешедшій почти цѣликомъ въ „Образованіе“ его въ 1810 году [1]).

„Проэктъ уложенія государственныхъ законовъ“ Сперанскаго начинается введеніемъ, гдѣ излагаются основные политическіе взгляды автора и доказывается необходимость преобразованій въ русскомъ государственномъ управленіи сообразно съ этими его воззрѣніями. Сперанскій различаетъ между государственными и гражданскими законами и двумя родами первыхъ: коренными и неподвижными „состоящими въ началахъ неподвижныхъ и неизмѣняемыхъ, съ коими всѣ другіе законы должны быть соображаемы“ и преходящими, „коими опредѣляется отношеніе одного или многихъ лицъ къ государству въ одномъ какомъ-либо случаѣ“. Разсматривая свойства коренныхъ государственныхъ законовъ, которые „должны быть во всякомъ благоустроенномъ государствѣ“, Сперанскій замѣчаетъ, что „три силы дви-

---

1) При своемъ изложеніи плана Сперанскаго мы пользуемся редакціей „Проэкта“, который хранится въ отдѣленіи рукописей И. П. Библіотеки (въ Архивѣ Рѣпинскаго подъ рубрикой „Работы Сперанскаго 1809 г.“) и отрывками изъ плана Сперанскаго, помѣщенными въ сочиненіи Тургенева („La Russie et les russes“ Ш, notes, 292—397 p.) и воспроизведенными въ трудѣ Пыпина („Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, 150—172 с.). Сличеніе плана, написаннаго рукой самого Сперанскаго, съ отрывками изъ него у Тургенева, показываетъ, что послѣдній имѣлъ подъ руками другую редакцію плана, отличную отъ находящейся въ И. П. Библіотекѣ. Такъ у Тургенева нѣтъ перваго отдѣла введенія къ плану, гдѣ содержатся основныя политическія понятія Сперанскаго; да и во второй части введенія есть также большіе пропуски. Въ самомъ планѣ Тургеневъ совсѣмъ выпускаетъ детали въ организаціи государственнаго совѣта и новой организаціи министерствъ. За то у него мы находимъ разсужденія Сперанскаго о внѣшней и внутренней формѣ правленія вообще и въ особенности русскаго и состояніи русскаго общества во вторую эпоху реформъ Александра I, чего нѣтъ въ рукописномъ планѣ изъ архива Рѣпинскаго. Нѣкоторые отрывки изъ послѣдняго были напечатаны проф. В. И. Сергѣевичемъ въ цитированной выше его статьѣ. „Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ“ находится еще отдѣльно въ дѣлахъ комитета 6 дек. 1826 г., а весь проэктъ Сперанскаго, сходный св „Проэктомъ“ архива Рѣпинскаго, составляетъ первую часть его сочиненія: „Обозрѣніе гражданскихъ установленій“.

жутъ и управляютъ государствомъ: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и источникъ ихъ въ народѣ". Силы эти сначала были въ разсѣянномъ (догосударственномъ) видѣ, когда они „не производятъ ни закона, ни правъ, ни обязанностей. Чтобы содѣлать ихъ дѣйствующими, надлежало ихъ соединить и привести въ равновѣсіе. Соединенное дѣйствіе силъ составляетъ державную власть. Сопряженія ихъ въ державной власти могутъ быть многоразличны. Изъ сихъ многоразличныхъ сопряженій коренные законы опредѣляютъ одинъ постоянный и непремѣнный способъ". Дѣйствіе силъ государственныхъ въ соединеніи составляетъ предметъ коренныхъ государственныхъ законовъ „Въ состояніи соединенія онѣ производятъ политическія права державной власти, отъ которой возникаетъ законъ и его исполненіе. Въ состояніи раздѣльномъ силы государственныя рождаютъ права подданныхъ". Если послѣдніе участвуютъ въ силахъ государственныхъ, то отсюда возникаютъ политическія права подданныхъ, безъ которыхъ „не могутъ твердо существовать и права гражданскія". Такимъ образомъ, въ составъ коренныхъ законовъ, „опредѣляющихъ всѣ существенныя части государственнаго устройства" должны входить: 1) опредѣленіе правъ державной власти, 2) законовъ, возникающихъ изъ нихъ, и 3)—правъ подданныхъ. Сперанскій обозначаетъ въ подробности и въ связи между собою всѣ отдѣльныя рубрики перваго отдѣла введенія; въ концѣ этого отдѣла говорится о „законахъ органическихъ", которыми опредѣляется способъ дѣйствія силъ государственныхъ. „Отъ троякаго свойства послѣднихъ возникаетъ тройкій порядокъ ихъ дѣйствія и, слѣдовательно, три главныя установленія: законодательное, судное и исполнительное. Всѣ они соединяются въ державной власти, яко въ первомъ и верховномъ ихъ началѣ". Но „по разнообразію ихъ, пространству и многосложности ихъ предметовъ нельзя предполагать, чтобы

лице державное, само собою и непосредственно на нихъ дѣйствуя, могло сохранить съ точностью ихъ предѣлы и во всѣхъ случаяхъ сообразить всѣ различныя ихъ отношенія. Посему надлежитъ быть особенному мѣсту, гдѣ бы начальныя ихъ правила и дѣйствія были единообразно соображаемы". Отсюда же происходитъ необходимость особеннаго устройства порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго и сословія, „въ коемъ всѣ сіи распорядки должны соединяться и чрезъ которое власть державная будетъ на нихъ дѣйствовать и принимать ихъ дѣйствія". Сперанскій находитъ, что въ приведенномъ имъ распредѣленіи государственныхъ установленій „всѣ сіи части неразрывно связаны между собою", и что введеніе ихъ въ русское государственное устройство возможно потому, что „россійская конституція одолжена будетъ бытіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности обстоятельствъ, но благодѣтельному вдохновенію верховной власти, которая устроивъ политическое бытіе своего народа можетъ и имѣетъ всѣ способы дать ему самыя правильныя формы".

Во второмъ отдѣлѣ введенія Сперанскій говоритъ „О разумѣ государственнаго уложенія". Здѣсь сначала указывается на необходимость во всѣхъ политическихъ преобразованіяхъ сообразоваться съ состояніемъ общественной жизни и—„три политическія системы, господствовавшія въ мірѣ: деспотическую, феодальную и республиканскую". Борьба между двумя послѣдними составляетъ сущность всѣхъ „политическихъ превращеній, бывшихъ въ Европѣ, гдѣ на развалинахъ феодализма основалось феодальное самодержавіе, смѣнившееся потомъ республикой". Обращаясь къ Россіи, Сперанскій называетъ удѣльный періодъ феодальнымъ, закончившимся основаніемъ самодержавія при Іоаннѣ Васильевичѣ III, и утверждаетъ, что „со времени Алексѣя Михайловича почувствована была необходимость ограничить самодержа-

віе[1]). Во всѣхъ важныхъ мѣрахъ признаваемо было, говоритъ Сперанскій, необходимымъ призывать на совѣтъ просвѣщеннѣйшую по тогдашнему времени часть народа, бояръ, и освящать мѣры сіи согласіемъ патріарха: примѣтить здѣсь должно, что совѣты сіи не были дѣломъ кабинета, но установленіемъ публичнымъ и въ самыхъ актахъ означеннымъ" [2]). Далѣе Сперанскій упоминаетъ о стремленіи сената при возшествіи на престолъ Анны Ивановны добиться „политическаго существованія и поставить себя между народомъ и престоломъ" и о коммиссіи о составленіи новаго уложенія при Екатеринѣ II, при чемъ сравниваетъ эту коммиссію съ французскими генеральными штатами. „Все было устроено, говоритъ Сперанскій, чтобы дать коммиссіи и въ лицѣ ея всей Россіи бытіе политическое, но все сіе было тщетно, незрѣло и преждевременно. Не только толпа сихъ законодателей не понимала ни цѣли, ни мѣры своего предназначенія, но едва ли было между ними одно лицо, одинъ разумъ, который могъ бы стать на высотѣ сего званія и обозрѣть все его пространство[3]). Такимъ образомъ, громада сія, усиліемъ одного духа, безъ содѣйствія времени составленная, отъ собственной своей тяжести пала, оставивъ по себѣ одну долголѣтнюю и горестную укоризну всѣмъ подобнымъ сему предпріятіямъ" [4]). Сперанскій обращаетъ вниманіе на изданный при Павлѣ Петровичѣ „важный въ государственныхъ постановленіяхъ актъ о наслѣдіи престола, фамильное учрежденіе" и другія постановленія. Изъ государственныхъ актовъ первой эпохи александровскаго царствованія Сперанскій, между прочимъ, упоминаетъ объ устройствѣ министерствъ съ отвѣтственностью и нѣкоторыхъ дру-

---

1) Отсюда начинается у Тургенева изложеніе плана Сперанскаго. 2) „Съ благословеніемъ патріаршимъ государь повелѣлъ и бояре приговорили — такъ написываются, замѣчаетъ Сперанскій, важнѣйшіе акты того времени". 2—3) Этихъ фразъ нѣтъ у Тургенева.

гихъ важныхъ мѣрахъ правительства. Называя преждевременными „всѣ покушенія, какія правительство само собою доселѣ дѣлало къ политическому государства освобожденію", Сперанскій отмѣчаетъ тѣ признаки, по которымъ, по его мнѣнію, можно судить о томъ, что самодержавіе въ царствованіе Александра I „имѣетъ прямое направленіе къ свободѣ". Первымъ такимъ признакомъ является въ глазахъ Сперанскаго „перемѣна въ предметахъ народнаго уваженія". Въ русскомъ обществѣ, замѣчаетъ онъ, уже не уважаютъ такъ, какъ прежде, „по внутреннему ихъ свойству разные чины и ленты, основанные не на разумѣ, а силѣ воображенія" [1]). Второй признакъ заключается въ „ослабленіи силы власти". „Съ горечью, но съ достовѣрностью можно сказать, говорить Сперанскій, что въ настоящемъ положеніи всѣ мѣры правительства, требующія не физическаго, но моральнаго повиновенія, не могутъ имѣть дѣйствія. Истинная сему причина одна: образъ мыслей настоящаго времени въ совершенной противоположности съ образомъ правленія" [2]). Третій признакъ—„невозможность частныхъ исправленій". „Всѣ жалуются на запутанность и смѣшеніе нашихъ гражданскихъ законовъ и финансовъ. Но какимъ образомъ можно исправить и установить ихъ безъ твердыхъ государственныхъ законовъ, какъ устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ общаго довѣрія, гдѣ нѣтъ публичныхъ установленій, порядокъ ихъ охраняющаго? [3]). Наконецъ, всеобщее неудовольствіе, сія преклонность къ горестнымъ изъясненіямъ всего насто-

---

1) „Предъ революціей французской, замѣчаетъ Сперанскій, вельможи сами смѣялись и надъ чинами, и надъ лентами. Въ настоящемъ смыслѣ или тонѣ того времени было казаться простымъ гражданиномъ". 2) Этой фразы нѣтъ у Тургенева. 3) „Въ настоящемъ положеніи, говоритъ Сперанскій, нельзя даже съ успѣхомъ положить какой-либо налогъ, къ исправленію финансовъ необходимо нужный: ибо всякая тяжесть народная приписуется единственно самовластію. Одно лице государя отвѣтствуетъ народу за всѣ постановленія; совѣтъ же и министры всегда во всякой мѣрѣ тягостной могутъ отречься отъ участія тамъ, гдѣ нѣтъ публичныхъ установленій".

ящаго есть ничто другое, какъ общее выраженіе пресыщенія и скуки отъ настоящаго вещей порядка". Сперанскій ищетъ причину этого всеобщаго неудовольствія въ разныхъ обстоятельствахъ общественной жизни того времени и приходитъ къ такому заключенію, что „всѣ вещи остались въ прежнемъ положеніи, а между тѣмъ духъ народный страждетъ въ безпокойствіи, которое можно изъяснить только сильнымъ желаніемъ другаго порядка вещей". Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ Сперанскимъ признаковъ общественнаго состоянія въ Россіи въ 1808—1809 г.г. онъ заключаетъ, что „настоящая система правленія несвойственна болѣе состоянію общественнаго духа и что настало время перемѣнить ее и основать новый порядокъ вещей" [1]). Въ заключеніи къ введенію Сперанскій указываетъ еще на недостаточность и неопредѣленность существующихъ законовъ (гражданскихъ и уголовныхъ и законовъ объ отношеніяхъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ). Но прежде, чѣмъ „опредѣлить разумъ преобразованій, необходимыхъ въ Россіи", Сперанскій считаетъ нужнымъ дать общее понятіе о формѣ правленія вообще и въ частности въ Россіи, что составляетъ первый отдѣлъ самого плана государственнаго преобразованія.

Въ своихъ разужденіяхъ о формѣ правленія Сперанскій заявляетъ, что „никакое правительство не можетъ быть законно, если оно не основано на волѣ страны, что источникъ всякой власти есть государство, страна, и что правительство существуетъ на извѣстныхъ условіяхъ и законно только до тѣхъ поръ, пока исполняетъ эти условія". Основные законы страны и ихъ обезпеченіе учрежденіями (конституціей) возникаютъ въ періодъ болѣе высшаго развитія

1) Сперанскій не ждетъ прочнаго результата отъ „частныхъ исправленій пристроекъ къ настоящей системѣ" (особаго состава министерствъ, другаго распредѣленія ихъ частей, усиленія полицейскихъ и финансовыхъ установленій и проч.).

культуры народа. Эти „основные законы, полагающіе границы абсолютной власти, должны быть дѣломъ націи“. Сперанскій отличаетъ внѣшнюю форму правленія отъ внутренней. „Первая состоитъ въ грамотахъ, основныхъ законахъ, учрежденіяхъ, внѣшнимъ образомъ опредѣляющихъ взаимныя отношенія различныхъ силъ государства; вторая состоитъ въ такомъ распредѣленіи этихъ силъ, чтобы ни одна изъ нихъ не могла получить господства надъ другими“. Сперанскій не придаетъ никакого значенія внѣшней формѣ управленія и обращаетъ свое вниманіе только на внутреннюю. „Всякое правленіе, чтобы быть законнымъ, должно основываться на общей волѣ народа. А такъ какъ весь народъ въ цѣлости не можетъ блюсти за тѣмъ, чтобы правительство оставалось въ предѣлахъ, предписанныхъ закономъ, то совершенно необходимо, чтобы было сословіе, которое, становясь между имъ и правительствомъ, было достаточно просвѣщенно, чтобы понимать, какіе есть истинные предѣлы власти, достаточно независимо, чтобы не бояться ея, и достаточно связано интересами съ народомъ, чтобы никогда не имѣть покушенія измѣнить ему. Отсюда слѣдуетъ, что въ ограниченной монархіи нужно установить два большіе отдѣла: высшій классъ, обязанный блюсти за исполненіемъ законовъ, и низшій классъ, отдѣленный отъ перваго по имени и по наружности, но тожественный съ нимъ по своимъ интересамъ“. Сперанскій предлагаетъ организовать высшій классъ въ Россіи по образцу англійской аристократіи и послѣ изложенія устройства этого новаго высшаго класса опредѣляетъ положеніе и особенности низшаго класса. „Народъ, говоритъ онъ, состоитъ изъ всего того, что не входитъ въ аристократію. Дѣти перваго государственнаго сановника, кромѣ старшаго, принадлежатъ къ народу. Никакой классъ народа не можетъ имѣть исключительныхъ правъ на владѣніе той или другой собственностью; но всѣ граждане,

должны имѣть пользованіе тѣмъ, что они пріобрѣтаютъ. Народъ долженъ участвовать въ составленіи законовъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ. Народъ довѣряетъ аристократіи блюсти за исполненіемъ законовъ, такъ какъ она обязана представлять его. Всякая собственность народа наслѣдственна, но его должности избирательны. Никто не долженъ быть судимъ иначе, какъ своими равными". Сперанскій оканчиваетъ эти свои общія политическія соображенія словами Монтескье: „point de noblesse, point de monarchie".

Обращаясь къ Россіи, Сперанскій констатируетъ стремленіе русскихъ государей со времени Петра I „дать имперіи всѣ внѣшніе признаки монархическаго правленія, сохраняя въ своихъ рукахъ власть самую абсолютную" и находитъ, что въ современной ему Россіи нѣтъ еще монархическаго правленія: государь имѣетъ надъ дворянами такую-же верховную власть, какая предоставлена дворянамъ надъ ихъ крѣпостными крестьянами. Сперанскій перечисляетъ нѣкоторыя второстепенныя мѣры, которыя должно предпринять правительство для развитія народнаго благосостоянія при сохраненіи существующаго порядка. Но такъ какъ „невозможно обезпечить счастье Россіи, не касаясь нынѣшняго устройства различныхъ классовъ націи, то необходимо подвергнуть ихъ преобразованіямъ". Сперанскій предлагаетъ образовать въ Россіи высшій классъ на правѣ первородства (майората). Этотъ классъ „предназначенъ занимать первыя государственныя должности и блюсти за сохраненіемъ законовъ; онъ составитъ истинную монархическую аристократію. Низшій классъ будетъ состоять изъ всѣхъ тѣхъ, кто не будетъ по праву первородства или по волѣ монарха призванъ въ классъ высшій. Низшему классу необходимо будетъ принадлежать большая часть богатствъ и образованности страны. Въ немъ нельзя будетъ установить другихъ отличій, кро

мѣ дарованій, способностей и добродѣтели". Для образованія новаго высшаго класса Сперанскій совѣтуетъ отдѣлить отъ существующаго дворянства четыре первыхъ класса дворянской іерархіи и надѣлить ихъ правами первородства. Новое „дворянство сохранитъ свою прерогативу, но только на нѣкоторое время: крѣпостное рабство на столько противорѣчитъ здравому смыслу, что оно неминуемо должно имѣть свой конецъ" [1]). Въ заключеніе перваго отдѣла самого плана Сперанскій говоритъ, что онъ „не имѣлъ въ виду ни установлять основные законы, ни излагать внѣшнюю форму, которую слѣдуетъ дать правленію, а хотѣлъ только изыскать основанія, на которыхъ эти законы должны быть утверждены".

Во второмъ отдѣлѣ плана Сперанскій говоритъ „Объ общемъ разумѣ предполагаемыхъ реформъ". „Общій предметъ преобразованія состоитъ, говоритъ онъ, въ томъ, чтобы правленіе доселѣ самодержавное постановить и учредить на непремѣняемомъ законѣ Отсюда необходимость установленій, дѣйствующихъ въ составленіи закона и его исполненіи". Сообразно тремъ силамъ государственнымъ Сперанскій принимаетъ и „троякій родъ сихъ установленій: одни изъ нихъ должны дѣйствовать въ образованіи закона, другія въ исполненіи, третьи—въ части судной". При разсмотрѣніи „Разума всѣхъ сихъ установленій" Сперанскій примѣняетъ свои общія положенія о внѣшней и внутренней формѣ правленія. Всѣ государственныя установленія могутъ быть организованы такъ, что „правленіе будетъ облечено всѣми такъ сказать внѣшними формами закона, оставивъ въ существѣ его туже силу и тоже пространство самодержавія". Другой видъ при-

1) Сперанскій раздѣляетъ дѣло освобожденія крестьянъ изъ подъ крѣпостной зависимости ихъ отъ помѣщиковъ на двѣ эпохи: въ первую должны быть опредѣлены повинности крестьянъ по отношенію къ владѣльцамъ, а во вторую возвращено крестьянамъ древнее право свободнаго перехода отъ одного помѣщика къ другому.

нимаетъ организація государства, когда „самодержавіе будетъ покрыто не внѣшними только формами, но ограничено внутреннею и существенною силою установленій и учреждена державная власть на законѣ не словами, но и самымъ дѣломъ. Главныя черты устройства въ первомъ случаѣ: 1) установить сословіе, которое бы представляло силу законодательную свободную, но на самомъ дѣлѣ было бы подъ вліяніемъ и въ совершенной зависимости отъ власти самодержавной; 2) власти судной дать всѣ преимущества видимой свободы, но связать ее на самомъ дѣлѣ такимъ учрежденіемъ, чтобы она въ существѣ своемъ состояла въ власти самодержавной; 3) силу исполнительную такъ учредить, чтобы она по выраженію закона состояла въ отвѣтственности, но по разуму его была бы независима [1]). При устройствѣ второго рода всѣ установленія должны быть расположены на слѣдующихъ правилахъ: 1) законодательное сословіе должно быть такъ устроено, чтобы оно не могло совершить своихъ положеній безъ державной власти, но чтобы мнѣнія его были свободны и выражали бы собою мнѣніе народное; 2) сословіе судебное должно быть такъ образовано, чтобы въ бытіи своемъ оно зависѣло отъ свободнаго выбора и одинъ только надзоръ за судебными формами и охраненіемъ общественной безопасности принадлежалъ правительству; 3) исполнительная власть должна быть исключительно ввѣрена правительству". Сперанскій предпочитаетъ „въ самомъ преддверіи преобразованій рѣшительно избрать одно изъ сихъ двухъ устройствъ. Избраніе сіе опредѣлитъ и истинный его разумъ". Первая политическая система „имѣетъ, продолжаетъ Сперанскій, только видъ законности и подъ предлогомъ единства державной власти вводитъ совершенное самовластіе, а другая ищетъ въ самомъ дѣлѣ ограничить

---

1) „На сихъ трехъ главныхъ правилахъ, замѣчаетъ Сперанскій, основано настоящее политическое устройство Франціи".

его и умѣрить; первая издалека готовитъ сама себѣ превращеніе, а другая при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ утвердиться, долгое время безъ важныхъ перемѣнъ постепенно слѣдовать за гражданскимъ усовершеніемъ". Сперанскій утверждаетъ, что вторая система болѣе, нежели первая примѣнима къ славянскимъ народностямъ: „она свойственна, говоритъ онъ, народу, который имѣетъ болѣе добраго смысла, нежели пытливости, болѣе простаго и твердаго разума, нежели воображенія, коего характеръ трудно обольстить, но легко убѣдить простою истиной, словомъ, она можетъ быть болѣе свойственна такому народу, коего нѣтъ нужды прельщать и обманывать по добронравію его и нѣкоторой лѣности, всѣмъ народамъ сѣвернымъ природной" [1]). Далѣе Сперанскій объясняетъ, какъ „общій разумъ коренныхъ законовъ, свойственныхъ настоящему положенію Россіи" (при Александрѣ I) приложимъ къ разнымъ частямъ государственнаго уложенія. Въ рубрикѣ: „О разумѣ законовъ, державную власть опредѣляющихъ" рѣчь идетъ сначала: „О дѣйствіи державной власти въ порядкѣ законодательномъ", который слагается изъ предложенія закона, уваженія его и утвержденія. Первая функція должна принадлежать въ Россіи правительству [2]). „Пространство имперіи, разнообразіе населенія и степень нашего просвѣщенія требуютъ, чтобы правительство имѣло всю возможную силу дѣйствовать во благо и сила сія въ одномъ только злоупотребленіи ея должна быть умѣряема". Сперанскій опасается, чтобы въ случаѣ, „если источникъ закона поставить въ нѣкоторыхъ случаяхъ внѣ предѣловъ державной власти",

---

1) У Тургенева есть изъ 2 отдѣла плана, изложеннаго нами до сихъ поръ, только одно первое выраженіе о цѣли предпринимаемой реформы. 2) „У другихъ народовъ, замѣчаетъ Сперанскій, законодательное сословіе и правительство участвуютъ въ немъ единственно голосами своихъ министровъ или изъясненіями ораторовъ".

не произошли затрудненія въ дѣятельности самой державной власти и законодательнаго сословія, въ которомъ „для порядка предложеній законовъ“ пришлось бы „учредить множество сложныхъ формъ и образовъ“. „Тогда правительство будетъ поставлено въ непріятное положеніе отвергать или не давать своего утвержденія на такія предметы, кои будутъ законодательнымъ сословіемъ приняты“ [1]). Между тѣмъ какъ *„власть державная, бывъ окружена во всѣхъ своихъ важнѣйшихъ дѣяніяхъ государственнымъ совѣтомъ, коего бытіе установляется не произволомъ, но кореннымъ государственнымъ закономъ, всегда будетъ болѣе имѣть способовъ предлагать законы съ зрѣлостью, нежели каждый членъ законодательнаго сословія“*. Сперанскій допускаетъ только два случая, когда отъ этого общаго порядка въ предложеніи законовъ должны быть допущены отступленія: 1) „когда какою-нибудь мѣрою правительства явное сдѣлано будетъ нарушеніе коренному государственному закону, какъ-то личной или политической свободѣ [2]), 2) Когда правительство въ установленное время не представитъ узаконенныхъ отчетовъ“. Въ обоихъ этихъ случаяхъ Сперанскій предоставляетъ законодательному сословію право „собственнымъ своимъ движеніемъ предварить правительство, предложить дѣло на уваженіе и возбудить законнымъ порядкомъ слѣдствіе противъ того министра, который предписалъ сію мѣру, и просить вмѣстѣ съ тѣмъ ея отмѣны“. Относительно „уваженія (разсмотрѣнія) законовъ“ Сперанскій замѣчаетъ, что „хотя уваженіе закона

---

1) „Извѣстно, говоритъ Сперанскій, что въ англійской конституціи искали избѣжать сей несообразности введеніемъ отказа, сокрытаго подъ предлогомъ: „le roi avisera“. Уклоненіе, несовмѣстное ни съ достоинствомъ, ни съ правотой державной власти“. 2) „Во Франціи, по словамъ Сперанскаго, право сіе дано сенату, въ Англіи нижнему парламенту. Сверхъ сего, во Франціи на словахъ существуетъ при законодательномъ корпусѣ вмѣсто трибуновъ двѣ коммиссіи: одна для охраненія личной свободы, другая—для свободы книгопечатанія“.

собственно принадлежитъ законодательному сословію, нельзя однакоже исключить изъ онаго министровъ. „Если подвержены они отвѣтственности въ мѣрахъ, ими пріемлемыхъ, то самая справедливость требуетъ дозволить имъ лично объяснять и поддерживать предложенія правительства“. Вся исполнительная власть, о которой Сперанскій говоритъ въ рубрикѣ: „О дѣйствіи державной власти въ порядкѣ исполнительномъ“, должна принадлежать въ Россіи также власти державной. Но чтобы „образъ исполненія закона не отступалъ отъ его разума и не содѣлалъ самый законъ игралищемъ прихоти и произвола“, необходима отвѣтственность власти исполнительной. „Существо ея основывается на предположеніяхъ, что власть державная, предлагающая и утверждающая законъ, никогда не можетъ дѣйствовать сама собою противъ его разума, что *совѣтъ, яко сословіе, содѣйствовавшее предложенію и утвержденію закона*, не можетъ поступить противъ его разума, а посему, 3) всякая мѣра, пріемлемая въ нарушеніе закона, вмѣняется не державной власти и не совѣту ея, но подчиненнымъ ей исполнителямъ или министрамъ, кои посему лично, каждый по своей власти, подвергаются за нихъ отвѣту и сіе обязательство пріемлютъ они на себя самимъ подписаніемъ актовъ. Отсюда происходитъ, что подписаніе актовъ всегда предполагается совершенно свободнымъ“. Внѣшней формой этой отвѣтственности является обвиненіе противъ министровъ, принятое большинствомъ членовъ законодательнаго сословія. Послѣ того, какъ это обвиненіе будетъ признано имъ основательнымъ и утверждено державною властью, наряжается судъ или слѣдствіе надъ виновнымъ министромъ [1]). Судебная власть,

1) Изъ обѣихъ частей втораго отдѣла „Проэкта“ Сперанскаго, изложенныхъ нами („О разумѣ законовъ, державную власть опредѣляющихъ“), у Тургенева находится только одна фраза, что „иниціатива новыхъ законовъ должна принадлежать исполнительной власти“.

о которой Сперанскій говоритъ въ отдѣленіи: „О дѣйствіи державной власти въ порядкѣ судномъ“, имѣетъ своимъ источникомъ исполнительную власть. Поэтому „порядокъ судный принадлежитъ по существу своему власти державной“, которая ввѣряетъ отправленіе судебной власти судьямъ, „избираемыхъ тѣми самыми лицами, кои могли-бы на нее приносить жалобы. Дѣйствіе власти державной въ судѣ должно быть ограничено однимъ установленіемъ власти, надзирающей и охраняющей судные образы“.

Послѣ опредѣленія правъ державной власти Сперанскій приступаетъ къ „опредѣленію перваго и главнаго ея дѣйствія“, говоритъ „О разумѣ государственнаго уложенія въ составленіи законовъ“. Сперанскій считаетъ здѣсь нужнымъ точно опредѣлить понятіе закона, какъ предмета „уваженія“ законодательнаго сословія, не допускать какъ „распространенія понятія закона на всѣ постановленія безъ изъятія, такъ и стѣсненія его одними общими положеніями“[1]). Сперанскій указываетъ одинъ основной источникъ „всѣхъ постановленій, коими государство управляется“ и изъ котораго оно истекаетъ, это начало: „не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ“[2]). „Всѣ послѣдствія изъ этого начала ра-

1) „Во Франціи смѣшеніе понятія о законѣ, допущенное въ конституціи, есть, говоритъ Сперанскій, главная причина ея нестройности и должно содѣлаться со временемъ причиною ея премѣны. Въ конституціи сей допущены два рода законовъ: 1) La loi organique составляется въ законодательномъ сословіи, 2) Senatusconsulte organique образуется въ сенатѣ и можетъ подъ видомъ дополненія даже перемѣнить конституцію. Senatusconsulte можетъ остановить дѣйствіе закона. Такимъ образомъ, во Франціи установлено два законодательныхъ сословія: одно изъ нихъ избирается народомъ, другое совершенно почти зависитъ отъ правительства. Державная власть почти по произволу можетъ избирать тотъ изъ двухъ сихъ путей, который для видовъ ея можетъ быть удобнѣе и послушнѣе, а какъ сенатъ болѣе отъ нея зависитъ, то и предпочитаетъ она обыкновенно чрезъ его посредство проводить всѣ свои постановленія. Сословіе законодательное есть почти пустой образъ“, 2) „Безчисленныя послѣдствія, изъ сего начала возникающія, всѣ имѣютъ, замѣчаетъ Сперанскій, одно общее свойство, въ томъ состоящее, что всѣ они ограничиваютъ отдѣльную и естественную свободу человѣка и приводятъ ее въ совмѣстность съ свободой дру-

вно существенны для политической и гражданской свободы. Въ отношеніи къ свободѣ они должны быть раздѣлены на два класса: въ первомъ должно положить тѣ постановленія, коими вводится какая-либо перемѣна въ отношеніяхъ государственныхъ силъ или въ отношеніяхъ частныхъ людей между собою, во второмъ тѣ, кои, не вводя никакой существенной перемѣны, учреждаютъ токмо образъ исполненія первыхъ. Первымъ принадлежитъ въ точномъ смыслѣ *толкованіе закона*, вторымъ—*уставовъ и учрежденій*. Первыя должны составлять предметъ законодательнаго сословія, вторыя же относятся къ дѣйствію власти исполнительной". Устанавливая такое различіе между закономъ, съ одной стороны, и уставами и учрежденіями съ другой, Сперанскій не рѣшается оставить оба послѣднихъ вида постановленій въ сферѣ дѣйствія исполнительной власти. „Понеже законъ, говоритъ онъ, не можетъ всего объяснить и учредить, а уставы и учрежденія, бывъ оставлены одной власти исполнительной, могли самый законъ испровергнуть, то и принято правиломъ, чтобы законъ былъ исключительно предметомъ законодательнаго сословія, но учрежденія и уставы стояли бы подъ его же отвѣтственностью". Такимъ образомъ, „дѣйствіе законодательнаго сословія раздѣляется на двѣ части: одно прямое—составленіе законовъ, другое косвенное—взысканіе отвѣта во всѣхъ уставахъ и учрежденіяхъ. Прямое дѣйствіе законодательнаго сословія не можетъ быть уничтожено безъ уничтоженія самого существа сословія, но косвенное всегда можетъ быть превращено въ прямое, если правительство того пожелаетъ: ибо симъ не уменьшается власть законодательнаго сословія, но возрастаетъ. Изъ сего слѣдуетъ: 1) что никакой законъ не можетъ имѣть силы, если онъ не будетъ составленъ въ законодательномъ сосло-

---

гихъ и, слѣдовательно, всѣ они могутъ быть признаваемы закономъ. Законъ положительный ничто другое есть, какъ ограниченіе естественной свободы человѣка".

віи, 2) что напротивъ учрежденія и уставы состоятъ во власти правительства, но съ отвѣтственностью его въ томъ, что не нарушаютъ они закона и 3), что отвѣтственность сію правительство можетъ сложить, внося уставы и учрежденія въ законодательное сословіе". Сперанскій подробно перечисляетъ всѣ роды постановленій, которыя подходятъ подъ понятіе законовъ [1]), и замѣчаетъ, что „всѣ прочіе уставы и учрежденія остаются на отвѣтственности правительства и въ его распоряженіи" [2]).

Въ третьемъ отдѣлѣ „Проэкта" Сперанскаго о „Начертаніи правъ подданныхъ" говорится о гражданскихъ и политическихъ ихъ правахъ. „Существо гражданской свободы состоитъ въ томъ, чтобы личность и ея имущество зависѣли только отъ закона". Всѣ гражданскія права не могутъ быть даны всѣмъ безразлично. Главнымъ источникомъ ихъ различія является поземельное владѣніе и собственность вообще. Сперанскій отличаетъ отъ общихъ гражданскихъ правъ, принадлежащихъ всѣмъ гражданамъ, особенныя, которыми могутъ пользоваться только лица особаго воспитанія и рода

1) „Сила и именованіе закона присвояется, говоритъ Сперанскій, слѣдующимъ постановленіямъ: 1) уложенію государственному и законамъ органическимъ, къ нему принадлежащимъ, 2) уложенію гражданскому, 3) уголовному, 4) коммерческому, 5) сельскому, 6) всѣмъ вообще дополненіямъ и изъясненіямъ предметовъ, въ уложенія сіи входящихъ. Сверхъ сего, вносятся въ законодательное сословіе и подчиняются порядку закона слѣдующіе уставы и учрежденія: 7) уставъ судебный, 8) всѣ уставы, опредѣляющіе положеніе какой-либо части въ связи ея съ другими, 9) общія и судебныя правительственныя учрежденія, какъ-то учрежденіе судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ, 10) всѣ постановленія о налогахъ и общихъ народныхъ повинностяхъ, какъ временныхъ, такъ и всегдашнихъ, 11) продажа и залогъ государственныхъ имуществъ и исключительныхъ на нихъ привиллегій, 12) вознагражденія частныхъ людей за имущества, для общей пользы необходимыя", 2) „Сюда принадлежатъ: 1) постановленія о войнѣ и мирѣ, 2) всѣ великія мѣры, пріемлемыя правительствомъ къ спасенію отечества среди какихъ-либо бѣдствій, 3) всѣ частныя инструкціи, учрежденія и распоряженія, удостовѣряющія, разъясняющія и дополняющія прежніе уставы и учрежденія и разрѣшающія частныя въ нихъ сомнѣнія и затрудненія".—Всего этого отдѣленія: „О разумѣ государственнаго уложенія въ составленіи закона" также нѣтъ у Тургенева.

жизни. Политическія права принадлежатъ только собственникамъ. Отсюда три состоянія: 1) дворянство, 2) среднее сословіе и 3) рабочій классъ. Дворянство только владѣетъ населенными имѣніями и поэтому оно одно обладаетъ, кромѣ общихъ гражданскихъ правъ, политическими правами. Дворяне обязаны поступать на государственную службу и могутъ заниматься всякимъ родомъ промышленности. Среднее сословіе, состоящее изъ негоціантовъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, имѣетъ общія гражданскія права и нѣкоторыя особенныя какъ гражданскія, такъ и политическія. Рабочій классъ будетъ пользоваться только общими гражданскими правами. Каждый изъ среды рабочаго класса можетъ поступить въ высшій классъ при условіи пріобрѣтенія поземельной собственности и удовлетворенія требованіямъ службы, опредѣленной закономъ для его сословія.

Въ четвертой и послѣдней главѣ „Проэкта“, которая носитъ у Сперанскаго названіе: „О духѣ органическихъ законовъ“, излагается система государственныхъ учрежденій, примѣнимыхъ къ Россіи. „Законы органическіе должны опредѣлить устройство тѣхъ установленій, которыми силы государственныя дѣйствуютъ“. Эти установленія: 1) государственный совѣтъ, 2) государственная дума, 3) сенатъ и 4) министерства. „Каждое изъ сихъ установленій соединяется въ державной власти и образуетъ первенствующее сословіе“. Сперанскій ставитъ государственный совѣтъ во главѣ всѣхъ учрежденій, видитъ въ немъ „вершину всей государственной организаціи, послѣднее ея звено“ 1) Въ остальныхъ политическихъ учрежденіяхъ должны были заключаться всѣ власти или силы государства: законъ былъ довѣренъ государственной думѣ (національному собранію), судъ—сенату, управленіе—министерствамъ. „Дѣйствіе этихъ трехъ учрежденій со-

1) Tourgueneff, ibidem, III, 323 p.; всѣхъ подробностей организаціи государственнаго совѣта, излагаемыхъ нами, нѣтъ въ сочиненіи Тургенева.

единяется въ государственномъ совѣтѣ и чрезъ него восходитъ къ трону. Коренные государственные законы опредѣляютъ составъ государственнаго совѣта, существо и главныя формы его дѣйствія. Особенныя учрежденія опредѣляютъ подробно предметы его и образъ производства дѣлъ. Основанія коренныхъ законовъ, опредѣляющихъ совѣтъ: I) въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ представляетъ сословіе, въ коемъ всѣ дѣйствія порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго въ главныхъ ихъ отношеніяхъ соединяются и чрезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются, II) посему всѣ законы, уставы и учрежденія въ первыхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію въ порядкѣ законодательномъ, судномъ и исполнительномъ, III) никакіе законы, уставы и учрежденія не исходятъ изъ совѣта и не могутъ имѣть своего совершенія иначе, какъ безъ утвержденія державной власти, IV) совѣтъ составляется изъ особъ, Высочайшею довѣренностью въ сословіе сіе призываемыхъ, V) члены совѣта могутъ имѣть званія въ порядкѣ судномъ и исполнительномъ, VI) министры суть члены совѣта по ихъ званію, VII) въ совѣтѣ предсѣдательствуетъ императоръ или лично, или назначеніемъ одного изъ членовъ, VIII) назначеніе члена предсѣдательствующаго возобновляется повременно по Высочайшему усмотрѣнію, IX) совѣтъ раздѣляется на четыре департамента: 1) законовъ, 2) дѣлъ военныхъ, 3) гражданскихъ, духовныхъ и государственной полиціи и 4) государственной экономіи, X) каждый департаментъ имѣетъ опредѣленное число членовъ, изъ коихъ одинъ предсѣдательствующій. Члены всѣхъ департаментовъ составляютъ общее собраніе совѣта, XI) члены совѣта, при опредѣленіи коихъ не будетъ назначенъ особенный департаментъ, присутствуютъ въ об-

щихъ собраніяхъ, XII) распорядокъ членовъ по департаментамъ и ихъ предсѣдателей возобновляется повременно по Высочайшему усмотрѣнію, XIII) присутствія департаментовъ и общихъ собраній имѣютъ положенные дни; но по уваженію дѣлъ во всякое время они могутъ быть созваны особеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, XIV) всѣ постановленія, выходящія изъ совѣта по Высочайшемъ ихъ утвержденіи къ исполненію, имѣютъ слѣдующую форму: 1) законы, уставы и учрежденія и ихъ дополненія имѣютъ форму манифеста, во вступленіи къ коему означается: „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, повелѣваемъ или учреждаемъ", 2) изъясненіе законовъ, уставовъ и учрежденій, непостановляющее ничего новаго, но опредѣляющее точный разумъ прежнихъ, имѣетъ видъ докладовъ, коихъ утвержденіе имѣетъ форму: „быть по сему" [1]). Послѣ изложенія коренныхъ законовъ государственнаго совѣта въ „Проэктѣ" Сперанскаго слѣдуютъ „Основанія къ учрежденіямъ совѣта". „По отдѣленію отъ сената всѣхъ предметовъ управленія они будутъ, говоритъ Сперанскій, входить въ совѣтъ чрезъ министерство и будутъ раздѣляться по департаментамъ слѣдующимъ порядкомъ. Въ департаментъ законовъ будетъ входить все то, что по существу своему составляетъ предметъ закона. Коммиссія законовъ будетъ вносить въ сей департаментъ всѣ свои работы. Въ департаментъ военныхъ дѣлъ будутъ входить предметы министерствъ военнаго и морскаго, въ департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ—дѣла юстиціи, управленія духовнаго и полиціи. Въ департаментъ государственной экономіи будутъ входить предметы промышленности, наукъ, торговли, финансовъ, казначейства и счетовъ. Исключая дѣлъ, кои особеннымъ наказомъ въ каждомъ министерствѣ предоставлены бу-

---

1) „Никакой частный случай, замѣчаетъ Сперанскій, не можетъ быть предметомъ доклада; онъ долженъ быть прежде возведенъ въ общій его разумъ, такъ чтобы всѣ частные случаи сами собою уже имъ опредѣлялись".

дутъ непосредственному докладу, всѣ прочія дѣла, превышающія власть министровъ, въ общемъ наказѣ означенную, вносятся въ департаменты совѣта по принадлежности. Законы, уставы, учрежденія и ихъ дополненія, бывъ разсмотрѣны въ департаментѣ, вносятся въ общее собраніе совѣта. Общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя и коренными законами дѣйствію исполнительной власти предоставленныя, входятъ непосредственно въ общее собраніе совѣта, когда по соображенію обстоятельствъ найдено будетъ сіе нужнымъ. Ежегодныя смѣты (бюджеты) приходовъ и расходовъ и чрезвычайныя финансовыя мѣры, пройдя назначенную имъ степень предварительныхъ соображеній съ департаментомъ, представляются общему собранію совѣта. Всѣ дѣла, по коимъ отдѣляется какая-либо часть казенныхъ доходовъ или интересныя въ частное владѣніе, бывъ разсмотрѣны въ своемъ департаментѣ, входятъ на уваженіе совѣта. Отчеты всѣхъ министерствъ входятъ въ общее собраніе совѣта. Сверхъ сего, министръ казначейства каждый мѣсяцъ представляетъ совѣту положеніе приходамъ и расходамъ и предлагаетъ благовременно нужныя мѣры къ совѣщанію опредѣленной въ нихъ соразмѣрности".

Къ особеннымъ учрежденіямъ, состоящимъ при совѣтѣ, принадлежатъ по „Проэкту" Сперанскаго: коммиссія законовъ, статсъ-секретари, аудиторіатъ и государственная канцелярія. О коммиссіи законовъ Сперанскій говоритъ: „поелику первое начертаніе и пріуготовленіе законовъ, уставовъ и учрежденій относится ко всѣмъ министерствамъ и не принадлежитъ ни къ одному изъ нихъ исключительно, то и слѣдуетъ коммиссіи законовъ относиться прямо въ совѣтъ посредствомъ ея управляющаго. Такимъ образомъ, всѣ законы, уставы и учрежденія будутъ вноситься сначала въ департаментъ законовъ, а оттуда въ общее собраніе и потомъ уже, слѣдуя существу ихъ, поступать или въ порядокъ

законодательный или же обращаться къ исполненію по надлежащемъ ихъ утвержденіи. При каждомъ изъ четырехъ департаментовъ совѣта, продолжаетъ Сперанскій, находится по одному статсъ-секретарю, коихъ должность есть пріуготовленіе дѣлъ, въ совѣтъ поступающихъ, дополненіе ихъ нужными свѣдѣніями и предложеніе ихъ совѣту. Сверхъ сего статсъ-секретари подъ предсѣдательствомъ одного члена совѣта составляютъ комитетъ для разсмотрѣнія прошеній, входящихъ на Высочайшее имя. Особый наказъ опредѣляетъ подробно дѣйствіе сего комитета. Отъ каждаго министерства находится при совѣтѣ по одному аудитору. Существенная ихъ должность есть доставленіе всѣхъ свѣдѣній, въ совѣтѣ нужныхъ, по дѣламъ каждаго министерства и быть помощниками статсъ-секретарей въ пріуготовленіи и въ предложеніи дѣлъ совѣту". Наконецъ, относительно устройства государственной канцеляріи въ „Проэктѣ" Сперанскаго находятся слѣдующія соображенія. „Какъ государственный совѣтъ, говорится здѣсь, есть общее средоточіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ, такъ канцелярія сія должна быть общимъ средоточіемъ окончательнаго ихъ пріуготовленія. Все, что восходитъ къ утвержденію державной власти, должно имѣть по формамъ силу самой высшей степени достоинства, точности и единства. Посему каждый законъ, уставъ и учрежденіе, въ совѣтѣ предложенные и удостоенные Высочайшаго утвержденія, получаютъ окончательную свою форму въ государственной канцеляріи. Изъ сего изъемлются тѣ только дѣла, кои по наказамъ министрамъ предоставлены особенному ихъ докладу. Государственный канцлеръ есть главный начальникъ государственной канцеляріи. Государственный секретарь управляетъ ею непосредственно. Къ составу ея принадлежатъ статсъ-секретари и аудиторы. Въ государственной канцеляріи хранятся всѣ оригинальныя постановленія законовъ, уставовъ и учрежденій и государст-

венная печать. Къ вѣдомству ея принадлежатъ всѣ государственные архивы. Въ государственной канцеляріи находятся самыя точныя свѣдѣнія о положеніи всѣхъ частей внутренняго управленія въ главномъ и общемъ ихъ соображеніи. Она имѣетъ пять отдѣленій—четыре, соотвѣтствующія департаментамъ совѣта, и пятое отдѣленіе двухъ разнородныхъ государственныхъ архивовъ. По роду дѣлъ она ограничена самымъ умѣреннымъ числомъ лучшихъ дѣлопроизводителей. Всѣ дѣла, въ совѣтъ входящія и изъ совѣта исходящія, идутъ чрезъ государственную канцелярію, въ ней пріуготовляются и отъ нея по утвержденіи ихъ отправляются къ надлежащему исполненію"[1]).

Для организаціи остальныхъ высшихъ правительственныхъ учрежденій, кромѣ совѣта, Сперанскій предлагаетъ раздѣлить имперію на четыре степени (волость, уѣздъ, губернію и столицу) и распредѣлить по этимъ степенямъ всѣ учрежденія въ порядкѣ законодательномъ, судномъ и исполнительномъ. Такъ законодательная функція вручается: волостной думѣ, уѣздной, губернской и государственной думѣ. Каждая изъ этихъ „думъ" состоитъ изъ депутатовъ, выбранныхъ жителями округа, и „вѣдаетъ общія дѣла мѣстности, избираетъ депутатовъ въ однородныя мѣстныя учрежденія,

1) При учрежденіи государственнаго совѣта въ „Проэктѣ" приложенъ Сперанскимъ особый листъ, гдѣ опредѣлены вкратцѣ обязанности „установленій, къ совѣту принадлежащихъ, и особенныхъ званій": предсѣдателя государственнаго совѣта и—его департаментовъ, государств. секретаря, статсъ-секретарей и ихъ помощниковъ. „Предсѣдатель совѣта назначаетъ дѣла къ предложенію совѣта и охраняетъ порядокъ разсужденій въ общ. собраніи совѣта", таковы же обязанности предсѣдателей департаментовъ совѣта по отношенію къ нимъ; „государств. секретарь управляетъ государственной канцеляріей, отвѣтствуетъ за составленіе журналовъ и постановленій, по онымъ исходящихъ, статсъ-секретари производятъ дѣла по департаментамъ, ихъ помощники собираютъ свѣдѣнія по департаментамъ и употребляемы къ производству дѣлъ въ государств. канцеляріи". Обязанности коммиссіи законовъ, коммиссіи прошеній и государ. канцеляріи опредѣляются также, какъ и въ самомъ учрежденіи. Рубрика: „Главныя принадлежности совѣта" на томъ же листѣ осталась ненаполненною.

слѣдующія въ іерархическомъ порядкѣ. Кромѣ того, на всѣ „думы“ возложено составленіе списковъ значительнѣйшихъ лицъ округовъ, при чемъ уѣздная дума составляетъ эти списки на основаніи списковъ волостныхъ думъ и т. д Государственная дума состоитъ изъ депутатовъ, избранныхъ губернскими думами, и имѣетъ значеніе законодательнаго собранія, равнаго по своей важности сенату и министерствамъ. Она собирается въ силу кореннаго закона и безъ всякаго особаго созванія ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Продолжительность ея засѣданій опредѣляется количествомъ дѣлъ, ей предлагаемыхъ. Предсѣдатель государственной думы есть ея канцлеръ по самому своему званію [1]). Въ помощь ему опредѣляется особый чиновникъ подъ именемъ секретаря государственной думы. Дѣйствіе ея пресѣкается двоякимъ образомъ: 1) отсрочкою ея засѣданій до будущаго года и 2) совершеннымъ всѣхъ членовъ ея увольненіемъ. Отсрочка производится актомъ державной власти въ государственномъ совѣтѣ, увольненіе—таковымъ же актомъ, но съ означеніемъ въ немъ членовъ, назначенныхъ послѣдними выборами губернской думы. Кромѣ общаго увольненія, члены государственной думы не могутъ оставить свое мѣсто, развѣ смертью или опредѣленіемъ верховнаго суда и поступленіемъ въ сенатъ и министерства. Въ сихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ мѣста членовъ занимаются непосредственно одними изъ кандидатовъ, въ спискѣ послѣдняго выбора означенныхъ. Съ первымъ собраніемъ государственной думы образуются законодательныя коммиссіи: 1)—законовъ государственныхъ, 2)—законовъ гражданскихъ, 3)—уставовъ и учрежденій, 4)—министерскихъ отчетовъ для взысканій отвѣтственности, 5)—коммиссіи представленій о государствен-

---

1) Въ изложеніи „Проэкта“ Тургеневымъ президентъ государственной думы избирается изъ числа трехъ кандидатовъ въ средѣ самой же думы и утверждается верховною властью (III, notes, 316 p.).

ныхъ нуждахъ и 7)—финансовъ. Дѣла въ государственной думѣ предлагаются отъ имени державной власти однимъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта. Исключаются изъ сего: 1) представленія о государственныхъ нуждахъ, 2)—объ уклоненіи отъ отвѣтственности и 3)—мѣрахъ, нарушающихъ коренные государственные законы. Въ этихъ трехъ случаяхъ иниціатива принадлежитъ самимъ депутатамъ, которые должны соблюдать формальности, предписанныя въ этомъ отношеніи. Законы предлагаются вообще правительствомъ; они обсуждаются въ государственной думѣ и утверждаются императоромъ. Дума получаетъ отчеты отъ министровъ. Въ случаѣ явнаго нарушенія конституціи дума имѣетъ право требовать отвѣта у министровъ и дѣлать по этому предмету представленія престолу. Никакой новый законъ не можетъ быть обнародованъ безъ участія думы. Всѣ законы финансовые, установленіе новыхъ налоговъ, какого бы то ни было рода, должны быть обсуждаемы въ думѣ. Законъ, принятый думой, представляется на утвержденіе императора. Законъ, отвергнутый большинствомъ голосовъ въ думѣ, останется недѣйствительнымъ. Для разсмотрѣнія законопроэктовъ дума назначаетъ изъ среды своей спеціальныя коммиссіи" [1]).

Порядокъ судебный имѣетъ по „Проэкту" Сперанскаго также четыре степени: 1) волостной судъ (третейскій и присяжный), 2) уѣздный съ гражданскимъ и уголовнымъ отдѣленіями, какъ первыми судебными инстанціями, 3) губернскій судъ и 4) сенатъ, который образуетъ „верховное судилище по обыкновеннымъ преступленіямъ". Сенаторы назначаются государственной думой; каждые три года каждый

1) Въ „Проэктѣ" Сперанскаго, хранящемся въ архивѣ Рѣпинскаго въ И. П. Библіотекѣ, нѣтъ изложеннаго нами текста, начиная съ фразы: „законы предлагаются вообще правительствомъ" и оканчивая предписаніемъ о назначеніи думой спеціальныхъ коммиссій для разсмотрѣнія законопроэктовъ.

изъ департаментовъ сената избираетъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ одинъ назначается верховною властью президентомъ. Сенатъ дѣлится на четыре департамента (два гражданскихъ и два уголовныхъ), распредѣленныхъ между столицами. Всѣ судебныя дѣла подлежатъ ревизіи сената и его департаментовъ. При сенатѣ будетъ установленъ высшій верховный судъ, составленный изъ членовъ государственнаго совѣта, государственной думы и сената. Этому высшему суду подлежатъ государственныя преступленія, совершенныя министрами, членами совѣта, сенаторами, генералъ-губернаторами и т. п. Канцлеръ юстиціи въ сенатѣ будетъ хранителемъ государственной печати и начальникомъ сенатскихъ архивовъ; онъ замѣнитъ министра юстиціи въ верховномъ уголовномъ судѣ [1]). Министръ юстиціи есть блюститель судебныхъ формъ въ судопроизводствѣ, гражданскомъ и уголовномъ, какъ въ сенатѣ, такъ и во всѣхъ другихъ судахъ. Дѣла въ сенатѣ подготовляются особыми чиновниками (maîtres des requêtes), назначенными верховною властью по представленію министра юстиціи и подчиненными оберъ-прокурору, который завѣдуетъ всѣмъ дѣлопроизводствомъ въ сенатѣ. Засѣданія совѣта публичны и его рѣшенія печатаются. Наконецъ, относительно организаціи административнаго порядка Сперанскій различаетъ также государственное управленіе или министерство, управленіе губернское, уѣздное и волостное. Сперанскій предпосылаетъ новой организаціи министерствъ указанія на недостатки въ устройствѣ министерствъ 1802 г. [2]). Мѣстное управленіе во всѣхъ его сте-

---

1) Канцлеръ юстиціи сохраняетъ также общій избирательный листъ имперіи, составленный на основаніи списковъ мѣстныхъ „думъ". Изъ числа лицъ помѣщенныхъ въ генеральномъ избирательномъ листѣ, правительство выбираетъ своихъ чиновниковъ. Отсюда же назначаются новые сенаторы въ случаѣ смерти или отставки членовъ сената. 2) Эти недостатки: 1) недостатокъ отвѣтственности министровъ, 2)—точности въ раздѣленіи дѣлъ между министерствами и 3) отсутствіе опредѣленныхъ правилъ въ ихъ дѣятельности (см. выше,

пеняхъ должно имѣть тоже единство, которое свойственно организаціи исполнительной власти вообще. Въ каждомъ административномъ округѣ завѣдованіе дѣлами управленія поручается Сперанскимъ начальнику округа (въ губерніи—губернатору, уѣздѣ—вице-губернатору), при которомъ состоитъ совѣтъ изъ мѣстныхъ поземельныхъ собственниковъ, контролирующій дѣятельность губернатора и вице-губернатора [1]). „Такимъ образомъ, заключаетъ Сперанскій, всѣ части государственной организаціи будутъ имѣть однообразное устройство; отъ министра до волостнаго правителя дѣла будутъ слѣдовать такъ сказать по прямой линіи и не будутъ, какъ теперь, безпрестанно уклоняться въ стороны, вслѣдствіе чего теряется даже слѣдъ злоупотребленій, которыя правительство хотѣло-бы уничтожить".

Таково содержаніе того дѣйствительно, по выраженію Корфа, колоссальнаго плана всеобщаго государственнаго преобразованія Сперанскаго [2]), въ которомъ выразились политическіе взгляды автора и самого Александра Павловича. „Проэктъ" Сперанскаго—квинтъ-эссенція всѣхъ философскихъ, юридическихъ и политическихъ, воззрѣній конца XVIII вѣка и начала XIX. Здѣсь мы находимъ взглядъ школы естественнаго

въ 3-й гл. нашего изслѣдованія). „Отвѣтственность установится, говоритъ Сперанскій, сама собою при существованіи госуд. думы, которая будетъ имѣть право требовать отъ министровъ отчетовъ въ веденіи порученныхъ имъ дѣлъ: нужно только опредѣлить правила этой отвѣтственности". Недостатокъ точности въ распредѣленіи дѣлъ между министерствами Сперанскій думаетъ устранить новой ихъ организаціей (см. выше и 4 гл. нашего изслѣдованія). Наконецъ, для установленія опредѣленныхъ правилъ въ дѣятельности министерствъ предлагается имъ держаться строго различія между уставомъ и учрежденіемъ: это различіе должно уменьшить огромное число текущихъ дѣлъ, подъ тяжестью которыхъ стонутъ всѣ министерства.—1) Кромѣ губернскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ, при губернаторѣ должно было быть, по „Проэкту" Сперанскаго, еще губернское правленіе, состоящее изъ представителей всѣхъ отраслей мѣстной администраціи; изъ соединенія казенной палаты съ губернскимъ правленіемъ образуется губернское правительство, раздѣленное на экспедиціи. При вице-губернаторѣ также есть такой-же административный совѣтъ съ соотвѣтственной организаціей. 2) Корфъ, 110 с.

права на происхожденіе общества и государства изъ естественнаго состоянія,—ограниченіе естественной свободы человѣка положительнымъ закономъ. Въ основу всей юридической жизни кладутся также общій моральный принципъ, провозглашенный той же школой (Хр. Томазіемъ), и взглядъ Ж. Ж. Руссо на народъ, какъ источникъ государственной власти. Въ связи съ этимъ послѣднимъ воззрѣніемъ находится примѣненіе Сперанскимъ къ замѣщенію должностей въ администраціи сложной избирательной теоріи аббата Сіиеса. Вся организація проэктируемыхъ Сперанскимъ политическихъ учрежденій основывается, далѣе, на теоріи раздѣленія властей Монтескье, который тогда впервые познакомилъ европейское общество съ нею и съ англійскимъ политическимъ устройствомъ. Сперанскій пользуется въ своемъ „Проэктѣ" и данными политическаго опыта, заимствованными имъ изъ Англіи и Франціи и примѣненными къ устройству центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій Россіи. Онъ предлагаетъ образовать высшій классъ здѣсь по образцу англійской аристократіи и возложить на него обязанность охранять неприкосновенность политическихъ и гражданскихъ правъ націи. Сперанскій ставитъ во главѣ всѣхъ политическихъ учрежденій государственный совѣтъ, повидимому, руководясь первенствующимъ положеніемъ аналогичнаго учрежденія во французской администраціи временъ консульства и особенно первой имперіи, когда въ совѣтѣ соединялись всѣ функціи управленія, за исключеніемъ судебной [1]). Государственная дума Сперанскаго напоминаетъ собою французскій законодательный корпусъ, который также долженъ былъ только обсуждать („уважать") законопроэкты. Правило о періодическомъ возобновленіи состава сената въ „Проэктѣ" было взято Сперанскимъ изъ французской конституціи 1799 г. Въ составъ же сената

---

1) Подробности сравненія русскаго государственнаго совѣта 1810 г. съ французскимъ совѣтомъ см. ниже—въ заключеніи.

былъ введенъ французскій институтъ maîtres des rêquêtes.

Такимъ образомъ, „Проэктъ" Сперанскаго на столько же важенъ при оцѣнкѣ реформъ Александра I въ 1810—1811 г., какъ и протоколы Строганова при административныхъ преобразованіяхъ 1801—1802 г.: „въ обоихъ документахъ можно видѣть самый процессъ развитія политическихъ и общественныхъ элементовъ, какъ онъ обнаруживался въ высшей правительственной сферѣ, которая въ ту пору еще продолжала сохранять передовое значеніе, какое она имѣла въ первые годы царствованія" [1]). Тѣсная связь этого плана Сперанскаго съ прежними его работами несомнѣнна. Въ уже извѣстномъ намъ его „Проэктѣ объ учрежденіи губернскихъ мѣстъ" мы находимъ туже идею раздѣленія властей, какъ основаніе организаціи всего высшаго управленія, отдѣленіе законодательства отъ суда и управленія, которое надѣлено самостоятельными правами въ своей дѣятельности. Въ „Проэктѣ" 1803—1804 г. ясно видно стремленіе автора соединить высшія функціи управленія въ лицѣ самого государя, которому онъ въ „Проэктѣ" 1809 г. вручаетъ предложеніе и утвержденіе законовъ и всю исполнительную власть. Оба „Проэкта" проникаетъ одна и таже мысль объ ограниченіи произвола въ русскомъ управленіи и приближеніи его къ „совершеннымъ монархическимъ формамъ", которая составляла главную цѣль всей преобразовательной дѣятельности Александра Павловича. Сперанскій ставитъ въ „Проэктѣ" 1803—1804 г. государственный совѣтъ (законодательный сенатъ) также на первомъ мѣстѣ въ управленіи и вручаетъ ему законодательство: по „Проэкту" 1809 г. совѣтъ „содѣйствуетъ державной власти въ предложеніи и утвержденіи закона". Наконецъ, „Проэкту" 1803—1804 г. была извѣстна идея объ отвѣтственности министровъ, которую Сперанскій въ „Про-

1) Пыпинъ, н. с., 175 с.

эктѣ“ 1809 г. считаетъ необходимымъ условіемъ законной ихъ дѣятельности. Но планъ Сперанскаго, представленный имъ государю въ 1809 г., отличался необыкновенно обширнымъ и сложнымъ содержаніемъ, охватывалъ собою всѣ отрасли управленія, центральнаго и мѣстнаго, предлагалъ организовать всѣ учрежденія на основаніи современныхъ автору политическихъ теорій, облеченныхъ у Сперанскаго въ ясную, точную и опредѣленную систему и форму. Планъ Сперанскаго, какъ и прежнія подобныя его работы, имѣлъ тѣсную связь со взглядами самого императора, его постояннымъ стремленіемъ водворить въ русскомъ управленіи законность и образовать въ странѣ прочныя политическія учрежденія. Поэтому-то, между прочимъ, введеніе къ плану начинается различіемъ между коренными и преходящими государственными законами, вошедшимъ ранѣе въ наказъ непремѣнному совѣту. Идеи плана Сперанскаго о преобразованіи русскаго управленія напоминаютъ собою разсужденія и проэкты членовъ неоффиціальнаго комитета, гдѣ также много говорилось и предлагалось государю разныхъ мѣръ для устройства русской администраціи на началахъ законности и „истинной монархіи“. Но общія политическія идеи, высказанныя въ комитетѣ въ видѣ отрывочныхъ и не всегда точно опредѣленныхъ мыслей и предложеній, въ планѣ Сперанскаго явились въ видѣ цѣльной, систематической и положительной теоріи, и здѣсь же указаны авторомъ и способы осуществленія этой политической теоріи путемъ соотвѣтственной организаціи государственныхъ учрежденій [1]). Мы уже знаемъ, что нѣкоторыя конституціонныя начала были внесены, сообразно желанію государя и членовъ комитета въ организацію сената и министерствъ въ 1802 г.: сенатъ былъ надѣленъ правомъ представлять императору о неудоб-

1) Пыпинъ, н. с., 176 с.

ствахъ въ исполненіи законовъ; предъ нимъ же должны были отвѣчать за свои дѣйствія всѣ министры. Сенатъ названъ „сословіемъ“ и члены его получили право суда пэровъ и другія важныя привиллегіи. Вся новая организація правительственныхъ учрежденій по плану Сперанскаго основана на началѣ представительства. Мы видѣли при изложеніи „Проэкта“ 1809 г., что его авторъ относится критически къ западно-европейскимъ учрежденіямъ, отмѣчаетъ во многихъ случаяхъ недостатки въ французскомъ и англійскомъ политическомъ быту. Сперанскій не рекомендуетъ прямаго перенесенія въ русское управленіе иноземныхъ учрежденій, а указываетъ на необходимыя въ нихъ видоизмѣненія сообразно съ условіями русской общественной и политической жизни. Такъ, напримѣръ, Сперанскій доказываетъ, что предложеніе законовъ должно быть вручено въ Россіи правительству, которое, „бывъ окружено во всѣхъ своихъ важныхъ дѣяніяхъ государственнымъ совѣтомъ, всегда будетъ имѣть болѣе способовъ предлагать законы съ зрѣлостью, нежели каждый членъ законодательнаго сословія“ [1]). Сперанскій принимаетъ во вниманіе въ своемъ планѣ и существующее въ Россіи устройство высшихъ учрежденій: совѣта, министерствъ и сената. Послѣднему онъ, напримѣръ, придаетъ значеніе высшаго судебнаго учрежденія въ имперіи, при новой организаціи министерствъ исходитъ изъ уже даннаго имъ въ 1802 г. устройства [2]). Но желая доказать необходимость введенія въ Россіи въ царствованіе Александра I конституціоннаго политическаго устройства, Сперанскій прибѣгаетъ къ натянутымъ и неправильнымъ объясненіямъ хода русской политической исторіи, облпчавшимъ въ авторѣ не-

---

1) См. выше въ изложеніи „Проэкта“ Сперанскаго, 2) Ниже мы указываемъ на то, что и при организаціи государственнаго совѣта въ 1810 г. Сперанскій также имѣлъ въ виду устройство его въ первые годы царствованія Александра I-го.

знакомство съ нею. Такъ онъ отыскиваетъ начало попытокъ ограниченія власти русскихъ государей въ собраніяхъ бояръ при Алексѣѣ Михайловичѣ, когда на самомъ дѣлѣ уже сложилась самодержавная власть русскихъ государей [1]) и фраза: „государь, указалъ, а бояре приговорили“ была, по мѣткому выраженію Карамзина, „уже нѣсколько лѣтъ панихидой на усопшую аристократію боярскую“ [2]). Не сенатъ захотѣлъ воскресить при Аннѣ Ивановнѣ аристократическія преданія, а верховный тайный совѣтъ, какъ на это указывалъ позже и самъ Сперанскій [3]). О попыткѣ графа Н. И Панина ограничить власть Екатерины II Сперанскій даже не упоминаетъ. Коммиссія 1767 г. была созвана Екатериной II по инцiативѣ самой императрицы и не имѣла ничего общаго съ аристократическими тенденціями русскаго дворянства, въ средѣ котораго онѣ въ ту пору уже совсѣмъ исчезли. Противорѣчилъ историческимъ взглядамъ русскаго дворянства и майоратъ, объ отмѣнѣ котораго послѣ его введенія при Петрѣ I среднее дворянство такъ много хлопотало сначала предъ верховниками, а потомъ Анной Ивановной. „Единственное основаніе для реформы русскихъ политическихъ учрежденій“ заключалось не въ историческихъ традиціяхъ, которыхъ не было въ Россіи въ указанное имъ время, близкое къ царствованію Александра I [4]), а „въ множествѣ очевидныхъ неустройствъ“ всей русской общественной жизни и въ сознаніи наиболѣе образованныхъ людей, начиная съ самого государя, что „прежній неудовлетворительный порядокъ“

1) См. 1-ю главу нашей книги, 2) Карамзинъ, ibidem, 2288 с., 3) Сперанскій: „О государственныхъ установленіяхъ“, 26 с., 4) Мы уже знаемъ, что попытка какъ верховниковъ, такъ и графа Н. И. Панина ограничить власть русскихъ государей была не выраженіемъ дѣйствительной политической самостоятельности русскаго дворянства въ XVIII ст., а лишь отголоскомъ, переживаніемъ далекой московской старины. Предлагая введеніе въ Россіи представительныхъ учрежденій съ аристократическимъ характеромъ, Сперанскій, очевидно, не зналъ, какую роль на самомъ дѣлѣ играло русское дворянство въ XVII—XVIII в.

долженъ быть улучшенъ сообразно съ новыми понятіями о „благѣ государства“ и достоинствѣ самой власти [1]). Къ недостаткамъ плана принадлежало еще противорѣчіе въ исключительномъ положеніи въ обществѣ высшаго класса, обладавшаго политическими привиллегіями, и низшаго класса общества, организованнаго на демократическомъ принципѣ. Сперанскій предлагалъ для проведенія крупныхъ реформъ въ русской общественной жизни слишкомъ несоразмѣрныя, мелочныя средства и, видимо, желалъ, чтобы „и общество, и народъ даже не почувствовали сильной перемѣны, которая произошла бы въ ихъ жизни“ [2]). При оцѣнкѣ плана Сперанскаго необходимо также имѣть въ виду, что онъ былъ выполненъ только въ нѣкоторыхъ частяхъ и то съ существенными видоизмѣненіями: изъ предлагаемой въ немъ массы учрежденій былъ осуществленъ не въ полномъ видѣ только проэктъ преобразованія государственнаго совѣта и министерствъ. Въ организаціи послѣднихъ были допущены важные пробѣлы, которые должны были пополниться преобразованіемъ сената. Но эта реформа сената осталась только на бумагѣ. Отъ идеи о представительствѣ осталось только нѣсколько выраженій въ „Образованіи государственнаго совѣта“. Наконецъ, относительно реорганизаціи мѣстнаго управленія не было даже сдѣлано какихъ-либо попытокъ въ духѣ „Проэкта“ 1809 г. Къ числу достоинствъ плана относится явное стремленіе автора уничтожить „безпорядокъ и хаосъ въ русскомъ управленіи“ [3]) посредствомъ систематическаго примѣненія иностранныхъ политическихъ образцовъ, современной политиче-

1—2) Пыпинъ, 178—179 с., 3) Tourgueneff, I notes, 329—400 p. Тургеневъ упрекаетъ Сперанскаго въ томъ, что онъ „слишкомъ много придавалъ значенія формѣ, а не сущности вещей, вѣрилъ въ всемогущество уставовъ и письменныхъ регламентовъ“ (ibidem). Но самъ же Тургеневъ признаетъ, какъ мы видѣли, что предъ реформами Сперанскаго все русское управленіе представляло собою „полный безпорядокъ“, изъ котораго оно было выведено преобразованіями 1810—1811 года.

ской теоріи [1]) къ переустройству всѣхъ административныхъ учрежденій, особенно же центральныхъ. Въ „Проэктѣ“ Сперанскаго сказалось „критическое отношеніе автора къ существующему порядку, недостатки котораго признавались тогда на самой вершинѣ правительства“ [2]). Это „критическое отношеніе“ Сперанскаго къ недостаткамъ тогдашняго государственнаго строя, особенно же государственнаго совѣта до 1810 г. выразилось и въ его „Запискѣ о необходимости учрежденія государственнаго совѣта“ составляющей необходимое дополненіе къ плану Сперанскаго [3]). Государственный совѣтъ нуженъ, по словамъ автора записки, „для сосредоточенія государственныхъ дѣлъ для общаго ихъ соображенія“. Сенатъ не можетъ замѣнить его, такъ какъ „онъ въ своемъ первоначальномъ учрежденіи былъ мѣстомъ верховнаго суда и исполненія, но не общаго всѣхъ государственныхъ дѣлъ соображенія“. Ни одинъ законъ, уставъ или учрежденіе не были разсмотрѣны въ сенатѣ, куда „всѣ они были препровождаемы для исполненія и охраненія силы ихъ въ дѣлахъ частныхъ. Такимъ образомъ, тогда какъ судъ и исполненіе имѣли свое средоточіе и нѣкоторое единство въ сенатѣ, важ-

---

1) Многое изъ этой теоріи было не ново даже въ доалександровскомъ русскомъ управленіи. Мы говоримъ о теоріи раздѣленія властей, систематическое проведеніе которой началось еще при Екатеринѣ II. 2) Пыпинъ, 179 с. 3) Эта „Записка“ Сперанскаго хранится въ Арх. Гос. Совѣта, дѣлахъ общаго его собранія, небывшихъ на разсмотрѣніи отдѣльныхъ его департаментовъ (1 папка, по архиву №№ 1 и 2). Изъ двухъ редакцій „Записки“ одна вся написана рукою Сперанскаго, другая—только вполовину. Въ третьей редакціи „Записки“ воспроизведено авторомъ почти все содержаніе „Записки“ съ поправками самого Сперанскаго. Ни одна изъ редакцій не содержитъ даты о времени составленія „Записки“, хотя, очевидно, она относится къ періоду подготовительныхъ работъ Александра I и Сперанскаго по преобразованію высшихъ учрежденій (1808—1809 г.). Что „Записка“ была дополненіемъ къ плану Сперанскаго, это видно изъ ея содержанія: въ ней проводится таже главная мысль плана о необходимости искорененія личнаго произвола въ управленіи и уваженія къ закону. Предметами дѣятельности государ. совѣта считаются, какъ и въ планѣ, законы, уставы и учрежденія. При изложеніи „Записки“ мы пользуемся всѣми ея редакціями, пополняя болѣе цѣльную остальными.

нѣйшая часть государственныхъ силъ, соображеніе и составленіе закона всегда обращались внѣ его, были предметомъ личнаго довѣрія и, переходя по случаямъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, никогда не имѣли ни единства, ни надлежащаго уваженія". Обращаясь къ исторіи образованія государственнаго совѣта въ Россіи, Сперанскій замѣчаетъ, что „совѣтъ въ началѣ своемъ былъ учрежденъ для временныхъ соображеній по обстоятельствамъ военнымъ. При нынѣшнемъ царствованіи онъ получилъ нѣкоторое расширеніе, но образованіе его не окончено. Онъ остался мѣстомъ такъ сказать произвольнымъ, коего дѣйствія безгласны, неопредѣлительны и относятся, большею частью, къ дѣламъ текущимъ. Можетъ-ли въ настоящемъ составѣ его стать онъ на чредѣ государственныхъ установленій, свойственныхъ имперіи обширной? Министерскій комитетъ есть также установленіе, никакихъ публичныхъ формъ неимѣющее; въ самомъ разумѣ его онъ предустановленъ былъ для соображенія однѣхъ мѣръ исполнительныхъ. Слѣдовательно, никогда не могъ онъ быть средоточіемъ въ порядкѣ законодательномъ". Такъ, заключаетъ Сперанскій, „важнѣйшая часть государственнаго управленія —соображеніе законовъ, уставовъ и учрежденій не имѣетъ у насъ никакого постояннаго положенія и нѣтъ мѣста, гдѣ бы дѣла государственныя постоянно и единообразно были уважаемы. Въ государствѣ сильномъ и обширномъ, продолжаетъ Сперанскій, разныя части управленія не могутъ идти съ стройностью и успѣхомъ, когда каждое движется по своему направленію и направленія сіи нигдѣ не приводятся къ единству, когда главныя отношенія разныхъ частей не опредѣлены и не соображены между собою, когда каждое дѣло можетъ по произволу поступать въ различныя установленія, въ совѣтъ, сенатъ или комитетъ, и ни въ одномъ изъ нихъ не установлено порядка, теченію государственныхъ дѣлъ свойственнаго и единообразнаго". Далѣе Сперанскій изобража-

етъ всѣ неблагопріятныя послѣдствія такой неопредѣленности, запутанности и смѣшенія дѣлъ въ управленіи „Отсюда происходитъ, говоритъ онъ, что всѣ законы, всѣ учрежденія и мѣры правительства, даже и тѣ самыя, кои соображаемы были съ установленіями нынѣ существующими совокупно всѣми ихъ членами, имѣютъ у насъ видъ произвола и личнаго довѣрія, измѣняющагося по случаямъ и обстоятельствамъ Отсюда происходитъ та великая несвязность, которая въ законахъ нашихъ на каждомъ шагу встрѣчается. Всѣ они имѣютъ столько различныхъ свойствъ, сколько было разныхъ лицъ, кои поперемѣнно занимались ихъ составленіемъ. Отсюда происходитъ, что учрежденія наши никогда не имѣли достоинства и важности, свойственной закону. И какимъ образомъ могутъ они имѣть сію важность, когда начинались по одному личному довѣрію, соображались втайнѣ и издавались безъ всякаго публичнаго и единообразнаго ихъ уваженія? Отсюда происходитъ та великая и горестная удобность, съ коею законы наши были перемѣняемы. Если одно лице, часто дѣйствующее втайнѣ, могло предложить законъ и частнымъ соображеніемъ привесть его въ силу, то другое, пользуясь въ свою очередь, тѣмъ степенемъ довѣрія, могло отмѣнить его и ввести другое учрежденіе. Отсюда происходитъ то всеобщее убѣжденіе, самимъ опытомъ оправданное, что нѣтъ въ Россіи закона постояннаго, и что можно перемѣнить все по личнымъ случаямъ и удобностямъ. Отсюда происходитъ и та слабость въ исполненіи закона, на которую столько разъ жалобы были оглашаемы. Каждый исполнитель при первомъ затрудненіи въ законѣ находитъ удобнѣйшимъ предложить его отмѣну, нежели стараться превзойти препятствія. И понеже отмѣны сіи бывали часты и всегда производимы съ тою же удобностью, съ какой и законъ у насъ издавался, то и поселилась въ практикѣ нашихъ исполнителей несчастная привычка представлять не-

престанно о неудобствахъ, изъ чего и составилась большая часть дѣлъ, тяготящихъ всѣ департаменты и ввергающихъ вышнее управленіе въ непрерывный безпорядокъ. Тщетно власть исполнительная гремѣла подтвержденіями и угрозами. Самыя подтвержденія сіи и угрозы еще болѣе обнаруживали слабость закона.

Изъ сего, заключаетъ Сперанскій, происходятъ слѣдующія истины: 1) что въ настоящемъ порядкѣ управленія нѣтъ установленія для общаго соображенія дѣлъ государственныхъ въ отношеніи ихъ къ части законодательной, 2) что отъ недостатка сего установленія происходятъ главный безпорядокъ и смѣшеніе во всѣхъ частяхъ управленія, 3), что твердость и постоянство закона требуютъ такого установленія и 4), что, наконецъ, великія государства движутся установленіями, лица перемѣняются и умираютъ, а духъ установленій живетъ и въ теченіе многихъ столѣтій охраняетъ оныя".

Такъ краснорѣчиво и цѣлымъ рядомъ убѣдительныхъ доводовъ, вытекающихъ логически одинъ изъ другаго и доказывающихъ всестороннее знакомство автора „Записки" съ состояніемъ русскаго высшаго управленія предъ 1810 г., была доказана Сперанскимъ необходимость преобразованія государственнаго совѣта. Можно думать, что эта „Записка" повліяла до извѣстной степени на рѣшимость государя приступить къ осуществленію плана Сперанскаго, представленнаго имъ Александру въ октябрѣ 1809 года. Государь разсматривалъ планъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и видимо колебался осуществить его въ полномъ видѣ [1]). На это колебаніе Александра Павловича, думавшаго ввести предполагаемыя реформы не вдругъ, а постепенно и начать съ переходныхъ формъ, указывалъ впослѣдствіи Сперанскій въ своемъ пермскомъ письмѣ. „Полезнѣе можетъ быть было-бы,

1) Пермское письмо Сперанскаго къ императору Александру I, Богдановичъ, V, приложеніе, 49 с.

писалъ Сперанскій государю, всѣ установленія сего плана, пріуготовивъ вдругъ, открыть единовременно; тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы въ дѣлахъ никакого смѣшенія. Но Ваше Величество признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе не было основательно, но въ послѣдствіи оно, замѣчаетъ Сперанскій, содѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣренія его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, страшились вредныхъ уновленій“ [1]). Сперанскій, который самъ былъ за одновременное открытіе всѣхъ предполагаемыхъ установленій [2]), долженъ былъ сообразоваться съ измѣнившимися мыслями государя и совѣтовать ему при введеніи реформъ „избѣгать всякой торопливости“. Сперанскій предлагалъ теперь государю „каждое установленіе открывать не прежде, какъ все образованіе его будетъ изготовлено и, наконецъ, переходъ отъ настоящихъ установленій къ новымъ такъ учредить, чтобы онъ казался самымъ простымъ и естественнымъ, новыя установленія казались возникающими изъ прежнихъ, чтобы ничего не отваживать и имѣть всегда способы остановиться и удержать прежній порядокъ во всей его силѣ, ежели бы паче чаянія встрѣтились къ новому какія-либо непреоборимыя препятствія“ [3]). Не теряя еще надежды на полное осуществленіе своего плана, Сперанскій назначалъ срокъ окончанія реформъ, въ немъ предложенныхъ, думалъ, что „къ 1811 году Россія воспріиметъ *новое бытіе* и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится“. Ожиданія Сперанскаго,

1) Пермское письмо Сперанскаго, ibidem. 2) Такое же одновременное осуществленіе реформъ въ управленіи Сперанскій предлагалъ и въ своемъ „Проэктѣ“ 1803—1804 г. 3) Корфъ: „Жизнь графа Сперанскаго“, 111 с.

однако, не сбылись: изъ плана осуществлены были только нѣкоторыя части, подходившія къ существующему устройству высшаго русскаго управленія. Съ цѣлью укрѣпить въ государѣ его намѣреніе преобразовать государственный совѣтъ въ дѣйствительно законодательное, хотя и не вполнѣ сообразное съ планомъ, учрежденіе, Сперанскій представилъ Александру Павловичу, свою, извѣстную намъ, „Записку о необходимости учрежденія государственнаго совѣта“ [1]). Кромѣ тѣхъ общихъ соображеній, которыя были высказаны Сперанскимъ въ этой „Запискѣ“, онъ обратилъ вниманіе государя еще на ближайшіе поводы къ образованію совѣта. Причинами необходимости „расширить совѣтъ и дать ему публичныя формы“ Сперанскій выставлялъ „положеніе нашихъ финансовъ, которое требуетъ непремѣнно новыхъ и весьма нарочитыхъ налоговъ, безъ чего никакъ и ни къ чему приступить невозможно. Налоги тягостны бываютъ особенно потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому съ очевидностью и подробностью доказать ихъ необходимость. Слѣдовательно, очевидность сію должно замѣнить убѣжденіемъ въ томъ, что не дѣйствіемъ произвола, но точною необходимостью, признанною и представленною отъ совѣта, налагаются налоги. Такимъ образомъ, власть державная сохранитъ къ себѣ всю цѣлость народной любви, нужной ей для счастья самого народа; она охранитъ себя отъ всѣхъ неправыхъ нареканій,

---

1) Что „Записка“ представлена Сперанскимъ государю послѣ плана, на это указываетъ измѣненное въ ней опредѣленіе функцій государств. совѣта: онъ названъ въ „Запискѣ средоточіемъ государственныхъ (законодательныхъ) дѣлъ для *общаго ихъ соображенія*“, чѣмъ опредѣлялась законосовѣщательная роль совѣта въ государствѣ, между тѣмъ какъ по „Проэкту“ онъ представлялся центральнымъ пунктомъ *соединенія* всѣхъ функцій управленія—госуд. думы, сената и министерствъ, во главѣ которыхъ онъ долженъ былъ стать (см. 1 п корен. законовъ по „Проэкту“). Такая перемѣна Сперанскимъ въ опредѣленіи роли совѣта въ его „Запискѣ“ находится въ связи съ укрѣпившимся намѣреніемъ государя повременить осуществленіемъ всѣхъ предполагаемыхъ учрежденій (государ. думы и др.).

заградитъ уста злонамѣренности и злословію и самые налоги не будутъ казаться столь тягостными съ той минуты, какъ признаны будутъ необходимыми“ [1]). Въ послѣдствіи Сперанскій въ своемъ „Отчетѣ въ дѣлахъ 1810 г.“, представленномъ имъ государю уже послѣ образованія совѣта, говоритъ по тому же поводу: „есть мѣры, кои одно лице, даже и всемогущее, не можетъ или не должно принимать на свою отвѣтственность. Таковы суть подати и налоги. Несвойственно и неприлично верховной власти представляться въ видѣ непрерывной нужды и умножать народныя тягости. Пусть разсчитываютъ ихъ министры, *присуждаетъ совѣтъ*, а государь долженъ только прилагать къ нимъ печать. Бываютъ, продолжаетъ здѣсь Сперанскій, и могутъ быть положенія критическія, въ коихъ тяжесть сія должна быть нарочито увеличена. Таковъ есть случай войны. Здѣсь *государь долженъ защищать отечество, а дѣло его совѣта есть измѣрять и налагать мѣру частныхъ пожертвованій. Совѣтъ долженъ въ нихъ отвѣтствовать, сколько бы они не казались чрезмѣрными.* Такимъ образомъ, власть верховная будетъ всегда сохранять свойственный ей характеръ; она будетъ имѣть менѣе произвольности, но болѣе истинной дѣйствующей силы“ [2]). „Государственный совѣтъ долженъ быть преобразованъ, утверждалъ Сперанскій, еще въ виду смѣшенія въ сенатѣ суда и управленія, которое дошло уже до такого безпорядка, что, независимо отъ общаго преобразованія, нельзя болѣе отлагать нужныя мѣры исправленія, а мѣры сіи во всѣхъ предположеніяхъ не могутъ быть иначе приняты, какъ отдѣленіемъ части управленія и назначеніемъ ей особеннаго порядка“ [3]). Кромѣ всѣхъ этихъ причинъ, Спе-

---

1) Корфъ, 113—114 с.; ср. тѣ мѣста „Проэкта“ Сперанскаго 1809 г., гдѣ говорится о необходимости публичныхъ установленій. 2) Архивъ Гос. Совѣта, дѣла общаго собранія, 1 папка, 3 тетрадь, по архиву № 3; „Отчетъ за 1810 г.“ напечатанъ въ Сборн. Рус. Ист. Общ., XXI т. 3) Корфъ, 114 с.

ранскій указывалъ еще на непосредственные предлоги къ образованію государственнаго совѣта. Они заключались въ: 1) „разсмотрѣніи гражданскаго уложенія, къ совершенію коего послѣ тщетныхъ во всѣ царствованія, начиная съ Петра I, попытокъ, теперь настало время и 2) финансовъ, скрывать затрудненіе коихъ есть вѣрный способъ умножить запутанность и питать безпокойство“ [1]).

Составленный Сперанскимъ на основаніи его плана, проэктъ образованія государственнаго совѣта былъ предварительно за мѣсяцъ до открытія совѣта сообщенъ графу Н. И. Салтыкову, графу Завадовскому [2]) и князю Лопухину, которые „одобрили его словесно и письменно и оправдали всѣ его послѣдствія“ [3]). Проэктъ былъ посланъ еще графу Кочубею, который отнесся къ нему также сочувственно. „Я не могу видѣть, писалъ Кочубей Сперанскому (25 дек. 1809 г.), не только никакого неудобства къ образованію совѣта, но ласкаюсь внутренно, что оно произвести можетъ существенную пользу. Время, конечно, было обратить вниманіе на все неутройство нашего правительства. Принимая даже вещи въ самой строгой *сцептикѣ*, можно, думаю, смѣло согласиться, что не можетъ быть уже ничего хуже того, что есть“ [3]). При своемъ письмѣ къ Сперанскому Кочубей приложилъ записку, въ которой изложилъ свои замѣчанія на проэктъ образованія государственнаго совѣта Сперанскаго. Въ началѣ своей записки графъ Кочубей указываетъ на аристократическую роль сената, какую онъ игралъ „въ монархическихъ государствахъ

1) Корфъ, 114 с. 2) Пермское письмо въ редакціи Шильдера (Рус. Архивъ, 1891, XII, 53 с.). 3) Ibidem. Въ дѣлахъ А. Г. С. (общаго собранія) хранится два экземпляра проэкта образованія государ. совѣта: одинъ подъ названіемъ „генеральный планъ учрежденія государ. совѣта“ написанъ на французскомъ языкѣ и поправленъ рукою Сперанскаго (1 папка, 1 тетр., № 1), другой — на русскомъ называется „проэктъ образованія госуд. совѣта“ и содержитъ поправки самого государя, относящіяся къ замѣнѣ нѣкоторыхъ названій должностей въ канцеляріи совѣта. Оба проэкта сходны съ дѣйствительнымъ его „Образованіемъ“ 1810 г. и поэтому не излагаются здѣсь нами, 3) Арх. Гос. Совѣта, дѣла общаго собранія 1 папка, 1 тетр., № 1 по архиву.

нашего времени“ (Венеціи, Швеціи и Польшѣ): здѣсь сенатъ является „не совѣщательнымъ, а законодательнымъ и вмѣстѣ исполнительнымъ сословіемъ“. Съ аристократическими сенатами въ этихъ государствахъ не имѣетъ ничего общаго государственные совѣты въ Англіи и Франціи, гдѣ они „составляютъ корпусы, единственно совѣщательные и неимѣющіе никакой власти исполнительной“. Кочубей видитъ въ русскомъ сенатѣ „смѣшеніе всѣхъ понятій“ и думаетъ, что онъ заимствованъ изъ Швеціи и занималъ при Петрѣ I-мъ мѣсто государственнаго совѣта. Кочубей разсматриваетъ доводы за и противъ новаго образованія совѣта или надѣленія его правами сената и приходитъ къ тому заключенію, что „сводя всѣ причины, которыя въ пользу того или другаго предположенія представляются, можно, кажется, то или другое принять безъ важныхъ неудобствъ“. Кочубей касается и вопроса о томъ, можно ли при образованіи нашего совѣта въ 1810 г. пользоваться иноземными образцами, особенно французскими. „Въ прежнія времена, когда революція французская всѣ перемѣны страшными представляла, ибо съ ними сопрягаемы всегда быть могли вольности и проч., всякое новое установленіе, замѣчаетъ Кочубей, вводимо быть долженствовало у насъ съ самою большою осмотрительностью. Но нынѣ, когда императоръ Наполеонъ Франціей и другими государствами деспотически управляетъ, никто упрекнуть государя не можетъ, чтобы онъ, *образуя свой совѣтъ нѣсколько на подобіе французскаго*, имѣлъ тѣ правила, коими его обвиняли. Слѣдовательно образованіе совѣта въ новомъ его видѣ не покажется вѣроятно установленіемъ, несообразнымъ съ формами нашими“. Въ концѣ своей записки Кочубей видимо склоняется на сторону новаго образованія государственнаго совѣта, допуская только, какъ временную мѣру, „присвоеніе сенату формъ государственнаго свѣта“ [1]).

---

1) Арх. Гос. Совѣта, дѣла общаго собранія (1 папка, 1 тетрадь, № 1 по ар-

Вмѣстѣ съ проэктомъ образованія государственнаго совѣта Сперанскимъ былъ составленъ „обрядъ его открытія“ [1]), согласно которому состоялось 1 января 1810 г. первое торжественное собраніе вновь образованнаго государственнаго совѣта. Въ началѣ засѣданія Александръ Павловичъ произнесъ рѣчь, „исполненную чувства, достоинства и идей, которыя никогда еще Россія не слышала съ престола“ [2]). Въ этой рѣчи, составленной Сперанскимъ и исправленной самимъ государемъ, было сказано, что „порядокъ и единообразіе дѣлъ государственныхъ требуютъ, чтобы было одно средоточіе для общаго ихъ соображенія. Въ настоящемъ составѣ управленія нѣтъ у насъ сего установленія. Какимъ образомъ въ государствѣ столь обширномъ разныя части управленія могутъ идти съ стройностью и успѣхомъ, когда каждая движется по своему направленію и направленія сіи нигдѣ не приводятся къ единству? Одно личное дѣйствіе власти въ великомъ разнообразіи дѣлъ государственныхъ не можетъ сохранить сего единства. Сверхъ сего, лица умираютъ, одни установленія живутъ и въ теченіе вѣковъ охраняютъ основанія государствъ. Не частными исправленіями, продолжалъ государь, не подробностями многосложными и преходящими стоятъ и процвѣтаютъ государства. Среди всѣхъ заботъ, среди войны и мира, въ непрерывномъ движеніи дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ мысль о твердыхъ государственныхъ установленіяхъ никогда меня не покидала. Я всегда желалъ, чтобы благосостояніе имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на постановленіяхъ“. Далѣе Александръ Павловичъ заявлялъ, что Онъ давно живо „чувствовалъ недостатокъ твердаго въ дѣлахъ порядка“, и

хиву; подробное изложеніе записки Кочубея см. въ приложеніи къ нашей книгѣ). Изъ записки Кочубея видно, что въ 1809 г. думали снова возстановить прежнее значеніе сената, какое онъ получилъ въ 1802 г. Не безъ основанія коснулся этого вопроса и самъ Сперанскій въ своей „Запискѣ о необходимости учрежденія государ. совѣта“,—1) А. Г. С., ibidem, 2) Корфъ, 118 с.

что „съ началомъ новаго года“ онъ кладетъ „твердое основаніе одному изъ важнѣйшихъ государственныхъ установленій,—государственному совѣту, который будетъ составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управленія. Бытіе его отнынѣ станетъ на чредѣ установленій непремѣнныхъ и къ самому существу имперіи принадлежащихъ“. Указавши на то, что призваніе лицъ, назначенныхъ въ составъ совѣта, есть знакъ высшаго довѣрія къ нимъ императора, Александръ Павловичъ выразилъ твердое намѣреніе при помощи совѣта „установить порядокъ и оградить имперію добрыми законами“. Государь обѣщался самъ раздѣлять труды членовъ совѣта и заключилъ свою рѣчь пророческимъ пожеланіемъ, чтобы „нѣкогда, въ позднія времена, когда его уже не будетъ, истинные сыны отечества, ощутивъ пользу сего учрежденія, вспомнили, что оно установлено было при Мнѣ и Моимъ искреннимъ желаніемъ блага Россіи“ [1]). По окончаніи рѣчи императора новый государственный секретарь, Сперанскій прочиталъ манифестъ объ образованіи государственнаго совѣта, самое его „Образованіе“, списки предсѣдателей департаментовъ, членовъ совѣта и его канцеляріи и росписаніе дней засѣданія. Затѣмъ государь вручилъ предсѣдателю совѣта, графу Румянцеву для внесенія въ департаменты совѣта по принадлежности проэкта первой части гражданскаго уложенія и планъ финансовъ и оставилъ засѣданіе, которое закончилось принятіемъ новыми членами совѣта установленной присяги [2]).

Въ манифестѣ объ образованіи государственнаго совѣта, который былъ изданъ вмѣстѣ съ его „Образованіемъ“ [3]) за-

---

1) Даневскій, н. с., 56—57 с. Рѣчь Александра Павловича при открытіи совѣта составлена была Сперанскимъ на основаніи его же „Записки о необходимости государ. совѣта“, откуда были взяты для рѣчи многія подлинныя выраженія, какъ показываетъ это сравненіе рѣчи съ „Запиской“. 2) А. Г. С., ibid.; ср. Корфъ, н. с., 118 с. 3) П. С. З., XXXI, № 24,064.

являлось, что „истинный разумъ всѣхъ усовершеній государственнаго устройства состоялъ въ Россіи до сихъ поръ въ томъ, чтобы по мѣрѣ просвѣщенія и разширенія общественныхъ дѣлъ учреждать постепенно образъ правленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона“, и что намѣреніе продолжать это „усовершеніе внутреннихъ нашихъ установленій и оградить собственность подданныхъ добрыми законами“ не оставляло государя въ теченіе всего его царствованія. „Но законы гражданскіе, говорилось далѣе въ манифестѣ, сколь бы они не были совершенны, безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды. Въ числѣ сихъ установленій государственный совѣтъ издавна занималъ важное мѣсто“ и теперь получаетъ „образованіе, свойственное публичнымъ установленіямъ“. Въ манифестѣ были указаны первые предметы дѣятельности вновь образованнаго государственнаго совѣта (обсужденіе проэкта гражданскаго уложенія, предстоящее преобразованіе министерствъ и разсмотрѣніе настоящаго положенія государственныхъ доходовъ и расходовъ). Наконецъ, въ манифестѣ находились „главныя начала“ образованія государственнаго совѣта, которыя въ самомъ его „Образованіи“ составили первую главу подъ названіемъ: „коренные законы государственнаго совѣта“. „Въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ, говорится здѣсь, составляетъ сословіе, въ коемъ всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству соображаются и чрезъ него восходятъ къ Верховной Императорской власти (I п.). Посему всѣ законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію (II п.). Никакой новой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ совѣта и не можетъ имѣть совершенія безъ утвержденія верховной власти (III п.).

Совѣтъ составляется изъ особъ, Высочайшею довѣренностью въ сословіе сіе призываемыхъ (IV п.). Члены совѣта могутъ имѣть званія въ порядкѣ судномъ и исполнительномъ (V п.). Министры суть члены совѣта по ихъ званію (VI п.). Въ совѣтѣ предсѣдательствуетъ императоръ (VII п.). Въ отсутствіе императора мѣсто предсѣдателя занимаетъ одинъ изъ членовъ по Высочайшему назначенію (VIII п). Назначеніе предсѣдательствующаго въ государственномъ совѣтѣ возобновляется ежегодно (IX п.). Совѣтъ раздѣляется на департаменты (X п.). Каждый департаментъ имѣетъ опредѣленное число членовъ, изъ коихъ одинъ предсѣдательствуетъ (XI п.). Министры не могутъ быть предсѣдателями департаментовъ (XII п.). Члены всѣхъ департаментовъ составляютъ общее собраніе совѣта (XIII п.). Члены совѣта, при опредѣленіи коихъ не будетъ назначенъ особый департаментъ, присутствуютъ въ общихъ собраніяхъ (XIV п.). Распорядокъ членовъ по департаментамъ возобновляется каждые полгода по Высочайшему усмотрѣнію (XV п.). Присутствія департаментовъ и общихъ собраній имѣютъ положенные дни; но по уваженію дѣлъ во всякое время они могутъ быть созваны особеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ (XVI п.). Во второй главѣ „Образованія“ рѣчь идетъ объ особенныхъ учрежденіяхъ совѣта. Совѣтъ раздѣляется на четыре департамента: 1) законовъ, 2) дѣлъ военныхъ, 3) дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ и 4) государственной экономіи (1 §). Въ департаментъ законовъ входитъ все то, что по существу своему составляетъ предметъ закона. Коммиссія законовъ будетъ представлять въ сей департаментъ всѣ первоначальныя начертанія законовъ, въ ней составляемыхъ (2 §). Въ департаментъ военныхъ дѣлъ будутъ входить предметы министерствъ военнаго и морскаго (3 §). Въ департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ будутъ входить дѣла юстиціи, управленія духовнаго и полиціи (4 §). Къ департаменту государствен-

ной экономіи будутъ принадлежать предметы общей промышленности, наукъ, торговли, финансовъ, казначейства и счетовъ (5 §). Председатель государственнаго совѣта при его разсужденіяхъ охраняетъ надлежащій порядокъ и единство предмета; въ случаѣ разнообразія мнѣній для соглашенія ихъ излагаетъ существо и силу вопроса и потомъ объявляетъ мнѣніе, большинствомъ голосовъ принятое" (9 §). Тѣже обязанности по отношенію къ каждому изъ отдѣльныхъ департаментовъ совѣта несутъ ихъ предсѣдатели (12—17 §§). На отвѣтственность государственнаго секретаря возлагается точность свѣдѣній, предлагаемыхъ совѣту, надлежащее ихъ изложеніе и исполненіе бумагъ по журналамъ совѣта (18—20 §§). Статсъ-секретари департаментовъ и ихъ помощники занимаются дѣлопроизводствомъ въ отдѣльныхъ департаментахъ (21—24 §§). „Образованіе" опредѣляетъ подробно „обрядъ вступленія членовъ совѣта", ихъ засѣданій и время послѣднихъ въ департаментахъ и общихъ собраніяхъ совѣта (25—28 §§) [1]). „Въ порядкѣ государственныхъ дѣлъ, отъ разрѣшенія и утвержденія верховной императорской власти зависящихъ, поступаютъ предварительно на уваженіе совѣта: 1) всѣ предметы, требующіе новаго закона, устава или учрежденія, 2) предметы внутренняго управленія, требующіе отмѣны, ограниченія или дополненія прежнихъ положеній, 3) дѣла, требующія въ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ изъясненія истиннаго ихъ смысла, 4) мѣры и распоряженія общія, пріемлемыя къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ и учрежденій, 5) общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя, 6) объявленіе войны, за-

---

1) Въ дѣлахъ Архива Гос. Совѣта хранится „Планъ размѣщенія членовъ совѣта, начертанный рукою Александра Павловича" (Дѣла общаго собранія совѣта, 1 папка, 1 тетрадь, по архиву № 1). Этимъ „Планомъ" должны были устраниться затрудненія, происшедшія при первомъ размѣщеніи членовъ совѣта. Отголоскомъ толковъ по этому поводу въ обществѣ явилась извѣстная басня Крылова: „Квартетъ" (Корфъ, 118 с.).

ключеніе мира и другія важныя внѣшнія мѣры, когда по усмотрѣнію обстоятельствъ могутъ онѣ подлежать предварительному общему соображенію, 7) ежегодныя смѣты общихъ государственныхъ приходовъ и расходовъ, способы ихъ уравненія, назначеніе новыхъ издержекъ, въ теченіе года встрѣтиться могущихъ, и чрезвычайныя финансовыя мѣры, 8) всѣ дѣла, по коимъ отчуждается какая-либо часть государственныхъ доходовъ или имуществъ въ частное владѣніе, 9) дѣла о вознагражденіи частныхъ людей за имущества, на государственныя нужды взимаемыя, 10) отчеты всѣхъ министерствъ въ управленіи принадлежащихъ къ нимъ частей" (29 §). Государственному совѣту не подлежатъ только: 1) „тѣ дѣла, кои особенно представлены будутъ непосредственному докладу министровъ и 2) дѣла, кои по общему министерскому наказу подлежать будутъ соображеніямъ министерскаго комитета" (30 §). Всѣ дѣла, предоставленныя соображенію совѣта, сначала поступаютъ въ его департаменты отъ министровъ или по Высочайшему повелѣнію и изготовляются здѣсь къ докладу и предлагаются или государственнымъ секретаремъ, или статсъ-секретарями, или ихъ помощниками. Положенія, принятыя большинствомъ голосовъ, вносятся въ журналъ, при которомъ прилагаются особыя мнѣнія членовъ, несогласныхъ съ общимъ рѣшеніемъ (31, 33 и 35 §§). Въ департаментахъ могутъ присутствовать сами министры или директоры, управляющіе частями, но послѣдніе послѣ нужныхъ изъясненій по дѣламъ оставляютъ собраніе (37—38 §§). „Положенія департаментовъ, заключающія въ себѣ изъясненія точнаго разума существующихъ законовъ и приложеніе ихъ къ частнымъ случаямъ и непредполагающія новаго закона, устава или учрежденія, ни отмѣны прежнихъ постановленій или дополненія ихъ, не поступаютъ въ общее собраніе, но представляются въ журналахъ ихъ непосредственно на Высочайшее усмотрѣніе (39 §). Всѣ другія дѣла, по

окончаніи ихъ разсмотрѣнія въ департаментѣ, входятъ на уваженіе общаго собранія (40 §). Во всѣхъ положеніяхъ департамента по дѣламъ частнымъ заключенія совѣта изображаются въ общемъ видѣ закона или учрежденія, дабы разрѣшеніемъ одного случая можно было объять всѣ другіе, съ нимъ однородные" (41 §). Въ общія собранія совѣта дѣла вступаютъ или изъ департаментовъ или по Высочайшему повелѣнію (43 §). Въ общія собранія вносятся прямо: 1) „общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя и 2) внѣшнія важныя мѣры, когда по существу ихъ признано будетъ нужнымъ предоставить ихъ предварительному общему уваженію совѣта" (44 §). „Образованіе" устанавливаетъ подробныя и точныя правила разсмотрѣнія дѣлъ въ общемъ собраніи совѣта, гдѣ предсѣдатель руководитъ преніями, а государственный секретарь даетъ нужныя „разъясненія". Рѣшенія, за которыя высказалось большинство голосовъ, считаются принятыми, причемъ членамъ совѣта, несогласнымъ съ общимъ рѣшеніемъ, предоставляется право подавать свои особыя мнѣнія. Послѣднія могутъ подавать поводъ къ вторичному рѣшенію дѣла въ общемъ собраніи совѣта, если на это послѣдуетъ Высочайшее повелѣніе (45—56 §§). Постановленія совѣта, Высочайше утвержденныя и совѣту предъявленныя, вносятся въ одинъ журналъ общаго собранія, а всѣ положенія совѣта по дѣламъ, уваженію его представляемымъ, въ другой (57 §). Въ обыкновенныхъ собраніяхъ совѣта министры могутъ не присутствовать; вмѣсто нихъ могутъ давать всѣ нужныя объясненія по дѣламъ директора частей, неимѣющіе въ собраніи совѣщательнаго голоса (64—64 §§). Всѣ журналы совѣта, подписанные предсѣдателемъ и членами совѣта, представляются на Высочайшее усмотрѣніе. Словесныя Высочайшія повелѣнія объявляются совѣту предсѣдателемъ всего совѣта и его департаментовъ (65—66 §§). Особенному порядку разсмотрѣнія подвер-

гаются въ совѣтѣ всѣ законы, уставы и учрежденія, проэкты которыхъ вносятся государственнымъ секретаремъ въ коммиссію составленія законовъ и оттуда поступаютъ въ департаментъ законовъ, гдѣ директоръ коммиссіи „представляетъ надлежащія изъясненія по предлагаемымъ имъ начертаніямъ законовъ, уставовъ и учрежденій“. Послѣ того, какъ эти проэкты будутъ разсмотрѣны въ общемъ собраніи совѣта, куда они вносятся изъ департаментовъ, „законы, уставы и учрежденія входятъ на Высочайшее усмотрѣніе“ (67—72 §§). Относительно формы изданія постановленій совѣта его „Образованіе“ устанавливаетъ слѣдующія правила „Всѣ предметы, содержащіе въ себѣ законы, уставы или учрежденія, имѣютъ форму манифестовъ“, въ которыхъ послѣ императорскаго титута излагаются сначала кратко причины, подавшія поводъ къ появленію закона, устава или учрежденія, затѣмъ слѣдуетъ фраза: „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, постановляемъ или утверждаемъ“, послѣ чего идутъ статьи закона, устава или учрежденія, мѣсто и время ихъ изданія, подпись Высочайшаго имени и контрасигнированіе предсѣдателя государственнаго совѣта (73 §). Такую же форму имѣютъ и всѣ дополненія уставовъ и учрежденій (74 §). „Но изъясненія, предписывающія только образъ исполненія или установляющія ихъ разумъ по возникшимъ сомнѣніямъ“, носятъ названіе „мнѣній государственнаго совѣта“, Высочайшая конфирмація которыхъ выражается словами: „быть по сему“ (75—76 §§). Особую же форму имѣютъ Высочайшія повелѣнія объ опредѣленіяхъ членовъ и чиновъ совѣта и особенныя Высочайшія примѣчанія, которыми государь „предлагаетъ совѣту обратить вниманіе на извѣстные предметы (78—79 §§).

За изложеніемъ организаціи самого государственнаго совѣта слѣдуетъ въ его „Образованіи“ устройство установленій, принадлежащихъ къ государственному совѣту: 1) ком-

миссіи составленія законовъ, 2) коммиссіи прошеній и 3) государственной канцеляріи. Въ первой изъ коммиссій составляются проэкты всѣхъ законовъ, уставовъ и учрежденій, которые разсматриваются директоромъ коммиссіи и вносятся въ государственный совѣтъ (86 §). „Образованіе“ различаетъ три рода прошеній, поступающихъ въ коммиссію прошеній (жалобы, прошенія наградъ и милостей и проэкты), и опредѣляетъ образъ ея дѣйствій при полученіи каждаго изъ нихъ (95—113 §§). „Всѣ дѣла, входящія и исходящія изъ совѣта, производятся въ государственной канцеляріи“, гдѣ сообразно всѣмъ тремъ департаментамъ совѣта, исключая департамента законовъ [1]), находится три отдѣленія: 1) военныхъ и морскихъ дѣлъ, 2) гражданскихъ и духовныхъ и 3) государственной экономіи. На государственную же канцелярію возложены: „содержаніе и храненіе журналовъ, постановленій и архива и особенныя порученія“ (116 §). „Образованіе“ весьма подробно опредѣляетъ весь образъ производства дѣлъ въ государственной канцеляріи (117—143 §§), въ числѣ которыхъ не должны быть: 1) „дѣла, неоконченныя въ среднихъ или высшихъ мѣстахъ управленія, 2) дѣла, коихъ разрѣшеніе зависитъ отъ министровъ или властей, имъ подчиненныхъ, 3) дѣла, зависящія отъ рѣшенія сената, 4) дѣла, кои предоставлены министерскому комитету и, наконецъ, 5) дѣла текущія, когда не представлено при нихъ общаго положенія къ разрѣшенію подобныхъ случаевъ и на будущее время“ (118 §). Въ заключеніе „Образованія“ совѣта сказано, что „настоящія особенныя учрежденія государственнаго совѣта и его установленій имѣютъ быть дополняемы по усмотрѣнію нуждъ и обстоятельствъ на основаніи коренныхъ законовъ совѣта“ (144 §) [2]).

---

1) Для департамента законовъ мѣсто его канцеляріи занимала коммиссія составленія законовъ (примѣч. къ 116 § „Образованія“). 2) Въ концѣ „Образованія государ. совѣта“ приложены формы журналовъ совѣта (по Высочайшимъ

„Образованіе государственнаго совѣта“, въ числѣ членовъ котораго были важнѣйшіе сановники имперіи [1]), было препровождено по Высочайшему повелѣнію вмѣстѣ съ „Запискою о необходимости учрежденія государственнаго совѣта“ въ первый же день его открытія къ члену совѣта, военному министру графу Гудовичу, который долженъ былъ сообщить оба документа, „кому заблагоразсудится къ истинному понятію о семъ важномъ государственномъ установленіи“. Въ донесеніи Гудовича объ исполненіи этого Высочайшаго повелѣнія (4 янв. 1810 г.) было сказано, что „учрежденіе и образованіе сего надобного и столь важнаго правительства само по себѣ показываетъ весьма ощутительную проистекающую отъ того пользу“. Государь желалъ знакомствомъ общества съ „Образованіемъ“ достигнуть того, чтобы „всѣ благомыслящіе люди нашли въ немъ новый актъ самого твердаго Его желанія всѣми средствами дѣйствовать къ единому благу нашего отечества“ [2]). Въ тоже время Сперанскій писалъ Я. Д. Мерлину, что „государь, желая дать государственному совѣту принадлежащую ему твердость, съ особеннымъ вниманіемъ изволитъ заниматься избраніемъ людей, сословіе сіе составляющихъ и обязанныхъ содѣйствовать установленію порядка и нужной связи дѣлъ“ [3]). Александръ Павловичъ не переставалъ заботиться во все остальное время своего царствованія о составѣ совѣта и о необходимыхъ дополненіяхъ къ опредѣленіямъ о компетентности и

постановленіямъ и дѣламъ совѣта) и формы переписки совѣта съ разными учрежденіями.—1) Въ число членовъ государств. совѣта были назначены многіе члены непремѣннаго совѣта (графъ Н. И. Салтыковъ, графъ Гудовичъ, оба графа Румянцевы, оба князя Куракины, графы: Завадовскій, Кочубей и Аракчеевъ, князья Лопухинъ и Чарторыйскій, адмиралъ Мордвиновъ) и много новыхъ (два князя Голицыныхъ, графъ Потоцкій, маркизъ де-Траверсе, генералы: Философовъ, Барклай-де-Толли, Балашевъ и многіе другіе высшіе свѣтскіе чины. Всего при образованіи совѣта было назначено 35 членовъ, а во все царствованіе Александра 76 (Даневскій, 79—80 с., и IX прилож.), 2-3) Архивъ Гос. Совѣта, дѣла общаго собранія, 1 папка, 1 тетр., по архиву №№ 1 и 2.

образѣ веденія дѣлъ въ совѣтѣ. Такъ 27 марта 1810 г. рескриптомъ, послѣдовавшимъ на имя графа Румянцева, былъ учрежденъ подъ его предсѣдательствомъ „Комитетъ предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта"; на этотъ комитетъ было возложено „разсмотрѣніе окончательнаго образованія министерствъ, какъ предмета, непринадлежащаго отдѣльно ни къ одному изъ департаментовъ государственнаго совѣта" [1]). Названный комитетъ занимался обсужденіемъ общаго учрежденія министерствъ и проэктовъ учрежденія отдѣльныхъ министерствъ (иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ, военныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, полиціи и финансовъ) [2]); при разсмотрѣніи послѣдняго рода проэктовъ присутствовали и министры [3]). Въ комитетѣ предсѣдателей былъ возбужденъ вопросъ „о составленіи правилъ, служащихъ дополненіемъ къ учрежденію государственнаго совѣта" [4]); здѣсь же разсматривался предварительно проэктъ Сперанскаго объ образованіи сената [5]) и обсуждались многіе важные административные вопросы [6]). За исключеніемъ учрежденія комитета предсѣдателей департаментовъ совѣта, который дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, въ 1810—1811 г.г., „Образованіе совѣта въ 1810 г не потерпѣло существенныхъ измѣненій въ теченіе царствованія Александра I.

Относительно *компетентности* совѣта послѣдовали въ это время слѣдующія перемѣны въ „Образованіи". Въ 1810 г. было повелѣно всѣмъ министрамъ вносить „на предварительное разсмотрѣніе государственнаго совѣта всѣ представленія о военныхъ и гражданскихъ расходахъ и издержкахъ" [7]). Въ связи съ этимъ указомъ и самимъ „Образованіемъ" находится оп-

1, 2 и 6) Ibidem. Дѣла комитета предсѣдателей (1810—1811 г.), 1 папка, 2 и 4 тетрадь, 3) См. книгу протоколовъ засѣданій комитета предсѣдателей, 51—52 с., 4) См. ниже. Рѣшенія комитета предсѣдателей обыкновенно принимались цѣликомъ въ общемъ собраніи совѣта. О дѣятельности этого комитета будетъ рѣчь во 2-мъ томѣ нашего изслѣдованія. 5) Этотъ проэктъ будетъ изложенъ нами вкратцѣ ниже и подробно во 2 т. изслѣдованія. 7) П. С. З., XXXI, №№ 24,116 и 24,164.

редѣленіе въ послѣдовавшемъ вслѣдъ за „общимъ учрежденіемъ министерствъ“ [1]), „учрежденіи министерства финансовъ“ о томъ, чтобы министръ финансовъ вносилъ въ совѣтъ въ октябрѣ каждаго года общее росписаніе государственныхъ доходовъ и расходовъ; въ теченіе же года онъ долженъ былъ испрашивать разрѣшеніе на всякія чрезвычайныя и непредвидѣнныя въ смѣтѣ расходы [2]) Нѣкоторое отступленіе отъ законодательнаго характера „Образованія“ государственнаго совѣта было допущено дозволеніемъ министру юстиціи въ 1812 г. вносить въ совѣтъ слѣдственныя и уголовныя дѣла, касающіяся коренныхъ жителей Грузіи [3]). Но судебное значеніе совѣта особенно усилилось указомъ 1813 г. о передачѣ въ него изъ комитета министровъ докладовъ и рапортовъ сенатскихъ [4]). Этотъ указъ послѣдовалъ вслѣдствіе представленія предсѣдателя совѣта и комитета, графа Салтыкова, въ которомъ говорилось, что „комитетъ министровъ заваленъ всякаго рода текущими дѣлами и особенно же чрезвычайными и нетерпящими отлагательства дѣла министерствъ: военнаго, полиціи и финансовъ“. Вслѣдствіе этого, заявлялось въ докладѣ, комитету министровъ не остается времени на разсмотрѣніе докладовъ и рапортовъ сената. Всѣ эти доклады и рапорты комитетъ просилъ препроводить въ департаментъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта и предоставить и впредь министру юстиціи право вносить въ него судебныя дѣла. Государь разрѣшилъ эту мѣру, вызванную особенными обстоятельствами, въ особенности въ виду того, что и по „Образованію“ 1810 г. государственный совѣтъ вѣдалъ нѣкоторыя судебныя дѣла, поступавшія въ него изъ коммиссіи прошеній

1) „Общее учрежденіе министерствъ“ опредѣлило точнымъ образомъ отношенія министровъ къ госуд. совѣту (см. ниже). 2) П. С. З., XXXI, № 24,688, (195 и 200 §§). 3) XXXII, № 24.965; см. еще XXXVI, № 27,783, 4) XXXII, № 25,371.

куда поступали жалобы на рѣшенія департаментовъ сената (103 §). Но такой порядокъ обжалованія сенатскихъ рѣшеній допускался „Образованіемъ“ только въ видѣ временной мѣры, „до окончательнаго образованія судебной части“ (98 §). Причемъ были запрещены жалобы на рѣшенія общихъ собраній совѣта (97 §). Указъ же 1813 г. превратилъ государственный совѣтъ въ высшую инстанцію по отношенію и къ общему собранію сената. А такъ какъ послѣдній не получилъ „окончательнаго образованія“ при Александрѣ I, то государственный совѣтъ остался высшимъ судебнымъ учрежденіемъ въ государствѣ [1]), чѣмъ до извѣстной степени ослаблялась главная, законодательная его роль въ управленіи. Судебная власть совѣта, уменьшавшая права сената, была увеличена еще указомъ 1821 г. о представленіи въ совѣтъ начальниками губерній „приговоровъ уголовныхъ палатъ о подсудимымъ нижнихъ чиновъ людяхъ, имѣющихъ знаки отличія“ [2]). Административная власть государственнаго совѣта была уменьшена подчиненіемъ (въ 1815 г.) военнаго департамента совѣта вновь учрежденному главному штабу, какъ „средоточію всѣхъ частей военнаго управленія въ высшемъ ихъ отношеніи“. Но въ тоже время начальникъ главнаго штаба приглашался въ военный департаментъ совѣта только въ случаѣ какой-либо надобности [3]). Съ другой стороны, по указамъ 1823 и 1825 г.г. совѣтъ долженъ былъ разсматривать смѣты о доходахъ и расходахъ обѣихъ столицъ, которыя въ концѣ каждаго года вносилъ въ него министръ внутреннихъ дѣлъ [4]).

Относительно *порядка производства дѣлъ* въ совѣтѣ были составлены (19 янв. 1811 г.) въ комитетѣ предсѣдателей де-

1) Судебныя дѣла, поступавшія изъ сената въ совѣтъ, составляли огромное число дѣлъ, рѣшеніемъ которыхъ онъ занимался при Александрѣ I (Даневскій, 81 с.). 2) П. С. З., XXXVII, № 28,666. 3) XXXIII, № 26,021. 4) XXXVIII, № 29,433 и XL, № 30,378.

партаментовъ совѣта уже упомянутыя нами „Правила“, въ которыхъ шла рѣчь о большей свободѣ мнѣній членовъ совѣта въ продолженіе разсужденій и объ ограниченіи этой свободы, разъ предсѣдатель спроситъ о согласіи или несогласіи каждаго члена на предложенный имъ вопросъ. Было постановлено комитетомъ, чтобы „по собраніи отвѣтовъ, когда предсѣдатель объявитъ мнѣніе, большинствомъ голосовъ принятое, никто не имѣетъ права утверждать, что вопросъ ему предложенный, не въ томъ разумѣ былъ имъ принятъ и вновь вчинать разсужденіе. Вопросъ считать оконченнымъ, какъ скоро голоса собраны и предсѣдателемъ объявлены“ [1]). „До 1816 г. журналы совѣта восходили, по словамъ Сперанскаго, на Высочайшее усмотрѣніе въ подлинникѣ, во время же отсутствія государя въ спискахъ. Но съ 1816 г. по причинамъ, кои опредѣлить трудно, введены такъ называемыя *меморіи*“ [2]). Немного ранѣе (въ 1815 г.) въ департаментѣ законовъ былъ установленъ точный порядокъ веденія журналовъ занятій департамента по части законодательной. Было рѣшено „записывать въ нихъ время и число засѣданій, предметы занятій департамента и дѣлаемыя имъ по онымъ положенія“. Департаментъ законовъ потомъ также ввелъ меморіи: въ 1820 г. въ немъ состоялось опредѣленіе, чтобы „дѣла, требующія пополненія законовъ или изданія

---

1) Дѣла Арх. Гос. Совѣта, комитета предсѣдателей, 1 папка, 4 тетр., журналъ № 11, по архиву № 34; изъ дѣла не видно, было ли утверждено государемъ это мнѣніе комитета или нѣтъ. 2) Сперанскій: „О государ. установленіяхъ“, 47 с. „Здѣсь, говоритъ Сперанскій, встрѣчаются два вопроса: 1) чѣмъ удостовѣриться, что сіи выписки представляютъ дѣло во всей полнотѣ его и ясности и 2) если онѣ представляютъ его во всей полнотѣ и ясности, достойной верховнаго рѣшенія государя, то почему же онѣ не суть журналы и списки съ журналовъ?“ (ibidem). Сомнѣніе Сперанскаго относительно сходства меморій съ подлинными журналами совѣта подтверждается сенаторомъ Барановымъ, который замѣчаетъ, что „меморіи обыкновенно излагаются въ содержаніи своемъ столь кратко, что почти ни по которой изъ нихъ полнаго объ обстоятельствахъ дѣла понятія имѣть не можно“ (Дѣла комитета 6 дек. 1886 г., № 80).

новаго", докладывались статсъ-секретаремъ или его помощникомъ въ краткихъ запискахъ. Всѣ заключенія департамента законовъ по дѣламъ частнымъ должны были своевременно опубликовываться, „дабы судебныя мѣста при рѣшеніи сходныхъ дѣлъ могли руководиться положеніями совѣта" [1]). Въ 1817 г. было опредѣлено, чтобы дѣла, вносимыя изъ сената въ совѣтъ, были возвращены обратно въ сенатъ для новыхъ ихъ рѣшеній, если совѣтъ найдетъ, что дѣло рѣшено сенатомъ несогласно съ наличными документами, поступившими въ совѣтъ уже послѣ перехода дѣла въ него изъ сената [2]). Въ 1818 г. было постановлено, что 1) „въ рѣшеніяхъ совѣта никакія уваженія не должны имѣть мѣста, кромѣ закона; одинъ онъ долженъ быть всегда существеннымъ основаніемъ его сужденій и заключеній; и 2), что совѣтъ въ дѣлахъ, ему предлагаемыхъ, пользуясь всею свободой мнѣній, обязанъ со всею точностью вникать въ силу вопросовъ, не удаляться отъ существа ихъ и, не предаваясь влеченію мыслей постороннихъ и неопредѣлительныхъ, основывать свои заключенія на сужденіяхъ положительныхъ" [3]). „Въ томъ-же году было повелѣно, чтобы предсѣдателемъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта былъ старшій изъ предсѣдателей департаментовъ, если не будетъ къ тому Высочайше назначенъ иной членъ совѣта" [4]). Кромѣ этихъ указовъ, опредѣлявшихъ порядокъ производства дѣлъ въ совѣтѣ, въ теченіе царствованія Александра I были вводимы нѣкоторыя временныя правила о производствѣ въ немъ дѣлъ вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ и по случаю отсутствія государя изъ столицы. Такъ въ 1812 г. были соединены вмѣстѣ департаменты законовъ и государственной экономіи, ко-

---

1) Архивъ Гос. Совѣта, изд. Калачева, IV, 2, 1—6 с. 2) П. С. З., XXXIV, № 26,630. 3) Даневскій, 74 с. Это постановленіе состоялось, вѣроятно, не безъ вліянія извѣстныхъ намъ „Правилъ" комитета предсѣдателей департаментовъ совѣта. 4) Даневскій, Ibidem.

торые должны были обратить особенное вниманіе на финансовое положеніе государства и позаботиться при помощи министра финансовъ „пріискать способы возстановленія и усиленія довѣрія къ благонамѣренности и постоянству правительственныхъ мѣръ по части финансовой“. Означеннымъ соединеннымъ департаментамъ совѣта были предоставлены тѣмъ же указомъ большія полномочія въ расходованіи государственныхъ доходовъ „въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства“. За исключеніемъ финансовыхъ дѣлъ, всѣ остальныя дѣла, подчиненныя соединеннымъ департаментамъ совѣта, поступали на разсмотрѣніе общаго его собранія, рѣшенія котораго препровождались на утвержденіе государя[1]). По случаю же отъѣзда императора Александра I изъ столицы въ 1814 г. государственный совѣтъ былъ уполномоченъ приводить въ дѣйствіе свои рѣшенія по разнымъ вопросамъ, за исключеніемъ только дѣлъ, представленныхъ на утвержденіе государя. Сюда относятся: постановленіе новыхъ законовъ, установленіе новыхъ налоговъ или ихъ уничтоженіе, сложеніе недоимокъ или прощеніе значительныхъ казенныхъ взысканій, возведеніе въ дворянское достоинство, лишеніе онаго и наказаніе дворянъ за уголовныя преступленія[2]). Этотъ указъ былъ подтвержденъ въ 1715 г. по тому же поводу[3]). Такой же временный характеръ имѣли и Высочайшія повелѣнія 1816 и 1817 г.г., въ силу которыхъ коммиссія прошеній, не ожидая особыхъ Высочайшихъ повелѣній, должна была вносить всѣ дѣла, поступающія на ея разсмотрѣніе, прямо отъ себя съ своими заключеніями на окончательное разрѣшеніе въ государственный совѣтъ, правительствующій сенатъ, а съ 1820 г. и комитетъ министровъ[4]).

---

1) П. С. З., XXXII, №№ 25,073, 25,074. 2) XXXII, № 25,668. 3) XXXIII, №№ 28,402, 28,403. 4) XXXIII, № 26,403, XXXIV, № 27,025, XXXVII, № 28,343.

Изъ установленій, принадлежащихъ къ государственному совѣту, устройство государственной канцеляріи было предметомъ неоднократныхъ разсужденій въ общемъ собраніи совѣта. Въ дѣлахъ общаго собранія совѣта, хранящихся въ его архивѣ, находится проэктъ государственнаго секретаря, Оленина о составѣ государственной канцеляріи и ея штатѣ. Въ докладной запискѣ Оленина государю (17 авг. 1817 г.) говорится о необходимости учредить въ государственной канцеляріи извѣстное число должностей: товарищей помощниковъ статсъ-серетарей, старшихъ и младшихъ письмоводителей и протоколистовъ [1]). Предположенія Оленина были одобрены государемъ, но не осуществлены скоро. Въ октябрѣ 1817 г. были назначены временно три чиновника въ государственную канцелярію. Въ ноябрѣ того же года Оленинъ составилъ примѣрный штатъ служащихъ въ государственной канцеляріи, „столь много нынѣ обремененной количествомъ исполнительныхъ бумагъ и столь мало имѣвшей средства къ надлежащему исполненію оныхъ“. По словамъ Оленина штата государственной канцеляріи „съ учрежденія государственнаго совѣта вовсе не существовало и оклады чиновникамъ были различны“. Въ январѣ 1818 г. графъ Аракчеевъ пишетъ Оленину, что „Е. В. замѣнилъ названіе помощниковъ статсъ-секретарей, какъ неприличное, экспедиторами и утвердилъ примѣрный штатъ канцеляріи, представленный Оленинымъ [2]). Но только въ 1825 г. послѣдовалъ указъ о новомъ устройствѣ государственной канцеляріи согласно проэкту Оленина:

---

1) По проэкту Оленина товарищи помощниковъ статсъ-секретарей (8) должны были, по назначенію статсъ-секретарей, докладывать и производить дѣла въ департаментахъ въ пособіе помощникамъ. Письмоводители, старшіе и младшіе (8), должны заниматься производствомъ дѣлъ по назначенію статсъ-секретарей и ихъ помощниковъ. Протоколисты (4) обязаны переписывать набѣло журналы государственнаго совѣта и исполненія по онымъ. (При запискѣ Оленина приложенъ штатъ всѣмъ этимъ чиновникамъ). 2) Дѣла общаго собранія госуд. совѣта, журналъ № 14, по архиву № 36.

въ этомъ указѣ подробно опредѣлены особенно обязанносги помощниковъ статсъ-секретарей, званіе которыхъ оставлено на ряду съ экспедиторами [1]). Наконецъ, въ коммиссіи составленія законовъ, которая возникла еще при Петрѣ I и при образованіи государственнаго совѣта въ 1810 г. присоединена къ нему въ качествѣ особеннаго установленія, въ 1816 году былъ составленъ новый штатъ и упразднено Высшее училище правовѣдѣнія, которое состояло при коммиссіи [2]), а въ 1817 г. учреждена при ней типографія [3]).

Всѣми указанными измѣненіями въ „Образованіи государственнаго совѣта" 1810 г. оно только дополнялось, но основной его характеръ не нарушился: государственный совѣтъ остается во все время царствованія Александра I высшимъ, законодательнымъ и административнымъ, учрежденіемъ. Но въ „Образованіи" 1810 г., однако, заключались нѣкоторые существенные недостатки; на нихъ обратили вниманіе въ послѣдствіи члены комитета 6 дек. 1826 г., душою котораго былъ графъ Сперанскій [4]). Такъ авторъ „Зиписки объ устройствѣ верховныхъ правительственныхъ мѣстъ въ Россіи" замѣчаетъ, что „совѣтъ названъ въ его „Образованіи" сословіемъ, занимающимся только законодательными дѣлами, а между тѣмъ къ законамъ причислены уставы и учрежденія, которые уже не суть законы, но мѣры, къ исполненію законовъ принимаемыя. Законъ постановляетъ, напр., что товары, привозимые и отвозимые, должны платить пошлину; но распоряженіе, какъ взимать сей сборъ, то есть, учрежденіе для сего таможенъ и правилъ, которымъ онѣ должны слѣдовать, принадлежитъ уже къ порядку исполнительпому. Правила сіи могутъ и должны быть перемѣняемы по обстоятельствамъ времени и мѣстъ, они различны по морямъ и границамъ, чрезъ которыя про-

---

1) П. С. З., XL, № 30,251. 2) XXXIII, № 26,170. 3) XXXIV, № 26,737
4) Романовичъ-Славатинскій: „Графъ Сперанскій", 34 с.

изводится торговля и т. д., и составляютъ предметъ управленія, до законодательства неотносящійся“ [1]). Мы видѣли, что и самъ Сперанскій относитъ уставы и учрежденія къ вѣдомству исполнительной власти и включаетъ ихъ въ кругъ дѣятельности государственнаго совѣта только въ виду того, чтобы сложить съ правительства отвѣтственность за нихъ. „Законодательное сіе сословіе, продолжаетъ авторъ упомянутой записки, раздѣлено на департаменты: 1) собственно законовъ, 2) дѣлъ военныхъ, 3) гражданскихъ и духовныхъ и 4) государственной экономіи. Раздѣленіе сіе показываетъ, что сверхъ законодательства присвоены сословію совѣта и дѣла управленія по исполнительной части, ибо въ означеніи дѣлъ, подлежащихъ уваженію совѣта, между прочимъ въ § 29 помѣщены: 2) „предметы внутренняго управленія, требующіе отмѣны, ограниченія или дополненія прежнихъ положеній и 4) мѣры и распоряженія общія, пріемлемыя къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ и учрежденій“. „Что три департамента совѣта установлены для дѣлъ управленія, доказываетъ, говорится далѣе въ той же запискѣ, уже ихъ наименованіе, ибо первый названъ департаментомъ законовъ, а прочіе—департаментами дѣлъ военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ и экономіи, и въ первый „входитъ все то, что по существу своему составляетъ предметъ закона“. Но предметы закона суть и гражданскіе, и военные, и морскіе, и духовные, и полицейскіе, и экономическіе и проч. Посему не предметы законовъ входятъ въ прочіе три департамента, а предметы управленія, какъ-то яснѣе опредѣлено въ § 29. И потому они установились мѣстами управленія въ порядкѣ исполнительномъ“.

---

1) Дѣла комитета 6 дек. 1826 г., № 63. Эта „Записка“, которую мы обозначаемъ запиской графа Дибича, сходна съ запиской неизвѣстнаго съ такимъ же заглавіемъ, хранящейся въ дѣлахъ Архива Госуд. Совѣта. На послѣдней есть надпись, что она найдена въ бумагахъ министра финансовъ при Александрѣ I, графа Гурьева послѣ его смерти.

Балугьянскій, указывающій также на то, что совѣту „предоставлены нѣкоторыя дѣла исполнительныя“, цитируетъ въ доказательство, кромѣ 2 и 4 п. 29 §, ёще 5 и 6 п. того-же §[1]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ составѣ государственнаго совѣта придано особенное значеніе департаменту законовъ, какъ мѣсту, гдѣ должны были обсуждаться проэкты законовъ, предварительно редактированные въ коммиссіи составленія законовъ, и что въ остальные три департамента входили разные предметы внутренняго управленія (3—5 §§). Такое первенствующее значеніе въ совѣтѣ департамента законовъ совершенно понятно, если имѣть въ виду назначеніе государственнаго совѣта въ имперіи, какъ законосовѣщательнаго учрежденія. Изъ дѣлъ, подлежащихъ уваженію совѣта, предметы внутренняго управленія, требующіе отмѣны, ограниченія или дополненія прежнихъ положеній, относятся, очевидно, также къ области законодательства. Что касается „мѣръ и распоряженій общихъ, пріемлемыхъ къ успѣшнѣшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ и учрежденій, общихъ внутреннихъ мѣръ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыхъ, и объявленія войны, заключенія мира и другихъ важныхъ внѣшнихъ мѣръ“ (4—6 п. 29 §), то всѣ эти предметы государственнаго управленія на столько важны, что обсужденіе и принятіе ихъ не можетъ быть довѣрено отдѣльнымъ министрамъ и поэтому то и другое поручается высшему законодательному учрежденію въ имперіи—государственному совѣту, гдѣ предсѣдательствуетъ самъ государь—верховный глава всего управленія. Необходимо, однако, замѣтить, что нѣкоторые изъ предметовъ управленія, входящихъ въ вѣдомство трехъ послѣднихъ департаментовъ совѣта, обсуждаются въ нихъ въ качествѣ законодательныхъ мѣръ. Это видно изъ 39 и

1) Балугьянскій: „Разсужденіе о средствахъ исправленія учрежденій и законодательства въ Россіи. О учрежденіи высшихъ правительственныхъ мѣстъ“ (Дѣла комитета 6 дек. 1826 г., по описи № 62).

41 §§ „Образованія“. Въ силу 39 § всѣ департаменты разсматриваютъ самостоятельно „положенія, заключающія въ себѣ изъясненія точнаго разума существующихъ законовъ и приложеніе ихъ къ частнымъ случаямъ и непредполагающія новаго закона, устава или учрежденія, ни отмѣны прежнихъ постановленій или дополненія ихъ“. Всѣ такія „положенія не поступаютъ изъ департаментовъ въ общее собраніе совѣта, но представляются въ журналахъ ихъ непосредственно на Высочайшее усмотрѣніе“. По силѣ же 41 § „во всѣхъ положеніяхъ департамента по дѣламъ частнымъ заключенія совѣта изображаются въ общемъ видѣ закона или учрежденія, дабы разрѣшеніемъ одного случая можно было объять всѣ другіе съ нимъ однородные“. Въ обоихъ этихъ §§, слѣдовательно, не дѣлается различія между департаментомъ законовъ и остальными департаментами государственнаго совѣта и всѣхъ ихъ положеніямъ по указаннымъ предметамъ придается „общій видъ закона или учрежденія“. Для „положеній“, въ которыхъ заключаются „изъясненія, предписывающія только образъ исполненія или установляющія истинный ихъ разумъ“, опредѣлена „Образованіемъ“ особая форма,—„мнѣнія государственнаго совѣта“ гдѣ требуется только одна подпись государя („быть по сему“—75 §)[1]. Третьимъ важнымъ недостаткомъ въ „Образованіи“ 1810 г. является въ глазахъ автора „Записки объ устройствѣ верховныхъ правительственныхъ мѣстъ“ то, что въ число предметовъ дѣятельности совѣта включены объявленіе войны и заключеніе мира, которыя „не только въ правленіяхъ самодержавныхъ, но и въ ограниченныхъ монархіяхъ никогда не принадлежали къ уваженію законодательнаго сословія; всѣ

1) Примѣчаніе. Относительно опредѣленія компетентности департамента государственной экономіи допущена, по нашему мнѣнію, „Образованіемъ“ нѣкоторая несистематичность: къ его вѣдомству отнесены „предметы наукъ“, которые не имѣютъ ничего общаго съ государственной экономіей и скорѣе принадлежать къ департаменту гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ.

покушенія присвоить оныя сему сословію во время волненій во Франціи были тщетны: они исключительно принадлежатъ исполнительной власти и могутъ быть только уважаемы въ тайномъ совѣтѣ государя". Ссылка автора „Записки" въ этомъ случаѣ на Францію вѣрна: въ эпоху консульства и первой имперіи иностранныя дѣла были изъяты изъ вѣдомства государственнаго совѣта и поручены частному совѣту главы государства. Но исторія совѣщательныхъ учрежденій въ Россіи со времени Петра I показываетъ, что русскіе монархи считали необходимымъ вносить внѣшнія дѣла на обсужденіе и рѣшеніе совѣтовъ. Эти дѣла стояли даже на первомъ планѣ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, Конференціи и Совѣтѣ при Высочайшемъ дворѣ. Внесеніе на „предварительное общее соображеніе" совѣта вопросовъ объ „объявленіи войны, заключеніи мира и другихъ важныхъ внѣшнихъ мѣръ" опредѣлялось „Образованіемъ усмотрѣніемъ обстоятельствъ", зависящимъ отъ воли государя. Наконецъ, Балугьянскій указываетъ, какъ на недостатокъ въ учрежденіи государственнаго совѣта, „недостаточность числа членовъ въ департаментахъ: два или три лица соображаютъ многократно дѣла, требующія разновидныхъ соображеній". Но этотъ недостатокъ не заключался въ самомъ „Образованіи", которое не устанавливало опредѣленнаго числа членовъ въ каждомъ изъ департаментовъ: отъ воли государя всегда зависѣло назначить въ нихъ то или другое ихъ число.

Такимъ образомъ, всѣ эти замѣчанія членовъ комитета 1826 г. въ сущности не подрываютъ основаній „Образованія государственнаго совѣта" 1810 г., которое точно опредѣлило положеніе совѣта въ ряду другихъ высшихъ учрежденій имперіи и установило ясно его составъ, компетентность и весь ходъ дѣлопроизводства въ совѣтѣ. Отсюда объясняется тотъ особенный успѣхъ, какой обнаружился въ дѣятельности государственнаго совѣта съ момента его образованія въ 1810

году и до конца царствованія Александра I. Въ это время государственный совѣтъ разсмотрѣлъ проэкты гражданскаго, уголовнаго и торговаго уложенія и гражданскаго судопроизводства [1]) и издалъ цѣлый рядъ законовъ по разнымъ частямъ гражданскаго (семейнаго, наслѣдственнаго и имущественнаго) и уголовнаго права, гражданскаго и уголовнаго судопроизводства [2]). Совѣтъ занимался вопросомъ о дополненіяхъ къ собственному устройству [3]), преобразованіемъ министерствъ (изданіемъ общаго учрежденія министерствъ и учрежденій отдѣльныхъ министерствъ—финансовъ, полиціи и др.[4]), реорганизаціей сената [5]), общихъ губернскихъ учрежденій [6]), изданіемъ разнаго рода уставовъ (устава о службѣ гражданской, о повинностяхъ—рекрутской и земскихъ,—о податяхъ, пошлинахъ и винокуреніи, устава таможеннаго, монетнаго, горнаго, солянаго, лѣснаго) и законами о состояніяхъ [7]). Дѣятельность государственнаго совѣта была направлена, далѣе, на преобразованія въ области торговли и промышленности (уставы: торговой, о векселяхъ, торговыхъ судахъ, консульствѣ, о заводской и фабричной промышленности), улучшеніе путей сообщенія и почтъ и развитіе народнаго образованія, общественнаго призрѣнія и врачебной части въ имперіи [8]). Совѣтомъ были изданы еще нѣкоторыя особенныя учрежденія (—для земли войска донскаго, астраханскаго казачьяго войска, таганрогскаго градоначальства, Кавказа, прибалтійскихъ губерній и Финляндіи) [9]). Кромѣ всего этого, государственный совѣтъ во вторую половину царствованія Александра I былъ долго занятъ вопросомъ о положеніи русскихъ государственныхъ финансовъ [10]) и разрѣшеніемъ судеб-

1) См. Архивъ Госуд. Совѣта, изд. Калачева, IV, 1. 2) А. Г. С., IV, 2, 369—692 и 807—880 с. 3) А. Г. С., IV, 2, 1—6 с. 4) См. дѣла комитета предсѣдателей, А. Г. С., 1 папка, 4 тетр. и Пермское письмо, 50 с. 5) А. Г. С., дѣла комитета предсѣдателей, 2 папка, Пермское письмо, 51 с., А. Г. С., изд. Калачева, IV, 2, 7—22 с. 6) А. Г. С., IV, 2, 23—43 с. 7) Ibidem, 44—368 с. 8–9) Ibidem, 693—870 и 871—1010 с. 10) Отчетъ Сперанскаго за 1810 г. (Дѣла общаго собранія гос. совѣта, 1 папка, по архиву № 2).

ныхъ дѣлъ, разсмотрѣніе которыхъ сначала было подчинено совѣту въ видѣ временной мѣры, а потомъ они остались въ его вѣдомствѣ до конца царствованія Александра I: „совѣтъ былъ учрежденъ, по словамъ Сперанскаго, не для разрѣшенія судебныхъ дѣлъ, но для того, чтобы власти законодательной, доселѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія“ [1]).

Одной изъ первыхъ работъ государственнаго совѣта, порученныхъ ему манифестомъ объ его образованіи [2]), было обсужденіе необходимыхъ преобразованій въ организаціи министерствъ. Сперанскій представилъ государю обширную записку о недостаткахъ въ существующихъ съ 1802 г. министерствахъ [3]). Въ запискѣ были развиты мысли, изложенныя Сперанскимъ въ его „Проэктѣ уложенія государственныхъ законовъ“. Разсматривая устройство министерствъ въ 1802 году, Сперанскій, между прочимъ, замѣчаетъ, что „ни внутри министерствъ, ни въ частяхъ, отъ нихъ зависящихъ, не сдѣлано никакого правильнаго образованія. Отсюда произошло, что дѣла, не бывъ раздѣлены на свои степени, всѣ попрежнему стекаются въ однѣ руки и естественно производятъ пустое многодѣліе и безпорядокъ. Время главнаго начальника безпрестанно пожирается тѣмъ, что долженъ бы былъ дѣлать одинъ изъ нижнихъ его подчиненныхъ; развле-

---

1) Отчетъ Сперанскаго (С. Р. И. О., XXI, 449 с., прим.). 2) Въ манифестѣ было сказано, что „различныя части, министерствамъ ввѣренныя, требуютъ разныхъ дополненій. При первоначальномъ ихъ учрежденіи предполагаемо было, постепенно и соображаясь съ самымъ ихъ дѣйствіемъ, приводить сіи установленія къ совершенству. Опытъ показалъ необходимость довершить ихъ удобнѣйшимъ дѣлъ раздѣленіемъ“. Манифестъ обѣщалъ „предложить совѣту начала окончательнаго устройства министерствъ и главныя основанія общаго министерскаго наказа, въ коемъ съ точностью опредѣлятся отношенія министровъ къ другимъ государственнымъ установленіямъ и будутъ означены предѣлы дѣйствія и степень ихъ отвѣтственности“. 3) См. 3 гл. нашего изслѣдованія, 803—804 стр.

ченное на множество текущихъ дѣлъ, вниманіе не можетъ обозрѣть ихъ въ цѣлости и, вмѣсто того, чтобы остановиться на главныхъ и существенныхъ усмотрѣніяхъ безпрестанно разсѣевается въ мелкомъ надзорѣ исполненія" [1]). „Безпорядокъ и смѣшеніе при личныхъ взаимныхъ недоразумѣніяхъ доходили до крайности въ министерствахъ 1802 г.", писалъ въ послѣдствіи Сперанскій государю [2]). Для новаго устройства министерствъ Сперанскій предлагалъ „опредѣлить положительными и твердыми правилами отвѣтственность министровъ и ея порядокъ, раздѣлить вѣдомство государственныхъ дѣлъ" сообразно съ однороднымъ характеромъ главныхъ отраслей управленія и прежде изданія особенныхъ учрежденій для отдѣльныхъ министерствъ вообще „дать имъ внутреннее учрежденіе или распорядокъ разныхъ ихъ частей и постепенность ихъ управленія, заключающую въ себѣ одинъ изъ важнѣйшихъ способовъ сохранить единство въ обширномъ кругѣ дѣйствія. Министерство, говорилъ Сперанскій въ заключеніи къ своей запискѣ, на сихъ основаніяхъ составленное, то есть, окруженное законною отвѣтственностью, соразмѣренное въ частяхъ своихъ, естественной ихъ связи и снабженное уставами и учрежденіями, будетъ дѣйствовать съ силою и уваженіемъ и станетъ на той высотѣ, которое ему первое его установленіе предназначало, но коей оно не могло достигнуть" [3]). Преобразованіе министерствъ въ 1810 г. началось съ изданія манифеста „О новомъ раздѣленіи государственныхъ дѣлъ въ порядкѣ исполнительномъ". Число министерствъ было увеличено новыми, самостоятельными вѣдомствами управленія: министерствомъ полиціи, главнымъ управленіемъ духовныхъ дѣлъ разныхъ исповѣданій, главнымъ управленіемъ путей сообщенія и государственнаго казначейства и ревизіи государственныхъ счетовъ, отдѣлен-

---

1 и 3) Корфъ, 122—124 с. 2) Пермское письмо, 50 с.

ныхъ отъ министерства финансовъ[1]). Манифестъ подробно опредѣляетъ предметы вѣдомства каждаго изъ министерствъ[2]). Одновременно съ изданіемъ этого манифеста продолжались работы надъ общимъ учрежденіемъ министерствъ, начатыя немного ранѣе въ особо образованномъ для этой цѣли (27 мая 1810 г.) комитетѣ предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта[3]) „Общій уставъ“ министерствъ, составленный, какъ и манифестъ о раздѣленіи государственныхъ дѣлъ Сперанскимъ, былъ единогласно одобренъ всѣми членами комитета и потомъ безъ всякихъ возраженій принятъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта[4]). „Общее учрежденіе министерствъ“, изданное 25 іюня 1811 г.[5]), распадалось на двѣ части, изъ которыхъ въ первой опредѣлялись управленіе и составъ министерствъ и его главныхъ частей (департаментовъ, совѣта министровъ, общаго присутствія отдѣленій департамента, канцеляріи министра и особенныхъ установленій, состоящихъ при нѣкоторыхъ министерствахъ), порядокъ опредѣленія, увольненія, производства въ чины и награды чиновникамъ министерства и порядокъ производства дѣлъ въ министерствахъ (16—204 §§). Во второй части „Общаго учрежденія министерствъ“ содержится общій имъ наказъ, гдѣ опредѣляются: степень и предѣлы власти министровъ, ихъ отношеніе къ государственному совѣту и сенату, взаимныя сношенія другъ съ другомъ и подчиненными имъ мѣстами, отвѣтственность министровъ и обязанности, степень и предѣлы власти директоровъ департа-

---

1) „Въ раздѣленіи министерствъ, писалъ Сперанскій изъ Перми государю, допущена нѣкоторая отъ прежняго перемѣна въ размѣщеніи или, такъ сказать, въ рамахъ дѣлъ; но рамы сіи никогда не могли быть неподвижны и на будущее время нѣсколько разъ еще измѣниться могутъ“ (50 с.). 2) П. С. З., XXXI, № 24,307. 3) Обо всей дѣятельности этого комитета будетъ идти рѣчь во 2 томѣ нашего изслѣдованія. 4) Пермское письмо, 50 с., А. Г. С., дѣла комитета предсѣдателей, 1 папка, 4 тетрадь (см. подлинные журналы комитета). 5) П. С. З., XXXI, № 24,686.

ментовъ и другихъ чиновниковъ, принадлежащихъ къ составу министерства (205—401 §§). Въ организаціи министерствъ были правильно соединены личный и коллегіальный принципы, разграниченіе которыхъ произведено Сперанскимъ сообразно самой сущности разныхъ родовъ дѣлъ управленія. Во главѣ каждаго министерства былъ поставленъ министръ, управлявшій единолично всѣми дѣлами министерства (16 и 70 §§), руководившій общимъ ихъ движеніемъ въ министерствѣ (297 §) и лично отвѣтственный за весь ходъ ихъ предъ Верховною властью (278—296 §§). Каждый изъ департаментовъ, на которыя подраздѣлялись всѣ министерства, былъ порученъ завѣдованію директора, также отвѣтственнаго „за точное исполненіе всего, что постановлено уставомъ или учрежденіемъ той части" (21—299 §§). Каждое изъ отдѣленій департаментовъ также имѣло своего начальника (23 и 322 §§). Канцеляріей министра управлялъ ея директоръ, а отдѣленіями канцеляріи—ихъ начальники (36—37 §§). На канцелярію министра возложено распредѣленіе всѣхъ дѣлъ министерства по его департаментамъ, общее ихъ производство и исполненіе особыхъ порученій министра и его приказовъ „по тѣмъ дѣламъ, кои не принадлежатъ ни къ одному департаменту, или кои министръ предоставилъ собственному своему усмотрѣнію и рѣшенію (35, 91, 54 и 315 §§). Департаменты составили отдѣльныя части министерства (20 §). Коллегіальный элементъ въ министерствахъ былъ представленъ совѣтомъ министра изъ директоровъ всѣхъ департаментовъ для всего министерства и общимъ присутствіемъ отдѣленій для каждаго департамента: въ обоихъ учрежденіяхъ разсматриваются дѣла, требующія по важности ихъ общаго соображенія (25—31 §§). Но какъ министръ не связанъ въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ мнѣніемъ своего совѣта (30 §), такъ и для директора департамента необязательно мнѣніе общаго присутствія отдѣленій департамента (35 §). Общее учрежденіе мини-

стерствъ точно опредѣляетъ положеніе ихъ въ управленіи. Министерства—такія установленія „въ порядкѣ государственныхъ силъ, посредствомъ коихъ Верховная исполнительная власть дѣйствуетъ на всѣ части управленія (206 §). Министерства установлены на тотъ конецъ, чтобы непрерывнымъ дѣйствіемъ ихъ и надзоромъ доставить законамъ и учрежденіямъ скорое и точное исполненіе (207 §). Существо власти, ввѣряемой министрамъ, принадлежитъ единственно къ порядку исполнительному; никакой новый законъ, никакое новое учрежденіе или отмѣна прежняго не могутъ быть установляемы властью министра (208 §). Всѣ министры въ дѣйствіяхъ ихъ подчинены непосредственно верховной власти (209 §). Власть министровъ состоитъ въ томъ, что они могутъ понуждать всѣ подчиненныя имъ мѣста и лица къ исполненію законовъ и учрежденій (210 §). Отношеніе министровъ къ власти законодательной состоитъ въ томъ, что они могутъ представлять въ государственный совѣтъ о необходимости новаго закона или учрежденія или объ отмѣнѣ прежняго (220—221 §§). Представленія министровъ должны содержать въ себѣ: 1) точное изложеніе существующихъ законовъ или учрежденій, 2) недостатокъ или важныя неудобства, опытомъ удостовѣренныя, 3) предположенія министровъ или проэктъ новаго закона или учрежденія (222 §). Министру вмѣняется въ обязанность приводить въ точное исполненіе законы или учрежденія по разсмотрѣніи ихъ въ законодательномъ порядкѣ, хотя бы они и противорѣчили первоначальнымъ предположеніямъ министра (226—227 §§). Кромѣ проэктовъ новыхъ законовъ, уставовъ или учрежденій, министръ вноситъ на уваженіе государственнаго совѣта всѣ административные вопросы и дѣла, обозначенные въ 29 § „Образованія“ совѣта (228 §). Министерства подчиняются правительствующему сенату, который является „средоточіемъ исполнительныхъ дѣлъ“ (231 §). Отношенія министровъ къ

сенату возникаютъ: 1) по дѣламъ исполнительнымъ общимъ и 2) дѣламъ, требующимъ особеннаго Высочайшаго разрѣшенія (233 §). Къ дѣламъ перваго рода относятся всѣ тѣ, относительно исполненія которыхъ встрѣтится какое-либо затрудненіе, требующее сношеній съ другими учрежденіями, или же вытекающія изъ необходимости соблюденія казеннаго и частнаго интереса и др. (234 §). Дѣла втораго рода „предполагаютъ новый распорядокъ или дополненіе правилъ, также ограниченіе, распространеніе или отмѣну мѣръ, прежде правительствомъ принятыхъ и Высочайше утвержденныхъ“ (235 §). Наконецъ, отношеніе министровъ къ судебной власти опредѣляется тѣмъ принципомъ, что „власть судебная во всемъ ея пространствѣ принадлежитъ сенату и мѣстамъ судебнымъ“, и что „посему никакое министерство само собою никого судить и никакихъ тяжебъ рѣшить не можетъ“ (238—230 §§). „Всѣ министерства составляютъ единое управленіе“; поэтому „ни одно изъ нихъ не можетъ отдѣляться отъ другихъ ни въ видахъ управленія, ни въ общей его цѣли (241 §) Мѣста и лица, подчиненныя министерству, исполняютъ предписанія съ точностью и безпрекословно“ (257 §). Общее учрежденіе министерствъ уполномочиваетъ мѣста, подчиненныя министерству, представлять на окончательное разрѣшеніе сената предписанія министерствъ, содержащія въ себѣ Высочайшія повелѣнія или исходящія непосредственно отъ министра, если только подчиненное начальство усмотритъ въ его предписаніи отмѣну закона, учрежденія или объявленнаго прежде Высочайшаго повелѣнія (259—260 §§). Общій наказъ министерствамъ содержитъ еще опредѣленія объ отвѣтственности министровъ, которая возбуждается въ случаѣ превышенія ими своей власти или же ея бездѣйствіемъ и небреженіемъ (279 §). Всѣ донесенія на министровъ, удостоенныя Высочайшаго уваженія, разсматриваются въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, кото-

рый избираетъ въ своей средѣ коммиссію для производства слѣдствія надъ виновнымъ министромъ и по обсужденіи донесенія коммиссіи „полагаетъ заключеніе“ (289—293 §§). Если изъ слѣдствія окажется, что министръ „образомъ своего управленія лишился Высочайшаго довѣрія“, онъ лишается своего званія; если же „откроются важныя государственныя вины“ за нимъ, тогда дѣло предается Верховному уголовному суду, который и „полагаетъ окончательный приговоръ по законамъ“ (295—296 §§). Общій наказъ опредѣляетъ точно и подробно степень и предѣлы власти департаментовъ и ихъ директоровъ, обязанности канцеляріи министра и ея директора, начальниковъ отдѣленій департаментовъ и остальныхъ чиновъ департамента, также какъ и отвѣтственность каждаго изъ нихъ (297—401 §§). Общимъ принципомъ послѣдней является правило, что „каждый несетъ на себѣ столько отвѣтственности, сколько имѣетъ въ своемъ управленіи частей, болѣе или менѣе обширныхъ“ (379 §). Наконецъ, въ общемъ учрежденіи министерствъ находятся точныя и подробныя правила всего порядка производства дѣлъ въ каждой изъ главныхъ частей министерства: вступленія въ нихъ дѣлъ, движенія ихъ или производства, отправленія, ревизіи и отчетовъ (61—197 §§). Сами министры были обязаны ежегодно вносить отчеты о дѣятельности министерствъ въ государственный совѣтъ, гдѣ они разсматриваются и потомъ печатаются „во всеобщее извѣстіе“ (198 §). Кромѣ того, министры должны были представлять непосредственно на Высочайшее усмотрѣніе особенные отчеты въ видѣ „плана о видахъ и предположеніяхъ къ усовершенію ввѣренныхъ имъ частей“, которое вытекаетъ „изъ успѣшнаго управленія каждой изъ нихъ“ (199—200 §§).

Общее учрежденіе министерствъ положило основаніе въ русскомъ управленіи самостоятельной административной власти, какъ образованіе государственнаго совѣта создало въ

немъ въ лицѣ совѣта власть законодательную [1]). „Общій уставъ, выражаясь словами самого Сперанскаго, постановилъ самые точные и ясные предѣлы власти министровъ“ [2]). По сравненію съ министерствами 1802 г. министерства 1811 г. „представляютъ въ своемъ устройствѣ болѣе связи и лучшее раздѣленіе дѣлъ“ [3]). Главнымъ базисомъ организаціи министерствъ 1811 г. являются, по словамъ же Сперанскаго, два начала: 1) „принявъ въ основаніе главную мысль императрицы Екатерины II не допускать между губернскимъ правленіемъ и сенатомъ никакихъ среднихъ установленій, яко безполезныхъ и единству управленія противныхъ, и 2) министерство считать не среднимъ и отдѣльнымъ установленіемъ, но самимъ правительствующимъ сенатомъ, коего министры суть члены, а министерства—составныя части“ [4]). Министерства, слѣдовательно, замѣнили совершенно по отношенію къ мѣстному управленію сенатъ, съ которымъ остались въ немъ связанными только одни судебныя мѣста [5]). Самая организація министерствъ отличается „стройностью системы, обдуманностью и строгою логическою послѣдовательностью ея развитія и необыкновенными достоинствами изложенія“ [6]).

Правъ былъ поэтому Сперанскій, когда онъ въ своемъ письмѣ къ Александру Павловичу говорилъ о министерствахъ 1811 г.: „смѣю утверждать съ достовѣрностью, что ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ. Оно лежитъ теперь (1818 г.), прибавлялъ Сперанскій, покрыто пылью и прахомъ, но время и опытъ возстановятъ его и оправдаютъ“ [7]). И дѣйствительно общее учрежденіе министерствъ

---

1 и 6) Корфъ, 126 с. 2) Пермское письмо Сперанскаго, 50 с. 3) Отчетъ Сперанскаго въ дѣлахъ 1810 г., Сб. Рус. Ист. Общ, XXI т., 450 с. 4) Сперанскій: „О государственныхъ установленіяхъ“, 44 с., 5) Градовскій: „Высшая администрація въ Россіи въ XVIII в., 278 с. 7) Пермское письмо Сперанскаго, 50 стр.

наравнѣ съ образованіемъ государственнаго совѣта остается до сихъ поръ неприкосновеннымъ „не только въ главныхъ его началахъ, но почти и во всѣхъ подробностяхъ“ [1]), хотя „время и опытъ“ и указали на многіе важные въ немъ недостатки [2]). Эти послѣдніе, однако, должны быть приписаны не столько самому общему учрежденію министерствъ, сколько тому обстоятельству, что при Александрѣ I не осуществилось предположенное Сперанскимъ преобразованіе сената, безъ котораго не могло дѣйствовать вполнѣ и общее учрежденіе министерствъ. „Образованіе сената было, говоритъ Сперанскій, въ необходимой связи съ учрежденіемъ министерствъ. Не могутъ два сіи установленія идти на двухъ началахъ, совершенно противоположныхъ. Безъ устройства сената, сообразнаго устройству министерствъ, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда и заботы, нежели пользы и достоинства“ [3]). Но самъ же Сперанскій признается, что „образованіе сената въ Россіи всегда представлялось затруднительнымъ. Во всѣхъ установленіяхъ трудно найти истинную линію разграниченія; кольми же паче трудно ее опредѣлить между дѣлами суда и управленія, кои столѣтнимъ безпорядкомъ были у насъ смѣшаны и кои и во всѣхъ государствахъ весьма часто другъ другу приражаются“ [4]).

Главная черта проэкта преобразованія сената Сперанскаго заключалась въ отдѣленіи въ сенатѣ высшей правительственной части отъ судной и присвоеніи каждой изъ нихъ особаго названія—правительствующаго и судебнаго сената—сообразно спеціальнымъ ихъ функціямъ. Правительствующій сенатъ, состоящій изъ министровъ, ихъ товарищей и главныхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей управленія, долженъ былъ быть одинъ для всей имперіи, а судебный сенатъ, члены ко-

---

1) Корфъ, ibidem, Р.-Славатинскій: „Сперанскій“, 19 с. 2) См. ниже. 3) Пермское письмо Сперанскаго, 51 с. 4) Отчетъ Сперанскаго, ibidem, 450 с.

тораго были назначены правительствомъ, предлагалось размѣстить по четыремъ округамъ (въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани). Правительствующій сенатъ имѣлъ два присутствія: одно для дѣлъ текущихъ, другое для дѣлъ, которые должны были поступать на разрѣшеніе государя [1]). Проэктъ о преобразованіи сената Сперанскаго [2]), былъ разсмотрѣнъ въ комитетѣ председателей [3]), затѣмъ сообщенъ предварительно членамъ совѣта и другимъ лицамъ [4]) и потомъ уже былъ внесенъ на обсужденіе общаго собранія совѣта, гдѣ по поводу его возникли ожесточенныя пренія. Одни члены совѣта возражали противъ самой мысли объ измѣненіи устройства сената, какъ древнѣйшаго учрежденія въ Россіи, другіе видѣли въ раздѣленіи сената на части „умаленіе его важности“, и находили противнымъ принципу самодержавія примѣненіе къ сенату выборнаго начала и предоставленіе ему права окончательнаго рѣшенія тяжебныхъ дѣлъ. Также противорѣчило тому же основному началу русскаго государственнаго устройства выраженіе „державная власть“, употребляемое въ проэктѣ [5]). „Возраженія эти, неоставшіяся безъ отвѣта со стороны Сперанскаго [6]), происходили, по его словамъ, большею частью отъ того, что элементы правительства нашего недовольно еще были тогда образованы, и разумъ людей, его составляющихъ, недовольно еще пораженъ несообразностями настоящаго порядка вещей, чтобы признать благотворныя перемѣны необходимыми“. Не смотря на это,

1) А. Г. С., дѣла комитета предсѣдателей, 2 папка, по архиву №№ 13—20, 29 и 30, Сперанскій: „О государ. установленіяхъ“, 46-47 с., И. И. Дмитріевъ: „Взглядъ на мою жизнь“, 191—192 с. 2) Этотъ проэктъ былъ сходенъ съ проэктомъ о реформѣ сената Екатерины, но не планомъ всеобщаго государственнаго преобразованія самого Сперанскаго, въ которомъ сенатъ являлся только высшимъ судебнымъ учрежденіемъ въ имперіи. 3) А. Г. С., дѣла комитета предсѣдателей, 2 папка, № 22. 4—5) Ibidem, по архиву №№ 23—26 и 31—33, Корфъ, 129—130 с. 6) Дѣла комитета предсѣдателей, ibidem, №№ 27 и 32. Подробное изложеніе вопроса о преобразованіи сената взойдетъ во 2-й томъ нашего изслѣдованія.

„мнѣнія въ пользу проэкта были и многочисленны, и уважительны“ [1]). Проэктъ Сперанскаго былъ принятъ въ совѣтѣ большинствомъ голосовъ, утвержденъ государемъ, но выполненіе его было отложено по политическимъ обстоятельствамъ того времени [2]). Такъ сенатъ остался при Александрѣ I съ устройствомъ, несогласованнымъ съ преобразованными министерствами. Отсюда же произошло, между прочимъ, то, что уже выработанныя и санкціонированныя государемъ учрежденія отдѣльныхъ министерствъ (полиціи и финансовъ) „оставались почти безъ дѣйствія“ въ царствованіе Александра Павловича [3]). Во все это время „установленіе сената не было соображено, замѣчаетъ Сперанскій, съ устройствомъ министерствъ, и то и другое—съ губернскимъ управленіемъ. Отсюда же произошли два исключительныхъ свойства въ гражданскомъ управленіи: сила и скорость въ приказѣ, медленность и бездѣйствіе въ исполненіи“ [4]). Въ послѣдствіи сенаторъ Сумароковъ въ своемъ письмѣ въ комитетъ 6 дек. 1826 г. такъ описывалъ упадокъ правительственнаго значенія сената въ концѣ царствованія Александра I. „Сенатъ, говорилъ онъ, лишился своего достоиства; данныя ему привиллегіи обычаями измѣнились, а чрезъ то послушаніе отъ судилищъ пресѣклось. Не внемлютъ уже учащаемымъ отъ него предписаніямъ. Сенатъ не смѣетъ самъ собою сдѣлать выговора губернскимъ правленіямъ, губернаторамъ. Неправый истецъ оскорбляетъ его изреченіями, клевещетъ, начальники удерживаютъ указы, не исполняютъ оныхъ. Нѣтъ имъ наказанія. Однимъ словомъ, сенатъ, сей надежный руководитель въ государствѣ, сдѣлался какою-то непонятною ин-

---

1—2) Пермское письмо, 51 с. 3) Сперанскій: „О государ. установленіяхъ“, 45 с. 4) Сперанскій: „Настоящее положеніе дѣлъ“ (архивъ Рѣпинскаго въ отдѣленіи рукописей И. П. Библіотеки. По соображенію Рѣпинскаго эта работа Сперанскаго относится ко времени управленія имъ Пензенской губерніей—1816—1818 г.—или же Сибирью—1819—1821 г.).

станціей. Соблюдаются только формы, очищаются рапорты, номера безпрестанно умножаются, а по губерніямъ совершенный хаосъ. Сенатъ уже не тотъ, каковымъ былъ при единственномъ Петрѣ, при великой Екатеринѣ"[1]). Такое незначительное вліяніе на мѣстное управленіе сената вытекало изъ отсутствія прочныхъ началъ въ организаціи сената[2]) и его неопредѣленнаго положенія среди остальныхъ высшихъ учрежденій, преобразованныхъ въ 1810—1811 г.г. Поэтому-то надзоръ сената надъ мѣстными учрежденіями былъ слабъ и ограниченъ[3]), сенатъ принималъ небольшое участіе въ внутреннемъ управленіи[4]) и даже судебныя дѣла не составляли при Александрѣ I спеціальной его функціи[5]). Начиная съ 1812 г., сенатскія дѣла уже не восходили на Высочайшее усмотрѣніе, а были передаваемы для доклада въ совѣтъ. Съ 1813 г. дѣла по жалобамъ на общія собранія сената стали поступать въ коммиссію прошеній, которая препровождала ихъ съ своими мнѣніями въ общее собраніе совѣта, гдѣ нерѣдко пересматривались и перевершались дѣла, разсмотрѣнныя и оконченныя въ общемъ собраніи сената и „уже пришедшія въ силу закона посланными по нимъ указами"[6]).

---

1) Дѣла комитета 6 дек. 1826 г., № 57. 2) Въ устройствѣ сената за время 1810—1825 г. были произведены лишь незначительныя измѣненія, касающіяся установленія порядка рѣшенія дѣлъ въ сенатѣ (П. С. З., XXXII, № 25,475, XXXVII, № 28,549, XXXVIII, № 29,611, XXXIX, № 30,159) и болѣе систематическаго раздѣленія дѣлъ между отдѣльными департаментами сената (XXXI, № 24,451, XXXIII, №№ 25,871, 25,878, 26,199, 26.340, XXXVII, №№ 28,074, 28,524, XXXIX, № 29,725). 3) П. С. З., XXXII, №№ 25,268, 25,758, XXXIII, №№ 25,798, 25,882, 25,925, XXXVIII, №№ 29,318, 29,611, 29,640, XXXIX, № 30,001. 4) XXXI, №№ 24,107, 24,160, 24,232, 24,364, XXXII, № 25,143, XXXIII, №№ 26,021, 26,033, 26,038, XXXIV, №№ 26,624, 26,672, 26,846, 26,865, 26,904, 27,057, XXXV, 27,440, XXXVI, № 27,840, XXXVII, № 28,162, XXXVIII, №№ 29,125, 29,131, 29,260, 29,274, 29,280, 29,540, XXXIX, №№ 29,743, 29,965, XL, № 30,213, 5) XXXI, №№ 24,272, 24,364, XXXIII, №№ 25,830, 25,913, 25,916, XXXV, № 27,457, XXXIX, № 29,869, XXXVII, № 28,682. 6) Сперанскій: „О государств. установленіяхъ", 47—48 с.

Положеніе сената въ высшемъ управленіи не могло стать опредѣленнымъ въ силу одного общаго учрежденія министерствъ, которое возлагало на сенатъ двѣ функціи, противоположныя и исключающія другъ друга: въ сенатъ, какъ средоточіе исполнительныхъ дѣлъ (231 §), должны были поступать доклады министровъ по общимъ исполнительнымъ дѣламъ (234 §) и дѣла, требующія особеннаго Высочайшаго разрѣшенія (235 §). Сенатъ, слѣдовательно, долженъ былъ въ одно и тоже время быть высшимъ органомъ надзора надъ дѣятельностью министровъ [1]), устранять всѣ затрудненія въ исполненіи законовъ, а также и непосредственно участвовать въ управленіи. Въ силу общаго учрежденія министерствъ сенатъ являлся внѣшнимъ, постороннимъ имъ учрежденіемъ, обязаннымъ, однако, заботиться о сохраненіи единства въ дѣятельности всѣхъ министерствъ [2]). Вмѣшательство сената въ важнѣйшихъ случаяхъ дѣятельности министровъ должно

---

1) „Мысль о сенатѣ, какъ контролирующемъ учрежденіи, поставленномъ надъ министерствами, естественно возникла, говоритъ Дмитріевъ, у Сперанскаго, который видѣлъ, что коллегіальный составъ сената могъ служить задержкой для слишкомъ сильной личной власти“ (Ѳ. Дмитріевъ, 28—29 с.). 2) Трощинскій въ своей запискѣ объ учрежденіи министерствъ указываетъ на цѣлый рядъ другихъ противорѣчій въ общемъ учрежденіи относительно опредѣленія взаимныхъ отношеній между министерствами и сенатомъ. Но замѣчанія Трощинскаго не всегда точно передаютъ текстъ отдѣльныхъ §§ общаго учрежденія, и вся критика этого принципіальнаго противника министерствъ явно разсчитана на то, чтобы доказать, что „единоличныя правленія точно такого-же существа, какъ и правленіе визирей азіатскихъ государей“ (48 с.). Такъ Трощинскій говоритъ: „по силѣ § 231 учр. министерствъ правительств. сенатъ есть средоточіе дѣлъ исполнительныхъ; по силѣ же 234 § сенатъ есть средоточіе только для дѣлъ, въ § семъ означенныхъ“ (63 с.). Это замѣчаніе Трощинскаго оказывается, однако, невѣрнымъ, потому что по силѣ 233 § къ вѣдомству сената отнесены дѣла того и другаго рода. Или Трощинскій замѣчаетъ: „по силѣ 7 п. 234 § сенатъ обязывается собирать общія свѣдѣнія для министровъ, вѣроятно, въ случаѣ, если министры не сообщатъ ихъ другъ другу“ (ibidem). Въ подлинной редакціи этого 7 п. 234 § говорится объ общихъ свѣдѣніяхъ, „коихъ составленіе и предметы относятся не къ одному министерству, но предполагаютъ содѣйствіе другихъ“. „По силѣ 3 п. 234 §, говоритъ Трощинскій, въ случаѣ противорѣчія между министрами, они должны входить въ сенатъ; по силѣ 212 § каждый ми-

было стѣснять этихъ послѣднихъ и ослаблять ихъ инициативу въ дѣлахъ управленія [1]). Поэтому-то министры стремились къ тому, чтобы освободиться изъ подъ контроля сената [2]), что облегчалось отсутствіемъ опредѣленнаго его устройства, сообразнаго съ организаціей министерствъ. Самое общее ихъ учрежденіе исключало совершенно изъ вѣдомства сената, какъ коллегіальнаго учрежденія, нѣкоторыя важнѣйшія государственныя дѣла: для административныхъ „дѣлъ, тайнѣ подлежащихъ и чрезвычайныхъ" предполагалось „установить на особенныхъ правилахъ образъ доклада и порядокъ ихъ рѣшенія" (237 §). И то, и другое не было опредѣлено при Александрѣ I и всѣ такія особенно важныя дѣла перешли въ непосредственное завѣдываніе министровъ, которые и безъ того были надѣлены общимъ учрежденіемъ обширною исполнительною властью [2]). Разсматривая степень и предѣлы власти министровъ по общему учрежденію министерствъ, Трощинскій находитъ, что эта ихъ власть была неограниченна: изъ сопоставленія разныхъ §§ учрежденія о власти министровъ онъ выводитъ то заключеніе, что „министры могутъ предписывать, что захотятъ, и ни подвѣдомственные имъ чиновники, усматривающіе крайнія неудобства въ ис-

---

нистръ уполномочивается дѣйствовать всѣми ввѣренными ему способами, не сносясь съ прочими министрами, не представляя сенату и не ожидая высшаго разрѣшенія въ случаяхъ, кои могутъ казаться чрезвычайными". Сравнивая оба эти §§, мы находимъ, что въ 5 п. перваго идетъ рѣчь о разрѣшаемомъ въ сенатѣ противорѣчіи въ предписаніяхъ разныхъ министерствъ или же „бездѣйствіи или прекословіи начальствъ, подчиненныхъ одному изъ нихъ". Въ §-же 212 говорится о правѣ министра дѣйствовать самостоятельно безъ сношеній съ другими министрами и сенатомъ „*въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ*". Но Трощинскій правъ, когда онъ говоритъ, что „общее учрежденіе не предписываетъ, какъ сенатъ можетъ оканчивать пренія между министрами", и не указываетъ, куда министры должны доносить о мѣрахъ, принятыхъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ (63—64 с.).—1) Ѳ. Дмитріевъ, 24—25 с. 2) Въ дѣлахъ комитета предсѣдателей есть особенная „Записка о благовременности учрежденія сената въ виду ослабленія самовластія министровъ и ихъ личныхъ видовъ и установленія отвѣтственности министровъ" (2 п., № 23).

полненіи ихъ приказаній, ни частныя лица, подвергающіяся отъ исполненія сихъ предписаній разоренію, не имѣютъ права противорѣчить министрамъ“ [1]). На самомъ дѣлѣ общее учрежденіе довольно точно обозначаетъ положеніе и права министровъ въ управленіи. Что касается отношенія министровъ къ государственному совѣту, то въ опредѣленіи его „Образованіемъ совѣта“ и „Общимъ учрежденіемъ министерствъ“ нѣтъ такихъ рѣзкихъ противорѣчій, какія находитъ Трощинскій. Послѣдній замѣчаетъ, что „по силѣ § 29 „Образованія“ министры обязаны представлять въ государственный совѣтъ всѣ дѣла *въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству*; по силѣ § 30 тѣже дѣла могутъ быть представляемы въ комитетъ министровъ и прямо къ государю императору“ [2]). Въ дѣйствительности въ 30 § сказано, что извѣстныя дѣла, исключая упомянутыхъ въ 29 §, „будутъ предоставлены непосредственному докладу министровъ и министерскому комитету“. Нѣтъ также противорѣчія между 29 § „Образованія“ и 228 § общаго учрежденія, въ которыхъ опредѣляется компетентность совѣта и министерствъ [3]). Въ 228 § учрежденія воспроизводится буквально весь 29 § „Образованія“, за исключеніемъ 4 п. послѣдняго, гдѣ говорится о „мѣрахъ и распоряженіяхъ общихъ, пріемлемыхъ къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ или учрежденій“. „Но скорое и точное исполненіе законовъ и учрежденій“, составляющее существо власти министровъ, какъ органовъ исполнительной власти (206—208 и 210 §§), и не относятся къ сферѣ законодательства. По мнѣнію Трощинскаго, открытое имъ мнимое противорѣчіе между 29 § „Образованія“ и 228 § общаго учрежденія усиливается еще тѣмъ, что въ силу 235 § министръ можетъ входить съ докладомъ прямо къ государю по всѣмъ законодательнымъ дѣламъ. Подобно Трощинскому, неизвѣст-

1—3) Трощинскій, С. Р. И. О., Ш, 73, 62—63 с.

ный авторъ „Записки объ устройствѣ верховныхъ правительственныхъ мѣстъ въ Россіи“, сравнивая между собою тѣже §§ „Образованія“ и общаго учрежденія министерствъ, приходитъ къ такому заключенію, что всѣми этими §§ министрамъ предоставлено право вносить одни и тѣже дѣла въ совѣтъ, сенатъ, а въ силу 232 § общаго учрежденія и къ государю, и что вслѣдствіе этого исчезаетъ всякое различіе между законодательными и исполнительными дѣлами [1]). Мы уже видѣли, что дѣла, вносимыя министрами въ совѣтъ по силѣ 228 § общаго учрежденія, тѣже, какія обозначены и въ 29 § „Образованія“. Въ 235 § указаны одни *исполнительныя дѣла*, требующія особеннаго Высочайшаго разрѣшенія, хотя нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ [2]) входятъ въ компетентность сената (233 и 236 §§) и сходны съ тѣми, которыя въ силу 2 п. 29 § [3]) и 1 п. 228 § [4]) поступаютъ на уваженіе государственнаго совѣта. По силѣ 232 § общаго учрежденія „дѣло представляется на Высочайшее усмотрѣніе“ тамъ, гдѣ „законы и учрежденія недостаточны или по силѣ самыхъ сихъ законовъ и учрежденій“. Но по силѣ 220—222 §§ общаго учрежденія министры могутъ дѣлать представленія въ государственный совѣтъ въ случаѣ недостатковъ законовъ и учрежденій. Этотъ нѣсколько запутанный въ „Образованіи“ и общемъ учрежденіи министерствъ порядокъ поступленія однородныхъ дѣлъ изъ министерствъ въ разныя учрежденія не уничтожаетъ, однако, различія между законодательною и исполнительною властью въ управленіи. Каждый предметъ управленія можетъ сдѣлаться предметомъ обсужденія законодательнаго учрежденія—государственнаго совѣта—и все, что вхо-

---

1) Дѣла комитета 6 дек. 1826 г. и Арх. Гос. Совѣта (общ. собранія госуд. совѣта). 2) „Всѣ предметы управленія, предполагающіе новый распорядокъ или дополненіе правилъ, также ограниченіе, распространеніе или отмѣну мѣръ, прежде правительствомъ принятыхъ или Высочайше утвержденныхъ“. 3—4) Предметы внутренняго управленія, требующіе отмѣны, ограниченія или дополненія прежнихъ положеній; ср. 1 п. 228 § общаго учрежденія министерствъ,

дитъ въ сферу управленія и составляетъ компетентность министровъ, можетъ и должно быть содержаніемъ законовъ. Поэтому-то совпадаетъ между собою содержаніе 29 § „Образованія" совѣта и 228 § общаго учрежденія министерствъ. Особенная же важность дѣлъ, обозначенныхъ въ 232 и 235 §§, могла быть причиной того факта, что объ такого рода дѣлахъ дѣлался докладъ самому государю вмѣстѣ съ представленіемъ о нихъ въ совѣтъ и обсужденіемъ этихъ исполнительныхъ дѣлъ въ сенатѣ. Трощинскій находитъ „весьма темнымъ опредѣленіе" функціи совѣта 1 п. коренныхъ законовъ его „Образованія", гдѣ говорится, что „въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ составляетъ сословіе, въ коемъ всѣ части управленія соображаются въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству". „Хотя бы это опредѣленіе было выражено и гораздо яснѣе, говоритъ Трощинскій, то утонченное различіе между дѣлами, находящимися *въ главныхъ отношеніяхъ къ законодательству*, и между дѣлами просто исполнительными, не такъ легко можетъ быть постигнуто". Вооружаясь противъ возможнаго злоупотребленія властью со стороны министровъ при произвольномъ толкованіи словъ: „законодательная и исполнительная власть", Трощинскій считаетъ необходимымъ точно опредѣлить, съ какими именно исполнительными дѣлами министры должны входить докладами непосредственно къ государю и какія именно законодательныя дѣла они должны вносить *на разсмотрѣніе государственнаго совѣта* [1]). Но изъ перечисленія въ 29 § „Образованія" и 228 § общаго учрежденія министерствъ дѣлъ, подлежащихъ уваженію совѣта, можно видѣть, что всѣми ими „вводится, по словамъ Сперанскаго, какая-либо перемѣна въ отношеніяхъ государственныхъ силъ или—частныхъ людей между собою" [2]).

1) Трощинскій, ibidem, 85 с. 2) См. Сперанскаго: „Проэктъ уложенія государственныхъ законовъ".

Существо же власти министра, какъ самостоятельнаго органа управленія, опредѣлено точно общимъ учрежденіемъ министерствъ (208 §). Въ 229 § содержится совершенно ясное и точное различіе исполнительныхъ дѣлъ, какъ предмета дѣятельности министерствъ, отъ законодательныхъ: „исполнительныя дѣла не предполагаютъ никакого новаго закона или учрежденія, но требуютъ единаго общаго распорядка въ исполненіи принятыхъ правилъ или единообразнаго приложенія ихъ къ частнымъ случаямъ“ [1]). Въ виду различія между законодательною и исполнительною властью и формы участія въ законодательствѣ министровъ, установленныхъ „Образованіемъ совѣта“ и общимъ учрежденіемъ министерствъ, нельзя согласиться съ Трощинскимъ, что послѣ административныхъ преобразованій 1810—1811 г.г. „предметы законодательства, кои прежде ввѣрены были представленіямъ восьми министровъ, находятся нынѣ ввѣренными представленію двѣнадцати министровъ, государственнаго совѣта и многоразличныхъ коммиссій и комитетовъ, что подаетъ поводъ заключить, что дѣла по законодательству посредствомъ новаго образованія не были усредоточены“ [2]). Самъ же Трощинскій называетъ совѣтъ „средоточіемъ предложеній законовъ“ [3]) и

1) Необходимо замѣтить, что вообще установленіе различія между законодательствомъ и управленіемъ представляетъ большія затрудненія: исполненіе законодательныхъ положеній всегда предполагаетъ возможность такихъ случаевъ, которые не могли быть предвидѣны общими нормами закона. Поэтому органамъ исполнительной власти предоставляется обыкновенно нѣкоторая доля законодательной функціи и имъ присвояется болѣе вѣрное названіе органовъ административной власти. Общее учрежденіе министерствъ опредѣлило власть министерствъ только въ общихъ чертахъ. Подробности же въ этомъ отношеніи предполагалось установить въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ министерствъ, какъ объ этомъ заявлялось въ манифестѣ по поводу изданія общ. учр. министерствъ. Въ „частныхъ уставахъ министерствъ, въ правилахъ наказовъ отдѣльнымъ министрамъ надлежало, писалъ въ послѣдствіи Сперанскій, сдѣлать „важныя перемѣны, отсѣчь притязанія власти, привести ее въ предѣлы и преградить насильныя завладѣнія одной части надъ другою“ (Пермское письмо, 50 с.). 2—3) Трощинскій, Записка объ учрежденіи министерствъ, С. Р. И. О., Ш, 65, 84 и 89 с.; замѣчаніе Трощинскаго о рѣшеніи законодательныхъ дѣлъ внѣ совѣта, въ коллегіяхъ и комитетахъ подтверждается, какъ увидимъ, словами Сперанскаго и другихъ членовъ комитета 6 дек. 1826 г.

признаетъ, что „посредствомъ соединенія всѣхъ законодательныхъ дѣлъ въ одно средоточіе и посредствомъ введенія единообразія во всѣ части управленія положены уже главныя основанія порядка“ [1]). Наконецъ, невѣренъ и взглядъ Трощинскаго, что министры могутъ, не опасаясь противорѣчій со стороны подчиненныхъ мѣстъ или частныхъ лицъ, „предписывать все, что захотятъ“. Мѣста, подчиненныя министерству, должны исполнять предписанія министра „съ точностью и безпрекословно“ (257 §): иначе невозможно исполненіе министрами законовъ и учрежденій (210 §). Но въ общемъ учрежденіи министерствъ упомянуты случаи, когда подчиненныя министру мѣста обязаны представлять въ сенатъ о своихъ сомнѣніяхъ по поводу предписаній министра, какъ содержащихъ Высочайшія повелѣнія, такъ и самостоятельныхъ (259—260 §§).

Такимъ образомъ, преобразованіями 1810—1811 г. власти министровъ были поставлены предѣлы какъ со стороны высшихъ государственныхъ установленій (совѣта и сената), такъ и подчиненныхъ министерствамъ учрежденій. Но отвѣтственность министровъ, которую общее учрежденіе министерствъ стремилось опредѣлить точнымъ образомъ, осталось въ дѣйствительности при Александрѣ I, по выраженію Трощинскаго, „мечтательной, идеальной“ [2]), неприложимой на дѣлѣ, мертвой буквой. И это потому, что не было власти, которая слѣдила бы постоянно за дѣятельностью министровъ и привлекала ихъ къ отвѣтственности: государственный совѣтъ приступалъ къ назначенію изъ своей среды слѣдственной коммиссіи только тогда, когда въ него поступало Высочайше утвержденное донесеніе на министра (290—293 §§ общ. учр. министерствъ), причемъ во время слѣдствія министръ удерживалъ свое мѣсто въ совѣтѣ и не присутствовалъ въ немъ только при заключеніи совѣта о результатѣ слѣдствія (294 §). При Александрѣ I

1—2) Трощинскій, ibidem.

не было образовано Верховнаго уголовнаго суда, который могъ судить каждаго министра, если откроются его важныя государственныя вины (295—296 §§): этотъ судъ долженъ былъ составлять часть сената, оставшагося de facto непреобразованнымъ во вторую половину царствованія Александра I. Государственный совѣтъ могъ контролировать дѣятельность министровъ только посредствомъ ихъ отчетовъ объ управленіи ввѣренными имъ частями, которые министры должны были вносить на разсмотрѣніе совѣта (29 § образованія совѣта и 198 и 228 §§ общ учр. министерствъ). Но такого рода контроль совѣта за дѣятельностью министровъ былъ недостаточенъ: въ отчетахъ сообщались уже результаты этой дѣятельности Сначала, въ первые годы существованія преобразованнаго въ 1810 г. государственнаго совѣта контролирующее значеніе по отношенію къ министерствамъ имѣли, исключая департаментъ законовъ, остальные три департамента совѣта, которые сдерживали произволъ министровъ [1]). Но съ постепеннымъ освобожденіемъ министерствъ отъ вліянія совѣта исчезаетъ и контроль совѣта надъ ихъ дѣйствіями [2]). Власть министровъ въ управленіи усилилась еще вслѣдствіе несостоявшагося преобразованія сената, какъ средоточія всего управленія, и надѣленія обширными правами *комитета министровъ*.

При образованіи государственныхъ учрежденій 1810—1811 г.г. предполагалось совершенное упраздненіе комитета министровъ, который въ качествѣ „совокупнаго доклада" министровъ государю сталъ ненужнымъ при новомъ обра-

1—2) Tourgueneff, I, 94—95 et 116 p. „Сначала освободилось, говоритъ Тургеневъ, отъ контроля совѣта, военнаго его департамента военное министерство, потомъ настала очередь за финансовыми дѣлами, которыя были довольно долго подчинены надзору департамента государ. экономіи, но также послѣ продолжительной его оппозиціи министру финансовъ послѣдній предпочелъ предварительно представлять свои законопроэкты самому государю, такъ что совѣту оставалось только довольствоваться внесеніемъ ихъ въ свои журналы" (ibidem).

зованіи государственнаго совѣта и министерствъ. Теперь были опредѣлены и организованы законодательная и административная власть, установлены предѣлы компетентности совѣта и министерствъ и ихъ взаимныя отношенія; министрамъ было предоставлено извѣстное участіе въ законодательствѣ и всѣ министерства явились „составными частями" высшаго административнаго учрежденія—правительствующаго сената. Причемъ, „было обращено вниманіе на то, чтобы всѣ доклады отъ министровъ къ государю восходили не иначе, какъ чрезъ сенатъ" [1]). При такихъ условіяхъ комитетъ министровъ, какъ особенное, высшее административное учрежденіе, терялъ всякое значеніе. Въ „Образованіи совѣта" еще упоминалось „о дѣлахъ, кои по общему министерскому наказу подлежать будутъ министерскому комитету" (30 §; ср. 118 §). Но въ общемъ учрежденіи министерствъ о комитетѣ министровъ даже и не упоминается, такъ какъ онъ „по новому ихъ образованію былъ назначенъ вовсе къ уничтоженію" [2]). Не смотря на все это, комитетъ министровъ вскорѣ по удаленіи Сперанскаго (въ 1812 г.) „содѣлался въ сіе время мѣстомъ присутственнымъ, гдѣ дѣла всякаго рода, и малыя, и большія, и судебныя, и правительственныя рѣшались по голосамъ и голоса сіи издавались во всеобщее извѣстіе Между тѣмъ, ни составъ сего мѣста, ни порядокъ, ни власть его, ни предѣлы, ни отношенія его къ другимъ установленіямъ не были опредѣлены никакимъ гласнымъ учрежденіемъ" [3]). Мы уже знакомы съ рѣзкимъ отзывомъ Карамзина о комитетѣ министровъ вообще при Александ-

1—2) Сперанскій: „О гос. установленіяхъ", 45 с., Трощинскій также замѣчаетъ, что „предметы, по коимъ дѣла должны, вслѣдствіе § 30 образованія госуд. совѣта, вноситься въ комитетъ министровъ, не означены ни въ семъ образованіи совѣта, ни въ общемъ учрежденіи министерствъ, ни въ особенныхъ извѣстныхъ инструкціяхъ министрамъ, а по силѣ §§ 242 и 243 общаго учрежденія министерствъ министры могутъ вовсе не сходиться въ комитетъ, а сноситься только письменно" (63 с.). 3) Сперанскій, ibidem.

рѣ I [1]). Но не менѣе неблагопріятные взгляды на положеніе комитета во вторую половину царствованія Александра Павловича встрѣчаются у лицъ, непринимавшихъ такого широкаго участія въ преобразованіяхъ 1810—1811 г.г., какъ Сперанскій, и также неотносившихся, подобно Карамзину, къ нимъ такъ враждебно. Такъ графъ Н. С. Мордвиновъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ положеніе комитета министровъ въ управленіи въ разсматриваемое нами время. „Министры, дабы отклонить возложенную на нихъ учрежденіемъ отвѣтственность, открыли, говоритъ онъ, легчайшій къ тому способъ въ самомъ учрежденіи комитета министровъ. Они приняли правиломъ вносить въ оный на утвержденіе всѣ дѣла, до управленія ихъ касающіяся, сперва по важнѣйшимъ предметамъ, а наконецъ всѣ безъ изъятія и самыя мелочныя, дабы никогда и ни за что не отвѣчать, какія бы послѣдствія отъ ихъ предположеній и представленій не оказались; ибо каждое ихъ дѣйствіе, будучи разрѣшено общимъ сословіемъ министровъ и утверждено Высочайшею властью, до нихъ лично коснуться не можетъ“. Мордвиновъ указываетъ на то, что въ комитетъ министровъ „начали входить дѣла тяжебныя, хотя онъ, составляя власть исполнительную, не можетъ никакихъ тяжебъ разсматривать съ подробностью и заниматься судебнымъ долголѣтнимъ производствомъ“ [2]). По словамъ сенатора Баранова, „въ комитетѣ министровъ было допущено большое смѣшеніе всѣхъ разнородныхъ между собою предметовъ. Дѣла распорядительныя, законодательныя и судныя производятся въ ономъ безъ всякаго различія; все смѣшано въ однѣхъ рукахъ. Въ комитетѣ докладываются односторонніе представленія министровъ, генералъ-губернаторовъ и отдѣльныхъ начальствъ безъ справокъ, безъ подведенія при-

---

1) Карамзинъ: „Записка о древней и новой Россіи“, 2285—2286 с. 2) Иконниковъ: „Графъ Мордвиновъ“, 544—545 с.

личныхъ законовъ. Часто дѣла судныя или распорядительныя, еще производящіяся въ нижнихъ или среднихъ мѣстахъ, по жалобамъ сторонъ поступали въ комитетъ министровъ и получали тамъ окончательное рѣшеніе“ [1]). „Комитетъ министровъ завладѣлъ при Александрѣ I, говоритъ Балугьянскій, почти *всею* законодательною властью, особенно въ послѣдніе годы его царствованія“ [2]). Сенаторъ Сумароковъ замѣчаетъ, что комитетъ министровъ сталъ въ это время „верховнымъ министерствомъ, равнымъ государственному совѣту и сенату и отъ нихъ независимымъ“ [3]). Также и графъ Кочубей подтверждаетъ, что комитетъ министровъ занимался нерѣдко тѣми же предметами, какъ и совѣтъ, и сенатъ [4]). Наконецъ, на тоже исключительное правительственное значеніе комитета министровъ, ослабляющее дѣйствіе въ управленіи совѣта и сената, указываетъ и авторъ „Записки объ устройствѣ верховныхъ правительственныхъ мѣстъ въ Россіи“ [5]). Причина такого обширнаго развитія власти комитета министровъ послѣ 1812 г. заключалась, съ одной стороны, въ томъ, что проэктъ Сперанскаго о преобразованіи сената, какъ высшаго административнаго и контролирующаго дѣйствія министровъ учрежденія, не былъ осуществленъ. Съ другой же стороны, „закрѣпленіе правъ комитета министровъ и еще большее, чѣмъ прежде, усиленіе его фактической власти“ произошло вслѣдствіе особенныхъ политическихъ обстоятельствъ 1812 г. [6]). Высочайше утвержденнымъ 20 мая 1812 г. предъ отбытіемъ государя въ армію „Учрежденіемъ комитета министровъ“ ему была присвоена „осо-

---

1) Дѣла комитета 6 декабря 1826 года, № 20. 2) Ibidem, № 62. 3) Ibidem, № 57. 4) Ibidem. „Записка графа Кочубея о положеніи имперіи и о мѣрахъ къ прекращенію безпорядковъ и введенію лучшаго устройства въ разныхъ отрасляхъ, правительство составляющихъ“ (дек. 1814 г.), № 50. 5) Дѣла комитета 6 дек. 1826 г., № 63. 6) Куломзинъ: „Журналы комитета министровъ“, 23 с., Записка Дибича, дѣла комитета 6 дек. 1826 г., № 63, И. И. Дмитріевъ: „Взглядъ на мою жизнь“, 204 с.

бенная власть по всѣмъ вообще дѣламъ государства". Въ комитетъ министровъ, который получилъ особаго предсѣдателя и собирался для рѣшенія дѣлъ въ опредѣленные дни (1—4 §§), вносились: текущія дѣла, по которымъ „нужно общее соображеніе или содѣйствіе министерствъ, а также тѣ, въ разрѣшеніи и исполненіи которыхъ министръ встрѣтитъ сомнѣніе" (6 §). Комитетъ разрѣшалъ всѣ дѣла, превышающія власть отдѣльныхъ министровъ и вообще дѣла, по которымъ они докладывали Е. И. В. (7 §). Въ комитетѣ разсматриваются всѣ дѣла высшей полиціи (общаго спокойствія и безопасности, народнаго продовольствія и дѣла о всякихъ чрезвычайныхъ происшествіяхъ) и представленія министровъ о награжденіи чиновниковъ (8—10 §§). „Учрежденіе" устанавливаетъ и порядокъ дѣлопроизводства въ комитетѣ министровъ. Дѣла вносятся въ комитетъ краткими записками, въ которыхъ должны заключаться обстоятельства дѣла и мнѣніе министра и въ нужныхъ случаяхъ проэктъ указа (14—16 §§). Въ комитетѣ ведутся журналы: 1) по дѣламъ текущимъ и 2)—требующимъ Высочайшаго разрѣшенія (17 §). Комитетъ самъ приводилъ въ исполненіе свои положенія по текущимъ дѣламъ (21 §). Въ дѣлахъ, требующихъ Высочайшаго разрѣшенія, положенія комитета представляются на Высочайшее усмотрѣніе, а въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, они приводятся комитетомъ въ исполненіе подъ личною отвѣтственностью всѣхъ его членовъ (24 §). Министры, которые дѣлаютъ въ комитетѣ представленія о дѣлахъ, сами и исполняютъ ихъ по рѣшеніямъ комитета (29 §) [1]).

Нѣкоторыя изъ временныхъ положеній въ „Учрежденіи комитета министровъ" 1812 г. были нѣсколько разъ отмѣняемы при возвращеніи государя въ столицу особенными указами и вновь подтверждаемы каждый разъ при отъѣздѣ

---

1) П. С. З., XXXII, № 25,044.

Александра Павловича изъ столицы [1]). Но существенныя основанія „Учрежденія“ остаются въ неизмѣнномъ видѣ, его составъ пополняется высшими сановниками (государственнымъ контролеромъ, государственнымъ секретаремъ и др.), компетентность комитета расширяется, дѣлопроизводство въ немъ улучшается [2]) и опредѣляется его положеніе въ высшемъ управленіи. Такъ въ 1813 г. въ виду накопленія въ комитетѣ министровъ массы дѣлъ Высочайше повелѣно передать въ государственный совѣтъ изъ комитета министровъ всѣ судебныя дѣла [3]). Въ 1814 г. комитетъ былъ уполномоченъ приводить въ исполненіе свои положенія „до воспослѣдовавшаго Высочайшаго ихъ утвержденія“ [4]). Этотъ указъ былъ подтвержденъ въ 1822 г. [5]). Въ 1816 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы до свѣдѣнія комитета министровъ доводились всѣ указы, относящіеся до правительственной части и подносимые на Высочайшее утвержденіе безъ посредства комитета [6]). Начиная съ 1817 г., въ комитетъ министровъ стали поступать представленія о новыхъ расходахъ съ обозначеніемъ суммъ, потребныхъ на этотъ расходъ [7]). Въ тоже время было предписано доводить до свѣдѣнія комитета министровъ о всѣхъ замѣчаніяхъ и выговорахъ, дѣлаемыхъ министрами губернаторамъ [8]) и сенатомъ—губернскимъ правленіямъ [9]) Всѣ министры должны были доставлять въ комитетъ вѣдомости о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ [10]). Государственному контролеру запрещено требовать отъ комитета министровъ отчета въ употребленіи суммъ, на него отпускаемыхъ [11]). Комитетъ получилъ право исполнять „до воспослѣдованія Высочайшихъ резолюцій на меморіи

---

1) Въ 1814 г. (XXXII, № 25,620), 1816 г. (XXXIII, № 26,356), 1817 г. (XXXIV, № 27,015), 1818 г. (XXXV, № 27,301) и др. 2) Куломзинъ, ibidem, 26 с., 3-4) П. С. З., XXXII, № 25,371 и 25,682. 5) XXXVIII, № 29,123, 6) XXXIII, № 26,275. 7) XXXIV, № 26,765. 8-10) XXXIV, №№ 26,493, 26,581 и 26,605. 11) XXXVIII, №29,379.

комитета всѣ свои положенія по тѣмъ дѣламъ, которыя передаются министрамъ на предварительное соображеніе" [1]). Наконецъ, въ 1824 г. комитетъ министровъ былъ уполномоченъ на всѣ сношенія съ мѣстами и управленіями, какихъ можетъ потребовать исполненіе положеній комитета[2]). Что касается дѣлопроизводства комитета министровъ, то оно должно было сильно увеличиться со времени изданія „Учрежденія комитета министровъ". И дѣйствительно „съ 1812 г. отдѣльные доклады министровъ государю сократились; но взамѣнъ того доклады комитета государю возрастаютъ ежегодно; даже доклады и рапорты сената восходили къ государю чрезъ комитетъ министровъ и не только по административнымъ, но и по судебнымъ дѣламъ" [3]) Послѣднія, впрочемъ, были скоро переданы, какъ мы видѣли, изъ комитета въ государственный совѣтъ. Въ 1816 г. было предписано, чтобы каждый изъ министровъ присылалъ государю записки о предметахъ, которые по мнѣнію министра не могутъ быть вносимы въ комитетъ министровъ и требуютъ непосредственнаго разсмотрѣнія ихъ государемъ[4]). Въ 1820 г. были преобразованы формы дѣлопроизводства въ комитетѣ министровъ и его штаты[5]). Въ виду же достиженія единства въ управленіи было постановлено (въ 1819 г.), что „отнюдь не должны поступать въ комитетъ представленія ни по такимъ дѣламъ, кои по роду своему принадлежатъ до государственнаго совѣта или до правительствующаго сената, ни по такимъ, разрѣшеніе коихъ на общихъ правилахъ зависитъ отъ самого министра" [6]).

Такъ комитетъ министровъ сдѣлался во вторую половину царствованія Александра I высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, объединяющимъ и контролирующимъ все управ-

---

1) П. С. З., XXXVIII, № 29,580. 2) XXXIX, № 30,660. 3—6) Куломзинъ, ibidem, 26—27 и 29—31 с.

леніе, замѣнившимъ въ этомъ отношеніи правительствующій сенатъ [1]), хотя эта роль контролирующаго учрежденія и не могла быть надлежаще выполнена комитетомъ. Послѣдній состоялъ изъ министровъ, снисходительно относившихся другъ къ другу изъ за личныхъ соображеній [2]). При сосредоточеніи въ комитетѣ министровъ всѣхъ дѣлъ управленія естественно было ожидать, что министры—члены комитета—пріобрѣтутъ особенное значеніе въ управленіи и власть ихъ при отсутствіи къ тому же опредѣленной отвѣтственности разширится далеко за предѣлы, установленные общимъ учрежденіемъ министерствъ. Такъ было и на самомъ дѣлѣ. „Каждый изъ министровъ представлялъ, говоритъ сенаторъ Сумароковъ, доклады по своей части государю отдѣльно" отъ своихъ товарищей, что отражалось невыгодно на ходѣ всѣхъ дѣлъ управленія. „Министры сдѣлались независимыми, не отдавали отчетовъ ни въ дѣйствіяхъ своихъ, ни въ суммахъ. Они—цари въ своихъ удѣлахъ. Прежде по коллежскому обряду министры разсуждали, заводили пренія, соображались въ своихъ дѣйствіяхъ съ уставами, не смѣли выступать за указанную черту, имѣли надъ собою главу—сенатъ. Нынѣ нѣтъ возраженій, одно лице отвергаетъ полезныя представленія, ихъ произволъ все опредѣляетъ даже безъ отвѣтственности, слова ихъ пріемлются за законъ, исполняются безпрекословно". Сумароковъ находитъ отсутствіе единства и въ дѣятельности остальныхъ правительственныхъ учрежденій во вторую половину царствованія Александра I. „Одинаковое обстоятельство разрѣшается, по его словамъ, различно по различнымъ правительствамъ, и часто не вѣдаютъ, до котораго изъ нихъ принадлежитъ такой-то случай, такое-то дѣло. Комитетъ министровъ, сенатъ, государственный совѣтъ суть

1—2) Романовичъ-Славатинскій: „Пособіе для изученія русскаго государст. права", 1871, В. I, 188 с.

мѣста верховныя, одно другому неподсудныя, и одно съ другимъ несцѣпляющіяся" [1]). Повидимому, учрежденіе комитета предсѣдателей департаментовъ совѣта должно было помочь на первыхъ порахъ введенію единства въ управленіе. Образованіе этого комитета способствовало, по словамъ автора „Записки о неудобствахъ раздѣленія дѣлъ, восходящихъ на Высочайшее рѣшеніе", къ разрѣшенію затрудненій, „кои неминуемо должны были возникнуть отъ личнаго и отдѣльнаго доклада государю каждаго министерства. Комитетъ представлялъ нѣкоторую точку соединенія, хотя и весьма слабую". Но потомъ „вошло въ обычай испрашивать предварительнаго разрѣшенія и о самихъ дѣлахъ, слѣдующихъ въ комитетъ, такъ что одно и тоже дѣло вносилось къ государю сперва въ видѣ частнаго доклада, потомъ въ журналѣ комитета и наконецъ при подписаніи указа. Учрежденіе комитета предсѣдателей не могло прекратить прилива дѣлъ къ кабинету (министерствамъ). Отсюда же происходили односторонніе доклады министровъ государю, который вводился ими въ заблужденіе" [2]). „Министръ, говорится въ „Запискѣ Дибича" [3]), имѣетъ власть разрѣшать встрѣчающіяся затрудненія силою существующихъ законовъ и понуждать мѣста и лица къ исполненію оныхъ. Но видя притомъ, что сіе же

---

1) Письмо сенатора Сумарокова къ императору Николаю Павловичу, дѣла 6 дек. 1826 г., № 57. 2) А. Г. С., дѣла комитета предсѣдателей, 2 папка, 9 тетрадь, по архиву № 12. 3) Ibidem, № 63. Мы уже не разъ цитировали эту записку, называя ее для краткости запиской Дибича, хотя она была только препровождена барономъ Дибичемъ—членомъ комитета 6 дек. 1826 г.—къ графу Блудову (въ дек. 1826 г.)—дѣлопроизводителю комитета. Цитируемая нами также для сравненія съ этой запиской Дибича „Записка объ устройствѣ верх. правит. мѣстъ", хранящаяся въ дѣлахъ Арх. Гос. Совѣта, сходна съ первою по названію и въ первой своей части по содержанію. Вторая часть записки А. Г. С. озаглавлена: „Предположенія къ исправленію настоящаго установленія" и содержитъ въ себѣ проэктъ необходимыхъ реформъ въ высшемъ русск. управленіи. Въ дѣлахъ комитета 6 дек. 1826 г. есть дубликатъ этой части записки А. Г. С. (по описи № 19).

поставлено въ обязанность и департаментамъ государственнаго совѣта и правительствующаго сената, не беретъ на свою отвѣтственность таковыя разрѣшенія и понужденія и представляетъ о томъ или симъ сословіямъ или государю. Совѣтъ, сенатъ, комитетъ министровъ разсматриваютъ и постановляютъ рѣшеніе въ одно и тоже время по разнымъ обстоятельствамъ одного и того же дѣла". Авторъ Записки представляетъ положеніе „верховныхъ правительственныхъ мѣстъ въ Россіи" при Александрѣ I (въ 1816 г.) въ слѣдующемъ видѣ. „Государственный совѣтъ—верховное сословіе по дѣламъ законодательнымъ, исполнительнымъ и суднымъ. Правительствующій сенатъ—равное ему мѣсто, потому что и въономъ предсѣдательствуетъ самъ государь и рѣшенія его по дѣламъ исполнительнымъ и суднымъ исполняются, какъ Высочайшіе указы. Комитетъ министровъ—учрежденіе по всѣмъ вообще дѣламъ съ особенными правами. Министерства, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подчиненныя симъ тремъ сословіямъ, но входящія въ составъ ихъ и имѣющія право непосредственно испрашивать Высочайшіе повелѣнія и указы. Всѣ сіи установленія имѣютъ равную степень власти въ отношеніи пріуготовленія дѣлъ къ представленію на Высочайшее усмотрѣніе и безъ строгаго раздѣленія и означенія предметовъ дѣятельности этихъ четырехъ равныхъ властей они могутъ только взаимно пресѣкать одна другую, замедлять и разрѣшать порядокъ и связь ихъ дѣйствій". Авторъ „Записки объ устройствѣ верховныхъ правительственныхъ мѣстъ въ Россіи" констатируетъ сильное увеличеніе исполнительной власти на счетъ законодательной. „Государственный совѣтъ состоитъ, говоритъ онъ, большею частью изъ особъ, неучаствующихъ въ управленіи, и потому по необходимости поставленъ въ противоборство съ сенатомъ и министерствами". Авторъ уподобляетъ совѣтъ „законодательному собранію во время французской директоріи, бывшему въ безпре-

рывной борьбѣ съ исполнительною властью“. Въ самой дѣятельности государственнаго совѣта авторъ записки подмѣчаетъ тотъ фактъ, что „государственный секретарь превратился вопреки „Образованію совѣта“ (18—20, 117—119 §§ и сл.) въ первенствующее лице сего сословія“. На тоже чрезмѣрное увеличеніе значенія канцеляріи въ дѣятельности государственнаго совѣта указываютъ, между прочимъ, графъ Кочубей и Балугьянскій. Первый подтверждаетъ тотъ же фактъ, на какомъ останавливаются сенаторъ Сумароковъ и неизвѣстный авторъ Записки Дибича, что „государственный совѣтъ, комитетъ министровъ и сенатъ, которые должны были быть совершенно отдѣлены, нерѣдко занимаются предметами однородными“. Кочубей находитъ, что „учрежденіе совѣта, нынѣ существующее, весьма правильное; одной перемѣны, замѣчаетъ онъ, въ немъ желать можно Это—уменьшенія вліянія канцеляріи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и числа людей, оную составляющихъ; бумаги должны быть обработываемы членами департаментовъ совѣта: сіе дѣлается вездѣ, гдѣ совѣты не установлены“ [1]). По словамъ Балугьянскаго, „канцелярія совѣта подъ именемъ государственной имѣетъ видъ общей, верховной канцеляріи, управляющей всѣми дѣлами государства“ и измѣняющей предположенія министровъ и сената. Поэтому-то „совѣтъ переверщаетъ эти предположенія, а иногда дѣлаетъ имъ новую редакцію, что, съ одной стороны, рождаетъ негодованіе оныхъ мѣстъ, а съ другой сопряжено съ

1) Дѣла комитета 6 дек. 1826 г., № 50. Аналогичные отзывы Кочубея о состояніи высшаго управленія въ послѣдніе годы царствованія Александра I мы находимъ въ его письмахъ къ Сперанскому, когда тотъ былъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ (1819—1821 г.). „Государ. установленія наши, писалъ Кочубей, все въ той же запутанности. Всѣ понемногу однородными дѣлами занимаются и какъ на выдержку дѣйствуютъ. Никто съ системою дѣлами управленія не занимается; главною цѣлью полагаютъ исполнители очищать сколь можно болѣе бумагъ и непрестанно открываются противорѣчія. Все относятъ на государя“ („Въ память графа М. М. Сперанскаго“ (его переписка), изд. А. Ф. Бычкова, Спб., 1872, 158—160 с.; ср. 294 с.).

потерею времени“. Балугьянскій выставляетъ причинами уменьшенія законодательнаго значенія совѣта превращеніе комитета министровъ въ законодательное учрежденіе и то обстоятельство, что „министры подносили узаконенія прямо на утвержденіе государя о предметахъ, коихъ предварительное разсмотрѣніе принадлежало по существу своему государственному совѣту“. Въ связи же съ этимъ стоитъ тотъ фактъ, что „въ послѣднія времена (царствованія Александра I) многія дѣла, принадлежащія къ законодательному дѣйствію государственнаго совѣта, отняты у него и присвоены особеннымъ комитетамъ. Такъ, напр., предметы хозяйственнаго департамента разсматривались и рѣшались въ такъ называемомъ тайномъ комитетѣ финансовъ; много разъ для разсмотрѣнія финансовыхъ мѣръ назначались, по представленію министра, два или три члена, мимо департамента. Изданы узаконенія противъ мнѣнія государственнаго совѣта за подписаніемъ его предсѣдателя, какъ, напр., законъ о гильдіяхъ“ [1]). Слова Балугьянскаго о передачѣ въ особые комитеты дѣлъ изъ совѣта подтверждаются, какъ мы видѣли, Трощинскимъ и самимъ Сперанскимъ, который замѣчаетъ, что „съ 1812 г. измѣнился весь порядокъ, установленный для обсужденія дѣлъ въ совѣтѣ: разсмотрѣніе уложенія прекратилось, дѣла финансовыя разошлись по разнымъ временнымъ комитетамъ и совѣтъ, переставъ быть мѣстомъ соображеній для законодательства [2]), содѣлался мѣстомъ судебнымъ по дѣламъ, изъ сената входящимъ“ [3]). Мы уже знаемъ, какимъ образомъ

1) Дѣла комитета 6 дек. 1826 г., № 62. 2) Дѣйствительно при обозрѣніи П. С. З. можно замѣтить, что, начиная уже съ 1812 г., рѣже попадаются манифесты, въ которыхъ должны были издаваться постановленія совѣта о новыхъ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ. Важнѣйшіе изъ нихъ появляются по докладу отдѣльныхъ министровъ (напр., учрежденіе военнаго министерства, (XXXII, № 24,971), учрежденіе о курляндскихъ крестьянахъ (XXXIV, № 27,024 и др.), комитета министровъ или же особыхъ коммиссій; государ. совѣтъ обыкновенно входитъ къ государю только съ своими мнѣніями. 3) Сперанскій: „О государ. установленіяхъ“, 39 с.

произошло это превращеніе совѣта въ высшую судебную инстанцію въ имперіи. Авторъ „Записки о лучшемъ устройствѣ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ“, констатируя большое „накопленіе въ немъ дѣлъ по части процессовъ, приводитъ еще нѣкоторыя причины этого явленія. Сюда относятся: 1) привычка въ сенатѣ идти въ голоса даже по маловажнымъ оттѣнкамъ въ мнѣніяхъ, 2) множество оконченныхъ судебныхъ дѣлъ, по вторичному разсмотрѣнію въ государственный совѣтъ поступавшихъ, и 3) предрѣшеніе дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ, который вмѣсто государевой думы сдѣлался новою инстанціей, тѣмъ болѣе несвойственною, что совѣту не присвоены формы судилищъ, и что члены его при одномъ бѣгломъ прочтеніи дѣла не могутъ вникнуть въ подробности онаго“ [1]). Такого же мнѣнія о неспособности совѣта быть „верховной инстанціей“ въ судебныхъ дѣлахъ авторъ „Записки о слѣдствіяхъ учрежденія министерствъ и государственнаго совѣта“: „въ совѣтѣ, говоритъ онъ, присутствуютъ тѣже сенаторы; подписавъ опредѣленіе сената, не можетъ сенаторъ опровергнуть его въ совѣтѣ“ [2]). Сенаторъ Барановъ замѣчаетъ, что „находятся многіе примѣры, что утвержденные самимъ государемъ приговоры снова разсматривались въ сенатѣ, совѣтѣ, коммиссіи прошеній или у министровъ, и что государственный совѣтъ по разногласнымъ въ сенатѣ мнѣніямъ сдѣлался ревизіоннымъ мѣстомъ сего послѣдняго. Но совѣтскія рѣшенія, по мнѣнію Баранова, не лучше сенатскихъ“: всѣ дѣла въ сенатѣ правильно распредѣляются и разсматриваются подъ строгою отвѣтственностью сенаторовъ за законность ихъ рѣшеній. „Вопреки сему порядку въ государственномъ совѣтѣ дѣла различныхъ родовъ смѣшаны въ рукахъ малаго числа дѣлопроизводителей, неотвѣчающихъ ни за вѣрность записки, ни за докладъ дѣла,

---

1—2) Дѣла комитета 6 дек. 1826 г., №№ по описи 17 и 72.

ни за самый приговоръ"[1]). Быть можетъ, вслѣдствіе такой неподготовленности совѣта къ разбору судебныхъ дѣлъ, послѣднія не всегда заканчивались въ совѣтѣ, который обыкновенно „ревизовалъ производство сената, но были примѣры, что и сенатъ перевершалъ приговоры совѣта" [2]). Не смотря на это, совѣтъ продолжалъ оставаться до конца царствованія Александра I высшимъ судебнымъ учрежденіемъ [3]). Кромѣ членовъ комитета 6 дек. 1826 г.[4]), на это указываетъ еще Н. Тургеневъ, который въ качествѣ ближайшаго свидѣтеля дѣятельности совѣта [5]) даетъ общую характеристику правительственнаго значенія государственнаго совѣта во вторую половину его дѣятельности при Александрѣ I. „Государственный совѣтъ, гдѣ по его образованію въ 1810 г. должны были сосредоточиться всѣ важнѣйшія дѣла имперіи, откуда должны были исходить всѣ законодательныя мѣры, скоро лишился, говоритъ Тургеневъ, значенія учрежденія, препятствовавшаго произволу министровъ и стремившагося водворить порядокъ и правильность въ ходѣ всѣхъ дѣлъ управленія". За исключеніемъ департамента законовъ, всѣ остальные департаменты совѣта потеряли постепенно всякое вліяніе на министерства. Но и „важнѣйшія правительственныя дѣла (составленіе бюджета, новые финансовые уставы, новые налоги и проч.) поступали въ совѣтъ послѣ того, какъ они были предварительно одобрены государемъ. На долю департамента законовъ не осталось почти серьезнаго труда относительно общаго законодательства и послѣ освобожденія отъ надзора совѣта

1—2) Дѣла комитета 6 дек. 1826 г., №№ по описи 20 и 57. 3) Р.-Славатинскій, Пособіе etc., 187 с., см. выше. 4) Въ комитетъ были доставлены „Замѣчанія о разныхъ отрасляхъ управленія" нѣкоего Пельчинскаго, который также, прежде всего, указывалъ „на обремененіе государств. совѣта судебными дѣлами" (Дѣла комитета, № 59). 6) Н. Тургеневъ нѣкоторое время (въ 1816 г.) служилъ въ государственной канцеляріи помощникомъ статсъ-секретаря по департаменту госуд. экономіи, а послѣ возвращенія Сперанскаго имѣлъ съ нимъ частыя сношенія („La Russie et les russes", I, 94 p. et suiv., 121 p. et suiv.).

военныхъ и финансовыхъ дѣлъ онъ оказался обремененнымъ только одними гражданскими и уголовными дѣлами. Всѣ дѣла, которыя министръ юстиціи до сихъ поръ представлялъ императору, теперь стали вноситься предварительно въ государственный совѣтъ" [1]).

1) Tourgueneff: „La Russie et les russes", I, 95—96 и 115—116 p. Члены комитета 6 дек. 1826 г., признавая дѣйствительными всѣ недостатки центральнаго управленія при Александрѣ I, указанные разными лицами,—авторами цитированныхъ нами „Записокъ", счелъ нужнымъ пересмотрѣть устройство всѣхъ высшихъ учрежденій александровскаго царствованія. Результатомъ этого подробнаго и обстоятельнаго ихъ пересмотра было рѣшеніе комитета возстановить почти цѣликомъ первоначальную организацію госуд. совѣта 1810 г. и примѣнить къ дѣлу проэктъ Сперанскаго о преобразованіи сената и опредѣленія общ. учрежденія министерствъ объ отвѣтственности министровъ. Исходя изъ принципа о совершенномъ отдѣленіи законодательной власти отъ правительственной и судебной, комитетъ рѣшилъ „положить конецъ неправильному раздѣленію и смѣшенію вѣдомствъ" въ различныхъ учрежденіяхъ. Въ совѣтѣ должны были быть сосредоточены одни законодательныя, важнѣйшія политическія и правительственныя дѣла и контроль за дѣйствіями министровъ; всѣ судебныя дѣла изъ совѣта изъемлются и онъ перестаетъ быть судебной инстанціей. Члены совѣта не могли присутствовать въ судебномъ сенатѣ и наоборотъ. Министры присутствуютъ въ совѣтѣ по ихъ званію. Предположено соединить департаментъ законовъ съ гражданскимъ, перенести въ послѣдній изъ департамента государственной экономіи науки, упразднить военный департаментъ и учредить временныя коммиссіи при совѣтѣ для предварительнаго разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ. Комитетъ стремится установить точно предѣлы власти министровъ, для чего онъ остановился на опредѣленіи различія между законами, уставами и учрежденіями и мѣрѣ участія министровъ въ ихъ образованіи. Государств. канцелярію предположено переименовать въ канцелярію гос. совѣта, форму мнѣній госуд. совѣта замѣнить манифестами, гдѣ должны заключаться новые законы, изъясненія ихъ и дополненія (С. Р. И. О., LXXIV, Журналы комитета 6 дек. 1826 г., Спб., 1891, стр.: 8—9, 12, 14—19, 23, 26, 35, 38, 134—137, 294—298). Для установленія отвѣтственности министровъ было признано нужнымъ образовать Верховный Уголовный Судъ. Комитетъ особенно долго разсуждалъ по поводу преобразованія министерствъ и сената и отдѣленія въ сенатѣ судебной части отъ правительственной (40—46 с. и сл., 57, 61, 67, 72—74, 79—80, 84—113, 125—134, 186, 204, 237, 253, 261, 267 с. и др.). Наконецъ, комитетъ 6 дек. 1826 г. не оставилъ безъ вниманія исключительное положеніе въ управленіи комитета министровъ. Комитетъ 1826 г. думалъ соединить его съ правительствующимъ сенатомъ (1-мъ департаментомъ) въ виду того, что „комитетъ министровъ—учрежденіе новое, о коемъ не объявлено никакимъ публичнымъ актомъ, манифестомъ и которое по существу своему и первоначальному назначенію должно быть просто собраніемъ министровъ для совѣщанія о нѣкоторыхъ общихъ мѣрахъ". Комитетъ 6 декабря

Въ такомъ видѣ представляется состояніе высшаго, центральнаго русскаго управленія въ концѣ второй эпохи преобразовательной дѣятельности Александра I. Результатъ всѣхъ его преобразованій въ высшей русской администраціи былъ, повидимому, тотъ же, какой получился въ концѣ перваго періода реформъ Александра Павловича. При неопредѣленномъ характерѣ и смѣшеніи вѣдомства всѣхъ высшихъ учрежденій бюрократическое начало, воплотившееся въ лицѣ полновластныхъ и безотвѣтственныхъ министровъ и ихъ органа—комитета министровъ,—снова взяло верхъ надъ обоими коллегіальными высшими учрежденіями—государственнымъ совѣтомъ и сенатомъ. Причемъ, первый обратился, какъ ранѣе, въ высшую судебную инстанцію въ имперіи, а послѣдній, не получивъ на дѣлѣ устройства, сообразнаго съ вновь преобразованными министерствами, остался при незначительномъ вліяніи не только на дѣла внутренняго управленія, но и на дѣла судебныя. Однако, при всемъ видимомъ сходствѣ въ итогахъ обѣихъ эпохъ преобразовательной дѣятельности императора Александра Павловича есть между ними и существенное различіе. Преобразованія 1801—1802 г., какъ и реформы 1810—1811 г.г., исходили изъ одной и той-же мысли государя—упорядочить власть законами. „Но задуманныя въ тишинѣ кабинета, наскоро составленныя, осуществлен-

---

1826 г. разсуждалъ далѣе, что „занятія комитета министровъ постепенно сдѣлались судебными, исполнительными и совѣщательными, что министры стали вносить дѣла однородныя въ совѣтъ, сенатъ и комитетъ по своему произволу и, что нерѣдко комитетъ послѣ долгихъ преній и съ немалою потерею времени, признавалъ дѣло непринадлежащимъ его разсмотрѣнію и требовалъ на сіе заключеніе Высочайшаго утвержденія. Таковою неопредѣленностью поданъ былъ министрамъ поводъ вносить въ комитетъ все безъ разбора, чего не хотѣли они брать на свою отвѣтственность, причемъ одни разрѣшали сами всѣ случаи, а другіе обращали въ комитетъ даже самыя мелочи и требовали на оныя Высочайшаго утвержденія“. Наконецъ, комитетъ 6 дек. 1826 г. нашелъ, что и „въ производствѣ дѣлъ въ комитетѣ министровъ допущены запутанность и многосложность“ (ibidem, 9 и 62 с.).

ныя отрывочными частями и безъ послѣдовательности, они казались чуждыми единства и изданными случайно для удовлетворенія временной нужды" [1]). Разсматривая устройство государственнаго совѣта по его „Образованію" въ 1810 г. и организацію министерствъ по ихъ общему учрежденію 1811 г., мы замѣчаемъ несомнѣнный прогрессъ въ реформахъ центральнаго управленія второй эпохи его преобразованія при Александрѣ I. Обоими актами точно установлено различіе между законодательною и административною функціей въ русскомъ управленіи и обѣ онѣ поручены спеціальнымъ учрежденіямъ: законодательство—государственному совѣту, который явился законосовѣщательнымъ установленіемъ въ государствѣ par excellence, внутреннее управленіе—министерствамъ, какъ высшимъ исполнительнымъ учрежденіямъ, надѣленнымъ опредѣленными правами административной власти. Государственному совѣту была придана „Образованіемъ" его въ 1810 г. такая стройная организація во всѣхъ главныхъ ея частяхъ (составѣ, компетентности и дѣлопроизводствѣ), по сравненію съ которой устройство непремѣннаго совѣта въ 1801 г. являлось совершенно неопредѣленнымъ, безформеннымъ. Точно такую же совершенную организацію получили въ 1811 г. министерства, когда было указано имъ общимъ ихъ учрежденіемъ мѣсто въ системѣ высшаго управленія, правильно обозначены сущность и границы власти министерствъ и установлены и правила отвѣтственности министровъ за свои дѣйствія. Опредѣленія о послѣдней не получили практическаго приложенія вслѣдствіе недоконченности преобразованій высшаго управленія,—сената при Александрѣ I, охладѣвшемъ къ дѣлу реформъ внутренняго управленія послѣ политическихъ событій 1812 г., которыя произвели сильное вліяніе на непостоянный и нерѣшительный

---

1) „Оправдательная записка" Сперанскаго (Русскій Архивъ, 1891, XII, 72 с.)

характеръ государя. Всѣ эти и другія обстоятельства могли только ослабить на время, но не уничтожить окончательно истиннаго, законодательнаго характера учрежденія государственнаго совѣта, какой былъ приданъ ему „Образованіемъ“ 1810 г. Но, чтобы оцѣнить вполнѣ все важное юридическое значеніе государственнаго совѣта 1810 г. среди другихъ высшихъ учрежденій эпохи Александра I, мы должны обратиться къ исторіи аналогичныхъ, западно-европейскихъ совѣщательныхъ учрежденій, сравнить медленный и продолжительный ходъ образованія русскаго государственнаго совѣта, оканчивая рѣшительнымъ моментомъ въ процессѣ его развитія (царствованіемъ Александра I), съ исторіей сходныхъ съ нимъ иноземныхъ установленій. Изъ этихъ послѣднихъ мы должны обратить особенное вниманіе, отчасти, на англійскій тайный совѣтъ XVIII в., но преимущественно же на французскій государственный совѣтъ временъ директоріи и первой имперіи: въ первомъ многіе современники реформъ Александра I видѣли образецъ непремѣннаго совѣта, второй же считали оригиналомъ русскаго государственнаго совѣта 1810 года.

Заключеніе.

Карамзинъ въ своей „Запискѣ о древней и новой Россіи“, являющейся выраженіемъ политическихъ взглядовъ современной ему консервативной партіи [1]), относится отрицательно ко всѣмъ реформамъ эпохи Александра I, а въ томъ числѣ и преобразованію при немъ государственнаго совѣта. Карамзинъ недоволенъ тѣмъ, что ему было придано въ 1810 году значеніе публичнаго установленія, и что совѣтъ оттѣснилъ на второй планъ сенатъ, унизилъ его. По его мнѣнію, въ Россіи долженъ существовать только частный совѣтъ государя. „И Екатерина II, говоритъ Карамзинъ, имѣла совѣтъ, слѣдуя правилу: умъ хорошо, а два лучше. Кто изъ смертныхъ не совѣтуется съ другими въ важныхъ случаяхъ? Государи болѣе всѣхъ имѣютъ въ томъ нужды. Екатерина въ дѣлахъ войны и мира, гдѣ ей принадлежало произнести рѣшительное *да* или *нѣтъ*, слушала мнѣніе нѣкоторыхъ избранныхъ вельможъ: вотъ совѣтъ ея, по существу своему *тайный*, то есть, особенный, лично императорскій. Она не сдѣлала его государственнымъ, торжественнымъ, ибо не хотѣла уничтожить Петрова сената, коего бытіе несовмѣстно съ другимъ высшимъ правительствующимъ мѣстомъ. Какая польза унижать сенатъ, чтобы возвысить другое правительство? Если члены перваго недостойны монар-

---

1) Корфъ: „Жизнь графа Сперанскаго“, 143 с., Пыпинъ: „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, 248 с.

шей довѣренности, надобно только перемѣнить ихъ; или сенатъ не будетъ правительствующимъ, или совѣтъ не можетъ торжественно и подъ своимъ именемъ разсматривать за нимъ дѣлъ и мимо сената издавать съ государемъ законы. Мы читаемъ нынѣ въ указахъ монаршихъ: „внявъ мнѣнію совѣта". И такъ сенатъ въ сторонѣ? Что же онъ? Останется-ли только судилищемъ? Увидимъ, ибо намъ велятъ ждать новыхъ дополнительныхъ уставовъ государственныхъ, преобразованія сенатскаго, губерній и проч.". Сославшись на мнѣніе Монтескье, что „le conseil du prince est par sa nature le depot de la volonté momentanée du prince, qui execute et non pas le depot des lois fondamentales", Карамзинъ продолжаетъ: „что ни будетъ, но сказанное нами не измѣнится въ главномъ смыслѣ: совѣтъ будетъ сенатомъ, или его половиною, отдѣленіемъ. Сіе значитъ играть именами и формами, которыя имѣютъ только вещи. Поздравляю изобрѣтателя сей новой формы или предисловія законовъ: „внявъ мнѣнію совѣта". Государь россійскій внемлетъ только мудрости, гдѣ находитъ ее, въ собственномъ-ли умѣ, въ книгахъ-ли, въ головѣ-ли лучшихъ своихъ подданныхъ; но въ самодержавіи не надобно ничьего одобрѣнія для законовъ, кромѣ подписи государя: онъ имѣетъ всю власть. Совѣтъ, сенатъ, комитеты суть только способы ея дѣйствій или повѣренные государя. Ихъ не спрашиваютъ, гдѣ онъ самъ дѣйствуетъ. Выраженіе: „le conseil d'etat entendu" не имѣетъ смысла для гражданина россійскаго; пусть французы справедливо или несправедливо употребляютъ оное. Правда и у насъ писали: „государь приказалъ, бояре приговорили"; но сія законная пословица была на Руси нѣсколько лѣтъ панихидою на усопшую аристократію боярскую; воскресимъ-ли форму, когда и вещь и формы давно истребились? Совѣтъ, говорятъ, будетъ уздою для министровъ; императоръ отдаетъ ему разсматривать важнѣйшія ихъ представленія

Совѣтъ не вступается въ обыкновенное теченіе дѣлъ, вопрошаемый единственно въ случаяхъ чрезвычайныхъ или новыхъ постановленіяхъ; а сей обыкновенный порядокъ государственной дѣятельности составляетъ благо или зло нашего времени? Спасительными уставами бываютъ, замѣчаетъ далѣе Карамзинъ, единственно тѣ, коихъ давно желаютъ лучшіе умы въ государствѣ, будучи ближайшимъ цѣлебнымъ средствомъ на извѣстное зло: учрежденіе министерствъ и совѣта имѣло для насъ дѣйствіе внезапности. По крайней мѣрѣ, авторы долженствовали изъяснить пользу своихъ новыхъ образованій: читаю и вижу однѣ сухія формы; говорятъ россіянамъ: „было такъ, отнынѣ будетъ иначе“; для чего, не сказываютъ. Петръ Великій въ важныхъ перемѣнахъ государственныхъ давалъ отчетъ народу: взгляните на регламентъ духовный, гдѣ императоръ открываетъ намъ всю душу свою, всѣ побужденія, причины и цѣль сего устава. Вообще, заключаетъ Карамзинъ, новые законодатели Россіи славятся наукою письмоводства болѣе, нежели наукою государственною“ [1]).

Въ этомъ отзывѣ Карамзина объ учрежденіи государственнаго совѣта въ 1810 г. отражается главная мысль автора „Записки“, которая проникаетъ все ея содержаніе, что старый, доалександровскій порядокъ въ управленіи превосходитъ новое устройство, данное Александромъ I высшимъ русскимъ установленіямъ. Подобно Тургеневу, Карамзинъ упрекаетъ Сперанскаго, такъ много сдѣлавшаго для реорганизаціи высшаго управленія Россіи при Александрѣ Павловичѣ, въ излишнемъ уваженіи и пристрастіи къ формамъ учрежденій. Однако, безъ этихъ формъ было невозможно, по справедливому замѣчанію Пыпина, „обнаруженіе самостоятельной дѣятельности общества“, къ которому Александръ стремил-

---

1) Карамзинъ, 2286—2289 с.

ся вмѣстѣ съ своими совѣтниками [1]). Но, и помимо этого, измѣненіе въ формахъ тогдашнихъ правительственныхъ учрежденій являлось безусловно необходимымъ. Самъ Карамзинъ признавалъ эту нужду въ ихъ преобразованіи, когда онъ представлялъ предшествующее временамъ Александра I царствованіе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ [2]) и считалъ „главнымъ дѣломъ" Екатерины II то, что она „смягчила самодержавіе, очистила его отъ примѣсей тиранства", отчего „сила самодержавія не утратилась" [3]). Со времени Екатерины II россіяне, по словамъ Карамзина, „знали, что государь не менѣе подданныхъ долженъ исполнять свои святыя обязанности, коихъ нарушеніе уничтожаетъ древніе завѣты власти съ повиновеніемъ и низвергаетъ народъ съ степени гражданственности въ хаосъ частнаго естественнаго права" [4]). Но сознаніе необходимости обосновать государственное управленіе на началѣ законности возникло въ Россіи далеко до временъ Екатерины II. Памятниками писаннаго законодательства въ древней Руси являются церковный уставъ св. Владиміра и другіе княжескіе уставы, Русская Правда, Новгородская и Псковская судныя грамоты, уставныя грамоты, судебники и Уложеніе царя Алексѣя Михайловича: во всѣхъ этихъ памятникахъ устанавливались опредѣленныя и постоянныя нормы управленія и суда, которыми населеніе страны ограждалось отъ произвола и лихоимства органовъ власти. Къ обезпеченію законности въ управленіи стремился при образованіи сената и коллегій Петръ Великій, при которомъ эти учрежденія получили прочную и до извѣстной степени правильную и стройную организацію. Извѣстно, что Петръ Первый, неустанно работавшій

1) Пыпинъ, ibidem, 246 с. 2) Павелъ Петровичъ, писалъ Карамзинъ, „заставилъ ненавидѣть злоупотребленія самодержавіемъ; онъ не слѣдовалъ никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти, казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды прелесть" (2267—2268 с.). 3—4) Карамзинъ, 2262—2263 и 2267—2268 с.

во имя начала общей, государственной пользы, предпочиталъ коллегіальную систему образованія учрежденій единоличной въ виду того, что видѣлъ въ первой залогъ развитія въ управленіи законности и устраненія изъ него произвола, неразлучнаго съ бюрократической системой. Мы уже знаемъ, что сенатъ при Петрѣ I былъ высшимъ правительственнымъ, контролирующимъ и объединяющимъ все управленіе учрежденіемъ. Органами надзора сената надъ мѣстными учрежденіями были фискалы [1]). Послѣ Петра I и до Екатерины II въ дѣятельности разныхъ высшихъ учрежденій, не смотря на частую ихъ смѣну, тревожныя политическія обстоятельства и бурное теченіе всей общественной жизни въ первой половинѣ XVIII в., продолжало проявляться постоянное стремленіе къ опредѣленію прочными, юридическими нормами устройства самихъ государственныхъ установленій, центральныхъ и мѣстныхъ, и водворенію начала законности, справедливости во всемъ государственномъ управленіи, всѣхъ его областяхъ Въ этомъ отношеніи сходны между собою такія разнообразныя по духу ихъ организаціи высшія учрежденія, какъ верховный тайный совѣтъ, кабинетъ, конференція и сенатъ. Екатерина II выразила въ своемъ „Наказѣ" мысль, что „законность управленія есть первое условіе свободы и безопасности гражданъ и правомѣрности самого государства" [2]). „Цѣль (предлогъ) самодержавнаго правленія въ

---

1) Градовскій: „Высшая администрація Россіи XVIII ст.", 81—88 с. 2) Градовскій: „Начала русскаго госуд. права", т. I, Спб., 1875, 7 с. „Надлежитъ, чтобы законы, говорилось въ „Наказѣ", поелику возможно, предохраняли безопасность каждаго особо гражданина (33 ст.). Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ (34 ст.). Вольность (свобода) есть право дѣлать все то, что законы дозволяютъ (38 ст.). Общественная или государственная вольность (полит. свобода) въ гражданинѣ есть спокойствіе духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью; и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобы одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялись бы всѣ однихъ законовъ (39 ст.). Ничего не должно запрещать законами

Россіи, гдѣ только оно и возможно" (9—12 ст.) императрица видѣла не въ томъ, „чтобы отнять у людей естественную ихъ вольность", но въ томъ, „чтобы дѣйствія ихъ направить къ полученію самого большаго добра" (13 ст.). Екатерина говоритъ о „законахъ, основаніе русской державы составляющихъ" (20 ст.), и возлагаетъ на сенатъ, какъ „хранилище законовъ" (26 ст.), обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы прочія правительственныя мѣста, „чрезъ которыя изливается власть государева" (20 ст.), наблюдали за „сходствомъ воли государевой" съ основными законами государства (28 ст.). Мы видѣли, что императрица находила „утѣшеніе и облегченіе всякаго бремени управленія государственнаго въ томъ, чтобы *видѣть законы въ своей силѣ и почтеніи, а правосудіе въ дѣйствіи* [1]). „Коммиссія о составленіи новаго уложенія" должна была выработать точное „различіе между непремѣнными и временными законами имперіи" [2]). На началѣ законности были совершены Екатериной II всѣ обширныя ея реформы въ управленіи, въ основаніе которыхъ были положены правильныя понятія о функціяхъ государственной власти и ихъ распредѣленіи между отдѣльными учрежденіями центральными и мѣстными. Чувство законности и стремленіе къ его внесенію въ управленіе были развиты и въ императорѣ Павлѣ I. Мы старались показать, какъ подъ вліяніемъ воспитанія и другихъ условій жизни Александра I до вступленія на престолъ возникло въ немъ и потомъ обратилось въ непоколебимое, прочное политическое убѣжденіе стремленіе къ преобразованію всѣхъ русскихъ учрежденій на томъ же принципѣ законности, которымъ проникнуты всѣ реформы александровскаго царствованія Александръ положилъ конецъ

кромѣ того, что можетъ быть вредно или каждому особенно, или всему обществу (41 ст.). Законы установлены для того, чтобы сдѣлать самое большое спокойствіе и пользу людямъ, подъ сими законами живущимъ" (42 ст.).—1—2) П. С. З., XVII, № 12,801.

господствовавшему до него безпорядку, запутанности, смѣшенію функцій власти въ разныхъ частяхъ высшаго управденія посредствомъ созданія публичныхъ государственныхъ учрежденій съ точно опредѣленными составомъ, кругомъ власти и взаимными отношеніями другъ къ другу.

Карамзинъ считаетъ совѣтъ Екатерины II частнымъ, личнымъ совѣтомъ императрицы и думаетъ, что образованіемъ совѣта въ 1810 г. униженъ сенатъ, какъ „высшее правительствующее“ учрежденіе въ имперіи. Но мы знаемъ, что совѣтъ при Екатеринѣ II сдѣлался постояннымъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ съ извѣстнымъ составомъ и функціями управленія, участвовавшимъ въ обсужденіи многихъ важныхъ правительственныхъ мѣръ. Сенатъ потерялъ свое первенствующее значеніе въ управленіи гораздо раньше образованія совѣта въ 1810 г., почти тотчасъ же послѣ смерти своего основателя и, за исключеніемъ царствованія Елизаветы Петровны, пребывалъ въ подчиненномъ положеніи по отношенію ко всѣмъ разнымъ высшимъ учрежденіямъ XVIII в. При преобразованіи совѣта въ 1810 г. и министерствъ въ 1811 г. дѣло шло не о преобладаніи совѣта надъ сенатомъ, а о правильномъ распредѣленіи функцій власти между нимъ и остальными центральными учрежденіями, причемъ законодательство сосредоточилось въ совѣтѣ, а администрація поручена министерствамъ. За сенатомъ же осталось значеніе высшаго административнаго и особенно судебнаго установленія, которое утвердилось за нимъ еще со времени Анны Ивановны. Такъ совѣтъ, вопреки взгляду Карамзина, не сдѣлался „сенатомъ или даже его половиной или отдѣленіемъ“: участіе совѣта въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ было временной мѣрой и не измѣняло главнаго, законосовѣщательнаго его значенія. Карамзинъ нападаетъ, по выраженію Корфа, на „невинную“ форму изданія постановленій совѣта: „внявъ мнѣнію совѣта“ [1]), которая на самомъ

1) Корфъ, 42 с.

дѣлѣ не уничтожала принципа самодержавія русскаго государя и не ограничивала его власти въ пользу аристократіи. „Образованіе“ 1810 г. не создало никакого политическаго самостоятельнаго класса; оно, напротивъ, сохраняло въ рукахъ императора инипіативу и утвержденіе законовъ, уставовъ и учрежденій, начало и конецъ законодательства. „Разумъ учрежденія совѣта, говоря словами Сперанскаго, не стѣснялъ власть государеву: дѣла вносились въ совѣтъ по государеву повелѣнію и рѣшались его единымъ словомъ“ [1]). Карамзинъ несогласенъ и съ тѣмъ, что совѣтъ является „уздою для министровъ“, такъ какъ онъ „разсматриваетъ важнѣйшія ихъ представленія“. Но эти послѣднія обсуждаются совѣтомъ только въ качествѣ законопроэктовъ, исключаемыхъ изъ сферы власти министровъ, которымъ остается „обыкновенное теченіе дѣлъ“,—внутреннее управленіе. Отвергая даже возможность отвѣтственности министровъ въ русскомъ самодержавномъ государствѣ, Карамзинъ утверждаетъ, что „съ сенатомъ, коллегіями, генералъ-прокуроромъ у насъ шли дѣла и прошли блестящее царствованіе Екатерины II“ [2]). Но императоръ Александръ потому и желалъ внести въ управленіе принципъ отвѣтственности министровъ, что онъ видѣлъ въ ней одно изъ главныхъ средствъ для осуществленія своего политическаго идеала — уничтоженія произвола въ управленіи и введенія въ него начала законности. Какъ „шли у насъ дѣла“ безъ правильно и точно организованнаго государственнаго совѣта и министерствъ „съ сенатомъ, коллегіями и генералъ-прокуроромъ“, мы это уже видѣли. Сама Екатерина II сознала въ теченіе своего царствованія необходимость преобразованія сената, упраздненія коллегій и ограниченія власти генералъ-прокурора въ управленіи. При ней же было положено начало монархическо-

1) Пермское письмо Сперанскаго, Богдановичъ, V, приложеніе, 50 с. 2) Карамзинъ, 2290 с.

му государственному совѣту, какъ постоянному и высшему учрежденію съ законосовѣщательной функціей. Поэтому Карамзинъ не правъ, когда онъ утверждаетъ, что „образованіе министерствъ и совѣта имѣло для всѣхъ дѣйствіе внезапное". „Лучшіе умы въ русскомъ государствѣ" давно уже сознавали необходимость преобразованій въ высшемъ управленіи. Такими „умами" были: Петръ Великій, Волынскій (при Аннѣ Ивановнѣ), канцлеръ Бестужевъ (при Елизаветѣ Петровнѣ), графъ Воронцовъ (при Петрѣ III), графъ Н. И. Панинъ (при Екатеринѣ II). Императрица Екатерина и ея внукъ Александръ Павловичъ были образованнѣйшими людьми своего времени и не только „желали" преобразовать русское управленіе, но и дѣйствительно совершили, особенно же Александръ I, крупныя въ немъ реформы, польза которыхъ ясна и безъ всякихъ особыхъ „изъясненій". Преобразованіе Александромъ I государственнаго совѣта стояло въ тѣсной связи со всей предшествовавшей исторіей высшаго управленія въ Россіи, гдѣ этотъ институтъ развивался такимъ же путемъ, какой проходятъ аналогичныя учрежденія въ исторіи всѣхъ государствъ древняго и новаго времени.

Разсматривая всю исторію совѣщательныхъ учрежденій, мы замѣчаемъ нѣсколько сходныхъ чертъ въ ихъ возникновеніи и развитіи, одинаково повторяющихся вездѣ и всюду [1]). Сюда, прежде всего, относится то универсальное явленіе, что въ первоначальной общественной жизни всѣхъ народовъ существуютъ на лицо всѣ три основныхъ элемента политическаго быта, какъ основанія главныхъ политическихъ формъ: демократіи, аристократіи и монархіи съ соотвѣтственными каждой изъ нихъ учрежденіями. Мы конста-

---

1) Въ началѣ введенія къ нашему изслѣдованію мы выставили, въ видѣ нѣсколькихъ общихъ положеній, сходные взгляды Аристотеля, Монтескье и Спенсера на историческій ходъ развитія совѣщательныхъ учрежденій. Взгляды эти, какъ доказываетъ обозрѣніе ихъ исторіи, вполнѣ оправдываются ею у всѣхъ народовъ древняго и новаго міра.

тировали наличность монархическаго, аристократическаго и демократическаго элемента какъ вообще въ первобытномъ обществѣ, такъ и на примитивной стадіи развитія у древнихъ грековъ и римлянъ и у разныхъ германскихъ и славянскихъ народовъ. Взаимное отношеніе всѣхъ трехъ элементовъ политическаго быта въ процессѣ ихъ послѣдующаго развитія представляетъ собою у всѣхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, то сходство, что вслѣдъ за преобладаніемъ демократическаго элемента надъ остальными въ началѣ политической жизни общества наступаетъ обыкновенно періодъ господства аристократіи, которая, въ свою очередь, уступаетъ при извѣстныхъ условіяхъ мѣсто монархіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальныя народныя собранія превращаются на второй ступени политическаго развитія народовъ въ аристократическіе *сенаты* или совѣты, воплощающіе самовластную и независимую политическую силу меньшинства Въ монархическихъ же государствахъ, которыя развиваются изъ аристократическихъ, благодаря перевѣсу въ обществѣ монархическаго элемента надъ аристократическимъ, *совѣты* не обладаютъ такой самостоятельностью, а имѣютъ значеніе только законосовѣщательныхъ учрежденій. На организаціи совѣтовъ и ихъ политическомъ вліяніи отражается также всегда борьба между аристократическимъ и монархическимъ элементами общества, обычная при переходѣ его изъ одной формы политическаго быта въ другую. Совѣты сохраняютъ свой политическій авторитетъ вмѣстѣ съ продолжающимся преобладаніемъ аристократіи въ обществѣ и теряютъ его, какъ скоро государство становится исключительно монархическимъ. Для того, чтобы убѣдиться въ дѣйствительномъ, реальномъ значеніи этихъ выводовъ относительно сходныхъ чертъ въ исторіи совѣщательныхъ учрежденій [1]), достаточно прослѣдить вкрат-

1) Считаемъ нужнымъ оговориться, что выставленные нами тезисы не имѣютъ характера какихъ-либо историческихъ законовъ развитія совѣщательныхъ

цѣ, въ главныхъ чертахъ главные фазисы въ историческомъ развитіи совѣщательныхъ учрежденій у народовъ древняго и новаго міра.

Мы старались доказать рядомъ этнографическихъ данныхъ, что въ первобытномъ обществѣ связь между преобладаніемъ въ немъ меньшинства (родовыхъ старѣйшинъ) и его органами—совѣтами очевидна точно также, какъ и незначительное вліяніе на управленіе совѣтовъ при перевѣсѣ монархическаго элемента надъ остальными элементами политическаго быта. На *Востокѣ* раннее и исключительное развитіе монархической власти соединялось съ второстепеннымъ, только совѣщательнымъ характеромъ совѣтовъ; но у тѣхъ восточныхъ народовъ, у которыхъ высшему классу общества удалось пріобрѣсти себѣ политическую самостоятельность, совѣтъ являлся органомъ его власти. Чисто монархическіе совѣты существовали въ древнемъ Египтѣ, Индіи и Персіи, въ послѣднихъ двухъ государствахъ въ позднѣйшую, царскую эпоху ихъ исторіи. Аристократическіе сенаты или совѣты были извѣстны финикіянамъ и Карфагену, гдѣ необычайное развитіе власти аристократіи (олигархіи) выражалось въ наличности нѣсколькихъ совѣтовъ. Совѣщательныя учрежденія составляютъ одну изъ формъ примитивнаго политическаго быта у всѣхъ арійскихъ народовъ, неразрывно связаны съ властью родовыхъ старѣйшинъ въ общинахъ въ средѣ этихъ народовъ. Совѣтъ греческихъ царей въ гомерическую (демократическую) эпоху имѣлъ значеніе монархическаго учрежденія, но въ историческій періодъ *Греціи* вмѣстѣ съ захватомъ власти аристократіей совѣтъ принялъ форму аристократическаго института. Таковы были герусіи въ Спартѣ, Критѣ, Эфесѣ, сенатъ

учрежденій; мы желаемъ только указать на нѣкоторый общій порядокъ преемства въ ходѣ этого развитія у всѣхъ народовъ, который не исключаетъ возможности перехода при извѣстныхъ условіяхъ первоначальной, демократической формы политическаго быта прямо въ монархію и—возникновенія въ средѣ аристократіи демократическаго элемента.

и совѣтъ въ Афинахъ до реформы Солона и совѣтъ 400 по аристократической его конституціи. Въ древнемъ *Римѣ* господство аристократіи и ея органа сената начинается почти съ перваго момента политической жизни римлянъ При царяхъ римскій сенатъ отличался двойственнымъ характеромъ: въ немъ осуществлялась политическая власть патриціевъ и въ тоже время сенатъ былъ совѣщательнымъ учрежденіемъ при царѣ. Однако, сенатъ въ сущности являлся аристократическимъ институтомъ, такъ какъ законодательная его власть (patrum auctoritas) принадлежала патриціямъ. Сенатъ оставался исключительно аристократическимъ учрежденіемъ въ теченіе перваго вѣка республики, когда власть была еще въ рукахъ патриціевъ. Но и до конца республики сенатъ сохранилъ за собою тоже значеніе, былъ органомъ власти новой, служебной римской знати. Начиная со втораго вѣка республики, власть сената въ управленіи постепенно уменьшается вмѣстѣ съ увеличивающимся вліяніемъ въ государствѣ сначала демократическаго, а потомъ монархическаго элемента въ лицѣ разныхъ магистратовъ, особенно же принцепса. При временномъ господствѣ при Суллѣ аристократической партіи въ сенатѣ были сосредоточены все законодательство и администрація, но послѣ побѣды цезаря надъ этой партіей сенатъ обратился въ простой совѣтъ при монархѣ безъ всякой самостоятельной политической власти. Въ эпоху принципата сенатъ былъ только органомъ власти принцепса, надѣлившаго его законодательными и административными правами. Съ развитіемъ власти прицепсовъ шло рука объ руку паденіе значенія сената, уступившаго, наконецъ, свое мѣсто въ управленіи новому чисто монархическому учрежденію—consilium principis, къ которому перешло завѣдываніе всѣми дѣлами въ государствѣ.

Первоначальныя политическія учрежденія *германцевъ* были

демократическія. Но уже въ это время, особенно же въ послѣдствіи въ средѣ германскихъ народовъ развивается сильная аристократія, господствовавшая долго въ западно-европейскихъ феодальныхъ государствахъ. Обращаясь къ исторіи *Франціи*, мы видимъ, что аристократія (свѣтская знать и духовная—друиды) рано пріобрѣла перевѣсъ надъ остальными политическими элементами въ Галліи, гдѣ ея органомъ былъ сенатъ. Послѣ завоеванія Галліи римлянами власть аристократическихъ фамилій въ отдѣльныхъ городахъ Галліи воплощалась въ ихъ сенатахъ (куріяхъ). Въ эпоху Меровинговъ первоначальныя (мартовскія) народныя собранія скоро превращаются въ совѣты изъ членовъ знати, которая получаетъ преобладаніе надъ королевскою властью. Въ теченіе VI — VII в. королевскій совѣтъ былъ только собраніемъ вліятельныхъ членовъ аристократіи, которая рѣшала здѣсь всѣ дѣла государства. Какъ въ весеннихъ, такъ особенно осеннихъ собраніяхъ знати при Карлѣ Великомъ выражалось сильное ея вліяніе въ государственномъ управленіи: видные представители свѣтской и духовной аристократіи занимались здѣсь рѣшеніемъ важныхъ государственныхъ дѣлъ. Послѣ смерти Карла Великаго начинаетъ быстро развиваться въ странѣ феодализмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и власть феодальныхъ сеньоровъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ при своемъ дворѣ совѣтъ изъ вассаловъ и придворныхъ. Такова была сначала curia regis французскихъ королей въ принадлежащихъ имъ владѣніяхъ; членами curia regis были могущественные вассалы французскихъ королей во все время господства аристократіи въ странѣ (отъ смерти Карла Великаго и до Филиппа IV Красиваго). Съ развитіемъ власти французскихъ королей (съ начала XII ст., со времени Людовика Толстаго) совпадаетъ ослабленіе власти феодальныхъ сеньоровъ и превращеніе королевскаго совѣта изъ аристократическаго учрежденія въ государствѣ въ монархическій

институтъ, послушное орудіе въ рукахъ королевской власти. Государственный совѣтъ съ такимъ характеромъ появляется уже при Людовикѣ IX, особенно же Филиппѣ IV—первомъ неограниченномъ французскомъ монархѣ: совѣтъ помогаетъ королю въ управленіи государствомъ При Филиппѣ же Красивомъ и его преемникахъ французскій совѣтъ получаетъ первыя начала правильной организаціи и начинаетъ служить интересамъ все болѣе и болѣе усиливающейся монархической власти на счетъ феодальныхъ сеньоровъ. Но аристократическій элементъ, пустившій глубокіе корни въ обществѣ, не уступаетъ сразу монархическому, долго продолжаетъ бороться съ нимъ изъ за политическаго преобладанія въ странѣ, что отражается и на значеніи совѣта въ управленіи. Такъ временное ослабленіе королевскаго авторитета при Карлѣ VI отозвалось на политическомъ усиленіи совѣта, состоявшаго изъ представителей различныхъ аристократическихъ партій. При Людовикѣ XI, который велъ успѣшную борьбу съ феодалами, совѣтъ дѣятельно помогалъ королю какъ въ этой борьбѣ, такъ и дѣлахъ правленія. При Карлѣ VII знать обнаруживаетъ намѣреніе воспользоваться совѣтомъ для того, чтобы захватить власть въ свои руки, но при Карлѣ VIII совѣтъ снова становится монархическимъ учрежденіемъ; въ немъ сосредоточивается все законодательство и управленіе страной, и самому совѣту придается еще болѣе опредѣленное устройство, которое служитъ основаніемъ для всѣхъ измѣненій въ немъ при послѣдующихъ французскихъ короляхъ. Власть этихъ послѣднихъ развивается непрерывно и достигаетъ до полнаго могущества въ лицѣ Людовика XIII, а особенно—XIV. Государственный совѣтъ при этихъ короляхъ имѣетъ видъ совершенно монархическаго учрежденія, зависящаго только отъ воли короля. Въ совѣтѣ соединяются всѣ функціи управленія и онъ распадается на нѣсколько отдѣленій (совѣтовъ) сообразно главнымъ отрас-

лямъ управленія. Французскій государственный совѣтъ сохраняетъ свое устройство и обладаетъ правомъ исключительнаго участія въ законодательствѣ, администраціи и судѣ до эпохи первой революціи, когда руководящее значеніе совѣта въ управленіи падаетъ вмѣстѣ съ ослабленіемъ королевской власти въ странѣ, и затѣмъ совѣтъ, какъ монархическое учрежденіе, исчезаетъ въ моментъ упраздненія королевской власти во Франціи. Въ эпоху консульства государственный совѣтъ является, какъ высшее правительственное учрежденіе, принадлежащее къ исполнительной власти, а при первой имперіи онъ снова дѣлается монархическимъ институтомъ, соединяетъ въ себѣ всѣ права прежняго королевскаго совѣта.

Народныя собранія у *англо саксовъ* превращаются скоро въ собранія знатныхъ лицъ (тановъ), извѣстныя подъ именемъ витенагемита, magnum consilium'а. Большой королевскій совѣтъ обладалъ всѣми правами власти въ странѣ. Послѣ завоеванія Англіи норманнами и развитія здѣсь неограниченной королевской власти curia regis норманскихъ королей была только монархическимъ учрежденіемъ, въ которомъ находилось нѣсколько секцій, завѣдующихъ отдѣльными отраслями управленія. Скоро, однако, власть королей ограничивается въ существенныхъ ея правахъ англійской аристократіей, причемъ измѣняется и характеръ королевскаго совѣта. Со времени появленія при Іоннѣ Безземельномъ Magna Charta начинается развитіе политической силы англійской аристократіи, органомъ которой является общій совѣтъ прелатовъ и бароновъ. При Генрихѣ III (Плантагенетѣ) образуется парламентъ и возникаетъ также постоянный совѣтъ, который состоялъ изъ знатныхъ лицъ и имѣлъ всю правительственную власть. Король осуществлялъ свою прерогативу съ „совѣта и согласія“ членовъ знати. Интересы аристократіи въ парламентѣ представлялъ magnum consilium. Весь средне-

вѣковой періодъ въ исторіи Англіи (XIII—XV в.) характеризуется безпрерывною борьбою между монархическою властью и аристократіей; въ этой борьбѣ принимали дѣятельное участіе постоянный совѣтъ, какъ органъ власти англійскихъ королей, и большой совѣтъ, органъ власти аристократіи. Трехвѣковая ихъ борьба закончилась тѣмъ (въ XV вѣкѣ), что большой совѣтъ подчинилъ себѣ своего соперника — королевскій совѣтъ: аристократія восторжествовала надъ монархическою властью. Развитіе королевской власти и ослабленіе силы аристократіи при Тюдорахъ и Стюартахъ немедленно отражается на королевскомъ совѣтѣ, который принимаетъ названіе тайнаго совѣта и дѣлается въ качествѣ органа могущественной власти короля центромъ всей администраціи въ странѣ. Такимъ характеромъ дѣятельность Privy Council отличается особенно при Генрихѣ VIII, когда королевскія рѣшенія получаютъ силу закона, его дочери, Елизаветѣ, Іаковѣ I и Карлѣ I Стюартахъ. Государственный совѣтъ республики не имѣлъ непосредственной связи съ тайнымъ совѣтомъ, упраздненнымъ вмѣстѣ съ уничтоженіемъ королевской власти въ странѣ; только правительственныя функціи тайнаго совѣта перешли къ конституціонному государственному совѣту республики. При реставраціи Стюартовъ (Карлѣ II) королевская власть должна была подчиниться парламенту, верхняя палата котораго являлась органомъ правящаго класса въ странѣ. Поэтому тайный совѣтъ теперь уже не играетъ въ управленіи той руководящей роли, которую онъ имѣлъ при Тюдорахъ и первыхъ Стюартахъ. Съ паденіемъ династіи Стюартовъ и призваніемъ на англійскій престолъ Вильгельма Оранскаго въ Англіи водворилась и въ теченіе всего XVIII в. господствовала аристократія, наполнявшая парламентъ и тайный совѣтъ короля; оба же послѣдніе пользуются теперь только номинальною властью въ государственномъ управленіи.

Въ *Швеціи* послѣ періода первоначальнаго, демократическаго быта наступаетъ также эпоха господства аристократіи (родовой и служебной). Вся послѣдующая политическая исторія Швеціи представляетъ собою безпрерывную смѣну неограниченной монархіи аристократической формой правленія, ожесточенную борьбу монархическаго и аристократическаго элемента, прекратившуюся уже въ началѣ XIX вѣка; и каждый разъ съ водвореніемъ въ странѣ той или другой политической формы совпадаетъ сильное развитіе правительственнаго значенія государственнаго совѣта (при побѣдѣ аристократіи) или же упадокъ его политической роли (при господствѣ неограниченной монархіи). Такъ, когда (въ XII—XIII ст.) знатные члены родовой шведской аристократіи подчинили себѣ королевскую власть, королевскій совѣтъ, имѣвшій до этого времени второстепенное значеніе въ управленіи, превращается *въ сенатъ*, какъ органъ могущественной аристократіи. Послѣ Кальмарской уніи (въ XIV ст.), еще болѣе увеличившей политическую силу аристократіи, страной управлялъ сенатъ или совѣтъ, состоявшій исключительно изъ высшихъ членовъ аристократіи. При абсолютныхъ монархахъ Карлѣ XI и—XII аристократическій совѣтъ превращается въ частный совѣтъ короля, издававшій отъ его имени законы и вѣдавшій всю администрацію. Но послѣ Карла XII управленіе снова перешло въ руки аристократіи и снова органомъ ея власти сталъ сенатъ. Послѣ coup d'etat, который совершилъ Густавъ III съ цѣлью своего освобожденія изъ подъ опеки аристократіи, роль сената въ управленіи измѣнилась: члены сената могли теперь только подавать королю совѣты, необязательные для него. Наконецъ, по конституціи 1809 г. государственный совѣтъ сталъ учрежденіемъ, состоящимъ при королѣ, какъ представителѣ исполнительной власти въ администраціи. Въ политической исторіи *Даніи* рѣзко различаются три періода ея развитія, смѣнявшихъ

другъ друга въ послѣдовательномъ порядкѣ: за примитивной демократіей наступаетъ (въ XIV ст.) эпоха необычайнаго развитія аристократіи въ странѣ, власть которой сосредоточивалась (въ XVI—XVII в.) въ императорскомъ совѣтѣ. Но съ водвореніемъ въ Даніи абсолютной монархіи совѣтъ сдѣлался только органомъ королевской власти.

Въ *средневѣковой германской имперіи* (XI—XII в.) знатные феодальные сеньоры, сильно ограничивавшіе власть германскаго императора, были необходимыми членами совѣта при рѣшеніи всѣхъ дѣлъ управленія. Первые прусскіе короли управляли государствомъ съ помощью совѣта изъ придворныхъ чиновниковъ. Начиная съ Іоахима Фридриха и до половины XIX ст., исторія государственнаго („тайнаго") совѣта идетъ въ *Пруссіи* рука объ руку съ исторіей развитія королевской власти. Вмѣстѣ съ усиленіемъ централизаціи въ странѣ тайный совѣтъ получаетъ опредѣленную организацію и становится высшимъ учрежденіемъ, объединяющимъ и соединяющимъ въ себѣ всѣ функціи управленія. Послѣ различныхъ видоизмѣненій въ устройствѣ прусскаго государственнаго совѣта въ началѣ текущаго столѣтія совѣтъ является съ характеромъ законосовѣщательнаго и высшаго административнаго учрежденія при неограниченномъ монархѣ. Въ *Австріи* появленіе совѣта совпадаетъ также, какъ и въ Пруссіи, съ образованіемъ сильной монархической власти. Австрійскій государственный совѣтъ былъ въ теченіе всей политической исторіи страны энергичнымъ помощникомъ короля въ усиленіи могущества королевской власти на счетъ политическихъ правъ аристократіи, преобразованіи королями всей администраціи и развитіи централизаціи въ управленіи. Совѣтъ сохранялъ тоже законосовѣщательное значеніе при монархѣ до введенія въ Австріи конституціонной монархіи. Совершенно другимъ характеромъ отличается исторія совѣта въ Венгріи и Венеціи. Въ *Венгріи* почти съ самого перва-

го момента образованія самостоятельнаго государства сенатъ или совѣтъ князя состоитъ изъ родовыхъ старѣйшинъ, мнѣнія которыхъ обязательны для князя при рѣшеніи всѣхъ дѣлъ. Въ послѣдствіи членами совѣта были магнаты, права которыхъ на самостоятельное участіе въ управленіи были обезпечены золотой буллой. При соединеніи Венгріи съ Австріей совѣтъ изъ венгерскихъ магнатовъ завѣдывалъ внутренней и внѣшней политикой страны. Въ *Венеціи*, также рано образовавшееся, необычайное политическое могущество аристократіи выразилось въ появленіи цѣлаго ряда сенатовъ или совѣтовъ, въ которомъ сосредоточились всѣ функціи управленія (сената, синьоріи, большаго совѣта, совѣта сорока и—десяти). Въ *Голландіи* и *Швейцаріи* власть аристократіи въ періодъ ея здѣсь развитія поддерживалась также нѣсколькими совѣтами съ самостоятельными правами въ управленіи. Въ *Испаніи* члены богатыхъ и знатныхъ вестготскихъ фамилій помогали королю въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ государственныхъ дѣлъ. Въ образовавшихся послѣ завоеванія Испаніи арабами самостоятельныхъ государствахъ—Кастиліи и Аррагоніи — государственный совѣтъ, членами котораго были представители феодальной аристократіи, свѣтской и духовной, управлялъ всѣмъ государствомъ. Но послѣ соединенія обоихъ этихъ государствъ въ одну неограниченную монархію королевскій совѣтъ сталъ органомъ только власти испанскаго короля. Точно также и въ *Португаліи* сначала въ совѣтѣ участвовала одна феодальная аристократія, вліявшая рѣшительно на все управленіе, а потомъ съ усиленіемъ монархической власти въ государствѣ государственный совѣтъ сдѣлался только ея органомъ въ управленіи.

У *славянскихъ племенъ* первоначальное, демократическое устройство превращается постепенно подъ вліяніемъ различныхъ измѣненій въ общественномъ ихъ быту, особенно же внѣшнихъ воздѣйствій на него, въ аристократическое, въ

которомъ господство высшаго сословія въ государствѣ выражается въ особыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ—боярской думѣ, сенатѣ и иногда совѣтѣ. Но съ образованіемъ въ славянскихъ государствахъ монархической власти ея органомъ является совѣтъ, какъ законосовѣщательное учрежденіе. Господство аристократіи, смѣнившее народныя собранія (вѣча) въ *Польшѣ* при династіи Леха и особенно Пястахъ, было причиной сосредоточія въ ея органѣ—*сенатѣ* всего управленія государственными дѣлами. Впрочемъ, при Болеславѣ Храбромъ, правившемъ государствомъ съ неограниченною властью, королевскій совѣтъ обсуждалъ, но не рѣшалъ самъ государственныя дѣла. Но съ образованіемъ „можновладства“ (при Казимірѣ Возстановителѣ) все управленіе государствомъ переходитъ въ его руки. Польскій сенатъ, ставшій послѣ того постояннымъ аристократическимъ органомъ, состоялъ изъ членовъ польской знати и былъ законодательнымъ учрежденіемъ, наблюдавшимъ интересы „можновладства“. Въ XIII—XV ст. совершается постепенное увеличеніе его соціально-политическаго могущества, а вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ развитіе власти сената въ управленіи. Съ возвышеніемъ шляхты (въ XV—XVI в.) въ вліятельное въ государствѣ сословіе въ Польшѣ устанавливается аристократическая республика, гдѣ въ теченіе долгаго времени продолжается борьба изъ за политическаго преобладанія въ странѣ между высшимъ слоемъ аристократическаго сословія —магнатами—и низшимъ—шляхтой. Органомъ послѣдней были провинціальные сеймики (совѣты) и посольская изба генеральнаго сейма. Интересы магнатовъ представлялись въ немъ королевской радой или сенатомъ, безъ „совѣта и согласія“ котораго король не могъ рѣшить никакого важнаго государственнаго дѣла. При Янѣ Альбрехтѣ вслѣдствіе перевѣса власти шляхты, поддержанной королемъ, и ослабленія силы магнатовъ сенатъ сдѣлался совѣщательнымъ уч-

реждeніемъ при монархѣ, какъ представителѣ административной власти въ государствѣ. Но какъ только „можновладство“ снова присвоило себѣ политическія права (при князѣ Александрѣ), въ сенатѣ опять сконцентрировалось все государственное управленіе. Аристократическій характеръ имѣлъ и совѣтъ при Генрихѣ Валуа: онъ состоялъ изъ сенаторовъ и членовъ шляхты и завѣдывалъ всѣми дѣлами управленія. Постоянный совѣтъ (въ концѣ XVIII ст.) былъ конституціоннымъ учрежденіемъ, высшимъ органомъ исполнительной власти. Но сенатъ въ XVI—XVIII в. оставался съ тѣмъ-же значеніемъ аристократическаго института, которое онъ получилъ съ перваго момента своего образованія. Въ *Чехіи* представители поземельной аристократіи—чехи или кметы—входили въ VII—XIII ст. въ составъ сената или постояннаго совѣта, какъ центра всего государственнаго управленія. Знатные же паны стояли во главѣ всего общества и государства въ XIII—XV в., были членами королевскаго совѣта. Феодальная чешская аристократія, засѣдавшая въ немъ, постепенно захватывала въ свои руки все управленіе государствомъ. При Юріи Подѣбрадѣ, возстановившемъ королевскій авторитетъ, придворный совѣтъ пользовался совѣщательнымъ значеніемъ при королѣ. Послѣ смерти Подѣбрада власть перешла опять къ аристократіи и ея органу—совѣту. Въ общинахъ *Сербіи* (жупахъ) управленіе принадлежало скоро образовавшемуся высшему сословію—властелямъ, которые продолжали править отдѣльными городами и селами и послѣ объединенія Неманичами отдѣльныхъ сербскихъ земель въ одно самостоятельное государство. Властели распоряжались также судьбой своихъ „кралей“ и всего народа и управляли государствомъ посредствомъ совѣта и періодически созываемыхъ земскихъ соборовъ. Изъ членовъ аристократіи (жупановъ) состоялъ совѣтъ королей *Хорватіи* въ эпоху политической ея самостоятельности. Аристократическій же харак-

теръ имѣли и хорватскіе земскіе соборы. Съ самого основанія *Болгаріи*, какъ самостоятельнаго государства, боярская дума (государственный совѣтъ), членами которой были только знатные родовые старѣйшины (были), ограничивала власть хана въ пользу аристократіи. При могущественномъ болгарскомъ царѣ, Симеонѣ бояре и ихъ дума были только помощниками царю въ управленіи государствомъ. Но при его преемникахъ боярамъ и боярскому совѣту удалось снова возвратить себѣ вліяніе въ государствѣ. Въ періодъ втораго болгарскаго царства власть была тоже въ рукахъ бояръ и боярской думы. У *балтійскихъ славянъ* за эпохой демократическаго устройства также слѣдовалъ періодъ сильнаго господства аристократіи, управлявшей страной посредствомъ постояннаго аристократическаго собранія (совѣта), ослаблявшаго власть вѣча и князя.

Наконецъ, и въ *Россіи* первоначальное политическое устройство было, какъ и вездѣ, демократическимъ; но еще до призванія Рюрика въ древне-русскихъ общинахъ выдѣлялись земскіе бояре, какъ наиболѣе вліятельные, сильные люди, при помощи которыхъ произошло и призваніе варяжскихъ князей на Русь. Вѣчевой политическій бытъ долго сохранился въ древней Руси (до нашествія татаръ). Но съ самого момента призванія варяжскихъ князей начинаетъ пріобрѣтать большое значеніе въ управленіи ихъ дружина, особенная старшая—бояре: княжеская дружина занимала около князя самостоятельное, независимое отъ него положеніе, и князь постоянно нуждался въ ея помощи для обезпеченія своихъ интересовъ. Дружина—бояре—въ удѣльный періодъ русской исторіи была политической силой, рѣшительное вліяніе которой въ дѣлахъ правленія признавалось самими князьями, непредпринимавшими безъ дружины ни одного важнаго государственнаго дѣла. Старшей дружинѣ принадлежали въ это время опредѣленныя политическія права, являвшіяся ре-

зультатомъ свободнаго характера взаимныхъ отношенiй между князем и дружиной: право отъѣзда, необязательной службы князю, который не могъ лишать отъѣхавшихъ отъ него бояръ ихъ имущества, право посредничества въ столкновенiяхъ между князьями и право участiя въ княжескомъ совѣтѣ, самостоятельнаго здѣсь обсужденiя и рѣшенiя дѣлъ правленiя („встрѣчи"). Князья были обязаны спрашивать у своихъ бояръ совѣта во всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ подъ опасенiемъ неудачи затѣваемыхъ предпрiятiй и лишенiя дружины, безъ которой удѣльнымъ князьямъ было невозможно удержать за собою свои столы, а тѣмъ болѣе добиться лучшаго во всей кiевской Руси стола—великокняжескаго (кiевскаго). Такой порядокъ вещей, продолжавшiйся здѣсь нѣсколько столѣтiй (IX—XII в.), наблюдается и въ сѣверномъ ростовскомъ княженiи, гдѣ бояре принимали рѣшительное участiе въ борьбѣ старыхъ городовъ съ новыми и въ судьбѣ самихъ князей ростовской волости. Усиленiю власти старшихъ дружинниковъ въ сѣверной Руси помогло, начавшееся въ XIII в., слiянiе ихъ съ земскими боярами, въ одинъ высшiй классъ общества, обладавшiй большимъ поземельнымъ владѣнiемъ. Бояре продолжаютъ сохранять за собою всѣ свои политическiя права во вторую половину удѣльнаго перiода—въ московскомъ княжествѣ: право посредничества въ междукняжескихъ спорахъ (до времени великаго князя Василiя Ивановича), право отъѣзда отъ московскаго князя на службу даже къ его политическимъ противникамъ и право совѣта („встрѣчи") въ дѣлахъ управленiя (до—Iоанна Васильевича IV). Увеличенiю политическаго значенiя бояръ въ московскомъ княжествѣ особенно помогло то обстоятельство, что бояре оказали энергическое влiянiе на объединенiе удѣльной Руси подъ скипетромъ московскаго государя, всѣми мѣрами способствовали усиленiю могущества московскаго государства, въ которомъ имъ принадлежала первенствующая роль при

первыхъ московскихъ князьяхъ, особенно же Димитріи Ивановичѣ Донскомъ и его преемникахъ до времени Іоанна Васильевича III, когда становится замѣтнымъ перевѣсъ власти на сторонѣ московскихъ князей. Нашествіе татаръ, уничтожившее самостоятельность общинъ на Руси, должно было помочь укрѣпленію политическаго вліянія московскихъ бояръ, хотя тоже обстоятельство дало въ руки московскихъ государей одно изъ удобныхъ средствъ къ увеличенію своей власти на счетъ сначала своихъ соперниковъ во власти (вѣча и бояръ), а потомъ и самой орды. Монархическая власть московскихъ князей начинаетъ складываться въ прочный политическій институтъ, благодаря цѣлому ряду благопріятныхъ обстоятельствъ, почти съ перваго момента возникновенія Москвы. Но рѣшительное ея преобладаніе въ московскомъ государствѣ долго замедлялось, между прочимъ, сильнымъ московскимъ боярствомъ, отчасти, наслѣдовавшимъ свои политическія права отъ южнорусскаго боярства. Вслѣдствіе независимаго и самостоятельнаго положенія боярскаго сословія во весь удѣльный періодъ русской исторіи оно обладало своимъ политическимъ органомъ—*боярской думой*, состоявшей изъ бояръ и высшихъ членовъ духовенства. *Рѣшенія* боярской думы, гдѣ обсуждались всѣ дѣла внутренняго управленія и внѣшней политики, *были обязательны* для князя: они представляли собою въ сферѣ государственной жизни *юридическій обычай*, вытекавшій изъ особенныхъ, взаимныхъ отношеній князя съ его дружиной. Такъ и въ древней Руси, какъ и у другихъ славянскихъ и германскихъ народовъ, существовалъ послѣ примитивной, демократической эпохи періодъ преобладанія аристократіи въ государствѣ. Тоже явленіе, въ частности, замѣчается въ отдѣльныхъ частяхъ древней Руси, сохранявшихъ свою политическую самостоятельность и независимость отъ московскаго государства въ удѣльную эпоху. Органомъ власти боярскаго сословія въ *Новгородѣ* былъ сенатъ или

совѣтъ, въ *Псковѣ* боярскій совѣтъ („господа“) также, какъ и въ Новгородѣ, управлялъ всѣми государственными дѣлами. Въ *Галичѣ* бояре образовали могущественное сословіе, распоряжавшееся судьбой галицкихъ князей и всего населенія и управлявшее государствомъ при помощи боярской думы или совѣта. Въ *Литвѣ* аристократія образовалась почти на первыхъ же порахъ политической ея жизни. Литовскіе бояре ограничивали власть великихъ князей литовскихъ посредствомъ думы или совѣта, рѣшавшаго всѣ дѣла управленія. По соединеніи литовскаго княжества съ Польшей боярская дума стала называться сенатомъ или радой. Политическое значеніе этого правительственнаго учрежденія увеличивается вмѣстѣ съ усиленіемъ политическаго преобладанія литовской аристократіи. Литовскій сенатъ обладалъ высшею властью въ государствѣ, которую должны были признавать и всѣ великіе князья литовскіе.

Боярство въ московскомъ государствѣ не могло долго сохранить свои политическія права, закрѣпить ихъ за собою и обезпечить себѣ самостоятельное участіе въ дѣлахъ управленія вслѣдствіе многихъ причинъ, которыя препятствовали сплоченію бояръ въ одно крѣпкое сословіе. Самою главною изъ причинъ, парализовавшихъ процессъ образованія изъ московскаго боярства политической корпораціи, было быстрое развитіе могущественной власти московскихъ государей, которые постепенно превращаютъ бояръ въ служилый классъ московскаго государства, сначала ограничиваютъ, а потомъ и совсѣмъ отнимаютъ у бояръ всѣ ихъ политическія права. Царствованіе Іоанна Грознаго было рѣшительнымъ моментомъ въ политической исторіи московскаго боярства, самостоятельное политическое значеніе котораго было подорвано въ корнѣ во время ожесточенной борьбы Грознаго съ боярствомъ. Живымъ отголоскомъ этой борьбы была переписка Іоанна Васильевича IV съ княземъ Курбскимъ:

въ ней выразились главныя политическія притязанія боярства, стремленіе Курбскаго сохранить за боярами право совѣта и отъѣзда [1]), рѣшительно отвергаемыя Грознымъ во имя принципа самодержавной и неограниченной власти московскихъ государей. Но не смотря на жестокія мѣры Грознаго, боярство обладало большимъ вліяніемъ на дѣла управленія въ XV—XVII ст., когда на русскомъ престолѣ появились представители боярскаго сословія (Борисъ Годуновъ и В. И. Шуйскій) и послѣднее распоряжалось судьбой самого государства въ смутный періодъ русской исторіи, особенно же эпоху междуцарствія. Политическія притязанія московскихъ бояръ проявились даже при воцареніи династіи Романовыхъ; бояре продолжали играть также большую роль въ государственномъ управленіи при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Но политическое значеніе бояръ видимо клонится къ явному упадку въ концѣ XVII ст., когда въ государствѣ развилась вполнѣ сильная монархическая власть московскихъ государей. Необходимое и неразрывное съ государемъ участіе бояръ въ управленіи во вторую половину московскаго государства, XV—XVII ст. выражалось въ первенствующемъ положеніи за это время въ администраціи боярской думы, которая имѣла полуаристократическій составъ, обсуждала и рѣшала всѣ законодательныя, административныя и судебныя дѣла; боярская же дума слѣдила за текущимъ управленіемъ, порученнымъ приказамъ. Въ критическіе моменты общественной жизни, когда бояре становились во главѣ государства, боярская дума дѣлалась вполнѣ органомъ ихъ власти; при нормальномъ теченіи государственной жизни—господствѣ неограниченной и самодержавной власти московскихъ государей—боярская дума

---

1) Примѣчаніе. Право бояръ быть посредниками въ междукняжескихъ столкновеніяхъ исчезло еще при дѣдѣ Грознаго, великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ.

имѣетъ значенiе только совѣщательнаго учрежденiя при монархѣ, хотя члены думы (бояре) пользовались еще въ думѣ XV—XVII в. стариннымъ правомъ „встрѣчи" и обладали внѣ думы нѣкоторыми юридическими привиллегiями.

Въ императорскiй перiодъ русской исторiи принципъ неограниченной и самодержавной власти русскихъ государей окончательно торжествуетъ надъ политическими притязанiями московскаго боярства, которому Петръ I-й придаетъ устройство въ государственныхъ интересахъ, организуетъ его, какъ служилое, дворянское сословiе. Дворянство, ослабленное безпрерывною рознью между высшимъ и низшимъ его слоями, которая возникла еще въ московскомъ государствѣ, не могло сохранить своего политическаго значенiя при необычайномъ развитiи могущественной власти русскихъ императоровъ. Событiя 1730 и 1762 г.г., когда со стороны дворянства были сдѣланы неудачныя попытки прiобрѣсти право на самостоятельное участiе въ дѣлахъ управленiя, показали все политическое безсилiе высшаго класса русскаго общества, который принужденъ былъ склониться предъ мощною властью русскихъ императоровъ. Но въ тоже время появленiе кондицiй верховниковъ, шляхетскихъ проэктовъ и олигархическаго проэкта графа Панина служили доказательствомъ того, что политическiя притязанiя представителей новаго, монархическаго дворянства имѣли свои корни въ далекомъ прошломъ, въ многовѣковой исторiи московскаго боярства Всѣ эти аристократическiе проэкты были слѣдами, отголоскомъ, переживанiемъ когда-то бывшей, большой политической силы московскаго боярства. Древнее аристократическое начало проявилось теперь въ исключительномъ влiянiи на управленiе Верховнаго Тайнаго Совѣта при Екатеринѣ I и Петрѣ II; влiянiе иноземной знати, образовавшейся въ Россiи послѣ реформъ Петра I, парализовало на этотъ разъ вмѣстѣ съ другими причинами дальнѣйшее развитiе силы старо-русской аристократiи.

Этотъ новый, иноземный аристократическій элементъ далъ себя знать въ организаціи и высшей правительственной роли Кабинета при Аннѣ Ивановнѣ и Иванѣ Антоновичѣ. Однако, дѣятельность всѣхъ этихъ аристократическихъ учрежденій носила также и монархическій характеръ. Но истинными органами монархической власти явились въ началѣ императорскаго періода ближняя канцелярія, а особенно сенатъ Петра I. Сенатъ съ самого своего основанія и въ теченіе всего XVIII ст. упорно отстаивалъ свое право на первенствующее положеніе въ управленіи противъ всѣхъ другихъ высшихъ учрежденій этого времени, въ которыхъ воплотились властолюбивыя притязанія аристократіи (русской и иноземной). При Петрѣ I въ сенатѣ сосредоточивалось все высшее управленіе и онъ имѣлъ значеніе государственнаго совѣта Съ образованіемъ В. Т Совѣта всѣ правительственныя дѣла переходятъ изъ сената въ это высшее учрежденіе въ имперіи, игравшее роль государственнаго совѣта въ теченіе двухъ царствованій. Но въ 1730 г. въ моментъ, когда политическое значеніе В. Т. Совѣта достигло высшей степени развитія, онъ долженъ былъ уступить первое мѣсто въ управленіи, подчиненному ему, сенату,—органу неограниченной монархической власти русскаго императора, восторжествовавшей надъ аристократическимъ принципомъ. Сенатъ недолго управляетъ государствомъ при Аннѣ Ивановнѣ; вмѣсто него возникаетъ новое высшее учрежденіе—Кабинетъ, который завѣдуетъ всѣми функціями управленія и, подобно В. Т. Совѣту, получаетъ значеніе государственнаго совѣта и высшаго административнаго учрежденія (министерства) въ управленіи. Со времени Анны Ивановны сенатъ становится средоточіемъ судебныхъ дѣлъ, высшимъ судебнымъ институтомъ въ государствѣ. Кабинетъ сохраняетъ свои высшія правительственныя права и при Иванѣ Антоновичѣ. Но при Елизаветѣ Петровнѣ, при которой иностранцы были удалены изъ уп-

равленія, Кабинетъ былъ уничтоженъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлено первенствующее значеніе сената въ управленіи. Въ первую половину царствованія этой императрицы сенатъ являлся центромъ всей администраціи. Но во второй половинѣ съ нимъ конкурируетъ въ дѣлѣ управленія Конференція, какъ, отчасти, высшее, совѣщательное учрежденіе при императрицѣ. Съ образованіемъ совѣта при Петрѣ III сенату остаются почти одни только судебныя дѣла. При Екатеринѣ II совершается полное отдѣленіе центральной администраціи отъ мѣстныхъ учрежденій и систематическое образованіе всего государственнаго управленія по одному теоретическому принципу (началу раздѣленія властей). Но прежде, однако, чѣмъ были произведены эти реформы Екатериной II, графъ Н. И. Панинъ предпринялъ послѣднюю попытку обезпечить русской аристократіи посредствомъ образованія полуаристократическаго государственнаго совѣта извѣстное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Проэктъ Панина не встрѣтилъ почти сочувствія даже въ средѣ самой русской знати и тѣмъ болѣе въ императрицѣ,—этой геніальнѣйшей послѣ Петра I представительницѣ монархической власти въ Россіи XVIII вѣка. Екатерина II образовала совѣтъ по собственной иниціативѣ и, притомъ, какъ истинно монархическое (законосовѣщательное) учрежденіе, помогавшее государынѣ въ дѣлѣ законодательства и управленія. Со времени Екатерины II начинается поэтому исторія государственнаго совѣта, какъ монархическаго института съ опредѣленными функціями въ управленіи. Судебная функція при Екатеринѣ II закрѣпляется за сенатомъ, въ организаціи котораго устанавливается ясное различіе между административными и судебными дѣлами. Дѣла внутренняго управленія переходятъ сначала въ руки генералъ-прокурора, а потомъ поручаются императрицей и другимъ лицамъ, завѣдывавшимъ отдѣльными отраслями управленія на правахъ

министровъ. Туже организацію высшее управленіе сохраняетъ и при Павлѣ Петровичѣ, при которомъ совѣтъ занимается почти одними законодательными дѣлами, появляются первыя министерства и яснѣе опредѣляется значеніе сената, какъ высшаго судебнаго учрежденія въ Россіи. Но окончательную организацію всѣ высшія русскія учрежденія получаютъ уже въ эпоху императора Александра I, когда государственный совѣтъ является высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ par excellence, дѣла внутренняго управленія вручаются отдѣльнымъ министерствамъ, а судебная власть предоставляется, по крайней мѣрѣ въ теоріи, сенату.

Такимъ образомъ, исторія совѣщательныхъ учрежденій[1]) почти во всѣхъ государствахъ древняго и новаго времени неоспоримо доказываетъ какъ фактъ послѣдовательной смѣны первоначальной, демократически-политической формы аристократической, а потомъ монархической, такъ и внутреннюю, неразрывную связь господства аристократіи съ самостоятельнымъ политическимъ значеніемъ ея органа—сената, рѣдко совѣта—и преобладанія монархическаго элемента съ второстепенными, законосовѣщательными функціями государственнаго совѣта. Въ особенности эти сходныя черты въ развитіи совѣщательныхъ учрежденій замѣтны въ исторіи германскихъ и славянскихъ народовъ; у каждаго изъ нихъ,

---

1) **Примѣчаніе.** Считаемъ необходимымъ во избѣжаніе недоразумѣній замѣтить, что въ своемъ изслѣдованіи мы исходили изъ взгляда Спенсера на „совѣщательную организацію", главными признаками которой онъ выставляетъ: „совокупное обсужденіе общественныхъ дѣлъ и общность дѣйствія цѣлой среды", все равно, будетъ ли эта среда народное собраніе или высшее меньшинство съ военачальникомъ или королемъ во главѣ (Спенсеръ: „Развитіе политическихъ учрежденій", 196—197 с. и сл.). Только въ такомъ смыслѣ терминъ „совѣщательное учрежденіе" можетъ быть употребляемъ при изученіи процесса образованія такихъ разнородныхъ по существу институтовъ, какъ аристократическіе сенаты съ ихъ самостоятельными политическими правами и совѣты въ монархическихъ государствахъ, гдѣ они не имѣютъ такихъ правъ и по своему второстепенному значенію въ управленіи вполнѣ соотвѣтствуютъ своему названію,

какъ мы видѣли, за примитивной демократической эпохой наступалъ періодъ политическаго могущества аристократіи[1]) и ея органа—сената или совѣта, уступавшей, въ свою очередь, мѣсто монархіи съ ея совѣтомъ, какъ законосовѣщательнымъ учрежденіемъ. Въ древнемъ мірѣ мы, повидимому, не замѣчаемъ, подобнаго преемства политическихъ формъ и учрежденій: на Востокѣ мы встрѣчаемся прямо съ абсолютной монархіей, политическая исторія древней Греціи и Рима начинается съ царскаго періода. Но исторія застаетъ восточныя государства уже въ тотъ моментъ, когда аристократія подчиняется деспотической власти восточныхъ монарховъ, хотя у нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ (финикіянъ) она и продолжаетъ долго сохранять свою силу. Въ Индіи же и Персіи послѣдовательное преемство всѣхъ трехъ политическихъ формъ несомнѣнно. Въ античномъ обществѣ мы также находимъ всѣ три элемента политическаго быта; изъ нихъ монархическій элементъ пріобрѣтаетъ, повидимому, большую силу и парализуетъ до нѣкоторой степени дѣйствіе демократическаго элемента. Власть греческихъ и римскихъ царей имѣетъ неограниченный характеръ въ силу ея религіознаго освященія и патріархальнаго быта древнегреческаго и римскаго общества. Но въ тоже время проявленія этой неограниченной власти стѣснялись на дѣлѣ вліяніемъ на всѣ общественныя дѣла членовъ рода[2]), особенно же родовыхъ старѣйшинъ. Первоначальная простота нравовъ въ античныхъ городахъ—государствахъ отнимала у царской власти обаяніе высшей и могущественной политической силы; аристократическая же организація родовъ повлекла за собою скорое ея паде-

---

1) „Постепенный переходъ первоначальныхъ демократическихъ собраній въ аристократическія, говоритъ проф. Карѣевъ, общее явленіе въ исторіи германскихъ и славянскихъ народовъ“ („Историческій очеркъ польскаго сейма“, 28 стр.). 2) R. von Jhering: „Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung“, Leipzig, 1873, 3 Auflage, 1 Theil, 184 и 205 s.

ніе въ античномъ мірѣ и водвореніе здѣсь господства аристократіи, продолжающееся въ большинствѣ греческихъ государствъ почти до конца ихъ самостоятельнаго существованія. Точно также въ древнемъ мірѣ аристократическій элементъ беретъ скоро верхъ надъ демократическимъ и монархическимъ элементами: послѣ довольно краткой борьбы съ обоими въ царскій періодъ римской исторіи, въ который аристократія уже успѣла пріобрѣсти почти всѣ права власти, она одна продолжаетъ пользоваться ими въ теченіе республиканскаго періода—въ первый вѣкъ республики вполнѣ, въ послѣдніе три ея вѣка вмѣстѣ съ демосомъ. Необходимо еще замѣтить, что при сравненіи общественныхъ учрежденій древнихъ и новыхъ народовъ нельзя упускать изъ виду существеннаго различія между основаніями соціальнаго быта въ древности и новое время. Античное общество было преимущественно аристократическимъ: оно состояло только изъ членовъ извѣстныхъ общественныхъ группъ (родовъ), соединенныхъ между собою религіозными и экономическими отношеніями, и въ него не могли входить и пользоваться правами гражданства иностранцы и рабы. Античныя аристократіи были долго совершенно замкнутыми корпораціями, рано захватившими въ свои руки власть и упорно боровшимися противъ всякихъ попытокъ со стороны остальной массы населенія присвоить себѣ политическія права. Поэтому-то, напр., древнеримскій сенатъ—органъ римской аристократіи—всегда являлся энергичнымъ защитникомъ аристократическихъ привиллегій. Поэтому же такъ трудно выдѣлить демократическій элементъ въ первоначальномъ быту античнаго общества, гдѣ послѣдующее за господствомъ аристократіи появленіе власти демоса имѣетъ видъ уже оживленія, переживанія ранѣе бывшаго вліянія его на общественныя дѣла.

Въ исторіи совѣщательныхъ учрежденій, аристократи-

ческихъ и монархическихъ, у всѣхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, открываются еще и новыя сходныя черты, кромѣ отмѣченныхъ нами. Такъ во всѣхъ аристократическихъ государствахъ только высшее сословіе общества пользуется самостоятельными политическими правами; въ монархическихъ же государствахъ дворянство, какъ служилый классъ, не обладаетъ такими правами, принадлежащими одному монарху. Первое явленіе встрѣчается на Востокѣ (у финикіянъ—Карфагенѣ и у индійцевъ и персовъ во вторую эпоху изъ политическаго развитія), въ античномъ мірѣ (въ Спартѣ, Критѣ, Эфесѣ, Аѳинахъ до реформъ Клисфена, въ царскій и республиканскій періодъ римской исторіи), у всѣхъ германскихъ народовъ въ средне-вѣковой періодъ ихъ исторіи (особенно въ Венгріи, Венеціи и Голландіи) и у народовъ славянскихъ во второй періодъ ихъ политическаго развитія: въ Польшѣ, Сербіи, Хорватіи, Болгаріи и у балтійскихъ славянъ почти въ теченіе всей ихъ политической жизни, Чехіи въ VII—X и XIV—XVII в., Россіи во весь удѣльно-вѣчевой періодъ ея исторіи (IX—XV в.), особенно же вторую его половину и первую (XIII—XV ст.) исторіи московскаго государства. Превращеніе аристократіи въ служилый классъ, —дворянство наблюдается также на Востокѣ (древнемъ монархическомъ Египтѣ, —Индіи и Персіи), въ Римѣ (въ императорскій періодъ), у германскихъ народовъ (во Франціи съ Карла VIII, Англіи при Тюдорахъ, Швеціи при Карлѣ XI и XII, Густавѣ III и IV, въ Пруссіи и Австріи въ теченіе всей ихъ политической исторіи, Испаніи и Португаліи въ XV—XVI ст.) и славянъ: Чехіи (въ X—XIV ст.), въ Болгаріи—при царѣ Симеонѣ, въ Россіи почти съ перваго момента образованія московскаго государства, особенно же во второй его половинѣ и всемъ императорскомъ періодѣ. При переходѣ аристократическаго государства въ монархическое мы замѣчаемъ всюду въ политическихъ учрежденіяхъ нѣко-

торые слѣды, остатки, переживанія прежней политической силы аристократіи. Эти переживанія аристократическаго элемента констатируются въ древнемъ Римѣ (въ власти аристократіи сената при Суллѣ) у германскихъ народовъ (во Франціи въ могуществѣ аристократіи и совѣта при Карлѣ VI и VIII), въ Англіи и Швеціи (живучести аристократическаго начала послѣ продолжительнаго господства монархическаго элемента—въ первой при Тюдорахъ и Стюартахъ, въ послѣдней послѣ царствованія каждаго изъ неограниченныхъ монарховъ Швеціи) и народовъ славянскихъ (въ Болгаріи—власти бояръ послѣ царя Симеона, Россіи—въ политическомъ значеніи московскихъ бояръ въ XV—XVII в.,—въ критическія эпохи русской жизни и—русскаго дворянства во время событій 1730 и въ 1862 г.г.). Тамъ, гдѣ монархическій элементъ начинаетъ пріобрѣтать извѣстное вліяніе въ политической жизни общества, въ совѣтахъ сначала обсуждаются и рѣшаются преимущественно военныя дѣла [1]). Такъ было вообще въ примитивномъ обществѣ, на Востокѣ (въ древней Индіи и Персіи при царяхъ), въ древней Греціи (въ гомерическую эпоху), Римѣ (доисторическомъ періодѣ), у германскихъ и славянскихъ народовъ (въ curia regis германскихъ вождей, въ королевскомъ совѣтѣ во Франціи въ XIV ст., curia regis норманскихъ королей въ Англіи, въ королевскихъ совѣтахъ: Швеціи, Пруссіи, Австріи, Испаніи, Португаліи (съ XVI ст.), Польши (X—XI ст.), Чехіи (X и XV в.), боярской думѣ въ московскомъ государствѣ, В. Т. Совѣтѣ, Кабинетахъ, Конференціи и совѣтѣ при Высочайшемъ дворѣ въ император-

1) Примѣчаніе. Спенсеръ утверждаетъ, что „благодаря войнѣ, высшее меньшинство соединилось въ первобытномъ обществѣ *въ обсуждающій органъ*, отдѣльный отъ низшаго большинства“, которое сначала занимается также преимущественно военными дѣлами, но что „временный военный совѣтъ, въ которомъ король, дѣйствующій какъ военачальникъ, собираетъ вождей для того, чтобы совѣтоваться о своихъ военныхъ силахъ, переходитъ потомъ въ постоянный совѣщательный органъ, въ которомъ король въ качествѣ правителя первенствуетъ при обсужденіи общественныхъ дѣлъ въ широкомъ смыслѣ“ (Спенсеръ: „Развитіе политическихъ учрежденій“, 195—198, 200 и 211 с.).

скомъ періодѣ русской исторіи). Наконецъ, послѣдняя общая черта въ исторіи монархическихъ совѣщательныхъ учрежденій у всѣхъ народовъ древняго и новаго міра заключается въ обособленіи въ средѣ монархическихъ совѣтовъ, гдѣ сосредоточиваются обыкновенно всѣ функціи управленія, судебныхъ дѣлъ, которыя разсматриваются иногда въ особомъ составѣ совѣта; причемъ постановленія по нимъ получаютъ характеръ не мнѣній, а дѣйствительныхъ рѣшеній[1]) иногда съ силою закона. Такое значеніе имѣли декреты въ дѣятельности римскаго consilium principis, рѣшенія curia regis при Людовикѣ IX, Grand Conseil'a при Карлѣ VI, Людовикѣ XI, Карлѣ VIII и всѣхъ остальныхъ короляхъ Франціи, — curia regis норманскихъ королей и звѣздной палаты и ея делегацій въ Англіи, рѣшенія боярской думы въ Россіи XVI—XVII ст., ближней канцеляріи, сената при Петрѣ I, Аннѣ Ивановнѣ (въ 1730—1731 г.) и Елизаветѣ Петровнѣ, В. Т. Совѣта, Кабинетовъ, Конференціи, совѣтовъ при Екатеринѣ II и Павлѣ I и государственнаго совѣта при Александрѣ I.

Разсматривая исторію совѣщательныхъ учрежденій у германскихъ и славянскихъ народовъ, мы можемъ замѣтить на ряду съ указанными нами сходными чертами нѣкоторыя существенныя черты различія, вытекающія изъ особенностей ихъ общественнаго устройства. Славянамъ долго не было извѣстно то различіе сословій, которое у германскихъ народностей, отличающихся воинственными наклонностями, появилось уже въ первоначальномъ политическомъ быту и повело у нихъ къ образованію и исключительному господству аристократіи въ средневѣковыхъ западно-европейскихъ государствахъ У славянъ демократическій вѣчевой бытъ сохранился гораздо дольше, нежели у германцевъ, хотя зароды-

1) Разборъ проф. Коркуновымъ сочиненія Александренко: „Англійскій тайный совѣтъ и его исторія" (Ж. М. Н. П., 1890, XII, 369 с.).

ши аристократическаго класса находились и у славянъ даже и въ примитивную эпоху ихъ общественной жизни [1]). Таковы были богатые родовые старѣйшины у разныхъ славянскихъ народовъ (князья у поляковъ, кметы, лехи у чеховъ, властели у сербовъ, жупаны у хорватовъ, великіе бояре—были у болгаръ, земскіе бояре въ древней Руси до призванія Рюрика). Но славянская родовая знать не была замкнутымъ сословіемъ съ исключительными политическими привиллегіями: ея ряды пополнялись свободными людьми, которые владѣли сами большими землями или же получали отъ князя вмѣстѣ съ высокимъ титуломъ и поземельные участки за свою службу [2]). Такъ было въ Польшѣ, въ Чехіи до XIV ст.. въ Россіи въ удѣльный періодъ. Только вліяніе западно-европейскихъ феодальныхъ порядковъ было причиною особеннаго развитія аристократическаго элемента у западныхъ славянъ (въ Польшѣ въ XIII в., Чехіи въ XIV—XV ст., Сербіи въ XII ст.). Аристократія въ удѣльно-вѣчевой Руси образовалась преимущественно изъ дружины призванныхъ на Русь варяжскихъ князей, съ которой слились (въ XIII в.) и земскіе бояре. Но въ Россіи господство аристократіи не могло упрочится надолго вслѣдствіе того обстоятельства, что здѣсь въ одно и тоже время съ ея образованіемъ начала развиваться чуть не съ перваго момента существованія московскаго государства сильная монархическая власть, которая успѣла сложиться въ крѣпкій національный институтъ прежде, чѣмъ московское боярство могло обратиться въ политическую корпорацію. Такъ аристократія является почти у всѣхъ славянскихъ народовъ не столько національнымъ, сколько пришлымъ элементомъ, несообразнымъ, противорѣчащимъ исконнымъ демократическимъ основаніямъ старо-славянскаго быта. Мало съ нимъ связанная, аристократія добивается власти у славянъ

1—2) Первольфъ: „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи", Варшава, 1886 г., 126 и 134 с.

во имя своихъ личныхъ интересовъ, чуждыхъ интересамъ остальной массы населенія. Поэтому-то господство аристократіи у западныхъ славянъ оказалось гибельнымъ для политической самостоятельности ихъ государствъ, быстро падавшихъ вслѣдствіе безпрерывныхъ раздоровъ и небрежнаго отношенія къ народнымъ потребностямъ правящаго сословія. Такъ было въ Польшѣ, Чехіи, Сербіи, Хорватіи, Болгаріи и у балтійскихъ славянъ. Напротивъ, древне-русское, московское боярство съумѣло соединить съ самого начала свои интересы съ интересами монархической власти при достиженіи общей цѣли—объединеніи всѣхъ удѣловъ подъ скипетромъ великаго князя московскаго и усиленіи политическаго могущества московскаго государства на счетъ сосѣдей (Орды, Польши и др.). Оттого-то, между прочимъ, бояре и пользовались такъ долго политическими правами въ московскомъ государствѣ, хотя рознь и раздоры въ средѣ боярства также оказались гибельными для ихъ политической самостоятельности. Сами славяне рано сознали всю необходимость монархической власти для обезпеченія дальнѣйшаго политическаго существованія общества. Поэтому-то многимъ славянскимъ государствамъ извѣстно „призваніе князей" (Польшѣ, Чехіи и Россіи), которые должны были водворить порядокъ въ странѣ и позаботиться о благосостояніи населенія. Указанное различіе между взаимнымъ отношеніемъ политическихъ элементовъ у германскихъ и славянскихъ народовъ выражается и въ исторіи ихъ совѣщательныхъ учрежденій. У первыхъ они скоро теряютъ свой демократическій характеръ народныхъ собраній и обращаются въ чисто аристократическіе институты, долго сохраняющіе свое преобладающее и непрерывающееся политическое значеніе въ государствѣ. Напротивъ, аристократическія учрежденія у славянскихъ народовъ появляются много позже (въ Польшѣ въ XII ст., Чехіи—VII—XI, Сербіи—XII ст., Россіи—IX ст.) и ихъ дѣятельность,

какъ аристократическихъ органовъ, часто прерывается вліяніемъ на управленіе монархическаго начала (напр., въ Польшѣ при Болеславѣ Храбромъ и Янѣ Альбрехтѣ, Чехіи—Болеславѣ Крутомъ и Юріи Подѣбрадѣ, въ Сербіи при первыхъ Неманичахъ, Болгаріи при царѣ Симеонѣ). Особенно замѣтно вліяніе монархическаго начала въ исторіи всѣхъ русскихъ совѣщательныхъ учрежденій: уже боярская дума удѣльной эпохи состояла, между прочимъ, изъ знатныхъ бояръ, которыхъ князь удостоивалъ своего довѣрія („введенныхъ бояръ"). Со времени же Ивана Васильевича III къ аристократическому родовому принципу примѣшивается великимъ княземъ при составѣ думы начало личной заслуги (къ боярамъ—„дьяки"). Въ боярской думѣ XV—XVII в. на ряду съ представителями родовитаго боярства (боярами и окольничьими) сидѣли лица незнатнаго происхожденія (думные дворяне и дьяки), введенные въ думу московскими государями (со времени Грознаго) для ослабленія аристократическаго характера боярской думы. Дума въ эту эпоху могла дѣйствовать при нормальномъ теченіи дѣлъ только вмѣстѣ съ государемъ, что выражалось въ извѣстной формулѣ: „царь приказалъ, а бояре приговорили". Особенно сильно сказалось вліяніе монархическаго элемента на организацію и дѣятельность высшихъ аристократическихъ учрежденій XVIII в.: В. Т. Совѣта и обоихъ Кабинетовъ (при Аннѣ Ивановнѣ и Иванѣ Антоновичѣ). Всѣ они были въ тоже время и полумонархическими институтами. Но только со времени Екатерины II начинается въ Россіи дѣйствительное образованіе истинно монархическаго государственнаго совѣта, получившаго окончательную организацію при Александрѣ I на національныхъ началахъ.

Какъ все устройство непремѣннаго совѣта далеко отъ англійскаго тайнаго совѣта XVIII в., съ которымъ его сравнивали противники реформъ Александра I, такъ государственный совѣтъ 1810 г. не есть одна только копія съ

французскаго совѣта временъ консульства и особенно первой имперіи[1]). Англійское политическое устройство не заключало въ себѣ въ XVIII ст., какъ мы видѣли, ничего похожаго на русскій государственный строй того же времени и начала XIX ст. Въ Англіи въ данную эпоху произошло полное паденіе института королевской власти, надъ которой получила рѣшительный перевѣсъ англійская аристократія, наполнявшая всѣ правительственныя учрежденія, а также и тайный совѣтъ. Положеніе послѣдняго рѣзко отличалось отъ того, какое онъ занималъ въ управленіи при Тюдорахъ и первыхъ Стюартахъ: Privy Council при этихъ могущественныхъ короляхъ былъ дѣйствительнымъ центромъ всего государственнаго управленія. Вмѣстѣ съ паденіемъ династіи Стюартовъ и тайный совѣтъ перестаетъ быть учрежденіемъ съ такими обширными правительственными функціями и уступаетъ первое мѣсто въ государственномъ управленіи органу аристократіи — парламенту, какъ законодательному и высшему административному установленію въ странѣ. Наслѣдственная королевская власть осталась въ англійской конституціи XVIII ст. только съ значеніемъ историческаго ея основанія и памятника: король былъ только главою исполнительной власти, которая вся перешла въ руки кабинета, состоявшаго изъ министровъ. Тайный же совѣтъ потерялъ всякое вліяніе на ходъ управленія и за нимъ остаются только нѣкоторыя формальныя права Въ такомъ видѣ англійскій тайный совѣтъ рѣзко отличался отъ русскаго непремѣннаго совѣта 1801 г., которому предшествовали истинно монархическіе совѣты при Екатеринѣ II и Павлѣ I: непремѣнному совѣту въ силу „Наказа“ было присвоено

---

1) По словамъ Сперанскаго, причиной того факта, что въ 1810 г. „всѣ установленія, все, что правительство дѣлало, въ глазахъ общества имѣло видъ уничиженія и вынужденнаго или слѣпого потворства видамъ Франціи“ заключалась въ особенныхъ политическихъ тревожныхъ обстоятельствахъ того времени, натянутыхъ отношеніяхъ Россіи съ Франціей, которыя привели къ отечественной войнѣ 1812 года. (Рус. Архивъ, 1891, XII, Сперанскій: „Оправдательная записка“, 73 с.).

право законодательства. Отсутствіе опредѣленной организаціи и нѣкоторыя особенныя обстоятельства помѣшали непремѣнному совѣту стать настоящимъ законосовѣщательнымъ учрежденіемъ,—органомъ самодержавной власти русскаго императора Тѣмъ не менѣе компетентность непремѣннаго совѣта была обширнѣе круга вѣдомства Privy Council и вліяніе перваго на дѣла управленія выразилось въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ англійскаго тайнаго совѣта, хотя послѣдній и обладалъ опредѣленной организаціей и имѣлъ за собою вѣковыя правительственныя традиціи. Въ англійской конституціи положеніе независимаго, аристократическаго государственнаго совѣта занимала верхняя палата парламента, состоявшая изъ вліятельнѣйшихъ членовъ правящаго сословія—знатныхъ и крупныхъ землевладѣльцевъ страны. Но членами непремѣннаго совѣта были лишь важные сановники русской имперіи, неимѣвшіе самостоятельнаго, независимаго отъ короны, положенія въ государствѣ. Извѣстно, кромѣ того, что самъ Александръ Павловичъ въ первую эпоху своей правительственной дѣятельности былъ далекъ отъ того, чтобы надѣлить русское дворянство значительными политическими привиллегіями, а члены неоффиціальнаго комитета связывали свои дальнѣйшія предположенія о преобразованіяхъ въ высшихъ русскихъ учрежденіяхъ съ сенатомъ, а не съ непремѣннымъ совѣтомъ.

Сравнивая государственный совѣтъ 1810 г. съ французскимъ государственнымъ совѣтомъ временъ консульства и особенно первой имперіи мы находимъ большое сходство въ ихъ организаціи и правительственныхъ функціяхъ Въ эпоху консульства совѣтъ во Франціи былъ частью исполнительной власти и состоялъ изъ ординарныхъ и экстраординарныхъ членовъ, изъ которыхъ первые занимали высшія мѣста въ управленіи. Ординарные члены совѣта не участвовали въ работахъ его секцій и нѣкоторые изъ нихъ не были причислены ни

къ одной изъ нихъ. Совѣтъ раздѣлялся на пять секцій: законодательства, гражданскаго и уголовнаго, войны, флота и внутреннихъ дѣлъ. Проэкты законовъ и регламенты составлялись въ секціяхъ совѣта, причемъ окончательное ихъ редактированіе совершалось въ общемъ собраніи секцій совѣта подъ предсѣдательствомъ консула. Министры имѣли право вотированія при рѣшеніи дѣлъ въ совѣтѣ. Послѣдній обладалъ правомъ инціативы и редактированія новыхъ законовъ, интерпретаціи прежнихъ, получившихъ силу законовъ послѣ утвержденія ихъ главою государства и обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ внутренняго и внѣшняго управленія. Государственный совѣтъ, слѣдовательно, стоялъ во главѣ всего управленія; предъ нимъ отвѣчали за свои дѣйствія всѣ министры. Совѣтъ же разрѣшалъ всѣ столкновенія между администраціей и судами. Съ возстановленіемъ во Франціи монархіи совѣтъ былъ раздѣленъ на шесть секцій: законодательную секцію, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, войны, флота и коммерціи. Въ совѣтѣ предсѣдательствовалъ императоръ; членами совѣта были важнѣйшіе сановники государства; причемъ сохранилось различіе между ординарными и экстраординарными членами совѣта и установлена отвѣтственность виновныхъ его членовъ предъ высшимъ имперскимъ судомъ. При совѣтѣ организованъ аудиторіатъ для составленія докладовъ по дѣламъ административной юстиціи. При совѣтѣ была образована коммиссія прошеній изъ членовъ совѣта, аудиторовъ и maîtres des rêquêtes. Послѣ 1808 г. государственный совѣтъ занялъ первое мѣсто въ французскомъ управленіи, сдѣлался центромъ законодательства, высшимъ правительственнымъ и контролирующимъ учрежденіемъ и верховнымъ судомъ. Однимъ словомъ, въ это время французскому государственному совѣту—органу могущественной власти императора Наполеона I—принадлежала таже роль въ управленіи, какую имѣлъ въ немъ прежній королевскій

совѣтъ въ дореволюціонную эпоху господства неограниченной власти французскихъ королей. Русскій государственный совѣтъ 1810 г. былъ, подобно французскому совѣту, также раздѣленъ на департаменты и состоялъ подъ предсѣдательствомъ императора изъ высшихъ сановниковъ имперіи; причемъ члены совѣта имѣли право занимать внѣ совѣта административныя и судебныя должности. Министрамъ, какъ постояннымъ (ординарнымъ) членамъ совѣта по своему званію, предоставлено право рѣшительнаго голоса при обсужденіи дѣлъ въ совѣтѣ. Нѣкоторые члены совѣта также не были пріурочены къ какому-либо департаменту[1]). Государственный совѣтъ 1810 г., какъ и французскій совѣтъ 1802—1808 г., былъ надѣленъ законодательными правами: правомъ инициативы законовъ въ лицѣ министровъ, какъ членовъ совѣта (33 § „Образованія"),—составленія новыхъ законовъ, дополненія къ прежнимъ законамъ и изъясненія истиннаго ихъ смысла (29 §). Интерпретація законовъ получала силу по утвержденіи главою государства, отъ котораго зависитъ и санкція новыхъ законовъ (73—75 с.). Въ совѣтѣ же должно было происходить редактированіе новыхъ законовъ (67—73 §§). Всѣ важнѣйшіе вопросы внѣшняго и внутренняго управленія обсуждаются въ совѣтѣ (29 §). Кромѣ засѣданій въ отдѣльныхъ департаментахъ составляется изъ ихъ членовъ общее собраніе совѣта, куда восходятъ дѣла изъ департаментовъ[2]). Министры должны были представлять совѣту отчеты въ управленіи своими частями. Установленъ порядокъ возбужденія отвѣтственности виновнаго министра предъ совѣтомъ, а въ важныхъ случаяхъ предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ[3]). При совѣтѣ образована коммиссія прошеній и самъ онъ сдѣлался центромъ законодательства, всего управленія и, отчасти, суда[4]). Такимъ образомъ, сход-

---

1—2) См. коренные законы въ „Образованіи" 1810 г. 3) Общее учрежденіе министерствъ, 290—296 §§. 4) Можно думать, что Сперанскій заимствовалъ

ство русскаго государственнаго совѣта съ французскимъ шло далѣе простаго „раздѣленія дѣлъ“, какъ это утверждалъ Сперанскій [1]). Но совѣтъ по „Образованію“ 1810 г. отличается отъ устройства французскаго тѣмъ, что въ „Образованіи“ нѣтъ различія между особенными правами ординарныхъ и экстраординарныхъ членовъ совѣта [2]). Въ русскомъ совѣтѣ не образованъ аудиторіатъ, существовавшій въ французскомъ совѣтѣ, вѣроятно, потому, что въ компетенцію совѣта по „Образованію“ 1810 г. не включены дѣла административной юстиціи, которыя предоставлены сенату [3]).

Сперанскій, заимствуя многое въ образованіи русскаго совѣта изъ устройства французскаго государственнаго совѣта, хорошо сознавалъ недостатки французскаго политическаго строя, который онъ считалъ „облеченнымъ только внѣшнею формою законности“ [4]). Въ тоже время Сперанскій понималъ всю необходимость пріурочить преобразованія въ русской центральной администраціи къ уже существующему государственному устройству, основному его принципу—самодержавной власти русскаго государя, дѣйствіе которой опредѣляется основными законами. Мы уже знаемъ, какое мѣсто среди высшихъ учрежденій долженъ былъ занять государственный совѣтъ по „Проэкту“ Сперанскаго и въ какомъ видѣ осуществлены его предположенія относительно организаціи совѣта. Совѣтъ, хотя и былъ поставленъ во главѣ всего управленія, однако, онъ, подобно французскому совѣту эпохи консульства, не причисленъ къ исполнительной власти, какъ „сословіе, содѣйствующее предложенію и утверж-

---

изъ французскихъ учрежденій и образцовый порядокъ дѣлопроизводства въ государственномъ совѣтѣ и министерствахъ, который выработался въ французской администраціи въ теченіе продолжительнаго развитія централизаціи въ государственномъ управленіи Франціи.—1) Пермское письмо, 50 с. Графъ Кочубей также находилъ, что совѣтъ 1810 г. „образованъ нѣсколько на подобіе французскаго“ совѣта (см. выше Записку Кочубея, 868 с. нашей книги). 2) См. 127 с. введенія къ книгѣ. 3) Общее учр. министерствъ, 234 §. 4) Сперанскій находилъ, что въ современной ему Франціи „законодательное сословіе есть пустой образъ“ (см. „Проэктъ“ Сперанскаго).

верждению закона“, а сдѣлался настоящимъ монархическимъ совѣтомъ съ законосовѣщательными функціями. Такой именно смыслъ имѣетъ первый пунктъ коренныхъ законовъ государственниго совѣта, отличающійся существенно, какъ мы видѣли, отъ I п. коренныхъ его законовъ по „Проэкту“ Сперанскаго [1]). Всѣ другіе пункты коренныхъ законовъ, определяющіе составъ совѣта, существо и главныя формы его дѣятельности, вошли изъ „Проэкта“ въ „Образованіе“ 1810 года безъ всякой перемѣны. Въ коренные законы въ „Образованіи“ былъ внесенъ вновь одинъ только новый пунктъ, что „министры не могутъ быть предсѣдателями департаментовъ государственнаго совѣта“ (12 п.). 7-й п. коренныхъ законовъ въ „Проэктѣ“ раздѣленъ въ „Образованіи“ на два пункта (7—8 п.). 14-й же пунктъ „Проэкта“ вошелъ въ форму изданія постановленій государственнаго совѣта (73 §). Затѣмъ число департаментовъ, составъ каждаго изъ нихъ, предметы общаго собранія государственнаго совѣта опредѣлены въ „Образованіи“ точно также, какъ и въ „Проэктѣ“. Измѣнены только названія департаментовъ (1—5 и 29 §§). Въ „Образованіе“ внесены и предполагаемыя въ „Проэктѣ“ особенныя учрежденія при совѣтѣ съ специальными ихъ функціями: коммиссія составленія законовъ, коммиссія прошеній и государственная канцелярія [2]). Но статсъ-секретари, которые по „Проэкту“ были также въ числѣ „особенныхъ установленій“ при совѣтѣ, вошли въ его „Образованіи“ въ самый составъ департаментовъ (21—24 §§), какъ и помощники статсъ-секретарей, о которыхъ не упоминается въ

---

1) Видоизмѣненіе 1 п. коренныхъ законовъ въ „Проэктѣ“ было сдѣлано Сперанскимъ, какъ мы знаемъ, послѣ того, какъ Александръ Павловичъ рѣшился осуществлять планъ по частямъ, и имѣло цѣлью опредѣлить законосовѣщательное значеніе государственнаго совѣта, въ которомъ „*всѣ части управленія должны были соображаться въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству*“.

2) Канцелярія государ. совѣта осталась въ „Образованіи“ съ названіемъ „государственной“, вѣроятно, въ виду центральнаго значенія совѣта въ ряду другихъ предполагаемыхъ въ „Проэктѣ“ учрежденій, которыя Сперанскій надѣялся осуществить въ послѣдствіи.

„Проэктѣ“ [1]). Въ „Образованіи“ же мы находимъ положеніе „Проэкта“, подтверждающее законодательное значеніе совѣта, что „никакой частный случай не можетъ быть предметомъ доклада иначе, какъ онъ будетъ возведенъ въ общій его разумъ, такъ чтобы всѣ частные случаи сами собою уже имъ опредѣлялись“ (41 §). Обязанности предсѣдателя государственнаго совѣта,—его департаментовъ, государственнаго секретаря и статсъ-секретарей опредѣлены одинаково въ „Проэктѣ и „Образованіи“ (6—24 §§). Различіе между „Образованіемъ“ и „Проэктомъ“ касается только второстепенныхъ подробностей въ опредѣленіяхъ объ устройствѣ особенныхъ установленій при совѣтѣ (80—144 §§) и порядкѣ рѣшенія дѣлъ въ департаментахъ, особенно департаментѣ законовъ и общемъ собраніи совѣта (30—31, 67—68 и 71 §§): этотъ порядокъ указанъ въ „Проэктѣ“ только въ общихъ чертахъ. Во главѣ государственной канцеляріи поставленъ не „государственный канцлеръ“, какъ предполагалось по „Проэкту“, а государственный секретарь [2]). Такъ въ „Образованіи“ мы встрѣчаемъ осуществленными главныя предположенія „Проэкта“ относительно устройства совѣта [3]). Въ „Образованіи“ мы находимъ черты, указывающія прямо на основную мысль всѣхъ преобразованій Александра I объ организаціи въ Россіи системы учрежденій „на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона“. Такъ опредѣленія объ основаніяхъ устройства и функціяхъ государственнаго совѣта названы коренными законами; совѣтъ—сословіе и публич-

---

1) Вмѣсто помощниковъ статсъ-секретарей въ „Проэктѣ“ упоминается объ аудиторахъ, которые не были учреждены въ совѣтѣ по „Образованію“. 2) По „Проэкту“ „государственный канцлеръ“ былъ предсѣдателемъ государственной думы. 3) Возможно предположить, что въ числѣ бумагъ, которыми Александръ вмѣстѣ съ Сперанскимъ пользовался при составленіи „Проэкта“ (Пермск. письмо, 49 с.), были и проэкты объ образованіи гос. совѣта при Петрѣ III и панинскій проэктъ: послѣдній оказался послѣ смерти Александра I въ кабинетѣ государя. Въ обоихъ этихъ проэктахъ число департаментовъ было тоже, что и въ „Образованіи“.

ное установленіе. Въ числѣ обширныхъ правительственныхъ правъ, предоставленныхъ совѣту по „Образованію“, на первомъ планѣ стоитъ законодательняя его функція [1]). Инціатива законовъ предоставлена министрамъ (33 §). Въ „Образованіи“ установлено различіе между закономъ, уставомъ и учрежденіемъ (2—3 п. кор. законовъ, 29 и 73 §§), хотя уставы и учрежденія, какъ лишь „образъ исполненія законовъ“, по выраженію Сперанскаго, включены имъ въ кругъ дѣятельности совѣта только для того, чтобы „правительство могло сложить съ себя за нихъ отвѣтственность“. Включенная въ форму законодательныхъ постановленій совѣта, фраза „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, постановляемъ или учреждаемъ“ (73 §) также указываетъ на желаніе государя предоставить совѣту извѣстную самостоятельность въ обсужденіи правительственныхъ дѣлъ [2])

Вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ „Образованіи совѣта“ выражается тотъ принципъ, что вся дѣятельность этого высшаго учрежденія обусловливается волею самодержавнаго государя: „всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству“ только „*соображаются*“ въ совѣтѣ и чрезъ него восходятъ къ верховной императорской власти. Всѣ законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ“ только „предлагаются и разсматриваются въ совѣтѣ и потомъ *дѣйствіемъ державной власти* поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію“. И „никакой законъ, уставъ или учрежденіе не исходитъ изъ совѣта и не можетъ имѣть совершенія *безъ утвержденія верховной власти*“ [3]). Совѣтъ составляется изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ императора, который самъ предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ или же назначаетъ на этотъ высшій постъ одного изъ членовъ совѣта [4]). Законодательныя права совѣта по-

---

1, 3 и 4) См. I—IV и VII—VIII п. корен. законовъ госуд. совѣта. 2) Эта форма изданія постановленій гос. совѣта имѣетъ связь съ содержащимся въ „Про-

ставлены въ извѣстные предѣлы, касаются только постановленій новыхъ законовъ, уставовъ или учрежденій, также какъ отмѣны прежнихъ положеній или дополненія къ нимъ: положенія департаментовъ, заключающія въ себѣ изъясненіе точнаго разума существующихъ законовъ и приложеніе ихъ къ частнымъ случаямъ, не поступаютъ въ общее собраніе совѣта, а представляются въ журналахъ ихъ непосредственно на Высочайшее усмотрѣніе (39 §). Но дѣла могутъ поступать по Высочайшему повелѣнію прямо въ общее собраніе совѣта (32 §). Совѣтъ перерѣшаетъ дѣло, „когда послѣдуетъ на сіе особенное Высочайшее повелѣніе“ (55 §). Совѣтъ не можетъ сообщать дѣла кому-либо внѣ совѣта „безъ особеннаго Высочайшаго дозволенія“ (55 §). Всѣ журналы совѣта представляются государственнымъ секретаремъ на Высочайшее усмотрѣніе (65, 129 и 130 §§). Въ общемъ собраніи совѣта и его департаментахъ объявляются ихъ предсѣдателями словесныя Высочайшія повелѣнія (66 §). „По Высочайшимъ рѣшеніямъ составляются въ государственной канцеляріи окончательныя исполненія по установленнымъ формамъ и подносятся государственнымъ секретаремъ къ Высочайшему утвержденію“ (131 §). Высочайшему же усмотрѣнію подлежатъ всѣ прошенія о наградахъ и милостяхъ,

---

эктѣ“ постановленіемъ о рѣшеніяхъ государственной думы по большинству голосовъ: „только рѣшенія госуд. совѣта, принятыя также большинствомъ голосовъ (53 §), могли быть утверждены государемъ, такъ какъ только въ нихъ можно было написать: „внявъ мнѣнію госуд. совѣта“. Этой формулой придано было, такимъ образомъ, государ. совѣту значеніе сдерживающей силы“ (Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія etc., 762 с.). Впрочемъ, эта форма изданія постановленій совѣта употреблялась только въ первые годы послѣ образованія совѣта и въ концѣ царствованія Александра I она почти вышла вмѣстѣ съ манифестами изъ употребленія. Она находится въ манифестахъ: 1810 г. (XXXI, №№ 24,116, 24,197, 24.217, 24,218, 24,244, 22,264, 24,307, 24,334, 24,465), 1811 г. (XXXI, №№ 24,683, 24,686, 24,687, 24,688, 24,704, 24,875, 24,907, 24,908, 24,913), 1812 г. (XXXII, №№ 24,960, 24,976, 24,992, 25,072), 1817 г. (XXXIV, №№ 26,791, 26,792, 26,834, 26,894, 27,006), 1822 г. (XXXVIII, № 28,964), 1823 г. (XXXVIII, № 29,692) и 1824 г. (XXXIX, № 29,940).

подаваемыя въ коммиссію прошеній (107 §). Такъ на ряду съ чертами въ организаціи совѣта въ 1810 г., сближающищими его съ западно-европейскими учрежденіями, современными „вѣку Александра", въ „Образованіи" воплотилось, какъ главное его основаніе, начало самодержавной власти русскаго государя, издавна развитое въ русскомъ государствѣ [1]). Правъ былъ поэтому Сперанскій, когда онъ возражалъ противъ тѣхъ, кто утверждалъ, что „разумъ сего учрежденія (совѣта) стѣсняетъ власть государеву: гдѣ и какимъ образомъ, спрашивалъ Сперанскій? Не по государеву ли повелѣнію дѣла вносятся въ совѣтъ? Не единымъ-ли его словомъ рѣшатся?" [2]). Совѣтъ явился теперь истинно-монархическимъ учрежденіемъ съ законосовѣщательными функціями, прочно и навсегда укрѣпленными за нимъ послѣ цѣлаго ряда прежнихъ неудачныхъ попытокъ въ этомъ отношеніи. „Съ учрежденіемъ совѣта въ 1810 г. въ наше законодательство былъ внесенъ принципъ о необходимомъ участіи членовъ его въ законодательствѣ, который до сихъ поръ не былъ выраженъ въ законахъ" [3]). „Признавая въ лицѣ государственнаго совѣта одинъ правильный органъ законодательства, государственная власть давала себѣ постоянное

---

1) По словамъ Рунича, „самодержавіе царя соединялось съ властью госуд. совѣта. Во всѣхъ указахъ появилась французская формула: нашъ просвѣщенный госуд. совѣтъ. Сперанскій, продолжаетъ Руничъ, поддерживалъ въ душѣ Александра свои излюбленныя мечты о конституціи. Дѣло зашло такъ далеко, что въ теченіе 1810 г. въ госуд. совѣтѣ разрабатывался уже планъ реформы, говорилось о грамотѣ и о всѣхъ подробностяхъ, касающихся конституціи" (Записки Рунича, Рус. Обозрѣніе, 2890, IX кн. 191 и 195 с.). Мы не встрѣтили въ дѣлахъ архива госуд. совѣта какихъ-либо слѣдовъ этихъ работъ совѣта; нѣтъ въ указахъ времени Александра I и упоминаемой Руничемъ формулы, подъ которой онъ, вѣроятно, разумѣетъ извѣстную форму изданія манифестовъ при Александрѣ: внявъ мнѣнію etc. Мысль объ усовершенствованіи организаціи государ. совѣта занимала государя не только при Сперанскомъ (Н. И. Гречъ: „Записки о моей жизни", Спб., 1886 г. 275 с.), но, какъ мы видѣли, и въ теченіе всего остальнаго времени его царствованія. 2) Пермское письмо, 50 с. 3) Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, 763 с.

легальное выраженіе". Въ учрежденіи совѣта 1810 г. „государственный элементъ выдвигался на счетъ личнаго" [1]. „Образованіемъ совѣта" въ связи съ организаціей министерствъ по ихъ общему учрежденію дѣйствительно осуществлялась завѣтная мысль императора Александра I, завѣщанная ему предшественниками на русскомъ престолѣ— „упорядочить власть законами и обезпечить ходъ управленія правилами и учрежденіями" [2]. Какое необычайное вліяніе на управленіе произвело учрежденіе совѣта въ 1810 г., на это указываетъ Сперанскій, такъ много сдѣлавшій для образованія государственнаго совѣта въ 1810 г. Въ своемъ „Отчетѣ за 1810 г." онъ замѣчаетъ: „совѣтъ, учрежденный для того, чтобы власти законодательной, доселѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія, исполнилъ свое предназначеніе. Никогда въ Россіи законы и учрежденія не были разсматриваемы съ большею зрѣлостью, чѣмъ нынѣ; никогда государю самодержавному не представляли истины съ большею свободою, такъ какъ и никогда (должно правду сказать) самодержецъ не внималъ ее съ большимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ. Два года тому назадъ умы самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобы россійскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: „внявъ мнѣнію совѣта", два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ величества. Слѣдовательно, пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію". Сперанскій называлъ совѣтъ „краеугольнымъ камнемъ" предполагаемаго государемъ и имъ „огромнаго зда-

---

1) Ѳ. Дмитріевъ: „Графъ Сперанскій", 2 ч., 16 с. 2) „Оправдательная записка" графа Сперанскаго (Рус. Архивъ, 1891, XII, 72—73 с.).

нія“ политическихъ установленій и находилъ, что учрежденіе совѣта 1810 г. „отстоитъ далеко отъ совершенства“: „время, съ коего начали у насъ заниматься публичными дѣлами, весьма еще непродолжительно; количество людей, кои въ предметахъ сихъ упражняются, вообще ограниченно, и въ семъ ограниченномъ числѣ надлежало еще по необходимости избрать только тѣхъ, кои по чинамъ ихъ и званіямъ могли быть помѣщены съ приличіемъ. При семъ составѣ совѣта нельзя, конечно, и требовать, чтобы съ перваго шагу поравнялся онъ въ правильности разсужденій и пространствѣ его свѣдѣній съ тѣми установленіями, кои въ семъ родѣ въ другихъ государствахъ мы видимъ. Недостатокъ сей не можетъ однако-же быть предметомъ важныхъ заботъ. По мѣрѣ успѣха въ прочихъ политическихъ установленіяхъ и сіе учрежденіе само собою исправится и усовершится. Нужно только вести его единообразно и неослабно“ [1]). Но „прочія политическія установленія, на которыя указываетъ въ своемъ „Отчетѣ“ Сперанскій, не были, замѣчаетъ Корфъ, приведены въ дѣйствіе. Оттого государственный совѣтъ не могъ принять полной жизни въ томъ объемѣ и духѣ, какіе ему предназначались въ общемъ планѣ политическихъ преобразованій [2]). Не смотря на недоконченность въ образованіи совѣта съ точки зрѣнія „Проэкта“ Сперанскаго, государственный совѣтъ 1810 г. является учрежденіемъ, почти совершеннымъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Онъ—необходимое и органическое установленіе въ русскомъ государствѣ, внутренно связанное въ своемъ происхожденіи со всѣми предшествующими аналогичными учрежденіями въ высшемъ уп-

---

1) С. Р. И. О., XXI, 449—450 с. Тоже повторялъ Сперанскій и въ послѣдствіи, когда онъ говорилъ, что „есть возможность дать образованію госуд. совѣта нарочитый степень твердости. Это есть долголѣтній и непрерывный навыкъ слѣдовать однимъ и тѣмъ же правиламъ во внутреннемъ управленіи“ (Сперанскій: „Настоящее положеніе дѣлъ“). 2) Корфъ, 121 с.

равленіи Россіи, начиная съ боярской думы XV—XVII в. и оканчивая непремѣннымъ совѣтомъ [1]). При изложеніи исторіи высшаго управленія въ Россіи въ связи съ вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ между монархической властью и высшимъ сословіемъ мы видѣли, какъ вмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ могущественной самодержавной власти русскихъ государей происходило образованіе высшихъ совѣщательныхъ учрежденій при особѣ монарха сначала съ полуаристократическимъ оттѣнкомъ, а потомъ и чисто монархическимъ характеромъ. Мы прослѣдили также весь долгій процессъ отдѣленія законодательной функціи отъ администраціи и суда и пришли къ тому заключенію, что окончательное образованіе государственнаго совѣта совершилось въ 1810 г подъ вліяніемъ иностраннаго, французскаго образца. Это *заимствованіе*, неотнявшее у „Образованія совѣта“ его національнаго характера, было *необходимо* при тогдашнемъ безпорядочномъ состояніи всей администраціи и отсутствіи въ русскомъ обществѣ собственныхъ взглядовъ на основанія нужныхъ въ управленіи преобразованій. Заимствованіе изъ Франціи было *возможно*, потому что во Франціи 1804—1809 г. существовала неограниченная власть Наполеона I, органомъ которой былъ французскій государственный совѣтъ. Такъ преобразованіе русскаго государственнаго совѣта при Александрѣ I совершилось подъ вліяніемъ двухъ причинъ, вызвавшихъ извѣстное *сходство* между нимъ и французскимъ совѣтомъ: подражанія, перенесенія иноземнаго образца и дѣйствія общихъ причинъ, одинаковыхъ условій политическаго быта въ Россіи и Франціи въ началѣ XIX ст. Но нѣкоторое сходство въ организаціи совѣтовъ обѣихъ странъ не уничтожаетъ главной, національной черты русскаго александровскаго

---

1) Сергѣевичъ, ibidem, Engellmann: „Staatsrecht d. Kaiserthums Russlands“ (in Marquardsen's Handbuch etc., IV, 2, 39 s.).

совѣта, которая образовалась исторически: *въ сферѣ центральнаго управленія русской имперіи государственный совѣтъ 1810 г. есть высшее правительственное, преимущественно законосовѣщательное учрежденіе.*

Графъ Сперанскiй: «Записка о необходимости учрежденiя государственнаго совѣта»[1]).

Государственный совѣтъ необходимъ для сосредоточенiя государственныхъ дѣлъ для общаго ихъ соображенiя. Сенатъ не можетъ быть совѣтомъ, такъ какъ онъ въ своемъ первоначальномъ учрежденiи былъ мѣстомъ верховнаго суда и исполненiя, но не общаго всѣхъ государственныхъ дѣлъ соображенiя. Ни одинъ законъ, уставъ или учрежденiе не разсматривались въ сенатѣ, куда всѣ они были препровождаемы для исполненiя и охраненiя силы ихъ въ дѣлахъ частныхъ. Такимъ образомъ, тогда какъ судъ и исполненiе имѣли свое средоточiе и нѣкоторое единство въ сенатѣ, важнѣйшая часть государственныхъ силъ, соображенiе и составленiе закона всегда обращались внѣ его, были предметомъ личнаго довѣрiя и, переходя по случаямъ изъ однѣхъ рукъ въ другiя, никогда не имѣли ни единства, ни надлежащаго уваженiя.

Совѣтъ въ началѣ своемъ былъ учрежденъ для временныхъ соображенiй по обстоятельствамъ военнымъ. При нынѣшнемъ царствованiи онъ получилъ нѣкоторое расширенiе, но образованiе его не окончено. Онъ остался мѣстомъ такъ сказать произвольнымъ, коего дѣйствiя безгласны, неопредѣлительны и относятся, большею частью, къ дѣламъ текущимъ. Можетъ-ли въ настоящемъ составѣ его стать онъ на чредѣ государственныхъ установленiй, свойственныхъ имперiи обширной? Министерскiй комитетъ есть также установленiе, никакихъ

---

1) Архивъ госуд. совѣта, дѣла общаго собранiя совѣта, 1 папка, по архиву №№ 1 и 2.

публичныхъ формъ неимѣющее; въ самомъ разумѣ его онъ предустановленъ былъ для соображенія однѣхъ мѣръ исполнительныхъ. Слѣдовательно, никогда не могъ онъ быть средоточіемъ въ порядкѣ законодательномъ. Итакъ, важнѣйшая часть государственнаго управленія—соображеніе законовъ, уставовъ и учрежденій не имѣетъ у насъ никакого постояннаго положенія и нѣтъ мѣста, гдѣ бы дѣла государственныя постоянно и единообразно были уважаемы. Въ государствѣ сильномъ и обширномъ разныя части управленія не могутъ идти съ стройностью и успѣхомъ, когда каждое движется по своему направленію и направленія сіи нигдѣ не приводятся къ единству, когда главныя отношенія разныхъ частей не опредѣлены и не соображены между собою, когда каждое дѣло можетъ по произволу поступать въ различныя установленія, въ совѣтъ, сенатъ или комитетъ, и ни въ одномъ изъ нихъ не установлено порядка, теченію государственныхъ дѣлъ свойственнаго и единообразнаго.

Отсюда происходитъ, что всѣ законы, всѣ учрежденія и мѣры правительства, даже и тѣ самыя, кои соображаемы были съ установленіями нынѣ существующими совокупно всѣми ихъ членами, имѣютъ у насъ видъ произвола и личнаго довѣрія, измѣняющагося по случаямъ и обстоятельствамъ Отсюда происходитъ та великая несвязность, которая въ законахъ нашихъ на каждомъ шагу встрѣчается. Всѣ они имѣютъ столько различныхъ свойствъ, сколько было разныхъ лицъ, кои попеременно занимались ихъ составленіемъ. Отсюда происходитъ, что учрежденія наши никогда не имѣли достоинства и важности, свойственной закону. И какимъ образомъ могутъ они имѣть сію важность, когда начинались по одному личному довѣрію, соображались втайнѣ и издавались безъ всякаго публичнаго и единообразнаго ихъ уваженія? Отсюда происходитъ та великая и горестная удобность, съ коею законы наши были перемѣняемы. Если одно

лице, часто дѣйствующее втайнѣ, могло предложить законъ и частнымъ соображеніемъ привесть его въ силу, то другое, пользуясь, въ свою очередь, тѣмъ степенемъ довѣрія, могло отмѣнить его и ввести другое учрежденіе. Отсюда происходитъ то всеобщее убѣжденіе, самимъ опытомъ оправданное, что нѣтъ въ Россіи закона постояннаго, и что можно перемѣнить все по личнымъ случаямъ и удобностямъ. Отсюда происходитъ и та слабость въ исполненіи закона, на которую столько разъ жалобы были оглашаемы. Каждый исполнитель при первомъ затрудненіи въ законѣ находитъ удобнѣйшимъ предложить его отмѣну, нежели стараться превзойти препятствія. И понеже отмѣны сіи бывали часты и всегда производимы съ тою же удобностью, съ какой и законъ у насъ издавался, то и поселилась въ практикѣ нашихъ исполнителей несчастная привычка представлять непрестанно о неудобствахъ, изъ чего и составилась большая часть дѣлъ, тяготящихъ всѣ департаменты и ввергающихъ вышнее управленіе въ непрерывный безпорядокъ. Тщетно власть исполнительная гремѣла подтвержденіями и угрозами. Самыя подтвержденія сіи и угрозы еще болѣе обнаруживали слабость закона.

Изъ сего происходятъ слѣдующія истины: 1) что въ настоящемъ порядкѣ управленія нѣтъ установленія для общаго соображенія дѣлъ государственныхъ въ отношеніи ихъ къ части законодательной, 2) что отъ недостатка сего установленія происходятъ главный безпорядокъ и смѣшеніе во всѣхъ частяхъ управленія, 3), что твердость и постоянство закона требуютъ такого установленія и 4), что, наконецъ, великія государства движутся установленіями, лица перемѣняются и умираютъ, а духъ установленій живетъ и въ теченіе многихъ столѣтій охраняетъ оныя.

«Замѣчанія графа Кочубея на проэктъ образованія Государственнаго Совѣта» (препровождены при письмѣ Кочубея къ графу М. М. Сперанскому отъ 25 дек. 1809 года)[1].

Сенаты въ монархическихъ государствахъ нашего времени соединяли въ себѣ всегда нѣкоторое смѣшеніе исполнительной части съ законодательной. Они наблюдали, чтобы короли не нарушали конституціи и имѣли во всѣхъ важныхъ дѣйствіяхъ вліяніе, которое всегда могло затруднить движеніе исполнительной власти, безъ всякаго права сей послѣдней положить преграду симъ, нерѣдко своевольнымъ и необдуманнымъ поступкамъ таковыхъ аристократическихъ сословій. Примѣры сего мы видѣли въ Швеціи и въ Польшѣ. Въ томъ и другомъ государствѣ, по роспускѣ войскъ, сенаты дѣлались всемогущими. Сенатъ венеціанскій соединилъ всѣ власти.

Сенаты въ нѣкоторыхъ небольшихъ республикахъ и вольныхъ городахъ всегда имѣли аттрибуціи исполнительной и законодательной власти, такъ что и примѣры и привычка приложили уже къ наименованію *сената* понятіе о сословіи *не совѣщательномъ*, но законодательномъ или исполнительномъ.

Въ государствахъ, изстари наилучше устроенныхъ и тѣхъ, кои нынѣ вновь наисовершеннѣйше образовали монархическое правленіе свое, тщательно удалены всякія установленія, смѣшеніе въ понятіяхъ и въ дѣйствіи правительства произвести могущія.

---

1) Архивъ госуд. совѣта, дѣла общаго собранія совѣта, 1 папка, 1 тетрадь.

Такимъ образомъ въ Англіи установленъ совѣтъ, мнѣніе коего король выслушавъ дѣйствуетъ своею конституціонной властью. Такимъ образомъ, во Франціи при короляхъ и нынѣ во всѣхъ другихъ государствахъ, образованныхъ теперь по волѣ императора Наполеона на подобіе французскаго правительства, существуютъ *государственные совѣты*, составляющіе корпусы, единственно совѣщательные и неимѣющіе никакой власти исполнительной.

Государства сіи имѣютъ по установленіямъ своимъ, въ существѣ или въ одной формѣ, власть законодательную; власть судовъ въ нихъ также отдѣлена и всѣ сіи части имѣютъ между собою ясное и систематическое раздѣленіе. Сенатъ *французскій* ничто другое есть, какъ делегація корпуса законодательнаго на то время, когда онъ не бываетъ созванъ.

Сенатъ россійскій есть странное смѣшеніе всѣхъ понятій. Во времена совершеннаго невѣжества люди русскіе разъѣзжались для образованія своего въ разныя мѣста Европы. Отъ весьма маловѣрныхъ они пріобрѣли понятія. Земля, которая по сосѣдству и по дѣламъ наиболѣе намъ была извѣстна, есть Швеція. Отъ нея заимствовано наименованіе сената, который соединилъ и всѣ власти и *ничего*. Неоспоримо, что невозможно довольно приписать похвалы великому государю, который послѣ временъ смутныхъ при большомъ умѣ и твердой власти захотѣлъ окружить себя таковымъ *совѣтомъ*, но тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться, чтобы установленіе сіе не составляло, при опредѣлительности, которая нынѣ въ матеріяхъ политическихъ существуетъ, несообразности самой большой и людьми свѣдущими, а наипаче иностранцами непостигаемой.

При установленіяхъ, которыя нынѣ вновь предполагаются, слѣдуетъ разсмотрѣть, слѣдуетъ-ли образовать *государственный совѣтъ* въ новомъ видѣ или удобнѣе, сохраняя *наименованіе сената*, дать ему образованіе, соотвѣтственное сему же совѣту.

Выше изъяснено было понятіе, которое доселѣ о сенатахъ вездѣ имѣли; слѣдовательно, 1-е) показаться можетъ нѣсколько странно, что смѣшали мы понятіе о совѣтѣ съ сенатомъ, или лучше сказать, что не дали мы первому наименованія, ему свойственнаго; 2-е) покажется нѣсколько странно, а наипаче въ иностранныхъ земляхъ, когда увидятъ указы или манифесты, въ коихъ сказано будетъ: *выслушавъ мнѣніе правительствующаго сената.* Мнѣнія слушаютъ того, съ кѣмъ *совѣщаются,* а не того, *кто управляетъ;* 3-е) скажутъ, что государю подчинены непремѣнно предварительному мнѣнію по всѣмъ дѣламъ (или veto) *мѣста правительственныя.* Заключенія сего, по крайней мѣрѣ, ожидать должно внѣ государства; 4-е) подвергнуться можно критикѣ, что въ установленіяхъ новѣйшихъ дѣйствуютъ старые предразсудки, несоотвѣтствующіе точности настоящихъ государственныхъ положеній въ другихъ земляхъ.

Но вопреки сего и въ пользу мнѣнія, *что должно предпочесть сохраненіе наименованія сената* можно сказать,

1) что существеннѣе для насъ быть должно внутреннее мнѣніе или впечатлѣніе, нежели заключенія внѣшнія,

2) что привычки цѣлаго вѣка утвердили то мнѣніе, которое о сенатѣ, какъ о верховномъ правительственномъ мѣстѣ, имѣютъ,

3) что уничтоженіе нѣкоторыхъ аттрибуцій, ему принадлежащихъ, произведетъ можетъ быть сильное впечатлѣніе, хотя, впрочемъ, никакого вреднаго послѣдствія имѣть немогущее,

4) что при учрежденіи государственнаго совѣта слѣдовало бы совокупно образовать и сенатъ, какъ мѣсто, нѣкоторымъ образомъ, равное совѣту по части, ему предоставляемой, и раздѣлить всѣ дѣла такъ, чтобы уже никакъ сталкиваться не могъ совѣтъ съ сенатомъ,

5) что образованіе сіе не будучи сдѣлано, могутъ неминуемо произойти разныя замѣшательства и затрудненія,

6) что преобразованіемъ государственнаго совѣта въ правительствующій сенатъ никакого помѣшательства правительству быть не можетъ, и что когда устроены будутъ разныя его части, то легко перемѣнить можно, издавая ихъ, и наименованіе правительствующаго сената въ государственный совѣтъ,

7) что сей ходъ составитъ такъ сказать нѣкоторую постепенность, отъ коея ни въ какомъ случаѣ вреда не произойдетъ, а польза та быть можетъ, что многіе будутъ успокоены.

Сводя всѣ причины, которыя въ пользу того и другаго предположенія представляются, можно, кажется, то или другое принять безъ важныхъ неудобствъ.

Въ прежнія времена, когда революція французская всѣ перемѣны страшными представляла, ибо съ ними сопрягаемы всегда быть могли вольности и проч., всякое новое установленіе вводимо быть долженствовало у насъ съ самою большою осмотрительностью, но нынѣ, когда императоръ Наполеонъ Франціей и другими государствами деспотически управляетъ, никто упрекнуть государя не можетъ, чтобы онъ, образуя свой совѣтъ, нѣсколько на подобіе французскаго, имѣлъ тѣ правила, коими его обвиняли; слѣдовательно, образованіе совѣта въ новомъ его видѣ не покажется вѣроятно установленіемъ, несообразнымъ съ формами нашими. Но и присвоеніе сенату формъ государственнаго совѣта не можетъ имѣть существенныхъ неудобствъ, а наипаче, есть-ли сдѣлано сіе будетъ на время, и въ манифестѣ заявлено будетъ, *что распоряженія, теперь чинимыя, суть временныя и что вслѣдъ за симъ государь займется полнымъ образованіемъ сената*. Осторожность сія нужна, дабы правительству избѣгнуть основательныхъ упрековъ въ частыхъ перемѣнахъ установленій его.

Такимъ образомъ, на ту или другую рѣшиться можно.

Одну вещь, новость конечно въ сравненіи прежняго составляющую, примѣтить здѣсь должно. По понятіямъ нашимъ люди, которые въ сіе новое сословіе поступятъ, обольщены гораздо болѣе будутъ наименованіемъ *членовъ совѣта*, нежели *сенаторовъ*, тѣмъ болѣе, что сіе послѣднее въ немалое пало пренебреженіе. Вѣроятно, что нѣкоторые даже, не зная прямой цѣли правительства, не захотятъ и поступить въ сіе званіе. Титулъ члена совѣта многіе почтутъ за производство, а сенаторство признаютъ за ничто. Остается притомъ старый сенатъ и члены его нѣкоторое первенство должны будутъ сохранить предъ сенаторами и сіе послѣднимъ, новаго творенія, признано будетъ обиднымъ. Но неудобства сіи вѣроятно исчезнутъ, есть ли титулы членовъ совѣта представлены будутъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ изъ особъ, знающимъ прямые виды правительства и настоящее намѣреніе его дать вскорѣ всему установленію сему новое образованіе.

Замѣченныя опечатки и необходимыя поправки и дополненія:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣд. читать:*
V предис.	3 сверху	russischer,	russische,
—	14 снизу	Р.-Словатинскаго,	Р.-Славатинскаго,
XIII	5 —	въ одинаковыя ступени,	на одинаковыхъ ступеняхъ,
XV	15 сверху	и исторіи,	въ исторіи,
XXVI	8 снизу	въ теченіи,	въ теченіе,
XXXIV	1 сверху	астраноміи,	астрономіи,
XXXVI	3 —	контраверзы,	контроверзы,
XXXVIII	10 —	Каваленскій,	Ковалевскій,
XL	1 —	Коваленскаго,	Ковалевскаго.
—	8 снизу	По этому,	Поэтому,
XLVII	7 сверху	на разныхъ ступеняхъ	послѣдовательно на разныхъ ступеняхъ,
LIV	8 —	Польши,	Польши,
LVIII	2 снизу	лѣтописей и,	лѣтописей, 1-е Полное Собраніе Законовъ и
6	1 (прим.)	201 с.	200 с.
8	5 —	насколько,	на сколько,
17	11 —	власть царей,	власть царей, повидимому,
19	8 —	до историческую,	доисторическую,
21	3 сверху	но могли,	но на которыя могли,
24	1 св. (прим.)	Bernböft,	Bernhöft,
29	1 —	respublique,	republique,
36	10 сверху	историческикъ,	историческихъ,
42	9 —	princips'a,	princeps'a
46	3 снизу	senatusconcult'ы,	senatusconsult'ы,
52	4 сверху	впослѣдствіи,	въ послѣдствіи,
60	13 —	—	—
73	7 снизу	германскія,	германскіе,
82	9 —	Франдрскій,	Фландрскій,
86	12 —	впослѣдствіи,	въ послѣдствіи,
88	9 сверху	зяконовъ,	законовъ,
99	6 —	провиціальныхъ,	провинціальныхъ,
100	7 —	сторониниковъ,	сторонниковъ,
109	6 —	что бызаявить,	чтобы заявить,
112	9 снизу	упоминуть,	упомянуть,
113	6 —	къ которымь,	которымъ,
118	13 —	собственнаго,	собственно,
139	14 сверху	II—XIII,	XI—XIII,
148	2 —	имянныя,	именныя,
166	3 снизу	сосударственный говѣтъ,	государственный совѣтъ,
168	12 сверху	ечитается,	считается,

Стран.	*Строка.*	*Напечатана:*	*Слѣд. читать:*
170	2 снизу	организанію,	организацію,
174	16 сверху	паляту,	палату,
184	17 —	праводникомъ,	проводникомъ,
213	1 (прим.)	Bedermann,	Bidermann,
235	10 снизу	старшіе,	старшія,
—	1 (прим.)	Röhmen,	Böhmen,
240	14 снизу	публичнымя,	публичными,
245	1 —	независимо,	независимо,
256	9 сверху	проявлявшіеся,	проявлявшіяся
328	25—26 св.	выдающее,	выдающееся,
340	5 снизу	московскія,	московскіе,
346	2 —	юридидическія,	юридическія,
353	2 (прим.)	8,	6,
383	11 сверху	на населеніе,	надъ населеніемъ,
384	9 снизу	постоянныкъ,	постоянныхъ,
425	1 сверху	и матери,	при преставленіи матери Грознаго царскому дьяку, Елизару Цыплятеву,
463	7 —	родадѣлъ,	рода дѣлъ,
490	3 сн. (прим.)	нарь,	царь,
498	1 (прим.).	187,	178,
506	9 и 12 снизу	Волынскій,	неизвѣстное лице,
516	1 сверху	подобномъ,	подробномъ,
517	10 снизу	Сифьи,	Софьи,
526	3 —	коллегіальнымь,	коллегіальнымъ,
531	8 —	слухамъ,	слухахъ,
533	6 —	манистрамъ,	министрамъ,
533—534	1 снизу/сверху	помирало,	помирило,
537	6—7 свер.	домократической,	демократической,
542	6 —	канторъ,	конторъ,
546	4 сн. (пр.)	siece,	siecle,
548	10—11 свер.	продолжалась,	продолжались,
553	2 снизу	богатства,	бѣгства,
556	5—6 —	Великимъ,	Верховнымъ,
566	4 —	Хмѣльницкій,	Хмельницкій,
591	1 (прим.)	38 с.,	28 с.,
596	2 —	зависка,	записка,
599	6 снизу	отецъ,	дядя
602	12 сверху	увѣренносты,	увѣренности,
633	5 сверху	С. Р. Воронцова,	М. Р. Воронцова,
648	15 —	несогласіи,	несогласій,
656	5 —	воцареніе,	воцареніи,
659	10 —	А. П. Вестужевъ,	А. П. Бестужевъ,
663	1 (прим.)	En russischer,	Ein russischer,
676	3 —	дѣятельностн,	дѣятельности,
677	10 снизу	сенать,	сенатъ,

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣд. читать:*
684	2 (прим.)	правленія,	правленія,
691	11 снизу	совчта,	совѣта,
708	1 —	извѣтное,	извѣстное,
730	11 —	представляемые,	представляемыя,
734	11 сверху	которые,	которыя,
744	4—5 (прим)	важныя государственныя,	важные государственные,
746	14 сверху	учатвовать,	участвовать,
767	4 сн. (прим)	проовѣщеніе,	просвѣщеніе,
790	14 сверху	управленія,	управленія,
813	1 снизу	судебн й функціи,	судебной и администр. функціи
815	9 —	1810 г.	1810—1811 г.г.
828	18-19 св.(пр.)	„Введеніе къ уложенію гос. законовъ“ находится,	„Введеніе къ уложенію гос. законовъ“ и отрывки изъ плана находятся,
829	13 сверху	прояэводятъ,	производятъ,
833	8 снизу	разужденіяхъ,	разсужденіяхъ,
839	6 сверху	такія,	такіе,
868	4 —	имѣетъ,	имѣютъ,
874	4 —	государственпыхъ,	государственныхъ,
880	7 —	расходы,	издержки,
885	10 сверху	серетарей,	секретарей,
886	13 снизу	зиписки,	записки,
910	12 —	осталось,	осталась,
930	16 сверху	формами, которыя,	формами, придавать имъ важность, которую...
931	7 —	будучи,	которыя будутъ,
—	15 —	намъ,	всѣмъ,
940	22—23 свер.	цезаря,	Цезаря,
943	16 —	витенагемита,	витенагемота,
—	9 снизу	Іоннѣ,	Іоаннѣ,

